

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

Архієпископа Константинопольскаго.

Томъ II.

Издательство

П. П. Сойкина

Типографія

Спб. Стремянная, 12, собств. д.

Посланіе 1, къ монаху Евагрію, о Божествѣ.

Весьма дивлюсь ясности твоего ума и прихожу въ крайнее изумленіе отъ того, что, чрезъ точные вопросы свои, дѣлаешься ты виновникомъ такихъ умозрѣній и столь важныхъ изслѣдованій, когда приводишь меня въ необходимость говорить и трудиться надъ доказательствами тѣмъ, что предлагаешь мнѣ необходимые и полезные вопросы. Ибо, послѣ твоихъ вопросовъ, и мнѣ совершенно необходимо дать ясные на нихъ отвѣты. Такъ и теперь предложенный тобою вопросъ былъ слѣдующаго содержанія: какъ представить себѣ естество (иный правильнѣе назвалъ бы сіе сущностію, а не естествомъ) Отца и Сына и Святаго Духа? простымъ, или сложнымъ? Если оно просто: то какъ заключаетъ въ себѣ Три—число наименованныхъ выше? Что просто, то одновидно и нечисленно; а что подлежитъ счисленію, то необходимо разсѣкается, хотя бы и не было счисляемо; и разсѣкаемое подлежитъ страданію: ибо сѣченіе есть страданіе. Итакъ, если естество Всесовершеннаго просто; то напрасно нареченіе Именъ: а если нареченіе Именъ истинно, и должно вѣровать въ Имена; то не имѣеть уже мѣста одновидность и простота. Посему какое же естество Божіе?—спрашивалъ ты меня.

Слово истины представить на сіе объясненіе со всею тщательностію; оно не будетъ, по недостатку доказательствъ, неразумно замѣнять ихъ призракомъ безотчетной вѣры, не покусится нетвердость своего убѣжденія закрывать свидѣтельствами древнихъ басней: но точнымъ изслѣдованіемъ и прямыми заключеніями приведетъ въ ясность достовѣрность умозрѣнія. Да поступить же слово наше съ сего, и да скажетъ, какъ должно представлять себѣ Божество, простымъ ли чѣмъ, или тройственнымъ? Ибо такъ говорить и вѣровать принуждаетъ насъ тройственность именъ. И нѣкоторые, употребивъ во зло сіи имена, составили нетвердыя и совершенно неумѣстныя ученія, полагая, что съ произношеніемъ именъ вмѣстѣ и сущность терпитъ уже раздѣленіе. Но намъ, какъ и самъ

•

гы говоришь, должно оставить таковыхъ, нетвердо доказывающихъ приемлемое ими ученіе; устремимъ же умъ свой на правильное усвоеніе познанія. Итакъ, прежде опредѣлимъ, что такое есть Богъ; потомъ тщательно займемся доказательствами.

Сущность Божія, безъ сомнѣнія, проста и нераздѣльна, по самому естеству имѣя въ себѣ простоту и безтѣлесность. Но можетъ быть противорѣчить сему понятію о раздѣльности именъ, числомъ три уничтожая единичность Всесовершеннаго. Неужели же ради единичности необходимо намъ оставить исповѣданіе Отца и Сына и Святаго Духа? Никакъ. Ибо нареченіе именъ не повредитъ нераздѣльному единству Всесовершеннаго. Умопостижаемое, хотя и многоименно (у каждаго народа оно именуется весьма многими именами), однакоже выше всякаго наименованія; потому что для умосозерцаемаго и безплотнаго нѣтъ ни одного собственнаго имени. И какъ наименовать собственно то, что не подлежитъ нашимъ взорамъ, чего вовсе не можемъ уловить человѣческими чувствами? Но для точнѣйшаго уразумѣнія цѣлаго возьмемъ малѣйшую частицу умосозерцаемаго—душу. Душа называется именемъ женскаго рода, но не имѣетъ въ себѣ никакого женственнаго свойства, такъ какъ; по существу своему, она ни мужескій полъ, ни женскій. Подобнымъ образомъ и раждаемый душею *λόγος*; (слово) хотя имѣетъ имя мужескаго рода, однакоже и онъ, какъ извѣстно, состоитъ внѣ всякой, мужеской ли то или женской, тѣлесности. А если и послѣдній изъ умосозерцаемыхъ—душа и слово, не имѣютъ собственныхъ именъ: то какъ можно сказать, что собственными именами называются такіе предметы, которые въ ряду умосозерцаемыхъ суть первые и даже выше умосозерцаемаго? Но хотя употребленіе именъ полезно по необходимости, такъ какъ оно ведетъ насъ къ составленію понятія о предметахъ умосозерцаемыхъ; однако же нѣкоторые, думая, что вмѣстѣ съ наименованіями и самая сущность грубымъ образомъ дѣлится на части, представляютъ въ мысляхъ своихъ нѣчто во всѣхъ отношеніяхъ недостойное Божественнаго. Намъ же, цѣнителямъ истины, должно знать, что божественная и нераздѣльная сущность Всесовершеннаго не сложна и единична, но, для пользы нашего душевнаго спасенія, какъ сказали мы, дѣлится, повидимому, наименованіями, и допускаетъ необходимость дѣленія. Какъ душа, которая сама есть существо умосозерцаемое, порождаетъ множество безпредѣльныхъ мыслей, однакоже не дѣлится отъ того, что подлежитъ мышленію, и отъ предшествовавшихъ въ ней мыслей не истощается въ богатствѣ мыслей, но болѣе обогащается, нежели оскудѣваетъ; и какъ сіе

самое признаемое и общее всѣмъ слово не отдѣльно отъ души, его произносящей, но тѣмъ не менѣе бываетъ въ то же время и въ душахъ слушающихъ, такъ что и отъ первой не отлучается, и въ послѣднихъ находится, производить же болѣе единеніе, нежели раздѣленіе ихъ и нашихъ душъ: такъ и ты представляй Сына нисколько неотлучнымъ отъ Отца, и опять Духа Святаго неотлучнымъ отъ Сына, подобно какъ мысль въ умѣ.

Какъ между умомъ, мыслию и душею невозможно представить какого-либо дѣленія или сѣченія, такъ равно невозможно представлять никакого дѣленія или сѣченія между Святымъ Духомъ, и Спасителемъ, и Отцемъ: потому что, какъ сказали мы, естество умосозерцаемаго и Божественнаго нераздѣльно. Или еще: какъ невозможно найти дѣленія между кругомъ солнечнымъ и лучемъ по причинѣ неизмѣняемости, безтѣлесности, простоты и недѣлимости, напротивъ того лучъ соединенъ съ кругомъ и наоборотъ, кругъ, подобно роднику, потоками изливаетъ на все лучи, какъ бы наводняя насъ свѣтомъ и вдругъ погружая въ море красоты: такъ, подобно какимъ-то лучамъ, ниспосланы къ намъ отъ Отца свѣтоносный Иисусъ и Святой Духъ. Ибо какъ лучи свѣта, по природѣ своей имѣя между собою нераздѣльное соотношеніе, отъ свѣта не отлучаются, другъ отъ друга не отсѣкаются, и до насъ нисводятъ даръ свѣта: такимъ же образомъ и Спаситель нашъ и Святой Духъ—какъ сутубый лучъ Отца, и намъ преподають свѣтъ истины, и пребываютъ соединены со Отцемъ. И какимъ образомъ изъ воднаго источника, дающаго безъ оскудѣнія сладкую воду, иногда обильная и неудержимая струя, выходя въ началѣ изъ одного ключа единымъ токомъ, въ теченіи сѣчется на два ручья и, если смотрѣть на образовавшіеся ручьи, имѣетъ двойное теченіе, въ самой же сущности отъ такого дѣленія ничего не терпитъ, потому что токъ, хотя раздѣляется положеніемъ ручьевъ, однакоже сохраняетъ одно и то же качество влаги, и каждый изъ означенныхъ ручьевъ, хотя представляется теряющимся вдали и далеко отстоящимъ отъ источника, но, по непрерывности теченія въ источникѣ, относительно къ началу, соединенъ съ источникомъ, его порождающимъ: подобнымъ образомъ и Богъ всѣхъ благъ, Строитель истины, Отецъ Спасителя, первая вина жизни, стебель безсмертія, источникъ присносущной жизни, ниспослалъ намъ сутубый, умосозерцаемый даръ—Сына и Святаго Духа, но Самъ и по Своей сущности, не потерпѣлъ отъ сего никакого ущерба (ибо не подвергся какому-либо умаленію вслѣдствіе пришествія Ихъ къ намъ). Они, свиспедши къ намъ, тѣмъ не менѣе пребываютъ неотлучными отъ

Отца. Ибо, какъ сказали мы въ началѣ, естество Всесовершенныхъ нераздѣльно.

Весьма многое, достопочтеннѣйшій, и гораздо больше, чѣмъ сказано, можно было бы найдти къ ясному изложенію самаго необходимаго вопроса объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, какъ именно надлежитъ понимать оный: но поелику для тебя и для подобныхъ тебѣ нетрудно и изъ немногаго познать многое, то по сей причинѣ призналъ я справедливымъ здѣсь прекратить слово о семъ членѣ ученія.

Посланіе 2, къ Нектарію, епископу Константинопольскому.

Повидимому, настоящая жизнь наша во всемъ оставлена безъ Божія попеченія, которое охраняло Церкви во времена, намъ предшествовавшія. И у меня до того упалъ духъ отъ бѣдствія, что я не считаю несчастіями собственныхъ скорбей въ жизни своей, хотя онѣ весьма тяжки и многочисленны и, приключившись кому иному, показались бы неудобовыносимыми, но смотрю на одни общія страданія Церквей, объ уврачеваніи которыхъ если не заботиться въ настоящее время, то дѣло дойдетъ постепенно до совершенной безнадёжности. Еретики Аріане и Евдоксіане, не знаю кѣмъ подвигнутые къ безумію, какъ будто получивъ на то свободу, выставляютъ напоказъ свой недугъ, собирая Церкви, какъ будто дѣлаютъ сіе по праву. А спорливые послѣдователи Македонія дошли до такого безумія, что, присвоивъ себѣ имя епископовъ, появляются въ нашихъ мѣстахъ, называя рукоположителемъ своимъ Елевсіа. Домашнее же наше зло—Евномій не довольствуется чѣмъ-нибудь обыкновеннымъ, но считаетъ для себя потерю, если не всѣхъ увлекъ съ собою въ погибель. Но это еще сносно; всего же тягостнѣе въ церковныхъ бѣдствіяхъ дерзость Аполлинаристовъ, которымъ, не знаю какъ, твоя святость попустила присвоить себѣ наравнѣ съ нами власть имѣть свои собранія. Безъ сомнѣнія ты, по Божіей благодати, весьма свѣдущъ въ божественныхъ таинствахъ, не только можешь защитить правое ученіе, но знаешь и то, что выдуманно еретиками противъ здоровой вѣры,—впрочемъ и отъ нашего можетъ быть смиренія не безвременно будетъ твоей пречестности услышать, что въ рукахъ у меня есть Аполлинаріево сочиненіе, въ которомъ излагаемое превосходитъ всякое еретическое ученіе. Ибо въ немъ утверждается, что плоть, принятая Единороднымъ Сыномъ Божиимъ въ дѣлѣ домостроительства для обновленія естества нашего, не въ послѣдствіи приобщена, но отъ начала было въ Сынѣ сіе

тѣлесное естество, и въ доказательство таковой нелѣпости, худо воспользовавшись однимъ изреченіемъ Евангельскимъ, Аполлинарій приводитъ: *никто же взыде на небо, токмо сшедый съ небесе Сынъ человѣческой* (Іоан. 3, 13),—какъ будто Онъ былъ уже Сыномъ человѣческимъ еще до снисшествія на землю, и снисшелъ, принеся съ Собою собственную плоть, ту, которую имѣлъ на небѣ, предвѣчную и принадлежащую къ сущности. Приводитъ еще и Апостольское одно изреченіе, оторвавъ оное отъ цѣлаго состава рѣчи: *второйъ человекъ съ небесе* (1 Кор. 15, 47). Потомъ доказываетъ, что сей приходящій свыше человекъ не имѣетъ ума, и Божество Единороднаго, восполняющее въ Немъ мѣсто ума, составляетъ часть человѣческаго состава и именно третію; потому что въ Немъ есть душа и тѣло по человѣчеству, а ума нѣтъ, но мѣсто ума восполняетъ Божіе Слово. И это еще не самое худшее; напротивъ того, всего нестершимѣе, что, по рассужденію Аполлинарія, самъ Единородный Богъ, Судія всѣхъ, Начальникъ жизни и Истребитель смерти, смертенъ, пріялъ страданіе собственнымъ Божествомъ Своимъ, и во время тридневнаго умерщвленія плоти, соумерщвлялось и Божество, и такимъ образомъ воскрешено опять отъ смерти Отцемъ. Долго было бы пересказывать все прочее, что еще присо-вокупляетъ онъ къ таковымъ нелѣпостямъ. Посему, если такъ умствующіе имѣютъ право имѣть свои собранія, да разсудить твоя испытанная во Христѣ мудрость, что, когда мы несогласны съ ними въ образѣ мыслей, дать имъ право имѣть свои собранія значитъ не иное что, какъ признать, что ученіе ихъ истиннѣе нашего. Ибо, если дозволяется имъ, какъ благочестивымъ, учить сообразно съ ихъ образомъ мыслей и свободно проповѣдывать содержимое ими ученіе, то не явно ли симъ осуждается ученіе Церкви, какъ будто истина на ихъ сторонѣ? Ибо не естественно быть истинными двумъ противнымъ ученіямъ объ одномъ и томъ же. Какъ же твой великодаровитый и высокій умъ потерпѣлъ, чтобы не воспользоваться обычною свободою къ уврачеванію такого зла? Но если прежде не было сдѣлано сего, по крайней мѣрѣ теперь да возстанетъ твое не укориженное въ добродѣтели совершенство и внушитъ благочестивѣйшему Царю, что не будетъ никакой пользы отъ всей заботливости его о Церквахъ, если такое зло, стремящееся къ ниспроверженію здравой вѣры, усилится по причинѣ данной имъ свободы.

Посланіе 3, къ пресвитеру Кледонію, противъ Аполлинарія— первое.

Честнѣйшему, боголюбивѣйшему брату и сопресвитеру Кледонію Григорій желаетъ о Господѣ радоваться.

Хочу знать, что это за нововведеніе въ Церкви, по которому, всякому хотящему и, по Писанію, *мимоходящему* (Пс. 79, 13), позволительно паству, хорошо обученную, расторгать и расхищать, производя на нее нашествія украдкою, лучше же сказать, внушая ей разбойническія и странныя ученія. Если бы тѣ, которые наступаютъ на насъ нынѣ, и могли осудить насъ за что-нибудь касательно Вѣры; то имъ не надлежало отваживаться на такія дѣла, не вразумивъ насъ предварительно. Прежде надобно было или убѣдить, или захотѣть убѣдиться, если только и мы что-нибудь значимъ, какъ люди богобоязненные, потрудившіеся ради слова и сдѣлавшіе нѣчто полезное для Церкви; тогда, если бы и новое было введено, имѣли бы можетъ быть въ себѣ какое-нибудь извиненіе оскорбители. Но когда вѣра наша проповѣдана письменно и не письменно, здѣсь и въ отдаленныхъ странахъ, съ опасностями и безъ опасностей; какъ одни рѣшаются на такое дѣло, а другіе молчатъ? И не то еще тяжело (хотя и сіе не легко), что они лжеученіе свое, съ помощію людей злонамѣренныхъ, вливаютъ въ умы простодушныхъ, но то, что и на насъ клеветуютъ, называя единомысленными и согласными съ ними, надѣваютъ приманку на уду, и чрезъ этотъ обманъ злобно выполняютъ свою волю, и нашу простоту, по которой мы смотрѣли на нихъ, какъ на братій, а не какъ на чужихъ, обращаютъ въ пособіе своей злобѣ. И не довольно сего; но, какъ слышу, говорятъ, что они приняты Западнымъ Соборомъ, который прежде, какъ всякому извѣстно, осудилъ ихъ. Но если послѣдователи Аполлинаріевы или нынѣ приняты, или прежде были приемлемы; то пусть докажутъ сіе, и мы успокоимся. Тогда явно будетъ, что они согласны съ правымъ ученіемъ; иначе не возможно было бы имъ сего и достигнуть. Докажутъ же, безъ сомнѣнія, или соборнымъ свиткомъ, или общительными посланіями; ибо таковъ законъ Соборовъ. Если же это одни слова и вымыселъ, изобрѣтенный ими для благовидности и для того, чтобы приобрести вѣроятіе у народа достовѣрностію лицъ, то научи ихъ молчать, и обличи. Сіе почитаемо приличнымъ и образу жизни и православію твоему.

Да не обольщаютъ они другихъ, и сами да не обольщаются, приемя, что человекъ Господень, какъ они говорятъ, лучше же

сказать, Господь нашъ и Богъ, не имѣеть ума ¹⁾). Мы не отдѣляемъ въ Немъ человѣка отъ Божества, но учимъ, что одинъ и тотъ же— прежде не человѣкъ, но Богъ и Сынъ Единородный, предвѣчный, не имѣющій ни тѣла, ни чего-либо тѣлеснаго, а наконецъ и человѣкъ, воспріятый для нашего спасенія, подлежащій страданію по плоти, безстрастный по Божеству, ограниченный по тѣлу, не ограниченный по духу; одинъ и тотъ же—земный и небесный, видимый и умопредставляемый вмѣстимый и невмѣстимый, чтобы всецѣлымъ человѣкомъ и Богомъ воссозданъ былъ всецѣльный человѣкъ падшій подъ грѣхъ. Если кто не признаетъ Марію Богородицею; то онъ отлученъ отъ Божества. Если кто говоритъ, что Христосъ, какъ чрезъ трубу, прошелъ чрезъ Дѣву, а не образовался въ ней Божески вмѣстѣ и человѣчески,—Божески, какъ родившійся безъ мужа, человѣчески, какъ родившійся по закону чревоношенія; то и онъ также безбоженъ. Если кто говоритъ, что въ Дѣвѣ образовался человѣкъ, потомъ уступилъ мѣсто Богу; то онъ осужденъ: ибо это значитъ не рожденіе Бога признавать, но избѣгать рожденія. Если кто вводитъ двухъ сыновъ—одного отъ Бога и Отца, а другого отъ Матери, а не одного и того же; то да лишится онъ всыновленія, обѣщаннаго право вѣрующимъ. Ибо хотя два естества—Богъ и человѣкъ (какъ въ человѣкѣ душа и тѣло), но не два сына, не два Бога (какъ и здѣсь не два человѣка, хотя Павелъ (2 Кор. 4, 16) наименовалъ человѣкомъ и внѣшнее и внутреннее въ человѣкѣ). Кратко сказать: въ Спасителѣ есть иное и иное: потому что не тождественны невидимое съ видимымъ и довременное съ тѣмъ, что подъ временемъ; но не имѣеть въ Немъ мѣста иный и иный Сего да не будетъ! Ибо то и другое въ сраствореніи—и Богъ во-человѣчился, и человѣкъ обожился, или какъ ни наименовалъ бы кто сіе. Когда же говорю: иное и иное, разумѣю сіе иначе, нежели какъ должно разумѣть о Троицѣ. Тамъ Иный и Иный, чтобы не слить *Упостасей*, а не иное и иное: ибо Три *Упостаси* по Божеству суть едино и тождественны. Если кто говоритъ, что во Христѣ Божество, какъ въ пророкѣ, благодатно дѣйствовало, а не существенно было сопряжено и сопрягается: то онъ да не будетъ имѣть въ себѣ лучшаго вдохновенія, а напротивъ того да исполнится противнаго! Если кто не покланяется Распятому; то онъ да будетъ анаеема, и да причтется къ богоубійцамъ. Если кто говоритъ, что Христосъ сталъ совершенъ чрезъ дѣла, и что Онъ, или по крещеніи, или по воскресеніи изъ мертвыхъ, удостоенъ всы-

¹⁾ То-есть ума человѣческаго.

новленія (подобно какъ язычники допускаютъ боговъ сопритчен-ныхъ); да будетъ анаѳема: ибо то не Богъ, что получило начало, или преуспѣваетъ, или усовершенствуется, хотя и приписывается сіе Христу (Лук. 2, 52), относительно къ постепенному проявленію. Если кто говоритъ, что теперь отложена Имъ плоть, и Божество пребываетъ обнаженнымъ отъ тѣла, а не признаетъ, что съ воспріятымъ человѣчествомъ и теперь пребываетъ Онъ, и придетъ; то да не узритъ таковой славы Его пришествія! Ибо гдѣ теперь тѣло, если не съ Воспріявшимъ оное? Оно не въ солнцѣ, какъ пустословятъ Манихеи, положено, чтобы прославиться безславіемъ; оно не разлилось и не разложилось въ воздухъ, какъ естество голоса и изліяніе запаха и полетъ неостанавливающейся молніи. Иначе какъ объяснить то, что Онъ былъ осязаемъ по воскресеніи (Іоан. 20, 27), и нѣкогда явится тѣмъ, которые Его прободали (Іоан. 19, 37)? Божество само по Себѣ невидимо. Но, какъ думаю, Христосъ придетъ, хотя съ тѣломъ, впрочемъ, такимъ, какимъ явился, или показался, ученикамъ на горѣ, когда Божество прелобѣдило плоть.

Но какъ сіе говоримъ въ отклоненіе подозрѣнія, такъ и слѣдующее пишемъ въ исправленіе нововведенія. Если кто говоритъ, что плоть сошла съ неба, а не отъ земли и не отъ насъ; да будетъ онъ анаѳема. Ибо слова Писанія: *второй человекъ съ небесе, и: яковъ небесный, тацы же и небесни* (1 Кор. 15, 47 48), и: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе, Сынъ человеческій* (Іоан. 3, 13), и тому подобныя; должно разумѣть сказанными по причинѣ соединенія съ небеснымъ; такъ же какъ и сказанное, что *все* стало Христомъ (1 Кор. 8, 6), и что Христосъ вселяется въ сердца наши (Еф. 3, 17), относится не къ видимому, но къ умосозерцаемому въ Богѣ; потому что срастворяются какъ естества, такъ и наименованія, и переходятъ одно въ другое по закону тѣснѣйшаго соединенія. Если кто понадѣялся на человѣка не имѣющаго ума: то онъ дѣйствительно не имѣетъ ума, и не достоинъ быть всецѣло спасенъ; ибо невоспріятое не уврачевано; но что соединилось съ Богомъ, то и спасается. Если Адамъ палъ одною половиною; то воспріята и спасена одна половина. А если палъ всецѣлымъ; то со всецѣлымъ Рождемъ соединился и всецѣло спасается. Посему да не завидуютъ намъ во всесовершенномъ спасеніи, и да не приписываютъ Спасителю однихъ только костей, жилъ и облика человѣческаго. Если онъ человѣкъ не имѣющій души; то сіе говорятъ и Аріане, чтобы приписать страданіе Божеству; такъ какъ что приводило въ движеніе тѣло, то и страдало. Если же Онъ человѣкъ, имѣющій душу, то, не имѣя ума, какъ могъ быть человѣкомъ?—Человѣкъ не есть

животное неразумное. И необходимость потребуетъ допустить, при образѣ и покровѣ человѣческомъ, душу какого-нибудь коня, или вола, или другого животнаго неразумнаго. А таково будетъ и спасаемое. Итакъ, я обмануть самую Истиною, и превозношусь, когда почтенъ другой. Если же Онъ человѣкъ разумный, а не лишенный ума; то да умолкнуть безумствующіе.

Но говорятъ: „вмѣсто ума достаточно Божества“. Что же мнѣ до этого?—Божество съ одною плотію еще не человѣкъ, а также и съ одною душою, или съ плотію и душою, но безъ ума, который преимущественно отличаетъ человѣка. Итакъ, чтобы оказать мнѣ совершенное благодѣяніе, соблюди цѣлаго человѣка, и присоеди́ни Божество.

Но говоришь: „Онъ не совмѣщаль въ Себѣ двухъ совершенныхъ“. Не совмѣщаль, если представляешь сіе тѣлообразно. Судь величиною въ одинъ медимнъ не вмѣститъ двухъ медимновъ; гакже мѣсто, занимаемое однимъ тѣломъ, не вмѣститъ двухъ или болѣе тѣлъ. Если же представляешь сіе, какъ мысленное и безтѣлѣсное; то смотри: и я вмѣщаю въ себѣ душу, и слово, и умъ, и Духа Святаго; и еще прежде меня міръ сей, то-есть сія совокупность видимаго и невидимаго, вмѣщаль въ себѣ Отца и Сына и Святаго Духа. Такова природа всею умопредставляемаго, что оно не тѣлообразно и нераздѣлимо соединяется и съ подобнымъ себѣ и съ тѣлами. И многіе звуки вмѣщаются въ одномъ слухѣ, и зрѣніе многихъ помѣщается на однихъ и тѣхъ же видимыхъ предметахъ, а обоняніе—на тѣхъ же обоняемыхъ; но чувства не стѣсняются, или не вытѣсняются одно другимъ, и ощущаемые предметы не умаляются отъ множества ощущающихъ. Притомъ, какъ умъ человѣка или Ангела можно назвать совершеннымъ въ сравненіи съ Божествомъ, такъ чтобы присутствіемъ большаго вытѣснялось другое? Нельзя назвать совершеннымъ какое-нибудь освѣщеніе въ сравненіи съ солнцемъ, и небольшую влагу—въ сравненіи съ рѣкою. Возьмемъ для примѣра что-нибудь маловажное, — освѣщеніе дома и влагу земную, чтобы такимъ образомъ совмѣстились предметы большіе и совершеннѣйшіе. Ибо какъ совмѣстятъ въ себѣ двѣ совершенныя вещи, домъ — освѣщеніе и солнце, а земля—влагу и рѣку? Разсмотримъ сіе; потому что предметъ сей дѣйствительно достоинъ великаго вниманія. Развѣ не знаютъ, что совершенное относительно къ одному можетъ быть несовершеннымъ относительно къ другому, какъ напримѣръ несовершенны холмъ относительно къ горѣ, зерно горчичное относительно къ бобу или къ другому какому изъ большихъ сѣмянъ, хотя само оно и называется

большимъ въ сравненіи съ сѣменами однородными; или, если угодно, Ангелъ относительно къ Богу, и человѣкъ къ Ангелу? Посему нашъ умъ есть нѣчто совершенное и владычественное, но только относительно къ душѣ и тѣлу, а не просто совершенное; относительно же къ Богу онъ есть нѣчто рабское и подчиненное, а не равновладычественное и не равночестное. И Моисей—*богъ Фараону, и рабъ Божій*, какъ написано (Исх. 7, 1. Числ. 12, 7). И звѣзды свѣтятъ ночь, но при солнцѣ скрываются, такъ что днемъ нельзя ихъ и замѣтить. И небольшой свѣтильникъ, поднесенный къ большому горящему костру, не исчезаетъ, и невидимъ, и неразлучимъ но все представляется однимъ костромъ; потому что препобѣждаетъ превосмогающее.

Но ты говоришь: „умъ нашъ осужденъ“. — Что же плоть? развѣ не осуждена? Или отринь и плоть—по причинѣ грѣха, или допусти и умъ—ради спасенія. Если воспринято худшее, чтобы оно освятилось воплощеніемъ; почему не быть воспринятымъ лучшему, чтобы оно освятилось вочеловѣченіемъ? Если брение приняло въ себя закваску и содѣлалось новымъ смѣшеніемъ; то какъ же, о мудрые, не принять въ себя закваску образу и не сраствориться съ Богомъ, обожившись чрезъ Божество? Присовокупимъ и слѣдующее. Если умъ, какъ грѣховный и осужденный, совершенно презрѣнъ, и потому воспринято тѣло, а умъ оставленъ; то извинительны погрѣшающіе умомъ. Ибо, по словамъ твоимъ, Божіе свидѣтельство ясно показало невозможность уврачевать его. Скажу еще болѣе: ты, превосходнѣйшій, какъ кланяющійся плоти, тогда какъ я кланяюсь человѣку, безчестишь мой умъ для того, чтобы съ плотію связать Бога, какъ будто бы ни съ чѣмъ инымъ не связуемаго, и для сего отъемлешь средостѣніе. А какъ рассуждаю я—человѣкъ нелюбомудрый и неученый?—Умъ соединяется съ умомъ, какъ съ ближайшимъ и болѣе сроднымъ, а потомъ уже съ плотію, при посредствѣ ума между Божествомъ и дебелостію.

Какую же у нихъ видимъ причину вочеловѣченія, или (какъ они говорятъ) воплощенія? Если ту, чтобы вмѣстился Богъ иначе невмѣстимый, и во плоти, какъ бы подъ завѣсою, бесѣдовалъ съ людьми; то это будетъ у нихъ одна нарядная личина и зрѣлищное лицедѣйство. Не говорю уже о томъ, что можно было иначе бесѣдовать съ нами, какъ прежде въ купинѣ огненной и въ человѣческомъ образѣ. Если же ту, чтобы разрушить осужденіе грѣха, осѣятивъ подобное подобнымъ; то нужны были Ему какъ плоть ради осужденной плоти, и душа ради души, такъ и умъ ради ума, который въ Адамѣ не только палъ, но, какъ говорятъ врачи о бо-

лѣзнякъ, первый былъ пораженъ. Ибо что приняло заповѣдь, то и не соблюло заповѣди; и что не соблюло, то отважилось и на преступленіе; и что преступило, то наиболѣе имѣло нужду въ спасеніи; а что имѣло нужду въ спасеніи, то и воспринято. Слѣдовательно, воспринять умъ. Итакъ, сіе, противъ ихъ воли, доказано теперь съ геометрическою, какъ говорятъ они, необходимостію и строгими доводами. А ты поступаешь подобно тому, какъ если бы у человѣка, который повредилъ себѣ глазъ и потомъ повредилъ еще ногу, вылечилъ ты ногу, и глазъ оставилъ невылеченнымъ; или если бы когда живописецъ написалъ что-нибудь худо, написанное замѣнилъ ты другимъ, а живописца не тронулъ, какъ сдѣлавшаго свое дѣло. Если же вынужденные сими умозаключеніями прибѣгаютъ они къ той мысли, что Богу, и не воспринявъ ума, можно было спасти человѣка; то скажемъ: конечно, Ему можно было спасти человѣка, и не воспринявъ плоти, единымъ хотѣніемъ; такъ какъ и все прочее Онъ производитъ безъ тѣла. Посему вмѣстѣ съ умомъ отъими и плоть, чтобы тебѣ въ своемъ безуміи дойти до совершенства.

Но они вводятся въ обманъ Писаніемъ, и потому прибѣгаютъ къ плоти, не зная образа выраженія обычнаго Писанію. Вразумимъ ихъ и въ этомъ. Что Христосъ въ Писаніи вездѣ называется человѣкомъ и Сыномъ человѣческимъ, нужно ли говорить о семъ людямъ знающимъ? Если же они опираются на словахъ: *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), и на семъ основаніи обрѣзываютъ у человѣка лучшую его часть, какъ сапожники толстыя мѣста у кожъ, чтобы только слѣпить Бога съ плотію; то слѣдовало бы имъ сказать, что Богъ есть Богъ однихъ тѣлъ, а не душъ, на основаніи сказаннаго въ Писаніи: *якоже далъ еси Ему власть всякія плоти* (Іоан. 17, 2); и: *къ Тебѣ всяка плоть придетъ* (Пс. 64, 3); и *да благословитъ всяка плоть*, то есть всякій человѣкъ, *имя святое Его* (Пс. 144, 21); или опять надлежало бы имъ сказать, что отцы наши пришли въ Египетъ безплотными и невидимыми,—и что одна только душа Іосифова заключена была въ узы Фараономъ, также на основаніи написаннаго: *въ седмидесятыхъ и пяти душахъ снидоша во Египетъ* (Второз. 10, 22), и: *желѣзо пройде душа его* (Пс. 104, 18),—такая вещь, которая не можетъ быть связана. Тѣ, которые утверждаютъ сіе, не знаютъ, что подобныя наименованія берутся совмѣстительно, такъ что подѣ частью разумѣется цѣлое. Такъ, сказано, что *птєнцы вранови* призываютъ Бога (Пс. 146, 9), въ означеніе цѣлаго рода пернатыхъ; упоминаются *Плеяды и Есперь, и Арктуръ* (Іов. 9, 9), въ

означеніе всѣхъ звѣздъ и Божія о нихъ промышленія. Притомъ не иначе могла быть выражена любовь Божія къ намъ, какъ чрезъ упоминаніе о плоти; потому что Онъ ради насъ нисшелъ и до худшаго. Ибо всякій здравомыслящій сознается, что плоть маловажнѣе души. Посему изреченіе: *Слово плоть бысть*, какъ мнѣ кажется, равносильно сказанному, что Онъ сдѣлался грѣхомъ (2 Кор. 5, 21) и *клятвою* (Гал. 3, 13), не потому, что Господь въ сіе претворился (какъ сіе возможно?), не потому, что чрезъ воспріятіе сего воспріялъ наши беззаконія и понесъ болѣзни. Итакъ, сего достаточно въ настоящемъ случаѣ, по причинѣ ясности и удобопонятности для многихъ. Ибо пишемъ сіе съ намѣреніемъ не книгу сочинить, но остановить обольщеніе. Болѣе же совершенное и странное слово о семъ, если угодно, предложимъ послѣ.

Нѣтъ, впрочемъ, нужды оставлять безъ вниманія то, что важнѣе сказаннаго доселѣ. О если бы отсѣчены были отъ насъ тѣ, которые возмущаютъ васъ и вводятъ новое іудейство, новое обрѣзаніе и новыя жертвы! Если это такъ; что препятствуетъ для отверженія ихъ снова родиться Христу, снова быть предану Іудею, и распяту, и погребену, и воскреснуть, чтобы исполнилось все въ прежнемъ порядкѣ, согласно съ принятымъ у Эллиновъ круговращеніемъ, по которому то же движеніе звѣздъ ведетъ за собою тѣ же событія. Какое это дополненіе, по которому иное изъ совершившагося тогда имѣетъ еще мѣсто, а иное оставлено, пусть объяснятъ сіи мудрецы, хвалящіеся множествомъ книгъ. Поелику же, надмеваясь книгою своею о Троицѣ, они клеветуютъ на насъ, будто бы Вѣра наша не здравая, и многихъ обольщаютъ; то необходимо нужно знать, что Аполлинарій, хотя присвоилъ Святому Духу именованіе Божества, однако же не сохранилъ у Него силы Божества. Ибо составлятъ Троицу изъ великаго, большаго и величайшаго, какъ бы изъ сіянія, луча и солнца (то есть изъ Духа, Сына и Отца), что ясно написано въ его книгахъ, есть такая лѣствица Божества, которая не на небо ведетъ, но низводитъ съ неба. Но мы знаемъ Бога Отца и Сына и Святаго Духа; и это не голыя именованія, которыми различается неравенство достоинствъ и силъ, но единое и то же какъ наименованіе, такъ и естество Божества, единая сущность и сила. Если же кто полагаетъ, что говоримъ сіе правильно, а между тѣмъ обвиняетъ насъ въ общеніи съ еретиками; то пусть это будетъ доказано кѣмъ-нибудь изъ нашихъ: тогда или оправдаемся, или отступимъ отъ общенія. А прежде суда небезопасно вводить новое какъ въ другомъ чемъ, такъ въ дѣлѣ столь важномъ и касающемся такихъ предметовъ.

Сіе мы уже засвидѣтельствовали и предъ Богомъ и предъ людьми, и теперь готовы засвидѣтельствовать. И будь увѣръ, не писали бы сего нынѣ, если бы не видѣли, что Церковь раздрается и разсѣкается какъ иными чудовищными лжеученіями, такъ и нынѣшнимъ сонмищемъ суетности. Если же кто-нибудь, когда говоримъ и свидѣтельствуемъ сіе, или изъ какихъ-нибудь выгодъ, или по страху человѣческому, или по неумѣстному малодушію, или по неимѣнію Пастыря и руководителя, или по привязанности къ странностямъ и по готовности къ нововведеніямъ, презираетъ насъ, какъ недостойныхъ вниманія, обращается же къ подобнымъ людямъ и раздраетъ прекрасное тѣло Церкви; то, кто бы онъ ни былъ, понесетъ на себѣ осужденіе и дастъ отвѣтъ Богу въ день суда. Если же обширныя книги, новые псалтири, противорѣчащія Давиду, и пріятныя стихи почитаются третьимъ завѣтомъ; то и мы станемъ псалмопѣвствовать, писать много и слагать стихи: *мню бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. 7, 40), если только это благодать Духа, а не человѣческое нововведеніе. Я хочу, чтобы ты засвидѣтельствовалъ сіе предъ многими, дабы не пало на насъ, что оставлено нами безъ вниманія такое зло, и по нашему нерадѣнію лукавое ученіе распространяется и усиливается.

Посланіе 4, къ Кледонію противъ Аполлинарія—второе.

Поелику многіе, приходя къ твоему благочестію, требуютъ утвержденія въ Вѣрѣ, а потому ты съ любовію просилъ у меня краткаго опредѣленія и правила излагающаго образъ моихъ мыслей; то писалъ я твоему благочестію, что я (о чемъ ты зналъ и прежде моего писанія) никогда ничего не предпочиталъ и не могу предпочитать Никейской Вѣрѣ, изложенной святыми Отцами, собравшимися въ Никеи для изложенія Аріанской ереси, но при помощи Божіей держусь и буду держаться сея Вѣры, проясняя только не полно сказанное въ ней о Святомъ Духѣ; потому что не возникалъ еще тогда вопросъ о томъ, что въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ должно признавать единое Божество, Духа исповѣдуя Богомъ. Посему кто такъ думаетъ и учитъ, съ тѣмъ и ты, подобно мнѣ, имѣй общеніе, а держащихся иного ученія отвращайся и почитай чуждыми Богу и вселенской Церкви. Поелику же предлагается вопросъ и о Божіемъ вочеловѣченіи или воплощеніи: то увѣрай всякаго о мнѣ, что Сына Божія, рожденнаго отъ Отца, и потомъ отъ Святыя Дѣвы Маріи, своєю во единое, и не именуя двумя сынами, но поклоняюсь единому и тому же въ нераздѣль-

номъ Божествѣ и въ нераздѣльной чести. Если же кто или теперь несогласенъ, или послѣ не будетъ согласоваться съ симъ; то онъ дастъ передъ Богомъ отвѣтъ въ день суда. Таково въ краткихъ словахъ и такой силы мое возраженіе и противоположеніе на безумное ихъ мнѣніе касательно ума: ибо почти одни они, чему учать, то на самомъ дѣлѣ претерпѣваютъ, по безумію отсѣкая умъ.

А чтобы не обвиняли меня въ томъ, что прежде принималъ, а теперь отвергаю вѣру возлюбленнаго Виталія, которую онъ изложилъ письменно, по требованію блаженнаго Дамаса, Епископа Римскаго; то и о семъ объяснюсь кратко. Они, когда богословствуютъ при искреннихъ своихъ ученикахъ и посвященныхъ въ ихъ тайны, подобно какъ Манихеи при своихъ такъ называемыхъ избранныхъ, тогда, обнаруживая предъ ними весь свой недугъ, едва присвоятъ Спасителю и тѣло. Но когда общими понятіями о вочеловѣченіи, какія представляетъ Писаніе, бывають обличены и приведены въ затрудненіе: тогда исповѣдуютъ благочестивыя рѣченія, но касательно ума прибѣгаютъ къ хитрости; не говорятъ, что Христосъ есть человѣкъ, не имѣющій души, слова ¹⁾ и ума, и несовершенный; но вмѣсто души, слова и ума вводятъ самое Божество, будто бы соединено было съ плотію Оно одно, а не что-либо наше и человѣческое, хотя безгрѣшное выше нашего естества и есть очищеніе нашихъ немощей. Такимъ образомъ и сіи слова: *мы же умъ Христовъ имамы* (1 Кор. 2, 16), толкуютъ они худо и весьма нелѣпо, подъ умомъ Христовымъ разумѣя Божество, а не какъ мы понимаемъ, что имѣющими умъ Христовъ называются очистившіе свой умъ чрезъ подражаніе тому уму, какой ради насъ воспринять Спасителемъ, и по возможности сообразующіеся съ симъ умомъ; равно какъ можно было бы сказать, что имѣють плоть Христову тѣ, которые обучили плоть свою, и въ этомъ отношеніи стали *стѣлесниками и спричастниками* (Еф. 3, 6) Христовыми. И *якоже облекохомся во образъ перстнаго*, такъ сказано, *да облечемся и во образъ небеснаго* (1 Кор. 15, 49). Равнымъ образомъ они учать, что совершенный человѣкъ есть не человѣкъ искусенный по всяческимъ, что только сродно намъ, развѣ грѣха

¹⁾ Слово (λογος), у Св. Богослова, вѣроятно, имѣеть то же значеніе, какое приписываетъ оному Св. Дамаскинъ въ Изложеніи православной Вѣры (книг. 2. гл. 27.), гдѣ говорится: „Въ разумномъ существѣ одна способность созерцательная, а другая дѣятельная. Созерцательная постигаетъ, какова вещь; а дѣятельная разсматриваетъ, и опредѣляетъ надлежащую цѣну того, что должно дѣлать. Созерцательная способность называется *воо*; (умъ), а дѣятельная *логос* (слово)“.

(Евр. 4, 15), но соединеніе Божества и плоти: это, говорят они, совершенно. Ухищряются они также въ объясненіи слова: *вочеловѣченіе*. *Вочеловѣчился*, толкуютъ они, не значить: былъ въ человѣкѣ, котораго тѣснѣйшимъ образомъ соединилъ съ Собою, по сказанному: *Самъ бо въдыше, что бѣ въ челоуѣцѣ* (Іоан. 2, 25), но значить, говорятъ и учать они, что Онъ бесѣдовалъ и жилъ вмѣстѣ съ человѣками; и въ подтвержденіе сего прибѣгаютъ къ изреченію: *по семъ на земли явился, и съ челоуѣки поживе* (Варух. 3, 38). Къ чему еще спорить съ ними? Отвергая человѣка и внутренній образъ, чрезъ вводимую ими новую и только видимую личину, они очищаютъ одно внѣшнее наше, да того противорѣча самимъ себѣ, что ради плоти иногда и другое объясняютъ грубо и плотски (отсюда произошли у нихъ новое іудейство, тысящелѣтнее ни на чемъ неоснованное наслажденіе въ раю, и мнѣніе—что мы опять воспримемъ почти то же и для того же употребленія, что имѣемъ теперь), а иногда вводятъ болѣе призракъ плоти, нежели дѣйствительную плоть, вводятъ такую плоть, которая не испытываетъ ничего свойственнаго намъ, даже и того, что свободно отъ грѣха; и въ подтвержденіе сего берутъ Апостольское слово, только не Апостольски понимаемое и изрекаемое, а именно, что Спаситель нашъ *въ подобіи челоуѣчествѣмъ былъ, и образомъ обрѣтесе якоже челоуѣкъ* (Фил. 2, 7), какъ будто сими словами означается не челоуѣчeskій образъ, но какое-то обманчивое представленіе и призракъ. Итакъ, поелику тѣ же слова, если понимать ихъ хорошо, согласны съ благочестіемъ, и если толковать худо, заключаютъ въ себѣ злочестіе; что удивительнаго, если и Виталиево писаніе я, убѣждаемый въ томъ собственнымъ желаніемъ, принималъ въ благочестивомъ смыслѣ, а другіе оскорбляются смысломъ написаннаго? Мнѣ кажется, что и самъ Дамасъ, разсмотрѣвъ дѣло вновь и вмѣстѣ услышавъ, что они остаются при прежнихъ толкованіяхъ, отлучилъ ихъ отъ Церкви, и письменное изложеніе вѣры ихъ изгладилъ съ произнесеніемъ анаемы, огорчившись на нихъ за самый обманъ, какому подпалъ по простотѣ.

Посему, будучи такъ ясно обличены, пусть не гнѣваются, но усрамятся и сотрутъ съ дверей это свое великое и удивительное предначертаніе и воззваніе Православія, и не станутъ уже входящихъ встрѣчать прежде всего вопросомъ и различеніемъ, что должно поклоняться не челоуѣку Богоносцу, но Богу плотоносцу. Можетъ ли что быть безумнѣе сего, хотя и вѣско думаютъ о семъ реченіи эти новые проповѣдники истины? Оно не болѣе какъ софистическая забава, состоящая въ быстротѣ превращенія, проворное

перекидываніе камней, увеселяющее невѣждъ; на самомъ же дѣлѣ оно есть нѣчто изъ смѣшного смѣшное, изъ неразумнаго неразумное. Ибо если кто-нибудь, измѣнивъ слова: *человѣкъ и плоть*, изъ которыхъ первое нравится намъ, а второе имъ, въ слово—*Богъ*, употребить потомъ чудное это и боголюбозное превращеніе; что тогда выйдетъ? То, что должно поклоняться не плоти богоносной, но Богу человѣконосцу. Какая нелѣпость! Сегодня только возвѣщаютъ намъ мудрость, сокровенную отъ временъ Христовыхъ; что подлинно достойно слезъ! Ибо, если Вѣра началась только за тридцать до сего лѣтъ, а почти четыреста лѣтъ протекло со времени явленія Христа; то, въ продолженіе столь долгаго времени, суетно было наше благовѣствованіе, суетна была и вѣра наша, напрасно мученики пріяли мученичество, напрасно столь многіе и великіе предстоятели управляли людьми, и благодать состоитъ въ стихахъ, а не въ вѣрѣ. Но кто не подивится ихъ учености? Сами они ясно различаютъ касающееся до Христа, и то, что Онъ родился, былъ искушенъ, алкалъ, жаждалъ, утруждался, спалъ, приписываютъ естеству человѣческому, а то, что Онъ былъ прославленъ Ангелами, побѣдилъ искушителя, напечаталъ народъ въ пустынѣ и напечаталъ чудесно, ходилъ по морю, присволяютъ Божеству; также говорятъ, что слова: *гдѣ положисте Лазаря?* (Іоан. 11, 34) свойственны нашему естеству, а сказанное: *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. 11, 43), и воскрешеніе четверодневнаго мертвеца, принадлежатъ тому, что выше насъ; равнымъ образомъ то, что Онъ скорбѣлъ, былъ распятъ и погребенъ, относится къ завѣсѣ; а то, что Онъ уповалъ и воскресъ, и восшелъ на небо, относится къ внутреннему сокровищу. Послѣ сего обвиняютъ они насъ, будто бы вводимъ два естества совершенныя или противоборствующія и раздѣляемъ сверхъестественное и чудное единеніе. Имъ надлежало бы или не дѣлать того, въ чемъ обвиняютъ другихъ, или не обвинять въ томъ, что сами дѣлаютъ,—если бы только умѣли быть вѣрными сами себѣ, а не высказывали вмѣстѣ и собственнаго мнѣнія, и мнѣнія противниковъ. Таково неразуміе: оно въ противорѣчїи—и само съ собою и съ истиною, такъ что они или не понимаютъ, или не стыдятся своего затруднительнаго положенія. И если кто думаетъ, что пишу и гооврю это добровольно, а не по крайнему принужденію, и что отвращаюсь единенія, а не особенно о немъ стараюсь; тому да будетъ извѣстно, что онъ превратно разсуждаетъ, и не угадалъ моего желанія. Для меня нѣтъ, и не было ничего предпочтительнѣе мира, въ чемъ увѣряютъ самыя дѣла; хотя единомысліе совершенно преграждается тѣмъ, что дѣлаютъ и предпринимаютъ противъ меня,

Стихотворенія святаго Григорія Богослова.

ПѢСНОПѢНІЯ ТАИНСТВЕННЫЯ.

Слово 1, о началахъ.

Знаю, что на непрочной ладѣ пускаюсь въ дальнее плаваніе, или на малыхъ крыльяхъ уношусь къ звѣздному небу—я, въ которомъ родилась мысль открыть Божество, или опредѣленія великаго Бога, и ключъ для всего; тогда какъ и небеснымъ умамъ не достаесть силъ возблагодарить предъ Богомъ, сколько должно. Впрочемъ, поелику Божеству часто бываетъ пріятенъ даръ не столько полной, сколько угодной Ему, хотя и скудной, руки, то смѣло изреку слово.

Но кто злочестивъ, бѣги прочь! Мое слово простирается или къ очищеннымъ, или къ трудящимся надъ очищеніемъ себя. Оскверненные же? Какъ звѣри, прикасавшіеся къ горѣ, когда съ вершины ея возсіялъ Христъ, и писалъ на скрижаляхъ Моисею законъ (Исх. 19, 13), немедленно были побиваемы отторгавшимися камнями; такъ будетъ и съ ними. Такъ слово отъ нашего лица гонитъ злыхъ, которые имѣютъ богоборное сердце.

А я положу на страницы предисловіемъ какъ-бы то же, что древле богомудрые мужи—Моисей и Исаія (говорю это знающимъ), когда одинъ давалъ новописанный законъ, а другой напоминалъ о законѣ нарушенномъ, чтобы привести въ трепетъ жестокосердный народъ, представили во свидѣтельство слова. *Вонми небо и да слышитъ земля глаголы мои* (Второз. 32, 1. Иса. 1, 2)! Духъ Божій! Ты возбуди во мнѣ умъ и языкъ, содѣлай ихъ громозвучною трубою истины, чтобы усладились всѣ, прилѣпившіеся сердцемъ ко всецѣлому Божеству!

Единъ есть Богъ безначальный, безвиновный, неограниченный ни чѣмъ или прежде бывшимъ. или послѣ имѣющимъ быть, и въ

прошедшемъ и въ будущемъ объемлющій вѣчность, безпредѣльный, благаго, великаго, Единороднаго Сына великій Отецъ, Который въ рожденіи Сына не потерпѣлъ ничего свойственнаго тѣлу, потому что Онъ—Умъ.

Единъ есть Богъ иный, но не иный по Божеству,—сіе Слово онаго Бога, живая печать Отчая, единый Сынъ Безначальнаго, и Единственный Единственнаго, во всемъ равный Отцу (кромѣ того, что одинъ всецѣло пребываетъ Родителемъ, а другой—Сыномъ), Міроположникъ и Правитель, сила и мысль Отца.

Единъ Духъ—Богъ отъ благаго Бога. Да погибнетъ всякій, кого не отпечатлѣлъ такъ Духъ, чтобы являлъ Его Божество, у кого или въ глубинѣ сердца есть зло, или языкъ нечистъ,—эти люди полусвѣтлыя, завистливыя, эти самоученные мудрецы,—этотъ источникъ загражденный (Притч. 25, 27), свѣтильникъ сокрытый въ темной пазухѣ (Лук. 11, 33)!

Слово 2, о Сынѣ

Прежде всего прославимъ Сына, чья кровь—очищеніе нашихъ немощей. Ибо, по причинѣ возставшаго на Бога, зломудреннаго, самоубійственнаго языка, нужно, чтобы и смертный помогъ небеснымъ.

Ничего не было прежде великаго Отца; потому что Онъ все имѣетъ въ Себѣ. И Его знаетъ неотлучный отъ Отца—Отцемъ рожденный, безлѣтный Сынъ, великаго Бога Слово, Образъ Первообраза, Естество равное Родителю. Ибо слава Отца—великій Сынъ. А какъ явился онъ отъ Отца—знаетъ единый Отецъ и Явившійся отъ Отца; потому что никто не былъ близъ Божества.

Впрочемъ то несомнѣнно извѣстно и всякому человѣку и мнѣ, что Божеству нельзя приписывать моего рожденія, то-есть теченія, безславнаго сѣченія. Если я дѣлаюсь родителемъ не безъ страданія, потому что составленъ изъ частей, то не слѣдуетъ изъ сего, чтобы подлежалъ страданію, кто вовсе несложенъ и безтѣлесенъ. Ибо что удивительнаго, если у тѣхъ, которые далеки между собою по естеству, и рожденія инаковы? Если время старѣе меня; то оно не прежде Слова, у Котораго Родитель безлѣтенъ.

Какъ Отецъ ничего не оставляетъ для умопредставленія выше безначальнаго Божества; такъ и Сынъ Отчій имѣетъ началомъ безлѣтнаго Отца, подобно тому какъ начало свѣта есть великій и прекраснѣйшій кругъ солнечный. Впрочемъ всякое подобіе ниже великаго Бога, и опасно, чтобы, поставивъ нѣчто между присно-

сущнымъ Отцемъ и присносущнымъ Сыномъ, не отторгнуть намъ Царя-Сына отъ Царя-Отца. Ибо предполагать, что время, или хотѣніе, прежде Бога, по моему мнѣнію, значить разсѣкать Божество. Родитель великъ какъ Богъ, какъ родитель. Но если для Отца всего выше не имѣть никакой причины досточтимаго Божества; то и достопоклоняемому Рожденію великаго Отца не менѣе высоко имѣть такое начало. Не отсѣкай Бога отъ Бога; потому что не знаешь такого сына, который бы далеко отстоялъ отъ Отца.

А слова: *не рожденный* и *рожденіе отъ Отца* не равнозначительны слову: Божество. Иначе кто произвелъ сіи два рода Божества? Въ отношеніи къ Богу оба они не входятъ въ понятіе сущности; естество же, по моему разумѣнію, неразсѣкаемо. Если Слову принадлежитъ рожденіе; то Отецъ, будучи безплотенъ, не приметъ ничего свойственнаго плоти (человѣческой умъ никогда не дойдетъ до такого печестія, чтобы помыслить сіе); и ты имѣешь Сына-Бога, достойную славу Родителя.

Если же ты, суемудрый, желая возвеличить Божество великаго Отца, и напрасно вселяя въ сердце пустой страхъ, отринувъ рожденіе, и Христа низводишь въ рядъ тварей; то оскорбилъ ты Божество обоихъ. Отецъ лишенъ у тебя Сына, и Христосъ не Богъ, если только Онъ сотворенъ. Ибо все, чего когда-либо не было, принадлежитъ къ тварямъ; а Рожденное по важнымъ причинамъ пребываетъ, и всегда будетъ, равнымъ Богу. Какое же основаніе тому, что ты, наилучшій, чрезъ Христовы страданія, въ послѣдствіи, когда преселишься отсель, станешь богомъ, а Христосъ подобнымъ тебѣ рабомъ, вмѣсто Божеской чести припишется Ему только превосходство между рабами?

Если, какъ ковачь, намѣреваясь сдѣлать колесницу, готовитьъ молотъ, такъ и великій Богъ въ послѣдствіи времени создалъ полезное орудіе, чтобы первородною рукою пріобрѣсть меня; то твари во многихъ отношеніяхъ будетъ превосходнѣе небснаго Христа, если только Слово для твари, а не тварь для Христа. Но кто же бы сталъ утверждать сіе? Если же Онъ принялъ плоть, чтобы помочь твоимъ немощамъ; а ты за сіе приводишь въ мѣру преславное Божество: то погрѣшилъ Милосердствовавшій о тебѣ. А для меня тѣмъ болѣе Онъ чуденъ, что и Божества не умалилъ, и меня спасъ, какъ врачъ, приникнувъ на мои зловонные струпы.

Онъ былъ смертенъ, но Богъ; родъ Давидовъ, но Адамовъ Создатель; плотоносецъ, но безтѣлесенъ; по матери—Дѣвѣ описанъ, но неизмѣримъ. Ясли вмѣстили Его, но звѣзда вела къ Нему волхвовъ, и принесшіе дары пришли и преклонили предъ Нимъ ко-

лѣна. Какъ человѣкъ, былъ Онъ въ бореніи, но, какъ неодолимый, въ троекратной борьбѣ препобѣдилъ искушителя. Вкушалъ Онъ пищу, но напиталъ тысячи, и воду претворилъ въ вино. Крестился; но очистилъ грѣхи; но Духъ громогласно провозгласилъ Его Сыномъ Безначальнаго. Какъ смертный погружался Онъ въ сонъ, и какъ Богъ укрощалъ море. Утомлялся Онъ въ пути; но у изнемогшихъ укрѣплялъ силы и колѣна. Молился; но Кто же внялъ умиленнымъ мольбамъ погибающихъ? Онъ былъ Жертва, но и Архирей; Жрецъ, но и Богъ; принесъ въ даръ Богу кровь, но очистилъ весь міръ; вознесенъ на крестъ, но ко кресту пригвоздилъ грѣхъ. Къ чему же перечислять все подробно? Онъ приложился къ мертвецамъ, но возбужденъ изъ мертвыхъ, а прежде Самъ воскрешалъ мертвецовъ. Если одно показывало нищету смертнаго; то другое—богатство Безплотнаго. По крайней мѣрѣ ты, видя въ Немъ собственное смертнымъ, не безчести Божества. Оно содѣлало славнымъ и перстный образъ, который изъ любви къ тебѣ образовалъ нетлѣнный Сынъ.

Слово 3, о Святomъ Духѣ.

Что медлишь, душа моя? Воспой и славу Духа; не отдѣляя въ словѣ Того, Кто не исключенъ по естеству. Съ трепетомъ чтимъ великаго Духа: Онъ мой Богъ, Имъ позналъ я Бога, Онъ самъ есть Богъ, и меня въ той жизни творитъ богомъ. Онъ всемогущъ; Онъ раздаятель даровъ, предметъ пѣснопѣній чистаго лика небесныхъ и земныхъ; Онъ Жизнеподатель, сѣдитъ на превознесенномъ престолѣ, исходитъ отъ Отца. Онъ Божія сила, Самовластитель. Онъ не Сынъ (потому что единъ есть благій Сынъ единаго Всеблагаго), но Онъ и не внѣ невидимаго Божества, а равночестенъ.

Кто же хочетъ Божество Небснаго Духа найти на страницахъ богодухновеннаго закона; тотъ увидитъ многія частыя и вмѣстѣ сходящіяся стези, если только пожелаетъ видѣть, если сколько-нибудь сердцемъ привлечъ чистаго Духа, и умъ у него острозраченъ. А если кто потребуеъ открытыхъ словъ вселюбезнаго Божества; то пусть знаетъ, что неблагоразумно его требованіе. Ибо доколѣ большей части смертныхъ не было явлено Божество Христово, не надлежало возлагать невѣроятнаго бремени на сердца до крайности немощныя. Не для начинающихъ благовременно совершеннѣйшее слово. Кто станетъ слабымъ еще глазамъ показывать полный блескъ огня, или насыщать ихъ непомѣрнымъ свѣтомъ? Лучше постепенно приучать ихъ къ яркому блеску, чтобы не повре-

дить и самых источниковъ сладостнаго свѣта. Такъ и слово, открывъ прежде всецѣлое Божество Царя-Отца, стало озарять свѣтомъ великую славу Христову, являемую немногимъ разумнымъ изъ людей, а потомъ, яснѣе открывъ Божество Сына, осіяло намъ и Божество свѣтозарнаго Духа. И для тѣхъ проливалось оно малый свѣтъ, большую же часть предоставило намъ, которымъ потомъ обильно и въ огненныхъ языкахъ раздѣленъ Духъ, показавшій явные признаки Своего Божества, когда Спаситель вознесся отъ земли. Знаю же, что Богъ есть огонь для злыхъ и свѣтъ для добрыхъ.

Такъ доказалъ я тебѣ Божество Духа. Если же ты приходишь въ удивленіе, частію слыша о Сынѣ и не Сынѣ единаго Божества, а частію убѣжденный противоположными, удобоизвращаемыми мѣстами Писанія; то и здѣсь Самъ Богъ снизойдетъ и подастъ мнѣ слово.

Отъ одного первозданнаго произошли жена и Сиѡв, и половина и порожденіе четы по законамъ брака, и нерожденная и рожденный, хотя тотъ и другая равно человѣкъ. Помня сіе, и ты не унижай Божества, не предпочитай Одного, унижая Другаго. Одно есть естество неизмѣримое, несозданное, безлѣтное, благое, свободное и равночестное. Единъ есть Богъ въ трехъ Озареніяхъ, управляющій міромъ. Ими и я возбуждаюсь въ новой жизни, когда, погребая смерть въ купели, возвращаюсь ко свѣту. Ибо Троичное Божество даровало мнѣ силу возсіять свѣтоноснымъ. Нѣтъ, не обману тебя, любитель очищенія. Если бы я, омытый Божествомъ, сталъ разсѣкать свѣтлое Божество; то лучше бы... но боюсь докончить недоброе слово. Я входилъ въ купель въ надеждѣ сподобиться Божія дара. Если всего меня очистилъ Богъ; то весь Онъ для меня досточтимъ. Но неравный Божій даръ да получить тотъ злочестивый смертный, который самъ разсѣкаетъ свое Божество!

Если въ Божіемъ словѣ и у богоносныхъ мужей слышишь или о Сынѣ, или о благомъ Духѣ, будто бы Они имѣютъ второе мѣсто по Богѣ Отцѣ; то совѣтую тебѣ здѣсь, въ словахъ глубокой мудрости, находить тотъ смыслъ, что она не Божество разсѣкаетъ, но восходитъ къ единому безначальному корню, дабы ты видѣлъ единство державы, а не разность досточтимости.

Изъ Единицы Троица, и изъ Троицы опять Единица — Здѣсь не то же, что ключевая жила, ключъ и большая рѣка, и между тѣмъ единый токъ, въ трехъ видахъ стремящійся по землѣ; не то же, что свѣща изъ пылающаго костра, опять въ него влагаемая; не то же, что слово, исходящее изъ ума и въ немъ пребывающее; не то же, что отблескъ колеблющихся и освѣщенныхъ солнцемъ водъ,

мелькающій на стѣнѣ, ни на одно мгновение не останавливающійся, но прежде приближенія удаляющійся и прежде удаленія приближающійся; не то же,—потому что естество Божіе не есть что-либо непостоянное или текучее, или опять сливающееся; напротивъ того Богу свойственна неизмѣнность.

А ты, мудрствуя такъ, приноси въ сердцѣ чистую жертву. Въ грехъ Свѣтахъ одно естество неподвижно. Единица не безчисленна; потому что покоится въ трехъ Добротахъ. Троица не въ разной мѣрѣ досточтима; потому что естество неразсѣкаемо. Въ Божествѣ Единица, но тречисленны Тѣ, Которымъ принадлежитъ Божество. Каждый есть единый Богъ, если именуешь одного. И опять, единый Богъ безначальный, изъ Котораго богатство Божества, когда слово упоминаетъ о Трехъ. Въ первомъ случаѣ проповѣдуются смертнымъ досточтимостъ Трехъ Свѣтовъ; во второмъ мы славимъ пресвѣтлое единодержавіе, и не восхищаемся многоначальнымъ соборомъ боговъ. Ибо, по моему разсужденію, многоначаліе есть то же, что и совершенное безначаліе, находящееся во взаимной борьбѣ. А борьба предполагаетъ раздоръ; а раздоръ быстро ведетъ къ разрушенію. Посему многоначаліе да будетъ у меня, какъ можно, дальше отъ Божества!

Трѣма богами можно было бы назвать тѣхъ, которыхъ раздѣляли бы между собою время, или мысль, или державу, или хотѣніе—такъ что каждый никогда бы не былъ тождественъ съ прочими, но всегда находился съ ними въ борьбѣ. Но у моей Троицы одна сила, одна мысль, одна слава, одна держава; а чрезъ сіе не нарушается и единичность, которой великая слава въ единой гармоніи Божества.

Сіе только свѣту, который во мнѣ, открыло Троичное сіяніе изъ-за воскрилій завѣсы внутрь Божья храма, за которыми сокрыто царственное естество Божіе. А если нѣчто большее открыто Ангельскимъ ликамъ; то еще гораздо болѣе вѣдомо Самой Троицѣ.

Слово 4, о мірѣ.

Воспоемъ и твореніе великаго Бога, опровергнувъ ложныя мнѣнія.

Единый Богъ; а что представляли эллинскіе мудрецы о матеріи и формѣ, будто онѣ безначальны, то ни на чемъ не основанная баснь. Какъ всѣ сіи почтенныя формы, сдѣланныя у нихъ богами, не существовали отъ начала, но получили бытіе по волѣ великаго Бога; такъ видѣлъ ли кто когда-нибудь матерію безъ формы? Или

кто нашелъ форму безъ матеріи, хотя и очень много трудился въ сокровенныхъ изгибахъ ума? А я не находилъ ни тѣла безцвѣтнаго, ни безтѣлеснаго цвѣта. Кто отдѣлялъ другъ отъ друга то, чего не отдѣлила природа, но свела во едино? Но отдѣлимъ форму отъ матеріи. Разсуди же: если бы онѣ были вовсе несоединимы, то какъ бы сошлись вмѣстѣ, или какъ бы образовался міръ, когда онѣ совершенно отдѣльны? А если соединяемы; то какъ соединились? Кто кромѣ Бога слилъ ихъ между собою? Но если Богъ—соединитель; то Его же признай и Творцемъ всего. И горшечникъ на своемъ колесѣ даетъ форму глинѣ, и плавильщикъ золота — золоту, и каменотесецъ — камнямъ. Уступи же, любитель безначалія, уступи Богу нѣчто большее нашего смысла; и это большее пусть будетъ матерія съ движущимися формами. Помыслилъ много художный родитель всяческихъ — Божій Умъ, и произошла матерія, облеченная въ формы; потому что Онъ не походитъ на живописца, въ которомъ видимый передъ очами образъ возбудилъ нѣчто подобное сему образу, чего не могъ бы начертать одинъ умъ.

И ты, злая тма манихейская, не была отъ начала равнопрестольною высочайшему Свѣту! Если былъ Богъ, то не было тмы; потому что зло не могло спорить о равенствѣ съ Богомъ. Если была гма; то ты не даешь мѣста Богу: Ему неприлично быть въ согласіи съ тмою. Если же представишь ихъ въ борьбѣ; преодолѣветъ сильнѣйшее. А если скажешь, что они равносильны; кто третій приводитъ ихъ въ единство своею мудростію, и прекращаетъ борьбу? И то весьма удивительно, что, возбудивъ ужасную вражду, тотчасъ забываешь о сей борьбѣ и представляешь враждующихъ согласными. Я состою изъ души и тѣла. И душа есть струя безконечнаго свѣта — Божества; а тѣло производишь ты отъ темнаго начала. И столь далекихъ между собою ты сводишь во едино. Если я составляю одну общую природу; то вражда мною прекращена. А если жестокая вражда во мнѣ непримирима; то я не составляю одной природы, сопряженной изъ души и тѣла. Ибо не враждебныя, но дружественныя начала дають общее произведеніе. Такой мракъ облежитъ твое сердце!

А по моему ученію, единъ есть Богъ безначальный, ни съ кѣмъ не борящійся, единъ благій Свѣтъ, сила высокошественныхъ умовъ, простыхъ и сопряженныхъ, небесныхъ и земныхъ; а тма произошла впоследствии, и есть не какая-либо удооописуемая самостоятельная природа, но нашъ собственно грѣхъ. Грѣхъ же есть нарушеніе заповѣди, подобно какъ ночь есть захожденіе

солнца, немощная старость—минованіе юности, и ужасная зима—слѣдствіе удаленія солнечнаго вверхъ.

Первѣйшій изъ небесныхъ свѣтовъ, по гордости своей утративъ свѣтъ и славу, преслѣдуетъ всегдашнюю ненавистію чело-вѣческой родъ. Отъ него и первый челоуѣкъ вкусилъ убійственнаго грѣха и смерти, которая по его ухищренію возгнѣла во мнѣ пламень. Такова природа высоко родившагося зла, которому онъ отцемъ! Ржа—пагуба твердому желѣзу; а я—самоубійца насадилъ въ себѣ пагубу—грѣхъ, по своему умышленію послѣдовавъ коварнымъ внушеніямъ завистника.

Если же и тогда былъ ты, міръ, близокъ къ славѣ безначальной Троицы; то почему поставили тебя въ такой дали христоносные Свѣты, свѣдущіе въ Божественномъ; и почему весьма немногое число лѣтъ считается послѣ того, какъ водрузило тебя великое Божіе Слово? Но если водруженъ ты впослѣдствіи; то спрашиваю: поелику Богу нельзя приписать недѣятельности и несовершенства; то чѣмъ занята была Божія мысль прежде, нежели Всевышній, царствуя въ пустотѣ вѣковъ, создалъ вселенную и украсилъ формами? — Она созерцала вождельнную свѣтлость Своя доброты, равную и равно совершенную свѣтозарность трисіяннаго Божества, какъ извѣстно сіе единому Божеству, и кому открылъ то Богъ. Мірородный Умъ разсматривалъ также въ великихъ Своихъ умопредставленіяхъ Имъ же составленные образы міра, который произведенъ впослѣдствіи, но для Бога и тогда былъ настоящимъ. У Бога все предъ очами, и что будетъ и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздѣлъ положень временемъ, что одно впердеи, другое позади; а для Бога все сливается въ одно, и все держится въ мышцахъ великаго Божества. Посему внимлите, что избрѣлъ мой умъ.

Все породилъ въ себѣ Умъ, а рожденіе во-внѣ совершилось впослѣдствіи благовременно, когда открыло великое Божіе Слово. Онъ восхотѣлъ создать умныя природы, небесную и земную—сіи проницаемыя свѣтомъ зеркала перваго Свѣта, чтобъ одна, сія горѣ, пребывала великою свѣтоносною служительницею Царя, другая же имѣла славу здѣсь. Онъ источаетъ имъ Божество умовъ, чтобы царствовать въ большемъ числѣ небесныхъ умовъ, и для большаго числа быть блаженнотворнымъ свѣтомъ. Ибо таково свойство Царя моего,—сообщать блаженство. Но чтобы тварь, приближаясь къ Богу, не пожелала равной съ Богомъ славы и не попнулась за свѣтомъ и славой, тогда какъ всего лучше соблюдать мѣру, а чрезмѣрность всего хуже; высокое Слово, благопромы-

шляю о будущихъ тваряхъ, отдалило какъ отъ Троицы все окружающее престоль Свѣта, такъ отъ Ангельскихъ ликовъ смертную природу. Впрочемъ не очень много отдалило. Оно служебную Ангельскую природу, а гораздо болѣе нашу природу; потому что мы произошли изъ персти, соединенной съ Божествомъ: природа же простая совершеннѣе.

Изъ міровъ одинъ сотворенъ прежде. Это—иное небо, обитель богоносцевъ, созерцаемая единымъ умомъ, пресвѣтлая; въ нее вступить впослѣдствіи челоувѣкъ Божій, когда, очистивъ умъ и плоть, совершится богомъ. А другой—тлѣнный міръ созданъ для смертныхъ, когда надлежало устроиться и лѣпотѣ свѣтилъ, проповѣдающихъ о Богѣ красотою и величіемъ, и царственному чертогу для Образа Божія. Но первый и послѣдній міръ созданы Словомъ великаго Бога.

Слово 5, о Промыслѣ.

Такъ водруженъ широко основанный міръ великимъ безконечнымъ Умомъ, Который все носить въ Себѣ и Самъ превыше всего. Но что за помыслъ объять необъятное? Богъ, какъ скоро устроилъ міръ, съ перваго же мгновенія, по великимъ и непреложнымъ законамъ, движеть и водить его, какъ кубарь, ходящій кругами подъ ударомъ. Ибо не самослучайно естество сего обширнаго и прекраснаго міра, которому нельзя и вообразить чего-либо подобнаго, и въ продолженіе толикаго времени предоставленъ онъ не самослучайнымъ законамъ. Видалъ ли кто домъ, или корабль, или быструю колесницу, или щитъ и шлемъ, которые бы не были сдѣланы руками? Міръ не простоялъ бы столько времени, если бы въ немъ было безначаліе. И ликъ пѣвцевъ разстроится, если никто имъ не править. Вселенной же не свойственно имѣть иного Правителя, кромѣ Того, Кто устроилъ ее.

Ты, который представляешь звѣзды вождами нашего рожденія, нашей жизни и цѣлаго міра, скажи: какое еще иное небо прострешь надъ самыми звѣздами, и надъ нимъ поставишь ли еще новое и новое, чтобы было кому водить водящихъ? Подъ одною звѣздою родится одинъ царь и много другихъ людей, изъ которыхъ инъ добръ, а другой худъ, одинъ витія, другой купецъ, третій бродяга, иного же высокій престоль дѣлаетъ надменнымъ. Для многихъ, родившихся подъ разными звѣздами, равная участь и на морѣ, и на войнѣ. Кого связывали звѣзды, тѣхъ не связалъ между собою одинакій конецъ. А другихъ, хотя раздѣлили звѣзды,

одинакая соединила кончина. Если для каждаго есть своя какая-то первая необходимость; то сіе чистая баснь. А если и надъ нею господствуетъ еще общая сильнѣйшая, и есть звѣзды противныя звѣздамъ; то кто же смѣшалъ ихъ? Ибо кто сочеталъ, тотъ, если захочетъ, и расторгнетъ союзъ. А если совершилъ сіе Богъ; то какъ же стало первымъ то, что замѣнило у тебя моего Бога, если и самаго Бога не подчинишь своимъ звѣздамъ? Если же нѣтъ господствующаго, то какъ будетъ стоять міръ?—Я не вижу этой возможности, — хотя бы кто и желалъ такими разсужденіями изгнать Бога. Ибо необходимо надобно кому-нибудь управлять, или Богу, или звѣздамъ.

А я знаю слѣдующее: Богъ управляетъ вселенною. Божіе Слово и здѣсь и тамъ распредѣляетъ все, чему положено въ Его совѣтѣ быть на небесе и на землѣ; и однимъ тварямъ даны навсегда непреложно постоянная стройность и теченіе, а другимъ удѣлена жизнь измѣняющая и принимающая многіе виды. О нихъ иное явилъ намъ Богъ, а иное блюдетъ въ таинницахъ Своей премудрости, чѣмъ хочетъ обличить пустое тщеславіе смертнаго; одно поставилъ Онъ здѣсь, а другое явится въ послѣдніе дни. И земледѣлецъ пожинаетъ все зрѣлое; такъ и Христосъ, наилучшій судія моей жизни.

Таково мое слово; оно независимо отъ звѣздъ и идетъ своимъ путемъ. Говори ты мнѣ о своихъ гороскопахъ, о мелкихъ частяхъ зодіакальнаго круга и о мѣрахъ пути; разорай у меня законы жизни—страхъ злочестивыхъ и надежду добрыхъ, борющуюся до конца! Если все даетъ звѣздный кругъ; то и я влекусь его же вращеніемъ. И самое хотѣніе производится во мнѣ тѣмъ же кругомъ; нѣтъ у меня никакой силы воли или ума, которыя бы вели меня къ добру; но и къ этому влечетъ меня небо.

Не упоминай мнѣ о великой славѣ Христовой, звѣздѣ благовѣстницѣ, которая съ востока путеводила волхвовъ въ тотъ городъ, гдѣ возсіялъ Христосъ—безлѣтнѣйшій сынъ смертнаго рода! Они не изъ числа тѣхъ, истолкователями которыхъ астрологи, но необыкновенная и не являвшаяся прежде сего, а замѣченная въ Еврейскихъ книгахъ. Изъ нихъ предузнавъ о звѣздѣ, посвятившіе жизнь звѣздословію Халдеи, когда съ удивленіемъ отличили ее отъ множества наблюдаемыхъ ими звѣздъ, и примѣтили, что съ новымъ сіяніемъ несется она съ востока по воздуху въ Еврейскую землю; заключили о рожденіи Царя. И въ то именно время, какъ, вмѣстѣ съ небожителями, поклонились Царю астрологи, отпало у нихъ попеченіе о своемъ искусствѣ.

Но пусть текутъ своимъ путемъ, какой указалъ имъ Царь-Христосъ, сіи огнистыя, вѣчнодвижуціяся, несовратимыя съ своихъ путей звѣзды, какъ неподвижныя, такъ и блуждающія, описывающія, какъ говорятъ, одни и тѣ же круги; и мы оставимъ безъ изслѣдованія, возможна ли природа огня, поддерживаемая безъ питанія, или есть нѣкоторое, такъ называемое, пятое тѣло. Что же касается до насъ, пойдемъ своимъ путемъ. Ибо мы, хотя узники земные, однако же поспѣшаемъ къ разумному и небесному естеству.

Слово 6, объ умныхъ сущностяхъ.

Какъ солнечный лучъ изъ безоблачнаго неба, встрѣтившись съ видимыми еще отражающими его облаками, изъ которыхъ идетъ дождь, распространяетъ многоцвѣтную раду, и весь окружающій эфиръ блещетъ непрерывными и постепенно слабѣющими кругами: такъ и природа свѣтовъ поддерживается въ бытіи тѣмъ, что высочайшій Свѣтъ лучами Своими непрестанно осіяваетъ умы низшіе. И источникъ свѣтовъ—Свѣтъ именуемъ, непостижимъ, убѣгаетъ отъ быстроты приближающагося къ Нему ума, всегда упреждаетъ всякую мысль, чтобы мы въ желаніяхъ своихъ простирались непрестанно къ новой высотѣ. А свѣты вторичные послѣ Троицы, имѣющей царственную славу, суть свѣтозарныя, невидимыя Ангелы. Они свободно ходятъ окрестъ великаго престола; потому что суть умы быстродвижныя, пламень и божественные духи, скоро переносящіеся по воздуху. Они усердно служатъ высокимъ вельніямъ. Они просты, духовны, проникнуты свѣтомъ, не отъ плотей ведутъ начало (потому что всякая плоть едва оустѣетъ, какъ уже и разрушается), и не входятъ въ плоти, но пребываютъ, какими созданы. Желалъ бы я сказать, что они вовсе неодолимы зломъ, но удержу слишкомъ борзо несущагося коня, станувъ браздами ума. Изъ нихъ одни предстоятъ великому Богу, другіе своимъ содѣйствіемъ поддерживаютъ цѣлый міръ; и каждому дано особое начальство отъ Царя, имѣть подъ надзоромъ людей, города и цѣлыя народы, и даже распорядкаться словесными жертвами земнородныхъ.

Но на что рѣшишься, духъ мой? Въ трепетъ приходитъ умъ, приступая къ небеснымъ красотамъ; стало передо мною темное облако, и недоумѣваю, простираться ли впередъ или остановить мнѣ слово. Вотъ путникъ пришелъ къ крутоберегой рѣкѣ и хочетъ ее перейти: но вдругъ поколебалась мысль; онъ медлитъ своей переправой, долго борется въ сердцѣ, стоя на берегу: то

необходимостию вложена въ него смѣлость, то страхъ связалъ рѣшимость; не разъ заносилъ онъ ногу свою въ воду, и не разъ отступалъ назадъ; однако же послѣ всей борьбы нужда побѣдила страхъ. Такъ и я, приближаясь къ невидимому Божеству, съ одной стороны о тѣхъ, которые предстоятъ чистому Всецарю и преисполнены свѣтомъ, боюсь сказать, что и они доступны грѣху, дабы чрезъ сіе и многимъ не проложить пути къ пороку; а съ другой стороны опасаясь изобразить въ пѣсни моей неизмѣняемую доброту, такъ какъ вижу и совратившагося князя, злобы. Ибо Благому несвойственно было насаждать въ насъ злое свойство, и въ тѣхъ, кого любить, возбуждать мятежь и ненависть. Нельзя также предположить, чтобы зло равномошно было добру и имѣло особенную природу, или вполнѣдствіи происшедшую, или безначальную, какъ Самъ Царь. Но когда недоумѣвалъ я о семъ, вложилъ мнѣ Богъ слѣдующую мысль

Первое чистое естество Божества всегда неизмѣнно, и никогда не бываетъ вмѣсто единаго многимъ. Ибо есть ли что-нибудь совершеннѣе Божества, во что могло бы Оно уклониться? А множественность есть уклоненіе существа отъ себя самаго. Второе мѣсто занимаютъ великіе служители высочайшаго Свѣта, столько же близкіе къ первообразной Добротѣ, сколько ээиръ къ солнцу. А въ третьихъ слѣдуемъ мы—воздухъ. И одно Божіе естество совершенно неизмѣнно; ангельское же естество неудобопреклонно ко грѣху; а мы, третій родъ, удобокреклонны, и чѣмъ дальше отъ Бога, тѣмъ ближе ко грѣху

Посему-то самый первый свѣтоносецъ, превознесшисъ высоко, когда, отличенный преимущественною славой, возмечталъ о царственной чести великаго Бога, — погубилъ свою свѣтозарность, съ безчестіемъ ниспалъ сюда, и захотѣвъ быть богомъ, весь сталъ тмою. Хотя и легокъ онъ по природѣ, однако же низринулъ до низкой земли. Съ тѣхъ поръ преслѣдуеть отъ ненавистию тѣхъ, которые водятся благоразуміемъ, и раздраженный своею утратою преграждаетъ всѣмъ небесный путь, не хочетъ, чтобы Божія тварь приближалась къ Божеству, отъ Котораго онъ отпалъ, но пожелалъ, чтобы и люди участвовали съ нимъ въ грѣхѣхъ и омраченіи. И сей завистникъ изринулъ изъ рая вожделѣвшихъ имѣть равную Божіей славу

Такъ онъ за превозношеніе низринуть съ своего небеснаго круга; но ниспалъ не одинъ. И поелику погубилъ его дерзость; то увлекъ въ паденіе многихъ, именно всѣхъ, кого научилъ грѣху, какъ злоумышленникъ, склонившій къ измѣнѣ царское воинство,

увлечь—изъ зависти къ богомудрому сонму Царюющаго въ горнихъ и изъ желанія царствовать надъ многими злыми. Съ тѣхъ поръ явились во множествѣ надземныя злобы, демоны, послѣдователи злаго царя—человѣкоубійцы, немощные, темные, зловѣщіе призраки ночи, лжецы, дерзкіе, наставники въ грѣхахъ, бродяги, винопійцы, смѣхолобцы, смѣхотворы, прорицатели, двурѣчивые, любители ссоръ, кровопійцы, преисподніе, скрывающіеся, безстыдные, учителя волшебства. Они, приходя, манятъ къ себѣ, и ненавидятъ тѣхъ, кто имъ отдается. Они вмѣстѣ и ночь и свѣтъ, чтобы уловлять то явно, то обманомъ. Таково это воинство, таковъ и вождь!

Но Христосъ не истребилъ его единымъ движеніемъ воли, которымъ создалъ цѣлый міръ, и которымъ могъ бы погубить и его, если бы захотѣлъ; потому что трудно укрыться отъ разгнѣваннаго Бога. Однако же не оставилъ онъ свободнымъ врага моего, но попустилъ ему быть въ одно время среди добрыхъ и злыхъ, и воздвигъ между ними жестокою взаимною брань, чтобы какъ врагъ подвергался и здѣсь ужасному позору, сражаясь съ тѣми, которые немощнѣе его, такъ подвизающіеся въ добродѣтели всегда имѣли славу свою, очищаясь въ жизни, какъ золото въ горнилѣ. Впослѣдствіи же, можетъ быть и скоро, когда вещество сгоритъ и наступитъ огненное воздаяніе, понесетъ наказаніе сей неукротимый, много напередъ смиренный въ мучимыхъ служителяхъ своихъ. Ибо такова казнь породившему злу!

Сему научилъ меня Духъ о свѣтозарности ангельской, какъ первой, такъ и послѣдней. Но и здѣсь она нашла мѣру. И эта мѣра—Богъ. Поколику приближается кто къ Царю, потоплику дѣлается онъ свѣтомъ, а съ просвѣтленіемъ пріобрѣтаетъ и славу

Слово 7, о душѣ.

Душа есть Божіе дыханіе, и будучи небесною, она терпитъ смѣшеніе съ перстнымъ. Это свѣтъ, заключенный въ пещерѣ, однакожъ божественный и неугасимый. Ибо образу великаго Бога неприлично разрушиться безславно, какъ разрушаются пресмыкающіяся и неразумныя животныя,—хотя грѣхъ и усиливался содѣлать его смертнымъ.

Душа не естество истребительнаго огня; потому что пожирающему несвойственно одушевлять пожираемое. Она не естество воздуха, то выдыхаемаго, то вдыхаемаго, и никогда не остающагося въ позоѣ. Она не кровавый токъ, пробѣгающій въ тѣлѣ, даже

не гармонія составныхъ частей тѣла, приводимыхъ въ единство потому что не одно и то же естество плоти и безсмертной формы. Да и какое преимущество имѣли бы добродѣтельные предъ самыми порочными, если раствореніе стихій сдѣлало ихъ или добрыми, или худыми? Почему и у безсловесныхъ нѣтъ разумной природы, такъ какъ и у безсловесныхъ есть гармонія формы и смертной плоти? По сему ученію, тотъ и лучшій, въ комъ есть благоустройство стихій. Но такъ разсуждали въ томъ предположеніи, что одушевляющимъ должно признать то, съ удаленіемъ чего и душа оставляетъ тѣло. Почему же не назовешь одушевляющимъ и пищу, безъ которой вовсе невозможно жить смертному; такъ какъ одно питаніе укрѣпляетъ?

Знаю и другое ученіе, котораго никакъ не приму; потому что у меня не какая-нибудь общая, всѣмъ раздѣленная и по воздуху блуждающая душа. Въ противномъ случаѣ, всѣ бы и вдыхали и выдыхали одинаковую душу, и всѣ тѣ, которые живутъ на свѣтѣ, испустивъ духъ, пребывали бы въ другихъ живущихъ: потому что и естество воздуха въ разныя времена бываетъ разлито въ разныхъ вещахъ. А если душа есть нѣчто пребывающее; что она имѣла сама въ себѣ, и что составляло мой зародышъ—также живое существо въ утробѣ раждающей, если меня ¹⁾ привлекла она извнѣ? И если предположишь, что раждающая есть мать многихъ дѣтей; то долженъ вѣрить ей въ честь то, что она издержала большее число душъ.

И то не умныхъ людей ученіе, а пустая книжная забава, будто бы душа постоянно мѣняетъ разныя тѣла, каждое сообразно прежней жизни, доброй или худой, въ награжденіе за добродѣтели, или въ нѣкоторое наказаніе за грѣхи, они то облачаютъ, то разоблачаютъ неприличную душу, какъ человѣка въ одежды; напрасно утруждая себя, вертя колесо злочестиваго Иксіона, заставляютъ ее быть то звѣремъ, то растеніемъ, то человѣкомъ, то птицею, то змѣю, то псомъ, то рыбою, а иногда тѣмъ и другимъ по два раза, если такъ оборотится колесо. Гдѣ же этому конецъ? А я никогда не видывалъ мудраго звѣря, имѣющаго даръ слова, или говорящаго терна. Ворона всегда болтлива; безгласная рыба всегда плаваетъ въ соленой влагѣ. Если же, какъ говорятъ и сами изобрѣтатели сего пустого ученія, будетъ душѣ еще послѣднее воздаяніе, то она потерпитъ наказаніе или безъ плоти,—и сіе весьма удивительно,—или съ плотію,—тогда которую изъ многихъ предашь огню? Всего

¹⁾ Душу.

же непонятнѣе, какимъ образомъ послѣ того, какъ ты соединялъ меня съ многими тѣлами, и эта связь сдѣлала меня знающимъ многое, одно только избѣгло отъ моего ума, а именно: какую кожу носилъ я напередъ, какую потомъ, и во сколькихъ умиралъ; потому что мой узоналагатель не столько богатъ былъ душами, сколько—мѣшками. Или, и это было слѣдствіемъ долговременнаго скитанія, что я впалъ въ забвеніе прежней жизни?

Теперь выслушай наше превосходнѣйшее ученіе о душѣ. А мы постараемся усладить нѣсколько пѣснь, начавъ ее такъ:

Было время, когда высокое Слово Ума, слѣдую великому Уму Отца, водрузило несуществовавшій дотолѣ міръ. Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это—земля, небо и море, составило міръ, нуженъ сталъ зритель Премудрости—матери всего, и благоговѣйный царь земный. Тогда Слово рекло: „пространное небо населяютъ уже чистые присноживущіе служители, непорочные умы, добрые Ангелы, пѣснословцы, неумолчно воспѣвающіе Мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мнѣ создать такой родъ тварей, въ которомъ бы заключалось то и другое, родъ тварей, среднихъ между смертными и бессмертными, разумнаго человѣка, который бы увесилился Моими дѣлами, былъ мудрымъ таинникомъ небеснаго, великимъ владыкою земли, новымъ Ангеломъ изъ персти, пѣснопѣвцемъ Моего могущества и Моего ума“. Такъ рекло Слово, и, взявъ часть новосозданной земли, бессмертными руками составило мой образъ и удѣлило ему Своей жизни; потому что послало въ него духъ, который есть струя невидимаго Божества. Такъ изъ персти и дыханія созданъ человѣкъ—образъ Бессмертнаго; потому что въ обоихъ царствуетъ естество ума. Посему, какъ земля, привязанъ я къ здѣшней жизни, какъ частица Божественнаго, ношу на груди любовь къ жизни будущей.

Такъ сопряженъ былъ первородный человѣкъ; а въ послѣдствіи тѣло берется отъ плотей, душа же примѣшивается недовѣдомымъ образомъ, привходя со-внѣ въ перстный составъ, какъ знаетъ сіе Соединившій, Который и въ началѣ вдохнулъ ее и сопрягъ образъ Свой съ землею. А иный, пришедши на помощь моею пѣсни, смѣло и слѣдую многимъ, присовокупить и слѣдующее разсужденіе. Какъ тѣло, первоначально растворенное въ насъ изъ персти, содѣлалось впослѣдствіи потокомъ человѣческихъ тѣлъ, и отъ первозданнаго корня не прекращается, въ одномъ человѣкѣ заключая другихъ: такъ и душа, вдохнутая Богомъ, съ сего времени сопривходитъ въ образуемый составъ человѣка, раждааяся

вновь, изъ первоначальнаго сѣмени удѣляемая многимъ, и въ смертныхъ членахъ всегда сохраняя постоянный образъ. Посему-то душа получаетъ въ удѣлъ умное господство. Но какъ въ тонкихъ трубахъ и сильное дыханіе, даже весьма искуснаго чело-вѣка, производитъ звуки слабые и нестройные, и когда даны ему въ руки трубы широкаго размѣра, тогда изливаютъ онѣ совершеннѣйшій звукъ; такъ и душа, оказывающаяся безсильною въ немощномъ составѣ, проявляется въ составѣ укрѣпившемся, и обнаруживаетъ тогда весь умъ.

Но поелику нетлѣнный Сынъ создалъ Своего чело-вѣка съ тѣмъ, чтобы онъ приобрѣлъ новую славу и, измѣнивъ въ себѣ земное въ послѣдніе дни, какъ богъ, шествовалъ отсюда къ Богу; то и не предоставилъ его собственной свободѣ, и не связалъ его совершенно, но вложивъ законъ въ его природу, и напечатлѣвъ въ сердцѣ добрыя склонности, поставилъ среди вѣчно-цвѣтущаго рая, хотя въ такомъ равновѣсіи между добромъ и зломъ, что онъ могъ по собственному выбору склониться къ тому или другому, однако же чистымъ отъ грѣха и чуждымъ всякой двуличности. А рай, по моему разсужденію, есть небесная жизнь. Въ немъ-то поставилъ Богъ чело-вѣка, чтобы онъ былъ неослабнымъ дѣлательемъ Божіихъ словесъ. Запретилъ же ему употребле-ніе одного растенія, которое было совершеннѣе другихъ, за-ключая въ себѣ силу къ полному различенію добра и зла. Ибо со-вершенное хорошо для преуспѣвшихъ, а не для начинающихъ. Послѣднимъ оно столько же обременительно, сколько совершен-ная пища младенцу.

Но когда, по ухищренію завистливаго чело-вѣкоубійцы, виявъ убѣдительности женскаго слова, чело-вѣкъ вкусилъ пре-ждевременно сладкаго плода, и облекся въ кожаныя ризы — тяжелую плоть, и сталъ трупоносцемъ, потому что смертію Христомъ положилъ предѣлы грѣху; тогда испелъ онъ изъ рая на землю, изъ которой былъ взятъ, и получилъ въ удѣлъ много-трудную жизнь; а къ драгоцѣнному растенію приставилъ Богъ хранителемъ Свою пламенѣющую ревность, чтобы какой Адамъ, подобно прежнему, не взошелъ внутрь преждевременно, и прежде нежели бѣжалъ пожирающей снѣди сладкаго древа, находясь еще во злѣ, не приблизился къ древу жизни. Какъ увлеченный бурными волнами мореходецъ отнесенъ назадъ, и потомъ, или отдавъ парусъ на волю легчайшему вѣянію, или съ трудомъ на веслахъ, пускается снова въ плаваніе, такъ и мы, далеко отплы-шіе отъ великаго Бога, опять не безъ труда совершаемъ вожде-

лѣнное плаваніе. И этотъ новонасажденный грѣхъ къ злочастнымъ людемъ перешель отъ прародителя; отсюда прозябъ колось.

Слово 8, о завѣтахъ и о пришествіи Христовомъ.

Теперь вникни въ значеніе двоякаго закона, обнаруженнаго подъ именемъ ветхаго и подъ именемъ новаго, и даннаго сперва Евреямъ, потому что они первые познали царствующаго въ горнихъ Бога, а потомъ и всѣмъ концамъ земли. Ибо Богъ всевѣдецъ управляетъ человѣкомъ, изрекая ему повелѣнія не противорѣчащія, какъ дѣлаеть какой-нибудь несвѣдущій умъ, и не измѣняющіяся, что ставится въ вину даже смертнымъ. Таково мое понятіе о помощи возлюбившаго насъ Бога.

Злобный врагъ, послѣ того, какъ извергъ изъ рая перваго Адама, оболстивъ его вредоноснымъ плодомъ челоуѣкоубійственнаго древа, подобно тому, какъ поражаютъ оружіемъ воинство, въ которомъ убитъ предводитель, старался и въ дѣтяхъ Адамовыхъ насадить зло и смерть. Онъ съ злохитреннымъ умышленіемъ, отвлекши челоуѣка отъ небснаго Бога, обратилъ его взоры на звѣздное небо, сіяющее свѣтозарными красотами, и на изображенія людей умершихъ, какія соорудила любовь, и ввела въ славу баснь, сперва принятая съ вѣрою незложелательными друзьями, потомъ никѣмъ не уличенная во лжи, съ теченіемъ же лѣтъ непрестанно пріобрѣтавшая новую силу. И священный Еврейскій родъ погубилъ умъ, не покорялся пророкамъ, которые жаловались, умоляли и непрестанно угрожали гнѣвомъ Царя, а въ прежнія времена даже убивалъ ихъ. Самые цари не имѣли страха Божія, но большею частію оказались злонравными; и при нихъ не вовсе были оставлены рощи, высоты горъ и кровавыя жертвы демонамъ. За сіе Евреи навлекли на себя ревнивый гнѣвъ великаго Бога, и погибли; а вмѣсто ихъ вступилъ на путь я, чтобы, возбудивъ въ нихъ соревнованіе, заставить и ихъ возвратиться къ благочестивой вѣрѣ во Христа, послѣ поздняго раскаянія, когда насытятся скорбію о предпочтеніи имъ нововведеннаго народа, заступившаго ихъ мѣсто

Но сіе будетъ впоследствии. Поелику же Евреи презрѣли законъ; то родъ челоуѣческой удостоенъ, наконецъ, слѣдующей чести, по мановенію безсмертнаго Отца и дѣйствиємъ Сына. Христосъ, когда увидѣлъ, что душепагубный грѣхъ истребилъ въ челоуѣческомъ тѣлѣ все, что было вложено небснаго, и хитрый змій царствуетъ надъ людьми, тогда, для возвращенія Себѣ Своего

достоянія, не другихъ помощниковъ послалъ противъ болѣзни (потому что въ великихъ страданіяхъ слабое врачевство недостаточно), но Самъ истощивъ славу, какую имѣлъ, какъ безматерній Сынъ безсмертнаго Бога Отца, явился безъ отца необычайнымъ для меня сыномъ, даже не необычайнымъ, потому что произошелъ отъ меня, и Безсмертній, ставъ смертнымъ, пришелъ чрезъ Матеръ-Дѣву, чтобы цѣлому спасти цѣлаго человѣка. И поелику чрезъ преступное вкушеніе палъ цѣлый Адамъ; то, по человѣческимъ и вмѣстѣ не человѣческимъ законамъ, воплотившись въ честной утробѣ жены, не познавшей брака (о, чудо невѣроятное для немощнѣйшихъ!), пришелъ Богъ и вмѣстѣ смертній, сочетавшій во едино два естества — одно сокровенное и другое видимое для людей, и изъ которыхъ одно было Богъ, а другое родилось для насъ въ послѣдокъ дней. Въ двухъ естествахъ единый есть Богъ—мой Царь и Христосъ; потому что соединенъ съ Божествомъ и изъ Божества сталъ человѣкъ, чтобы, явившись среди земнородныхъ другимъ, новымъ Адамомъ, уврачевать прежняго Адама. Но Онъ явился, закрывшись отсюду завѣсою, потому что иначе невозможно было бы приблизиться къ моимъ немощамъ, и притомъ нужно было, чтобы змій, почитающій себя мудрымъ, приступивъ къ Адаму, сверхъ чаянія встрѣтилъ Бога, и о крѣпость Его сокрушилъ свою злобу, какъ шумное море сокрушается о твердый утесъ. Когда же явился Христосъ; при Его рожденіи поколебались земля и небо. Небесный ликъ возгласилъ пѣснопѣнія, а звѣзда съ востока указывала путь волхвамъ—служителямъ новорожденнаго Царя, приносящимъ Ему дары.

Таково мое слово о новомъ рожденіи Христовомъ! Здѣсь нѣтъ ничего позорнаго; потому что позоренъ одинъ грѣхъ. А во Христѣ не имѣеть мѣста позорное; потому что Его ¹⁾ создало Слово, а не отъ человѣческаго сѣмени сталъ Онъ человѣкомъ. Но изъ плоти Пречистой неневѣстной Матери, которую предварительно очистилъ Духъ, исшелъ самосозданный человѣкъ; принялъ же очищеніе ради меня. Ибо и все законное исполнилъ, какъ думаю, для того, чтобы воздать Закону и награду, какъ воспитателю, и погребальную честь, какъ отмѣняемому.

Но когда явился Предреченный пресвѣтлымъ свѣтильникомъ великаго Свѣта, предтечею въ рожденіи, предтечею и въ словѣ, вопіющимъ среди пустыни, что Христосъ мой есть Богъ; тогда сталъ Онъ посредникомъ двухъ народовъ, одного дальняго,

¹⁾ То-есть челоѣчество Іисуса Христа

другого ближняго (потому что былъ общимъ для нихъ краеугольнымъ камнемъ), и даровалъ смертнымъ двоякое очищеніе—одно вѣчнаго Духа, и имъ очистилъ во мнѣ прежнее поврежденіе, рождаемое отъ плоти,—другое—нашея крови (ибо своею называю ту кровь, которую истощилъ Христосъ Богъ мой), искупленіе первородныхъ немощей и избавленіе міра.

Если бы я былъ не человѣкъ измѣняемый, а не преодолимый; то была бы нужна мнѣ только заповѣдь великаго Бога, и она бы меня украшала, спасала и вела къ высокой славѣ. Но теперь не богомъ создалъ меня Богъ, а поставилъ въ равновѣсіи удобопреклоннымъ туда и сюда; потому и поддерживаетъ меня многими опорами, изъ которыхъ одною служитъ для людей благодать омовенія. Какъ нѣкогда Еврейскія дѣти спасались отъ погубленія Христовою кровію, и очищали праги дверей, между тѣмъ какъ въ одну ночь погибли все первородные Египта; такъ и это для меня есть печать избавляющаго насъ отъ золь Бога, и для младенцевъ только печать, а для взрослыхъ врачевство и совершеннѣйшая божественная печать Христа Свѣтодавца, чтобы, спасшись изъ глубины скорбей и облегчивъ нѣсколько выю отъ бремени, обратилъ я стопы свои къ жизни. Ибо и путникъ, отдохнувъ отъ утомленія, воздвигаетъ укрѣпленные въ силахъ колѣна. Какъ общее всехъ достояніе—воздухъ, земля, широкое небо и все, что влечетъ за собою кругъ годовыхъ временъ, такъ общимъ достояніемъ челоуѣковъ содѣлалась и спасительная купель.

Слово 9, о человѣческой добродѣтели ¹⁾).

Люблю я добродѣтель; однакожъ это не научило меня тому, что такое добродѣтель, и откуда она прійдетъ ко мнѣ, который такъ много люблю ее. А неудовлетворенное желаніе мучить. Если добродѣтель есть чистый потокъ, не смѣшанный съ водами, которыя стекаютъ со всякаго мѣста и отъ снѣговъ и отъ дождей; то спрашиваю: кто находилъ ее на землѣ? Ибо всякій, или имѣлъ въ себѣ сердечную нечистоту, или принялъ ее въ себя,—между тѣмъ какъ влачитъ тяжелое тѣло и со-внѣ возмущается врагомъ нашея жизни, который омрачаетъ и очерняетъ насъ бездною. Да и несвойственно было бы мнѣ, который самъ не иное что, какъ отвердѣвшій токъ, и непрестанно влекусь потокомъ жизни,—быть чѣмъ-

¹⁾ Какъ сіе, такъ и слѣдующія стихотворенія причисляются къ таинственнымъ Никитой Давидомъ. Настоящее стихотвореніе у Вилліа есть 58-е и надписывается—ἐκ ἐαυτόν.

то нетекучимъ. Если же добродѣтель не совершенно сребристый потокъ, но пріемлетъ въ себя и худшее, и есть нестройная смѣсь; то скажи: какъ же она добродѣтель? По крайней мѣрѣ у меня не мало трудится надъ этимъ быстрый умъ. Снѣгъ по природѣ холоденъ и бѣлъ, а огонь—красноватъ и тепелъ. И они несоединимы между собою; а соединяемые насильно, скорѣе разрушаются, нежели входятъ въ соединеніе. Какъ же къ добродѣтели привзошло гнусное, унижающее во мнѣ образъ Божій; какъ къ образу великаго Бога прикоснулся злорадный грѣхъ, если я дѣйствительно богъ, и не напрасно хвалюсь тѣмъ, что составляю Твое достояніе, Боже? Слышу о прекрасной рѣкѣ Алфеѣ, что она протекаетъ чрезъ горькое море, а сладкія воды ея (къ удивленію!) не терпятъ вреда въ продолженіе сего теченія. Но какъ для воздуха порча—гуманъ, и для тѣлесныхъ членовъ—болѣзнь; такъ для добродѣтели—наша грѣховная ночь.

Часто заносилъ я ногу, чтобы шествовать къ небу, но тяжкія и снѣдающія сердце заботы низлагали меня на землю. Не рѣдко также озарялъ меня пречистый свѣтъ Божества; но вдругъ ставилось предо мною облако, закрывало великое сіяніе и сокрушало духъ мой тѣмъ, что свѣтъ убѣгалъ отъ приближавшагося къ нему. Что значить эта несообщимость? Или смертному написанъ такой законъ, чтобы я всегда томился желаніемъ? Или это къ моей же пользѣ, чтобы мнѣ съ трудомъ пріобрѣтать, и съ трудомъ сохранять? Ибо то и прочно, надъ чѣмъ работалъ умъ. Какъ хитрый звѣрь закрываетъ одни слѣды другими; такъ часто врагъ затмевалъ во мнѣ способность различать доброе и злое, чтобы этою хитростію ввести въ заблужденіе ловца добродѣтели. Одно предписываетъ мнѣ плоть, другое—заповѣдь; одно—Богъ, другое—завистникъ; одно—время, другое—вѣчность. А я дѣлаю, что ненавижу, услаждаюсь зломъ, и внутренно горькимъ, злораднымъ смѣхомъ смѣюсь ужасной участи: для меня и гибель пріятна. То я низокъ, то опять превыспренъ. Сегодня отвращаюсь презорства, а на утро самъ презритель. Какъ мѣняются времена, такъ мѣняюсь и я, подобно полипу, принимаю на себя цвѣтъ камней. Горячія проливаю слезы; но не выплаканъ съ ними грѣхъ. Хотя изсякъ ихъ потокъ; однако же новыми преступленіями приготавливаю въ себѣ другой; а средства врачеванія мною отринуты. По плоти я дѣвственникъ; но не знаю ясно, дѣвственникъ ли и въ сердцѣ. Стыдъ потушаетъ глаза, а умъ безстыдно подьмелетъ ихъ вверхъ. Зорокъ я на чужіе грѣхи, и близорукъ для своихъ. На словахъ я небесенъ, а сердцемъ прилипнулъ къ землѣ. Спокоенъ я и тихъ; но едва по-

дуетъ хотя легкій вѣтръ, вздымаюсъ бурными волнами, и волненіе не прекратится, пока не наступитъ тишина; а тогда не очень удивительно утихнуть и гнѣву.

Не рѣдко и того, кто шелъ добрымъ путемъ съ благими надеждами, и простирался уже выше посредственной добродѣтели, вдругъ низвергалъ съ высоты губительный врагъ; и какъ будто восходилъ онъ по песку, который подъ нетвердой ногою катится назадъ. Снова простираюсъ вверхъ, и снова возвращаюсъ назадъ съ большимъ прежняго срамомъ. Всегда я въ пути, всегда въ великомъ страхѣ; и едва лишь сдѣлаю нѣсколько шаговъ впередъ, тотчасъ слѣдуетъ паденіе. Долга моя жизнь, а не хотѣлось бы разстаться съ жизнью. Желая уврачеванія; но уврачеваніе отъ меня далеко; потому что съ продолженіемъ дней собираю я больше грѣховъ. Посему-то въ нашемъ родѣ да будетъ непреложно извѣстною слѣдующая истина:

Первое, чистое естество—Троица, а потомъ ангельская природа; въ-третьихъ же — я человекъ, поставленный въ равновѣсіи между жизнью и болѣзненной смертію, я, которому предназначена величественная цѣль, но достигаемая съ трудомъ, если только, хотя нѣсколько, отверста мною дверь грѣховной жизни; ибо такой подвигъ назначенъ Богомъ моему уму. И тотъ изъ насъ совершеннѣйшій, кто среди многихъ золь носить въ себѣ немногіе кумиры грѣха, кто, при помощи великаго Бога, храня въ сердцѣ пламенную любовь къ добродѣтели, поспѣшаетъ на высоту, а грѣхъ гонитъ отъ себя прочь, подобно тому, какъ токъ рѣки, влившейся въ другую быструю и мутную и неукротимую рѣку, хотя и смѣшивается съ нею, однако же превосходствомъ своей чистоты закрываетъ грязный ея токъ. Такова добродѣтель существа сложнаго; большее же совершенство предоставлено существамъ небеснымъ. А ежели кто еще на землѣ увидѣлъ Бога, или, восхитивъ отселѣ на небо тяжелую плоть, востекъ къ Царю; то сіе — Божій даръ. Смертнымъ же да будетъ положена мѣра!

Но вотъ вложу тебѣ въ мысль и о томъ слово, какъ взойдти на верхъ великой добродѣтели, которая одна — Чистому чистая жертва. Не думаю, что сіе возможно здѣсь. Ибо здѣсь многослойный туманъ лежитъ на глазахъ. Возжелѣнно и то, если и вмѣстѣ съ сею жизнью оставлю многоплачевные грѣхи. Добродѣтель—не даръ только великаго Бога, почтившаго Свой образъ; потому что нужно и твое стремленіе. Она не произведеніе твоего только сердца; потому что потребна превосходящая сила. Хотя и очень остро мое зрѣніе, однако же видитъ зримые предметы не само со-

бою и не безъ великаго свѣтила, которое освѣщаетъ мои глаза и само видимо для глазъ. И къ преуспѣванію моему нужны двѣ доли отъ великаго Бога, именно: первая и послѣдняя, а также одна доля и отъ меня. Богъ сотворилъ меня воспріимчивымъ къ добру, Богъ подаетъ мнѣ и силу, а въ серединѣ я—текущій на поприщѣ. Я не очень легокъ на ногу, но не безъ надежды на награду напрягаю свои мышцы въ бѣгу; потому что Христось—мое дыханіе, моя сила, мое чудное богатство. Онъ содѣлываетъ меня и зоркимъ, и добропешественнымъ. А безъ Него всѣ мы—смертныя игралица суеты, живые мертвецы, смердящіе грѣхами. Ты не видывалъ, чтобы птица летала, гдѣ нѣтъ воздуха, чтобы дельфинъ плавалъ, гдѣ нѣтъ воды; такъ и человѣкъ безъ Христа не заноситъ вверхъ ноги.

Не думай о себѣ слишкомъ высоко, и не полагайся на свой умъ, хотя ты и очень велемудръ. Если и видишь кого ниже себя; не превозносишь, какъ всѣхъ превзошедшій и находящійся близко къ цѣли. Тотъ не достигъ еще цѣли, кто не увидѣлъ предѣла своего пути. Много надобно имѣть страха, но не должно приходиться и въ излишнюю робость. Высота низлагаетъ на землю, надежда возноситъ къ небу; а на великую гордыню гнѣвается Богъ. За иное можешь взяться руками, иного касайся только надеждой; а отъ иного вовсе откажись. И то признакъ цѣломудрія—знать мѣру своей жизни. Равно для тебя худо—и отложить благую надежду, и возимѣть слишкомъ смѣлую мысль, что не трудно быть совершеннымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ твой умъ стоитъ на худой дорогѣ. Всегда старайся, чтобы стрѣла твоя попадала въ самую цѣль, смотри, чтобы не залетѣть тебѣ далѣе заповѣди великаго Христа, остерегайся и не вполне исполнить заповѣдь; въ обоихъ случаяхъ цѣль достигнута. И излишество бываетъ часто бесполезно, когда, желая новой славы, напрягаемъ стрѣлу сверхъ мѣры.

Если будешь много о себѣ думать; то напомню тебѣ, откуда пришелъ ты въ жизнь, чѣмъ былъ прежде, чѣмъ—когда лежалъ въ матерной утробѣ, и чѣмъ будешь впоследствии, а именно: прахомъ и снѣдію червей; потому что принесешь съ собою къ мертвецамъ не болѣе, какъ и самый немоцный. А если будешь низко о себѣ думать; то напомню тебѣ, что ты Христова тварь, Христова дыханіе, Христова честная часть, а потому вмѣстѣ небесный и земный, приснопамятное твореніе—созданный богъ, чрезъ Христовы страданія шествующій въ нетлѣнную славу. Посему не угождай плоти, чтобы не полюбить до излишества настоящую жизнь. Но старайся соорудить прекраснѣйшій храмъ; потому что человѣкъ есть храмъ великаго Бога. И тотъ соорудаетъ себя въ

сей храмъ, кто отрѣшается отъ земли и непрестанно шествуетъ къ небу. И сей-то храмъ совѣтую тебѣ охранять такъ, чтобы онъ благоухалъ отъ всѣхъ твоихъ дѣлъ и словъ, чтобы всегда пребывалъ въ немъ Богъ, чтобы онъ всегда былъ совершенъ, и притомъ существенно, а не наружно. Не раскрашенный, разноцвѣтный и блестящій поддѣльными красотами корабль веди по морскому хребту, но крѣпко сколоченный гвоздями, удобный для плаванія, искусно оснащенный руками художника и быстро движущійся по водамъ.

Пусть всякій простирается впередъ, всѣ же да держатся Бога; кто мудръ, кто силенъ, кто богатъ или бѣденъ, всѣ да емлются за сію необманчивую опору! Здѣсь должно привязать челнъ свой всякому, особливо же мнѣ, который сижу на высокомъ престолѣ, и посредствомъ жертвъ возвожу людей къ небу,—мнѣ, которому, если въ омраченномъ сердцѣ обезчещу Христа, въ такой же мѣрѣ угрожаетъ скорбь, въ какой предлежитъ добрая слава, если приближаюсь къ Божеству. Ибо какъ по Божіимъ мѣрамъ отмѣривается мѣра нашей жизни; такъ по мѣрамъ жизни отмѣривается и Божія мѣра.

Такъ разсуждая, и здѣсь безбѣдно совершишь поприще жизни, и послѣ въ тотъ день, когда разрѣшится сія примрачная жизнь, въ добромъ сопровожденіи самого Бога, преселишься отсюда.

Слово 10, о человѣческой природѣ ¹⁾).

Вчера, сокрушенный своими скорбями, сидѣлъ я одинъ вдали отъ людей, въ тѣнистой роцѣ, и снѣдался сердцемъ. Въ страданіяхъ люблю я такое врачевство, и охотно бесѣдную наединѣ съ своимъ сердцемъ. Вѣтерки жужжали и, вмѣстѣ съ поющими птицами, съ древесныхъ вѣтвей ниспосылали добрый сонъ даже и слишкомъ изнемогшему духомъ. А на деревьяхъ, любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики изъ музыкальныхъ гортаней оглашали весь лѣсъ своимъ щебетаньемъ. Неподалеку была прохладная вода, и тихо струясь по увлажненной ею роцѣ, омывала мои ноги. Но мною такъ же сильно, какъ и прежде, владѣла скорбь. Ничто окружающее не развлекало меня; потому что мысль, когда обременена горестями, нигдѣ не хочетъ встрѣтить утѣшенія. И я, увлекаемый круженіемъ парящаго ума, видѣлъ въ себѣ такую борьбу противоположныхъ помысловъ.

¹⁾ У Биллія стихотв. 13.

Кто я былъ? Кто я теперь? И чѣмъ буду?—Ни я не знаю сего, ни тотъ, кто обильнѣе меня мудростію. Какъ покрытый облакомъ, блуждаю туда и сюда; даже и во снѣ не вижу, чего бы желалъ, потому что и низокъ, и погрязъ въ заблужденіяхъ, всякій, на комъ лежитъ темное облако дебелой плоти. Развѣ тотъ премудрѣе меня, кто больше другихъ обольщенъ лживостію собственнаго сердца, готоваго дать отвѣтъ на все?

Я существую. Скажи: что это значить? Иная часть меня самого уже прошла, иное я теперь, а инымъ буду, если только буду. Я не что-либо непремѣнное, но токъ мутной рѣки, который непрестанно притекаетъ и на минуту не стоитъ на мѣстѣ. Чѣмъ же изъ этого ¹⁾ назовешь меня? Что наиболѣе, по твоему, составляетъ мое я?—Объясни мнѣ сіе; и смотри, чтобы теперь этотъ самый я, который стою передъ тобою, не ушелъ отъ тебя. Никогда не перейдешь въ другой разъ по тому же току рѣки, по которому переходилъ ты прежде. Никогда не увидишь человѣка такимъ же, какимъ видѣлъ ты его прежде.

Сперва заключался я въ тѣлѣ отца, потомъ приняла меня мать, но какъ нѣчто общее обоимъ; а потомъ стала я какая-то сомнительная плоть, что-то не похожее на человѣка, срамное, не имѣющее вида, не обладающее ни словомъ ни разумомъ; и матерняя утроба служила мнѣ гробомъ. И вотъ мы отъ гроба до гроба живемъ для тлѣнія! Ибо въ этой жизни, которую прохожу, вижу одну трату лѣтъ, которая мнѣ приноситъ гибельную старость. А если тамъ, какъ говорить Писаніе, приметъ меня вѣчная и нетлѣнная жизнь; то скажи: настоящая жизнь, вопреки обыкновенному твоему мнѣнію, не есть ли смерть, а смерть не будетъ ли для тебя жизнію?

Еще не родился я въ жизнь. Для чего же крушусь при видѣ бѣдствій, какъ нѣчто приведенное въ свой составъ? Это одно и непреложно для существъ однодневныхъ; это одно для меня сродно, непоколебимо, не старѣется, послѣ того, какъ, вышедъ изъ нѣдръ матери, пролилъ я первую слезу, прежде нежели коснулся жизни, оплакавъ всѣ тѣ бѣдствія, съ которыми долженъ встрѣтиться. Говорятъ, что есть страна, подобная древнему Криту, въ которой нѣтъ дикихъ звѣрей, и также есть страна, гдѣ неизвѣстны хладныя снѣги. Но изъ смертныхъ никто еще не хвалился тѣмъ, что онъ, не испытавъ тяжелыхъ бѣдствій жизни, преселился отсель. Безсиліе, нищета, рожденіе, смерть, вражда, злые люди — эти звѣри моря и суши, всѣ скорби—вотъ жизнь! И какъ много я ви-

¹⁾ Изъ того, чѣмъ я былъ, есмь и буду.

дѣль напастей, и напастей ни чѣмъ не услажденныхъ; такъ не видаль ни одного блага, которое бы совершенно изъято было отъ скорби, съ тѣхъ поръ, какъ пагубное вкушеніе и зависть противника заклеямили меня горькою опалой.

Къ тебѣ обращаюсь, плоть, къ тебѣ, столько неисцѣльной, къ тебѣ—льстивому моему врагу и противнику, никогда не прекращающему нападеній. Ты злобно ласкающійся звѣрь, ты (что всего страннѣе) охлаждающій огонь. И великое было бы чудо, если бы на послѣдокъ и ты сдѣлалась когда-нибудь ко мнѣ благорасположенною!

И ты, душа моя (пусть и тебѣ сказано будетъ приличное слово), кто, откуда и что такое? Кто сдѣлалъ тебя трупоносицею, кто твердыми узами привязалъ къ жизни, кто заставилъ непрестанно тяготѣть къ землѣ? Какъ ты—духъ смѣсилась съ дебелостію, ты—умъ сопряглась съ плотію, ты—легкая сложилась съ тяготою? Ибо все это противоположно и противоборствуетъ одно другому. Если ты вступила въ жизнь, будучи посѣяна вмѣстѣ съ плотію, то сколько пагубно для меня такое сопряженіе! Я образъ Божій, и родился сыномъ срама, со стыдомъ долженъ матерью своего достоинства наименовать похотѣніе; потому что началомъ моего прозябанія было истекшее сѣмя, и оно сотлѣло, потомъ стало человѣкомъ, и вскорѣ будетъ не человѣкомъ, но прахомъ,—таковы послѣднія мои надежды! А если ты, душа моя, что-нибудь небесное, то желательно знать, откуда ведешь начало? И если ты Божіе дыханіе и Божій жребій, какъ сама думаешь, то отложи неправду, и тогда повѣрю тебѣ; потому что въ чистомъ несвойственно быть и малой сквернѣ. Тма—не доля солнца, и свѣтлый духъ никогда не былъ порожденіемъ духа лукаваго. Какъ же ты возмущаешься столько отъ прираженій губительнаго веліара, хотя и сопряжена съ небеснымъ духомъ? Если и при такой помощи клонилъ ты къ землѣ; то, увы! увы! сколь многомогъ твой губительный грѣхъ! А если ты во мнѣ не отъ Бога, то какая твоя природа? Какъ страшно, не надмеваюсь ли напрасно славой!

Божіе созданіе, рай, эдемъ, слава, надежда, заповѣдь, дождь—истребитель міра, дождь—огнь съ небеси, а потомъ Законъ—писанное врачевство, а потомъ Христосъ, соединившій Свой образъ съ нашимъ, чтобы и моимъ страданіямъ подалъ помощь страждущій Богъ, и сдѣлалъ меня богомъ черезъ свое человѣчество... Но мое сердце ничѣмъ не приводится въ чувство. Въ самоубійственномъ иэступленіи, подобно вепрямъ, намираемъ мы на мечъ. Какое же благо жизни?—Божій свѣтъ. Но и его преграждаетъ мнѣ

завистливая и ужасная тма. Ни въ чемъ не имѣю преимущества, если только не преимуществуютъ предо мною злые. О, если бы при большихъ трудахъ имѣть мнѣ равную съ ними долю! Я поверженъ въ изнеможеніе, пораженъ Божиимъ страхомъ, сокрушенъ дневными и ночными заботами. Этотъ высоковоинный и поползновенный гонить меня сзади, наступилъ на меня пятою. Говори ты мнѣ о всѣхъ страхованіяхъ, о мрачномъ тартарѣ, о пламенѣющихъ бичахъ, о демонахъ — истязателяхъ нашихъ душъ: — для злыхъ все это баснь! Для нихъ всего лучше то, что подъ ногами. Ихъ ни мало не приводитъ въ разумъ угрожающее мученіе. Лучше было бы беззаконникамъ остаться въ послѣдствіи ненаказанными, нежели мнѣ нынѣ сокрушаться о бѣдствіяхъ грѣха.

Но что говорить о людяхъ? Къ-чему такъ подробно описывать скорби нашего рода? Все имѣетъ свои горести. И земля не непоколебима; и ее приводитъ въ содроганіе вѣтръ. Времена года стремительно уступаютъ мѣсто одно другому. Ночь гонитъ день, буря помрачаетъ воздухъ; солнце затмѣваетъ красоту звѣздъ, а облако — красоту солнца. Луна возраждается вновь. Звѣздное небо видимо только въ половину. И ты, денница, былъ нѣкогда въ ангельскихъ ликахъ, а теперь, ненавистный, со стыдомъ спалъ съ неба! Умиლოსердись надо мною царственная, досточтимая Троица! и Ты не вовсе избѣгла отъ языка безразсудныхъ однодневныхъ тварей! Сперва Отецъ, потомъ великій Сынъ, а потомъ Духъ великаго Бога были предметомъ хулы!

Къ чему приведешь ты меня, зломудренный языкъ? Гдѣ прекратятся мои заботы? Остановись. Все ниже Бога. Покорствуй Слову. Не напрасно (возобновлю опять пѣснь) сотворилъ меня Богъ. Отъ нашего малодушія такая мысль. Теперь мракъ, а потомъ дастся разумъ, и все уразумѣешь, когда будешь или созерцать Бога, или горѣть въ огнѣ.

Какъ скоро воспѣлъ мнѣ сіе любезный умъ, утолилась моя скорбь. Поздно пришелъ я домой изъ тѣнистой рощи, и иногда смѣюсь надъ разсуждающими иначе, а иногда, если умъ въ борьбѣ съ самимъ собою, томлю скорбію сердце.

Слово 11, о малоцѣнности внѣшняго человѣка и о суетѣ настоящаго ¹⁾).

Кто я былъ? Кто я теперь? И чѣмъ буду по прошествіи недолгаго времени? Куда приведешь и гдѣ поставишь, Безсмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями? А по моему мнѣнію, мы ничего не значація однопдневныя твари и напрасно поднимаемъ высоко брови, ежели въ насъ то одно и есть, что видятъ люди, и ничего не имѣемъ мы, кромѣ гибнущей жизни.

Телець, едва оставилъ нѣдра раждающей, уже и скачетъ, и крѣпко сжимаетъ сладкіе сосцы, а на третьемъ году носить ярмо, влачить тяжелую колесницу и могучую выю влагаетъ въ крѣпкій навыйникъ. Пестровидный олень, едва изъ матерней утробы, и тотчасъ твердо становится на ноги подлѣ своей матери, бѣжитъ отъ кровожадныхъ псовъ и отъ быстрого коня, скрывается въ чащахъ густого лѣса. Медвѣди, порода губительныхъ вепрей, львы, равный въ скорости вѣтру тигръ и рыси, лишь въ первый разъ завидятъ желѣзо, тотчасъ у нихъ оцетинилась шерсть, и съ яростію бросаются они на сильныхъ звѣролововъ. Недавно еще покрытый перьями птенець, едва оперился, и высоко надъ гнѣздомъ кружится по просторному воздуху. Золотая пчела оставила только пещеру, и вотъ строить себѣ противоположную обитель, и домъ наполняетъ сладкимъ плодомъ; а все это—трудъ одной весны. У всѣхъ у нихъ готовая пища, всѣмъ пиръ даетъ земля. Не разсѣкаютъ они яраго моря не пашутъ земли; нѣтъ у нихъ хранилицъ, нѣтъ виночерпцевъ. И быстролетную птицу питаютъ крылья, а звѣрей дебри. Если и трудятся, то у нихъ небольшая однопдневная работа. А огромный левъ, какъ слыхалъ я, растерзавъ звѣря, имъ умерщвленнаго, гнушается остатками своего пира. Притомъ сказываютъ, что онъ, попеременно въ одинъ день вкушаетъ пищу, а въ другой однимъ питіемъ прохлаждаетъ жадную гортань, чтобы пріучить къ воздержности чрево. Такъ жизнь ихъ не обременена трудами. Подъ камнемъ или вѣтвями всегда готовый у нихъ домъ. Они здоровы, сильны, красивы. Когда же смирить болѣзнь, безпечально испускаютъ послѣднее дыханіе, не сопровождаютъ другъ друга плачевными пѣснями, и друзья не рвутъ на себѣ волосъ. Скажу еще болѣе: они безтрепетно теряютъ жизнь; и звѣрь, умирая, не боится никакого зла.

¹⁾ У Виллія стихотвореніе 14-е: о малоцѣнности внѣшняго человѣка.

Посмотри же на жалкій человѣческій родъ; тогда и самъ скажешь съ стихотворцемъ¹⁾: „нѣтъ ничего немощнѣе человѣка“. Я плодъ истекшаго сѣмени; съ болѣзнями родила меня мать, и вскормленъ я съ великими и тяжкими трудами. Сперва мать носила меня въ объятіяхъ—сладостный трудъ! а потомъ не безъ болѣзненныхъ воплей сопеть я на землю; потомъ сталъ ходить по землѣ, какъ четвероногій, пока не поднялся на колеблющіяся ступни, поддерживаемый чужими руками. Со временемъ въ намекахъ нѣмотствующаго голоса проблеснулъ мой умъ. А потомъ уже подъ руководствомъ другихъ я выплакалъ себѣ слово. Въ двадцать лѣтъ собрался я съ силами, но прежде сего, какъ подвизавшійся на поприщѣ, встрѣтилъ много поражений. Иное остается при мнѣ, другое для меня погибло, а надъ инымъ (да будетъ извѣстно тебѣ, душа моя!) будешь еще трудиться, проходя жизнь—это стремленіе во всемъ тебѣ противное, этотъ дикій потокъ, это волнующееся море, то здѣсь, то тамъ вскипающее отъ непрестанныхъ порывовъ вѣтра. Часто обуреваюсь собственнымъ своимъ безразсудствомъ; а оно навелъ на меня противникъ нашей жизни—демонъ.

Если вѣрно оставишь вѣсы и взвѣсишь все, что въ жизни пріятнаго, и что прискорбнаго, то одна чаша, до верха нагруженная зломъ, пойдетъ къ землѣ, а другая, напротивъ, съ благами жизни, побѣжитъ вверхъ. Война, море, воздѣлываніе земли, трудъ, разбойники, пріобрѣтеніе имущества, описи имѣній, сборщики податей, ходатаи по дѣламъ, записи, судьи, неправдивый начальникъ—все это еще дѣтскія игрушки въ многотрудной жизни. Посмотри и на пріятность жизни: пресыщеніе, обремененіе, пѣніе, смѣхъ, гробъ, всегда наполненный сотлѣвшими мертвецами; брачные дары, бракъ, бракъ второй, если расторгся прежній, прелюбодѣи, поимка прелюбодѣевъ; дѣти—тревожная скорбь; красота—невѣрная приманка; безобразіе—невинное зло; заботы о добрыхъ дѣтяхъ, печаль о худыхъ; богатство и нищета—сугубое зло, презорство, гордость—все это какъ шаръ, летающій изъ рукъ въ руки у молодыхъ людей.

Итакъ, смотря на сіе, онѣдаюсь сердцемъ, если почитаютъ лучшимъ то, въ чемъ больше зла, нежели добра. Не плачешь ли, слыша, сколько было скорбей у жившихъ до насъ? Впрочемъ, не знаю, будешь ли ты при этомъ плакать, или смѣяться. Мудрецы древности находили для себя приличнымъ и то и другое;

¹⁾ Гомеръ, въ Одиссеѣ 18, 130

и у одного изъ нихъ извлекало слезы, а въ другомъ возбуждало смѣхъ, что Трояне и Ахеи, другъ на друга бросаясь, бились и взаимно себя истребляли за прелюбодѣйную жену; что брашь была у Куретовъ и у браннолюбивыхъ Этолянъ за свиную голову и за щетину молодого кабана; что Эаковы сыны, при всей великой славѣ, умерли, одинъ среди враговъ отъ неистовой руки, а другой отъ женолюбія; что именитъ былъ Амфитріоновъ сынъ, но и этотъ всеразящій погибъ отъ ядоносной одежды. Не избѣжали злой участи и Киры и Крезы, а равно и наши, какъ будто вчерашніе только, цари. И тебя, почитавшійся сыномъ змія, неуправляемая сила—Александръ, погубило вино, когда обошелъ ты цѣлую землю! Какое преимущество между согнившими? Тотъ же прахъ, тѣ же кости— и ирой Атридъ и нищій Иръ, царь Константинъ и мой служитель; и кто злострадалъ, и кто благоденствовалъ, у всѣхъ нѣтъ ничего, кромѣ гроба.

Такова здѣшняя участь; но что же въ другой жизни? Кто скажетъ, что приноситъ неправеднымъ послѣдній день? Тамъ клокочущій пламень, ужасная тма, удалившимся отъ свѣта, червь, всегдашнее памятованіе нашихъ грѣховъ. Лучше бы тебѣ, грѣшникъ, не вступать во врата жизни, и если вступилъ, всему разрушиться наравнѣ со звѣрями, чѣмъ послѣ того, какъ терпишь здѣсь столько скорбей, понести еще наказаніе, которое тяжелѣе всего претерпѣваемаго тобою въ здѣшней жизни! Гдѣ великая слава моего прародителя?—Погублена снѣдію. Гдѣ премудрый Соломонъ?—Покоренъ женами. Гдѣ этотъ Іуда, сопричисленный къ двѣнадцати?—За малую корысть объять тмоу.

Молю Тебя, Царь мой Христосъ: подай, Блаженный, Твоему служителю немедленное исцѣленіе отъ золь, преселивъ его отсель! Для людей одно только благо, и благо прочное,—это небесныя надежды. Ими дышу я нѣсколько; а къ прочимъ благамъ чувствую великое отвращеніе. И я готовъ предоставить существамъ однодневнымъ все то, что влачится по землѣ, отечество и чужую сторону, престолы и сопряженныя съ ними почести, близкихъ, чужихъ, благочестивыхъ, порочныхъ, откровенныхъ, скрытныхъ, смотрящихъ не завистливымъ окомъ; снѣдаемыхъ внутренно самоубійственнымъ грѣхомъ. Другимъ уступаю пріятности жизни; а самъ охотно ихъ избѣгну.

О какъ продолжительною сдѣлала жизнь эту бѣдствія!— Долго ли мнѣ сидѣть у гноища? Какъ будто всѣ блага нашей жизни заключены въ одномъ утѣшеніи—изо дня въ день то принимать въ себя, то извергать отмѣренное. Не многимъ пользуется

гортань; а все прочее переходитъ въ стокъ нечистотъ. Еще зима, еще лѣто; то весна, то осень попеременно; дни и ночи—двойные призраки жизни; небо, воздухъ, море—во всемъ этомъ, и что неподвижно, и что вращается, ничего для меня нѣтъ новаго, всемъ я пресыщенъ. Другую даруй мнѣ жизнь и другой мѣръ, для котораго охотно понесу всѣ тяжести трудовъ. Лучше бы мнѣ умереть, когда заключилъ Ты меня въ матернюю утробу; ибо какъ скоро началъ я жизнь, моимъ удѣломъ стали тма и слезы.

Что это за жизнь?—Воспрянувъ изъ гроба, иду къ другому гробу, и возставъ изъ могилы, буду погребенъ въ непамятномъ огнѣ. Да и это время, пока дышу, есть быстрый потокъ бѣгущей рѣчки, въ которой непрестанно одно уходитъ, другое приходитъ, и ничего нѣтъ постоянного. Здѣсь все одинъ прахъ, который закидываетъ мнѣ глаза, и я дальше и дальше отпадаю отъ Божія свѣта, ощупью, по стѣнѣ, хватаясь за то и другое, брожу вглубь великой жизни. Отважусь на одно правдивое слово: человекъ есть Божія игра, подобная одной изъ тѣхъ, какія видимъ въ городахъ. Сверху надѣта личина, которую сдѣлали руки; когда же она снята, каменью отъ стыда, явившись вдругъ инымъ. Такова вся жизнь жалкихъ смертныхъ. У нихъ на сердцѣ лежитъ мечтательная надежда, но тѣшатся ею недолго.

А я, который емлось за Христа, никогда не отрѣшусь отъ Него, пока связанъ узами сей перстной жизни. Во мнѣ двоякая природа. Тѣло сотворено изъ земли, потому и преклонно къ собственной ей персти. А душа есть Божіе дыханіе, и всегда желаетъ имѣть лучшую участь пренебесныхъ. Какъ потокъ течетъ изъ источника по ровному мѣсту, а пламенѣющій огонь знаетъ одинъ неизмѣнный путь—возноситься вверхъ: такъ и человекъ великъ; онъ даже Ангель, когда, подобно змѣѣ, сослезши съ себя пестровидную старость, восходитъ отселѣ. Торжествуйте іереи, я умеръ! И вы, злые сосѣди, не прійдете уже отъ меня въ трепеть, какъ прежде! Вы сами себѣ заграждаете великое милосердіе присноживущаго Царя. А я, оставивъ все, имѣю одно—крестъ, свѣтлый, столпъ моей жизни. Когда же я буду восхищенъ отселѣ, и коснусь пренебесныхъ жертвъ, къ которымъ не приближается скрытое зло—зависть; тогда (если позволено сказать) и за завистливыхъ буду беззавистно молиться.

1) Кто я? Откуда пришелъ въ жизнь? И послѣ того, какъ

1) У Биллія начинается отселѣ стихотвореніе 15, подъ заглавіемъ: *О путяхъ жизни.*

земля приметъ меня въ свои нѣдра, какимъ явлюсь изъ возставшаго праха? Гдѣ поставитъ меня великій Богъ? И, исхитивъ отселѣ, введетъ ли въ покойную пристань? Много путей многобѣдственной жизни, и на каждомъ встрѣчаются свои скорби; нѣтъ добра для людей, къ которому бы не примѣшивалось зло; и хорошо еще, если бы горести не составляли большей мѣры! Богатство невѣрно; престоль—киченіе сновидца; быть въ подчиненіи тягостно; бѣдность—узы; красота—кратковременный блескъ молніи; молодость—временное воскипѣніе; сѣдина—скорбный закатъ жизни; слова летучи; слава—воздухъ; благородство—старая кровь; сила—достояніе и дикаго вепря; пресыщеніе нагло; супружество—игро; многочадіе—необходимая забота; безчадіе—болѣзнь; народныя собранія—училище пороковъ; недѣятельность расслабляетъ; искусства приличны пресмыкающимся по землѣ; чужій хлѣбъ горекъ; воздѣлывать землю трудно; большая часть мореплавателей погибли; отечество—собственная яма; чужая сторона—укоризна. Смертнымъ все трудно; все здѣшнее—смѣхъ, пухъ, тѣнь, призракъ, роса, дуновение, перо, паръ, сонъ, волна, потокъ, слѣдъ корабля, вѣтеръ, прахъ, кругъ, вѣчно вращающійся, возобновляющій все подобное прежнему, и неподвижный и вертящійся, и разрушающійся и непремѣнный — во временахъ года, дняхъ, ночахъ, трудахъ, смертяхъ, заботахъ, забавахъ, болѣзняхъ, паденіяхъ, успѣхахъ.

И это дѣло Твоей премудрости, Родитель и Слово, что все непостоянно, чтобы мы сохраняли въ себѣ любовь къ постоянному! Все обтекъ я на крылахъ ума—и древнее, и новое; и ничего нѣтъ немощнѣе смертныхъ. Одно только прекрасно и прочно для человѣка: взявъ крестъ, преселиться отселѣ. Прекрасны слезы и воздыханія, умъ, питающійся божественными надеждами, и озареніе пренебесной Троицы, вступающей въ общеніе съ очищенными. Прекрасны отрѣшеніе отъ неразумной персти, нерасплѣніе образа, пріятого нами отъ Бога. Прекрасно жить жизнью чуждой жизни, и, одинъ міръ промѣнявъ на другій, терпѣливо переносить всѣ горести

Слово 12¹⁾), блаженства и опредѣленія духовной жизни.

Блаженъ, кто ведетъ пустынную жизнь, не имѣетъ общенія съ привязанными къ землѣ, но обожилъ свой умъ

¹⁾ У Биллія стихотвореніе 16-е.

Блаженъ, кто, въ общеніи со многими, не развлекается многимъ, но преселилъ къ Богу всецѣлое сердце.

Блаженъ, кто, вмѣсто всѣхъ стяжаній, приобрѣлъ Христа, у кого одно стяжаніе—крестъ, который и несетъ онъ высоко.

Блаженъ, кто господинъ своихъ чистыхъ отъ неправды стяжаній, и подаетъ нуждающимся божескую руку.

Блаженна жизнь счастливыхъ дѣвственникововъ, которые, отрясши плоть, близки къ чистому Божеству.

Блаженъ, кто, уступивъ немного законамъ брака, приноситъ въ даръ Христу большую часть любви.

Блаженъ, кто, воспріявъ на себя власть надъ народомъ, чистыми и великими жертвами примиряетъ Христа съ земнородными.

Блаженъ, кто, принадлежа къ стаду, занимаетъ мѣсто между пасомыми, какъ совершеннѣйшая овца Христова.

Блаженъ, кто, въ высокихъ пареніяхъ очищеннаго ума, видитъ свѣтозарность небесныхъ свѣтовъ.

Блаженъ, кто многотрудными руками чтить царя, и для многихъ служить закономъ жизни.

Всѣ они наполняютъ собою небесныя точила—эти влагалища для плода нашихъ душъ, хотя каждая добродѣтель ведетъ въ особое мѣсто; потому что много обитателей для многихъ родовъ жизни.

Блаженъ, кто показалъ великій духъ, обнищавшій страстями, кто проводитъ здѣшнюю жизнь въ слезахъ, кто всегда алчетъ небесной снѣди, кто чрезъ кротость дѣлаетъ себя наслѣдникомъ великихъ обѣтованій, кто своею сострадательностію привлекаетъ къ себѣ великое Божіе милосердіе, кто другъ мира и чистъ сердцемъ, кто терпитъ великія скорби ради Христа—великой славы, и самъ идетъ во срѣтеніе великой славѣ.

Иди, какою хочешь изъ этихъ, стезею. Если пойдешь всѣми; это всего лучше. Если пойдешь немногими,—второй тебѣ вѣнецъ. А если пойдешь и одною, но превосходно;—и то пріятно. Всѣмъ уготованы обитатели по достоинству—и совершеннѣйшимъ и менѣе совершеннымъ.

И Раавъ неблагочинную вела жизнь, но и ту содѣлала славною черезъ свое превосходное страннолюбіе. Мытарь за одно—за смиренномудріе получилъ преимущество предъ фарисеемъ, который много превозносился. Лучше дѣвственная жизнь; подлинно лучше!—но если она предана міру и земному, то хуже супружества. Высока жизнь цѣломудренныхъ нестяжателей, при-

витающихъ въ горахъ; но гордость и ихъ низлагала неоднократно; потому что они, не измѣряя своей добродѣтели другими совершеннѣйшими образцами, иногда въ сердцѣ своемъ именуютъ высоту, что не высоко, а не рѣдко, при пламенѣющемъ умѣ, ноги, какъ горячіе кони, несутъ ихъ далѣе цѣли. Посему, или на легкихъ крылахъ несись все выше и выше, или, оставаясь внизу, совершай безопасное теченіе, не страшась, что какая-нибудь тяжесть преклонитъ крылья твои къ землѣ, и ты, вознесшись, падешь жалкимъ паденіемъ.

Малый корабль, скрѣпленный частыми гвоздями, поднимаетъ больше груза, нежели большой корабль, худо связанный. Тѣсный путь устроенъ къ Божіимъ вратамъ; но многія стези выводятъ на одну дорогу. Пусть одни идутъ тою, а другіе—другою стезею, какую кому указываетъ природа, только бы всякій вступилъ на тѣсный путь. Не всѣмъ равно пріятна одна снѣдь; и христіанамъ приличенъ не одинъ образъ жизни.

Для всѣхъ превосходны слезы, бдѣнія и труды. Для всѣхъ хорошо обуздывать ярость непокойныхъ страстей, преодолевать невоздержность, подкланяться подъ державную руку Христову и трепетать грядущаго дня¹⁾. Если же идешь совершенно горнимъ путемъ; ты уже не смертный, но, по Григоріеву слову, одинъ изъ небожителей.

²⁾ Поклялся я самимъ Словомъ, Которое для меня есть высочайшій Богъ, Начало отъ Начала—отъ безсмертнаго Отца, Образъ Первообраза, естество, равное Отчему, Богъ, пришедшій съ небесъ и вступившій въ человѣческую жизнь,—поклялся я, ни умомъ, замыслившимъ вражду, не унижать великій Умъ, ни чуждымъ словомъ—Слово. А если бы, послѣдовавъ внушеніямъ богоборныхъ временъ, сталъ я разсѣкать Божество пресвѣтлой Троицы; если бы мой умъ обольстился высокимъ престоломъ, или подалъ я руку искательству другихъ; если бы предпочелъ я Богу смертнаго помощника, привязавъ корабль свой къ хрупкому камню; если бы въ счастіи возгордился я сердцемъ, или опять, встрѣтившись съ напастями, унылъ духомъ; если бы сталъ я судить судъ, уклонившись сколько-нибудь отъ закона; если бы человѣческой гордости отдалъ я предпочтеніе предъ преподобными, если бы, видя, какъ злые наслаждаются тишиною,

¹⁾ Суда по всеобщемъ воскресеніи.

²⁾ У Виллія начинается здѣсь стихотвореніе 17-е, подъ заглавіемъ: *клятвы или клятвенные обѣты*. Впрочемъ, самъ Виллій въ толкованіи своемъ замѣчаетъ, что стихотвореніе сіе въ рукописи соединено съ предыдущимъ.

а добрые разбиваются объ утесы, уклонился я отъ праваго пути; если бы зависть изсушила мое сердце, если бы посмѣялся я паденію другихъ, хотя и не святыхъ, какъ будто бы самъ стою неподвижною ногою; если бы отъ умножившейся желчи паль мой умъ; если бы языкъ побѣждалъ безъ узды, и похотливое око увлекло за собою сердце; если бы возненавидѣлъ я кого напрасно; если бы коварно или явно сталъ я мстить своему врагу; если бы отпустилъ я отъ себя ницаго съ пустыми руками, или съ сердцемъ, жаждущимъ небеснаго слова: то Христось да будетъ милосердъ къ другому, а не ко мнѣ; мои же труды, до самой сѣдины, да развиваетъ вѣтеръ!

Такими законами связалъ я жизнь свою. А если въ желаніи достигну конца; то по Твоей благодати, Нетлѣнный!

Стихи о самомъ себѣ, въ которыхъ св. Богословъ скрытымъ образомъ поощряетъ и насъ къ жизни во Христѣ.

Царь мой, Христось! Ты чистыми дланями служителя Твоего Моисея, крестообразно воздѣтыми на горѣ, низложилъ нѣкогда губительную силу Амалика. Ты простертыми руками Даниила связалъ во рвѣ страшныя пасти львовъ и ужасныя острія ихъ когтей. Черезъ Тебя молящійся и во утробѣ звѣря простирающій руки Иона исшелъ изъ великаго кита; и въ Ассирійскомъ пламени трехъ мужественныхъ юношей, какъ скоро воздвигли они длани, покрыло росоносное облако. Ты самъ нѣкогда ходилъ по кипящему морю, усмирялъ волны и силу вѣтровъ, извлекалъ изъ моря обуреваемыхъ вѣтрами учениковъ; Ты разрѣшалъ отъ болѣзней и души и тѣлесные составы многихъ; какъ Богъ, принявшій на Себя естество человѣческое, вступалъ въ общеніе съ смертными. И Богомъ былъ Ты отъ вѣка, человѣкомъ же явился намъ на послѣдокъ, чтобы послѣ того, какъ Самъ Ты сталъ человѣкомъ, меня содѣлать богомъ. Будь и ко мнѣ милосерднымъ Богомъ, Блаженный, и спаси меня! Будь и ко мнѣ милосерднымъ Богомъ, и прійди къ зовущему! прійди, милосердый Боже, подай мнѣ руку и спаси меня, который стражду отъ брани, отъ звѣрей, отъ пламени, отъ вѣтровъ, и на небо только возвожу взоры! Ибо для меня и звѣрями и свирѣпою волною моря, и плачевною бранію, и стремленіемъ палящаго огня—всѣмъ бывають злые люди, губители моей жизни, люди, которые всего болѣе ненавидятъ любящихъ Бога, не боясь суда, угрожающаго имъ впоследствии, не уважая и людей, отвращающихся злочестивца. Отъ

нихъ огради меня, Христе, и милостиво соблюди, покрывъ Своими крылами! Удали отъ служителя Твоего, Царь, обременительныя бѣдствія; да не возмущаютъ ума моего тяжкія заботы, какія міръ и царствующій въ мірѣ возбуждаютъ въ жалкихъ смертныхъ, какъ ржа желѣзо истнѣвая въ нихъ боговидный образъ, и лучшую часть человѣка обращая въ нѣчто сродное персти, чтобы не душа восторгала горѣ тяготѣющую къ землѣ персть, но персть низлагала на землю крылатую душу, оплодотворивъ злосчастную перстными дѣлами!

Для смертныхъ двое есть врагъ страшной смерти. Одни источаютъ изъ сердца мутный потокъ грѣха; у нихъ всегда на умѣ дѣла вредоносныя: плотоугодіе, оскорбительная наглость, губительные замыслы; они, возлюбивъ свою участь, и сами себя поощряя на всякое преступленіе, услаждаются грѣхомъ. Другіе же чистыми очами ума видятъ Бога, отвращаются наглости—сего порожденія безстыднаго міра, живутъ безъ скорбей подъ сѣнію плоти, ускоренными стопами попираютъ землю, съ легкостью слѣдуя за зовущимъ Богомъ и Духомъ, и возсіяютъ въ послѣдствіи, какъ тайники сокровенной жизни Царя-Христа, когда она явится во свѣтѣ. Но и они, будучи данниками нужды, искушаются худыми терніями жизни, а злобный врагъ демонъ для немощныхъ смертныхъ измыслилъ изъ сего тысячи жалъ смерти, часто подъ благовидною личиною скрывая жалкую пагубу, чтобы уловить противоборствующаго; онъ такъ же готовитъ гибельный конецъ людямъ, какъ уда въ водѣ приносить смерть рыбамъ, которыя, желая жизни, но поглощая только собственную свою пагубу, неожиданно привлекаютъ уду въ свою внутренность. И ко мнѣ этотъ коварный, такъ какъ зналъ я, что онъ тма, облекшись въ прекрасную наружность, приступалъ въ подобіи свѣта, въ надеждѣ, что и я, возлюбившій добродѣтель, приближусь къ пороку, когда и мой легкій умъ увлечется въ пагубу.

Меня не связало супружество—этотъ потокъ жизни, эти узы тягчайшія изъ всѣхъ, какія налагаетъ на людей вещество, какъ начало трудовъ. Меня не плѣнили прекрасныя волны шелковыхъ одеждъ; не любилъ я продолжительныхъ трапезъ, не любилъ пресыщать прожорливое чрево—эту погибельную мать плотоугодія; не любилъ я жить въ огромныхъ и великолѣпныхъ домахъ; не расслаблялъ я сердца музыкальными звуками, нѣжно потрясающими слухъ; меня не упоевало нѣгою роскошное испареніе благовонныхъ мазей. И серебро и золото предоставлялъ я другимъ, которые, сидя надъ несмѣтнымъ богатствомъ, любятъ предаваться

заботамъ, и не много находятъ для себя услажденія, но много труда. Для меня пріятенъ кусокъ хлѣба у меня сладкая приправа—соль; а столъ приготовленъ безъ трудовъ, и питіе трезвенное—вода. Мое лучшее богатство — Христось, Который непрестанно возноситъ умъ мой горѣ, а не поля засѣянные пшеницею, не прекрасныя рощи, не стада воловъ или тучныхъ овецъ, не дорогіе служители—одинъ со мною родъ, но отдѣленный отъ меня древнимъ мучительствомъ, которое на рожденныхъ одною землею (землею, или Богомъ) наложило двоякое именованіе—благородства и рабства, что подтвердилъ и недобрый законъ. Ни къ чему не нужны мнѣ—ничтожная честь, которая проходитъ скорѣе разливающагося дыханія и скорогибнущая слава; не важно для меня получить отъ царя награды при Дворѣ; никогда не обольщало меня желаніе судейскаго мѣста, на которомъ, засѣдая величаво, могъ бы я высоко поднять вверхъ брови; не важно для меня имѣть могущество въ городахъ или между гражданами,—увеселяться самыми лживыми и ничтожными грезами, которыя какъ приходятъ одна за другою, такъ и улетаютъ, или хватать руками мимотекущій потокъ, какъ нѣчто твердое ловить тѣнь и сжимать ее руками, простирать длани къ туману и осязать его. Таковъ человѣческой родъ, таково и человѣческое счастье: оно подобно самымъ непримѣтнымъ слѣдамъ корабля, которые нарѣзываются спереди и исчезаютъ сзади!—Одна слава была для меня пріятна—отличаться познаніями, какія собрали Востокъ и Западъ и краса Эллады—Аеины; надъ симъ я трудился много и долгое время. Но въ сіи познанія, повергнувъ долгу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ, чтобы они уступили Слову великаго Бога, Которое затмѣваетъ Собою всякое извѣстіе и многообразное слово ума человѣческаго.

Но, избѣжавъ инаго, не избѣжалъ я невѣроятнаго вражды неприязненнаго, который съ лицомъ дружелюбнымъ строить мнѣ козни. Откровенно повѣдаю всѣмъ мое бѣдствіе, чтобы другіе могли спастись отъ ухищреній пресмыкающагося звѣря

Услуживая родителямъ, которые обременены были старостию и жестокою скорбію, потому что изъ дѣтей остался у нихъ я одинъ—слабая надежда, небольшое мерцаніе уже несуществующаго великаго свѣтила,—услуживая родителямъ, думалъ я исполнить угодное Тебѣ и законамъ Твоимъ, Царь мой Христось; потому что Ты, Блаженный, даруешь дѣтей смертнымъ, чтобы имѣли въ нихъ помощь, и ими, какъ жезломъ, подпирали дрожащія члены. А изъ всѣхъ, которые чтутъ Тебя, мои родители осо-

бенно заботятся о благочестіи; избѣгнувъ опасности скорбной жизни, они привязали корабль свой къ Твоимъ чистымъ заловѣдямъ. Ты для нихъ начало и конецъ. Матерь моя, наслѣдовавъ отъ отцевъ богоугодную Вѣру, и на дѣтей своихъ наложила золотую сія цѣпь. Въ женскомъ образѣ нося мужское сердце, она для того только касается земли и заботится о мірѣ, чтобы все, и самую здѣшнюю жизнь, преселить въ жизнь небесную, и на легкихъ крылахъ воспарить горѣ. А родитель прежде, служа идоламъ, былъ дикою маслиною, но привился къ стеблю маслины доброй, и столько принялъ въ себя соковъ благороднаго корня, что закрылъ собою дерево, и многихъ напиталъ медоточными плодами; онъ сѣлъ волосами и вмѣстѣ сѣлъ умомъ, привѣтливъ, сладкорѣчивъ; это новый Моисей или Ааронъ, посредникъ между людьми и небеснымъ Богомъ; непорочный внутренно, чистыми тайно-водствіями и нашими жертвами, какія закаляетъ умъ, приводитъ онъ въ общеніе смертныхъ и великаго безсмертнаго Бога. Отъ такого родителя и отъ такой матери произошелъ я. Соревновать имъ невозможно; а что соревнуютъ они другъ другу, это не тревожитъ меня. Заботясь о нихъ, и облегчая ихъ труды, питалъ я умъ свой надеждами, что дѣлаю самое полезное дѣло, исполняю долгъ природы.

Но несомнѣнно, что путь нечестивыхъ исполненъ пагубы; потому что и изъ добраго произошло для меня злое. Непрестанныя и тяжкія заботы, день и ночь сѣдая душу и тѣло, низводятъ меня съ неба къ матери моей—землѣ. Во-первыхъ, управлять служителями—подлинная сѣть пагубы. Жестокихъ владыкъ они всегда ненавидятъ, а богобоязненныхъ безстыдно попираютъ; къ злымъ неснисходительны, добрымъ неблагопокорны, но на тѣхъ и на другихъ дышатъ неразумнымъ гнѣвомъ. А сверхъ того надобно заботиться объ имуществѣ, всегда имѣть на плечахъ Кесарево бремя, переносить сильныя угрозы сборщика податей; потому что подать, возрастая съ имѣніемъ, унижаетъ для людей цѣну самой свободы, а на устахъ лежатъ узы. Надобно проводить время среди волненій многолюднаго собранія, близъ высокнхъ сѣдалищъ, съ которыхъ рѣшаются людскія распри, надобно выслушивать громкія возраженія противника, или по закону, терпѣть скорби въ запутанныхъ сѣтяхъ. Вотъ бремя, вотъ трудъ! А злые берутъ преимущество предъ добрыми; блюстители законовъ могутъ быть куплены той и другой стороною. И если злой имѣетъ у себя больше достатка; то онъ и лучшій. Кто же съ такими людьми, безъ помощи Божіей, избѣжать множества лжей и хитро-

сплетеній? Ибо необходимо, или опроретью бѣжать и оставить все злымъ, или очернять свое сердце, подобно какъ приближающійся къ злему дыханію истребительнаго огня носить на себѣ печальные знаки или пламени, или дыма. Но это еще сносно. Моя рана болѣзненнѣе. Послѣ того, какъ единокровный мой оставилъ жизнь, сколько я терпѣлъ, и сколько надѣюсь еще терпѣть! Кто встрѣтилъ неожиданныя потери, тотъ не ожидаетъ лучшаго. При жизни брата и я имѣлъ нѣкоторую славу у людей; богатство же или могущество никогда не уловляло моего сердца. А какъ скоро онъ умеръ, одинъ я терплю скорби и горести.

Изъ имѣнія, какимъ владѣлъ братъ, иное поглотила развершаяся земля, когда и самъ онъ покрытъ былъ развалинами Никей, а иное демонъ предалъ расхищенію руками негодныхъ людей; только самъ, заваленный обломками, избѣжалъ онъ смерти, потому что небесный Богъ простеръ руку Свою надъ домомъ, въ которомъ онъ находился. О, Кесарій мой—досточтимое имя! какъ утренняя звѣзда блисталъ ты тогда при дворѣ царскомъ, занимая первое мѣсто по мудрости и кроткому нраву, имѣя у себя многихъ сильныхъ друзей и товарищей; для многихъ изобрѣталъ ты врачевства отъ тяжкихъ тѣлесныхъ недуговъ; многихъ своими благодѣяніями избавлялъ отъ нищеты: но теперь ты умеръ, и насытилъ многихъ псовъ, которые отвсюду обступили меня и лаютъ; а изъ родныхъ никто не подаетъ мнѣ помощи. Немногіе меня любятъ, и тѣ любятъ какъ враги; уважаютъ, пока еще ничего не получили, а получивъ, ненавидятъ. Такъ съ высокаго развѣсистаго дуба, порываемаго усиліями вѣтра, и здѣсь и тамъ, отвсюду вокругъ похищаются вѣтви; такъ съ обширнаго виноградника, у котораго разрушена ограда, мимоходящіе путники безъ милосердія собираютъ грозды, и единопасущійся въ лѣсахъ вепрь наноситъ ему вредъ зубами. А мнѣ—многослезный трудъ; нѣтъ силъ въ моей рукѣ ни насытить, ни отогнать всѣхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ, отрѣшившись отъ житейскаго, предалъ я душу свѣтлымъ небеснымъ помысламъ, и высокій умъ, восхитивъ меня отсюда, поставилъ далеко отъ плоти, скрылъ въ таибницахъ небесной скиніи, осіялъ мои взоры свѣтомъ Троицы, свѣтозарнѣе Которой ничего не представляла мнѣ мысль, Троицы, которая съ превознесеннаго престола изливаетъ на всѣхъ общее и неизреченное сіяніе, Которая есть начало всего, что отдѣляется отъ превыспренняго временемъ, съ тѣхъ, говорю, поръ я умеръ для міра, а міръ умеръ для меня. Я дышащій мертвецъ; мое могущество—кончившаяся греза; моя жизнь въ иномъ

міръ: я въздыхаю подъ дебелюю плотію, которую мудрыя прѣкрасно называютъ мракомъ ума. Отрѣшившись отъ здѣшной жизни, отъ омрачающаго зрѣнія, отъ всего, что, пресмыкаясь по землѣ, блуждаетъ и вводитъ въ заблужденіе, желаю чище приникнуть въ постоянное, чтобы не въ смѣси (какъ обыкновенно доселѣ) съ неясными образами, которыми зрѣніе даже самаго остраго ума вводится въ обманъ, но чистыми очами видѣть самую истину. Впрочемъ, сіе возможно впослѣдствіи; а здѣшнее—ничего нестоющій дымъ или прахъ для того, кто эту жизнь обмѣнилъ на жизнь великую, жизнь земную на жизнь превыспреннюю, жизнь скоропреходящую на жизнь постоянную

За сіе-то и напали на меня всѣ, не хотѣть отойти отъ меня, спѣша какъ на готовую добычу. Увы, увы, мой Кесарій! И ты—горсть праха, ты, который отражалъ отъ меня всѣ безпокойства, давалъ мнѣ возможность избѣгать всякаго бремени, почиталъ брата, какъ не почиталъ никто другой, уважалъ меня, какъ иной уважаетъ любимаго отца!

Но я не столько сѣтую о потерѣ имущества, которое желалъ сдѣлать общимъ достояніемъ нуждающихся, потому что и самъ я здѣсь пресельникъ и скиталець, и все предоставляю рукъ Всевышняго—подательницѣ благъ; не столько сѣтую объ обидѣ, ненавистой всякому смертному, хотя она и кроткаго человѣка всего скорѣе можетъ привести въ гнѣвъ; не столько сѣтую объ единокровныхъ, которыхъ скрываетъ отъ меня гробъ, похитивъ преждевременно, когда они возбуждали удивленіе всѣхъ земнородныхъ: сколько плачу о душѣ своей ибо вижу, что эта прекрасная и великая царица, дочь благородныхъ Царей, изнемогаетъ подъ тяжестію неразрѣшимыхъ оковъ. Враги плѣнили ее силою оружія, подвергли трудному рабству; и она потупляетъ въ землю печальныя очи. Таково мое страданіе; вотъ рана, которую ношу въ сердцѣ!

Есть древнее сказаніе, что если злая ехидна наложить зубы и нанесетъ губительную рану, уязвленный тому только охотно пересказываетъ о семъ, въ кого безжалостная ехидна съ своимъ палящимъ ядомъ влила ту же пагубу; потому что такой только человѣкъ знаетъ нестерпимость боли. Такъ и я повѣдаю о своемъ мученіи только тѣмъ, у кого одинаковая со мною любовь, одинаковое страданіе и подобная скорбь. Тотъ только приметъ разговоръ мой съ любовью, пожелаетъ знать лучшія тайны слезящаго сердца, кто, возжелавъ подъять на рамена бремя креста, и имѣя свою часть въ огородѣ великаго Царя, предпочитаетъ путь прямой

и сострадательнѣ къ падшимъ. Но я возбудилъ бы смѣхъ, рассказывая о своихъ горестяхъ другимъ; особливо, въ комъ вѣра слегка напечатлѣлась на поверхности сердца, въ чью внутренность не проникла крѣпкая любовь къ Царю, кто живетъ на землѣ, помышляя единственно о томъ, что однодневно. Но да погибнуть такіе люди; потому что на всѣхъ, и на добрыхъ, и на злыхъ, равно изощряютъ они языкъ—эту уготованную стрѣлу!

А я не прекращу сѣтованія, пока не избѣгъ плачевнаго порабощенія грѣху, пока ключемъ ума не замкнулъ безумныхъ страстей, которымъ жестокой сатана отверзъ нынѣ всѣ входы, хотя онѣ не имѣли ко мнѣ доступа прежде, когда покрывала меня Божія рука, и грѣхъ не имѣлъ по близости такого вещества, которое бы легко и скоро воспламенялось, какъ солома отъ приближенія огня не только возгарается, но раздуваемая вѣтромъ образуетъ высокій пламенный столпъ.

Мнѣ надлежало бы прежде всего укрыть плоть свою въ пропасть, горахъ и утесахъ; тамъ, бѣгая отъ всего, отъ самой сей жизни, отъ всѣхъ житейскихъ и плотскихъ заботъ, живя одинъ вдали отъ людей, носилъ бы я въ сердцѣ всецѣлаго Христа, къ единому Богу вознося чистый умъ, пока не облегчила бы меня смерть, наступивъ вмѣстѣ съ исполненіемъ надеждъ. Такъ надлежало бы! Но меня удержала любовь къ милымъ родителямъ; она, какъ грузъ, влекла меня къ землѣ; даже не столько любовь, сколько жалость—эта пріятнѣйшая изъ всѣхъ страстей, проникающая всю внутренность и всѣ составы костей, жалость къ богоподобной сѣдинѣ, жалость къ скорби, жалость къ безчадію, жалость къ заботливости о сынѣ, съ какою, непрестанно предаваясь сладостнымъ трудамъ, трепещутъ за него, какъ за глазъ своей жизни, и какъ за обремененнаго печальми. Предметомъ его занятій были прежде книги, которыя Духъ начерталъ языкомъ святыхъ мужей, а также изъ добраго писмени просіявающая благодать Духа, и сокровенная польза, открываемая однимъ очищеннымъ. Ему пріятны были молитвы, воздыханія, бессонныя ночи, ангелоподобные лики, которые, стоя на ногахъ, призываютъ Бога въ псалмахъ, и въ пѣснопѣніяхъ возносятъ къ Нему сердца, изъ многотихъ устъ возсылая общія славословія. Ему пріятны были—изнуреніе виновника золь,—чрева, умѣреніе смѣха, неподвижность языка и очей, обузданіе неистоваго гнѣва. А умъ сдерживалъ блуждающую и всюду озирающуюся мысль, обращалъ же ее ко Христу небесными надеждами; умъ стоялъ выше всего, возводя образъ къ Царю. И Богу угодно было такое стремленіе. Вмѣ-

сто богатства и несноснаго шума, который беспокоить меня въ ночныхъ сновидѣнiяхъ (потому что призраки ночи подобны дневнымъ заботамъ),—у меня предъ очами были—Божiе сiянiе, пресвѣтлое ликостоянiе и слава душъ благочестивыхъ. Но теперь въ душѣ моей, которая прежде любила бесѣдовать со всѣми добродѣтельными, погибли всѣ украшенiя, остались же—внутреннее желанiе и безнадежная скорбь.

О семъ плачу, и не знаю ясно, что дастъ завтрашнiй день. Приведетъ ли меня Богъ обратно къ прежнимъ правиламъ жизни, освободивъ отъ горестей и снявъ съ меня все бремя; или прежде, нежели увижу ясное небо, прежде нежели приложенъ будетъ пластырь къ ранамъ, изринетъ меня отсюда погруженнымъ въ скорби, несчастливцемъ, который желаетъ свѣта послѣ глубокой ночи? Тогда кто поможетъ сѣтующимъ напрасно? Здѣсь врачество для людей; а на послѣдокъ все будетъ заключено.

Сѣдая голова и покрытое морщинами тѣло преклонилось уже у меня къ вечеру скорбной жизни. Но доселѣ не испивалъ я столько сильныхъ и многочисленныхъ горестей. Не страдалъ я столько и тогда, какъ, отправляясь въ Ахаю изъ Фаросской земли, встрѣтилъ я море, обуреваемое ярыми вѣтрами при восхожденiи осеняго тельца, котораго особенно боятся пловцы, и немногiе изъ нихъ осмѣливаются при немъ отрѣшати корабельную вервь. Двадцать дней и ночей лежалъ я на кормѣ корабельной, призывая въ молитвахъ царюющаго въ горнихъ Бога; пѣнистая волна, подобная горамъ и утесамъ, то съ той, то съ другой стороны ударяла въ корабль, и нерѣдко низвергалась въ него; отъ порывистаго вѣтра, свистящаго въ канатахъ, потрясались всѣ паруса; эфиръ въ облакахъ почернѣлъ, озарялся молнiями и повсюду колебался отъ сильныхъ ударовъ грома. Тогда предалъ я себя Богу, и избавился отъ яраго моря, усмиреннаго святыми обѣтами. Не страдалъ я столько и тогда, какъ колебались основанiя обширной и трепещущей Эллады, не видно было пособiя въ бѣдствiи, а я трепеталъ отъ того, что душа моя не была еще освящена небеснымъ даромъ; ибо благодать и озаренiе Духа привлекаются на людей купелiю. Не страшился я столько и тогда, какъ болѣзнь пожирающимъ своимъ дуновенiемъ наполнила мои уста, стѣснила проходы дыханiя и пути жизни; и тогда какъ, въ потемнѣнiи ума вертя прутомъ, поранилъ и окровенилъ я себѣ изогнутый уголь рѣсницы, какъ убiйца, утратилъ для себя свѣтъ; великiй плачь послѣдовалъ за жестокой ошибкою, и я не могъ своими руками возносить духовной жертвы Богу до тѣхъ поръ, пока слезами не

измыль поврежденія; потому что для нечистаго опасно прикасаться къ чистому, равно какъ и слабое око устремлять на огненное солнце. Много потерпѣлъ я бѣдствій. Кто перескажетъ все то, какъ призывалъ меня Богъ, и отягощая на мнѣ руку Свою, и благоволя ко мнѣ? Но доселѣ не встрѣчалъ я такихъ несчастій, какія напоследокъ приразились къ моей злополучной душѣ.

Она желала бы увидѣть когда-нибудь день свободы, совлекшись всего и обнажившись, избѣжать огня, уловленія могущественнымъ міромъ, чудовищной пасти змія, который готовъ уловяемаго имъ поглотить своимъ зѣвомъ; а мой умъ составляетъ сладкую снѣдь для вѣлара. Кто дастъ главѣ моей или вѣждамъ текущей источникъ, чтобы потоками слезъ очистить мнѣ всякую скверну, сколько должно оплакавъ грѣхи? Ибо для смертныхъ и для душъ очернившихся самое лучшее врачество—слезы, обгорѣвшій пепель и безопасное на землѣ вретиче. Пусть всякій, взирая на меня, приходитъ въ трепеть, приобретаетъ новыя силы бѣжать отъ черной Египетской земли и горькихъ тамошнихъ дѣлъ и царя Фараона, шествуетъ же въ божественное отечество! Пусть не остается онъ плѣнникомъ на безплодныхъ равнинахъ Вавилона, сидѣть на берегахъ рѣки, отложивъ въ сторону всѣ плѣсенные органы и заливаясь слезами, но спѣшить въ предѣлы святой земли, избѣжавъ Ассирійскаго рабскаго ига, которое обременяло его доселѣ, и положить своими руками основаніе великаго храма! Съ тѣхъ поръ, какъ я злосчастный оставилъ сію священную землю, не прекращалось во мнѣ желаніе возвратиться туда; мучительное страданіе повергло меня въ старость, потуплены въ землю мои глаза, скорбь растеть въ сердцѣ, стыжусь смертныхъ и безсмертнаго Царя; такова моя одежда, и таково мое сердце, что не смѣю ни возвести взоровъ, ни отверсть устъ. Одною бѣдностью своею привлекаю къ себѣ милосердіе Царя, Который благоволя ко всѣмъ земнороднымъ, отвергаетъ надменныхъ.

Злые разбойники, какъ повѣствуется, поймавъ одного путника, который изъ святаго града Іерусалима шелъ въ извѣстный городокъ Іерихонъ, причинили ему много оскорбленій, всего изранили, нанеся безславные удары, совлекли покрывавшія его одежды, и по жестокосердію оставили едва дышащимъ. Въ скоромъ времени нашли его другіе путники, но Левитъ и іерей прошли мимо; не оказавъ милосердія; когда же подошелъ одинъ Самарянинъ, онъ сжалился надъ бѣднымъ, взявъ его, обвязалъ струпы, оставилъ врачество для ранъ и плату попечителю. Весьма чудно, почему Самарянинъ, увидѣвъ его, сжалился, а не

сжалились тѣ, которые были лучше Самарянина. Не знаю ясно, что таится подъ симъ образомъ, и какія тайны сокрываетъ Богъ въ Своей премудрости. Но да помилуетъ меня въ этомъ! И я такимъ же подвергся бѣдствіямъ. Ненавистникъ душъ, похититель жизни, подобнымъ образомъ истерзалъ и меня, когда выходилъ я изъ священнаго града; и меня лишилъ онъ благодати Христовой, и оставилъ нагимъ, какъ прежде Адама—причину персти и паденія, когда вкүшеніе низложило его на землю, изъ которой онъ произошелъ. Но умилосердись ко мнѣ, Царь; спаси отъ смерти меня, котораго оставили іереи, какъ скоро увидѣли изнемогающимъ; введя въ уготованный для всѣхъ домъ, обяжи мои струпы, и когда возстанутся мои силы, пошли опять во святыи градъ, гдѣ бы могъ я опять быть въ безопасности; охрани отъ злыхъ грабителей, отъ труднаго пути, отъ ранъ и отъ такихъ мимоходящихъ, которые имѣютъ безжалостное сердце, хотя и хвалятся благочестіемъ!

Два человекъ, какъ слышу, вошли во храмъ: высоко о себѣ думавшій фарисей, будто бы онъ всѣхъ угодиѣ Богу, и мытарь, у котораго сердце сокрушено было внутренно раскаяніемъ въ неправедныхъ прибыткахъ. Одинъ подробно перечислялъ посты, законныя десятины, сравнивалъ себя съ мужами древними, и укорялъ словами мытаря; а другой, заливаясь слезами, ударяя руками въ перси, не смѣя возвести даже очей къ престолу великаго Бога, то есть къ широкому небу, и ни на кого не взирая своими рабскими очами, но стоя вдаль, молился и зывалъ: „будь милостивъ, умилосердись надъ рабомъ Твоимъ, обремененнымъ грѣхами! Меня не спасутъ ни законъ, ни десятины, ни добрыя дѣла; и укоряющій не лжетъ; я стыжусь и храма, потому что касаюсь его преподобными ногами. Но Твоя благодать, Твое милосердіе да изліются на меня оскверненнаго; сію одну надежду, Царь, подай жалкимъ беззаконникамъ“. Такъ говорили они. Богъ услышалъ обоихъ, и помиловалъ того, кто оказался изнемогающимъ, а велерѣчиваго поставилъ ни во что. Какъ видѣлъ, такъ и рассудилъ ихъ Ты, Боже мой, Который и мнѣ подаешь смѣлость; потому что и я передъ Тобою—тотъ же негоднѣйшій мытарь, такъ же тяжело вздыхаю, и уповаю только на Твою помощь.

Если отецъ мой и почтенная мать воздали Тебѣ за меня слезами, вздыханіями и молитвами; если они удѣляли Тебѣ хотя малую часть стяжаній, чествовали Тебя чистыми и святыми жертвами (а я самъ ничего такого не сдѣлалъ, что было бы достойно Тебя): то умоляю, вспомяни о нихъ, и помоги мнѣ. Удали

отъ меня злыя заботы, чтобы тернія не подавили меня своими отраслями и не остановили въ шествіи божественнымъ путемъ. Ты, защита моя, проводи меня невредимымъ; ибо Твой я служитель, Твое я достояніе, Ты для меня отъ начала единый Богъ; Тебѣ посвятила меня мать, нося меня еще во утробѣ своей. Тогда еще, желая на колѣняхъ своихъ держать сына, и подражая священной Аннѣ, взывала она: „Царь мой, Христось! Даруй мнѣ увидѣть сына, и юный плодъ чрева моего заключишь Ты въ Своей оградѣ“. Такъ вѣщала она, и Богъ внялъ ея моленію; въ ниспосланномъ отъ Бога сновидѣніи наречено матери мое имя; а потомъ далъ Ты ей и сына, и она во святыхъ Твоихъ приносла меня—новаго Самуила, если только былъ я когда-нибудь Самуиломъ. А теперь сопричтенъ я къ мерзкимъ и наглымъ сынамъ достославнаго служителя Твоего—Илія, которые съ неразумнымъ сердцемъ приступали къ чистымъ жертвамъ, жадными руками касаясь священныхъ котловъ, за что и имѣли несчастный конецъ жизни.

Но мать моя съ лучшими надеждами отдѣлила Тебѣ часть рожденныхъ ею. Она руки мои очистила божественными книгами, и обнимая меня, сказала мнѣ такое слово: „приводилъ уже нѣкто къ алтарю возлюбленнаго, богодарованнаго сына, готоваго стать священной жертвою. Наилучшій отецъ приводилъ добраго сына, плодъ поздно раждающей Сарры, и корень потомства, какое начертывали надежда и Божіе обѣтованіе. Авраамъ былъ жрецъ, и Исаакъ—славный агнецъ. А я, какъ обѣщала, приношу Богу тебя—даръ живой: исполни же матернее желаніе. Ты рожденъ у меня по молитвамъ моимъ; о томъ теперь и молюсь, чтобы ты былъ совершенъ.—Это доброе богатство даю тебѣ, сынъ мой, для сей и для будущей жизни; но послѣднее гораздо лучше“. Таково желаніе матери; и я покорялся ея желаніямъ, будучи еще отрокомъ; юная душа моя принимала въ себя новый образъ благочестія; печать соблюдалась по манію Христа, Который явно бсѣдовалъ съ рабомъ Своимъ, связалъ меня любовію къ цѣломудрію, обуздалъ мою плоть, вдохнулъ въ меня горячую любовь къ божественной мудрости и къ жизни монашеской—начатку жизни будущей, къ жизни не ищущей ребра, которое бы любило плоть свою, льстивыми же словами доводило до горькаго вкушенія, къ жизни, приносящей въ даръ Богу чистую любовь, и не раздѣляющей рожденнаго всецѣло отъ Бога между женою и Христомъ, Который, стезею узкой и трудной, чрезъ тѣсныя и не для многихъ проходимыя врата въ торжественномъ сопровожденіи при-

водитъ къ Богу меня—бога, изъ земли сотвореннаго, а не рожденнаго, и изъ смертнаго ставшаго безсмертнымъ,—приводить, съ великимъ Божиимъ образомъ привлекая и помощника моего—тѣлю, подобно тому, какъ камень магнитъ притягиваетъ черное желѣзо.

Увы! Какое тяжкое отмщеніе потерпѣла ты, душа моя! Тщеславные смертные, подлинно стали мы подобны легкому дуновенію вѣтра; или, какъ туда и сюда стремящійся потокъ Еврипа, надмеваясь пустотою, возвращаемся мы на землѣ. Ни худое, ни доброе—ничто не бываетъ у людей до конца одинаковымъ. Пути добрыхъ и злыхъ идутъ между собою весьма близко; и злый не знаетъ, чѣмъ онъ кончитъ вполсѣдствіи, и добрый не твердо стоитъ въ добродѣтели; но какъ порокъ ослабляется страхомъ, такъ добродѣтель завистію. И Христу угодно, чтобы съ тѣмъ и съ другимъ боролся нашъ однодневный родъ, чтобы мы, взирая на Его могущество, устремляли взоръ горѣ. Тотъ у насъ совершенъ, кто идетъ прямымъ путемъ, не озирается на пепельную пустыню Содома, погибельнымъ огнемъ пожигаемаго за наглость, но стремительно бѣжитъ на гору и забываетъ объ отечествѣ, изъ страха, чтобы не стать притчею и соленымъ камнемъ.

Собственными своими страстями свидѣтельствую я о человѣческой растлѣнности. Когда былъ я отрокомъ, и нѣсколько разумѣнія имѣлъ въ груди, тогда, слѣдуя какому-то прикровенному разуму и похвальнымъ обычаямъ, восходилъ я горѣ къ свѣтозарному престолу, и не блуждающими стопами шелъ по царскому пути. Но теперь, когда собрался я съ разумомъ, и касаюсь уже предѣла жизни, какъ бы отъ упоенія не тверды стали стопы мои, и я несчастный иду излучинами; меня изнуряетъ брань съ пресмыкающимся зміемъ; она тайно и явно похищаетъ у меня всякую хорошо придуманную мысль. То простираю умъ къ Богу, то опять увлекаюсь въ худую слитность міра; и не малую часть души моей искажилъ смутный міръ.

Но хотя покрылъ меня собою черный грѣхъ, хотя врагъ мой, подобно каракатицѣ, изрыгающей черноту свою на воды, явно излилъ на меня темный ядъ, однако же я столько еще могу разобрать и рассмотреть, что наилучшимъ образомъ вижу: кто я, чего желаю достигнуть, и гдѣ нахожусь несчастный, сколько разъ падалъ я на землю, или въ разверстыя подъ землю бездны. Не обольщаюсь убѣжденіями, не плѣняюсь словами, придуманными въ защиту страстей; не утѣшаюсь измѣреніемъ чужихъ пороковъ, какъ совершеннѣйшій въ сравненіи съ другими. Больному, кото-

раго рѣжутъ желѣзомъ, пріятно ли видѣть, что рѣжутъ и другихъ, и что они ощущаютъ еще сильнѣйшую боль? Что за пріобрѣтеніе порочному отъ того, что другой и его порочнѣе? Кто отличается добротой, отъ того можетъ получить пользу и добрый и худый; потому что зрячій — пріобрѣтеніе для слѣпаго. Но услаждаться тѣмъ, что видишь порочныхъ, есть признакъ еще большей порочности.

Если кто почитаетъ меня хорошимъ, когда я худъ; это тяжело для меня, и я внутренно проливаю тайныя слезы. Лучше, будучи хорошимъ, во мнѣніи другихъ оставаться худымъ, нежели, будучи худымъ, имѣть славу добраго и быть для людей обманчивымъ гробомъ, который внутри полонъ зловонія отъ гнющихъ мертвецовъ, а снаружи блистаетъ бѣлизною и пріятными для взоровъ красками. Убоимся великаго Ока, которое видитъ и подь землю и въ великихъ глубинахъ моря, видитъ все, что скрывается въ человѣческомъ умѣ. Предъ нимъ ничего не раздѣляетъ время; для Бога все—настоящее. Какъ же сокрылъ бы отъ Него кто-нибудь свое беззаконіе? Гдѣ же укроемъ самихъ себя въ послѣдній день? Кто поможетъ тогда? Гдѣ утаимся отъ Божія ока, когда дѣла всѣхъ различитъ очистительный огонь, пожирающій легкое и сухое естество грѣха?

Сего то грѣха боюсь и трепещу день и ночь, видя, какъ душа ниспадаетъ отъ Бога на землю, больше и больше сближается съ перстію, которой желалъ я избѣжать. Такъ на берегахъ осенней рѣчки гордящуюся сосну или вѣчнозеленый чинаръ, подрывшихъ подь корни, погубилъ сосѣдній ручей. Сначала поколебалъ онъ всѣ опоры, и на стремнинѣ поставилъ высокое дерево, а потомъ наклонилъ къ рѣкѣ держащееся еще на тонкихъ корняхъ, и сорвавъ съ стремнины, бросилъ въ средину водоворота, повлекъ съ великимъ шумомъ и отдалъ камнямъ, гдѣ бьетъ непрестанно дождь, и вотъ отъ сырости согнившій, ничего не стоящій пенъ лежитъ у береговъ. И на мою душу цвѣтущую для Христа Царя, напалъ жадный, неукротимый врагъ, низложилъ ее на землю, и большую часть погубилъ; а то не многое, что осталось еще, блуждаетъ тамъ и здѣсь. О если бы опять воскресилъ ее Богъ, Который создалъ не сущихъ, а потомъ и разрушившихся возсоздастъ и приведетъ въ иную жизнь, чтобы встрѣтили или огонь, или свѣтоноснаго Бога! Но всѣ ли впослѣдствіи срѣтятъ Бога? Этотъ вопросъ отложимъ до другого времени.

Царь мой, Христось! хотя непріязненные люди называютъ меня мертвымъ и безсильнымъ, втайнѣ издѣваются надо мною,

живая головою, смѣются моему бѣдствію; но Ты не оставь меня пасть подъ ударами противниковъ.

И во-первыхъ, подкрѣпи снова въ небесныхъ надеждахъ, и мнѣ утасающему, мнѣ—жаждущей свѣтильнѣ въ свѣтильникѣ, удѣли нѣсколько влаги, нѣсколько капель елей, чтобы, когда огонь возгорится, опять совокупился обновленный во мнѣ свѣтъ, и я сподобился свѣтлой жизни. А, во-вторыхъ, сними съ меня всякое бремя, и отдай его бурнымъ вѣтрамъ, а мнѣ даруй легкое дуновеніе.

Довольно смирялъ Ты сердце мое. Наказываешь ли Ты меня за горькій грѣхъ, или укрощаешь скорбями, какъ укрощаютъ молодого коня, гоняя по непроходимымъ мѣстамъ, или останавливаешь превозношеніе моего ума, такъ какъ оно весьма удобно рождается въ тѣхъ изъ благочестивыхъ, которые имѣютъ легкій умъ и самую благость Божію обращаютъ въ поводъ къ киченію, или моими бѣдствіями, Спаситель мой—Слово, хочешь Ты вразумить смертныхъ, чтобы они возненавидѣли порочную жизнь, которая непостоянна, приводитъ къ гибели всякаго, и добраго и злого, поспѣшали же къ иной жизни, къ постоянной, неразвлекаемой, а для благочестивыхъ и лучшей;—но въ великихъ глубинахъ премудрости Твоей сокрыто сіе, что значать въ продолженіи превратной жизни преподаваемые смертнымъ уроки, и благіе и горестныя, во всякомъ же случаѣ самые полезныя, хотя и скрывается сіе большею частію отъ дебелости нашего ума. Ты премудро движешь кормиломъ міра, куда не обращаешь его; и имъ только спасаемся мы отъ опасныхъ утесовъ, переплывая великое и наполненное подводными камнями море непостоянной жизни.

Но я, утружденный и сокрушенный всякаго рода бѣдствіями, преклоняю предъ Тобою колѣна. Пошли ко мнѣ Лазаря, который бы увлажненнымъ перстомъ прохладилъ скорѣе языкъ, иссохшій въ пламени; и меня—богатаго страданіями, не удерживала бы долѣе бездна, и не поставляла вдали отъ Авраамова лона. Простири надо мною мощную руку Свою, подай врачество отъ горестей, покажи на мнѣ всѣ прежнія чудеса, всю силу знаменій. Скажи, и изсякнетъ немедленно кровавый токъ. Скажи, и духъ легіона взойдетъ въ стадо свиней, низринется въ море, и отступитъ отъ меня. Удали несносную проказу; пусть свѣтъ проникнетъ въ невидящія очи; пусть уши услышать голосъ; распростри сухую мою руку; разрѣши узы языка; утверди немощныя стопы ногъ; насыть отъ малаго хлѣба; укроти страшное море; облистай свѣтлѣе солнца; укрѣпи отяготѣвшія силы; воскреси изъ мертвыхъ

смердящаго; и видя меня доселѣ бесплодною смоковницею, не изсушай.

Другіе полагаются на что-нибудь иное — на благородство крови, на прахъ и настоящую пышность; они ищутъ себѣ какого-нибудь ничтожнаго помощника. Я одинъ оставленъ Тебѣ единому, Царь царей, Тебѣ державствующему надъ всѣми! Ты моя величайшая сила! У меня нѣтъ попечительной супруги, которая бы избавила меня отъ неисцѣльныхъ заботъ, и своими ласками уврачевала сѣгующаго. Не веселятъ меня милыя дѣти, при которыхъ ободряется старость, и снова начинаетъ ходить юношескими стопами. Не утѣшаютъ меня ни единокровные, ни друзья: однихъ похитила жестокая смерть, другіе, любя благоведріе, приходятъ въ трепетъ при маломъ волненіи, застигающемъ друга. Одно у меня было чудное утѣшеніе. Какъ жаждущій олень въ прохладномъ источникѣ, такъ я находилъ его въ сообществѣ мужей совершенныхъ и христоносныхъ, живущихъ на землѣ превыше плоти, любителей вѣчнаго Духа и благаго служенія, не связанныхъ узами супружества, презрителей міра. Но и они, ратоборствуя за Тебя, раздѣлились и стоятъ одинъ за одно, другой за другое; ревность Божія незаконно расторгла законъ и согласіе любви, отъ которой осталось одно имя.

Какъ иный, спасаясь отъ льва, набѣгаетъ на лютаго медвѣдя, и, убѣжавъ отъ медвѣдя, съ радостью укрывается въ домѣ и опирается рукою о стѣну, но тамъ неожиданно поражаетъ его змѣя: такъ и мнѣ, избѣжавшему многихъ страданій, нѣтъ врачевства отъ бѣдствій. Что ни встрѣчаю, все то болѣзненнѣе прежняго. Вездѣ ищу помощи, и повсюду отъ Тебя обременяемый, къ Тебѣ опять обращаю взоры, Блаженный, къ Тебѣ, моя помощь, къ Тебѣ, Вседержитель, Мерожденный, Начало и Отецъ Начала—безсмертнаго Сына, великій Свѣтъ равнаго Свѣта, Который, по неизслѣдимымъ законамъ, изъ Единаго исходитъ въ Единое,—къ Тебѣ, Сынъ Божій, Премудрость, Царь, Слово, Истина, Образъ Первообраза, Естество равное Родителю, Пастырь, Агнецъ, Жертва, Богъ, Человѣкъ, Архіерей—къ Тебѣ, Духъ исходящій отъ Отца, Свѣтъ нашего ума, приходящій къ чистымъ и творящій человѣка богомъ! Умилосердись надо мною; даруй и мнѣ, какъ здѣсь въ преклонныя лѣта, такъ и въ будущей жизни, когда вступлю въ общеніе со всецѣлымъ Божествомъ, радостно восхвалять Тебя немолчными пѣснопѣніями!

Плачь о страданіяхъ души своей.

Что претерпѣлъ я злосчастный? Какой плачь будетъ соотвѣственъ моимъ страданіямъ? Гдѣ возьму достаточный источникъ слезъ? Какую составлю пѣснь? Оплакивалъ ли кто смерть дѣтей, досточтимыхъ родителей, милой супруги, или истребленіе любезной отчизны губительнымъ огнемъ, или пораженіе членовъ лютою болѣзнію, никто такъ не сѣтовалъ, какъ рыдаю я о жестоко-страждущей душѣ своей, въ которой (о, я злополучный!) гибнетъ небесный образъ.

Несомнѣнно то, что человѣкъ есть тварь и образъ великаго Бога. Отъ Бога всякій испелъ, и къ Богу идетъ, кто устремля мысль горѣ и плоть оковавъ духомъ, вождемъ своей жизни имѣетъ милосердаго Христа, а стяжаніе свое, языкъ и слухъ, самый умъ и силу—все посвящаетъ грядущей жизни, кто, изъ все поглощающаго міра исхищая все, чѣмъ возобладалъ похититель чужого достоянія, богопротивный веліаръ, вноситъ сіе въ сокровищницы, которыя тверже земныхъ и расхищаемыхъ и разрушаемыхъ, чтобы узрѣть самого Царя, чтобы, совлекшись плоти и противоборствующей дебелости, содѣлаться богомъ и духомъ, стать въ чинѣ свѣтозарнаго ангельскаго лика, за великіе труды стяжать еще большую награду, не какъ прежде, взирая на легкій образъ скинии, на письменное и разрушаемое изображеніе закона, но чистыми очами ума созерцая самую истину, и устами воспѣвая празднственную пѣснь. Такова цѣль жизни; къ сему обитателей земли возводитъ великость Христовыхъ страданій. Ибо Христосъ, будучи Богъ, начальникъ жизни, превысшій вѣка, всегда всецѣлый образъ безсмертнаго Отца, принялъ зракъ раба, вкусилъ смерть, вторично срѣтилъ жизнь, чтобы отъ рабства и отъ узъ смерти избавить меня возвращающагося къ лучшей жизни.

Но не соблюлъ я досточтимыхъ таинствъ Божіихъ, хотя душа моя и посвящена въ тайны небеснаго восхожденія. Грубая персть гнететъ меня долу; не возмогъ я изникнуть изъ грязи, и обратить око къ свѣту. И обращалъ, правда; но между нами стало и очи мои закрыло облако—это мятежная плоть и земный духъ. Много на сердцѣ суетныхъ попеченій блуждающаго ума; они обращаются то къ тому, то къ другому, и отдаляютъ отъ меня Христа—Бога-Слово; потому что Женихъ не терпитъ общенія съ чуждою для Него душою. Много лежитъ на языкѣ тлетворныхъ зелій пагубы; потому что языкъ—половина всѣхъ человѣческихъ пороковъ, изрыгаетъ ли онъ явное зло—гнѣвъ, который, особенно

сильный, въ своихъ порывахъ отнимаетъ у человѣка умъ, или, затаивъ въ груди коварный умыселъ, льетъ кроткія рѣчи изъ мягкихъ устенъ.

О, если бы приставлена была какая-нибудь дверь и къ глазамъ и къ устамъ моимъ, не всегда отверзающимся на добро, чтобы я и видѣлъ и слухомъ принималъ одно полезное, а для худого сами собою замыкались у меня и зрѣніе, и слухъ! И для рукъ самое лучшее упражненіе, чтобы онѣ чистыя непрестанно воздѣвались къ небу и были покорны небеснымъ законамъ; равно и для ногъ, чтобы онѣ шли путемъ гладкимъ, а не по тернамъ, не по утесамъ, не по стезѣ непреподобной. Но теперь, хотя каждый, дарованный мнѣ Богомъ, членъ, и самъ въ себѣ полезенъ, и для полезной дарованъ цѣли, однако же грѣхъ обратилъ его для меня въ оружіе смерти.

Какой же это править мною законъ? Отчего я на землѣ сталъ узникомъ плоти? Какъ тѣло примѣшано къ легкому духу? Не весь я чистая природа—умъ, не весь и худшая—персть; но составленъ изъ того и другого, и нѣчто иное съ ними. А потому и терплю непрекращающуюся тревогу брани между враждующими взаимно—и плотію и душою. Я—образъ Божій, вовлекаюсь въ грѣховность; худшее во мнѣ несправедливо противится лучшему или убѣгаю грѣховъ и противлюсь имъ, но не безъ труда, послѣ многихъ бореній и при небесной только помощи.

Ибо два, точно два во мнѣ ума: одинъ добрый, и онъ слѣдуетъ всему прекрасному, а другой худшій, и онъ слѣдуетъ худому. Одинъ умъ идетъ ко свѣту и готовъ покоряться Христу; а другой—умъ плоти и крови влечется во мракъ, и согласенъ отдаваться въ плѣнь веляру. Или одинъ увеселяется земнымъ, ищетъ для себя полезнаго не въ постоянномъ, но въ преходящемъ, любить пиршества, ссоры, обременительное пресыщеніе, срамоту темныхъ дѣлъ и обманы, идетъ широкимъ путемъ, и, покрытый непроницаемою мглою неразумія, забавляется собственною пагубою; а другой восхищается небеснымъ и уповаемымъ какъ настоящимъ, въ одномъ Богѣ полагаетъ надежду жизни, здѣшнее же, подверженное различнымъ случайностямъ, почитаетъ ничего не стоящимъ дымомъ, любитъ нищету, труды и благія заботы, и идетъ тѣснымъ путемъ жизни.

Видя ихъ борьбу, Духъ великаго Бога снисшелъ свыше, и подаль помощь уму, прекращая возстаніе безпокойной плоти, или умиряя волнующіяся воды черныхъ страстей. Но плоть и послѣ сего имѣетъ неистовую силу и не прекращаетъ брани; борьба

остаётся перѣшительною. Иногда персть смиряется умомъ, а иногда и умъ опять противъ воли послѣдуетъ преобладающей плоти. Но хотя желаетъ одного, именно лучшаго; однако же, дѣлая другое, именно, что ненавидитъ, оплакиваетъ онъ тягостное рабство, заблужденіе первороднаго отца, гибельное убѣжденіе матери—эту мать нашей продерзости, преступную ложь пресмыкающагося кровопійцы—змія, который увеселяется человѣческими грѣхами, оплакиваетъ и древо, или вредный для человѣка плодъ древа, и пагубное вкушеніе, и врата смерти, и срамную наготу членовъ, и еще болѣе безчестное изгнаніе изъ рая, или отъ древа жизни. Объ этомъ сѣтуетъ болѣзную умъ. Но плоть моя и нынѣ устремляетъ взоръ на прародителей и на человѣкоубійственное древо; она постоянно любитъ всякую сладкую снѣдь, каковую только для обольщенія ея показываетъ злый губитель—змій.

Посему и я плачу; и Царя, Который владычествуетъ надъ всѣмъ и все взвѣшиваетъ на вѣсахъ Своихъ, слезно молю, чтобы милостиво разсудилъ душу и тѣло, прекратилъ брань, и худшее (какъ и слѣдуетъ; потому что сіе гораздо полезнѣе и для души и для тѣла) подчинилъ лучшему, чтобы обремененная перстію душа не влачилась по землѣ, и не погружалась, какъ свинець, въ глубину, но, чтобы персть уступала окриленному духу и образу; и грѣхъ истаевалъ, какъ воскъ отъ огня.

О семъ умоляя, и самъ прилагаю многія врачевства къ грубой плоти, чтобы прекратить жестокой недугъ, чтобы крѣпкими узами удержать силу плоти, какъ самага вѣроломнаго звѣря; трепеща злой волны, ставлю преграды чреву, неудобоищляемою скорбію изнуряю сердце и проливаю токи слезъ; преклоняю предъ Царемъ сокрушенныя колѣна, провожу ночи безъ сна, пошу печальную одежду.

Инымъ приходятъ на мысль пиры, ликованья, смѣхъ, объяденіе—эти забавы цвѣтущаго возраста. Иные опять находятъ себѣ утѣшеніе въ супругахъ, въ сыновьяхъ, въ непрочной славѣ обладать огромнымъ богатствомъ. Иныхъ опять увеселяютъ народныя собранія, рожи, бани, городская пышность, похвальные рѣчи, шумъ сопровождающихъ, когда сами они быстро несутся на высокихъ колесницахъ. Ибо у смертныхъ много утѣхъ въ многообразной жизни, и къ самымъ бѣдствіямъ примѣшивается веселіе.

Но я умеръ для жизни, едва перевожу дыханіе на землѣ, бѣгаю городовъ и людей, бесѣдуя со звѣрями и съ утесами, одинъ вдали отъ другихъ обитаю въ мрачной и необдѣланной пещерѣ,

въ одномъ хитонѣ, безъ обуви, безъ огня, питаюсь только надеждой, и обратился въ поношеніе всѣмъ земнороднымъ. У меня ложемъ древесныя вѣтви, постелею надежная власяница и пыль на полу, омоченная слезами.

Многіе воздыхаютъ подъ желѣзными веригами; иные, сколько знаю, употребляютъ въ пищу пепель, и питіе у иныхъ растворено горькими слезами; иные, осыпаемые зимними снѣгами, по сороку дней и ночей стоятъ какъ древа, воспрянувъ сердцемъ отъ земли и имѣя въ мысли единаго Бога. Иный замкнулъ себѣ уста, и на языкъ свой наложилъ узду, которую, впрочемъ, не всегда стягиваетъ, ослабляетъ же ее для однихъ пѣснопѣній, чтобы уста его были одушевленными гуслими, въ которыя ударяетъ Духъ. А кто осыпалъ Христу главу свою, ради благочестиваго обѣта блюдетъ ее отъ остриженія. Другой же смежилъ свои очи, и къ слуху приставилъ двери, чтобы не уязвило его откуда-нибудь непримѣтнымъ образомъ жало смерти.

Такіе шесть способовъ врачеванія и я употреблялъ противъ непріязненной плоти. Уже и сѣдина служить пособіемъ противъ моихъ страстей. Много было и непредвидѣнныхъ бурь, которыя противъ воли вдавали меня въ тревоженія, и сокрушали тяжкими скорбями. Но непреклонная плоть не повинуется внушеніямъ, не смиряется бѣдствіями, не укрощается временемъ, а всегда съ закрытыми глазами спѣшитъ по стезѣ противоположной жизни, и подобно легіону ¹⁾ ищетъ стремнинъ. Если же иногда и уступаетъ не надолго Божію страху, или трудамъ, или Божественнымъ глаголамъ; то какъ растеніе, спрямляемое руками вертоградара, опять сгибается въ прежнюю кривизну.

О, жалкіе данники смерти! О, родъ человѣческой—мы, которые, будучи снѣдаемы грѣхами, утѣшаемся своимъ бѣснованіемъ, не уважаемъ разума, какой вложилъ въ насъ Богъ при рожденіи, когда даровалъ намъ сѣмя жизни; не страшимся закона, какой начерталъ Царь Христосъ, сперва на каменныхъ скрижаляхъ, прикрывъ истину письменами, а на послѣдокъ на нашихъ сердцахъ—сіяніемъ Святаго Духа! Мы начинаніями своими противоборствуемъ Христовымъ страданіямъ, которыми Христосъ избавилъ насъ отъ мучительныхъ страстей, когда воспринялъ плоть и притвожденъ былъ ко кресту, къ которому пригвоздилъ вмѣстѣ и чернѣйшій грѣхъ твари и державу веліара, чтобы мы, возродив-

¹⁾ Легіону нечистыхъ духовъ, которые Иисусомъ Христомъ изгнаны въ стадо свиней и брошены въ море.

пись и восприянувъ изъ гроба, съ великимъ Христомъ восприяли горнюю славу.

Многочисленны дары Божіи всѣмъ земнороднымъ; нашъ языкъ не можетъ изречь ихъ величія. Богъ привлекаетъ меня къ жизни, или смиряя ударами, когда нечествую, или ослабляясь на меня, когда угождаю Ему. Ибо всѣмъ управляетъ Онъ съ умомъ, исполненнымъ благоволенія къ человѣку, хотя и сокровенна глубина Его премудрости, хотя между нашимъ родомъ и Божествомъ стоитъ глубокой мракъ, сквозь который немногіе проникаютъ изощреннымъ взоромъ, именно же тѣ одни, которыхъ просвѣтлила жизнь, и которые, ставъ чистыми, коснулись чистой мудрости.

Но меня сподобилъ Христосъ преимущественной славы. Сперва далъ меня въ даръ матери, которая молилась изъ глубины сердца, и Самъ принялъ меня въ даръ отъ родителей, у которыхъ изъ всего, что они имѣли, не оказалось ничего дороже сына. А потомъ ночными видѣніями вселилъ въ меня любовь къ цѣломудренной жизни. Внимайте мнѣ теперь, богомудрые; а оскверненные сердцемъ, приложите двери къ своему слуху!

Былъ я юнымъ отрокомъ, или даже несовершенно отрокомъ, въ такихъ лѣтахъ, когда умъ принимаетъ въ себя начертаніе добраго или худаго, но, не имѣя еще въ себѣ образца для твердыхъ умопредставленій, прежде всего отпечатлѣваетъ въ сердцѣ чужіе нравы. У меня же родители не худыми красками расцвѣтили умъ, показавъ мнѣ преимущества добродѣтели; потому что и сами, единодушно ревнуя о благочестіи, и по своимъ сѣдинамъ, и по достохвальнымъ нравамъ, составляли предметъ удивленія для всѣхъ земнородныхъ; наслаждаясь счастіемъ и тѣлеснымъ здоровьемемъ, мѣрно протекали человѣческую жизнь. Одинъ изъ нихъ стоялъ нѣкогда далеко отъ великаго стада, въ которомъ теперь занимаетъ высокое мѣсто; прежде не былъ онъ и овцею, а потомъ сталъ превосходнѣйшею изъ овецъ, изъ овцы содѣлался пастыремъ; а теперь уже онъ отецъ и пастырь пастырей. И хотя не одновременно приступилъ онъ къ многоплодной жатвѣ; однако же трудами своими много затмилъ начавшихъ дѣланіе прежде него. А другая,—святое насажденіе священныхъ родителей, по матери прозябшее отъ благочестиваго корня благочестивыхъ вѣтвей, ничѣмъ не уступала женамъ прежде бывшимъ, которыя принимали у себя Царя Христа, или видѣли Его возставшаго изъ гроба. Оба они не многимъ дышали на землѣ, и то по нуждѣ плоти; большая же часть жизни ихъ сокрывалась горѣ. Отъ нихъ

получило образованіе и мое нѣжное сердце, какъ недавно ссѣдшійся творогъ, который скоро принимаетъ видъ сосуда.

И въ одно время, среди глубокаго сна, было мнѣ такое видѣніе, легко воспламенившее во мнѣ любовь къ дѣвственности. Мнѣ представлялось, что подлѣ меня стоятъ двѣ дѣвы въ бѣлыхъ одеждахъ, обѣ прекрасныя и одинакихъ лѣтъ; все убранство обѣихъ состояло въ томъ, что онѣ не имѣли на себѣ уборовъ,—въ чемъ собственно и состоитъ красота женъ. Ни золото, ни гіацинты не украшали ихъ шеи, ни тонкія шелковыя ткани, ни хитоны изъ нѣжнаго льна не покрывали ихъ членовъ. Очи не осѣнялись подкрашенными рѣсницами. Ими не было употреблено ни одно изъ средствъ, какія изобрѣтены мужчинами, заботившимися объ искусственномъ украшеніи женской наружности, для возбужденія сладострастія. У нихъ не рассыпались по плечамъ златовидныя кудри, и не играли съ легкимъ дыханіемъ вѣтерковъ. Поясомъ стягивалась прекрасная верхняя одежда, спускавшаяся на ноги до пятъ. Главнымъ покрываломъ закрывая и ланиты, стояли онѣ, поникнувъ взорами къ землѣ. Обѣихъ украшалъ прекрасный румянецъ стыдливости, сколько можно было замѣтить сіе изъ-подъ покрывалъ, плотно прилежавшихъ къ лицу. Уста ихъ, заключенныя молчаніемъ, уподоблялись розѣ, лежащей въ окропленныхъ росой чашечкахъ. Увидя ихъ, я очень обрадовался; ибо рассуждалъ, что онѣ должны быть много выше простыхъ земнородныхъ. И онѣ полюбили меня за то, что я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ; какъ милаго сына цѣловали онѣ меня своими устами; а на вопросъ мой, что онѣ за женщины, и откуда, отвѣчали: „одна изъ насъ Чистота, а другая—Цѣломудріе. Мы стоимъ Царю Христу, и услаждаемся красотами небесныхъ дѣвственниковъ. Но и ты сынъ, соедини и умъ свой съ нашими сердцами, и свѣтильникъ свой съ нашими свѣтильниками, чтобы тебя просвѣтленнаго, перенесъ чрезъ эфирныя высоты, могли мы поставить предъ сіяніемъ безсмертной Троицы“.—Сказавъ сіе, уносились онѣ по эиру, и взоръ мой слѣдовалъ за отлетавшими.

Это былъ сонъ; но сердце долго услаждалось досточтимыми видѣніями ночи и обликами свѣтлой дѣвственности. Слова дѣвъ возобновлялись въ мысли моей и тогда уже, когда понятіе о добромъ и худомъ ясно напечатлѣвается въ человѣкѣ, когда умъ возобладалъ надъ любовію, и красота восхитительнаго ночнаго видѣнія стала представляться не ясно. Какъ сухую солому вдругъ освѣщаетъ питаемая внутри ея невидимая искра, и сперва появляется малый пламень, а потомъ возстаетъ обширный огненный

столбъ: такъ и я, воспламеняемый видѣніемъ, мгновенно озарялся любовію, и лучи ея, не укрываясь во глубинѣ души, дѣлались видимыми для всѣхъ.

Сперва сблизился я съ людьми благочестивыми, которые, отрѣшась отъ перстнаго міра, избѣгли брачныхъ узъ, чтобы, открылась, слѣдовать за Царемъ Христомъ, и съ великою славою преселиться отселѣ. Ихъ возлюбилъ я, объялъ всѣмъ сердцемъ, и избралъ для себя вождами небесной надежды. А потомъ и самъ отринувъ тяжелое иго супружества, возлюбивъ высокій жребій вѣчно-юныхъ существъ; потому что природы, населяющія обширное небо, не знаютъ узъ супружескихъ, и выше безпокойныхъ страстей. И таковъ, во-первыхъ, пресвѣтлый великій Богъ, а по Немъ таковы же и Божіи служители, которые стоятъ близъ высокаго престола, приѣмлютъ на себя первый лучъ чистаго Бога, и просвѣтленные имъ, преподаютъ свѣтъ и смертнымъ. А тѣ, которые совокуплены во едино изъ души и тѣла, по природѣ двойственны, суть порожденія противоборствующей персти, любятъ супружескую жизнь, и готовы сѣять въ плоть. Но Богъ-Слово, принеся намъ лучший жребій, поставилъ его вдаль отъ плоти, и отдѣлилъ отъ обманчиваго міра, приблизилъ же къ безбрачной жизни безсмертныхъ.

Къ Нему мое сердце стремилось любовію. Не на дольней землѣ утверждалъ я слабыя стопы свои, но, вкусивъ тамошняго твердаго ликостоянія, какъ-бы сладкаго млека или меда, не захотѣлъ подступать ближе къ горькой снѣди, къ рождающемуся отъ нея душепагубному грѣху. Для меня не привлекательны были пиршества, не имѣло пріятности все то, о чемъ заботится юность, ни мягкая одежда, ни роскошныя кудри, ни необольстительная прелесть срамныхъ рѣчей, ни смѣхъ невоздержный, ни воскипѣнія непріязненной плоти. Другимъ уступилъ я стремнины, и горы, и ржущихъ коней, или своры гончихъ псовъ. Отринувъ всѣ земныя утѣхи, подклонилъ я выю подъ иго строгаго цѣломудрія. Оно меня питало, ласкало, возрастило въ великую славу, и заботливо положило на руки Христу.

Но Ты, Отецъ и Отчее Слово и пресвѣтлый Духъ, опора нашей шаткой жизни! не допусти, чтобы врагъ, противникъ Твоей надежды, давилъ меня своими руками, чтобы и меня, какъ черныи корабль, который по благополучномъ плаваніи, приближается къ берегу и почти уже касается близкой пристани, вдругъ сильная буря, всесокрушающимъ дыханіемъ ударивъ въ спущенныя вѣтрила, понесла назадъ, и возвративъ на широкій хребетъ

жизни, и здѣсь и тамъ обуреваемая великими бѣдствіями, бросила, наконецъ, на скрытые подводные камни.

А таковъ умыселъ завистливаго веліара. Онъ всегда преслѣдуетъ ненавистію человѣческой родъ, и не терпитъ, чтобы земные дѣлались небесными, потому что самъ за свое злоумышленіе низвержень съ неба на сію землю. Онъ злосчастный возжелалъ имѣть славу первой Красоты и великую царственную честь самого Бога; но вмѣсто свѣта облекся въ ужасную тму. Потому и увеселяется всегда темными дѣлами, имѣетъ здѣсь владычество надъ мрачнымъ прѣхомя. Этотъ превратный умъ принимаетъ на себя двоякій образъ, распростирая то ту, то другую сѣть. Онъ—или глубочайшая тма, или, если откроешь его, тотчасъ превращается въ свѣтлаго Ангела, и обольщаетъ умы кроткою улыбкой. Почему и нужна особенная осторожность, чтобы вмѣсто свѣта не встрѣтиться съ смертію. Избѣгать порочной жизни могутъ и худые люди; потому что открытый порокъ для многихъ ненавистенъ. Хвалю же того, кто изощренными очами духа обличаетъ и коварнаго и невидимаго врага.

Но Ты, Милосердый, соблюди мою старость и мою сѣдую голову, и пошли добрый конецъ жизни! Какъ прежде заботливо Ты любилъ меня, и день ото дня вель къ большому совершенству, приближая къ благимъ надеждамъ; такъ и изъ непріязненныхъ и мучительныхъ заботъ введи въ благоотипшную пристань Твоего царства, чтобы, прославляя Тебя, Царь, съ присноживущими Свѣтами, сподобился я небесной славы.

Жалобы на свои страданія.

Много разъ я простиралъ ко Христу Царю жалобное слово, изнемогая отъ великихъ напастей. Ибо и царь иный великодушно выслушиваетъ отъ служителя скромное описаніе его рабскихъ горестей; а добрый отецъ принимаетъ часто отъ неразумнаго своего сына и явно смѣлныя рѣчи. Посему и Ты, Боже мой, будьнисходителенъ къ словамъ моимъ, которыя вознесетъ къ Тебѣ, о Прекроткій, болѣзнующее сердце. Если болѣзнь отрыгнула сердце, это служить уже нѣкоторымъ облегченіемъ въ страданіяхъ.

Для чего Ты, Царь мой Христось, поражалъ меня свыше столь многими бѣдствіями съ того самаго времени, какъ испалъ я изъ матерняго чрева на мать землю? Если Ты не связалъ меня въ мрачной матерней утробѣ; то для чего я принялъ столько горетей на морѣ и на сушѣ, отъ враговъ, отъ друзей, отъ злыхъ на-

чальниковъ, отъ чужихъ и отъ соотечественниковъ, и явно и тайно осыпавшихъ меня и словами противорѣчія и каменными тучами? Кто опишетъ все это подробно? Я одинъ извѣстенъ всякому, не тѣмъ, что имѣю предъ другими преимущество въ словѣ или въ силѣ руки; но своими скорбями и сѣтованіями. Какъ льва обступили вокругъ и лаютъ на меня злые псы. Какія жалкія пѣсни съ востока и съ запада? А можетъ быть дойдетъ и до того, что кто нибудь, разнѣжившій сердце на пиру, или какой-нибудь путникъ, или другой кто, касаясь перстами сладкозвучныхъ гуслей, и въ неговорящихъ звукахъ пересказывая мои скорби, вспомянетъ о Григоріи, котораго воспиталъ Каппадокійцамъ небольшой діокасарійскій городъ.

Но инымъ посылаешь Ты сверхъ ожиданія многотрудное несмѣтное богатство, инымъ же добрыхъ дѣтей; иной прекрасенъ, иной силенъ, иной краснорѣчивъ. А моя слава въ скорбяхъ; на меня изъ сладостной руки Своей истощилъ Ты всѣ горькія стрѣлы.—Я новый Іовъ; не достаешь только подобной причины моихъ страданій; потому что выводилъ меня не на ратоборство съ жестокимъ противникомъ, какъ добраго борца, въ силѣ котораго увѣренъ Ты, Блаженный, и не для того, чтобы за добрый подвигъ дать награду и славу. И я неспособенъ къ сему, и скорби мои не такъ славны. Напротивъ того, я терплю наказаніе за грѣхъ. Какой же это грѣхъ? Во множествѣ прегрѣшеній моихъ не знаю, которое оскорбляетъ Тебя болѣе другихъ. Всѣмъ открою, что заключено во глубинѣ моего ума, хотя не ясно сказанное слово и закрыло бы, можетъ быть, грѣхъ.

Я думалъ, что, какъ скоро Тебя одного содѣлалъ я своимъ вождѣннымъ жребіемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ подонки жизни ввергнулъ въ море, то, приближая къ Твоему Божеству высокопарный свой умъ, поставилъ уже его вдали отъ плоти. А слово вело меня къ тому, чтобы всѣхъ превзойти, чтобы выше всѣхъ на золотыхъ крылахъ воспарить къ небу. И это возбуждало противъ меня всегдашнюю зависть; это запутало меня въ бѣды и неизбѣжныя горести. Твоя слава восторгала меня въ высоту; и Твоя же слава поставила меня на землѣ. Ты всегда гнѣваешься, Царь, на великую гордыню!

Да услышать сіе, и да напишутъ будущимъ родамъ, народы и правители, мои враги и доброжелатели! Я не отказывался отъ любезнаго мнѣ престола великаго моего родителя; нѣтъ,—и несправедливо было бы противиться Божіимъ уставамъ. Ему данъ сей престолъ по законамъ, а моя юная рука служила опорой рукъ

старческой; я уступилъ моленіямъ отца, который не мною однимъ былъ почитаемъ, въ которомъ и далекіе даже отъ нашего двора уважали сѣдину и равную ей свѣтлость духа. Но когда Владыкѣ нашей жизни угодно стало и то, чтобы явилъ я Слово и Духа на другихъ чуждыхъ, необработанныхъ и поросшихъ терніемъ нивахъ; тогда я, малая капля, напоилъ великій народъ. А потомъ опять угодно вдругъ стало сюда обратно послать меня, рожденнаго для тяжелой болѣзни и мучительныхъ заботъ; забота же ядъ для человѣка. Но не на долгое время далъ я успокоеніе своимъ членамъ, ибо долженъ былъ дать пастырскую свирѣль—добраго помощника моему стаду, которое оставалось безъ пастыря, чтобы какой-нибудь врагъ, взойдя въ него, не наполнилъ брашномъ своего безстыднаго чрева. Поселику же безпокоились правители, безпокоился и народъ; ихъ тревожило желаніе имѣть Пастыря; тревожили и губительные звѣри, которые, имѣя обезумленное сердце, и воплотившагося въ человѣческой утробѣ Бога представляли себѣ не имѣющимъ ума: то многіе, не вѣря моимъ страданіямъ, возопіяли (и говорили явно, или держали въ умѣ), что я по высокомѣрїю презираю богобоязненный народъ (но Богу извѣстна моя скорбь); и многіе также судили обо мнѣ по ночнымъ своимъ мечтаніямъ. Или любовь ихъ, какъ живописецъ, представляла многое въ прикрашенномъ видѣ; или Богъ закрывалъ имъ глаза, приготавливая мнѣ добрый конецъ, чтобы не сокрушить меня горестными для меня ожиданіями, пославъ мнѣ худшую кончину жизни. Посему преклоняю выю подъ крѣпкую Твою руку, и иду узникомъ. Пусть другіе разбираютъ права; мнѣ нѣтъ никакой пользы отъ того, что судятъ мою жизнь. Влеку меня теперь, Христосъ, куда Тебѣ угодно; я изнемогъ отъ скорбей, я сокрушенъ, какъ Пророкъ въ китовомъ чревѣ. Тебѣ посвящаю остатокъ жизни.

Но умилосердись надъ человѣкомъ, который едва переводитъ дыханіе. Для чего уязвляешь меня такимъ множествомъ скорбей? Не за однихъ добрыхъ умеръ Ты, Боже! не для нихъ однихъ пришелъ Ты на землю—какое неизреченное чудо!—пришелъ Богъ человѣкъ, окропляющій кровію наши души и тѣла. Не я одинъ очень худъ; Ты вводилъ въ славу многихъ и худыхъ. Въ Твоихъ книгахъ прославлены три мытаря: Матеей великій, другой—повергшій свои слезы во храмъ, и третій—Закхей; сопричти къ нимъ и меня четвертымъ! Трое также разслабленныхъ: одинъ съ одромъ (Мате. 9, 1—8), другой при источникѣ (Іоан. 5, 5—8), и третій—связанная духомъ (Лук. 13, 11); сопричти къ нимъ и меня четвертымъ! Три мертвеца снова увидѣли черезъ Тебя

свѣтъ, который Ты отверзъ имъ: дочь князя, сынъ вдовицы и полусогнившій во гробѣ Лазарь; сопричти къ нимъ и меня четвертымъ! И теперь, о Благій, подай мнѣ врачевства, утоляющія боли, и впослѣдствіи даруй имѣть вѣчную жизнь, и хвалиться Твоею славою. Былъ я вождемъ богомудрой паствы; а когда разрѣшусь отъ сея жизни, тогда, о Преблаженный, да сподобится имѣть она лучшаго Пастыря. А если будетъ имѣть и подобнаго мнѣ, то по крайней мѣрѣ да имѣетъ менѣе страждущаго: потому что неприлично бороться съ злыми скорбями тому, кто долженъ быть цѣлителемъ недуговъ въ другихъ.

О суетности и невѣрности жизни, и объ общемъ всѣмъ концѣ.

Желалъ бы я стать или легкокрылымъ голубемъ, или ласточкой, чтобы бѣжать изъ человѣческой жизни, или поселиться въ какой-нибудь пустынѣ, и жить въ одномъ убѣжищѣ со звѣрями; потому что они вѣрнѣе людей. Тамъ желалъ бы я провести свою однодневную жизнь безъ слезъ, безъ страха наказаній и безъ заботъ; имѣть одно преимущество передъ звѣрями—умъ, который вѣдаетъ Божество и небожественъ. Тамъ среди спокойной жизни собиралъ бы я свѣтъ ко свѣту, или, взойдя на верхъ какого-ни будь высокаго столба, громогласно сталъ бы вызывать живущимъ на землѣ:

Смертные человѣки, порожденіе истекшей влаги, ничтожные вы, которые, живя смертію, надмеаетесь суетнымъ! долго ли вамъ, оставаясь игралищемъ ложныхъ и на-яву представляющихся сновиднѣй, и играя ими, блуждать на землѣ безъ цѣли? Смотри, воспедни умомъ своимъ выше всѣхъ, какъ возпелъ и я, потому что въ меня Богъ вложилъ великое вѣдѣніе полезнаго и вреднаго; а выше всѣхъ, парить умъ. Тотъ былъ свѣжъ и силенъ, составлялъ славу друзей, высоко носилъ голову и имѣлъ хорошо снабженные гибкіе члены. Тотъ былъ прекрасная утренняя заря, весенній цвѣтъ между мужчинами, и привлекалъ на себя взоры всѣхъ. Тотъ славенъ подвигами; тотъ по оружію Арей; тотъ превосходнѣйшій борецъ со звѣрями на ристалищѣ, и на горахъ мѣрялъ съ ними славу. Тотъ заботился о пирахъ и роскошныхъ ужинахъ; суша, море и воздухъ приносили дань его чреву. Но теперь онъ покрытъ морщинами и дряхлъ; все отцвѣло; пришла старость, а красота отлетѣла; чрево отказалось служить; небольшая часть человѣка остается еще въ живыхъ, а гораздо большая сошла уже въ могилу. Тотъ надмеается ученостію всякаго рода;

готь высоко думаетъ о пышныхъ гробницахъ своего благородства, или о томъ, что и ему удалось вписать свою кровь въ небольшіе свитки; тотъ величается крѣпостію своихъ совѣтовъ въ городахъ, тѣмъ, что имя его у всякаго въ устахъ; тотъ собралъ безмѣрное богатство, и еще приращаетъ его въ умъ; тотъ, сидя на высокоомъ сѣдалищѣ, восхищается данными ему вѣсами правосудія; тотъ въ багряной одеждѣ и съ увясломъ на челѣ, державствуя на землѣ, ни во что ставитъ самое небо, и хотя смертенъ, но напыщается не смертными надеждами.—Все это нынѣ; а чрезъ нѣсколько времени—прахъ; рабы и скиptronосцы, наемники и гордящіеся богатствомъ—все станутъ равны, для всехъ одинъ мракъ, одна обитель, и горделивымъ то одно преимущество, что громче надъ ними плачь, пышнѣ ихъ гробница, и дольше хранится на жалкомъ камнѣ надгробная надпись. Рано или поздно, но всякому смертному равный жребій. Отъ всякаго останутся, наконецъ, только хрупкія, полуистлѣвшія кости и голый черепъ. Кончилась пышность; но и бѣдность не беспокоятъ уже трудъ, неизвѣстная болѣзнь, ненависть, сумасбродство, желаніе большаго, неукротимая наглость. Все умерло, все заключилось, вмѣстѣ съ умершими, до того времени, пока не пойдетъ отсюда въ слѣдъ за воскресшими.

Видя все это, послушайте совѣтовъ моихъ, дѣти (могу назвать васъ дѣтьми, потому что долѣе васъ перевожу дыханіе на землѣ)! Отринувъ весь міръ, все мятущееся въ мірѣ, все, чѣмъ обольщаетъ наземный царь—этотъ хищникъ чужой собственности, вредитель и человѣкоубійца, то-есть богатство, славу, предсѣдательство, знатность рода, невѣрное счастье, убѣжимъ какъ можно скорѣе на небо, гдѣ окрестъ неизреченнаго Тройственнаго Свѣта сіяютъ многія красоты. А другіе пусть падаютъ тамъ и здѣсь, подобно шапкамъ, и находятъ удовольствіе въ паденіи шапекъ, или, густою тмою покрывъ свои очи и держась за стѣну, идутъ другъ за другомъ!

Плачь о собственныхъ своихъ бѣдствіяхъ, и молитва ко Христу о прекращеніи жизни.

Любезная земля, и море, и отечественная и чужая сторона, и юность и сѣдина на западѣ жизни, и крылатыя рѣчи—напрасный трудъ, и тѣ рѣчи, которыя породилъ свѣтлый духъ, и города, и убѣжище мое—утесы, какіе только обошелъ я, стараюсь приблизиться къ Божеству Христову! Почему я одинъ шелъ скороннымъ

путемъ, и здѣсь и тамъ мѣняя образъ многотрудной жизни? Ни однажды не могъ твердо установить на землѣ легкой стопы своей. Но одни бѣдствія непрестанно препровождаютъ меня къ большимъ бѣдствіямъ? Ты научи меня, Премудрость, отчего на мнѣ такое бремя? Отчего благочестивые въ трудахъ, а погибающіе не знаютъ трудовъ? Наказаніе ли это за грѣхъ? Или угли, которыми очищается жизнь, какъ золото въ горнилѣ? Или меня, какъ Іова, вызываетъ на борьбу съ собою злобный и завистливый врагъ, и Ты, какъ борца Своего, умастивъ меня напередъ обильно елеемъ, выводишь обнаженнымъ для великаго подвига, чтобы потомъ награждать и прославить подвижника?—Все это извѣстно Тебѣ одному, Царь мой, Слово, потому что Ты управляешь цѣлымъ міромъ по великимъ и сокровеннымъ законамъ, изъ которыхъ развѣ малый нѣкоторый отблескъ вполне доходитъ до насъ, покрытыхъ брешіемъ и имѣющихъ близорукіе глаза.

Но я утружденъ жизнію; едва перевожу дыханіе на землѣ, уязвляемый множествомъ бѣдствій отъ враговъ и отъ друзей, что и огорчаетъ меня чрезмѣрно. Потому плачу и припадаю къ Твоимъ колѣнамъ. Подай мертвецу Твоему кончину жизни, подай утружденному отдохновеніе, и возведи меня къ легчайшей жизни, для которой терплю скорби, и перенесъ тысячи горестей; восхитивъ въ ангельскіе лики, приближь путника къ небесному чертогу, гдѣ слава единаго великаго Бога, сіяющаго въ трехъ Свѣтахъ!

Къ себѣ самому въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Гдѣ крылатая рѣчи?—Въ воздухѣ.

Гдѣ цвѣтъ моей юности?—Погибъ.

Гдѣ слава?—Сокрылась въ неизвѣстности.

Гдѣ крѣпость хорошихъ членовъ? — Сокрушена болѣзнію.

Гдѣ имѣніе и богатство?—Иное взялъ Богъ, а другое зависть передала въ хищныя руки злодѣевъ.

А родители и священная двоица единокровныхъ сошли въ могилу. Оставалась у меня одна родина; но и оттуда изгналъ злобный демонъ, воздвигнувъ противъ меня черныя волны. Теперь я одинокій странникъ, скитаюсь на чужой сторонѣ, влача скорбную жизнь и дряхлую старость; не имѣю у себя ни престола, ни града, ни чадъ, хотя обремененъ заботами о чадахъ, и непрестанно скитаюсь, день за днемъ провожу на ногахъ.

Гдѣ сброшу съ себя это тѣло? Гдѣ встрѣчу свой конецъ? Какая земля, какая страннолюбивая могила укроетъ меня въ себѣ? Кто положить персть на мои померкающія очи? Благочестивый ли и другъ Христовъ, или одинъ изъ зловѣрныхъ?—Конечно, все это носить вѣтеръ, и одного малодушнаго можетъ озабочивать мысль: гробу ли предадутъ мою плоть—это бездыханное бремя, или останется она непогребенною въ добычу хищнымъ звѣрямъ, или безстыднымъ псамъ, или птицамъ, или, если угодно Тебѣ, обращена будетъ въ пепель, развѣяна по воздуху, или безъ гроба брошена на высокихъ утесахъ, или сгнѣтъ даже въ рѣкахъ и подъ шумящими дождями. Ибо не останусь я одинъ въ безизвѣстности, не останется мой одинъ прахъ несовокупимымъ, какъ должно; хотя для многихъ лучше было бы, чтобы прахъ ихъ не совокуплялся. Напротивъ того, послѣдній день, по Божію мановенію, соберетъ всѣхъ вмѣстѣ отъ концевъ земли, хотя бы кто обращенъ былъ въ пепель и лишился членовъ въ болѣзни.

Одно извлекаетъ у меня слезы и приводитъ въ страхъ,—это и вознагражденіе за всѣ заботы!

Христе Царю! Ты—мое отечество, моя крѣпость, мое блаженство, мое все! О, если бы въ Тебѣ обрѣсти мнѣ успокоеніе жизни и вознагражденіе за всѣ заботы!

Молитва ко Христу.

Умеръ я для сей бѣдственной жизни, которая, на подобіе Еврипа, носится туда и сюда, не имѣя ничего и на одинъ даже день постояннаго. Желая же жить тою долгою жизнію, которая назначена въ награду хорошо подвизавшимся. Кому любезна здѣшняя жизнь, тѣ и увеселяйтесь ею; а съ радостію узрю Владыку. Осмѣлось сказать Тебѣ нѣчто, Блаженный! Это тѣло, Тобою данное, твореніе руки Твоей, повергаю предъ Тобою, какъ излуренное, расслабленное, возмердѣвшее. Вотъ оно распростерто; возри! я изнемогъ. Прийди ко мнѣ нынѣ, прости мнѣ руку, прекрати жизнь мою, пока не встрѣтилъ меня какой-нибудь худшій конецъ. Для чего еще нужны злостраданія и очищенія? Погибъ, погибъ я среди бѣдствій; но гибну ради Тебя. Ты—мой Богъ; Ты разсѣваешь мракъ злостраданій.

Сонъ о храмѣ Анастасіи, который св. Григоріемъ устроенъ былъ въ Константинополѣ.

Сладкимъ покоился я сномъ, и ночное видѣніе представило мнѣ Анастасію, къ которой въ продолженіе дня стремились мои мысли. Она первая высокое слово, остававшееся дотолѣ у подножія горы, возвела на самую ея вершину. Потому и наименованіе Анастасіи получилъ сей храмъ, произведеніе моей нелѣзностно потрудившейся руки.

Мнѣ представлялось, что сижу на высокомъ престолѣ, однако же не съ поднятыми высоко бровями; нѣтъ, и во снѣ не служилъ я никогда гордости. По обѣ стороны ниже меня сидѣли старцы¹⁾, вожди стада, отличающіеся возрастомъ. Въ пресвѣтлыхъ одеждахъ предстояли служители²⁾, какъ образы ангельской свѣтозарности. Изъ народа же, одни какъ пчелы, жались къ рѣшеткѣ, и каждый усиливался подойти ближе; другіе тѣснились въ священнхъ преддверіяхъ, равно поспѣшая и слухомъ и ногами; а иныхъ препровождали еще къ слышанію словъ монахъ пестрыя торжища и звучація подъ ногами улицы. Чистыя дѣвы, вмѣстѣ съ благонравными женами, съ высокихъ крышъ преклоняли благочинный слухъ.

И то еще присоединилось къ обаяніямъ ночи. Народъ, желающій слышать слово мое, стоялъ, раздѣлившись на части. Одни требовали слова низкаго и доступнаго разумѣнію; потому что не хотѣли и не навывкли простирать мысль горѣ. Другіе желали рѣчи возвышенной и витіеватой; и таковы были старавшіеся глубоко изслѣдовать ту и другую мудрость,—и нашу, и чуждую намъ. Съ обѣихъ сторонъ слышны были восклицанія, которыми выражались противоположныя желанія слушателей. Но изъ устъ моихъ изливалась единочтимая Троица, сіяющая тремя явленными намъ Красотами. Я низлагалъ противниковъ звучнымъ голосомъ, потоками пламенѣющаго духа, порывами рѣчи. Одни приходили въ восторгъ и хвалили; другіе стояли въ безмолвномъ изумленіи; иные издавали еще какіе-то гласы, а нѣкоторые возражали только мысленно, потому что прекословіе, прежде нежели разрѣшалось словомъ, замирало въ самыхъ болѣзняхъ рожденія; а иные, какъ волны, воздвигаемыя вѣтрами, вступали въ открытую борьбу. Но доблорѣчіе услаждало всѣхъ, и краснорѣчивыхъ

¹⁾ Пресвитеры.

²⁾ Діаконы.

и свѣдущихъ въ священномъ словѣ благочестія, и нашихъ, и приплыхъ, и даже тѣхъ, которые весьма далеки отъ нашего двора, будучи жалкими читателями безсильныхъ идоловъ. Какъ теплыми лучами очерненная виноградина не совсѣмъ уже незрѣла, но начинаетъ понемногу умягчаться, и не совсѣмъ зрѣла, но отчасти черна, отчасти румяна, по мѣстамъ уже зардѣлась, а по мѣстамъ наполнена кислымъ сокомъ: такъ и они различались зрѣlostiю поврежденія, и я восхищался уже необходимостiю обширнѣйшихъ точиль.

Таково было мое видѣнiе; но голосъ пѣтелей похитилъ у меня съ вѣждей сонъ, а съ нимъ и Анастасiю. Нѣсколько времени носился еще передо мною призракъ призрака, но и тотъ, постепенно ветшая, скрывался въ сердцѣ; оставались же при мнѣ одна скорбь и бездѣйственная старость. О Тебѣ скорблю, моя Троица! о васъ сокрушаюсь, дѣти мои! Что ты сдѣлала со мною, зависть? Многое ты отняла у меня; не подави еще чѣмъ-либо худшимъ мою безвѣстную жизнь.

Много изящныхъ произведенiй зодчества въ царственномъ городѣ, которыми гордится онъ; но преимущественно предъ прочими можетъ похвалиться небесными храмами, храмами нѣкогда моими, а теперь для меня чуждыми, въ числѣ же другихъ и великолѣпнымъ храмомъ Апостоловъ, который крестообразными стѣнами разсѣкается на четыре части. Впрочемъ, всѣ сiи храмы не возбуждаютъ во мнѣ столько сожалѣнiя и скорби, сколько Анастасiя—новый Вилеельмъ.

Много, правда, потерпѣлъ я напастей на морѣ и на сушѣ отъ враговъ и отъ друзей, отъ пастырей и отъ волковъ, отъ мучительной болѣзни и отъ старости, которая дѣлаетъ меня согбеннымъ; но никогда прежде сего не постигала меня такая скорбь. Не плакалъ такъ о великомъ храмѣ поработенный Ассирiянами народъ, когда веденъ былъ далеко отъ отечества; не плакали такъ Израильтяне о Кивотѣ, который взятъ былъ иноплемениками; не рыдалъ такъ и прежде нихъ Иаковъ о похищенiи любимаго сына; не сокрушается такъ и косматый левъ объ убитыхъ ловцами дѣтищахъ, и пастухъ о потерянномъ стадѣ, и птица о невольномъ покинутомъ гнѣздѣ на гостепрiимномъ деревѣ, и полипь объ оставленномъ имъ ложѣ; какъ я донинѣ сѣту о новоустроенномъ храмѣ, объ этомъ плодѣ моихъ трудовъ, которымъ пользуется другой.

Если когда-нибудь сердце мое забудетъ о тебѣ, Анастасiя, или языкъ мой произнесетъ что-нибудь прежде твоего имени; то да забудетъ меня Христосъ! Какъ часто и безъ великихъ

жертвъ и безъ трапезы, очищаль я людей, собранныхъ у Анастасіи, самъ пребывая вдали, внутрь сердца создавъ невещественный храмъ и возліявъ слезы на божественныя видѣнія! Никогда не забуду, если бы и захотѣлъ, не могу забыть вашей любви, дѣвственники, пѣснопѣвцы, лики своихъ и пришлыхъ, восхищающіе попеременно пѣніемъ, вдовицы, сироты, не имѣющіе пристанища, немощные, взирающіе на мои руки, какъ на руки Божіи, и сладостныя обители, препитывающія въ себѣ старость!

А если и у васъ сохранилась еще память обо мнѣ много-страдальномъ; то благодареніе Троицѣ! Ибо у многихъ сердце увлекается потокомъ обстоятельствъ, и у легкомысленныхъ стыдъ только на глазахъ. Одного только желаю, досточтимая Троица, чтобы Божество Твое навсегда пребывало незабвеннымъ въ душахъ новонасажденныхъ.

Примите мой прощальный привѣтъ, Цари, помогавшіе мнѣ въ моихъ страданіяхъ! Примите Востокъ и Западъ, борющіеся между собой! Примите іереи, встающіе другъ противъ друга! Прими и ты, предѣдательствующая гордыня! Прими и ты, великій городъ! А я выше земныхъ престоловъ, и если желаю славы, то единственно славы безсмертной.

Но спаси, спаси меня, возлюбленная Троица! напослѣдокъ и я увижу, гдѣ престолъ чистой Анастасіи.

Таковъ плачь Григорія, въздыхающаго объ Анастасіи, съ котороу разлучила меня нѣкогда безсильная зависть.

Увѣщательное посланіе къ Гелленію, о монахахъ.

Спрашиваешь о силѣ моихъ рѣчей, которыя уже не существуютъ съ тѣхъ поръ, какъ немощствую для міра, подъялъ на себя сладостное бремя—спасшій меня Крестъ, и все человѣческое обмѣнилъ на Христа. А какія еще есть у меня рѣчи, онѣ не слишкомъ мягки и лестны (ибо такія рѣчи не угодны совершеннѣйшему Слову). Въ нихъ говорится не о родѣ, не о счастіи, которое надмеваетъ неразумныхъ, не о пламенной силѣ краснорѣчія,—этой великой славы твоей и твоего брата, не о томъ, какъ города управляются кормиломъ могучей вашей руки. Такіе предметы пусть будутъ предоставлены словамъ суетнымъ. А что до моихъ рѣчей, въ нихъ не найдешь и малаго угожденія друзьямъ, но встрѣтишь благочестивые совѣты, которые сдѣлаютъ тебя лучшимъ; имѣй только благопокорное ухо. Или, можетъ быть, ты воздашь словамъ моимъ луч-

шую награду, оказавъ свое благоволеніе большому числу людей, а не десяти нуждающимся, о которыхъ ты, добрый мой, вчера далъ мнѣ свое обѣщаніе и согласіе, какъ человѣкъ не малый, оказывающій малому великую милость. Но прими во вниманіе тѣ слова мои, которыя изреку тебѣ изъ глубины сердца, заимствовавъ изъ небесныхъ книгъ.

Иные золото и серебро, а иные тонкія шелковыя ткани приносятъ въ даръ Богу, а иной самъ себя вознесъ въ непорочную жертву Христу, иной же возливаетъ чистыя капли слезъ. Но отъ тебя да будетъ Христу слѣдующій даръ. Есть Божіи служители; имъ даруй полную свободу, имъ, которые, спокойнымъ умомъ, совершенными душами, многихъ другихъ возводятъ горѣ и дѣлаютъ таинниками небснаго. Даруй свободу всѣмъ Христоносцамъ, которые стоятъ превыше земли, не связаны узами супружества, едва касаются міра, и день и ночь своими гѣснопѣніями славословятъ Царя, чуждаются земныхъ стяжаній, какими князь міра обольщаетъ жалкихъ земнородныхъ, издѣваясь надъ ними тѣмъ, что отдаетъ дары сіи то тому, то другому. Даруй свободу тѣмъ, которые имѣютъ одно высшее богатство—надежду получить негибнущее и не переходящее изъ рукъ въ руки. Они не имѣютъ нужды въ ребрѣ, которое бы любило плоть свою, не опираются на юную руку, то есть на дѣтей, не полагаютъ надежды на единокровныхъ и на товарищей, на кровь и на прахъ, который на утро погибнетъ; они въ городахъ и обществахъ не гордятся самонадѣянною крѣпостію, похожею на крѣпость безсильнаго вѣтра, не гоняются за бысролетною человѣческою славою—этимъ услажденіемъ сновидца: но къ Богу возводятъ всецѣлый умъ, къ божественному твердому камени привязываютъ корабль свой. Они—таинники сокровенной жизни Христа Царя, и когда она явится, возблистаютъ славою, созерцающая чистое сіяніе Троицы, во едино сходящейся и открывающей очамъ непорочнымъ, созерцающая и великую славу небснаго воинства, не въ темныхъ обликахъ и не въ немногихъ слѣдахъ истины. Но сіе будетъ въ послѣдствіи; по крайней мѣрѣ все здѣшнее есть ничего не стоящій дымъ и прахъ для тѣхъ, которые предпочли небсную жизнь..

Одни изъ нихъ услаждаются пустынными пещерами и вездѣ готовыми на голой землѣ ложами, ненавидятъ же дома, бѣгаютъ городского многолюдства, любятъ прокой, сродный небсной мудрости; другіе изнуряютъ себя желѣзными веригами, и источевая персть, источеваютъ вмѣстѣ грѣхъ; а иные, заключааясь

въ тѣсныхъ домахъ, подобно звѣрямъ, не встрѣчали и лица человѣческаго. Часто, подражая въ половину Христову терпѣнію, по двадцати дней и ночей проводятъ они безъ пищи. Похваюсь: въ числѣ ихъ была овца и моего стада—нѣкто ушедшій изъ сего малаго города. А нѣкто связалъ молчаніемъ говорливый языкъ и уста, единымъ же умомъ возносилъ хвалу великому Уму.

Быль и такой, что цѣлые годы, стоя въ священномъ храмѣ, распростиралъ чистыя руки; и вѣжды его не касался сонъ, но какъ одушевленный камень (невѣроятное самозабвеніе!) онъ водруженъ былъ во Христѣ. Другому сосѣдъ воронъ удѣлялъ остатки скудной трапезы, и обоимъ доставало одного куска хлѣба. А нѣкто востекъ отсюда на божественную гору ко Христу, съ которой онъ, по совершеніи страданія, оставилъ чловѣковъ, и тамъ, не развлекаемый ни словомъ, ни умомъ, ни тѣломъ, стоялъ подъ снѣгомъ и вѣтромъ, и не уступалъ прошеніямъ собравшихся вокругъ него благочестивыхъ мужей, но, воспріянувъ умомъ своимъ отъ земли и ставъ выше людей, крѣпко держался великаго Христа Царя, пока не соградилъ новаго дома себѣ бездыханному, когда для погребенія не нашлось попечительной руки.

Ахъ! Дошло до меня страшное слово, будто бы у монаховъ вѣрныхъ по имени и по жизни, которыхъ многіе знаютъ, не многіе же унижаютъ за горячность, превышающую требованія благоразумнаго благочестія,—будто бы у таковыхъ монаховъ установленъ слѣдующій законъ. Если прійдетъ къ нимъ кто-нибудь изъ мужей благоговѣйныхъ, не знающій нашего устава; то радушно принимаютъ его въ своихъ обителяхъ, оказывая ему всѣ виды дружбы, и сердце его восторгаютъ Божіимъ словомъ, которое начерталъ Духъ, а между тѣмъ предлагаютъ ему свѣтлую трапезу. Потомъ выходитъ кто-нибудь на-среду, напоминаетъ о суровомъ уставѣ и (скрытными выраженіями вызывая на жестокое слово) предлагаетъ такой вопросъ: хорошо ли благочестивому пріять смерть ради Бога? И если пришедшій по неразумѣнію похвалитъ такую кончину; онъ продолжаетъ: свидѣтели истины охотно умираютъ многими родами смертей сами отъ своей руки, то не удовлетворяя нуждамъ чрева, то съ горь низвергаясь въ глубины и пріемля удавленіе. Такъ съ радостію преселяются они отъ здѣшней брани и многоплачевной жизни!—Царь мой Христочъ! умилосердись надъ умами, которые вѣрны, но безразсудны, какъ побѣдоносный конь, далеко несущійся за

цѣль, потому что онъ ввѣрился быстротѣ своихъ ногъ, и не сдерживается уздою!

Всякому пріятно стремленіе къ одной какой-нибудь добродѣтели. По причинѣ множества обитателей много и способовъ пріобрѣтать ихъ. Но къ чему описывать мнѣ подробно? Они шествуютъ тѣснымъ путемъ, которымъ идутъ здѣсь немногіе изъ людей; они входятъ скорбными вратами, куда со многими трудами вступаютъ добрые. Таково достояніе Христова, такой плодъ Своихъ страданій Христосъ приноситъ отъ земли Отцу! Это опора слова, слава людей, основаніе міра, уподобляющееся небеснымъ лѣпотамъ! Ихъ родъ и для меня свѣтоносенъ. Пусть зависть выплачетъ себѣ глаза! Тебя же прошу имѣть къ нимъ доброе расположеніе.

Во-первыхъ, полюби кроткаго Кледонія, который живетъ для бѣдныхъ и въ даръ Христу принесъ все, но прежде всего—самого себя, а потомъ уже и то, что пріобрѣлъ,—принесъ, ничего не оставивъ для земной жизни. Это жемчужина между дорогими камнями; это утренняя звѣзда между звѣздами; это весна между временами года; это роза между растеніями. Украшаясь нѣкогда славою при дворѣ царя земного, онъ еще большую славу имѣетъ въ нашей оградѣ, потому что предстоитъ Царю Христу.

Полюби Евлалія, который многимъ превосходитъ сверстниковъ своихъ. Его, какъ бы лишеннаго своей половины, оставилъ великій и могучій братъ Елладій, отлетѣвъ въ тотъ ликъ, въ которомъ желалъ быть; самъ же онъ остался здѣсь одинъ, ничего уже не находя лучше своего Елладія, и имѣетъ попеченіе о матери, которая удручена тяжкою болѣзнію и едва сохраняетъ въ себѣ нѣсколько росинокъ жизни. Но изобразить эту женщину—потребовалось бы обширное слово; довольно сказать коротко: она мать Елладія и Евлалія.

Не тебѣ далъ Богъ Картерія; но и его сдѣлаешь своимъ, другъ, чрезъ благорасположеніе къ товарищамъ, и этого, говорю, Картерія, котораго ждетъ великая слава на небесахъ, потому что духомъ всегда онъ возвышенъ надъ плотію.

Будь снисходителенъ и къ великому Никомиду, если только услышишь о немъ. Онъ смертную жизнь посвятилъ небесной, поревновалъ о древней жертвѣ великаго Отца Авраама, освятивъ Богу двоихъ чадъ, добровольно поспѣшающихъ на священное жертвоприношеніе, и супружество сдѣлалъ добрымъ, и постарался о вѣнцахъ, какъ супружеской, такъ и безбрачной жизни. не землѣ предоставилъ перстныя свои отрасли, но чтобы, отрѣ-

пившись отъ сея жизни, всецѣло перейди въ горнюю землю, свой классъ (этотъ плодъ отличнѣйшій въ кругу мужей и женъ, то есть любезнаго сына въ кругу мужей, и дщерь въ кругу женъ) вписалъ въ наши лики. И я надѣюсь, что сіи зеленѣющія вѣтви благовоннаго древа будутъ достойны небесныхъ свѣтилъ. А если онѣ превзойдутъ и самыхъ родителей; то и симъ будутъ обязаны родителямъ же. Но предоставимъ сіе рукѣ державнаго Бога, Который великимъ надеждамъ полагаетъ великій конецъ. Теперь же отецъ посреди своихъ чадъ подобенъ быстролетному орлу, который, летая подлѣ птенцовъ, управляетъ полетомъ недавно оперившихся, чтобы они на несмѣлыхъ еще крыльяхъ пускались за нимъ по воздушнымъ зыбямъ. Такъ и онъ преподаетъ дѣтямъ многіе уроки благочестія. Но не находитъ ничего полезнѣе своей добродѣтели. Онъ посвятилъ дѣтей Божію слову и божественной жизни, съ молодыхъ ногтей назидавая въ нихъ доброе, и приготовилъ имъ величайшее наслѣдство—священную нищету, чтобы не имѣть имъ недостатка и въ этомъ орудіи, способствующемъ успѣшному шествію. Таковъ Никомидъ—моя слава, слава моего стада, близкій мнѣ по крови!

Не въ числѣ послѣднихъ и Θεогній. Стоя на землѣ, касается онъ небесныхъ престоловъ; онъ ласковъ, сладкорѣчивъ; на цвѣтущемъ лицѣ его всегда видно сіяніе благорасположеннаго духа. Онъ никогда не подражаетъ женщинамъ и не налагаетъ на себя ложныхъ прикрасъ добродѣтели, которыя уменьшаютъ ея красоту, но внутри сердца блюдетъ богоугодный страхъ, и онъ явенъ единому Всевѣдцу сокровеннаго. Хотя на поприще добродѣтели вступилъ онъ позднѣе другихъ, но, по быстротѣ ногъ своихъ (что весьма чудно), много опередилъ вступившихъ прежде него. Какъ же скоро вкусилъ мудрости самъ; указалъ и милымъ дѣтямъ лучшій жребій. И восходя по той лѣствицѣ, какую протѣцъ нашъ Іаковъ, сынъ Исааковъ, видѣлъ утвержденною отъ земли на небо, восходя для того, чтобы увидѣть самого Бога, высочайшій источникъ небесныхъ свѣтовъ, одну изъ ступеней онъ уже прошелъ, на другой опирается своими стопами, а третьей касается рукою, взорами же простирается далѣе. Таковъ путь для людей, и такъ кровь свою возводитъ у меня къ Христу благородный родитель!

Много дорогихъ сокровищъ сокрыто въ душѣ у Евандра; его сердце убѣленнѣе сѣдовласой главы.

Кто же изъ здравомыслящихъ забудетъ объ Астеріи или о братьяхъ его—этой священной троицѣ? У нихъ общая мудрость,

ихъ общая жизнь совокупила во едино, и, при единой надеждѣ, раздѣляетъ ихъ только плоть.

Умолчу о Филадельфѣ—моемъ сердцѣ, объ этой благородной крови Макровія, который, изъ всѣхъ овецъ моего стада, есть собственно моя овца; о моемъ другѣ, котораго благосердый Христосъ объемлетъ великими крылами, котораго не надмеваетъ гордость, овладѣвающая всѣми.

Умолчу о высокошественномъ Ригинѣ, о Леонтіи, объ Илюдорѣ, которые обладаютъ высокимъ даромъ Христовой мудрости.

Умолчу о другихъ—свѣтлыхъ звѣздахъ между мужами простого нрава, даже неизвѣстныхъ многимъ изъ міролюбцевъ, о сихъ досточестныхъ членахъ Христовыхъ. Ибо кто исчислитъ сіи печати Безсмертнаго, сіи плотоносныя красоты?

Всѣ они—служители всемогнутаго Бога, и каждый изъ нихъ совершенъ на особомъ пути благочестія. Легкими стопами попираютъ они землю; это прекрасныя овцы, принадлежація къ десной сторонѣ; это камни великаго храма, и Христосъ связуетъ ихъ между собою вселюбезнымъ согласіемъ духа. Съ малыми искрами жизни въ скудости проводятъ они настоящую жизнь, немного уступаютъ виновнику зла—чреву, умиряютъ въ себѣ жестокой мятежъ страстей—эти черныя волны, воздвигаемыя веліаромъ; полагаютъ мѣрило слову и мѣру молчанію, держатъ въ уздѣ и смѣхъ, и слухъ, и неподвижныя очи. Безъ обуви, съ нечесанными волосами, съ слезами на глазахъ, имѣя у себя одинъ хитонъ, эти земные мертвецы живутъ мыслию въ горнемъ, непрестанно имѣютъ предъ взорами великую Божию славу и тамошнее ликостояніе душъ благочестивыхъ.

Ты почтилъ и дѣвственныхъ женъ, которыя Женихомъ своимъ именуютъ Царя, вступающаго въ общеніе съ сердцами чистѣйшими, и которыя ожидаютъ Христа недремленными очами, возжегши неизсыхающіе свѣтильники; ты почтилъ, говорю, ихъ, когда узналъ это мое украшеніе, это самое свѣтлое око моего стада; почтилъ, если только почтилъ хотя одну изъ нихъ. Ибо это общая милость для всѣхъ добрыхъ, если кто-нибудь одинъ изъ нихъ видитъ оказанное себѣ добро; таковъ законъ дружбы, по которому все дѣлается для нихъ общимъ достояніемъ!

Подлинно, и въ этихъ женахъ великій умъ; потому что онѣ съ мужественнымъ духомъ изринули изъ сердца обольстительную Еву. Да, и у нихъ вокругъ тѣла безопасное огражденіе—вретище, а ложемъ на землѣ—прахъ; и у нихъ есть врачевства цѣломудрія, молитвы, любезныя воздыханія, бессонныя

ночи, источники слезъ источаемыхъ внутренно. Ожестѣли у нихъ колѣна, забыта ими немощь; потому что онѣ держатся за укрѣпляющія воскрилія Христовыхъ ризъ. А нѣжность плоти и блестящія одежды, и эта весенняя, скоро увядающая красота, и естественная и та наружная, которую мужчины своими руками наводятъ на лица похотливыя,—все это изгнано у нихъ изъ сердца. И немного будетъ сказать, что жены сіи, силою ума, и въ тѣлѣ и въ мудрости сравнялись съ мужами.

Ибо и Христа, Который съ звѣзднаго неба явился на землѣ въ человѣческой плоти и сталъ сыномъ человѣческимъ чрезъ непорочную Матерь-Дѣву, чтобы пречистымъ Своимъ рожденіемъ исполнить законъ человѣчества, когда возсталъ онѣ въ третій день изъ гроба, жены первыя увидѣли, по причинѣ пламеннаго своего желанія, и возвѣстили возлюбленнымъ соученикамъ, вкусивъ Христова вкушенія въ уврачеваніе прежняго. И по всей землѣ, куда только проникло спасительное ученіе, найдешь многихъ женъ, которыя, или, составивъ изъ себя общества, питаютъ въ сердцѣ общую любовь къ небесной жизни и водятся одинаковыми правилами, или остаются при своихъ немощныхъ родителяхъ и братьяхъ, и ихъ имѣютъ свидѣтелями своего цѣломудрія.

Немного такихъ женъ у меня; однако же поспорю со многими, восхищаемый небесными красотоми Христовыми. Баснословіе усыпало дома Лидійцевъ золотымъ пескомъ и дало имъ рѣку, которая приносила дары счастья; а чернокожимъ Индусамъ златоносные муравьи носили богатство, собирая его въ пескѣ. Нилъ, наводняя благовременно плодоносныя равнины, дѣлалъ могущественнымъ Египетъ. Одинъ любитъ птицами, другой деревьями, а иный камнями пріятно блестящими изнутри. Но мнѣ Царь Христосъ даровалъ украшеніе, которое всѣхъ превосходитъ,—это вѣнецъ изъ многихъ благочестивыхъ. Несомнѣнно то, что Богъ малымъ всегда даруетъ благодать, какъ увѣряетъ древнее обѣтованіе. Виелеемъ сталъ между первыми городами; и моему малому граду дано быть новымъ Виелеемомъ. Тотъ славенъ былъ рожденіемъ Христовымъ; а мой славенъ Христовыми друзьями.

Такой въ моей странѣ возсіяваетъ предъ тобою новый сонмъ, подобный тому, какой произвела Арменія—ваше отечество, страна, украшающаяся добрыми сынами, какъ многимъ превосходящая другія страны, такъ особенно славная тѣмъ, что въ ней много не познавшихъ узъ супружества! Оказавъ милость имъ, окажешь,

превосходнѣйшій, и мнѣ малую милость, гораздо же большую себѣ самому; приобрѣтешь себѣ, дѣтямъ и женѣ величайшее богатство—надежду свѣтоноснѣйшей жизни. Если же ты, самый снисходительный изъ всѣхъ моихъ товарищей, памятуешь сколько-нибудь и о моей старинной дружбѣ (я никакъ не поставлю своего имени на-ряду съ именами мужей благочестивыхъ); то не обезчести меня (что не свойственно дружбѣ), но окажи милость и честь моимъ товарищамъ. И я имѣю нѣкоторое значеніе для многихъ. А если бы и не для многихъ имѣлъ; то тебѣ, счастливецъ, преимущественно предъ всѣми надлежитъ уважать нашу дружбу.

Этимъ сдѣлаешь угожденіе всѣмъ друзьямъ, и ихъ порадуетъ честь, сдѣланная преподобнымъ. Особенно угодишь Василию, котораго по преимуществу почтилъ Христосъ, и который, какъ посредникъ, соединяетъ между собою отдаленныхъ друзей, и гораздо крѣпче связываетъ ихъ общею любовію. А угождать ему—требуетъ отъ тебя самая справедливость, уваженіе къ отечеству, къ дружбѣ, къ товариществу по ученію, къ чистымъ жертвамъ, къ окриляющей жизни. Ибо онъ, какъ второй по Ааронѣ, стоя внутри скинии не для всѣхъ доступной и имѣя предъ очами царюющаго въ горнихъ Бога, своими молитвами приводитъ въ общеніе смертныхъ съ Безсмертнымъ. Но что сдѣлаешь для меня, то будетъ даромъ для Василія; а принесенное въ даръ ему принесется самому Христу; приносимое же Христу приносится Отцу.

Умоляю тебя о душахъ и о небесной жизни, умоляю о членахъ, истончаемыхъ духомъ. Окажи милость къ дневнымъ трудамъ, къ ночнымъ пѣснопѣніямъ, къ возлежанію на голой землѣ, къ слезамъ, къ ветхимъ рубищамъ, къ истомленнымъ очамъ, къ чистому уму, къ священнымъ словамъ. Почтивъ добродѣтель, ты расширишь для многихъ путь къ добродѣтели, и получишь большую мзду отъ Бога, посѣнешъ здѣсь постоянное и соберешь нетлѣнный, пренебесный плодъ, вмѣсто скуднаго—богатый.

Уважь богоподобную сѣдину моего отца, который тѣмъ и другимъ, и многочисленностію лѣтъ и честностію нравовъ, наполнить для людей цѣлую досточудную исторію.

Скажу тебѣ, сынъ мой, по немощи силъ моихъ, послѣднее слово. Пощади паству нашу, пощади паству, за которую я трепещу; потому что много понесъ за нее трудовъ, и Богъ поручилъ мнѣ ее пасти многіе десятки лѣтъ. Тебѣ же даруетъ Богъ все, что даетъ Онъ благочестивымъ, но сверхъ прочаго и то,

чтобы срѣтить тебѣ прекрасную старость, какова старость моего богомудраго отца.

Но изреку благое слово отъ нашего Писанія. Мѣры Божіи уравниваются съ нашими мѣрами; какими здѣсь мѣряемъ другъ другу, такими и великій Богъ воздаетъ людямъ. Но да возмѣрять Онъ тебѣ лучшимъ за лучшее, какъ нынѣ, такъ и въ послѣдній день! Нынѣ для всякаго человѣка полагается или худое или доброе основаніе кратковременной жизни, и на малыхъ вѣсахъ колеблется, перевѣшиваемое на ту и на другую сторону, великое стяжаніе жизни небесной.

И Христосъ принялъ на Себя человѣчество при наложеніи подати, когда Кесарь дѣлалъ перепись цѣлой земли. Самъ Богъ далъ смертному дань, чтобы даровать смертнымъ облегченіе отъ рабства. Почти благодать Христову, и цощади людей. Почти, и ведя добрую перепись, самъ записанъ будешь въ добрую небесную книгу. А если будешь вести не добрую перепись... но пусть выговорить сіе другой, а я скажу по крайней мѣрѣ то, что лучше вести перепись праведную.

Ужели не довольно того, что тяжкое иго наложено на смертныхъ первымъ грѣхомъ прародителя, и человѣкоубійственнымъ древомъ, и завистію змія, и преступленіемъ жены, и гибельнымъ вкушеніемъ противоборственнаго знанія, которое содѣлало меня смертнымъ, и тотчасъ, низложивъ меня въ землю, изъ которой я сотворенъ, наполнило жизнь мою скорбями, заставило меня нести болѣзни и труды, оставаться нагбеннымъ къ широкому хребту земли подъ бременемъ напастей,—ужели не довольно сего, но братъ—одна со мною персть, въ одномъ со мною погруженный грѣхъ, предастъ меня еще большимъ скорбямъ? Нѣтъ, это не позволительно, это несвойственно; больнымъ гораздо лучше давать лекарство, а не новый трудъ.

Вотъ даръ, который тебѣ, добрый мой, посылаетъ напе со- братство, — это даръ, неистребимый временемъ. А ты, украшеніе Арменіи, Гелленій, которому поручено установить правильную мѣру податей въ нашей странѣ, установи ее, при помощи непорочной руки великаго Бога, установи непорочно, и не покоряй превратнаго ума неправедной корысти. Если всякому будешь отвѣшивать вѣрно, трепеща великаго Ока; то мы, хотя и малый городъ, пронесемъ имя твое, наилучшій, не между одними обитателями Діо-Кесаріи, и напишемъ на доскахъ: „вотъ чело- вѣкъ добродѣтельный; въ немъ не найдетъ для себя пищи и насмѣшникъ!“

На безмолвіе во время поста.

Умолкни, любезный языкъ; и ты, перо мое, пиши слова безмолвія, рассказывай глазамъ вѣщанія сердца!

Когда, принося таинственную жертву человѣческимъ страданіямъ Бога, чтобы и самому мнѣ умереть для жизни, связалъ я плоть на сорокъ дней, по законамъ Христа Царя, такъ какъ исцѣленіе дается тѣламъ очищеннымъ: тогда, во-первыхъ, привелъ въ неколебимость умъ, живя одинъ вдали отъ всѣхъ, обложившись облакомъ сѣтованія, собравшись весь въ себя и неразвлекаемый мыслями, и потомъ, слѣдуя правиламъ святыхъ мужей, приложилъ дверь къ устамъ. Причина сему та, чтобы, воздерживаясь отъ всякаго слова, научиться соблюдать мѣру въ словахъ.

Кто противъ многихъ подьметъ разящее копьё, тотъ удобно усмиряетъ немногихъ. Кто издали бросаетъ вѣрно въ цѣль крылатая стрѣлы, у того на близкомъ разстояніи никогда не пролетитъ стрѣла мимо цѣли. И корабль мореходный, который переплывалъ обширныя моря, смѣло можно посылать въ плаваніе не дальнее отъ пристани. Кто одержитъ верхъ въ маломъ, о томъ еще сомнительно, преусуѣтъ ли и въ великомъ, хотя и сильно желаетъ. Но кто производитъ великое, о томъ нѣтъ сомнѣнія, что, если захочетъ, легко превзойдетъ другихъ и въ маломъ. Посему-то и я совершенно связалъ у себя силу слова, ибо надѣялся, что послѣ изъ устъ моихъ уже не выльется лишняго слова.

Языкъ всего пагубнѣе для людей.—Это конь, всегда убѣгающій впередъ, это—самое уготованное оружіе. Иный все видитъ; но руки у него достаютъ очень немногое, именно то, что подъ ногами, ноги же его не обходили цѣлой земли. И убійцѣ нужно бороться съ трудомъ; прелюбодѣй трепещетъ своей бѣшенной страсти; ворами всего страшнѣе день. И богатство обременительно; однимъ обладаю, а другое уже потерялъ; столько удерживаю у себя въ рукахъ, сколько можно удержатъ жидкости горстью. Корабль, дальній путь, разбойники, несытый челоуѣкъ, который простираетъ жадные взоры на чужое достояніе,— вотъ сколько противниковъ у всякаго златолюбца! И худымъ не безъ труда, не безъ труда и добрымъ. Но ничто не удерживаю языка, скорого на слово,—ни челоуѣкъ, ни снѣгъ, ни потокъ, ни каменный утесъ. Стрѣлокъ уже близко; немилосердная

стрѣла вложена уже въ лукъ, и на раздвоенномъ ея концѣ въ дугу изогнулась тетива; мысль спустила стрѣлу; она понеслась, и все низлагаетъ—небесныхъ и земныхъ, живыхъ и еще не родившихся, остерегающихся и неосторожныхъ, добрыхъ и злыхъ, непріятелей и друзей, дальнихъ и близкихъ. Для этой стрѣлы вездѣ цѣль; и кто мечетъ ее, тому первое мѣсто между мудрецами.

Много срамнаго излагаетъ языкъ похотливыхъ. Достойный смѣха, чтобы ему возбудить въ людяхъ неудержимый смѣхъ, позволяетъ въ себя метать, и самъ мечетъ словами, безчестить образъ Божій, и много сокровеннаго извергаетъ въ уши другихъ, и часто по вѣсьмъ направленіямъ рассыпаетъ клубящуюся пѣну бурнаго гнѣва; нерѣдко же изъ злоумышляющаго внутренно сердца выносить привѣтъ, и одно имѣетъ въ душѣ, а другое на устахъ, именно—ложь, ласковыя слова и убійства. Кто исчислить всѣ тѣ огорченія, какія причиняетъ языкъ? Если захочетъ, безъ всякаго труда, въ одну минуту заставить враждовать домъ съ домомъ, городъ съ городомъ, народъ съ властелиномъ, царя съ подданными, какъ искра, мгновенно воспламеняющая солому. Плывущихъ на одномъ кораблѣ, сына, родителя, брата, друга, супругу, супруга,—всѣхъ удобно вооружаетъ онъ одного противъ другого. Злаго дѣлаетъ добрымъ, а добраго, напротивъ того, погубить, и все это опять переиначить. Кто переможетъ слово? Языкъ малъ; но ничто не имѣетъ такого могущества. О если бы онъ тотчасъ омертвѣлъ у людей злыхъ!

У всякаго неразумнаго языкъ есть зло, но особенно можетъ быть зломъ у тайниковъ небесной жертвы. Я органъ Божій, и въ благозвучныхъ пѣснопѣніяхъ приношу славословіе Царю, предъ Которымъ все трепещетъ. Пою же не Трою, не счастливое плаваніе какого-нибудь корабля Арго, не свиную голову, не могучаго Иракла, не обширный кругъ земли, какъ онъ опоясанъ морями, не блескъ камней, не пути небесныхъ свѣтилъ. Пою не неистовство страстей, не красоту юношей, въ честь которыхъ бряцала изнѣженная лира древнихъ. Нѣтъ, я воспѣваю царствующаго въ горнихъ великаго Бога, или же сіяніе пресвѣтлой моей, во-едино сочетаваемой Троицы. Воспѣваю высокія громогласныя пѣсни ангельскихъ ликовъ, какія они, предстоя Богу, возглашаютъ попеременно. Воспѣваю стройность міра, еще болѣе совершенную, нежели какова настоящая,—стройность, которой я ожидаю, потому что все поспѣшаетъ къ единому. Вос-

пѣваю нетлѣнную славу Христовыхъ страданій, которыми Христосъ обожилъ меня, срастворивъ человѣческій образъ съ небеснымъ. Воспѣваю смѣшеніе, усматриваемое во мнѣ; ибо я не какое-либо легко изъяснимое произведеніе; я—произведеніе, въ которомъ смертный сопряженъ съ небесными. Воспѣваю законъ Божій, данный человѣкамъ, и всѣ дѣла міра, также намѣренія и конецъ того и другого, чтобы ты одно соблюдалъ въ сердцѣ своемъ, а отъ другого бѣжалъ дальше прочь и трепеталъ грядущаго дня. Для всего этого языкъ мой долженъ быть какъ гусли.

Но остерегайтесь, іереи, чтобы онъ не прозвучалъ чего-нибудь нестройнаго. Буду хранить языкъ чистымъ и для чистыхъ жертвъ, посредствомъ которыхъ великаго Царя привожу въ общеніе съ земнородными. И не чуждымъ языкомъ, не оскверненнымъ умомъ буду возсылать Чистому животворящую жертву. Одинъ источникъ не даетъ сладкой и горькой струи. Пурпуровой одеждѣ всего неприличнѣе грязь. Необычайный огонь погубилъ древле сыновъ жреца, которые прикасались къ жертвѣ нечисто. О священномъ же кивотѣ великаго Бога слышу, что онъ нѣкогда и наклоненный къ паденію убилъ прикоснувшася. Сего-то я сильно трепещу и боюсь, чтобы не потерпѣть мнѣ чего-нибудь, нечисто прикоснувшись къ чистой Троицѣ.

О если бы непотребный и непостоянный умъ, который мечется туда и сюда во многихъ суетныхъ порывахъ, могъ я, хотя цѣпкою уздою, привести ближе къ цѣли и удержать въ сердцѣ совершенно свободнымъ отъ обольщенія! Лучше же сказать, если онъ ближе будетъ къ великославному Христу, то озарится лучами великаго Свѣта. Да и теперь, будучи заключенъ внутрь, менѣе дѣлаетъ зла, хотя бы и сталъ нѣсколько блуждать вдали отъ Бога. Когда пламень, или потокъ, загражденъ твердыми камнями; хотя хлопочетъ внутри, но не губитъ частаго кустарника или нивы, и скрываясь въ камняхъ, живетъ полумертвымъ. Но слово, какъ скоро сорвется съ многозвучнаго языка, неудержимо буйствуетъ и не возвращается назадъ. Впрочемъ, если кривую вѣтвь, понемного разгибая руками, согнешь въ противную сторону; то она, освободившись отъ насилія руки, дѣлается прямою и не принимаетъ на себя прежней кривизны. Такъ и я, примѣтивъ, что стремительность бѣлаго слова не знаетъ ни вѣса, ни мѣры (тогда только была для меня и жизнь, когда было слово), избрѣлъ наилучшее врачевство, совершенно удержалъ слово въ высокоумномъ сердцѣ, чтобы языкъ мой научился на-

блюдать, что ему можно говорить, и чего нельзя. Усвоивъ себѣ совершенное молчаніе, онъ усвоить добродѣтели. Я лишилъ его всего, и онъ не будетъ презирать мѣры. Да обратится сіе во всегдашній законъ для неумѣренныхъ!

И то великое приобрѣтеніе, если сдерживаешь слово готовое разразиться, когда со-внѣ ударяють въ твое сердце. Укрощая слово, ты укрощаешь и волненіе гнѣва; и хотя не безъ труда, однако укротишь его. Если не даешь свободы языку, когда онъ кичится и приходитъ въ дикую ярость, но держишь его въ уздѣ, то отвратишь обиду. Съ покореніемъ вождя покорится царь страстей, и ты отдохнешь отъ мучительнаго тревоженія.

Для всего этого нужно руководство великаго Царя Христа, но потомъ нужно и кормило нашего ума. Если не Христосъ у тебя правителемъ; то ни къ чему не полезны и молчаніе твое и даже еще большее терпѣніе. Если узкій истокъ озера, зажавъ руками, откроемъ опять, оно тотчасъ потечетъ. Напротивъ того, пресвѣтлое слово повелѣваетъ тебѣ, добрый мой, начавъ съ сего, удерживать токъ всѣхъ золь.

Таковы, любезнѣйшій, поученія моего безмолвія; такъ говорить тебѣ моя рука, выражающая мысли. Это—мое плаваніе; а ты поспѣшай къ другому плаванію. Всякій носится своимъ направленіемъ вѣтра.

Но если кому, или изъ враговъ моихъ, или изъ доброжелателей, угодно слышать другую причину моего молчанія; вотъ она.

Было время, когда имѣлъ я очень много твердости въ нравахъ. Христосъ Царь велъ меня на противника, а въ сердцѣ у меня была вѣра тверже адаманта; отсюду ограждался я крѣпкими стѣнами, не оскверненный умъ свой назидалъ Божиимъ словомъ, извлекая духъ изъ священной буквы; а съ тѣмъ вмѣстѣ извергалъ изъ себя соленую горечь книгъ, читанныхъ мною и прежде, эту красоту, блестящую накладными прикрасами, кипучую же плоть свою, пока цвѣла она юностію, изнурялъ многими и частыми трудами. Отнялъ у чрева наглость пресыщенія и неразрывное съ нимъ неистовство, утвердилъ око въ вѣждахъ цѣломудріемъ, переселилъ гнѣвъ, связалъ члены, заградилъ смѣхъ. Все тогда покорилось Слову, все во мнѣ умерло. Голая земля была у меня ложемъ; боль въ бокахъ, жесткія одежды служили пособіемъ къ бдѣнію и извлекали у меня слезы; днемъ сгибалъ я свой хребетъ, и во всеобщихъ пѣснопѣніяхъ стоялъ въ прямомъ положеніи, не зная свойственной людямъ привязанности къ удобствамъ жизни. Такъ было тогда; потому что кипѣла еще во мнѣ

плоть, которая обыкновенно усиливается остановить великій свѣтъ въ небесномъ его восхожденіи. Свергъ я съ себя и тяжелое бремя земныхъ стяжаній, чтобы, стряхнувъ всякую тяжесть, облегченному возноситься къ Богу.

А теперь, когда постигла меня жестокая болѣзнь и изнурила старость, впалъ я въ новое злостраданіе. У меня неукротимый и добродѣчивый языкъ; онъ-то всегда предавалъ меня множеству напастей руками завистника. Я не дѣлалъ нашествій ни на чьи престолы, никого не изгонялъ изъ отечественной страны, не строилъ козней, не поражалъ злорѣчіемъ, ничего не дѣлалъ противнаго закону нашихъ жертвъ (сіе извѣстно Слову), не оскорблялъ ни Епископа, ни кого-либо другого; потому что негодую на всякаго народнаго вождя, о которомъ идетъ подобная молва (а такихъ вождей, къ сокрушенію моего сердца, полны нынѣ море и широкіе предѣлы земли). Но мнѣ повредило недоброе слово. Я не думалъ сего прежде, однако жъ оно повредило; ибо возбудило ко мнѣ зависть во всѣхъ друзьяхъ.

А для того, чтобы попользоваться чѣмъ-нибудь отъ меня и тебѣ, зависть, умолкни, любезный языкъ, умолкни не надолго. Я не свяжу тебя навсегда; этого не получить отъ меня ненавистникъ слова.

Сказываютъ объ одномъ Самосскомъ царѣ¹⁾, который во всемъ имѣлъ успѣхъ, что онъ, въ угожденіе зависти, самъ себѣ причинилъ огорченіе, и любимое отцовское кольцо бросилъ въ море. Но рыба, проглотившая его, попалась въ сѣть; рыболовъ принесъ рыбу къ царю, царь отдалъ служителю съ кольцомъ, которое было въ ея внутренности; и рыбу приняло въ себя чрево, а кольцо получила рука. Удивительное дѣло! Царь хотѣлъ огорченія, но не нашелъ его.

Такъ и со мною. Зависть всегда смотритъ на мое слово дикими глазами; потому избралъ я для себя глубину молчанія, и доселѣ подражаю Самосцу. Но не знаю ясно, что будетъ завтра, худый или добрый встрѣтитъ меня конецъ.

Ты, Врачевство челоувѣковъ, останови зависть, и освободивъ меня отъ жестокихъ языковъ, введи во свѣтлость Свою, гдѣ бы я, величая Тебя съ присноживущими свѣтами, могъ возглашать устами стройную пѣснь.

Прими же сіи безгласныя вѣщанія руки моей, чтобы былъ вѣщій памятникъ моего безмолвія.

¹⁾ Поликрать.

Пѣснь Христу послѣ безмолвія въ пасху.

Царь мой, Христось! поелику опять отдаю воздуху долго удерживаемое слово, то Тебя перваго наименую устами. Предъ Тобой изливаю изъ ума своего сіе слово—сіе (если позволено сказать такъ) непорочное приношеніе чистѣйшей жертвы.

Отчій свѣтъ, Слово великаго Ума; превосходнѣйшій всякаго слова, вышній Свѣтъ всевышняго Свѣта, Единородный, Образъ безсмертнаго Отца и Печать Безначальнаго, Озаряющій вмѣстѣ съ великимъ Духомъ, Конецъ необъятнаго вѣка, великославный, Податель блаженства, превознесенный, небесный, всемогущее Дыханіе Ума, Правитель міра, Жизнеподатель, Зиждитель всего, что есть и будетъ,—Тебѣ все принадлежитъ, Ты связалъ мановеніемъ основанія земли и все, что Тебѣ было угодно, несешь неуклонной стезею. По Твоему манію, Царь, высокошественное солнце, востекши на огнистый кругъ, затмѣваетъ собою звѣзды, какъ Ты затмѣваешь умы. По Твоему манію то живетъ, то исчезаетъ попеременно, и опять является въ полномъ свѣтѣ око ночи—луна. По Твоему манію зодіакальный кругъ и этотъ размѣренно кружащійся хороводъ опредѣляютъ мѣру годовыхъ временъ, непримѣтно между собою растворяемыхъ. И неподвижныя и подвижныя, возвращающіяся на прежній свой путь, звѣзды суть глаголь Твоей Божественной мудрости. Твой свѣтъ—всѣ тѣ небесныя умы, которые воспѣваютъ славу пренебесной Троицы. Твоя слава—человѣкъ, котораго поставилъ Ты здѣсь ангеломъ, пѣснословцемъ сіянія Твоего, о безсмертный Свѣтъ и вновь родившійся для смертнаго, безплотная Высота, напоследокъ же, чтобы избавить отъ гибели смертныхъ, Плотносецъ! Для Тебя живу, для Тебя говорю; я одушевленная предъ Тобою жертва—единственное приношеніе, оставшееся у меня отъ всѣхъ моихъ стяжаній. Для Тебя связывалъ я свой языкъ; для Тебя разрѣшаю слово. Но молюсь, содѣлай, чтобы то и другое было свято, чтобы я говорилъ, что прилично, а непозволительнаго и не помыслилъ; отринувъ грязь, источилъ маргаритъ, изъ песка извлекъ золото, изъ колючихъ терновъ—розу, оставивъ солому, собралъ съ колосьевъ пшеницу.

Сіи начатки ума моего принося Тебѣ, Христось, языкъ мой сложилъ первую пѣснь. Въ сей день великій Христось воззванъ отъ мертвецевъ, къ которымъ приложился. Въ сей день отразилъ Онъ жало смерти, сокрушилъ мрачныя затворы унылаго ада, даровалъ свободу душамъ. Въ сей день, воспрянувъ изъ гроба, явился Онъ людямъ, для которыхъ родился, умеръ и возбужденъ

изъ мертвыхъ, чтобы мы, возрожденные и избѣжавшіе смерти, восхищены были съ Тобою восходящимъ. Въ сей день свѣтозарный и великій ангельскій ликъ исполнился радости, воспѣвая побѣдную пѣснь. Въ сей день и я, разрѣшивъ уста отъ молчанія, вознесъ громкій гласъ, и вотъ сталъ я гуслиами, чтобы славословить Тебя. Уму разверзъ я внутренность ума и Слову—слово; а потомъ, если угодно, разверзу и великому Духу.

Мысли, писанныя двустишіями ¹⁾).

Все съ себя сбрось, и тогда разсѣкай житейское море; но не пускайся въ плаваніе какъ грузный корабль, который готовъ тотчасъ потонуть.

Помни непрестанно страшную смерть, какъ будто она у тебя передъ глазами; и встрѣтишь ее менѣе грозною.

Непрестанно созидай умъ свой въ храмъ Богу, чтобы внутри своего сердца имѣть невещественную опору—Царя.

Познай себя самого, изъ чего и какимъ сотворенъ ты, доблестный мой,—и чрезъ сіе удобно достигнешь красоты Первообраза.

Тебя одинъ день ведетъ къ другому; и тотъ постоянно влается, кто самъ въ себѣ легокъ; но въ сердцѣ чловѣка благоустроеннаго есть некончаемый день.

Кто полагается на преходящее и приходящее, тотъ ввѣряется потоку, который не стоитъ на одномъ мѣстѣ.

Для меня равно худы—и негодная жизнь и негодное слово. Если имѣешь одно, будешь имѣть то и другое.

Нечистому приступать къ жертвоприношенію значитъ оскорблять Бога. Но еще болѣе оскорбляетъ Его тотъ, кто чтитъ всякіе останки мертвыхъ.

На пути къ совершенству никогда не останавливайся. Худо сходить непрестанно въ глубину. И ты, который только выходишь изъ бездны грѣха, еще стоишь.

Тотъ зрячій слѣпецъ, кто не видитъ, сколько пагубенъ ему грѣхъ. Умѣть открывать слѣды звѣря—признакъ остраго зрѣнія.

Если, имѣя нужду во врачѣ своихъ немощей, скрываешь болѣзнь; то не спасешься отъ неисцѣльной гнилости.

¹⁾ Въ Греческомъ мысли сіи составляютъ акростихъ, именно изъ первыхъ буквъ каждаго стиха выходятъ слѣдующіе два стиха:

Γνωμα Γρηγορίῳ διςτιχος εὐετή
Ἐσθλὸν ἄθωμα νέοις, καὶ χάρις ἐξοδί.

Твое слово, мое дѣло. Кто сдѣлалъ не доброе дѣло, тому сомнительный помощникъ—краснорѣчіе.

Пресыщеніе дѣлаетъ наглымъ, а я тебѣ, доблестный мой, желаю позаботиться о томъ, что вѣчно питаемую душу удерживаетъ въ должныхъ предѣлахъ.

Желаю также, чтобы ты богатѣлъ однимъ Богомъ, а цѣлый міръ почиталъ всегда наравнѣ съ паутинными тканями.

Блага настоящей жизни весьма чужды для человѣка; чело-вѣческая добродѣтель—вотъ что одно составляетъ жизнь.

Приступите, всѣмъ вопіетъ слово неживаго Совѣтодавца—Бога, приступите немедленно къ познанію пренебесной Троицы!

Вы, на кого въ сей жизни наложилъ свои узы честный бракъ, приложите ума, какъ бы вамъ больше плодовъ внести въ небесныя точила!

А вы, невѣсты дѣвы, пріявшія въ объятія свои Слово великаго Бога, старайтесь въ даръ Богу принести все!

Одинокая жизнь—всеозаряющій свѣтъ; но надобно устранить сердце отъ міра, и держать себя вдали отъ плотскаго.

Оскорбительно для вѣры—не въ сердцѣ ее имѣть, но поставлять въ какомъ-нибудь цвѣтѣ. Краску не трудно смыть; а я люблю то, что проникло въ глубину.

Не надобно имѣть ни справедливости неумолимой, ни благо-разумія, избирающаго кривые пути. Лучше всего—во всемъ мѣра.

Умѣрай свою смѣлость, иначе будетъ она дерзостію, а не мужествомъ. Къ признакамъ цѣломудрія принадлежитъ и нѣкоторая веселость.

Прекрасно имѣть умъ, отверстый всегда для Божія слова; чрезъ сіе пріобрѣтается вѣдѣніе небесныхъ законовъ.

Спѣши стать совершеннымъ; не угождай тѣмъ, кому всего лучше не угождать; тѣшиться грѣхъ—самая безславная слава.

Добродѣтельному стыдно быть защитникомъ порочныхъ; это почти то же, что собственной ногою стать на стезю порока.

Золото испытывается въ горнилѣ, а добродѣтельный — въ скорбяхъ. Часто скорбь бываетъ легче состоянія невредимости.

Легко отречется и великаго Бога, кто отрекся отца. И наставника въ благочестіи уважай, какъ отца.

Моль все поядаетъ; и на гробъ не оставляй своего достоянія; лучшая погребальная почеть—доброе имя.

Щади своихъ ближнихъ, особенно же мертвыхъ, которые все оставили и не могутъ ничего тебѣ сдѣлать.

Оставивъ весь міръ и всякое здѣшнее бремя, направляй парусъ въ небесную жизнь.

Непрестанно простирайся на дѣла болѣе и болѣе совершенныя, умудряемый Богомъ; паче же всего предметомъ твоихъ попеченій да будетъ Троица.

Двустишія.

За хорошимъ началомъ слѣдуетъ и прекрасный конецъ; справедливость сего показываютъ самыя послѣдствія дѣлъ.

Вотъ начало, которое приноситъ людямъ хорошій конецъ,— свято трудись надъ очищеніемъ жизни!

Окриляемый ученіемъ, не летай безъ дѣйствительныхъ крыльевъ; потому что безъ крыльевъ и птица не летаетъ.

Человѣку въ жизни наибольшая слава—вѣдѣніе; но и оно вредитъ употребляющему его во зло.

Смотри, чтобы не уловила тебя въ обманъ суетная слава,—это западня для людей недалекихъ умомъ.

Дѣлая хорошее, старайся и стоять въ этомъ; потому что къ худому переходъ скоръ.

Обуздывай смѣхъ, и гнѣву полагай предѣлъ, всѣми же мѣрами гони отъ себя праздное слово.

Прежде всего бойся Бога, чти родителей, объ іереяхъ говори съ похвалою, и имѣй въ уваженіи старцевъ.

Сыну никогда не входить въ споръ съ отцемъ—повелѣваетъ законъ, а прежде закона—природа.

Чего вовсе не хочешь терпѣть отъ другаго, того и самъ не желай дѣлать другому.

Для сдѣлавшаго тяжкій проступокъ, гнѣвъ не тяжекъ; потому что судъ воздаетъ только равнымъ за равное.

Изъ мудрыхъ устъ каплютъ самыя сладкія слова; а горькая гортань изрыгаетъ брани.

Потоки сладости источаются съ языка доброглаголиваго, а въ нескромныхъ устахъ роятся гнилыя рѣчи.

Друзья любятъ и любимое друзьями, а враги презируютъ и срамятъ друзей.

Для бѣдныхъ друзей затворены двери богатыхъ; богатымъ же всегда пріязненны блистательные чертоги.

Вода—прекрасный напитокъ; она не нарушаетъ ясности мыслей; а выпитая чаша вина мутитъ умъ.

Вино, по природѣ своей, незнакомо съ цѣломудріемъ; тѣмъ и производитъ оно удовольствіе, что раздражаетъ.

Умъ легокъ и не терпитъ обремененнаго чрева; потому что у противоположнаго съ противоположнымъ всегда борьба.

Лучше слегка принять пищи, нежели быть за богатымъ ужиномъ, но только во снѣ.

Глупецъ во снѣ дѣлается богатѣе и того, кто имѣетъ у себя оездну денегъ.

Лучше быть бездѣтнымъ, нежели имѣть глупыхъ дѣтей; тамъ одинъ бездѣтенъ, а здѣсь многіе худы

Для всякаго умершаго человѣка цѣлая земля есть гробъ; потому что все, что изъ земли, на землѣ и въ землю обращается.

Пастухъ, когда захочетъ, доить и козловъ, но вмѣсто молока выжимаетъ у нихъ потоки крови.

Свинья, когда видитъ, что готовятъ ей кормъ, умѣетъ сдержаться и не хватается прежде времени.

И безчестныхъ людей принуждай не нарушать приличнаго и установленнаго законами порядка.

Соблюдая законъ, изгонишь вонъ страхъ; потому что всякій исполнитель законовъ—внѣ страха.

Свѣдущій кормчій избѣжитъ девятаго вала; а умъ, обогащенный мудрыми мыслями, спасется отъ всякой бѣды.

Не замыслиай ничего противнаго добродѣтельной жизни; потому что заблужденіе порока очевидно.

Большая наковальня не боится стука; и мудрый умъ отражаетъ отъ себя все вредное.

Зайца приводитъ въ страхъ шумъ листьевъ, а человѣка робкаго пугаетъ и одна тѣнь.

Ненавижу бѣдняка, дѣлающаго подарки богатому, какъ человѣку, который сладко говоритъ, но забываетъ накормить.

Злонамѣренный ораторъ извращаетъ законы; а благонравный ораторъ—самая стройная гармонія.

Богатые смѣются укоризнамъ сиротъ; они смѣются даже и Божію наказанію.

На собственную пагубу хвалится законами, кто незаконно требуетъ соблюденія законовъ.

Обычное дѣло бѣдняку не думать о себѣ высоко, потому что у однихъ богатыхъ не бываетъ заботъ о средствахъ жизни.

Учи глупыхъ, соображался, сколько можно, съ ихъ природой: тогда, можетъ быть, сверхъ чаянія, сдѣлаешь ихъ благоразумными.

Отъ удара желѣза воспламеняются и камни; плотно свитый бичъ образуетъ сердце.

Весьма худо и давать клятву, и требовать ея; въ обоихъ случаяхъ оскорбляешь правду.

Собирай сокровище для нескончаемаго вѣка, а настоящій вѣкъ оскудѣваетъ даже прежде своего конца.

Не будь привязанъ къ счастью, которое разрушается временемъ; а что время строить, время же и разрушаетъ.

Неприлично женщинамъ выказывать въ себѣ мужескій нравъ; всякое другое правило кромѣ стыдливости чуждо благонравной женщинѣ.

Удовольствіе для наслаждающагося имъ кратковременно; едва наступитъ, какъ и улетаетъ, подобно камню.

Для больнаго никакое богатство не предпочтительнѣе здоровья; и природа поступаетъ премудро въ томъ, что всегда желаетъ здоровья.

Слова неразумнаго человѣка—шумный плескъ моря, которое бьетъ въ берега, но не наполяетъ береговыхъ растений.

Подарокъ заставляетъ и мудрецовъ видя не видѣть; золото—такая же ловушка для людей, какъ сѣть для птицъ.

Скорби преждевременно раждаютъ сѣдины; чего лишилъ насъ образъ жизни, того не возстановитъ время.

Богатство—самый проворный приспѣшникъ въ худомъ; потому что при могуществѣ всего сподручнѣе сдѣлать зло.

Никакое приобрѣтеніе не лучше друга; но никогда не приобрѣтай себѣ въ друзья худаго человѣка.

Уважай порядокъ и предпочитай могуществу; потому что самъ онъ есть могущество и всегдашній охранитель могущества.

Умъ озабоченный—это моль, которая точитъ кости; тѣло цвѣтетъ, когда избѣгаетъ заботъ.

Никакое пресыщеніе не бываетъ цѣломудренно; потому что огню свойственно сжигать вещество.

Вино—это поджога остывшей страсти; а всякое подложенное въ огонь вещество усиливаетъ пламень.

Кто боится тяжбы, тотъ избѣжитъ и гнѣва; потому что тяжбы часто воспламеняютъ сердце гнѣвомъ.

Ужасно прибавлять трудовъ изнемогающему въ трудахъ; однако же трудъ нерѣдко прекращалъ труды.

Иный боится тѣхъ трудовъ, какіе несутъ другіе; а посмотри, и самъ онъ заваленъ трудами своего рода.

Заботы всегда о вѣчной славѣ; потому что настоящая слава ежедневно обманывается.

Гнѣвъ—небезопасный для всякаго совѣтника; что предпринято въ гнѣвѣ, то никогда не бываетъ благоразумно.

Змія зла, аспидъ хитръ; въ этихъ животныхъ видна порознь злоба, соединенная въ одной женщинѣ.

Смотря на голыя кости, убѣдишься, что все здѣшнее не принадлежитъ намъ существенно.

Если молодой ракъ ходить не прямо, то беретъ для сего примѣръ съ матерней походки.

Дѣлая принужденіе природѣ, и отъ худыхъ учителей, безъ сомнѣнія, произведешь хорошихъ учениковъ.

Украшай себя добрыми отличіями жизни и не презирай бѣднаго сироту.

Когда дастъ Богъ, ничего не сдѣлаетъ зависть; а когда не дастъ, не поможетъ никакой трудъ.

Рождаетъ, ехидна?—Не избѣгай мукъ рожденія; когда ты зачала, то испытаешь, что испытала твоя мать, рождая тебя¹⁾.

За явную робость никого не признаютъ храбрымъ; однѣ побѣды приобрѣтаютъ похвалу.

Сонливый человѣкъ — изобрѣтатель грезъ; потому что сонъ знакомъ только съ призраками, а не съ дѣйствительными вещами.

Принужденіе убѣждаетъ и противъ воли; оно не рѣдко связываетъ руки и исполинамъ.

Когда народная толпа въ заблужденіи, всякій начинаетъ кричать, и все обращается въ безпорядокъ.

Бездѣльнаго дѣла никогда не называй дѣломъ, ибо все бездѣльное достойно презрѣнія.

И у собакъ, которыя сбѣжались на падаль, уважается порядокъ.

Когда говорить золото, тогда всё другія слова не дѣйствительны. Оно умѣетъ убѣждать, хотя и не имѣетъ языка.

Могутъ и нынѣ наслаждаться миромъ преданные скоропреходящимъ благамъ сея жизни.

¹⁾ По сказанію древнихъ естествоиспытателей, ехидна рождаясь прогрызаетъ утробу своей матери. Смыслъ этой притчи есть слѣдующій: кто дѣлалъ зло другимъ, тотъ жди и себѣ зла отъ другихъ; кто досаждалъ родителямъ, тотъ жди и себѣ досады отъ дѣтей.

Пѣснь Богу.

1.

О Ты, Который превыше всего! ибо что иное позволено мнѣ изречь о Тебѣ? какъ воспѣснословить Тебя слово? ибо Ты неизрекаемъ никакимъ словомъ. Какъ воззритъ на Тебя умъ? Ибо Ты непостижимъ никакимъ умомъ. Ты единъ неизглаголанъ; потому что произвелъ все изрекаемое словомъ! Ты единъ невѣдомъ; потому что произвелъ все объемлемое мыслію. Тебѣ воздаеть честь все и одаренное и не одаренное разумомъ! Къ Тебѣ устремлены общія всѣхъ желанія; о Тебѣ болѣзнують всѣ сердца; Тебѣ все возсылаеть моленія; Тебѣ все, уразумѣвающее Твои мановенія, изрекаетъ безмолвное пѣснословіе. Тобою единымъ все пребываетъ. Къ Тебѣ все въ совокупности стремится. Ты конецъ всего, Ты единъ и все; Ты ни единъ, ни единое, ни все. О Всеименуемый! Какъ наименую Тебя, единого неизменимаго? Да и какой небесный умъ проникнетъ сквозь заоблачные покровы? Будь милосердъ, о Ты, Который превыше всего! ибо что иное позволено мнѣ изречь о Тебѣ?

2.

Дай воспѣснословить, дай прославить Тебя, нетлѣннаго Единодержца, Царя, Владыку! Тобою пѣснь и хвала, и ангельскіе лики, и нескончаемые вѣки; Тобою сіяеть солнце, Тобою путь луны, и вся красота звѣздъ; Тобою человѣкъ, отличенный честію, какъ животное разумное, получилъ въ удѣлъ мысль о Божествѣ. Ты создалъ все, каждой вещи указываешь ея чинъ и все объемлешь Своимъ промысломъ. Ты изрекъ слово, и совершилось дѣло. Ибо слово Твое есть Богъ Сынъ, единосущный и равночестный Родившему. Онъ привелъ все въ устройство, чтобы надъ всѣмъ царствовать. А всеобъемлющій Святыи Духъ Богъ хранить все Своимъ промышленіемъ.

Воспѣваю Тебѣ, живая Троица, единая и единственно единая начальная, Естество неизмѣняемое, безначальное, Естество неизглаголанной сущности, Умъ непостижимый въ мудрости, небесная Держава, непогрѣшимая, неподначальная, безпредѣльная, Сіяніе неудообразимое, но все обозрѣвающее, отъ земли и до бездны ни въ чемъ не знающее для Себя глубины!

Будь милостивъ ко мнѣ, Отецъ! даруй мнѣ, чтобы всегда служилъ я сей святинѣ; а грѣхи мои отринь, очистивъ совѣсть отъ

всякаго худого помышленія, чтобы я прославилъ Бога, воздѣвая преподобныя руки; благословилъ Христа, и колѣнопреклонно испросилъ у Него—принять меня, раба Своего, когда прійдетъ Онъ во царствіи!

Будь милостивъ ко мнѣ, Отецъ! да обрѣту у Тебя милость и благодать; потому что Тебѣ слава и благодареніе въ безмѣрные вѣки!

Молитва ко Христу.

1.

О если бы и мнѣ не забыть Тебя, и Ты не забылъ меня, Царь, предметъ исканія мудрыхъ, и Тройственный Свѣтъ! О если бы не похитилъ меня непріязненный и не скрылъ въ таинницахъ ада, за ненавистными затворами тмы! Онъ страшенъ и злокозневъ для друзей Твоихъ. Но знаю, что избѣгну его, если Ты обо гнѣвъ памятуешь, и непрестанно опраждаешь меня словомъ Своимъ и мыслию о Тебѣ.

2.

Наставникъ! меня, ученика Твоего, объемлетъ страшная волна; пробудись, пока я не умеръ! Повели только, и буря умретъ. Осмѣливаюсь нѣчто сказать Тебѣ, Христосъ мой: непусти, чтобъ подавила и угасила меня тяжесть скорбей! Ибо многіе у Тебя ниже меня, и Ты помиловалъ ихъ; не суди же и меня по заслуженному мною; но сними съ меня большую часть бремени! Кто понесетъ тяготу даже и одного только дня? Къ кому прибѣгну обремененный злостраданіями?

3.

Если бы разстроился у меня тѣлесный составъ; то искалъ бы я врача. А если бы я былъ какой-нибудь бѣднякъ, то пошелъ бы къ богатому. Во время бури укрылся бы въ пристанище. И если бы меня обидѣли; то прибѣгнулъ бы къ законамъ и судилищамъ. Падающаго съ стремнины спасалъ иногда кустъ. Но если запираетъ меня растлитель во мнѣ Божіа образа; то въ комъ найду я опору, кромѣ Тебя, Повелитель?

4.

Новое, новое что-то, о Божіе Слово! новое что-то происходитъ со мною! Глубина сердца моего опустѣла; не стало въ ней ни мудраго слова, ни мудрой мысли. Правда, что лукавый духъ стреми-

тельно бѣжить отъ меня; однако же его мѣсто не занято во мнѣ ничѣмъ лучшимъ. Наполни меня Ты Своими благами, чтобы опять не пришла ко мнѣ зависть, и не обратила меня въ свою рабочую крамину,—что будетъ хуже прежняго!

5.

Опять пришелъ змій; за Тебя емлюсь, Христе! Да предстанеть Давидъ, и да бряцаетъ въ гусли! Отойди, отойди отъ меня, духъ, который давишь зло (1 Цар. 15, 14)!

6.

Опять пришелъ ко мнѣ змій. За тебя емлюсь, Боже; поддержи, поддержи меня, не предавай на поруганіе Своего образа, да не похититъ меня врагъ, какъ птицу изъ гнѣзда!

7.

Увы! и суда боюсь, и желаю разрѣшенія. Здѣсь я гонимъ, не имѣю минуты отдыха въ жизни. А туда Ты меня зовешь, но не имѣю дерзновенія. Твой я, Христе! спаси меня, какъ Самъ благоизволишь!

Молитва утренняя.

Утро! Даю десницу мою Богу—не дѣлать и не одобрять дѣлъ темныхъ, но Тебѣ преимущественно принести въ жертву сей день, пребывая непоколебимымъ и самовластителемъ страстей. Если же проведу его худо; стыдно мнѣ будетъ старости и этой Трапезы, которой предстою. Таково мое желаніе, Христе; успѣхомъ же увѣнчай его Ты!

Молитва вечерняя.

Солгалъ я предъ Тобою—Истиною, Слово, когда посвящалъ Тебѣ настоящій день. Не совершенно свѣтлымъ застигла меня ночь, не какимъ обѣщался и надѣялся быть. Но въ иномъ преткнулись мои ноги; потому что наступилъ мракъ, ненавистникъ спасенія. Ты, Христе, возсіяй свѣтъ Свой, и снова явись мнѣ!

Молитва на другое утро.

Погибъ для меня вчерашній день, Христе! Налетѣлъ и мгновенно овладѣлъ мною гнѣвъ. О если бы нынѣшній день сталъ для меня днемъ свѣта!

Молитва въ болѣзни.

1.

Стражду отъ болѣзни и изнемогаю тѣломъ. Иные высокоувѣренныя, можетъ быть, смѣются надъ моимъ страданіемъ. Разслабли мои члены, и ноги ходятъ не твердо. Не знаю, слѣдствіе ли это воздержанія, или слѣдствіе грѣховъ, или какая-нибудь борьба. Впрочемъ, благодареніе моему Правителю! это, можетъ быть, для меня же лучше. Но запрети болѣзни, запрети словомъ Своимъ; Твое слово—для меня спасеніе! А если не запретишь; дай мнѣ терпѣніе—все переносить. Пусть тля и достанется тлѣ; соблюди образъ: тогда будешь имѣть во мнѣ и совершеннаго раба.

2.

Укрѣпи меня, Христе! Отчего разслабъ я—Твой служитель? Бездѣйственъ языкъ, Тебѣ пѣснословящій; и Ты допускаешь сіе? Возстанови меня, и не отринь Своего священника!

3.

Снова желаю возстать, быть проповѣдникомъ спасенія и очищать народъ. Умоляю Тебя, Крѣпость моя, не оставь меня! А если измѣнилъ я Тебѣ во время бури; то да обуреваюсь еще!

Молитва шествующаго въ путь.

Царь мой, Христоръ! Ты, въ Которомъ всѣ блага для Твоихъ человѣковъ; Ты, Который во всемъ для нихъ путь прямой; Ты огнемъ и облакомъ велъ воинство; Ты возлюбленнымъ Своимъ открылъ путь въ разсѣченномъ морѣ, а Фараона въ немъ потопилъ; Ты посылалъ имъ съ неба необычайный хлѣбъ, изъ твердаго камня источилъ рѣку; Ты (о великое чудо!) остановилъ въ пустынѣ стремительность людей непріязненныхъ, когда Моисей распростиралъ руки, прознаменуя крестъ—мою помощь; Ты остановилъ теченіе луны и солнца, содѣлалъ, что рѣка отступила предъ послѣдующими, и открылся удобный путь въ землю, которую самъ Ты обѣщалъ и указалъ; Ты показалъ, напоследокъ, людямъ стезю въ самое небо, и къ древнему пути присоединилъ новый, когда пришелъ на нашу землю. Ты—вмѣстѣ Богъ и человѣкъ, и опять вознесся отсюда на небо, чтобы прійти къ ожидающимъ свѣтоноснѣе прежняго. Ты самъ ходилъ по морямъ, Сво-

ими стопами попираешь волны, обуреваемые сильными вѣтрами. Прийди же нынѣ, Блаженный, сопутствовать и мнѣ зовущему! Дай мнѣ доброе шествіе и благаго Ангела, путеводителя, защитника, помощника, чтобы онъ, и ночью, и днемъ, какъ можно дальше, отводя меня отъ всякаго зла, и послѣ трудовъ доставивъ мнѣ желанный конецъ пути, какъ изъ дома извелъ невредимымъ, такъ и возвратилъ меня опять домой—къ роднымъ и къ друзьямъ, возлюбившимъ подобный путь жизни, и я, свободный и ничѣмъ не возмущаемый, могъ день и ночь возносить къ Тебѣ молитвы, ведя жизнь, не оскверняемую грѣхами, и скрытенный умъ непрестанно восторгая къ Тебѣ, Свѣтъ моей жизни, пока не совершу послѣдняго и общаго вѣсѣмъ пути, и пока не достигну единаго съ благочестивыми конца трудовъ! Для Тебя живу я, Царь мой Христосъ, для Тебя и говорю, для Тебя сижу на одномъ мѣстѣ, для Тебя заносу стопу моей ноги; потому что Ты покрываешь меня Своею рукою. Но и теперь приведи меня къ доброму предѣлу моего путешествія!

2.

Безъ Тебя, Христе Царю, не возможно поднять и стопу ноги; въ Тебѣ всѣ блага для Твоихъ человѣковъ; Ты во всемъ для нихъ путь прямой; на Тебя уповая, иду и по этой стезѣ. Препроводи же меня невредимымъ, и даруй мнѣ, чего надѣется сердце! Приведи и обратно меня, Царь, въ скудный мой домъ, гдѣ бы я могъ на свободѣ умилостивлять Тебя и день и ночь!

3.

Ты, Который огнемъ и облакомъ велъ воинство; Ты, Который открылъ путь въ морѣ гонимымъ, и волны сдѣлалъ для нихъ твердыми, хлѣбъ же необычайный съ неба дождалъ печалующимъ, изъ утесистаго камня источилъ потокъ! прийди и нынѣ сопутствовать зовущему Тебя служителю, Христе, Свѣтъ человѣковъ, Податель всякаго успѣха!

4.

Въ Тебѣ, Божіе Слово, упоковаемся мы, находясь дома; Тебѣ посвящаемъ свой досугъ; Ты—мое сѣденіе; Ты—мое пробужденіе и мое стояніе; Ты также—мое шествіе. И теперь по Твоему мановенію шествую прямою стезею. Но пошли мнѣ какого-нибудь Ангела путеводителя, благоусиѣннаго предстателя, который бы велъ меня столпомъ огненнымъ и облачнымъ, раз-

сѣкъ море, остановилъ рѣки словесъ, обильно препиталъ небеснымъ и дольнымъ хлѣбомъ, руками же изображая крестъ, обудалъ дерзость враговъ, не пожигалъ меня зноемъ въ полудни, не причинялъ мнѣ страха въ ночи! А неровную и крутую стезю содѣлай для меня, служителя Твоего, гладкою и удобопроходимую, какъ и прежде неоднократно, покрывая Своею рукою, на суши и на морѣ спасалъ Ты меня отъ опасностей, отъ жестокихъ болѣзней и отъ всего непріязненнаго, чтобы, совершивъ все благоуспѣшно и согласно съ надеждами, потомъ получивъ счастливый конецъ пути, опять возвратился я къ друзьямъ и сродникамъ, и съ радостію встрѣченъ былъ дома радующимися, а по успокоеніи отъ труда, поклонился Тебѣ, моля о томъ, чтобы и окончательный путь мой былъ спокоенъ и легокъ!

Плачь и моленіе ко Христу.

1.

Увы мнѣ! Спѣшу къ небу, къ Божіей обители; но меня держитъ эта плоть: нѣтъ мнѣ выхода изъ многоскитальческой жизни, изъ ненавистнаго грѣха, который привязалъ меня къ дольному, отсюду оглушая внезапными заботами, подающими красоту и дарованія души. Но Ты, Царь, разрѣши, разрѣши меня отъ земныхъ узъ, и вчини въ небесное ликостояніе!

2.

Матерь моя, для чего ты родила меня, когда родила на труды? Для чего извела въ эту жизнь, усѣянную терніями? Если сама ты жила безпечально, какъ безплотная; то это—великое чудо. А если и ты страдала; то не изъ любви ко мнѣ родила меня. Всякій идетъ своею стезею жизни: иной—земледѣлецъ, а другой—мореплаватель; иной—какой-нибудь звѣроловъ, а другой вооружилъ руку копьемъ; иной—искусный пѣвецъ, другой—побѣдитель на поприщѣ. Но мой жребій—Богъ; мой удѣлъ—терпѣть множество скорбей, изнемогать здѣсь отъ мучительной болѣзни. Терзай, терзай меня, злодѣй, до времени! Скоро съ радостію оставлю тебя, а съ тобою и всѣ тяжкія бѣдствія.

Матерь моя, для чего ты родила меня, когда не могу ни мыслию постигнуть, ни изречь Бога, сколько желаю? Осіяю, правда, очи ума моего малое какое-то озареніе пренебесной, равновѣтной Троицы; но большая часть (къ скорби моей) ускользнула отъ меня, пролетѣвъ быстро, какъ молнія, прежде нежели насытился

я свѣтомъ. А если бы здѣсь могъ я постигнуть Тебя, возлюбленная Троица; то не стала бы жаловаться на родившую меня утробу матери: это значило бы, что я родился въ добрый часъ. Но спаси, спаси меня, Божіе Слово; и извлеки изъ горькой тины, веди въ иную жизнь, гдѣ чистый умъ, не покрываемый болѣе примрачнымъ облакомъ, ликуеть предъ Тобою, о Пресвѣтлый!

3.

О, я несчастный! Что будетъ со мною? Могу ли какъ избѣжать пороковъ, укрывъ жизнь въ глубинахъ, или въ облакахъ? Говорять, что есть страна, гдѣ нѣтъ ни звѣрей, ни болѣзней; о если бы нашлось гдѣ мѣсто свободное отъ грѣха, чтобы мнѣ туда избѣжать! На сушу укрылся иный отъ тревожнаго моря, другой спасся подъ щитомъ отъ копья, и подъ крышею дома—отъ хладнаго снѣга. А грѣхъ всестороненъ,—обширное и неизбѣжное царство. Илія на огненной колесницѣ взошелъ на небо. Моисей избѣжалъ нѣкогда опредѣленія дѣтоубійцы — мучителя. Невинный Іона спасся отъ безвѣстной смерти въ китовомъ чревѣ. Даниилъ избавленъ отъ звѣрей, а отроки—отъ плѣмени. Но мнѣ какъ избѣжать отъ грѣха? Ты спаси меня, Царь мой Христосъ!

4.

Увы мнѣ, Христосъ мой! опять пришелъ ко мнѣ змій. Увы мнѣ! пришелъ ко мнѣ весьма устрашенному. Увы мнѣ! я вкусилъ съ этого древа познанія. Увы мнѣ! зависть увѣрила меня, что мнѣ завидуютъ. Богомъ не стала я, и изринуть изъ мѣста наслажденія. Угаси нѣсколько, о мечъ, палящій твой пламень, и опять прійми меня подъ сѣнь райскихъ деревьевъ, какъ разбойника, который взошелъ туда со Христомъ съ крестнаго древа!

5.

Увы! тѣсно мнѣ въ этомъ мірѣ; знаю, что большая часть жизни протекла, и отъ меня пахнетъ уже мертвецомъ; а пороки мои не хотятъ истребляться вмѣстѣ съ лѣтами жизни. Или продли время мое, Дыханіе человѣковъ; или избавь меня отъ золта! Это—дѣло Твоей благости. А если не угодно сіе Тебѣ; то уже я мертвъ. Чего же еще больше? Развѣ ждетъ меня милосердный огонь?

6.

Увы! тѣсно мнѣ и въ жизни, и при концѣ жизни. Здѣсь грѣхъ, а тамъ наказаніе. Стою въ срединѣ, боясь огненной рѣки.

Надвюсь больше на Тебя, Христорь, нежели на здѣшнѣе подвиги. Если бы у меня была возможность, хотя нѣсколько, очиститься; это было бы всего лучше. Но если непрестанно умножается во мнѣ зло; то пора разрѣшиться, пока не постигла меня худшая участь.

7.

Какое это принужденіе! Вступилъ я въ жизнь?—прекрасно! Но для чего же обуреваюсь тревоженіями жизни? Скажу слово; оно смѣло, однако же скажу его. Если бы не твой былъ я, Христе; мнѣ стало бы это обидой. Мы родимся на свѣтъ, утомляемся, насыщаемся, спимъ, бодрствуемъ, ходимъ и бываемъ больны и здоровы; есть у насъ и удовольствія и труды. Но временами года и солнцемъ наслаждается и все, что есть на землѣ. А умирають и сгнивають тѣломъ и скоты, которые, правда, презрѣнны, но не подлежатъ и отвѣтственности. Въ чемъ же мое преимущество? Ни въ чемъ, кромѣ Бога; и если бы не Твой былъ я, Христе, мнѣ стало бы это обидой.

8.

Обманулъ я, Христе мой, и чрезъ мѣру понадвѣявшись на Тебя, занесся высоко,—и очень глубоко ниспалъ. Но опять подними меня вверхъ; ибо сознаю, что самъ себя ввелъ я въ обманъ. А если опять превознесусь; то пусть опять паду, и паденіе мое да будетъ сокрушительно! Если Ты меня пріймешь, я спасенъ; а если нѣтъ, то я погибъ. Но ужели для меня одного исчерпана Твоя благодать?

Плачь Григорія о себѣ самомъ.

1.

Увы, увы! какія страданія! Въ чемъ согрѣшилъ я? Или одинъ касаюсь чистыхъ жертвъ Твоихъ не преподобно? Меня ли Ты, Очиститель, пережигашь страданіями, или сокращашь кичливость другихъ, или для того обнажаешь меня, чтобы вывести въ борьбу съ противникомъ? Все это распредѣляешь Самъ Ты, Царь мой—Слово. Но я едва перевожу на землѣ послѣднее дыханіе; выплакалъ всѣ слезы; одно у меня занятіе—плакать. Долго ли же оставаться мнѣ въ рукахъ нечестивыхъ? Но ты, Блаженный, возставь меня; пусть я худъ, однакоже священникъ; — возставь, чтобы не соблазнился кто-нибудь моими бѣдствіями! Утратилась моя похвала; да исчезнуть и тѣлесныя скорби! Утра

цена для меня Анастасія; да прекратится и грѣхъ! Увы! увy! слезы мои не пересыхаютъ, сердце цѣпнѣтъ въ груди. Удержи, Царь сугубую болѣзнь! Удержи болѣзнь, — я погибаю. Ужели милосердіе заключено для одного, служителя Твоего, Григорія? Многими бѣдствіями и тѣлесными скорбями сокрушенъ я. А у Тебя, Христе, есть благодать, — у Тебя, Который пережигаетъ меня страданіями. Или останови бѣдствія, и умилосердись надъ рабомъ Твоимъ; или дай силу переносить все съ твердымъ духомъ!

2.

Христось, свѣтъ челоуѣковъ, столпъ огненный душъ Григоріевой, блуждающей по пустынѣ горестной жизни, удержи зломысленнаго Фараона и безстыдныхъ приставниковъ; избавь меня отъ невяжущагося брѣня и отъ тяжкаго Египта, смиривъ позорными казнями моихъ непріятелей, и даруй мнѣ гладкій путь! Если же преслѣдующій врагъ достигнетъ меня, разсѣки для меня Чермное море, чтобы перейти мнѣ по отвердѣвшимъ всдамъ, послѣшая въ чудную землю, въ мое достояніе, какъ обѣщала Ты; останови широкія рѣки, отклони стремительное и стѣнящее копьѣ иноплеменниковъ! Если же взойду въ святую землю; буду славословить Тебя немолчными пѣсноуѣніями.

Царь мой Христось, для чего Ты опуталъ меня этими сѣжами плоти? Для чего ввергъ въ жизнь — въ этотъ холодный и тѣнистый ровъ, если, какъ слышу, дѣйствительно я — богъ и Твое достояніе? Утратилась во мнѣ крѣпость членовъ, не слушаются колѣна; меня расслабило время, сокрушила болѣзнь, изнурили заботы и друзья, расположенные ко мнѣ не дружелюбно. А грѣхи не хотятъ покориться; но еще сильнѣе наступаютъ на меня, и изнемогаю, какъ робкаго зайца или серну, окружаютъ эти псы, желая насытить свой голодь. Или останови бѣдствія, и умилосердись; или прійми меня къ Себѣ послѣ долговременныхъ подвиговъ, исполжи мѣру скорбямъ; или благое облако забвенія да покроетъ мои мысли!

3.

Увы мнѣ! изнемогъ я, Христе мой, Дыханіе челоуѣковъ! Какая у меня брань съ супружницей — плотью! Сколько отъ нея бурь! Какъ долга жизнь, какъ долговременно пресельничество! Сколько бореній и внутри и совнѣ, въ которыхъ можетъ повредиться красота Божія образа! Какой дубъ выдерживаетъ такое зазіидіе вѣтровъ? какой корабль сражается съ столькими вол-

нами? Меня сокрушаютъ трудъ и стеченіе дѣлъ. Не по своей охотѣ принялъ я на себя попеченіе о родительскомъ домѣ. Но когда вступилъ въ него; нашель расхищеннымъ. Меня привели въ изнеможеніе друзья, изнурила болѣзнь. Другихъ встрѣчаютъ съ цвѣтами; а меня встрѣтили камнями. У меня отняли народъ, надъ которымъ гоставилъ меня Духъ. Однихъ чадъ я оставилъ, съ другими разлученъ, а инья не воздали мнѣ чести. Подлинно, жалкій я отецъ! Тѣ, которые со мною приносили жертвы, стали ко мнѣ непріязненнѣе самыхъ враговъ: они не уважили таинственной Трапезы, не уважили (не говорю о чемъ другомъ) поносенныхъ мною дотолѣ трудовъ (а ихъ обыкли перѣдко уважатъ и порочные); они нимало не думаютъ заглушить молву о нанесенныхъ мнѣ оскорбленіяхъ, но домогаются одного—моего безславія.

4.

Весьма много потерпѣлъ я бѣдствій, и, что составляетъ верхъ бѣдствій, претерпѣлъ, отъ кого всего менѣе думалъ терпѣть. Однако же я не потерпѣлъ ничего такого, что потерпятъ сдѣлавшіе мнѣ зло. Мои страданія проходятъ, а ихъ злыя дѣла, сколько знаю, Правосудіе записало въ желѣзные книги.

5

Друзья, сограждане, недруги, враги, начальники! много испыталь я отъ васъ тяжкихъ ударовъ. Знаю, вы скажете: нѣтъ. Но это записано въ книгахъ; не утаитесь отъ меня.

6.

Моими страданіями и скорбями да не утѣшается порочный, и да не смущаетъ слабаго ума добрый! Кто безъ болѣзней содѣлалъ хорошаго лучшимъ? А страждущій знаетъ, что она или врачество для оскверненныхъ, или борьба и слава для очищенныхъ. Другому, Царь, дай славу безъ трудовъ; а для меня вождѣленно—приобрѣсти Тебя страданіями и скорбями.

Къ самому себѣ.

1.

Помни самъ себя, чтобы не забытья тебѣ, взирая на Бога; ты далъ клятву, помни о своемъ спасеніи! Увы! увы! обаятель обманываетъ тебя своими лжеумствованіями, обманываетъ тебя не-

пріязненный. Обратись скорѣе къ Слову, чтобы не пасть глубже. Обними крестъ, и остановишь вредъ.

2.

Истощается во мнѣ образъ Божій; какое рассужденіе поможетъ мнѣ? Истощается образъ — даръ пречистаго Бога, и предается поруганію. О зависть, зависть! меня воспламеняютъ чуждыя мнѣ ученія и умствованія.

3.

Не струись, источникъ зла, не источай суетнаго, мысль! О если бы языкъ не осквернялся нечистою! О если бы рука не касалась худаго! тогда бы образъ Божій пребывалъ во мнѣ нетлѣннымъ.

4.

Посредствомъ настоящаго пріобрѣтай міръ великій, безъ труда презирая все здѣшнее, какъ одно подражаніе высшему зрѣлицу! Пожорись Слову, Которое ради тебя стало плотію. Что жъ говорить Слову? *Идежь отсюду* (Іоан. 14, 31)! Для того пришелъ Я сюда, чтобы преселить въ горнее тебя, низринутаго грѣхомъ. — Такъ повелѣваетъ Богъ; поспѣшимъ, какъ окрыленные. Уготовь себя, какъ можно скорѣе, для неба, окрыливъ Словомъ драгоценную душу. Не оставляй при себѣ ничего лишняго, но сбрось съ себя всякую тяготу суетной жизни и здѣшнихъ бѣдствій!

5.

Я живъ и мертвъ. Кто мудрецъ, тотъ согласи это. Душею я мертвъ, а плоть хочетъ быть у меня сильною. Пусть лучше живетъ душа, а плоть моя умретъ!

Къ душѣ своей.

1.

Есть тебѣ дѣло, душа моя, и, если угодно, дѣло немаловажное. Изслѣдуй сама себя, что ты такое, куда тебѣ стремиться, откуда ты произошла, и гдѣ должно остановиться; дѣйствительно ли то жизнь, какою теперь живешь, или есть и другая кромѣ ея?

Есть тебѣ дѣло, душа моя! очищай жизнь слѣдующимъ способомъ: размышляй о Богѣ и о Божіихъ тайнахъ; размышляй, что было прежде вселенной, и что для тебя значитъ эта вселенная; откуда она произошла, и до чего дойдетъ?

Есть тебѣ дѣло, душа моя! очисти жизнь такими размышленіями: какъ Богъ править кормиломъ вселенной, и обращаетъ ее; отчего иное постоянно, а иное скоротечно, особенно же наша жизнь подлежить изворотамъ?

Есть тебѣ дѣло, душа моя! обращай взоръ къ единому Богу. Какую славу имѣлъ я прежде, и въ какомъ поруганіи теперь? Что это за сопряженіе во мнѣ, и какой конецъ моей жизни? Размышляй о всемъ этомъ, и остановишь шатанія ума.

Есть у тебя дѣло, душа моя! что ни терпишь, не изнемогай!

2.

Душа, зриай горѣ, а земное все забудь, чтобы тѣло не покорило тебя грѣху! Коротка жизнь сія; счастливецъ наслаждается, какъ бы во снѣ. Всякому выпадаетъ разная судьба. Одна чистая жизнь всегда постоянна и многолѣтна, и всего лучше—жить такую жизнью. Иные уважаютъ или золото, или серебро, или продолжительную трапезу—эти дѣтскія забавы въ настоящей жизни; а другимъ дороги или прекрасныя шелковыя ткани, или поля засѣяныя пшеницею, или стада четвероногихъ. Но для меня великое богатство—Христосъ. О если бы мнѣ когда-нибудь уви дѣть Его чистымъ, неприкровеннымъ умомъ! Прочимъ же пусть владѣетъ міръ!

3.

Куда идешь, духъ мой? Остановись! Куда рвешься, несчастный? Увы! увy! обаятель обманываетъ тебя своими лжеумствованіями. Подойдетъ онъ нѣсколько, и опять отступитъ назадъ, и снова подойдетъ ближе, какъ волкъ къ телцу, ласкаясь, заманивая дикими своими прыжками, пока не отвлечетъ тебя отъ Божіихъ законовъ, и не уловитъ въ снѣдь губительнымъ зубамъ.

Плачь о душѣ своей.

1.

Часто, юная новобрачная, сидя еще на дѣвственномъ ложѣ, оплакиваетъ смерть возлюбленнаго супруга, и въ брачномъ уборѣ начинаетъ свою жалобную пѣснь; а рабыни и подружки, стоя здѣсь и тамъ, плачутъ попеременно въ облегченіе ея грусти. И мать оплакиваетъ любезнаго сына, еще не достигшаго юношескихъ лѣтъ, и послѣ мукъ рожденія терпитъ новыя муки. А иной сѣтуетъ о своемъ отечествѣ, которое опустошено стремительнымъ

Ареемъ. Иный скорбитъ о домѣ, который истребленъ небеснымъ огнемъ. Какой же плачь приличенъ тебѣ, душа, которую умертвилъ губительный змій, Божій образъ залечатлѣвъ горькою смертію? Плачь, плачь, окаянная, это одно для тебя полезно. Покину дружескіе и веселые пиры; покину великую славу краснорѣчія и благородство крови; покину дома съ высокими кровлями и все земное счастье; покину даже сладостный солнечный свѣтъ, самое небо и блистательныя звѣзды, которыми оно увѣнчано. Все это оставлю тѣмъ, которые будутъ послѣ меня; а самъ, съ повязкой на головѣ, какъ мертвецъ и бездыханный, возлягу на одрѣ, послѣднимъ сѣтованіемъ утѣшу сѣтующихъ, получу не надолго похвалу и непрекословную любовь, потомъ камень, и подъ нимъ неумирающее тлѣніе. Впрочемъ не отъ этого смущается мое сердце; трепещу единственно правдивыхъ Божіихъ вѣсовъ.

2.

Какъ могъ демонъ отдалить тебя на столько отъ Христа, уловить твой языкъ, и слухъ, и зрѣніе, о несчастная душа? Гдѣ ты блуждаешь внѣ кроткаго Свѣта, волнуемая желаніями и безпокойными заботами, трепеща одной тѣни страха, служа обольщеніямъ, изсыхая и истаявая въ порывахъ кипящаго гнѣва? Не предавайся, душа, круженіямъ парящаго ума, но и не забывай своей жизни, когда приближаешься къ плоти, къ прикровеннымъ и явнымъ плотскимъ недостаткамъ! Пусть въ дольнемъ мірѣ возмущается все жестокими житейскими бурями; густь здѣсь время, какъ пашками, играетъ всѣмъ: и красотой, и доброю славою, и богатствомъ, и могуществомъ, и невѣрнымъ счастіемъ! А я, крѣпко держась за Христа, никогда не покину надежды, что увижу сіяніе во едино сочетаваемой Троицы, когда достояніе великаго Бога, теперь смѣсившееся съ плотію, а прежде образъ Божій, вступитъ въ единеніе съ небеснымъ.

Упреки неразумнымъ стремленіямъ души.

Ночное привидѣніе, менада—бѣдное сердце мое! Ночное привидѣніе, менада, долго ли будешь ты гоняться за удовольствіями, заглядываясь на все тебя окружающее? Ужели не уцѣломудришься? Ужели не угасишь огня, который воспламеняетъ въ тебѣ незаконныя пожеланія? Ужели не возгнетешь въ себѣ прирожденной тебѣ разумной силы, принявъ въ поборники раздражительную силу? Что стало съ тобою, душа моя? Для чего помыш-

ляешь о томъ, что не соотвѣтственно твоему достоинству? Или не знаешь, что тебѣ одной даны броды, и что ты должна управлять какъ бы колесницей, въ которую впряжены три коня несходныхъ свойствъ? Одинъ конь благороденъ, другой безчиненъ, третій кротокъ. И если ослабишь броды буйному, онъ встаетъ на дыбы, упрямится, приводитъ тебя въ затрудненіе во время пути, кидаясь, самъ не зная, куда; онъ присоединяетъ къ себѣ и средняго коня, убѣждаетъ его быть съ нимъ за-одно, а коня благороднаго, какъ плѣнника, порабощаетъ и увлекаетъ противъ воли, хотя онъ и скорбитъ о совращеніи съ пути. Но буйный конь, безчинно, съ самымъ бессмысленнымъ стремленіемъ, неудержимо несясь внизъ, какъ съ крутизны, нисколько не смотритъ впередъ, не останавливаетъ своего бѣга, пока не вринется во врата ада, погубивъ и себя, и тебя, несчастная душа! А если бы ты рассуждала сообразно съ своею природою, то съ радостію бы предоставила весь путь благородному коню, который хорошо знаетъ стезю, ведущую въ горнее; ты и среднему коню строго бы внушила, чтобы онъ показывалъ свою рьяность, гдѣ только должно, и бѣжалъ за-одно съ конемъ умнымъ; а коня безчиннаго стала бы усмирять сильными бодцами, ни на минуту не послабляя узды. Тогда путь твой былъ бы радостенъ, добропорядоченъ, спокоенъ, безпечаленъ, исполненъ надежды. Ибо разсудокъ, какъ благородный конь, которому отъ природы дана сила брать верхъ, препобѣждаетъ, и непрестанно простираясь впередъ, безтрепетно устремляя взоръ горѣ, минуя всѣ здѣшнія затрудненія, не убавляетъ скорости своего бѣга, пока не достигаетъ назначеннаго Богомъ жребія, спасая и себя, и тебя, блаженная душа!

На плотъ.

1.

Гибельная плотъ — черная волна зломудреннаго Веліара! Гибельная плотъ — корень многовидныхъ страстей! Гибельная плотъ — подруга дольняго скоротечнаго міра! Гибельная плотъ — противница небесной жизни! Плотъ — мой врагъ и другъ, пріятная война, невѣрное благо, плотъ, непрестанно вкушающая плодъ челоуѣкоубійственнаго древа, бренье, грязная цѣпь, тяжелый свинецъ, неукротимый звѣрь, порожденіе воюющаго со мною вещества, негодная кипучесть, гробъ и узы царя твоего — небснаго образа, который получилъ я отъ Бога! Еще ли не положишь конца безстыднымъ порокамъ, не покорись духу и сѣдинѣ, о окаянная

злоумышленница? Тебя одну Христось, когда неблагообразіе вещества приводилъ въ благолѣпіе словомъ, тебя одну образовалъ собственными руками, и наослѣдокъ сочеталъ съ Божествомъ, чтобы возлюбленную тварь, наслѣдницу великой жизни, по которую одуряющій Веліаръ обременилъ страданіями, спасти и Своею смертію избавить отъ лютой смерти. Посему окажи мнѣ уваженіе, перестань безумствовать и питать непримиримую вражду къ душѣ моей!

Рукою безсмертнаго Бога и тѣмъ бѣдственнымъ днемъ, который, наконецъ, соберетъ во едино всѣ дѣла смертныхъ, свидѣтельствуюсь тебѣ, что, изнутивъ и низложивъ тебя скорбями всякаго рода, сдѣлаю безсильнѣе самыхъ мертвецовъ, если не остановишь въ себѣ безумія и тока кровей, прикосновеніемъ къ краю чистыхъ ризъ Христовыхъ.

Посѣтите жъ меня, наконецъ, очистительный источникъ слезъ и многотрудное бдѣніе тѣла и ума, чтобы устудился во мнѣ пламень, омылась зловонная гнилость мучительныхъ страстей! Откажись отъ пресыщенія, чрево; иссохните, преклоненныя къ землѣ колѣна; пепель да будетъ мнѣ хлѣбомъ, жесткое вретипце да покрываетъ изнѣженные члены, служба огражденіемъ обуреваемой душѣ! Прийди ю мнѣ, не смѣющая возвести взоровъ забота, смирительница персти, и непрестанно напоминай мнѣ о грядущихъ бичахъ!

Таковы мои врачевства отъ неразумія! Но Твой, Христе, даръ—и чистая жизнь, и жизнь изъ мертвыхъ. Кто милостиво принялъ прародителя нашего грѣха и нашей крови, когда онъ сталъ оплакивать свое вкупеніе и обольщеніе? Кто слезами очистилъ развращеннаго царя Манассію? Кто разрѣшилъ Давида отъ великаго грѣха? Кто спасъ смиренную Нинерію, видя ее въ слезахъ? Кто проливалъ слезы о сынѣ юнѣйшемъ? Кто, съ радостію приѣмля чистыхъ по жизни, не извергалъ вонь и мытарей? Кто возложилъ на рамена свои заблудшую овцу? Кто очищалъ прокаженныхъ, изгонялъ жестокія болѣзни, подавая блага тѣлу и душѣ? Твои это дары, о Блаженный, о Свѣтъ человѣковъ! Взойди же на волнующееся море нашей жизни, и буря тотчасъ утихнетъ!

2.

Блаженъ, кто ведетъ жизнь безплотную, и великаго образа не обложилъ примѣсю тины! Не многое, и то по принужденію, слѣдуетъ за небесными помыслами, а гораздо большее имъ противится и служитъ омраченіемъ ума. Я горожденіе скоротечнаго;

для чего дѣлаешь подобнымъ меня безсмертнымъ? Если во мнѣ Божіе дыханіе; то для чего, Христе, связываешь меня брениемъ? Наступила старость, ослабѣли члены. Но если возставшая плоть, явно или тайно, приходитъ еще въ бѣшенство и, что всего прискорбнѣе, таинника небесныхъ жертвъ дѣлаетъ нечистымъ; то заклиная тебя, плоть, великою державою Бога, или чернымъ для нечестивцевъ днемъ, удержишься отъ наглости!

На лукаваго.

1.

Пришелъ ты, злодѣй (знаю твои замыслы!), пришелъ ты, неуступчивый, лишишь меня вождѣннаго и вѣчнаго свѣта. Какъ же, будучи тмою, явился ты мнѣ свѣтомъ? Не обманешь такою лживостію. И за что ты всегда воздвигаешь на меня такую жестокую брань, и явно и тайно? Въ чемъ завидуешь благочестивымъ послѣ того, какъ извергъ ты изъ рая перваго Адама—Божію тварь, грѣхомъ перехитрилъ мудрую заповѣдь, и сладостной жизни предложилъ горькую снѣдь? Какъ мнѣ убѣжать отъ тебя? какое средство избрѣсти противъ страданій своихъ? Сперва неважными грѣхами, какъ ручей впадаешь ты въ сердце, потомъ открываешь себѣ широкую дорогу, а тамъ уже входишь большою и мутною рѣкою, пока не поглотитъ меня твоя пасть, или бездна.

Но отступи отъ меня дальше, и налагай свои руки на тѣ народы и города, которые не уразумѣли Бога; я—Христово достояніе; я сталъ храмомъ и жертвой, потомъ буду богомъ, когда душа вступить въ единеніе съ Божествомъ. Ты покорись Богу и Божіей твари, убоявшись Божія гнѣва, сонма душъ благочестивыхъ, и гласа ихъ немолчныхъ пѣснопѣній!

2.

Бѣги отъ моего сердца, злокозненный! бѣги скорѣе, бѣги отъ моихъ членовъ, бѣги отъ моей жизни, тать, змій, огонь, Веліаръ, грѣхъ, смерть, пучина, драконъ, звѣрь, ночь, засада, бѣшенство, смѣшеніе, завистникъ, челоуѣкоубійца! Ты, губитель, и прародителямъ моимъ на пагубу наслалъ вкушеніе грѣха и смерти. Христосъ-Царь повелѣваетъ тебѣ бѣжать на широту морскую, или на утесы, или въ стадо свиной, какъ прежде негодному легіону. Удались же; или низложу тебя крестомъ, предъ которымъ все трепещетъ. Я ношу крестъ въ своихъ членахъ. Крестъ въ моемъ шествіи; крестъ въ моемъ сердцѣ; крестъ—моя слава. Ужели не пе-

рестанешь, злотворный, строить мнѣ козни? будешь устремлять взоръ не на стремнины, не на Содомъ, не на толпы безбожныхъ, которые разсѣкли великое Божество, а на мою сѣдину, на мое сердце? Непрестанно очерняешь ты меня мрачными мыслями, ни Бога, ни Жертвы не трепещущій врагъ! Этотъ умъ былъ громкимъ проповѣдникомъ Троицы; а теперь видитъ предъ собою конецъ. Не оскверный же меня ты, нечистота! чтобы мнѣ чистому срѣтить чистые небесныя Свѣты, когда озаренія ихъ падутъ на мою жизнь. Къ вамъ простираю руки, пріймите меня! Прощай мѣръ, прощай, многотрудный, и пощади тѣхъ, которые будутъ послѣ меня!

3.

Бѣги, всякій, кто лукавъ: во мнѣ пишется Христось; да не Бѣги, всякій, кто лукавъ: во мнѣ пишется Христось; да не разсѣвается же собранная мною во едино мысль! Отступите отъ меня всѣ, кого Христось не отводитъ вдаль отъ земаго!

4.

И это—твое прираженіе, злобный; это ты, хитрыми изворотами закравшись ко мнѣ въ умъ, убѣждаешь меня ловить нѣгу удовольствій. Но нѣтъ, не убѣдишь меня. Не вѣрять тебѣ внушилъ мнѣ Адамъ. Пресмыкайся же по землѣ; я буду попирашь твою голову. А если у тебя достанетъ еще силъ утрызгать мою ногу; то повѣшу тебя, изваявъ изъ мѣди, чтобы, взирая, спастись отъ вреда.

5.

Къ Богу взываю. Что это? Бѣги отъ меня скорѣе, бѣги, злобный звѣрь, челоуѣкоубійца! Для чего тревожишь меня, не потерпѣвъ никакой обиды? Иди въ своихъ свиней и наполниай глубины; онѣ готовы принять тебя, низринувшагося въ бездну. Но не прикасайся ко мнѣ, иначе низложу тебя крестомъ: передъ его державой все ужасается и трепещетъ отъ страха.

6.

Отойди, отойди отъ меня, неприязненный челоуѣкоубійца! отойди, страшное привидѣніе, неистовая злоба! Отойди! У меня въ сердцѣ Христось; Ему принесъ я въ даръ свою душу. Откажись отъ меня, и бѣги скорѣе прочь! Ахъ! помогите мнѣ, Ангелы предстатели! Ахъ! ко мнѣ приступаетъ мучитель и такъ; умоляю васъ, друзья, избавьте меня отъ него!

7.

Приходилъ, приходилъ ты ко мнѣ, злобный; но остановлень. Какъ скоро замѣтилъ я дымъ, догадался, что будетъ и огонь. Сильное зловоніе — явный признакъ змія. А я подѣмлю крестъ. Онъ стражъ моей жизни; онъ связуетъ собою весь міръ и приноситъ его Богу. Убойся креста, отойди, не являйся вторично. Меня благодать именуетъ несквернымъ предстоятелемъ.

8.

Долго ли тебѣ, долго ли подавлять меня бѣдствіями? За меня умеръ Богъ, и потомъ воскресъ. Уважь купѣль, отойди, человѣкоубійца! Какъ прежде уловилъ ты меня горькимъ сладостлюбіемъ; такъ теперь хочешь злобно умертвить. Отойди, отойди; я чувствую твое нападеніе. Пусть одолѣешь мое тѣло, но ничего не потерпите умъ.

О брани отъ бѣсовъ.

Если бы не связалъ я молчаніемъ говорливаго языка и усть, когда собиралъ во едино умъ для общенія съ Богомъ, чтобы самыми чистыми помышленіями почитать чистаго Царя (ибо одна умная жертва прекрасна); то никакъ не постигъ бы ухищреній пресмыкающагося звѣря, или, конечно, не огласилъ и не призналъ бы ихъ ухищреніями. Часто и прежде приходилъ онъ ко мнѣ, то уподобляясь ночи, то опять подъ обманчивою личиною свѣта; ибо чѣмъ не захочетъ, всѣмъ дѣлается измыслитель смерти, этотъ въ похищеніи чужихъ образовъ настоящій Протей, только бы, тайно или явно, осилить человѣка; потому что грѣхопаденія людей—для него наслажденіе. Но доселѣ никогда еще не видалъ я его такимъ, какимъ пришелъ онъ ко мнѣ нынѣ, во время моихъ подвиговъ. Видя больше благоговѣнія въ душѣ моей, онъ воспыпалъ сильнѣйшимъ пламенемъ гнѣва. Какъ тайная болѣзнь, скрывающаяся внутри неисцѣльной плоти, остановленная на-время не вполнѣ благопотребными врачевствами, и питаемая въ невидимыхъ полостяхъ тѣла, не прекратившись еще въ одномъ мѣстѣ, прорывается въ другомъ, и снова угрожаетъ больному опасностію, или какъ потокъ, въ одномъ мѣстѣ прегражденный твердыми плотинами, напираетъ и вдругъ проторгается въ другомъ мѣстѣ: такъ жестока и брань завистника. Если не страдалъ у меня отъ него языкъ; то вредъ приливалъ къ чему нибудь другому. Однако же не овладѣлъ онъ мною; потому что пришелъ

Христось—моя помощь, Который спасалъ учениковъ отъ бури; Который многихъ, даровавъ благодать ихъ хотѣнію, освобождалъ отъ страстей и отъ демонскихъ узъ. Между тѣмъ искушалъ меня завистникъ, какъ и прежде челоуѣкоубійственной хитростію уловилъ родоначальника нашего. Но ты, Блаженный, удержи брань, и повели мнѣ, по утишеніи бури, всегда приносить Тебѣ безкровныя жертвы!

Разговоръ съ міромъ.

Вопросъ. Хочу судиться съ тобою, міръ. Отвѣчай мнѣ прежде всего: кто и откуда ты, и куда стремишься? Какъ же ты водишь меня, кругомъ вертя, какъ муравья?

Отвѣтъ. Не знаю, откуда произошелъ я, но безъ сомнѣнія отъ Бога. Стремлюсь же къ лучшему. Не я тебя вожу; но самъ ты безпорядоченъ, самъ оскорбляешь меня.

Вопр. И такъ отчего ты стоишь твердо, а я непостояненъ?

Отв. Я не отъ себя таковъ; и что же въ этомъ за превосходство? А ты одаренъ волею; если хочешь, приобрѣтешь еще больше.

Вопр. Хорошо! А что во мнѣ отвнѣ, кто тѣмъ движеть?

Отв. Что же въ этомъ худаго? Совершеннымъ доставляетъ это случай ко спасенію.

Вопр. Или лучше винить себя самого?

Отв. Совершенная правда!

О бренности естества челоуѣческаго.

1.

Міръ дружелюбный, но дружелюбный не во всемъ! для чего ты, какъ вертящійся кубарь, когда желалъ бы я идти противной дорогой, стремительно увлекаешь меня, какъ мелкаго муравья, сколько ни жалуясь на жестокое насиліе,—увлекаешь ты, столько величественный, меня—существо не маловажное? Знаю, что ты отъ Бога и Божія слава; но и я самъ созданъ Христовой рукою, и составленъ изъ того и другаго, изъ земнаго и небснаго. Хотя тѣло у меня изъ земли, но душа есть дыханіе великаго Ума. Но какимъ множествомъ бѣдствій влаюсь я туда и сюда, бѣдствій, происшедшихъ то отъ меня самого, то отъ непріязненнаго! Какъ привыкшій къ морю дельфинъ на сушѣ отъ воздуха умираю я. Моя жизнь митовалась, о міръ; веди невредимымъ народъ!

2.

Какъ птицы, или какъ на морѣ корабли, перегоняемъ другъ друга—и я и время, ничего не имѣя въ себѣ постояннаго. Но въ чемъ я согрѣшилъ, то не проходитъ, а пребываетъ; и это всего бѣдственнѣе въ жизни. Не знаю, чего желать себѣ, продолженія ли жизни, или смерти; въ обоихъ случаяхъ объемлетъ меня страхъ. Разсуди объ этомъ самъ. Жизнь моя обременена грѣхами; а если умру, увы! увы! тамъ нѣтъ уже врачевства отъ прежнихъ немощей. Если же это обѣщаетъ жизнь, въ которой столько скорбей: то значить, что и смерть не избавляетъ отъ бѣдствій. Съ обѣихъ сторонъ пропасть; что же будемъ дѣлать? Не лучше ли—обратить взоры къ Тебѣ единому и къ Твоему милосердію?

Жизнь человѣческая.

1.

Эта краткая и многообразная жизнь есть какое-то колесо, вертящееся на неподвижной оси: то идетъ вверхъ, то склоняется внизъ, и хотя представляется чѣмъ-то неподвижнымъ, однако же не стоитъ на мѣстѣ; убѣгая, держится на одномъ мѣстѣ, и держась, убѣгаетъ; стремительно скачетъ, и не можетъ сдвинуться съ мѣста; силится движеніемъ своимъ перемѣнить положеніе, и отъ того же движенія приходитъ въ прежнее положеніе. Посему ни съ чѣмъ лучше нельзя сравнить жизнь, какъ съ дымомъ, или съ сновидѣніемъ, или съ полевымъ цвѣткомъ

2.

Персть, брѣніе, кружащійся прахъ! земля опять соединяется съ землею, повивается земными пеленами, и снова дѣлается перстію, какъ прахъ, который сильнымъ круговоротомъ вѣтровъ поднять въ высоту, и потомъ брошенъ внизъ. Ибо такъ и нашу кружащуюся жизнь бури лукавыхъ духовъ подьемлютъ въ высоту—къ лживой славѣ; но персть тотчасъ опадаетъ внизъ и остается долу, пока слово Сотворившаго не совокупить того, что было соединено, и разрушилось по нуждѣ. А теперь сія персть, въ которую вложенъ духъ съ Божіимъ образомъ, какъ бы возникнувъ изъ какой-то глубины, возглашаетъ земныя печальныя гѣснѣи, и оплакиваетъ жизнь, повидимому, улыбающуюся.

Покаянная пѣснь при концѣ жизни.

1.

Послѣдній подвигъ жизни близокъ; худое плаваніе кончено; уже вижу и казнь за ненавистный грѣхъ, вижу мрачный тартаръ, пламень огненный, глубокую ночь, и позоръ обличенныхъ дѣлъ, которыя теперь сокрыты. Но умилосердись, Блаженный, и даруй мнѣ хотя вечеръ добрый, взирая милостиво на остатки моей жизни! Много страдалъ я, и мысль объемлется страхомъ, не начали ли уже преслѣдовать меня страшные вѣсы правосудія Твоего, Царь?

Пусть самъ я понесу свой жребій, переселившись отсюда и охотно уступивъ снѣдающимъ сердце напастямъ; но вамъ, которые будете жить послѣ меня, даю заповѣдь: нѣтъ пользы въ настоящей жизни; потому что жизнь эта имѣетъ конецъ

2.

Цвѣтъ опалъ, приблизилось время жатвы. Побѣлѣли у меня волосы; гумно призываетъ къ себѣ колосья; уже нѣтъ незрѣлости въ ягодѣ; близко собираніе гроздовъ. Точило моихъ злостраданій уже истаптывается. О мой злой день! Какъ избѣгну его? Что со мною будетъ? Какъ страшень мнѣ грѣхъ; какъ страшно оказаться полнымъ терній и гроздовъ гоморрскихъ, когда Христосъ станетъ судить боговъ, чтобы каждому воздать по его достоинству, и назначить страну, сколько взоръ вынесетъ свѣта! Одна мнѣ надежда, что подъ Твоимъ руководствомъ, Блаженный, въ сіи краткіе дни обращусь еще къ Тебѣ.

На болѣзнь.

Опять пришелъ ты ко мнѣ, коварный; и сколько понятно, пришелъ для того, чтобы истерзать во мнѣ глубину моего сердца. Тебѣ хочется, чтобы отъ сильныхъ и многократныхъ потрясеній этой жизни палъ во мнѣ священный образъ. Ты напалъ на крѣпкую плоть, и расслабилъ меня отъ головы до ногъ, разрѣшивъ узы тѣхъ соковъ, которыми Богъ увлажилъ во мнѣ сухое вещество, подобно тому, какъ, по Своей мірозиждительной мудрости, срастворилъ теплоту съ холодомъ, чтобы чрезъ равновѣсіе сохранялась неразрывная связь тѣла, и я научился изъ этого убѣгать раздоровъ въ жизни. Пришелъ ты съ убійственными замыслами,

и излиль на меня бѣднаго весь ядъ горькой своей злобы. Не довольно было того, что влачили я обременительную старость и скорби—эту тяжесть Тринакрскихъ утесовъ. Меня изнуряетъ еще мучительная и пожирающая болѣзнь, которая годъ за годъ точить мои члены. Объ этомъ я плачу и стенаю, какъ могучій левъ, запутавшійся въ сѣтяхъ звѣрлова.

Не люблю я ни игривыхъ рѣчей, ни пріятныхъ для всякаго бесѣдъ, даже самыхъ веселыхъ, ни городскихъ торжищъ, ни рощей, ни бань, ни всѣхъ цвѣтовъ этой обманчивой жизни. Это не было для меня гривлекательно и прежде, съ тѣхъ поръ, какъ удалился я отъ земнаго и объяль Христа. Плачу же о томъ, что отворотилось отъ меня животворное око великаго Христа, Который нѣкогда взиралъ на меня заботливо, предназначалъ меня къ славѣ еще въ утробѣ непорочной родительницы, избавлялъ отъ холоднаго моря и отъ страстей. Плачу о томъ, что повергъ я броды богумудраго народа; не самъ, правда, отвергъ ихъ, однако же не держу въ рукахъ. А народъ сей восхищался прежде моими рѣчами, когда изъ устъ моихъ озаряло его Тройственное Сіяніе. Какъ отучаемый отъ груди младенецъ, въ объятіяхъ родившей, жадными губами сжимаетъ сухой сосецъ, и мать не удовлетворяетъ его желанію: такъ и этотъ народъ прильнулъ теперь слухомъ къ устамъ моимъ, и жаждетъ источника, который прежде струился для многихъ, а нынѣ не даетъ ему и малой капли. Хотя другіе источаютъ сладкія воды, однако слушатели скорбятъ; потому что умолкло для нихъ слово ихъ отца. Гдѣ мои всеощныя пѣснопѣнія, при которыхъ я, какъ одушевленный камень, незыблемо утверждалъ свои ноги, или одинъ бесѣдуя со Христомъ, или купно съ народомъ услаждаюсь священными, попеременно возглашаемыми, пѣснями? Гдѣ пріятное утомленіе преклоненныхъ колѣнъ, при которомъ проливалъ я горячія слезы и собиралъ во едино омраченныя мысли? Гдѣ руки, кормившія бѣдныхъ и служившія больнымъ? До чего доходитъ истощеніе обезсилѣвшихъ членовъ! Уже не воздѣваю рукъ предъ чистыми жертвами, чтобы пріобщаться великимъ Христовымъ страданіямъ; уже не составляю ликовъ угодныхъ добропобѣднымъ мученикамъ, и драгоцѣнную ихъ кровь не чествую похвальными словами. Плѣсень лежитъ на моихъ книгахъ, недокончены мои рѣчи; кто будетъ столько расположенъ ко мнѣ, чтобы довести ихъ до конца? Все умерло еще у живаго; изнемогла моя жизнь, и стала слабѣе корабля, въ которомъ нѣтъ связей.

Но впрочемъ, какъ ни преслѣдуешь ты меня, докучливый демонъ, никогда не преклоню предъ тобою колѣнъ моего сердца.

Не уязвленный, не низложенный тобою отойду въ матерь мою—землю. Пусть червь точить добычу змія. Поражай кожу, человѣкоубійца, но душа не уязвима. Христу возвращу полученный мною отъ Него Божій образъ. Ты наложили нѣкогда узы свои на великаго Іова: но самъ былъ посрамленъ, а его увѣнчалъ великій Подвигоположникъ, побѣду его содѣлалъ славною чрезъ Свое провозглашеніе, и въ двойной мѣрѣ возвратилъ ему все, что ты у него расхитилъ. Таковъ законъ милосердія Христова!

Но повели мнѣ, Христе, стать, наконецъ, здоровымъ! Твое слово—для меня врачество. Я новый Лазарь между мертвецами; но скажи: возстань! и по слову Твоему оживетъ мертвецъ. Я новый разслабленный, недвижимый на одрѣ; но скажи: укрѣпись! и я пойду, и понесу на себѣ одрѣ. Хочу изъ воскресилій Твоихъ похитить руками своими цѣлебную силу; останови же въ увядшей плоти быстрый потокъ крови! Я, достояніе Твое, преклоняюсь предъ Тобою, какъ согбенная тѣломъ Хананейка; возстанови же меня, Царь! Море волнуется, а Ты покоишься сладкимъ сномъ; но пробудись немедленно, и по слову Твоему утихнетъ волненіе.

Я сѣтую; болѣзнь обдержитъ мои члены. Ибо никто не изъять вовсе изъ общей участи смертныхъ, и я такъ же, какъ всякій другой. Такъ повелѣваетъ Богъ, чтобы никто изъ насъ не поднималъ бровей высоко и не считалъ себя небожителемъ, но, чтобы всякій, взирая на помощь великаго Бога, чувствовалъ нужду въ сильнѣйшемъ побужденіи къ благочестію. Впрочемъ не столько сѣтую по причинѣ болѣзни: она и для духовной моей части служить нѣкоторымъ очищеніемъ, а въ очищеніи всякій имѣетъ нужду, какъ бы ни былъ онъ крѣпокъ; потому что самыя сіи узы сообщаютъ смертнымъ какую-то черноту. Но гораздо болѣе въ скорбяхъ моихъ озабочиваютъ меня малодушные; боюсь, чтобы изъ нихъ кто-нибудь не преткнулся, видя мои бѣдствія. Не многіе изъ людей крѣпкодушны, съ любовію приемятъ всякое Божіе посѣщеніе, приятно ли оно, или скорбно для нихъ, и знаютъ, что всему есть причина, хотя и сокрыта она во глубинѣ Божіей премудрости. Напротивъ того многіе посмѣиваются надъ благочестивыми, когда они изнемогаютъ, и говорятъ, что ихъ служеніе Богу остается безъ всякой награды; или даже укореняютъ въ умѣ совершенно недостойную мысль, будто бы все въ мірѣ устроилось случайно, и не Богъ, царствующій въ горнихъ, управляетъ человѣческими дѣлами; иначе, говорятъ они, у насъ господствовалъ бы другой порядокъ.

Вспомни сіе, Великій, и помоги Своему служителю; не доведи меня до позорнаго конца жизни! Твой я служитель, возлагаю руки на Твои Дары и на главы тѣхъ, которые сами подклоняются и именуютъ меня помощникомъ въ болѣзняхъ. Умилосердись, Христе! Если не угодно Тебѣ исцѣлить меня; дай силу къ перенесенію подвиговъ! Не лишай меня всей чести, Слово, но и не обременяй; не оставь безъ узды, но и не подвергай великимъ страданіямъ! Бодцами коли меня, Блаженный, а не копьемъ! Пусть корабль мой не вовсе безъ груза, но и не чрезъ мѣру нагруженный, несется по морю жизни. Пресыщеніе дѣлаетъ наглымъ, а скорби погружаютъ въ ночную тму. Уравновѣсь наказаніе съ невредимостію! Ты остановилъ меня возгордившагося; сжался же надо мною изнемогающимъ! Еще есть время помилованію, о Правосудный! Изнуренный напастьми, ниспосылаемыми свыше, уважаю свою сѣдину, и самоумерщвленные члены, и жертвы.

Но къ чему излишества? Могу ли предписывать законы Божеству? Веди меня, служителя Твоего, Христе, куда Тебѣ угодно!

0 промыслѣ.

Прочь отъ меня тѣ, которые отрицаютъ Божество, которые этого невыразимаго благоустройства во вселенной не приписываютъ никакой всезидущей и всесодержащей Сущности! Прочь отъ меня и тѣ, которые признаютъ цѣлый рой боговъ, или владычество добрыхъ и злыхъ духовъ! Прочь отъ меня и тѣ, которые отрицаютъ Промыслѣ, какъ будто боясь получить спасеніе отъ Бога; а напротивъ того, все въ мірѣ или приписываютъ непостоянному стремленію, или подчиняютъ движенію звѣздъ. Но какъ и къмъ приводятся въ движеніе звѣзды? Если Богъ ихъ движетъ, то почему первоначально то, что вращаетъ Богъ? Кто связалъ чтонибудь, тотъ можетъ и развязать. А если не Богъ движетъ; какъ имъ установиться при безначаліи, или при борьбѣ съ Совершеннѣйшимъ? И какъ же не быть здѣсь борьбѣ? Ибо отрицаніе Промысла есть мятежъ противъ Бога. Развѣ скажешь, что и Богъ подчиненъ судьбѣ, и невольнo несетъ на Себѣ насильственныя узы! Такъ эти умствователи запутываются въ собственныхъ своихъ ученіяхъ

Но у насъ единый Богъ правитъ этою вселенной, какъ Ему угодно; Самъ, по собственнымъ Своимъ мановеніямъ и законамъ, премудро приводитъ все въ движеніе и взаимное сопряженіе, хотя, повидимому, и не все идетъ благополучно. Ибо, и въ древности

и нынѣ, многимъ изъ самыхъ мудрыхъ затруднительными казались примѣчаемыя въ здѣшней жизни несообразности. И нужно ли перечислять всѣхъ? Смотри, что испытываетъ въ себѣ Давидъ (Псал. 72)! Видя, что злые дѣйствуютъ, по ихъ мнѣнію, благоуспѣшно, приходитъ онъ въ сильное колебаніе, и боится, чтобы иный самаго естества вещей не предоставилъ слѣпому стремленію, и не подумалъ, что нѣтъ надъ нами начальствующаго. Впрочемъ Давиду извѣстно и рѣшеніе затрудненія. Онъ говоритъ: посмотри на конецъ всякаго человѣка, какъ онъ соотвѣтственъ жизни. Ты посѣялъ; увидишь и колосъ своего посѣва. А если ты не знаешь законовъ; это не значить, чтобы не знало ихъ и Слово. Ибо, если ты не знаешь живописи; не слѣдуетъ, чтобы не зналъ ея и живописецъ. Или, если тебѣ неизвѣстны свойства линій; не слѣдуетъ, чтобы онѣ были такъ же неизвѣстны геометру, какъ и тебѣ. Иное самъ ты постигъ, а съ инымъ согласишься благоразумно. И то уже признакъ разума, чтобы покоряться разуму. Ежели все ясно; то скажи: гдѣ мѣсто вѣрѣ? Ибо вѣра есть непытливое согласіе.

А я (и, можетъ быть, разумно) рассуждаю такъ: тебѣ при вступленіи твоёмъ обѣщаль я не это, не богатство, не беззаботность, не тѣлесное здоровье, или благочадіе, но блаженную жизнь и ожидаемая блага, чтобы ты, въ замѣнъ настоящаго, ожидалъ себѣ большаго. Справедливо ли же будетъ, на примѣръ, при покупкѣ чего-нибудь, требовать купленную вещь, и удерживать у себя ея цѣну? Развѣ тебѣ одному нужно такое предпочтеніе предъ всѣми? Но это означало бы чрезмѣрную ненасытность и необыкновенную притязательность. Или отдай назадъ купленное, любезнѣйшій, или заплати цѣну, если должно тебѣ устоять въ своемъ словѣ, и ты не отступаешься отъ прекрасныхъ условій.

Скажешь: почему же у древнихъ были и эти блага?—Тогда не укоренилась еще вѣра; настоящее служило удостовѣреніемъ въ умопредставляемомъ: такъ и младенцевъ, пока не возрастуть, питаютъ молокомъ. А доказательствомъ сему служить то, что тогда весьма важныя преступленія были нѣкоторымъ образомъ извиняемы; и не очень высокія доблести ¹⁾ уважались, такъ что достоинство съ обѣихъ сторонъ уравнивалось; наказанія же, налагаемыя мудрыми, превосходили мѣру. Въ этомъ убѣдятъ тебя Давидъ, Моисей и Елисей, котораго имя произношу съ трепетомъ. Одинъ легко былъ наказанъ за свои грѣхопаденія; другой за небольшія заслуги удостоенъ Божіа лицеарнія, принялъ отъ Бога

¹⁾ У Виллія читается: τὰ δ' οὐ μέγιστα τῶν καλῶν τιμητέα. Но по переводу Леуенкля видно, что онъ вмѣсто καλῶν читалъ καλῶν.

законъ, и спасъ великое воинство; третій же за малое оскорбленіе и притомъ дѣтямъ, сверхъ ожиданія, воздалъ тяжкимъ наказаніемъ. Такъ прикровень былъ тогда законъ! Такъ очищеніе совершалось кровію жертвъ, и очищеніе оскверненной плоти—не важною кроплею! Такъ почиталось совершенствомъ—избѣгающе худого, хотя бы не присовокуплялось ничего больше! И все это потому, что благочестіе для жившихъ тогда заключено было въ тѣсныя предѣлы.

А сказать ли тебѣ нѣчто поважнѣе доселѣ сказаннаго? И я скажу. У нихъ не было такого дара, какой имѣемъ мы въ страданіяхъ Бога, въ Агнцѣ, закланномъ за мои грѣхи. Поэтому труды ихъ были больше; а если больше, то согласись, что имъ отдавало и большее воздаяніе за труды; а намъ слѣдуетъ меньшее, потому что имѣемъ больше средствъ.

Но вмѣсто всего и прежде всего надобно еще сказать: Не очень хвали благополучіе здѣшней жизни, какъ наученный помышлять о томъ, что важнѣе видимаго. Смотри: не ведетъ ли меня трудный путь на высоту, а тебя—удобство пути къ стремнинѣ? По мнѣ лучше — изможденная плоть, нежели твоя утучненная. Видалъ ли ты иногда въ загонѣ воловъ? Одинъ великоросль, свирѣпъ, лоснится отъ жира, высоко держитъ голову; другой пониже головою къ землѣ, морщиноватъ, некрасивъ, носить на себѣ знаки земледѣлія: и первый берегається на заколеніе; а второй кормитъ и себя и господина. Который же изъ нихъ, по твоему мнѣнію, имѣетъ лучший жребій: не изможденный ли, не сокрушенный ли? Это само собою явно. Но ты любишь упиренное, хотя бы это и само по себѣ было худо, и вело къ худому. Ужели же станешь хвалить толщину страждущаго водяною болѣзнію? Ужели помѣшанный въ умѣ покажется тебѣ человѣкомъ крѣпкимъ? Ужели сладкое непременно должно быть спасительнымъ врачевствомъ? Многихъ нерѣдко спасало горькое, а отъ сладкаго, всего чаще, бываетъ хуже. Для умнаго сына не достоинъ ли уваженія родительскій жезлъ? а снисходительность для него не зло ли?

Кто не сынъ, тотъ не знаетъ и ударовъ жезла. А что, если ты, какъ Іовъ, подвизаешься ради вѣнцевъ? Повторяй это чаще самъ себѣ, и тебѣ не трудно будетъ найти для себя утѣшеніе въ трудахъ, а благодарностію своею приобрѣсти надежду. Худому только рабу свойственно оказывать уваженіе господину, когда онъ улыбается, и почитать его злымъ, когда наноситъ удары. Надобно безъ ропота принимать, куда ни будетъ повернуто кор-

мило, которымъ Богъ изводитъ меня изъ борьбы и жизни, пока не взойду въ тихую пристань, если только не напрасно построилъ Онъ этотъ корабль, но для добраго и благоуспѣшнаго конца.

О вочеловѣченіи.

1.

Неразуменъ тотъ, кто Царю — присносущему Божію Слову не воздастъ равно Божеской чести съ пренебеснымъ Отцемъ; неразуменъ и тотъ, кто Царю-Слову, на землѣ явившемуся въ образѣ человѣческомъ, не воздастъ равно Божеской чести съ небеснымъ Словомъ, но отдѣляетъ или Слово отъ великаго Отца, или отъ Слова человѣческой образъ и нашу дебелость. Отчего слово было Богъ, но стало нашимъ человѣкомъ, чтобы, соединившись съ земными, соединить съ нами Бога. Оно обоюду—единный Богъ; потолику человѣкъ, поколику меня дѣлаетъ изъ человѣка богомъ. Будь милостивъ ко мнѣ, явленный за меня Всевышній!

Только могу сказать тебѣ. Спросишь еще у меня объ умѣ, о неизреченномъ единеніи? Но разсуждая о Богѣ, смертные, любите мѣру въ словѣ! Если убѣдилъ я тебя,—хорошо! А если продолжаешь чернить бумагу многими тысячами стиховъ; то вотъ въ немногихъ стихахъ начертаю сіи письма, на твоихъ скрижаляхъ, моимъ писаломъ, на которомъ нѣтъ ничего чернаго.

2.

Противъ Аполлинарія.

Знаемъ, что высочайшій Умъ все человѣческое естество сложилъ изъ трехъ составныхъ частей: изъ души, ума и дебелаго тѣла. И сперва создалъ Онъ цѣлаго Адама, кромѣ грѣха. А когда человѣкъ не сталъ Богомъ, самъ Богъ, въ честь мою, содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, чтобы посредствомъ воспринятаго воссоздавъ дарованное, уничтожить осужденіе всецѣлаго грѣха, и чрезъ Умершаго умертвить умертвившаго. Богъ отъ начала простъ; потомъ сопряженъ съ человѣчествомъ, а потомъ пригвожденъ богоубійственными руками; — таково тебѣ ученіе о Богѣ, вступившемъ въ единеніе съ нами! Божіе Слово, равно какъ и Отецъ, отъ начала было Богъ, Творецъ всяческихъ, превышій времени, и страданій, и тѣла. Когда же человѣкъ пораженъ древои познанія, и зависть напала на все наше естество, какъ удобовловимое и подвергшееся осужденію; тогда, чтобы низложить

превозношеніе зависти и возсоздать поврежденный образ, Божіе Слово раждается для насъ; ибо зачинается въ чистой Дѣвѣ, и происходитъ на свѣтъ Богъ, всецѣлый Богъ и человѣкъ, спасающій всецѣлаго меня, Сынь, и умосозерцаемый и видимый.

По твоему мнѣнію, я человѣкопоклонникъ, потому что чту всецѣлое, таинственное соединившееся со мною, Слово, единого Бого-человѣка Спасителя. А ты (кстати обращаю противъ тебя твое же острословіе), ты—поклонникъ плоти, потому что вводишь человѣка, не имѣющаго ума. Или согласишься въ этомъ, любезный, или снизойди ко мнѣ, если только желаешь быть справедливымъ судіею въ словѣ!

Если худшее въ человѣкѣ (потому что плоть гораздо хуже созданнаго по образу Божію) для тебя есть отъ Бога богъ; то я признаю симъ лучшее; потому что умъ ближе къ Богу. Сверхъ того, у тебя подвергается опасности одна половина человѣка; потому что не принятое Словомъ и не спасается. Что ты говоришь, премудрый защитникъ Слова, вооружающійся на разсѣкающихъ Божество? И ты самъ не разсѣкаешь ли сложенное Богомъ? Одну изъ составныхъ частей моихъ даешь Ему, а другую нѣтъ; сводишь въ единеніе съ Нимъ плоть, а отсѣкаешь умъ, какъ будто боишься того, чтобъ не составился цѣлый человѣкъ. Разсуждаешь: какъ одному вмѣстити въ себѣ двухъ совершенныхъ? Ужели же есть опасность, что проторгнется мѣхъ? Какое неразуміе! Одна душа вмѣщаетъ въ себѣ и умъ и слово.

Опять спрашиваешь: почему такъ необходимъ и важенъ для тебя умъ тамъ, гдѣ самъ Богъ?—Но если въ Немъ плоть безъ ума; то я обмануть. Кожа моя; но чья же душа? Что значить рожденіе Бога отъ Дѣвы? Какъ сошлись во-едино естества между собою далекія?—Это тайна; но какъ представляется мнѣ, малымъ умомъ измѣряющему превышее ума, очистительный Духъ снишелъ на Дѣву, а Слово Само Себѣ создало въ ней человѣка, всецѣлый замѣни цѣлаго умершаго человѣка. Поелику же Богъ не соединимъ съ плотію, а душа и умъ суть нѣчто посредствующее, потому что сожительствуютъ плоти, и потому что—образъ Божій: то Божіе естество, соединяясь съ сроднымъ Себѣ, чрезъ сіе сродное вступило въ общеніе и съ дебелостію плоти. Такимъ образомъ и Обожившее и Обоженное—единный Богъ. Посему, что же претерпѣло то и другое? Какъ я разсуждаю, Одно вступило въ общеніе съ дебелымъ, а другое, какъ дебелое, приобщилось моихъ немощей, кромѣ немощи грѣха.

Спрашиваю: кому пролита кровь Божія? Если лукавому,

то увы! Христова кровь отдана виновнику золь. А если Богу; то для чего сіе было нужно, когда овладѣлъ нами другой, выкупъ же всегда дается владѣющему? Конечно, несомнѣнно то, что Христось Самъ Себя приноситъ Богу, чтобы Ему Самому исхитить насъ у обладавшаго нами, и чтобы въ замѣнъ падшаго принять былъ помазанный, потому что Помазующій неуловимъ. Такъ разсуждаемъ о семъ. Но уважаемъ и образы. Я сказалъ свою мысль. Покланяйся Троицѣ!

О подлинныхъ книгахъ богодухновеннаго писанія.

И языкъ и умъ непрестанно упражняй въ Божіихъ словахъ! А Богъ, въ награду за труды даетъ или видѣть сколько нибудь сокровенный въ нихъ смыслъ, или, что еще лучше, приходить въ сокрушеніе при чтеніи великихъ заповѣдей чистаго Бога; или, въ третьихъ, таковыми занятіями отводитъ Онъ мысль твою отъ земнаго.

Но чтобы умъ твой не былъ обольщенъ чуждыми книгами (потому что много книгъ подложныхъ, причисленныхъ къ Писанію несправедливо), прійми отъ меня, любезный, слѣдующее вѣрное перечисленіе!

Всѣхъ историческихъ книгъ древнѣйшей еврейской мудрости—двѣнадцать: самая первая книга—Бытія, потомъ Исходъ и Левитъ, потомъ Числа, потомъ Второзаконіе, потомъ Исусъ и Судіи. Осьмая книга—Руфъ; а девятая и десятая книги—Дѣянія Царей, Паралипоменонъ, а послѣдняя книга будетъ у тебя Ездра.

Книгъ, писанныхъ стихами, пять; изъ нихъ первая Іовъ, потомъ Давидъ, потомъ три Соломоновы книги: Екклесіастъ, Пѣснь и Притчи.

Подобнымъ образомъ пять книгъ и пророческаго Духа. Въ одномъ составѣ заключается двѣнадцать пророковъ: Осія, Амось и третій Михай, потомъ Іоиль, потомъ Іона, Авдій, Наумъ, Аввакумъ, Софонія, Аггей, потомъ Захарій и Малахія,—и это одна книга; а вторая—Исаія, потомъ съ младенчества призванный Іеремія, потомъ Іезекиль и благодать Даніилова.

Предложилъ я тебѣ двадцать двѣ ветхозавѣтныя книги, онѣ равночисленны еврейскимъ буквамъ. А теперь перечислю книги и новаго таинства.

Матвей описывалъ чудеса Христовы для Евреевъ, Маркъ—для Италиі, Лука—для Ахаіи, а великій и небожественный проповѣдникъ Іоаннъ—для всѣхъ. Потомъ слѣдуютъ Дѣянія мудрыхъ

Апостоловъ; четырнадцать посланій Павловыхъ, и семь Соборныхъ, въ числѣ которыхъ одно Іаковлево, два Петровы, три опять Іоанновы, а седьмое Іудино.

Теперь всѣ имѣешь книги; а какія есть кромѣ нихъ, тѣ не въ числѣ подлинныхъ.

Похвала дѣвству.

Увѣнчасмъ дѣвство нашими вѣнцами, отъ чистаго сердца воспѣвъ его въ чистыхъ пѣсняхъ! Это—прекрасный даръ нашей жизни, даръ блистательнѣйшій золота, илектра и слоновой кости,—даръ тѣмъ, въ комъ огонь любви къ дѣвству подвергъ долу перстную жизнь, подьемля отселѣ крыла ихъ ума къ превыспреннему Богу.

Хранители чистоты да внимають съ радостію пѣсни моей; потому что она есть общая награда всѣмъ цѣломудреннымъ; а завистливые да заградятъ двери слуха! Если же кто хочетъ отверсть, то очисти сердце ученіемъ!

Привѣтствую тебя, великое, благодарованное дѣвство—подательница благъ, матеръ безбѣдной жизни, Христовъ жребій, сожительница небесныхъ красотъ, которымъ неизвѣстны супружескія узы! А не знаютъ сихъ узъ, во-первыхъ, Богъ, потомъ—ликъ присносущнаго Бога,—Богъ, сей источникъ свѣтовъ, свѣтъ неизменяемый, непостижимый, который убѣгаетъ отъ быстроты приближающагося къ Нему ума, всегда предупреждаетъ всякую мысль, чтобы мы въ желаніяхъ своихъ простирались непрестанно къ новой высотѣ, — и Божій ликъ, сіи свѣты вторичные послѣ Троицы, имѣющей царственную славу.

Первая дѣва есть чистая Троица. Отъ безначальнаго Отца, не возбужденнаго къмъ либо (потому что Самъ Онъ для всѣхъ есть путь, корень и начало), и раждающаго не что либо подобное смертнымъ чадамъ, какъ отъ свѣта свѣтъ, исходитъ Сынъ Царь. Отъ Сына же нѣтъ другаго возлюбленнаго сына, восхищающаго подобную славу, такъ что Отецъ всецѣло пребываетъ Родителемъ, а Сынъ только Сыномъ, и единственнымъ Сыномъ единственнаго Отца, имѣющимъ то общее съ великимъ Духомъ, что Оба одинаково суть отъ Отца. Единъ Богъ, открывающійся въ трехъ Свѣтахъ; таково чистое естество Троицы!

Послѣ же Троицы—свѣтозарные, невидимые Ангелы. Они свободно ходятъ окрестъ великаго престола, потому что суть мы быстродвижные, пламень и божественные духи, скоро переносящиеся по воздуху. Они усердно служатъ высокимъ велѣніямъ.

У нихъ нѣтъ супружествъ, ни скорбей, ни заботъ, ни страшнаго и преступнаго мятежа страстей. Ихъ не раздѣляютъ другъ отъ друга ни члены, ни обители. Всѣ они единомысленны другъ съ другомъ, и каждый тождественъ самъ съ собою. Одно естество, одна мысль, одна любовь окрестъ великаго Царя-Бога. Они не ищутъ увеселенія ни въ дѣтяхъ, ни въ супругахъ, ни въ томъ, чтобы для нихъ нести сладостные труды; не вождельнно имъ богатство, не вождельнны и тѣ помышленія на злое, какія смертнымъ приносить земля. Они не сѣютъ, не плаваютъ по морямъ въ угожденіе необузданному чреву—этому исходищу грѣха. У всѣхъ у нихъ одна совершеннѣйшая пища—насыщать умъ величіемъ Божиимъ, и въ свѣтлой Троицѣ почерпать безмѣрный свѣтъ. Одинокую жизнь проводятъ сіи чистые служители чистаго Бога. Они просты, духовны, проникнуты свѣтомъ, не отъ плоти ведутъ начало (потому что всякая плоть, едва огустѣетъ, какъ уже и разрушается), и не входятъ въ плоти, но пребываютъ, какими созданы. Для нихъ въ дѣвствѣ готовъ путь богоподобія, ведущій къ Богу, согласный съ намѣреніями Безсмертнаго, Который премудро правитъ кормиломъ великаго міра, а также и крѣпкодушнымъ смертнымъ, вмѣстѣ небеснымъ и земнымъ,—симъ священнымъ родомъ бѣдствующихъ человѣковъ—сею славою Царя.

Но теперь возвѣщу досточтимыя тайны Божіи, какъ дѣвство просіяло въ послѣднія времена.

Было нѣкогда, что все покрывала черная ночь, не просіявалъ еще любезный свѣтъ зари, солнце не пролагало съ востока огнистой стези, не являлась рогоносная луна—это украшеніе ночи; но все, одно съ другимъ смѣшанное, и связанное мрачными узами первобытнаго хаоса, блуждало безъ цѣли. Ты, блаженный Христе, покорствуя мудрой мысли великаго отца, прекрасно распредѣлилъ каждой вещи свое мѣсто въ мірѣ, и прежде всего указалъ быть свѣту, чтобы всѣ дѣла Твои, исполненные свѣта, были восхитительны; а потомъ округлилъ величайшее изъ чудесъ—звѣздное небо, проникнутое свѣтомъ солнца и луны, которымъ Ты рекъ, чтобы одно съ утренней зари, потоками безмѣрнаго свѣта, озаряло людей, и своимъ теченіемъ опредѣляло часы, а другая осіявала тму, и производила второй день. Въ подножіе же небу положилъ мою землю; потомъ горстями земли связалъ море, а моремъ землю, омываемую водами океана, такъ что все это, и земля, и небо, и море (небо, украшающееся небесными свѣтилами, море—рыбами, пространная земля—животными земными), составило міръ.

Тогда обозрѣвъ, и потомъ нашедши все стройнымъ, Отецъ увеселялся дѣлами Сына Царя, согласными съ Его совѣтами. Нужень былъ еще зритель Премудрости—матерь всего, и благоговѣйный царь земный. И Онъ рекъ: „Пространное небо населяютъ уже чистые и присноживущіе служители, непорочные умы, добрые Ангелы, пѣснословцы, немолчно воспѣвающіе Мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мнѣ создать такой родъ тварей, въ которомъ бы смѣшивалось то и другое, родъ тварей среднихъ между смертными и бессмертными, разумнаго человѣка, который бы увеселялся Моими дѣлами, былъ мудрымъ таинникомъ небеснаго, великимъ владыкою земли, новымъ Ангеломъ изъ персти,—пѣснословцемъ Моего могущества и Моего ума“. Такъ рекъ, и взявъ часть новосозданной земли, бессмертными руками составилъ мой образъ, и удѣлилъ ему Своей жизни; потому что послалъ въ него духъ, который есть струя невидимаго Божества. Такъ изъ персти и дыханія сотворенъ человѣкъ—образъ Бессмертнаго; потому что въ обоихъ царствуетъ естество ума. Посему, какъ земля, привязанъ я къ здѣшней жизни, и какъ частица Божественнаго, ношу въ груди любовь къ жизни будущей.

Но когда божественная тварь явилась на землѣ и на земныхъ долинахъ вѣчно-цвѣтушаго рая, однако же у человѣка не было еще помощника въ жизни, подобнаго ему; тогда премудрое Слово совершило подлинно величайшее чудо,—созданнаго быть зрителемъ міра, то есть, мой корень и сѣмя многообразной жизни, раздѣливъ на двѣ части, могущественною и животворящею рукою изъяло изъ бока одно ребро, чтобы создать жену, и въ нѣдра обоихъ вліявъ любовь, побудило ихъ стремиться другъ къ другу. Но чтобы не всякая жена стремилась ко всякому мужу, положило предѣлъ вожелѣніямъ, который называется супружествомъ,—эту узду для незнающаго мѣры вещества, чтобы при его стремительности и необузданныхъ порывахъ, когда бы люди кучами привлекались другъ къ другу, отъ незаконныхъ сообщеній не пресѣкъся священный человѣческій родъ, и неудержимымъ безразсудствомъ порываемая похоть не возбудила во всѣхъ и войнъ и огорченій.

Пока матеръ земля не узрѣла на себѣ человѣка; дотолѣ она не имѣла высшаго своего украшения, какое должна была получить. Но и самый первый изъ людей, по собственному неразумію и по зависти злобнаго змія изринутый изъ рая за преступное вкушеніе съ человѣкоубійственнаго древа, кожаными ризами

сталъ тяготѣть къ землѣ. Впрочемъ тогда была лучшая чета у людей, и супружество, давъ начало человѣческому роду, послужило спасеніемъ отъ гибели,—такъ что, когда одни умирають, а вмѣсто нихъ вступаютъ другіе, измѣняющееся поколѣніе людей течетъ, какъ рѣка, которая и не стоитъ на одномъ мѣстѣ, по причинѣ господствующей смерти, и всегда полна въ слѣдствіе новыхъ рожденій.

Но какъ скоро и нѣдра и широкіе концы земли, востокъ и западъ, и южная и сѣверная страна, наполнились сими однодневными существами, и грязная юдоля воскипѣла продерзостями; тварь смиряема была многими уроками: раздѣленіемъ языковъ, наводненіями, огненными дождями, постановленіями писаннаго закона, пророками. Поеллику же не хотѣла свергнуть съ себя узъ первороднаго грѣха, напротивъ того непрестанно опутывалась крѣпчайшими пленищами плоти, предаваясь сладострастію, пьянству и идолослуженію; то напослѣдокъ, по мановенію безсмертнаго Отца и дѣйствіемъ Сына, возлюбленный родъ получилъ въ удѣлъ слѣдующую честь.

Христось, видя, какъ душепагубный грѣхъ поядаетъ въ смертномъ тѣлѣ все, что Онъ вложилъ въ него изъ небесной доли, и какъ хитрый змій господствуетъ надъ людьми,—къ возстановленію Своего достоянія не другимъ помощникамъ предоставилъ врачевать болѣзнь, потому что слабое врачевство недостаточно въ великихъ страданіяхъ, но истощилъ ту славу, какую имѣлъ Самъ Онъ—небесный и неизмѣнный Образъ Небеснаго. Вмѣстѣ по человѣческимъ и не человѣческимъ законамъ воплотившись въ пречистой утробѣ неискусомужной жены (о чудо невѣроятное для наиболѣе немощныхъ!), пришелъ Онъ къ намъ, будучи вмѣстѣ Богъ и смертный, сочетавъ во-едино дня естества (изъ которыхъ одно сокровенно, а другое видимо для людей, одно—Богъ, а другое родилось для насъ напослѣдокъ времени, когда въ человѣческой утробѣ соединился съ нимъ Богъ), и въ обоихъ естествахъ пребывая единымъ Богомъ; потому что человѣкъ, соединившійся съ Божествомъ, и изъ Божества человѣкъ есть Царь и Христось. Произошло новое соединеніе; потому что вознерадѣлъ я о первомъ. Въ первомъ же я былъ сподобленъ Божія дыханія, а въ послѣднемъ Христось воспріялъ на Себя мою душу и всѣ мои члены, воспріялъ того Адама, первоначально свободнаго, который не облекся еще грѣхомъ, пока не узналъ змія, и не вкушалъ плода и смерти, питалъ же душу простыми, небесными помыслами, былъ свѣтлымъ таинникомъ Бога и божественнаго. Для сего-то воссозданія при-

шелъ въ естество человѣческое Богъ, чтобъ, преборовъ и побѣдивъ убійцу смертію, за вкушеніе пріять желчь, за невоздержность рукъ—гвозди, за древо—крестъ, за землю—возношеніе на крестъ, обратно возвести Адама къ жизни и славѣ. И распростерши святое тѣло соотвѣтственно концамъ міра, отъ всѣхъ концевъ собрали Онъ человѣческій родъ, совокупилъ въ единого человѣка, и заключилъ въ лонѣ великаго Божества, Агнчею кровію очистивъ всѣ нечистоты и отъявъ скверну, которая смертнымъ преграждала путь отъ земли къ небу.

Но кто откроетъ умъ и глубины его въ Тебѣ, Царь? Ты знаешь число дождевыхъ каплей и морскаго песка; Тебѣ извѣстны стези вѣтра. Кто познаетъ также слѣды Твоего совѣта. Блаженный? Ты, царствуя въ горнихъ, все видишь и всѣмъ управляешь, что ни скрываетъ въ себѣ непредѣльный вѣкъ. Человѣческій же умъ, простираясь къ Тебѣ, видитъ только малое сіяніе и какъ бы быстролетную молнію, пробѣгающую по воздуху. Но впрочемъ то несомнѣнно, что Ты своими страданіями восхитилъ человѣка отселѣ, поставилъ въ новую жизнь—вмѣсто грѣховной свободную. Прежде многоскорбна была жизнь на землѣ и многоболѣзненъ міръ; земнаго царя окружилъ многочисленный народъ; коварно похищенный у великаго Царя. Но теперь Христосъ, освободивъ изъ подѣ власти ужаснаго грѣха, опять возводитъ насъ къ великому Царю и въ лучшій міръ. И первое было для людей плодомъ супружества, а другое—богоподобное дѣвства. Супружество послужило украшеніемъ земли, а дѣвство—Божія неба.

Какъ живописецъ, изображая на картинѣ бездушныя подобія вещей, сперва легкими и неясными чертами отѣняетъ образъ, а потомъ выводитъ полное изображеніе разными красками: такъ и дѣвство, достояніе присносущнаго Христа, являлось прежде въ маломъ числѣ людей, и пока царствовалъ Законъ, отѣняемое слабыми красками, въ немногихъ чертахъ просіявало сокровеннымъ свѣтомъ. Но когда Христосъ пришелъ чрезъ чистую, дѣвственную, не познавшую супружества, богобоязненную, нескверную мать безъ брака и безъ отца, и, поелику Ему надлежало родиться, очистилъ женское естество, отринувъ горькую Еву и отвергъ плотскіе законы, по великимъ же уставамъ буква уступила духу, и явилась на среду благодать; тогда возсіяло для людей свѣтлое дѣвство, отрѣшенное отъ міра и отрѣшающее отъ себя немощный міръ, столько предпочитаемое супружеству и житейскимъ узамъ, сколько душа предпочтительнѣе плоти, и широкое небо земли, сколько неизмѣняемая жизнь блаженныхъ лучше жизни скоро-

течной, сколько Богъ совершеннѣе человѣка. И окрестъ свѣтозарнаго Царя предстоить напорочный, небесный сонмъ,—это тѣ, которые поспѣшаютъ съ земли, чтобы стать богами, это Христоносцы, служители креста, презрители міра, умершіе земному, пекущіеся о небесномъ, свѣтила міра, ясныя зеркала свѣта. Они видятъ Бога, Богъ—ихъ, и они Божіи.

Приступите же теперь вы, которыя пребываете въ единомыслии съ своимъ ребромъ, посвятили себя въ тайны супружества, высоко поднимаете голову и смѣло вращаете взоры, украшаетесь въ золото, перемѣшанное съ драгоценными камнями, и нѣжные члены облакаете въ пышныя одежды, приступите и покажите намъ, какія выгоды доставляются смертнымъ брачными узами и супружествомъ! Потомъ призовемъ мы и тѣхъ, которые не знаютъ брачныхъ узъ.

И первыя не замедлятъ сказать величаво: „Любезныя чада супружества,—сего царя земли! послушайте насъ, для которыхъ святы супружество и жизненные узы! Какой законъ для человѣческаго рода и для нашей крови постановилъ Сынъ безсмертнаго Отца въ то самое время, когда сопрягалъ перваго Адама съ ребромъ, его, чтобы плодомъ человѣка былъ человѣкъ, и чтобы тотъ, кто самъ по себѣ смертенъ, продолжалъ родъ свой какъ класы, произрастая дѣтей,—тотъ же самый законъ и то же любезное иго супружества чтя и мы, живемъ совокупно, и, какъ происшедшіе изъ персти, слѣдуемъ древнѣйшему закону персти, или самого Бога. Правда, что не знаютъ супружества, выше страстей и тяжкихъ заботъ тѣ природы, которымъ въ удѣлъ дано широкое небо; но намъ однодневнымъ тварямъ полезны супружество и узы;—это корень милыхъ вѣтвей и любезныхъ плодовъ, это добрая опора сладостной жизни. Во-первыхъ, Богъ—родитель всего; и прости мнѣ, Христосъ! первоначально или прежде всего мѣсто Твоимъ чистымъ законамъ; а потомъ—узы любви; потому что и земля, и эфиръ, и море цвѣтутъ чадородіемъ—дарами супружества. Если же правда, что и для высоко-растущихъ пальмъ есть законъ любви, мужская и женская вѣтвь, соединенныя руками вертоградаря въ весеннее время, приносятъ обильные плоды; если, какъ говорятъ испытывавшіе природу камней, изъ четы двухъ камней, сошедшихся вмѣстѣ, рождается новый камень: то и у неодушевленныхъ тварей есть супружество и узы любви.

„Но что мнѣ до любви другихъ, до неизвѣстныхъ мнѣ разказовъ и привязанностей! Смотри, что доставило людямъ благоразумное супружество. Кто научилъ возделѣнной мудрости? Кто от-

крыль глубины, какія замыкали въ себѣ и земля, и море, и небо? Кто далъ законы городамъ, и еще прежде сего, кто воздвигъ города, и изобрѣлъ искусства? Кто наполнилъ торжища, дома и ристалища? Кто на войнахъ строить воинство, и на пирахъ столы? Кто въ благоухающемъ храмѣ собралъ пѣснословящій ликъ? Кто истребилъ звѣронравную жизнь, научилъ воздѣлывать землю и насаждать дерева? Кто пустилъ по морямъ гонимый вѣтрами черный корабль? Кто одною стезею связалъ и сушу и влажный понтъ? Кто, какъ не супружество? Кто кромѣ его совокупилъ между собою самое отдаленное?

„Таковы дары супружества въ этомъ отношеніи; но они еще превосходнѣе, если возьмемъ выше. Связанные узами супружества, замѣняемъ мы другъ другу и руки, и слухъ, и ноги. Супружество и малосильнаго дѣлаетъ вдвое сильнымъ, доставляетъ великую радость благожелателямъ, и печаль недоброжелателямъ. Общія заботы супруговъ облегчаютъ для нихъ скорби; и общія радости для обоихъ восхитительнѣе. Для единокордныхъ супруговъ и богатство дѣлается пріятнѣе; а въ скудости самое единокордное пріятнѣе богатства. Для нихъ супружескія узы служатъ ключемъ цѣломудрія и пожеланій, печатію необходимой привязанности. Одно *жребя любви* (Притч. 5, 19) согрѣваетъ духъ скаканіями; у нихъ одно питіе изъ домашняго источника, котораго не вкушаютъ посторонніе, которое не вытекаетъ никуда, и ни откуда не притекаетъ.

„Составляя одну плоть, они имѣютъ и одну душу, и взаимною любовію одинаково возбуждаютъ другъ въ другѣ усердіе къ благочестію. Ибо супружество не удаляетъ отъ Бога, а напротивъ болѣе привязываетъ, потому что больше имѣетъ побужденій. Какъ малый корабль, и при слабомъ вѣтрѣ, движется впередъ, быстро носимый по водамъ распростертыми парусами, даже и руки безъ труда принуждаютъ его къ бѣгу ударами веселъ; большаго же корабля не сдвинетъ легкое дыханіе, напротивъ того, когда онъ съ грузомъ выходитъ на море, только крѣпкій и попутный вѣтеръ можетъ придать ему хода: такъ и не вступившіе въ супружество, какъ не обремененные житейскими заботами, имѣютъ нужду въ меньшей помощи великаго Бога; а кто обязанъ быть попечителемъ милой супруги, имѣнія и чадъ, кто разсѣкаетъ обширнѣйшее море жизни, тому нужна большая помощь Божія, тотъ взаимно и самъ болѣе любитъ Бога.

„Вотъ плоды супружества! А жизнь безъ любви неполна, сурова, не видна, бездомовна, и любить скитаться по горамъ: она не спасаетъ отъ страданій, не вручаетъ дряхлой старости, не дѣлаетъ,

чтобъ родители оживали въ своихъ дѣтяхъ, она не скрѣпляетъ жизни пріятными связями. Не обязавшіеся супружествомъ не находятъ себѣ утѣшенія ни въ народныхъ собраніяхъ, ни на пиршествахъ, но угрюмы, чужды для міра; родившись для жизни, не любятъ самого корня жизни, и въ сердцѣ у нихъ нѣтъ единопущія съ людьми.

„Если же кто изъ усердія къ добродѣтели презираетъ супружескую любовь; то пусть знаетъ, что добродѣтель не чуждается сей любви. Въ древности не только всѣмъ благочестивымъ любезно было супружество; но даже плодомъ нѣжной супружеской любви были тайнозрители Христовыхъ страданій или пророки, патриархи, іереи, побѣдоносные цари, украшенные всякими добродѣтелями; потому что добрыхъ не земля изъ себя породила, какъ это говорятъ о чудовищномъ племени исполиновъ; но всѣ они— и порожденіе и слава супружества.

„Кто Вседержителя Бога указалъ людямъ, которые удалились отъ Него? Кто наполнилъ умъ божественною любовію, и возвелъ насъ отселѣ въ жизнь иную? Кто очистилъ душу во всѣхъ свѣтоносныхъ мужахъ?—Вѣра преложила Еноха. Великій Ной въ маломъ числѣ душъ и въ плавающихъ сѣменахъ спасъ отъ потопленія цѣлый міръ. Авраамъ былъ отцемъ городовъ и народовъ; и въ жертву Христу вознесъ на алтарь связаннаго сына. Моисей съ великими чудесами извелъ народъ изъ тяжкаго Египта, принялъ свыше законъ на каменныхъ скрижаляхъ, и видѣлъ Бога лицомъ къ лицу. Ааронъ былъ вѣрный священникъ у древнихъ. Мужественный Иисусъ продлилъ теченіе луны и солнца, чтобы поразить и погребсти враговъ. И ты, блаженный, непорочный Самуиль, *возносящій рогъ помазанныхъ* (1 Цар. 2, 10)! Давидъ, препрославленный изъ всѣхъ царей! Соломонъ—первая слава мудрости! Не забуду и пророковъ. Илію восхитила колесница на небо. Кто же не дивился средѣ Закона и Духа, велегласному Предтечѣ Вышняго Свѣта—Іоанну! Кто не дивился потомъ дванадесяти славнымъ ученикамъ! Кто не дивился ревности высокаго духомъ, небожителя Павла! Говорить ли о другихъ превосходныхъ мужахъ, какіе были, и какихъ имѣемъ нынѣ,—объ этой опорѣ слова, славѣ міра, о семъ утвержденіи людей? Всѣ они дарованы людямъ Христомъ и супружествомъ. Да и жены, которыя прославились благочестіемъ, и которыхъ великое число видимъ въ богодухновенныхъ книгахъ, не въ супружества и плотскихъ узъ достигли своей славы. Представлю сильнѣйшее свое доказательство въ пользу супружеской любви. И Христосъ

воплотился, хотя въ чистой, однако же въ человѣческой утробѣ, и родился отъ жены обрученной, половину человѣческаго супружества принявъ въ единеніе съ Божествомъ. Но главнѣйшее мое преимущество предъ всѣми въ томъ, что, если и дѣвственники берутъ верхъ, то и они такъ же, какъ и всѣ, мой родъ; потому что не отъ не посягающихъ посягающіе, но отъ супруговъ происходятъ дѣвственники. И я совѣтую дѣтямъ прекратить споръ. Если вы не отцы, то отъ отцевъ получили жизнь“.

Такъ сказало супружество; потомъ предстаетъ дѣвство съ печальнымъ видомъ, въ худой власяницѣ, съ изможденными членами, безъ обуви, изсохшее, съ потупленными въ землю глазами; едва отверзаетъ уста съ стыдливостію, между тѣмъ какъ ланиты багровѣютъ отъ прилива честной крови; сдвигая съ головы покрывало, оно закутывается имъ молча. И я обращаюсь къ нему съ такими просительными словами:

Дщерь неба, исполненная внутренней славы, предстоящая уже въ великомъ ликѣ пѣснословящихъ горнаго Царя, хотя плоть и земля удерживаютъ тебя здѣсь,—прийди и изреки слово! Я самъ буду твоимъ защитникомъ. Ибо ты, богоданная царица, приходила уже ко мнѣ, приходила; и о если бы посѣщала меня чаще, и была ко мнѣ благосклонною!

„Кто возводитъ меня противъ воли на сіе сѣдалище? Кто увлекаетъ въ пустое состязаніе и словопреніе, когда сгараю желаніемъ служить въ безмолвіи Богу моему дѣлами своими, посвящая Ему дневные труды, ночныя пѣснопѣнія, источники слезъ и святыя очищенія? Не въ кругу людей мое могущество; я не оборотлива на словахъ, не хожу въ народныя собранія, не восхищаюсь приговорами благосклонныхъ судей, которые мало, и для немногихъ, соблюдаютъ правосудіе, а всего чаще туда и сюда наклоняютъ вѣсы справедливости. Предоставляю другимъ выгоды здѣшней жизни; а у меня одинъ законъ, одно помышленіе—проникнувши любовію, преселяться отселѣ къ свѣтодавцу Богу, царствующему въ горнихъ. Желаніе же прочихъ благъ, о которыхъ высоко думаютъ люди пустыя, надмевающіеся суетнымъ, которыя скоро пріобрѣтаются и еще скорѣе гибнутъ, столько же занимаетъ мое сердце, какъ и дымъ, или паръ, или текучій воздухъ, или песокъ, воздымаемый и повсюду носимый вѣтрами, или слѣдъ корабля на морѣ. Не видѣть себѣ чести у людей, но имѣть, хотя малую, вѣчно пребывающую славу на небесахъ, для меня желательнѣе, нежели всѣмъ обладать, но быть въ удаленіи отъ Бога. Однако же прихожу въ трепетъ и страхъ, чтобы кто изъ воспарившихъ и нося-

щихся по эфирнымъ пространствамъ на новооперившихся крылахъ дѣвства, услышавъ эти разсужденія, не ринулся тотчасъ на землю. Потому и выступая на среду, подать помощь чадамъ своимъ, при содѣйствіи Божиемъ, защитивъ правое слово. Прежде же всего скажу матери моей, что только прилично мнѣ сказать.

„Справедливо сказанною тобою въ пользу супружеской жизни: и я соглашаюсь (ибо начну съ того, чѣмъ у тебя недавно окончена было слово), что супружество есть корень дѣвственниковъ. Дѣйствительно оно корень и начало. Ибо кто изъ здравомыслящихъ будетъ отрекаться отъ своихъ родителей? Впрочемъ не все же изъ сказаннаго тобою вѣрно. Хотя ты и мать, однакожь прійми мудрое и разумное слово, и касательно рожденія выслушай тайны высокой мудрости, открытыя мнѣ въ таинницахъ великаго Бога.

„Человѣкъ бываетъ отцемъ не цѣлаго человѣка, какъ говорятъ это, но только плоти и крови,—того, что есть въ человѣкѣ гибнущаго; душа же—дыханіе Вседержителя Бога, приходя совнѣ, образуетъ персть, какъ знаетъ сіе Соединившій ихъ, Который вдохнулъ душу первоначально и сочеталъ образъ Свой съ землею. Подтверженіемъ словъ моихъ служитъ собственная любовь твоя, которая неполна, потому что ты любишь въ дѣтяхъ не душу, а одно тѣло; сокрушаешься когда тѣло изнемогаетъ, и радуешься, когда оно цвѣтетъ. Отецъ и досточтимая мать больше болѣзнуютъ сердцемъ о неважныхъ тѣлесныхъ недостаткахъ въ дѣтяхъ, чѣмъ о важныхъ порокахъ и великихъ недостаткахъ душевныхъ. Ибо тѣлу они родители, а душѣ—нѣтъ. Если я и называю тебя матерью; то относительно къ худшей части. Почему же ты завидуешь дѣтямъ въ томъ, что они имѣютъ лучшаго Отца? Итакъ, уступи добровольно великому Родителю человѣковъ, почтивъ дѣвство, которое послѣдуетъ Отцу Богу. Такъ говорю тебѣ, какъ матери; и достаточно доселѣ мною сказаннаго.

„А я, любезныя чада всѣхъ Царя-Бога, вступаю какъ бы въ общеніе съ Богомъ, и оставляю любовь къ персти, изъ уваженія къ тому закону возжелѣннаго согласія, который, въ древности, Сынъ безсмертнаго Отца, родившійся отъ не связаннаго брачными узами, нетлѣнный отъ не подлежащаго разрушенію Родителя, постановлялъ въ то время, когда вводилъ въ рай перваго Адама, не обязаннаго супружествомъ, потомъ, давая Законъ, предписывалъ очищеніе народу, раждаемыхъ очицалъ закономъ, и храмъ почтилъ тѣмъ; что совершавшіе въ немъ чреду іереи соблюдали тѣлесную чистоту. Свидѣтелемъ мнѣ въ этомъ великій

отецъ Іоанновъ, который не прежде, какъ въ чистотѣ совершивъ Божіи тайны, зачалъ возлюбленнаго сына, полученнаго имъ внутрь храма,—сего предвѣстника Христова. Конецъ же Закона—Христосъ для того въ общеніе съ челоѳвчествомъ вступилъ въ дѣвическомъ чревѣ, чтобы супружество преклонило къ землѣ главу, и чтобы оно уступило свое мѣсто, а явилось лучшее украшеніе. И смерть, чрезъ удоборазрушаемую плоть первороднаго вошедшая въ раждаемыхъ отъ влажнаго сѣмени и подлежащихъ разрушенію, приразилась къ дѣвству, и погибла, какъ огромная волна у прибрежнаго камня, или налитанный водою пламень.

„Сверхъ того, кто восхищается городами и безсильными законами, народными собраніями и волненіями? Кто восхищается борьбами, какія установило баснословіе въ память преждевременно умершихъ юношей? Кто хвалитъ воинство въ битвахъ, и обиліе яствъ на пирахъ? Кто превозноситъ тщеславную мудрость, которая состоитъ въ ловкости рукъ, или въ паутинныхъ словахъ и тканяхъ, сплетенныхъ изъ рвущихся нитей и распающихся въ воздухъ? Кто восхищается трудами вертоградаря, или бѣгомъ быстродвижнаго корабля подъ скорымъ вѣтромъ? Всему этому не супружество научило, но это малая часть первоначальнаго наказанія, какое постигло Адама; въ этомъ прокрадывается злобный змій, стрегущій мою пяту. Но если и дары это супружества; то прочь отъ меня съ ними! Они не спутники мнѣ; потому что поспѣшаю отселѣ въ другую жизнь; а все эти здѣшнія выгоды погибнутъ или нынѣ же, или вмѣстѣ съ непостояннымъ теченіемъ міра. И сама ты составляешь что-то текучее, преплываешь потокъ текучей жизни, едва ея касаясь и пробѣгая по чему-то бѣгущему.

„Если восхищаешься мудрыми, потому что они отъ тебя родились, то представь и пороки негодныхъ, для которыхъ ты также составляешь корень! Въ тебѣ корень Каина, Содомы и тѣхъ безразсудныхъ, которыхъ Христосъ разсѣялъ при столпотвореніи, а также и тѣхъ, которыхъ гордыню угасилъ небесный дождь, очистившій всю землю и все на ней дышащее. Кто воскормилъ ничѣмъ не вразумляющагося Фараона, дерзость Ахаавы, и самыхъ тяжкихъ царей асирійскихъ? Кто воскормилъ губителя и дѣтубійцу Ирода, въ питіе сладострастными движеніями дочери давшаго праведную кровь, или убійцу Все-Царя Христа, а также всѣхъ гонителей, какіе были прежде и послѣ, и въ настоящія времена, изъ послѣднихъ же первое зло—этотъ ровъ Велиаровъ, ужасное могущество губителя душъ, Юліана, который пораженъ

свыше за то, что поклялся ратоборствовать против Христа, и котораго прах доселѣ еще не остылъ, внушая великій ужасъ нечестивцамъ? Кто же перечислитъ всѣхъ лжецовъ, челоуѣкоубійць, коварныхъ, клятвopеступниковъ, похитителей собственности бляжняго, сквернителей чуждаго ложа, которыхъ производило, или произведетъ еще на свѣтъ супружество? Ибо всякому извѣстно, что въ какой мѣрѣ больше праха, нежели золота, въ такой же и порочные многочисленнѣе добродѣтельныхъ; потому что тѣ и другіе идутъ неравными путями: путь порочныхъ и низокъ и скоропроходимъ, а добрые пробираются трудной стезею; и потому злые гораздо превосходятъ числомъ добрыхъ.

„Но если перестанешь восхищаться дѣтьми, и жизнь проводимую въ общеніи съ Божествомъ называть недостаточною; то заключимъ этимъ слово. Пользуйся сомнительною славою. Я ни мало, ни мало не завидую земной родительницѣ. Если же ты, получивъ въ удѣлъ отъ Бога второстепенное мѣсто, простираешь взоры на первенство; то выговорю тебѣ справедливое, хотя и прискорбное для тебя слово.

„Кто изъ людей прилагалъ свое попеченіе о томъ, чтобы зачать наилучшаго сына? И что за искусство дать начало негодному сыну? Живописецъ съ картины пишетъ другую не хуже подлинника; ваятель рѣжетъ изваянія подобныя образцу; искусство выдѣлываетъ изъ золота, что ни замыслилъ умъ; земледѣлецъ отъ добраго сѣмени пожинаетъ добрый колосъ, и желаніе не остается не достигнувшимъ чаемаго конца. А смертный, ни худой, ни добрый, не знаетъ свойствъ своего порожденія, что изъ него выйдетъ. И добрый не поручится въ томъ, что произведетъ лучшаго. Иной, будучи Павломъ, произведетъ на свѣтъ сына христуубійцу—беззаконнаго Анну, или Каафу, или даже какого нибудь Іуду. А иной, самъ весь въ грѣхѣ, какъ Іуда, но наименуется родителемъ божественнаго Павла, или Петра—несокрушимаго камня, которому повѣряются ключи. И того не знаетъ отецъ, родить ли онъ любезнаго сына или дочь; но только возстаніе плоти утѣшаетъ на супружескомъ ложѣ. Отъ одного первороднаго произошли и завистливый Каинъ, и добродѣтельный Авель, приносящій благоутробную жертву. И элонравный Исавъ и благонаравный Іаковъ—Исааковы дѣти; и что всего замѣчательнѣе, близнецы и дѣти одного отца ни въ чемъ не походятъ одинъ на другого. А Соломонъ сперва мудрецъ, потомъ сталъ самымъ порочнымъ, послѣдовавъ нравамъ злочестивыхъ женъ. Сила же Павлова велика въ обоихъ случаяхъ, и когда уничижалъ онъ

Христа, и когда, свою пламенную ревность измѣнивъ въ добрую любовь, сталъ всеѣмъ Христа проповѣдывать. Что жъ изъ всего этого припишемъ супружеству? По крайней мѣрѣ я не припишу ничего; потому что у сопрягающихся не тотъ удается образъ, который былъ имъ желателенъ. Кто забавляется игрою въ зернь, отъ того зависить только бросить кости, а чтобы вышелъ четъ или нечетъ, это дѣлають не руки играющаго, а случайныя превращенія костей: такъ и супружество, посѣвая чадъ, не зараждаетъ ихъ благоразумными или худыми, но природа или наука наставляютъ ихъ этому.

„А если хочешь знать еще истинную причину; то совершеннѣйшіе бывають совершенными потому, что образуетъ ихъ Духъ или Слово. Ибо въ человѣкѣ скрыта искра благочестія, какъ въ нѣкоторыхъ камняхъ сила огня. Ударами желѣза извлекается свѣтъ изъ кремней; такъ и Слово изводитъ изъ смертныхъ сокрытое въ нихъ благочестіе. Но худшіе по большей части замѣтуютъ сіе свойство отъ супружества; ибо оно въ большемъ числѣ приводитъ худыхъ. И въ этомъ переходящемъ мѣрѣ у всеѣхъ одинакій гвоздь притягиваетъ плоть къ землѣ, и одинакій свинцовый грузъ гнететъ душу долу, одинаковое наследство достается всеѣмъ рождающимся на землѣ.

„Но перестанемъ говорить о дѣтяхъ; и ты не выставляй мнѣ добрыхъ, и я не буду указывать на худыхъ. И по другимъ причинамъ сколько лучше жизнь чистая! Узнаешь это, если размотришь любовь къ Богу и любовь къ тяжелой плоти, также природу и двоякій предѣлъ міра. Ибо, если, хотя нѣсколько, очистишь глаза свои отъ гноя, которымъ покрываются они при сіяніи свѣта, или отъ омраченія, и въ состояніи будешь открытымъ окомъ взирать на свѣтлость нашего солнца, разрѣшать все чистымъ умомъ; то найдешь, что дѣвство, взятое во всей его цѣлости, есть такое приношеніе Богу, которое свѣтлѣе золота, илектра и слоновой кости, что оно благоразумно, ясно какъ день, легкокрыло, высокошественно, легко, пресвѣтло, превыше персти, не удержимо въ земныхъ юдоляхъ, обитаетъ въ пространномъ небесномъ градѣ и вдали отъ плоти, одною рукою емлется за нестарѣющуюся жизнь, а другою приѣмлетъ богатство и славу непрестающія, не уподобляется черепахѣ, которая подъ бременемъ своего костяного дома медленными шагами едва влачить свое влажное тѣло, не дѣлится между Христомъ и владычествующею плотію, по закону водоземныхъ; которыя то держатся суши, то день и ночь остаются въ водахъ, но устремляетъ къ Богу всецѣлый умъ, цвѣтетъ же рож-

деніями свыше, которыя лучше земныхъ чадъ,—надеждою и чистыми помыслами, посылаемыми отъ Чистаго. Напротивъ того, супружество или вовсе удаляется отъ Христа, по причинѣ гибельныхъ воспламененій плоти и всякаго рода мірскихъ заботъ, или слегка касается божественнаго. Какъ тотъ, кто смотритъ вдругъ на двѣ головы, или на два лица, или видитъ на страницахъ вдвойнѣ написанныя буквы, не уловляетъ вѣрно цѣлаго образа, хотя и желаетъ, но одну часть объемлетъ, а другая убѣгаетъ отъ слабаго, разсѣявшагося зрѣнія: такъ слаба и любовь, если раздѣлена между міромъ и Христомъ; а напротивъ того тверда, если устремлена къ Единому. Человѣкъ, или обладая всецѣло Христомъ, не радить о женѣ, или, давъ въ себѣ мѣсто любви земной, забываетъ о Христѣ. Случалось видѣть, какъ каменотесець, или выдѣлывающій что-нибудь изъ дерева, если онъ человѣкъ умный и разсудительный, когда надобно обсѣчь по прямой чертѣ, закрываетъ одинъ глазъ рѣсницами, а другимъ напрягаетъ все зрѣніе, совокупленное во-едино, и вѣрно опредѣляетъ, гдѣ погрѣшило орудіе. Такъ и любовь сосредоточенная гораздо ближе поставляетъ насъ ко Христу, Который любитъ любящаго, видитъ обращающаго къ Нему взоры, видитъ, и выходитъ въ срѣтеніе приближающемуся. Чѣмъ болѣе кто любитъ, тѣмъ постояннѣе смотритъ на любимаго, и чѣмъ постояннѣе смотритъ, тѣмъ крѣпче любитъ. Такъ образуется прекрасный кругъ.

„И я, возлюбивъ Христа, оставила здѣшнюю жизнь, не могу обращать взоровъ на иные предметы. Меня удерживаютъ сладостныя узы, плѣбная красотою, которая приводитъ въ изумленіе всякую взирающую мысль, а во мнѣ возникаетъ пресвѣтлый пламеникъ, и всю меня дѣлаетъ прекрасною и свѣтозарною. Ибо только любящій Христа въ самой любви къ возлюбленному почерпаетъ для себя красоту; и блаженъ, кто пріемлетъ. Напротивъ ты и въ груди питаешь иную любовь, и думаешь о себѣ много, будто бы болѣе приближаешься къ небу, по причинѣ, какъ говоришь, заботъ о дѣтяхъ, объ имуществѣ, или же о родителяхъ; потому что сіе легко. Но мудрая любовь не то имѣетъ въ виду, что легко.

„Корабль малъ, путь не далскъ, и не важно пріобрѣтеніе чего-либо глѣбнаго. Но для тебя это—безконечное плаваніе; и ежели переѣдешь заливъ, то, собравъ паруса, хвалишься мореходствомъ по водамъ іонійскимъ. Здѣсь всеѣмъ движетъ дыханіе вѣтра, и чѣмъ благопоспѣшнѣе вѣтеръ, тѣмъ плаваніе лучше. А если вѣтеръ и противенъ, небольшая бѣда—умереть въ водахъ. Но плаваніе души отдаленно; для него нуженъ добрый вѣтеръ. А потому прихожу я

въ трепетъ, и еще крѣпче емлюсь за Христа, и не только въ бурю, но и во время тишины, лицу Его — мое чистое желаніе; ибо Христость—твердое приобѣжище любящимъ Его. Кто въ нуждѣ только обращаетъ взоры къ Божіей десницѣ, тотъ оставляетъ свою временную любовь, какъ скоро почтетъ себя ненуждающимся. Но если Христость свыше уязвить твое сердце и насквозь пронзитъ спасительною стрѣлою, то, разсмотрѣвъ каждую любовь — порознь, узнаешь, сколько сладостиѣ быть уязвленнымъ отъ Царя.

„Что еще говоришь? Родители живутъ новою жизнію, видя вокругъ себя попечительныхъ о нихъ сыновей; цвѣтеть супруга при попечительности мужа, и мужъ при заботливости супруги. У нихъ общія радости, а скорби и заботы легче. Хромому же большая опора тотъ, у кого здоровыя ноги.

„Но для меня — тѣ родители, которые научили добру, и тѣ дѣти, которыя мной обучены. Супругомъ же имѣю у себя единого Христа, Который преимущественно любить дѣвственниковъ, хотя и за всѣхъ сталъ человѣкомъ, за всѣхъ подъялъ крестъ. Съ веселіемъ взираю на Него, даже когда посылаетъ мнѣ скорби; радуюсь, что чрезъ печали дѣлаетъ меня легче, какъ золото, которое было смѣшано съ прахомъ и потомъ очищено. И если цѣломудріе ограждается у тебя супружествомъ и брачными узами; то я хранителемъ его поставила не плоть, но Слово и любовь, которая, владѣя мною, отгнала всякую постороннюю привязанность, какъ левъ отгоняетъ отъ себя слабѣйшихъ звѣрей. У плоти съ плотію одинаковыя страсти; а потому и умѣютъ онѣ въ иномъ угождать другъ другу. У тебя столь обремененъ яствами; а меня насыщаетъ небольшой уломокъ хлѣба, какимъ великій Христось питаль и ты сячи въ пустыняхъ. У тебя искусствомъ приготовленное питье; а мой напитокъ всегда обильно источаютъ родники, рѣки и глубокіе колодцы. У тебя лице полно и одежды свѣтлы; а мое убранство—нечесанные волосы и темная риза. Зато имѣю одежду, у которой бряцаютъ золотыя рясы,—это Христось, лучшее внутреннее украшеніе души моей. У тебя мягкое ложе; а мнѣ постелью служатъ вѣтви, древесныя вѣтви и земля, смоченная слезами. Ты высоко цѣнишь золото; а для меня вожделеннѣе персть. Ты неукротимѣе тельца; я потупляю въ землю стыдливый взоръ. Ты надрываешься отъ смѣха; у меня и улыбка никогда не являлась на щекахъ. Ты жаждешь славы; а моя слава не на землѣ.

„Но разсмотрѣвъ и увидѣвъ все это, посмотри еще, сколько въ супружествѣ трудностей для служащихъ плоти. Жена покупаетъ себѣ мужа, а что всего хуже, часто и не добраго. И у мужа

жена купленная, и не рѣдко ненавистная; это—такое зло, которое самъ онъ на себя наложилъ, и котораго сложить не можетъ. Ибо, если супруги добры, то и единокорны; потому что все у нихъ общее; а если худы, то у нихъ домашняя бѣда, непрекращаемая ссора. Положимъ, что они не худы и единокорны; но тяжкая доля постигала нерѣдко и новобрачныхъ. Нынѣ женихъ, а завтра мертвецъ; нынѣ брачное ложе, а завтра гробъ; скорби перемѣшаны съ радостями; веселая пѣснь не задолго бываетъ до сѣтованія. Однимъ возжженъ брачный пламенникъ, а другимъ уже погашенъ. Одного малютка сталъ кликать отцемъ, а другой обезчадѣлъ внезапно какъ вѣтвь, обитая вѣтромъ. Сперва дѣва, потомъ супруга, а потомъ и вдова; и все это иногда въ одну ночь и въ одинъ день. Срываетъ съ себя кудри, отбрасываетъ далеко невѣстинъ нарядъ, слабыми руками терзаетъ ланиты, въ горькихъ страданіяхъ забываетъ дѣвическій стыдъ, зоветъ несчастнаго супруга; оплакиваетъ опустѣвшій домъ, и жребій вдовства, и безвременное горе. Умолчу о болѣзняхъ дѣторожденія, о ношеніи во чревѣ мертваго бремени, о жалкомъ и не имѣющемъ матери плодѣ, когда раждающая дѣлается для него сперва гробомъ, а потомъ раждаетъ; о смерти младенцевъ до ихъ рожденія, о чревоношеніи безплодномъ; умолчу о произведеніи на свѣтъ недоношенныхъ, скудоумныхъ и уродовъ,—объ этомъ искаженіи человѣческаго рода, объ этой игрѣ плоти. Если кто взвѣситъ это и посмотритъ, куда потянуть вѣсы; то всякому благоразумному ясно откроется, что моя жизнь сильно тянетъ вверхъ, къ царствующему въ горнихъ Богу.

„О постыдномъ же для насъ не станемъ и говорить; потому что честныя уста дѣвства обыкли избѣгать укоризнь. Если же ты въ укоръ богоподобному дѣвству укажешь на того, кто сколько ни есть, осрамилъ мой путь, и нескверный Христовъ хитонъ покрылъ позоромъ, въ грѣховномъ обольщеніи избралъ первое изъ твоихъ благъ, и бѣжавъ чистой, высокой жизни, вступилъ въ поздній бракъ: то и я напомяну о гнусныхъ измѣнахъ брачному ложу, когда беззаконно нарушаютъ супружескую вѣрность, поправъ Божіи угрозы. Ибо это—одно изъ губительнѣйшихъ золъ для смертныхъ, и поядаетъ внутренность сильнѣе всепожигающаго огня, когда злоухищренный прелюбодѣй, приближаясь къ чужому ложу, дѣлаетъ сомнительными и родъ, и узы любви. Но тебя не удерживаютъ отъ брачныхъ узъ прелюбодѣи и беззаконники. Вступаютъ въ бракъ и тотъ, кто не смылъ еще съ себя человѣческой крови, возвивъ въ сердце врагу отмщающій за прелюбодѣяніе мечъ, и тотъ, кто едва избѣжалъ кипжала.

„Меня же отвлечетъ ли отъ Христа какая-нибудь безумная страсть? Ужели малый камень преградить широкую рѣку? Это было бы и неприлично, и несправедливо. Гораздо лучше, если изъ многихъ воспарившихъ вверхъ нѣкоторые и упадутъ (если позволено сказать такое, съ трудомъ выговариваемое слово), нежели когда всѣ останутся на землѣ, изъ опасенія, что крылья могутъ растаять и низринутьъ внизъ. Ибо добрые—слава Христова; а порочные... да прійметъ грѣхъ и стыдъ на свою безрасудную голову, кто бросилъ камень на небо! Денница прежде былъ Ангеломъ; но послѣ его паденія не лишились своей славы небожители. И Иуда своимъ паденіемъ не нанесъ укоризны ученикамъ; напротивъ того, онъ изринуть изъ числа избранныхъ, а одиннадцать Апостоловъ пребыли совершенными. Одно погубило море, а другой, распустивъ бѣлыя вѣтрила, плыветъ, гдѣ видитъ предъ собою гробъ погибшаго мореходца, или отъ одной гробницы отрѣшаетъ корабль, чтобъ у другой привязать корму.

„Повелишь ли мнѣ, мать моя, оставить жизнь, стремящуюся горѣ, или положимъ конецъ слову; потому что верхъ на сторонѣ дочери? Если чѣмъ могутъ похвалиться родившіе меня, то это—моя похвала. Восхищаешься тѣмъ, что ты мать дѣвства; какова же моя слава? Развѣ не знаешь, что всѣ совершеннѣйшіе, тобою перечисленные, хотя произошли отъ родителей, но праведнѣе и лучше родителей? И Христосъ, хотя Маріинъ Сынъ, но гораздо выше Маріи, и не одной Маріи, но всѣхъ обложенныхъ плотію,— а даже превыше и тѣхъ умовъ, которыхъ сокрываетъ въ себѣ пространное небо. И колосъ изъ малаго сѣмени прозябъ въ колосъ; а изъ песчинокъ образовался кусокъ драгоцѣннаго золота.

„Но чтобы положить вѣнецъ рѣчи, пусть слово для обоихъ родовъ жизни, и безбрачной и супружеской, изобрѣтетъ какое-нибудь подобіе, въ которомъ бы ты увидѣла конецъ моего слова!

„Снѣгъ приличенъ зимѣ, а цвѣты—весенней порѣ, сѣдина—морщинамъ, а сила—юношескимъ лѣтамъ. Однако же и цвѣты бывають зимой, и снѣгъ показывается въ весенніе дни, и юность производитъ сѣдины; а случалось видать и бодрую старость, и старика гораздо съ большими силами, нежели едва расцвѣтающаго юношу. Такъ хотя супружество имѣетъ земное начало, а безбрачная жизнь уновѣщаетъ Все-Царю Христу; однако же бываетъ, что и дѣвство низлагаетъ на тяжелую землю, и супружеская жизнь приводитъ къ небу. А потому, если бы стали винить, одинъ—супружество, а другой—дѣвство, то оба сказали бы неправду.

„Но, друзья мои, и вы родители, и вы безбрачные юноши и

дѣвы, долго ли вамъ, уподобляясь презрѣнной черепахѣ, или осьминоному раку, который ходитъ не прямо, или длинной змѣѣ, которая пресмыкается на чревѣ, долго ли вамъ влачить жизнь, обремененную ужасною тяготою плоти? Послушаемъ, наконецъ, Христовыхъ совѣтовъ, отринувъ красоту, славу, богатство, родъ, счастье и всѣ обольстительныя порожденія гибельнаго грѣха, воздвигнемся отселѣ, взойдемъ въ легкую жизнь, очистимся, будемъ единокорны съ небесными чистыми Силами, чтобы, вступивъ въ сонмъ предстоящихъ великому Богу, съ веселіемъ воспѣть праздничную пѣснь Царю! Какъ изринутые изъ свѣтлаго рая получили мы въ удѣлъ супружество, и многотрудную землю, и все, что сопутствуетъ погибшимъ; такъ чрезъ жизнь, не знающую житейскихъ узъ, взойдемъ опять въ славу, къ тому доброму райскому древу, котораго лишились за безразсудство“.

Такъ говорило богоподобное дѣвство. Судіи, хотя и привязаны были болѣе къ супружеской жизни, однако же вѣнчаютъ главу дѣвства. А Христосъ, воздающій награду обѣимъ, поставитъ ихъ подлѣ Себя, одну по правую, другую—по лѣвую руку.—Но и то—великая слава!

Совѣты дѣвственникамъ.

Твоя побѣда! даже и тотъ, кто великій другъ плоти, произнесетъ такой же судъ. Впрочемъ, достославная дѣва, столько разсудительная и благоразумная, приклони нѣсколько слухъ къ моимъ внушеніямъ, позволь и мое слово вложить тебѣ въ сердце! Самый лучший совѣтъ, который подаетъ сѣдина.

Не уязвляйся мыслию, уносясь въ порывахъ своихъ за облака. Часто паденіе поднимало съ земли въ высоту, а возвышеніе низлагало на землю. У Бога положенъ такой законъ: благоволить къ плачущимъ, и обѣкать крылья высоколѣтнимъ.

Не малыми мѣрами измѣряй путь своей жизни. Ежели ты опередилъ возвращающагося назадъ или самаго горочнаго; то не думай, что достигъ уже предѣла добродѣтели. Превзойдти не можемъ—не верхъ еще совершенства. Для тебя мѣрою должны быть заповѣдь и Богъ. А ты далеко еще отъ Бога, хотя идешь и быстрѣе другихъ. Имѣй въ виду не то, сколь многихъ сталъ ты выше, не то, сколь многихъ остаешься еще ниже, и желай быть всѣхъ совершеннѣе. Выше тебя широкое небо; а ты высокъ между низкими.

Слыхалъ я, что рыбамъ и луна, и солнце, и звѣзды предста-

вляются подъ водою, не потому, что онѣ дѣйствительно тамъ, но потому что рыбы, видя слабыя отраженія дѣйствительности, сими неясными изображеніями услаждаются, какъ самыми свѣтилами; а настоящихъ небесныхъ свѣтилъ, никогда не выходя на поверхность сѣдаго моря, рыбы и не видывали; въ противномъ случаѣ и онѣ, можетъ быть, отличили бы, что такое свѣтъ, и что такое игра свѣта въ водѣ. Такъ нѣкоторые, поелику не видали истинной высоты Царя, едва поднимутся нѣсколько, уже думаютъ, что стоятъ на самой высотѣ. Но ты, хотя иное приобрѣлъ, а иное надѣешься приобрести, однако же непрестанно простирай взоръ впередъ, восходи и къ прочему по многимъ ступенямъ. Всего хуже—останавливаться. Спѣши приобретать одно за другимъ, пока Христосъ не возведетъ тебя на послѣднюю ступень.

Остерегайся, чтобы не поразили тебя нечаянно осмѣяніе и злой языкъ, который на совершенства твои изрыгаетъ змѣиный ядъ. Два пути у человѣка, и поруганіе бываетъ двоякое. Одинъ путь худъ; онъ приводитъ и къ концу худому. Другой путь хорошъ; и конецъ его, какъ и естественно, вождельбный. Но осмѣяніе преслѣдуетъ человѣка на обонхъ путяхъ. А если бы языкъ нападалъ только на тѣхъ, которые худы, что тогда было бы превосходнѣе его? Теперь же съ одинаковою яростію нападаетъ онъ на всѣхъ, на добрыхъ и на злыхъ. И ты будь остороженъ и осмотрителенъ въ обонхъ случаяхъ. Страшися языка, который преслѣдуетъ беззаконниковъ, чтобы бѣгать и самаго порока, поражаемаго языкомъ; а языка, который у злаго врага вооруженъ на добрыхъ, столько же бойся, сколько вдавшійся въ море утесъ боится вѣтра и сокрушающейся о него волны.

Никогда не дѣлай ничего постыднаго, хотя оно нравится многимъ, и не оставляй добраго дѣла, хотя оно и ненавистно порочнымъ. Старайся поступать такъ, чтобы заслужить славу. А если она удаляется отъ тебя, не огорчайся ложной молвою, но благо-разумно иди своимъ путемъ. Пусть другіе лаютъ понапрасну; они не сдѣлаютъ никакого вреда божественной любви, и зависть выплачетъ себѣ глаза.

Убѣжавъ изъ Содома, спасшійся отъ пепла сей жизни и отъ страшныхъ угрозъ Божія огня, не озирайся на Содомъ; иначе отвердѣешь вдругъ въ камень, и останешься памятникомъ грѣха и ужасной смерти. Ноги твои не на содомской уже землѣ; не медли же и на сосѣдственныхъ равнинахъ, близкихъ къ огню, но, какъ можно скорѣе, спасайся въ гору, чтобы не пастьъ тебя огненный дождь!

Не робѣй слишкомъ плоти, какъ будто она по природѣ своей неукротима. Не отъ Бога тотъ страхъ, который дѣлаеть человѣка связаннымъ. Не предавайся слишкомъ и плотской нѣгѣ, чтобы пресыщеніе, сверхъ чаянія твоего, не низринуло тебя съ стремнины!

Охотно иди по негладкой стезѣ. А если восходишь вверхъ; смотри не скользко ли путь, чтобы, не падая, достигнуть тебѣ цѣли и пройти сквозь узкія врата. Тамъ свѣтъ, и слава, и упокоеніе отъ всѣхъ бѣдствій.

Если боишься того, что и малая искра зажигаетъ солому; то ободрись надеждою: великій пламень прохладится дождемъ свыше. Молитвы, воздыханія, въ слезахъ проводимые дни, и безъ отдыха—ночи, и всецѣлая любовь къ Царю,—вотъ прекрасныя врачевства цѣломудрія! При нихъ никогда, превосходный мой, не поставишь ты въ сердцѣ своемъ кумира худшей любви, но будешь имѣть непорочный умъ, какъ храмъ великаго Бога и лучезарности Духа.

Дѣва, будь дѣвственною и слухомъ, и очами, и языкомъ; потому что чрезъ все вторгается грѣхъ. Слухъ напрягай для однихъ добрыхъ вѣщаній, а для рѣчей срамныхъ и безстыдныхъ заграждай его дверью. Очи храни цѣломудренными въ брачныхъ чертогахъ, т. е. въ вѣждахъ твоихъ, и не уязвляй сердца похотливыми движеніями. Уста держи заключенными, подобно нераскрывшимся чашечкамъ цвѣтка, чтобы слово твое оставалось предметомъ желаній.

Ноги, идущія борзо, ненадежные свидѣтели дѣвства; и въ самой походкѣ бываетъ нѣчто блудническое.

Уважай ветхій хитонъ, а не чело, сіяющее отъ удовольствія, не прекрасныя шелковыя ткани. Пусть другихъ украшаетъ жемчугъ, пусть у другихъ блистаютъ золотомъ члены; предоставь се тѣмъ, у которыхъ расцвѣчены лица, этимъ созданіямъ земныхъ рукъ, чуждымъ небснаго образа, этимъ гнуснымъ изображеніямъ, вывѣскамъ сладострастія, безмолвнымъ обличителямъ, движущимся картинамъ, обнаруживающимъ тайны благопріятствующей ночи, этому блистательному безобразію, этимъ гробамъ, скрывающимъ въ себѣ смрадъ! Но дальше отходи отъ нихъ ты, невѣста царя Христа, которая славилась внутреннею красою.

Слей очи съ очами и слово съ словомъ, но только чистыя—съ чистыми; никогда же не сливай смѣха со смѣхомъ и дерзости съ дерзостію; ибо это доводитъ людей до гибельнаго поползновенія.

Убѣгай всякаго мужчины, особливо ни одного не принимай въ сотрудники домашней жизни. Повѣрь мнѣ, чистая дѣва, что, хотя бы онъ былъ чище золота и тверже адаманта, но все—горькая вода изъ Мерры. Ибо опасность съ двухъ сторонъ. Хотя ты полагаешься на собственную плоть; впрочемъ кто поручится за члены живущихъ подъ одной кровлей? И у тебя не совѣмъ чисты и нескверны глазъ и умъ, и мысль другаго можетъ скрывать въ себѣ что нибудь перстное и изгнать духа. Воспаривъ отъ земли, ты переселилась уже отъ плотскаго къ духовному; для чего же одобряя опять сожителство съ плотію, безчестишь священнаго Жениха, Который ревнуетъ о твоёмъ образѣ? Смотри, чтобы Онъ не лишилъ тебя Свдей любви за двоедушіе, за то, что храмлешь на оба колѣна. Твой возлюбленный — Христосъ; посему удаляйся отъ всякаго мужчины. Для чего находишь нужнымъ имѣть помощникомъ того, кто самъ имѣетъ нужду въ помощницѣ?

Коню любезенъ конь, оленю — олень, скворцу — скворецъ; чистому же дорогъ чистый. Но впрочемъ ты бѣгай злонамѣреннаго совѣтника, чтобы онъ, при всемъ твоёмъ благоразуміи, не обманулъ тебя. Онъ всего болѣе враждуетъ противъ мудрыхъ; часто и доброе обращаетъ во зло даже добрымъ. Нынѣ онъ свѣтъ, а послѣ окажется тмою. Внутри смерть, а сверху снѣдь. Привлекаетъ сладостію, и губитъ скрытнымъ ядомъ. Не рѣдко сводитъ онъ между собою людей близкихъ по духу; приходитъ къ нимъ въ свѣтломъ образѣ, прикрывается честнымъ наименованіемъ христіанской любви; а потомъ въ сблизившихся измѣняетъ сердечную любовь въ плотскую и возжигаетъ пламень, или оставляетъ жалкіе слѣды пламени. А если не останется въ тебѣ и слѣдовъ пламени; то всего скорѣе нанесешь ударъ тѣмъ, которые смотрятъ со стороны. Но и всѣ мы готовы на грѣхъ; потокъ самъ льется по скату.

Но домъ, одежда, столъ, немощи довели тебя до этого позора, заставили избрать помощника дряхлой старости. Ты промѣняла золото на мѣдь, если вмѣсто свѣтлой жизни приобрѣла малое и неприличное утѣшеніе. Если дашь мнѣ кучи золота и янтаря, зеленѣющія поля, тучныя стада, великолѣбный домъ и Алкинѣеву трапезу, если вмѣсто настоящей жизни дашь другую нестарѣющуюся; и тогда не соглашусь жить гнусно и чрезъ это лишиться Христа.

Пусть у меня хлѣбъ въ скудость и вода въ рѣдкій напитокъ; пусть меня, какъ древле Адама и Еву, покрываютъ смоковые листья; и домомъ мнѣ служить разсѣлина въ камнѣ, или дупло въ букѣ; жизнь моя проста и не лучше звѣриной; или, бременя землю,

какъ ницѣй и новый Лазарь, брошенный у воротъ горделивца, влачу жалкую жизнь и болѣзненное тѣло;—все это нынѣ, а тамъ—пропасть и грозное воздаяніе за всѣ здѣшнія наслажденія. У тебя пресыщеніе, а у меня скорбь—кратковременны; и потомъ все забыто. За гробомъ всѣ станемъ одно, всѣ—одинъ прахъ. Тамъ одно мѣсто рабамъ и царямъ; никому нѣтъ преимущества въ преисподней. Поэтому и благами настоящими не плѣняйся, и скорбями здѣшней жизни не слишкомъ занимай мысли. Вмѣстѣ съ наслажденіями оставишь и всѣ скорби, и притомъ въ скоромъ времени. Ибо что продолжительно въ однодневной жизни?

Ты здѣсь странникъ и пришлецъ, пресмыкающійся по чуждой тебѣ землѣ. Отсюда возставитъ тебя Богъ въ отечество твое. Подвиги твои не долговременны; а награда выше трудовъ.

И ты, мудрый совѣтникъ Ионадавъ, убѣждая любезныхъ дѣтей насладиться высочайшимъ для людей счастіемъ, предложилъ имъ такой законъ и такое слово: „Вотъ, дѣти мои, получите отъ отца богатство, какого и мнѣ не далъ любезный отецъ, какого и всякому другому сыну не доставалось отъ отца; получите богатство, всегда постоянно сохраняющееся. Не стройте для членовъ своихъ описуемаго мѣстомъ дома, не воздѣлывайте земли. Что вамъ пользы отъ винограда? Живите въ шатрахъ; а упоявшаго и сладкаго питія никогда, дѣти, никогда не вливайте въ свою гортань. Живите для Бога, и богатство свое полагайте въ единомъ присноживущемъ Богѣ, Который всегда Самъ Себѣ равенъ и ничѣмъ не возмущаемъ“. Такъ говорилъ отецъ, и дѣти исполнили его заповѣдь (Іер. 35, 6, 7).

А я знаю народъ, вводимый въ землю обѣтованія. Впереди шелъ столпъ огненный и облачный и влекъ его за собою по недобѣдой пустынѣ. Море разступалось предъ нимъ, небо давало ему пищу, камень извель изъ себя воду, широко текущая рѣка отступила назадъ, солнце замедлило бѣгъ своей колесницы; нѣкто, простертыми руками назнаменуя крестъ, воздвигъ побѣдный памятникъ, а вѣра связала острія мечей.

А Илія былъ питаемъ вранями, и престарѣлую сидонскую вдовицу напиталъ не многими каплями жизни; потому что въ маломъ чванцѣ не оскудѣвала мука, и глиняный сосудъ всегда источалъ влажный елей въ такомъ же количествѣ, въ какомъ почерпали руки страннолюбивой вдовицы.

Еврейскіе юноши, желая свойственной имъ пищи, чтобы не оскверниться трапезою царя, съ радостію взошли въ ассирійскій пламень и, въ немъ прохладившись, возвратились въ свои дома.

Даніиль, брошенный на сѣдѣніе ярымъ лвамъ, когда распростеръ свои руки, не львовъ напхталъ, но самъ отъ пророка пріялъ въ руки богопосланную пищу (Дан. 14, 37).

Божественнаго Іону изъ внутренностей своихъ изблевалъ морской звѣрь, три дня (какое великое чудо!) держа въ его въ утробѣ; потому что пророка даже и въ китову утробу сопровождала вѣра.

Іоанну служили пищею акриды и дикіе соты, одеждою — волосы высоковольтныхъ верблюдовъ, кровомъ-широкое небо, и пустыннымъ ложемъ—земля.

Кто спасъ Оеклу среди огня? Кто связалъ неукротимую силу кровожадныхъ звѣрей? Какое великое чудо! Дѣвство усыпало звѣрей, и они не дерзнули своими зубами осквернить чистое дѣвственное тѣло.

Нѣтъ, не позабуду (это было бы и несправедливо) упомянуть о непорочной Сусаннѣ, которая, хотя носила на себѣ супружеское иго, однако же имѣла столько любви къ цѣломудрію, что, когда избѣгла незаконнѣйшихъ рукъ, но по несправедливому приговору судей влечена была на смерть, спасли ее отъ гибели мудрыя разсужденія судьи, который, будучи югъ духомъ, но сѣдъ разумомъ, связалъ словомъ своимъ развратныхъ и незаконныхъ вавилонскихъ старѣйшинъ.

Самъ выслушай Павла, съ какою боролся онъ злобой, сколько понесъ трудовъ и мучительныхъ безпокойствъ отъ друзей и отъ враговъ, на морѣ и на сушѣ, какъ восходилъ до третьяго неба, и весь міръ заключилъ въ вождѣленные мрежи. Онъ скорбями своими восхищался болѣе, нежели другою благоденствіемъ.

Добродѣтель всегда окружена бѣдствіями, какъ роза ненавистными и колючими шипами. Помня сіе, и ты съ лучшими надеждами блюди свою жизнь для Христа Царя въ совершенной непорочности, и не позволяй вводить въ обманъ нуждѣ, которая всего скорѣе покоряетъ себѣ даже мудрыхъ мужей. Почему и злокозненный врагъ, искушавшій Христа Царя, какъ скоро увидѣлъ Богочеловѣка алчущимъ, понадѣялся, что чувствующаго нужду уловить въ свои сѣти, и повелѣвалъ превратить камни въ снѣдь. Но онъ не уловилъ Бога, а тебѣ человѣку смертному льститъ какъ богу. Ты же стремись къ Богу, и дальше гони отъ себя врага, всецѣлю пребывая въ Богѣ и выше плоти.

Не хорошо, если, какъ въ сомкнутомъ въ кружокъ хороводѣ, одного держатся правою, а другаго лѣвою рукою, такъ и ты, вмѣстѣ касаясь Божества и отдѣляясь отъ Него, половинною принадле-

жишь Христу, а половиною—плоти. Не хорошо, если, пускаясь въ море на быстромъ и благоустроенномъ кораблѣ, какъ скоро возстанетъ вѣтръ и возмутитъ спокойныя воды, задерживаешь скорое плаваніе якоремъ, или прельщаешься пребываніемъ на сушѣ, и совершаешь свой путь по водамъ, уподобляясь вмѣстѣ и мореходцу и пѣшеходу. Не хорошо, если на жизнь твою кидается плоть—эта рыба прильпуша, останавливающая корабль на всемъ ходу. Но какъ токъ, проходящій по узкой трубкѣ, какъ скоро во внутренности округленнаго свинца скопится столько влаги, сколько можетъ вмѣститься, начинаетъ бить вверхъ, не удерживаясь въ заключеніи, потому что онъ сильно нагнетаемъ сзади; такъ совѣтую и тебѣ, запечатлѣвъ въ груди своей любовь, нестись въ высоту на срѣтеніе Христу, или орошать какую нибудь добрую и тучную ниву. Если же ты разливаешься и здѣсь и тамъ, по глубокимъ пескамъ, или по камнямъ, или по лугу, или по бороздамъ; то добрый твой потокъ, ничѣмъ не удерживаемый, погибнетъ безъ всякой пользы.

Если живъ у тебя любезный отецъ; производшій тебя на свѣтъ, или если жива у тебя милая мать; то не укоризненна твоя любовь. Если ты полагаешься на благорасположенныхъ къ тебѣ братьевъ и на родителей, когда они живы, помогающихъ тебѣ или требующихъ отъ тебя помощи: то никто не упрекнетъ тебя, что живешь вмѣстѣ съ ними; за то не обратитъ на тебя злаго и неумолимаго взора осмѣяніе, хотя оно замѣчаетъ часто и скрытъ твоей обуви. Впрочемъ для меня полезно и то, что злый обращаетъ на меня взоры. Пусть онъ смотритъ, а мое сердце пребудетъ твердо. Но прошу убѣгать любви къ другимъ, даже не только любви, но опаснаго пребыванія въ одномъ домѣ, или самонадѣянности обманчивой и ненадежной въ людяхъ цвѣтущихъ лѣтъ,—убѣгать въ той же мѣрѣ, въ какой должна предаться Христу твердо прилепившагося къ Нему любовью присноживущую.

Тебѣ, которая хвалишься цѣломудріемъ, имѣя любовь къ вождельнѣному дѣвству, не должно открывать всего сердца другимъ страстямъ. Это всего хуже, если по ухищренію завистника зло рождается изъ добра. Не думаю, что необходимо должно бѣгать супружества и супружескихъ обязанностей; посредствомъ супружества Богъ непрестанно умножаетъ родъ человѣческій: но избираю дѣвство, какъ врачевство и пособіе противъ моихъ страстей. И если увижу свободный отъ нихъ день, то есть мнѣ за что благодарить одинокую жизнь! Но когда, оградивъ дорогую ниву стѣною, отворю двери звѣрямъ, или одну ея часть обнесу плотной

оградой, на другой же оставляю тропинки мимоходящимъ путникамъ; тогда не то же ли выйдетъ, какъ если бы дана была возможность врагу отвсюду врываться и губить мою ниву? Но и тебѣ врагъ во всемъ строить козни, чтобы явно и тайно нападать совнѣ и уловлять внутри. Никто не избѣжитъ его злобы, если не имѣетъ всегдашнимъ помощникомъ Христа. Иногда маловажнаго не вмѣняй во грѣхъ; но и маловажному не противься слабо, чтобы не встрѣтиться, какъ ни есть, съ худшимъ.

Хорошее и слушай, и говори. Но что говоришь, то тщательно осматривай. Зрѣніе должно побуждать тебя и къ дѣлу, и все помогать одно другому—цѣль и слово, зрѣніе и слухъ.

Избѣгай худаго сѣмени, чтобы собрать тебѣ добрые класы. Не заглаивай въ себѣ прелюбодѣйной любви къ міру; а заглаиваетъ ее тотъ, кто далъ въ себѣ мѣсто хотя тонкому корню порока; отъ этого корня раскинется туда и сюда множество вѣтвистыхъ стеблей.

Отъ нѣсколькихъ капель кровавой влаги ссѣдается молоко въ большомъ сосудѣ. Одинъ камень, упавъ на поверхность стоячей воды, мутитъ вдругъ прекрасный источникъ; множество круговъ, непрестанно образуясь въ одной точкѣ, разсѣваются по водѣ и исчезаютъ на окружности. Отъ удара въ одномъ мѣстѣ все тѣло вокругъ пухнетъ и чувствуетъ боль. Не много вкушено, и сталь я мертвъ; потому что за вкушеніемъ послѣдовали грѣхи, какъ за однимъ храбрецомъ чрезъ непріятельскую стѣну идетъ все воинство. Не велика рана, наносимая аспидомъ, но она мгновенно погружаетъ въ предсмертный сонъ, и самая гибель бываетъ пріятна для умирающихъ. Посему старайся, чтобы сердце твое не осквернялось даже и малостью.

Если чрево у тебя на замкѣ; то, можетъ быть, спасешься отъ грѣха. А если двери у него отворены; то боюсь, чтобы персть не сдѣлалась наглою. Когда тѣло усмирено, тогда усмиряется вмѣстѣ и безстыдная похоть.

Вино—эта желчь для дѣвственниковъ, приноситъ имъ много безславія; а гнѣвливость доводитъ до неистовства; все же это—путь къ смерти.

Дѣва, не плѣняясь своимъ выношеннымъ хитономъ; и малощѣвною увеселять взоры—худо.

Не возбуждай врага, надрывая щеки смѣхомъ; пусть онѣ безобразно искривляются у тѣхъ, которыя разливаются отъ радости, и держать домъ не на заперти. А у тебя пусть промелькнетъ на лицѣ тихая улыбка, и какъ можно скорѣе, появится румянецъ, и

закроетъ собою веселіе. А румянецъ внушаетъ уваженіе смотрящимъ.

Женщинамъ прилично не много говорить о Богѣ, именно, сколько можно имъ знать о досточтимомъ еществѣ Троицы, о тройственной въ Божествѣ, единой благодати; ибо глаголы благочестія не хорошо предавать и молчанію. Должны же онѣ больше слушать. Но то и другое, и говорить и слушать, обязаны съ трепетнымъ умомъ и благоговѣйно, на все налагая покровъ стыдливости. Въ словахъ же прекословныхъ пусть упражняются люди мудрые, низлагающіе невѣрныхъ.

Да не похищаютъ у тебя Бога ненавистныя заботы, которыя и высокошественнаго низлагали мгновенно на землю. Умъ твой да стремится къ цѣли, не носясь туда и сюда, подобно искателю побѣды, неукротимому коню, и не убѣгая вдаль отъ великой славы Христовой. Если же увлечь тебя злый Веліарь, и умъ твой блуждаетъ; то, какъ можно скорѣе, перемѣни направленіе, и иди къ цѣли прямымъ путемъ.

Пусть занимаютъ тебя ткацкій челнокъ, пряжа, поученіе въ Божіемъ словѣ, премудрость, божественныя пѣсни, внятные, но не громкіе, не терзающіе душу звуки, которыхъ больше остается въ груди, нежели сколько слышно на устахъ. Врагъ часто врывается чрезъ слухъ даже въ глухихъ.

Ты, цѣломудреннѣйшая дѣва, которая, вкусивъ божественнаго питія, избѣгла супружескихъ узъ и всякаго бремени, носимаго женщинами, не входи въ чужія ложницы и въ супружескія дѣла, чтобы тебя вмѣсто дѣвы не стали называть яремною женой; не проводи времени въ чужихъ домахъ, за чужою трапезою, не имѣй обращенія съ слугами, не принимай участія въ домашнихъ смутахъ, не бросай льстиваго слова за кусокъ хлѣба.

Люби мѣру въ страннлюбіи. Кто украшенъ добродѣтелями, тому радушно отвори свой тѣсный домъ. А кто не выше другихъ, тому оказывай милость издали. Обитель твоя да будетъ ограждена отъ молвы. Дѣвѣ лучше быть гостепріимною, чѣмъ отворять домъ для всѣхъ странныхъ; потому что на многолюдствѣ теряется стыдъ. И чѣмъ можетъ быть опозорено свѣтлое дѣвство, на то не собирай доказательствъ со всѣхъ концовъ земли.

Уважай сѣдину, и подражай честнымъ нравамъ. Благоразумная сѣдина принесетъ тебѣ больше пользы, нежели юность.

И съ благочестивымъ намѣреніемъ не переходи съ мѣста на мѣсто. Нога твоя, поспѣвая въ святыя мѣста, какъ бы ни были они отдалены, да не соплетется, часто вопреки приличію, съ

ногою легкомысленныхъ мужей. Царь Христосъ у всякаго въ домѣ; онъ близокъ къ любящему,—въ сердцѣ у него.

Первое мѣсто дай Богу, а слѣдующее затѣмъ—іерсю, земному Христу, руководителю твоей жизни. Поспѣшай за нимъ на крылахъ, покоряйся ему безмолвно; съ нимъ радуйся, когда простираешься вверхъ, и ему подчиняйся, когда падаешь, чтобы, пришедши въ страхъ, опять вознестись высоко.

Умри для всѣхъ прочихъ,—это для дѣвы лучше, нежели вести жизнь открытую и выставленную на показъ всякому. Хвалю тѣхъ женщинъ, которыхъ даже не знаютъ мужчины, которыя живутъ вдали отъ міра, но втайнѣ видимы Богу.

Будь очень благочестива, но не смотри очень надменно. Погнавшись за людскою славою, легко потеряешь добрую славу. Женская слава гибнетъ, какъ скоро дѣлается видимою для мужчинъ.

Ревнуй добродѣтельному и отвращайся порочнаго. Равно худо—и завидовать добрымъ, и любить порочныхъ.

Не останавливайся въ своемъ пути, видя, что злые ведутъ покойную жизнь, и не терзайся сердцемъ, видя, что добрые изнемогаютъ. Это игра жизни; а ты смотри единственно на конецъ.

Наслаждаясь благоведріемъ, ты радуешься; но не знаешь еще ясно, что будетъ. Бойся, чтобы съ которой нибудь стороны не полулъ смертоносный вѣтеръ. Поэтому всю жизнь свою или страшишься, или готовься къ страху.

Когда падаетъ человѣкъ порочный, тогда тѣмъ паче утверждай свою ногу. А когда падаетъ благоуспѣшный; крѣпись еще больше. Ибо если совершенные падаютъ, то очень не легко провести жизнь не поскользнувшись. Вся жизнь для тебя — уголья подъ ногами, и уголья горячіе. Всегда идешь ты по скрытымъ сѣтямъ.

Боюсь, чтобы мнѣ, положивъ основаніе жизни своей на пескѣ, не разрушиться отъ дождя, рѣкъ и вѣтровъ; боюсь, чтобы подобно сѣмени, которое пало на сухую и неплодную землю, и мнѣ, прозябнувъ скоро, еще скорѣе не засохнуть, когда ударятъ въ меня солнечные лучи и легкія напасти; боюсь, чтобы, во время моего сна, сѣятель негодныхъ плевелъ и завистливый врагъ не подмѣшалъ худаго сѣмени. Когда же десять чистыхъ дѣвъ, бодрствуя, съ возжженными свѣтильниками и съ не дремленными очами ожидаютъ вождедѣннаго жениха—Царя Бога, чтобы имъ свѣтлыми выйдти во срѣтеніе приходящему съ веселіемъ; тогда не поставь меня въ числѣ бѣдныхъ умома и юродивыхъ дѣвъ, чтобы мнѣ уже въ самое пришествіе Христово, отягченными отъ сна очами, замѣ-

гивъ едва мерцающій блескъ свѣтильниковъ, слишкомъ поздно не пожелать для себя капель ея свѣтлой жизни, и чтобы залптыя двери не преградили мнѣ входа на бракъ, гдѣ Слово, по великимъ уставамъ любви, сопрягаясь съ душами чистыми, даруетъ имъ сіяніе и славу. Вотъ и брачный пиръ, который учреждаетъ добрый Отець, веселясь о наилучшемъ Сынѣ;—о если бы на этой вечери было мѣсто и мнѣ,—и мнѣ было мѣсто, и всякому, кто со мною единомыслень! Но внѣ пира останется тотъ, кто брачному веселію предпочитаетъ или село, или пиру новокупленныхъ воловъ, или жену. Боюсь и того, чтобы среди пирующихъ, которые всѣ одѣты по-брачному, одного меня, у котораго осквернены одежды, не связали по рукамъ и по ногамъ, и не изринули изъ брачнаго чертога далеко отъ друзей и отъ брачнаго пира. Когда же Царь мой, возвращаясь съ брака, прійдетъ внезапно къ ожидающимъ и къ не ожидающимъ;—о если бы мнѣ тогда оказаться въ числѣ ожидающихъ, и заслужить похвалу, какъ доброму служителю, имѣвшему страхъ, снисходительному къ подначальнымъ и правдивому раздаятелю жить твердаго слова!

Сіе заповѣдую дѣвству, какъ кротко совѣтующій и сердечно любящій отецъ; а вы, чада и дщери и сыны, послушайте любимаго отца. И если, какъ надѣялся, имѣю какую-нибудь благодать у Бога; то не презрите заповѣдь отца, подобно сынамъ Иліевымъ. Не дѣлайте сего чада, чтобы и васъ не постигло одинаковое съ ними наказаніе. А прочимъ слѣдующее слово; и я не безбоязненно, держа вѣсы ровно (свидѣтель въ томъ Богъ), произнесу равный судъ надъ тѣми и другими—надъ дѣвственниками и надъ живущими въ супружествѣ.

Сколько дѣвство предпочтительнѣе супружества, столько непорочный бракъ предпочтительнѣе сомнительнаго дѣвства. Посему и ты, ревнитель совершенства, или вполне возлюби чистое дѣвство, если имѣешь къ тому и силу и расположеніе, или избери супружество, какъ говорятъ, послѣ перваго второе, также доброе, плаваніе. Но бѣгай тѣхъ, которые хотятъ совмѣстить ту и другую жизнь, и безбрачную и брачную, то есть, примѣшивать къ меду желчь, къ вину грязь, къ священному Солиму злочестивую Самарію. Напрасенъ трудъ,—по совершеніи пути идти вдругъ назадъ; не безъ опасности стрѣлокъ, если пущенная имъ стрѣла падаетъ почти у ногъ его, а не долетаетъ, куда должно, и не попадаетъ въ высокую цѣль. И тому, кто въ даръ Царю Христу принесъ дѣвство—эту словесную жертву, это безкровное закланіе, вступить опять въ супружество не только есть потеря, но и величайшее па-

дене, близкое къ смерти; а сверхъ того и некончаемый стыдъ. Это значитъ, вдругъ поскользнувшись, обратиться внизъ на землю съ обрывистой горы, на которую всходилъ ты съ великимъ трудомъ, въ намѣреніи открыть тамъ золото, или провести время въ пріятномъ занятіи, преслѣдуя звѣря. Кто же, слыша о злочестивомъ Ананіи и Сапфирѣ, которые за собственный прибытокъ подверглись злой смерти, не побоится убавить въ своемъ обѣтѣ даже и малость? А нѣкто изъ древнихъ, когда тайно, безъ вѣдома вождя, присвоилъ себѣ золотыя языки¹⁾, одежду и нѣсколько денегъ, нанесъ тѣмъ вредъ цѣлому народу (Ис. Нав. 7, 21). Въ какой же степени выше жребій одушевленной твари, въ такой, или еще въ большей, худо для дѣвы возвращеніе назадъ.

Да погибнетъ такой супружескій союзъ, котораго не скрѣпилъ брачный законъ! Всегда блюдишь отъ жала того, кто непрестанно влечетъ назадъ души, простирающіяся впередъ, чтобы ему царствовать надъ большимъ числомъ униженныхъ, кто первый низложенъ изъ небесной славы на землю, и влачить здѣсь иго позора, налагаемое на горделивыхъ.

Теперь изреку добрый совѣтъ родителямъ, родственникамъ и цѣломудреннымъ попечительницамъ, въ рукахъ у которыхъ жизнь, позоръ и добрая слава дѣвъ. Непозволительно и неприлично поступать насильственно съ тварію великаго Бога. Всѣ мы родъ Единаго; и властвуетъ ли кто, или сопричисленъ къ подвластнымъ, богатъ ли кто или бѣденъ, возсѣдаетъ ли кто на великомъ престолѣ, или преклоненъ до земли, покрытъ ли кто сѣдиною или цвѣтетъ юностию—всѣ отъ Единаго, у всѣхъ одно дыханіе, всѣ стремимся къ одному концу; Богъ для всѣхъ родился человѣкомъ, и умеръ, и воскресъ; Онъ всѣмъ даровалъ широкое небо. Посему никто, въ угожденіе неразумной плоти, не долженъ противъ воли вести дѣву къ брачному ложу, когда она емлется за Христа и живетъ лучшею любовію, какъ не должно полипа совлекать съ его каменнаго ложа, или пѣвчую птицу выгонять изъ устроеннаго ею гнѣзда. Напротивъ того, если у тебя христоролюбивое сердце, если Богъ связалъ тебя божественными узами и исхитилъ изъ міра; то со всею готовностію представъ Христу прекрасную невѣсту, или юнаго сына, какъ нѣкогда чадолюбивая Анна представила Самуила—священный плодъ своихъ чистыхъ ложеснъ, одушевленную жертву, которая священнѣе всякаго первороднаго, а также класа или грозда, срѣзаннаго добрымъ земледѣльцемъ въ начатокъ Богу. А если ты

¹⁾ Въ славянскомъ переводѣ: *сосудъ златъ*.

идешь въ срединѣ между Христомъ и міромъ, то на одинакихъ вѣсахъ взвѣсь и супружескую и одинокую жизнь, хорошо и разумно собравъ въ умѣ всѣ выгоды и невыгоды той и другой, и начертавъ двоякую цѣль, избери путь, на который влечетъ горячая любовь, и вспомошествоуй, въ одномъ случаѣ порабощенію, а въ другомъ небеснымъ стремленіямъ. Когда дѣва достигла совершенныхъ лѣтъ, чтобы вступить въ бракъ, или исполнить цѣломудренное намѣреніе: хотя, какъ супругъ служить узами мужъ, такъ дочери—родители, а той и другой—Божій страхъ, не вступившей же въ супружество—Христова любовь; однако же ты не удаляй отъ замужества дѣву, желающую имѣть мужа, и не вводи насильно въ домъ къ мужу стремящуюся къ Богу. Пока же не увѣришься несомнѣнно, не препятствую дѣлать нѣкоторыя испытанія. Но если ты всю мысль свою и руку отдаешь супружеской жизни, съ радостію устроилъ уже и брачный чертогъ, и пляски, и пиршества, въ веселіи сердца забылъ свою старость; а между тѣмъ изгоняемое тобою дѣвство приступить къ Христу (какъ нѣкогда правосудіе восходило на небо съ жалобою за умерщвленіе вола земледѣлателя): то боюсь, чтобы на твое несправедливое рѣшеніе не прогнѣвался Богъ, предъ Которымъ всякая перстная природа смиряется такъ же, какъ тучный воскъ предъ огнемъ; боюсь, чтобы страхъ Божій не связалъ тебя по плоти. И здѣсь бываетъ служеніе подобное небесному, и въ смертныхъ есть умъ, приближающійся къ Божеству.

Погрѣшилъ тотъ кто безплотное смѣсилъ съ природами плотными, отъ ангельскаго возжеланія производилъ сильныхъ исполиновъ и грѣхами небожителей думалъ очистить¹⁾ землю. Предоставимъ сіе Еллинамъ; потому что они въ защиту своихъ страстей умыслили представлять боговъ непотребными, ворами, андрогинами, прелюбодѣями, развратителями людей, челоуѣкоубійцами, губителями родителей или дѣтей своихъ, и, не довольствуясь симъ, приносили жертвы самымъ страстямъ. Посмотри на первѣйшаго изъ ихъ боговъ: чѣмъ не дѣлало его сладострастіе?—воломъ, лебедемъ, змѣей, золотомъ, мужемъ, птицей,—всѣмъ, чѣмъ только повелѣвалось ему дѣлаться рѣзвый Эротъ—этотъ слабый ребенокъ. Они-то уничтожали любезное дѣвство, налагающее узы на плоть. Для нихъ невѣроятна была свѣтозарность плоти. Они всѣхъ мѣряютъ своимъ непотребствомъ. Но чистому оку несвойственно

¹⁾ Т. е. оправдать людей тѣмъ, что увлекаются въ грѣхъ примѣромъ боговъ.

видѣть звѣзды омраченными. Земля и твердо стоитъ, но сему не довѣряетъ, у кого кружится голова. А намъ неприлично говорить о дѣвствѣ укоризненно.

Почему же невѣроятно, что любовь ко Христу-Царю можетъ усыплять человѣческія вождѣленія и плотскую любовь, какъ и прежде остановила кровавый токъ у прикоснувшейся кровоточивой жены? Богъ дозволилъ похитить у Него благодать, и сухой потокъ сдѣлался текущимъ источникомъ, какъ скоро изсякъ. Развѣ мужество въ христіанахъ не было выше огня, и мечей, и воды, и свирѣпыхъ звѣрей, которые немилосердными зубами терзали ихъ члены? Когда тѣснилъ ихъ гонитель, воздвигая брань за вѣру въ Бога, тогда что видимъ у нихъ? Не жизнь ли проводимую безъ сна и безъ крова? не молитвы ли и непрестанныя воздыханія? Не истекаютъ ли они слезами? не возносятся ли отъ земли въ нощныхъ и дневныхъ гнѣснопѣніяхъ, оставивъ міръ и плоть? Не малыми ли крохами пищи поддерживается въ нихъ дыханіе? Не служатъ ли имъ жилищемъ пещеры, а ложемъ камни, или мягкая трава и сухія вѣтви? Не живутъ ли они подъ однимъ кровомъ съ свирѣпыми звѣрями, чтобы только избѣжать злыхъ внушеній и узъ персти? Есть сказаніе о птицѣ фениксѣ, что она, умирая, юнѣетъ, по истеченіи многихъ лѣтъ, возрождаясь въ огнѣ, и изъ устарѣваго праха является дивный самородный плодъ. Такъ и они, умирая, дѣлаются присноживущими, сожитаемые пламенною любовію къ Царю-Христу. Въ самой немощи сокрывается сила благочестивыхъ. Кто видитъ все это, тотъ неохотно вступитъ въ союзъ съ юною плотію; потому что воспламененъ лучшею любовію.

Общая всѣмъ матеръ природа! возвѣщу не свои, но твои чудеса, какія ты расточила на сушѣ и въ моряхъ. Слышу, что пернатая горлица, по смерти своего милаго горлика, изъ цѣломудренной любви къ раздѣлявшему ея ложе, не принимаетъ къ себѣ въ гнѣздо другого супруга. Мудрая птица! Но для человѣка сколько еще лучше чистая жизнь! Болтлива сѣроперая ворона, но и она живетъ вѣрною юношеской любви, и когда потеряетъ милаго супруга, ненавидитъ всякаго мужа. И у морскихъ рыбъ есть свой законъ; немногія не знаютъ никакихъ уставовъ касательно брака, многія же заботятся о цѣломудріи и брачнаго ложа и своей супруги. И здѣсь имѣютъ силу права. Иныя не домогаются имѣть болѣе одного плода. Иныя же (и таковыхъ большая часть) предаются наслажденіямъ любви только въ весеннее время. Сама природа положила мѣру вождѣліямъ. А время нѣжной любви опредѣлено для всѣхъ живыхъ тварей, и воздушныхъ, и водяныхъ, и тѣхъ, ко-

горы ходять по сушѣ. Далѣе срока не питають они въ себѣ вож-
дѣлений; въ самомъ безуміи страсти связаны благовременностію,
когда возбуждаетъ ихъ къ тому весна. И однѣ сбѣгаются кучами
для исполненія супружескихъ дѣлъ; у другихъ же соблюдается
постоянная привязанность къ милымъ супругамъ, и хранится за-
конъ любви; а нѣкоторымъ достаточно одинъ разъ въ жизнь раж-
дать дѣтей, какъ свидѣтельствують о семъ тѣ, которые описали
рожденія животныхъ и все, что до нихъ касается.

А если и у неразумныхъ есть нѣкоторая заботливость о цѣло-
мудріи; то ужели ты, Божіе созданіе, не свяжешь всѣхъ законовъ
плоти, если захочешь? Человѣкъ такъ же уступчивъ разуму, какъ
и мѣдь огню. Если разумъ не царь плоти, тогда какъ образъ Божій
обожилъ меня; то въ чемъ преимущество наше, если и мы усту-
паемъ такимъ же движеніямъ? Хотя природа неудержима въ боль-
шемъ числѣ людей; однако же знаемъ и то, что заповѣдь часто
превозмогаетъ и общую природу. И у меня есть подобное тѣло; но
меня связалъ воздвигшій меня крестъ, къ которому пригвоздилъ я
тяжелую плоть. Ибо желаю со Христомъ умереть, чтобы съ Нимъ и
возстать, имѣя все Христово: и умъ, и тѣло, и гвозди, и воскре-
сеніе.

Иный самовольно связалъ плоть, не изъ любви божественной.
Такихъ узъ не называютъ и цѣломудріемъ. Однако же есть и Бо-
жій даръ на то, чтобы жить не растлѣнно, имѣть невозмущаемый и
непоколебимый умъ. Иный отвращается пріятнаго упоенія, а
иный—пищи; иный же не терпитъ запаха, любимаго другими. Нѣ-
которые имѣють ненавистное расположеніе къ подобнымъ себѣ,
живуть въ пустыняхъ и охотно бѣгутъ вдаль отъ людей. Но твой
умъ не вѣритъ отречшимся отъ супружескихъ узъ, даже думаю,
онъ не не вѣритъ; но ты бѣжишь изъ страха, между тѣмъ какъ за-
бываешь о невыгодахъ супружеской жизни.

Небольшая саламандра не бѣжитъ прочь отъ истребительнаго
огня, но на низкихъ ногахъ своихъ скачетъ въ немъ, какъ по землѣ.
Есть огневидная рыба; представляясь воспламененною, она не
умираетъ отъ этого дивнаго огня, но горя, блещетъ среди воды.
Камень магнитъ не притягиваетъ ли къ себѣ желѣзной гири? И
адамантъ не несокрушимъ ли? Есть камень, который, отъ удара
желѣзомъ, не издаетъ сіянія; а другой сіяетъ отъ капель воды, но,
издавая сіяніе въ водѣ, перестаетъ сіять отъ масла.

Но сколько есть еще болѣе удивительныхъ чудесъ? Кто ис-
числить ихъ, хотя перескажетъ многое? Высокій Умъ, перемѣ-
щивая многообразные образы вещей, такъ и иначе перестроитъ

ваеть цѣлый міръ, какъ ему угодно. Но изъ многаго упомяну о многомъ, что видѣлъ я самъ, или въ чемъ увѣряютъ меня книги и слухъ.

Не во всѣхъ ли рѣкахъ одно теченіе—книзу? Не одинъ ли законъ морямъ, чтобы ихъ связывали берега? Не одинъ ли путь у пылающаго огня—частыми порывами подниматься кверху? Однако же есть рѣка, которая пересѣкаетъ горькое море и остается рѣкою; одна вода не смѣшивается съ другою, и мореходцы, приближая корабль къ току, поспѣшающему къ суши, почерпаютъ изъ моря сладкое питіе. Видѣлъ я эвбейскій быстрый проливъ—этотъ узкій проходъ и незамкнутый ключъ моря, видѣлъ какъ онъ ниспоспѣваетъ въ своихъ возвратныхъ теченіяхъ. Море прибываетъ и течетъ обратно назадъ. Океанъ то удаляется отъ земли, то опять поспѣшными волнами вторгается на сушу; и на киммерійскихъ берегахъ то поле, то море. Но есть и другой потокъ—пламень огненный, если справедливо, что изъ утесовъ Этны извергается эта невѣроятная водотечь,—огнь-рѣка, и несоединимое соединено по волѣ Христовой.

Могу и въ маломъ указать подобныя чудеса. Въ числѣ плодовъ есть, такъ называемый, *воловій рогъ*. Онъ одинъ суше всего произращаемаго плодоносною нивой, имѣетъ тѣло, не размягчаемое влагой, не разрушается въ землѣ, не тучнѣетъ отъ дождей, но совершенно окрѣпъ и навсегда остается тверже роговъ; этого рога не раздробляетъ и рогъ вола, когда рука земледѣлателя рассыпаетъ плоды по нивѣ; посему отъ роговъ получили онъ и имя и свойство. Но если мудрецы знаютъ на сіе другую какую причину; то она невѣдома мнѣ.

Сіе производитъ природа: выслушай же, чего домоглось искусство. Скворцы говорятъ подобно человѣку, подражая чужому голосу, который они переняли, видя въ зеркалѣ изображеніе изъ дерева выточеннаго скворца, и слыша человѣческой голосъ промышленника, спрятавшагося за зеркаломъ. И воронъ также крадетъ звуки у человѣка. А когда нарядный и кривоносый попугай въ своемъ рѣшетчатомъ домѣ заговоритъ по-человѣчески, тогда онъ обманываетъ даже слухъ самого человѣка: конямъ вѣшаютъ канаты, и поверхъ ихъ ходятъ кони. Степенный медвѣдь ходитъ на заднихъ ногахъ, и, какъ умный судья, засѣдая на судейскомъ мѣстѣ, держитъ въ лапахъ (какъ можно подумать) вѣсы правосудія; и звѣрь представляется одареннымъ умомъ. Человѣкъ научилъ его тому, чему не научила природа. Видалъ я также укротителя звѣрей, который сидитъ на хребтѣ у могучаго льва и рукой укро-

щаетъ силу звѣря. Онъ держитъ бразды, а бѣгущій левъ, забывъ свою ярость, повинуется господину и ласкается къ нему. Видѣлъ я также тяжелаго и великорослага звѣря съ большими зубами; мальчикъ Индѣ сидитъ на немъ, и небольшимъ бодцемъ заставляетъ его идти, какъ корабль, поворачивая туда и сюда тѣло сильнаго слона. Безстрашенъ былъ тотъ, кто первый умыслилъ укротить звѣря, наложилъ ему на выю ярмо и повезъ огромную колесницу.

Но ты звѣрямъ приписываешь больше, нежели человѣку, если соглашаешься, что принужденіе препобѣдило природу въ звѣряхъ, а люди не могутъ быть обучены добру, имѣя даже у себя помощникомъ слово. Какъ же ты, невѣжда, до такой степени оскорбляешь твореніе великаго Бога? Кто бывалъ такимъ ненавистникомъ собственнаго своего рода? Но не такова мысль у меня, который разсуждаю здраво. Напротивъ того знаю мужей и женъ, которые и помыслами небесны, и тѣломъ непорочны. Все различіе между ними въ членахъ, а добродѣтели у тѣхъ и у другихъ общія, и общій путь къ славной жизни. Все преимущество въ усердіи, и то даетъ трудъ. Но твой умъ не вѣритъ отрекшимся отъ супружескихъ узъ; даже, думаю, онъ не не вѣритъ, но ты бѣжишь изъ страха, и между тѣмъ забываешь о столькихъ невыгодахъ супружеской жизни.

Сіе заповѣдую тѣмъ, которые близки только къ небожественнымъ; а ты, дѣвство, заботься о томъ, чтобы оградиться тебѣ отъ всюду и хорошо утвердиться въ Богѣ, стать совершенной жемчужиной между камнями, девницей между звѣздами, голубицей между пернатыми, маслиной между деревьями, лиліею въ поляхъ, благодѣшiemъ въ морѣ. Ты, дѣва, презрѣвъ весь міръ и всѣ пріятности жизни, стань подлѣ свѣтозарнаго Христа и, взявшись рука въ руку, введи Его въ свой брачный чертогъ, исполненный утѣхъ, вѣющій сладостями и благоухающій: къ небеснымъ мрамрамъ примѣшай твое собственное муро; къ изліяннымъ здѣсь неизглаголанымъ желаніямъ любви присоедини и свою любовь, къ красотѣ присокоупи красоту; къ сокровенной — сокровенную, къ свѣтозарной — свѣтоносную, чтобы Христосъ сталъ благимъ любителемъ славнаго твоего образа, чтобы Христосъ сталъ твоимъ женихомъ, чтобы Христосъ открывъ покрывало, съ радостію увидѣлъ достойную по красотѣ невѣсту, которая украшена добрыми жемчужинами, сидитъ на богато-убранномъ сѣдалищѣ, высоко держитъ голову, чтобы столько прекрасную содѣлалъ Онъ еще болѣе привлекательною, чтобы Христосъ тебя, исполненную радости, ввелъ

въ Свои обители, предложилъ тебѣ брачную вечерю среди великихъ нескверныхъ ликовъ, при небесныхъ пѣснопѣніяхъ, увѣнчалъ главу твою вѣчно цвѣтущими пріятностями, поставилъ предъ тобою чашу сладкоухающаго питія, показалъ тебѣ тайны премудрости, подобія которой видимъ мы здѣсь въ зеркалѣ, и открылъ истинный свѣтъ твоему непокровенному уму; когда грубыя тѣла уступаютъ мѣсто духу, а тѣла воздушныя получаютъ нестарѣющую жизнь.

Мы же, любезные юноши и дѣвы, питающіе въ себѣ непорочную любовь къ Царю, воспоемъ бракъ небснаго Бога, возжегши свѣтильники—сїи подобія Божественнаго свѣта, свѣтильники неугасимые, духовные, которые дѣлаются непрестанно болѣе и болѣе свѣтлыми отъ чистыхъ дѣлъ и помысловъ высокихъ, даже небесныхъ.

Прииди же къ намъ, милосердая, и милосерда будь къ намъ, чистая Троица, изъ Единого сочетавающаяся во Едино, Ты, Которая и нынѣ озаряешь свѣтлыя очи, а впослѣдствіи еще свѣтлѣе будешь озарять просвѣтленныхъ Тобою, Ты единый Богъ — изъ Родителя чрезъ Сына въ великомъ Духѣ совершенное Божество, покоящееся въ Совершенныхъ.

Къ дѣвамъ.

Дѣва, невѣста Христова, прославляй своего Жениха; непрестанно очищай себя словомъ и мудростію, чтобы ты чистая вѣчно могла сожителствовать съ Чистымъ. Этотъ союзъ гораздо выше тлѣннаго сочетанія. Живя въ тѣлѣ, подражая духовнымъ Силамъ, проходи на землѣ ангельскую жизнь. Здѣсь заключаются и раторгаются союзы; здѣсь тѣла родятся отъ тѣлъ: а въ горней жизни каждая Сила живетъ одиноко, и она неразрушима. Первыя Силы пріемлютъ въ себѣ лучъ чистой Сущности; это духи и огонь—служители Божіихъ велѣній. А плотское сочетаніе изобрѣтено веществомъ,—этою непрестанно текучею природою. Впрочемъ Богъ и саму положилъ мѣру, узаконивъ бракъ. Но ты, которая бѣжала отъ дѣлъ вещества, сдружись съ горнимъ, какъ умъ сдружается съ умомъ, сливаясь въ божественную гармонию, и, ведя брань съ плотію, вспомошествуй Божію образу. Ибо ты—Божіе дыханіе, для того сопряженное съ худшимъ, чтобы, послѣ борьбы и побѣды, получить вѣнецъ, возведя въ горнее и персть, прекрасно подчинившуюся.

Положимъ, что похвально для тебя и супружество; но выше

супружества — нерастлѣнность. Супружество — уступка немощи; а чистота — свѣтлость жизни. Супружество — корень святыхъ, а чистота — ихъ служеніе. Ее и древле уважали въ установленныя тому времена, напр. Адамъ въ раю, Моисей на горѣ Синаѣ, отецъ Предтечи — Захарія, служба во храмѣ. Супружество — корень и богоугоднаго дѣвства; однако же оно — законъ плоти и раболѣпство плотскому похотѣнію. Когда имѣли силу Законъ, и сѣни, и временныя служенія; тогда и супружество, какъ нѣчто дѣтское, удерживало за собою первенство: когда же буква уступила, и замѣнилъ ее духъ, когда Христосъ, родившись отъ дѣвы, пострадалъ плотію; тогда возсіяла чистота, и она отсѣкаетъ міръ, изъ котораго съ восшедшимъ Христомъ должно намъ преселиться въ горнее.

Доблестно шестуй, дѣва, на гору, спасайся въ горнихъ, не озирайся на Содомъ, чтобы не отвердѣть въ соленый столпъ. Естество плоти не должно слишкомъ тебя устрашать; но не будь и отважна чрезъ мѣру, чтобы не сбиться тебѣ съ дороги. Искра зажигаетъ солому, а вода утишаетъ пламень. У тебя много врачевствъ чистаго дѣвства. Водружай себя Божиимъ страхомъ, истоцай постомъ, бдѣніемъ, молитвою, слезами, сномъ на голой землѣ и всецѣлою любовію къ Богу, которая, при истинномъ направленіи, усыпляетъ всякое желаніе, чуждое горнимъ. Падшаго возставь, претерпѣвшему кораблекрушеніе окажи милость; а сама совершай благополучное плаваніе, распростерши вѣтрила надежды. Падютъ не тѣ, которые пресмыкаются долу, но которые несутся горѣ. У немногихъ истаеваютъ крылья; полетъ же многихъ благоуспѣшенъ. Паль Денница; но небо населено Ангелами; предателемъ сталъ Иуда, но одиннадцать учениковъ содѣлались свѣтилами.

Только всецѣло храни себя чистою, дѣва; не оскверняй пречистаго Христова хитона. Пусть око твое будетъ цѣломудренно, языкъ дѣвственъ, ни умъ, ни смѣхъ не блудодѣйствуютъ, ноги не ходятъ безчинно. Невымытую свою одежду и непричесанные волосы цѣни выше жемчужныхъ и шелковыхъ уборовъ. Прекрасный цвѣтъ — румянецъ стыдливости; великое убранство — блѣдность; прекрасная ткань — увѣнчаться всѣми добродѣтелями. Пусть другая обезображиваетъ образъ Божій притираньями, дѣлается одушевленною картиною, безмолвнымъ обвинителемъ внутреннихъ пороковъ; а ты умертви въ себѣ, сколько можно, и то благообразіе, какое имѣешь, сіяй же красотою души, которая находитъ для себя украшенія въ Богѣ. Убѣгай взира мужчинъ, даже, когда только можно, и цѣломудренныхъ, чтобы не уязвить другого, и самой не быть уязвленою отъ насмѣшливаго веліара. Не порабоцай очей

очамъ, не привлекай слова словомъ, и ланиты твои да не подають смѣлости ланитамъ другаго. Не вкушай плодовъ осужденнаго древа, чтобы змій не удалилъ тебя отъ древа жизни. Послушайся меня, дѣва; не живи вмѣстѣ съ своимъ попечителемъ, имѣя женихомъ Христа, Который ревнуетъ о твоей чистотѣ. Для чего тебѣ, бѣжавъ плоти, опять возвращаться къ плоти? Не всякому мужчйнѣ вмѣстительна твоя простота. Какъ роза окружена шипами, такъ ты окружаешь себя многочисленностью, и ходишь поверхъ лужавыхъ сѣтей.

Кто снаряжаетъ брачное ложе, а кто предаеть погребенію жениха; одинъ сталъ отцемъ, а другой внезапно обезчадѣлъ. Какъ тяжелы муки рожденія, иногда неразрѣшимы! Какъ мучительна ревность супруга, который боится, чтобы не похитилъ кто-нибудь любовь супруги! Легко ли воспитывать, учить дѣтей, потомъ видѣть къ себѣ неуваженіе, получить за труды горькое возмездіе! Но у тебя одна забота—взирать непрестанно къ Богу. Тебѣ нужны небольшой кусокъ хлѣба и тѣсная кровъ. А искушитель и чрезъ это вводилъ въ искушеніе Христа, когда Христосъ взалкалъ, а онъ просилъ обратить камни въ хлѣбы. Не подвергнись же ради сего чему нибудь постыдному. Не будь хуже птицъ, которыя вездѣ находятъ себѣ готовую пищу. По вѣрѣ твоей не оскудѣетъ у тебя елей въ чванцѣ, и воронъ препитаеть тебя, какъ Илію въ пустынѣ. Смотри, какъ Оекла спаслась отъ огня и звѣрей, какъ великіи Павелъ охотно терпѣлъ голодъ и стужу, чтобы ты, дѣва, научилась взирать къ единому Богу. Богъ умѣлъ и тысячи людей пропитать въ пустынѣ. Красота увядаетъ, слава скоротечна, богатство—невѣрный потокъ, владычествовать дается немногимъ. А ты избѣжала утѣхъ обманчиваго міра, съ радостію вступила во Святаго-Святыхъ, и вѣчно будешь ликовать съ Ангелами, занявъ лучшее мѣсто между сынами и дщерями.

Но бодрственно ожидайте, дѣвы, Христа, съ непомеркающими свѣтильниками срѣтите Жениха, чтобы, взойдя съ Нимъ въ чертогъ, узрѣть Женихову красоту и пріобщиться горнихъ таинствъ.

Къ монахамъ ¹⁾).

1.

Если мужи или жены стануть хвалить совокупную для многихъ жизнь, чтобы подъ узами единомыслія заботиться о ликосто-

¹⁾ Въ сихъ стихотвореніяхъ св. Григорій возстаеть противъ обычая, по которому посвятившіе себя созерцательной жизни, мужчина или женщина,

яніи окрестъ милосердаго Царя, и по обѣту подь однимъ кровомъ стремиться къ одной цѣли и одной стезею; то сіе весьма хорошо. Ибо ничто прекрасное не любитъ показываться одинокимъ; и то еще не совершенно, что не преуспѣваетъ даже и предъ хорошимъ. И дружба, назначающая себѣ тѣсныя предѣлы, мало доставляетъ пріятности, равно какъ неразборчивая бываетъ грязна. Но совѣтую и здѣсь утвердить великую пропасть, чтобы мужи или жены, посвятившіе себя благочестію, жили раздѣльно и имѣли одну только общую славу. Зависть преслѣдуетъ не однихъ живущихъ въ совокупности; имъ большая предстоитъ брань. А если хочешь жить одинъ въ общеніи съ единымъ Христомъ, и это любезно. Впрочемъ, всёмъ тотъ же страхъ, какъ и мнѣ, а именно: борьбы съ непріязненнымъ и гибельнаго паденія.

2.

У меня уже сѣдины; изнуряю свою плоть, смиряю око; дневными и всеночными трудами истомилъ я злосчастную душу, только бы избавиться мнѣ отъ огня; но при всемъ этомъ не безъ труда удерживаю въ повиновеніи тѣло. Какъ же ты, хотя еще молодъ, и плоть у тебя шире, чѣмъ у слона, при всемъ этомъ покоишь себя, какъ человѣкъ, достигшій чистоты и духовно возлюбившій свою возлюбленную? Нѣтъ! Бѣгать должно любви, которая не радитъ о Христѣ.

Попечителемъ у тебя, дѣва, присноживущій Христосъ, твой возлюбленный Женихъ, ревнующій о твоёмъ небесномъ образѣ. Поэтому въ попечители своей бѣдной плоти не принимай опять плоть, но бѣгай пересуда злыхъ людей. Несквернаго Христова хитона не покрывай позоромъ, навлекши укоризну на всѣхъ дѣвъ.

4.

Не безопасенъ огонь подлѣ соломы. Не безопасно и тебѣ, монахъ, подь однимъ съ собою кровомъ держать жену дѣвственницу. Положимъ, что надежда лучшихъ благъ разлучила между собою мужчину и женщину; но природа внутри себя скрываетъ еще тайный недугъ. Пока ты держишь себя вдали, въ тебѣ одна искра. Но

избирали для помеченія о дѣлахъ домашнихъ особу другого пола, подь именемъ синизакта и синизакты, или также агапита (возлюбленнаго) и агапиты (возлюбленной).

какъ скоро сходишься вмѣстѣ, при дуновеніи малаго вѣтра воспламенишь пожаръ.

5.

Изъ смѣси бѣлаго и чернаго образуется сѣроватый цвѣтъ. Жизнь и смерть не имѣютъ между собою ничего средняго. А этихъ, какъ ихъ называютъ, синизактовъ, не знаю, куда причислить? Признать ли, что они сопряжены бракомъ, или назвать безбрачными, или оставить для нихъ какую-то средину? Но я (пусть говорятъ обо мнѣ худо) не похваляю сего. На свѣтѣ больше невоздержныхъ, и всякій, по собственной немощи, скорѣ въ подозрѣніи другихъ. Ты носишь на себѣ плоть, и живешь вмѣстѣ съ своей возлюбленною, которая также имѣетъ плоть. Что же, думаешь, заключать о тебѣ живущіе нечисто? Пусть ничего не скажутъ цѣломудренные; но кто равнодушно будетъ слушать насмѣшки, разглашаемыя чернью? Бракъ—дѣло законное и честное. Но еще лучше плоти (и не мало лучше) свобода отъ плоти. А если, возлюбленные, есть кромѣ этого безбрачный бракъ; то вы будете жить въ сомнительномъ супружествѣ.

6.

Старайтесь, во-первыхъ, дѣйствительно быть цѣломудренными, а во-вторыхъ, не подавать даже и подозрѣнія о чемъ либо гнусномъ. Ты чистъ; ты чище золота; однако же мнѣ больно видѣть, что тѣломъ и очами преданъ ты своей возлюбленной. Ты называешь ее возлюбленною; это—еще честное имя. Но увы, увы! чтобъ не было тутъ и нечистой любви! Ты говоришь: „ничего нѣтъ нечистаго“. Такъ; вѣрю тебѣ. Но другимъ укажетъ это дорогу жить не свято съ женщинами. Когда и цѣломудренный мужчина живетъ съ цѣломудренною женщиною, онъ для нея тинная яма; говорю это мужчинамъ и женщинамъ, живущимъ вмѣстѣ безъ брака. Хотя и совѣсть чиста, однако же должно избѣгать злорѣчія. А языкъ всего готовѣе злорѣчить. Кто приставитъ пламенѣющій мечъ къ моему раю? Кто дастъ стража великому дѣвству? Кто воспрепятствуетъ, чтобъ въ мой рай не взошелъ какой возлюбленный, чтобъ не прокрался туда языкъ завистливыхъ? Насмѣшка не падитъ и святыхъ.

7.

Небесная, великосердая, свѣтозарная, высокошественная дѣва! ты, которая сопрестольна съ незнающими супружескихъ узъ и ведущими одинокую жизнь Ангелами, памятуй о Богѣ, избѣгай же стрѣль персти, и не посрамляй своей жизни, введя къ себѣ попечителя мужчину!

8.

Какъ трудно при плотскомъ сближеніи избѣжать плотскихъ возстаній! Поэтому, монахи, держите себя дальше отъ женщинъ; потому что и много такихъ тайнъ брака, которыми привлекаемый взоръ оскверняетъ душу.

9.

Дѣва, будь дѣвою и для постороннихъ взоровъ, и въ тайнѣ, и не вводи къ себѣ попечителя — мужчину. Твой возлюбленный — Христосъ. Съ презрѣніемъ смотри на всякаго мужа. На что тебѣ нужно внутри своего жилища имѣть смертоносный ядъ? Слеи очи съ очами; слово съ словомъ, но чистая съ чистымъ; послѣ этого украсимъ тебя вѣнцами цѣломудрія. Чистому свойственно не терпѣть при себѣ кумира неразумной персти; а при общежитіи мужчинъ и женщинъ болѣзнь недалеко

10.

И мужамъ и женамъ, которые сближаются подъ именемъ возлюбленныхъ, скажу вотъ что: исчезните вы—язва для христіанъ, исчезните вы, старающіеся прикрыть неистовое влеченіе естества! и въ глазахъ есть нѣчто любодѣйное.

11.

Дѣва, все блюди въ чистотѣ, а всего наиболѣе очи! Не дозволяй жить съ тобою въ домѣ помощнику мужчинѣ, даже и самому мудрому. Ты непорочна, но я очень боюсь зависти, боюсь, чтобъ она, уязвивъ тебя злорѣчіемъ, не истребила въ тебѣ чистой ревности къ той жизни, какую ты возлюбила. Прочь отъ меня тотъ, кто, хотя чтить непорочность, однако же беретъ къ себѣ въ домъ для жительства дѣву,—собесѣдницу безплотныхъ Ангеловъ! На что тебѣ нуженъ огонь? Ужели ты крѣпче огня? Какъ избѣжишь дыма, очерняя себя недугомъ суетной говорливости? Дѣва, ты восхищена отселѣ, и живешь въ горнемъ. Забота о скудномъ пропитаніи и объ одеждѣ для тебя—бремя. Но ради ихъ не подвергай себя позору; и вмѣсто попечителя не принимай къ себѣ сообщника въ срамъ и въ жизни, хотя ты и непорочна, чтобъ Христосъ не изгналъ тебя вонъ, какъ двоедушную.

12.

Бѣгай всякаго мужчины, особливо же синизакта: это горькая вода Мерры,—повѣрь мнѣ въ этомъ, дѣва. Хвалю цѣломудріе и цѣломудренныхъ. А эти возлюбленные и къ меду примѣшиваютъ

(о зависть!) какую-то желчь. Больше хвалю двоеженца, нежели возлюбленнаго; потому что бракъ не позоръ; а синизактовъ не щадить отъ укоризны и камень.

13.

Монахи! ведите монашескую жизнь. Если же живете съ возлюбленными, вы не монахи. Вамъ не свойственно жить четою. Образъ ангельской славы—одинокость. А если утѣшаетесь возлюбленными, то вы—любители смертной четы. Вѣрю, что ты чистый живешь съ чистою. Но если нынѣ и цѣломудренъ ты съ женщиною; то страшно объ утреннемъ днѣ, чтобъ живущимъ для Христа и утѣшającymся возлюбленными не нанесъ какой вѣтеръ великихъ безпокойствъ. Въ возлюбленныхъ есть или огонь, или признаки огня. Бѣгайте наружнаго только цѣломудрія.

На цѣломудріе.

1.

Хорошо обязатья супружествомъ, только цѣломудренно, удѣлая большую часть Богу, а не плотскому союзу. Лучше остаться свободнымъ отъ узъ, все отдать Богу и горнимъ. Богъ не сопряжень, Ангелы безплотны; а вещество сопряжено и исполнено тлѣнія. Вступившій въ супружество печется о супругъ и о милыхъ дѣтяхъ; а у дѣвственниковъ все попеченіе о Христѣ. Если жена можетъ тебѣ дать то же, что и Богъ; то супружеская жизнь равна безбрачной. А если не можетъ; то и между сими родами жизни нѣтъ равенства. Поэтому не укоряйте меня, родители, предпочитающіе супружество, а не чистоту; не унижаю супружества, но для себя избираю чистоту.

Но иные пали... Прочь отъ меня ты, который берешь въ примѣръ немощныхъ, а не совершенныхъ! Немощные дѣлаютъ стыдъ сами себѣ, а совершенные—наша слава. Неужели, боясь града, не воздѣлывать земли, не насаждать виноградной лозы? Море вводитъ ли въ пристань всякаго, кто отдается ему? Для чего мнѣ брать примѣры издалека? Сонмы Ангеловъ не увлеклись за падшимъ Денницей. Иуда сталъ убійцею Владыки, а прочіе Апостолы—Его слава. Ты не смотришь же на несчастья своего супружества, на обольщенія любодѣевъ, которые и предметъ твоей любви и родъ твой дѣлаютъ для тебя чуждыми.

Иди вверхъ; а зависть пусть остается внизу. Соблюдай во всемъ чистоту, дѣва, уневѣщенная единому Христу, храни кра-

соту запечатлѣнною. Христосъ милостивъ, но и ревнивъ, нетерпѣть ничего безобразнаго, ничего неблагоприличнаго. Въ одеждѣ лучшее убранство — неукрашенность. Избѣгай изнѣженности, будь скромна въ своихъ движеніяхъ, не привлекай на себя своими взорами моихъ взоровъ; соблюдай цѣломудріе въ поступи; проводи время въ уединеніи; замкни слухъ свой ключемъ; не позволяй любодѣйствовать смѣху; весьма много, если дозволишь себѣ и признакъ смѣха. Гнѣвъ, пьянство и бѣсъ—равно опасны дѣвамъ; а всего хуже пресыщеніе чрева. Красота пусть уступитъ молитвамъ и бдѣніямъ.

И брату не позволяй, безъ крайней нужды, жить вмѣстѣ съ тобою. Для чего имѣть предъ глазами, что воспламеняетъ болѣзнь? Ничто такъ негнусно, какъ памятованіе только о перстномъ. Надежны для тебя, юная, только отецъ и Богъ; а прочіе да бѣгутъ отъ тебя, какъ нѣкогда звѣри отъ Синая, когда на скрижаляхъ начертываемъ былъ Законъ. Принесенное въ даръ Богу и дѣва должны быть неприкосновенны не для однихъ оскверненныхъ, но и для взора всѣхъ.

И тѣлесныя нужды да не порабощаютъ тебя совершенно. Если потребуется для тебя что-нибудь, Богъ источитъ изъ *чванца*, и *водоносъ* замѣнитъ тебѣ воздѣланную ниву (3 Цар. 17, 12). Многочисленный народъ насыщается пятью хлѣбами: тѣмъ паче насытись ты, предстоящая Богу.

Посему, имѣя пречистаго Жениха, Котораго красота безплотна, не сопрягайся съ другимъ. Онъ будетъ тебѣ не мужъ, а прелюбодѣй, восхищающій любимое у живаго Супруга. Ужели, посвятивъ сосудъ Богу, присвоишь его себѣ? Ужели, избѣгнувъ содомскаго огня, опять въ него возвратишься? Не отвердѣвай въ соленый камень. Ты болѣе, нежели вдова. Но и бракъ вдовицы не безвиненъ, если преступаетъ предѣлы чистоты. Что маловажнѣе золотаго языка и одной дидрахмы? Но они, будучи похищены, погубили воинство (Ис. Нав. 7, 21). Взирай на сіе, дѣва, и повинуйся Богу.

2.

Всякая добродѣтель возводитъ праведника на одну степень выше. Кто не знаетъ брачнаго ложа, тотъ равенъ Ангеламъ. Кто подвизается въ воздержаніи, тотъ старается сравниться съ дѣвами. Кто соблюдаетъ супружескую вѣрность, тотъ сдѣлается равенъ воздержному. Только подвизайтесь въ цѣломудріи, чтобы достигнуть высшихъ степеней.

На любомудрую нищету.

1.

Ты и въ болѣзни весель, роскошествуешь, если только богатъ; чувствуешь, правда, зло, однако же есть у тебя и врачество отъ болѣзни. А другой бѣдень, но воздержень. И онъ втрое блаженъ, потому что нѣтъ у него ни зла, ни врачевства отъ зла. И я богатаго, но раболѣпствующаго страстямъ, тогда развѣ предпочту нищему и мудрому, когда человѣка крѣпкаго силами, но помѣшаннаго въ умѣ, соглашусь предпочесть здоровому уму, хотя и худо-сильному.

Пусть одинъ, имѣя у себя много врачевства противъ страданій, тяжело боленъ; а другой, не имѣя ни одного врачевства, весьма здоровъ: котораго изъ нихъ станешь ты ублажать? Очевидно, здороваго; а знаю, что то же скажетъ и всякій. Такъ и человѣка, который имѣетъ нужду въ немногѣ, хотя онъ и очень бѣдень, предъ почти богатою и деньгами и страстями.

На терпѣніе.

Поелику ты нападаешь на меня страждущаго болѣзнію; то выслушай нѣсколько словъ, и прійми отъ меня урокъ. Мнѣ лучше изнемогать, нежели тебѣ быть въ силѣ. Я, который поставленъ очищать злонравныхъ, знаю, что болѣзнь для меня очистительный огонь, хотя есть и высшая тайна страданій. Лучше такъ думать, нежели, оставаясь оскверненнымъ, въ суетной надменности сдѣлать себѣ какой-нибудь вредъ. Но ты весьма худъ, и не сознаешь болѣзни. Чтобъ истребилась въ тебѣ эта болѣзнь, пока ты не умерь, она должна извлечь у тебя много слезъ предъ Богомъ. Ибо если свѣтъ таковъ; то какова будетъ тма?

2.

Когда встрѣчаешь человѣка, который худъ и благоденствуетъ; знай, что онъ блюдетъ для конца. А когда видишь добраго въ несчастіи; разумѣй, что скорбь служитъ очищеніемъ. Если и не много привлекъ онъ на себя нечистоты; то потребны труды стереть ее такъ, чтобы не осталось ничего годнаго къ сожженію. Или несчастія бываютъ также, по Божію попущенію, искушеніемъ и бранію отъ непріязненнаго. Въ этомъ да увѣритъ тебя побѣдоносный Іовъ.

3.

Если, будучи несчастнымъ порожденіемъ грѣха, процвѣтаешь; то знай, что блюдешься для конечныхъ мученій. А если, будучи добродѣтельнымъ, получишь въ удѣлъ скорбную жизнь; то знай, что очищаешься, какъ золото въ горнилѣ. Или если, какъ новый Іовъ, изнемогаешь тѣломъ въ борьбѣ съ завистникомъ; то для того, чтобы послѣ подвига получить тебѣ побѣдный вѣнецъ. Посему, и благоденствуя, не услаждай тѣмъ мысли, и въ горестяхъ не упадай духомъ, все принимая съ Христоноснымъ сердцемъ.

Счастіе и благоразуміе.

Одинъ златолюбецъ гдѣ-то сказалъ: „желаю тебѣ лучше каплю счастія, нежели бочку ума“. Но мудрецъ возразилъ ему: для меня лучше капля ума, нежели море счастія.

Пристрастіе.

Всякое пристрастіе опасно. Пристрастіе къ любимому—двойная опасность. Пристрастіе къ молодой дѣвицѣ—тройное жало. Если же она прекрасна; то это—еще большее зло. И если представляется возможность супружества; то самая внутренность сердца стала пищею огня.

Смерть любезныхъ.

Всякій гробъ возбуждаетъ горестъ. Гробъ сына — двойное горе;—сына съ добрыми качествами—такое бѣдствіе, которое палитъ какъ огонь. А если сынъ едва лишь сочетался бракомъ; то сердце родителей рвется на части.

Недобрые друзья.

1.

Тяжело страдать, а еще тяжелѣе страдать отъ друзей. Если же друзья угрызаютъ тайно, то сіе нестерпимо; и если они вѣрующіе,—еще нестерпимѣе; а если Божіи служители, то куда обратиться тогда? какъ избѣжать стремленія золь?

2.

Тяжело сносить огорченіе. А если оскорбляетъ другъ, — это низко. Если онъ угрызаетъ тайно,—это звѣрско. И если это болтливая жена; то живешь въ одномъ домѣ съ бѣсомъ. И если это судія, то нужны громъ и молнія. А ежели священнослужитель; тогда Ты, о Христе, выслушай и *разсуди проу* (Псал. 42, 1).

О смиренномудріи, цѣломудріи и воздержаніи.

Отъ многихъ слышу, и желалъ бы сказать, что слышу не напрасно; но дѣло должно служить оправданіемъ слову,—слышу, что и тѣ, которые тщательно наблюдаютъ каждый шагъ молодыхъ людей, почитаютъ тебя юношею боголюбивымъ, подающимъ добрые признаки благодѣянія; потому что, по пословицѣ, левъ видѣнь и по когтямъ; — слышу, что они отъ удовольствія сообщаютъ это другъ другу за чудо. Хорошо, если Промыслъ, все устрояющій во благое и желающій твоего преуспѣянія, такую молвою пролагаетъ тебѣ путь къ дѣламъ, чтобы, предупрежденный добрымъ о себѣ мнѣніемъ, въ этой славѣ имѣлъ ты для себя какъ бы нѣкоторый залогъ призванія къ благочестію! Но пусть, кто хочетъ, тотъ и дѣлаетъ о семъ догадки; а я, что слышу, съ того и начну рѣчь, именно же, что ты употребляешь стараніе прозрѣть душею въ горнюю высоту, и расторгнувъ мглу, какая покрываетъ нашу здѣшнюю совершенно земную жизнь, устремивъ взоры выше, оставивъ за собою персть, свергнувъ съ себя узы этого сложнаго мучителя, встающаго на образъ Божій, хочешь посвятить себя Богу.

Сіе одно и надобно почитать предметомъ изученія, первымъ и величайшимъ благомъ для людей. Ибо найдешь ли что подобное въ вещахъ влающихъ долу, и въ другихъ игрушкахъ, которыми надмеваются люди, въ этихъ, какъ говорятъ, дарахъ времени и счастія, хотя бы собрались вмѣстѣ все, и всемъ принадлежащія блага, какія дѣйствительно есть, или почитаются благами въ скорбной жизни? найдешь ли столько выгодъ, хотя, повидимому, преступишь предѣлы? Положимъ, что имѣешь ты у себя, чѣмъ обладаешь, осыпанный золотомъ, Гигесъ, и, безмолвно властвуя, однимъ обращеніемъ перстня приводишь все въ движеніе. Положимъ, что рѣкою потечетъ къ тебѣ золото, что загордишься ты, какъ лидійскій царь, и что самъ персидскій Киръ, величайшійся могуществомъ престоловъ, сядетъ ниже тебя. Положимъ, что пресловутыми ополченіями возмешь ты Трою, что народы и города изваяютъ твой ликъ изъ мѣди, что однимъ мановеніемъ будешь приводить въ движеніе народныя собранія, что рѣчи твои удостоятся вѣнцевъ, что покажешь въ судахъ Демосѣеновъ духъ, что Ликургъ и Солонъ уступятъ тебѣ въ законодательствѣ. Пусть въ груди твоей живетъ Омирова Муза; пусть у тебя Платоновъ языкъ, который у людей почитается медоточивымъ, да и дѣйствительно таковъ! Положимъ, что ты опутываешь всехъ сильными возраженіями, какъ

неизбѣжными и хитро закинутыми сѣтями. Положимъ, что ты все поставишь вверхъ дномъ, съ Аристотелемъ или съ какими-нибудь новыми Пирронами, соплетая понятія въ неисходные лабиринты. Положимъ, что тебя, окриленнаго, понесутъ вверхъ эти баснословные (что бы они ни значили) Пегасъ или стрѣла Скиава Авариса. Все это, о чемъ я сказалъ, а также блистательное супружество, сибаритскій столъ, и все прочее, чѣмъ превозносится наша мысль, доставить ли тебѣ столько выгоды, сколько полезно поставить все сіе ниже себя, а имѣть въ виду достоинство души, знать: откуда она произошла, къ кому и куда должна возвратиться, и какое стремленіе сообразно въ ней съ разумомъ?

Поелику, какъ гадаю самъ и какъ слышу отъ мудрыхъ, душа есть Божественная нѣкая струя, и приходитъ къ намъ свыше или вся, или властитель и правитель ея—умъ: то у ней одно дѣло единственное естественное ей—парить горѣ, вступать въ общеніе съ Богомъ, непрестанно устремлять взоръ къ сродному, какъ можно меньше порабощаясь немощамъ тѣла; ибо тѣло и само стремится къ землѣ, и душу влечетъ dolu, вводитъ въ это пріятное скитаніе по предметамъ видимымъ, въ это омраченіе чувствъ, въ которомъ душа, не управляемая разумомъ, постепенно погружаясь, падаетъ ниже и ниже. Но если владѣетъ ею умъ, и часто, какъ уздою, сдерживаетъ словомъ; то, возвышаемая имъ, можетъ быть, вскорѣ достигнетъ она священнаго горяго града, а наконецъ получить и желаемое ею издавна, то есть, пропедши всѣ завѣсы, всѣ нынѣшнія тѣни, всѣ здѣшнія гаданія, всѣ отраженія красоты въ зеркалахъ, непокровеннымъ умомъ узреть непокровенное благо, какво оно само въ себѣ, и прекратить свое скитаніе, насыщенная свѣтомъ, котораго желала сподобиться, и возобладавъ тамъ высочайшею красою. Ибо Сотворившій все премудрымъ Словомъ, чрезъ сраствореніе противоположностей Составившій неизреченную гармонию вселенной, и Приведшій міръ сей изъ неустройства въ устройство, еще большее чудо показалъ въ природѣ живаго существа.

Но я полюбоумдрствую съ тобою, начавъ слово нѣсколько выше.

Богъ есть или умъ, или другая совершеннѣйшая сущность, постигаемая напряженіями единаго ума. Богу извѣстно, совершенно ли постижимъ Онъ для горнихъ умовъ; но не ясно постигается нами, надъ которыми распростерто облако грубой плоти—этотъ непріязненный покровъ. Столько знаемъ мы о Богѣ, но больше узнаемъ въ послѣдствіи.

Поелику же начатки слова воздали мы Богу; то посмотримъ теперь, каково и то, что отъ Бога.

Двѣ здѣсь крайности, и двѣ противоположныя природы. Одна близка къ Богу и досточестна: ее именуютъ словесною и исполненною ума; наименованіе же это производится отъ Слова; и таковыя, сколько извѣстно, чинъ существъ предстоящихъ къ Богу, верховныхъ и второстепенныхъ Ангеловъ, который выше всего чувственнаго и тѣлеснаго, и первый озаряется начальственною Троицею. Другая природа весьма далека отъ Бога и Слова; ее называютъ безсловесною; потому что лишена слова, и скрывающагося въ звукѣ и изрекаемаго. Но Богъ-Слово, какъ совершеннѣйшій Художникъ, разлучивъ сіи природы, и премудро сопрягая тварь, созидаетъ и меня—живое существо, сложенное изъ обѣихъ природъ, сочетавъ во едино и слово и безсловесіе, то есть, невидимую душу, въ которой ношу я образъ всевышняго Бога, и видимое (*τόφρον*) тѣло. Таково смѣшеніе этой досточестной твари, которую можно назвать новымъ міромъ, въ мірѣ маломъ—міромъ великимъ! И какъ Самъ Онъ преисполненъ свѣта и добра, то и мнѣ даровалъ нѣсколько добра; восхотѣлъ же, чтобъ оно было моимъ дѣломъ. А для сего показалъ мнѣ тогда же границы той и другой жизни, и опредѣлилъ ихъ словомъ, придалъ въ помощь твари законъ, поставилъ меня самопроизвольнымъ дѣлателемъ добра, чтобы борьбою и подвигомъ пріобрѣлъ я вѣнецъ; потому что для меня это лучшее, чѣмъ жить свободнымъ отъ ограниченій.

Таковъ законъ въ устройствѣ моего состава. Но онъ непрестанно возмущается многочисленными переворотами здѣшней жизни, порываемый туда и сюда, окруженный предметами, то зловредными, то благотворными, которыми онъ бѣдный разжигается и искушается, какъ золото на очистительныхъ угляхъ. А плоды посѣяннаго нами будутъ собраны въ послѣдствіи, на праведномъ судѣ Божиѣмъ; тамъ готовы точила — принять въ себя плодоношеніе жизни.

И посему-то, кто соблюдаетъ законъ, чтить частицу Божества, какую имѣетъ въ себѣ, во всякомъ дѣлѣ, словѣ и движеніи ума, сколько можно болѣе, чистъ отъ всего попираемаго, и не оскверняется ничѣмъ преходящимъ, а напротивъ того самую персть влечетъ съ собою къ небу; тотъ въ награду за труды (подлинно, самое великое и премудрое таинство!) станетъ богомъ, и хотя богомъ по усыновленію, однако же исполненнымъ высшаго свѣта, начатки котораго пожиналъ онъ въ нѣкоторой мѣрѣ еще здѣсь.

А кто, преклонившись къ худшему въ своемъ союзѣ и соче-

ганіи, оказавшись сообщникомъ дольняго, рабомъ плоти и другомъ скоротечнаго, оскорбляетъ жизнью своею Бжественное благородство; для того, сколько бы ни былъ онъ благоуспѣшенъ въ непостоянномъ, гордясь ничтожными сновидѣніями и тѣнями, обогащаясь, роскошествуя, превозносясь чинами, увы!—для того тяжки тамошніе бичи, гдѣ первое изъ бѣдствій—быть стринутымъ отъ Бога.

И ты, слыша это и увѣрившись въ сказанномъ, шествуй правымъ путемъ, оставь же путь недобрый, если только слушаешься искренняго совѣтника (а я знаю, что лучше тебѣ послушаться), и примешь мое слово. Доброму совѣтнику, какъ говорятъ древніе, должно вооружиться тремя доспѣхами: опытностію, дружбою и смѣлостію; а у меня, какъ найдешь, нѣтъ недостатка ни въ чемъ этомъ. Опытность простеръ я до такой степени, какая прилична человѣку, который долго трудился, не мало времени бесѣдовалъ съ писаніями мудрыхъ и съ письменами богодухновенныхъ ученій—этимъ сладкимъ источникомъ, доступнымъ только для цѣломудренныхъ, въ которомъ иное исчерпалъ я едва не до глубины. А что касается до сказаннаго мною во-вторыхъ, то есть, до благорасположенія; въ этомъ есть самое сильное удостовѣреніе; ибо тебѣ, любезнѣйшій, желаю того же, что прежде присовѣтовалъ себѣ, когда стеклись вмѣстѣ и размышленія и опасности бурнаго моря, соединившаго меня съ Богомъ; такъ какъ страхъ нерѣдко бываетъ началомъ спасенія. Опытовъ же смѣлости лучше не видѣть тебѣ ни отъ меня, ни отъ людей, для тебя стороннихъ. Да ты и не увидишь ихъ, если слушаешься моихъ словъ; потому что будешь достоинъ похвалъ, а неукоризнѣ. А по всему этому предай себя мнѣ, предай, говорю, а я передамъ тебя Богу, предавшійся Которому самъ будетъ въ пріобрѣтеніи; потому что самъ Богъ дѣлается достояніемъ предающагося Ему. Достигнешь же истины, разсуждая такъ.

И у Еллиновъ есть мудрецы, впрочемъ, не мудрые. Ибо можно ли назвать мудрыми тѣхъ, которые не познали высочайшаго естества—Бога, первой вины всѣхъ благъ; тогда какъ разумныхъ приводятъ къ Богу и природа и порядокъ всего видимаго и умосозерцаемаго? Можно ли назвать мудрыми тѣхъ, которые или вовсе изгнали изъ мысли Божество, или отринули Промыслъ, или положили Ему мѣру, чтобы Богъ, спасая, не утрудился? Одни изъ нихъ, взявъ въ наставники зрѣніе, вручили державу звѣздамъ, которыя намъ сослужебны, и такими вождями всего весьма худо были водимы сами. Другіе, ниспавъ еще глубже, стали поклоняться гнуснымъ животнымъ. Иные же въ тѣняхъ демоновъ и въ басняхъ нашли защитниковъ своимъ страстямъ, воздвигли памятники, до-

стойные своего безумія, и капища—произведенія вещества и рукъ человѣческихъ. Кто жъ будетъ столь не мудръ, чтобы признать ихъ мудрыми?

Впрочемъ, если угодно, они были и мудры. Найдешь, что они были несогласны и далеки одинъ отъ другаго въ иныхъ ученіяхъ, а именно: въ понятіяхъ объ умосозерцаемомъ и видимомъ, о Божіемъ промыслѣ, объ идеяхъ, о судьбѣ, о безконечномъ веществѣ, объ устройствѣ тѣлъ, о душѣ, объ умѣ, объ обманчивости чувствъ. Отъ сего произошли Стоики,—эти надутыя лица, Академіи, хитро-сплетенія Пирронистовъ, недоумѣнія и остановки надъ словами пустыми и произвольно составленными. Но не согласные въ этомъ, всѣ они равно и единодушно хвалятъ доброе, и ничего не ставятъ выше добродѣтели; хотя пріобрѣтается она множествомъ усилій, безчисленными трудами и продолжительнымъ временемъ. Упомяну для примѣра о нѣкоторыхъ, чтобы ты и отсюда могъ научиться добродѣтели, и съ терній, какъ говорятъ, собирая розы, и у невѣрныхъ учась совершенству.

Кто не слыхалъ о синопскомъ псѣ¹⁾? Онъ (не говорю о другихъ его дѣлахъ) вель такую дешевую и умѣренную жизнь (и въ этомъ самъ себѣ былъ законодателемъ, а не Божій храниль законъ, и не какими нибудь водился надеждами), что имѣлъ у себя одну собственность—палку, и домомъ служила ему подъ открытымъ небомъ катающаяся среди города бочка, укрывавшая его отъ нападенія вѣтровъ; и ее предпочиталъ онъ златоверхимъ чертогамъ. Пищу же составляло для него то, что безъ труда можно было взять и не готовя. Подобно и Кратесъ, преодолѣвъ въ себѣ привязанность къ деньгамъ, и всѣ свои владѣнія, какъ способствующія пороку и плотоугодію, оставивъ въ запустѣніи, взошелъ на ступени жертвенника, и поелику служеніе любостыжательности признавалъ рабствомъ, какъ бы среди Олимпіи, громогласно произнесъ сіи удивительныя и всѣми повторяемая слова: „Кратесъ даетъ свободу Фивянину Кратесу“. О немъ же (впрочемъ нѣкоторые приписываютъ сіе другому философу²⁾) подобнаго образа мыслей) рассказываютъ, что во время плаванія, когда свирѣпѣла буря, а корабль обремененъ былъ грузомъ, охотно побросалъ онъ въ глубину свое имущество, сказавъ притомъ сіи достопамятныя слова: „Благодарю тебя, случай, наставникъ мой въ совершенствѣ; какъ удобно сокращаюсь я до плаща!“ Одинъ уступилъ имѣніе свое

¹⁾ Діогенъ

²⁾ Антисоену или Зенону.

роднымъ; а другой, превзойдя и это, какъ нѣчто человѣческое, и въ одинъ кусокъ золота обративъ все, что у него было, пускается въ море, и тамъ отдаетъ глубинѣ это обольщеніе тщеславія, разсуждая, что другихъ не должно сужать тѣмъ, что не хорошо для себя. Я хвалю и за сіе. Одинъ изъ старинныхъ псовъ¹⁾, пришедши къ царю, просилъ у него пищи, или дѣйствительно имѣя въ ней нужду, или желая испытать царя; и когда царь, или въ знакъ чести, или тоже для испытанія, охотно велѣлъ дать ему талантъ золота, онъ не отрекся взять, но получивъ, тутъ же въ глазахъ давшего, на весь талантъ купилъ одинъ хлѣбъ, и сказалъ: „вотъ въ чемъ имѣлъ я нужду, а не въ гордости, которой не укусишь!“ Это почти сходно и съ моими законами, которые окрыляютъ меня подражать жизни и природѣ птицъ, довольствуясь однодневною и несѣянною пищею, и вмѣстѣ съ лиліями, пышно облеченными красотою, общають мнѣ покровъ изъ безыскусственныхъ тканей, если буду устремлять взоръ къ единому великому Богу.

Но если мнѣ должно точнѣе испытать дѣла сихъ мудрецовъ, чтобы рассказы мои не оказались напрасными; то скажу, что сіи чтители нестяжательности и жизни свободной, отрѣшенной отъ всѣхъ узъ, во-первыхъ, невѣрными путями стремились къ совершенству. Въ нихъ больше было хвастовства, нежели любви къ добру; а иначе для чего были бы нужны алтари и провозглашенія? Во-вторыхъ, они отказывались отъ чревоугодія, потому что избѣгали не пресыщенія богатствомъ, а заботъ и трудовъ пріобрѣтать его; между тѣмъ иногда и скудость обращали въ поводъ къ сластолюбію. Это доказываютъ ячменные хлѣбы, брошенные ради пирога съ кунжутами, и стихи изъ трагедіи, особливо одинъ сказанный при семъ весьма кстати: „чужестранецъ, уступи мѣсто господамъ“²⁾. То же доказываетъ и цикорій—пища бѣдныхъ, обильный даръ земли, скрывающійся изъ среды сладостей. Но у насъ сдѣланное на показъ—даже и не въ числѣ добродѣтелей; у насъ первое правило, чтобы лѣвая рука не знала ясно движеній правой.

Если воздержаніе свидѣтельствуетъ о божественной жизни; прекрасенъ Клеанеовъ колодезь, прекрасна Сократова скудная жизнь. Но какъ и гнусно многое! Напримѣръ эти Хармиды и покровъ изъ плащей, подъ которымъ сей доблестный мужъ (подлинно это божественно!) бесѣдовалъ съ юношами; потому что одни кра-

¹⁾ Циниковъ.

²⁾ Стихъ изъ Еврипида, примѣненный Діогеномъ къ ячменнымъ хлѣбамъ и пирогамъ съ кунжутами.

сивые даровиты! Никто не уловляй добродѣтели чрезъ плотскую любовь—да погибнуть такія разсужденія! Не сходятся предѣлы Мидянь и Лидянь. Похвалить ли кто поступокъ Алкмеона? Одинъ изъ первыхъ между знаменитыми Аѳинянами, отличный и родомъ и могуществомъ, столько предался онъ жадности къ деньгамъ, сколько надлежало бы ему быть выше этой страсти. Крезъ много разъ принималъ его у себя радушно; и однажды показывая ему всѣ свои золотыя сокровища, и какъ владѣтель ихъ, гордясь своимъ счастиемъ, велѣлъ взять себѣ золотой пыли, сколько можетъ захватить. Тогда Алкмеонъ (подивись его неумѣренности!) наполнилъ золотомъ и пазуху и ротъ, даже волосы покрывъ золотою пылью, выпелъ къ Лидянамъ достойнымъ смѣха богачемъ. А что такое Платонъ, этотъ мудрѣйшій изъ людей! Что такое Аристиппъ, разумью этого пресладкаго Аристиппа. Что этотъ, какъ думаю, обворожительный Спевзиппъ? Одинъ велъ жизнь неудачнаго торгаша, и для прибыли переносилъ морскіе труды, возя масло. Можетъ быть, за это не назовешь еще его ненасытнымъ, но припишешь иное и бѣдности. Но Платону пресмыкаться у царскихъ столовъ—гдѣ тутъ ученость и честные труды? Не стану говорить о томъ, какъ продавали его съ торга, и не сбыли бы съ рукъ, если бы не нашелся одинъ Ливіанинъ, который оказался лучше Платоновой Еллады, и за малую цѣну купилъ себѣ славу и ученость Платонову. А у этого Киринейца много было открытости; однако же къ свободѣ примѣшивалъ онъ сластолюбіе и вредилъ добродѣтели горькимъ своимъ ученіемъ. Умашенный благовоніями, задушалъ ими своихъ сопришественниковъ; а любезностію нрава и говорливостію пользовался онъ какъ средствомъ къ полученію подарковъ. Такъ мудрый Архелай, не знаю для чего и за что подарилъ ему однажды женскую одежду. Платонъ не принялъ такого подарка, сказавъ на этотъ случай стихъ изъ Еврипида: „мнѣ не надѣтъ на себя женской одежды“. Но Аристиппъ, какъ скоро подарокъ принесенъ былъ къ нему и достался въ его руки, съ охотой беретъ его и сказанный Платономъ стихъ остроумно отражаетъ другимъ стихомъ, произнеся: „цѣломудренная и на бакханаліяхъ не утратитъ своего цѣломудрія“. Этотъ же самый Архелай, какъ рассказываютъ, когда Софоклу хотѣлось получить отъ него какую-то вещь, отдалъ ее мудрѣйшему Еврипиду, и при этомъ сказалъ: „ты мнѣ кажешься достойнымъ того, чтобъ у меня просить; а Еврипидъ достоинъ получить“,—чѣмъ и далъ разумѣть, сколько превосходятъ нравъ благородный.

Но Лизимаховъ сынъ, который далъ Еллинамъ законы о податяхъ, и притомъ былъ изъ первыхъ, какъ въ народныхъ собраніяхъ,

такъ и въ военныхъ дѣлахъ, до того оказался нестяжательнымъ, что городъ, на свои деньги выдавъ за-мужъ его дочерей, почтилъ тѣмъ прекрасную нищету, и самого похоронилъ также на общественныя деньги; потому что у него не нашлось, чѣмъ похорониться; не говорю уже о томъ, что по дѣламъ своимъ имѣлъ онъ и имя, одинъ изъ всѣхъ и былъ, и наименованъ правдивымъ. А чтобъ утвердаться не на древнихъ только примѣрахъ, не умолчу и о добродѣтеляхъ Римлянъ. Фабрицій, одержавъ надъ Пирромъ побѣду въ битвѣ (а это былъ одинъ изъ вождей весьма знаменитыхъ), еще болѣе восторжествовалъ надъ нимъ въ слѣдующемъ. Поелику надежда Пирра рушилась; то онъ пытался подкупить римскаго военачальника нѣсколькими талантами золота. Фабрицій не принялъ золота; однако же заключилъ перемиріе. Когда же Пирръ, какъ сказываютъ, во время дружескаго съ нимъ разговора, показалъ ему во всемъ вооруженіи одного самаго огромнаго и великорослаго слона; Фабрицій, который дотолѣ не зналъ даже слоновъ и по виду, не испугался явившагося нечаянно слоновьяго хобота, но спокойно сказалъ: „меня не плѣнило золото, не возьметъ и звѣрь“. Сего довольно; и то превзошло бы мѣру, что могъ бы еще сказать иный презритель любостыжанія.

Поэтому не одобряй недобрыхъ правилъ въ старыхъ книгахъ, которыми ты, добрый мой, вскармленъ. Напримѣръ: „Пусть называютъ меня худымъ за то, что получаю прибыль; это лучше, нежели, чтя законы боговъ, жить нищимъ, домогаясь тѣмъ славы“. „Не трудись отыскивать родъ: мое благородство—кусочек“. „Деньги у людей всего почтеннѣе. Никто такъ не жалокъ, какъ нищій“. „Безъ мѣди и Фебъ не прорицаетъ“. „Ни одинъ человѣкъ не бываетъ во всѣхъ отношеніяхъ счастливъ; но или хорошаго рода, да ѣсть ему нечего; или и низкаго рода, да воздѣлываетъ богатое поле“. Но ты назовешь ли несчастнымъ того, кто, хотя и бѣденъ, однако же добрыми нравами богатѣе многихъ? Подлинно несчастенъ человѣкъ, который разсуждаетъ такъ худо. Поэтому бѣгай этихъ правилъ и тѣхъ, которые изрекли ихъ; а равно бѣгай и всего, что найдешь подобнаго въ книгахъ.

Но одобряй слѣдующія мудрыя изрѣченія: „Если отъ худаго дѣла получаешь прибыль, считай это залогомъ несчастія“. „Не во всемъ ищи выгоды“. „Не стыди самъ себя“. „Неправедными мѣрами добиваться успѣха—дѣло не безъ страха“. „Не говори мнѣ о Плутусѣ; не уважаю такого бога, котораго и самый порочный легко привлекалъ на свою сторону“. „Этотъ человѣкъ бѣденъ; но богатъ добрыми нравами“. „Для меня лучше мудрецъ—нищій, не-

жели Мидасъ—порочный“. По моему мнѣнію, Теогидъ говоритъ совершенный вздоръ, когда стремнины и пропасти предпочитаетъ скудной жизни, и предписываетъ Кирну худыя правила о приобрѣтеніи имущества. Какъ и ты, Омиръ, столько приписываешь непостоянной вещи, что въ одномъ мѣстѣ своихъ стихотвореній говоришь: „добродѣтель идетъ слѣдомъ за богатствомъ?“ Развѣ слажешь: я не то выразилъ, что думаю самъ, но сказалъ сіе въ насмѣшку имѣющимъ такую жалкую мысль. Ибо въ этомъ Одиссеѣ, который, претерпѣвъ многочисленныя бѣдствія, спасся изъ моря, нагимъ скитальцемъ предсталъ царицѣ, и словомъ своимъ внушилъ къ себѣ уваженіе дѣвѣ, самымъ Феакіянамъ показался достойнымъ вниманія, въ этомъ, говорю, Одиссеѣ не видимъ ли явной похвалы добродѣтели? Хвалю и фригійскую баснь; какъ она прекрасна! Мидасу, который просилъ, чтобы все у него было полно золотомъ, Богъ въ наказаніе за неумѣренность, даетъ исполненіе желаемаго. Но золота ѣсть нельзя; и для кого стало все золотомъ, тотъ умеръ съ голода.

Но что мнѣ до чужихъ басней и нравоученій? Посмотри теперь и на мои законы. Отъ перваго блага веду я свой родъ. Отъ него произошелъ, и къ нему окрыляю жизнь, стараясь разрѣшиться отъ узъ. А такъ называемое у дольныхъ людей благородство, которое ведетъ начало отъ тѣла и тлѣнія, отъ блистательныхъ и давно стгнившихъ мертвецовъ, ничѣмъ не благороднѣе текучей грязи. И отечество тѣлесное не свободно; оно обременено податями, безпорядочно пересѣчено морскими заливами, окружено лѣсами, непрестанно мѣняетъ жалкихъ своихъ обитателей, попеременно бываетъ и матерью и гробомъ своихъ порожденій; сокрушаетъ тѣхъ, которые раздирали его нѣдра,—какое наказаніе, подлинно наказаніе за вкушеніе и обольщеніе прародителя! Но въ томъ отечествѣ, котораго, вмѣсто земного, ищутъ себѣ мудрые, на которое взирая, и здѣсь уже не влаемъ, подобно былинкѣ, носимой по водамъ,—въ этомъ отечествѣ обширны предѣлы, величественны обитатели; оно составляетъ вѣчное достояніе своихъ обитателей, оно мать живыхъ, оно свободно отъ трудовъ,—это ликъ немолчно пѣснославящихъ великаго Христа, торжество первородныхъ написанныхъ на небесахъ и въ вѣчныхъ книгахъ. Превозношу также и славу, отложенную мнѣ въ горнихъ, сіи праведныя вѣсы, это неживѣйшее благо! А здѣшняя слава—вѣтеръ, ничтожная милость ничтожныхъ. Если она и справедлива, то ничего не прибавляетъ. А если не истинна, обращается даже во вредъ; ибо то самое, что сталъ я видимымъ, многое отняло у того, чѣмъ я самъ въ себѣ. А богатство здѣшнее

скоротечно и упоительно; оно слѣпо, переходитъ отъ одного къ другому, многихъ надмеваеъ, и напрасно старается черпать счастье,— это то же, что—надменіе чрева въ водяной болѣзни; оно другимъ сообщаетъ болѣзнетворный ядъ. Но у меня есть богатство, которое неистоичимо и постоянно, твердо и неколебимо, выше всѣхъ утратъ; и это богатство—ничѣмъ не обладать кромѣ Бога и горняго. Никто не приобрѣтетъ и не приобрѣталь еще доселѣ всего, хотя бы и желалъ; но можно все вдругъ презрѣть и такимъ образомъ стать выше всего. Пусть иные строятъ полки вооруженныхъ, и больше терпятъ, нежели причиняютъ, золь, то низлагая другихъ, то оплакивая неизвѣстность рѣшительныхъ минутъ, то сражаясь безъ потерь и успѣха, то кровію покупая какое нибудь бремя богатства или могущество самовластія; пусть иные несчастные искатели прибытка измѣряютъ нѣдра земли и неукротимаго моря, пусть иные за малые дары намѣренно извращаютъ судъ и даютъ обоюдные законы! А я обмѣнилъ все на единого Христа, и бѣдный крестъ несу богато, отринувъ, что служить добычею моли и зависеть отъ игры счастья.

Хотя первымъ закономъ Христовымъ для человѣка было первоначальное наслажденіе; однако же Эдемъ, и рай, цвѣтущій древами, и источникъ раздѣленный на четыре начала—не золото, не илектръ, не серебро, не пріятность доброцвѣтныхъ и прозрачныхъ камней, какіе даетъ земля преклонившимся долу; напротивъ того Эдемъ одними плюдами питалъ обильно того, кто былъ дѣлательемъ Бога и божественнаго наслажденія. И здѣсь положенъ былъ предѣлъ удовольствію, приведенному въ мѣру. Законъ удалялъ отъ древа познанія противоположностей, и не соблюденный лишилъ меня всего, предалъ бѣдствіямъ матери моей земли. Одно же изъ сихъ бѣдствій—имѣть у себя болѣе необходимаго, не знать никакой мѣры въ приобретеніи, врачевствомъ отъ худаго избирая худшее, и разгорячая себя питьемъ, тѣмъ больше чувствовать жажды. А отъ сего, смотри, какая бываетъ несообразность! Всегда считаемъ себя бѣдными, стараясь приобрести, чего еще не достаетъ у насъ; а въ приобретенномъ не можемъ найдти для себя утѣшенія, потому что сердце мучится о томъ, чего нѣтъ.

Посему первый законъ—жить умѣренно; но есть и второй. Авраама патріарха, боговидца, великаго мужа, домостроитель высочайшихъ таинствъ, отвлекши отъ дома, отъ рода, отъ отечества, легко перевелъ въ землю чуждую странникомъ, пресельникомъ, бездомнымъ, скитающимъ;—его влекла вѣра въ исполненіе большихъ надеждъ. А Іаковъ, когда идетъ въ Месопотамію, просить себѣ, какъ говоритъ Писаніе, только хлѣба и покрова (Быт. 28, 20); хотя сихъ надеждъ. А Іаковъ, когда идетъ въ Месопотамію, просить себѣ,

въ послѣдствіи возвращается съ многочисленными стадами, приобрѣтя ихъ въ справедливую награду за труды. Къ сказанному мною хорошо будетъ присовокупить и сіе. Моисей, который наединѣ бесѣдовалъ съ Богомъ внутри облака, пріялъ на скрижаляхъ двоякій законъ, и по оному правилъ великимъ народомъ, при раздѣлѣ данной уже Богомъ земли, инымъ колѣнамъ отмѣрилъ тотъ или другой участокъ въ землѣ еще чуждой, однимъ только сынамъ Левіи не удѣлилъ жребія; потому что ихъ наслѣдіемъ былъ самъ державный Богъ (Числ. 18, 20). А Ионадавъ, который умѣлъ, точно умѣлъ любомудрствовать, хотя нищета и не считалась еще тогда въ числѣ чудесъ, преподавая однажды дѣтямъ урокъ нестяжательности и высокой жизни, произнесъ слѣдующее слово, приличное самому доброму отцу: „Оставляю вамъ, дѣти, самое великое наслѣдіе, какого не давалъ еще дѣтямъ ни одинъ отецъ, даже и самый богатый. Убѣгайте всякаго наслѣдія, ведите свободную жизнь, не связывая себя никакими узами, живите въ кущахъ, то-есть въ подвижныхъ домахъ. Пусть иный разсѣкаетъ нѣдра земли, а иный, кого веселитъ вино, насаждаетъ виноградъ; но вы не пейте вина, храните воздержную жизнь. Такую ведя жизнь, будете жить безопасно“ (Іер. 35, 6. 7). Таковъ былъ Ионадавъ! Гдѣ же дадимъ мѣсто Іліи, котораго великій Кармилъ питалъ чрезъ врановъ и изъ потока въ землѣ жаждущей? Онъ былъ нищъ и послѣдній изъ нищихъ, но предъ царями останавливаетъ дожди и глубины потоковъ, низводитъ съ неба огонь на враговъ и на жертвы, капли скудной пищи обращаетъ для вдовицъ въ неизсякаемый потокъ, будучи скуденъ, богато питаетъ питающихъ, воскрешаетъ мертвецовъ въ награду за гостепріимный кровъ, и вземлется на небо на огненной колесницѣ. А Елисеevo наслѣдіе—Іліина благодать и съ высоты ниспадная милоть! И священный до чревоношенія—какое чудо! Безъ сомнѣнія, знаешь великаго Самуила. Его матерняя молитва привела къ Богу, и (если не слишкомъ смѣло будетъ сказать о немъ такъ) онъ обладалъ уже Богомъ, будучи посвященъ Ему съ младенчества. Кто между ветхимъ и новымъ Божіимъ завѣтомъ, какъ между тѣнью и дѣйствительнымъ тѣломъ, составлялъ среду, замыкая собою одинъ и отверзая входъ другому? Кто сей великій свѣтильникъ, предтепшій горнему Свѣту? Кто первый между рожденными, чему свидѣгель—Богъ? Кто жилъ въ пустынѣ, имѣлъ необычайную пищу, и одежду изъ верблюжьихъ волосовъ подпоясывалъ кожанымъ ремнемъ? Мое слово изобразило Іоанна, который не позволялъ имѣть у себя и двухъ рубицъ. А что сказалъ бы иный о Павлѣ, который ремесломъ своимъ доставилъ себѣ пропитаніе, или о Петрѣ, который

питался одними лупинами? Что сказать о сихъ великихъ Апостолахъ, которые вовлекли весь міръ въ Божіи мрежи, чьи руки изливали бѣднымъ обильное богатство щедрыхъ даровъ? А другіе Апостолы, когда призваны были Богомъ къ лучшей ловитвѣ, оставили роднымъ своимъ рыболовные корабли; потому что привлекло ихъ совершеннѣйшее ученіе Христа, Который есть высочайшій умъ и первое естество ума, но обнищалъ до грубости плоти, и поставляя нищихъ провозвѣстниками слова, единую вѣру далъ въ спутники не имѣющимъ у себя ни одежды, ни мѣди, ни сумы, ни обуви, но во всемъ нуждающимся, повѣряя имъ тайну цѣлой новой вселенной, не дозволилъ имѣть даже жезла въ рукахъ, чтобы вѣра составляла могущество слова. Но выслушай важнѣйшее. Юношѣ, который желалъ знать, какъ можно достигнуть совершенства, Христосъ ставляетъ верхъ совершенства, не въ иномъ чемъ, но въ томъ, чтобы расточить все бѣднымъ, всегда нести на раменахъ великій крестъ, и умерши для дольнаго, за Христомъ слѣдовать тому, кто хочетъ вознестись съ Богомъ. Такъ Своимъ пришествіемъ усовершенствуетъ Христосъ и мытарей, которые охотно приносятъ все въ даръ Богу; въ чемъ да убѣдитъ тебя Закхей, который, худо обогатившись, чрезъ милосердіе къ бѣднымъ и обиженнымъ отъ него обогащается нищетою, и очищается отъ скверны. Довольно сего объ имуществвахъ.

А гримѣровъ воздержанія немного у древнихъ мудрецовъ и еллинскихъ и варварскихъ; ибо и у варваровъ добродѣтель была въ уваженіи. Какіе же примѣры есть у нихъ, и въ какомъ числѣ, нужно ли о семъ писать, когда это всѣмъ открыто и извѣстно? Выслушай слѣдующія мѣста изъ мудрой трагедіи. „Учись держать чрево въ крѣпкой уздѣ; оно одно не воздастъ благодарности за оказанныя ему благодаренія“. „Въ пресыщеніи Киприда; а въ голодныхъ ея нѣтъ“. „Одебелѣвшее чрево не родитъ тонкой мысли“. „Наполни мѣшокъ твой сотами, или ячменной мукой; ничѣмъ не будетъ это разниться во внутренностяхъ чрева“. „Что за пріятность черпать дыравою бочкой“? „Ненасытное чрево открыло пути для кораблей; оно научило людей съ неистовствомъ вооружаться другъ противъ друга“. А о томъ, что всѣ дорогія снѣди у сластолюбцевъ тонуть, какъ въ безднѣ, и дѣлаются уже не снѣдями, но чѣмъ-то приготовленнымъ въ самомъ негодномъ помойномъ сосудѣ, справедливо говоритъ въ одномъ мѣстѣ превосходный Керкидъ, который, самъ питаясь солью, съ презрѣніемъ смотритъ на кончину роскошныхъ и на горечь самой роскоши. Кто же не похвалитъ сказав-

паго сластолюбивому юношѣ: „перестаешь налагать на себя новыя цѣпи, и не раздражай хищнаго звѣря“? Каковъ и этотъ обычай почтенныхъ Стойковъ, какъ бы къ кому-то постороннему, обращаться къ своему тѣлу съ такими рѣчами: „Чѣмъ я тебѣ долженъ, жалкій мѣшокъ? Дать ли тебѣ ѣсть? много съ тебя, если дамъ и хлѣба въ скудость. Дать ли пить?—дадимъ тебѣ воды и уксусу. Но ты не этого у меня просишь, а сладкихъ и сытныхъ снѣдей, дорогихъ напитковъ изъ кристалльныхъ сосудовъ? Со всей охотой дадимъ тебѣ, но только удавку“. И это не лучше ли извѣстной у древнихъ изнѣженности Сарданапала, Нинова сына, который, обилуя богатствомъ и разстроивъ себя сластолюбиемъ, для продолжительности наслажденія желалъ себѣ горла длиннѣе журавлинаго?

О божественный Давидъ! когда тебѣ хотѣлось утолить жажду изъ колодезя въ землѣ иноплеменниковъ, и питіе было добыто; поелику нѣкоторые послужили твоему желанію, пожертвовавъ кровію и чрезъ ратоборство, ты, взявъ воду въ руки, вылилъ ее, и не согласился насытить своего желанія злостраданіями другихъ (2 Цар. 23, 15—17). А если словесная пища есть хлѣбъ ангельскій, потому что не тѣло питаетъ безтѣлесную природу; то сколько у насъ такихъ, которые живутъ ангельскою жизнью, соблюдая въ себѣ (и то не охотно, ради Божія только повелѣнія) едва малыя искры жизни земной? Ибо должно оставаться въ узахъ, пока не разрѣшитъ Богъ. Не стану представлять примѣровъ изъ книгъ и притомъ ветхозавѣтныхъ, какъ иныя, чрезъ тѣлесныя очищенія оживившись, и какъ бы освободившись отъ тѣла, цѣлыя, и даже многіе, дни не вкушали пища, не боялись огненнаго крещенія и львиныхъ челюстей, только бы въ землѣ чуждой не прикасаться къ пищѣ, оскверненной по повелѣнію варваровъ.

Но послѣ того, какъ врагъ, приразившись ко Христу, отступилъ отъ мужественной плоти, побѣжденный сорокодневнымъ невкушеніемъ пища; къ большому посрамленію преткнувшася въ семь опытъ, данъ законъ о воздержанномъ истощеніи въ подвигахъ. Какое мудрое противоборство! Какія безкровныя и божественныя жертвы! Цѣлый міръ священнодѣйствуетъ Владыкѣ; не тельцовъ и овновъ заклуютъ, какъ предписывалось ветхимъ законамъ, не какое либо внѣшнее совершаютъ приношеніе несовершеннаго (потому что все безсловесное недостаточно), но каждый изнуряетъ самъ себя воздержнымъ вкушеніемъ пища, наслаждаясь—подлинно новый способъ наслажденія!—наслаждаясь тѣмъ,

что не знает наслаждений. Всякій старается очистить самого себя въ храмъ Богу всенощными бдѣніями и псалмопѣніями, преселеніями ума къ великому Уму. Въ той только мѣрѣ живутъ въ тѣняхъ и призракахъ, въ какой и въ видимомъ могутъ уловлять сокровенное. Отъ сего одни, наложивъ желѣзныя узы на грубую плоть, смирили ея продерзость; другіе, заключившись во мракъ, въ тѣсныя жилища, или въ разсѣдины дикихъ утесовъ, остановили вредоносность блуждающихъ чувствъ; иные, чтобы избѣжать звѣрскаго грѣха, отдали себя пустынямъ и дебрямъ, жилищамъ звѣрей, отказавшись отъ общенія съ людьми, и зная тотъ одинъ міръ, который у нихъ предъ глазами. А иный привлекаетъ къ себѣ Божіе милосердіе вретischemъ, пепломъ, слезами, возлежаніемъ на голой землѣ, стояніемъ въ продолженіе многихъ дней и ночей, даже цѣлыхъ мѣсяцевъ (а сказалъ бы я), и лѣтъ, но сіе покажется невѣроятнымъ; впрочемъ, весьма вѣроятно это для меня и для тѣхъ, которые бывали самовидцами чуда; ибо вѣра и страхъ Божій, заранѣе восхитивъ умъ изъ тѣла, содѣлывали ихъ неколебимыми столпами. Ты услышишь и о необыкновенной приправѣ пици и питія—о пеплѣ, смѣшанномъ со слезами. А иныхъ ревность привела къ путямъ, никѣмъ еще дотолѣ не проложеннымъ: они живутъ вовсе безъ хлѣба и воды, что, кажется мнѣ, препобѣждаетъ и законы естества.

Каково это? Ужели станешь еще дивиться дѣвамъ, дочерямъ Льва, которыя съ радостію отдали себя на погибель за Аѳины? Или усердному пожертвованію Менекея, умирающаго для спасенія города Фивъ? Или славному скачку съ высоты мудреца Клеомврата для разлученія съ тѣломъ; ибо, убѣдившись ученіемъ Платона о душѣ, воспламенился онъ желаніемъ разрѣшиться отъ тѣла? Или укажешь на Епиктетову голень, которую скорѣе могли у него переломить, нежели исторгнуть насиліемъ рабское слово? Ибо этотъ мужъ имѣлъ, точно имѣлъ, какъ говорятъ, рабское тѣло, но свободный нравъ. Или представишь, какъ у Анаксарха толкли руки въ ступѣ, а онъ, будто не находясь при этомъ, приказывалъ сильнѣе выколачивать его мѣшокъ; потому что самъ онъ, то-есть невидимый Анаксархъ, былъ несокрушимъ? Или упомянешь о Сократовой чашѣ съ цикутой—этомъ необыкновенномъ напиткѣ, выпитомъ съ такою пріятностію? Ты хвалишь все сіе; хвалю также и я. Но въ какой мѣрѣ? Въ неизбѣжныхъ бѣдствіяхъ были они мужественны; ибо не вижу, какимъ бы образомъ спаслись отъ нихъ, хотя бы и захотѣли.

Перейдя же отсюда, къ божественной борьбѣ моихъ подвижниковъ; и ты, услышавъ или припомнивъ о нихъ, прійдешь въ ужасъ. Съ какими безчисленными опасностями возростили досточтимое и новое таинство Христово мы, удостоившіеся именоваться отъ Христова имени! Зависть многократно воспламеняла противъ насъ многихъ враговъ и гонителей слова—этихъ дышащихъ яростію, свирѣпыхъ звѣрей. Но мы никогда не уступали господствующей силѣ времени. Напротивъ того, если и оказывалось сколько нибудь безпечности во время міра, если и оказывался кто худымъ въ чемъ другомъ, то въ этомъ всѣ были укрѣплены Богомъ, горя пламенною ревностію, выдерживали дерзость враговъ, побѣждаемые со славою. Никто не ищетъ спасенія съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ шли мы на сіи прекрасныя опасности. Иной, какъ забаву, встрѣчалъ огонь, мечъ, земныя пропасти, голодъ, удавленіе, кровожадныхъ звѣрей, растягиваніе и вывертываніе составовъ, избиеніе очей, жженіе, расторженіе, терзаніе членовъ, холодъ, погруженіе въ глубину или во мракъ, сверженіе съ высоты, продолжительное зрѣніе разнообразныхъ мученій; а послѣднее (говорю это знающимъ) хуже всѣхъ злостраданій; потому что, когда страданіе доведено до крайней его степени, тогда прекращается уже страхъ; непрестанно же ожидать—значитъ непрестанно страдать и вмѣсто одной смерти умирать многими мучительными смертями. Не стану говорить объ изгнаніяхъ, объ отнятіи имуществъ, о томъ, что надобно терпѣть сіе въ глазахъ мужей, женъ, товарищей, дѣтей, друзей, что самаго мужественнаго дѣлаетъ малодушнымъ. И за что терпѣть? Можетъ быть, за одинъ слогъ. Что говорю: за слогъ? За одно мановеніе, которое, послуживъ знакомъ отреченія, могло бы спасти, хотя ко вреду. Короче сказать: мы стояли за Бога; а предавшій Бога не можетъ уже найти другаго. Но къ чему распространяться? Возведи очи свои окрестъ, обозри цѣлую вселенную, которую объяло теперь спасительное Слово, привязавшее насъ къ Богу, и соединившееся съ нами чрезъ страданія,—соединеніе дивное и превысшее въ Божіихъ законахъ! Сію-то вселенную, всю почти, осіяваютъ, какъ звѣзды, открытыми алтарями, высоковерхими престолами, ученіями, собраніями, стеченіями цѣлыхъ семействъ, пѣснопѣніями достойными подвиговъ, осіяваютъ сіи достославныя побѣдоносцы Закланнаго. И такъ велико благоговѣніе къ истинѣ, что малая часть праха, какой либо остатокъ давнихъ костей, небольшая часть волосъ, отрывки одежды, одинъ признакъ каплей крови иногда достаточны къ чествованію цѣлаго мученика; даже мѣсту мощей дается наименованіе: *святыхъ мощи*, и оно полу-

часть равную силу, какъ бы находился въ немъ цѣлый мученикъ. Чудное дѣло! Думаю, что одно воспоминаніе спасаетъ. Что еще сказать о невѣроятномъ избавленіи отъ болѣзней и отъ демоновъ при гробницахъ, которыя удостоились нѣкогда вмѣщать въ себѣ драгоценныя мощи? И онѣ отражаютъ нападенія духовъ. Таковы чудеса моихъ подвижниковъ!

Хвали же ты мнѣ Писсу и делфійскій прахъ, Немею и истмійскую сосну, у которыхъ несчастные юноши находили свою славу, полагая малыя награды и за подвиги малые, за кулачный бой, за борьбу, за скорость бѣга и скачки, въ чемъ не важно и побѣдить и остаться побѣжденнымъ; потому что наградою не Богъ, и не спасеніе, какъ по моимъ законамъ и за мои борьбы пріобрѣтаются горняя слава и горніе вѣнцы.

Ты видѣлъ примѣры мужества, которымъ всего лучше и съименнѣе подражать въ ежедневной борьбѣ съ гонителемъ, который изъ глубины и тайно низлагаетъ насъ посредствомъ обольщенныхъ чувствъ; теперь посмотри и на примѣры особенно похваляемаго у насъ цѣломудрія.

Есть дѣйствительно и у Еллиновъ любители цѣломудрія; они бывали въ древности, а найдутся и нынѣ; не отказываюсь вѣрить тому, что разглашаютъ о нихъ; у меня нѣтъ зависти, что и чуждые намъ цѣломудренны. О Ксенократѣ сказываютъ, что однажды, искушая его, подсунули ночью къ сонному блудницу; почувствовавъ это, не былъ онъ пораженъ необычайностію оскорбленія, но также не всталъ и не подумалъ бѣжать; то и другое было низко для Ксенократа. Напротивъ того онъ остался недвижимъ и неуязвимъ, такъ что женщина бросившись бѣжать, закричала: „для чего насмѣялись надо мной, положивъ рядомъ съ мертвецомъ?“—Эпикуръ, хотя усиливался доказать, что удовольствіе есть награда за подвиги добродѣтели, и что наслажденіе есть конецъ всѣхъ благъ для человѣка, однако же, чтобы не подать мысли, будто для какого-то удовольствія хвалить удовольствіе, велъ онъ себя благопристойно и цѣломудренно, чтобы подкрѣпить ученіе свое добрыми нравами. Не умолчу и о Полемонѣ; такъ какъ очень много говорятъ объ этомъ чудѣ. Прежде былъ онъ не изъ цѣломудренныхъ, а даже изъ гнусныхъ служителей сластолюбія; но когда объять сталъ любовію къ добродѣтели, нашедъ добраго совѣтника (не знаю, кто это былъ, мудрецъ ли какой, или самъ онъ), вдругъ оказался великимъ побѣдителемъ страстей. И я представляю одно только доказательство чудной его жизни. Одинъ невоздержный юноша приглашалъ къ себѣ свою пріятельницу.

Она, какъ разсказываютъ, подошла уже къ дверямъ; но на дверяхъ изображенъ былъ Полемонъ; и его образъ имѣлъ такой почтенный видъ, что развратница, увидѣвъ его, тотчасъ ушла назадъ, пораженна симъ видѣніемъ, и устыдившись написаннаго, какъ будто живаго. И это происшествіе, сколько знаю, пересказываютъ многіе. У Діона (разумѣю того Діона, который былъ въ большой славѣ) не очень пріятно, говорятъ, пахло изо рта, и одинъ изъ городскихъ жителей посмѣялся этому. Діонъ, какъ скоро свидѣлся съ женой своей, говоритъ ей: „что же не сказала ты мнѣ о болѣзни моей?“ Но жена съ клятвою отвѣчала: „я думала, что это недостатокъ всякаго мужчины, а не твой только“. Такъ далеко держала она себя отъ всѣхъ мужчинъ и пріятельницъ; потому что отвѣтъ сей — ясное доказательство честныхъ нравовъ. Кто не хвалитъ и Александра за то, что, имѣя у себя во власти дочерей побѣжденнаго имъ Дарія и слыша, что онѣ прекрасны¹⁾, не захотѣлъ ихъ видѣть изъ опасенія, потому что стыдно было бы побѣдителю мужей уступить надъ собою побѣду дѣвамъ. Хотя это не близко еще къ моимъ образцамъ; однако же хвалю. А почему? Потому что весьма пріятно видѣть бѣлое лице между Еѳіопами, или сладкую струю среди моря; а равно весьма удивительно при худыхъ и зловредныхъ правилахъ найти нѣчто цѣломудренное.

Гдѣ самыя божества преданы страстямъ, тамъ покорствовать страсти, безъ сомнѣнія, почитается дѣломъ честнымъ. Ибо кто поставляетъ своимъ богомъ страсть, пользуясь худымъ помощникомъ въ худомъ дѣлѣ? У кого, скажи мнѣ, видимъ примѣры неестественной любви? Надобно же было, чтобы ваши боги имѣли какое нибудь преимущество. У кого фригійскіе юноши и участвуютъ въ пиршествѣ, и въ развратномъ видѣ подаютъ сладкій нектаръ? Но стыжусь обнаруживать Діевы тайны. Чьи любодѣянія, чьи нарушенія супружеской вѣрности составляютъ для созваныхъ срамное зрѣлище, возбуждающее смѣхъ? Какъ женщины дѣлаютъ изъ Діа все, и быка и моленію, и лебедя, и человѣка, и звѣря, и золото, и змія?—Таковы любовныя превращенія Діа—этого начинщика и совѣтника всѣхъ худыхъ дѣлъ! Кто царицу сластолюбія почитаетъ богиней? Кто воздвигаетъ жертвенники и храмы страстямъ? У кого ночи, подлинно достойныя ночи, набожно чувствуются символами безчестныхъ дѣлъ? У кого Иеифалы и Фалы со смѣхомъ присовокупляютъ къ кумирамъ новаго бога, о

¹⁾ Въ изданіи Биллія недостаетъ слѣдующаго стиха εις δψιν ου'κ εδεξάτο, εἶναι γὰρ κακόν.

которомъ стыдно и говорить? У кого Гермафродиты, Паны—это срамное поколѣніе, эти боги съ козлиными ногами, а по нравамъ козлы? У нихъ и дѣвы на свадьбахъ пляшутъ; имъ надобно, чтобы къ браку присоединялось нѣчто противное браку. У нихъ пригожія выдають замужъ непригожихъ, принося въ приданое за ними пріобрѣтенное блудно; и сіи неблагопристойности совершаются въ честь одного изъ демоновъ, чтобы человѣколюбивое дѣло не оставалось вовсе безстыднымъ дѣломъ. Отъ того позорныя дѣла пользуются свободой; блудилища, цѣна блуда, поруганіе чести у нихъ законны. А мудрецы ихъ изображаютъ Афродиту въ видѣ своихъ любовницъ, чтобы такую выдумкою доставить послѣднимъ божескія почести. И Фидій на перстѣ богини дѣвы, въ память своего безстыдства, пишетъ: у прекраснаго всего достаточно ¹⁾. Отъ сего наравнѣ съ мужественными и воинскими подвигами удостоивается у нихъ блистательныхъ живописныхъ изображеній, рукоплесканій и описаній и эта студодѣйная красота. Смотри, сколько блудницъ почтены у нихъ храмами и признаны богинями. Евфро, Фрина, Леэна—въ образѣ звѣря; потому что и ея имя было чтимо среди храмовъ. А эту пресловутую повелительницу Еллады, родившуюся въ Иккарахъ, срамную развратницу Лаису, и многихъ другихъ не удостою и слова.

Посему ты, добрый мой, какъ умѣющій узнавать доброту серебра, заимствуй у нихъ, что хорошо, и отбрасывай, что не сдѣлаетъ тебя лучшимъ: но слѣдуй всѣмъ нашимъ наставленіямъ, слѣдуй примѣрамъ мужей и женъ цѣломудренныхъ, у которыхъ учитель—упованіе и Богъ, которые своею жизнію пишутъ лучшіе законы, нежели какіе пишетъ рука. Когда другіе именуютъ прелюбодѣянніе порокомъ и наказываютъ по законамъ; мы требуемъ еще большаго, запрещая и смотрѣть безстыдно и похотливо, почитая за одно и содѣянный грѣхъ и причину грѣха, какъ на примѣръ: и убійство, и гнѣвъ, отъ котораго бываетъ убійство, клятвопреступленіе и готовность къ клятвѣ. Не дозволяя всего того, безъ чего не можетъ быть грѣхъ, мы избѣгаемъ и самаго худшаго.

Такъ у меня безопасно цѣломудріе. Отъ-того у меня многочисленъ ликъ дѣвъ, подражающихъ жизни безплотныхъ Ангеловъ и самому Богу. Который одинъ сожителствуетъ съ ними. Къ чему же это ведетъ? Къ тому, что всякій стремится къ будущей жизни, желаетъ преселиться отсюда, освободившись отъ узъ и законовъ

¹⁾ Π vt' ἀρκεί καλῶ, что можно читать какъ и имя: Прекрасному Пандарку.

супружескихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ ко мнѣ Христосъ—Сынъ Матери-Дѣвы, творитъ Онъ меня дѣвственникомъ по новымъ законамъ. Поелику вступилъ я въ жизнь, и связанный скоротечностію и тлѣніемъ принужденъ знать скоротечное и подлежащее тлѣнію, чтобы изъ видимаго и блуждающаго научиться лучшему; то съ радостію возвожу образъ къ Богу посредствомъ свободной и несвязанной жизни, не оставивъ здѣсь и слѣда своей кожи, но прерѣвъ ее, какъ иные презираютъ какойнибудь другой надутый мѣхъ, всецѣло стремлюсь къ всецѣлому Богу, имѣя искренними спутниками многихъ другихъ, которые, взирая на единую чаемую жизнь, принесли въ даръ подателю всяческихъ Богу не власы и не имѣніе, но первое изъ всего принадлежащаго намъ—чистоту и безплотность. Это сонмы новыхъ назореевъ, исполненные и сіяющіе тѣми внутренними лѣпотами, какія чтуть дѣвственники до крови. Что могъ бы я сказать тебѣ о какойнибудь Феклѣ, или о всѣхъ тѣхъ, которыя, чтобы соблюсти красоту свою запечатлѣнною для Бога, смѣло шли на опасности? Не то ли одно, что всегда и всякому было очень извѣстно? Видишь неусыпныя псалмопѣнія Богу мужей и женъ, забывшихъ свою природу, столь многочисленныхъ, столь высокихъ по жизни и обожившихся? Видишь два лика Ангеловъ, то согласно, то противогласно, и горѣ и долу, нѣснословящіе Божіе величіе и естество? Такъ долженъ ты чтить чистоту, имѣя столько побужденій и образцевъ; взирая на нихъ, очисти себя самого, чтобы принять тебѣ отъ Бога законы.

Хотя все изображенное въ словѣ требуетъ своего благоразумія (ибо безъ благоразумія возможно ли что похвальное?); однако же первое и важнѣйшее для тебя — познать Бога и искренно чтить Его словомъ и дѣломъ; потому что для всѣхъ одинъ и тотъ же источникъ, одно спасеніе. Богъ умосозерцаемъ для иныхъ, хотя нѣсколько однако же никто не изречетъ, и ни отъ кого нельзя услышать, что Онъ такое, хотя иный и былъ увѣренъ, что знаетъ сіе. Ибо къ каждой мысли о Богѣ всегда, какъ мгла, примѣшивается нѣчто мое и видимое. Какимъ же образомъ проникну эту мглу и вступлю въ общеніе съ Богомъ, чтобы, не трудясь уже болѣе, обладать и быть увѣрену, что обладаю тѣмъ, что давно желалъ пріобрѣсти? Самое пагубное дѣло—не чтить Бога и не знать, что Онъ—первая вина всяческихъ, отъ которой все произошло и пребываетъ соблюдаемое по неизреченному чину и закону; но представлять себя знающимъ, что такое Богъ, есть поврежденіе ума; это то же, что, увидѣвъ въ водѣ солнечную тѣнь, думать, будто бы видишь самое солнце, или поразившись красотою преддверія, воображать, будто

бы видѣлъ самого владыку внутреннихъ чертоговъ. Хотя одинъ и премудрѣе нѣсколько другаго, поколику привлечь къ себѣ болѣе лучей свѣта, потому что больше всматривался; однако же все мы ниже Божія величія; потому что Бога покрываетъ свѣтъ, и закровь Его—тьма. Кто разсѣчетъ мракъ, тотъ осіявается второю преградю высшаго свѣта. Но проникнуть двойной покровъ весьма не легко. Того, кто все наполняетъ и Самъ выше всего, Кто умудряетъ умъ и избѣгаетъ порывовъ ума, увлекаая меня на новую высоту тѣмъ самымъ, что непрестанно отъ меня ускользаетъ,—сего Бога особенно содержи въ умѣ и чествуй, доказывая любовь свою ревностію къ заповѣдямъ. Но не вездѣ и не всегда должно изыскивать, что Онъ такое, и не передъ всякимъ удобно изрекать о семъ слово. Иное скажи о Богѣ, впрочемъ со страхомъ; а иное пусть остается внутри, и безмолвно чтимое чествуется втайнѣ однимъ умомъ; для инаго же отвержай только слухъ, если преподается слово; ибо лучше подвергать опасности слухъ, нежели языкъ. О прочемъ же будемъ молить, чтобы узнать сіе ясно, отрѣшившись отъ дебелости плоти; а теперь, сколько можно, будемъ очищать себя и обновляться свѣтлою жизнію. Такъ приимешь въ себя умозерцаемаго Бога; ибо несомнѣнно то, что Богъ Самъ приходитъ къ чистому; потому что обителію чистаго бываетъ только чистый. Умозаключенія же мало ведутъ къ вѣдѣнію Бога; ибо всякому понятію есть другое противоположное; а мое ученіе не терпитъ на все удобопреклонной вѣры. Весьма можно держаться сказаннаго: кто возлюбилъ, тотъ будетъ возлюбленъ, а кто возлюбленъ, въ томъ обитаетъ Богъ (Іоан 14, 21. 23). А въ комъ Богъ, тому невозможно не сподобиться свѣта; первое же преимущество свѣта—познавать самый свѣтъ, Такъ любовь доставляетъ вѣдѣніе. Такой путь къ истинѣ луше уважаемаго многими пути ума и его тонкостей.

А что можетъ быть изречено, отгроемъ сіе. Безначальный, Начало, Духъ—досточтимая Троица. Безвиновный, Рожденный, Исходящій, и первый—Отецъ, второй — Сынъ и Слово, третій не Сынъ, но Духъ единыя сущности—единый въ трехъ Богъ и общее поклоненіе. Ими разрѣшаюся отъ смертнаго состава. И ты будь поклонникомъ Ихъ, соблюдай Ихъ въ себѣ, отринувъ всякую нечистоту жизни дольней, честною жизнію, истиннымъ ученіемъ и ненавистію къ вымысламъ; и вчиняйся въ горняя. И я желалъ бы, чтобы ты сталъ богатѣе меня и сподобился большаго дерзновенія.

На гнѣвливость.

Сержусь на домашняго бѣса, на гнѣвливость, и мнѣ кажется, что этотъ одинъ гнѣвъ справедливъ, если уже надобно потерпѣть что нибудь изъ обычнаго людемъ. И какъ, принося плодъ достойный слова—молчаніе¹⁾, положилъ уже я словомъ преграды клятвѣ, и совершенно знаю, что изъ многихъ корней, отъ которыхъ прозябаетъ это зло—клятва, самый дикій и черный есть гнѣвъ; то, при помощи Божіей, постараюсь истребить и его, подрѣзавъ, сколько можно, остриемъ слова. Но прежде всего прошу не гнѣваться на слово; ибо эта болѣзнь столько неудержима, что часто одна тѣнь ожесточаетъ насъ противъ самыхъ искреннихъ нашихъ совѣтниковъ. А мнѣ, вѣроятно, когда берусь говорить о такомъ сильномъ злѣ, надобно будетъ употребить не мягкія слова. Когда огонь клокочетъ, клубясь яримъ пламенемъ, перекидывается съ мѣста на мѣсто, послѣ многократныхъ прираженій зажигаетъ, течетъ вверхъ съ живымъ стремленіемъ, и что ни встрѣчаетъ на пути, все съ жадностію себѣ присвоетъ; тогда надобно угашать его силою, бросая въ него воду и пыль. Или когда нужно истребить звѣря—страшилище темныхъ лѣсовъ, который реветъ, мечетъ огонь изъ глазъ, обливается пѣной, любитъ битвы, убійства, пораженія; тогда окружаютъ его псалями, поражаютъ копьями и изъ пращей. Такъ можетъ быть, и я, при помощи Божіей, одолѣю этотъ недугъ, или по крайней мѣрѣ, сдѣлаю его менѣе жестокимъ. А для меня не маловажно и это, то есть, и малое ослабленіе великаго зла; какъ не маловажно это и для всякаго, обремененнаго тяжелою болѣзнію.

Вникнемъ же въ недугъ сей нѣсколько глубже: что онъ такое? отъ чего бываетъ? и какъ отъ него оберегаться? Заглянемъ въ разсужденія древнихъ мужей, которые углублялись въ природу вещей.

Иные называютъ изступленіе воскипѣніемъ крови около сердца. Это тѣ, которые болѣзнь сію приписываютъ тѣлу, какъ отъ тѣла же производятъ другіе и большую часть страстей. А иные называли гнѣвливость желаніемъ мщенія, приписывая порокъ сей душѣ, а не тѣлу; и желаніе это, если устремляется наружу, есть *гнѣвъ*, а если остается внутри и строитъ зло, есть *злопамятство*.

¹⁾ Изъ сего и подобнаго сему выраженія, встрѣчающагося въ концѣ сего стихотворенія, заключить должно, что стихотвореніе сіе, равно какъ и другое: *На часто кланущихся*, писаны, когда св. Григорій хранилъ безмолвіе во время поста.

Признававшіе же болѣзнь сію чѣмъ-то сложнымъ, и потому слававшіе и самое понятіе оной, говорили, что она есть воспкпѣніе крови, но имѣетъ причину въ пожеланіи. Теперь не мѣсто входить въ разсужденіе, справедливо ли сіе; впрочемъ очень извѣстно, что умъ—во всемъ властелинъ. Его и Господь далъ намъ поборникомъ противъ страстей. Какъ домъ укрываетъ отъ града, какъ въ стѣнахъ находятъ убѣжище спасающіеся съ битвы, и кустарникъ служитъ опорой на крутизнахъ и надъ пропастями, такъ разумокъ спасаетъ насъ во время раздраженія.

Какъ скоро покажется только дымъ того, что разжигаетъ твои мысли; то, прежде нежели возгорится огонь и раздуется пламень, едва почувствуешь въ себѣ движеніе духа, привергнись немедленно къ Богу, и помысливъ, что Онъ—твой покровитель и свидѣтель твоихъ движеній, стыдомъ и страхомъ сдерживай стремительность недуга, пока болѣзнь вникаетъ еще увѣщаніямъ. Воззови тотчасъ словами учениковъ: „Наставникъ, меня окружаетъ страшное волненіе; отряси сонъ“ (Лук. 8, 24)! И ты отразишь отъ себя раздражительность, пока владѣешь еще разумомъ и мыслями (ибо ихъ прежде всего подавить въ тебѣ эта болѣзнь); пока она, какъ не терпящій узды конь, не перегрызла удила, и не помчалась быстро, оставляя за собою дорогу, холмы и овраги, и гнѣвливіею омрачивъ путеводныя очи. Разуму легче управить тѣмъ, кто не выступилъ изъ подчиненія, нежели удержать насиліемъ того, кто восхитилъ надъ нимъ власть. Такой, разгорячая самъ себя, не остановится, пока не низринетъ всадника съ высоты разсудка.

Послѣ сего разсмотри, въ какой стыдъ приводитъ гнѣвъ жестоко имъ поражаемаго. Болѣзни другаго рода тайны; таковы: любовь, зависть, скорбь, злая ненависть. Нѣкоторые изъ этихъ недуговъ или вовсе не обнаруживаются, или обнаруживаются мало, и болѣзнь остается скрытою внутри. Иногда сама скорѣе изноетъ въ глубинѣ сердца, нежели сдѣлается замѣтною для постороннихъ. А и то уже выгода, если бѣда сокрыта въ тайнѣ. Но гнѣвливість—явное и совершенно обнаженное зло, это вывѣска, которая, противъ воли тѣла, сама себя показываетъ. Если видалъ ты уловленныхъ этою страстію; то вполне знаешь, что говорю, и что хочешь изобразить мое слово. Передъ разсерженными надлежало бы ставить зеркало, чтобы, смотря въ него и смиряясь мыслию передъ безмолвнымъ обвинителемъ ихъ страсти, сколько нибудь сокращали чрезъ это свою наглость. Или пусть будетъ для тебя этимъ зеркаломъ самъ оскорбитель твой. Въ немъ, если достанетъ охоты по-

смотришь, увидишь ты самъ себя; ибо у страждущихъ одною болѣзнію и припадки одинаковы. Глаза налиты кровью и искошены, волосы оцетинились, борода мокра, щеки у одного блѣдны, какъ у мертваго, у другаго багровы, а у инаго какъ свинцовыя (и это, думаю, отъ того, что такъ бываетъ угодно расписать человѣка этому нестовому и злому живописцу), шея напряжена, жилы напряжены, рѣчь прерывистая и вмѣстѣ скорая, дыханіе, какъ у бѣспующагося, скрежетъ зубовъ отвратителенъ, носъ расширенъ и выражаетъ совершенное презорство, всплескиванія рукъ, топотъ ногъ, наклоненія головы, быстрые повороты тѣла, смѣхъ, потъ, утомленіе (кто жъ утомляетъ? никто кромѣ бѣса), киванья вверхъ и внизъ не сопровождаются словомъ, скулы раздуты и издаютъ какой-то звукъ, какъ гумно; рука стуча пальцами, грозитъ. И это только начало тревоги. Какое же слово изобразить, что бываетъ послѣ того? Оскорбленія, толчки, неблагоприличія, лживыя клятвы, щедрья изліянія языка клокочущаго, подобно морю, когда оно покрываетъ пѣною утесы. Одно называетъ худымъ, другаго желаетъ, инымъ обременяется, и все это тотчасъ забываетъ. Негодуетъ на присутствующихъ, если они спокойны; требуетъ, чтобы все съ нимъ было въ волненіи. Проситъ себѣ громовъ, бросаетъ молніи, недоволенъ самымъ небомъ за то, что оно неподвижно. Одно злое дѣло приводитъ уже въ исполненіе, другимъ насыщаетъ свои мысли; потому что представляетъ все то сдѣланнымъ, чего хочется. Мысленно убиваетъ, преслѣдуетъ, предаетъ солжженію, но что изъ этого сдѣлаетъ? Такъ слѣпа и суетна его горячность! У него—безгласенъ, безсиленъ, погонщикъ воловъ, кто у насъ недавно былъ витіей, Милономъ, царемъ. Самъ ты безроденъ и нищій, а того, кто благодаренъ и богатъ, называешь не имѣющимъ рода и бѣднякомъ. Самъ ты—поруганіе человѣчества, а тому, кто цвѣтъ красоты, приписываешь рабскій видъ. Самъ о себѣ не можешь сказать: кто ты, и откуда, а человѣка прославленнаго именуешь безславнымъ.

Не знаю, плакать или смѣяться надъ тѣмъ, что дѣлается. Гнѣвъ все, даже и небывалое, обращаетъ себѣ въ оружіе. Это—обезьяна, и дѣлается Тифеемъ, вертитъ рукою, ломаетъ пальцы, ищетъ холма или вершины Этны, чтобы силою руки своей издали ввергнуть въ непріятеля вмѣстѣ и стрѣлу и гробъ. Какой огонь, или какой градъ остановить продерзость? Если пращи словъ истощились; то приводятся въ дѣйствіе руки, начинаются рукопашный бой, драки, насиліе. Тотъ одерживаетъ верхъ надъ противникомъ, кто наиболѣе несчастенъ и препобѣжденъ; потому что одержать

верхъ въ худомъ называю поражениемъ. Не бѣсъ ли это? Даже и больше бѣса, если исключить одно паденіе; но случилось видѣть и паденія возмущенныхъ гнѣвомъ, когда они увлекаются порывомъ духа. Не явное ли это отчужденіе отъ Бога? Да и что же иное? Потому что Богъ кротокъ и снисходителенъ; не хорошо предавать поруганію Божій образъ, а на мѣсто его ставить неизвѣстный кумирь!

Не такъ страшно для насъ разстройство ума; не такъ страшны тѣлесныя болѣзни. Эти недуги, хотя жестоки, и мучаютъ меня, пока продолжаются, потому что всякая настоящая болѣзнь страждущему кажется тягостнѣе всѣхъ другихъ болѣзней, но дѣлаютъ насъ несчастными не по собственному нашему изволенію; они болѣе достойны сожалѣнія, нежели проклятія. Изъ золъ явное зло менѣе опасно; вреднѣе же то, котораго не признаютъ зломъ. Пьянство есть зло. И кто будетъ спорить, чтобы оно не было зломъ? Даже зло произвольное. Предающіеся пьянству знаютъ, чему оно бываетъ причиною; и однако же предаются ему, очевидно, сами дѣлаясь виновниками зла. Но тамъ самое тяжкое послѣдствіе зла, что едѣлаешься смѣшнымъ; и одинъ сонъ вскорѣ прекратитъ сіе зло. Но скажи какое другое зло хуже преступившей мѣру гнѣвливости? И есть ли отъ этого какое врачество?

Въ иныхъ болѣзняхъ прекрасное врачество—мысль о Богѣ. А гнѣвливость, какъ скоро однажды преступила мѣру, прежде всего заграждаетъ двери Богу. Самое воспоминаніе о Богѣ увеличиваетъ зло; потому что разгнѣванный готовъ оскорбить и Бога. Видалъ я иногда, и камни, и прахъ, и укоризненное слово (какое ужасное умоизступленіе!), были бросаемы и въ Того, Котораго нигдѣ, никто и никакъ не можетъ уловить; законы отлагались въ сторону; другъ не узнавъ; и врагъ, и отецъ, и жена, и сродники—все уравнено однимъ стремленіемъ и одного потока. А если кто станетъ напротивъ; то на себя привлечетъ гнѣвъ, какъ звѣря, выманиваемаго шумомъ. И защитникъ другихъ самъ имѣетъ уже нужду въ защитникахъ.

Такими разсужденіями всего болѣе епреодолѣвай свой гнѣвъ; и если ты благоразуменъ, то не потребуется для тебя большаго. А если для умягченія твоего сердца нужна продолжительнѣйшая пѣснь; то посмотри на жизнь тѣхъ, которые, и въ древнія и въ послѣднія времена, своими добрыми нравами приобрѣли дерзновеніе предъ Богомъ. Въ чемъ первоначально, или преимущественно упражнялись наиболѣе угодившіе Богу? Этотъ Моисей и Ааронъ, возлюбленнѣйшіе Богомъ, Давидъ, Самуилъ, а гораздо послѣ нихъ

и Петръ? Моисей съ Аарономъ, хотя Египеть, поражаемый многими казнями, не вразумлялся, щадили однако же Фараонову дерзость, пока оскорбители, не умѣвшіе уважить долготерпѣнія, въ наученіе всѣмъ уважать его, не были погружены въ водахъ; потому что справедливѣе было презрѣть дерзкаго, а не кроткаго. Хвалю Самуила! Ему трудно было однажды перенести обиду, когда Сауль разодрала у него ризу; однако же, умоляемый о прощени, немедленно простилъ онъ вину (1 Цар. 15, 27—31). Что же можетъ быть снисходительнѣе этого? Припомни о Давидѣ и о тѣхъ бряцаніяхъ, которыми избавлялъ онъ Саула отъ лукаваго духа. Когда же нашелъ царя неблагодарнымъ, спасаясь бѣгствомъ и скитаясь для сохраненія жизни; попалъ онъ Саула, который преданъ былъ въ его руки, хотя (какъ знаете вы это) едва спасся самъ. А знакомъ того, что Сауль былъ всего власти, служили отрѣзанная часть ризы (1 Цар. 24, 5) и похищенный сосудъ отъ шлема¹⁾ (1 Цар. 26, 12). Что сказать о томъ, какъ Давидъ терпѣлъ отцеубійцу сына, незаконно домогавшагося власти? Онъ оплакиваетъ его умершаго и взываетъ къ нему со слезами и воплемъ; возвѣстывшаго же о несчастіи гонить, принявъ какъ врага, а не добраго вѣстника; потому что природа вопіяла громче обвиненій и бралась защитить виновнаго, такъ что Давидъ, опротивѣвъ чрезъ это войску, едва не лишился державы (2 Цар. 19, 7). И что еще? Не терпѣлъ ли онъ и оскорбителя Семея, который желалъ ему зла вмѣсто славнаго возвращенія (2 Цар. 16, 5—13)? Но дивлюсь и мудрому Петру, когда великодушно и весьма мужественно перенесъ прекрасное дерзновеніе Павлово, въ такомъ городѣ и при такомъ множествѣ читателей и учениковъ Слова обличаемый въ томъ, что не открыто раздѣлялъ трапезу съ язычниками (Гал. 2, 11—13), хотя Петръ думалъ доставить тѣмъ пользу ученію; потому что единственнымъ его побужденіемъ были страхъ Божій и просвѣщеніе словомъ проповѣди. Не умолчу и о прекрасной добродѣтели Стефана, въ которомъ вижу начатокъ мучениковъ и жертвъ. Онъ былъ замѣтанъ камнями; но и во время побіенія (не чудно ли это)? слышанъ былъ гласъ его, изрекавшій прощеніе убійцамъ, и какъ о благодѣтеляхъ возносившій о нихъ молитву къ Богу (Дѣян. 7, 60). Не явное ли это уподобленіе Богу? Не впечатлѣніе ли въ себѣ страданій и ученій Того, Кто, будучи Богъ и Владыка молній, какъ агнецъ безгласный веденъ былъ на заколеніе, терпѣлъ

¹⁾ У Седмидесяти читается: φακος τοῦ ὕδατος (сосудъ водный); у св. Григорія: φακος τοῦ κράνου.

столько заплеваний и заушений, когда милосердіе Его испыталь Малхъ даже на своемъ язвленномъ ухѣ,—и не возопіялъ, чтобы показать и привести въ исполненіе Свою власть, не воспрекословиль ни въ чемъ, не сокрушилъ сокрушеннаго грѣхомъ; но хотя грозить угасить легкій пламень мысли, однако же щадить какъ милосердый, чтобы кротостію покорить Себѣ сродное? Столько имѣешь высокоихъ примѣровъ въ твоемъ Владыкѣ! Сравни же съ Его страданіями, что терпишь ты. Хотя бы ты все перенесъ; и тогда недотсанетъ еще многого, если будешь судить о страданіяхъ, принявъ во вниманіе достоинство страждущаго.

Для насъ достаточно и сихъ благородныхъ уроковъ, то есть, законовъ, начертанныхъ на скрижаляхъ, и нравовъ, предписанныхъ на горѣ. Должно ли же къ этому присовокуплять что-нибудь нечистое? Ни мало не будетъ худо и съ худаго собрать что-нибудь хорошее и любезное. Иныхъ и много опередить не очень похвально; за то какъ худо, если они опередаютъ тебя многимъ! Поэтому упомяну и объ язычникахъ, впрочемъ кратко.

Стагирскій философъ хотѣлъ ударить одного человѣка, котораго онъ засталъ въ постыдномъ и худомъ дѣлѣ; но какъ скоро почувствовалъ, что въ него самого вступилъ гнѣвъ, борясь со страстію какъ со врагомъ, остановился, и помолчавъ не долго, сказалъ (подлинно мудрое слово!): „Необыкновенное твое счастье, что защищаетъ тебя мой гнѣвъ. А если бы не онъ; ты пошелъ бы отъ меня битымъ. Теперь же стыдно было бы мнѣ худому ударить худаго и, когда самъ я побѣжденъ страстію, взять верхъ надъ рабомъ“. Такъ разсудилъ онъ. Объ Александрѣ же разсказываютъ, что, при осадѣ одного еллинскаго города, когда неоднократно разсуждалъ онъ, что дѣлать съ этимъ городомъ, Парменіонъ однажды сказалъ ему: „если бы я былъ Александромъ, то не пощадилъ бы сего города“. Но Александръ отвѣчалъ: „И я не пощадилъ бы, если бы я былъ Парменіономъ. Тебѣ прилична жестокость; а мнѣ кротость“. И городъ избѣгъ опасности. Но не достойно ли похвалы и это? Одинъ человѣкъ, не изъ числа почтенныхъ гражданъ, злословилъ великаго Перикла, и до самаго вечера преслѣдовалъ его многими и злыми укоридами. Но Периклъ молчалъ, принимая это оскорбленіе, какъ почеть; когда же ругатель усталъ и пошелъ домой, велѣлъ проводить его съ свѣтильникомъ, и тѣмъ угасилъ его гнѣвъ. А другой когда оскорбитель ко множеству оскорбленій присоединилъ такую угрозу: „чтобъ самому мнѣ несчастно погибнуть, если тебя негоднаго при первомъ удобномъ случаѣ не предамъ злой смерти!“—заставилъ его перемѣнить свое расположеніе такими,

подлинно челоуѣколюбивыми словами: „чтобъ и мнѣ погибнуть, если не сдѣлаю тебя своимъ другомъ!“

Но чтобы не одно древнее взошло въ наше слово, и не осталось безъ вниманія то, чему сами мы свидѣтели, справедливо будетъ упомянуть о Констанціи, который, какъ сказываютъ, произнесъ однажды достопамятное слово. Какое же это? Одинъ сановникъ хотѣлъ раздражить его противъ насъ¹⁾, потому что не терпѣлъ многихъ преимуществъ, какія были даны намъ. Ибо Констанцій, сколько извѣстно, былъ благочестивѣйшій государь. Сановникъ, между прочимъ сказалъ и такое слово: „какое животное такъ кротко, какъ пчела? но и она не щадитъ тѣхъ, которые собираютъ ея соты“. Царь выслушалъ это и отвѣчалъ: „Ужели же не знаешь, превосходный мой, что жало не безвредно и для самой пчелы? Она жалитъ, но въ то же время и сама погибаетъ“.

Столько имѣешь у себя врачебныхъ средствъ отъ сего недуга, но всѣхъ важнѣе, какъ сказано, заповѣдь, которая не позволяетъ тебѣ отвѣчать обидой даже и тому, кто ударилъ тебя. Ибо ветхозавѣтнымъ предписано: *не убій*; но тебѣ повелѣно даже и *не гнѣваться*, а не только не бить и не отваживаться на убійство. Кто запрещаетъ первое, тотъ не дозволяетъ и послѣдняго. Кто истербилъ сѣмя, тотъ воспрещаетъ прозябнуть ему въ колосье. И не смѣть съ худымъ пожеланіемъ—значитъ отсѣчь любодѣяніе. Не клясться—вотъ предохранительное средство отъ ложной клятвы. Такъ и не гнѣваться—значитъ поставить себя въ безопасность отъ покушенія на убійство. Ибо разсуди такъ: гнѣвливость доводитъ до слова, слово—до удара, отъ удара бываютъ раны, а за ранами, какъ знаемъ, слѣдуетъ и убійство; и такимъ образомъ гнѣвливость дѣлается матерью жестокаго убійства.

Кто получилъ когда нибудь награду за то, что онъ не убилъ? Но не гнѣваться—есть одно изъ похваляемыхъ дѣлъ. Воздаяніемъ за первое служить то, что избѣгаешь опасности; а вознагражденіемъ за послѣднее обѣщанъ тебѣ участокъ земли драгоцѣнной. Послушай, чего желаетъ кроткимъ Христось, когда перечисляетъ блаженства и опредѣляетъ мѣру будущихъ надеждъ (Матѣ. 5, 5). На сей конецъ даетъ Онъ тебѣ и сообразные съ нимъ законы. Тебя ударили въ ланиту? Для чего же допускаешь, чтобъ другая твоя ланита оставалась безъ приобрѣтенія? Если первая потерпѣла сіе произвольно не велика ея заслуга, и тебѣ, если хочешь, остается сдѣлать нѣчто большее, а именно, произвольно подставить другую

¹⁾ Противъ православныхъ.

ланиту, чтобы сдѣлаться достойнымъ награды. Съ тебя сняли хитонъ? отдай и другую одежду, если она есть у тебя; пусть снимутъ даже и третью: ты не останешься безъ приобрѣтенія, если представишь дѣло сіе Богу. Насъ злословятъ? будемъ благословлять злыхъ. Мы оплеваны? поспѣшимъ приобрѣсти почестъ у Бога. Мы гонимы? но никто не разлучитъ насъ съ Богомъ; Онъ—единственное неотъемлемое наше сокровище. Проклинаетъ тебя кто-нибудь? молись за кленущаго. Грозитъ сдѣлать тебѣ зло? и ты угрожай, что будешь терпѣть. Приступаетъ къ исполненію угрозъ? твой долгъ—дѣлать добро. Такимъ образомъ приобрѣтешь двѣ важныя выгоды: самъ будешь совершеннымъ хранителемъ закона; да и оскорбителя твоего кротость твоя обратитъ къ кротости же, и изъ врага сдѣлаетъ ученикомъ, преодолевъ тѣмъ самымъ, что онъ взялъ надъ тобою верхъ.

Итакъ, видишь ли? Всего болѣе желай, чтобы тебѣ вовсе не гнѣваться, потому что это всего безопаснѣе. А если не такъ, старайся, чтобы изступленіе твое прекращалось прежде вечера, и не давай во гнѣвъ твою заходить солнцу (Ефес. 4, 26), какъ тому, которое отвѣ твоимъ очамъ посылаетъ лучи свои, такъ и тому, которое сіяетъ внутри мудрыхъ; а послѣднее солнце заходитъ для гѣхъ, у кого умъ уязвленъ, озаряетъ же совершенныхъ и добрыхъ, и видящимъ даетъ большую силу озарять.

Скажешь: что жъ? не сама ли природа дала намъ гнѣвъ?—Но она дала также и силу лвадѣть гнѣвомъ. Кто далъ намъ слово, зрѣніе, руки и ноги, способныя ходить? Все это даровали Богъ и природа, но даровали на добро; и не похваляю тебя, который употребляешь ихъ во зло. То же надобно сказать и о другихъ душевныхъ движеніяхъ. Это Божіи дары—подъ руководствомъ и управленіемъ разума. Раздражительность, когда не преступаетъ мѣры, служить оружіемъ соревнованію. Безъ сильнаго желанія неудободостижимъ Богъ. Но знаю и наставника въ добрѣ; это—разсудокъ. Если же все это обращено будетъ на худшее: то раздражительность произведетъ оскорбленія и злодѣянія, пожеланіе распалить насъ къ гнусному сластолюбію, а разсудокъ не только не подавитъ сего, но еще поможетъ своими ухищреніями. Такъ добрыя дарованія отдаются во власть нашему растлителью! Но не хорошо—Божій даръ мѣшать со зломъ.

Если въ Писаніи слышишь, что Богъ гнѣвается, и уподобляется или рыси, или медвѣдицѣ, которая отъ любви приходитъ въ ярость, или воспламененному отъ вина и упоенія, или мечу сверкающему на злыхъ: то не принимай сего за совѣтъ предаваться

страсти. Иначе будетъ значить, что ты избобрѣтаешь для себя зло, а не освобожденія отъ него ищешь. Слушай Писаніе съ добрымъ, а не съ худымъ намѣреніемъ. Богъ не терпитъ ничего подобнаго тому, что терплю я. Никто не говори этого! Онъ никогда не выходитъ Самъ изъ Себя; это свойственно существамъ сложнымъ и тѣмъ, которые большею частію въ борьбѣ сами съ собою. Но Богъ, какъ очевидно, есть естество неизмѣняемое. Почему же Онъ такимъ изображается? По законамъ иносказанія. Для чего? Чтобы устрашить умы людей простыхъ,—какую цѣль имѣетъ и многое изъ выраженнаго словомъ. Разумѣй, что рѣчь здѣсь не прямая, и тогда найдешь смыслъ. Поелику сами мы бьемъ, когда приходимъ въ гнѣвъ; то пораженіе злыхъ представили въ видѣ гнѣва. Такимъ же образомъ избобрѣли мы зрѣніе, слухъ, руки; и поелику имѣемъ въ нихъ нужду для приведенія чего либо въ исполненіе, то приписываемъ ихъ и Богу, когда Онъ совершаетъ, по нашему представленію, то же. Притомъ слышишь, что отъ гнѣва Божія терпятъ злые, а не добрые, и терпятъ по законамъ правосудія. Но твой гнѣвъ не полагаетъ есбѣ мѣры и всѣхъ дѣлаетъ равными. Поэтомъ уне говори, что твоя страсть дана тебѣ отъ Бога и свойственна самому Богу. Или, если думаешь о себѣ, что и ты подражатель Богу, то подражай; но прежде пусть вѣтры развѣютъ болѣзнь твою.

А если ты читалъ что нибудь о гнѣвѣ мужей благочестивыхъ; то найдешь, что гнѣвъ ихъ всегда былъ справедливъ. И я думаю даже, что это былъ не гнѣвъ, а наказаніе, справедливо положенное на злыхъ. И это наказаніе не было для нихъ зломъ; напротивъ того, удары были весьма полезны для требовавшихъ многого очищенія въ жизни, потому что иглистая вѣтвь сама призываетъ на себя остріе желѣза,—полезны, говорю, были какъ до Закона, такъ и при Законѣ, пока онъ не приобрѣлъ надлежащей силы, какъ несовершенно еще укоренившійся въ людяхъ.

Такъ утасишь ты въ себѣ эту болѣзнь, утоляя ее предложенными тебѣ разсужденіями, подобно тому, какъ иные заговариваютъ аспидовъ. Но вотъ вторая забота: какъ удерживаться, чтобы не воспламенялся въ тебѣ гнѣвъ отъ чужаго гнѣва, какъ огонь отъ огня? Ибо равно худо, какъ самому первоначально предаваться злу, такъ и прійдти въ одинаковое расположеніе съ предававшимся худому стремленію.

Во-первыхъ, прибѣгни немедленно къ Богу, и проси, чтобы Онъ нещадно сокрушилъ разящій тебя градъ, но вмѣстѣ пощадилъ насъ, которые не обижали другихъ.

А въ то же время положи на себя затмненіе креста, котораго

все ужасается и трепещетъ, и огражденіемъ котораго пользуюсь я во всякомъ случаѣ и противъ всякаго. Потомъ изготовься къ борьбѣ съ тѣмъ, кто подалъ причину къ сему гнѣву, а не кто предался ему, чтобы тебѣ, хорошо вооружившись, удобнѣе было побѣдить страсть. Ибо неготовый не выдерживаетъ нападенія. А кто хорошо приготовился, тотъ найдетъ и силы побѣдить. И что значитъ побѣдить? Равнодушно перенести надъ собою побѣду.

Въ-третьихъ, зная, изъ чего ты произошелъ и во что обратишься, не думай о себѣ очень много, чтобы не смущало тебя высокое и не по достоинству составленное о себѣ мнѣніе. Ибо смиренный равнодушно переноситъ надъ собою побѣду, а слишкомъ надменный ничему не уступаетъ. Но тѣ, которые, чтобы сколько-нибудь остановить свое превозношеніе, сами себя называютъ землею и пепломъ, какъ отъ нихъ же мнѣ извѣстно, суть Божіи други. А ты, какъ будто совершенный, отказываешься терпѣть оскорбленія. Смотри, чтобы не понести тебѣ наказанія за самомнѣніе. Гдѣ же тебѣ согласиться потерпѣть что-нибудь непріятное на самомъ дѣлѣ, когда не можешь снести благодушно и слова?

Въ-четвертыхъ, знай, добрый мой, что и жизнь наша ничто, и мы всѣ не безгрѣшные судіи о добрыхъ и худыхъ дѣлахъ, но большею частію и всего чаще носимся туда и сюда, и непрестанно блуждаемъ. Что гнусно для насъ, то не гнусно еще для Слова; а что не таково для меня, то можетъ быть, такимъ окажется для Слова. Одно безъ всякаго сомнѣнія гнусно; это—злонравіе. А здѣшняя слава, земное богатство и благородство—однѣ дѣтскія игрушки. Поэтому, о чемъ сокрушаюсь, тѣмъ, можетъ быть, надлежало бы мнѣ увеселяться; а при чемъ поднимаю вверхъ брови, отъ того — болѣе смиряться, нежели сколько теперь превозношусь, надмеваюсь не-благоразумно.

Въ-пятыхъ, будемъ имѣть больше разсудительности. Если нѣтъ ни малой правды въ томъ, что говоритъ воспламененный и ослѣпленный гнѣвомъ; то слова его ни мало насъ не касаются. А если онъ говоритъ правду; то значитъ, что самъ я нанесъ себѣ какую-нибудь обиду. За что же жалуюсь на того, кто объявилъ оставшащееся доселѣ скрытымъ? Гнѣвъ не умѣетъ сохранять вѣрности. Ибо, если прибѣгаетъ онъ часто и къ неправдѣ; то удержать ли въ себѣ тайну?

Послѣ сего уцѣлomuдришь себя въ гнѣвѣ, разсуждая такъ: Если эта вспышка не есть зло, то несправедливо и обвинять ея. А если зло, что и дѣйствительно, въ чемъ и самъ ты сознаешься: то не стыдно ли терпѣть въ себѣ, то, что осуждаешь въ другихъ, когда

терпишь отъ нихъ самъ, и не вразумляться примѣромъ своего врага? Притомъ, если и прежде не пользовался добрымъ о себѣ отзывомъ тотъ челоуѣкъ, который горячится и дышетъ дерзостію: то и теперь порицаніе падеть, очевидно, на него, а не на тебя. А если онъ челоуѣкъ превосходный: то не почтутъ тебя здравомыслящимъ; потому что мнѣніе большинства всегда склоняется въ пользу лучшаго. Но ты дѣлалъ ему добро? Тѣмъ паче его осудить. Но онъ обидѣлъ тебя? Ты не дѣлай ему зла. Но его надобно остановить? Что-жъ, если въ большее прійдетъ еще неистовство Онъ первый началъ? Пусть вразумленный и словомъ и благонаравіемъ твоимъ, какъ можно скорѣе, сокрушитъ свою ярость, какъ волна вскорѣ рассыпающаяся на сушѣ, или какъ буря не встрѣчающая никакого сопротивленія. Это обидно!—Точно, обидно, если и ты падешь съ нимъ вмѣстѣ. Ужели и на укоризны больныхъ станемъ отвѣчать укоризнами Не равнодушно ли переносишь ты изступленіе обскующагося, разумію такихъ, которые невольно изрыгаютъ злословіе? Почему же не перенести сего отъ безумнаго и пришедшаго въ сильную ярость? Конечно, должно перенести, если самъ ты въ здоровомъ умѣ. Что сказать о пьяныхъ, у которыхъ разсудокъ потемнѣлъ виномъ? Что, если мимо тебя пробѣжитъ бѣшеная собака? Что, если верблюдъ, по естественной своей наглости, закричитъ во все горло, и протянетъ къ тебѣ шею? Пойдешь ли съ ними въ драку; или, по благоразумію, побѣжишь прочь? Что, если непотребная женщина будетъ стыдить тебя своими срамными дѣлами? А у непотребныхъ женщинъ это обыкновенное дѣло; имъ всего кажется стыднѣе знать стыдъ; и онѣ знаютъ одно искусство—вовсе ничего не стыдиться. О Синопійцѣ рассказываютъ, что, приходя къ живущимъ въ непотребныхъ домахъ, старался ихъ раздражать. Съ какимъ же намѣреніемъ? Съ тѣмъ, чтобы ихъ оскорбленіями приучить себя безъ труда переносить оскорбленія. И ты, если размыслишь объ этомъ,—станешь презирать оскорбленія.

Скажу тебѣ одинъ искусственный способъ. Хотя онъ и не достоинъ вниманія тѣхъ, которые предпочитаютъ кротость: однако же скажу; потому что можетъ погашать непріятность. Смотрѣлъ ты иногда на кулачныхъ бойцовъ? Прежде всего оспариваютъ они другъ у друга выгодное мѣсто, того и домогаются, чтобы одному стать выше другаго; потому что это не мало содѣйствуетъ одержанію побѣды. Такъ и ты старайся занять выгоднѣйшее положеніе; а это значитъ, пришедшаго въ ярость старайся низложить шутками. Смѣхъ—самое сильное оружіе къ препобѣжденію гнѣва. Какъ въ кулачныхъ бояхъ, кто въ сильной стремительности и ярости по-

пустому сыплютъ удары, тотъ скорѣе утомляется, нежели принимающій на себя эти удары, истощаніе же силъ—неискусный въ бою пріемъ; такъ и тому, кто оскорбляетъ человѣка, который не сердится на его нападеніе, но смѣется надъ нимъ, всего болѣе бываетъ это огорчительно; напротивъ того, если встрѣчаетъ онъ себѣ сопротивленіе, это приноситъ ему нѣкоторое удовольствіе; потому что доставляется новая пища гнѣву, а гнѣвъ ему весьма пріятенъ и ненасытимъ.

Заключеніемъ моихъ тебѣ совѣтовъ пусть будетъ слѣдующее. Какое существо по преимуществу кротко?—Богъ. А у кого природа самая раздражительная?—У челоѣкоубійцы, который (да будетъ тебѣ извѣстно!), сверхъ другихъ наименованій, выражающихъ его лукавство, называется и гнѣвомъ. Какую же часть намѣрень ты избрать? А избрать ту и другую невозможно. Разсуди и то, кто будетъ осмѣянъ, и кто похваленъ. Ибо и это не маловажно для разсудительнаго. Что еще сказать? Заклинаю тебя, гнѣвъ—другъ пороковъ, непріязненный мой защитникъ и покровитель, надмевающій меня и предающій во врата адовы, покорись нынѣ Богу и слову. Покорись, гнѣвливость,—это воскипѣніе, эта полнота челоѣкоубійцы, это очевидное безобразіе лица, это обуѣваніе мыслей, это упоеніе, эти бодцы, понуждающіе низринуться въ тартаръ, этотъ легіонъ бѣсовъ, это многосложное зло, расторгающее узы и путы на ногахъ, покорись; ибо Христось, Котораго не вмѣщаетъ вселенная, и Который Своимъ кормиломъ непогрѣшительно движетъ цѣлую вселенную, удѣляя жизнь и челоѣкамъ и Ангеламъ, а призывающимъ Его усердно даруетъ разрѣшеніе и отъ лукавыхъ духовъ и отъ страстей, Христось хочетъ, чтобы ты немедленно бѣжала отсюда и, войдя въ свиней, скрылась въ бездну! Готово принять тебя это стадо, низвергающееся въ глубину. Но не касайся насъ, о которыхъ имѣетъ попеченіе самъ Богъ!

Вотъ слово моего безмолвія! А вы, разрѣшившіе слово, если изречете что-нибудь достойное вѣщанія, вѣщайте и мнѣ. А если слово ваше достойно молчанія; то не произносите и для меня. Тогда и слухъ свяжу для слова, какъ связалъ слово.

На тѣхъ, которые часто клянутся.

Разговоръ

Что хуже клятвы? Я разсуждаю, что ничего нѣтъ хуже.

Скажи же, чѣмъ это доказываешь?

Самыми очевидными и ясными доводами.

Открой, какими?

Слѣдующими; отвѣчай мнѣ, и увидимъ.

Говори, любезнѣйшій, что только можешь сказать.

Знаешь ли, что выше всего тебѣ извѣстнаго?

О какомъ родѣ вещи спрашиваешь?

О всемъ, что ни есть видимаго и мысленнаго.

Я ничего не представляю себѣ выше Бога.

Ты отвѣчаешь правильно, но я спросилъ неправильно.

Какъ же надлежало?

Богъ не есть что либо высшее, потому что Онъ несравнимъ.

Не ясно ли это?

По мнѣ, весьма ясно.

Посему надлежало, можетъ быть, спросить такъ: что самое высочайшее?

Думаю, что такъ.

Но и это не сравнительно ли будетъ сказано?

Не полагаю.

Какъ же скажешь? Высочайшимъ бываетъ что нибудь не иначе, какъ въ отношеніи къ сродному съ нимъ. А съ Богомъ что сродно?

Ничто.

Посему о Богѣ надлежитъ выразиться иначе.

Какъ ты скажешь, такъ и я готовъ принять.

Что же? Не должно ли сказать, что Богъ несравнимъ ни съ чѣмъ изъ всего извѣстнаго?

Кажется, что такъ.

А не досточтимъ ли, и не единственно ли досточтимъ Онъ для всякаго естества?

Единственно досточтимъ; это хорошо сказано.

А будучи досточтимъ, можетъ ли быть вмѣстѣ и оскорбляемъ?

Какъ соединить несоединимое?

Разсмотримъ же: къ чести ли Божіей служить клятва?

Но по крайней мѣрѣ не къ оскорбленію.

Такъ; если бы не было опасности отъ ложной клятвы. Тогда клятва была бы дѣломъ богочестія. Но теперь смотри, въ чемъ дѣло, и къ чему оно клонится?

Почти понимаю; однако жъ прошу объяснить рѣчь очевиднымъ подобіемъ.

Какимъ бы это? Видалъ ты большой камень, падающій съ горы?

Очень часто.

И онъ катился внизъ съ великимъ шумомъ?

Даже наводилъ большой страхъ.

А видалъ также, что его удобно останавливали?

Развѣ кто другой видалъ, а я нѣтъ; потому что камень самъ себя понуждаетъ къ паденію, и сильнѣе всякой руки.

Правда твоя. То же бываетъ и со мною; стремительность увлекаетъ меня въ насильственный поступокъ. Но въ началѣ и мнѣ, такъ же какъ и камню, очень не трудно было бы удержаться въ покоѣ?

Очень не трудно, и почему бы не удержаться?

Этому камню подобенъ и всякій порокъ, особенно же, какъ думаю, худыи навикъ клясться.

А почему же такъ?

Слушай: этотъ порокъ имѣетъ не малую привлекательность. А если человѣкъ получаетъ къ нему пристрастіе; что тогда бываетъ? Онъ уже не удерживается, пока не низринется въ стремнистую бездну.

Что разумѣешь подъ стремниною?

Самая большая изъ стремнинъ есть ложная клятва.

Пріятно было бы слышать, почему это.

А многіе и не знаютъ, сколько это худо.

Сколько же именно?

Не часто ли случается, что иный клянется своимъ спасеніемъ?

Очень не рѣдко.

Что же это? Боятся, чтобы, поступивъ худо, не терпѣть за себѣ зла, и самъ полагаетъ на среду предъ Богомъ собственное свое спасеніе, рѣшаясь погибнуть, если какимъ ни есть образомъ солжетъ своему слову.

Такъ мнѣ кажется.

Такое же сдѣлай разсужденіе, если когда клянѣшься и Богомъ.

Какое же? Желательно видѣть.

Ты полагаешь на среду Бога своей вѣры.

Да, не иначе.

И для клянущагося въ правду Богъ соблюденъ; а если клянѣмся ложно, то въ отношеніи къ намъ Онъ утраченъ.

Справедливо говоришь.

Но скажи, что значить, по твоему мнѣнію, не соблюсти для себя Бога?

Думаю, что это значить отречься отъ Бога.

Итакъ, ложная клятва, какъ давно уже это доказано, есть отреченіе отъ Бога.

Какъ же избѣжать клятвы?

Приобрѣтемъ такіе нравы, которые бы внушали довѣріе.

Великое дѣло сказалъ ты.

Благонравнымъ менѣе нужды въ клятвѣ; что говорю: менѣе? Имъ вовсе не нужна клятва. За нихъ порукою добрые нравы.

Дѣйствительно такъ.

Скажи же, что приобретають тѣ, которые много клянутся?

Осмѣяніе.

А къ этому что еще присовокупить? Развѣ то, что имъ не вѣрять, когда говорятъ и правду.

Согласенъ на это.

Итакъ послушайся меня, и, воспользовавшись врачевствами разсудка, особенно положи въ себѣ преграды этому недугу. Многіе же изъ извѣстныхъ мнѣ одерживали верхъ надъ недугами и этого сильнѣйшими.

Какіе разумѣешь сильнѣйшіе недуги?

Гнѣвъ зависть, невоздержность и тому подобное.

Почему же они сильнѣе?

Потому что пожеланіе больше. А къ чему пожеланіе стремительно, къ тому и привязанность сильнѣе.

Совершенно основательно. Но если болѣзнь въ тебѣ неудержима, что тогда дѣлать?

По крайней мѣрѣ остерегайся непрестанно, при всякомъ случаѣ, умножать тяжкія клятвы.

Когда же, какія и при какихъ случаяхъ дозволишь ты клятвы? Напримѣръ: дозволишь ли, когда настоятъ нужда?

Пусть такъ.

Но присовокупи: какая именно нужда. Не тали, чтобы иныхъ избавить отъ опасности?

Тогда по крайней мѣрѣ полезна клятва.

Или и себя избавить отъ обвиненія въ гнусномъ преступленіи.

Да! Но клятва никогда не должна служить мнѣ къ приобретенію имущества, потому что сіе представляется крайне гнуснымъ и весьма легко можетъ вовлечь въ ложную клятву. Да и что, кромѣ касается дѣло до денегъ, весьма многіе оказываются злонравными. корысти, чаще приводитъ къ ложнымъ клятвамъ? Какъ скоро

Кто не согласится съ этимъ? И Софисты утверждали то же.

Важно ли же это для насъ?

Ни мало. Но если станемъ подражать, и окажемся худшими; то сіе будетъ намъ стыдно.

И очень. Какихъ же клятвъ особенно избѣгать должно?

Само собою видно.

Однако же безопаснѣе услышать отъ тебя.

Я утверждаю, что должно избѣгать клятвъ наиболѣе ужасныхъ.

Развѣ боишься выговорить?

Короче сказать, тѣхъ, въ которыхъ упоминается Божіе имя.

А въ которыхъ упоминаются Писаніе, Христовы страданія, и приношенія Богу?

И это равно таинственно.

А у насъ всего болѣе въ употребленіи симъ клясться.

О томъ и проливаю слезы. Ибо что утверждено обычаемъ, то обращается въ законъ. Однако же, чего не можетъ преодолѣть разумъ?

Какую же дозволишь клятву?

Желалъ бы никакой не позволять; а въ противномъ случаѣ пусть будетъ какая нибудь другая клятва.

Уже ли не должно клясться женою, дѣтьми, спасеніемъ, жизнію и будущимъ безпечальнымъ вѣкомъ?

Это суть проклятія; хотя почитаются также и клятвою.

Пусть почитаются; только бы мы, поражаемые сею клятвою, не погибали. Въ такомъ случаѣ нѣтъ опасности для души, которую погубить есть уже конечная смерть.

Справедливо говоришь. Но у тебя, какъ скоро закипѣло сердце, при всякомъ случаѣ готовы на языкѣ: Богъ, святая трапеза, что для тебя всего любезнѣе, крестъ, жена, Божія кровь, своя собственная кровь, земля и море, словомъ, что ни представитъ тебѣ прежде всего твоя негодная опрометчивость, при содѣйствіи твоего губителя, который производитъ даже и то, что самая болѣзнь кажется тебѣ пріятною, и ты (странное неразуміе!) остаешься увѣреннымъ, что съ твоего гнилаго языка льется золото.

Точно такъ бываетъ; какъ говоришь ты.

Одна волна воздвигаетъ другую, когда въ тебѣ дышать, можетъ быть, гнѣвъ, а можетъ быть, и страсть къ деньгамъ. Ибо много сѣтей; и человекъ не почитаетъ страшнымъ дѣломъ расточаемыхъ имъ клятвъ.

Да, не почитаетъ страшнымъ.

Но его бѣднаго душитъ клятва, если задерживаетъ ее въ себѣ Ты какъ живописецъ изображаешь эту страсть.

Онъ думаетъ увѣрить тѣмъ самымъ, чрезъ что дѣлается болѣе недостойнымъ вѣроятія. Не понятное ли это дѣло? На что тебѣ много словъ, если имѣеть силу одно?

— Конечно, напрасный трудъ.

На что же тебѣ и многія клятвы, если бы имѣла силу одна?

Конечно, напрасный трудъ.

Думаю, что тогда не было бы нужды во многихъ.

Посему множество клятвъ есть уже признакъ, что нѣтъ къ тебѣ довѣренности.

Не иначе; правду ты говоришь.

Поэтому или вовсе не клянись, или клянись какъ можно рѣже.

Это всего лучше.

Если одна клятва нарушается, то и всѣ будутъ нарушены.

Прекрасное заключеніе.

Развѣ иной скажетъ: множеству клятвъ лучше повѣрять.

Такъ обыкновенно думаютъ.

Но развѣ, сложивъ вмѣстѣ нѣсколько пылинокъ, сдѣлаешь изъ этого золото?

Кто жъ это сдѣлаетъ? въ природѣ ли это вещей?

А на какомъ же основаніи изъ многого невѣроятнаго составится вѣроятное?

Мнѣ кажется, что никакого нѣтъ къ тому основанія.

Перестанешь ли, наконецъ, предпочитать всему самое негодное богатство, то-есть, всегда и при всякомъ дѣлѣ, ѣшь ли, играешь ли въ зернь, плывешь ли, путешествуешь ли, въ счастіи ли ты или въ несчастіи, продаешь или покупаешь, радуешься или печалишься находишься въ кругу друзей и пирующихъ, изрыгать клятвы, подобно пресытившемуся пищею или питьемъ?

Весьма бѣдственное дѣло поступать такъ.

Не клянешься ли также ради всего, какъ будто ты уже самъ не свой, какъ скоро другіе взяли надъ тобою верхъ, словомъ ли, дѣломъ ли, прикровенно ли, или насильственно?

По большей части такъ бываетъ на дѣлѣ.

Этимъ оскорбляешь ты всѣхъ, и Бога и тварей.

Какимъ же образомъ всѣхъ?

Такимъ, что все смѣшаешь во едино, даже и то, что не равно между собою. А это—вервь отъ узды.

Что же скажешь на это? Не находимъ ли, что и Богъ иногда клянется?

Такъ говоритъ Писаніе.

Но что совершеннѣе Бога?

Конечно, не найдешь ничего совершеннѣе.

А если ничего нѣтъ совершеннѣе; то значить, что Богъ и клясться не можетъ. Какъ же Писаніе говорить, что Богъ клянется?

Какъ скоро Богъ говорить что нибудь, это уже есть клятва Божія.

Какъ же въ Писаніи говорится, что Богъ клянется Самимъ Собою?

Какъ? Онъ пересталъ бы совершенно быть Богомъ, если бы сказалъ ложь.

Ты говоришь нѣчто страшное.

И это въ естествѣ Божіемъ, чтобы не лгать. Противъ сего никто не будетъ спорить.

А что? Ветхій Заветъ не запрещаетъ клятвы, но требуетъ только истинной.

Но тогда и убивать было законно; нынѣ же не позволено даже ударить.

Почему такъ?

Тогда подвергалось осужденію совершеніе худого поступка; нынѣ же осуждается самое первое движеніе ко грѣху.

Такъ мнѣ кажется; потому что мы простираемся къ большому совершенству.

А потому цѣломудренный и не клянется.

Что же? Имъ, какъ младенцамъ, даешь одни начатки пищи, чтобы впоследствии могли принимать совершенную пищу?

И справедливо, и весьма умно.

Гворять, что и Павелъ клянется.

Кто это сказалъ тебѣ? Вѣрно, какой нибудь пустословъ?

Павелъ самъ говорить: *свидѣтель ми есть Богъ* (Рим. 1, 9), и: видитъ Богъ.

Это не клятва.

А что же?

Непререкаемое подтвержденіе важности сказаннаго.

Дозволь и мнѣ то же.

О, если бы ты и во всемъ, по мѣрѣ силъ, сталъ Павломъ! Это—вѣрное для тебя мѣрило.

Не уступишь ли чего нибудь гнѣву?

Хорошо.

А въ гнѣвѣ, конечно, всякому случается клясться.

Ужели по твоему мнѣнію одинакое зло хуже зла двойного?

Возможно ли это?

Каково тебѣ покажется, если ничѣмъ не раздраженный вдругъ начинаетъ клясться?

Это весьма худо.

А если я раздраженъ, и сдѣлаю еще новое зло?

И это также худо. Впрочемъ меньше худо, если сдѣлано по незнанію

Но я подлежу отвѣтственности за всякое свое произвольное движеніе.

Но если клянусь, хотя произвольно, однако же для того, чтобы избавить отъ опасности?

Пусть дозволяетъ ктонибудь другой!

А если кто напишетъ клятву не произнося ее словомъ?

Что же значить письмо? Рукописаніе связываетъ крѣпче узъ.

Если же по нуждѣ?

Для чего не умеръ? Надлежало прежде принять смерть.

А если дана клятва, когда не лежало предъ клянущимся Писаніе?

Что дѣлаетъ клятву священной: страница, или Богъ?

Очевидно, что Богъ.

Ты боишься пергамена; а я больше боюсь Бога. Многіе подвержены этой болѣзни. Со многими бываетъ то же, что и съ человекомъ, который бьетъ и безчеститъ господина, а даетъ свободу, или даже готовъ оказать честь, его рабу.

Какое поруганіе!

Или который бережетъ царское изображеніе, а самого царя свергаетъ съ престола.

И это бываетъ. Но если осталось еще что сказать, присовокупи и то.

Многіе говорятъ: языкъ произнесъ клятву, а умъ не цаваль ея. Но легче во всемъ другомъ найти себѣ извиненіе, нежели въ клятвѣ. Никто и нисколько да не обманываетъ самъ себя. Во всякомъ случаѣ клятва дана, а двоедушіемъ сколько еще увеличивается грѣхъ!

Вижу и самъ.

Что такое клятва? Рѣшительная мысль.

Въ ужасъ прихожу, слыша слова твои.

Такъ говоришь; но пока не вижу на опытѣ, не знаю, вѣрно ли это. Ибо вѣрны дѣла. И свинья приходитъ тотчасъ въ ужасъ, когда слышитъ крикъ другой свиньи.

Да.

Но это еще не великое дѣлю. Если же слово коснулось сердца; за сіе хвалю.

Но что же? развѣ нѣтъ у меня очистительной купели?

Есть. Но разсуди.

О чемъ же должно разсудить?

Она очищаетъ грѣхопаденія, но не всегда очищаетъ и нравы.

Когда же можетъ очищать и нравы?

Въ томъ одномъ случаѣ, если предпочистишь ихъ нѣсколько.

Понимаю.

Нуженъ страхъ, чтобъ не грѣшить впередъ; а то, что многое прощено, еще не достоинство.

Почему же это? Объясни мнѣ.

Опасно, чтобы не потребовалось вторичное очищеніе.

Что же это за очищеніе? растолкуй.

Очищеніе посредствомъ долговременныхъ слезъ и изможденія плоти.

Не желалъ бы я имѣть въ немъ нужды.

Да! страшно потерять даръ болѣе удобный.

Это—Божіи скрижали.

Точно, Божіи; но ты напиши на скрижаляхъ своего сердца. Хочешь ли знать, что и въ этомъ видна брань завистника, который завидуетъ твоимъ успѣхамъ?

Очень одолжишь, сказавъ о семъ. Ибо много терплю браней отъ врага.

Слушай.

Говори.

Не бозъ-слезъ выслушивалъ я, когда ты говорилъ.

Что такое? Не отпущу, если говорилъ.

Ты говаривалъ: если вымолвлю какоенибудь слово, но не подтверждаю его клятвою; то стыжусь своихъ рѣчей, какъ чего-то неполнаго.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что говаривалъ такъ.

И чего не достаетъ, самъ ты дополнишь къ рѣчи. Это есть клятва—худое дополненіе. Подлинно страшный пламень!

Но Платонъ дѣлаетъ вотъ что. Чтобы не поклясться какимънибудь богомъ, изъ благоговѣнія...

Очень знаю, что скажешь. Былъ какой-то яворъ; имъ однимъ онъ клялся; но и тѣмъ не прямо. Хотя зналъ, чѣмъ клянется; однако же не присовокуплялъ: клянусь такимъ-то яворомъ. Что же это такое? Какая-то тѣнь клятвы, безыменное указаніе, клятва, и вмѣстѣ не клятва. Такъ мудрецы клялись еще чужимъ геніемъ. А

это не что иное значить, какъ чѣмъ нибудь да поклясться. Но вотъ чѣмъ покончимъ нашъ разговоръ.

Такъ скоро грозишь оставить меня, не удовлетворишь моею жаждѣ.

Если клятва кажется тебѣ еще чѣмъ-то маловажнымъ; не хвалю сего. А если считаешь ее такою, какова она дѣйствительно, т. е. дѣломъ весьма ужаснымъ; то отважусь на острое слово, и буду заклинать тебя самою клятвою, бѣгать клятвы.

Побѣда на твоей сторонѣ.

О, если это дѣйствительно такъ; прославлю за сѣ Тебя, Христе мой, чудодѣйствующаго и нынѣ, какъ чудодѣйствовалъ Ты прежде! Тогда всѣ мы единогласно воскликнемъ: аминь, ца будеть!

Сравненіе жизни духовной и жизни мірской.

Жизнь духовная. Жизнь мірская. Судія.

Ж. Д. и М. Не разсудишь ли насъ, чужеземець?

С. О чемъ дѣло?

Ж. Д. и М. Двѣ жизни спорятъ между собою.

С. Какія же это жизни? и о чемъ у нихъ споръ?

Ж. Д. и М. Жизнь мірская и жизнь духовная. А споримъ о томъ, которая изъ насъ лучше и должна быть избрана мудрымъ.

С. Не легко, правда, дать судъ; однако же выслушать должно.

Ж. М. Родившись отъ міра, я знаю и люблю мірское. А въ томъ и благочестіе, чтобы уважать отеческій законъ.

Ж. Д. Родившись отъ Бога, я знаю и чту Бога. А то и благочестиво, чтобы знать совершенное богопочтеніе. И если для тебя всего дороже худое; то не справедливѣе ли будетъ почитать мнѣ драгоценнымъ лучшее?

Ж. М. У меня мать—плоть; я тѣсно сопряжена съ тѣломъ, и желаю одного—восполненія отторженной плоти.

Ж. Д. У меня отецъ—Богъ; я сопряглась съ Богомъ, и желаю одного—подражанія Образу, отъ Котораго проистекла.

Ж. М. Но скажи: какъ существовать бы человѣческій родъ, если бы не пришло на помощь плотское супружество, удерживаемое въ должныхъ предѣлахъ и Божиимъ закономъ и природой?

Ж. Д. Хотя законъ и таковъ, однако же мнѣ должно теперь, отрѣшившись, поспѣшать къ другой жизни, которая лучше настоящей и свободна отъ узъ и тлѣнія.

Ж. М. Почему же жизнь дѣвственная появилась такъ непавно?

Ж. Д. Она была и въ древности, но подъ покровомъ; просіяла же нынѣ послѣ того, какъ Божіею Матерью явилась Дѣва. Ибо нынѣ и ветхій законъ уступить мѣсто новому; буква потеряла силу, господствуетъ же Духъ

Ж. М. Но безъ супружеской жизни могъ ли быть какой постриженникъ, или какой праведникъ?

Ж. Д. Ты очень забавна, когда хочешь увѣрить, что плоти вступаютъ въ союзъ для произведенія на свѣтъ добрыхъ. Добрыми, или худыми, образуетъ время. А кто сѣетъ, тотъ не иное что дѣлаетъ, какъ уступаетъ только наглымъ требованіямъ плоти. Но смѣшно думать о себѣ въ страсти, что содѣйствуешь Божіей воли.

Ж. М. Что же ты даровала жизни?

Ж. Д. Желаетъ знать?—Вѣтви.

Ж. М. Чтобы онѣ засохли, или чтобы развѣялъ ихъ вѣтеръ. Уступи мнѣ корень, а потомъ владѣй вѣтвями.

Ж. Д. Довольно родиться. Пусть другой трудится для тлѣнія, воспитываетъ, обучаетъ, и потомъ вдругъ оплакываетъ, и кого не стало уже на свѣтѣ, того изображаетъ на стѣнахъ, и смотреть на эту бездыханную красоту, на этого недвижимаго сына.

Ж. М. И я имѣю свое благородство.

Ж. Д. А какого ты рода? Кто твой родоначальникъ? Не знаешь развѣ, что всѣ изъ той же персти? Одно только благородство—подражаніе Богу. А ты владѣешь гробами и новыми указами; они вписываютъ тебя въ число благородныхъ, но не дѣлаютъ благородной.

Ж. М. У меня на это есть богатство; оно низлагаетъ враговъ, снѣдаетъ завистію злыхъ, пріобрѣтаетъ мнѣ друзей, даетъ престолы и право величаться въ обществѣ.

Ж. Д. А у меня есть нищета; она доставляетъ мнѣ то, что не имѣю враговъ. Безопаснѣе же возбуждаетъ состраданіе, нежели зависть. И престолы шатки, и друзья по большей части бываютъ только при времени. Но если они и постоянны; то лучше покориться Богу, нежели имѣть первенство во всемъ видимомъ, или стоять выше всего видимаго. Прославляюсь же я въ мысленномъ градѣ.

Ж. М. Но чѣмъ нищему обезопасить жизнь? Гдѣ у него стѣны, двери, боевыя орудія, оруженосцы?

Ж. Д. Нужныя мнѣ для того, чтобы не украли тѣла! Оно одно и небольшое рублище составляетъ все мое имущество. Разбойникъ, или притѣснитель, пусть идетъ къ другимъ. Воръ опасенъ для имѣющихъ что нибудь. У меня одно богатство — Богъ.

Если онъ пріобрѣтенъ мною, никто Его не похититъ, хотя возьметъ все прочее. Да и кому только угодно, пусть всякая рука расхищаетъ мои пожитки! Никто не живетъ въ такой безопасности, какъ человѣкъ бѣдный. Богачъ приноситъ жертвы *своей мрежи* (Аввак. 1, 16), самъ у себя *лобзаетъ руку* (Іов. 31, 27), какъ друга, а не славословитъ Бога—податель благъ. И наконецъ, собранное имъ перейдетъ въ руки чужому, кому бы онъ не хотѣлъ; что говорю: чужому?—даже, можетъ быть, и врагу, а отъ врага еще къ иному, куда повернется колесо. Но у меня, если умру, со мною пойдетъ все мною нажитое, ничего не останется ни зависти, ни превратному счастью.

Ж. М. Какъ хорошо не смотрѣть въ руки сосѣдямъ, тогда какъ другіе, можетъ быть, и благочестивые, смотрятъ мнѣ въ руки!

Ж. Д. Какъ хорошо смотрѣть въ рукъ юдному Богу, даетъ ли Онъ, или отъемлетъ отечески; не дѣлать ничего постыднаго изъ желанія пріобрѣсти, не подражать кровожадной пѣявкѣ, чтобы, однимъ владѣя, устремлять мысль на другое, на иное же взирать недобрыми очами, а иное, по крайней мѣрѣ, воображать въ мечтательныхъ надеждахъ и всегда нищенствовать, желая большаго и большаго!

Ж. М. Какъ же перенести удары труднаго времени тому, кто не имѣетъ никакого подкрѣпленія въ горести?

Ж. Д. Спроси у меня: какъ человѣку избѣжать мѣткой стрѣлы? Волось и изблизи пересѣчь стрѣлой не легко. Положимъ, что будешь въ трудныхъ обстоятельствахъ, но избѣжишь стремленія золь. Трость выдерживаетъ вѣтры, а дубы не выдерживаютъ; потому что первая уступаетъ имъ, а послѣдніе сокрушаются собственной тяжестью.

Ж. М. Мнѣ можно дозволить себѣ и наслажденія.

Ж. Д. А мое наслажденіе—не искать удоовльствія въ пресыщеніи и въ удовольствованіи чреву, не тучнѣть и не страдать болѣзнію богачей, не издавать изъ гортани запаха пріятной для вкуса грязи, и не подавлять въ себѣ мысли скопленіемъ грубыхъ нечистотъ.

Ж. М. У меня самыя лакомыя снѣди.

Ж. Д. А мое лакомство—хлѣбъ; для меня самая вкусная приправа—соль. Имѣя ихъ, презираю затѣи роскошныхъ, какъ гуречь.

Ж. М. Мое наслажденіе—благовоніе мазей, пѣсни, рукопле-

сканія, мѣрные перегибы ногъ подъ ладъ стройныхъ и благозвучныхъ органовъ.

Ж. Д. Ужели ты одобряешь это? А по мнѣ, за сіе-то самое и худо богатство, какъ учитель пороковъ. Для насъ лучше твоихъ органовъ псалмопѣніе, которое настраиваетъ душу для мысленнаго міра. Всякаго же мѣра благоуханнѣ Христосъ, Который за насъ истощилъ Себя, чтобы истребить злосмрадіе, какимъ наполнила меня мертвенность грѣха. Я рукоплещу, когда вижу паденіе моего убійцы, внушившаго мнѣ какое нибудь худое слово, или дѣло. У меня есть и пляска; это—восторженіе къ Богу.

Ж. М. Ты, можетъ быть, скажешь еще, что нищета помогаетъ въ болѣзняхъ, служить лучшимъ врачевствомъ для тѣла?

Ж. Д. Этого не скажу; потому что неправда. Лучше пусть будетъ сказано, что справедливо. Бѣдный гораздо крѣпче силами, нежели достаточный. И Богъ, уравнивая дары Свои, бѣднымъ даль крѣпость силъ, а богатымъ—лекарства. Трудится ли, проливаетъ ли потъ бѣдный?—Этимъ истощаетъ онъ въ себѣ излишнія вещества. Онъ терпитъ голодь и стужу, въ полдень опалается солнцемъ, утомляется ходьбою, обременяется ношами, мокнетъ на дождѣ, временемъ принимаетъ простую, а не многосложную пищу, даже и не знаетъ тѣхъ обольстительныхъ снѣдей, какія повара и служители роскоши добываютъ изъ земли и моря, чтобы предложить мужчинамъ женскую трапезу. Опухоли, простуды, боль въ ногахъ и въ суставахъ, отяжелѣніе, блѣдность, расслабленіе, — вотъ достояніе богатыхъ, вотъ плоды пресыщенія. Богатые не находятъ удовольствія и въ томъ, чѣмъ обладаютъ; часто ищутъ, кому бы оставить свое время, завидуютъ здоровымъ, которые бѣднѣ ихъ. Эти злополучные счастливыцы ничѣмъ не пользуются. Золото, дорогіе камни, всякія украшенія, разноцвѣтныя одежды, блистающія пурпуромъ живописныя изображенія на стѣнахъ, на потолкахъ и на камняхъ, которыми выстланы полы; серебро частию скрытое въ нѣдрахъ земли — справедливо заключенное въ тѣхъ же гробахъ, откуда оно взято, а частию выставленное на показъ и блистающее на пирахъ; кони, ковры, колесницы, колесничники, псы, ловчіе отыскиватели звѣриныхъ слѣдовъ; всѣ наслажденія для злаго господина—чрева, все удобное для гортани, всего собирающей дань; постельники, придверники, докладчики, усыпители, цвѣтоносцы, окропляющіе благовоніями, вытирающіе тарелки, отвѣдывающіе кушанье, производящіе тѣнь, наблюдающіе мановенія; банники, пробующіе горячую воду концами перстовъ, остриженные чо-женски—эта услада глазъ,—вотъ прина-

длежности богатаго гроба, писанной персти! А бѣдный стоитъ твердо; онъ, если и падеть, не вдругъ, изнуренный болѣзнію или множествомъ лѣтъ, то не причинитъ никакихъ хлопотъ своимъ друзьямъ. Онъ умретъ, какъ левъ, рыкая, и мертвый по большей части бываетъ благолѣпнѣе великихъ богачей. Что еще сказать о презорствѣ, о гнѣвѣ, объ изступленіи, о дерзости, о пьянствѣ, о необузданномъ смѣхѣ, о срамныхъ рѣчахъ о пренебреженіи Бога, родства, дружбы? Все это не въ такой мѣрѣ бываетъ въ бѣдныхъ, какъ въ богатыхъ; потому что богатство приноситъ съ собою презорство, а за презорствомъ слѣдуетъ гибель. Но бѣдный, какъ всего чаще видимъ, не поднимаетъ вверхъ головы, потому что живетъ въ угнетеніи; особливо, если приходитъ на помощь страхъ Божій—этотъ сильный наставникъ всякому добру. Сдѣлай же теперь краткій обзоръ, сличи одно съ другимъ, и назначь той и другой жизни правдивую цѣну; если не покажется тебѣ обидою то, что на ряду съ тобою становятся бѣдные, дышать однимъ воздухомъ, носить одно имя, думаютъ жить подъ одной кровлей, плыть на одномъ кораблѣ. Ты завидуешь добродѣтельнымъ, а я сожалею о порочныхъ; потому что всего бѣдственнѣе быть порочнымъ, хотя и благоуспѣшенъ путь текущихъ къ гибельному концу. Ты презираешь нищихъ, какъ будто у нихъ другой Богъ; но я знаю одну тварь, знаю, что всѣ явимся на одинъ судъ. А второе твореніе—это добрая нравственность. Ты превозносишься удобствами жизни; а меня уцѣломудриваетъ страхъ. Тебя приводятъ въ изнеможеніе трудности, а меня облегчаетъ надежда; потому что ничего гѣтъ постояннаго, но все утекаетъ съ продолженіемъ времени. Ночь полагаетъ конецъ дню, а день—ночи. Радость смѣняется скорбію, а бѣдствіе оканчивается чѣмъ нибудь пріятнымъ. А потому и не должно останавливать на семъ вниманія, какъ на чемъ-то непремѣнномъ. Ничто не кажется тебѣ страшнымъ; ты не боишься и самыхъ великихъ пороковъ: потому что роскошная жизнь препятствуетъ тебѣ судить здраво. А мнѣ и малые проступки кажутся достойными слезъ; потому что грѣхъ есть отчужденіе отъ Бога. Какъ же могу стерпѣть, когда утрачиваю Бога? У тебя спокойный сонъ, удобно лежитъ ребро съ ребромъ; для тебя пріятныя сновидѣнія, — повторенія того же, что дѣлалось днемъ; ты пьешь, играешь въ зернь, принимаешь дары, шутишь, смѣешься. А у меня большая часть жизни проходитъ безъ сна; потому что уснуваго будятъ труды. Если же и похищу нѣсколько сна; то со слезами. Меня пугаютъ видѣнія жестокой ночи: судъ, Судія неподкупный, трепетное предстояніе судилищу, съ одной стороны рѣка, клоко-

чушая неугасимымъ огнемъ, съ другой—червь, гложущій вѣчно, а по срединѣ совѣсть — этотъ обвинитель, не нуждающійся въ письменныхъ уликахъ. И Богъ тебѣ въ Бога, когда только подаетъ во всемъ успѣхъ: а для меня Онъ досточтимъ, хотя посылаетъ и противное. Ибо борьба съ несчастіями — для меня спасительное врачевство. Чѣмъ сильнѣе меня угнетаютъ, тѣмъ болѣе приближаюсь къ Богу; страданія тѣснѣе соединяютъ меня съ Богомъ; это для меня—преслѣдующее воинство враговъ, которое заставляетъ укрыться въ стѣны. У тебя утѣшителями—дѣти, жена, друзья, и лишиться ихъ—величайшее для тебя бѣдствіе. А мнѣ и въ голодѣ, и въ холодѣ, и въ скорби, опора и отрада — Богъ. Обижай меня, бей, укоряй въ подлости рода и нищетѣ, попирай, притѣсняй; ты не долго будешь наносить мнѣ обиды, а я все терплю для Бога, и къ Нему обращаю взоры, простираюсь мыслию въ жизнь послѣдующую, тамъ упокоиваюсь, но не знаю ничего дольняго, и такимъ образомъ удобно избавляюсь отъ всякой скорби. Что же еще сказать? Для тебя, какъ мнѣ кажется, несносное будетъ не получить теперь одобрительнаго голоса. Кто привыкъ всегда одерживать верхъ, тотъ не терпитъ, чтобы брали надъ нимъ еврхъ другіе. Но мнѣ совершенно равно—и получить и не получить одобреніе. Для меня достаточно Бога, хотя б ъвсе прочее присвоилъ себѣ другой. Такая высота славы—моя величайшая побѣда.

Ж. М. А что, если падутъ иныя и высокіе?

Ж. Д. А что, если падутъ и со второй степени? Для тѣхъ и для другихъ возможно и преуспѣвать, и падать. Одно равно другому. Но я гораздо худшими почитаю тѣхъ, которые падаютъ въ превосходнѣйшей жизни. Столько не терплю пороковъ. Въ комъ достойнѣе уваженія превосходство, когда одерживаетъ онъ верхъ, для того бѣдственнѣе паденіе, когда подвергается оному. Но прошу не ставить въ вину самой жизни, если кто очень худъ; ибо онъ уже врагъ этой жизни. Разсматривай и извѣдывай въ отдѣльности нравы съ одной стороны добрыхъ, а съ другой порочныхъ, и насколько не наклоняй вѣсовъ ни въ ту, ни въ другую сторону, что было бы не справедливо; но пусть перевѣшиваетъ, что само по себѣ имѣетъ болѣе вѣса. Тогда только узнаешь, какое различіе между одною и другою жизнію. Но не сличай лучшаго осла съ худымъ конемъ, и преовсходнѣйшаго человѣка въ жизни мірской съ самымъ худымъ изъ моихъ. Въ такомъ случаѣ, не спорю, твои окажутся совершеннѣйшими. Но если высокаго сравнишь съ высокимъ, и худаго съ худымъ; то узнаешь, какъ велико мое превосходство. Замѣть и то, что равно во всякое время есть у насъ пре-

тыкающіеся, но есть также у насъ и одерживающіе побѣду. Говорятъ же, что одна ласточка не приноситъ прекрасной весны, и одинъ сѣдой волосъ старости. Итакъ что скажешь? Даешь голосъ въ мою пользу, или мнѣ проститься съ тобой?

С. Даю; и почему же не дать? Тогда развѣ подумаю предпочесть дольную жизнь твоей жизни, когда, потерявъ умъ, кого-нибудь изъ смертныхъ сравняю съ Богомъ. Но пока не погублю ума, дотолѣ и этого не сдѣлаю. Идите же. Впрочемъ лучше жить вамъ въ мирѣ, и между собою, и съ великимъ Богомъ. И ты, жизнь мірская, должна уступать первенство жизни первенствующей; и ты, жизнь духовная, должна принимать жизнь второстепенную, какъ сестру. Если не имѣешь первенства; ничто не препятствуетъ тебѣ стоять на второмъ мѣстѣ, что также не безчестно. А чрезъ это жизнь наша сдѣлается безопасною.

Къ душѣ своей

Чего тебѣ хочется? спрашиваю душу свою. Что для тебя важно и что маловажно изъ высоко цѣнимаго смертными? Проси только чего либо славнаго, и охотно дамъ тебѣ. Хочешь ли имѣть, что было у Лидійца Гигеса, и царствовать съ помощію перстня, обращая его печать; дѣлаться невидимой, какъ скоро печать закрыта, и видимой, какъ скоро она открыта? Хочешь ли участи богато умершаго Мидаса, у котораго все обращалось въ золото, и который, въ наказаніе за неумѣренное желаніе, терпѣлъ золотой голодъ? Хочешь ли прозрачныхъ камней, тучныхъ полей, множества стадъ, воловъ иеврблюдовъ? Этого не дамъ тебѣ: и тебѣ получить это не полезно, и мнѣ дать не легко; потому что я оставилъ о семъ попеченіе съ тѣхъ поръ, какъ притекъ къ Богу. Или ты хочешь престоловъ и начальства—этого кратковременнаго киченія, чтобы завтра же быть низринутой и смиренно смотрѣть въ землю, между тѣмъ какъ подниметъ вверхъ голову другой, который былъ у тебя служителемъ, и даже, можетъ быть, однимъ изъ негодныхъ служителей? Не хочешь ли связать себя бракомъ, предаться не цѣломудреннымъ и кратковременнымъ восторгамъ? Не желаешь ли этой сладостной болѣзни — заботы о благодадіи? Но если твое благодадіе назову злочадіемъ, что тогда скажешь? Не хочешь ли гремѣть словомъ и собирать вокругъ себя зрителей? Или есть у тебя желаніе торговать законами, толковать ихъ вопреки справедливости, влечь друтихъ, и самой быть влачимою, въ беззаконныя сущилица? Или хочешь потрясать копьемъ, дышать бранною-

біемъ, домогаться вѣнца за подвиги, испытывать свое мужество въ борьбѣ со звѣрями? Или желательно тебѣ заслужить рукоплесканія въ городѣ, и изваянія изъ мѣди? Хочешь ли уловить тѣнь свидѣній, мимолетный вѣтерокъ, шумъ стрѣлы, не оставляющей послѣ себя слѣда, звукъ плещущей руки? Для человѣка умнаго важно ли то, что нынѣ есть, и чего завтра не будетъ, чѣмъ пользуются и злые, что не сопровождаетъ отходящихъ изъ этой жизни? Итакъ что же? Если не этого желаешь; то чего тебѣ хочется? Не хочешь ли стать богомъ—богомъ, т. е. свѣтоносно предстоять всевышнему Богу и ликовать съ Ангелами? Расширь же свои крыла, взвивайся въ быстролетномъ пареніи, несись въ высоту; я очищу тебѣ крыла, дамъ тебѣ такое ученіе, которое подниметъ тебя вверхъ, вознесу тебя въ эфиръ, какъ легкокрылую птицу.

Скажи и ты, негодная, зловонная плоть! Ноелику я—владычица сопряжена съ тобою—пищеваромъ, то скажи: чего ты хочешь себѣ, чтобы удержать въ себѣ дыханіе? Я должна тебѣ немногимъ, хотя стараешься вынудить у меня многое. Хочешь ли имѣть столъ, благоухающій отъ мѣра и излишнихъ поварскихъ ухищреній, слышать вотсоргающіе звуки музыкальныхъ орудій и рукоплесканий, видѣть пляски юныхъ отроковъ, не свойственныя мужамъ, и круженья дѣвъ неблагочинно обнаженныхъ, такъ какъ все это учреждаютъ на пиршествахъ любители студодѣянія, чтобы еще болѣе разгорячить вино, омрачающее умъ? Если этого хочешь ты отъ меня, то скорѣе получишь удавку. Я ненасытнымъ друзьямъ предлагаю слѣдующее! Пусть сокроетъ тебя какой-нибудь пріютъ, или самъ собою образовавшійся въ каменной горѣ, или, если надобно тебѣ и потрудиться, дѣло нѣсколькихъ часовъ. Одежду пусть будетъ у тебя или верблюжій волосъ, по уставу праведниковъ, или даже кожа—покровъ древней наготы. Для ложа бери, что случилось; а трава и древесныя вѣтви да будутъ у тебя пурпуровой скатертью, неопасною для сопиршествениковъ. И пріятно благоухающая трапеза да предлагается у тебя безъ дальнихъ приготовленій изъ тѣхъ безыскусственныхъ даровъ, какіе дружелюбная земля расточаетъ всякому. А устрой въ твое помѣщеніе, и напитаемъ тебя охотно. Хочешь ты ѣсть? Бери себѣ хлѣбъ, если случится, даже и житный. А для варенья безъ мѣры даемъ тебѣ соль и дикій лукъ—не купленный овощъ; другою лучшею приправой пусть будетъ голодь. Хочешь ли ты пить?—Предъ тобою струится вода—всегда черезъ край льющаяся чапа, питье, не производящее опьяненія, наслажденіе, заимствуемое не у виноградной лозы. А если хочешь и пороскошничать; то не пожалѣемъ ук-

суса. Но тебѣ и этого будетъ недостаточно. Ты неутомимо и ненасытно хочешь черпать удовольствіе дырявою бочкой. Ищи же себѣ другаго попечителя; а у меня нѣтъ досужаго времени лелѣять своего домашняго врага, который бы уязвилъ меня, какъ окостенѣвшая отъ стужи, и потомъ въ нѣдрѣ моемъ отогрѣвая, змѣя. Ты хочешь огромныхъ домовъ, позолоченныхъ потололковъ, искусныхъ произведеній живописи и мозаики, едва не живыхъ изображеній, стѣны блестящихъ разными и искусно подобранными цвѣтами? Хочешь пышной одежды, къ которой нельзя и притронуться, хочешь богатыхъ перстней и этого убранства, смѣшнаго для тѣхъ, которые учатся цѣломудрію, а еще болѣе смѣшнаго для меня, который знаю одну внутреннюю красоту?

Такъ говорю вамъ смертнымъ, которые пресмыкаетесь долу, ищите одного скоропреходящаго, и ни на что больше не обращаете вниманія! А живущимъ благородно и достойно этой доли, которая во мнѣ отъ Бога и срастворена съ брэнною моею дебелистію (замѣть величавость нищаго), предложу вотъ какую пищу: „Богомудрый! пройди мимо пламенѣющаго меча, будь дѣлательемъ божественныхъ растеній, цвѣтущихъ разумомъ, которыхъ лишили меня врагъ, уловивъ сластолюбіемъ. Приступи опять къ древу вѣчно пребывающей жизни, а она, какъ нашель я, есть вѣдѣніе всевышняго Бога, единаго Трисіяннаго Свѣта, къ Которому стремится все“. Такъ скажетъ самъ себѣ всякій, если онъ мудръ. А кто не захочетъ сказать, тотъ напресно проведеть жизнь. И, о если бы еще только напрасно, а не въ величайшемъ злѣ!

Мысли, писанныя четверостишіями.

Я—трудъ Григоріевъ, и въ духовныхъ изреченіяхъ сохраняю четверостишный памятникъ мудрости.

1. Чему отдашь предпочтеніе—дѣятельной, или созерцательной жизни? Въ созерцаніи могутъ упражняться совершенные, а въ дѣятельности многіе. Правда, что то и другое и хорошо и вождельно; но ты къ чему способенъ, къ тому и простирайся особенно.

2. Нѣкто просилъ у меня рѣшенія на вопросъ о чемъ-то духовномъ. Готовъ, отвѣчалъ я, если ты смыль съ себя скверну. Но ты уже имѣешь цѣломудренный умъ.—Если смыль съ себя прежнюю скверну; нужно и теперь очищеніе. Въ смраднѣйшій сосудъ не кладутъ на сбереженіе благовонной масти.

3. Не всякому слову противься, не всякому и слѣдуй; но знай: какому и когда противиться, или слѣдовать. Болѣе будь привя-

занъ къ Богу, чѣмъ стой за ученіе о Богѣ. Всякое слово можно оспоривать словомъ; но жизнь чѣмъ оспоришь?

4. Или вовсе не учи, или учи доброю жизнію. Иначе будешь одною рукою притягивать, а другою отталкивать. Меньше требуется словъ, если дѣлаешь, что должно. Живописецъ больше учитъ своими картинами.

5. Особенно вамъ, служители алтаря, совѣтую не быть окомъ исполненнымъ тмы, чтобы не оказаться первыми въ порочной жизни. Ибо если свѣтъ темень; чѣмъ будетъ самая тма?

6. Безгласное дѣло лучше неисполнимаго слова. Никто никогда не сталъ высокимъ безъ добрыхъ дѣлъ, а многіе прославились безъ краснаго слова. Благодать дается не тому, кто говоритъ, но тому, кто хорошо живетъ.

7. Наилучшій даръ Богу—добрые нравы. Хотя бы ты все принесъ Ему; однако не принесешь ничего достойнаго. Приноси то, что даетъ и бѣдный. Чистый не беретъ себѣ доли изъ цѣны блудницы.

8. Ничего не обѣщай Богу (Еккл. 5, 4), даже и малости; потому что все Божіе, прежде нежели принято отъ тебя. И что еще скажу? Не отдавъ обѣщаннаго, ты крадешь это самъ у себя.—Какой же необычайный пріймешь на себя долгъ? Да увѣрять тебя въ этомъ Ананія и Сапфира.

9. Настоящую жизнь почитай торжищемъ. Еслипустишься въ торговлю; то останешься съ прибылью: потому что за малое получишь въ обмѣнъ великое, и за скоропреходящее — вѣчное. А если пропустишь случай; другаго времени для такого обмѣна уже не будетъ.

10. Тебѣ предлежитъ длинный путь, но еще большая награда. Представляя себѣ вдругъ весь трудъ, не откажись отъ всего. И море переплывешь не все вдругъ. А и это не рѣдко бываетъ искушеніемъ неприязненнаго.

11. Не слишкомъ себя обнадеживай, и не вовсе теряй надежду. Одно ослабляетъ, другое низлагаетъ. Въ чемъ нибудь преуспѣвай, другаго держись, сколько ни есть, а къ иному не будь завистливъ; недовершенное не сдѣлаетъ бесполезнымъ трудъ совершеннаго тобою пути.

12. Не берись за все горячо, но держись того, что избралъ. Лучше прибавлять добраго, нежели убавлять у него что-нибудь. Не тѣхъ называемъ худыми, которые стоятъ низко, но тѣхъ, которые, поднявшись высоко, низко падаютъ.

13. И отъ малой искры возгарается великій пламень; и сѣмя

ехидны бывало не рѣдко пагубнымъ. Видя сіе, уклоняйся и того, что производитъ малый вредъ. Теперь вредъ не великъ, но со временемъ сдѣлается онъ большимъ.

14. Разбирай больше самъ себя, нежели дѣла ближнихъ: одно доставляетъ пользу тебѣ, другое—ближнимъ: Лучше вести счетъ дѣламъ своимъ, нежели деньгамъ; послѣднія текутъ, а первыя постоянны.

15. Пусть непрестанно трудится твой умъ, напечатлѣвая въ себѣ божественныя мысли и глаголы жизни. А на языкъ будь скупъ; потому что онъ весьма способенъ дѣлать вредъ, и чѣмъ скорѣе движется, тѣмъ меньше приноситъ пользы.

16. Меня обольщало зрѣніе, однако же я удержался, не поставилъ въ себѣ кумира грѣху. И кумиръ былъ поставленъ; но мы избѣжали искушенія. Все это степени боренія съ непріязненнымъ врагомъ.

17. Залѣпляй воскомъ уши отъ гнилаго слова и отъ неблагоприличныхъ извитій усладительнаго пѣнія. Но отверзай слухъ для всего добраго и прекраснаго. Между словомъ, слышаніемъ и дѣломъ разстоянія не велики.

18. Не обольщайся чрезъ мѣру пріятностями запаховъ, мягкостію осязанія и вкусомъ. Уступивъ имъ надъ собою верхъ, произведешь ли что мужественное? Различны между собою услажденія, приличныя женамъ и мужамъ.

19. Чрево говоритъ: дай.—Охотно дамъ, если, получивъ просямое, сохранишь цѣломудріе. А если жертвуешь симъ дольнему; то получи отъ меня грязь, да и ту не въ избыткѣ. Когда же сдѣлаешься воздержнымъ; тогда дамъ и въ избыткѣ.

20. Для людей здравомыслящихъ достоинъ смѣха какъ вообще всякій смѣхъ, такъ еще болѣе смѣхъ блуднической. Неумѣренный смѣхъ бываетъ и до слезъ. Лучше быть угрюмымъ, нежели разсѣяннымъ.

21. Красотою почитай благолѣпіе души,—не то, что могутъ написать руки, а время разрушить, но то, что усматривается взоромъ цѣломудреннаго ума. А подобно сему и безобразіемъ признавай душевную гнусность

22. Тебѣ предстоятъ скорби, удовольствія, надежды, опасенія, богатство, нищета, слава, безславіе, престолы; пусть течетъ все это, какъ хочеть. До человѣка, утвердившагося на добромъ основаніи, не касается ничто непостоянное.

23. Возвышайся болѣе жизнію, нежели мыслию. Жизнь можетъ сдѣлать тебя богоподобнымъ, а мысль доведетъ до великаго

паденія. И жизнь устрой не по малой мѣркѣ. Какъ бы ни высоко возшелъ ты, все будешь еще стоять ниже заповѣди.

24. Не за всякою славою гонись, и гонись не слишкомъ; лучше быть, нежели считаться, добрымъ. А если не можешь себя умѣрять; лови славу, но не суетную и не новую. Что пользы обезьянѣ, если пріймутъ ее за льва?

25. Хвали другаго, но не думай высоко о себѣ, когда тебя хвалятъ; ибо опасно, чтобы не оказаться тебѣ ниже похвалъ. И другаго хвали, не торопясь, но прежде дознай опытно, чтобы не понести тебѣ стыда, когда окажется онъ худымъ.

26. Лучше о себѣ слышать худое, нежели говорить худо о другомъ. Ежели кто, желая позабавить тебя, выставяетъ близкаго на посмѣшище; то воображай себѣ, что предметомъ смѣха служишь ты самъ; въ такомъ случаѣ слова его все и болѣе огорчать тебя.

27. Не хвались добрымъ плаваніемъ, пока корабль твой не привязанъ къ берегу. У многихъ счастливо плывшая ладья разбивалась у пристани. Многие уносили девятый валъ. Одно безопасно—не слагать вины на счастье.

28. Тому лучше возмѣть нѣкоторое дерзновеніе предъ Владыкою, кто живетъ хорошо, и потрудился, нежели тому вызывать Его на судъ, кто не отличается добрыми дѣлами, хотя и все у него идетъ съ разсужденіемъ.

29. Откажись отъ всего, и стяжи единаго Бога, потому что ты раздаятель чужаго имущества. А если не хочешь оставить все, то отдай большую часть. Если же и того не хочешь; по крайней мѣрѣ излишки употребляй благочестно.

30. Хорошо уберечь что нибудь отъ моли и отъ зависти. Лучше имѣть должникомъ Христа, нежели всеѣмъ обладать. Христосъ за одинъ кусокъ хлѣба даруетъ царство; а питаешь нищаго, ты питаешь и одѣваешь Христа.

31. Приходилъ нищій, и ушелъ, ничего не получивъ. Боюсь, Христе, чтобы и мнѣ, который имѣю нужду въ Твоей помощи, по моимъ же законамъ, не отойти отъ Тебя ничего не получившимъ. Ибо кто не далъ, тотъ и получить не надѣйся.

32. Всего безопаснѣе челоуѣкъ неимущій. Онъ обращенъ къ Богу и на Него одного взираетъ. Укрой же его въ своихъ объятіяхъ. И мощный орелъ, какъ говорятъ, согрѣваетъ въ гнѣздѣ своемъ мелкую птицу.

33. Нищета лучше неправеднаго пріобрѣтенія, равно какъ и

болѣзнь лучше худаго здоровья. Человѣкъ не вдругъ умираетъ съ голода; но для порочныхъ худая жизнь есть смерть.

34. Что значать слова: господинъ и слуга? Какое дурное дѣленіе! У всѣхъ одинъ Творецъ, для всѣхъ одинъ законъ, одинъ судъ. Принимая услугу, смотри на служащаго, какъ на сослуживца; и сподобишься большей чести, когда разрѣшишься отъ тѣла.

35. Что же должны дѣлать рабы, особливо рабы Божіи?—Да не отказываются они угождать господамъ. И въ свободные и въ рабы вписываетъ жизнь. Христосъ пришелъ въ образъ раба, но Онъ освободилъ насъ.

36. Стыдись наименованія порочнымъ, а не низкимъ по происхожденію. Знатность рода есть давнишняя гнилость. Лучше начать, нежели заключить собою родъ, равно какъ лучше самому быть пригожимъ, нежели родиться отъ пригожихъ.

37. Въ разсужденіи одного Бога и божественнаго не знай мѣры въ насыщеніи. Богъ еще въ большей мѣрѣ даруетъ Себя тѣмъ, которые пріемлютъ Его. Онъ самъ жаждетъ жаждущихъ Его, непрестанно и преизобильно источая Себя имъ. А если кто богатѣе тебя въ другомъ чемъ, терпи сіе равнодушно.

38. Не заботься во всемъ и всегда одерживать верхъ. Лучше уступить надъ собою побѣду съ пользою, нежели побѣдить со вредомъ. И у борцовъ почитается побѣжденнымъ не всегда тотъ, кто лежитъ внизу, но часто и тотъ, кто остается вверху.

39. Въ иномъ понеси и ущербъ: это часто бываетъ выгодно; какъ и растеніе подрѣзываютъ, чтобы больше принесло плодовъ. А если къ тому, что имѣешь теперь, присовокулишь что нибудь не добрымъ способомъ; будетъ значить, что подкладываешь огонь подъ дрова, или здоровому тѣлу сообщаешь болѣзнь.

40. Если ты ни въ чемъ не виновенъ предъ Богомъ и ни чѣмъ не заслужилъ наказанія; то не имѣй состраданія и къ тѣмъ, которые виновны предъ тобою. А если сознаешь себя виновнымъ предъ Богомъ: то оказывай снисходительность и самъ; потому что у Бога милость взвѣшивается милостію.

41. Какъ скоро обида разжигаетъ твое сердце; вспомни о Христѣ и объ Его язвахъ, разсуди, что претерпѣваемое тобою весьма маловажно въ сравненіи съ страданіями Владыки: и тогда, какъ водою, угасишь свою скорбь.

42. Плотская любовь, пьянство, ревность и бѣсъ—равны между собою. Къ кому пришли они, у того погубленъ умъ. Умерш-

вление плоти, молитва, слезы—вотъ цѣлебныя пособія! Это составляетъ врачевство и для моихъ недуговъ.

43. Избѣгай всякой клятвы. Но чѣмъ же увѣрить другихъ?—Словомъ и жизнью, удостоверяющею въ словѣ. Ложная клятва есть отреченіе отъ Бога. Къ чему тебѣ призывать въ посредники Бога? Сдѣлай, чтобы посредникомъ твоимъ были твои добрыя нравы.

44. Что короче сего повелѣнія о милости: таковъ будь къ друзьямъ и ближнимъ, какими желаешь имѣть ихъ къ себѣ? Но есть другое и сего короче—это Христовы страданія.

45. Ничего не жалѣй для вѣрнаго друга, который показалъ себя не за чашей, но въ бурное время, который ничего не дѣлаетъ тебѣ въ угожденіе, кромѣ полезнаго. Знай предѣлы враждѣ, а не благорасположенію.

46. Глазъ другое видитъ, а себя не видитъ; даже и другаго не видитъ, если очень слѣпъ. Посему надобно во всякомъ дѣлѣ имѣть совѣтника. И рукѣ нужна рука, и ногѣ—нога.

47. Ежели слѣдуешь совѣтамъ добродѣтельныхъ; то не стыдись, когда станутъ осмѣивать тебя порочныя. А какъ скоро приходитъ тебѣ на мысль что нибудь гнусное, представь, что многіе на тебя смотрятъ, и устыдись самъ себя.

48. Добраго всегда предпочитай недоброму. Обращаясь съ порочными, и самъ непременно сдѣлаешься порочнымъ. Отъ худаго человѣка никогда не принимай милости; потому что онъ старается чрезъ это найти у тебя извиненіе своимъ дѣламъ.

49. Хочу, чтобы попользовались чѣмъ нибудь и отъ непріязненнаго. Ибо тому, кто избѣжалъ его нападеній, совѣтую впередъ быть осторожнѣе. И горькаго лекарства боюсь, и сладкаго не одобряю.

50. Награждай добрыхъ, презирай злыхъ. Но и послѣднимъ оказывай одну милость, ни мало не оскорбляйся ихъ поступками, чтобы великодушнѣе и ихъ со временемъ сдѣлать добрыми Прекрасный даръ—милость.

51. Будь милостивъ ко всѣмъ, если это возможно; а еще милостивѣе къ ближнимъ. Для чего говорю сіе?—Кто повѣритъ, что ты добръ къ чужимъ, если несправедливъ къ тѣмъ, кому одолженъ?

52. Для чего слагаемъ во всемъ вину на бѣднаго врага, когда сами своею жизнью даемъ ему надъ собою власть? Укоряй себя самого во всѣмъ, или въ большей части проступковъ. Огонь зажигаемъ мы сами, а злый духъ раздуваетъ пламень.

53. Не слишкомъ поддавайся игривымъ снамъ. Они не должны какъ пугать всёмъ твой умъ, такъ окрылять его неприятными мечтами. Все это бываетъ часто сѣтїю непрїязненнаго врага.

54. Всякому правому намѣренію пусть предшествуетъ надежда. Она помогаетъ иногда и въ худомъ; и потому не справедливо ли, чтобы еще болѣе содѣйствовала въ добрѣ? Несносно для меня, что преодолеваюсь злымъ.

55. Вѣрь, что благоразуміе надежнѣе счастья. Одно есть быстрое теченіе обстоятельствъ, а другое—кормило. Ничего не предпочитай учености; она одна составляетъ собственность прїобрѣтшихъ ее.

56. Если хочешь быть богомъ; показывай свою дѣятельность не въ томъ, чтобы дѣлать зло, но въ томъ, чтобы дѣлать добро. Последнее свойственно человѣку, который знаетъ, что ему сродно. А убить безъ труда могутъ и тригонъ¹⁾ и скорпионъ.

57. Стыдно юношѣ быть немощнѣе старца, а старцу—безразсуднѣе юноши. Впрочемъ будь мудръ хотя по лѣтамъ; а совершеннѣйшіе бываютъ цѣломудренны и не по лѣтамъ.

58. Непрестанно устраивай свое спасеніе, особливо же, когда приближается конецъ жизни. Наступила старость, — это провозвѣстница, которая извѣщаетъ объ исходѣ. Всякой готовься: потому что близокъ судъ.

59. Конецъ слова: отреченіе отъ Бога бываетъ двоякое, одно словомъ, другое дѣломъ. Смотри, чтобы не уловилъ тебя врагъ; онъ непрестанно угрожаетъ тебѣ тайными паденіями. Бойся, чтобы не сдѣлалось для тебя нужнымъ конечное очищеніе.

Мысли, писанныя одностишіями¹⁾.

Бога имѣй началомъ и концомъ всякаго дѣла.

Самая лучшая польза отъ жизни—умирать ежедневно.

Старайся узнавать всё поступки добродѣтельныхъ.

Тяжело жить въ бѣдности, но еще хуже разбогатѣть неправедно.

Дѣлая благотворенія, думай, что подражаешь Богу.

Милости Божіей ищи себѣ милостями къ ближнимъ.

¹⁾ Морская рыба, родъ раи.

²⁾ Въ греческомъ каждая мысль составляетъ стихъ, и первыя буквы стиховъ слѣдуютъ порядку греческаго алфавита.

Владѣй плотію и смирай ея, какъ можно лучше.

Обуздывай гнѣвъ, чтобы не выступать изъ ума.

Удерживай око, и языкъ пусть знаетъ мѣру.

Уши пусть будутъ замкнуты ключемъ, и да не любодѣйствуютъ смѣхъ.

Свѣтильникомъ всей своей жизни признавай разумъ.

Смотри, чтобы изъ-за видимости не ускользнула у тебя дѣйствительность.

Все разумѣй, но дѣлай, что позволительно дѣлать.

Знай, что самъ ты странникъ; и уважай странниковъ.

Во время благополучнаго плаванія наипаче помни о бурѣ.

Что дается отъ Бога, все то должно принимать съ благодавніемъ.

Лучше наказаніе отъ праведника, нежели честь отъ порочнаго.

При дверяхъ у мудрыхъ стой неотступно, а у богатыхъ не стой никогда.

Маловажное не маловажно, когда производитъ великое.

Обуздывай наглость, и будешь великій мудрецъ.

Береги самъ себя, а надъ паденіемъ другаго не смѣйся.

Пріятно возбуждаетъ къ себѣ зависть, но весьма постыдно самому завидовать.

Въ жертву Богу преимущественно предъ всѣмъ прочимъ приноси душу.

О если бы кто соблюлъ сіе! онъ спасется.

На челоѣна високаго родомъ и худаго по нравственности.

1.

Нѣкто челоѣкъ крайне худой, но происшедшій отъ добрыхъ родителей, хвалился своими предками предъ другимъ, который незнатенъ былъ родомъ, но внушалъ удивленіе дѣлами. Этотъ, съ большою пріятностію улыбнувшись, далъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: „мнѣ укоризна—родъ, а ты—укоризна роду“.

Соблюдай это въ памяти, и ничего инаго не будешь предпочитать добродѣтели. Если кто укорить тебя за то, что ты дуренъ лицомъ, или что имѣешь непріятный запахъ; ужели скажешь на сіе: у меня отецъ былъ пригожъ, или всегда умащался благовоніями? Если кто назоветъ тебя трусомъ и не имѣющимъ мужества; ужели возразишь: у меня предки пріобрѣтали много побѣдныхъ вѣнцовъ въ Олимпіи? Подобнымъ образомъ, если уличаютъ тебя въ

томъ, что ты порочень и неразуменъ; не говори мнѣ о своихъ родителяхъ, и не указывай на мертвыхъ. У инаго гусли вызолочены, а онъ играетъ на нихъ нестройно; другой же беретъ какія ни попадутся ему гусли, и выигрываетъ на нихъ благозвучную пѣснь. Кого же изъ нихъ, дорогой мой, признаешь ты гуслистомъ? Конечно, того, кто въ искусственныхъ своихъ бряцаніяхъ соблюдаетъ гармонию? Но ты родился, говоришь, отъ золотыхъ родителей, а самъ не хорошъ. Ужели же по этому думаешь о себѣ высоко? и знаменитость рода поставляешь въ этомъ одномъ—въ давнихъ мертвецахъ, въ разказахъ старухъ? Вѣрно, ты шутишь! Я смотрю на тебя одного: добродѣтеленъ ли, или порочень ты? А что до происхожденія; всѣ мы—то же брение, у всѣхъ одинаковая кожа, хотя надмеваемся и превозносимся богатствомъ, славою, величіемъ отечества, какъ будто отецъ и родъ придаютъ мнѣ что-то лишнее. Меня не восхищаютъ ни сказки, ни гробы; но смотрю на тебя одного, добрый мой. Всѣ мы одна персть; всѣ мы приходимъ отъ одного Творца. Не природою, а насиліемъ раздѣлены смертные на два разряда. По моему тотъ и рабъ, кто негоденъ, тотъ и свободенъ, кто совершенъ. А если въ тебѣ есть гордость; какое тутъ отношеніе къ роду? По отцѣ ли славенъ лошакъ, и укоришь ли его за то, что произошелъ отъ осла? Ни мало. Но какая слава и осламъ отъ лошаковъ? Орлы раждають и кидають своихъ птенцовъ. Для чего же ты, умалчивая о себѣ, говоришь мнѣ о своихъ предкахъ? Лучше быть добродѣтельнымъ, происходя отъ худаго рода, нежели благородному быть человѣкомъ самымъ порочнымъ. И роза выросла на грубомъ растеніи, хотя она и роза. Если же ты на нѣжной землѣ вышелъ терномъ; то годишься только въ огонь. Какъ же, будучи порочнымъ, столько величаешься предками? Ты—ходящій въ колѣсъ осель; а думаешь носить голову наравнѣ съ конемъ.

2.

Если бы привелъ я къ тебѣ обезьяну, постаравшись нарядить ее львомъ; пришелъ ли бы ты въ страхъ при видѣ ея?—Какъ это возможно?—А что? не смѣшишь ли еще былъ бы для тебя воронъ, эта самая некрасивая изъ птицъ, если бы онъ, окрасившись чѣмъ-нибудь бѣлымъ, сталъ представлять изъ себя лебедя?—Для меня опъ очень смѣшонъ. А если человѣкъ низкій по нравамъ величается благородствомъ, уважать ли мнѣ его? Какъ ни блистателенъ ликъ писанный на картинѣ, я не предпочту его живому человѣку. Пусть напишутъ себя другіе; для меня нравы замѣняютъ родъ. Да и подлинно, что съ вами сдѣлалось, смертные человѣки? Нѣтъ коня, ко-

горый бы не родился конемъ; нѣтъ птицы, которая бы не летала на крыльяхъ. Смотри на быка, кто скажетъ, что это дельфинъ? Каждая вещь за то и признается, что она въ дѣйствительности. Но вотъ два забавныя явленія на поприщѣ нашей жизни—живая тварь, пресмыкающаяся по землѣ, превозносится до звѣздъ, и грамата дѣлаетъ худонравнаго благороднымъ! Какого покупаешь себѣ коня, добраго ли и скорого или ни къ чему негоднаго, а только извѣстнаго породой?—Конечно, добраго. Не проворныхъ ли выбираешь и псовъ? — Да. — Что жъ? не то же ли наблюдаешь и во всемъ? — Конечно, то же, — А себя, когда ты всѣхъ порочнѣе, называешь благороднымъ? Напрасно такъ шутишь. Пусть отвѣсъ покажетъ твою прямизну; тогда повѣрю. Ты укоряешь меня низостию рода, хотя я человѣкъ свободный. Я смѣюсь надъ твоимъ недугомъ, если ты, будучи всѣхъ порочнѣе, думаешь знатностию рода прикрыть свою худую нравственность. Тѣхъ, отъ кого приходишь, признали благородными, можетъ быть, за богатство, а не за нравы. А ты присовокупи и добрую нравственность. Что тебѣ за польза происходить отъ знатнаго рода, и быть человѣкомъ самымъ порочнымъ? Кто благороденъ по отцѣ, а низокъ по нравамъ, того почитаю для добрыхъ дѣлъ смердящимъ мертвецомъ. Одно благородство—имѣть добрые нравы.

На богатолюбцевъ.

Увы! увы! Какихъ золъ исполнены злые! Но они бѣдныя и не знаютъ даже этого, не знаютъ, чтобы къ своему спасенію воспользоваться чѣмъ-нибудь, или словомъ какимъ, или совѣтникомъ, или памятованіемъ о Богѣ; а все это—врачевства для недужныхъ. Но вотъ жалкая болѣзнь! Они почитаютъ себя совершенно здоровыми. Такъ помѣшанные въ умѣ и изступленные самое разстройство ума признаютъ его крѣпостию, и безъ крыльевъ летаютъ, безъ воловъ пашутъ землю, не имѣя вблизи себя воинской дружины подають другимъ помощь, не пlying плаваютъ, одни безъ противника вступаютъ въ борьбу, обогащаются, царствуютъ, выигрываютъ тяжбы; и все это—дѣло болѣзни. А посовѣтуй чтонибудь, скорѣе самъ потерпишь зло, нежели убѣдишь словомъ, чтобы попользовались какимъ-нибудь врачевствомъ отъ недуга. Ибо кто станетъ лечиться и искать спасенія, когда увѣренъ, что онъ не боленъ, но здоровъ? Больному свойственно заботиться о врачеваніи, но больному не до крайности. А кто праведника почитаетъ больнымъ, тотъ пріиметъ ли его совѣтникомъ въ страданіи?

Ты богатъ и употребляешь всё мѣры, чтобъ никто не былъ тебѣ сосѣдомъ. Хочется тебѣ завладѣть полемъ; но оно принадлежитъ ближнему, а не тебѣ,—и это бѣда! Надобно, чтобъ на тебя одного всё смотрѣли. Если тѣлу твоему нанесенъ ударъ, это ужасно. Что ни есть у ближняго, все—гвоздь тебѣ въ глазу. И хорошо, если бы это было такъ дѣйствительно! Тогда, можетъ быть, пересталъ бы ты пожирать непрестанно все больше и больше, какъ пламень, какъ горный потокъ, какъ заразительная болѣзнь, не останавливаемая никакою преградой. По моему мнѣнiю, тебѣ нѣтъ никакой пользы въ томъ, что имѣешь уже у себя, пока не будетъ приобретено тобою что нибудь изъ желаемаго. На помощь рукавъ готова у тебя и клевета. Понесъ я потерю?—Ты мой заимодавецъ, а вскорѣ потомъ и мой истязатель. Грозятъ пытки, оковы; бѣдному жаль своего тѣла; все отдаетъ, только бы избавиться, и не хета щедръ на все что ни есть у него. Что жъ, развѣ не обязанъ ты отчетностiю по службѣ въ городѣ, или на кораблѣ? Еще не другъ ли ты морскому разбойнику? И называютъ тебя по имени, какого не бывало на свѣтѣ только бы утрашивъ попользоваться отъ тебя чѣмъ нибудь. Да и вошь твой сдѣлалъ когда-то обиду моимъ воламъ.—Что жъ это за обида? скажи мнѣ.—Вошь такого бѣдняка, а мычалъ громче, и еще какъ будто вызывалъ на драку, или уже и одолѣлъ. И тѣнь отъ твоихъ деревьевъ, падая на мои деревья, причиняетъ имъ вредъ. И мальчикъ твой ходилъ по моему полю. Терпи, или представлены будутъ на это свидѣтели; и тогда пропали у тебя и вошь, и мальчикъ, и садъ. Это—открытое насилiе. А если злой человѣкъ по случаю и умезъ, то его выдумка еще правдоподобнѣе. Принявъ на себя видъ заступника другихъ, не допускаетъ сдѣлать какое нибудь зло, но покровительствуетъ людямъ, чтобъ поработить ихъ, и потомъ пожираетъ, какъ левъ, который, отогнавъ звѣрей отъ бѣднаго животнаго, не оказываетъ ему милости, но самъ приближаетъ къ себѣ какъ легкую добычу.

Для чего изнурять себя? Простое дѣло — довольствоваться тѣмъ, что имѣешь. А при неумѣренномъ приобретенiи великъ и трудъ: ссоры, тяжбы, обманы, ложныя клятвы, кромѣ же всего пречая заботы, какъ мгла, всегда приносятъ имъ что-нибудь чуждое. Если ты, сидя за столомъ съ людьми, которые не ниже тебя чиновомъ, не наблюдаешь мѣры и огорчаешь тѣмъ, что полными горстями хватаешь всего; то не похвалятъ тебя. То же надобно сказать и о приобретенiи; потому что жадность вездѣ отвратительна. Но не такъ представляется тебѣ, у котораго разумъ подавленъ. Однимъ уже владѣешь, другаго желаешь, третьяго надѣешься; а для инаго

есть у тебя сводчики и подговорщики въ родѣ тѣхъ, которые услуживаютъ растлителямъ плоти. Ты чтешь золото; снѣдь моли—одежды похоронены у тебя въ сундукахъ; всегда окруженъ ты скупщиками хлѣба, торгуешь самымъ безвременьемъ. Одни плачутъ, другіе питаются надеждой; потому что надежда есть легкая греза на яву. А ты на однѣ житницы кладешь печать, а другія предусмотрительно открываешь, соображаясь, какъ думаю, съ теченіемъ обстоятельствъ. Увы! увy! Ты берешь подать съ несчастія бѣдныхъ, собираешь плоды съ чужаго невзгодья; затруднительное положеніе другихъ для тебя своего рода жатва.

Кто же ты, отваживающійся на такія дѣла? Почему такъ поступаешь? И на что надѣешься? Можетъ быть, настоящая ночь постигнетъ тебя уже мертвымъ, похитивъ изъ среды всего тобою вождѣлѣваемаго. Какъ это ужасно! Другіе все, и тѣло, и имущество приносятъ въ даръ Богу, отъ Котораго все; а ты всего домогаешься, все тебѣ надобно имѣть. Что же приобретаешь? Какія страшныя сокровища? У тебя на столѣ груды снѣдей; это отрада узкой гортани, о которой всѣ твои заботы; у тебя надменіе чрева, болѣзнь пресыщенія; ибо таковы плоды неумѣренности въ пищѣ; у тебя огромные дома, въ которыхъ большая часть стоитъ пустою, съ золотыми потолками, и блестящія картинами; у тебя слуги, наряженные на подобіе женщинъ; у тебя тѣнистыя и прохладныя убѣжища; у тебя пьянство, лики поющихъ, дружныя рукоплесканія, при которыхъ растлѣвается красота образа Божія. Ты надмеваешься своимъ блескомъ, передъ всѣми въ городѣ высоко носишь свою голову, хвастаешься высокостію своего чина; а чины — это борьба зависти и самовластиа. Ибо никто не дозволяетъ другому думать о себѣ высоко, но самъ себя ставитъ выше всѣхъ, и заносится предъ другими больше, чѣмъ у змѣи одинъ рядъ чешуи надвинутъ на другой. Но пусть такъ! Что же еще у тебя драгоцѣннаго? Роскошь женщинъ въ убранствѣ дорогими камнями и золотомъ, которые то сплочены вмѣстѣ, то блестятъ отдѣльно; цѣпи на рукахъ и ногахъ—это пріятное бремя, не для доброй цѣли помогающее красотѣ, которая домогается того, чтобъ нравиться многимъ мужчинамъ.

Что же еще? Можетъ быть, хочешь оставить дѣтей богатыми и владѣтелями приобретеннаго отцевою наглостію. Это значило бы еще что нибудь если бы сбылись твои надежды. А теперь никто не знаетъ, гдѣ сотлѣетъ твой прахъ, и до чего прострется вредъ приобретенія. Ты трудишься, и по долгу, можетъ быть, не спишь, и ночи наравнѣ съ днями проходятъ у тебя въ заботахъ; отъ того

больше имѣешь горестей, нежели наслажденій; берешь грабительскій ростъ, изъ одного роста выращаешь другой, и сколько съ чего взять, высчитано у тебя по пальцамъ. Но это сберегается не для тебя, и не для кого ты надѣнешся, а достанется комунибудь, можетъ быть, человѣку для тебя стороннему, и то еще хорошо! Случится, что достанется и твоему непріятелю,—одному изъ тѣхъ, которые худо говорятъ о тебѣ и о твоёмъ добрѣ, которыхъ ты не удостоивалъ даже своимъ кускомъ. Можетъ быть, одинъ изъ потерпѣвшихъ отъ тебя зло, тотъ, кто тебя и домъ твой со слезами и воплемъ орошалъ соленымъ питіемъ, будетъ питаться чужими трудами, какъ жирный и по верхамъ смотрящій пѣтухъ, не одобряя многого въ томъ, что теперь изображаешь на стѣнахъ дома, а съ наслѣдникомъ твоимъ, если и встрѣтится, не разломитъ и хлѣба. Такъ суетны мечты человѣческія! Для этого, если можешь что выдумать, присовокупляй къ прибрѣтенному, мучь себя, дѣлай насилія, не оставляй безъ испытанія никакихъ худыхъ мѣръ, обыщи глубины земли и моря стриги, какъ говорится, и съ мертвыхъ волосы, *пожри мрежи* (Авв. 1, 16), поклоняйся рукѣ своей, которая столько собрала тебѣ золота, для прибыли ни во что поставь все, и враговъ, и друзей, и родныхъ, и благодѣтелей.

Это ничѣмъ не разнится отъ морскаго отлива, или отъ Хариды, поглощающей пловцовъ. Еще немного, и богатство будетъ изблевано, потечетъ, какъ излишнее бремя изъ пресыщеннаго чрева. Еще немного подождать, и наступитъ судъ, или еще здѣсь, что гораздо лучше. или если не здѣсь, то въ будущей жизни. Прекрасная нищета предпочтительнѣе худо прибрѣтеннаго богатства. Лучше быть смиреннымъ, нежели надменнымъ и болѣзнь почитать здоровьемъ.

Надобно бы, чтобъ все у тебя, какъ рассказываютъ о Мидаѣ, обращалось въ золото, чтобъ и тебѣ потерпѣть одинакую съ Мидасомъ участь, и за худое желаніе справедливо мучиться голодомъ. Между породами ехиднъ, какія водятся въ египетской пустынѣ, есть такъ называемая дипсада. Каково ея угрызеніе, показываетъ самое наименованіе. Оно дано гаду по той неутолимой жаждѣ, какою страдая умираетъ угрызенный. Кому сообщился этотъ ядъ, тотъ, встрѣтивъ рѣку, съ отверстымъ ртомъ весь погружается въ нее, и пьетъ, пока не расторгнется его внутренность отъ принятаго внутрь бремени, и только вмѣстѣ съ жизнію прекращается жажда. Не знаю, слыхалъ ли ты, любезный, что нѣкогда небо дождило хлѣбъ народу, когда шелъ онъ по пустынѣ, въ которой, какъ и естественно, не было средствъ къ пропитанію? Этотъ даръ, какъ Божій,

подаваемъ былъ щедро и неоскудѣваемо. Но неумѣренныхъ постигло и наказаніе; всякій излишекъ тотчасъ дѣлается смраднѣмъ; а мѣрою служила потребность дара. Справедливо было бы, чтобъ то же самое случалось всегда со всякимъ несправедливымъ чело-вѣкомъ, то есть, чтобъ онъ, или разсѣдался отъ сильнаго своего желанія, или вмѣстѣ съ своимъ неправеднымъ приобрѣтеніемъ дѣлался смердящимъ. Это одно, можетъ быть, остановило бы такихъ людей!

Что жъ? Почему не пустишь въ прибыльный оборотъ и собственнаго своего тѣла? Почему не изберешь жизни начальника разбойниковъ, не подламываешь стѣнъ, не тревожишь гробовъ, если у тебя одна забота—разбогатѣть, а какъ и откуда, о томъ вовсе нѣтъ слова? Есть мѣра красотѣ, есть и зрѣнію, и бѣгу, и силѣ, и пѣнію, и пляскѣ, и рѣчамъ: все что дѣло труда, а не хищничества. А при-обрѣтенію нѣтъ никакой мѣры. Но чужій овладѣваетъ имуществомъ трудившагося, и прибрѣтавшаго честно, или законно получившаго отеческое наслѣдство, овладѣваетъ тотъ, въ комъ немного остается дыханія жизни, кто, можетъ быть, не успѣетъ и узнать всего, что поступило въ его собственность.

Не отдать ли тебѣ одну цѣлую землю? Но если отдадимъ это, не останется ли еще чего? Что будешь ты дѣлать? Не употребишь ли усилій прибрѣсти и то? Непрестанно будешь трудиться; потому что ты нищій, пока не получилъ остальнаго? Но ты на чемъ нибудь остановишься! Подумай же объ этомъ теперь. Можешь пользоваться своею собственностію; а если не знаешь мѣры, то знай, что подливаешь ядъ во все, что ни имѣешь теперь у себя. Все, что приходитъ къ тебѣ неправедно,—огонь для тебя; оно губить съ собою и то, къ чему присовокуплено. Какъ не утоляетъ жажды морская вода, и любви—продолжительное зрѣніе на любимый предметъ, напротивъ того любовь воспламеняется вдвое: такъ для ненасытныхъ прибрѣтаемое ими дѣлается отравой, которая непрестанно возбуждаетъ въ нихъ пожеланіе еще большаго.

Любителямъ спокойной жизни, или и бѣднымъ далъ бы я совѣтъ—пожертвовать чѣмъ нибудь людямъ злонравнымъ, какъ звѣрямъ бросаютъ пищу, или какъ бѣсамъ суевѣрные люди дѣлаютъ возліянія, если бы только такимъ средствомъ можно было прибрѣсти спокойствіе, и стало наконецъ возможнымъ имѣть у себя нѣчто даже бѣднымъ, которые непрестанно трепещутъ и одной тѣни злыхъ людей. Но теперь исключая однихъ злыхъ, отъ всего знаю врачевство, на примѣръ: отъ голода—пищу, отъ невоздержанія—скудость, отъ водяной болѣзни—выпускъ воды, отъ чу-

жаго глаза—тму, отъ слезъ — разсудительность или друга, отъ скорби—время; и пловцамъ въ затрудненіи спасительны показавшійся на берегу огонь или пристань, и утомившемуся—умащевіе членовъ. Но для порочныхъ нѣтъ другаго врачевства, кромѣ Божія суда и ранъ. Но и того не чувствуютъ злочестивые, въ прещеніи презирають они и судъ. Содѣйственникъ ихъ покрываетъ имъ умы мракомъ, а хребеть—мѣдью, чтобъ, подобно желѣзной наковальнѣ, не умягчался и среди бѣдствій.

Они тотчасъ прибѣгаютъ къ примѣрамъ. Что сіе значить, Христе мой? Для чего Ты людямъ порочнымъ даешь видѣть преткновенія добродѣтельныхъ, чтобъ въ нихъ находили они убѣжище своему злонравію? На доброе дѣло, хотя оно и велико, никто не обращаетъ вниманія; а худое дѣло, какъ оно ни мало, для людей безразсудныхъ и злонравныхъ дѣлается какою-то вывѣскою. Для добрыхъ дѣлъ они—желѣзо, а для худыхъ—воскъ, и легко отпечатлѣваются на себѣ все худое. Я не цѣломудренъ, говорить порочный. Чтожъ жъ, развѣ не найдутся мнѣ подобныя? И увы! Онъ наименуетъ кого-нибудь изъ мудрыхъ. Я убійца? Что жъ, развѣ и въ этомъ не найдутся мнѣ подобныя и изъ древнихъ, и изъ новыхъ? Я обогащаюсь неправедно? А иный захватывалъ во власть свою цѣлыя народы и города. Кто же не знаетъ, сколько хуже клятвы отреченіе? И потому выставляетъ на видъ чье нибудь отреченіе, чтобъ прикрыть тѣмъ свои меньшія раны.

На это хочу сказать тебѣ одну баснь (если только и среди бѣдствій можно шутить), баснь очень приличную твоимъ лжеумствованіямъ. Смѣялся нѣкто надъ совою. И сова отъ каждой насмѣшки увертывалась ловкимъ отвѣтомъ. Какая у тебя голова! говорили ей. А какова у Діа? отвѣчала она.—Какіе свѣтлые глаза!—Точно какъ у свѣтлоокой.—Голосъ не благозвучень!—А у сороки еще не благозвучнѣе.—И ноги тонки!—А каковы тебѣ кажутся у скворца?—Но безъ труда отразивъ все это, какъ ни была умна сова, уступаетъ въ одномъ. Ей говорятъ: ты такая умная, посуди же: у cadaго есть что нибудь одно; а у тебя все вмѣстѣ, и все черезъ мѣру, и глаза свѣтлы, и голосъ грубъ, и ноги тонки, и голова велика. И дорогая сова, выслушавъ это, пошла со стыдомъ.

А отъ тебя не дождешься и сего, напротивъ того птица въ баснѣ гораздо умнѣе тебя. Все есть въ одномъ;—въ томъ и бѣда твоя. Разъ или два увлечься и пасть, и притомъ въ чемъ нибудь яважномъ,—это еще извинительно. Уступимъ нѣчто и омраченію плоти. Ни въ чемъ не претыкаться свойственно единому Богу. Но падать намѣренно, хвалиться худымъ дѣломъ, падать много-

кратно, падать въ пороки важныя, и не стыдиться сего, но смѣяться надъ этимъ, не хотѣть уцѣломудриться и наказаніями, какими вразумляются люди самыя жалкіе, но съ открытой головою кидаются въ опасность, — это самая ужасная и злокачественная болѣзнь. Разсмотри свои дѣла, разсмотри и то, что тебѣ предписано дѣлать и не дѣлать. А въ тѣхъ дѣлахъ обрати вниманіе на время и на то, чему они служатъ образомъ. Тогда вѣра едва начиналась; люди, какъ младенцы, имѣли нужду въ поддержкѣ и въ нѣжной пищѣ; потому и падающіе находили себѣ извиненіе. Но тебѣ не простительно падать; потому что ты принялъ совершенное слово, и Христосъ много пострадалъ за твои грѣхи. Напротивъ того, тебя за прежнія грѣхопаденія ожидаетъ казнь. Что говорю: за прежнія? И за тѣ, въ которыя ввергаешься нынѣ.

Не упоминаю еще о тамошнихъ надеждахъ; правосудіе находитъ многое, чѣмъ наказать и здѣсь. У тебя есть домъ, жена, дѣти, есть еще что-нибудь особенно любезное (ибо при всемъ своемъ самолюбіи привязанъ ты къ этому), а также самое имѣніе, роскошь, свобода, и въ заключеніе всего собственное тѣло твое. А по сему, имѣя у себя это, то-есть, такое бремя жизни, плыви осторожно.

„Но что же? Развѣ и у тебя нѣтъ болѣзней и бѣдствій? Не скудна ли и не бездомовна ли и твоя жизнь?“ Опять ты хватаешься за чужія бѣдствія. Что тебѣ до этого? Это мои несчастія; потому что самъ ты называешь ихъ несчастіями. Ужели ты, страдая, менѣе чувствуешь болѣзнь, если страдаетъ въ одно съ тобою время и ближній? Но послушай еще: у насъ съ тобою и страданія неравны. Изъ этого иное самъ я избралъ для себя, а не по неволѣ стражду. Добровольно хочу быть нищимъ и скитальцемъ, чтобъ освободиться отъ узъ и не на землѣ имѣть свое постоянное жилище. Для тебя все это дорого, а для меня напротивъ. Не ставъ же льву въ образецъ долгохвостую обезьяну. Ты считаешь это бѣдствіемъ? Оно и дѣйствительно для тебя бѣдствіе. А для меня, хотя и болѣзненно, потому что и я, какъ человѣкъ (не отрекусь отъ этого), имѣю перстный составъ, ношу въ себѣ слѣды древа и доставленнаго имъ удовольствія, однако же я переношу это, и даже терплю съ любовію. Мое сграданіе лучше твоей крѣпости. Посмотримъ еще на сіе и такъ. Оба мы терпимъ зло. Но твое страданіе есть наказаніе за твое злонравіе. Твой обвинитель — твоя нравственность, это горькос, внутреннее и ясное доказательство. А для меня бѣдствіе есть нѣкоторое очищеніе даже и отъ случайнаго очерненія. Не говорю еще о томъ, что огорчительное бываетъ

иногда испытаніемъ и борьбою, въ которой за побѣду можно получить вѣнецъ.

Какъ выслушаешь это? Какъ воспользуешься моими словами? Ни одинъ человекъ, если онъ въ здоровомъ умѣ, не обманываетъ врача; иначе болѣзнь непримѣтно погубитъ его. И то и другое—недугъ, и презрѣть Бога, и подавленному бременемъ пороковъ потерять надежду на милость. Но прійми мое слово, и не подвергнешься ни которому изъ сихъ недуговъ. И презрѣніе, и отчаяніе въ надеждѣ—равно худы. Богъ—Судія, но и Отецъ. Ты боишься Его, какъ судію, но смѣло надѣйся на Него, какъ на милосердаго. Открой свою болѣзнь, проси спасенія, пролей слезы на раны свои. Подавай и нищимъ, прекраснымъ твоимъ заступникамъ; они богато отдариваютъ насъ тѣмъ именно, въ чемъ имѣемъ мы нужду, то-есть, Божиимъ милосердіемъ и упованіемъ на Бога. Но если подаешь имъ, то подавай изъ своего, а чужимъ не покрывай ни Святой трапезы, ни нищаго. Нищій есть твореніе Божіей руки, а потому не долженъ быть презираемъ; и Святая трапеза—досточтима. Не обманывай Бога, какъ недалновиднаго Судію, чтобъ Онъ еще больше на тебя не прогнѣвался. Ты учишь красть искоренителя кражи.

Если убѣдительно это для тебя; тѣмъ лучше. А если не убѣдительно, то перестань, по крайней мѣрѣ, хотя уже и поздно, дѣлать насилія. Во всемъ, и въ добромъ и въ худомъ, есть своя сытость. Я похваляю въ тебѣ и это; потому что для порочнаго весьма важно—остановиться въ порокахъ.

Пріймешь ли это или не пріймешь; но напомнимъ тебѣ гробъ. Это—дѣль всѣхъ худыхъ дѣлъ; и у тебя будетъ такой же конецъ, какъ и у всякаго, хотя пройдеши за Иракловы столпы, или за каспійскія ворота, присвоивъ себѣ достояніе и ближнихъ, и сосѣдей. И твою могилу, какъ думаю, раскопаетъ кто-нибудь подобный тебѣ правомъ, съ твоей походки перенявшій ходить криво, еще худшій ученикъ такого мудраго учителя.

Помни также неотвратимый и грозный день, за которымъ и мракъ, и пламень, и тартаръ—эти истязанія здѣшнихъ худыхъ дѣлъ для отысканія въ насъ образа Божія, который заваленъ сѣтями змія и хитреца, обольщающаго насъ зловреднымъ сладолюбіемъ.

А я домогаюсь, какъ мнѣ избѣжать бѣдствія, на какихъ спастись крыльяхъ, въ какихъ глубинахъ земли и моря, или какими ухищреніями, и въ какомъ концѣ вселенной, какимъ обложить себя мракомъ, или облакомъ вмѣсто покрова, какими молитвами

умилостивить Бога? Вездѣ для меня три эти бѣдствія—и время, и мѣсто, и удобный случай ко грѣху. Поставлю передъ собою Божій законъ. Какой же именно? Переходите изъ города въ городъ; ибо предадутся нѣкоторые бѣгству,—говорилъ Апостоламъ, когда гонимъ былъ, Вседержитель Богъ. Обойду всѣ города до послѣдняго огнища, избѣгая жестокаго нападенія лукавыхъ. А тамъ и не желающихъ постигнуть казнь. Въ горнихъ обителяхъ не будутъ они беспокоить, и не изринуть оттуда нищихъ, какъ дѣлають нынѣ, а развѣ сами, въ прохлажденіе пламени, попросятъ нѣсколькихъ капель сожалѣнія. Да убѣдятъ тебя въ этомъ богатый и Лазарь, изъ которыхъ одинъ наказанъ единственно за то, что вель роскошную жизнь, когда другой страдалъ и отъ недостатка пищи и отъ ранъ, потому что богачъ, подобно тебѣ, отгонялъ отъ себя Лазаря; а другой почтенъ, потому что претерпѣлъ все сіе.

Конецъ слову; но выслушай его съ трепетомъ. Многое именуется грѣхомъ и дѣйствительно грѣхъ; но идолослужителемъ (а это есть самый тяжкій грѣхъ въ мірѣ) называется тотъ, кто ничего не знаетъ и не ставитъ выше денегъ (Ефес. 5, 5), потому что и идолослуженію, по болѣзни своей, всего скорѣе подвергнется онъ, если наступитъ время—получить чрезъ это прибыль, или потому что кланяется богатству—этой Хамосовой мерзости. Итакъ, отринемъ, отринемъ идольскіе кумиры, и будемъ чтить единаго Бога, Котораго знаемъ.

На женщинъ, которыя любятъ наряды.

Не стройте, женщины, на головахъ у себя башенъ изъ накладныхъ волосъ, не выставляйте на показъ нѣжной шеи; не покрывайте Божія лика гнусными красками, и вмѣсто лица не носите личины. Женщинѣ не прилично показывать мужчинамъ открытую голову, хотя бы золото вплетено было въ кудри, или несвязанные волосы, какъ у скачущей менады, развѣвались туда и сюда нескромными вѣтерками. Ей неприлично носить на верху гребень, на подобіе шлема, или видную издали мужчинамъ и блестящую башню. Не прилично и то, чтобы сквозь тонкій ленъ просвѣчивали твои волосы, вмѣстѣ покрытые и открытые, и сіяя какъ золото, гдѣ сбѣжало покрывало, выказывали мастерство твоей трудившейся руки, когда, поставивъ передъ собою слѣпаго наставника — бездушное изображеніе своего лица, съ его помощію писала ты свою красоту.

Если природа дала вамъ красоту, не закрывайте ея притирающими, но чистую храните для однихъ своихъ супруговъ, и не обращайтесь на посторонняго жадныхъ очей; потому что влѣдъ за очами неблагочинно ходитъ и сердце. А если при рожденіи не получили вы въ даръ красоты, то избѣгайте втораго безобразія, то есть, не заимствуйте красоты у рукъ,—красоты, которую доставляетъ земля, которую распутныя женщины покупаютъ, и покупаютъ за нѣсколько оводовъ, красоты,—которая стирается и стекаетъ на землю, не можетъ удержаться на тебѣ во время смѣха, когда веселіе приводитъ въ трепетъ ланиту,—красоты, которую изобличаютъ въ подлогѣ ручки слезъ, увлажживающій ланиты страхъ, и уничтожаетъ капля росы. Теперь блестятъ и полны прелестей твои ланиты; но вдругъ (къ великому смѣху) являются онѣ двухцвѣтными, гдѣ темными, а гдѣ бѣломраморными. Ибо тебѣ, подсурмившаяся и подрумянившаяся, возможно ли удержатъ на себѣ обличаемую въ подлогѣ красоту? Она была бы прилична на неподвижныхъ статуяхъ; но у тебя накладная личина разрушается отъ многихъ причинъ. Одно тѣло дано тебѣ Богомъ, а другое есть произведеніе твоей руки; одно ветхо, другое ново. Это лугъ, на которомъ растутъ попеременно цвѣты двухъ родовъ, и пріятные, и непріятные. Это двухцвѣтная одежда, по которой идутъ многія полосы. Поэтому, или не расписывай своего тѣла, или, расписавъ, постарайся сберечь; не прибѣгай къ постыднымъ пособіямъ прикрашивать свой видъ. Не трудись надъ Пенелопиной тканью, въ которой надобно ночью распускать, что соткано днемъ: будучи внутри Гекубой, не будь снаружи Еленой.

Если и достанетъ у тебя хитрости сокрыть что-нибудь отъ супруга, хотя и не удобно Божій образъ закрыть смертною личиною; то смотри, чтобы прогнѣванный Богъ не сказалъ тебѣ такъ: „Отвѣчай, чуждая Мнѣ тварь! Кто и откуда этотъ творецъ? Я не пса живописаль, но создалъ собственный Мой образъ. Какъ же вмѣсто любезнаго Мнѣ образа вижу кумирь?“

Но уступимъ нѣчто твоей болѣзни. Впрочемъ, если явно, что ты живописная картина, въ которой одинъ ликъ наложенъ на другой; то знай, что ты ставишь позорный столпъ, издали видный людямъ, когда пишешь одушевленный образъ Алкиноя. Твои прелести—безплодный Адонисовъ садъ, цвѣтъ полипа, письмена на пескѣ. Но походя на галку, описанную въ баснѣ, и зная, что эта птица, гордившаяся чужими перьями, вскорѣ опцпана и предана осмѣянію, какъ и ты не подумаешь о послѣднемъ позорѣ, о пагубной красотѣ? Или надѣешься, что твоя блистательная наружность

не измѣнится? Но въ скоромъ времени увидишь, сколько приносить горестей чужая красота.

Спрашиваю, что пользы въ накладной красотѣ, когда старость покроетъ морщинами лице, дотолѣ цвѣтущее, когда дряхлыхъ членовъ нельзя закрыть никакими прикрасами, и остатокъ плоти походить на что-то обожженное огнемъ и вынудое изъ пепла? Тогда уже поздно оплакивать обманчивую красоту, когда оставшееся, по множеству морщинъ, не даетъ мѣста обезьянѣ. Такова прелесть подкрашенныхъ членовъ! Но поставьте теперь, превосходная, изображеніе своего лица, какимъ было оно прежде. Я не почту его вѣрнымъ, да и тебѣ прежде всего надобно пожелать, чтобъ не было глазъ ни у одного изъ тѣхъ мужчинъ, которые прославляли тебя нѣкогда и не могли отвести отъ тебя очей, когда ты съ гордою поступью расхаживала передъ ними.

Смѣха достойно и то, что стараясь утаиться отъ мужчинъ, мужчинъ же вводишь въ тайны своей красоты. Ибо тѣ составы, которыми ты восхищаешься, приготовляли мужчины — грабители собственныхъ своихъ домовъ, строители безумной своей страсти. Это изобрѣтенія не цѣломудрія, но распутства; и распутство видно во всемъ томъ, на что ты ухищряешься для мужчинъ. Разказы ваютъ о гордомъ павлинѣ, что, когда, изогнувъ шею въ видѣ круга, поднимаетъ свои золотистыя и звѣздами усѣянныя перья, тогда начинаетъ привѣтливо скликать своихъ женъ: удивительно будетъ для меня, если и ты подкрашиваешь свое лице не для похотливыхъ очей.

Если ты къ супругу своему питаешь такую же любовь, какую и онъ къ тебѣ съ тѣхъ поръ, какъ цвѣтущею дѣвой ввелъ тебя въ брачный чертогъ; то сіе пріятно ему. Но если стараешься понравиться взорамъ другихъ, то сіе ненавистно твоему супругу. Лучше тебѣ внутрь дома своего скрывать прелести, данныя природой, нежели не благочинно выставлять на показъ прелести поддѣльныя. Ибо супруга довольно и природной твоей красоты. А если красота выставлена для многихъ, какъ сѣть для стада пернатыхъ; то сперва станешь любоваться тѣмъ, кто тобою любитъ, и мѣняться взорами, потомъ начнутся усмѣшки и обмѣнъ словами, сначала украдкой, впоследствии же съ большею смѣлостію. Но остановись, говорливый языкъ, и не произноси того, что послѣдуетъ за этимъ. Впрочемъ, скажу за несомнѣнное, что всякая шутка женщины съ молодымъ мужчиною уязвляетъ какъ острое жало. Здѣсь все неразрывно идетъ одно за другимъ, подобно тому, какъ желѣзо, притянутое магнитомъ, само притягиваетъ другое желѣзо.

О какъ бы хорошо натирать бѣлилами и румянами (и еще въ избыткѣ) не женщинъ, но тѣхъ безразсудныхъ мужчинъ, которые, ежедневно имѣя предъ собою этотъ срамъ, сами себя застилаютъ глаза туманомъ и услаждаются грѣхомъ! Они поражаютъ злословіемъ прекрасныхъ женщинъ, сами же своими срамными дѣлами уподобляются свиньямъ: а можетъ быть, и дѣйствительно попали бы въ темные свиные хлѣвы, если бы Цирцея помазала ихъ тѣмъ составомъ, которымъ она людей превращала въ звѣрей; ибо они не гнушаются прикрасами, и сами подкладываютъ въ огонь сухія дрова, когда надлежало бы ихъ, убавлять, а не прибавлять. И есть мужья, которые стараются превзойдти другъ друга въ нарядахъ женъ, чтобы одному передъ другимъ имѣть преимущество въ неразуміи. Часто и при недостаточномъ состояніи употребляютъ они все усилія, чтобы возбудить наглость своихъ женъ. Но ты, вѣрно, никогда не давалъ меча своего врагу и горному потоку не открывалъ пути на свои нивы.

Говорятъ, что, по похищеніи небснаго огня, пришла къ людямъ Пандора наказать за одинъ огонь другимъ, за благодѣтельный—гибельнымъ. А чтобы она какъ можно болѣе воспламенила людей, демоны украсили ее разнообразными красотами, и каждый изъ нихъ приложилъ что нибудь отъ себя; все же это совокупивъ во едино, пустили они къ людямъ это многосложное обольщеніе, это любящее пиры, увлекательное, безстыдное, сладкорѣчивое услажденіе, эту никогда не потухающую головню. Не вѣрю я баснямъ, однако же скажу, съ твоего позволенія: не будь и ты многоличной Пандорой. Пандоринъ родъ — безстыдныя женщины. Но ты—Христовъ образъ, и сіяй цѣломудріемъ и благоразуміемъ.

Но вотъ уже не баснь; послушай моихъ совѣтовъ, какіе изреку тебѣ изъ пребожественнаго слова. Или не знаешь, какъ и древле твоего праотца обольстило своею доброцвѣтностію челоувѣкоубійственное древо, и какъ хитрость врага и убѣжденіе супруги и обольстили и немедленно изринули его изъ зеленѣющаго рая? Съ сего-то времени, дочь моя, такой отеческій законъ—никогда не полагаться на доброзрачность. Ибо всякая красота — для меня кратковременная прелесть; ее приноситъ весна, и тотчасъ губить холодная зима, или преждевременно истощаетъ болѣзнь, или истребляетъ немилосердное время, ведя за собою кругъ всепопадающихъ лѣтъ.

Очень смѣшно, когда женщина, имѣя некрасивую наружность, знаетъ это, и гордясь своимъ безобразіемъ, презираетъ Данаю. Но еще гнуснѣе (такъ говорятъ знающіе, я неспособенъ къ

такому злорѣчію), когда всё имѣють общій недостатокъ, однако жъ желаютъ скрывать его одна отъ другой. Что опаснѣе такой болѣзни? Плотникъ разумѣетъ работу плотника; искусный пѣвецъ узнаетъ искуснаго въ пѣвнн, и воръ видитъ вора. А женщины не хотятъ, чтобы другія понимали въ нихъ то, что сами понимаютъ въ другихъ. Такъ справедливо то, что порокъ ослѣпляетъ глаза.

Но смѣшны мужчины, когда, любуясь доброцвѣтностью движущихся картинъ, оказываютъ уваженіе лицамъ, надъ которыми сами смѣются. Думаю же, что они любятъ не столько картинами, сколько прихотливостію мужчинъ; чему доказательствомъ служатъ краски.

Разсказываютъ, что одинъ скитался по утесамъ, влюбившись въ пустой и не имѣющій вида отголосокъ, называемый эхомъ. А другой воспылалъ любовію къ собственному своему изображенію, и бросился въ источникъ, чтобы обнять подобіе гибельной своей красоты. И еще одна уязвилась любовію къ прекраснымъ струямъ рѣжки, въ безумной страсти не могла отойти отъ милыхъ береговъ, лобзала воду, черпала ее руками, и ловила пѣну; но и водами не могла угасить въ себѣ пламенѣющей любви. Такъ слѣпа и непреклонна любовь!

Ни мало не удивительно, если и ты расцвѣченная, розоперстая, одѣтая въ роскошныя ткани и носящая высоко голову, сведешь съ ума молодаго человѣка, и даже не одного, но всякаго, для него расписываешь себѣ лице. Вѣрю, что одинъ мудрый мужъ своимъ искусствомъ ввелъ въ обманъ тельца, изобразивъ красками на доскѣ теллицу. Необычайна такая любовь—живые звѣри стремятся къ бездушнымъ изображеніямъ! Но и ты иногда ухищряешься возбудить то же въ молодыхъ людяхъ. Орфей увлекалъ за собою звѣрей; а ты влечешь мужчинъ, у которыхъ звѣронравенъ умъ и жеюнеистова жизнь.

Если ты и не покоряешься плотской похоти, а служишь только похоти очей; то и эта воздушная любовь есть уже болѣзнь. Но совершенно ли ты не уязвима? Готовъ я этому вѣрить; но и то уже не хорошо, если молва приписываетъ мнѣ и не сдѣланный мною грѣхъ. Въ такомъ случаѣ, хотя сама ты и благоразумна, но многимъ другимъ дашь урокъ неблагочинія. Порокъ течетъ быстро. Другіе употребляютъ искусство, чтобы прикрыть и скверную свою жизнь; а у тебя и на цѣломудрїи лежитъ какая-то чернота. Если и цѣломудренныя станутъ любить наружную блистательность; то другихъ женщинъ не убѣдишь имѣть цѣломудренное сердце.

По ученію нашего закона не должно съ похотливымъ жела-

ніемъ и очей устремлять на чужую жену: потому что безстыдный взоръ — начало безстыдной любви, и только избѣгающій такого взора избѣжитъ и грѣха. Какъ же ты, открывающая предъ мужчинами поясъ любви, сохранишь себя вдалькѣ отъ грѣха прелюбодѣянiя?

Но (старость говорлива) расскажу тебѣ баснь, которая очень идетъ къ вашему позору. По одному древнему преданiю, въ родѣ человѣческомъ не различалось прежде, кто хорошъ и кто худъ; но многіе, хотя были добродѣтельны, почитались беззаконниками, и на оборотъ многіе, хотя были безразсудны, слыли добрыми; самыхъ безчестныхъ людей сопровождала слава, и совершенныхъ преслѣдовало безславіе, но ни тѣмъ, ни другимъ не было правосудiя. Но не сокрылся отъ Царя Бога царствующій въ мірѣ грѣхъ, и возскорбѣвъ о семъ, провѣщаль Онъ наконецъ такое слово: „Несправедливо, чтобы слава Моя была и на добрыхъ и на злыхъ; отъ сего грѣхъ еще болѣе усилится. Посему дамъ имъ вѣрный отличительный признакъ, по которому легко узнать, кто пороченъ“. Сказавъ сіе, ланиты у добрыхъ покрылъ онъ румянцемъ, такъ, что при видѣ чего либо постыднаго тотчасъ разливается подъ кожею кровь; особливо женщины надѣлили Онъ румянцемъ въ большей мѣрѣ; потому что и кожа у нихъ прозрачнѣй, и сердце нѣжнѣе. Но у злыхъ Богъ сгустилъ кровь и сдѣлалъ неподвижною во внутренности, такъ что и отъ стыда ни мало не приходитъ она въ обращеніе.

Куда же причислю тебя, изукрасившая свои ланиты? Для меня не важенъ твой румянецъ, хотя и до чрезмѣрности покрываетъ онъ твою наружность; ибо это румянецъ безстыдства, отрожденіе того румянца, который въ древности потопленъ содомскимъ огнемъ. Не расписывай себѣ лица, распутная женщина, не поддѣлывай своего цвѣта; я признаю ту одну красоту, которую дала природа; потому что богатство, оставленное мнѣ отцемъ, лучше того, которое собрала рука моя беззаконно; пусть оно мало, но обильнѣе послѣдняго. Такъ и законную жену предпочитаю любодѣйцѣ. Родныя дѣти, хотя и не красивы лицомъ, милѣе красивыхъ, но усыновленныхъ. Помня это, сохраняй тѣло свое такимъ, каково оно по природѣ, и не желай, чтобы тебя почитали инаковою, нежели какова ты въ дѣйствительности.

Кельты испытываютъ въ струяхъ Рейна, законно рожденны ли ихъ дѣти. И часто золото пробуется на угляхъ. Такъ о цѣломудрiи твоего сердца заключаю по неукрашенной красотѣ твоего лица. Да не кладетъ на тебя своей печати темный велiаръ! Онъ или

совершенно обратитъ тебя въ пепель, или очернитъ своимъ дымомъ, и за краткое наслажденіе покроетъ позоромъ. Не для блаженнѣйшихъ дорого золото, перемѣшанное съ драгоценными камнями и сквозящимъ своимъ блескомъ поражающее взоры, въ видѣ цѣпи разложенное по персямъ, жемчужнымъ бременемъ отягчающее и обезображивающее уши, или увѣнчивающее голову. Не для благородныхъ дороги эти золотыя одежды, эти хитрыя произведенія изъ тонкихъ нитей, то багряныя, то золотистыя, то прозрачныя, то блестящія. Не губительныя для ланитъ составы, не подрумяненныя уста украшаютъ женщину. Ея красота не въ томъ, чтобы поверхъ расписанныхъ вѣждей носить черную бровь, заворачивать внутрь увлажненные зрачки, изнѣженнымъ голосомъ привлекать къ себѣ благосклонный слухъ, руки и ноги стаявъ золотыми, вождельными и пріятными для тебя узами, представлять изъ себя что-то рабское, тѣло и голову умащать роскошными благовоніями (на трупы слетаются вороны) ¹⁾, жевать во рту что нибудь неупотребляемое въ пищу ²⁾, держать въ непрестанномъ движеніи подбородокъ, и какъ бы изъ презрѣнія къ цѣломудреннымъ, изъ зубовъ и изъ увлажненныхъ устъ точить пѣну. Не восхищайся блистательностію сѣдалищъ, не старайся выказывать себя сквозь искусно сдѣланныя и сквозящія створки, высматривая тѣхъ, которые на тебя смотрятъ. Не гордись ни множествомъ слугъ, ни служанками—этими подобіями твоего сердца. Вѣстники весны—ласточка, плодъ—цвѣтъ; по служанкамъ можно заключать о господѣ. Размысли обо всемъ этомъ. Хотя не важно неприличіе чего нибудь одного; однако же всѣ вмѣстѣ и одно при другомъ—несомнѣнная пагуба.

Одинъ цвѣтъ любезенъ въ женщинахъ—это добрый румянецъ стыдливости. Его живописуетъ нашъ Живописецъ. Если хочешь, уступлю тебѣ и другой цвѣтъ; придай своей красотѣ блѣдность, изнуря себя подвигами для Христа, молитвами, воздыханіями, бдѣніями днемъ и ночью. Вотъ притиранья годныя и незамужнимъ и замужнимъ! А красильныя вещества поборежемъ для стѣнъ и для такихъ женщинъ, въ которыхъ производитъ бѣшенство и пометъ молодыхъ людей. Онѣ пусть и скачутъ, и смѣются безстыдно; а намъ не позволено даже и смотрѣть на распутныхъ женщинъ.

¹⁾ Смыслъ св. Григорій, вѣроятно, дѣлаетъ тотъ намекъ, что умащать благовоніемъ прилично одни трупы.

²⁾ Здѣсь указывается на обычай щегольливыхъ женщинъ жевать дерево, или другое что нибудь твердое, чтобы, непрестанно возбуждая во рту слюну, поддерживать свѣжесть устъ и не давать губамъ пересыхать.

Лучшая драгоценность для женщин—добрые нравы, то-есть, сидѣть больше дома, бесѣдовать о Божіемъ словѣ, заниматься тканьемъ и пряжей (это обязанность женщинъ), распредѣлять работы служанкамъ, и избѣгать съ ними разговоровъ, на устахъ, на глазахъ и на ланитахъ носить узы, не часто переступать за порогъ своего дома, искать себѣ увеселеній только въ обществѣ цѣломудренныхъ женщинъ и въ одномъ своемъ мужѣ, для котораго ты, съ Божьяго благословенія, разрѣшила дѣвственный поясъ. Да и вольностямъ мужа полагай мѣру, чтобы тѣмъ самымъ увѣрить его, какъ далеко ты держишь себя отъ чужихъ мужчинъ.

Да погибнетъ тотъ, кто первый началъ раскрашивать Божію тварь; потому что онъ первый примѣшалъ къ краскамъ безстыдство. Какъ иногда безстыдные скоморохи, недостойные имени мужей, выставляютъ наружу изображеніе сокрытаго внутри безобразія; и за симъ, естественнымъ образомъ, слѣдуютъ у нихъ пляски, гнусное кривлянье благообразныхъ членовъ, нравящееся людямъ безразсуднымъ: такъ и сіи женщины, надѣвъ на себя снаружи чужій образъ—этотъ смѣхотворный, а не священный покровъ стыдливости, предаются потомъ движеніямъ достойнымъ своего испещреннаго лика. У нихъ нѣтъ покоя ни дверямъ, ни ключамъ, ни зеркаламъ, ни притираньямъ, ни уборщикамъ; весь домъ приходитъ въ содроганіе. И все это отъ тщеславнаго желанія расписать себѣ лице. Но цѣломудренная красота, которая не знаетъ убранныхъ, не требуетъ и такихъ безпокойствъ. Если же ты столько гордишься накладною красотой; то не можешь имѣть и здраваго понятія о красотѣ неподдѣльной. Привлекательна была наружность у Есѣири; но что было плодомъ ея чрезвычайной красоты? Спасеніе цѣлаго народа. Расписывала себѣ нѣкогда очи звѣроправная блудница Изавель, и блудническою кровью омыла свои студодѣянія. Но отъ тебя не требуютъ утолять гнѣвъ царя; тебѣ нѣтъ доли и съ блудницами: береги же свое цѣломудріе.

Какъ не приходишь ты въ трепеть, когда преклоняешь предъ іереями свою главу—это позорище, на которомъ появляются разныя личины? Какъ не содрогнутся эти руки, которыми ты расписывала свою достойную слезъ красоту, и которыя потомъ простираешь къ таинственной Снѣди? Даже и къ мученикамъ, въ память которыхъ усердный народъ, чтя драгоценную кровь, составляетъ хвалебные лики, являешься ты съ лицомъ, обольщающимъ многихъ, подобно торжищному шуту, который влечетъ за собою по городу толпу, или подобно укротителю звѣрей, который изъ темныхъ норъ вытаскиваетъ змѣй? Послушайся моихъ совѣтовъ, жеп-

щина, и не поддавайся мысли—накладывать руку на лицо свое. Съ такими женщинами, дочь моя, не плавай на одномъ кораблѣ, не ходи на общій совѣтъ, не живи подъ одной кровлей. Другимъ предоставь издѣчества; а ты бойся и похвалу выслушать изъ устъ мужчинъ,—въ этомъ слава женщинъ.

Если жизнь твоя совершенно свободна отъ узъ; живи для одного Христа, отказавшись отъ всего, будь свѣтлою, мудрою, разсудительно дѣвой, и чистымъ женихомъ своего сердца имѣй Слово. А если овладѣла тобою любовь къ тому ребру, отъ котораго ты отдѣлена; то и заботься объ этомъ одномъ миломъ ребрѣ, питая къ нему добрую, благородную, а не порочную, любовь; съ другими же страстями не будь знакома и во снѣ. И ты предстоишь великому Богу, и не скроешься, если что-нибудь изнѣженное примѣшаешь къ низкому. Много свидѣтелей на то, что и при грязныхъ одеждахъ возможна не благоприличная роскошь, а при пышныхъ—благопристойность. Знай, что для тебя важнѣе одинъ рубецъ, нежели самыя глубокія раны для миролюбцевъ. Уважай бисеръ. Капля не такъ замѣтна на замазанной, какъ на чистой и одноцвѣтной одеждѣ.

Если убѣдилъ тебя этимъ; то доставилъ тебѣ пользу. А если ты рѣшилась устоять въ своемъ; то вдвое еще блистай, когда хочешь, и золотомъ, и янтаремъ, и серебромъ, и слоновою костью. Дозволяю это новописаннымъ красотамъ. А у меня приготовленъ столпъ, и я сдѣлаю на немъ надпись; приходи сюда всякій, кому угодно, и любуйся этой красотою.

Совѣты Олимпіадѣ.

Посылаю тебѣ, дочь моя, этотъ добрый подарокъ; посылаю я, Григорій; а совѣтъ отеческій есть самый лучший.

Не золото, перемѣшанное съ драгоценными камнями, служить украшеніемъ женщинамъ, Олимпіада. Царскаго лика не покрывая румянами—этимъ нравящимся срамомъ, на образъ свой не наводи другого погибельнаго образа. Багряныя, золотыя, блестящія, испещренныя одежды предоставь другимъ, которыя не украшены свѣтлою жизнію. А ты заботься о цѣломудріи, о красотѣ достойной удивленія для очей внутреннихъ. Добрыя нравы—самый лучший цвѣтъ въ женщинѣ, которая имѣетъ прочную, неизмѣняемую и достойную прославленія красоту.

Во-первыхъ, почитай Бога, а потомъ супруга — глазъ твоей жизни, руководителя твоихъ намѣреній. Его одного люби, ему од-

ному весели сердце, и тѣмъ больше, чѣмъ нѣжнѣйшую къ тебѣ питаетъ любовь; подъ узами единодушія сохраняй неразрывную привязанность. Дозволяй себѣ не такую вольность, на какую вызываетъ тебя любовь мужа, но какая прилична; потому что во всемъ возможно пресыщеніе. Но хотя и во всемъ бываетъ пресыщеніе; однако же лучше такая любовь, которая не знаетъ онаго.

Родившись женщиною, не присвой себѣ важности, свойственной мужчинѣ; и не величайся родомъ, не надмевайся ни одеждами, ни мудростію. Твоя мудрость—покоряться законамъ супружества; потому что узелъ брака все дѣлаетъ общимъ у жены съ мужемъ.

Когда мужъ раздраженъ, уступи ему; а когда утомленъ, помози нѣжными словами и добрыми совѣтами. И укротитель львовъ не силою усмиряетъ разъяреннаго звѣря, у котораго въ бѣшенствѣ прерывается дыханіе, но укрощаетъ его, глядя рукою и приговаривая ласковыя слова.

Сколько бы ни была ты раздражена, никогда не укоряй супруга въ понесенномъ ущербѣ; потому что самъ онъ лучшее для тебя приобретеніе. Не укоряй и за то, что конецъ дѣла противенъ его предпріятію. Сіе было бы не справедливо; потому что, по ухищренію демона, часто и благоразумныя предпріятія не достигаютъ своей цѣли. Не укоряй его также въ недостаткѣ силъ; потому что въ мечѣ всегда есть сила.

Кого не любить мужъ твой, того не хвали съ хитрымъ намѣреніемъ непримѣтно уязвить мужа словомъ. Благороднымъ мужамъ и женамъ, а особливо женамъ, и во всякомъ другомъ случаѣ, прилична простота сердца.

Радости и всѣ скорби мужа для себя почитай общими. Пусть и заботы будутъ у васъ общія; потому что черезъ это возрастаетъ домъ.

И твой совѣтъ можетъ имѣть мѣсто; но верхъ долженъ быть мужнинъ.

Когда мужъ скорбитъ, поскорби съ нимъ и ты нѣсколько (сѣтованіе друзей служить пріятнымъ врачевствомъ въ печали), но вскорѣ потомъ, принявъ свѣтлое лице, разсѣй грустныя его мысли; потому что сѣтующему мужу самая надежная пристань—жена.

Твоимъ занятіемъ пусть будутъ прялка, шерсть и поученіе въ Божіемъ словѣ, попеченіе же о внѣшнихъ дѣлахъ предоставь мужу.

Не выходи часто за двери дома, въ мѣста народныхъ увеселеній и неприличныхъ собраній; тамъ и у стыдливыхъ похищается

стыдъ, тамъ взоры смѣшиваются съ взорами; а потеря стыда—начало всѣхъ пороковъ.

И въ добрыя собранія приказываю тебѣ ходить съ благодарными, чтобы въ умъ твоёмъ напечатлѣлось какое нибудь доброе слово, которое бы или искоренило въ тебѣ порокъ, или крѣпче привязало тебя къ добродѣтели.

Домъ твой—для тебя и городъ и рощи. Не позволяй себя видѣть постороннимъ, кромѣ цѣломудренныхъ родственниковъ, или іерея и сѣдины, которая для тебя лучше юности. Не кажись и женщинамъ, которыя высоко носятъ голову и ведутъ себя открыто. Не кажись и благочестивымъ мужамъ, даже много уважаемымъ тобою, какъ скоро супругъ твой не хочетъ имѣть ихъ въ своемъ домѣ. Ибо кто доставитъ тебѣ столько пользы, какъ добрый супругъ, если ты его одного любишь?

Будь высокоумудренна, но не высокоумпа.

Хвалю женщинъ, которыхъ даже не знаютъ мужчины.

Не спѣши на брачный или именинный пиръ, гдѣ пьянство, пляски, смѣхъ и необаятельное обаяніе. Это приводитъ въ разслабленіе и цѣломудренныхъ, какъ солнечный лучъ топить воскъ.

И у себя, въ присутствіи ли благосклоннаго супруга, или въ отсутствіе его, не дѣлай домашнихъ попоекъ. Если чреву положена мѣра; то, можетъ быть, возобладаешь надъ страстями. Невоздержнаго же чрева и я боюсь, боится и супругъ твой.

На щекахъ твоихъ не должно быть ни похотливыхъ движеній, ни гнѣвныхъ трепетаній. Это постыдно для всякаго человѣка, особенно же для женщины, и дѣлаетъ лице безобразнымъ

Уши свои укрась не жемчугомъ, но привычкой внимать добрымъ рѣчамъ, а для худыхъ рѣчей замыкать ихъ ключемъ ума. И отверстия и замкнутыя уши твои да будутъ цѣломудренными слушателями.

Пусть дѣвственная стыдливость въ присутствіи супруга разливаетъ у тебя подъ вѣждами чистый румянецъ. Покрывайся румянцемъ, когда смотрять на тебя другіе; а сама старайся ни на кого не смотрѣть, и къ землѣ опускай брови.

Если у тебя не обузданъ языкъ; всегда будешь ненавистна мужу. Продерзливый языкъ причинялъ часто зло и невиннымъ. Лучше молчать, когда и самое дѣло вызываетъ на слово, нежели говорить, когда и время не даетъ мѣста нескромному слову. Твое слово да остается предметомъ желаній.

Ноги, идущія борзо, ненадежные свидѣтели цѣломудрія; и въ самой походкѣ бываетъ нѣчто наглое.

Выслушай и сіе: не предавайся неукротимой плотской любви, не во всякое время ищи удовольствій супружескаго ложа; убѣди супруга оказывать уваженіе къ святымъ днямъ; потому что образу великаго Бога свойственно покорствовать законамъ, хотя самъ безплотный Сынъ далъ нашему роду брачный законъ, созданію руки Своей оказавъ ту помощь, что, когда одни отходятъ, а другіе приходятъ, длится поколѣніе, и измѣняющійся человѣчскій родъ уподобляется рѣкѣ, которая и не стоитъ на мѣстѣ, по причинѣ господствующей смерти, и всегда полна вслѣдствіе новыхъ рожденій.

Но для чего мнѣ говорить подробно о всемъ? Могу дать тебѣ, дорогая моя, совѣтъ, но и его гораздо лучше есть у тебя Θεодосія — этотъ Хиронъ между замужними женщинами. Она для тебя—живый образецъ всякаго слова и дѣла; она приняла тебя отъ отца и образовала въ тебѣ добрые нравы. Это единоутробная сестра неукоризненнаго архіерея, Амфилохія, громозвучнаго вѣстника истины, моего украшенія, котораго вмѣстѣ съ непорочною Феклюю препроводилъ я къ Богу.

А если отъ моей сѣдины приняла ты какое нибудь высокоумное слово; то повелѣваю соблюдать его въ сокровенностяхъ сердца. Симъ приобрѣтешь благоволеніе у супруга, добраго градоправителя; и если бы сталъ онъ превозноситься, превзойдешь его славою.

Вотъ мой тебѣ даръ! А если нуженъ даръ лучшій; то желаю тебѣ стать многоплодною нивою чадамъ чадъ, чтобъ большимъ числомъ людей пѣснословимъ былъ великій Богъ, для Котораго родимся на свѣтъ, и къ Которому шествовать отселѣ — положенъ намъ законъ.

На лицемѣрныхъ монаховъ.

Одинъ неразумный человѣкъ, живущій роскошно, богатый и высокомѣрный, вздумалъ недавно утверждать, что я роскошествую. Сверхъ всего прочаго говорилъ онъ и то, что я богатъ; потому что свободенъ отъ дѣлъ, имѣю у себя садъ и небольшой источникъ. За то, отвѣчалъ я ему, умалчиваешь ты, несчастный, о слезахъ, объ уздѣ, наложенной на чрево, о язвахъ на колѣнахъ, о бдѣніи. Ибо всѣмъ этимъ умерщвляютъ плоть свою монахи, именно же монахи истинные (а неискусныхъ кинемъ мы воронамъ). Но сколько, думаешь ты, дѣла душѣ, которая воюетъ съ тѣломъ и ополчается противъ міра?

Послушайте, міролюбцы, которые такъ много и такъ не на-

долго кичитесь, послушайте, что говорят монахи! „Вы приобретаете, богатѣете, вамъ предоставлено супружество, дѣти и всё удовольствія, какія только приносятъ суша и море. А у насъ есть, можетъ быть, источникъ, или малый садъ, или прохладный вѣтерокъ, или древесная тѣнь—самыя малоцѣнныя достоянія. Если и это называете роскошю; то христіанамъ не должно уже и дышать“.—Пусть жалуются на это одно! Одинъ законъ, одинъ Богъ, одно званіе; Христу угодно, чтобы всё, совлекишись плоти, одинаково спаслись. Но вы нудите насъ къ совершенству, какъ будто не обязавшихся служить чѣмъ либо людямъ. А если обязались мы служить только Богу, самъ Онъ знаетъ это. Ты же недостойнъ судить меня, хотя я и худъ; потому что раны твои хуже моихъ.

Какъ мраченъ и блѣденъ ты, юноша! Ходишь безъ обуви съ распущенными волосами; едва можешь выговорить слово; хитонъ свисъ у тебя съ пояса, или черная хламида чинно влачится по пятамъ. Если все это ради вѣры, то о семъ должна свидѣтельствовать цѣлая жизнь. А если только одна картина: то пусть хвалить сіе другій! Послѣ этого „никто, по твоему, не берись за плугъ, или за заступъ, никто не плати податей, никто не заботься о пропитаніи родителей; но были бы у тебя густая борода и волосяная одежда, которая бы натирала шею, и тогда предлагай новые догматы! А если говоришь противъ правилъ языка, и мечешь во всякаго камнями; ты—Ангель, у тебя и волосы имѣютъ не малую силу. Ведетъ ли кто теперь нечистую жизнь, или преданъ любостыжательности, или имѣетъ обгагреныя кровію руки, или далъ въ себѣ мѣсто многочисленному легіону; не измождай своихъ членовъ, не изнуряй себя ни слезами, ни трудами (все это баснь); но переворочай книги¹⁾, и собравъ всё реченія, стань ересеначальникомъ; этимъ загладишь всё грѣхи“.

Всего лучше утруждать дебелую плоть возможными способами: молитвою, постомъ, заботами, бдѣніями. Ибо чистому свойственно дѣлаться еще болѣе чистымъ, а порочному должно истреблять въ себѣ хотя часть грѣха. Если же кто лицемѣритъ: мнѣ пріятно въ немъ то, что утруждаетъ свою плоть, и въ этомъ несетъ наказаніе за обманъ. Утучненная плоть и расширѣвшее чрево не могутъ пройти сквозъ узкія врата.

¹⁾ Леукалай читаетъ βιβλος, а не βίβς какъ у Библия.

Не должно клеветать на живущихъ чисто по тому, что иные падаютъ.

1.

Что говоришь? Многіе чисты и цѣломудренны, не таятъ въ себѣ никакой скверны и никакого порока: но одинъ худъ между честными, и многимъ служить укоризной; поэтому для чего не вступившимъ въ бракъ дѣвамъ жить вмѣстѣ съ мужчинами? Попадите языкъ свой, о завистливый родъ! Не всѣ слишкомъ худы, не всѣ и добровольны. Надобно уступить нѣчто и природѣ. Если когда и погибалъ кто изъ ревнителей чистоты; ужели сіе перенесете на всѣхъ? У каждаго свое тѣло.

2.

Лукавый Денница былъ Ангель: по съ его паденіемъ ничто не умалилось въ Ангельской благодати. И Иуда—не укоръ ученикамъ потому, что палъ. А ты за немногихъ оскорбляешь всѣхъ чистыхъ. Справедливо-ли это?

3.

Къ совершившимъ благополучное плаваніе не присоединяй претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и съ жившими хорошо не ставь въ одинъ рядъ поползнувшихъ въ жизни. У добрыхъ и у худыхъ не совпадаютъ между собою предѣлы. Замѣчаю одно то, что падшіе погибали. Ты, ни мало не упоминая о тѣхъ, которые совершили теченіе успѣшно, именуешь однихъ падшихъ. А я именую преуспѣвшихъ. Ты выставляешь на видъ самыхъ порочныхъ: потому что самъ худъ; а я выставляю добродѣтельныхъ. Отдѣльно ставь ведущаго жизнь непристойно и цѣломудреннаго. Изъ-за одного худаго не почитай всѣхъ скверными. Лучше тебѣ уважать чистаго, нежели питать ненависть къ порочному.

Увѣщаніе къ духовной жизни.

Скажи мнѣ, другъ, ужели тебѣ служанка кажется чѣмъ-то превосходнѣйшимъ, нежели супруга? По крайней мѣрѣ, не такова моя мысль. Ибо подлинно всѣ мы узники плоти, и Божественная частица примѣшена въ насъ къ худшему. Что же лучше? Отвлечь ли несчастную душу отъ плоти, или привязать къ ней еще тягчайшими узами?

И въ шуткѣ должна быть степенность.

Шутить и сѣдина; но ея шутки—степенныя шутки. Она ко Христу примѣшиваетъ дѣтскую невинность. И смѣясь съ какою-то важностію, услаждаю тѣмъ сердце. Но прочь отъ меня Геліконы и Дафны, и неистовства треножниковъ.

На тѣхъ, которые при гробахъ мученическихъ предаются роскоши.

1.

Ежели искуснымъ въ пляскѣ пріятны борьбы: то и побѣдителямъ въ борьбахъ будутъ пріятны забавы — потому что одно другому противоположно. А если ни любителямъ плясокъ не нравятся борьбы, ни борцамъ—забавы: то какъ же въ даръ мучениковъ приносишь ты серебро, вино, яствы и отрыжку? Ужели праведенъ тотъ, у кого полонъ карманъ, хотя бы онъ былъ и самымъ неправеднымъ человѣкомъ?

2.

Скажите мнѣ, мученики, дѣйствительно ли вамъ угодны народныя стеченія?—Что пріятнѣе этого?—Чѣмъ же услаждаетесь вы? Добродѣтелию; потому что многіе могутъ сдѣлаться здѣсь лучшими, если чествуются добродѣтель. Справедливо это сказано вами. А пьянство, а служеніе чреву, конечно, пріятны другимъ. Добрымъ подвижникамъ чужда извѣженность.

3.

Въ честь демоновъ пиршествовали тѣ, которыя въ прежнія времена заботились приносить демонамъ пріятное, а не чистыя жертвы. Мы, христіане, освободились, наконецъ, отъ этого, и своимъ добрымъ подвижникамъ установили духовныя собранія. Но теперь послушайте, любители пиршествъ; меня смущаетъ страхъ, что и вы подражаете демонскимъ обрядамъ.

4.

Не обманывайтесь, добрые, будто бы подвижники восписываютъ похвалу чреву. Это уставы собственныхъ вашихъ гортаней. А я знаю одно только чествованіе мучениковъ—удалить отъ себя, что позоритъ душу, и истреблять въ себѣ тучность слезами. Свидѣтельствуюсь вами добрые подвижники и мученики, что возда-

ваемыя вамъ чествованія обращены въ поруганіе этими чревоугодниками. Вы не требуете ни трапезы, издающей пріятный запахъ, ни поваровъ. Они же въ награду за добродѣтель приносятъ отрыжку.

Злословящему.

1.

Много худаго говоришь ты обо мнѣ, любезнѣйшій. Если самъ ты совершенъ: то, можетъ быть, и повѣрю тебѣ. А если ты очень худъ; то прошу тебя говорить обо мнѣ всегда и еще хуже. Это можетъ сдѣлать меня совершеннѣе всѣхъ; прекрасно быть въ ненависти у порочныхъ.

2

Много худаго говоришь ты обо мнѣ, любезнѣйшій; а зло дѣлаешь себѣ самому. Для меня врачевствомъ въ этой бѣдѣ служитъ такое разсужденіе. Если великій Богъ благоволитъ къ тебѣ: то въ иномъ благоволитъ и ко мнѣ. А если прогнѣвается на тебя; то во сколько строже будетъ судъ!

3.

Много худаго говоришь ты обо мнѣ, любезнѣйшій. Если говоришь справедливо, то виновенъ я, который далъ поводъ твоему языку. А если несправедливо и ложно: что мнѣ до твоихъ рѣчей? Говори даже всякому: за это, безъ сомнѣнія, большее наказаніе получишь отъ Бога.

Юліану.

Тотъ же пророкъ наводнилъ жаждущую землю дождемъ, который связалъ ее. А другой изъ водъ исхитилъ цѣлый міръ. Иной помогалъ въ болѣзняхъ, иной спасалъ отъ враговъ; иной съѣдо съ неба питалъ великій народъ. Тебѣ же, именитый Юліанъ, вложилъ Богъ въ руки сперва вѣсы правосудія, а теперь вѣсы для уравненія податей—вѣсы неуклонные, необманчивые, вѣрные, достославные. Но и ты, доблестный мужъ, пощади у меня бѣдныхъ, пощади своимъ писаломъ тѣхъ, которыхъ изнурила болѣзнь, пожирая у нихъ бѣдную плоть, пощади,—и ты будешь вписанъ въ небесную книгу. Богъ воздастъ людямъ тою же мѣрою, какою сами отмѣриваемъ здѣсь человѣкамъ. Подай помощь смертному; потому что всѣ мы имѣемъ смертное тѣло. Лазарь у дверей твоихъ;

дай ему чужія крошки. И Христосъ сталъ человѣкомъ, когда налагалась подать. Уважь перепись, современную Христу. Уважь мать свою, эту нищепитательницу, эту благочестивую кровь. Уважь домъ, который умѣетъ благоволить къ страждущимъ членамъ. Уважь, другъ, и мое богатство, которое охотно принесъ я въ даръ, и все отдалъ нищимъ, желая стать крестоносцемъ. Пристань есть общее достояніе мореходцевъ; и эта часть имущества есть общее пособіе нуждающимся. Здѣсь мое имущество, а твое писало. О если бы намъ обоимъ получить равную мзду за нищепитаніе! Да напишетъ такъ царь! Тебя надѣлилъ великій Богъ многими дарами, какіе даны не многимъ изъ живущихъ на землѣ. Ты производишь отъ священной крови, имѣешь даръ слова, богатство, имущество, прекрасную наружность, ты свѣдуешь въ томъ, чтобъ производить судъ по авзонскимъ законамъ. Однако же всего болѣе прославишь себя, если подашь Божію руку симъ непогребеннымъ мертвецамъ.

Филагрію на его терпѣніе.

1.

У древнихъ въ великой славѣ Епиктетъ, въ великой—Анаксархъ. Одинъ, когда сокрушали его, не обращалъ вниманія на славу; другой, когда толкли руки его въ ступѣ, кричалъ: выбивайте мѣшокъ. Но ты, Филагрій, терпишь долговременныя страданія въ тѣлѣ, которое пожираетъ болѣзнь, и душа твоя никогда не поражается этимъ.

2.

Если бы тѣло твое, Филагрій, не было такъ болѣзненно, то я не замѣтилъ бы всей силы твоей добродѣтели. А теперь оно истреблено болѣзнями, а ты непоколебимъ. Какъ справедливо то, что Богъ посылаетъ добрымъ болѣзни вмѣсто врачевства.

3.

Болѣзнь пожрала тебя, Филагрій, и закрыла твои глаза; но душа твоя отъ страданій стала свѣтлѣе. Хотя знаю, превосходнѣйшій, что ты свѣдуешь во всякой мудрости; однако же ни о чемъ другомъ не могу сказать, чтобъ оно было превосходнѣе этого.

4.

Слышишь, Александрія! Филагрій утратилъ красоту лица, которая была не хуже его золотой души, а юнаго Кесарія похитила зависть. Ты никогда не поплещь уже такихъ цвѣтовъ къ добродѣтельнымъ Каппадокіянамъ.

Сигантію пустыннику.

Съ радостію шель я, надѣясь угасить пламень желанія, какое имѣлъ насладиться твоею божественною бесѣдой. Когда же ясно увидѣлъ, что водоемъ безводенъ, потому что не было удобопіемаго для меня источника: тогда возвратился съ великою скорбію, приобрѣтя одно,—что же именно? большую жажду. Помолись однако же, чтобъ могъ я свидѣться съ тобою въ другой разъ, и угасить великій пламень, занявъ отъ тебя, и тебѣ сообщивъ, сколько-нибудь божественныхъ мыслей.

Строителю дома Гигантію.

Иный соорудилъ вавилонскія стѣны, по которымъ могли ѣздить колесницы; другой воздвигъ египетскія пирамиды, а кто-то пѣшій перешель черезъ море и хорошо оснащенные еракійскіе корабли перевезъ по сушѣ. А я, всколебавъ возвышенность и небольшіе пригорки Гигантіевою рукою, имѣю у себя орошенный водою садъ.

Къ Немесію.

Немесій, око правосудія и краснорѣчія, ты, который прежде былъ славенъ у царя тѣмъ, что умѣлъ давать великую силу древнимъ и авзонскимъ законамъ, при алтаряхъ правосудія обличая неправое дѣло собственными словами противника, а напоследокъ возсіяваешь на высокомъ мѣстѣ правителя у боголюбезныхъ Каппадокіянъ, показывая имъ начатки своего правовѣдѣнія! другіе стали бы превозносить твою славу въ стихахъ и громозвучныхъ пѣснопѣніяхъ, изливая изъ устъ то пламенное краснорѣчіе, которое тебѣ свойственно, въ которомъ ты всѣхъ далеко оставилъ за собою; потому что, если бы кто захотѣлъ подробно описать твои доблести, онѣ, какъ токъ великой рѣки, раздѣлившейся на многія вѣтви, составили бы достаточный предметъ для многихъ рѣчей; другіе же, изобразивъ рѣзцемъ или отливъ въ горнилѣ изъ мѣди твой ликъ, о мужѣ обильный словомъ, поставили бы на градскихъ стогнахъ безмолвнаго Немесія, чтобы прославить тѣмъ свои города; потому что городамъ доставляетъ славу и самый образъ добраго правителя, видимый потомками. А меня великій Богъ содѣлалъ вѣдущимъ небесное и земное; у меня умъ, при озареніи великаго Духа изслѣдывая самыя глубины, парить выше всего; и потому буду говорить, что только прилично сказать священнодѣй-

ствующему, громозвучному вѣстнику истины, ученику тѣхъ, которые не на твердость доводовъ полагались, не силою богатства надмевались, но, не будучи дотолѣ славными, уловили міръ въ вождѣнныя Божіи мрежи, чтобы всякій сознался, что чрезъ нихъ дѣйствовала сила Бога-Слова. Но и ты удостой вниманіемъ мою пѣснь; ты долгое время услаждалъ слухъ пріятными, но суетными пѣснопѣніями, въ которыхъ, какъ у любодѣйныхъ женщинъ, привлекательность поддѣльна; теперь преклони не надолго слухъ твой къ моимъ словамъ, въ которыхъ неувядающую и неизмѣняемую красоту составляетъ мысль, яснымъ свѣтомъ озаряющая чистыя очи. Ибо, если бы Христосъ свыше уязвилъ и пронзилъ насквозь сердце твое Своею животворящею стрѣлою; то, разсмотрѣвъ внимательно ту и другую любовь, узналъ бы ты, сколь пріятно поражаетъ жало стрѣлы Царевой.

Сѣдая моя голова и согбенные члены склонились уже къ вечеру болѣзненной жизни. Много скорбей встрѣчало мое сердце, а между ними много и кратковременныхъ наслажденій; но я не видалъ еще славы, которая была бы выше и прочнѣе славы—приближаться къ Божеству пренебеснаго Бога. Одна слава была для меня пріятна—приобрѣсть познанія, какія собрали Востокъ и Западъ и краса Эллада—Аеины; надъ симъ трудился я много и долгое время. Но всѣ сіи познанія, повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ; они уступили Слову великаго Бога, Которое столько же затмеваетъ Собою всякое извитіе и многообразное слово ума человѣческаго, сколько высокошественное солнце затмѣваетъ собою прочія звѣзды. Посему уважь мои слова; это и для тебя будетъ лучше.

Человѣку, который есть Божіе созданіе, прекрасный и нетлѣнный образъ небеснаго Слова, который духовенъ, способенъ къ духовному вѣдѣнію и превыспренъ,—человѣку, говорю, не позволительно и не свойственно, вопреки справедливости, преклоняться предъ суетными идолами, предъ ничтожными, составленными изъ тлѣннаго вещества, изображеніями рыбъ, земныхъ животныхъ и воздушныхъ птицъ,—предъ сими произведеніями человѣческой руки, погибающими отъ ржавчины и моли,—произведеніями изъ веществъ, которыхъ одна часть чествуется, а другая брошена съ презрѣніемъ. Онъ не долженъ поклоняться небеснымъ тѣламъ, которыя, при всей великой своей красотѣ, не боги, но произведенія Бога Творца; не долженъ поклоняться ни лунѣ, ни солнцу, ни звѣздамъ—символамъ украшенія неба, ни самому небу, этому необъятному круговращающемуся тѣлу, украшенному многими вну-

тренними красотами, этому безмолвно вѣщающему и вмѣстѣ велигласному проповѣднику того искусства, которое водрузило и гармонически связало сію вселенную, чтобы человѣкъ въ видимомъ постигалъ невидимое. Ибо кто видитъ великолѣпный домъ, тотъ представляетъ себѣ и соорудившаго домъ; и корабль есть не говорящій провозвѣстникъ о строителѣ корабля.

А ты, дѣлатель боговъ, отецъ новыхъ небожителей, ты съ ненавистными чествованіями преклоняешь уже колѣна и предъ бессильными демонами, называя ихъ злыми и добрыми, тогда какъ всѣ они злы, непріязненны доброй твари, завистливы, бѣсолубивы, свирѣпы, услаждаются плотями и туками жертвъ, погрязли въ нечистотахъ. Ихъ, послѣ долговременнаго владычества на землѣ, изгналъ Своею честною кровію Христосъ — Слово великаго Бога, когда въ человѣческомъ образѣ явился неодолимый Богъ. Онъ прекратилъ преступныя кровопролитія, и показалъ намъ умную жертву, дотолѣ сокровенную и явленную не многимъ. И не дивись сему! Часто и я, Христово достояніе, едва произносилъ досточтимое Имя, какъ демонъ съ шумомъ убѣгалъ далеко прочь, скорбя и исповѣдуя могущество Царствующаго въ горнихъ. То же самое происходило, когда описывалъ я въ воздухѣ, повидимому исчезающее, знаменіе великаго креста. И такое изображеніе дѣлалось побѣднымъ памятникомъ, какъ древле руки великославнаго Моисея

Желалъ бы я взойти на верхъ высокой башни и возгремѣти вслухъ всѣмъ жителямъ земли: „Смертные человѣки! строители того, что не существуетъ! долго ли вамъ обольщаться и обольщать ложными, наяву видимыми грезами, и безъ цѣли блуждать по землѣ? Суемудрые служители идоловъ! покровителями своихъ страстей умыслили вы поставить непотребныхъ боговъ, лжецовъ, челоуѣкоубійць, строптивыхъ, клятвопреступниковъ, хищниковъ, андрогиновъ, прелюбодѣевъ, мужеложниковъ. Смотри, во сколько видовъ превращался самый первый изъ нихъ, чтобы удовлетворить своему распутству. Онъ бывалъ воломъ, лебедемъ, золотомъ, змѣею, мужемъ, медвѣдемъ принималъ на себя всякій видъ, какого требовалъ немощный ребенокъ—неперпѣливый Эротъ, какъ увѣряютъ сами творцы этихъ бессильныхъ боговъ. Но не довольно сего; вы и собственные страсти свои чествуете жертвами, и для каждаго порока есть у васъ особый заступникъ, чтобы всякій грѣхъ не только оставался ненаказаннымъ, но даже почитался добрымъ дѣломъ, потому что оказавшій ему почестъ угождаетъ тѣмъ Богу. Разсмотри и другое полчище пресловутыхъ помощниковъ—этихъ ивиѣаловъ рогатыхъ, не имѣющихъ шеи, до половины тѣла —

змѣй, звѣрообразныхъ, совмѣщающихъ въ себѣ члены различныхъ звѣрей, достойныхъ смѣха чудищъ!“—О если бы они увидѣли у себя такихъ дѣтей, какихъ чтутъ боговъ! О если бы сдѣлались они такими же помощниками для своихъ друзей, или сами встрѣтили такихъ же помощниковъ, когда угрожаетъ имъ врагъ, какихъ помощниковъ своимъ порокамъ имѣютъ въ сихъ богахъ! Но для чего тебѣ описывать сіе подробно, и изъ священныхъ устъ источать такія мерзости? Одно важнѣе всего; но это, какъ гвоздемъ, скрѣпляется словомъ.

Мы, при помощи высокихъ книгъ и божественныхъ пророковъ, а на послѣдокъ богодухновенныхъ учениковъ Ходатая Христа, у которыхъ умъ исписанъ свѣтозарнымъ Духомъ, и которые чистымъ сердцемъ видѣли великаго Бога (а это единственный способъ постигать невидимое Божество),—мы стали свѣдуши въ небномъ, просвѣщены самимъ Богомъ, и восходимъ выше и выше, сколько намъ, однодневнымъ тварямъ, возможно восходить здѣсь къ Богу; ибо глазъ, и при самомъ остромъ зрѣніи, не легко проникаетъ сквозь облака. Но большее вѣдѣніе предоставлено намъ впоследствии; ибо тѣмъ и награждается желаніе, что достигаетъ желаемой цѣли. И которые изъ васъ столько же стали внимательны къ нашему ученію, сколько прежде были къ вашимъ баснямъ и гибельнымъ чествованіямъ, тѣ трекратно и четырехкратно блаженные смертные; потому что не единомышленны на злое, но подвергли его законному наказанію; и тѣхъ, кого вы чествуете алтарями, благозвучными народными гимнами, пресловутыми гекатомбами, не рѣдко предавали они въ снѣдь долговѣчнымъ воронамъ.

Если же вашимъ богословамъ (потому что и у васъ есть, точно есть, истолкователи священныхъ пѣсней) угодно утверждать, что, хотя все это—пустая пѣснь, по законамъ пріятнаго сладкогласія, мѣрнымъ словомъ изложенная, игривая баснь, однако же и въ этомъ, подъ роскошною видимостію, скрывается болѣе важная мысль, усматриваемая разумными, и имѣющая двѣ стороны, какъ и двулицый Ермъ, который однимъ лицомъ смотритъ впередъ, а другимъ назадъ: то замѣть, что и противъ сего есть у меня неотразимый, какъ думаю, доводъ. И въ нашихъ писаніяхъ двоякій есть смыслъ, одинъ внутренній — досточимаго Духа, а другой внѣшній; оба же Божественнаго начертанія. И одинъ вятенъ немногимъ, а другой многимъ на тотъ, думаю, конецъ, чтобы преимущество имѣли мудрые, или чтобы съ трудомъ пріобрѣтаемое тверже соблюдалось; ибо что скоро пріобрѣтается, то непрочно. Впрочемъ,

въ нашихъ лисаніяхъ тѣло и само свѣтло, и облекаетъ собою боговидную душу; это двойная одежда — багряница, просвѣчи вающая нѣжною сребровидностію. Но у насъ ничего нѣтъ срам наго, что закрывало бы собою Бога. Стыжусь въ помощь Боже ству употреблять баснь. Кто велитъ тебѣ, спѣша въ Итаку, плыть мимо утесовъ Сциллы, или мимо грозной и гибельной Харибды, гдѣ до окончанія плаванія можешь погибнуть? Кто заставляетъ тебя, идя къ источнику чистаго Божества, останавливаться среди тины, гдѣ, пока вязнешь въ тинѣ, утечетъ отъ тебя чистая струя?

Обрати вниманіе и на это мудрое слово. Большая часть людей худы, и безъ путеказателя склонны къ пороку; немногіе же идутъ къ совершенству. Остановить потокъ—для меня трудно; а дать ему течь по скату—весьма легко. Если же сдѣлаешь боговъ покровителями разврата; то, прежде нежели разумнымъ словомъ своимъ разсѣешь мракъ непроницаемой басни, погубишь ты читателя басень, стремящагося къ свѣту. Но къ чему мнѣ другія доказательства? Хотя ты и столько уменъ, что въ состояніи оспорить другаго; однако же увѣришься, если можешь, отъ моего довода. Ежели басни въ нашемъ ученіи составляютъ сущность; то бросьте ихъ на земь. Что за пріятность жертвовать своимъ достояніемъ въ честь невѣроятнаго срама, и безчестить Бога—родителя и путеводителя жизни? А ежели баснь не составляетъ сущности, и любящій баснословить подобно старухамъ, которыя забавляются за любимыми чашами въ безсонныя ночи, самъ себѣ на глаза налагаетъ покрывало; то да падетъ это во глубину моря, какъ и погибло уже многое изъ такихъ бредней. Ибо Христосъ содержитъ все до самыхъ предѣловъ міра, совокупивъ во едино Своими дланями, которыя нѣкогда распростеръ Онъ на преславномъ крестѣ.

Если же кажется тебѣ неприличнымъ, что пришелъ ко мнѣ Богъ чрезъ непорочную Матерь по новымъ законамъ дѣвическаго и безмужнаго рожденія, избавляя отъ страданій меня, низложеннаго грѣхомъ, что Онъ умеръ, приложился къ мертвецамъ, а потомъ возсталъ: то, любитель приличій, воздающій чествованіе чистымъ богамъ, рожденнымъ отъ чистыхъ боговъ, если не слыхалъ ты прежде, по крайней мѣрѣ нынѣ выслушай отъ меня слово, какое вдохнулъ мнѣ Христосъ, мой Богъ, непреложный въ словѣ.

Многіе держатся и такого ученія, что изъ лона дѣвическаго прозябъ Божій человекъ, котораго Духъ соорудилъ храмомъ великаго Бога, воздвигая чистый храмъ; потому что Матерь есть храмъ Христовъ, а Христосъ есть храмъ Слова. Ибо послѣ того, какъ губительный змій подвергъ наше естество горькому престу-

плению, положено было рожденіемъ Божественнаго человѣка уврачевать грѣхъ и низложить ужасную державу пребеззаконнаго змія. Для сего сей Божій человѣкъ прошелъ сквозь утробу, и почтилъ одну половину нашего рожденія, а другой не коснулся, такъ какъ родила неискусомужная Дѣва. Но когда Духъ создалъ и обожилъ Его во утробѣ, по исполненіи же времени извелъ на свѣтъ; тогда пріялъ на Себя грубую плоть и наполнилъ храмъ чистымъ Божествомъ Царь—Слово. Но тотъ и другой, и Божій человѣкъ и Царь—Слово, стали для меня единымъ Богомъ. Ибо смертное не уступило своего мѣста наполнившему оное Безсмертному. Умеръ же Онъ по собственной волѣ, не надолго сложивъ въ могилу Свое членосоставное тѣло, чтобы, возставъ по возвращеніи изъ мертвыхъ, воскресить умершихъ, и привлечь ихъ къ Себѣ, какъ магнитъ камень привлекаетъ твердое желѣзо. Ибо всецѣлаго меня, со всѣми человѣческими свойствами, воспринялъ на Себя Христось, принявъ плоть, рожденіе, мой образъ, поруганіе, гробъ, славу, воскресеніе.

Такъ говорю, чтобы остановить неудержимое стремленіе вашего слова, когда вы, покрытые срамомъ, вынуждаете меня на страшную прю, и предъ собою не видите пучины грязи, а у меня замѣчаете капли. Но если желаешь знать истинное ученіе, приклони слухъ свой. Знаю, что сказанное мною будетъ непріятно для многихъ; потому что многіе не имѣютъ здраваго разума, но, увлекшись суетными мнѣніями, вознерадѣли объ истинѣ: однако же скажу, не скрывая, несомнѣнное ученіе, хотя паче всего желаю сребровидной жизни.

Кромѣ гнуснаго порока нѣтъ ничего неблагоприличнаго; единственное же совершенство — добродѣтель. Все прочее занимаетъ средину между добромъ и зломъ, и зависитъ отъ нашего произволенія, оно благопотребно для добрыхъ, и наоборотъ весьма неблагоприлично для злыхъ. Сюда же отношу я и тайну моей вещественности — то, что съ моими членами соединенъ безсмертный образъ. Не по ненависти Богъ создалъ человѣка, который есть свидѣтель Его Божества, дольний царь и слава горяго Царя. Не по любви также Божіей дано человѣку бѣдственное рожденіе. Или прекрати слово, но откажись, что имѣешь понятіе о Божествѣ. Ты говоришь: если Христось произошелъ на свѣтъ не чрезъ чистую утробу, то нечистъ; потому что для нечистаго не вмѣстимо чистое. Но положи, ежели тебѣ угодно, что рожденіе есть нѣчто нечистое. Однако же всякому здравомыслящему извѣстно слѣдующее. Къ кому ни коснется солнечный лучъ, всякому приносить онъ свѣтъ;

къ чему ни примѣшается пріятность благоухающаго мѹра, все то немедленно начинается благоухать. Но ни къ солнцу, ни къ мѹру не прикасаются никакія скверны. Такъ Богъ, пришедшій чрезъ чистую Матерь, не только Самъ не осквернился во утробѣ, но и ее очистилъ. Такъ и умерши, сокрушилъ Онъ державу смерти, и не только Самъ ничего не потерялъ отъ смерти, но и ее истребилъ. Таково мое ученіе; а твой неукротимый языкъ, если прежде былъ неукротимъ, теперь да укротится!

Теперь вѣщаетъ мой Христосъ; но и ты возбуди языкъ свой къ благоговѣйному вѣщанію.

„Настала весна, а зима прошла, и наступило ясное благо-вѣдріе. Приступите же, и насытитесь отъ Меня безмѣрнымъ свѣтомъ. Долго ли быть вамъ связанными въ темныхъ пещерахъ? Наступило уже время, о которомъ издавна далъ вамъ обѣтованіе свѣтлый Духъ. Приступите, вкусите жизни, но примите и новое очищеніе!“

Умолкните, стихотворцы! перестаньте и вы, неистовые демоны, воодушевлять къ самымъ незаконнымъ пѣснопѣніямъ! Пусть Орфей водить за собою звѣрей! Пусть Аскреянинецъ Исідоръ поетъ своему Персею! пусть славный Омиръ воспѣваетъ Трою и бѣдствія! Пусть Мусей и Линъ, прославившіеся пѣснопѣніями въ глубокой древности, у боговъ поучаются мѣрамъ стиха! А трояко-доблественный Ермій и противъ воли да спомоществуетъ моей пѣсни, и Сивилла въ стихахъ своихъ да чувствуетъ крестъ! Разимые стрѣлами великаго Божества, хотя и ближе другихъ (не отряцаю сего) подошли они къ истинѣ, однако же не по Божію вдохновенію, но потому что заглядывали въ наши книги, а сами частію вовсе пребывали лишенными свѣта, частію же не надолго усматривали мелькнувшую молнію, и тотчасъ погружались снова во мракъ.

Посему уступите мнѣ, и наконецъ образумьтесь. Пусть Фивы порицаютъ смерть шебывалыхъ боговъ! Само-Отецъ, не зачать, безматеренъ Тотъ, Кто сокрушилъ во мнѣ злую силу, воспѣвъ послѣднее (Матѣ. 26, 30). А кастальскій источникъ, и Дафна, и проорицалища дуба, да низринутся во прахъ, не имѣя цѣны даже и для глупцовъ! Да падеть египетскій демонъ, пустословящій богъ, Аммонъ; да падутъ также Вранхиды и надменный Епидаврянинецъ; да исчезнутъ и скрытые и видимые очами обряды, и мерзости знаменитой у древнихъ элевзинской ночи, и приводящій въ бѣшенство раздирающій звукъ фригійскихъ свирѣлей, и диктейскіе корабанты, въ полномъ вооруженіи предающіеся неистовству, и ва-

кханты, ходящіе по горамъ вокругъ Семелина сына, и злые призраки ночной Гекаты; да исчезнутъ жестокости во храмъ Миеры, неслыханныя дотолѣ оргіи, завыванія галлейской Кибелы, всѣ мерзости распутства, какія производятся въ честь оплодотворяющаго Нила, жалобныя мычанія Изиды и Озириса, сухой пень Сераписъ— съ зловредною о немъ баснею, откормленный быкъ Аписъ и безумный Мемфисъ, и ты, жалкая Лакена, извѣдывающая крѣпость юношей, которые, окружая твой жертвенникъ, сѣкутъ друга друга бичами, и гетскій Замолксисъ, бросающій стрѣлы въ толпу; страшныя для чужеземцевъ жертвоприношенія у Тавровъ; богъ прекраснаго Просимна, обнимающій деревяннаго Фала; сладострастное торжество и торгъ въ честь Киприды; Линдъ сопровождающій свои священнодѣйствія ругательствами! Все приведено въ бездѣйствіе кровію великославнаго Христа, Который вмѣстѣ (что составляетъ величайшее изъ чудесъ) и перворожденъ и новорожденъ.

О тебѣ, Эмпедокль, жерло огнедышащей Этны засвидѣтельствовало, что ты надмевался напрасно и былъ смертенъ; выбросивъ мѣдныя туфли легкомысленнаго бога, оно опозорило тебя предъ всѣми смертными, когда желалъ ты прославиться своимъ несчастнымъ скачкомъ! Перестаньте баснословить, Иракль, Эмпедотимъ, Трофоній, и ты, невѣроятная гордыня тщеславнаго Аристея; вы смертны, а не блаженны,—это видно изъ вашихъ страданій; и только тѣмъ, что не надолго сокрывались отъ взора людей, также давностію обмана, при помощи своихъ басенъ, восхитили вы непринадлежащую вамъ славу! Но Христосъ не малочисленными прославленъ устами: Его слава съ теченіемъ времени не истребилась, какъ дымъ, мгновенно разсѣваемый въ воздушныхъ пустотахъ; потому что немедленно падать—это законъ для славы брهنной. Но Христосъ всегда и у всѣхъ славенъ; слава Его съ продолженіемъ лѣтъ будетъ возрастать непрестанно болѣе и болѣе; а нѣкогда (въ чемъ я увѣренъ) на цѣлую землю наложитъ она свои узы: ибо такъ предречено, и предсказанное идетъ уже къ своему исполненію. Впрочемъ сіе предоставимъ волѣ великаго Бога! А я изрекаю то, чему научилъ меня Христосъ, Свѣтъ мой, показывая всѣ основанія нашего ученія, Божество, Божию тварь, и кормило всего, которымъ Слово великаго Бога непрестанно приводитъ въ движеніе міръ; и изрекаю сіе кратко въ немногіе стихи (таковъ у меня обычай) заключивъ обширное слово; все же прочее отсылаю за Гадесъ.

А ты, превосходнѣйшій изъ друзей, Немесій, прійми сей даръ

моей дружбы, даръ пріятнѣйшей другихъ даровъ, заимствованный изъ моихъ только стяжаній, и у меня единственный! Это не пѣснь сладкопѣвнаго лебедя, оплакивающегоъ смерть свою, когда вѣтеръ приражается къ его старческимъ крыламъ; это не жалобное пѣніе соловья, когда зима налагаетъ узы на всѣхъ, а вмѣстѣ и на поющихъ птицъ; но сладкопѣвіе Христоносныхъ устъ, настройваемое самимъ Богомъ. Прійми теперь отъ меня сей даръ за все благодаренія, какими почтилъ ты мою сѣдину, мою дружбу, мою болѣзнь, и мое крылатое слово — эту и твою славу, почтилъ (что всего удивительнѣе и дороже) еще прежде, нежели видѣлъ меня своими очами. Ибо у людей уваженіе свидѣтельствуется только въ глаза.

Если послѣдуешь симъ совѣтамъ и дашь вѣтриламъ моимъ свободное плаваніе; то трекратно блаженъ ты, что имѣешь такое руководство и такую цѣль. А ежели не покоришься имъ, и завистникъ, который не хочетъ, чтобы хотя одинъ человекъ былъ; благоуспѣшенъ во всемъ, такъ сильно обаялъ тебя своимъ лукавымъ окомъ; то и тогда да сопровождаетъ тебя сей добрый памятникъ Григоріевъ. Можетъ быть, впоследствии одобришь мое слово и изъ малой искры возгнетешь въ себѣ высокій пламень. И тогда кто нибудь скажетъ: „Вотъ великодушный Немесій, который у Каппадокіянъ держалъ вѣрные вѣсы правосудія! Онъ пошелъ отъ насъ не съ обманчивымъ серебромъ и золотомъ, не съ благородными крылатыми конями, имѣющими отличную славу; потому что онъ неуязвимъ былъ богатствомъ: но вмѣсто всего пріобрѣлъ великую и свѣтлую жемчужину — Христа“. А симъ богатствомъ (похваюсь этимъ) мои соотечественники Каппадокіяне превосходятъ всѣхъ. О если бы ты, какъ теперь написанъ въ моихъ книгахъ, такъ вмѣстѣ съ нашими сталъ написанъ и въ книги небесной!

Максиму.

Что это? И ты, Максимъ, смѣешь писать? Писать смѣешь ты? Какое безстыдство! Въ этомъ уже превзошелъ ты и псовъ.

Вотъ духъ времени—всякій смѣлъ на все! Подобно грибамъ, вдругъ выбѣгаютъ изъ земли и мудрецы, и военачальники, и благородные, и епископы, хотя и не потрудились прежде на свою долю надъ чѣмъ нибудь добрымъ. Что жъ выходитъ изъ этого? Добродѣтель унижается, не беретъ преимущества предъ необразованностію; потому что дерзость пользуется ненаказанностію, едва бро-

ситъ нѣсколько какихъ ни есть словъ. Кидайся внизъ головою всякій и не учась, стрѣляй изъ лука, заносись на крыльяхъ подъ самыя облака; довольно захотѣть, а знать дѣло—вовсе не нужно.

Видно, и ты у насъ вдругъ получилъ вдохновеніе стъ музъ, какъ говорятъ иные о древнихъ мудрецахъ? Видно, и тебя привела въ изступленіе какая-то лавровая вѣтвь? Или нечаянно ты напился прорицательныхъ водъ, и началъ потомъ источать стихи, не наблюдая даже и стихотворнаго размѣра? Какія невѣроятныя и неслыханныя доселѣ новости! Саулъ во пророкахъ; Максимъ въ числѣ писателей! Кто же послѣ этого не пророкъ? Кто сдержитъ свою руку? У всякаго есть бумага и трость; и старухи могутъ говорить, писать, собирать вокругъ себя народъ. А ты не побоялся возбуждать и рукоплесканія. Въ числѣ слушателей немного бываетъ мудрыхъ, но много Максимовъ и слабоумныхъ. Нужно понравиться послѣднимъ, а мудрецамъ можно пожелать добраго пути, послѣ того какъ пообстригутъ и посожмутъ ихъ насмѣшки. А если нужно отметить (мудрому на все надобно быть отважнымъ); будь смѣль! Пусть знаютъ Максима по дерзости. И мы въ правѣ посмѣяться! Что нынѣ этого легче, какъ смѣяться, и смѣяться много. Будь вѣтвей; а на оскорбителей—псомъ. Въ такомъ случаѣ никто не возьметъ надъ тобою преимущества.

Опять воскликну, и воскликну не разъ: о рѣчи! Этимъ истошу свою скорбь, но истошу не вполнѣ. Писать смѣешь ты? Сгажи же: гдѣ и у кого научился? Чьей руки дѣло—этотъ даръ—писать? Но вчера было не то; ты радъ былъ и тому, что узкій плащъ и непрестанно лающіе жизнь и нравы доставляли тебѣ скудный кусокъ. А рѣчи для тебя тогда были то же, что для осла лира, для вола—морская волна, для морскаго животнаго—ярмо. Теперь же ты у насъ Орфей, своими перстами все приводящій въ движеніе, или Амфіонъ, своими бряцаніями созидающій стѣны. Таковы-то нынѣ псы, если захотятъ позабавиться! Вѣрно, смѣлость эту вдохнули въ тебя старыя няньки, твои помощницы, за одно съ тобою слагающія рѣчи; для нихъ ты лебедь, для нихъ музыкальны издаваемые тобою звуки, когда подобно зефиру, текутъ съ крыльевъ, тріятно распростираемыхъ кроткими вѣяніями.

Но что и противъ кого пишешь ты, песь? Пишешь противъ человѣка, которому такъ же естественно писать, какъ водѣ течь, и огню грѣть. Не буду говорить, что пишешь противъ того, кто, сколько возможно человѣку, ничѣмъ тебя не обижалъ, хотя и много былъ оскорбленъ. Какое безуміе! Какая невѣжественная дерзость! Кона вызываешь, дорогой мой, помѣряться съ тобою въ бѣгу на рав-

нигѣ; безсильной рукой наносишь раны льву. Развѣ допустить, что у тебя одно было въ виду: ты надѣялся, что, и оскорбляя, не будешь удостоенъ словомъ. Это одно и кажется мнѣ въ тебѣ умнымъ. Ибо кто при здоровомъ смыслѣ захочетъ связываться со псомъ?

Отъ Ниновула сына къ отцу ¹⁾).

Если родилъ ты меня, отецъ; не велико благодареніе. Ибо для всѣхъ, и для людей, а равно и для безсловесныхъ, отъ мачала положенъ одинъ законъ—покоряться любви. По волѣ же премудраго Слова, и раждаемымъ и раждающимъ должно влачить однодневную жизнь, а умирая, продолжать ее въ своихъ прозябаніяхъ.

Но ты, родивъ, воскормилъ меня! Впрочемъ и у сильной коровы скачущій телець упираетъ головою въ сосцы; и она, по сладостной необходимости, переноситъ это безпокойство. И птица надъ милымъ гнѣздомъ, вокругъ неоперившихся птенцовъ, не даетъ крыльямъ покоя; туда и сюда за кормомъ порхаетъ эта тощая и давно не ѣвшая кормилица. И родителей и дѣтей связала природа узами любви, пріискавъ то врачество для родителей, что тяжелыя скорби облегчаютъ они усладою любви. Поэтому и разсерженная мать за юную телицу, и собака за милыхъ ей щенятъ, и птица за птенцовъ, объявляютъ страшную войну; пестрая рысь съ яростію бросается изъ древесной чащи; сильный вепрь приходитъ въ бѣшенство; лѣсомъ встаетъ у него щетина, сверкаютъ глаза, парь валитъ отъ зубовъ, изощраемыхъ одинъ о другой, и челюсти пзною брызжутъ, когда идетъ онъ отмстить за дѣтей, или встрѣтить смерть. Это внушаетъ имъ горячая любовь по незаученнымъ законамъ. Осы, сидя на камняхъ, какъ скоро видятъ, что приближается ктонибудь, хотя и не замышлявшій зла новорожденнымъ ихъ дѣтямъ, всѣмъ ополченіемъ высыпаютъ вдругъ изъ камней, шумятъ предъ лицомъ у путника, и поражаютъ его немилосердными жалами. И въ морскихъ глубинахъ есть законъ любви, если справедливо рассказываемое о дельфинѣ, этомъ царѣ обитателей моря. Если какойнибудь морской звѣрь приближается къ его неукрѣпившимся еще въ силахъ дѣтищамъ; дельфинъ расширяетъ свой зѣвъ, и какъ снѣдь пожирая собственное порожденіе, прячетъ его въ своей внутренности, чтобы не дать въ добычу звѣрю, и дотолѣ не изрыгаетъ изъ себя этого невѣроятнаго бремени, пока

¹⁾ За Ниновуломъ отцемъ была въ супружествѣ Алипіана, дочь Горгоніи, сестры св. Григорія Богослова.

не избѣгнуть страшной угрозы могучаго врага; тогда только безъ мукъ рожденія возвращаетъ изъ утробы свой плодъ.

Посему, добрѣйшій родитель, не говори мнѣ ни о рожденіи, ни о маломъ количествѣ пищи, которую даешь ты и своимъ рабамъ, и своимъ воламъ. Я, какъ человѣкъ, какъ сынъ добраго отца, желаю имѣть что нибудь лишнее передъ ними. Извини же, если не потаю, но скажу какое нибудь и оскорбительное слово.

Не по моей волѣ родилъ ты меня, и родивъ воскормилъ по необходимости. А если бы, родивъ, покинулъ одного на свѣтѣ; это значило бы, что родилъ ты смертнаго на мѣсто смертнаго. Не желаю я ни золота, ни серебра, ни шелковыхъ нитей, ни блеска переливающегося внутри драгоценныхъ камней, ни большаго участка доброкласной земли, волнуемой подобно равнинамъ Египта, ни множества рабовъ, ни четвероногихъ. Другимъ предоставляю заботиться о знатномъ супружествѣ, о томъ, чтобы привести въ домъ госпожу—это почетное время; другіе пусть помогаютъ престолу, который, попирая немногихъ, самъ попирается многими, и часто людьми худыми,—что всего болѣе возмущаетъ сердце. Всякій кичится чѣмъ нибудь своимъ; но всѣ мы низки, не имѣемъ ничего вѣрнаго на завтрашній день, жаждемъ забавъ, которыя для насъ чужды и пролетаютъ мгновенно. Погибай же все то, что приноситъ вихрь горькой жизни, которымъ здѣсь и тамъ клубится невѣрный для всякаго прахъ! Все это видѣлъ я своимъ слабымъ умомъ, а то же слышалъ и отъ мудрыхъ, и еще больше свѣдѣній принесетъ мнѣ время, которое всѣ называютъ учителемъ однопдневныхъ тварей. Взамѣнъ всего желаю теперь, родитель, одного, именно—быть сильнымъ въ словѣ. Прекрасна пламенная сила краснорѣчія въ рѣчахъ народныхъ, судебныхъ и похвальныхъ; но прекрасно также имѣть умъ, обогащенный исторіею; потому что исторія — складчина мудрости, умъ многихъ. Но немаловажна и грамматика, которая превосходно споспѣшествуетъ благородному языку Эллады, сглаживая слово и умягчая варварскіе звуки. Немаловажны и состязанія логическаго искусства, которыя закрываютъ сперва истину, пока, чрезъ возможное превращеніе понятія, не поставятъ ея въ полномъ свѣтѣ. Немаловажна и та наука, посредствомъ которой усовершенствовавшіеся мужи образуютъ въ человѣкѣ добрые нравы, какъ творогъ, который принимаетъ видъ плетенаго сосуда. Немаловажно и то, что мудрые мужи парящимъ умомъ, посредствомъ остроумныхъ изысканій, обозрѣвая каждый свою область, открыли въ глубинахъ, и предали книгамъ. Они уразумѣли природу вещей и воздушныхъ, и земныхъ, и морскихъ, и не-

бесныхъ, а сверхъ всего постигли мысль неизреченнаго Бога, постигли, какъ Богъ управляетъ вселенной, къ чему ведетъ ее, и какой конецъ положенъ для цѣлаго міра, исполненнаго многихъ красотъ. Они изучили, уразумѣли то, что выше разумѣнія смертныхъ. Но, изучивъ сіе въ юности, предамъ мысль свою Божественнѣйшему Духу, буду изыскивать слѣды сокровенныхъ красотъ, непрестанно восходить къ свѣту, и Божественныя внушенія прійму мѣриломъ жизни, чтобы и помощникомъ, и спутникомъ, и вождемъ имѣя Христа, съ легкими надеждами вознестись мнѣ отсель, сподобиться жизни чистой и непрекращающейся, не издали, какъ бы въ зеркалѣ и въ водѣ, видѣть слабыя изображенія истины, но созерцать чистыми очами самую истину, въ которой первое и послѣднее есть Троица, единосущное Божество, единый Свѣтъ въ трехъ равно Божескихъ Сіяніяхъ. Посмотри на великаго дѣда моего по матери: украшенный многообразными свѣдѣніями обо всемъ, собранными со всѣхъ концовъ земли во время пребыванія у многихъ народовъ, послѣднимъ ключемъ своего ученія содѣлалъ онъ Христа и высокую жизнь, къ которой и я, родитель, простираю взоры. И хотя они не достигаютъ еще до такой высоты; однако же благоразумному человѣку свойственно—мѣрять жизнь свою великими мѣрами. Лучше быть вторымъ между великими, нежели первымъ между нищими, какъ лучше летать ниже высоко парящаго орла, нежели разсѣкать воздухъ выше вьющихся по землѣ мотыльковъ.

Вотъ чего желаю, родитель; исполни мою надежду. Умоляю тебя, и касаюсь твоей браны (2 Цар. 20, 9). Умоляю тебя, воспользуемся временемъ, которое можно ловить, пока приближается, и котораго напрасно станемъ искать, когда оно пройдетъ. Свое есть время — садить садъ; время — воздѣлывать землю; время — отрѣзать вервь кораблей мореходныхъ; время — звѣроловамъ ловить звѣрей на горахъ; время—и для войны. Цвѣты родятся весенней порою. Такъ и людямъ есть приличное время учиться, когда пламенная любовь согрѣваетъ душу, когда внутренности сердца не избородили еще многообразныя начертанія, но украшаютъ его однѣ новописанныя красоты. Юноша самъ для себя полагаетъ въ землю и добрый и худой корень жизни. Это особенно и надобно имѣть во вниманіи.

Убѣдилъ ли я? Или къ сказанному присовокупить еще болѣе убѣдительное слово? Высоко цѣню твое краснорѣчіе, родитель, въ которомъ ты превосходишь, потому что у тебя не отстаютъ другъ отъ друга и языкъ, и слухъ, и быстрая мысль, слѣдуешь ли законамъ

рѣчи немѣрной, или мѣрной, и, что составляетъ верхъ чуда, все это бываетъ у тебя безъ большихъ усилій. Знаю, что ты предстоялъ великимъ царямъ и приобрѣлъ почести съ храбрыми, когда бывалъ въ рядахъ ихъ, когда стремительнымъ копьемъ своимъ разилъ Ахименидовъ. Знаю, что ты возвеличенъ богатствомъ, и родомъ, и умомъ, что наружностію и величіемъ уподоблялся древнѣйшимъ Эакидамъ, или Этоліицу Мелеагру. Но всего болѣе прославило тебя твое краснорѣчіе; оно приобрѣло тебѣ твердую непоколебимую, нестарѣющуюся, неизмѣнную, непрестанно съ годами возрастающую славу.

И я желаю имѣть отцево наслѣдіе; оно для меня то же, чѣмъ было для Спартанцевъ копье, для Пелопсовыхъ потомковъ—Пелопсово плечо, для царей скипетръ и для коренныхъ Кекропидовъ¹⁾—вплетаемый въ волосы кузнечикъ, какъ сынъ земли. И наружностію походить на отца—составляетъ уже славу.

Уважь мое желаніе; оно невинно. А я видалъ, что иныя родители уступалъ и худымъ желаніямъ дѣтей, какъ врачующій болѣзни къ полезному примѣшиваетъ пріятное, чтобы пріятнымъ прикрасить врачевство и изгнать большее зло — недугъ зломъ меньшимъ. Видалъ, что иныя и не знакомыя съ мудростію соглашались нерѣдко на просьбу сына, желающаго учиться, и въ угодность своему порожденію уступаетъ добрымъ его желаніямъ, хотя они чужды ему самому. А я прошу тебя, родитель, уступить и подать руку сыну, который желаетъ превосходнѣйшаго. Но если бы сталъ я увеселяться худымъ, исключи меня изъ числа своихъ дѣтей, какъ сына, который признанъ незаконнорожденнымъ по испытанію въ водахъ благороднаго Рейна²⁾, или какъ птенца, котораго солнечный лучъ показываетъ не настоящимъ порожденіемъ чистыхъ орловъ. Окажи, превосходнѣйшій, милость, которая будетъ милостію сколько сыну, столько и отцу, потому что отъ сына опять перейдетъ къ родителю. Ибо слава дѣтей вмѣняется въ честь родителямъ, равно какъ и слава родителей—въ честь дѣтямъ. И награда имъ общая и безславіе общее.

Иныя по легкомыслію, полюбивъ непрестанныя пляски, убійственную борьбу съ людьми и губительными звѣрями, цѣлую жизнь свою провели на поприщахъ, чтобы снискать благоволеніе у

¹⁾ Аэвийцы.

²⁾ По германскому обычаю, мужъ, подозрѣвавшій жену въ невѣрности, рожденнаго ею младенца погружалъ въ воды Рейна, въ увѣренности, что законнорожденный младенецъ не потонетъ, а незаконнорожденный немедленно пойдетъ ко дну.

согражданъ и оспорить у другихъ славу, которая не надолго прогремить въ народныхъ устахъ. Иные истожили и жизнь и богатство на борцовъ, которые напрасно изнуряютъ себя на песчаномъ поприщѣ, и на ѣздоковъ, которые въ виду раздѣлившихся на части зрителей и съ обѣихъ сторонъ потрясающихъ восклицаніями воздухъ, рвутся другъ друга превзойдти неразуміемъ. Иные ищутъ разнообразія забавъ въ позорѣ мужей и женъ, въ поддѣльныхъ пощечинахъ шутамъ, которые изъ разверстаго рта вмѣсто воплей издаютъ громкій смѣхъ. Таковы занятія этихъ безумцевъ; такъ они, шутя, проводятъ бездѣльную жизнь! Чему учились, тому и другихъ учать. И имъ однимъ наградою за злыя дѣла не острый мечъ, но выгоды и богатство, потому что услуживаютъ страстямъ. А между безразсудными не трудно взять верхъ наиболѣе злонравнымъ. Такъ поступаютъ сіи люди, и что худо приобрѣли, то хуже расточаютъ. Впрочемъ ихъ ожидаетъ праведный судъ.

Тебѣ же да даруетъ Богъ, чего желаешь, какъ человѣкъ добродѣтельнѣйшій, то-есть, подать руку помощи дѣтямъ и оказать добро всякому, кому только нужно. Но другимъ отдай излишнее, а мнѣ предоставь то, что дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Я желаю не многого, но чтобы самому стать достойнымъ многого, и не слишкомъ далеко отстать отъ родителей. Что за пріятность имѣть у себя обезьяну—это безобразіе въ человѣческомъ видѣ, разукрашеннаго золотыми петлями? Нарядъ не измѣняетъ смѣшной и глупой наружности. Что за радость ослу носить на себѣ таланты золота? Осель, хотя и золотомъ увѣшанъ, не перестаетъ кричать по-ослиному. Какая польза, ни къ чему негодный для сражающихся свинцовый мечъ спрятать въ серебряныя ножны? А таковъ и человѣкъ, который превозносится одною вѣшностію.

Въ заключеніе слова выслушай слѣдующее; и Богъ да будетъ свидѣтелемъ сказаннаго; ибо и Богъ есть Слово, царствующее надъ смертными. Съ моей стороны, родитель, будутъ дарованія, нравъ, неутомимый трудъ и постоянное совокупленіе во едино дней и ночей; все же прочее да будетъ отъ тебя: Богъ и время, и лучшая надежда, и совѣты товарищей, непрестанно поощряющіе на доброе. Ибо и дровосѣку придаетъ большую силу топоръ. Не бойся ни моря ни дальнаго пути; не жалѣй ни имущества, ни всего прочаго, что можетъ споспѣшествовать къ стяжанію высокой добродѣтели. Похвалюсь, что я для тебя дороже большаго имѣнія, потому что я у тебя первородный, и первый названъ отцевымъ именемъ, если это, какъ думаю, имѣетъ какую-нибудь пріятность для родителей. Но если владѣетъ тобою любовь къ имуществу, или, ежели любовь

твоя къ сыну походить болѣе на женскую, материнскую, подобна огню, который вдругъ воспламеняетъ солому и тотчасъ угасаетъ; то въ такомъ случаѣ, не охотно, правда, однако же тобою самимъ вынужденный къ этому, скажу, что никакъ тебѣ, родитель, не припишу имени чадолюбиваго отца. Напротивъ того, отецъ мой, будь для своего сына не человѣкомъ, но Богомъ. Не заграждай источника, который готовъ произвести изъ себя большую рѣку, не дай померкнуть въ свѣтильникѣ свѣту отъ недостатка елея; не дай засохнуть растенію отъ того, что не напаяется росиночными влагами. Открой родникъ, поддержи свѣтъ, ороси дающее побѣги растеніе.

И ты, мать моя, помоги просьбамъ моимъ, чтобы мнѣ было за что возблагодарить васъ обоихъ и именовать родителями не одного моего перстнаго состава (какъ говорятъ иные, замѣчая, что родители заботятся только о плоти), но и безсмертной души.

Отъ Ниновула отца къ сыну.

Желая быть сильнымъ въ словѣ, желаешь ты, сынъ мой, прекраснаго. И самъ я услаждаюсь словомъ, какое Царь Христосъ далъ людямъ, какъ свѣтъ жизни, какъ преимущественный изъ даровъ, ниспосланныхъ намъ съ небеснаго круга; потому что и Самъ Онъ, превозносимый многими именованиями, ни однимъ не благоугождается столько, какъ наименованіемъ: Слово. Но выслушай мою рѣчь. Совѣтъ отеческій есть самый лучший, и сѣдина имѣть преимущество предъ юностію. Время родило исторію, а исторія родила высоко парящую мудрость. По сему уважь слова мои; это для тебя же лучше.

Во всемъ прочемъ, сынъ мой, будь превосходиѣе отца. Отецъ радуется, когда добрый сынъ беретъ надъ нимъ преимущество, и радуется больше, нежели когда самъ превосходитъ всѣхъ другихъ. Это согласно съ Божескими законами, которыми великій Отецъ связалъ вселенную, и, изъ любви къ Своему достоянію, неизблемо утвердилъ Словомъ. Но желаю, сынъ, чтобы ты удерживалъ въ себѣ отцево свойство—имѣлъ больше стыдливости, нежели сколько теперь обнаруживаешь ея предъ родителями. И я былъ сынъ добраго отца; но изъ моихъ устъ никогда не выходило такого слова; даже и на языкѣ не держалъ я чего либо подобнаго, потому что и Богу не угодны такія рѣчи.

„Если родилъ ты меня, отецъ; не велико благодареніе. Ибо произвелъ ты меня на свѣтъ, угождая не мнѣ, но своей похоти и своей плоти. А потомъ и воскормилъ! Что жь? Воскормилъ, кого

родиль“.—Какое неблагодарное слово, разрушительное для міра, оскорбительное для великаго Рожденія! Природа взаимною любовію связала родителей и дѣтей, чтобы трудъ, какого требуютъ рожденные, не утомлялъ родителей, и чтобы не для смерти мы рождали, оставляя родившихся безъ попеченія. Посему, какъ справедливо сказалъ ты, родители ведутъ страшную войну за дѣтей, не щадя жизни. Такъ поступаютъ осы, рыси, волы, вепри, рыбы, птицы, а преимущественно предъ всѣми человѣческой родъ. Если не покоримся этимъ законамъ; вся жизнь наша пораждеть понапрасну. Но кто же обниметь сына, кто пораждеть ему лучшаго, кто дастъ свое согласіе, когда онъ хочетъ учиться, или желаетъ чего либо другаго, кто отдѣлится ему надлежащую часть имущества, если все, что сынъ получаетъ отъ отца, есть долгъ, а не милость, и если сынъ, не получивъ ничего, можетъ нарушить законъ стыда, а получивъ, въ правѣ имѣть и языкъ и умъ неблагодарный?

Смотри же, чтобы иный разумный человѣкъ не возразилъ тебѣ: Не человѣческой только мы — родъ, но и Божій, и Божій прежде, нежели человѣческой. Отцы для дѣтей вторичныя только орудія рожденія отъ Христа великаго Бога. Христомъ взялъ землю, но даровалъ ей умъ, и произвелъ единый родъ, смѣшанный изъ того и другаго, произвелъ земнаго царя, который—тѣло, когда зломудренъ, и сопричтенъ къ богамъ, когда благочестивъ, который туда и сюда порывается многими бѣдствіями, чтобы при большемъ числѣ золь имѣть намъ неборимое сердце. Но никто еще не терялъ до того здраваго смысла и не увлекался кипучестію юной крови, чтобы изъ богоборныхъ устъ его исторглось такое злое слово: „Не по моему желанію сотворилъ Ты меня. А когда сотворилъ, не дивно, что и почтилъ. Если же, создавъ, оставляешь меня; это значитъ, что смертнаго создалъ на мѣсто смертнаго. Дай мнѣ премудрость, дай богатство, потому что далъ Ты это многимъ; дай величіе и красоту, первенство въ городахъ, все разящій мечъ, крѣпость тѣла не уступающаго болѣзнямъ, и все прочее, чѣмъ люди измѣряютъ великое счастье. Иначе не стану чтить Тебя ни жертвами, ни обѣтами. Ибо не мнѣ оказалъ Ты благодѣянія, когда связалъ во мнѣ душу и тѣло, но Самъ, желая славы, привелъ въ бытіе меня, какъ и все иное, чтобы имя Твое, Блаженный, славилось и между земными“. Но такія рѣчи предоставимъ людямъ богоненавистнымъ и неразумнымъ, которые, ставъ рабами виновника зла, богатство почитаютъ богомъ. А мы за все, и за благое и за бѣдственное, будемъ пѣснословить великаго Бога, что свойственно сынамъ.

достойнымъ любви. Послѣ же перваго Царя прославлю и земныхъ родителей, которые озарили меня свѣтомъ, чрезъ которыхъ и въ моемъ сердцѣ возсіяла, и всѣмъ открылась, во едино сочетающаяся Троица. Умолчу о великомъ кругѣ міра, о широкомъ небѣ, въ которомъ сіяютъ два свѣтлыя ока; о хребтѣ моря (что для меня чудно) и люющагося и не выливающегося изъ своихъ предѣловъ, а напоследокъ и о землѣ, о теченіи рѣкъ, о вдыхаемомъ нами воздухѣ, о временахъ года, о пріятности цвѣтовъ, о природѣ человѣка и пернатыхъ, о всемъ, что Богъ предложилъ въ трапезу очамъ моимъ. Все сіе отецъ мой передалъ мнѣ отъ великаго Отца.

Посему не этимъ долженъ ты вознаградить за сіе родителя, не отважностію, потому что отважность, преступивъ мѣру, дѣлается дерзостію. Иначе какой-нибудь болѣе раздражительный отецъ отъ моего лица скажетъ тебѣ подобное слѣдующему слово: „если природа позаботилась о дѣтяхъ, вложивъ родителямъ любовь къ нимъ; то природа же возбранила любить не любящихъ“. Лучше отъ отца перенести худое, нежели видѣть доброе отъ чужаго. И человѣку лучше всего смотрѣть только изъ рукъ отцовыхъ. А если отецъ бѣденъ, скуденъ умомъ, изнемогъ тѣломъ; что будешь дѣлать? Не замѣнишь ли ему своею рукою жезла? Не возьмешь ли и ты меня къ себѣ на плеча и не понесешь ли вонъ изъ города, какъ сынъ Анхизовъ унесъ своего родителя отъ враговъ? Или скажешь: „для чего ты произвелъ меня на свѣтъ? и за что требуешь моей услуги?“ Дай голосъ рыбамъ и птицамъ воздушнымъ, всему, что дышитъ и пресмыкается на землѣ. Дельфинъ не скажетъ: „Для чего Ты Царь, сотворилъ меня сыномъ моря? Мнѣ не хотѣлось бы вести непрестанно странническую жизнь въ соленой влагѣ, вдыхать влажный и видѣть помраченный воздухъ. Лучше хочу работать, какъ волъ, пастись на горахъ, имѣть широкія плеча, какъ быстроногія коня вести жизнь вмѣстѣ съ человѣкомъ, нежели царствовать надъ всѣми скользящими по водамъ рыбами“. Волы не мучатся желаніемъ ходить по морямъ. И злая змѣя, съ усиліемъ изгибаясь на своемъ чревѣ, не скажетъ: „Для чего Ты заставилъ меня грысть персть на землѣ? Мнѣ хотѣлось бы ходить въ прямомъ положеніи; а Ты опредѣлилъ мнѣ пресмыкаться на чревѣ“. Воронъ не пожелаетъ летать подобно орламъ и помѣняться своею наружностію съ царемъ пернатыхъ. Но всякій любить ту стезю жизни, какая ему назначена. И скудельное произведеніе никогда не скажетъ скудельнику: „для чего ты немилосердно трещишь надо мною своимъ жесткимъ колесомъ?“

Все это говорилъ я тебѣ, любезнѣйшій сынъ, чтобы научить покорности твой умъ, заставить тебя на вѣсахъ взвѣшивать слова свои и не давать имъ свободы, отсѣкать все лишнее, ограничиваться же достаточнымъ, не предаваться потоку молодости, но удерживать его стремительность. Когда говоришь; гораздо лучше многое затаить въ себѣ, нежели пустить на воздухъ какое нибудь неприличное слово. Никакой нѣтъ бѣды, если останется слово не вымолвленнымъ;—это не эхидино порожденіе; оно не проторгнетъ чрева, и не угрызетъ матери въ отмщеніе за губительнаго отца.

Теперь утрашу твою любовь словомъ своимъ, и родительскою снисходительностію развѣю на воздухъ сыновнюю дерзость. Не одна дорога жизни, сынъ мой; потому что и природа не у всѣхъ одинакова. У однихъ она добра, у другихъ хуже и болѣе походитъ на природу безсловесныхъ, а у иныхъ опять какая-то смѣсь и добраго и худаго; какъ и земледѣлецъ троякаго свойства находитъ землю: или плодоносную, или бесплодную, или такую, которая вмѣстѣ съ пшеницей произращаетъ и тернія. Три есть пути, и три цѣли. Одинъ путь низменъ, пробить слѣдами многихъ, широкъ, мягокъ, но приводитъ къ жалкому концу, къ стремнинамъ, къ мрачнымъ пропастямъ, къ страшному тартару, гдѣ огненные рѣки, казнь погибшихъ душъ и непрекращаемое мученіе. Другой путь негладокъ, крутъ, сухъ, тѣсенъ, излучистъ, съ обѣихъ сторонъ окруженъ повсюду стремнинами, и проходимъ немногими; но ведетъ къ благому концу, къ звѣздному небу, къ великой славѣ, безплотнымъ красотамъ, къ самой чистой, ничѣмъ не омраченной благой истинѣ и даже къ высочайшему, не имѣющему предѣловъ, Свѣту. Третій путь лежитъ въ срединѣ между первыми; онъ средній и по воздаянію; не очень труденъ, и весьма немного приноситъ славы — это свѣтъ слившійся съ черною ночью, такое смѣшеніе, которое у мудрыхъ называется сумракомъ. Путемъ удобнымъ идутъ всѣ тѣ, у кого умъ развращенъ, лжецы, челоуѣкоубійцы, прелюбодѣи, клятвопреступники, андрогины, отцеубійцы, хищники, чревоугодники, которые уподобляются не наполняемымъ морямъ, живутъ смертію, любятъ собственную гибель.

Однимъ врагамъ можно пожелать такой жизни. Добрымъ же путемъ идутъ тѣ, у кого жизнь не на землѣ: это треблаженные люди, которые во плоти живутъ превыше плоти, не связаны супружествомъ; это презрители міра, небошественные, нестяжатели, единоризцы; они плачутъ, спятъ на голой землѣ, едва переводятъ дыханіе, не исполняютъ требованій чрева, не имѣютъ надъ собою

крова, въ одномъ поставляютъ славу—вмѣнять ни во что всякую здѣшнюю славу, и богатство, и нищету, взирать же къ единому Богу. Предъ нимъ-то поникаю долу, боюсь и трепещу ихъ, какъ царствующаго въ горнихъ Бога, когда приближается Онъ къ челювѣкамъ. Ибо всѣ они взошли гораздо превыше смертныхъ. А мы идемъ среднимъ путемъ; не услаждаемся пороками, но едва касаемся и божественнаго; у насъ заботы о супругѣ, о возжелѣнной славѣ, о дѣтяхъ, объ имуществѣ; для насъ дорого все, что приходитъ въ руки.

Конечно, что въ этой жизни для меня самое главное—слово, это для обладающаго симъ даромъ нерасхищаемое богатство, некрадомое, доброе стяжаніе, хотя я не все еще извѣдалъ какъ бы хотѣлось, не обтекъ еще на полныхъ вѣтрилахъ цѣлаго моря наукъ. Я не вѣрю твоимъ словамъ, и похвалы твои меня не плѣняютъ, потому что всякая похвала отъ роднаго невѣрна. Однако же преимущественно предъ всѣмъ другимъ уважаю тебя, о слава краснорѣчія! Ибо даръ слова служитъ основаніемъ моей жизни; имъ отличенъ я отъ звѣрей, воздвигъ города, изобрѣлъ законы, воспѣваю великославнаго Бога, превозношу до небесъ свѣтлую добродѣтель, укрощаю бѣдственное для меня могущество ужаснаго грѣха, раздѣляю міры, міръ небесный и этотъ міръ, идущій къ разрушенію, различаю душу и тѣло, какъ изображеніе и изображаемое, какъ качества двоякаго рода жизни и двоякій конецъ жизни живыхъ и гибнущихъ. Сему научилъ меня Богъ, въ семъ подкрѣпило меня слово мудрыхъ, въ семъ утвердила вѣра, представляя письменное доказательство, какъ въ послѣдніе дни прославлены будутъ доблести добрыхъ, а безславіе порочныхъ начертано на безсмертныхъ столпахъ.

Быть сильнымъ въ словѣ—и живущему одиноко не скучная жизнь, и домогающемуся знаменитости славный вѣнецъ, не весеннимъ подобный цвѣтамъ, сорваннымъ поутру и увядающимъ прежде, нежели кончится день. Быть сильнымъ въ словѣ—великое врачевство отъ страстей; симъ укрощаю воскипающій гнѣвъ—это омраченіе ума, симъ усыпляю скорбь и полагаю мѣру веселію, не сокрушаясь слишкомъ въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, и не надмеаясь благополучіемъ, но одно употребляя въ помощь противъ другаго, то есть, надежду—противъ скорбей, и страхъ—противъ благоденствія. Даръ слова и царей руководить, и народъ привлекаетъ, процвѣтаетъ въ народныхъ собраніяхъ, царствуетъ на ширахъ, утишаетъ брани, дѣлаетъ челоувѣка кроткимъ, и ѣжными и

ласковыми рѣчами умягчая всякаго, сколько бы кто ни былъ упоренъ, подобно тому, какъ сила огня смягчаетъ желѣзо. Думаю, что Орфеевы гусли не иное что были, какъ даръ слова, пріятностію звуковъ увлекавшій всѣхъ и добрыхъ, и худыхъ; а также и Амфіонова лира дѣлала покорными камни, то есть упорныя и каменные сердца. Даръ же слова разумѣю и подъ тѣмъ врачевствомъ, которое далъ Лаертову сыну его спутникъ, когда шелъ онъ къ Цирцеѣ, чтобы могъ онъ оказать помощь своимъ товарищамъ, обращеннымъ въ свиней, и самъ не дошелъ до необходимости ѣсть свиной кормъ. Даръ слова вижу и въ томъ, что растворила Фонова супруга, Египтянка Полидамна, и подала Еленѣ, какъ добрый гостинецъ—безпечальность, негнѣвливость и забвеніе всѣхъ бѣдствій. А иный, не разъ, по милости Божіей, избавляясь отъ гибельной брани и отъ свирѣпыхъ волнъ моря, спасалъ это одно вождедѣнное стяжаніе, и имъ увеселялся болѣе, нежели другой многочисленными благами. Ибо даръ слова дѣлаетъ человѣка почтеннымъ въ кругу людей; какъ можешь заключить изъ примѣра Одиссея. Безъ одежды, съ сокрушенными членами и бѣдственнымъ скитальцемъ спасся онъ изъ моря; но какъ скоро въ умной рѣчи изложилъ свою просьбу, уважила его царица и дѣва, и представила Феакянамъ и царю Алкиною, какъ чужеземца, претерпѣвшаго кораблекрушеніе, заслуживающаго предпочтеніе предъ всѣми другими. Даръ слова одерживалъ верхъ и надъ завистію, которая на многихъ смотритъ злыми глазами; потому что зависть любитъ нападать не на совершенныхъ, но на тѣхъ, которые возгордились неожиданно.

О даръ слова, чтобы восхвалить тебя, потребенъ особенный даръ! И какъ бы я желалъ, чтобы мое слово равнялось твоимъ благимъ вѣщаніямъ! Но я одно уловилъ, другое нашелъ для себя не по силамъ; иное же подсказалъ мнѣ языкъ любезнаго сына, изъяснивъ поспѣшныя желанія своей сѣдиною украшенной юности, что еще болѣе возбуждаетъ мое сердце.

Положившись на свои собственныя и родительскія молитвы, усердно, неуклонно и съ лучшими надеждами стремись, сынъ, куда желаешь; да будетъ у тебя тотъ же добрый спутникъ, который былъ у твоего отца. Ибо и на нашу жизнь призираетъ Божіе око. Восхитилъ ли тебя аттическій соловей, или знаменитый городъ пріятной Финикіи — обитель авзонскихъ законовъ, или великій градъ Александровъ, откуда иный, нагрузивъ корабли великимъ богатствомъ, поспѣшаетъ въ свое отечество; всякая страна да протекаетъ быстро подъ твоими поспѣшающими стопами, и произра-

пачетъ подъ ними прекрасныя цвѣты; да шумятъ предъ тобою привѣтливо рѣки, и всякое море легкими дыханіями вѣтровъ да принесть корабль твой въ пристань; делфинъ, въ свѣтлыхъ волнахъ едва зыблющейся морской поверхности извивая хребетъ змѣящимися кругами, да скачетъ по водамъ, ставъ путеводителемъ твоей жизни, какъ нѣкогда на хребтѣ своемъ носилъ онъ знаменитаго пѣвца. Для самыхъ наставниковъ да будешь ты окомъ краснорѣчія; да считаютъ они сына моего между первыми и любятъ его наравнѣ съ своими дѣтьми. А сладкую чашу наукъ жадный умъ твой да исчерпаетъ до самаго дна. Рука твоя да пишетъ золотыя письма на гибкихъ досечкахъ, и соты да каплютъ съ твоего свитка. А если весеннею порой, когда дыханія вѣтерковъ такъ усладительны для человѣка, или когда солнце бросаетъ сверху огнистыя лучи, сидя подъ древесными вѣтвями и углубившись мыслію, будешь трудиться надъ сочиненіемъ; то стрегочущіе кузнечики и поющія птицы да сообщаютъ бодрость твоимъ тѣлеснымъ силамъ своими сладкозвучными пѣснями, вызывая на состязаніе въ пѣснопѣніи. Но какъ быстроногаго коня, по природѣ горячаго, этими любимыми звуками сдѣлаю тебя еще болѣе быстрымъ въ бѣгу и еще болѣе жаждущимъ великославной побѣды, или поступлю, какъ престарѣлый борецъ, который на поприщѣ въ Пизѣ отдаетъ разумныя приказы знаменитымъ борцамъ. Ибо желаю видѣть сына на этомъ поприщѣ съ оливною вѣтвію. И какъ приказываешь, ничего не пощажу, ни имущества, ни труда, къ какому обязаны родители, ни всего прочаго, что способствуетъ смертнымъ къ пріобрѣтенію великихъ доблестей; потому что благоразумная бѣдность лучше порочнаго богатства. Не загражду источника, который заключаетъ въ себѣ великую рѣку; не померкнетъ свѣтъ въ свѣтильникѣ отъ недостатка елея; и лѣторасль возрастетъ напоиваемая прѣсно-живыми водами.

Слѣдующая же пѣснь да будетъ тебѣ отъ меня напутствіемъ. Вождемъ и въ словѣ и въ жизни своей имѣй Христа—Слово, Который превыше всякаго слова. Не дружись съ человѣкомъ порочнымъ и негоднымъ: зараза проникаетъ и въ крѣпкіе члены. Добродѣтели своей не сообщишь ты другу, а срамота его жизни падетъ и на тебя. Избери себѣ товарищемъ цѣломудріе, и имъ однимъ увеселяйся, чтобы преступная любовь не изгнала изъ тебя любви добродѣтельной. Одно предпочитай превосходству въ словѣ — мудрый навыкъ всегда быть совершеннымъ. Когда же высокій свой умъ наолнишь всѣмъ, чего желалъ, и станешь возвращаться домой; да

будеть у тебя видимымъ для всѣхъ вождемъ тотъ же, кто и теперь, при твоёмъ отправленіи изъ дома, сопутствуетъ тебѣ въ дорогѣ. Родителямъ же да будутъ наградою — твоя любезность и твое доброе имя.

Сего желаю тебѣ, любезный сынъ. А если хочешь идти и дальше Гадеса; то и туда вождемъ твоимъ да будетъ Богъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что человѣкъ мудрый, непрестанно изслѣдывающій глубины наукъ, подъ руководствомъ мужей совершенныхъ, подобныхъ избранному тобою изъ нашей крови, — ничего, говорю, нѣтъ невѣроятнаго, сынъ, что такой человѣкъ достигнетъ конца высочайшаго блага.

Къ Виталиану отъ сыновей.

О отецъ мой, котораго Богъ даровалъ мнѣ здѣсь въ бога, Богъ несотворенный въ бога сотвореннаго и нетлѣнный — въ тлѣннаго, чтобы и земные имѣли честь и славу! Ибо какъ Царь Христосъ, Который по великимъ совѣтамъ Своимъ править міромъ, есть общій всѣхъ Родитель и наилучшій Пастырь, такъ и отецъ для своихъ дѣтей есть богъ. Выслушай же съ божескимъ милосердіемъ мое превосходное слово; потому что милосердо выслушивать свойственно великому Богу. Богъ не презираетъ человѣка, за котораго Онъ умеръ, котораго совоскресилъ съ Собою, и къ которому придетъ опять, придетъ — обличить всѣхъ въ послѣдній день.

За что наложилъ ты острые зубы на дѣтей своихъ? Для чего вторглась въ домъ твой злорадная мечь? Какая злобная Эринна изгнала изъ него счастье? Безъ сомнѣнія, ты произошла отъ добрыхъ родителей, и самъ не послѣдній въ людяхъ; и о тебѣ, конечно, радѣетъ Богъ, Который любить любящихъ Его, ненавидитъ же злыхъ; ибо такой законъ былъ доселѣ у Бога. Но не могу понять, отъ чего ты терпишь бѣдствія, постигающія людей богоненавистныхъ, и такъ сказать, самъ себя поражаешь ударами? Для другихъ природа избрѣла непредвидѣнные скорби жизни, и тѣмъ и другимъ тревожа родъ человѣческой. Никто не знаетъ, какъ прекратится великое тревоженіе многостраннической жизни, какая пристань укроетъ въ себѣ мой черный корабль. Беспредѣльное море погубило инаго, или и живаго бросило на сушу, но бѣднякомъ и скитальцемъ, не имѣющимъ ни покровы, ни одежды, сдѣлало того; кто прежде благоденствовалъ; а что везъ съ собою, все то поглотила соленая влага. Другой сражался и палъ на войнѣ, или плѣнникомъ достался въ убійственныя руки враговъ. Иной

всего, что имѣлъ, лишень властелиномъ, который въ одинъ день можетъ сдѣлать человѣка и низкимъ и счастливецемъ. У того немилосердые разбойники отняли все среди дня, а у этого хитрые воры похитили все во тмѣ. У другихъ же тлетворная болѣзнь пожрала члены. Но твоего спокойствія благоволилъ Богъ не возмутить ни чѣмъ исчисленнымъ мною; и да продолжитъ Онъ взирать на тебя благоволительнымъ окомъ, ограждая и внутреннее и внѣшнее твое благоденствіе! Но тебѣ, который не знаешь никакого бѣдствія, давъ силы, не соблаговолилъ Богъ даровать одного, именно, чтобы ты помогалъ своимъ дѣтямъ, соблюдая ихъ какъ зѣницу подъ благоокрыженными вѣждами. Не благоволилъ для того, чтобы никто изъ совершающихъ плаваніе жизни не могъ сказать: „я одинъ избѣжалъ всѣхъ злополучій и скорбей жизни“. Что замыслилъ нѣкогда ты, самоскій царь, Поликрать? Убоявшись того, что счастье течетъ къ тебѣ неудержимо, бросилъ ты въ море любимый свой перстень, желая удовлетворить тѣмъ зависти. Однако же перстень получили ты обратно, а смерти не избѣжалъ. Но съ насъ не брала еще никакой дани зависть; потому ни мало не удивительно, если навела она какой-то мракъ на домъ нашъ. Ибо дѣйствительно какой-то мракъ, или какая-то мгла, стоитъ у насъ между дѣтьми и превосходнѣйшимъ родителемъ. И какой пѣвецъ, искусный въ сложеніи пѣснопѣній, оплачетъ сіе?

Подумаешь, что мы своими страданіями доставили древнимъ поводъ къ баснѣ. Нѣкто, влюбившись въ собственный свой образъ, бросился въ источникъ; его погубило зеркало, въ которомъ увидѣлъ свою прекрасную наружность. Не бывало человѣка, который бы возненавидѣлъ собственную плоть свою; однако же слышалъ я и то, что одна мать, въ припадкѣ безумія, умертвила своего любимого сына. Она убила его какъ дикаго звѣря, потому что звѣремъ казался ей сынъ; но когда пришла въ разумъ, оплакивала уже не звѣря, но сраженнаго руками ея сына. А другая мать вонзила мечъ въ собственныхъ своихъ дѣтей; потому что была раздражена любовію ихъ отца къ наложницамъ. И одного звѣролова на горахъ, вмѣсто быстроногого оленя, растерзали скорые псы, которыхъ любилъ онъ. Непусти же родитель, чтобы и тебя причислилъ къ симъ несчастнымъ какой нибудь пѣвецъ, воспоминающій злодѣянія родителей и воспѣвающій бѣдствія междуусобной брани и вражды между кровными.

Сего боюсь я. Хотя есть и моя вина; однако же виновенъ и родитель. Даже родитель тѣмъ виновнѣе, что меня съ братомъ пре-

восходитъ и сѣдиною и честностію нравовъ. А если и нѣтъ его вины; то все же на него падетъ жалкое безславіе, которое нерѣдко и добраго человѣка низлагаетъ на землю. Ибо хотя многимъ извѣстна истина, однако же не мало и такихъ, которые смотрятъ на людское мнѣніе. О семъ прошу тебя размыслить, родитель.

Какъ ни встревоженъ я, однако же, слѣдуя требованію природы, желаю, чтобы родитель мой во всемъ и передъ всѣми имѣлъ преимущество, и, пользуясь у людей доброю славою, восходилъ выше и выше. Но какъ же иной почтетъ тебя, родитель, человѣкомъ снисходительнымъ къ чужему, когда столько гнѣваешься на дѣтей, которыхъ самъ родилъ и нѣкогда просилъ у Царя Бога, желая держать ихъ на своихъ колѣняхъ, а когда явились мы на свѣтъ, почтилъ пресловутыми именами? Я—Петръ, а братъ мой—Фока, носимъ имена учениковъ Христовыхъ. Но потомъ гнѣвъ, и все забыто. Какой отецъ, подобно тебѣ, превосходнѣйшій, бывалъ такъ милостивъ къ своимъ дѣтямъ новорожденнымъ, и такъ жестокъ къ дѣтямъ пришедшимъ въ возрастъ? Если бы позволительно было вступать въ состязаніе человѣку съ Богомъ, или дѣтямъ съ родителями; то, можетъ быть, нашелъ бы я какое нибудь слово въ облегченіе своихъ страданій. А теперь дозволю устами своимъ вымолвить только слѣдующее: худы ли мы, или хороши у тебя, отецъ,—отъ сѣмени колосъ. Хорошъ я, или худъ,—твоя слава, и твой же позоръ. А всякому извѣстно то, что надобно добраго любить, худому же служить podporой, потому что врачи даютъ лекарство не здоровымъ, а изнуреннымъ болѣзнію. Не о той птицѣ жалѣютъ, которая сидитъ на вѣтви, или летитъ по воздуху, но о той, которая выпала изъ высокаго гнѣзда, или пронзенная кривыми когтями плотояднаго коршуна отъ сильной боли бьетъ ногами по воздуху. И негоднѣйшаго сына удостоить своего нѣдра—это милость. А если удостоишь добраго; то вижу въ этомъ законъ для отца; потому что добродѣтельные и у чужихъ пользуются благосклонностію. И Божеская милость не въ томъ состоитъ, чтобы приближать къ Себѣ добрыхъ, но въ томъ, чтобы снизойти къ худому, и, поднявъ его съ земли, вознести высоко.

И Христось, когда приходилъ на землю, и водрузилъ въ Божествѣ своего человѣка, не за непадшихъ умеръ, но за тѣхъ, которые ниспали до земли и умерли въ Адамѣ. Не слышишь ли о сынѣ юнѣйшемъ, какъ онъ, оставя отца и живя блудно, расточилъ все отцовское имѣніе: а когда голодъ изнурилъ скитальца, возвратился въ домъ къ родителямъ и преклонилъ предъ нимъ колѣна; и отецъ

немедленно сжалился надъ негоднымъ сыномъ, обвилъ руками его вью, пролилъ слезы и почтилъ сына пиршественною вечерею? И добрый пастырь овецъ, когда одна изъ нихъ отстала отъ стада, оставилъ всѣхъ прочихъ, а пошелъ по слѣдамъ заблудшей, и какъ скоро нашелъ ее блуждающею на горахъ или въ лѣсахъ, взялъ на свои рамена и съ радостію сопричислилъ къ любезнымъ ему десяткамъ. Таковъ великій законъ моего Христа, Который, отвергая высокоумѣрныхъ, благоволяетъ ко всѣмъ униженнымъ.

Одно исповѣданіе грѣха часто спасало человѣка, горькими слезами омывало вины и очищало душу, очерненную пороками. Не рѣдко седмижды семь разъ умилоствляется Царь къ беззаконникамъ, какъ слышу въ Божіемъ словѣ (Матѣ. 18, 22), и какъ научилъ меня Духъ. Кто изъ людей хуже царя Манассинъ? Какой изъ городовъ хуже великаго Нинова города? Что хуже несытой руки мытаревой? Но Царь Христоръ умилосердился и надъ ними, когда восплакались они о грѣхахъ своихъ.

Но что говорить о Христвѣ? для чего упоминать и о человѣческой любви, какую природа насадила въ родителяхъ къ дѣтямъ? И звѣри любятъ свое порожденіе, если слыхалъ ты о рысахъ, о кабанахъ, о стадѣ круглоокихъ воловъ, какъ они трепещутъ за своихъ дѣтей и выходятъ на брань со звѣрями и съ непріязненнымъ для нихъ человѣкомъ. Ужели же въ тебѣ такой губительный гнѣвъ, какого нѣтъ ни въ людяхъ, ни въ звѣряхъ? Укроти свое разгнѣванное сердце; или тебя, любезный родитель, воскормили неприступные утесы и море, и оттого гнѣвъ сдѣлался въ сердцѣ твоёмъ тверже адаманта.

Другіе, и чужеземцы, и соотечественники, и люди богобоязненные, и безумцы, получаютъ себѣ утѣшеніе изъ твоего имущества. Домъ твой служитъ общимъ пристанищемъ для всѣхъ нуждающихся; трапеза твоя пріятнѣе Алкиноевой рощи; много за нею друзей, много на ней и снѣдей, много всего, что живетъ въ воздухѣ и на землѣ, и что плаваетъ въ водахъ. А мы, не омытые, не одѣтые, очоченѣвшіе отъ стужи, изо дня въ день скитаемся здѣсь и тамъ по чужимъ дверямъ; и нѣтъ ни какого облегченія нашему бѣдствію. Съ того самаго времени, какъ ты прогнѣвался на насъ, родитель, сколько ни желаемъ, не видимъ лица твоего; и что особенно тягостно, въ этомъ не отказываешь ты часто рабамъ своимъ, хотя и бываешь на нихъ прогнѣванъ. Мы злосчастные сидимъ за скудную трапезой, и даже, подобно Лазарю, не похищаемъ малыхъ крупицъ съ роскошнаго стола, не пользуемся и тѣмъ, чѣмъ пи-

таются псы. По твоей милости, многіе нами гнушаются, не многіе же уважаютъ. Странное дѣло! отецъ хвалится безславіемъ сыновей, которыхъ одна небольшая горсть утѣшила бы въ горести. Помощники для насъ обоихъ хуже самой скорби; а иные и не знаютъ, кто мы и чьи дѣти; ибо стыжусь и объявить о родителяхъ. Двое, правда, благорасположены къ намъ; хотятъ ли они чрезъ это сами избѣжать несчастія, или найдти облегченіе въ своихъ бѣдствіяхъ, какія наведетъ на нихъ злобный демонъ, и чужими напастями надѣются искупить собственную свою бѣду.

Скажу еще болѣе сильное слово; только будь милосердъ, родитель; дай намъ, по крайней мѣрѣ, эту отраду въ страданіяхъ— не отринь нашего слова. Къ другимъ своимъ дѣтямъ, родитель, ты столько благосклоненъ, сколько свойственно человѣку, который Бога исповѣдуетъ своимъ Отцемъ. Это — не зависть; единоутробнымъ и не естественно завидовать. Дома въ теремахъ воспиталъ ты нѣжныхъ дочерей, обучилъ рукодѣльямъ предъ вступленіемъ въ замужество, съ помощію одной благородной женщины—этого Хирона въ женскомъ полѣ, образовалъ въ нихъ добрые нравы, далъ имъ добрыхъ мужей—людей именитыхъ въ гражданскомъ кругу, богатой рукою отдѣлилъ имъ часть своего имущества. А насъ, которыхъ произвела на свѣтъ тебѣ та же и наилучшая мать—эта благочестивая жена, достойная удивленія всѣхъ земнородныхъ, о которой, представляю себѣ, и доселѣ ты, любезный родитель, часто проливаешь слезы, насъ—своихъ первородныхъ (что весьма важно для отцовъ) гонишь изъ своего дома и столько же ненавидишь, сколько дочерямъ показалъ свое благорасположенное сердце.

Скажу; и не желалъ бы, правда, однако же вывести слово наружу, чтобъ не разрывало оно меня, затаившись въ сердцѣ. Былъ бракъ и брачная вечеря; все было полно веселія; тамъ были брачные дары, привѣтственные рѣчи, пріятныя забавы. Много было родныхъ, не мало сосѣдей; люди высокихъ чиновъ при царскомъ дворѣ украшали собою брачную трапезу; были и досточестные іереи, которые соединяли чету молитвами своими и вѣнцами. Вокругъ прекраснаго юноши толпились товарищи, и величали жениха, уподобляя его красивой лѣторасли; а жены наряжали черную дѣву къ священному браку; отецъ восхищался дѣтьми. А насъ, какъ будто мы походимъ на дикихъ звѣрей или на вепрей, или по дѣйствию жестокаго демона погубили человѣческой видъ, насъ заперли въ домъ вдали отъ сестры; и тамъ мы оплакивали свое вступленіе въ скорбныя воды жизни.

Лучше бы мнѣ не начинаться въ матерней утробѣ, или умереть недоношеннымъ въ мукахъ рождающей! А если вступилъ уже я во врата жизни и привлекъ въ себя роковой духъ; то лучше было бы, если бы первый мой плачь сталъ слезою смерти, и не встрѣтилъ я такихъ бѣдствій! Всего же болѣе огорчило меня одно. Я искусный пѣвецъ, желалъ воспѣть бракъ и брачное ложе родной сестры, и своими брачными пѣснями утолить гнѣвъ отца; но, всегубительный демонъ! и это не было мнѣ дозволено, какъ человѣку ни къ чему негодному. Другой воспѣвалъ мою красу, эту черную ночь изъ-подъ золотистыхъ кудрей восходящую на серебряныхъ ланитахъ; другой славилъ мою вечернюю звѣзду, другой величалъ мою зарницу; и еще какой-то не добрый пѣвецъ. А я лежалъ безмолвный, презрѣнный, покрытый облакомъ сѣтованія, не могъ быть и эхомъ, которое послѣдніе слоги разноситъ по высокимъ утесамъ, когда Панъ поетъ на горахъ пастушескія пѣсни. Оплачу кончину моихъ первородныхъ пѣснопѣній, и не буду больше пѣть. Прощайте многозвучныя книги! прощайте музы! Что за радость, если пѣснь моя не касается родительскаго слуха, если и Орфеево какое нибудь пѣснопѣніе не привлекаетъ къ себѣ издали ни камней, ни звѣрей, ни птицъ на одрискихъ утесахъ? Воспользуйся отъ меня и этимъ, злобная зависть; пусть прекратятся мои пѣсни! А тебѣ, превосходный родитель, да не воздастъ за сіе ни Богъ, ни кто либо изъ друзей!

Но вотъ еще какой тревожитъ меня страхъ. Если не любишь насъ, добрѣйшій; то не любишь и дочерей, хотя и носишь ихъ теперь на рукахъ и стараешься возвысить. Насъ лишилъ ты своего дома и любезнаго лицезрѣнія, а ихъ сдѣлалъ для всѣхъ ненавистными. Ибо Царю родителей—Христу не угодно, чтобы отецъ къ одному былъ благосклоненъ, а къ другому худо расположенъ; и Сынъ Безначальнаго нерѣдко превращаетъ вѣсы, гнѣвъ Свой съ отца переноситъ на дѣтей, и обременяетъ несчастіями любимыхъ. Но да гадеть сіе въ глубину моря, да не коснется нашего дома, за настоящими скорбями да не послѣдуетъ новая скорбь! довольно и того, что старшихъ дѣтей твоихъ гонитъ Эринна.

Но противъ тебя, родитель, раздражены всѣ и родители и дѣти за то, что имѣешь неумолимое сердце. Ибо убиваетъ жизнь негодование отца, котораго соединили съ дѣтьми и естественный союзъ и любовь, раздѣлила же злая вражда. Конечно, великое къ намъ сожалѣніе питаютъ въ сердцѣхъ всѣ тѣ, которые сдѣлали, или потерпѣли, что нибудь достойное Бога; особливо же скорбятъ

іереи, которыхъ ты ущедряешь дарами и чествуешь въ своемъ домѣ, но безчестишь заочно, а иногда и въ лице, какъ скоро обращаются они къ тебѣ не съ одними ласковыми совѣтами и не съ благосклоннымъ только взоромъ, но и съ жесткими словами. Таковы, во первыхъ, Григорій, который жизнію соотвѣтствуетъ своему имени и проповѣдуетъ устами сочетанное Божество, а потомъ Воспорій и Амфилохій, которые одарены великой душею. У нихъ и мучительное чувство болѣзней уступаетъ молитвамъ, чествованію Троицы и жертвамъ; а у тебя ни мольбы, ни жертвы не преклоняютъ сердца. Ты не приносишь сего въ даръ и добропобѣднымъ мученикамъ. Хотя изъ года въ годъ ущедряешь ихъ богатой и не знающей счета рукою, созидаешь въ честь ихъ алтари, приносишь дары, устраиваешь пиршества, лики, предлагаешь многія чаши усладительнаго питія и мягкія ложа, однако же въ этомъ нарушаешь Божій законъ. Ибо лучше, принося малость, посвящать Богу сердце, нежели чествовать Его всеми жертвами, но имѣть оскверненный умъ. Нѣтъ дара, который былъ бы достоинъ Бога, хотя соберешь все, что приносятъ людямъ земля, небо и море; потому что все это—Божіе. А что же смертный найдетъ кромѣ сего? Одна душа есть чистая жертва; а въ этомъ и бѣдный часто идетъ наряду, и даже упреждаетъ изобилующаго всемъ.

Уважаю, родитель, и это великодушное намѣреніе, которымъ ты, по Божію внушенію, поставилъ себя выше многихъ. Для жалкихъ смертныхъ не то одно рожденіе, которое ведетъ начало отъ плоти и крови и по которому люди являются на землѣ, и исчезаютъ вскорѣ. Правда, что оно самое первое; но потомъ есть еще рожденіе чистаго Духа, когда нисходитъ озареніе на омытыхъ водою. Но есть и третіе рожденіе, которое слезами и скорбями очищаетъ въ насъ образъ Божій, очерненный грѣхомъ. Первое изъ сихъ рожденій имѣешь ты отъ отцовъ, другое—отъ Бога, а въ третьемъ самъ ты себя—родитель, и служишь для міра прекраснымъ свѣтиломъ; потому что расторгъ мірскія узы, вѣѣ брѣнія поставилъ свою ногу, избѣгъ огня, угрожающаго Содому, съ низкихъ равнинъ укрылся въ возлюбленный Сигоръ, не озираешься на испепеленные города, на всѣ свои стяжанія пріобрѣлъ одну добрую жемчужину, поселясь въ пустынь, совокупилъ во едино Христа и чистый свой умъ, распростеръ облако надъ земнымъ міромъ, отъ котораго самъ отрѣшился, воздвигъ стѣну между нимъ и собою; прекратилъ жалость чрева—этой ненаполнимой пропасти, презрѣлъ высокія стѣпалаща, надмевающія челоуѣка, повергъ долу кичливую гордость

и тщеславіе высокоумія. Одна для тебя слава—великій Богъ и благочестивые, которые для тебя дороже кровныхъ по плоти. Все уступило кресту, къ которому пригвоздилъ ты разбойника, т. е. міръ. Всеночными гимнами и дневными пѣснопѣніями славословишь ты Трисіянное озареніе небеснаго Духа. Все это прекрасно, родитель, и близко уже къ совершеннѣйшему предѣлу; предѣлъ же сей, по моему мнѣнію, — умосозерцаемый, а не въ зеркалѣ видимый, Богъ.

Остался въ тебѣ только одинъ гнѣвъ—эта пріятная для тебя отравка, и снѣдаетъ душу твою, какъ непримѣтная ржа—твердое желѣзо. Такое несчастье постигло тебя по злобѣ вѣроломнаго змія; онъ и прародителей, чрезъ малое вкушеніе, изринулъ изъ рая и отдалилъ отъ Бога, отъ Котораго самъ отпалъ. Но укроти страшный гнѣвъ свой, родитель! И у насъ есть Царь-Христосъ, въ благоволеніи Котораго самъ ты имѣешь нужду. Будь неразумнымъ дѣтямъ своимъ такимъ же отцемъ, какимъ желаешь имѣть къ себѣ Бога во время скорбей, если бы когда нибудь встрѣтилась съ тобою не легкая печаль.

Не ты одинъ, родитель, произвелъ на свѣтъ подобныхъ себѣ, не тебя одного печалить непокорныя дѣти. Случалось нерѣдко видѣть, что отецъ снисходитъ и къ грубымъ порокамъ непутнаго сына. Иной, не зная мѣры въ игрѣ, а иной, предавшись пагубному пьянству и позорной любви, расхитили домъ; другой дошелъ и до того, что обращается къ отцу съ укоризненнымъ словомъ, и даже руки у него поднимаетъ Эрминна. Однако же добрый отецъ оставилъ гнѣвъ и на такихъ дѣтей; потому что владычица—нужда не училась писаннымъ законамъ. И она безъ труда врачуетъ въ родителяхъ гнѣвъ на сыновей. Многое, видя, не видятъ, потому что не желаютъ видѣть; многое падаетъ имъ въ уши, но они не слышатъ, чтобы обличеніемъ не вызвать дѣтей на страшную дерзость, и не заглушить въ нихъ стыда—этого добраго помощника родителямъ. Ибо отъ оскорбленія рождается дерзость, а отъ благосклонности—осмотрительность, особливо же въ дѣтяхъ, которые имѣютъ въ виду близкую славу, покарятся не насилію руки, но узамъ уожденія.

Какъ огонь въ соломѣ, такъ и досада въ отцѣ на дѣтей, держатся недолго. Гнѣвъ воспламенитъ языкъ, а жалость еще прежде его угаситъ. Языкъ вымолвилъ укоризненное слово, а умъ изрекаетъ уже утѣшеніе, подаетъ руку, чтобы поддерживать бремя, и самъ оплакиваетъ причиненную скорбь. Давидъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ царей въ Авраамовомъ потомствѣ, ко всѣмъ былъ ми-

лостивъ, а къ дѣтямъ своимъ до того снисходителенъ, что подавлялъ въ себѣ гнѣвъ и досаду даже на отцеубійцу. Вотъ доказательство! Когда возмущившійся противъ царя въ тѣнистомъ лѣсу погибъ отъ сучка и лошака; Давидъ не только слезно оплакалъ его, какъ добраго сына, но наказалъ, какъ убійцу, возвѣстившаго о смерти.

А ты, увлекшійся недобрымъ совѣтомъ, что видѣлъ, или что потерпѣлъ отъ насъ худаго, и питаешь въ сердцѣ своемъ неукротимый гнѣвъ? мы не отнимали у тебя, государь, отцовской власти, не похищали ни колосьевъ съ твоего поля, ни воловъ, или овецъ, или коней изъ твоихъ стадъ; вы не доходили до такого безумія, чтобы осквернить твое ложе (это ненавистно!) или вступить въ коварные замыслы съ людьми тебѣ непріязненными. Если отецъ гнѣвается за что либо подобное сему; нечего и сказать напротивъ; но въ твоихъ сыновьяхъ одинъ порокъ; мы оказались хуже тебя— совершеннѣйшаго родителя; а ты никому не уступаешь первенства ни въ наружномъ видѣ, ни въ величїи. У насъ не свободно течетъ слово, и на языкѣ лежатъ узы. Или мы погрѣшили въ этомъ; или ты, наилучшій, не захотѣлъ дать дѣтямъ совершеннѣйшей природы.

Здѣсь положимъ конецъ слову. Царь — Отецъ и всевышній Сынъ, подай руку и благоволи содѣлать милостивымъ ко мнѣ родителя! Вотъ касаемся брады твоей, родитель, объемлемъ у тебя колѣна, какъ у Бога; да узримъ же и лице твое, какъ Божіе. Не супружества, не приличнаго богатства, не высокаго дома просимъ у тебя; дай только руку и воззри благосклонно.

И ты, матеръ моя, которая, какъ видалъ я во снѣ, и отцу моему являясь въ сонныхъ видѣніяхъ, утоляешь гнѣвъ его своими моленіями, напоминаешь ему о своей любви и согласномъ супружествѣ! упроси своего супруга стать милостивымъ къ дѣтямъ твоимъ. Есть мѣра въ наслажденїи пѣніемъ, есть мѣра и въ жестокой брани.

И если убѣдилъ я тебя, родитель; то довольно для насъ понесенныхъ бѣдствій. А если не внемлешь мнѣ; то и у дѣтей есть Богъ. Будемъ скитаться, какъ и прежде. Твоя постраждетъ слава, если останемся непризрѣнными, если умремъ. О если бы хотя бы смерти нашей пролиты были о насъ слезы благосклоннаго отца!

Къ Селевну ¹⁾.

Прекрасному и доброму сыну Селевку, отрасли благороднаго корня, приказывая радоваться, самъ желаю порадоваться на твою жизнь, похвалиться твоими свѣдѣніями и нравами.

Во-первыхъ, имѣй страхъ Божій и любовь къ Богу; потому что Богъ для всякаго благомыслящаго есть начало и конецъ цѣлой жизни. А во-вторыхъ, сынъ мой, выработай свой нравъ, чтобы онъ былъ кротокъ, смиренъ, воздерженъ, твердъ, пріятель, независтливъ, правдивъ, мужественъ, мудръ, степененъ, трудолюбивъ, постояненъ, цѣломудренъ. Вотъ украшеніе и для юныхъ и для старыхъ—обогащаться не имуществомъ, а добрыми нравами! Добрые нравы—это твоя собственность; а имѣніе—вещь обманчивая: оно издѣвается надъ недугомъ богатолубія, и любитъ улыбаться то одному, то другому, подражая обычаю невѣрной блудницы, которая разными способами обманываетъ многихъ любителей, съ однимъ сближается, другаго убѣгаетъ, тому и другому показываетъ свою привязанность, и ни къ одному не имѣетъ искренняго расположенія. Богатство по природѣ своей не имѣетъ въ себѣ никакой твердости; оно уподобляется бурнымъ волнамъ моря, которыя въ непрестанномъ своемъ стремленіи то надуваютъ, то опадаютъ. Поэтому, сынъ мой, богатѣй непрестанно добрыми нравами, и будетъ у тебя сокровище, котораго не расхищаютъ воры, на которое не устремляются доносчики, котораго не вычерпываютъ своими руками и притѣснители, не истребляетъ оружіе варваровъ, но которое оставаясь въ обителяхъ безплотныхъ, безопасно соблюдается въ сокровищницахъ души, и его не поядаетъ стремительная сила огня, не покрываетъ волна глубокаго моря.

Сберегая это богатство, въ собственномъ смыслѣ тебѣ принадлежащее и сродное, не допускай его до ржавчины упражненіемъ въ наукахъ, занимайся стихотворными книгами, историческими писаніями, краснорѣчивыми произведеніями витій, тонкими разсужденіями философовъ. Но со воѣмъ этимъ обращайся благора-

¹⁾ Сіе посланіе приписывается св. Амфилохію Епископу Иконійскому, и въ древнихъ спискахъ имѣетъ надпись: *отъ Амфилохія къ Селевку*. Но помѣщено здѣсь на томъ основаніи, что Биллій и Леуенклай помѣщаютъ оное въ числѣ сочиненій св. Григорія Богослова, находятъ самый слогъ посланія весьма близкимъ къ Григоріеву, и опираясь на стѣтъкъ, найденной ими въ древнемъ спискѣ: *καὶ ταῦτα, δοκεῖ μοι τοῦ θεολόγου τυχεῖναι φρενὸς ὡς παρὰ Ἀμφιλοχίου γραφέντα.*

зумно; съ мудростію собирай отвсюду полезное, съ разсудительностію избѣгай всего, что въ каждомъ писателѣ есть вреднаго, подражай работѣ мудрой пчелы, которая садится на всякій цвѣтокъ, но весьма умно беретъ съ каждаго только полезное. У ней наставницей сама природа; а у тебя есть разсудокъ. Обильно пожинай, что можетъ доставить пользу; а если что приноситъ вредъ, замѣтивъ дурное, лети скорѣе прочь; потому что умъ человѣческій быстроепарящъ. Посему, что ни написано въ похвалу добродѣтели—у воспѣвающихъ ее и напротивъ того охуждающихъ пороки, то изучай тщательно, затверживай мысль и красоту реченія. А что суетловили они о богахъ, какія по наученію демоновъ написали нескромныя басни, достойныя смѣха и слезъ сказки, того бойся, какъ силковъ и сѣтей. Когда же будешь читать то и другое, и смѣшныя сказанія о богахъ, и прекрасныя разсужденія; тогда презри боговъ сластолюбцевъ, уважь же разсужденія, и какъ бы съ одного растенія, обойдя терны, сорви розы. Вотъ наилучшее для тебя правило какъ читать языческія писанія! На какія же писанія прилично тебѣ обратить все свое вниманіе, о томъ скажу послѣ, а сперва намѣренъ предлужить тебѣ слѣдующее.

Молодому человѣку всѣми мѣрами должно бѣгать бесѣдъ съ людьми порочными, и не искать въ нихъ услажденія. Много людей, которые походятъ на шелудивыхъ, или другою какою болѣзнію зараженныхъ, животныхъ. Они вводятъ въ искушеніе простодушныхъ юношей; будучи опытны въ хитрыхъ обманахъ, хотятъ и имъ передать всѣ свои пороки, какъ болѣзнь, чтобы закрыть грѣхи свои участіемъ въ нихъ многихъ. Остерегайся ихъ; ибо, по слову Павла, *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 33). Да, тебѣ строго надлежитъ соблюдать слѣдующее правило: имѣй отвращеніе отъ непристойныхъ пѣсней, какія поются въ театрахъ, въ звѣринцахъ, на конскихъ ристалищахъ; гнушайся неприятымъ зрѣлищемъ страданій, житейскими суетами, гидрою наслажденій, неблагоприличными наставленіями людей развратныхъ, для которыхъ одно только отвратительно — цѣломудріе. Служители ихъ позора имѣютъ искусство гордиться поруганіями, — это лицедѣи смѣшнаго; они привыкли къ пощечинамъ; еще прежде волосъ бритвой обрили у себя стыдъ; стали складочнымъ мѣстомъ всякаго распутства и срама; для нихъ обратилось въ родъ искусства—въ глазахъ у всѣхъ и терпѣтъ и дѣлать все непозволенное. А иные изъ нихъ (еще болѣе жалкій народъ) поругали въ себѣ славу мужей, извращеніями членовъ извративъ самую природу; это изнѣженные

мужи, мужеобразныя жены, а если говорить правду: ни мужи, ни жены; потому что однимъ быть перестали, а другимъ не сдѣлались, и какъ по нравамъ уже не то, чѣмъ они должны быть по природѣ, такъ по природѣ не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ желали бы стать по своей превратной волѣ; это какаѣ-то загадка распутства, какаѣ-то нерѣшенная задача страстей—мужи въ женскомъ, а жены въ мужескомъ образѣ. Что же сказать бы иной о заразительности срамныхъ пѣсень, о стихахъ, ослабляющихъ добрую настроенность сердца, о свирѣляхъ, о пляскахъ блудныхъ вакханалій, за которыя у этихъ жалкихъ людей назначаются даже награды? Чего достойно все это? Похвалъ ли, зрѣнїя и восхищенїя, или слезъ и рыданій? У нихъ самовластвуетъ смѣхъ, естество предается поруганію, воспламеняется разнovidный огонь сластолюбія; воздвигаются зрѣлища для позорныхъ дѣлъ, не тайно безчинствуютъ пороки, но предлагаются награды за худыя наставленїя. Ты же гнушайся симъ, не опозоривай дѣвъ, бѣгай всякаго растлѣнїя очей, и дѣвы да соблюдутся у тебя невинными.

Но еще болѣе убѣгай кровавыхъ зрѣлищъ, представляемыхъ чѣмъ чревоугодниками, у которыхъ богъ—чрево. Какъ рабы чрева, этого гнуснѣйшаго изъ недуговъ, они служатъ злымъ его велѣнїямъ. А чрево, жестокій властелинъ прочихъ членовъ, засѣдая внутри, предаетъ ихъ дикимъ звѣрямъ и съ жадностію пожираетъ добытую за нихъ цѣну. Такъ прозорливое чрево мучительно вторгаетъ въ гортани звѣрямъ родные свои члены. А сидящіе зрители безчувственны къ симъ страданїямъ; и если человѣкъ спасается отъ звѣрей, издають вопли, какъ будто больше самыхъ звѣрей обманулись въ ожиданїи и просидѣли понапрасну. Но какъ скоро человѣкъ пойманъ звѣремъ, испускаетъ жалобные крики, отчаянно вопить и лижетъ персть,—во взорѣ каждаго изъ зрителей пропадаетъ всякая жалость. И едва увидятъ они потоки крови, съ удовольствїемъ поднимають громкія рукоплесканїя; радуются при видѣ того, о чемъ надлежало плакать; принимаютъ живое участие въ звѣрихъ, и который изъ нихъ поймаетъ человѣка, того опощаютъ на большую жестокость, раздражаютъ его гнѣвъ, какъ будто сами насыщаются вмѣстѣ съ звѣрями, и за одно съ ними пожирають человѣческую плоть. И такой горькій конецъ жизни находятъ для себя эти злые продавцы собственныхъ членовъ, сперва рабы сладкаго куска, и потомъ сами—снѣдь звѣрей, люди ненавистные въ жизни, жалкіе въ смерти. Члены же ихъ иные погребены въ звѣряхъ, другїе безжалостно растерзаны зубами, а иные

полурасторгнутые и разбросанные съ разнообразными содраганіями какъ будто вскакиваютъ, ищутъ еще случая убѣжать и представляются бѣгущими. Не осквернай же ока своего мерзостями жестокихъ зрѣлицъ, не смотри на обнаженные тѣла умирающихъ людей, на пресытившихся ими звѣрей, на эти ходячіе гробы, и на собратій твоихъ, поверженныхъ на землю.

И зрѣлице конскихъ ристалищъ, которое кажется для многихъ не столько жестокимъ, также есть болѣзнь и язва для души. Оно дѣлитъ между собою города, возбуждаетъ народъ къ мятежу, научаетъ бранямъ, изощряетъ языкъ на злословіе, разсѣкаетъ на части гражданскія собратства, вооружаетъ одно семейство противъ другаго, опозориваетъ старцевъ, ввергаетъ въ бѣшенство юношей, воспламеняетъ вражды между искренними друзьями, попираетъ законы, отваживается на зло, которое еще горестнѣе исчисленныхъ, то есть, въ пособіе неистовствующимъ призывать чародѣевъ споборствовать побѣдѣ, и одну болѣзнь питаетъ новою болѣзнію. Ибо какъ скоро разгорячатся и дойдутъ до жаркаго спора, тотчасъ бѣгутъ къ чародѣямъ; а тѣ обращаются къ лукавству демоновъ, и съ ихъ помощію производятъ паденія, сокрушенія, убійства; такъ какъ полчище бѣсовъ радуется нашимъ бѣдствіямъ. Изъ этого ясно видно, что зрѣлице конскихъ ристаній, повидимому кроткое, пагубно для душъ, потому что доводитъ до споровъ, до драки, а сверхъ того причиняетъ явный ущербъ имуществу. И сколько домовъ разстроило оно мгновенно! Сколькихъ богатыхъ заставило просить милостыню! Сколько городовъ, прежде благоустроенныхъ, разорено имъ до основанія! Отъ него буйный мятежь обагралъ руки народа кровію властителей, силою оружія доводилъ города до безлюдства, предавалъ ихъ въ добычу огню и мечу, наказывая за убійства убійствами и за кровопролитія кровопролитіями. Посему какой цѣломудренный человѣкъ сдѣлаетъ предметомъ зрѣлица не быстроту коней, но составленіе чародѣевъ, мятежь поражающей убійства, язву городовъ?

Но ты вмѣсто сего увеселяйся науками, съ помощію которыхъ, что всего предпочтительнѣе, образуются нравы. Когда же умъ твой, какъ на поприщѣ, достаточно извѣдаетъ силы свои въ различныхъ произведеніяхъ словесности; тогда займи его богодухновенными Писаніями, собирая великое богатство двухъ Завѣтовъ, одного ветхаго и другаго всегда новаго; ибо Завѣтъ, написанный послѣ перваго, есть новый, и не будетъ имѣть по себѣ третьяго. Охотно посвяти имъ все свое вниманіе; изъ нихъ научишься, какъ образовать

въ себѣ добрые нравы, какъ чувствовать единого истиннаго Бога, Который есть вѣчная единица и Троица, Отецъ съ Сыномъ и со Пресвятымъ Духомъ, Троица раздѣльная въ Лицахъ, Единица естествомъ. Посему не сливай Упостасей численно, и обратно, поклоняясь Богу, не разсѣкай естества. Одна Троица, одинъ Богъ Вседержитель. Такова преуточенная тайна благочестія! И путь истины дѣйствительно тѣсенъ—это стезя сжатая и окруженная стремнинами. Кто поскользнулся съ нея въ ту или другую сторону, тотъ падалъ въ глубокія пропасти заблужденія. Такъ случилось съ Савелліемъ, который приближается къ Іудеямъ; и съ Аріемъ, который подражаетъ идолослужителямъ; одинъ сливаетъ упостась Лиць, другій злочестиво дѣлитъ сущность. Но ты неуклонно держись средняго пути; раздѣляй, сколько нужно, и ,сочетавай сколько позволительно; потому что Троица сочетается неслитно, а также и Единица дѣлится неразсѣкаемо; ибо естество неразсѣкаемо, а Упостаси вѣчно пребываютъ совершенно неслитными. Будь и ты хранителемъ сихъ догматовъ, и какъ искреннимъ исполнителемъ заповѣдей, такъ мудрымъ во всѣхъ таинственныхъ совершаніяхъ, непрестанно преуспѣвая, и никогда не надмеваясь. Въ такомъ случаѣ процвѣтетъ въ тебѣ вящшая благодать.

Смотри! вѣрный Моисей, сей Божій человѣкъ, образецъ добродѣтельной жизни, обучившійся первоначально всей египетской мудрости, хотя воспитанъ былъ въ нѣдрахъ богатства, однако же добровольно предался бѣгству, сталъ бѣднымъ, и египетскую роскошь промѣнялъ на рабскую трапезу пастырей въ пустынѣ, славѣ мучителей предпочитая скорбную жизнь; пока не былъ признанъ достойнымъ совершенныхъ видѣній, пока не узрѣлъ величайшую тайну Ангела, явившагося въ огнѣ горящей кушины. А потомъ удостоенный того, чтобы первому изъ жившихъ тогда услышать гласъ Божій, и пріявъ власть, избавляетъ уже отъ рабскаго ига стѣнящій народъ, и по Божію опредѣленію дѣлается начальникомъ всего племени. Но, достигнувъ и такой высоты; не превозносится, а называетъ себя *худогласнымъ и косноязычнымъ* (Исх. 4, 10), говорить, что онъ немощенъ, чтобы, думая о себѣ смиренно, пребыть крѣпкимъ. Блуди въ себѣ и ты образецъ такой жизни, образуй себя по подобію Моисея. И свѣдѣнія свои въ эллинской словесности, какъ судія, который произноситъ приговоръ по закону, покори (что и прилично) въ служеніе свободѣ истинныхъ догматовъ и премудрому умозрѣнію Писаній. Ибо самая справедливость требуетъ, чтобы духовная мудрость, какъ горящая и происшедшая отъ Бога,

господствовала надъ ученостію дольною, какъ надъ служительницею, которая должна не надмеваться напрасно, но пріобучаться къ скромному служенію. Ибо дольная мудрость да будетъ рабою мудрости Божественной!

Но впрочемъ, особенно тебѣ, надлежитъ знать и то, что не всякая книга, имѣющая уважаемое имя Писанія, несомнѣнно такова. Ибо есть, точно есть и лжеименныя книги; и изъ нихъ иныя составляютъ нѣчто среднее, и какъ бы иныя, смежны съ словомъ истины, а другія подложны и крайне сомнительны, какъ монеты поддѣльнаго чекана и состава, которыя, хотя имѣютъ на себѣ царскую надпись, но, по причинѣ подмѣси худшаго вещества, не соответствуютъ написанной цѣнѣ. Посему наименоую тебѣ каждую изъ богодуховенныхъ книгъ, и чтобы раздѣльнѣе узнать тебѣ сіе, переименоую сперва книги ветхаго Завѣта.

Пятикнижіе заключаетъ въ себѣ: Твореніе, Исходъ, въ срединѣ Левитскую книгу, за нею Числа, потомъ Второзаконіе. Къ симъ книгамъ присовокупи Иисуса и Судей, потомъ Руевъ, четыре книги Царей, двѣ книги Паралипоменонъ. За ними слѣдуетъ Ездра первый, и потомъ Ездра второй. Послѣ сего наименоую тебѣ пять книгъ стихотворныхъ: вѣнчаннаго за подвиги въ разнообразныхъ страданіяхъ Іова, книгу Псалмовъ—благопотребное врачевство для души, три книги Соломоновы: Притчи мудраго, Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней. Къ симъ книгамъ присовокупи двѣнадцать Пророковъ: перваго Осію, втораго Амоса, потомъ Михея, Іоѳіля, Авдію и Іону—образъ Его тридневнаго страданія, послѣ нихъ Наума, Аввакума, девятаго Софонію, потомъ Аггея, Захарію и двуименнаго Ангела Малахію. Послѣ нихъ обрати вниманіе на четырехъ Пророковъ: свободно вѣщающаго, великаго Исаію, сострадательнаго Іеремію, таинственнаго Іезекіиля и послѣдняго Даниила, мудрѣйшаго и словомъ и дѣлами. Къ симъ причисляютъ нѣкоторыя Есеирь.

Теперь уже мнѣ время сказать и о книгахъ Новаго Завѣта. Принимай четыре только Евангелія: Маттея, потомъ Марка, къ нему присовокупи третьяго Луку, Іоанна же считай по времени четвертымъ, а по высотѣ догматовъ первымъ; ибо справедливо наименоую его сыномъ громовымъ: онъ всѣхъ громче возгремѣлъ о Божіемъ Словѣ. Принимай и вторую книгу Луки, книгу вселенскихъ дѣяній Апостоловъ. Послѣ сего присовокупи сосудъ избранія, проповѣдника языковъ, Апостола Павла, который премудро написалъ Церквамъ четырнадцать посланій: одно къ Римлянамъ, къ которому должно присовокупить два посланія къ Коринѳянамъ,

одно къ Галатамъ, одно къ Ефесеямъ, послѣ сего одно къ живущимъ въ Филиппахъ, потомъ одно написанное къ Колоссянамъ, два къ Фессалоникійцамъ, и два къ Тимоѳею, еще къ Титу и къ Филимону, къ каждому по одному посланію, и одно къ Евреямъ. Иные посланіе къ Евреямъ называютъ подложнымъ, но говорятъ несправедливо; потому что въ немъ подлинная благодать. Что же еще остается? Соборныхъ посланій принимать должно, по словамъ однихъ, семь, а по словамъ другихъ, только три: одно Іаковлево, одно Петрово и одно Іоанново; нѣкоторые же принимаютъ три Іоаннова посланія, два Петрова, и сверхъ того седьмое посланіе Іудино. Подобнымъ образомъ Апокалипсисъ Іоанновъ иные причисляютъ, а многіе называютъ подложнымъ.

Таковъ да будетъ неживѣйшій канонъ богодухновенныхъ Писаній. Если будешь повиноваться имъ; то избѣжишь сѣтей міра, а суету надеждъ повергнешь долу, и щедрою рукою станешь разсѣвать нищимъ скоротечное богатство, въ ожиданіи несомнѣнной жатвы; потому что посѣваемое здѣсь вносится въ небесную сокровищницу. Послѣдуй же Христу, премудрому Божию Слову. И ты, преблаженный, преисполненный всѣхъ утѣшеній, для многихъ, и старыхъ и юныхъ явишься звѣздою; потому что благочестивая жизнь сіяетъ паче звѣздъ. Ликъ Пророковъ, Мучениковъ, Апостоловъ, тебя, какъ собственный членъ ихъ сонма, окружить и увѣнчаетъ съ побѣдными рукоплесканіями; и ты, стяжавъ нескончаемую славу, возрадуешься какъ ликовствующій среди Ангеловъ вѣнценосецъ.

Будь здоровъ, и помни написанное. Привѣтствуй отъ меня тетку свою Олимпіаду—сей одушевленный образъ честности, чистоты и подвижничества, сію печать вѣры.

Если бы ты, Селевкъ, пожелалъ знать число посылаемыхъ къ тебѣ ямбовъ; то да будетъ тебѣ извѣстно, что ихъ три ста, столько же десятковъ и три единицы. Ибо желаю сынъ, чтобы всегда была для тебя вождельна Троица.

Двѣнадцать патріарховъ.

Отъ великаго отца Іакова произошло двѣнадцать Патріарховъ: Рувимъ, Симеонъ, Левій и съ ними Іуда; потомъ рожденные отъ наложницъ: Данъ, Нефѳалимъ, Гадъ и Асирь; а потомъ опять благородно рожденные отъ супруговъ: Иссахаръ, Завулонъ, Іосифъ и послѣдній Веніаминъ.

Египетскія яз.ы.

Всегда перечисляй въ умѣ казни зломудреннаго Египта, и трепещи великой Божіей силы. Воды этой земли сперва побавровѣли въ *кровь* (Исх. 7, 19), а потомъ воскипѣли губительными *жабами* (8, 5, 6). Въ третьихъ, воздухъ и земля покрылись *скнипами* (8, 17). Въ четвертыхъ, явились внезапно *песѣи мухи* (8, 24). Въ пятыхъ, истребительная смерть постигла четвероногихъ животныхъ (9, 6). Шестая скорбь—гнойные *струны* на тѣлахъ человѣческихъ (9, 10). Въ седьмыхъ, шель градъ вмѣстѣ съ огнемъ—этотъ дождь изъ несоединимыхъ стихій (9, 23. 24). Въ осьмыхъ, саранчею истреблено все прозябающее изъ земли (10, 14. 15). Въ девя-тыхъ, ночь покрыла египетскую землю (10, 22). Десятая казнь—смерть первородныхъ (12, 29).

Моисеево десятословіе.

Сіи десять законовъ Богъ нѣкогда начерталъ на каменныхъ скрижаляхъ, а ты напиши у себя на сердцѣ.

Не знай инаго Бога; потому что чествованіе возможно только одно—единого Бога.

Не ставь ничтожнаго кумира и бездушнаго подобія.

Никогда не воспоминай напрасно имени великаго Бога.

Храни всякую субботу, и выспреннюю, и прикровенную.

Блаженъ, если родителямъ приносишь благодарность, если, гдѣ нужно, бѣгаешь оскверненія рукъ човѣкоубійствомъ, чужаго брачнаго ложа, злонамѣреннаго воровства, ложнаго свидѣтельства и желанія чужой собственности—этой искры, воспламеняющей смерть.

Чудеса пророковъ Іліи и Елисея.

Многочисленны чудеса Іліи Ѳесвитянина. Сперва его питали враны, потомъ самъ не многими остатками елея и муки богато питалъ сарептскую вдовицу, у которой и сына воскресилъ изъ мертвыхъ своими дыханіями. Онъ удержалъ, и потомъ ниспослалъ, дождь отъ Бога, попавивъ жертву необычайнымъ огнемъ, при необычайныхъ священнодѣйствіяхъ. Потомъ безъ пищи провелъ многіе дни, обратился въ пепель двоихъ пятидесятниковъ, перешелъ Іорданъ, разсѣкши его милотію, на огненной колесницѣ взошелъ на небо, а Елисею ниспослалъ вмѣстѣ и даръ и благодать.

Разсмотри и Елиссеевы чудеса. Онъ перешель Иорданъ, разсѣвши его милотію, посредствомъ всыпанной соли содѣлалъ источники дающими плодородіе, а дѣтей-ругателей истребилъ звѣрями, жаждущему воинству извелъ токи водъ изъ Едома; потоками елєя освободилъ отъ долговъ вдовицу; а Соманитянинѣ сперва даровалъ, а потомъ воскресилъ сына; у дикихъ зелій отнялъ смертоносную силу, и скудную пищу спасъ многихъ отъ голода; очистилъ отъ проказы Неемана Сиріянина, а Гезію послалъ сію болѣзнь; потомъ сдѣлалъ, что сѣкира всплыла изъ глубинъ Иордана на его поверхность; омрачивъ взоры Сиріянянъ, предалъ ихъ врагамъ; предсказалъ обиліе пищи войску; и мертвый воскресилъ мертваго близъ лежащими своими костями.

Родословіе Христово.

Писалъ о Христѣ великій Матѣей, писалъ и превосходѣйшій Лука, и одинъ внесъ въ книги одно, а другой—другое родословіе. Оба сіи родословія низводятъ Христа до крови первозданнаго. Но почему же одинъ Евангелистъ ограничился большимъ, а другой меньшимъ числомъ праотцевъ? Рѣка родовъ до царя Давида у обоихъ Евангелистовъ не раздѣльна, а потомъ течетъ двумя потоками, которые напослѣдокъ сливаются, идя, какъ къ безбрежному морю, къ Христу. А чтобы увидѣть тебѣ это, выслушай мое слово.

Давидовы сыновья были Соломонъ и Нааанъ. Одинъ изъ нихъ, какъ токъ великой рѣки, струилъ царственную кровь, а другой—кровь святыхъ и свѣтоносныхъ іереевъ. Христосъ же сталъ тѣмъ и другимъ, и великимъ Царемъ и Архіереемъ. Посему Матѣей написалъ Духомъ Божіимъ потомковъ Соломоновыхъ, а Лука обратился къ Нааану. Но изъ двухъ этихъ родовъ, въ одномъ потокъ вышелъ длиннѣе, а въ другомъ короче; что и не удивительно: ибо не въ собственномъ смыслѣ одинъ другаго короче, а только число родовъ въ нихъ неравно. А такимъ образомъ раздѣлившееся въ началѣ потомъ слилось въ одно.

Но рѣши мнѣ этотъ вопросъ: какимъ образомъ Іосифъ произшелъ отъ двухъ отцевъ?—Узаконено было Моисеемъ: ежели Еврей умиралъ, не оставивъ послѣ себя сѣмени; то, чтобы память его не истребилась между людьми, одинъ изъ братьевъ, или ближнихъ родственниковъ умершаго, обязанъ былъ, взявъ любезную его супругу и имѣніе, возстановить сѣмя и домъ умершему. А потому и о Богочеловѣкѣ открылъ я слѣдующую сокровенность. Матѣанъ, который велъ родъ отъ Соломона, былъ женатъ на Есванѣ; но по

смерти его Есеану имѣлъ женою Назановъ потомокъ, по имени Мелхій. И она родила сыновъ—одному Иакова, а другому Илію. По смерти же Иліи, поелику у него не осталось рода, и домъ и супругу его немедленно взялъ себѣ рожденный по одному съ нимъ отцу Иаковъ, и родилъ брату доблестнаго сына Іосифа. Такъ Іосифъ былъ сынъ Иакова, а законъ приписываетъ его Іліи. И одинъ изъ Евангелистовъ, Матвей, указалъ на естественное происхожденіе, а другой Лука,—на законное. Посему и ты перестань возмущать прекрасное согласіе Евангелистовъ

„Какимъ же образомъ Богъ, явившійся на землѣ, ведетъ родъ Свой отъ Давида царя? Отъ смертной матери произошелъ безсмертный Богъ? Какъ же отъ Іосифа? Онъ былъ сынъ Дѣвы: и по Маріи потомокъ Левинъ; потому что Маріамъ была отъ Аароновой крови; о чемъ свидѣтельствуемъ намъ Ангелъ. Возвѣщая Богоподобной Маріи о рожденіи Предтечи великаго Свѣта, обѣихъ матерей возвелъ онъ къ великому Аарону. Колѣна же царское и священническое между собою не смѣшивались“.

Неправда! Колѣна были раздѣлены, но и смѣшивались многократно. Еще въ древности дочь великаго Аарона ввела въ знаменитый свой домъ Наассонъ; а онъ былъ шестой отъ Іуды. Послѣ же, когда ассирійскимъ оружіемъ истребленъ городъ, и все потрясено владычествомъ Вавилонянъ, не строго уже соблюдалась несмѣшиваемость колѣнъ. Такъ Христосъ возводится къ царямъ и по матери, и, какъ просилъ я замѣтить, по мнимомъ отцѣ. При Августѣ царѣ, когда облагали всѣхъ податями, и каждый въ отечественномъ своемъ городѣ записывался въ перепись, въ Давидово отечество—Виелеемъ, который принялъ въ нѣдра свои великаго Христа, вскорѣ, приходятъ записаться и обрученная жена и цѣломудренный Іосифъ, потому что оба одного были племени. И здѣсь при ясляхъ мать Дѣва родила Царя всего міра. Такимъ образомъ и по отцѣ возводится Онъ къ царямъ.

Великій Лука вель родословіе въ обратномъ порядкѣ отъ Христа къ Адаму, Адамъ же ко мнѣ пришелъ для Христа. Божіею рукою приведенъ въ бытіе первый человекъ Адамъ; отъ Адама же произошелъ Сивъ, отъ Сива Еносъ, отъ сего четвертый Каинанъ, отъ Каинана Малелеилъ, отъ Малелеила Іаредъ, родившій сына Еноха, который живой взятъ на небо. Отъ Еноха же былъ Маусаль, который родилъ сына Ламеха, и это отецъ Ноевъ. Симъ былъ сыномъ сего Ноя; отъ Симы произошли Арфаксадъ, Каинанъ, Сала; а сына Салы именуютъ Еверомъ, а сынъ Евера—Фалекъ; отъ Фа-

лека произошелъ Рагавъ, а этотъ родилъ Серуха, который родилъ Нахора. За сими слѣдовалъ Авраамъ, сынъ Фарры, сына Нахорова. Авраамовъ же сынъ Исаакъ родилъ Иакова, а Иаковъ Иуду. А Иуда отъ Тамары родилъ Фареса, Фаресъ Есрома. Есромъ Арама ¹⁾, и этотъ Аминадава, и Аминадавъ Наассона, Наассонъ же Саломона, Саломонъ Вооза; отъ Вооза произошелъ Овидъ, Овидъ родилъ Иессей, а отъ сего произошелъ великій Давидъ. Сыномъ Давидовымъ былъ Наванъ, который родилъ сына Матѳана ²⁾, и сей Маинана, Маинавъ Мелеая, а сей Еліакима, Еліакимъ Іоаннана ³⁾, Іоаннанъ Іосифа, Іосифъ Іуду, отъ сего родился Симеонъ, отъ Симеона Левій, отъ Левія Матѳанъ ⁴⁾, отъ Матѳана Іоримъ, отъ Іорима Еліезеръ, отъ Еліезера Іосафъ ⁵⁾, отъ Іосафа Иръ, отъ Ира Елмодъ ⁶⁾, а у сего былъ сынъ Косамъ, у Косама Аддій, у Аддія Мелхій; отъ Мелхія произошелъ Нирій, отъ Нирія Салаѳилъ, Зоровавель, Рисай, Іонанъ, Іуда, Осокъ ⁷⁾ Семей, Матѳей ⁸⁾, Мааѳъ, Наггей и Елимъ ⁹⁾. Отъ Елима произошелъ Наумъ, Амосъ, Матѳаѳій, Іосифъ, Іаннай, Мелхій, Левій, Матѳанъ ¹⁰⁾, Илій, Іосифъ.

Такъ Лука; а какъ же великій Матѳей? Отъ Авраама до Давида согласно съ сказаннымъ выше. А тамъ, гдѣ Лука перешелъ къ священническому поколѣнію, Матѳей ставитъ родъ царей. Теперь скажемъ, сколько ихъ было, и какъ именовались сыны Давидовы: Соломонъ, Ровоамъ, Авія, Аса; отъ Асы произошелъ Іосафатъ, а седьмой былъ Іорамъ; потомъ Озія, Іоѳамъ, Ахазъ, Езекиа, Манассія, Амонъ, Іосія; а послѣ сего Іехонія, котораго отвели плѣнникомъ въ Вавилонъ, Салаѳилъ, Зоровавель, Авіудъ, Еліакимъ, Азоръ; отъ Авора Садокъ, отъ Садока Ахинъ ¹¹⁾, отъ Ахина Еліудъ, отъ Еліуда Еліезеръ ¹²⁾, отъ Еліезера Матѳанъ, отъ Матѳана Іаковъ, самый же послѣдній, мнимый отецъ Христовъ, Іосифъ.

¹⁾ Есромъ Іорама, Іорамъ Арама.

²⁾ Матѳаѳая.

³⁾ Іонана.

⁴⁾ Матѳаѳъ.

⁵⁾ Іосій.

⁶⁾ Елмодавъ.

⁷⁾ Іосифъ.

⁸⁾ Матѳаѳій.

⁹⁾ Еслимъ.

¹⁰⁾ Матѳаѳъ.

¹¹⁾ Ахимъ.

¹²⁾ Елсазаръ.

Двѣнадцать апостоловъ.

У Христа великаго Бога двѣнадцать учениковъ: Петръ, Андрей, Иоаннъ, Иаковъ, пятый Филиппъ, шестой Вареоломей, потомъ Матеей, Тома и Иаковъ Алфеевъ, Иуда, Симонъ, и другой Иуда, о которомъ лучше бы не упоминать.

Христось на кораблѣ.

Нѣкогда Христось на кораблѣ покоился естественнымъ сномъ, а море колебалось отъ бурноносныхъ вѣтровъ, и пловцы въ ужасѣ вопіяли: пробудись, Спаситель, и помоги гибнущимъ! Царь, вставъ, повелѣлъ утихнуть вѣтрамъ и волнамъ. Тогда бывшіе на кораблѣ уразумѣли въ семь чудѣ чудодѣйствующаго Бога.

Чудеса Христовы по евангелію отъ Матеея.

1.

По Матеевой книгѣ таковы чудеса, которыя совершилъ Царь Христось, вступившій въ Единеніе съ человѣческою плотію.

Во-первыхъ, избавилъ отъ лютой болѣзни—проказы (8, 1—4). Во-вторыхъ, укрѣпилъ члены сотниковъ раба (8, 5—13). Въ-третьихъ, рукою Своею угасилъ жаръ въ тецѣ Петровой (8, 14—15). Въ-четвертыхъ, утишилъ великое волненіе и вѣтры (8, 23—27). Въ-пятыхъ, послалъ бѣсовъ въ свиней къ Гергесинахъ (8, 28—32). Въ-шестыхъ, отяжелѣвшій членами взялъ одръ свой (9, 2—7). Въ-седьмыхъ, Христось остановилъ источникъ кровей въ прикоснувшейся къ Нему кровоточивой (9, 20—22). Въ-осьмыхъ, дщерь князя возвратилась на свѣтъ (9, 18—25). Въ-девятыхъ, Онъ даровалъ свѣтъ слѣпцамъ (19, 27—29). Въ-десятыхъ, нѣмый, по изгнаніи бѣса, сталъ говорить (9, 32—33). Въ-одиннадцатыхъ, Христось разрѣшилъ отъ узъ сухую руку въ субботу (12, 10—13). Въ-двѣнадцатыхъ, освободилъ отъ бѣса глаза и слухъ (12, 22). Въ-тринадцатыхъ, наполнилъ двѣнадцать коробовъ, насытивъ пятью укрухами пять тысячъ мужей (14, 16—21). Въ-четырнадцатахъ, взошелъ по водамъ на корабль, и волнующееся великое море покорилось Его стопамъ (14, 24—33). Въ-пятнадцатыхъ, изгналъ онъ духа изъ Хананейянки, склоняясь на усиленные мольбы ея матери (15, 22—28). Въ-шестнадцатыхъ, исполнилъ семь кузововъ отъ семи хлѣбовъ, между тѣмъ какъ число насыщенныхъ было четыре тысячи (15, 32—36). Въ-семнадцатыхъ, преобразился въ Боже-

ственный образъ и просіялъ предъ учениками паче солнца (17, 1—8). Въ осемнадцатыхъ, по просьбѣ отца, освободилъ отъ болѣзни его любезнаго сына, который страдалъ въ новомѣсячїи (17, 14—18). Въ-девятнадцатыхъ, на пути даровалъ свѣтъ очамъ іерихонскихъ слѣпцовъ, сидѣвшихъ при дорогѣ (20, 29—34). Въ-двадцатыхъ, возвратилъ зрѣніе очамъ и разрѣшилъ разслабѣвшія колѣна (21, 14), изринувъ изъ храма всякую скверну (21, 12—13); на пути же изъ Виванїи совершилъ величайшее чудо—немедленно изсушилъ смоковницу, которую нашелъ бесплодною (21, 18—19). Потомъ излилась глубокая тма со креста, когда отходилъ свѣтъ (27, 45); раздралась широкая завѣса храма (27, 51); поколебалась земля, разсѣлись въ землѣ камни, и пробужденные мертвецы оставили гробы (27, 52—53). Наконецъ, и Самъ, въ третїй день отверзши гробъ (28, 1—7), явился вскорѣ возлюбленнымъ Своимъ (28, 16—17) въ Галилеѣ.

Чудеса Христовы по евангелїю отъ Марка.

2.

Маркъ, повѣривъ слову великаго служителя—Петра, написалъ для Авзонянъ слѣдующія чудеса Божїи. Бѣсъ (1, 23—26). горячка (1, 30—31), проказа (1, 40—45) и разслабленіе членовъ (2, 3—12) уступили слову Христову; потомъ сухая рука распростерлась (3, 1—5). Еще Христось укротилъ силу вѣтровъ или моря (4, 36—41); Ему покорился легїонъ (5, 1—20); Онъ оставилъ кровавый токъ (5, 25—34); напїталъ многихъ пятью хлѣбами (6, 35—44). Потомъ связалъ море и ходилъ по водамъ (6, 47—51), изгналъ бѣса изъ Финикїянки (7, 25—30) въ знаменіе Тирянамъ и Сидонянамъ; исцѣлилъ глухонѣмаго (7, 31—37); еще напїталъ тысячи семью хлѣбами (8, 1—9); и слѣпой увидѣлъ свѣтъ (8, 22—26). Потомъ просіяло лице Его (9, 2—8); изгнавъ бѣса, разрѣшилъ узы языка (9, 14—27); и Вартимей, слѣпецъ изъ Іерихона, увидѣлъ свѣтъ (10, 46—52). А когда Христось взалкавъ, нашелъ смоковницу бесплодною, единымъ словомъ предалъ ее смерти (11, 12—21); еще исцѣлилъ слѣпыхъ и хромыхъ близъ храма.

Чудеса Христовы по евангелію отъ Луки.

3.

Лука, повѣривъ слову великаго служителя Христова Павла, описалъ слѣдующія четырнадцать Божіихъ чудесъ: бѣсъ (4, 33—35), горячка (4, 38—39), проказа (5, 12—14) и разслабленіе членовъ (5, 17—25) уступили Слову, и сухая рука распростерлась (6, 6—10). Потомъ содѣлалъ здоровымъ сотникова раба (7, 2—10); вдовѣ въ Наинѣ далъ сына, воскресшаго изъ мертвыхъ (7, 11—15); словомъ Своимъ очистилъ отъ грѣховъ женщину, которая помазала мѣромъ чистыя ноги Его (7, 37—50); усмирилъ вѣтры (8, 22—25) и великій легіонъ (8, 27—39); остановилъ теченіе крови (8, 43—48); возвратилъ къ жизни дочь Іаирову (8, 41—56); пятью хлѣбами и двумя рыбами наплатъ въ пустынѣ пять тысячъ мужей (9, 12—17); явилъ блистаніе Своего лица (9, 28—36); изгналъ злаго бѣса изъ юнаго отрока (9, 38—42), и другаго бѣса, связывавшаго языкъ (11, 14); а также исцѣлилъ еврейскую женщину, скорченную лотымъ недугомъ (13, 11—13); освободилъ отъ воднаго бремени (14, 2—4); очистилъ десять прокаженныхъ, изъ которыхъ одинъ былъ Самарянинъ (17, 12—19); даровалъ свѣтъ сидящему при дорогѣ слѣпцу изъ Іерихона (18, 35—43). А также Лука описалъ и тѣ знаменія, какія видѣли во время смерти Христовой, и когда Христосъ изъ мертвыхъ явился Своимъ возлюбленнымъ.

Чудеса Христовы по евангелію отъ Іоанна.

4.

Въ священной Іоанновой книгѣ найдешь немногія чудеса, но многія рѣчи Христа Царя. Былъ бракъ и виночерпцы растворяли вино изъ воды (2, 1—10). Христосъ сказалъ, и страждущій сынъ царедворца исцѣлѣлъ (4, 46—53). Сказалъ, и взялъ одръ свой не избѣгшій отъ узъ въ купели (5, 1—9). Потомъ совершилъ чудо пяти хлѣбовъ (6, 1—13); потомъ ходилъ по кипящему морю, и спасъ учениковъ (6, 17—27). Исцѣлилъ слѣпаго отъ рожденія, помазавъ ему брѣніемъ очи (9, 1—41). Четвертый былъ уже день, и Лазарь возбужденъ изъ гроба (11, 1—44). Напоследокъ и Самъ Христосъ Царь, Который умеръ за мертвецовъ, и возсталъ, чтобы оживить ихъ, открыто бесѣдовалъ съ Своими друзьями (20, 21).

Притчи Христовы по евангелію отъ Матѳея.

Внихни и въ загадочный смыслъ прикровенныхъ Христовыхъ словъ, что значать: домъ, построенный на сыпучемъ пескѣ (7, 26. 27), одинаковое сѣмя, но не одинаково падшее на землю (13, 3—8); и доброе сѣмя, къ которому примѣшались сѣмена вражескія (13, 24—30); дерево изъ малаго горчичнаго сѣмени (13, 31. 32); а также закваска, сокрытая въ мукѣ (13, 33); поле, покупаемое ради сокровищъ (13, 44); драгоценная жемчужина, которую купецъ приобрѣлъ за все, что имѣлъ (13, 45. 46); неводъ, извлечшій изъ моря всякаго рода рыбъ (13, 47. 48); подытая на рамена заблудшая овца (18, 12. 13); царь немилосердый къ служителю, который былъ немилосердъ къ своимъ должникамъ (18, 23—34); послѣдніе, получившіе плату равную съ первыми (20, 1—15); два сына, посланные въ виноградникъ, ни въ чемъ между собою несходные (21, 28—30); виноградари, предавшіе смерти наследника (21, 33—40); гости собранные съ распутій на пиръ въ брачномъ чертогѣ (22, 1—13); неусыпныя дѣвы съ свѣтильниками (25, 1—12); господинъ, раздѣлившій рабамъ по неравному числу галантовъ (25, 14—30); козлища, поставленные напротивъ овецъ (25, 32. 33)!

Притчи Христовы по евангелію отъ Луки.

Лука упомянулъ о слѣдующихъ притчахъ: о положившемъ надежное основаніе на камнѣ (6, 47—49); о томъ, кто больше получаетъ благодѣяній и больше любить (7, 41—43); о сѣмени, которое пало на четыре рода земли (8, 5—15); о путникѣ, который попался въ руки разбойниковъ (10, 30—36). Потомъ нѣкто, безвременно пришедши къ дверямъ, просить и получаетъ не худое (11, 5—8); нечистый духъ вселяется съ другими семью духами (11, 24); богатый, обрадовавшись множеству плодовъ, предается напраснымъ надеждамъ, не зная, гдѣ будетъ (12, 16—21). Послѣ сего и то, что, ожидая возвращающагося съ брака Христа, должно бодрствовать, и какъ можно лучше пользоваться служеніемъ Ему (12, 36—40); и то, что бесплодная смоковница облагается навозомъ (13, 6—9); закваска (13, 20. 21); нищія на бракъ (14, 16—24); радость о найденной драхмѣ (15, 8—10), и о найденной овецъ (15, 3—7); отецъ, сжалившійся надъ падшимъ сыномъ (15, 11—34); домостроитель.

который, благоразумно обкрадывая господина, каждому из должниковъ его прощаетъ нѣкоторую часть долга (16, 1—8); Лазарь и богачъ (16, 20—31); докучливая просьба вдовицы (18, 2—5); мытарь и кичливость фарисея (18, 10—14); равный раздѣль десяти минъ (19, 12—27); злонравные земледѣлатели, убійцы своего господина (20, 9—16).

Притчи Христовы у четырехъ евангелистовъ.

Боюсь, чтобы, основаніе жизни положивъ на песокъ, не разрушиться мнѣ отъ рѣкъ и вѣтровъ.

Боюсь, чтобы, подобно сѣмени, которое пало на сухую и бесплодную землю, и мнѣ, прозябнувъ скоро, еще скорѣе не засохнуть, когда ударятъ въ меня солнечные лучи и легкія напасти, или не быть съѣдену птицами и подавлену терніями.

Боюсь, чтобы сѣятель негодныхъ плевелъ и завистливый врагъ, во время моего сна, не подмѣшалъ худаго сѣмени, и чтобы мнѣ, когда на прозябшія вмѣстѣ и добрыя и худыя растенія наложу руку прежде, нежели они выколосятся, не погубить съ плевелами и добраго растенія; потому что немногіе имѣютъ опытную руку и умѣютъ истреблять одни плевелы тамъ, гдѣ добродѣтель и порокъ, обитая попеременно, стали между собою близкими, и гдѣ худое вырастаетъ вмѣстѣ съ добрымъ.

Хвалю малое горчичное сѣмя, которое, при всей своей малости, весьма скоро разрастается въ дерево, и достигаетъ такой высоты, что дѣлается пріютомъ для птицъ небесныхъ.

О если бы и мнѣ, возлюбивъ красоту Твою, драгоценная и знаменитая Жемчужина, стать великимъ купцомъ, и продавъ все, что у меня есть, до послѣдняго хитона, получить взаменъ дорогое стяжаніе, и сдѣлаться богатѣе всѣхъ, когда приобрѣту единственную изъ всѣхъ драгоценность, или сокровище сокрытое на полѣ въ земныхъ глубинахъ!

Знаю и то, что цѣлый міръ вовлеченъ въ мрежу, когда ловцы челоуѣковъ, исполняя велѣнія Христа Царя, обложили его своею сѣтью, чтобы плавающихъ въ горькихъ волнахъ сей жизни исторгнуть изъ глубинъ моря и представить Христу. Но когда будешь произносить судъ о сей ловитвѣ, и пойманное дѣлится на части, меня не отбрасывай вдаль, какъ одну изъ негодныхъ рыбъ, но вложи въ сосуды на сбереженіе для Царя.

О если бы мнѣ въ великій, прекрасный и цвѣтущій Божій виноградникъ взойдти съ ранняго утра и понести большій предъ другими трудъ, а награду и славу получить наравнѣ хотя съ послѣдними! Чему завидовать, если Богъ равняетъ съ трудами и одно желаніе трудиться?

Отецъ посылалъ въ виноградникъ сыновей, чтобы позаботились о немъ, и сначала послалъ старшаго. Онъ охотно принялъ приказаніе, но не исполнилъ отцова желанія, какъ общалъ, а младшій сынъ отказался исполнить приказаніе, однако жъ исполнилъ. По моему мнѣнію, лучше, да и родителю былъ бы пріятнѣе обоихъ такой сынъ, который бы и принялъ приказаніе, и исполнилъ надежду.

Но тѣ, которые уготованы огню, убьютъ наслѣдника внѣ виноградника.

Вотъ и брачный пиръ, который учреждаетъ добрый отецъ, веселясь о наилучшемъ сынѣ. О если бы на сей вечери было мѣсто и мнѣ, и всякому, кто со мною единомыслень! Но внѣ пира останется тотъ, кто брачному веселію предпочитаетъ или село, или пару новокупленныхъ воловъ, или жену. Боюсь и того, чтобы изъ среди пирующихъ, которые одѣты по-брачному, одного меня, у котораго осквернены одежды, не связали по рукамъ и по ногамъ, и не изринули изъ брачнаго чертога далеко и отъ друзей и отъ брачнаго пира.

Когда же десять чистыхъ дѣвъ, бодрствуя, съ возженными свѣтильниками и съ недремленными очами ожидаютъ вождедѣннаго Жениха—Царя Бога, чтобы имъ свѣтлыми выйдти во срѣтеніе Приходящему съ веселіемъ; тогда не поставь меня въ числѣ бѣдныхъ умою и юродивыхъ дѣвъ, чтобы мнѣ, уже въ самое пришествіе Христово, отягченными отъ сна очами замѣтивъ едва мерцающій блескъ свѣтильниковъ, слишкомъ поздно не пожелать для себя капель елея свѣтлой жизни, и запертыя двери не преградили мнѣ входа на бракъ, гдѣ Слово, великими узами любви сопрягаясь съ чистыми душами, даруетъ имъ дерзновеніе и славу.

Когда же, Царь мой, возвращаясь съ брака, прійдешь внезапно и къ ожидающимъ и къ неожиданнымъ: о если бы мнѣ тогда оказаться въ числѣ ожидающихъ, и заслужить похвалу, какъ доброму служителю, имѣвшему страхъ, снисходительному къ подначальнымъ и правдивому раздаателю жить—твердаго слова!

И на грозный день, при разлученіи овецъ и козлищъ—людей благочестивыхъ и нечестивыхъ, не поставь меня на странѣ коз-

лицъ, но вели стать мнѣ съ овцами по правую руку, по лѣвую же руку да останутся одни худшіе!

Ежели есть во мнѣ какой свѣтоносный свѣтильникъ, да свѣтитъ онъ внѣ, поверхъ свѣщника! Но хорошо и то, чтобы иное видѣлъ во мнѣ одинъ Богъ, Который окомъ Своимъ всѣхъ назираеть.

О если бы мнѣ всегда и больше всего любить Бога, посылаетъ ли Онъ что нибудь горькое, или доброе; потому что все для меня прекрасно!

Но если на меня, по выходѣ изъ великаго Христова града, нападутъ разбойники; то непусти мнѣ погибнуть отъ убійственныхъ рукъ.

И если извлечешъ изъ меня духъ жизни, то врагъ да не нападетъ на меня съ своимъ множествомъ, какъ на человѣка ни къ чему негоднаго!

Не губи, о Царь, бесполезной смоковницы, но подожди еще плода; не посяжай меня, но приложи попеченіе обновить мои силы!

Обрѣтя драхму, овцу и совершенно погибшаго сына, одну на землѣ, другую въ горахъ, и третьяго у ногъ, въ жалкомъ состояніи возвратившагося въ отеческій домъ, причти меня опять, о Царь, къ числу Твоихъ сыновъ, овецъ и драхмъ!

Поелику Царь добръ къ моимъ немощамъ; то да не буду и я немилосердымъ истязателемъ подобныхъ мнѣ рабовъ! И хорошо, если бы у меня достало благоразумія тайно убавить нѣчто изъ ихъ долговъ, чтобы въ послѣдній имѣть себѣ помощь при нуждѣ!

Желалъ бы я быть Лазаремъ и здѣсь, и въ будущей жизни; потому что другой былъ высокоомѣренъ здѣсь, а тамъ сталъ безчестенъ, и за пресыщеніе мучится во пламени.

Не буду высоковыннымъ; ибо я—негодный мытарь, и слезами привлеку къ себѣ милосердіе; а фарисеи пусть будутъ унижены!

Если же изнуренную вдовицу отошлю когда нибудь отъ дверей своихъ ни съ чѣмъ, или изъ собственныхъ рукъ, вмѣсто желаннаго хлѣба или вкусной рыбы, подамъ кому-нибудь камень или страшную змѣю, прикрывая привѣтливостію вражду; то и самъ да получу такое же воздаяніе отъ Бога!

Если у меня къ однимъ кладовымъ приложена уже печать, а другія наполняетъ быстролетная надежда, то ночь да истребитъ меня и мои пустыя грезы!

Нѣтъ, нѣтъ, не желаю того, чтобы талантъ, какой ввѣрилъ мнѣ Богъ, удѣлившій другимъ большую благодать, и поровну всѣмъ раздѣленная мина, то есть даръ естественнаго слова, остались въ

рукахъ моихъ не употребленными въ дѣло; напротивъ того пуцу ихъ въ обращеніе, и лучше получить мнѣ за сіе славу, чѣмъ подвергаться строгому наказанію и позору.

Опредѣленія, слегка начертанныя.

Богъ есть сущность и первая доброта.

Миръ—сопряженіе скоропреходящаго и умопредставляемаго. А то, что каждую вещь дѣлаетъ такою, или инаковою, есть *природа*.

Природа невещественная—*Ангель*, первая тварь.

Но что такое Ангелы, уклонившіеся отъ добраго? Это *демонь*. Первый изъ нихъ, бывшій нѣкогда Денницею, есть изобрѣтатель и начальникъ безобразной тмы.

Вещество же—основа для образовъ, вторая тварь.

А *красота* въ веществѣ — видъ вещества, облеченнаго въ образъ.

Взаимный предѣлъ скоропреходящаго и умопредставляемаго есть *небо*

Природа звездъ—круговращающійся огонь.

А *свѣтъ* есть воспламененное озареніе и въ душѣ разумъ. *Тма* бываетъ двоякая, какъ отсутствіе двоякаго озаренія.

Вѣкъ есть протяженіе, непрестанно протекающее не во времени.

А *время*—мѣра солнечнаго движенія.

Земля есть отвердѣніе вещества, окружаемаго небомъ.

Огонь есть естество горящее и стремящееся вверхъ.

Вода—естество текучее и падающее книзу.

Воздухъ—наполненіе пустоты и вдыхаемый потокъ.

Я человекъ—Божіе созданіе и Божій образъ.

Тѣло—вещество и протяженная дебелость

Стихія есть первоначальная часть тѣла.

Душа—природа оживляющая и движущая; съ моею же душою срастворены разумъ (*λόγος*) и умъ (*νους*).

Жизнь есть сопряженіе души и тѣла; равно какъ *смерть*—разлученіе души съ тѣломъ.

Умъ—это внутреннее и безграничное зрѣніе; а дѣло ума—мышленіе и впечатлѣніе въ себѣ мыслимаго. *Разумъ*—разысканіе впечатлѣній ума; его ты выговариваешь посредствомъ органовъ голоса.

Ощущеніе есть какое-то принятіе въ себя внѣшняго.

Память есть удержаніе въ себѣ отпечатлѣній ума, отложеніе памяти—*забвеніе*; а отложеніе забвенія есть опять какая-то память, которую называю *воспоминаніемъ*.

Подъ *хотѣніемъ* разумѣю наклоненіе ума и встрѣчу чего-то такого, что въ нашей власти; но инаго и хотѣть не должно.

Движеніе, куда я хочу,—это *свобода*.

Усильное таковое движеніе называю *рвеніемъ*; а непроизвольность есть насиліе воли.

Подъ *сужденіемъ* разумѣю различеніе предметовъ.

Вожделѣніе есть пожеланіе или прекраснаго, или непрекраснаго; а вожделѣніе воспаленное и неудержимое—это *любовь*.

Раздраженіе есть внезапное воскипѣніе въ сердцѣ; раздраженіе продолжительное—это *гнѣвъ*; а раздраженіе, въ которомъ человѣкъ помнитъ зло, и замышляетъ самъ сдѣлать зло, есть *памятозлобіе*.

Терпѣливостію называю перевариваніе въ себѣ скорби; а спокойно встрѣчать обиду означаетъ *негнѣвливость*; древніе обыкновенно называли это *кротостію*.

Навыкъ къ добродѣтели почитай *добродѣтелию*, и обратно, навыкъ къ худому—болѣзнію, противоположною добродѣтели. И первую признавай даромъ Божиимъ, а послѣднюю — своимъ изобрѣтеніемъ.

Красота есть соразмѣрность во всемъ; а *гнузность*, по моему разсужденію, есть поруганіе красоты.

Мужество есть твердость въ опасностяхъ; *дерзость* есть смѣлость, гдѣ не надлежало бы отваживаться; а какое-то сжатіе сердца, когда надлежало бы на что отважиться, есть *робость*.

Не поддаваться удовольствіямъ—это есть *цѣломудріе*; а поддаваться удовольствіямъ—это называю *распутствомъ*.

Не домогаться того, чтобы имѣть у себя больше другихъ—это *справедливость*; а выступать изъ предѣловъ равенства—это *несправедливость*.

Благоразуміе есть опытность въ дѣлахъ.

Подъ *мудростію* разумѣю созерцаніе сущаго.

Простота есть какой-то навыкъ быть недѣятельнымъ къ злу. А *двоедушіе* есть коварство нрава.

Удовольствіе есть какая-то разнѣженность души.

Скорбь есть грызеніе сердца и смущеніе; а *забота*—это круженіе; высшая же ея степень—*безпокойство*.

Разсужденіе есть противоположеніе сужденій о томъ, что дѣлать.

Рѣшеніе есть установленіе опредѣленій ума въ одномъ.

Отринутіе же опредѣленій ума почитаю *безпечностію*.

Зависть есть сокрушеніе о благоуспѣшности ближнихъ; а *злорѣчіе* сверхъ того и вредить изъ зависти. Но упрекать людей порочныхъ есть похвальная страсть.

Стыдъ есть какое-то сжатіе сердца отъ страха подвергнуться позору; а презрѣніе стыда есть *безстыдство*.

Прилежаніе есть какая-то стойкость въ предположенномъ; ослабленіе этой стойкости называю *нерадѣніемъ*. *Лѣность* же есть неподвижность къ чему бы то ни было.

Ревность есть то подражаніе, то какая-то скорбь о томъ, что нѣжность тайно питають къ постоянному любимому предмету; древніе называютъ это *ревнивостію*.

Хвастливостію называю надменіе сердца, а *кичливостію*—воспламененіе сердца, производимое легкомысліемъ. *Горделивый*, по моему мнѣнію, любитъ выказывать себя передъ другими. А *спѣхью* называю самоуслажденіе.

Имѣть *смирennemудріе* значитъ не думать о себѣ и того, чего бы заслуживалъ: притворно выказывать свое смирennemудріе есть *насмѣшка*.

Щедрость—когда просто даетъ кто другому деньги; а *расточительностію* называю пожираніе денегъ; *скупость* же есть бережливость на деньги.

Пышность есть блистательность въ дѣлахъ; а *щепетливость*—и о маловажномъ думать много.

Великодушенъ, кто все переноситъ съ благодушіемъ; а не переноситъ и малости—знакъ *малодушія*.

Любочестіе есть умѣренное желаніе чести; а *суетность* простирается далѣе мѣры; желаніе же пустыхъ отличій есть *тщеславіе*.

Казаться такимъ или такимъ есть *слава* (δὸξα); а иное дѣло—*мнѣніе* (δόξα), то-есть, наши представленія о вещахъ.

Обида есть неблагородный поступокъ, или неблагородное слово человѣка непріязненнаго. Злорѣчивый старается остыдить. Порицаніе друга, не подвергающее наказанію, есть *упрекъ*. Обвиненіе же въ чемъ нибудь заслуживающемъ наказаніе есть *жалоба*. Если жалоба несправедлива, то дѣлается *клеветою*. А если принесена еще тайно, то назову ее *ябедою*. Какой-нибудь безотчетный

упрекъ есть *хула*. А *злослыченъ*, кто противъ всѣхъ вооружаетъ свои уста.

Обходительность есть развязность въ бесѣдѣ; а *ловкость* обращенія—развязность, кромѣ слова, въ движеніяхъ; *глупость* же есть неумѣнье сказать кстати слово.

Смѣхъ есть судорожное движеніе щекъ и трепетаніе сердца

Неумѣренное употребленіе вина назову *пьянствомъ*; непристойное состояніе упившагося есть *опьянтіе*; а *похмѣлье*—непріятное слѣдствіе вчерашняго упоенія.

Убийство бываетъ двоякое,—или тѣла, или образа Божія; а въ томъ и другомъ случаѣ разрушается вождедѣнная гармонія.

Блудъ и *прелюбодѣяніе* также бываютъ двоякаго рода: это или какое-то похищеніе чужимъ тѣломъ или и демономъ, когда любовь, какою обязаны мы къ Богу, питаемъ ко врагамъ Божиимъ. Но кто и золото чтить, есть также *идолопоклонникъ*.

Если приобрѣсти что-нибудь для души есть *польза*; то лишить ее чего нибудь есть *вредъ*.

Жалость есть состраданіе къ несчастію; а *милосердіе*, когда оказываемъ какое-нибудь благодѣяніе страждущему.

Извѣстный навѣкъ въ дѣлахъ есть *нравъ*; а *поведеніе*—такой образъ дѣйствованія, въ которомъ выказывается нравъ.

Обученіе есть образованіе дѣломъ и словомъ.

Совершенное слово врачуетъ злыхъ; а *несовершенное* губить и добрыхъ.

Подъ *созерцаніемъ* разумѣй размышленіе объ умопредставляемомъ; а *дѣятельность* есть нѣкоторое дѣйствованіе, относящееся къ тому, что обязаны мы дѣлать.

Навыкъ есть какое-то постоянное качество, а произведеніе навыка называю *дѣйствованіемъ*.

Искусство есть заведенный порядокъ дѣйствованія по опыту; а такой навѣкъ, отъ котораго и отступить невозможно, называется *знаніемъ*.

Что само не ради чего-нибудь, тогда какъ другое ради сего, то называю *концемъ*; а *цѣль* есть то, чего домогаемся при концѣ.

Подъ *прошеніемъ* разумѣй испрашиваніе необходимаго; *подъ молитвою*—испрашиваніе лучшаго; *подъ обѣтомъ*—обѣщаніе умилостивительной жертвы; а *умилостивительная жертва* есть даръ, приносимый въ честь.

Похвала есть доброе слово о чемъ нибудь моемъ. *Хвала* есть благоговѣйная похвала Богу. *Пѣснь*, какъ думаю, есть мѣрно сло-

женная хвала. Псаломъ въ соединеніи съ пѣніемъ дѣлается *псалмопѣніемъ*.

Говорить о чемънибудь дѣйствительномъ, какъ оно есть,— это *нелживость*; а говорить не такъ, какъ оно есть, это *ложь*; говорить же вопреки есть *словопреніе*, и что хуже этого въ жизни?

Клятва есть увѣреніе, при посредникѣ Богѣ. И соблюденіе того, въ чемъ клялся, есть *вѣрность клятвъ*.

Подъ словомъ *набожность* разумѣю и почитаніе демоновъ. А *благочестіе* есть поклоненіе Троицѣ. *Отреченіемъ* отъ Бога будетъ, какъ унижать Одно изъ Трехъ Лицъ, такъ и не чтить соестествія въ Богѣ.

Вѣра бываетъ двоякая: одна по убѣдительности слова, а другая по какому-то на все готовому согласію. И первая есть *правильная*; потому что начальникомъ слова—само Слово.

Надежда есть общеніе съ отсутствующимъ предметомъ; а прекращеніе такого общенія называю *отчаяніемъ*.

Любовь, по моему опредѣленію, есть единодушіе; а *любовь къ Богу*—вмѣстѣ и путь къ обоженію.

Ненависть есть какое-то отвращеніе, порождающее вражду.

Лицемѣріе есть скрытая горечь.

Любить челоуѣка значитъ воздавать честь Создателю; *служить ницѣмъ* значитъ воздавать честь Обнищавшему ради насъ.

Тотъ *страннолюбивъ*, кто себя самого признаетъ странникомъ.

Безмятежность жизни есть вождельный миръ, особливо же миръ душевный, то-есть, утишеніе страстей.

Вражда, по моему мнѣнію, есть разномысліе и раздоръ. А вражда и война—изобрѣтатели золь.

Чистота есть общеніе съ Богомъ.

Сквернымъ и *скверною* почитай грѣхъ.

Очищеніе есть омовеніе нечистотъ; а *нечистотою* почитаю и отпечатлѣніе въ себѣ худаго.

Бракосочетаніе есть законный, плотскій союзъ.

Дѣвство есть ишество іизъ тѣла.

Тотъ *монахъ*, кто живетъ для Бога, и притомъ для него единого; а *монастырь*, по моему мнѣнію, есть учрежденіе, которое имѣетъ цѣлію спасеніе.

Грѣхъ есть уклоненіе отъ добраго, не допускаемое ни закономъ, ни природою.

Законъ есть судебное опредѣленіе того, что мнѣ дѣлать, а *повѣдь* есть Владычнее повелѣніе.

Преступленіе есть худой поступокъ при существующемъ законѣ. Подъ *беззаконіемъ* разумѣю неподчиненіе законамъ.

Первый законъ есть іудейство; а *второй*—тайнство страданія. Одинъ прикровень и истребляетъ служеніе демонамъ; а другой—ясень, и разрушаетъ гаданія.

Вочеловѣченіе Христово есть новое созданіе меня, человѣка; потому что Богъ во плоти пострадалъ моимъ страданіемъ. Онъ вполне воздалъ за всѣ мои долги; по милости къ Евѣ родился отъ жены, но отъ Дѣвы; ибо и первое Его рожденіе есть отъ единаго Отца; и Безсупружнѣй произошелъ отъ безсупружнѣхъ. А *перепись* была во образъ послѣдовавшаго Божія вписанія. *Повитіе пеленами*—въ замѣнъ Адамовой наготы. *Избѣненіе младенцевъ*—это отмѣненіе младенческихъ прообразованій. *Идущая звезда*—это поклоненіе твари. *Приходящіе волхвы*—это вступленіе язычниковъ въ Церковь. *Крещеніе Христово* было очищеніемъ воды для меня. *Духъ* — это засвидѣтельствованное родство. *Постъ* — умащеніе на борьбу со врагомъ. *Искушеніе* было извѣданіемъ хитрости Божіей. *Терновый вѣнецъ* и *облегченіе въ порфиру*—это отнятіе державы у врага въ открытой борьбѣ. *Крестъ*—это побѣдное знаменіе; и деревянный—въ знаменіе древа. *Гвозди*—это пригвожденіе моего грѣха. *Распростертыми руками* Христосъ все объемлетъ. А *вкусеніе желчи* противоположно Адамову вкушенію. Одинъ изъ *разбойниковъ* спасся—это увѣровавшій Адамъ; а другой былъ худъ, хотя и пригвожденъ ко кресту. *Тма* отъ шестаго часа—это плачь о Страждущемъ. А *распаденіе камней* побораетъ камни. *Воскресеніе мертвыхъ и шестствіе во градъ*—это представленіе умершихъ въ горняя. *Кровь и вода*, вмѣстѣ истекшія изъ ребра,—это двойное крещеніе купели и страданія, когда принесеть опасности время гоненій. *Мертвостъ Иисусова* есть истребленіе мертвосты во мнѣ. *Воскресеніе Христово изъ мертвыхъ*—мое освобожденіе изъ ада. *Восшествіе Христово въ горняя* и меня возводитъ горѣ.

Разсмотримъ теперь и то, что за симъ слѣдуетъ.

Народъ—это собраніе богочтителей.

Храмъ—это освященное мѣсто очищенія для народа.

Даръ Богу—это очистительныя жертвы.

Богоприимная трапеза—это чистое хранилище даровъ.

Священство — это освященіе мыслей, приближающее человека къ Богу, и Бога къ человеку.

Тайнство есть неизглаголанное богочестіе.

Подъ *благодатнымъ дарованіемъ* разумѣю Божественное да-
яніе Духа.

Пророчествомъ называю проповѣдь о сокровенномъ.

А *Евангеліе*—это проповѣдь о новомъ спасеніи.

Апостольство же есть содѣйствіе проповѣди.

Оглашеніе, преподаваемое юнымъ, есть вѣдѣніе слова.

Покаяніе—обращеніе къ лучшему.

Заклинаніе—изгнаніе демоновъ.

Куптъль есть печать второй жизни.

Просфоры—общеніе Божія воплощенія и Божіихъ страданій.

Знаменіе есть чудное событіе, выходящее изъ ряда обыкно-
венныхъ.

Огненные языки—присутствіе Духа.

Человѣкъ душевный далеко несовершенъ; *человѣкъ плот-
скій* крайне преданъ страстямъ; а *человѣкъ духовный* не далекъ
отъ Духа.

Кто *антихристъ*? Звѣрь, исполненный яда, *человѣкъ* много-
мощный.

А что такое *отступленіе* (2 Солун. 2, 3)? Это недавній,
всѣхъ злѣйшій отступникъ, или господствующее нынѣ ученіе,
разсѣкающее Бога.

Послѣ него Христосъ опять прійдетъ во славу Отца и съ тѣ-
ломъ, чтобы видѣли Его богоубійцы. Послѣ него воскресеніе, или
сопряженіе сложнаго. Послѣ него скончаніе,—разрушеніе суще-
ствующаго, а можетъ быть, и нѣкое измѣненіе въ лучшее. Послѣ
него судъ и страхъ.

Что же такое *судъ*? Собственная и внутренняя тягота, или
легкость совѣсти, и приравненіе жизни къ закону.

А бодрость жизни, по моему мнѣнію, есть *блаженство*.

Что же такое *царство*? Созерцаніе Бога, Его славословіе и
пѣснопѣніе совокупно съ Ангелами.

Тма, уготованная самымъ злымъ,—это отпаденіе отъ Бога. А
червь и *огнь*—потребленіе вещественной страстности. Если же и
иное что лучшее; то и сіе не виѣ возможнаго Богу.

А что такое случай, Промысль, судьба?—*Случаемъ* было бы
нѣчто совершившееся само собою, безъ всякаго къ тому основанія.
Промысль есть кормило, которымъ все приводитъ въ движеніе
Богъ. *Судьба*, какъ я самъ себѣ представляю, есть нѣль Божіихъ
предначертаній.

Таковы мои опредѣленія въ первомъ ихъ очеркѣ!

Надписи.

1.

Ко храму Иліи, называемому Вдовымъ.

Вотъ, странникъ, сидонская Сарепта; вотъ башня той вдовицы, которая страннолюбиво приняла къ себѣ пророка Божія, Илію Фесвитянина, когда голодъ опустошалъ города, и у нея было немного елѣя въ чванцѣ, и только горсть муки скрывалась въ водоносѣ! Но все это безъ бережливости отдавъ пришельцу, открыла она въ даръ своемъ какой-то источникъ, изъ котораго напился ея домъ. Илія не только напился ея сына, пока онъ былъ живъ, но и умершаго воздвигъ отъ мрака смерти. И мать, которая оплакивала свое безчадіе, снова стала матерью безъ новыхъ болѣзней рожденія.

2.

Къ церкви, которая изъ идольскаго капища обращена святымъ Григоріемъ въ храмъ Божій.

Древній былъ я городъ, который наполняли демоны, а теперь, возставленный руками Григорія, содѣлался храмомъ Христовымъ. Удадитесь отъ меня, демоны!

Надгробіа:

Софисту Прозресію.

Не много величайся, послѣ этого Кекропсовъ городъ! Небольшого пламенника не возможно сравнивать съ солнцемъ; и другому смертному нельзя спорить въ краснорѣчіи съ Прозресіемъ, который нѣкогда приводилъ въ потрясеніе міръ новородящимися рѣчами. Аттика произвела вновь возгремѣвшій громъ. А весь сонмъ высококовѣщихъ софистовъ уступилъ Прозресію. Уступилъ; однако же зависть и Прозресія покорила смерти. Не славны теперь стали Аѣины; бѣгите, юноши, изъ Кекропсова города!

Грамматику Феспесію.

Увы! увы! Феспесій, и ты умеръ; завистливая смерть и тебя сокрыла въ могилу! Но слава и умершаго Феспесія не умретъ; такъ обильно источалъ ты новородящіяся рѣчи; и Аттика взываетъ: „кто теперь поддержитъ славу моей мудрости?“

М а р т и н і а н у.

1.

Передъ тобою горы и море, нечестивецъ! Пользуйся равнинами, засѣянными пшеницей, и стадами четвероногихъ. Таланты золота и серебра, драгоценные камни и тонкія шелковыя нити— все это жизнь приносить въ даръ живымъ. А умершимъ остается не много камней, и тѣ имъ дороги. Но ты и сюда заносишь руку, несчастный, не страшась, что иной, по твоимъ же законамъ, но больше правдивыми руками, можетъ разорить и твою могилу.

2.

Когда Мартиніанъ вступилъ въ общую всѣхъ матеръ—землю, тогда восплакали всѣ города Авзоніи; обитатели всей Сициліи и широкихъ предѣловъ земли остригли себѣ волосы: потому что удалилась отъ людей сама Фемида. Но мы, вмѣсто тебя объемля твою славную могилу, всегда будемъ показывать ее приходящимъ, какъ нѣчто священное.

3.

Послушайте, Христоносцы и вы, которымъ извѣстны права живыхъ и честь, подобающая умершимъ! Все я оставилъ—царскій дворъ, отечество, родъ, славу. Увы! увy! во всемъ имѣлъ я преимущество; однако же теперь почтенный всѣми Мартиніанъ сталъ небольшою горстію праха. Уроните же слезу на мою могилу, но не налагайте на нее рукъ.

4.

Я — гробница заключаю въ себѣ благороднаго Мартиніана, стихотворца, витію, судію, превосходнаго во всемъ, побѣдоноснаго на моряхъ, воинственнаго на сушѣ. Но прочь отъ могилы, пока не потерпѣли чего худаго!

5.

Не объявляйте войны умершимъ, злодѣи; много и живыхъ. Не объявляйте войны умершимъ. Я—Мартиніанъ приказываю это всѣмъ живымъ! Не справедливо завидовать мертвымъ въ томъ, что есть у нихъ нѣсколько камней.

6.

Счастливый, въ доброй старости, безболѣзненно, занимая первое мѣсто при царскомъ дворѣ, достигнувъ высоты священной

мудрости, умерь я, если вы слышали о какомъ-нибудь Мартиніанѣ. Но прочь отъ моей гробницы; не заносите на меня непріязненныхъ рукъ!

7.

Отойди, отойди прочь! ты предпринимаешь не добрый трудъ— потревожить камни и мою могилу. Отойди! Я—Мартиніанъ приносилъ пользу живымъ, и мертвый здѣсь имѣю не малую силу.

8.

Великая похвала Капшадокіанъ, пресвѣтлый Мартиніанъ, и могилу твою чтимъ мы смертные! Ты нѣкогда составлялъ силу градоправителей въ царскихъ твердыняхъ, а оружіемъ приобрѣлъ Сиканію и Ливію

9

Клянемся державою безсмертнаго и царствующаго въ горнихъ Бога, клянемся душами мертвыхъ и твоимъ прахомъ, знаменитый Мартиніанъ, клянемся тебѣ, что на твой памятникъ и на твою гробницу никогда, никогда не поднимемъ руки, какъ на святыню.

10.

Римъ, цари мои и концы земли—вотъ памятники Мартиніану, которыхъ не разрушить время. Однако же боюсь за эту небольшую могилу, чтобъ ей не потерпѣть чего-нибудь; потому что у многихъ руки не святы.

11.

Вотъ надгробный камень славнаго Мартиніана, если слыхалъ ты о римскомъ правителѣ изъ благородныхъ Капшадокіанъ, который украшался добродѣтелями всякаго рода. Но, что прахъ его, облобызайте памятникъ и могилу.

12.

Никогда не поднималъ я руки на умершихъ и не искалъ себѣ приобрѣтеній въ гробницахъ; клянусь въ этомъ правосудіемъ и умершими. Поэтому и ты не заноси желѣза на мои камни; а если занесешь, да падетъ это на твою голову! Вотъ о чемъ просить тебя Мартиніанъ. Если слава моя дорога тебѣ; то пусть всегда стоитъ моя гробница!

Л и в і и.

1.

Одно зданіе; но внизу могила, а вверху храмъ; гробница храмоздателямъ, храмъ добропобѣднѣмъ мученикамъ. И храмоздатели покрыты уже сладостнымъ прахомъ;—а это ты, Ливія, блаженная супруга Амфилохіева, и ты, прекраснѣйшій изъ сыновей, Евфимій! Пріймите же ихъ, Свидѣтели истины; пріймите и тѣхъ, которые еще остались въ живыхъ!

2.

Лучше бы жить тебѣ, Ливія, и твоимъ любезнымъ чадамъ! Лучше бы достигнуть тебѣ вратъ старости! Но теперь еще прекрасную, еще блистающую цвѣтами юности, сокрушила тебя преждевременная смерть. А супругъ твой, Амфилохій, вмѣсто доброй и разумной супруги, увы! увы! имѣетъ передъ собою жалкую гробницу.

3.

Увы! увы! и Ливию покрываетъ прахъ. Никогда не подумаль бы, что эта женщина была смертная, смотря на ея наружность, кротость и цѣломудріе, которыми она превосходила весь полъ свой. Поэтому тебя и умершую почтили такимъ гробомъ трое твоихъ сыновей и супругъ твой Амфилохій.

Е в ф и м і ю.

1.

Подлинно была чета, чета священная, въ двухъ тѣлахъ единая душа, и по крови, и по славѣ, и по мудрости, по всему родные братья, два Амфилохіевы сына, Евфимій и Амфилохій—свѣтлыя звѣзды для всѣхъ Каппадокіянъ. Но грозно на обоихъ взирала зависть, и одного лишила жизни, а другаго оставила; но въ немъ уже одна половина Амфилохіа.

2.

Витія между витіями, пѣвецъ между пѣвцами, слава отечества своего, слава своихъ родителей, едва достигшій юношескихъ лѣтъ и не давно въ чертогъ свой призывавшій любовь, умеръ Евфимій. Какая жалость! вмѣсто дѣвы нашелъ онъ себѣ гробъ, и за днями предбрачныхъ веселій наступилъ день плача.

3.

Двадцатилѣтній Евфимій столько знакомъ былъ съ эллинскою и авзонскою музою, сколько другой не ознакомился бы и съ одною изъ нихъ. Онъ сіялъ и красотою и благонаравіемъ. Но теперь сошелъ въ землю. Увы! увы! какъ скороспѣшна зависть въ разсужденіи добрыхъ.

4.

Свѣтло просіялъ людямъ Евфимій, но не на долго; потому что и блескъ молніи бываетъ не продолжителенъ; просіялъ же вмѣстѣ и мудростью, и наружною красотою, и добросердечіемъ. Все это составляло прежде славу Капшадокіанъ, а теперь стало причиною слезъ.

5.

Плачьте, источники, рѣки, рощи, сладкопѣвныя птицы, съ вершины деревъ прекрасно поражающія слухъ, вѣтерки, своимъ шелестомъ навѣвающіе тонкій сонъ, и цвѣтники собравшихся вмѣстѣ Харитъ! А тебя, прелестный садъ Евфиміевъ, сколько славныхъ содѣлалъ умершій Евфимій; потому что ты носишь его имя! Если бывалъ кто прекраснѣе всѣхъ юношей, такъ это Евфимій. Если есть какое поле прекраснѣе всѣхъ полей, такъ это его Элизій. Потому и собрались вмѣстѣ всѣ Хариты. Хотя покинулъ жизнь Евфимій; однако же оставилъ свое имя этому восхитительному мѣсту.

А м ф и л о х і ю ¹⁾.

1.

И Амфилохіево любезное для насъ тѣло перешло въ величественную гробницу, а душа удалилась, отлетѣвъ въ блаженные обители. Что нужно для ближнихъ, всѣмъ владѣлъ ты, блаженнѣйшій, нашею ключъ разумѣнія для всякой книги, смертнымъ ли она писана, или пренебесна, а въ любезную землю сошелъ уже въ старости, оставивъ дѣтей, которыхъ лучше и родителей. Человѣку невозможно и пожелать большаго.

2.

Амфилохій, встрѣтивъ бодрую старость, охотно присовокупилъ свое тѣло къ тѣламъ супруги и сыновей. Онъ былъ счастливъ, благороденъ, силенъ въ словѣ, служилъ защитою для всѣхъ

¹⁾ Сей Амфилохій былъ родителемъ святаго Амфилохія Епископа Иконійскаго.

ближнихъ, благочестивыхъ, благородныхъ, ученыхъ; онъ былъ преобильнымъ раздаятелемъ слова. Воззри же, другъ, на это надгробное писаніе одного изъ твоихъ товарищей. Все ты, о блаженный, общее врачевство нищеты, о крылатая рѣчи, о источникъ, изъ котораго всѣ черпали, все ты оставилъ съ послѣднимъ дыханіемъ. Но одна вѣчно цвѣтущая слава послѣдовала за тобою, восхищеннымъ отселѣ. Сіе написалъ Григорій, словомъ возблагодаривъ за слово, которому научился у тебя, Амфилохій.

3.

Амфилохій умеръ; рушился прекрасный храмъ витійства, какой еще оставался у людей. Восплакали Хариты, сошедшись съ Музами, особливо же восплакало о тебѣ любезное отечество—Діокесарія.

4.

Малый я городокъ—Діокесарія; но алтарямъ правосудія дарованъ мною великій мужъ, Амфилохій. Онъ умеръ; умерли съ нимъ и пламенное краснорѣчіе и слава отечества, производящаго столь доблестныхъ мужей.

5.

Я, малый прахъ, внѣ отечества содержу Амфилохія, великаго сына Филатіева и Горгоніина, который пламеннымъ своимъ краснорѣчіемъ разилъ противниковъ, а по нравамъ и сердцу былъ слаще меда.

6

Вѣщайте теперь, витіи; я—могила заключаю въ себѣ ста великаго Амфилохія, связаннаго молчаніемъ.

7.

Вотъ гробница медоточиваго Амфилохія, который нѣкогда превосходилъ всѣхъ Кашпадокіянъ своимъ краснорѣчіемъ и добросердечіемъ.

Н и к о м и д у.

1.

Отошелъ отъ насъ ты, Никомидъ, моя слава. Какъ же докончатъ свою жизнь твои дѣти,—эта чистая чета? Чья рука довершитъ прекрасный храмъ? Чей умъ восплетъ къ Богу совершенную жертву? Съ тѣхъ поръ, какъ ты, блаженный, такъ скоро вступилъ въ общеніе съ пренебесными, чего не потерпѣлъ несчастный родъ человѣческій?

2.

Посмотри и на могилу Никомида; если слыхалъ ты о томъ Никомидѣ, который, соорудивъ храмъ великому Христу, сперва себя, а потомъ дѣвство чадъ своихъ, принесъ въ славную, чистую жертву: потому что ничего не нашель у себя лучшаго сей іерей и наилучшій родитель. За это и вступилъ онъ скоро въ общеніе съ великою Троицею.

3.

Наконецъ, Никомидѣ, отошелъ ты въ славную жизнь; но очень скоро похищенъ отсель. Кто жъ далъ на это свой приговоръ?—Царь Христосъ, чтобы, вмѣстѣ съ священною четою своихъ чадъ, съ небесъ правилъ твоимъ народомъ.

К а р т е р і ю.

1.

Куда ты, любезнѣйшій изъ товарищей, достославный Картерій, отошелъ такъ поспѣшно, оставивъ на землѣ меня, обремененнаго трудами? Куда удалился ты, управлявшій кормиломъ моей юности, когда на чужой сторонѣ изучалъ я слово,—ты, который привязалъ меня къ жизни бесплодной? Безъ сомнѣнія, для тебя всего вождедѣннѣе Царь Христосъ, Которымъ теперь обладаешь. Молнія великославнаго Христа, превосходнѣйшая ограда благонравія, бразды моей жизни, не забывай Григорія, котораго образовалъ ты въ добрыхъ нравахъ, что было уже давно, мой воздѣ къ добродѣтели, Картерій!

2.

Отъ чего, какъ у всякаго смертнаго, и у Картерія прекратились вы, источники слезъ, бездѣйственными стали вы, колѣна, и вы, руки умплотивлявшія Христа чистѣйшими жертвами?—Отъ того, что тамошнее ликостояніе пожелало имѣть новаго пѣснопѣвца.

3.

Скоро, Никомидѣ, похитилъ ты у меня сердце мое, похитилъ Картерія, который за одно съ тобою подвизался въ благочестіи.

4.

О священная страна блаженныхъ Ксоловъ, какую опору имѣешь ты для себя, призвавъ къ себѣ крестоносца Картерія?

В а с с у.

1.

Вдали отъ отечества, разбойническою рукою умерщвленъ ты, другъ Вассъ, болѣе всѣхъ Христу угрождавшій. Тебя заключаетъ въ себѣ не отечественная могила. Однако же великое имя твое осталось въ наслѣдіе веѣмъ Каппадокіянамъ; оно написано на такихъ столпахъ, которые лучше незабываемыхъ. Вотъ памятникъ, воздвигаемый тебѣ Григоріемъ, котораго ты любилъ!

2.

Ты, Вассъ, какъ Авраамъ, принялъ на лоно свое Картеря, несомнѣннаго сына твоего по духу. Но и я, хотя бы и сокрылъ меня одинъ гробъ съ моимъ родителемъ, неразлученъ буду съ вашимъ сотовариществомъ.

Ф и л т а т і ю.

Эта священная земля скрываетъ въ себѣ тѣло Филтатія—великаго юноши, правителя великаго народа.

Е в с е в і ю и В а с и л и с с ѣ.

Здѣсь лежатъ великославные Евсей и Василисса, Христоносные питомцы боголюбивыхъ Ксоловъ, а съ ними и священное тѣло блаженной Нонны. Ты, который проходишь мимо сихъ гробовъ, вспомни о сихъ великихъ душахъ.

Е л л а д і ю.

1.

Твой умъ, Елладій, всегда пребывалъ въ небѣ; на дольней же землѣ не утверждалъ ты и малаго слѣда, а потому и отошелъ такъ скоро съ земли. А прахъ твой объемлетъ единоутробный братъ твой Евлалій.

2.

Я, обитель мучениковъ, заключаю въ себѣ юнаго, но великаго Христу и посѣдѣвшаго разумомъ Елладія. И не чему дивиться; потому что и онъ терпѣливо несъ скорби, подобно мученикамъ, когда угашалъ въ себѣ брань завистливаго противника.

3.

Едва дышалъ ты на землѣ, уступая нуждамъ плоти, большую же часть жизни имѣлъ уже горѣ, о великая слава Христова, Елладій! А если очень скоро разрѣшился отъ узъ; то и сіе—награда за твои труды.

Г е о р г і ю .

И ты здѣсь лежишь, любезное тѣло Георгія, который препослалъ ко Христу многія чистыя жертвы; а вмѣстѣ съ тобою, родная тебѣ сестра и по плоти и по духу, великая Василисса, имѣеть общій гробъ, какъ имѣла общую жизнь.

Е в п р а к с і ю .

Я, великая арианская земля, заключаю въ себѣ Евпраксию, архіерея сей священной страны. Онъ былъ другъ, сверстникъ и со-трудникъ ¹⁾ Григорію; поэтому въ сосѣдствѣ съ нимъ нашелъ себѣ и могилу.

М а к с е н т і ю .

1.

Благородной былъ я крови, служилъ при царскомъ дворѣ, высоко поднималъ тщеславную бровь. Все разсѣялъ Христось, когда призвалъ меня къ себѣ. На многихъ стезяхъ жизни утверждалъ я стопу свою, волнуемый желаніями, пока не нашелъ надежнаго пути. Для Христа изнурялъ я тѣло многими скорбями, и теперь Максентій легкимъ воспарилъ отселѣ горѣ.

2.

Въ трепеть приходитъ сердце мое, когда пишу имя твое, Максентій; ты шелъ путемъ жизни суровымъ, не человѣческимъ, высокимъ, неприятнымъ. И къ гробу твоему, превосходящій, не безъ трепета приближаться будетъ христіанинъ.

Д в о и м ъ Е в п р а к с і я м ъ .

Не въ послѣднихъ этотъ Евпраксій, а равно и другой; у обоихъ одно имя, и одно сердце; оба были превосходными служителями іерея Григорія. Ему же и нынѣ служба, тамъ предстоятъ.

П а в л у .

1.

Неизвѣстенъ предѣлъ жизни; поэтому иди не на удачу, но стремись къ добродѣтели, чтобы обрѣсти тебѣ блаженство тамъ.

¹⁾ Το οδότης, какъ видно изъ Θεοδοσίου Кодекса lib. II. Исх. 57, есть слово тождественное съ κοινόβιος, общежительный монахъ.

2.

Смотри, все прахъ и все обращается въ пепель; что ни есть въ мѣрѣ, все непременно прійметъ въ себя могила. И продолжительная жизнь есть скоро увядающій злакъ, не осуществляемое блаженство, не отпечатлѣвшійся слѣдъ.

3.

О, родительница, проливающая горькія слезы на гробъ мой! на что ни посмотришь ты, приобретаешь только новую болѣзнь сердцу.

4.

Могилы полны слезъ, полны безмѣрной горести. Кто ни заглянетъ во гробъ, соберетъ въ сердце скорбь.

5.

Ты обращаешь взоръ свой на мое тѣло, разсмотри мои члены. Какъ молодую вѣтвь, скосила меня смерть; ненасытный тартаръ отверзъ свою мрачную обитель, и вовлекъ туда меня, Павла, срѣзавъ преждевременно, какъ нѣжный ростокъ. Всю красоту юныхъ, какъ траву, пожинаетъ смерть своею косою; ибо дѣйствительно она неизбѣжна.

6.

Смотри, куда идешь? Остановись! Смотри! Ты прикасаешься къ тлѣнію. Этотъ мѣръ есть прахъ, облако, вѣтръ, пепель. Все, на подобіе воздуха, течетъ быстро, невозвратно.

7.

Земля сокрыла меня въ нѣдрахъ своихъ. Не могу произнести ни одного слова; тлѣніе связало мнѣ языкъ, рассыпало всѣ мои члены.

8.

Отецъ, отецъ, Богъ мой! Тебѣ принадлежитъ дыханіе каждаго, Ты сотворилъ мои руки. Когда повлечетъ меня клокочущій пламень всеочистительнаго суда, тогда—увы мнѣ!—какъ не воспламениться той сквернѣ, каковую собралъ я себѣ; ибо дѣла мои—солома?

Григорію.

Дядя по матери, великій іерей Григорій, положилъ здѣсь, у чистыхъ мучениковъ, юнаго, цвѣтущаго, не достигшаго зрѣлыхъ лѣтъ Григорія; и прежнія надежды—имѣть кормителя въ старости, стали прахомъ.

Кесарію.

1.

Немилостивъ этотъ гробъ. Я никакъ не ожидалъ, чтобы первые стали хоронить послѣднихъ. Однако же онъ принялъ въ себя Кесарія, знаменитаго сына знаменитыхъ родителей, и принялъ прежде, нежели родителей. Какая въ томъ справедливость?—Не гробъ въ этомъ виновень: не упрекай его: это дѣло зависти. Могла ли она терпѣливо видѣть, что юный премудрѣе старцевъ?

2.

Правда, что ты, Григорій, имѣлъ такого сына, который и красотою и мудростію превосходилъ смертныхъ, и пользовался дружбой царя: однако же не думалъ я, чтобы онъ вовсе не подвластенъ былъ неумолимой смерти. Но что говорить гробъ? Будь терпѣливъ! Хотя умеръ Кесарій: однако же вмѣсто любезнаго сына у тебя осталась великая его слава.

3.

Созрѣли уже мы для могилы, когда каменотесцы клали этотъ камень для нашей старости. Да, они клали для насъ; а камень достался, кому не слѣдовало, достался Кесарію, послѣдному изъ нашихъ дѣтей. Велико, велико наше горе, сынъ! Но прійми скорѣе насъ поспѣшающихъ въ нашу могилу!

4.

Этотъ камень ставили родители для своего гроба, въ томъ чаніи, что не велика уже остается доля ихъ жизни. Но противъ желанія оказали он итѣмъ горькую услугу сыну Кесарію; потому что онъ прежде ихъ отрѣшился отъ жизни.

5.

Моя старость замедлила на землѣ; а любезнѣйшій изъ дѣтей, Кесарій, вмѣсто отца получилъ этотъ камень. Какой въ этомъ законъ? Какое правосудіе? Какъ соизволилъ на сіе Ты, о Царь смертныхъ? Для одного такъ долга жизнь! Для другого такъ поспѣшна смерть?

6.

Не хвалю, не хвалю того, что ты, Кесарій, изъ всѣхъ нашихъ достояній избралъ одинъ даръ, и именно эту могилу. Какъ горекъ этотъ камень престарѣлымъ родителямъ! Такъ захотѣла зависть. И сколько продолжительна стала наша жизнь отъ такихъ горестей!

7.

И въ геометріи, и въ познаніи положенія небесъ, и въ логическомъ искусствѣ состязаться, и въ грамматикѣ, и во врачебной наукѣ, и въ силѣ витійства, одинъ ты, Кесарій, крылатымъ умомъ своимъ объялъ всю мудрость, какая доступна тонкому уму человеческому. А теперь, увы! увы! подобно всякому другому, сталъ ты горстію праха.

8.

Славный Кесарій, все ты оставилъ своимъ единоутробнымъ, и вмѣсто всего избираешь небольшую могилу. Ни геометрія, ни звѣзды, которыхъ положеніе зналъ ты, ни врачебная наука, ничто не защитило отъ смерти.

9.

Прекрасенъ, славенъ, именитъ, первый во всякой мудрости былъ ты, Кесарій, когда тебя, отличнѣйшаго изъ врачей, отпускали мы изъ отечества къ царю. И увы! Изъ Вионіи пріяли обратно одинъ твой прахъ.

10.

Хотя избѣжалъ ты плачевной опасности во время ужасныхъ землетрясеній, когда городъ Нижея сравненъ съ землею; однако же утратилъ жизнь отъ жестокой болѣзни, и цѣломудренною юностію и мудростію преукрашенный Кесарій.

11.

Я—гробъ заключаю въ себѣ лучшаго изъ сыновъ Григорія и богобоязненной Нонны, благороднаго Кесарія, который отличенъ былъ по дару слова, высокъ при дворѣ царскомъ, и молніей осіялъ концы земли.

12.

Когда умеръ Кесарій, опечалился дворъ царскій; уныли духомъ Каппадокіяне, и погибло все, что оставалось еще у людей прекраснаго, даже и рѣчи облеклись облакомъ молчанія.

13.

Вотъ что пишетъ Григоріева рука: скорбя о превосходнѣйшемъ братѣ, проповѣдуя смертнымъ, возненавидѣть настоящую жизнь. Кто подобенъ Кесарію красотою? Кто своею мудростію въ такіе годы достигъ такой славы, какъ онъ?—Никто изъ обитателей земли. Но и Кесарій отлетѣлъ изъ жизни, какъ роза изъ терній, какъ роса съ древесныхъ листьевъ

Горгоніи.

1

Здѣсь лежитъ любезная дочь Григорія и Нонны, таинница пренебесной жизни, Горгонія.

2.

Нѣтъ Горгоніи: землѣ оставила она однѣ кости; все же прочее добропобѣдные мученики вознесли въ горнее.

3.

Имѣніе, и плоть, и кости—все принеся въ даръ Христу, Горгонія оставила одного супруга, но и его не надолго, а теперь внезапно восхитила къ себѣ и славнаго Алипія. Блаженный супругъ и блаженнѣйшая супруга, отложивъ скверны въ купѣли, живите возрожденными!

Отцу.

1.

Столѣтній, преступившій за предѣлы человѣческой жизни, сорокъ лѣтъ въ духѣ¹⁾ и на престолѣ, кроткій, сладкорѣчивый, свѣтлый проповѣдникъ Троицы, Григорій вкушаетъ здѣсь тѣломъ глубокой сонъ; окриленная же душа его преселилась къ Богу. А вы, іереи, съ уваженіемъ лобызайте и его гробъ!

2.

Меня, который былъ дикою маслиною, великій Богъ призвалъ къ Себѣ, какъ не послѣднюю овцу поставилъ вождемъ Своего стада, даровалъ же мнѣ счастье отъ богомудраго ребра. Оба мы достигли блаженной старости. Возлюбленнѣйшаго изъ чадъ своихъ посвятилъ я Богу. А если кончина постигла меня — Григорія; это не удивительно: я былъ смертенъ.

3

Если кто, какъ Моисей на горѣ, былъ таинникомъ, внимавшимъ чистому гласу, такъ это умъ великаго Григорія. Его, стояшаго нѣкогда вдали, благодать содѣлала великимъ архіереемъ, а теперь поставляетъ близъ Святой Троицы.

4.

Самъ я украсилъ храмъ Богу, и Григорія далъ чистой Троицѣ, чтобъ онъ былъ свѣтлымъ іереемъ, вѣстникомъ истины, громо-

¹⁾ Въ христіанствѣ.

звучнымъ пастыремъ людей, цѣломудреннымъ защитникомъ той и другой мудрости. Сынъ мой, старайся во всемъ прочемъ превзойти отца, а въ кротости будь его достоинъ; большаго и желать невозможно; руководясь ею, встрѣтишь, блаженный, глубокую старость.

5.

Здѣсь лежу я—сперва не овца Христова, потомъ превосходнѣйшая изъ овецъ, потомъ пастырь, а потомъ отецъ и пастырь пастырей, приводящій въ общеніе смертныхъ съ великимъ, безсмертнымъ Богомъ, Григорій, Григоріевъ родитель.

6.

Счастливый, благочадный, въ старости добрый умеръ я—Григорій, архіерей и отецъ архіерея. Чего же больше? Хотя и не рано пришелъ я въ многоплодный виноградникъ; однако же получаю мзду большую, нежели пришедшіе прежде меня.

7.

Я—Григорій, пастырь добрый, кроткими правами воспитавшій Христу большую часть стада, хотя не святаго корня отрасль, однакоже глава благоговѣйной супружницы и троихъ чадъ, управлялъ единократною паствою, и отшелъ отселъ, исполненный земныхъ и небесныхъ лѣтъ.

8.

Григорій, вземлемый отселъ, (о чудо!) и благодать и свѣтозарность Духа повергъ на любимаго сына.

9.

Жемчужина не велика, но царствуетъ между дорогими камнями. Маль и Виелеемъ, но Христоносенъ. Такъ и я, Григорій, получилъ въ удѣлъ малую, правда, однако же прекраснѣйшую паству. Объ ней прошу и тебя, любезный сынъ, будь ея вождемъ

10.

Пастырскую свирѣль вложилъ въ твои руки я, Григорій. А ты, сынъ, свирай на ней, какъ искусный пастырь; всѣмъ отверзай дверь жизни, и въ отеческій гробъ сойди созрѣвшимъ.

11.

Возсіялъ нѣкогда свѣтъ ученикамъ, предъ которыми Христосъ преобразился на горѣ; возсіялъ свѣтъ и уму чистаго Григорія, когда бѣжалъ онъ отъ идольскаго мрака. Поелику же очистился онъ вознесенными имъ жертвами; то и доселъ предводитъ народъ свой.

Матери, скончавшейся во святилищѣ.

1.

Во всякомъ словѣ и дѣлѣ опорю для тебя, мать моя, былъ день Господень; всякій плачь чествовала ты плачемъ, но уступала однимъ праздникамъ; свидѣтелемъ веселія и скорбей имѣла храмъ. Всякое мѣсто запечатлѣно твоими слезами, но единымъ крестомъ препобѣждались и слезы. Жертвопріемная Трапеза никогда не видала твоего хребта; чрезъ уста твои не проходило скверное слово; на нѣжныхъ ланитахъ твоихъ, таинница, не имѣлъ себѣ мѣста смѣхъ. Умолчу о сокровенныхъ трудахъ твоихъ, блаженная; они были внутренніе. А внѣшніе труды твои всѣмъ извѣстны; потому и тѣло свое оставила ты въ Божіемъ храмѣ.

2.

Какъ изнемогли прекрасныя колѣна Нонны! Какъ сомкнулись уста ея? Почему не проливаетъ она слезъ изъ очей? Другіе вопіють при гробницѣ. Сія Трапеза не имѣетъ уже плодоношей великой руки; пусто мѣсто, гдѣ стояла ея непорочная нога. Іереи не возлагаютъ на главу трепетной руки. Что будете дѣлать вы, вдовы и сироты? И дѣвство и благоустроенное супружество остригли себѣ власы. Украшавшаяся ими все отдаетъ землѣ послѣ того, какъ согбенное тѣло свое оставила во храмѣ.

3.

Премудра Сарра, которая чтитъ любезнаго супруга; но ты, мать моя, добраго супруга, который далекъ былъ отъ свѣта, уготовила къ тому, чтобы сталъ онъ сперва христіаниномъ, а потомъ великимъ іереемъ. Ты—Анна; ты и родила по молитвѣ любезнаго сына, и принесла въ даръ храму чистаго служителя Самуила. Но была и другая Анна, которая великаго Христа приняла на лоно свое. И славы обѣихъ сподобилась Нонна; напоследокъ же, молясь во храмѣ, сложила съ себя любезное намъ тѣло.

4.

Жерло огнедышащей Этны доказало о тебѣ, напрасно надмевавшийся Эмпедоклъ, что ты смертенъ. А Нонна не бросалась въ жерло, но предъ этою Трапезой молясь однажды, восхищена отселѣ, какъ чистая жертва. И теперь стала опорю женъ, съ Сусанною, Маріамною и Аннами отличаясь въ сонмѣ благочестивыхъ.

5.

Иракль, Эмпедотимъ, Трофоній, и ты невѣроятная гордыня тщеславнаго Аристея, умолкните съ своими баснями! вы смертны, а не блаженны съ своими страстями. Но Христоносная Нонна, служительница Креста, презрѣвшая міръ, съ мужественнымъ духомъ пройдя стезю жизни, теперь, какъ желала, треблаженная, воспарила въ пренебесный кругъ, совлекшись тѣла во храмѣ.

6.

Призывая Григорія среди цвѣтущихъ виноградниковъ, выходила ты, мать моя, на встрѣчу возвращавшимся съ чужой стороны, и любезныя руки свои простирала къ возлюбленнымъ чадамъ, призывая Григорія. Кровь родительницы текла въ обоихъ сынахъ, но особенно въ томъ, котораго воспитала ты своими сосцами. Потому и почтилъ я тебя, мать, столькими надписями.

7.

Чадо сосцевъ моихъ, священная отрасль, Григорій, съ какою любовію къ тебѣ отхожу я въ небесную жизнь! Ты много потрудился, ухаживая за моею и отцевою старостію; это записано въ великой книгѣ Христовой. Послѣдуй же, любезный, за родителями; мы съ охотою, какъ можно скорѣе, прийдемъ тебя въ тотъ свѣтъ, въ которомъ сами.

8.

Иная изъ женщинъ заслуживаетъ славу домашними трудами, другая—любезностію, или цѣломудріемъ, иная же—дѣлами благочестія и умерщвленіемъ плоти, слезами, набожностію, попечительностію о бѣдныхъ. А Нонна славна всѣмъ. Она, если можно назвать это кончиною, и умерла во время молитвы.

9.

Я—гробъ заключаю въ себѣ Нонну, наслаждающуюся пренебеснымъ свѣтомъ, присноцвѣтущую отрасль священнаго корня, супругу іерея Григорія, съ нимъ единоправную, мать благочестивыхъ чадъ.

10.

Молитва, вождельнная воздыханія, безъ сна проводимыя ночи, и орошаемый слезами помостъ храма доставили тебѣ, чудная Нонна, такую кончину, что во храмѣ приняла ты и опредѣленіе смерти.

11.

Окриленная душа Нонны воспарила на небо; а тѣло ея изъ храма перелагаемъ къ мученикамъ. Пріймите же, мученики, великую жертву, эту многопотрудившуюся плоть, пріобщившуюся даже вашихъ кровей,—вашихъ, говорю, кровей; потому что продолжительными подвигами свергла она съ себя великую державу губителя душъ. Не въ тѣняхъ изображаемую жертву, не тельцовъ, не козловъ, не первородныхъ принесла въ даръ Богу Нонна. То предписывалъ Законъ древнимъ; потому что это одни образы Она сама себя приносила въ жертву въ продолженіе цѣлой жизни, себя же принесла (замѣть это) и въ самой смерти.

12.

Пусть иной любитель чистоты оспариваетъ преимущество у Нонны; но невозможно состязаться съ нею въ молитвенной ревности. Доказательствомъ этому конецъ ея жизни, прекратившейся среди молитвы. О воздыханія, слезы, всенощныя бодрствованія! О сокрушенные подвигами члены чудной Нонны! Во храмъ была она однажды, и храмъ положилъ конецъ ея старости, которой не могли пребороть труды.

13.

Молясь и взывая предъ пречистою Трапезою, скончалась Нонна; связаны стали и голосъ и прекрасныя уста старицы. Что жъ удивительнаго? Богу угодно было — пѣснословящій языкъ, когда произносилъ онъ хвалебныя слова, замкнуть ключемъ. И нынѣ на небесахъ усердно молится за насъ богобоязненная Нонна. А прежде своими молитвами для своихъ возлюбленныхъ чадъ утишила она море, и материнская любовь ея съ предѣловъ востока и запада свела вмѣстѣ покрытыхъ славою сыновей, когда не ожидали они такой встрѣчи. Прежде своими молитвами избавила она и супруга отъ жестокой болѣзни. Но что всего удивительнѣе, молясь, внутри храма, кончила она жизнь.

14.

Какъ умерла она? Или какъ совершился славный конецъ моей матери?—Во время молитвы душа ея отлетѣла горѣ къ Богу.

15.

Здѣсь у молящейся пѣкогда Нонны душа оставила тѣло. Отсюда восхищена Нонна, оставившая тѣло.

16.

Неоднократно спасала ты меня отъ болѣзней, отъ страшныхъ смятеній, отъ ужасныхъ колебаній и отъ свирѣпо волнующагося моря; потому что Богъ былъ къ тебѣ милостивъ. Но спасите меня и теперь великими молитвами, о родитель, и ты, блаженная родительница, умершая въ молитвахъ!

17.

Нонна, свѣтлая Нонна! у тебя оставался еще голосъ, когда ты отъ чистаго сердца вознесла чистую жертву, все безъ изытія вложивъ въ великія точила. А напоследокъ, восхищенная отселѣ, и этотъ голосъ оставила ты въ храмѣ.

18.

Не внѣ благоухающаго храма скончалась Нонна; но прежде гласъ молящейся восхитилъ отселѣ Христосъ; ибо она желала въ молитвахъ скончать сію жизнь, которая была чище всякой жертвы.

19.

Священная Нонна, ты, всю жизнь свою вознося въ даръ Богу, напоследокъ и душу предала въ чистую жертву. Ибо здѣсь, молясь, оставила ты жизнь, и эта Трапеза даровала славу смерти твоей, мать моя. Этой же Трапезы великимъ служителемъ былъ мой отецъ; передъ этою же Трапезой, молясь подлѣ супруга, и мать прекратила жизнь.

20.

Григорій и Нонна великославны. Молю Царя, чтобы и мнѣ имѣть такую же жизнь и такой же конецъ.

21.

„Много слезъ Нонниныхъ приняла ты, возлюбленная Трапеза; прійми теперь и душу, сію послѣднюю жертву!“ Такъ сказала Нонна, и душа ея отлетѣла изъ тѣла, но желала взять съ собою и сына, который одинъ изъ чадъ ея остается еще на землѣ.

22.

Прежде воспарялъ отсюда умъ молящейся Нонны, а наконецъ и душа послѣдовала за восхищеннымъ умомъ. И вотъ молящійся мертвецъ возлежитъ предъ священной Трапезой! Благочестивые, запишите это чудо для грядущихъ родовъ!

23.

Кто умиралъ, какъ умерла Нонна, предъ святою Трапезой, держась за священныя доски? Кто разстроилъ это положеніе молящейся Нонны? Какъ долго хотѣла она пребыть здѣсь, и мертвая сохраняя благоговѣйный видъ!

24.

Молившейся здѣсь однажды Ноннѣ свыше сказалъ Богъ: прійди! и она охотно отрѣшилась отъ тѣла, одною рукою держась за Трапезу, а другою молясь: „Будь милосердъ, Христе Царю!“

25.

Какъ оставила ты своего Исаака, возлюбленная Сарра? Или пожелала ты, Нонна, на Авраамовомъ лонѣ срѣтить скорѣе богомудраго Григорія? Подлинно велико чудо — и умереть не внѣ храма, не вдали отъ жертвъ! Простите мнѣ, мученики! Не безъ боязни, но скажу, что возлюбленная Нонна не ниже васъ по своимъ подвигамъ и въ тайной и въ открытой брани. Потому и получила она такую кончину жизни, нашедши для себя одинъ конецъ и молитвы и жизни

26.

Отъ благочестиваго корня происходила Нонна; была и плотію и матерью іерея; и тѣло, и жизнь, и слезы—все истощила въ даръ Христу, а на послѣдокъ отсюда восхищена, въ храмъ оставивъ старческое тѣло.

27.

Вѣра предложила Эноха и Илію, а изъ женъ—первую—матерь мою. Сіе знаетъ эта Трапеза; ибо отсюда вмѣстѣ съ безкровными жертвами восхищена еще молящаяся тѣломъ, возлюбленная Нонна.

28.

Не болѣзнь, не подобная болѣзни старость, не скорбь сокрушили тебя, престарѣлая матерь моя. Напротивъ того неуязвима и непреоборима была ты, Нонна, и, молясь у подножія пречистой Трапезы, отдала гласъ свой Христу.

29.

Авраамъ и знаменитый Іефѣай принесли Богу великія жертвы: одинъ принесъ сына, а другой—дочь. Но ты, Нонна, принесла въ жертву чистую жизнь, а на послѣдокъ молитвенную душу—это угодное Богу заколѣніе.

30.

Единое сіяніе, единое величіе—Троица, къ Которой стреми-
лась ты, Нонна, молящуюся тебя восхитила на небо изъ великаго
храма; и ты срѣтила конецъ, который сталъ чище самой жизни.

31.

Никогда ты, мать моя, не совокупляла чистыхъ устъ своихъ
съ устами нечистыми, никогда чистой длани своей не давала рукъ
безбожной; и въ награду за это кончила жизнь при возношеніи
жертвы.

32.

Лучезарный и пресвѣтлый Ангель восхитилъ тебя, Нонна,
когда молилась ты, чистая и тѣломъ и умомъ, и умъ твой восхи-
тилъ, а тѣло оставилъ здѣсь во храмѣ.

33.

Этотъ храмъ не могъ удержать въ себѣ цѣлой Нонны; потому,
когда душа удалилась, оставилъ въ себѣ одно тѣло, чтобъ душа,
когда опять заключена будетъ въ тѣло болѣе чистое, вознеслась
отселѣ и облеклась во славу вмѣстѣ съ потрудившеюся плотію.

34.

Здѣсь лежитъ Нонна, дочь Филтатіева. Гдѣ она скончалась?—
Во храмѣ. Какъ?—Молясь. Когда?—Въ старости. Какая прекра-
сная жизнь, и какая святая кончина!

35.

На огненной колесницѣ взошелъ на небо Илія; а Нонну моля-
щуюся пріялъ къ Себѣ великій Духъ.

Здѣсь глубокимъ сномъ почила возлюбленная Нонна, охотно
последовавшая за супругомъ Григоріемъ.

И ужасъ и радость вмѣстѣ! На небо восхищена отсюда среди
молитвы оставившая жизнь Нонна.

Конецъ и молитвъ и жизни Нонниной! Сему свидѣтель—эта
Трапеза, у которой поднята бездыханною вдругъ ставшая Нонна.

Вотъ могила цѣломудренной Нонны, которая прежде, нежели
разрѣшилась отъ жизни, вступила уже въ небесныя врата!

Смертныхъ оплакивайте смертные; а кто, какъ Нонна, умеръ
молясь, о томъ не плачу.

Прославляя непорочную жизнь Нонны, еще болѣе прославлю
ея кончину; потому что она и скончалась во храмѣ молясь.

Здѣсь нѣкогда, молясь и повергшись на землю, скончалась свѣтлая Нонна; теперь же она молится, предстоя въ ликѣ благочестивыхъ.

Памятникомъ возделѣнной смерти для тебя, Нонна, служить эта Трапеза, предъ которою отрѣшилась ты отъ жизни, молясь въ послѣдній разъ.

Немного въ тебѣ, Нонна, оставалось дыханія жизни, и то отдала ты Богу, молясь нѣкогда здѣсь.

Всѣ препровождайте изъ храма богоподобную Нонну, препровождайте отсюда выносимую великую старицу!

Изъ чистаго храма восхитилъ Богъ на небо мепя—Нонну, которая послѣдняя приближаться къ небеснымъ!

Изъ великаго храма выносимая Нонна говорила такъ: „за многіе труды приѣмлю еще большую награду“.

Здѣсь лежитъ Нонна—жертва любимой ею молитвы, Нонна, которая, однажды молясь, разрѣшилась отъ этой жизни.

Изъ великаго храма вознесена великая жертва—Нонна. Она разрѣшилась отъ жизни во храмѣ. Радуйтесь, благочестивые!

Сія Трапеза препослала отъ себя къ Богу богоподобную Нонну.

На общую гробницу своего семейства.

1.

Мученики, будьте милостивыми сообитателями, и въ лоно свое приѣмлите кровь Григорія, Григорія и великославной Нонны,—пріѣмлите соединенныхъ вкупѣ и благочестіемъ и священными гробами!

2.

Я—одинъ камень покрываю двоихъ знаменитыхъ Григоріевъ, родителя и сына; я—одинъ камень покрываю два равныя свѣтила, двухъ іереевъ. А этотъ камень заключилъ подъ собою благорожденную Нонну съ великимъ ся сыномъ Кесаріемъ. Такъ раздѣлили они между собою и сыновей и гробы. Но у всѣхъ одинъ былъ путь—въ горнее: у всѣхъ одна была любовь—къ жизни небесной.

3.

Первый Кесарій—общая скорбь; а потомъ Горгонія; потомъ любезный родитель, и гораздо послѣ мать—о скорбная рука, о горькія письма Григоріевы! Напишу напоследокъ и свою смерть.

Навкратію, брату Василія Великаго.

1.

Однажды Навкратій, погрузившись въ рѣчный водоворотъ, въ глубинѣ отпутьвалъ отъ камня рыболовную сѣть; но сѣти отпутать не могъ, а самъ удержанъ ею въ водахъ. Скажи мнѣ, Слово, почему мрежи, вмѣсто рыбы, уловили рыболова? А я гадаю, что образецъ чистой жизни—Навкратій извлекъ для себя изъ водъ и благодать и смерть.

2.

Навкратій кончилъ жизнь въ пучинѣ завистливой рѣки, запутавшись въ веревкахъ погруженной во глубину мрежи. Научись изъ этого, что смертны забавы сей жизни, изъ которой исхищенъ этотъ молодой, высоко-несущійся конь.

3.

Навкратій, запутавшись въ веревкахъ рыболовной мрежи, отрѣшился отъ узъ сей жизни.

Еммеліи, матери св. Василія Великаго.

Кто бы сказалъ это? Умерла Еммелія, которая даровала міру свѣтъ столькихъ превосходныхъ чадъ, и сыновъ и дочерей, посягшихъ и непосягшихъ, которая одна въ человѣческомъ родѣ была и благочадна и многочадна! Ибо отъ нея произошли три славные іерея. Сама—супруга іерея, и ближніе ея, какъ воинство небесное. Прихожу въ изумленіе, видя многочисленное и знаменитое поколѣніе великой Еммеліи,—это полное плодоносіе ея утробы. Почему, если Еммелію назову Христовымъ стяжаніемъ, благочестивою кровію; то скажу этимъ не много. Таковъ корень; такова священная награда твоему благочестію, о исполненная совершенствъ,—то есть, честь твоихъ чадъ, съ которыми ты имѣла одно стремленіе!

Макринѣ, сестрѣ св. Василія Великаго.

Я—прахъ покрываю собою свѣтоносную дѣву, если слыхалъ ты о Макринѣ, первородной дочери великой Еммеліи. Она скрывалась отъ взоровъ всѣхъ мужчинъ, а теперь въ устахъ у всякаго, и всѣхъ превосходитъ славой.

Θεοσεβίη, сестрѣ св. Василія Великаго.

И ты, Θεοσεвіа, дочь славной Еммеліи, въ точномъ смыслѣ подружіе великаго Григорія, опора женъ благочестивыхъ, покрылась здѣсь священною землею; отъ жизни же отрѣшилась въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

Василію Великому.

1.

Прежде думалъ я, что одно и то же—жить тѣлу безъ души, и мнѣ безъ тебя, возлюбленный Христовъ служитель, Василій. Но перенесъ я разлуку, и еще живъ. Долго ли же медлить? Для чего не исхитишь меня отсель, и не введешь съ собою въ ликованіе блаженныхъ? Не оставь же, не оставь меня! Клянусь могилой, что никогда, если бы и захотѣлъ, не забуду о тебѣ. Вотъ Григоріево слово!

2.

Когда Троица восхитила къ себѣ духъ богомудраго Василія, который охотно поспѣшалъ отсель; тогда все небесное воинство возрадовалось, видя его шествующимъ, а всякій городъ у Каппадокіянъ възрыдалъ. Скажу еще больше: тогда и великій міръ воззвалъ: „не стало проповѣдника, не стало того, кто былъ узломъ, скрѣпляющимъ прекрасный міръ“.

3.

Цѣлый міръ—достояніе равномошной Троицы приведенъ въ необыкновенное колебаніе сопротивными ученіями. А уста Василіевы (увы! увы!) заключены молчаніемъ. Пробудись, Василіи, и останови бурю своимъ словомъ и своими священнодѣйствіями. Ибо ты одинъ показалъ намъ, какъ жизнь равную ученію, такъ и ученіе равное жизни.

4.

Одинъ Богъ царствующій въ горнихъ; и нашъ вѣкъ видѣлъ одного достойнаго архіерея. Это ты, Василій, громозвучный вѣстникъ истины, свѣтлое око христіанъ, озаряющее душевными доблестями, великая слава Понта и Каппадокіянъ! Умоляю тебя, и нынѣ предстательствуй и приноси свои дары за міръ.

5.

Здѣсь Кесарійцы положили меня, архіерея, Василія, Василіева сына, Григоріева друга. Сердечно любилъ я Григорія: да да-

руеть ему Богъ, какъ благоуспѣшность во всемъ другомъ, такъ и то, чтобы скорѣе вступить ему въ нашу жизнь. Что пользы, оставаясь долго на землѣ, истаскать тому, кто ищетъ небснаго дружества?

6.

Не многимъ дышалъ ты на землѣ, но все принесъ и отдалъ въ даръ Христу, и душу, и тѣло, и слово, и руки, о Василій, великая слава Христова, опора іереевъ, опора истины, которую нынѣ всего болѣе стараются разсѣчь.

7.

Науки! общая обитель дружбы! Дорогіе Аѳины! раннія условія вести божественную жизнь! Знайте это, что Василій на небѣ, чего желалъ, а Григорій на землѣ, и на устахъ носить узы.

8.

Свѣтоносный Василій великая похвала Кесарійцевъ! Твое слово—громъ, а жизнь—молнія. Но и ты оставилъ священный престолъ! Такъ угодно стало Христу, чтобы, какъ можно скорѣе, присокоупить тебя къ сонму небожителей.

9.

Ты изучилъ всѣ глубины Духа и всю земную мудрость. Ты былъ живою жертвой.

10.

Восемь лѣтъ держалъ ты бразды богомудраго народа. Это одно мало въ дѣлахъ твоихъ, Василій.

11.

Радуйся, Василій, хотя ты и разлученъ еще со мною! Таково тебѣ отъ Григорія надгробное писаніе!

12.

Вотъ слово, которое любилъ ты! Возданъ тебѣ, Василій, долгъ дружбы и даръ для насъ многоплачевный.

Сію двенадцатицу надписей возлагаетъ Григорій на прахъ твой, Василій.

Себѣ самому.

1.

Во-первыхъ, Богъ даровалъ меня молившейся свѣтлой матери, во-вторыхъ, принялъ отъ матери, какъ угодный Ему даръ; въ-третьихъ, умирающаго меня спасъ пречистою Трапезой; въ-четвертыхъ,

Слово даровало мнѣ обоюду острое слово, въ-пятыхъ, Дѣвство при-
вѣтствовало меня въ дружелюбныхъ сновидѣніяхъ; въ-шестыхъ,
приносилъ я единомушнныя жертвы съ Василіемъ; въ-седьмыхъ,
Жизнеподатель исхитилъ меня изъ нѣдръ бездны; въ-осьмыхъ, очи-
стилъ Онъ руки мои болѣзнями; въ-девятыхъ, юнѣйшему Риму воз-
вратилъ я, о Царь, Троицу; въ-десятыхъ, былъ поражаемъ камнями
или друзьями.

2

Эллада моя, и любезная юность и все, что пріобрѣлъ я, и сама
плоть, какъ охотно уступили вы Христу! А если и матерняя мо-
литва и рука отца содѣлали меня угоднымъ Богу іереемъ; то
чему завидовать? Ты, блаженный Христе, прійми меня въ лики
Свои, и даруй славу служителю твоему, Григоріеву сыну, Гри-
горію!

3.

Здѣсь лежатъ любезный сынъ Григорія и Нонны, служителъ
Священной Троицы, Григорій, который мудростію уловилъ му-
дрость и въ юности еще имѣлъ одно только богатство—пренебесную
надежду.

4.

Еще немного жллъ ты на землѣ, но все добровольно принесъ
въ даръ Христу, а вмѣстѣ съ прочимъ и крылатое слово. Теперь,
какъ великаго іерея, въ небесные лики пріяло небо тебя, славный
Григорій.

5.

Съ младенчества призывалъ меня Богъ ночными видѣніями,
и я достигъ предѣловъ мудрости, плоть и сердце очистилъ словомъ,
нагимъ бѣжалъ изъ пламени сего міра, для родителя Григорія
сталъ вторымъ по немъ Аарономъ.

6.

Чуднаго родителя носилъ я на себѣ имя; съ нимъ раздѣлялъ
престоль; съ нимъ раздѣляю и гробъ. Вспомни же, другъ, о Гри-
горіи, о томъ Григоріи, котораго Христосъ далъ матери въ даръ, и
въ котораго ночными видѣніями вліялъ Онъ любовь къ мудрости.

7.

Царь мой Христосъ, для чего Ты опуталъ меня этими сѣтями
плоти? Для чего ввелъ меня въ эту противоборную жизнь? Произо-
шелъ я отъ отца, имѣвшего богоподобныя совершенства, и увидѣлъ

свѣтъ по молитвамъ матери, которая была не мала предъ Богомъ Она молилась, и съ младенчества посвятила меня Богу; горячую же любовь къ дѣвственной жизни вліяло въ меня ночное видѣніе. Такъ благоволихъ о мнѣ Христось; а впослѣдствіи обуреваемъ я былъ кипящими волнами, сталъ добычею хищныхъ рукъ, изнемогъ тѣломъ, встрѣтилъ недружелюбныхъ Пастырей, испыталъ невѣроятное, поглощенный сѣдствіями, осиротѣлъ, лишившись чадъ. Вотъ жизнь Григоріева! А что будетъ послѣ, о томъ попечется Христось жизнедавецъ. Напишите сіе на камняхъ.

На расхищающихъ гробы.

1.

Когда тебя, лютый звѣрь, разоритель гробницы столько великолѣпной—произведенія многихъ рукъ, допустило внутрь себя это сокровенное убѣжище; тогда, скажи мнѣ, что ты увидѣлъ тамъ? Не гнилость ли, не черепы ли умершихъ, не остовы ли людей, нѣкогда существовавшихъ; такъ какъ сказываютъ, что тутъ были положены супругъ и супруга? И не распалась твоя плоть? Но что жеты нашель? Ничего, точно ничего. Впрочемъ преступленіе твое при тебѣ. Отойди, отойди отъ меня прочь! Ты будешь наказанъ за мертвыхъ; не приближайся же къ живымъ; хотя еще и не умерли мы, однако же боимся тебя.

2.

Этого разорителя гробницъ, опустошителя могилъ, который готовъ все сдѣлать для золота и раскопалъ сей гробъ, отличнѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ,—его если убьетъ кто изъ обладателей сего гроба, ежели только и здѣсь обладатели, воздастъ тѣмъ должное наказаніе. Но что говорю: убьетъ? Развѣ низринетъ въ стремнины? Что говорю: низринетъ? Развѣ отсѣчетъ ему обѣ руки. Что говорю: отсѣчетъ? Развѣ трупъ его оставитъ безъ погребенія. Тогда только понесетъ справедливую казнь; впрочемъ останется еще ненаказаннымъ за то, что все это дѣлалъ ради блестящаго золота.

3.

Кто ты идущій къ моимъ костямъ съ землекопателемъ и съ руками, готовыми разорить мой гробъ? Увы! увы! несчастный! Ты не хочешь оказать уваженія и самой красотѣ этой гробницы. О, какъ ты достоинъ того, чтобъ подавили тебя собою обломки этой же гробницы!

4.

Былъ Фригiянинъ Мидасъ. Онъ просилъ, чтобъ все у него обращалось въ золото. И онъ получаетъ просимое, однако же умираетъ съ голода. Правда, что умираетъ, какимъ желалъ, т. е. богачемъ, но все же умираетъ. О, если бы то же самое постигло и тебя, раскопатель гробовъ, чтобъ всѣ научились уважать гробницы!

5.

Какъ? и на это наложили вы руки, злодѣи? И сюда завлекло васъ обманчивое золото? даже не золото, а только надежда найти золото. Такая страсть—достойное наказанiе злымъ!

6.

Въ этой гробницѣ нѣтъ золота. Если хочешь разбогатѣть, сдѣлайся начальникомъ разбойниковъ,—вотъ самая прибыльная жизнь! Но не трогай мертвыхъ; тебя и самого ожидаетъ какая нибудь могила.

7.

Обманулся я; ибо, копая эту могилу, думалъ, что ее уважать смертные. Но они сбѣжались и ко мнѣ мертвецу, какъ къ богачу; и поелику не было у меня ничего другаго, завладѣли моимъ гробомъ.

8.

Разрывай, разрывай гробницу! Очень знаю, что ты хочешь у мертваго найти золото; но ты себѣ самому роешь яму, въ которую со временемъ вринетъ тебя Божiе правосудiе. Если оно приходитъ поздно, то съ лихвою.

9.

Много потерпѣла гробница; а больше потерпѣлъ тотъ, кто раскопалъ ее. Гробница и не чувствуетъ того, что потерпѣла; а ты, поклонникъ золота, сталъ притчею для всѣхъ. Если умрешь, тебя не прiйметъ могила.

10.

Погибни, погибни у людей, золото, которое научило богатыхъ строить гробницы! Свидѣтелемъ сему и эта гробница, не похожая теперь уже и на гробницу. Помогите, люди; иначе кому нибудь будетъ худо.

11.

Пусть обратится у тебя въ пепель то золото, которое окажется въ гробѣ! Это будетъ справедливымъ наказанiемъ тебѣ, который и въ гробахъ тревожишь давно умершихъ.

12.

Смотри, кого ты обидѣлъ и кого обнажилъ, раскапывая гробы и перерывая прахъ?—Того, кто не можетъ сказать живымъ, ни что онъ терпитъ, ни много ли у него было золота въ гробѣ.

13.

Какой это Скиронъ, или Тифей, или исполинъ приходитъ грабить мертвыхъ и мою могилу? Что это? Гдѣ гнѣвъ, карающій раскопателей гробовъ? Пора уже молніямъ разить злыхъ.

14.

Помогите, мертвецы! Но какая сила у мертвыхъ? Помогите, сосѣди! Но кто же иной и погубилъ меня? Ты медлишь еще, Правосудіе? И гробу—губитель золото. Такъ я буду стоять до послѣдняго огня.

15.

Правосудіе, судіи, законы, судилище, и вы помогаете злодѣямъ! Иначе этотъ гробъ не былъ бы разоренъ непріязненною рукою, которая и у давно умершихъ требуетъ золота.

16.

Воздѣланная земля даетъ плоды, песокъ—золото, шелковичный червь—тонкія нити, а гробница—прахъ. Если же у тебя и изъ костей добывается золото; то не оставляй ни одной кости въ землѣ: пусть изъ всѣхъ течетъ золото!

17.

Видно, человѣку наскучило уже проводить по землѣ борозды плугомъ, переплывать море, брать въ руки всенизлагающее копье, а только бы съ киркой и съ свирѣпымъ сердцемъ въ груди, входя въ гробницы отцевъ, искать тамъ золота, когда и мою красивую гробницу взрылъ какой-то нечестивецъ ради корысти.

18.

Семь на свѣтѣ чудесъ: стѣны, статуя, сады, пирамиды, храмъ, еще статуя и гробница. Осмымъ же чудомъ была я—огромная, высокая, далеко вверхъ возносившаяся съ этихъ утесовъ гробница. Но первенствуя по славѣ у умершихъ, возбудила теперь ненасытность твоей неистовой руки, человѣкоубійца.

19.

Было время, что неизбежно стояла я—гробница, многимъ превышая вершину горы, какъ издали видный утесъ; а теперь поколебалъ меня ради золота домашній звѣрь, и я потрясена руками сосѣда.

20.

Кто расхитилъ эту могилу, которую со всѣхъ сторонъ объемлетъ собою вѣнецъ изъ четырехъгранныхъ камней, тотъ стоитъ, чтобъ его самого заключить въ этотъ памятникъ, и отверстіе тотчасъ задѣлать надъ нечестивцемъ.

21.

Преступное дѣло видѣлъ я на дорогѣ—раскопанную могилу. Всему этому виною коварное золото. Но если и добылъ ты себѣ въ ней золото, то нашелъ худое. А если вышелъ изъ могилы ни съ чѣмъ, то понапрасну умышлялъ такое нечестивое дѣло.

22.

Сколько разъ смѣнялась при мнѣ человѣческая жизнь! однако же и я не избѣгла рукъ губителя сосѣда. Не убоявшись ни Бога, ни святости умершихъ, немилосердо опрокинулъ онъ на землю меня, величественно стоявшую здѣсь гробницу.

23.

Бѣгите всѣ прочь отъ этого злодѣя—опустошителя гробовъ, когда онъ такъ легко разорилъ такую громаду, а не самъ скорѣе ея раздавленъ! Дальше, дальше бѣгите отъ него! Этимъ угодимъ мы умершимъ.

24.

Увы! увy! смотря на этотъ высоковоздвигнутый, но уже разрушенный памятникъ, предвижу близкое бѣдствіе, угрожающее раскопателямъ гробовъ и окрестнымъ жителямъ. Но врагъ не минуетъ казни, а наше дѣло—пролить слезы объ умершихъ.

25.

Величественъ гробъ Мавзоловъ. Но онъ въ уваженіи у Карянь. Тамъ нѣтъ руки, разоряющей гробы. А я отличался своимъ великолѣпіемъ у Каппадокіянь, и смотри, что потерялъ! Напишите на позорномъ столпѣ имя убійцы мертвыхъ.

26.

Подъ горою стояла стѣна, и потомъ она упала; изъ кучи же лежащихъ вмѣстѣ камней, какъ холмъ, возвысилась я—гробница. Но что это значило для золотолюбцевъ?—Ничто. Они сокрушили меня до основанія.

27.

У мертвыхъ и памятники мертвы. А кто воздвигаетъ великолѣпную гробницу праху, тотъ пусть и потерпитъ за сіе; потому

что этотъ человѣкъ не расхитилъ бы моего гроба, если бъ и съ мертвецовъ не надѣялся получить золота.

28.

Какой это памятникъ и чей?—Не знаю; на столпѣ не видно надписи; потому что опрокинуть онъ прежде гробницы. А какого времени?—Работа памятника старинная. Скажи же, чья зависть расхитила это? — Злодѣйскія руки сосѣда. Что хотѣлось имъ найти?—Золотую обводку.

29.

Кто ни будетъ проходить мимо моей гробницы, пусть знаетъ, что потерпѣлъ я эту обиду отъ новаго наследника. Хотя у меня не было ни золота, ни серебра; однако же красота этихъ блестящихъ сводовъ подала мысль, что у меня есть и то и другое.

30.

Стань ближе и плачь; смотри на этотъ памятникъ умершаго. И я былъ нѣкогда великолѣпнень; а теперь служу памятникомъ на гробѣ бѣдняка. Не строй гробницы, другой смертный! Чему быть съ нею, кромѣ того, что будетъ разорена златолюбивою рукою?

31.

Вѣчность, заклепы угрюмой смерти, глубины мрачнаго забвенія, мертвецы! Кто и какъ смѣлъ поднять руки на мою гробницу? Какъ смѣлъ? И святость умершихъ не оберегаетъ ихъ?

32.

Я—гробница покрываюсь позорными ранами, вся изъязвлена, какъ человѣкъ на губительной битвѣ. Ужели это угодно смертнымъ? И какой противозаконный предлогъ! Изъ меня извлекаютъ мертвеца, какъ будто золото.

33.

Богомъ, покровителемъ странниковъ, умоляю всякаго, кто проходитъ мимо моей гробницы, сказать: „да потерпитъ то же и самъ, кто сдѣлалъ это“! Не знаю, какого мертвеца заключаетъ въ себѣ гробница; но, возливавъ на нее слезы, скажу: да потерпитъ то же и самъ, кто сдѣлалъ это!

34.

Покинувъ все, и земныя глубины и предѣлы моря, идешь ко мнѣ, желая найти золото у моего мертвеца. У меня есть мертвое тѣло и гнѣвъ умершаго. Кто ни прійди, съ охотою отдадимъ это желающему.

35.

Если бы далъ я тебѣ золото одинъ-на-одинъ, не поберегъ ли бы ты взятаго у меня? А иначе я назвалъ бы тебя очень злонравнымъ. А если теперь разрываешь могилу, гдѣ сокрытъ неприкосновенный залогъ, и дѣлаешь это для золота; то скажи, чего ты достоинъ.

36.

Зарывай въ землю живыхъ; ибо для чего зарывать мертвыхъ? Тѣ достойны могилы, которые пустили такъ жить тебѣ—пору-гателью отшедшихъ и златолюбцу.

37.

И ты, несчастный, тѣми же дланями дерзновенно будешь принимать таинственную Снѣдь, тѣми же руками будешь обнимать Бога, которыми раскопалъ мою могилу? Ужели праведнымъ нѣтъ никакого преимущества, когда и ты избѣгаешь вѣсовъ правосудія?

38.

Что это за вѣрность, о любезная земля, когда погуоила ты по смерти того мертвеца, котораго ввѣрилъ я твоимъ нѣдрамъ? Не земля поколебала меня, но сокрушилъ злый человѣкъ, и ради корысти вторгся внутрь меня.

39.

Прежде были два убѣжища—Богъ и мертвецъ. Но Богъ милостивъ къ прибѣгающимъ къ Нему; а будетъ ли милостивъ мертвецъ, увидить это расхититель гробницъ.

40.

Тебя, конечно, будетъ мучить совѣсть; а я стану оплакивать умершихъ, оплакивать злодѣяніе твоей руки.

Перестаньте строить гробницы; перестаньте скрывать умершихъ въ земной глубинѣ: дайте мѣсто расхитителямъ гробовъ!

И это—хитрая выдумка погребателей—строить такіе памятники, чтобъ найдти златолюбивую руку!

Что тебя, ненасытный, навело на мысль домогаться такой бѣды для жалкой и непостоянной прибыли?

41.

Не нужны вы больше, столпы и гробницы—памятники мертвыхъ. Не буду уже возвѣщать объ умершихъ сооруженіемъ надъ ними памятниковъ послѣ того, какъ сосѣдъ разметалъ мою славную могилу. Ты, любезная земля, принимай отъ меня мертвецовъ!

42.

Столпы, каменные въ горахъ могилы—трудъ исполиновъ, не истлѣвающая память умершихъ! Пусть все это испровергнетъ всколебавшись земля, и тѣмъ поможетъ моимъ мертвецамъ, на которыхъ нападаетъ губительная рука, вооружившись желѣзомъ.

43.

Когда ты, свирѣпый титанъ, раскапывалъ на горѣ знаменитую могилу; какъ осмѣлился посмотрѣть на мертвецовъ? И когда посмотрѣлъ, какъ наложилъ руки на кости? Или, можетъ быть, и удержали бы тебя тамъ, если бь можно было тебѣ имѣть одну съ ними могилу.

44.

Гробницы, сторожевыя башни, горы и мимоходящiе, оплачьте мою могилу, оплачьте расхитителя гробовъ! А ты, эхо, повторяй съ окрестныхъ утесовъ послѣднiя слова: „оплачьте расхитителя гробовъ!“

45.

Убивайте, расхищайте, злые рабы низкой корысти: никто уже не удержитъ вашего сребролюбiя! Если ради золота и на это отважился ты, злоумышленный злодѣй; то на все наложишь свою хищническую руку.

46

Этотъ человѣкъ изъ пустой надежды раскопалъ мою, дорогую для меня могилу, — единственное достоянiе, оставшееся мнѣ по смерти. И его какой-нибудь злодѣй пусть убьетъ своими руками, и, убивъ, броситъ вдали отъ гроба отцовъ!

47.

Кто разорилъ мою, дорогую для меня, гробницу, которая на вершинѣ высокой горы воздымалась, какъ гора? — Золото изострило мечъ у людей; золото погубило ненасытимаго плователя въ волнахъ весенняго потока; надежда получить золото разорила и меня — огромную и прекрасную гробницу. Для людей несправедливыхъ—все ниже золота.

48.

Не рѣдко путникъ предавалъ землѣ занесенное волнами тѣло мореходца; не рѣдко иный погребалъ умерщвленнаго звѣремъ и даже кого самъ убилъ на войнѣ. А я погребенъ былъ чужими руками, но сосѣдъ раскопалъ мой гробъ.

49.

Какое ты зло, о коварное и немилосердное золото! И на живыхъ и на мертвыхъ заносишь неправедную руку. Кому подь сохраненіе отдалъ я свой гробъ и свои кости, тѣхъ-то злодѣйскія руки меня и погубили.

50.

Все кончилось: мы шутимъ и мертвецами; въ живыхъ никого не стало уже уваженія къ умершимъ! Посмотри на этотъ гробъ. Такъ былъ прекрасенъ, составлялъ чудо для мимоходящихъ, чудо для окрестныхъ жителей: но надежда получить золото и его погубила.

51.

Гдѣ ни умру я, умоляю васъ: бросьте тѣло мое въ рѣку, или псамъ, или отдайте въ снѣдь всепосядающему огню. Это лучше, чѣмъ гибнуть отъ златолюбивыхъ рукъ. А ихъ-то и боюсь, смотря на этотъ гробъ, потерпѣвшій такое разореніе.

52.

Когда-то царь Киръ, ища золота, открылъ одну царскую гробницу, и нашелъ въ ней слѣдующую надпись: „раскрывать гробы—пенасытное дѣло руки“. Такъ и ты не святыми тоже руками раскрылъ этотъ величественный надгробный памятникъ.

53.

Кто не добръ до живыхъ; тотъ, можетъ быть, окажетъ еще помощь умершимъ. А кто не помогаетъ умершимъ, тотъ никогда не поможетъ не умершимъ. Такъ и ты, когда расхитилъ гробы умершихъ, никогда уже не прострешь священной руки къ неумершимъ.

54.

Увѣряю тебя, что нѣтъ у меня ничего; лежу здѣсь бѣдный мертвецъ. Вотъ и въ этомъ гробѣ не было золота, но онъ раскопанъ. Златолюбцамъ все доступно. Бѣги отсюда, правосудіе!

55.

Если такой памятникъ воздвигъ ты умершему, это—еще не великое чудо. А если разорилъ такой памятникъ, то славенъ будешь у потомковъ, а иной причислить тебя къ великимъ злодѣямъ; потому что неспровергъ ты гробъ, который приводитъ въ трепетъ и убійць.

56.

Какъ на Родосцевъ дождемъ падало золото, такъ тебѣ изъ могилы приносится желѣзомъ золото, а съ нимъ и бѣда. Раскапывай же, раскапывай всѣ могилы; можетъ быть, какая нибудь изъ нихъ, обвалившись, задавитъ и тебя, а тѣмъ окажетъ помощь мертвецамъ.

57.

Я была гробница, но теперь уже не гробница, а куча камней. Такъ стало угодно златолюбцамъ. Гдѣ же правосудіе?

Увы! увы! сталъ я прахомъ, но не избѣжалъ злодѣйскихъ рукъ. Что хуже золота?

Боюсь за человѣческій родъ, если и тебя, гробница, осмѣлился кто-то непреподобными руками опрокинуть на землю.

Я—гробница, какъ башня, стояла горѣ; но человѣческія руки сравняли меня съ землею. Какой законъ позволилъ это?

Эта обитель принадлежала мнѣ умершему; но желѣзо проникло и въ мою могилу. Пусть и твоимъ домомъ овладѣетъ другой!

Заступъ нуженъ на пашнѣ; но прочь отъ моей могилы, прочь! у меня нѣтъ ничего, кромѣ гнѣвныхъ мертвецовъ.

Если бы ждалъ я тебя, ненасытный опустошитель гробовъ; то здѣсь висѣли бы и колъ и колесо.

Для чего ты тревожишь меня—пустый гробъ? Однѣ только кости и прахъ скрываю въ себѣ для проходящихъ.

58.

Я—гробница выше всѣхъ гробницъ: но и меня на ряду съ прочими раскрыла рука убійцы! И меня ограбила рука убійцы! Смертные, не стройте больше надгробныхъ памятниковъ и не дѣлайте погребеній. Сбирайтесь къ мертвымъ тѣламъ, псы! А люди, эти искатели золота, и изъ праха мертвецовъ извлекаютъ уже золото.

59.

Одинъ соорудилъ гробницу, а ты уничтожилъ ее. Пусть и тебѣ, если позволено, соорудить одинъ гробницу, а другой опрокинетъ ее на землю!

И на мертвецовъ уже наложили руки златолюбцы. Умершіе, бѣгите, если можно, изъ гробовъ.

Для чего тревожишь меня? Одни только хрупкіе черепа мертвецовъ заключаю я въ себѣ. Все богатство гробницъ—кости.

Бѣги отъ демоновъ, которые здѣсь поселились! А больше ничего нѣтъ во мнѣ—гробницѣ. Все богатство гробницъ—кости.

Если бы цѣлый гробъ былъ золотая обитель, и тогда, златолюбецъ, не надлежало бы поднимать своей руки на умершихъ.

Всѣмъ владѣете вы, живые; а мнѣ умершему досталось немного камней, и они для меня дороги. Пощади же мертвецовъ!

Я—не золотая обитель; для чего же опустошаютъ и меня? У меня—гробницы, которую ты тревожишь, все богатство—мертвецъ.

Я—гробница была славою окрестныхъ жителей; а теперь стала памятникомъ самой злодѣйской руки.

Если у тебя слишкомъ златолюбивое сердце: выкапывай себѣ золото въ другомъ мѣстѣ, а у меня нѣтъ ничего, кромѣ перелѣвшихъ погребальныхъ одеждъ.

Не оставляй мертвеца обнаженнымъ на показъ людямъ; иначе и тебя иной обнажитъ, а золото по большей части — только сонная греза.

Для смертныхъ не довольно стало налагать руку на смертныхъ. Напротивъ того спѣшите вы брать золото и съ мертвецовъ.

Окажите помощь и своимъ гробницамъ вы, которые видите этотъ разоренный памятникъ. Посмотрите, каковъ этотъ расхититель гробовъ!

Кто меня съ давняго времени закрытаго неподвижными камнями, на показъ смертнымъ выставилъ бѣднымъ мертвецомъ?

Для чего ты, несчастный, разорилъ мою могилу? Да пресѣчь Богъ и твою жизнь, о златолюбивое чудовище!

Клянусь умершими, клянусь самымъ тартаромъ, никогда не обращать благожелательнаго взора на расхитителя гробовъ!

Горы и утесы, плачьте надъ моимъ гробомъ, какъ надъ однимъ изъ товарищей; всякій же камень да падетъ на того, кто прикоснется къ тебѣ желѣзомъ!

Былъ я богатъ, а теперь нищъ; гробница огромна, а золота внутри нѣтъ. Пусть знаетъ сіе тотъ, кто готовитъ поруганіе неприкосновенному убѣжищу мертвеца!

Хотя безъ отдыха будешь до основанія раскапывать мое подземное жилище; однако же концемъ всего этого будетъ для тебя одинъ трудъ. У меня нѣтъ ничего, кромѣ костей.

Разорайте, разорайте! гробница много даетъ золота любителямъ камней; а все прочее—прахъ.

Любезная земля, не принимай въ свои нѣдра, когда умреть наслаждавшійся выгодами отъ расхищенія гробовъ!

Приходило желѣзо наругаться надо мной уже не живымъ, и стискать у меня золото, но нашло нищаго мертвеца.

60.

Тартаръ—для нѣкоторыхъ басня; ибо иначе этотъ человѣкъ не открылъ бы гроба. О правосудіе, какъ ты медлительно!

О правосудіе! Какъ ты медлительно! И тартаръ уже не страшенъ; ибо иначе этотъ человѣкъ не открылъ бы гроба.

Стихотвореніе, въ которомъ Святый Григорій пересказываетъ жизнь свою.

Цѣль этого слова—изобразить ходъ моихъ несчастій, а можетъ быть, и счастливыхъ обстоятельствъ жизни, потому что одинъ назоветъ ихъ такъ, другой иначе, въ какомъ самъ, думаю, будетъ расположеніи духа. А нашъ произволь—ненадежное мѣрило въ судъ. Мѣрная же рѣчь, забавляя, врачуетъ отъ скорби, а молодымъ людямъ служитъ и урокомъ, и услажденіемъ, однимъ словомъ: пріятнымъ наставленіемъ.

И слово мое къ вамъ, нѣкогда моимъ, а теперь для меня чужимъ,—къ вамъ, и единовѣрные со мною, и не право мыслящіе ежели есть они; потому что всякій сталъ ко мнѣ благорасположеннымъ, какъ скоро сомкнулъ я уста. Вы, именитое око вселенной, обитатели, сколько вижу, новаго міра, облеченные лѣпотами суши и моря, ты, новосозданный Римъ, отечество новыхъ знаменитостей, градъ Константиновъ и столпъ Державы! выслушайте человѣка самаго нелживаго, который во многихъ переворотахъ жизни, гдѣ и узнается многое, не мало понесъ трудовъ.

Все ветшаетъ, ветшаетъ даже прекрасное со временемъ; въ остаткѣ—или ничего, или самая малость. Гдѣ смыло землю стремительнымъ потокомъ проливныхъ дождей, тамъ остаются одни мелкіе камни; посему ни мало не удивительно, если скажу то же о людяхъ обыкновенныхъ, которые и прежде не бывали въ числѣ добрыхъ, но походили на безсловесныхъ, поникшихъ къ землѣ. Страшный же, изрытый пропастями оврагъ, — это мы, то есть, наше, забывшее чинъ свой, сословіе (говорю сіе со слезами); это мы, не на добро возсѣдшіе на высокихъ престолахъ; мы, предсѣдатели народа, учителя прекраснаго; мы, которымъ дано въ удѣлъ питать души божественною пищею, но которые сами истая-

ваемъ голодомъ; мы, врачи немощей и въ то же время мертвецъ, заражающіе непрестанно новыми и новыми недугами; мы путеводители по стезямъ, можетъ быть, стремнистымъ, по стезямъ, по которымъ никого еще не водили, даже не ходили и сами, мы, не послѣдовать которымъ—правило самое короткое, и вмѣстѣ урокъ, всего прямѣе ведущій ко спасенію, мы, которыхъ эта возвышенность обличаетъ въ худыхъ нравахъ, а эта рѣшетка отдѣляетъ отъ прочихъ не жизнь, но высокоуміемъ. Но почему рѣшился я передать это слову, тогда какъ не люблю разглашать многое безъ уважительной причины; пусть слышитъ это всякій и теперь, и въ послѣдующія времена.

А рассказъ объ обстоятельствахъ моей жизни, хотя потребуется и длинное слово, необходимо начать нѣсколько выше, чтобъ не дать укрѣпиться лживымъ обо мнѣ рѣчамъ; потому что злые люди любятъ на пострадавшихъ слагать вину въ томъ, что сами сдѣлали имъ худаго, чтобъ этою ложью еще болѣе причинить имъ зла, а себя избавить отъ обвиненій. И это пусть будетъ введеніемъ въ слово.

Отецъ мой былъ прекрасный и весьма добрый старецъ, простой нравомъ, образецъ для жизни, истинный патріархъ, второй Авраамъ. Добродѣтели его были дѣйствительныя, а не мнимыя, какія видимъ нынѣ. Прежде жилъ онъ въ заблужденіи, а потомъ сталъ другомъ Христовымъ, потомъ сдѣлался Пастыремъ, и даже какою-то мощію Пастырей. Матерь же моя, выражусь кратко, ни въ чемъ не уступавшая такому супругу, ему равновѣсный талантъ, происходя отъ благочестивыхъ родителей, сначала превосходила его благочестіемъ, и по тѣлу только была женщина, а по нравамъ превышала мужчинъ. Оба по жизни составляли для всѣхъ общій предметъ разговоръ.

Чѣмъ подтверждаю слово, объявляя о слѣдующемъ? Въ свидѣтели рассказываемаго мною представляю ее же—мою родительницу, эти уста истины. У ней было въ обычаѣ—лучше скрывать и явное, нежели изъ славолубія хвалиться сокровеннымъ. И въ этомъ руководилъ ея великій наставникъ—страхъ. Она, желая видѣть въ домѣ своемъ рожденіе дитяти мужескаго пола, что, конечно, вождельно для многихъ, открыла желаніе свое Богу, и просила исполнить оное. И какъ сердце было неудержимо, предваря дарованіе усердіемъ, отдаетъ она Богу даръ, который желала получить. А потому и дорогой обѣтъ не остался безъ исполненія; благоприятнымъ же началомъ сего послужило ей видѣніе,

показавшее тѣнь желаемаго; ей ясно представились и мой образъ и мое имя.

И этотъ даръ ночи сталъ дѣйствительностію, потому что родился у нихъ я. И если достоинъ я обѣта, это даръ даровавшаго меня Бога. А если не соотвѣтствую обѣту, мой это грѣхъ. Такъ вступилъ я въ жизнь сію; такъ я несчастный сталъ сопряженъ съ брениемъ и съ этимъ составомъ, которые владѣютъ мною, и которыми съ трудомъ владѣю самъ! По крайней мѣрѣ нельзя не благодарить за то, что въ залогъ всего прекраснаго получилъ я такое рожденіе. А какъ скоро вступилъ въ міръ, тотчасъ дѣлалось ему чуждымъ, и отчужденъ прекрасно, потому что посвященъ въ даръ Богу, какъ агнецъ, или любимый телецъ, жертва благородная и разумная, помедлю говорить, какъ новый Самуилъ, развѣ и сіе скажу изъ уваженія къ ревности принесшихъ меня въ даръ.

Отъ пеленъ воспитанный во всемъ прекрасномъ, потому что имѣлъ совершеннѣйшіе образцы для себя дома, тогда еще приобрѣлъ я какую-то старческую степенность; и какъ облако къ облаку, мало по малу скоплялось во мнѣ усердіе къ усовершенію. Я возрасталъ, а вмѣстѣ преуспѣвалъ во мнѣ и разумъ. Съ радостію читалъ я книги, въ которыхъ проповѣдуется о Богѣ, и имѣлъ обращеніе съ мужами, которые совершенны по нравамъ.

Таково было начало. Но не знаю, какую стезю избрать мнѣ для слова, при описаніи послѣдующаго. Скрыть ли мнѣ тѣ чудеса, какими возбуждалъ меня Богъ, принявъ ревность мою за доброе начало (ибо такъ влечетъ Онъ обыкновенно людей ко спасенію), или со всеѣмъ усердіемъ изрѣчь ихъ передъ всеѣми? Одно не благодарно, а другое не безъ кичливости. Лучше молчать. Съ меня довольно и того, что знаю это самъ. Иначе будетъ противорѣчить слову видимое теперь, какъ недостаточное въ сравненіи съ тогдашнею ревностію. Но что необходимо, то сдѣлаю извѣстнымъ для многихъ.

Еще не опушились мои ланиты; но мною владѣла какая-то пламенная любовь къ наукамъ. И не всеѣмъ чистыя ученія старался я придать въ помощь ученіямъ истиннымъ, чтобъ не превозносились ничему не обучившіеся, кромѣ суетнаго и пустаго краснословія, которое состоитъ въ громкости и благозвучіи, и чтобъ самъ я могъ не запутываться въ хитросплетеніяхъ лжеумствованій. Но мнѣ никогда не приходило на мысль предпочесть что-либо нашимъ урокамъ.

Однако жъ, чему всегда подвергается пламенность молодыхъ

людей, которая легко предается беспорядочнымъ стремленіямъ, тому подвергся и я, пустившись въ путь, какъ полный отваги молодой конь. Совершенно не благовременно, когда еще не утихло море, когда, по словамъ знающихъ дѣло, грозилъ опасностію какой-то хвостъ тельца¹⁾, и плыть было дѣломъ дерзости, а не благоразумія, оставилъ я Александрію, гдѣ пожалъ уже нѣсколько познаній, и разсѣкалъ море, несясь прямо въ Элладу. Когда огибали мы Кипръ; бунтующіе вѣтры всколебали корабль. Земля, море, зѣбрь, омраченное небо—все слилось въ одну ночь. На удары молній отзывались громы, плескались канаты и надутыхъ вѣтрилъ, мачта гнулась, кормило потеряло всю силу, и ручку руля насильно вырывало изъ рукъ, вода стѣною стояла надъ кораблемъ и наполняла собою подводную его часть. Смѣшались плачевные крики корабельныхъ служителей, начальниковъ, хозяевъ корабля, путешественниковъ, которые всѣ, даже и не знавшіе прежде Бога, единогласно призывали Христа; потому что страхъ—самый вразумительный урокъ. Но ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ бѣдствій было безводіе на корабль, который отъ сильныхъ потрясеній разсѣлся, и сквозь дно пролились въ глубину всѣ, какія были на немъ, сокровища сладкой влаги. Надобно было умереть, борясь съ голодомъ, бурей и вѣтрами. Правда, Богъ посылаетъ скорое отъ этого избавленіе. Вдругъ появились финнікійскіе купцы, и хотя сами въ страхѣ, но по нашимъ мольбамъ, узнавъ о крайности бѣдствія, съ помощію багровъ и при могучихъ ударахъ руками, какъ люди сильные, вскочили они на корабль, и спасаютъ насъ почти уже мертвыхъ плователей, походившихъ на рыбъ, которыя оставлены моремъ на сушѣ, или на умирающей свѣтильницѣ, которому недостаетъ питанія. Но между тѣмъ ревущее море, въ продолженіе многихъ дней, непрестанно больше противъ насъ свирѣпѣло. Послѣ многихъ поворотовъ не знали мы, куда плывемъ, и не видѣли себѣ никакого спасенія отъ Бога.

Когда же всѣ боялись смерти обыкновенной; для меня еще ужаснѣе была смерть внутренняя. Негостепримо убійственныя воды лишали меня водъ очистительныхъ, которыя соединили бы меня съ Богомъ. Объ этомъ проливалъ я слезы; въ этомъ состояло мое несчастіе; объ этомъ я, несчастный, простирая руки, возносилъ вопли, которые заглушали сильный шумъ волнъ, терзалъ свою одежду и, ницъ распростершись, лежалъ подавленный горестію.

¹⁾ Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда, при заходженіи солнца, восходитъ созвѣздіе тельца.

Но вот что, хотя мало вѣроятно, однако же совершенно не сложно. Всѣ плывшіе на корабль, забывъ о собственномъ бѣдствіи, и, въ общемъ несчастіи ставъ благочестивыми, со мной соединяли молитвенные вопли. Столько были они сострадательны къ моимъ мученіямъ!

Ты, Христе, и тогда былъ моимъ великимъ Спасителемъ, и теперь избавляешь отъ волнений жизни. Когда не представлялось никакой доброй надежды, ни острова, ни твердой земли, ни вершины горъ, ни горящаго свѣтильника, ни звѣздъ—путеуказателей мореходцамъ, ничего — ни большаго, ни малаго не было въ виду, что тогда предпринимаю? Какое окончаніе моего затруднительнаго положенія? Отчаявшись во всемъ дольнемъ, обращаю взоръ къ Тебѣ, моя жизнь, мое дыханіе, мой свѣтъ, моя сила, мое спасеніе, къ Тебѣ, Который устрашаешь, поражаешь, ослабляешься, врагуешь и къ горестному всегда присоединяешь полезное. Напомянувъ же Тебѣ о всѣхъ прежнихъ чудесахъ, въ которыхъ познаемъ Твою великую руку, о морѣ раздѣленномъ и о путешествующемъ по оному Израилѣ, о врагахъ побѣжденныхъ воздѣяніемъ рукъ, объ Египтянахъ, сокрушенныхъ небесными карами, о твари рабски повинующейся вождямъ, о стѣнахъ разрушенныхъ звукомъ трубъ и обхожденіемъ, а къ чудесамъ прославленнымъ издревле присовокупивъ чудеса и надо мною совершившіяся, сказалъ я: „Твой я былъ прежде, Твой и теперь. Ты двукратно пріймешь меня, какъ одно изъ дорогихъ для Тебя достояній, какъ даръ суши и моря, очищенный и матернимъ обътомъ и чрезмѣрнымъ страхомъ. Для Тебя буду я жить, если избѣгну сугубой опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасешь меня. И теперь ученикъ Твой обуревается. Отряси сонъ, или прійди по водамъ, и прекрати опасность“. Такъ говорилъ я, и бушеваніе вѣтровъ прекратилось, море опало, корабль понесся прямо. И вотъ приобрѣтеніе моей молитвы. Кто ни былъ на корабль, всѣ сошли съ него, благоговѣя предъ великимъ Христомъ, получивъ отъ Бога сугубое спасеніе. Между тѣмъ, миновавъ Родось, въ скоромъ времени, при попутномъ вѣтрѣ, взошли мы въ эгинскую пристань; потому что корабль былъ эгинскій.

Потомъ Аѳины и науки. Но пусть другіе скажутъ, что было тамъ, какъ жилъ я въ Божіемъ страхѣ, стараясь первенствовать между знавшими то, что есть самое первое; и когда другіе молодые люди между своими собратствами, въ порывахъ юности и отважной стремительности, предавались излишествамъ, проводилъ я тихую

жизнь. Подобно тому источнику, который, какъ сказываютъ, и среди горькихъ водъ моря остается сладкимъ, не увлекался я за тѣми, которые вели къ пагубѣ, но самъ привлекалъ друзей къ совершеннѣйшему.—А мнѣ Богъ и въ этомъ оказалъ благодѣяніе, соединилъ меня узами дружбы съ человѣкомъ самымъ мудрымъ, который одинъ и жизнию и словомъ всѣхъ былъ выше. Кто жъ это? Весьма легко узнаете его. Это Василій—великое пріобрѣтеніе для настоящаго вѣка. Съ нимъ вмѣстѣ мы учились, и жили, и размышляли. Если должно чѣмъ и похвалиться, то я составлялъ съ нимъ чету не безчестную для Эллады. У насъ все было общее, и одна душа въ обоихъ связывала то, что раздѣляли тѣла. А что преимущественно насъ соединяло, такъ это Богъ и стремленіе къ совершенству. Когда пріобрѣли мы столько взаимной довѣренности другъ къ другу, что высказали одинъ другому и глубины сердечныя; тогда соединились между собою еще тѣснѣйшими узами любви; потому что одинаковость чувствованій и взаимную привязанность дѣлаетъ болѣе не разрывною.

Что же потомъ?—Возвращеніе въ отечество и избраніе рода жизни. Много уже времени посвящено было наукамъ. Мнѣ почти исполнилось тридцать лѣтъ. Здѣсь то узналъ я, сколько любили насъ товарищи, и какое имѣли о насъ мнѣніе. Время приближалось, приближался и трудный подвигъ. Нужны стали объятія и слезныя напутственныя рѣчи, въ которыхъ припоминались сердечныя воспламененія другъ къ другу. Принужденно и съ трудомъ, однако же уступили Василію, когда представилъ многія причины своего отъѣзда. А у меня и теперь еще текутъ слезы, при воспоминаніи о тогдашнемъ смущеніи. Съ великою поспѣшностію окружили меня всѣ, чужеземцы, близкіе знакомые, сверстники, учителя; къ заклинаніямъ и слезамъ присоединили даже и насиліе, дружба внушила имъ отважиться и на это. Меня крѣпко держали, говоря: „Что ни будетъ, не выпустимъ отсюда! Почтенныя Аѣины не должны лишиться тебя; они по общему приговору отдадутъ тебѣ первенство въ словесности“. Одинъ дубъ развѣ могъ бы противиться столькимъ слезамъ и убѣжденіямъ, и я уступилъ, впрочемъ не совершенно. Меня влекло къ себѣ отечество. Оно одно почти подъ солнцемъ было сильно вѣрою. Тамъ посвятить себя любомудрію—казалось мнѣ прекраснѣйшимъ дѣломъ. Туда привлекали меня и родители, обремененные старостію и временемъ. Поэтому не долго пробылъ я въ Аѣинахъ, скрылся оттуда почти тайно и пустился въ путь.

Показалъ я образцы своего краснорѣчія, удовлетворилъ недугу людей, которые требовали отъ меня этого, какъ долга. Но въ виду у меня были не рукоплесканія, не говоръ удивленія, не упоенія, не поклоненія, которыми въ толпѣ молодыхъ людей восхищаются софисты. Я выше всего поставилъ для себя то любомудріе, чтобъ и все прочее, и ученые труды свои повергнуть предъ Богомъ, какъ иные оставляли помѣстья свои пастухамъ, или, собравъ свое золото, кидали въ морскую глубину. Однако же, какъ сказалъ я, покорился я волѣ друзей. И сіе послужило какъ бы предуготовительнымъ упражненіемъ къ будущимъ подвигамъ, или преддверіемъ важнѣйшихъ таинствъ.

Наконецъ нужна была мужественная рѣшимость. Во внутреннее судилище собираю друзей, то есть, помыслы свои — этихъ искреннихъ совѣтниковъ. И когда искалъ я лучшаго изъ лучшаго, страшный круговоротъ объялъ мой умъ. Давно было рѣшено мною—все плотское вринуть въ глубину; и теперь это всего болѣе нравилось. Но когда сталъ я разсматривать самые пути божественныя, не легко было найти путь лучшій и гладкій. И тотъ и другой изъ нихъ, какъ это часто бываетъ съ нами, когда рѣшаемся на какое либо дѣло, казался по чему нибудь или хорошимъ, или худымъ. Если же состояніе мое изобразить какимъ нибудь сравненіемъ; то я походилъ на человѣка, который задумываетъ отдаленное какое-то странствованіе, но, избѣгая плаванія по морю и трудовъ мореходныхъ, отыскиваетъ путь, на которомъ было бы больше удобствъ. Приходили мнѣ на мысль Ілія Ѳесвитянинъ, великій Кармилъ, необычайная пища, достояніе Предтечи—пустыня, нищетолюбивая жизнь сыновъ Іоанадавовыхъ. Съ другой стороны пересиливали любовь къ Божественнымъ книгамъ и свѣтъ Духа, почерпаемый при углубленіи въ Божіе Слово, а такое занятіе—не дѣло пустыни и безмолвія. Много разъ колебался я туда и сюда, и наконецъ умирилъ свои желанія, и скитающійся умъ установилъ на срединѣ, а именно слѣдующимъ образомъ.

Я примѣчалъ, что люди, которымъ нравится дѣятельная жизнь, полезны въ обществѣ, но бесполезны себѣ, и ихъ возмущаютъ бѣдствія; отъ чего мягкій нравъ ихъ приходитъ въ волненіе. Видѣлъ также, что живущіе внѣ міра почему-то гораздо благоустроениѣе и безмолвнымъ умомъзираютъ къ Богу; но они полезны только себѣ, любовь ихъ заключена въ тѣсный кругъ, а жизнь, какую проводятъ, необычайна и сурова. Поэтому вступилъ я на какой-то средній путь между отрѣшившимися и живущими въ

обществѣ, занявъ у однихъ собранность ума, а у другихъ—стараніе быть полезнымъ для общества.

Присовокупилась и важнѣйшая причина—признательность къ людямъ достопочтеннымъ, разумію родившихъ меня, у которыхъ былъ я въ долгу. И какъ всего благочестивѣе первую честь по Богу воздавать родителямъ, которымъ обязаны мы и тѣмъ, что познаемъ Бога; то я лелѣялъ ихъ старость, поддерживалъ всеми силами, водилъ ихъ за руку, чтобъ самому имѣть счастливую старость, угождая ихъ старости. Ибо что сѣемъ, то и пожинаемъ. И для меня составляло это часть образованія въ любомудріи—не показывать и вида, что тружусь для жизни превосходнѣйшей, но въ большей мѣрѣ быть, а не казаться угождающимъ Богу. Поэтому, хотя признавалъ я, что надобно любить тѣхъ, которые ведутъ жизнь дѣятельную, въ удѣлъ отъ Бога получили честь—посредствомъ Божественныхъ таинствъ руководить народъ, однако же самъ, повидимому, принадлежа къ обществу, больше имѣлъ привязанности къ жизни монашеской; потому что она состоитъ не въ тѣлесномъ мѣстопробываніи, но въ обузданіи нрава. Церковная же кафедра была для меня досточестна, но какъ стоялъ я вдали, то казалась она тѣмъ же, чѣмъ и солнечный свѣтъ бываетъ для слабыхъ глазъ. Скорѣе могъ бы надѣяться я всего иного, только не того, что, среди многихъ переворотовъ въ жизни, получу ее самъ.

Но человѣку нельзя ни о чемъ важномъ говорить рѣшительно. Зависть всегда полагаетъ преграды нашимъ пареніямъ. Не бери примѣровъ далеко; посмотри на мою жизнь. Я располагалъ собою такъ, но меня настигла страшная буря. Отецъ мой въ точности зналъ мои мысли, но не понимаю, почему, можетъ быть, побужденный отеческою любовію (а любовь при власти сильна), чтобъ удержать меня духовными узами, и почтить лучшимъ изъ того, чѣмъ обладалъ самъ, противъ воли возводитъ на одинъ изъ низшихъ престоловъ¹⁾.

При этомъ принужденіи (и доселѣ не могу назвать сего иначе; да простить меня Божій Духъ за такія чувствованія!) такъ сильно возскорбѣлъ я, что забылъ все, друзей, родителей, отечество, родъ, и, какъ волъ, уязвленный слѣпнемъ, ушелъ въ Понтъ надѣясь тамъ въ божественномъ другѣ найти себѣ врачевство отъ горести. Тамъ, въ сожительствѣ съ Богомъ, трудился онъ, покрытый облакомъ, какъ одинъ изъ ветхозавѣтныхъ мудрецовъ. Это былъ Василиій, ко-

¹⁾ Въ санъ пресвитера.

горый теперь съ Ангелами. Онъ облегчилъ скорбь моего сердца. Между тѣмъ добрый отецъ, изнемогающій отъ старости и желанія имѣть меня при себѣ, много убѣждалъ сына почтить послѣдніе дни его жизни. А во мнѣ и самое время ослабило чувство бѣдствія. И я опять (чего бы никогда не надлежало дѣлать) пускаюсь въ глупину, убоявшись слезныхъ отеческихъ угрозъ. Опасно было, чтобъ нѣжность не обратилась въ клятву; ибо такъво бываетъ прогнѣваемое простодушіе.

Не много времени прошло послѣ этого, и новое тревоженіе; не умѣю сказать, сколько оно было свирѣпѣе прежняго. Но не будетъ излишнимъ все пересказать друзьямъ. Братъ мой занималъ въ свѣтѣ высокую должность. Братъ мой,—о какъ ты силенъ злобный демонъ!—братъ мой, когда ему вѣрена была государственная казна, умираетъ на должности. На имущество и останки умершаго кинулось множество псовъ; все расхищали домашніе, сторонніе, друзья. Когда дубъ упалъ, кто не запасаетъ себѣ дровъ? Но сколько касалось это собственно до меня, то я не боялся еще стеченія дѣлъ; потому что былъ—свободная птица, которой не трудно улетѣть вверхъ. Однако же необходимо было вмѣстѣ съ прекраснымъ родителемъ нести на себѣ все,—и доброе, и худое, и раздѣлять съ нимъ, если не имѣніе, то заботы. А кто занесъ первый шагъ надъ пропастью и поскользнулся однажды, тотъ не въ состояніи уже удержаться и падаетъ въ стремнистую глубину: такъ и для меня, какъ скоро вкусилъ я золь, изъ одной бѣды выростала другая.

Въ это время (умолчу о томъ, что было дотолѣ, опасаясь подать мысль, что произношу хульное слово на человѣка, котораго теперь только ублажалъ я съ благословеніями) пришелъ ко мнѣ возлюбленнѣйшій изъ друзей Василій (со скорбію выговариваю слово, однако жъ скажу). Онъ сталъ для меня другимъ отцемъ, возложившимъ на меня бремя еще болѣе тягостное. Но отъ одного должно было терпѣть, хотя поступалъ со мною и властительно: терпѣть же отъ другаго, ради дружбы, приносившей мнѣ вредъ, а не освобожденіе отъ бѣдствій, не было необходимости.

Не знаю, кого винить за случившееся со мною; оно все еще, какъ недавнее, приводитъ меня въ волненіе: винить ли больше себя за свои грѣхи (а они часто и сильно меня угрызали), или тебя, превосходнѣйшій изъ людей, упрекнуть въ превозношеніи, до котораго довелъ тебя престолъ? Если все прочее принять во вниманіе; то, можетъ быть, и самъ ты не пожелалъ бы (какъ и не желалъ дотолѣ по своей великой добротѣ) взять надо мною перевѣсъ. А если

бы и пожелалъ, то, вѣроятно, удержалъ бы тебя какой-нибудь благомыслящій судія, хорошо знающій обоихъ насъ. Что жъ съ тобою сдѣлалось? За что вдругъ бросилъ ты меня въ такую отъ себя даль? Да погибнетъ въ мѣрѣ законъ дружбы, которая такъ мало уважаетъ друзей! Вчера мы были львы; но теперь я сталъ обезьяной, а ты почти что левъ. Если бы такъ смотрѣлъ ты на всѣхъ своихъ друзей; то (скажу горделивое слово) не надлежало бы по крайней мѣрѣ тебѣ смотрѣть такъ на меня, котораго, бывало, предпочиталъ ты прочимъ друзьямъ, пока не вознесся за облака, и не стало все ниже тебя.

Но къ чему волнуешься, сердце мое? Удержи коня силою, и пусть рѣчь опять идетъ своею тропкою. Лжецемъ для меня сталъ этотъ во всемъ прочемъ нелживѣйшій другъ. Не разъ слыхалъ онъ, какъ я говаривалъ: „Теперь все надобно переносить, хотя бы случилось что и худшее. Но какъ скоро не станутъ родителей на свѣтъ, тогда мнѣ будетъ полная возможность оставить дѣла, и отъ бездомной жизни пріобрѣсти хотя ту выгоду, что легко буду гражданиномъ всякаго мѣста“. Онъ слыхалъ это, и хвалилъ мое разсужденіе. Но при всемъ томъ, вмѣстѣ съ отцемъ моимъ, насильно возводитъ на епископскій престолъ, въ другой разъ запнувъ меня въ этомъ.

Не приходи въ безпокойство, пока не узнаешь всего. Если бы враги мои потратили много времени, выискивая, чѣмъ довести меня до безславія, то, думаю, не иной, а этотъ же самый нашли бы они способъ. Хочешь ли узнать, какой? Скажетъ тебѣ всякій, кому только поступокъ сей казался неприличнымъ. Какъ же вель я себя съ другомъ, объ этомъ знаетъ Понтъ, знаетъ Кесарія, знаютъ всѣ общіе наши друзья. Низко было бы укорять меня въ этомъ. Воспоминать о сдѣланномъ добрѣ прилично тому, кто имъ пользовался, но не прилично тому, кто его сдѣлалъ. Но каковъ онъ былъ ко мнѣ, пусть увѣрятъ въ томъ самыя дѣла!

На большой дорогѣ, пролегающей чрезъ Каппадокію, есть мѣсто обычной остановки проѣзжихъ, съ котораго одна дорога дѣлится на три, мѣсто безводное, не произращающее и былинки, лишенное всѣхъ удобствъ, селеніе ужасно скучное и тѣсное. Тамъ всегда пыль, стукъ отъ повозокъ, слезы, рыданія, собиратели налоговъ, орудія пытки, цѣпи; а жители—чужеземцы и бродяги. Такова была церковь въ моихъ Сасимахъ! Вотъ какому городу (подлинно это великодушіе!) отдалъ меня тотъ, кому было мало пятидесяти хорепископовъ. И чтобы удержать это за собою, когда другой отнималъ насильно, установилъ новую каедру. А я у него (потому что и мы

были нѣкогда сильны) стоялъ въ первомъ ряду воинственныхъ друзей. И конечно, раны за дѣло святое не страшны: потому что, кромѣ прочаго исчисленнаго мною, овладѣть этимъ престоломъ невозможно было безъ пролитія крови. Онъ служилъ предметомъ спора для двоихъ, состязующихся епископовъ; между ними открылась страшная брань, а причиною тому служило раздѣленіе нашего отечества, по которому два города дѣлались начальственными надъ другими меньшими. Въ предлогъ представлялось попеченіе о душахъ, а истиннымъ побужденіемъ было любоначалие, не осмѣлось сказать: сборы и поборы, отчего весь міръ приходитъ въ жалкое колебаніе.

Что справедливо было бы сдѣлать мнѣ? скажите предъ Богомъ. Терпѣть? Принять на себя всѣ удары бѣдствій? Идти, не взирая ни на что? Погрязнуть въ тинѣ? Идти туда, гдѣ не могъ бы я упокоить и этой старости, непрестанно насильственной рукою гонимой изъ подъ крова, гдѣ не было бы у меня хлѣба, чтобъ разломить его съ пришельцемъ, гдѣ я нищій принялъ бы въ управленіе народъ также нищенствующій, не видя никакаго средства оказать ему услугу, и избилуя только тѣмъ, что есть въ городахъ худаго, гдѣ я долженъ былъ обирать тернія, а не розы съ терній, пожинать одни бѣдствія, не прикрытыя никакими выгодами? Требууй отъ меня великодушія въ другомъ чемъ, если хочешь, а это предложи тѣмъ, которые меня премудрѣ! Вотъ что принесли мнѣ Аѳины, общія упражненія въ наукахъ, жизнь подъ одной кровлею, питаніе съ одного стола, одинъ умъ, а не два, въ обоихъ, удивленіе Эллады и взаимныя обѣщанія, какъ можно, дальше отринуть отъ себя міръ, а самимъ жить общею жизнію для Бога, успѣхи же въ словѣ принести въ даръ единому, премудрому Слову! Все разсыпалось! Все брошено на землю! Вѣтры разносятъ давнія надежды! Куда бѣжать? Развѣ вы, дикіе звѣри, пріймете меня къ себѣ? У нихъ, думаю, болѣе вѣрности. Вотъ каково, скажу короче, было мое положеніе!

Но послѣ того, какъ я, хотя не подклонился духомъ, подклонилъ однако же выю, что сказать мнѣ? Съ которой бы стороны ни сталъ я изображать всю свою болѣзнь, вездѣ для меня жало. Опять я бѣглець, опять укрываюсь въ гору, предаваясь любимому мною образу жизни, услаждаюсь имъ. Какую же пользу приносить мнѣ это? Оказалось, что былъ я нерѣшительный бѣглець. Во всемъ иномъ умѣя быть терпѣливымъ, не имѣлъ я въ этомъ мужества, не вынесъ отеческаго гнѣва. Первымъ покушеніемъ отца моего было

утвердить меня въ Сасимахъ. Но какъ не имѣло оно успѣха, пускается онъ въ новое плаваніе, и простираетъ ко мнѣ руки, касаетъ моей бороды, прося, чтобъ я не оставался на низшей степени, но трудясь вмѣстѣ съ нимъ (потому что его обременяла уже плоть), облегчалъ его труды. И какихъ не употребилъ онъ убѣжденій? „Тебя, любезнѣйшій изъ сыновей, — говорилъ онъ, — умоляетъ отецъ, юнаго молить отецъ старецъ, служителя молить тотъ, кто и по естеству и по двоякому закону твой владыка. Не золота, не серебра, не дорогихъ камней, не участковъ воздѣланной земли, не потребностей роскоши прошу у тебя, чадо, не домогаюсь того, чтобъ сдѣлать тебя другимъ Аарономъ и Самуиломъ, досточестнымъ предстателемъ Богу. Ты, сынъ, принадлежишь Даровавшему тебя. Не обезчести меня, чтобъ и къ тебѣ былъ милосердъ единый нашъ Отецъ. Прекрасно мое требованіе, по крайней мѣрѣ, оно отеческое. Ты не живешь еще столько на свѣтѣ, сколько прошло времени; какъ я приношу жертвы Богу. Сдѣлай мнѣ эту милость; сдѣлай, или другой предастъ меня гробу. Такое наказаніе опредѣляю я за непокорность. Подари не многіе дни останку моихъ дней, а прочю своею жизнію располагай, какъ тебѣ угодно“.

Когда выслушалъ я это, и душа высвободилась нѣсколько изъ подъ бременившей ее тяготы, какъ солнце изъ за облаковъ; что тогда происходитъ, чѣмъ оканчиваются мои страданія? Разсудилъ я самъ съ собою, что нѣтъ еще бѣды, во избѣжаніе каеэды, исполнить желаніе отца. „Ибо это,—говорилъ я,—не удержитъ противъ воли меня, котораго не связываютъ ни нареченіе, ни обѣщаніе“. Вотъ до чего довелъ меня превозмогшій страхъ!

Но когда родители мои переселились изъ этой жизни, сподобившись жребія, къ которому давно поспѣшали; я не на добро остался свободнымъ. Правда, что вовсе не касался я данной мнѣ церкви, ни однажды не совершалъ тамъ служенія Богу, не молился съ народомъ, не возложилъ рукъ ни на одного изъ клириковъ; но что касается до церкви отцовой (нѣсколько людей благоговѣйныхъ напали на меня, и не преставали заклинать, угрожая успѣхами множества людей богомерзкихъ); то имѣлъ я о ней нѣкоторое попеченіе въ продолженіе краткаго времени (не отрицаюсь отъ сего), но имѣлъ какъ челоуѣкъ сторонній о Церкви чужей. Это самое всегда говорилъ я епископамъ, отъ глубины сердца прося у нихъ, какъ дара, поставить кого-нибудь епископомъ сего малаго града. По всей справедливости утверждалъ я, во-первыхъ, что не принималъ этой Церкви въ управленіе по гласному нареченію, а во-вто-

рыхъ еще, что у меня давняя мысль—бѣжать и друзей и дѣлъ. Но я не могъ ихъ убѣдить, и одни по великой ко мнѣ привязанности, а другіе, можетъ быть, по высокомудрію, хотѣли взять надо мною верхъ. Поэтому пошелъ я сперва бѣглецемъ въ Селевкію, ко храму прославляемой дѣвы Θεκлы, рассуждая, что, можетъ быть, такимъ средствомъ, когда утомить ихъ время, убѣдятся отдать бразды дру-гому. Тамъ провелъ я не мало времени. Но опять встрѣтивъ свои бѣдствія, не нашелъ ни одноѣ изъ выгодъ, какихъ ожидалъ. И дѣла, которыхъ думалъ я избѣжать, какъ къ сроку, явились ко мнѣ въ великомъ множествѣ.

Но здѣсь, конечно, самое трудное въ моемъ словѣ. Впрочемъ скажу, хотя буду говорить и очень извѣстное, скажу, чтобъ вы, когда нѣтъ съ вами меня, имѣли по крайней мѣрѣ это слово во врачевство отъ скорби, въ укоръ врагамъ, и въ свидѣтельство друзьямъ, отъ которыхъ я, ничѣмъ ихъ не обидѣвъ, самъ потерпѣлъ обиду.

Природа не произвела двухъ солнцевъ; но два Рима, два свѣтила для цѣлой вселенной, древняя и новая Держава. Они тѣмъ только различаются между собою, что одинъ тамъ, гдѣ возсіяваетъ солнце, а другой на западѣ. Но что до красоты, они въ красотѣ не уступаютъ другъ другу; и если спросить объ ихъ вѣрѣ, одинъ съ давняго времени шелъ добрымъ путемъ и идетъ еще до нынѣ, весь Западъ связуя спасительнымъ словомъ, какъ и должно первопрестольному въ цѣломъ мірѣ граду, который чтитъ всецѣлое согласіе Божества; а другой (говорю это о моемъ, а потомъ уже не моемъ Римѣ) былъ прежде правошественъ, но теперь не таковъ, напротивъ же того погрязъ въ безднѣ погибели послѣ того, какъ легкомысленный и исполненный всѣхъ золъ городъ Александрія—эта безумная кипучесть, послалъ отъ себя мерзость запустѣнія—Арія, который первый сказалъ, что не достопокланяема Троица, нераздѣлимую сущность разсѣкши на неравныя части, въ одномъ естествѣ разграничилъ предѣлы достоинству, отчего и мы разошлись по разнымъ путямъ.

Однако же, какъ ни злосчастенъ былъ этотъ городъ, доведенный до такого состоянія, и по закону времени (ибо всякій застарѣвшій обычай обращается въ законъ) отъ невѣрія погибшей жалкою смертію, въ немъ было еще малое сѣмя жизненнаго дыханія, были души совершенныя въ словѣ вѣры, былъ народъ, правда, малочисленный, но многочисленный предъ Богомъ, Который пріемлетъ въ счетъ не множество, но сердца; въ немъ было надежное насажденіе, былъ самый драгоценный останокъ.

Къ нимъ благодать Духа послала меня: обо мнѣ думали, что значу нѣчто предъ Богомъ, какъ человѣкъ, извѣстный жизнію и словомъ, хотя всегда велъ я сельскую жизнь. Меня приглашали многіе и изъ Пастырей, и изъ овецъ, приглашали быть помощникомъ народу, защитникомъ слову, души безводныя, но еще зеленѣющія, освѣжить струями благочестія, съ питательностію елея подлить свѣта въ свѣтильникъ, а многооборотливыя словосплетенія языковъ борзыхъ, которыми губится простота вѣры,—эти паутинныя ткани, гнилыя узы, смѣшныя для крѣпкихъ, но связывающія легкомысленныхъ, разрѣшить и расторгнуть твердымъ ученіемъ, чтобъ могъ избѣгать сѣтей всякій, кто попалъ въ нихъ.

Такъ, не по доброй волѣ, но насильно увлеченный другими, пришелъ я туда быть защитникомъ слова. Ибо носилась молва о какомъ-то сборищѣ епископовъ, которые вводятъ въ Церковь новоявившееся еретическое ученіе. То сраствореніе съ нами Бога-Слова, въ какое вступилъ Онъ, Самъ не измѣнившись, но пріявъ на Себя человѣка, имѣющаго душу и умъ, доступнаго свойственнымъ тѣлу страданіямъ, цѣлаго прежняго Адама, кромѣ грѣха, это, говорю, сраствореніе разсѣкается въ новомъ ученіи. И оно вводитъ какого-то неумнаго Бога, какъ бы убоявшись, что умъ вступить въ противоборство съ Богомъ. Но на такомъ основаніи убоялся бы я и тѣлесной природы, потому что она еще гораздо дальше отъ Бога. Или конечно, когда все имѣло нужду въ спасеніи, опредѣлено было погибнуть совершенно уму, который преимущественно предъ всѣмъ надлежало спасти моему Богу, и который всего болѣе погубленъ въ первосозданномъ; потому что умомъ и принялъ онъ законъ, и измѣнилъ закону! Но что было оставлено въ небреженіи, то и надлежало воспріять, и потому да спасетъ Слово не половину меня, который весь пострадалъ! И да не безчестится Богъ тѣмъ, что будто бы воспріалъ не цѣлаго меня, но одно брение, душу неразумную, душу какого-то безсловеснаго животнаго, которое, конечно, и спасено, по твоему ученію. Да удалить отъ себя подобныя мысли всякій благочестивый! Ибо разсѣкающіе дальнее благосраствореніе, хотя противоположнымъ образомъ, однако жъ, въ нѣкоторомъ отношеніи равно погрѣшаютъ, какъ и тѣ, которые необдуманно вводятъ двухъ сыновъ, одного отъ Бога, а другого отъ Дѣвы.

Одни худо обсѣкаютъ, а другіе худо удвояютъ. Если два сына, боюсь, что выйдетъ одно изъ двухъ, или будемъ поклоняться двумъ Богамъ вмѣсто одного, или, когда изъ благоговѣнія

не захотимъ потерпѣть сего, Совокупленное ¹⁾ поставимъ внѣ Божества. Хотя Богъ не можетъ потерпѣть ничего такого, что терпитъ плоть; однако же естество человѣческое приобщилось всецѣлаго Бога, приобщилось не такъ, какъ Пророкъ, или кто другой изъ людей богодухновенныхъ, приобщающійся не Бога, но Божіихъ даровъ, напротивъ того приобщилось такъ, что Богъ въ естествѣ человѣческомъ пребываетъ Своею сущностію, какъ солнце въ лучахъ. Поэтому да не будетъ у насъ о нихъ слова, если не хотятъ поклоняться Богочеловѣку, какъ единому и воспріявшему, и вмѣстѣ воспріятому, безлѣтному и подчинившемуся времени, существу отъ единого Отца и отъ единой Матери,—двумъ естествамъ, сочетавшимся во единого Христа!

Но въ какомъ положеніи были мои дѣла? Пришедши туда, встрѣтилъ я множество бѣдствій. Сначала городъ пришелъ въ волненіе, возсталъ противъ меня, будто бы вмѣсто единого Бога ввожу многихъ боговъ. И это было не удивительно. Такъ ихъ учили, что вовсе не знали они благочестиваго ученія, не знали, какъ Единица умопредставляется троично, и Троица—единично, если въ обоихъ случаяхъ умопредставлять благочестно. А простой народъ увлекается въ пользу страждущихъ. Такъ, ощутивъ жалость къ тогдашнему своему предстоятелю и пастырю, стоялъ за бѣдствующаго и этотъ многочисленный народъ, исполненный высокаго о себѣ мнѣнія, почитавшій для себя крайнимъ позоромъ—не одержать въ чемъ нибудь верха. Умолчу о камняхъ—этомъ угощеніи, какое сдѣлали они мнѣ, и укорю развѣ за то, что были неудачны въ выборѣ цѣли и мѣтили въ тѣхъ, въ кого попасть было напраснымъ убійствомъ. А потомъ меня, какъ убійцу, представили правителямъ города, которые смотрѣли какъ-то съ высока и надменно, и у которыхъ одинъ былъ законъ—домогаться народной къ себѣ благосклонности. Къ нимъ представили меня, который, какъ ученикъ Слова, никогда не сдѣлалъ и не помыслилъ ничего зловернаго. И защитникомъ мнѣ въ словѣ предсталъ Христосъ, вспоминая моему защитительному слову. Онъ спасалъ и отданныхъ въ сожительство львамъ; Онъ оросилъ огонь въ прохлажденіе юношамъ; Онъ изъ кита содѣлалъ молитвенный домъ благочестивыхъ; Онъ и меня прославилъ на судѣ чуждомъ.

Потомъ обнаружилось ужасное ревнованіе въ моихъ; они вле-

¹⁾ То соѵѣтовъ, то есть Иисуса Христа, въ которомъ совокуплены Божество и человѣчество.

куть меня къ какому-то Павлу и Аполлосу¹⁾, которые никогда за насъ не воплощались и не проливали крови въ драгоцѣнномъ страданіи, между тѣмъ какъ именуемъ ихъ именемъ, а не именемъ Спасшаго насъ. Съ ними все приводится въ движеніе; все потрясено, какъ будто Церковь благоденствуетъ въ другихъ отношеніяхъ. Но какъ устоятъ корабль, или городъ, или воинство, или полнота лика, или дружелюбный домъ, когда въ нихъ больше разрушающаго, нежели скрѣпляющаго? Это самое и было тогда съ Христовымъ народомъ. Благородное порожденіе сіе еще не скрѣпилось, не приобрѣло смѣлости, не отрѣшилось отъ дѣтскихъ пеленъ, не оперлось еще нѣжною стопой на землю, какъ уже въ глазахъ родителей было посѣчено, брошено на земь, истерзано волками, жаждавшими моего безчадія.

Несомненно имъ было, что человѣкъ самый бѣдный, сгорбленный, поникшій въ землю, одѣтый худо, обуздавшій чрево слезами, страхомъ будущаго и другими злостраданіями, странникъ, скиталецъ, не имѣющій ничего привлекательнаго для взоровъ, сокрытый во тмѣ земной, беретъ преимущество предъ людьми, отличающимися силою и красотою. Отъ нихъ слышны были такія почти слова: „Мы льстимъ, а ты нѣтъ; мы чтимъ высокія сѣдалища, а ты чтишь богобоязненность; мы любимъ дорогія яства, а ты любишь дешевую пищу, въ которой вся приправа—соль, и презираешь соленую горечь высокоумія. Мы рабы времени и народныхъ прихотей, отдаемъ ладью свою всякому подувшему вѣтру, у насъ ученіе, на подобіе хамелеоновъ, или полиповъ, принимаетъ непрестанно новый цвѣтъ, а ты—неподвижная наковальня. Какая надменность! Какъ будто всегда одна вѣра, что такъ слишкомъ стѣсняешь догматъ истины, ступая все по одной скучной стезѣ слова. Для чего же тебѣ, превосходнѣйшій, и народъ привлекать говорливымъ своимъ языкомъ? Для чего съ успѣхомъ низлагать предающихся худымъ мудрованіямъ въ заблужденіяхъ всякаго рода? Для чего не одинакимъ быть для друзей и для стороннихъ, но для однихъ камнемъ магнитомъ, а для другихъ працею?“

Но если это не худо (какъ и дѣйствительно не худо), для чего негодуешь, какъ будто встрѣтивъ какую необразованность? Если же худо (какъ это тебѣ одному кажется), суди правдиво, какъ Божій предстоятель. Порази меня, который впалъ въ погрѣшность,

¹⁾ Должно думать, что подъ Павломъ и Аполлосомъ разумѣются здѣсь Мелетій и Павліанъ.

но не трогай народъ, который не сдѣлалъ никакой неправды, кромѣ того, что любить меня и покорился моимъ наставленіямъ.

Въ состояніи еще былъ я сносить первыя нападенія. Хотя новость изумила меня не надолго, подобно грому, внезапно поразившему слухъ, или быстротѣ молніи, облиставшей непривычные глаза, но на мнѣ не было еще ранъ, и могъ я все перенести. И надежда, что дѣла пріймутъ счастливый оборотъ, и въ другой разъ не случится со мной того же, убѣждала меня легко переносить несчастіе. Но изъ этого самаго вскорѣ произошли для меня новыя бѣды. Какъ мнѣ описать труды свои? Какъ могъ привести въ исполненіе такое злое дѣло ты, изобрѣтатель всякаго зла, завистливый демонъ? Меня низложили не кровь, не жабы, не тучи скиповъ, не песьи мухи, не истребленіе скотовъ, не струпы, не градъ, не пруги, не тма, не губительство первородныхъ—это послѣднее изъ бѣдствій, какія, что всякому извѣстно, были казнями для свирѣпыхъ Египтянъ, а наконецъ меня сокрушили и не волны Чермнаго моря, потопившія народъ. Что же поколебало меня?—Легкомысліе Египтянъ. А какъ поколебало? — Это стоитъ того, чтобы рассказать о семъ: ибо можетъ послужить вѣчнымъ памятникомъ позора для злыхъ.

У насъ въ городѣ былъ человѣкъ женоподобный, какое-то египетское привидѣніе, злое до бѣшенства, песь, и песь изъ мелкихъ, уличный прислужникъ. Арей, безгласное зло, китовидное чудовище, красный, черноволосый, курчавый, косматый. Курчавымъ былъ онъ издавна, а космы изобрѣтены вновь; потому что искусство—второй творецъ. Всего чаще это бываетъ дѣломъ женъ, а иногда и мужчины золотятъ и завиваютъ волосы, обстриженные по философски. Употребите же въ дѣло, мудрецы, и тѣ притиранья, которыя на лицахъ у женщинъ. Ибо для чего однѣмъ любомудрымъ женамъ пользоваться этимъ неприличнымъ и худымъ благообразіемъ, которое служить безмолвно вывѣскою нравовъ? Что Максимъ не принадлежитъ уже къ числу мужчинъ, это тайлось до времени, а теперь показала его прическа. Для насъ удивительно въ нынѣшнихъ мудрецахъ, что природа и наружность у нихъ двойственны, и жалкимъ образомъ принадлежать они обоимъ поламъ; по волосамъ походятъ на женщинъ, а по жезлу на мужчинъ. Этимъ хвастался и Максимъ, какъ человѣкъ, значащій что-то въ городѣ; у него плечи всегда осѣнялись золотыми кудрями; съ волосъ, какъ изъ пращей, летали умствованія, и всю ученость носилъ онъ на тѣлѣ. Онъ, какъ слышно, прошелъ по многимъ лука-

вымъ путямъ; но объ иныхъ пусть разъискиваюгь другіе; у меня нѣтъ и времени входить въ изслѣдованіе всего; впрочемъ это имѣется во многихъ записяхъ у градоправителей. Наконецъ утверждается онъ въ этомъ городѣ.

Здѣсь у него не доставало привычной ему пищи; но глазъ былъ его зорокъ, и чутье у него было мудрое; потому что нельзя не назвать мудрымъ и этого горькаго для меня замысла—низложить съ каедры меня, который не имѣлъ ее, и вообще не почтенъ былъ никакимъ титуломъ, а только охранялъ и примирялъ народъ. Но еще премудрѣе то, что всю завязку дѣла, какъ опытный изобрѣтатель и слагатель козней, ведетъ онъ не чрезъ постороннихъ, но чрезъ меня же самого, человѣка вовсе къ тому не привычнаго, совершенно не знакомаго съ хитростями и привычнаго уважать другаго рода хитрость, а именно, чтобъ сказать нѣчто мудрое, похвалить, когда скажетъ это другой, и изъ Божественныхъ книгъ извлечь самое ихъ сердце.

При описаніи такого бѣдствія хочу сказать одно новое слово. Надлежало бы всѣмъ быть одинакими по нравамъ, или неопытными, или преухищренными въ злѣ; потому что меньше вреда терпѣли бы одни отъ другихъ, когда бы нравы у всѣхъ были уравновѣшены, или согласны. А теперь добрые дѣлаются добычею злыхъ. Что значить такое смѣшеніе твари? Какъ много неравенства въ тѣхъ, которыхъ Богъ взаимно сопрягъ между собою. Кто изъ скромныхъ въ состояніи примѣтитъ, какъ человѣкъ злонравный хитритъ, завязываетъ, приводитъ въ исполненіе свои козни, всегда умѣя закрыть себя тысячами увертокъ? И кто готовъ на негодный поступокъ, тотъ за всѣмъ наблюдаетъ, и высматриваетъ удобное время. А кто расположенъ къ доброму, тотъ по природѣ медлителенъ и недѣятеленъ въ подозрѣніи чего-либо худаго; отъ чего добродушіе и уловляется удобно.

Смотрите же, какъ и съ какимъ искусствомъ этотъ человѣкъ приводитъ въ исполненіе свой умыселъ. Въ немъ увидишь какого-то новаго египетскаго Протея. Онъ дѣлается человѣкомъ благомыслящимъ и весьма вѣрнымъ. Кто былъ такъ расположенъ ко мнѣ, какъ этотъ Максимъ? Онъ жилъ со мною подъ одною кровлей, вкушалъ съ одной трапезы, раздѣлялъ мои мнѣнія и предположенія. И это ни мало не удивительно. Какъ будто большой какой песь, онъ лаялъ тогда на людей зломудренныхъ, а мои поученія хвалилъ усердно.

Но вмѣстѣ съ этимъ заимствовалъ онъ отъ служителей алтара какую-то болѣзнь, останокъ первоначальнаго недуга. А это было

врожденное зло—не прекращающаяся зависть; потому что пороки не безъ труда приводятся въ изнеможеніе. Надъ ними-то не правдивымъ, но своевольнымъ судіею сталъ Максимъ, и, пріискавъ двухъ споспѣшниковъ своей злобы, перваго и втораго челоуѣкоубійцу, едва наконецъ разрѣшился отъ своего бремени, породивъ аспіда. Первый изъ сихъ споспѣшниковъ былъ велиаръ, нѣкогда ангелъ, а второй—пресвитеръ сего народа, по уму еще болѣе, нежели по тѣлу, варваръ. Онъ не былъ мною забытъ, не видалъ отъ меня никакого пренебреженія, всегда пользовался первенствомъ и въ почестяхъ, и въ сопрестоліи (внемли, Христе, о непогрѣшительное въ судахъ око, если только прилично призывать здѣсь Христа!) и вдругъ сталъ чревоболѣть лукавою и злонравною ненавистію. Увы! Какъ оплачу сіе? Чистое небо покрылось тмою; напыло на меня вдали скопившееся зло—египетская туча. Сперва появились соглядатаи, какихъ въ избранную израильскую землю посылалъ нѣкогда доблественный Моисей. Но это были не Иисусъ и Халевъ—мудрецы, а нѣчто наглое изъ юношей и старцевъ, Аммонъ, Апаммонъ, Арпократъ, Стипъ, Родонъ, Анувись, Ерманувись—египетскіе боги, въ видѣ обезьянъ и псовъ представшіе демоны, жалкіе и буйные моряки, которые не дорого себя продаютъ,—за небольшую монету охотно (только бы нашлись) предлагаютъ многихъ боговъ. А вскорѣ потомъ прибыли и пославшіе сихъ соглядатаевъ, достойные такого полчища вожди, или пастыри, если о псахъ приличнѣе сказать послѣднее. Но больше ничего не произнесу; хотя много у меня въ готовности словъ, и они приводятъ въ трепетаніе мою внутренность, какъ завязанный мѣхъ, въ которомъ бродитъ молодое вино, или какъ кузнечные мѣха, которые наполнены воздухомъ. Впрочемъ уважаю пославшаго ихъ, хотя онъ и легкомысленъ, уважаю и ихъ самихъ, какъ людей, которыхъ, можетъ быть, должно и извинить нѣсколько; потому что увлеклись по грубости, дѣйствовали по наущенію другихъ, а именно тѣхъ, кого злыми на меня содѣлала здѣсь зависть.

Рѣшите, мудрые, мою задачу. Для меня это не понятно, и развѣ растолкуетъ какой мудрецъ. Отъ чего самъ Петръ ¹⁾, этотъ судія пастырей, сперва писаніемъ своимъ, которое явнымъ образомъ не заключаетъ въ себѣ никакого двусмыслія, какъ въ этомъ увѣрить самое письмо его ко мнѣ, призналъ меня возведеннымъ на престолъ и почтилъ знаками своего утвержденія, а теперь вмѣсто дѣвы оказался для меня ланью? Это—дѣло темное, которое требуетъ объяс-

¹⁾ Архіепископъ Александрійскій.

ненія. Видали ли что болѣе похожимъ на лицедѣйство, хотя на свѣтѣ и много разыграно лукавыхъ дѣлъ?

Но увидятъ и еще нѣчто болѣе забавное. Одинъ изъ пирующихъ (2 Евр. 11, 12) говорилъ, что всѣми владѣетъ вино, другой утверждалъ, что всѣми владѣютъ женщины, а мудрый сказалъ, что владѣетъ истина. Но я присовокупилъ бы о золотѣ, что ему принадлежитъ владычество. Имъ безъ труда все приводится въ движеніе; и нимало не странно, если одно только мірское превозмогаетъ у насъ надъ духомъ.

Но спросятъ: откуда золото у этого пса?—Одинъ пресвитеръ прибылъ сюда изъ Фасса и привезъ золото тамошней церкви, чтобъ купить на него проконнійскаго мрамора. Обласкавъ этого бѣдняка, при содѣйствіи другихъ, связавъ его множествомъ надеждъ (ибо худые съ худыми сходятся скоро), Максимъ добылъ у него золото; приобрѣлъ этого на все пригоднаго служителя, вѣрнаго помощника, искренняго товарища. И вотъ доказательство! Тѣ самые, которыя прежде уважали меня, начинаютъ теперь презирать, какъ бесполезнаго и безнадежнаго друга, и подобно стрѣлкѣ въ вѣсахъ, легко склоняются на худшее.

Была ночь, а я лежалъ больной. Какъ хищные волки, явившіеся вдругъ въ загонѣ овецъ, съ не малымъ числомъ наемныхъ моряковъ (которыми легко приводится въ воспламененіе Александрія; потому что къ этимъ морякамъ пристають и умные люди),—они спѣшатъ обстричь этого пса и возвести на кафедру прежде, чѣмъ стало то извѣстно народу, вождамъ Церкви, и даже мнѣ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, псу этого стада. Они говорятъ, что такъ было имъ приказано. Вотъ какъ Александрія воздастъ за труды! Пусть судить объ этомъ кто другой, къ вамъ благорасположенный!

Настало утро! Клиръ (потому что клирики жили близко) приходитъ въ воспламененіе, молва быстро переходитъ отъ одного къ другому, и разгарается самый сильный пожаръ. Сколько стеклось людей чиновныхъ; сколько—стороннихъ и даже сомнительной вѣры! Не было человѣка, который бы, видя такое вознагражденіе трудовъ, не раздражился тогдашнимъ поступкомъ. Но къ чему продолжать рѣчь? Немедленно съ гнѣвомъ удаляются они изъ храма, скорбя о томъ, что не достигли цѣли. Но чтобы не пропадало напрасну начатое зло, приводятъ къ концу и остальную часть своего лицедѣйства. Почтенные и богоугодные эти люди, въ сопровожденіи нѣсколькихъ мірянъ изъ числа самыхъ презрѣнныхъ, входятъ

въ бѣдное жилище свирѣльщика, и тамъ, остригши волосы самому злему изъ псовъ, впрочемъ не употребивъ ни узъ, ни насилія, по-тому что этотъ песь готовъ былъ и на большее, назнаменуютъ его пастыремъ. Свершилось посѣченіе густыхъ кудрей; безъ труда уничтоженъ этотъ долговременный трудъ рукъ, а самъ онъ при-обрѣлъ изъ сего то одно, что обнаружена тайна волосъ, въ которыхъ заключалась вся его сила, какъ повѣствуется сіе и о судіи Самп-сонѣ, что остриженные волосы предали его врагамъ, которымъ въ угодность обрѣзала ихъ жена, и произвела эту безвременную и гу-бительную жатву. Но изъ псовъ сдѣланный пастыремъ опять изъ пастырей сталъ псомъ, и (какое безчестіе!) псомъ покинутымъ. Не носитъ уже онъ красивыхъ волосъ, но не владѣеть и стадомъ, а бѣгаетъ опять по мяснымъ рынкамъ за костями. Что жъ сдѣлаешь съ прекрасными своими волосами? Снова ли будешь тщательно ихъ отращивать? Или останешься такимъ посмѣшищемъ, какъ теперь? То и другое срамно, а между этими двумя крайностями невозможно найдти ничего средняго, кромѣ одной удавки. Но скажи также, гдѣ положишь, или куда пошлешь эти острижен-ные волосы? Къ лицедѣямъ ли на позорище, или къ дѣвамъ, и къ какимъ опять дѣвамъ? Не къ своимъ ли коринѣскимъ? Не къ тѣмъ ли, съ которыми нѣкогда ты, о всемудрый, одинъ на одинъ упраж-нялся въ богоугодныхъ подвигахъ! За все это назову тебя лучше псомъ небеснымъ.

Послѣ сего городъ столько скорбѣлъ о тогдашнихъ происше-ствіяхъ, что всѣ были смущены, всякій разсѣвалъ о Максимѣ не-навистные слухи въ оужденіе его жизни, и что доселѣ таилось въ мысли, то гнѣвъ вывелъ наружу. Каждый присовокуплялъ отъ себя что нибудь новое; и изъ всего этого составлялось стройное изобра-женіе одного совершеннаго негодая. Какъ въ тѣлѣ, при большихъ недугахъ, появляются и малыя немощи, остававшіяся непримѣт-ными, пока человѣкъ былъ здоровъ: такъ и у Максима всѣ прежнія худыя дѣла выставлены на позоръ послѣднимъ возмутительнымъ поступкомъ. Но никогда не стану разглашать ихъ я. Пусть знаютъ о семъ тѣ, которые говорятъ. Я, хотя и потерпѣлъ обиду, однако же изъ уваженія къ прежнему замыкаю уста.

„Итакъ что же? Не вчера ли былъ онъ въ числѣ твоихъ дру-зей? Не вчера ли удостоивалъ ты его самыхъ великихъ похвалъ?“ Такъ, можетъ быть, возразитъ мнѣ иный, кто знаетъ это дѣло и за-хочетъ обратить мнѣ въ вину тогдашнюю готовность, съ какою ува-жалъ я даже худшихъ изъ псовъ. Точно, я былъ въ невѣдѣніи, до-

стойномъ порицаніи, какъ Адамъ, обольщенъ былъ зловреднымъ вкүшеніемъ; горькое дерево прекрасно было на видъ; меня обманула личина вѣры, какую видѣлъ я на его лицѣ, обманули и притворныя слова. А кто вѣренъ, тотъ всѣхъ вѣроимчивѣе, легко привлекается благоговѣніемъ другаго, будетъ ли оно истинное, или мнимое. Конечно, это добрая еще немощь. Ибо всякій то и думаетъ, чего желаетъ. И скажите, премудрые, что надлежало мнѣ дѣлать? Что иное, по вашему мнѣнію, сдѣлалъ бы кто изъ васъ самихъ? Церковь находилась тогда въ такомъ еще тѣсномъ положеніи, что не мало для меня значило собирать и солому. Стѣсненные обстоятельства не даютъ такой свободы, какую можно имѣть во времена изобилія. Для меня очень было важно, если и песь ходитъ на моемъ дворѣ, и чтить Христа, а не Иракла. Но здѣсь было нѣчто и большее. О томъ изгнаніи, какому подвергся Максимъ за срамныя дѣла, увѣрялъ онъ, что потерпѣлъ сіе ради Бога. Онъ былъ наказанъ бичами, а мнѣ казался побѣдоносцемъ. Если это тяжкая вина, то знаю, что не одинъ разъ и во многомъ погрѣшалъ я подобнымъ сему образомъ. Простите же меня, судіи, въ этомъ прекрасномъ прегрѣшеніи. Максимъ былъ самый негодный человѣкъ, но я уважалъ его, какъ добраго. Или скажу нѣчто и болѣе отважное. Вотъ отдаю мой говорливый, не умѣющій соображаться со временемъ языкъ. Кто хочетъ, отсѣки его безъ милосердія. И что жъ? Развѣ онъ не отсѣченъ уже? Если угодно, то дѣйствительно такъ. По крайней мѣрѣ давно онъ молчитъ, и долѣе еще будетъ молчать, можетъ быть, въ наказаніе за неблаговременность, и въ наученіе, что не всѣмъ онъ пріятенъ. Но каково и это? Позвольте присовокупить еще одно. Лукавство, подлинно, идетъ вопреки здравому разсудку. Кого и доброта не сдѣлала кроткимъ, изъ того могло ли что сдѣлать всякое другое средство? Вотъ и самая честь—для него уже укоризна. Какимъ назовешь ты нравъ этого человѣка? Весьма худымъ. И если это вѣрно, не доискивайся большаго. А если неправда, то не соглашайся и на прежнее. Что можетъ быть неоспоримѣе этого?

Такъ безчестно прогнанъ отсюда этотъ злой человѣкъ, вѣриѣ же сказать, прогнанъ прекрасно, потому что былъ золь. Поелику же царь Востока, готовя гибель варварскимъ племенамъ, находился въ ессалоникійской крѣпости, то смотри опять, что замышляетъ этотъ злѣйшій песь. Взявъ съ собою подлую толпу Египтянъ (разумѣю тѣхъ, которые обстригли его такъ безобразно), направляетъ онъ путь въ воинскій станъ, чтобы царскимъ указомъ утвер-

дить за собою кафедру. Но тамъ еще ничей слухъ не былъ расположенъ ко мнѣ худо и не внималъ клеветѣ; поэтому Максимъ и тамъ съ великимъ гнѣвомъ и страшными проклятіями отринуть, какъ песь, и вскорѣ скрывается въ Александрію, сдѣлавъ это одно справедливое и умное дѣло. Ибо съ наемной толпой бездомныхъ людей нападаетъ на Петра, у котораго было двойное перо, и который безъ труда писалъ все, хотя бы это и противорѣчило одно другому. Сего-то старца тѣснить Максимъ, требуя себѣ престола, котораго надѣялся, а въ противномъ случаѣ грозя, что самого не оставитъ на престолѣ. Наконецъ градоправитель, опасаясь (какъ и справедливо было), чтобы раздуваемый пламень къ старымъ бѣдствіямъ не присовокупилъ еще новыхъ, выгоняетъ его вонъ. И теперь, по-видимому, онъ спокоенъ. Но боюсь, чтобы эта страшная чреватая градомъ туча, надвинутая сильнымъ вѣтромъ, не разразилась надъ тѣми, которые вовсе того не ожидаютъ, потому что злонравіе никогда спокойно быть не можетъ; хотя теперь и связано, но не сдѣлается благоразумнѣе. Таково-то любомудріе нынѣшнихъ псовъ! Это псы лающіе, чѣмъ единственно и похожи они на псовъ. Что же такое въ сравненіи съ ними Діогенъ, или Антисоенъ? Что передъ нимъ и Кратесъ? ни во что ставъ Платоново любомудріе; ничего не значить портикъ. Тебѣ, Сократъ, донынѣ принадлежало первенство. Скажу нѣчто вѣрнѣе самой Пиеи. Всѣхъ премудрѣе Максимъ.

А я бѣдствую, какъ едва ли бѣдствовалъ какой смертный: такъ было со мною съ самаго начала; такъ и еще болѣе, продолжается и теперь. И великое благодареніе трудамъ на сушѣ, опасностямъ на морѣ, и тѣмъ страхамъ, которыми я спасенъ! Они, поставивъ меня выше всего коловратнаго, явнымъ образомъ обратили къ горнему. Однако же не перенесъ я тогдашняго безчестія, и съ радостію ухватился за открывшійся предлогъ. Какъ скоро узналъ, что этотъ негоднѣйшій человѣкъ обстриженъ, хотя окружили меня всѣ друзья, составили около меня непримѣтную стражу, охраняя мои движенія, выходы и возвращенія, однако же, поелику всѣ враги мои видѣли эту борьбу, и происшедшее раздѣленіе почитали низложеніемъ самаго ученія, смотря на все это и не имѣя терпѣнія перенести (не отрицаюсь въ томъ), испыталъ я на себѣ нѣчто собственное человѣку простому, а не мудрому. Тотчасъ, какъ говорятъ, поверотелъ я корму назадъ и поверотилъ не слишкомъ искусной рукою. Никто бы, можетъ быть, и не догадался; но у меня вырвалось какое-то прощальное слово, которое изрекъ я въ скорби

отеческаго сердца. „Блюдите, сказалъ я, всецѣлую Троицу, какъ предалъ вамъ, возлюбленнымъ чадамъ, самый щедрый отецъ; помните, любезнѣйшіе, и мои труды“. Едва народъ услышалъ это слово; одинъ нетерпѣливый громко вскричалъ, и какъ рой пчелъ, выгнанный дымомъ изъ улья, вдругъ поднимаются и оглушаютъ криками и мужчины и женщины, дѣвы, юноши, дѣти, старики, благородные и неблагородные, начальники, воины, живущіе на покоѣ; всѣ равно кипятъ гнѣвомъ и любовію, гнѣвомъ на враговъ, любовію къ Пастырю.

Но не въ моихъ было правилахъ—принужденно преклонить колѣна и обрадоваться утверженію на престолѣ, которое не было вполне законно, когда не могли меня принудить и къ принятію законнаго престола. Чтобы достигнуть желаемаго, избирають другой путь, прибѣгаютъ къ сильнымъ заклинаніямъ и моленіямъ, просятъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, остался у нихъ, помогаль имъ и не предавалъ паствы на расхищеніе волкамъ. Можно ли было удержаться отъ слезъ? Анастасія, досточестнѣйшій изъ храмовъ, въ которомъ воздвигнута вѣра, поверженная на землю, Ноевъ ковчегъ, который одинъ избѣгъ всемірнаго потопленія и сохранилъ въ себѣ сѣмена новаго православнаго міра! Къ тебѣ отсюду стекался многочисленный народъ; потому что приближалась самая опасная и рѣшительная минута—одержать верхъ или мнѣ, или народной любви. А я среди ихъ, безгласный, въ какомъ-то омраченіи, не въ состояніи былъ ни остановить шума, ни обѣщать того, о чемъ просили. Одно было невозможно; отъ другаго удерживалъ страхъ. Задыхались отъ жара, всѣ обливались потомъ. Женщины, особливо ставшія уже матерями, въ страхѣ напрягали свой голосъ; дѣти плакали; а день клонился къ вечеру. Всякій клялся, что не отступится отъ своихъ домогательствъ, хотя бы храмъ сдѣлался для него прекраснымъ гробомъ, пока не исторгнетъ у меня одного желаннаго слова. Нѣкто (для чего ты, слухъ мой, не былъ загражденъ въ то же самое мгновеніе), какъ бы вынужденный скорбію, сказалъ: „ты вмѣстѣ съ собою изводишь и Троицу“. Тогда убоявшись, чтобъ не случилось какой бѣды, не клятвою обязался (похваляюсь въ этомъ нѣсколько о Богѣ, я никогда не произношу клятвъ съ тѣхъ поръ, какъ омытъ по дарованію Духа), но далъ слово, за которое ручался мой нравъ, что останусь у нихъ, пока не явятся нѣкоторые епископы, которыхъ тогда ожидали. Тогда и я надѣялся получить избавленіе отъ чуждыхъ для меня заботъ. Такъ съ трудомъ мы разошлись, для той и другой стороны приобрѣтя тѣнь надежды.

Они воображали, что теперь и уже ихъ; а я рассуждалъ, что остаюсь у нихъ не на долгое теперь время.

Такъ было дѣло. И опять возсіяло Божіе слово; казалось, что разрѣдѣвшій нѣсколько воинскій строй снова сгущается отъ разторопныхъ распоряженій военачальника, или разрушенный по мѣстамъ оплотъ быстро растетъ подъ множествомъ рукъ. Еще прежде пріяхшіе на себя узы догматовъ и потому присоединившіеся ко мнѣ, когда увидѣли, чему я подвергся, возлюбили меня крѣпче. Однихъ приводила ко мнѣ проповѣдуемая Троица, ученіе о Которой было изгнано на долгое время, но не скажу, чтобъ оно издавна погребено было совершенно; нѣтъ, это была отечественная проповѣдь, и теперь она возвращалась въ свое отечество. Она была здѣсь и прежде, потомъ прекратилась, но теперь явилась снова, удостоверяя тѣмъ въ воскресеніи изъ мертвыхъ. А въ другихъ было уваженіе и къ моимъ, можетъ быть, словамъ. Иные же притекали ко мнѣ, какъ къ терпѣливому подвижнику. Другимъ пріятно было видѣть меня, какъ дѣло собственныхъ рукъ. И объ этомъ пусть одни спросятъ у знающихъ, а другіе расскажутъ незнающимъ, если найдутся люди, которые были бы такъ удалены отъ насъ и отъ преобладающаго нынѣ владычества Римлянъ, — пусть, говорю, расскажутъ, чтобъ могло быть это пересказано и во времена послѣдующія, пересказано, какъ одно изъ небывалыхъ еще въ свѣтѣ бѣдствій, приносимыхъ къ намъ непостояннымъ теченіемъ времени, которое ко всему доброму примѣшиваетъ въ большей мѣрѣ худое. Не говорю уже о правовѣрномъ народѣ, о семъ благородномъ плодѣ моего чревоболѣнія. Объ нихъ можно сказать только, что, поелику не было у нихъ единомудреннаго съ ними Пастыря; то, какъ при безводіи бѣгутъ къ первой показавшейся влагѣ, и въ совершенной тмѣ—къ малому свѣту: такъ и они стекались ко мнѣ, чтобы въ моемъ словѣ найти себѣ пособіе отъ глада. Но что сказалъ бы иной о людяхъ чуждыхъ вѣры, припоминая, какъ и они восхищались словомъ?

Много путей, которые слишкомъ уклонились отъ пути законнаго и непогрѣшительнаго. Много путей, которые ведутъ въ бездну погибели. На сіи-то пути растлитель увлекаетъ образъ Божій, чтобъ чрезъ это найти къ нему какой нибудь доступъ, раздѣляя въ насъ мысли, а не языки, какъ древле раздѣлилъ Богъ. Это было причиною нездравыхъ ученій; одни не знаютъ инаго Бога, кромѣ случайнаго стремленія, каковымъ будто бы составилась и управляется эта вселенная; другіе вмѣсто единаго Бога вводятъ мно-

жество боговъ, и кланяются собственнымъ своимъ произведеніямъ; иные все дальнее лишаютъ Промысла и ставятъ въ зависимости отъ сопряженій звѣздъ; другіе, бывъ избраннымъ Божиимъ народомъ распяли на крестѣ Сына, думая тѣмъ почтить Отца; иные поставляютъ благочестіе въ исполненіи маловажныхъ заповѣдей; иные отрицаютъ Ангеловъ, духовъ и воскресніе, или отметають пророческія писанія, другіе въ законныхъ сѣняхъ чествуютъ Христа; иные чтутъ Глубину, Молчаніе—довременныя природы, и эоновъ—женомужей; это дѣти Симона волхва, и ихъ порожденія, то слагающіе Божество изъ буквъ, то ветхій и новый Завѣтъ приписывающіе двумъ богамъ — жестокому и всеблагому, то вводящіе три неподвижныя природы: духовную, перстную и среднюю между обѣими, то съ восторгомъ принимающіе Манесову первобытную тму, то нечестиво чествующіе Моптанова Духа, или суетное превозношеніе Новата, наконецъ сократители всецѣлой Троицы, и раздѣлители всѣвѣкомаго естества. А отъ нихъ, какъ отъ одной гидры, расплодилось многоглавое злочестіе; отъ нихъ и тотъ, кто одного Духа называетъ тварію, и тотъ, кто къ Духу прилагаетъ и Сына; отъ нихъ и тѣ, которые вводятъ современнаго Кесарю Бога, или ни съ чѣмъ несообразно приписываютъ Христу призрачный образъ, или допускаютъ другаго Сына, дальняго, или утверждаютъ, что спасенъ человѣкъ не полный, не имѣющій ума. Таковы, скажу кратко, сѣченія правой вѣры; таковы родоначалницы всѣхъ нелѣпыхъ ученій.

И кто же изъ нихъ былъ тогда столько упоренъ, чтобъ не склонить слуха къ моимъ словамъ? Однихъ плѣняла сила ученій, другихъ дѣлалъ кроткими образъ выраженія. Безъ вражды, не столько съ укоромъ, сколько съ сѣрдоболіемъ велъ я рѣчь; сѣтовалъ, а не поражалъ, и не превозносился, какъ другіе, скоротечнымъ и непостояннымъ временемъ. Ибо какое общеніе у Слова съ землею властію? Не дѣлалъ я щита своему неразумію изъ дерзости. Слишкомъ ухищренно и развѣ каракатицѣ только свойственно изрыгати черноту изъ своей внутренности, чтобъ въ темнотѣ избѣжать обличеній. Напротивъ того, въ словахъ своихъ соблюдалъ я кротость и благоприличіе, какъ защитникъ Слова кроткаго, сострадательнаго, не наносящаго никому ударовъ. Потому и побѣжденнымъ оставаться славно, но еще гораздо достоестнѣе одерживать верхъ надъ приобретаемыми Богу невольнымъ убѣжденіемъ. Такъ было начертано на моихъ скрижаляхъ!

Но былъ у меня и другой, такъ же ясно и прекрасно начертан-

ный, законъ обученія, именно же слѣдующій: не признавать единственнымъ путемъ къ благочестію этого легко приобретаемаго и зловреднаго языкоболія, не метать таинственныхъ ученій безъ всякой пощады на зрѣлищахъ, на пирахъ, во время упоенія, среди смѣха, когда сердце разпѣжено гѣснями, не метать языкомъ, который не очищенъ предварительно отъ мерзкихъ рѣчей, не метать слуху, который оскверненъ и чуждъ Христа, и не обращать въ шутку того, что съ трудомъ уловляется; но доказывать благочестіе всего болѣе исполненіемъ заповѣдей, тѣмъ, чтобы питать нищихъ, принимать странныхъ, ходить за больными, постоянно проводить время въ псалмопѣніяхъ, молитвахъ, воздыханіяхъ, слезахъ, возлжаніяхъ на голой землѣ, въ обузданіи чрева, въ умерщвленіи чувствъ, въ подчиненіи доброму порядку раздражительности, смѣха и устъ, наконецъ усмирять плоть силою Духа. Ибо много путей ко спасенію, много путей, ведущихъ къ общенію съ Богомъ. Ими надобно идти, а не однимъ путемъ слова. Достаточно ученіе и простой вѣры, какою безъ мудрованій по большей части спасаетъ Богъ. А если бы вѣра доступна была однимъ мудрымъ; то крайне бѣднѣе былъ бы нашъ Богъ.

Но ты любословъ; ты исполненъ ревности; для тебя несносно, если не польется у тебя слово! И въ этомъ случаѣ желаю тебѣ не больше, какъ свойственнаго человѣку. Говори, но со страхомъ; говори, но не всегда, не обо всемъ, не всякому и не вездѣ; знай, кому, сколько, гдѣ и какъ говорить. Всякой вещи, какъ слышишь, есть свое время, а всего лучше всему мѣра, по слову одного изъ мудрыхъ. Не сходятся между собою предѣлы Мидянъ и Фригіянъ; не сходятся между собою ученія виѣшнихъ и мои слова. У тѣхъ говорятся рѣчи на показъ, въ собраніи молодыхъ людей и для образца имъ; въ нихъ не важны и успѣхъ и неудача. Ничто такъ не бесильно, какъ тѣнь тѣни. Но у насъ одна цѣль—говорить истину. Поэтому нельзя безъ страха такъ, или нѣтъ, вымолвить слово. Путь съ обѣихъ сторонъ окруженъ стремнинами; едва соступишь съ него, тотчасъ упадешь, а упадешь прямо во врата адовы. Поэтому нужна особенная осторожность въ словахъ, чтобъ умно говорить, и умно слушать. Иногда же, равно избѣгая того и другаго, должно пользоваться правдивымъ мѣриломъ—страхомъ. Слухъ меньше подвергаетъ опасности, нежели языкъ. Но еще меньше будетъ опасности, если ничего не пріймешь и слухомъ, но побѣжишь прочь. Для чего тебѣ прикасаться къ гнию, и умертвить свой умъ? Для чего тебѣ приближаться къ дыханію бѣшеной собаки?

Сему научился я изъ законоположеній Писанія которыми былъ напѣтанъ еще прежде, нежели собрался съ собственнымъ своимъ умомъ. Такъ дѣйствовалъ я на гражданъ и на стороннихъ, и сталъ уже однимъ изъ богатыхъ земледѣлателей, хотя жатва моя не вся вдругъ готова была къ сбору. И нѣкоторые изъ терній только что перестали быть дикими, а иныя выравнивались, въ другія влагалось только сѣмя, иныя были еще въ молокъ, у иныхъ едва показывался изъ земли ростокъ, другія дали зелень, у другихъ обвязался стебель, другія ботѣли, а иныя побѣлѣли къ жатвѣ, иныя были на гумнѣ, другія лежали въ кучахъ, одни вывѣвались, другія стали чистой пшеницею, а иныя и хлѣбомъ, что составляетъ конецъ земледѣлія. Но этотъ хлѣбъ питаетъ теперь не трудившагося земледѣлателя, а тѣхъ, которые не пролили и капли пота.

Здѣсь желалъ бы я заключить свое слово, и ничего не говорить о томъ, что недостойно слова. Но теперь не дозволяетъ мнѣ сего дальнѣйшій ходъ дѣлъ, изъ которыхъ иныя текли для меня успѣшно, а о другихъ не знаю, что и сказать, къ какому причислить ихъ разряду, и кого похвалить.

Таково было мое положеніе, какъ внезапно прибываетъ изъ Македоніи Самодержецъ, послѣ того какъ онъ остановилъ тучу варваровъ, которыхъ воодушевляли и надежда на свою многочисленность и дерзость. Государь, что касалось до вѣры въ Бога, не былъ зломысленъ, могъ удерживать въ должныхъ предѣлахъ души болѣе простыя, самъ усердно чтить Троицу (говорю это отъ искренняго сердца, а то же подтверждаютъ и всѣ, безопасно утвердившіеся на прочномъ основаніи); но у него не было такой горячности духа, чтобы настоящее уравнять съ прошедшимъ, самому времени предоставивъ отразить удары времени. Или, можетъ быть, имѣлъ онъ и горячность духа, но ей не равнялась (какъ это назвать? научите сами) отважность или дерзость. А можетъ быть, лучше наименовать сіе предусмотрительностію; потому что и самъ признаю законнымъ не принуждать, но убѣждать, и нахожу сіе болѣе полезнымъ какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кого приводимъ къ Богу.

Невольное, сдерживаемое силой, какъ стрѣла, остановленная тетивою и могучею рукою, или ручей, отвсюду прегражденный въ своемъ теченіи, при первомъ удобномъ случаѣ презираетъ сдерживающую силу. А добровольное навсегда твердо; потому что связано неразрѣшимыми узами любви. Съ такою мыслию, какъ полагаю, и царь не давалъ пока мѣста страху, всѣхъ привлекалъ кротостію,

желая лучше, чтобъ дѣйствовали свободно, а не изъ повиновенія только писанному закону.

Какъ же скоро обрадованный Государь прибылъ къ намъ, которые втрое болѣе обрадовались его пріѣзду; тогда сколько почтилъ онъ меня при первомъ свиданіи, какъ благосклонно и самъ говорилъ со мною, и меня выслушалъ! Но нужно ли говорить объ этомъ мнѣ? Слишкомъ было бы стыдно, если бъ подумали, что такія вещи дорого цѣню и я, для котораго дорого только одно—Богъ. Но вотъ чѣмъ заключилъ онъ разговоръ со мною: „черезъ меня, скажь онъ, Богъ даетъ тебѣ и твоимъ трудамъ этотъ храмъ“.

Слова сіи казались невѣроятными, пока не приведены были въ исполненіе, потому что въ городѣ готовились противиться этому всѣми мѣрами; кипѣніе страстей было сильно и ужасно, рѣшались не уступать, но удерживать за собою все, чѣмъ владѣли, хотя бы случилось что и непріятное. А если бы къ уступкѣ принудили ихъ силою, то стоило имъ обратить нѣсколько гнѣва на меня, надъ которымъ не трудно было взять верхъ. Но такъ сказалъ Государь, и я ощутилъ въ себѣ нѣкоторое трепетаніе удовольствія, смѣшанное съ содроганіемъ ужаса. Христе мой, призывающій насъ къ страданіямъ, тѣми страданіями, какія Самъ претерпѣлъ! Ты и тогда былъ мздовоздаятелемъ моихъ трудовъ, будь и теперь моимъ утѣшителемъ въ злостраданіяхъ!

Наступило назначенное время. Храмъ окруженъ былъ войнами, которые въ вооруженіи, въ великомъ числѣ, стояли рядами. Туда же, какъ морской песокъ, или туча, или рядъ катящихся волнъ, стремился, непрестанно прибывая весь народъ, съ гнѣвомъ и мольбами, съ гнѣвомъ на меня, съ мольбами къ Державному. Улицы, ристалища, площади, всякое даже мѣсто, домы съ двумя съ тремя жильями наполнены были снизу до верху зрителями, мужчинами, женщинами, дѣтьми, старцами. Вездѣ суеты, рыданія; слезы, вопли—точное подобіе города, взятаго приступомъ. А я доблестный воитель и воевода, съ этимъ немощнымъ и разслабленнымъ тѣломъ, едва переводя дыханіе, шель среди войска и Императора, возводя взоръ горѣ и ища себѣ помощи въ однѣхъ надеждахъ; наконецъ не знаю, какъ вступилъ въ храмъ.

Стоить примѣчанія и слѣдующее обстоятельство. Тогда многимъ казалось оно даже выше всякаго слова, именно же тѣмъ, для которыхъ не просто и все, что они видятъ, особливо въ важнѣйшія мгновенія времени. А я, который не меньше всякаго другаго не склоненъ вѣрить чрезвычайному, не имѣю причины не вѣрить

утверждающимъ это; потому что оспоривать все безъ разбора хуже, нежели имѣть готовность — всему безпрекословно вѣрить. Одно показываетъ легковѣріе, а другое—дерзость. Какое же это чудо? Пусть провозгласить о немъ міру моя книга, и да не скроется отъ потомства такой даръ благодати.

Было утро; но надъ цѣлымъ городомъ лежала еще ночь; потому что тучи закрывали собою солнечный кругъ. Это всего менѣе прилично было тогдашнему времени; потому что при торжествахъ всего пріятнѣе ясная погода. Въ этомъ и враги находили для себя удовольствіе; они толковали, что совершаемое не угодно Богу. И мнѣ причиняло сіе тайную въ сердцѣ печаль. Но какъ скоро я и порфиросець были уже внутри священной рѣшетки, вознеслась отъ всѣхъ общая хвала призываемому Богу, раздались восклицанія, простерлись вверхъ руки; вдругъ, по Божію велѣнію, сквозь расторгшія тучи возсіяло солнце, такъ что все зданіе, дотолѣ омраченное, мгновенно сдѣлалось молніевиднымъ, и въ храмѣ все приняло видъ древней скиніи, которую покрывала Божія свѣтлость. У всѣхъ прояснились и лица и сердца.

Такое зрѣлище внушило смѣлость. Въ громкихъ восклицаніяхъ, какъ чего-то единственно недостававшего къ настоящей радости, требуютъ меня; говорятъ, что для города отъ державной власти будетъ первою, самою важною, лучшею самага престола наградой, если константинопольскому престолу данъ буду я. Таково было требованіе и чиновныхъ и простолюдиновъ; всѣ въ равной мѣрѣ желали этого. О семъ вопіяли вверху женщины, почти забывъ, чего требуетъ отъ нихъ благоприличіе. Все оглашалось какъ бы какими-то невѣроятными раскатами грома. Наконецъ, велѣвъ встать одному изъ возсѣдавшихъ со мною (а у меня не было тогда силы въ голосѣ, отъ смущеній и отъ страха), чужими устами проговорилъ я слѣдующія слова: „удержите, удержите ваши крики; теперь, конечно, время благодаренію; послѣ займемся и дѣлами“. Народъ съ рукоплесканіями принялъ слова мои; потому что обнаженъ одинъ мечъ, но опять сокрытъ въ ножны, и дерзость изъ храма, похвалилъ меня. Такой конецъ имѣло это собраніе, которое такъ много меня утрашало; и весь страхъ кончился тѣмъ, что обнаженъ одинъ мечъ, но опять сокрытъ въ ножны, и дерзость пламеннаго народа пресѣчена.

Но что было послѣ, не знаю, какъ продолжать о томъ слово; потому что и самый предметъ приводитъ меня въ затрудненіе. Лучше бы другой кто кончилъ начатое мною повѣствованіе; по-

тому что стыжусь слышать себя похвалы, когда и другой говорит обо мнѣ хорошо. Такой у меня законъ! Впрочемъ буду говорить, соблюдая умѣренность, сколько могу.

Я оставался дома. Городъ послѣ того, какъ сталъ принадлежать намъ, прекратилъ свои грозныя на меня рыканія, но издавалъ еще глухіе стоны, подобно исполину, который, какъ сказываютъ, пораженный перуномъ близъ горы Этны, изрыгалъ изъ глубины и дымъ и огонь. Какъ же надлежало мнѣ поступить въ этомъ случаѣ? Научите меня ради Бога, скажите вы, властвующие нынѣ, вы—собраніе жалкихъ юношей, у которыхъ кротость почитается слабостію, а упорство и злонравіе—мужествомъ? Долженъ ли я быть, безъ мѣры воспользовавшись обстоятельствами и властію, толкать, гнать, свирѣпствовать, воспламенять? Или надлежало мнѣ врачевать врачевствами спасительными? Въ послѣднемъ случаѣ можно было извлечь двѣ выгоды,—и ихъ сдѣлать умѣренными своею умѣренностію, и себя пріобрѣсти славу и благорасположеніе. Это было справедливо; такъ и всегда буду дѣйствовать, а всего болѣе такъ прилично было дѣйствовать тогда. Во-первыхъ, надобно было показать, что приписываю это не столько счастливому степенію обстоятельствъ, сколько Божию могуществу. Имѣя самаго надежнаго совѣтодателя—Слово, какой совѣтъ получаю отъ этого добраго совѣтника? Всѣ тогда кланялись гордынѣ чиновначальствующихъ, особливо тѣхъ, которые имѣли силу при Дворѣ и не способны были ни къ чему другому, какъ только собирать деньги; трудно и сказать, съ какимъ усердіемъ и съ какими происками припадали тогда къ самымъ вратамъ царевымъ; другъ друга обвиняли, перетолковывали, употребляли во зло даже благочестіе, однимъ словомъ: отваживались на всякія постыдныя дѣла. Одинъ я признавалъ для себя лучшимъ, чтобъ меня любили, а не преслѣдовали ненавистію. Я хотѣлъ снискать уваженіе тѣмъ, что меня рѣдко видѣли; большую часть времени посвящаль Богу и очищенію, а двери сильныхъ земли предоставляль другимъ.

Сверхъ того я видѣлъ, что одни, причинивъ мнѣ обиду, какъ сами себя сознавались въ томъ, безпокоились о послѣдствіяхъ, а другіе, что естественно, имѣли нужду въ новыхъ моихъ благодѣніяхъ. Поэтому, однихъ избавилъ я отъ страха, а другимъ помогъ, по мѣрѣ нужды каждаго, и сколько самъ былъ въ силахъ. Для примѣра скажу объ одномъ изъ многихъ случаевъ.

Однажды оставался я дома, не занимаясь дѣлами по болѣзни, которая посѣщала, не разъ посѣщала меня вмѣстѣ съ трудами;

и вот та нѣга, какой предавался я, по мнѣнію моихъ завистниковъ! Въ такомъ былъ я положеніи; вдругъ входятъ ко мнѣ нѣсколько простолюдиновъ, и съ ними молодой человекъ, блѣдный, съ всклокоченными волосами, въ печальной одеждѣ. Я свѣсилъ немного ноги съ своего одра, какъ бы испугавшись такого явленія. Прочіе, наговоривъ, какъ умѣли, много благодареній и Богу и царю за то, что даровали намъ настоящій день, сказавъ не мало словъ и мнѣ въ похвалу, удалились. А молодой человекъ припалъ вдругъ къ моимъ ногамъ, и оставался у нихъ какимъ-то безмолвнымъ и неподвижнымъ отъ ужаса просителемъ. Я спрашивалъ: кто онъ, откуда, въ чемъ имѣетъ нужду?—Но не было другаго отвѣта, кромѣ усиленныхъ восклицаній. Онъ плакалъ, рыдалъ, ломалъ себѣ руки. И у меня полились слезы. Когда же оттащили его насильно, потому что не внималъ словамъ; одинъ изъ бывшихъ при этомъ сказалъ мнѣ: „это убійца твой; если видишь еще Божій свѣтъ, то потому, что ты подъ Божіимъ покровомъ. Добровольно приходитъ къ тебѣ этотъ мучитель своей совѣсти, не благомысленный убійца, но благородный обвинитель себя самого, и приноситъ слезы въ цѣну за кровь“. Такъ говорилъ онъ; меня тронули слова сіи, и я произнесъ такое разрѣшеніе несчастному: „да спасетъ тебя Богъ! а мнѣ спасенному не важно уже показать себя милостивымъ къ убійцѣ. Тебя дерзость сдѣлала моимъ. Смотри же, не посрами меня и Бога“. Такъ сказалъ я ему. И какъ ничто прекрасное не остается тайнымъ, городъ вдругъ умягчается, какъ желѣзо въ огнѣ.

А въ разсужденіи прославляемыхъ богатствъ, какими повелители цѣлой вселенной обогащали храмы во всѣ времена, и тѣхъ драгоценностей и отвсюду собираемыхъ доходовъ, въ которыхъ не нашелъ я никакого отчета ни по записямъ прежнихъ предстоятелей, ни у сокровищехранителей, у которыхъ все это было на рукахъ, если не сталъ я входить въ разысканія, и для повѣрки, какъ совѣтовали мнѣ иные, и къ чему даже принуждали, не привялъ никого сторонняго, что послужило бы къ оскорбленію таинства; то какъ думаешь о семъ? Пусть отчетъ дають въ томъ, что у кого было, а не въ томъ, что слѣдовало кому получить. Кто пристрастенъ къ богатству, тотъ порицаетъ и этотъ мой поступокъ; а кто выше этой страсти, тотъ весьма его одобритъ. Если во всякомъ случаѣ худа ненасытность; то еще хуже—быть ненасытнымъ духовному. Если бы всѣ такъ разсуждали о деньгахъ, то никогда бы не было такого безпорядка въ Церквахъ. Но входить въ такіа разы-

сканія не имѣю намѣренія; говорю же единственно о томъ, что относится къ священнослуженію и приближаетъ къ Богу.

Противниками распускаемъ былъ и тотъ слухъ, что не достанетъ у меня народа для наполненія и однихъ притворовъ; такъ прежде раздѣленъ былъ народъ, когда мы были скудны; такъ презиралъ всякій меня, у котораго теперь полный храмъ, даже полные храмы! И это было предметомъ моихъ попеченій; не говорю уже о томъ, что я заботился о нищихъ, о монахахъ, о дѣвахъ, служащихъ при храмѣ, о странныхъ, о прохожихъ, объ узникахъ, о псаломчѣніяхъ, о всеошныхъ слезахъ, о мужахъ и женахъ, упражняющихся въ дѣлахъ честныхъ, и обо всемъ, что веселитъ Самого Бога, когда совершается благочинно.

Но не успокоивается губительная зависть, которую все уязвляетъ или явно, или тайно. Моя побѣда дѣлается для меня началомъ бѣдствій. Для утвержденія благочестиваго престола собрались всѣ предстоятели народныя, сколько ихъ ни было на Востоку, кромѣ Египта, до самаго новаго Рима, не знаю какими-то Божиими вѣщаніями подвигнутые изъ внутреннихъ глубинъ суши и моря. Первосѣдателемъ у нихъ былъ мужъ весьма благочестивый, простой и нехитрый нравомъ; онъ весь былъ въ Богѣ; свѣтлый взоръ его, внушая уваженіе, обуздывалъ дерзость, и взирающимъ открывалъ въ немъ воздѣланную Духомъ ниву. Въ этомъ изображеніи кто не узнаетъ предстоятеля Церкви Антиохійской, который дѣйствительно былъ таковъ, какъ именовался, и чье имя вполнѣ соответствовало его качествамъ; потому что и имя и нравы его медоносны ¹⁾! Онъ много пострадалъ за Духа Божія, свѣтлыми подвигами воздѣлывая въ себѣ духовныя дарованія, хотя и былъ недолго водимъ чуждою рукою.

Сии-то предстоятели утверждаютъ меня на досточестномъ престолѣ, сколько ни вопіялъ я и ни жаловался на сіе. По крайней мѣрѣ, утверждаютъ не совершенно противъ воли, чему одна только была причина,—будь въ этомъ моимъ свидѣтелемъ, Слово! Какая же это причина? Скрывать истину было бы не позволительно. Кто чего желаетъ, тотъ слѣпо сего надѣется. Когда же духъ кипитъ, тогда все кажется удобнымъ. Въ такихъ случаяхъ и я, подобно всякому другому, бываю высокоумень. Поэтому въ мечтаніяхъ суетнаго сердца предполагалъ я, что какъ скоро приобрѣту могуще-

¹⁾ Μέλιτος γαρ και τροπος και τοῖνομα. Сею игрою словъ обозначается имя Антиохійскаго Архіепископа Мелетія.

ство этого престола, поелику видимость придасть много вѣса, тотчасъ приведу въ согласіе, къ несчастію, отдалившихся другъ отъ друга, подобно уставщику пѣвчихъ, который, ставъ въ срединѣ двухъ ликовъ, и одному предписывая законъ тою, а другому— другою рукой, дѣлаетъ изъ нихъ одинъ ликъ.

И не верхъ ли это бѣдствія? Не достойно ли это обильныхъ слезъ, сильныхъ рыданій и терзаній, какимъ не предавался никто ни изъ древнихъ, ни изъ новѣйшихъ ни въ одномъ горестномъ событіи, какъ ни много со многими встрѣчалось несчастій, не исключая и то, извѣстное всякому разсѣяніе Израиля, развѣяннаго христуобійственной ненавистію? Эти предсѣдатели и учителя народовъ, податели Духа, съ высоты престоловъ осіявающіе спасительнымъ ученіемъ и непрестанно среди Церквей широковѣщательнымъ гласомъ проповѣдающіе всѣмъ миръ, съ такимъ огорченіемъ возставали другъ на друга, что, съ грозными восклицаніями собирая себѣ способниковъ, обвиняя другихъ, сами подвергаясь обвиненіямъ, предаваясь сильнымъ движеніямъ, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, расхищая, что только удавалось захватить прежде другихъ, въ страсти къ любоначалию и единоначалию (какъ и какими словами опишу это?) расторгли уже (какъ сказалъ я въ началѣ сего слова) цѣлую вселенную. Ихъ споры, по видимому, больше отдѣляютъ Западъ отъ Востока, нежели разность мѣстности и климатовъ. Послѣдніе, если не въ крайнихъ, то въ среднихъ своихъ состояніяхъ, имѣютъ нѣкоторое единеніе. Но нѣтъ уже ничего связующаго этихъ раздѣлившихся между собою, не изъ благочестія, выставляемаго въ предлогъ ненавистію, готовою ко лжи, но изъ-за спора о престолахъ. О комъ говорю это? Ужели объ епископахъ? Не столько объ епископахъ; потому что достаточно знаю обоихъ ¹⁾, сколько о тѣхъ, которые некстати стоятъ за того и другаго, раздуваютъ пламень и безъ того разгорѣвшійся, изъ дѣла друзей прекрасно извлекаютъ собственные выгоды, если только дѣйствительно это прекрасно, а не крайне худо!

Изъ сихъ бѣдствій и я пріобрѣлъ нѣчто на свою долю. Когда предстоятель Антиохійской Церкви, котораго восхвалялъ я недавно, исполненный и измѣряемыхъ и неизмѣряемыхъ лѣтъ, послѣ многихъ (какъ слышно) увѣщаній о примиреніи, какія и прежде, по разговорамъ, дѣлалъ онъ друзьямъ своимъ, отшелъ отселѣ въ апгелъскій лижъ, а потомъ при чудномъ сопровожденіи и стеченіи

¹⁾ Мелетія и Павлія.

города, особенно тогда, какъ сказывали, опечаленнаго, перенесенъ въ собственную свою Церковь, какъ прекрасное сокровище для знавшихъ его; тогда у насъ предлагается на совѣщаніе вопросъ, не требовавшій совѣщаній. Его сложили люди мятежные и злонамѣренные, имѣвшіе въ виду какого нибудь первостоятеля противопоставить тому, который теперь одинъ¹⁾ оставался на престолѣ. Много было наговорено и съ той и съ другой стороны, многое предложено съ цѣлю примиренія, а многое послужило къ увеличенію зла. Тогда и я съ своей стороны сдѣлалъ предложенія, какія признавалъ лучшими и болѣе способствующими къ прекращенію бѣдствій.

„Мнѣ кажется, друзья,—говорилъ я,—что не всѣ вы равно постигаете дѣло, и хотите, чтобы слово мое касалось не того именно, о чемъ надлежитъ теперь разсуждать, но, какъ можно далѣе, уклонилось отъ необходимаго вопроса. У васъ идетъ разсужденіе объ одномъ городѣ²⁾, и это для того, чтобы произвести теперь еще больше споровъ. Вотъ цѣль, которой стараетесь достигнуть, и для которой требуете вспоможенія и моей руки. А у меня слово о дѣлѣ гораздо болѣе важномъ и общемъ. Видите великій кругъ земли, запечатлѣнной потоками драгоцѣнной крови Бога, Который пострадалъ въ образѣ челоуѣка и Себя Самого предалъ въ искупительную цѣну, видите кругъ земли, освященной и другими многими вторичными жертвами. Онъ-то приводится въ колебаніе двумя (скажу такъ) Ангелами, но и они (выговорю сіе со скорбію) не достойны такой чести, а напротивъ того, поколику они Ангелы, тѣмъ паче достойны не того, чтобы изъ-за нихъ ссориться и поступать еще хуже, если только лучшее и достойно лучшаго. Пока находился еще въ живыхъ божественный епископъ³⁾, и оставалось неизвѣстнымъ, пріймутъ ли его когда нибудь Епископы Западныя, дотолѣ раздраженные противъ него; извинительно еще было нѣсколько и оскорбить въ мѣру этихъ (какъ говорятъ) защитниковъ законовъ; потому что, какъ кротость сего мужа служила нѣкоторымъ врачевствомъ противъ гнѣва, такъ невѣдѣніе весьма много придавало дерзновенія. Теперь же, когда бури уже нѣтъ, и Богъ даровалъ тишину Своей Церкви, теперь что, по словамъ моимъ, нужно? Пріймите мое предложеніе, предложеніе благоразумное, превышающее мудрость юныхъ; потому что намъ, стари-

¹⁾ Т.-е. Павлінъ.

²⁾ Т.-е. Антиохіи.

³⁾ Мелетій.

кавъ, не убѣдить ихъ кипучести, которая всегда уступаетъ верхъ желанію суетной славы. Престоль пусть будетъ предоставленъ во власть тому, кто владѣеть имъ доселѣ. Что худаго, если этого мужа¹⁾ оплакивать будемъ долѣе, нежели сколько времени назначаетъ на сіе Вѣтхій Законъ? Потомъ дѣло рѣшить старость и общій для всего нашего рода необходимый и прекрасный предѣлъ. Онъ²⁾ преселится, куда давно желаетъ, предавъ духъ свой даровавшему его Богу; а мы по единодушному согласію всего народа и мудрыхъ епископовъ, при содѣйствіи Духа, дадимъ тогда престолу кого нибудь другаго. И это пусть будетъ единственнымъ прекращеніемъ неустройствъ! Тогда, или, что всего важнѣе, пріобрѣтемъ себѣ и чуждое; ибо теперь, какъ вижу, чуждъ для насъ Западъ, или, что составляетъ вторую выгоду, многочисленные жители города³⁾, утомившись продолжительностію времени, согласятся во мнѣніяхъ. Да утихнетъ наконецъ, да утихнетъ, говорю, эта буря, волнующая міръ! Сжалимся надъ тѣми, которые впали теперь въ расколъ⁴⁾, или близки къ нему, или могутъ впасть впоследствии. Никто изъ насъ да не пожелаетъ извѣдать на опытъ, чѣмъ это кончится, если превозможетъ на долго. Настала рѣшительная минута, или сохраниться на будущее время нашему досточтимому и священному догмату, или отъ раздоровъ пасть невозвратно. Какъ непрочность красокъ, хотя и не совсѣмъ справедливо, ставятъ въ вину живописцу, или нравы учениковъ—въ вину учителямъ: такъ тайноводствуемый, а тѣмъ паче тайноводитель, если онъ худъ, не поруганіе ли таинству? Пусть побѣдятъ⁵⁾ насъ въ маломъ, чтобъ самимъ намъ одержать важнѣйшую побѣду, быть спасенными для Бога и спасти міръ, ко вреду нашему погубленный. Не всякая побѣда приноситъ славу. Доброе лишеніе лучше худаго обладанія. Это извѣстно Троицѣ; это доказываетъ и свѣтлая проповѣдь моего дерзновенія, встрѣченная камнями и содѣлавшая меня предметомъ зависти людей злонравныхъ. Я говорю сего дня просто и по правотѣ, говорю, сколько знаю, сообразное съ нѣлію. Если же кто изъ злонамѣренныхъ думаетъ, что или говорю это изъ челоуѣкоутодія (потому что самъ онъ намѣренъ продать

1) Мелетія.

2) Павлинъ.

3) Антиохія.

4) Расколомъ называетъ раздѣленіе въ Церкви, происшедшее отъ того, что въ Антиохіи были вдругъ два Епископа—Мелетій и Павлинъ.

5) Епископы Западные, которые поставили Павлина Епископомъ Антиохіи.

себя, а нынѣ дѣйствительно есть люди, которые, имѣя у себя много золота и столько же ревности, покупаютъ голоса въ пользу избираемыхъ), или, по обычаю многихъ, не теряю при семъ изъ виду собственной выгоды (потому что самъ онъ ухищрялся, какъ бы укрыться въ произведенномъ имъ безпорядкѣ, или замышляетъ ухватить изъ этого нѣчто и себѣ); то да будетъ предоставлено рѣшить сіе конечному огню! А мнѣ дозвольте остаться безъ престола и вести жизнь хотя не славную, однако же безбѣдную. Я пойду и успокоюсь тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ золь; потому что сіе гораздо лучше, чѣмъ жить съ ближними, но не имѣть силы и другаго склонить на свое мнѣніе и самому согласиться съ другими вопреки разуму. Пусть выступитъ на среду, кто имѣетъ виды на этотъ престолъ. А онъ заступитъ мѣсто многихъ и достойныхъ и худыхъ Пастырей. Вотъ о чемъ надлежитъ вамъ разсуждать! Мое слово сказано“.

Такъ сказалъ я; а они кричали каждый свое; это было то же, что стадо галокъ, собравшееся въ одну кучу, буйная толпа молодыхъ людей, общая рабочая, вихрь, клубомъ поднимающій пыль, бушеваніе вѣтровъ. Вступать въ совѣщаніе съ такими людьми не пожелалъ бы никто изъ имѣющихъ страхъ Божій и уваженіе къ епископскому престолу. Они походили на ось, которая мечется гуда и сюда, и вдругъ всякому бросаются прямо въ лице. Но и степенное собраніе старцевъ, вмѣсто того, чтобъ уцѣломудрить юныхъ, имъ же послѣдовало. И смотри, какое похвальное разсужденіе! Надобно, говорятъ, чтобы наши дѣла текли вмѣстѣ съ солнцемъ, тамъ воспринимая начало, откуда возсіялъ намъ Богъ подъ плотскою завѣсою. Что же? Мы научены не круговращенія чествовать, но признавать, что Христова плоть есть начатокъ всего нашего рода. А если здѣсь положено начало¹⁾, то потому, можетъ быть, какъ скажетъ иной, что здѣсь болѣе дерзости, и слѣдовательно, здѣсь удобнѣе было Христу умереть, слѣдствіемъ же смерти было воскресеніе, а слѣдствіемъ воскресенія спасеніе. Державшіеся такихъ мыслей не должны ли были, какъ сказалъ я, уступить хорошо знавшимъ дѣло? А изъ этого видно, какъ высокоумны они и во всемъ прочемъ. Но каково и то, что прекрасный и сладкій источникъ древней вѣры, которая досточтимое естество Троицы сочетала во-едино, и была нѣкогда преподаана въ Никеѣ, этотъ, говорю, источникъ вѣры, какъ видѣлъ я, жалкимъ образомъ возмущенъ былъ солеными потоками ученій, какія распространяли люди сомнительной вѣры, которые, держась середины, принимаютъ

¹⁾ На Востокѣ положено начало Церкви Христовой.

всякое мнѣніе, какое только угодно властителю? И это было бы всего утѣшительнѣе, если бѣ дѣйствительно держались середины, а не явно передавались къ противной сторонѣ, эти епископы, нынѣ только научившіеся знать Бога, вчера учителя, а нынѣ ученики, сперва тайноводители, а потомъ тайноводствуемые, ведущіе къ совершенству людей, и вмѣстѣ, не знаю, почему, оглашающіе собственные свои пороки, и оглашающіе безъ слезъ. Не странное ли дѣло — безъ слезъ исповѣдывать свои немощи? Таковы эти люди; потому что все, говорятъ они, раболѣпствуетъ времени. Не всего ли же пріятнѣе, шутя пріобрѣтать, чего во многихъ случаяхъ нельзя пріобрѣсти трудомъ, что не снискивается и другими средствами, даже не покупается? А мы какъ-то чрезъ мѣру человѣколюбивы. Поставили предъ алтарями проповѣдническую кафедру и всѣмъ вопіемъ: „Входи сюда, кто хочетъ, хотя бы два и три раза перемѣняль вѣру! Настало время торжища. Никто не уходитъ безъ прибыли. Время всего измѣничивѣе; можетъ быть, кость ляжетъ другой стороню; тебѣ не удалось, мечи снова. Не благоразумное дѣло—привязаться къ одной вѣрѣ, когда знаемъ, что путей жизни много“. Что жѣ выходитъ изъ этого?— Тотъ многосоставный кумирь, который древле являлся во снѣ,— золото, потомъ серебро, мѣдь, желѣзо, потомъ попираемый ногами черепокъ. Боюсь, чтобъ всего этого не сокрушилъ камень. И Моавитянамъ и Аммонитянамъ, которымъ въ древности не позволялось входить въ Церковь, нынѣ открытъ въ нее входъ.

Но скажи: не самъ ли ты хвалилъ это прежде? Да и кто имѣлъ нѣкогда силу на Соборахъ? — Правда, что были Соборы, подъ чьимъ бы предсѣдательствомъ они тогда ни были (повременю выговорить то, что приводитъ меня въ стыдъ); но на нихъ имѣли силу всѣ, или, что то же, никто не имѣлъ силы; потому что многоначаліе—тоже безначаліе. А надо мною, къ счастью, одерживала верхъ болѣзнь, которая не рѣдко и по долгу держала меня безвыходно дома. У меня передъ глазами было одно — переселеніе изъ этой жизни, которое освобождало меня отъ всѣхъ бѣдъ. Поэтому что представилось, то пусть и будетъ закономъ. Правда, что были на Соборѣ люди, которые насильно и съ трудомъ, потому что было у нихъ столько дерзновенія, вошли въ собраніе; но имъ извиненіемъ служить невѣдѣніе зла; они уловлены были двусмысленностію ученій, проповѣдуемое имъ открыто казалось благочестивымъ, какъ порожденіе вовсе не походившее на своихъ родителей. Но этотъ многочисленный сбродъ хриstopродавцевъ тогда развѣ до

пуцу на Соборъ, когда и грязь стануть примѣшивать къ благоуханью чистаго мѣра; потому что худое сообщается легче, нежели доброе. Имъ не понравился вводитель новыхъ ученій (такъ дерзкіе называютъ благоразумныхъ); но и они не понравились благоразумному. И вотъ Лотъ и патріархъ Авраамъ идутъ, одинъ въ ту, а другой въ противную сторону, чтобъ не стѣсняться множествомъ своихъ имуществъ. Нужно ли говорить, сколько разъ и какими словами искушали вы, любезнѣйшіе, эту сѣдину, то предлагая мнѣ первенство, то, какъ искренніе друзья, у искренняго друга Григорія (увы! точно искренніе, но въ единоплемя на худое) прося чего-нибудь, а именно: содѣйствія вамъ во всемъ? Какъ же во всемъ? Кому же пришла такая мысль, что склонить меня къ чему-нибудь народная толпа, а не Божіе Слово? Скорѣе рѣки потекутъ вверхъ и огонь прійметъ направленіе противоположное обычному своему стремленію, нежели я измѣню чему либо въ моемъ спасеніи.

Съ этого времени нога моя избѣгала вашихъ собраний; и это дѣлалось явно; потому что перемѣнилъ я домъ, спасаясь изъ глубинъ Церкви, устраняясь отъ худыхъ бесѣдъ и собраний. Впрочемъ, сколько сожалѣли о семъ приверженные ко мнѣ, особливо народъ, не говорю уже о всѣхъ! Въ громкихъ восклицаньяхъ умоляли они, воздѣвая руки къ Богу, заклиная, оплакивая меня, какъ уже умершаго. Сколько терзаній! Сколько слезъ! Какъ и чѣму сердцу можно было вынести сіе? „И ты оставляешь насъ—твой, какъ называлъ ты, класъ, нѣкогда тощій, а теперь уже разбогѣвшій и готовый къ жатвѣ. Оставляешь народъ, недавно присоединенный къ церкви, оставляешь тѣхъ, изъ которыхъ одни стоятъ при дверяхъ твоихъ и ждутъ, когда онѣ будутъ отверсты, другіе введены уже тобою внутрь дома, а иные сами уловляютъ постороннихъ. И кому оставляешь? Кто воспитаетъ твое рожденіе? Уважь труды свои, какими изнурялъ себя, и останокъ дыханія своего отдай намъ и Богу. Пусть этотъ храмъ препроводитъ тебя изъ этой жизни!“

Таковы были удары: однако же я укрѣпился. Еще не много, и Богъ подаетъ избавленіе. Ибо вдругъ прибыли приглашенные содѣйствовать къ утвержденію мира; прибыли египетскіе и македонскіе дѣлатели Божіихъ законовъ и тайнствъ. Но они повѣяли на меня чѣмъ-то западнымъ и суровымъ. Имъ противосталь сонмъ высокоумдрствующихъ съ Востока. Тѣ и другіе сошлись между собою (скажу нѣчто въ подражаніе трагикамъ), какъ вевери, остря

другъ на друга свирѣпыя зубы, и искошая огненные очи. Коснувшись же многихъ вопросовъ, при чемъ водились болѣе раздраженіемъ, нежели разумомъ, и въ моемъ дѣлѣ усмотрѣли они нѣчто весьма горькое, когда стали перебирать законы давно уже не дѣйствующіе, отъ которыхъ всего болѣе и явнымъ образомъ свободенъ былъ я, и дѣлали это не по враждѣ ко мнѣ, не по желанію скорѣе увидѣть престолъ празднымъ для другихъ, нѣтъ! но, какъ, не скрываясь, увѣряли меня въ тайныхъ со мною бесѣдахъ, чтобы привести въ затрудненіе возводившихъ меня на престолъ, находя для себя несносною ихъ наглость, какую оказывали и прежде и въ новыхъ дѣлахъ. А я, сокрушенный бѣдствіями и болѣзнію, какъ связанный конь, не переставалъ между тѣмъ прядать мысленно ногами, жаловался на поработеніе и стѣснительность узъ, изъявлялъ желаніе увидѣть свои пажити и эту мою пустыню. Какъ же скоро коснулись того, о чемъ сказалъ я; тотчасъ разорвалъ я узы и (хотя никогда, какъ очевидно, не увѣряю въ этомъ людей, зараженныхъ любоначалиемъ, однако жъ сіе справедливо) съ радостію ухватился за такой предлогъ.

Когда уловилъ я время; выпелъ на среду и сказалъ слѣдующее: „Вы, которыхъ собралъ Богъ для совѣщанія о дѣлахъ богоугодныхъ, вопросъ обо мнѣ почитайте второстепеннымъ. Чѣмъ ни кончится мое дѣло, хотя осуждаютъ меня напрасно, это не заслуживаетъ вниманія такого Собора. Устремите мысли свои къ тому, что важнѣе, соединитесь, скрѣпите, наконецъ, взаимныя узы любви. Долго ли будутъ смѣяться надъ нами, какъ надъ людьми неукротимыми, которые научились одному только—дышать ссорами? Подайте съ усердіемъ другъ другу десницу общенія. А я буду пророкомъ Іоною, и хотя не виновенъ въ бурѣ, жертвую собою для спасенія корабля. Возьмите и бросьте меня по жребію. Какойнибудь гостепріимный китъ въ морскихъ глубинахъ дастъ мнѣ убѣжище. А вы съ этой минуты положите начало своему единомыслію, потомъ простирайтесь и къ прочему. Пусть мѣсто сіе назовется мѣстомъ *пространства* (Быт. 26, 22). Это и для меня обратится въ славу. А если на мнѣ остановитесь, то сіе будетъ для меня безчестіемъ. Даю законъ стоять за законы. Если, держитесь такого образа мыслей, ничто для васъ не будетъ трудно. Я не радовался, когда восходилъ на престолъ, и теперь схожу съ него добровольно. Къ тому убѣждаетъ меня и тѣлесное мое состояніе. Одинъ за мною долгъ — смерть; все отдано Богу. Но забота моя о Тебѣ единственно, моя Троица! О если бѣ имѣть Тебѣ защитникомъ ка-

кой нибудь языкъ благообученный, по крайней мѣрѣ исполненный свободы и ревности! Прощайте и вспоминайте о трудахъ моихъ!“

Такъ сказала я; они уклонялись отъ рѣшительнаго слова, а я оставилъ собраніе и съ радостію и съ какимъ-то уныніемъ,—съ радостію, что прекратятся нѣсколько труды для меня, съ скорбію, потому что не зналъ, что будетъ съ народомъ; да и кто не сокрушается о сиротѣющихъ дѣтяхъ? Таковы были мои чувствованія; извѣстно же только имъ самимъ и Богу, не скрывали ли въ себѣ чего либо большаго, кромѣ выказываемаго наружу, эти подводные утесы, эти засады въ морскихъ глубинахъ, эта гибель кораблей. Иные говорятъ и такъ, но я смолчу. У меня нѣтъ времени распознавать хитросплетенія злобы. Я упражняюсь въ приобрѣтеніи простоты сердечной, отъ которой зависитъ спасеніе. А спасись—единственное мое попеченіе. Впрочемъ знаю, и знаю болѣе, чѣмъ было бы нужно, что Соборъ тотчасъ почтилъ меня безпрекословнымъ согласіемъ. Такъ отечество вознаграждаетъ друзей!

Такъ было у меня съ ними; а что же съ Государемъ? Кланялся ли я, изгибался ли, припадалъ ли къ его десницѣ? Вымолвилъ ли предъ нимъ какое просительное слово? Засылалъ ли ходатаемъ кого другаго изъ друзей наиболѣе сильныхъ при Дворѣ и особенно ко мнѣ расположенныхъ? Сыпалъ ли золото, прибѣгаль ли къ помощи этого сильнаго властелина, домогаясь того, чтобъ не пасть съ престола? Такія мѣры предоставляю другимъ людямъ, слишкомъ гибкимъ. А я, какъ только могъ, пришелъ къ порфирноосу, и въ присутствіи многихъ наблюдавшихъ, что буду говорить, сказалъ: „И я, щедродаровитый царь, прошу у твоего всемоцнаго нѣкоторой милости; прошу у тебя не золота, не разноцвѣтныхъ мраморовъ, не покрововъ для таинственной трапезы, прошу не о томъ, чтобъ родные мои получили высокіе чины, или удостоились служить при твоей особѣ; просить объ этомъ свойственно тѣмъ, которые домогаются не многаго; а я почитаю себя стоящимъ и болѣе важнаго. Даруй мнѣ одно, дозвожь уступить нѣсколько зависти. Желая чтить престолы, но только издали. Я изнемогъ, видя что меня ненавидятъ всѣ, даже и друзья; потому что не могу обращаться взоромъ ни на что, кромѣ Бога. У нихъ требуй вожделѣннаго согласія; если не изъ страха Божія, и не изъ страха наказанія, то, по крайней мѣрѣ, изъ угожденія тебѣ пусть положатъ они оружіе. Воздвигни себѣ побѣдный памятникъ въ этой безкровной брани, какъ воздвигъ уже, сокрушивъ необузданную дерзость варваровъ. Требуй и этой (указавъ я на сѣдину и вмѣстѣ на слѣды пота, про-

литаго мною для Бога); она не отказывается терпѣть для пользы міра. Тебѣ извѣстно, что ты возвелъ меня на престолъ противъ моей воли“. Самодержецъ рукоплескалъ, когда я говорилъ сіе; рукоплескали и другіе. И я получаю просимое, правда, какъ говорить, съ трудомъ, однако же получаю.

Что еще послѣ этого озабочиваетъ меня? Стараюсь убѣдить всѣхъ, чтобъ приняли это равнодушно; и изъ любви ко мнѣ, и по раздраженію на дурной поступокъ, ни мало не задумывали какихъ-либо сопротивленій. Я употреблялъ ласки, похвалы, рукоплескалъ людямъ злонамѣреннымъ; такъ дѣйствовалъ на служителей алтаря, на постороннихъ, на вождей стада, на тѣхъ, которые издавна принадлежали къ Церкви, и которые присоединились къ ней недавно, и не могли перенести, что лишаютъ ихъ Пастыря,—такъ дѣйствовалъ на Епископовъ, которыхъ крайне сіе поразило; ибо многіе, какъ скоро узнали о рѣшеніи Собора, поспѣшно потекли вонъ, какъ стрѣлы молніи, затыкали себѣ уши, всплескивали руками, не хотѣли даже и видѣть, чтобы другой возведенъ былъ на мой престолъ.

Конецъ слову. Вотъ я дышащій мертвецъ, вотъ я побѣжденный и вмѣстѣ (не чудо ли?) увѣнчанный, въ замѣнъ престола и пустой пышности стяжавшій себѣ Бога и божественныхъ друзей! Оскорбляйте меня, благодумствуйте, скачите, мудрецы, сложите пѣсню о моихъ несчастіяхъ, пойте ее въ собраніяхъ, на пирахъ и въ храмахъ, возглашайте свою побѣду, какъ пѣтухи, вытянувшись и высоко поднявъ голову, ударяйте локтями себѣ въ бока среди безумцевъ! Одинъ захотѣлъ, и всѣ вы одержали побѣду. А если самъ я хотѣлъ этого; то какая зависть—лишать меня и этой славы, хватаясь, что свели съ престола силою! Если же я не хотѣлъ, устыдитесь сдѣланнаго худо вы, которые вчера возвели на престолъ, и нынѣ изгнали.

Что жъ буду дѣлать, избѣжавъ сего? Стану съ Ангелами. Какова ни будетъ моя жизнь, никто не причинитъ ей вреда, но никто не принесетъ и пользы. Сосредоточусь въ Богѣ. А рѣчи обо мнѣ другихъ пусть разносятся, какъ легкіе вѣтерки. Я пресытился ими; меня часто осыпали и злорѣчіемъ и чрезмѣрными похвалами. Одною ищущу себѣ—обитать вдали отъ злыхъ, гдѣ могъ бы единымъ умомъ искать Бога, гдѣ питала бы мою старость утѣшительная надежда горнихъ благъ.

Что жъ принесу въ даръ Церквамъ?—Слезы. Къ этому привелъ меня Богъ, подвергнувъ жизнь мою многимъ превратностямъ,

А куда приведетъ она меня, повѣдай мнѣ, Божіе Слово. Молю Тебя, чтобы привело въ неколебимую обитель, гдѣ моя Троица и Ея сочтанное сіяніе, Троица, Которой и не ясныя тѣни приводятъ меня въ восторгъ.

О себѣ самомъ и на завистниковъ.

Григорія іерея и забава и рыданія. Увеселяйся, кому угодно, моими несчастіями.

У меня и бездѣлка имѣетъ свои украшенія, и изъ ямбовъ родится новая мѣра. Прочти акростихъ ¹⁾ и ясно увидишь.

Хотя я старъ и извѣдалъ много бѣдствій; потому что морщины показываютъ опытность въ дѣлахъ, а опытность всего чаще производитъ благоразуміе: однако же и моя старость, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не видала такого бѣдствія, какое видитъ теперь. И это не трудно узнать изъ краткаго слова.

Вожди народа незаконно возстали другъ противъ друга. Ополчась вмѣсто орудія гнѣвомъ и завистию и кипя презорствомъ, какъ свирѣлымъ огнемъ, они возстали, и раздѣлилась цѣлая вселенная. А я—человѣкъ тонкій (потому что думалъ о себѣ не мало), хотя никакъ не могъ поражать злыхъ жезломъ (вамъ извѣстно, что и теперь я тоже предпочелъ бы всему), однако же дѣлалъ, что былъ въ состояніи, и придерживался обоихъ камней, подражая краюльному камню—Спасителю. Но какъ укрощающій львовъ, или разсвирѣпѣвшихъ кабановъ, оскорбленій не прекратилъ, а самъ затоптанъ; потому что легче пострадать, нежели сдѣлать доброе дѣло. Если бы сталъ я мученикомъ: то, подвергшись большимъ и жесточайшимъ страданіямъ, всего скорѣе освободился бы отъ двоякой опасности. Но нѣтъ возможности переносить благодушно обиду, которая такое долгое время непрестанно предъ глазами. Кто не знаетъ сего, даже и не близкій ко мнѣ? Если это одно у нихъ дѣло: то пусть двоедушіе ихъ ко мнѣ остановится въ одномъ. Если самъ я сошелъ съ престола, чего же еще больше? А если свергнуть противъ воли, чего достойны отважившіеся на это? Нынѣ возведенъ на престоль, а на утро сводятъ меня съ престола. Въ состояніи ли кто пріискать на это хотя ложную причину? Осмѣливаюсь ска-

¹⁾ Акростихъ на послѣдующіе два первые стиха:

Γρηγορίῳ ἱερῆος ἀσὺρματὰ τε στοναχαὶ τε.
 Τέρπεισα αἰσι φίλον πῆμασιν ἡμετέροισ.

вать, Христе мой, что у меня на сердцѣ. Они завидуютъ моимъ подвигамъ, тѣмъ камнямъ, которые въ меня метали. А можетъ быть (скажу ясно), предметомъ ихъ нападеній Духъ,—Духъ (выслушайте это), исповѣдуемый Богомъ. Еще говорю: Ты мой Богъ, и въ третій разъ восклицаю: Духъ есть Богъ. Бросайте, цѣльте въ меня камнями; вотъ неколебимо стою предъ вами цѣлю истины, презирая свистъ и словъ и стрѣль.

У насъ Отецъ—корень и источникъ Добротъ. Отъ Него рожденный Свѣтъ и Слово—печать Безначальнаго; отъ Него и Духъ—безлѣтное естество. Богъ—Богъ мой и Богъ тройственная Единица. Никто не возбранитъ мнѣ говорить сіе. Свидѣтель тому — моя Троица, что время не превратитъ сего слова. Пусть все колеблется, только бы не превращали у меня Бога! Равно нечестиво—одно ли что, или все обезчестить. У меня есть голосъ, а у тебя—города и блистательные престолы. Удерживаю языкъ; какое прекрасное принужденіе! О если бъ мнѣ свѣтитъ, какъ свѣтильнику, поставленному на свѣщникѣ! О если бъ мнѣ озарять цѣлую вселенную!

Такъ теперь; а въ скоромъ времени новые престолы, законный порядокъ и первыхъ и вторыхъ престоловъ. Тяжелы были бы здѣшнія неудачи, если бъ Богъ въ послѣдствіи не оборачивалъ костей другою стороною. Не хочу имѣть привязанности къ здѣшнимъ благамъ. Ты дѣлай возліянія этому міру, а я приношу жертву Богу, чтобъ безъ труда переносить мнѣ неприятности. Ночь все покрываетъ; а день все освѣщаетъ. Много потрудился я: однакоже труды мои не стоятъ еще тѣхъ наградъ, какія ожидаютъ друзей Божіихъ.

Исаія претренилъ былъ пилою: но перенесъ сіе съ терпѣніемъ. Трехъ отроковъ въ печи привѣтливо принялъ огонь. Давидъ брошенъ къ звѣрямъ, какъ къ друзьямъ. А Павелъ и Петръ явились побѣдоносцами въ Римѣ. И Предтеча не жертва ли своего дерзновенія? Они знаютъ, что я умеръ: но пусть знаютъ, что я живъ, хотя бы Тебѣ, Отецъ, угодно было послать мнѣ что-нибудь еще худшее.

Къ завистникамъ.

Правосудіе, судіи, законы, судилища, и ты мечъ, изощренный на злыхъ, и грозный день — обличитель всего, и неумирающій червь, и источники всепожаряющаго огня, выслушайте, выслушайте мой судъ! Когда все умерло, умираетъ и зависть; потому что борьба бываетъ съ противоборствующимъ; а что не стоитъ на дорогѣ и не противится, тому безъ зависти оказываютъ честь. Но я и умеръ и

герплю отъ зависти, хотя перенесъ въ жизни борьбы всякаго рода. Чѣмъ докажу это, какими свидѣтельствами? Всѣ вопіють, хотя и заключу уста свои. О если бы несчастье мое осталось не гласнымъ!

О если бы могъ я не осквернить языка, выговаривая словомъ (что изъ всего худаго есть худшее) и самое имя! Звѣрь, исполненный яда;—опасная и ужасная кладовая зависти, позорный столпъ, сокращенно представляющій всякое ужасное зло. Кому не надлежало бы приближаться къ спасительнымъ дверямъ, тотъ предпочтенъ моимъ тайнодѣйствіямъ, и трудъ этой власяницы поставленъ выше метаній въ меня камнями и моихъ очищеній. Увы! Кто изъ мудрыхъ похвалитъ сіе? О ты, Который проникаешь въ тайницы моего сердца, всѣмъ распоряжаешь, и все ведешь къ другой жизни! Они поставили меня ниже худыхъ! Ужели и тамъ будутъ первенствовать злые? Они худую помощь оказываютъ другъ другу, одно имѣя въ виду—безопасность своихъ престоловъ. О если бѣ имѣть мнѣ часть, какой я достоинъ! Но ежели нѣтъ мнѣ доли здѣсь; Ты, Христе, часть моя, и лучше Тебя имѣть, нежели все то, что есть у всѣхъ. Ты единственное твердое и свободное стяжаніе, котораго не лишитъ меня никакая зависть.

О различіяхъ въ жизни и противъ лже-іереевъ.

Тотъ совершенный живописецъ, кто начертываетъ на картинахъ вѣрныя и живыя изображенія, а не тотъ, кто, намѣшавъ понапрасну много красокъ, хотя и доброцвѣтныхъ, представляетъ на картинѣ написанный лугъ. И корабль мореходный хвалю не за то, что блистаетъ излишними украшеніями и расцвѣченной кормой, но за то, что рука корабельнаго строителя крѣпко сплотила его гвоздями, надежнымъ и смѣлымъ пустила по волнамъ. И войско должно быть храбро, а не красиво; и въ домѣ хорошая отдѣлка — второе уже достоинство послѣ прочности. Такъ и жизнь человѣческая, или божественна, когда страхъ ведетъ человѣка ко Христу, дѣлаетъ его чуждымъ сѣтей грѣха, постояннымъ, неразвлеченнымъ и безпечальнымъ; или весьма порочна, и внутренно бессильна, хотя по наружности не надолго имѣетъ такую же силу, какую замѣчаемъ въ умоизступленныхъ, у которыхъ все кружится, потому что мысль идетъ кругомъ.

Такъ не одинаково и сердце молитвенниковъ великославнаго Христа. Одинъ — всегдашній слуга человѣческаго могущества, смотря по обстоятельствамъ, какъ трость, колеблемая вѣтромъ

клонится туда и сюда, и подаетъ не врачество, но образецъ всякаго порока. Другой трепетными и благоговѣйными руками возноситъ даръ благодаренія Христовой плоти и великимъ страданіемъ, какія понесъ на землѣ Богъ въ избавленіе наше отъ первоначальныхъ недуговъ. Онъ живетъ для единого Христа, Имъ утѣшается, для Него, возносясь отселѣ, отрѣшаетъ сердце отъ земнаго, и изъ людей однимъ добрымъ покоряетъ мысль; злымъ же противится, какъ твердый камень адамантъ. Онъ не заботится о богатствѣ, о великихъ престолахъ, о человѣческой славѣ, пресмыкающейся долу. И, нося на себѣ кожу могучаго, царственнаго льва, не скрываетъ подъ нею раболѣпства лисицы, чтобъ быть мертвоедцемъ, хитрецомъ, злодѣемъ, перекидываться во всѣ виды порока. Напротивъ того, непрестанно обогащая умъ чистыми представленіями, касается даже небесной Троицы, утвердилъ Ея образъ въ своемъ сердцѣ, созерцая единую Славу въ трехъ Добротахъ, а на конецъ, чистыми жертвами приготавливая народъ богоподобный, приноситъ безкровную сердечную жертву.

Въ числѣ таковыхъ молитвенниковъ желалъ быть и я,—не скрою сего, потому что нога моя стояла уже внутри преддверія. Но какъ скоро увидѣлъ я дѣла непотребныя и заботливо обдуманнныя обманъ, отступилъ назадъ и внѣ поставилъ свою ногу. Правда, что много понесъ я огорченій и среди другихъ неправовѣрныхъ, у которыхъ и теперь еще отдаются звуки моего голоса. Мнѣ—камни; а имъ—новоутвержденное Божество Троицы, — вотъ дары, какіе принесли мы другъ другу! Но если и уступалъ я; то нигдѣ не оставлялъ слова не утвержденнымъ, куда только ни заносили меня наши волненія. Теперь я низложенъ; наступай, наступай на меня, злобная зависть! Или, можетъ быть, остановлю еще тебя, хотя буду сокрытъ въ крайнихъ предѣлахъ земли, заключенъ въ мрачной утробѣ морскаго звѣря—кита, какъ нѣкогда было съ Іоною. Пусть тѣло въ утробѣ; но умъ, сколько бы ни преграждали ему пути, съ неудержимымъ стремленіемъ пойдетъ, куда желалъ. Вотъ единственное достояніе добрыхъ — свобода, неудержимость, неодолимость, умъ воспарившій ко Христу.

Григорій уже не сотрапезникъ земнаго царя, какъ прежде, не станетъ дѣлать и малыхъ угожденій своему мѣшку¹⁾, не будетъ потупленный и безмолвный возлежать среди пирующихъ, съ трудомъ переводя дыханіе и пресыщаясь, какъ рабъ. Судья не поса-

¹⁾ Тѣлу

дѣть меня или рядомъ съ собою, чтобы почитать, или ниже себя, чтобы положить мѣру моему духу. Не буду цѣловать окровавленныхъ рукъ, или ласкать подбородокъ, чтобы добиться небольшой милости. Не побѣгу съ многолюдной свитой на священный или именинный, или похоронный, или свадебный обѣдъ, чтобы все предать расхищенію, иное истребивъ собственными зубами, а иное предоставивъ своимъ провожатымъ — этимъ хищническимъ рукамъ Бриарея; поздно же вечеромъ отвести нагруженный корабль, одушевленный гробъ, то-есть, съ трудомъ привлечь опять домой болѣзненное чрево, но едва переводя дыханіе отъ пресыщенія, и еще не избавившись отъ прежней тягости, спѣшить на другой богатый пиръ. Нѣтъ, нѣтъ, не буду говорить пріятнаго слуху, предлагая гостію въ священныхъ мѣстахъ или одинъ, или въ совокупномъ собраніи многихъ; не отрину глаголь Духа изъ заботливости снизить любовь у народа; не стану тѣшиться рукоплесканіями, ликовствовать на зрѣлищахъ; не буду, подобно состязующимся на ристалищахъ въ ловкости и изворотливости, или обгоняющимъ другъ друга на колесницахъ, носиться по стремнинамъ слова препретельнаго, и притомъ не для того, чтобы истребить гнѣвъ, охладить бѣшенство распаленнаго тѣла, узами слова связать руку, которая съ неистовствомъ простирается ко всему чужому, изгнать изъ сердца ложную славу, поученіями своими низложить на землю надмевающуюся гордыню, источниками слезъ вызвать слезы, но для того, чтобы вкусить одну жестокою отраву, которая причинитъ несомнѣнную смерть—удовлетворить страсти гоняться за славой. Не буду засѣдать въ собраніяхъ гусей, или журавлей, которые дерутся между собою безъ всякой причины, гдѣ раздоръ, гдѣ смятеніе, а еще прежде сего, гдѣ собраны въ одно мѣсто всѣ тайныя срамоты враждующихъ.

Вотъ причины, по которымъ на ряду съ низкими сижу я—такой врачъ страстей, который самъ не боленъ. Ибо моей сѣдинѣ не прилично забавляться по-дѣтски, и противъ своего обычая услуживать изъ-за престоловъ, за которые премираясь, другіе дѣлятся на скопища и незаконно разсѣкаютъ цѣлый міръ. Увы! улы! какъ велики наши скорби!

Владѣй всѣмъ этимъ, кому угодно, и кто хитеръ. А я безтрепетно буду исполняться Христомъ. Если же худо покинуть бразды богомудраго народа; то да падетъ сіе на главу тѣхъ, которые сами свергли ихъ съ себя, чтобы, подобно быстрому коню, не терпящему узды, неистово нестись по стремнинамъ и утесамъ. У меня

одно желаніе, чтобы они имѣли попеченіе о всемъ богоугодномъ. Если же заботятся о худомъ, молю Бога поставить слухъ мой вдали отъ нихъ.

Къ епископамъ.

Приносящіе безкровныя жертвы іереи, достославные приставники душъ, вы, которые на рукахъ своихъ носите созданіе великаго Бога, приводите человѣковъ въ преимущественное единеніе съ Богомъ, вы—основанія міра, свѣтъ жизни, опора слова, тайноводители въ жизнь свѣтлую и нескончаемую, христоносцы, вы, которые возсѣдаете на знаменитыхъ престолахъ, превознесены, восхищаетесь благолѣпными зрѣлищами, выходите на позорище, ставитесь на деревянныя ходули, вы, которые подъ чужими лицами слабо отверзаете уста, а въ дѣлахъ внутренняго благочестія не отличаетесь отъ прочихъ, шутите, если угодно, и надъ тѣмъ, надъ чѣмъ вы шутите не прилично, говорите съ важностію о томъ, что дѣлаете слишкомъ легкомысленно! А я, хотя всѣ вы единодушно почитаете меня человѣкомъ худымъ и несноснымъ, далеко гоните отъ своего сонма, поражая тучами стрѣлъ и явно и тайно (послѣднее болѣе вамъ нравится), а я скажу, что побуждаетъ меня и что внушаетъ мнѣ сказать сердце. Хотя не охотно; однако же изрину изъ сердца слово, какъ струю которая, будучи гонима вонъ сильнымъ вѣтромъ, и пробѣгая по подземнымъ разсѣлинамъ, производитъ глухой шумъ, и гдѣ только можетъ прорваться изъ земли, расторгнувъ узы, выливается изъ жерла. То же теперь и со мною: не могу удержать въ себѣ желчи. Но снесите великодушно, если скажу какое и колкое слово—плодь моей горести. И то вращуетъ отъ скорби, если и воздуху передашь слово.

Было время, что сіе великое тѣло Христово, сія досточестная слава Царя—народъ царствующій на цѣлой землѣ былъ народомъ совершеннымъ¹⁾. Нынѣ опять колеблется сіе Божіе стяжаніе, подобно волнѣ многошумнаго моря, или дереву, потрясаемому порывистыми вѣтрами. Это тотъ народъ, для котораго Богъ снисшелъ съ небеснаго престола, истощивъ Свою славу въ смертной утробѣ, вступилъ въ общеніе съ человѣками во едино сочетанный Богъ и человѣкъ, въ великую цѣну искупленія предалъ на страданія Своё тѣло, и для избавленія насъ отъ грѣха изліялъ Божественную кровь. Это народъ, за который принесены многія другія жертвы

¹⁾ Лувенклай читаетъ: ἕνος ἄρι τον, а у Виллія: ἕνος ἄριστον ^

именно тѣ, которыя въ послѣдствіи сѣяли всѣмъ слово, отъ жестокой руки пріяли сладостную смерть, чтобы почтить и словомъ Бога. Слово и кровію—кровь. Кто же беспокоить сіе тѣло? Откуда у меня столько скорбей? Почему единопасущійся въпрь повредилъ мою ниву? Почему померкшая луна затмила такую славу?

Неистовый, злотворный врагъ ненавидитъ человѣка съ тѣхъ поръ, какъ перваго Адама извергъ изъ рая, и чрезъ вредоносный плодъ лишилъ его безсмертной жизни. Онъ не переставалъ приводить людей въ изнеможеніе многократными и сильными потрясеніями; однако же, сколько ни желалъ, не могъ своими ухищреніями повергнуть весь родъ нашъ предъ собою на колѣна. Искра слова, какъ огненный столпъ, со славою протекла всю землю. Гонители еще болѣе утвердили тѣхъ, для которыхъ вѣнценосные мученики стали общимъ союзомъ. И вотъ врагъ избобрѣлъ новую, дѣйствительную хитрость: видя могущественное воинство, посѣялъ гибельную вражду между вождями. Ибо съ паденіемъ полководца все воинство преклоняется долу. И мореходный корабль, какъ скоро лишентъ кормчаго, опрокидывается губительнымъ вѣтромъ, или сокрушается о камни. Дома, города, лики, колесницы и стада—все терпитъ вредъ отъ невѣжества ими управляющаго. Говорю сіе знающимъ нашъ порокъ, всѣмъ предстоятелямъ народа.

Прежде учреждены были *города убѣжища* для человѣкоубійць (Числ. 35, 11), опредѣлено было мѣсто для жертвъ *отпущенія* (Лев. 16, 8—10); а въ послѣдніе дни было мѣсто горести и крови (Матѣ. 27, 6—10)—крови Христовой, которую зломудренныя, пріявъ худую и малую цѣну Неоцѣннаго, пролили, правда, не противъ воли Его, но когда Самъ Онъ восхотѣлъ, потому что былъ Богъ неударжимый руками, однако же пролили. А нынѣ всѣ, и чужіе и принадлежащіе къ нашей оградѣ, знаютъ одно мѣсто для злочестія и смерти, и это—огражденное прежде сѣдалище мудрыхъ, дворъ совершенныхъ, возвышеніе для ангельскихъ ликостояній, рѣшетка, раздѣляющая два міра, міръ постоянный и міръ преходящій, предѣлъ между богами и однодневными тварями. Такъ было нѣкогда; а что нынѣ, смѣшно то видѣть. Всѣмъ отверсть входъ въ незапертую дверь, и кажется мнѣ, что слышу провозвѣстника, который стоитъ посреди и возглашаетъ: „Приходите сюда всѣ служители грѣха, ставшіе поношеніемъ для людей, чревоугодники, утучнѣвшіе, безстыдные, высокомерные, винопійцы, бродяги, злорѣчивыя, одѣвающіеся пышно, лжецы, обидчики, скорые на лживыя клятвы, снѣдающіе народъ, ненаказанно налагающіе руки

на чужое достояніе, убійцы, обманщики, льстецы предъ сильными, низкіе львы надъ низкими, двоедушные рабы переменчиваго времени, полипы, принимающіе, какъ говорятъ о нихъ, цвѣтъ камня, ими занимаемаго, не давно оженившіеся, кипучіе, люди съ едва пробивающимся пушкомъ на бородѣ, или умѣющіе скрывать естественный огонь, питающіе въ глазахъ воздушную любовь, потому что избѣгаеете явной, невѣжды въ небесномъ, новопросвѣщенные, и отъ того, что ваша грѣховность встрѣчается съ свѣтозарнымъ Духомъ, обнаруживающіе свою черноту, приходите смѣло: для всѣхъ готовъ широкій престолъ; приходите и преклоняйте юныя выи подъ простертыя десницы: онѣ усердно простираются ко всѣмъ, даже и не желающимъ! Опять дается манна—этотъ необычайный дождь; собирай всякій въ свое нѣдро, кто больше, а кто скуднѣе. Если угодно, не падите и святаго дня—благочестиваго покоя; или, можетъ быть, она и загниетъ въ ненасытныхъ рукахъ. Общее всѣхъ достояніе—воздухъ, общее достояніе—земля, для всѣхъ широкое небо и все, что открываетъ оно взорамъ, для всѣхъ также дары моря для всѣхъ и престолы. Великое чудо! Саулъ не только не лишенъ благодати, но даже пророкъ! Никто не останавливайся вдали, земледѣлецъ ли ты, или плотникъ, или кожевникъ, или ловець звѣрей, или занимаешься кузнечнымъ дѣломъ; никто не ищи себѣ другаго божественнаго вождя; лучше самому властвовать, нежели покоряться властвующему. Брось изъ рукъ, кто большую сѣкиру, кто рукоять плуга, кто мѣхи, кто дрова, кто щипцы, и всякій иди сюда; всѣ толпитесь около божественной трапезы, и тѣснясь и тѣсня другихъ. Если ты силенъ, гони другаго, не смотря на то, что онъ совершенъ, много трудился на престолѣ, престарѣлъ, изможденъ плотію, небошественъ, презритель міра, живетъ въ Богѣ. мертвецъ между живыми и добрый священникъ Царя. Кто пишетъ картину съ подлиннаго изображенія, тотъ ставитъ сперва передъ собою подлинникъ, и потомъ картина принимаетъ на себя списываемый образъ. Но кто смотритъ на васъ, тотъ пойдетъ противоположной стезею. И это—единственная польза отъ вашей исторченности“. Такъ говорить громогласный провозвѣстникъ.

Но меня приводитъ въ страхъ, что слышу о достославномъ Моисеѣ, который одинъ внутри облака видѣлъ лицомъ къ лицу Бога, а другимъ велѣлъ остаться внизу горы, и очистившись, въ чистой одеждѣ, съ трепетомъ внимать только Божію гласу; почитать же святую землю не безопасно было не только народу, но и самымъ скотамъ; ибо всѣхъ поражали отторгавшіеся отъ горы

камни. Боюсь также участи сыновъ Аароновыхъ, которые, возложивъ жертвенные начатки на огонь чуждый, чуднымъ образомъ погибли; самое мѣсто жертвоприношенія немедленно сдѣлалось мѣстомъ ихъ смерти, и хотя они были дѣти великаго Аарона, однако же лишились жизни. Такъ жалкая гибель постигла и Иліево семейство; и дѣти Иліевы погибли за то, что имѣли продерзливый умъ и на священные котлы налагали неосвященные руки; но не избѣжалъ,—да, не избѣжалъ гнѣва и самъ Илій; неблагочинная жадность сыновей довела до гибели и сего праведника, хотя онъ никогда не оставлялъ проступка дѣтей безъ укоризны. Если такихъ мужей и за такіе грѣхи постигъ гнѣвъ; чего должно страшиться за большія преступленія? И тотъ, кто тебя, царственный кивотъ, клонившагося къ паденію, поддержалъ нечистою рукою, умеръ внезапно смертію! А Божій храмъ дѣлали неприкосновеннымъ для рукъ внѣшнія огражденія стѣнъ.

Посему-то я плачу и припадаю къ стопамъ Твоимъ, Царь мой Христось; да не срѣтитъ меня какая либо скорбь по удаленіи отсюда! Изнемогъ пастырь, долгое время боровшійся съ губительными волками и препиравшійся съ пастырями; нѣтъ уже бодрости въ моихъ согбенныхъ членахъ; едва перевозжу дыханіе, подавленный трудами и общимъ нашимъ безславіемъ. Одни изъ насъ состязуются за священные престолы, возстаютъ другъ противъ друга, поражаются и поражаютъ безчисленными бѣдствіями;—это неукротимые воители, они возглашаютъ мнѣ: миръ, и хвалятся кровію. О когда бы Божіе правосудіе поразило ихъ геескою болѣзнію, и за сѣдалища терпѣли казнь на своихъ *сѣдалищахъ* (1 Цар. 5, 9)! Другіе, раздѣлясь на части, возмущаютъ Востокъ и Западъ; начавъ Богомъ, оканчиваютъ плотію. Отъ сихъ противоборниковъ и прочіе заимствуютъ себѣ имя и мятежный духъ. У меня сталъ Богомъ Павелъ, у тебя—Петръ, а у него—Аполлосъ. Христось же напрасно пронзенъ твоздями.

По имени людей, а не по Христѣ, именуемся мы прославленные Его благодѣяніемъ и кровію. До того омрачены очи наши этою страстію или къ суетной славѣ, или къ богатству, и этою страшною злорадною завистію, которая иссушаетъ человѣка, и справедливо сама себя снѣдаетъ скорбію! Предлогомъ споровъ у насъ Троица; а истинною причиною—невѣроятная вражда. Всякій двоедушень;—это овца, закрывающая собою волка, это уда, коварно предлагающая рыбѣ горькую снѣдь. Таковы вожди; а недалеко отсталъ и народъ. Всякій мудръ на злое даже и безъ волка.

Нѣтъ никакого различенія между добромъ и зломъ, между благо-разумною сѣдиною и безразсудною юностію, между люботрудной, богобоязненной жизнію и между жизнію распутной. Одинъ законъ: тому имѣть преимущество, кто всѣхъ порочнѣе. Да погибнетъ тотъ, кто всѣхъ порочнѣе. Да погибнетъ тотъ, кто первый ввелъ сюда людей негодныхъ! Они хотѣли бы, чтобы имъ принадлежали и міръ, и Богъ, и все, что въ послѣдніе дни возмѣрится совершеннымъ; и чтобъ добрые трудились напрасно. Вотъ что угодно нашимъ судіямъ, чтобы бѣжала отсюда всякая правда, чтобы все слилось во едино—Христось, человекъ, солнце, звѣзда, тма, ангель добрый и денница уже не свѣтозарная, чтобъ почитались равными Петру—богоубійца Искаріотъ и священному Солиму — злочестивая Самарія, чтобъ были въ равной цѣнѣ и золото, и серебро, и желѣзо, въ одномъ достоинствѣ жемчужина съ дикимъ камнемъ, и стокъ нечистотъ съ чистымъ источникомъ,—чтобъ все смѣшалось между собою, и слилось вмѣстѣ, какъ прежде, когда міръ былъ еще перво-зданнымъ веществомъ, которое только чреватѣло міромъ, но не тришло еще въ раздѣльность!

Маовитянамъ и Аммонитянамъ недоступенъ былъ великій храмъ, потому что они огорчили доброе воинство (Второз. 23, 24). А иныхъ причислилъ Иисусъ къ водоносцамъ и дровосѣчкамъ за то, что употребили обманъ (Ис. Нав. 9, 23). Такъ поступлено съ злыми! Колѣно же великаго Левія удостоено чести; Левиты поставлены служителями небесной скиніи; но и имъ распредѣлены жертвоприношенія, мѣста и труды; рукъ каждаго предоставлялось особое дѣло, всякій исполнялъ особую потребу внутри и внѣ храма. Такими законами ограждалась у нихъ добродѣтель! Но мы опять назначили награды пороку. О гибель! Оплачетъ ли сіе какой пѣвецъ, искусный въ сложеніи плачевныхъ пѣсней?

Остановите зло, друзья мои! Перестанемъ обременять себя злостіемъ. Да будетъ наконецъ почтенъ Богъ святыми жертвами! И если убѣдилъ я васъ, воспользуемся симъ. Если же слово мое и сѣдину мою затмѣваетъ дерзость юныхъ, или этихъ воронъ, которыя безразсудно накликаютъ на меня гибельную тучу; то свидѣтельствуюсь рукою безсмертнаго Бога и страшнымъ днемъ, который наконецъ потребитъ огнемъ легкое вещество, свидѣтельствуюсь что я не сопрестольникъ, не сотрудникъ имъ, не хочу участвовать съ ними ни въ совѣтѣ, ни въ плаваніи, ни въ пути. Но пусть идутъ они своимъ путемъ, а я поищу себѣ Ноева ковчега, чтобы спастись въ немъ отъ ужасной смерти; а потомъ, пребывая вдали отъ злыхъ, по-

стараясь избѣжать жестокаго и неизобразимаго дождя, которымъ опаленъ Содомъ. Наложивъ узду на блуждающій умъ, собравъ его внутрь, весь углубившись самъ въ себя, смѣясь надъ житейскими бурями, которыя и лица мудрыхъ покрываютъ часто грязною пылью, непрестанно напечатлѣвая въ сердцѣ мысли божественныя, не смѣшивающіяся съ худшимъ и просвѣтленныя, стремительнымъ желаніемъ приближаясь къ свѣту Трисіяннаго Божества, приступлю къ милосердному престолу безсмертнаго Бога, гдѣ все открыто, а еще болѣе откроется, когда всѣмъ равнымъ за равное возмѣрятъ вѣсы въ рукахъ правосуднаго Бога.

Къ константинопольскимъ іереямъ и къ самому Константинополю.

Іереи, приносящіе безкровныя жертвы, и служители великой Единицы въ Троицѣ! Законы! Цари, украшающіеся благочестіемъ! Знаменитый градъ великаго Константина, младшій Римъ, столько преимуществующій предъ другими городами, сколько звѣздное небо предъ землею! Взываю къ вашему благочестію. Каково поступила со мною зависть? За что разлучила съ священными чадами меня, который подвизался долгое время, озарялъ ихъ небесными ученіями, и изъ камня источалъ имъ потокъ? Какое въ этомъ правосудіе? Мой былъ трудъ, я подвергался опасности, въ первый разъ напечатлѣвая въ городѣ благочестіе; а теперь другой веселитъ сердце свое моими трудами, неожиданно вступивъ на чужой престолъ, на который возведенъ я былъ Богомъ и добрыми Божіими служителями. Вотъ слѣдствія страшнаго недуга! Такъ поступили Божіи служители, которые, питая другъ къ другу достоплачевную вражду, о Царь мой Христосъ! не дружелюбны ко мнѣ; потому что я не дерзкій воитель, не держался ни той ни другой стороны, ничего не захотѣлъ предпочесть Христу. Въ томъ мой грѣхъ, что я ни въ чемъ не прегрѣшалъ, подобно другимъ, и какъ малый корабль, не вступаю въ бой съ кораблемъ, тяжело нагруженнымъ. За это ненавидятъ меня и люди легкомысленные, которые не благочестно отворяли святилище сіе друзьямъ—угодникамъ времени. Но да покроется сіе глубокимъ забвеніемъ! А я, удаляясь отсюда, буду утѣшаться спокойствіемъ, столь же охотно оставляя и царскій дворъ, и городъ, и священниковъ, сколько прежде желалъ сего, когда Богъ призывалъ меня и ночными видѣніями и ужасающими страхованіями холоднаго моря. Посему радуюсь, что избѣжалъ зависти, и

послѣ великой бури привязываю вервь въ тихой пристани. Тамъ чистыми представленіями ума восторгая сердце, такъ же буду приносить въ даръ и безмолвіе, какъ прежде приносилъ слово. Таково слово Григорія, котораго воспитала Каппадокія, и который всего совлекся для Христа!

На свое удаленіе.

1.

И изъ угодныхъ Богу одни совершаютъ доброе плаваніе, а другіе, будучи не хуже первыхъ, встрѣчаютъ затрудненіе въ плаваніи. Кто же кромѣ Тебя, Слово, знаетъ тому причины! Не превосходнѣе ли идти стезею крутою и негладкою, нежели путемъ удобнѣмъ? Впрочемъ скажу, какая у меня объ этомъ мысль. Лучше то и другое вмѣстѣ—и идти, и идти къ совершенству. А если сіе не возможно; то труды предпочитаю безславному и недоброму спасенію. Конечно, многое должно возносить къ Богу меня, котораго уюмяютъ и плоть и стеченіе дѣль. Что же мнѣ дѣлать, если не достигаю обѣихъ желанныхъ цѣлей? Приготовь себя, какъ можно скорѣе, и къ небу окрыли душу драгоцѣнную для Слова. Не оставляй при себѣ ничего излишняго, сбрось съ себя всю тяготу суетной жизни и здѣшнихъ золъ. Я предстоятель таинственной трапезы; я очищаю людей, которыхъ приношу Тебѣ въ даръ посредствомъ безкровныхъ и совершенныхъ учений. О приснотекущая Свѣтлость, Источникъ свѣта! Я самъ имѣю нужду въ очищеніи, и потому знаю, какъ тяжело очищать пятна нечистоты. Замѣтьте сіе, пастыри людей, и трепещите!

2.

Наконецъ-то я умеръ для зависти, соіереи! Теперь и на востокъ и на западъ, у враговъ и у друзей, кончилась ко мнѣ зависть. Я удалился; скажите мнѣ доброе слово; по крайней мѣрѣ я всемъ скажу мое прощальное слово. Если на мое мѣсто найдете другаго; почитайте его. Духъ досточтимъ для меня; Его защитника. Но теперь я уже не средостѣніе брани.

3.

Да проповѣдуется Троица, и другой кто нибудь да примиряетъ людей, какъ должно. Я оставляю престолъ; но не престану вѣщать къ Богу.

На возвращеніе свое изъ Константинова града.

Пускаюсь въ путь, оставивъ за собою великую широту жизни, волнуемую здѣсь и тамъ бурными вѣтрами, имѣя при себѣ все, что сдѣлалъ, и покинувъ, что меня утруждало; пускаюсь въ путь, одного трепеща, а другимъ увеселяясь. Не покинулъ я ничего пріятнаго, ничего такого, о чемъ бы сталъ скорбѣть. Хотя покорился одному я противъ воли, за то другому—по собственной волѣ.

Одно было у меня любимое стяжаніе, одно преимущественное богатство, одна надежда къ забвенію трудовъ, — это общее для всѣхъ сіяніе великой Троицы, проповѣдать Которую приходилъ я къ людямъ именитымъ, для меня чужеземнымъ. И хотя не вовсе остался я неуязвимъ (меня, какъ нечестивца, встрѣтили камнями; за что благодареніе Тебѣ, Троица!); однако же проповѣдалъ я Троицу, и какъ кругъ около средоточія, всѣхъ привелъ въ движеніе вѣщаніями благочестія. Я былъ еще среди поприща; но меня возвратили назадъ трудъ и болѣзнь; и весьма много жалуюсь на завистливаго демона, который исторгъ у меня чистый плодъ моего чревоболенія, только что образовавшійся, когда онъ находился въ преддверіяхъ жизни.

Теперь моя Троица опять среди торжищъ и лихостояній рассѣкается устами нечестивыми, и слова блудническія одерживаютъ верхъ. Увы! увы! Какой Финеесъ, ревнитель въ душѣ и по имени, вонзигъ мечъ рукою, карающе блудъ! Или какой Моисей окажетъ помощь неправедно попираемымъ еврейскимъ догматамъ, и, немедленно изгубивъ египетскія басни, пріобрѣтетъ великую славу у великаго народа? Кто вмѣститъ въ умъ своемъ всецѣлое Божество, ничего не сокративъ въ великой Троицѣ? Или кто разсудительнымъ умомъ и крѣпкими доводами развѣтетъ силу сопротивныхъ ученій? Кто защититъ отъ стрѣлъ непреклонную вѣру, не измѣняясь съ обстоятельствами, стоя твердо при перемѣнѣ властелиновъ, и не станетъ совращать ее съ прямого пути, устремляясь туда и сюда, подобно току не постояннаго Еврипа? Кто остановитъ ужасную брань преобладающихъ іереевъ, примиривъ между собою поборниковъ миролюбія?

А я сильно желалъ сего; потому что Христосъ Богъ, врачество человѣковъ, повелѣваетъ это законами Своихъ страданій, по которымъ связалъ Онъ крестомъ вмѣстѣ и добрыхъ и злыхъ, и того, кто близокъ къ Нему; почему для тѣхъ и для другихъ составляетъ Онъ краеугольный камень, соединяя людей во едино союзомъ

любви. Я желалъ сего; но тѣ, которые враждовали на меня прежде, вмѣнили меня ни во что, не оказали никакого вниманія къ моимъ совѣтамъ. И о если бы только не вооружились они противъ Троицы, въ Которую мещуть тучи стрѣль!

Ты Сама, Троица, прекрати брань! Никого да не уязвить сія зловредная брань; а напротивъ того положи добрый конецъ моимъ трудамъ, давъ возрастать правому о Тебѣ ученію!

Прости, знаменитый храмъ Анастасіи! Ты, посредствомъ моихъ словъ, опять воззвалъ къ жизни умершую вѣру. И умирая, не забуду о тебѣ, но буду поставлять тебя на ряду съ превосходнѣйшими храмами, умоляя Троицу о чадахъ моихъ.

Къ себѣ самому.

Много, очень много случится перенести человѣку, съ продолженіемъ времени. Но что ни посылаетъ правящій нашею жизнію Богъ, все это сносно. Сколько бѣдъ претерпѣлъ я въ чужомъ городѣ, принеся въ даръ слово свое, чтобъ поддержать падающее ученіе! Похвалю, если скажутъ о нихъ другіе. Но и говорятъ уже многіе, какъ чужіе, такъ и любители уважаемой мною вѣры. Ибо доселѣ ничто не приводило въ такое колебаніе цѣлую землю, какъ дерзновеніе, съ какимъ Духа возглашаемъ Богомъ. Сіе-то, какъ извѣстно, и меня подвергло неблагорасположенію друзей. Но величайшее благодареніе Тебѣ, Блаженный, за сіе прекрасное безчестіе! Ибо что для человѣка можетъ быть достославнѣе такого безчестія?

Но что, сверхъ ожиданія, встрѣтилъ я здѣсь, о томъ самъ скажу друзьямъ, чтобы они научились равнодушно переносить нападенія зависти. Прекрасное и подлинно божественное слово изрекъ нѣкогда Богъ, что всякій пророкъ кажется достойнымъ чести только на чужой сторонѣ; а извѣстное всего чаще не признается достойнымъ и чести (Марк. 6, 4). То же самое, и еще большее, очевиднымъ образомъ случилось теперь и со мною. Когда, оставивъ чужую сторону, возвратился я въ отечество, и съ удовольствіемъ увидѣлъ родную землю и любезный мнѣ народъ: тотчасъ пришелъ мнѣ на мысль ковчегъ, который одинъ избѣжалъ потопленія въ справедливо погибшемъ мірѣ; потому что и отечество мое, когда въ немъ оскудѣвало уже почти правое ученіе, спасъ древомъ великій отецъ мой, содѣлавъ его всецѣлымъ читателемъ Троицы. Сей-то народъ, страждущій отъ безначалія, подобно кораблю, который, среди

глубинъ лишившись кормчаго, обуреваются волнами, хотѣлъ я спасти отъ величайшихъ бѣдъ. Пусть всякій мечетъ въ меня камнями, потому что издавна приученъ я къ камнямъ! Да, я хотѣлъ извлечь его изъ глубины рукою кормчаго, о которомъ зналъ, что онъ сильно противостанетъ дыханію бури, хотя и недавно принялъ на себя правленіе дѣлами. Сего хотѣлось мнѣ; но зависть, враждебная добрымъ, всеми мѣрами воспротивилась прекраснымъ учрежденіямъ. Во-первыхъ, (кто бы могъ ожидать этого?) были ко мнѣ не добры занимающіе вторыя степени престола, старѣйшины предсѣдатели народа—это прекрасное сонмище. Иные, кого удерживалъ еще малый остатокъ стыда, люди, подобно инымъ хитонамъ, двуличные и двуцвѣтные, наружно стояли за меня, а внутренно были ко мнѣ худо расположены. Впрочемъ я благодаренъ имъ и за то, что скрывали неразумныя свои желанія. Ибо явное раболѣпство хуже безчестія. Другіе же не тайно, но слишкомъ явно, были ко мнѣ непріязненны; они устыдились бы показаться ничего незначащими въ своей злобѣ.

О вы, кланяющіеся плоти ¹⁾, очевиднымъ образомъ презирающіе Самого Бога, чтители Веелфегора, а не истиннаго Владыки. Гдѣ же таинственная трапеза? Разсудите справедливо. Гдѣ хлѣбъ, гдѣ руки, которыя на главы ваши привлекли Духа? Попирайте въ злобѣ своей и самую благодать! А народъ не укоряю. Ибо что удивительнаго, если погрѣшаютъ въ подобныхъ дѣлахъ, имѣя такихъ предстоятелей? И при мудрыхъ вождяхъ съ трудомъ можно быть совершеннымъ.

Впрочемъ не этому, дѣти, училъ я васъ нѣкогда, хотя и не долго правилъ чужими бродами. Не тому училъ я, чтобы презирали вы законы и слова учителя. У меня доставало еще силъ и это переносить терпѣливо; потому что страданіе всего лучше учить терпѣнію. Но всего болѣе истаявало мое сердце отъ того, что меня обманывали мудрые, епископы народныя, на словахъ были моими друзьями и одобряли мнѣніе, какъ твердое и имъ болѣе, нежели чье либо, удобное; а къ чему клонились на самомъ дѣлѣ, не мнѣ о томъ говорить. Скажу только, что я былъ обманутъ. О проповѣдуемая мною Троица!о алтари, о метанія камнями, и всѣ труды, какіе совершилъ я дотолѣ съ первоначальнаго подвижничества! Погибла вѣра въ Бога, погибла у людей! Куда кому обратиться,

¹⁾ Св. Григорій разумѣетъ Аполлинаристовъ, которые учили, что Сынъ Божій, при воплощеніи, воспринялъ на Себя только плоть человѣческую безъ разумной души.

чимъ стать ближнимъ? Если свѣтильники сдѣлались таковы, если свѣтъ таковъ; то разсуди: какова тма?

Двукратно впадаю я въ обманъ; и подвергаясь сему, знаю это, если только и мнѣ дано отъ Бога разумѣть нѣчто. Но мучимый (кому извѣстно это кромѣ Бога?) переносилъ я сіе, подражая (если смѣю сказать) Божію человѣколюбію. Повидимому, я одинъ вовсе не слышу и не вижу того, что всѣмъ открыто и явно, что видитъ цѣлый міръ; не вижу и не слышу, только бы оставался цвѣтъ прежняго тѣла, теперь уже изнемогшаго и приведеннаго въ жалкій упадокъ! Угодно ли сіе Слову, научите меня вы, мудрые; а мнѣ кажется это не только неприятнымъ, но и крайне злымъ. ,

Отъ сего, какъ въ пробитую стѣну, или какъ въ прорвавшуюся плотину, вторгаются всѣ сѣятели новыхъ зловредныхъ ученій. У нихъ явились даже и новыя, злочестиво написанныя скрижали. Они незаконнымъ сѣченіемъ разсѣкаютъ моего великаго Бога, единое все превосходящее дѣля на высшее, среднее и низшее. А какъ разсѣкаютъ моего Бога, такъ разсѣкаютъ и великаго Богочеловѣка, признавая Его не имѣющимъ ума, какъ будто не имѣлъ ума падшій Адамъ, или какъ будто боятся они, чтобы я страданіями не былъ спасенъ совершенно. Видно, надобно одной моей кожѣ получить спасеніе; а все прочее во мнѣ, какъ безчестное, оставлено Богомъ! У нихъ есть и это, не знаю, откуда взятое, какое-то новое іудейство—бредни о тысящелѣтїи, порожденїи языческаго упоенїя и заблужденїя. Они-то, какъ *волцы язцы*, вторгшись въ доброе стадо, не имѣющее пастыря, немилосердно рвутъ и расхищаютъ его, къ скорби моего сердца. А я, хотя принялъ жезлъ другаго стада, однако же болѣзную, видя уничтоженіе отеческихъ трудовъ. Да и почему же не болѣзновать кому либо, даже разсуждающему хладнокровно? Не меня же одного воспиталъ какой нибудь дубъ или камень!

Пусть назовутъ меня лжецомъ и злымъ; однако же скажу свою мысль. И самъ ты, любезнѣйшій, который теперь съ надменностію смотришь на мои страданія, сколько знаю, не свободенъ отъ болѣзни, хотя и думаешь о себѣ, что стоишь безопасно и выгодно. Зыблются башни; какъ же не колебаться рядомъ стоящему дому? Содрогаются кедры; какъ же оставаться въ безопасности соснѣ? Старайся отдалить брань, если не хочешь быть къ ней близкимъ. О сихъ словахъ моихъ вспомнить иной со временемъ, когда нечего будетъ болѣе дѣлать, какъ только терзаться напрасно.

Что худшаго пошлешь еще мнѣ, Христе мой? Енѣ ли будешь

пережигать меня огнемъ? Все прійму охотно; только будь ко мнѣ милосердъ. Не много еще, и не гладкій путь жизни ѳудеть мною пройденъ. А каково тамъ?.. Какъ бы ни было худо—все для меня хорошо; потому что тамъ нѣтъ двоедушія, но одна простота.

О стихахъ своихъ.

Видя, что въ нынѣшней вѣкъ многіе пишутъ рѣчью не мѣрною, легко сливающеюся съ пера, и большую часть времени проводятъ въ трудахъ, отъ которыхъ нѣтъ иной пользы, кромѣ пустой говорливости, а притомъ пишутъ весьма самовольно, такъ что въ заключеніе всего является не меньше бредней, чѣмъ морскаго песку, или египетскихъ скниповъ, видя все сіе, всего болѣе восхитился я тою одною мыслию, чтобы, бросивъ всякое другое слово, держаться только словесъ богодухновенныхъ, какъ и избѣгающему бури всего пріятнѣе тихая пристань. Ибо если Писанія представляютъ столько опоръ, то самая мудрая мысль—увлекшимся въ худое въ нихъ же искать убѣжища отъ всякаго суетнаго ученія. Да и какъ тебѣ, человѣкъ, пиша по дольнымъ понятіямъ, изречь несомнѣнное слово?

Но поелику совершенно невозможно отказаться отъ всякаго слова, когда міръ раздѣлился на столько расколовъ, и всякій, въ подкрѣпленіе своего уклоненія отъ истины, прибѣгаетъ къ защитѣ этихъ рѣчей; то вступилъ я на новый путь слова, который хорошъ, или худъ, но мнѣ пріятенъ, и употребилъ нѣсколько трудовъ своихъ на мѣрную рѣчь. У меня не было намѣренія (какъ подумали бы многіе) дѣломъ самымъ легкимъ пожать пустую (какъ говорится) славу; хотя знаю, что мои противники такой способъ писать назовутъ скорѣе челоуѣкоугодіемъ; потому что большая часть людей и дѣла ближняго мѣряютъ своею мѣрою. Не предпочитаю также сего божественнымъ трудамъ. Мой разумъ никогда не отпадалъ столько отъ Бога. Что же со мною сдѣлалось? Подивитесь, можетъ быть, этому.

Во-первыхъ, хотѣлъ я, трудясь для другихъ, тѣмъ самымъ связать мой грѣхъ, чтобы вмѣстѣ и писать, и, заботясь о мѣрѣ, писать не много.

Во-вторыхъ, молодымъ людямъ, и всѣмъ, которые всего болѣе любятъ словесное искусство, какъ бы пріятное какое врачевство, хотѣлъ я дать эту привлекательность въ убѣжденіи къ полезному, горечь заповѣдей подѣластивъ искусствомъ. Да и натянута тетива требуетъ нѣкотораго послабленія. Если тебѣ угодно и это, и не

требуешь ничего больше; то вмѣсто пѣсней и игры на лирѣ даю тебѣ позабавиться сими стихами, ежели захочешь иногда и позабавиться, только бы не нанесъ кто тебѣ вреда, похитивъ у тебя прекрасное.

Въ-третьихъ, хотя знаю, что, можетъ быть, это и мелко, однако же подвергся я сему; не хочу, чтобы чужіе имѣли передъ нами преимущество въ словѣ,—разумѣю это цвѣтистое слово, хотя у насъ красота въ умозрѣніи. Поэтому хотя, конечно, посмѣялся я надъ вами, мудрые; однако же да будетъ мнѣ оказана львиная милость.

Въ-четвертыхъ, изнуряемый болѣзнію, находилъ я въ стихахъ отраду, какъ престарѣлый лебедь, пересказывая самъ себѣ вѣщанія свиряющихъ крыльевъ, — эту не плачевную, но исходную пѣснь.

Судите же теперь поэтому вы, вѣдающіе внутреннее, если и сами отдаете преимущество мѣрной рѣчи. Стихи мои вмѣщаютъ въ себѣ по большей части дѣльное и нѣчто игривое, но нѣтъ въ нихъ ни растянутости, ни излишества. А думаю, что нѣтъ также совершенно бесполезнаго; въ этомъ, если хочешь, удостовѣрять тебя самые стихи. Ибо въ нихъ иное изъ нашего ученія, а иное изъ ученій вѣщшихъ, и это или похвала добродѣтелей, или оужденіе пороковъ, или мысли, или какое нибудь мнѣніе, или краткія изреченія, замѣчательныя по сочетанію рѣчи. Если это маловажно, сдѣлай самъ что-нибудь болѣе важное. Оуждаешь размѣръ стиховъ; и справедливо; потому что самъ не наблюдаешь размѣра, пиша ямбами, производя на свѣтъ какіе-то выродки стиховъ. Какой слѣпецъ узнавалъ видящаго? Кто, не двигаясь съ мѣста, догонялъ бѣгущаго? Впрочемъ, покупая порицаемое тобою, самъ знаешь, что покупаешь. Ибо что хулишь, того самъ домогаешься, и даже употребляешь самыя непомѣрные усилія на это, то-есть, писать стихи. Или когда обличаешь, тогда рождается въ тебѣ и довѣренность? Для меня всего любезнѣе тогъ, кто претерпѣваетъ кораблекрушеніе на сушѣ. Вы, мудрые, ухищраетесь на нѣчто подобное. Не явная ли это ложь; не двурѣчіе ли? Недавно была обезьяна, а теперь стала львомъ. Такъ легко уловляется любовь къ славѣ!

Впрочемъ узнайте, что и въ Писаніи многое писано мѣрною рѣчью, какъ говорятъ мудрые изъ Евреевъ. Не назовешь ли размѣромъ и тѣ бряцанія струнъ, съ которыми древніе пѣли стройно сложенные рѣчи, чтобъ пріятное, какъ полагаю, содѣлать колесницею для добраго, и чрезъ сладкопѣніе образовать нравы? Въ этомъ увѣрить тебя Саулъ, игрою на гусляхъ освобождаемый отъ

Духа. Какой же вредъ видишь въ томъ, что молодые люди чрезъ благопристойное наслажденіе приводятся въ общеніе съ Богомъ? Ихъ трудно вдругъ перестроить. Пусть же будетъ въ нихъ нѣкоторая благородная смѣсь. Но когда доброе со временемъ окрѣпнетъ, тогда, отнявъ красное слово, какъ podporку у свода, соблюдемъ въ нихъ самое доброе. Что можетъ быть полезнѣе этого? И ты ревнитель строгости, нахмуривающей брови, и самоутлубляющійся въ себя, развѣ не подкладываешь сладостей въ кушанье? За что же охуждаешь мою рѣчь, дѣла ближняго измѣряя своею мѣрою? Не сходятся между собою предѣлы Мидянь и Фригіянь; не одинаковъ полетъ у галокъ и орловъ.

ПИСЬМА

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ ВОГОСЛОВА.

1. Къ Василию Великому (5¹).

Въ неисполненіе своего обѣщанія жить вмѣстѣ съ св. Василиемъ извиняется необходимостію услуживать родителямъ, и предлагаетъ способъ—примиришь требованія обѣщанія и долга (358 г.).

Признаюсь, измѣнилъ я обѣщанію жить и любомудрствовать вмѣстѣ съ тобою, какъ далъ слово еще въ Аѳинахъ, во время тамошней дружбы и тамошняго слиянія сердець (ибо не могу найдти болѣе приличнаго выраженія). Но измѣнилъ не добровольно, а потому, что одинъ законъ превозмогъ надъ другимъ, законъ, повелѣвающій прислуживать родителямъ, надъ закономъ товарищества и взаимной привычки. Впрочемъ и въ этомъ не измѣню совершенно, если ты будешь согласенъ на то же самое. Иногда я буду у тебя, а иногда ты самъ благоволи навѣщать меня, чтобы все было у насъ общее, и права дружбы остались равночестными. Такъ можно мнѣ будетъ и родителей не оскорблять, и быть вмѣстѣ съ тобою

2. Къ нему же (6).

Послику св. Василій шутливо писалъ о стужахъ и ненастьѣ въ Тверинѣ, мѣстопробываніи св. Григорія; то съ подобною шуткою отзывается о самомъ св. Василии, и мѣстѣ его жительства—Кесаріи.

Несносно мнѣ, что ты, великій нелюбитель грязи, привыкшій ходить на пальцахъ и попирать гладкія мостовыя, человекъ парящій, выпренній, уносимый съ стрѣлою Авариса, упрекаешь меня Тивериномъ, здѣшними стужами и ненастьями, и хотя самъ Каппадокіянинъ, однако же бѣгаешь того, что въ Каппадокіи. Тѣмъ

¹) Число сіе показываетъ порядокъ письма въ Билліевомъ изданіи.

развѣ дѣлаемъ вамъ обиду, что вы блѣднѣете, съ трудомъ переводите дыханіе, и солнцемъ пользуетесь въ мѣру, а мы тучнѣемъ, пресыщаемся и не заключаемъ себя въ тѣсныя предѣлы? Но послѣднее принадлежитъ вамъ. Вы роскошествуете, вы обогащаетесь, у васъ бываютъ торжища. Не хвалю этого. А потому, или перестань укорять меня за грязь; ибо не ты построилъ городъ, и не я сдѣлалъ ненастья; или и я тебѣ вмѣсто грязи укажу на корчемниковъ и на все, что бываетъ въ городахъ дурнаго.

3. Къ нему же (7).

Посѣтивъ св. Василія въ его понтійской пустынѣ, шутливо описываетъ ону (послѣ 360 года).

Смѣйся, черни все наше или въ шутку, или и въ правду; не въ томъ дѣло; будь только весель, уповайся своею ученостію, и наслаждайся моею дружбою. А для меня, если что отъ тебя, что бы оно ни было, и каково бы ни было, все пріятно. И если только понимаю тебѣ, мнѣ кажется, что и надъ здѣшнимъ смѣешься не для того, чтобъ осмѣять, но для того, чтобы меня привлечь къ себѣ, какъ и рѣки для того преграждаютъ, чтобъ заставить ихъ течь иначе. Ты и всегда поступаешь такъ со мною.

Буду же дивиться твоему Понту и понтійскому сумраку, этому жилищу, достойному бѣглецовъ, этимъ висящимъ надъ головою гребнемъ горъ, и дикимъ звѣрямъ, которые испытываютъ вашу вѣру, этой лежащей внизу пустынкѣ, или кротовой норѣ, съ почетными именами: обители, монастыря, училища, этимъ лѣсамъ дикихъ растений, этому вѣнцу стремнистыхъ горъ, которымъ вы не увѣнчаны, но заперты. Буду дивиться тому, что въ мѣру у васъ воздухъ, и въ рѣдкость солнце, которое, какъ бы сквозь дымъ, видите вы, понтійскіе Киммеріане, люди безсолнечные, не на шестимѣсячную только осужденные ночь, какъ рассказываютъ объ иныхъ, но даже никогда въ жизни не бывающіе безъ тѣни, люди, у которыхъ цѣлая жизнь—одна длинная ночь, и въ полномъ смыслѣ (скажу словами Писанія) *стнь смертная* (Лук. I, 79). Хвалю также этотъ узкій и тѣсный путь, который, не знаю, куда ведетъ, въ царство, или въ адъ, но для тебя пусть ведетъ онъ въ царство. А что въ серединѣ, то не назвать ли мнѣ, если хочешь (только, конечно, не въ правду), эдемомъ и раздѣляемымъ *въ четыре начала* источникомъ, изъ котораго напоевается вселенная? Или наименовать сухою и безводною пустыней, которую удобрить какой-нибудь

Моисей, жезломъ источившій воду изъ камня? Ибо что не завалено камнями, то изрыто оврагами; а гдѣ нѣтъ овраговъ, тамъ все заросло терніемъ; и надъ терніемъ утесъ, и на утесѣ стремнистая и не надежная тропинка, которая умъ путника приучаетъ къ собранности и упражняетъ въ осторожности. Внизу шумитъ рѣка; и это у тебя, высокоглаголивый творецъ новыхъ наименованій, это амфилопійскій и тихій Стримонъ, обильный не рыбами, но камнями, не въ озеро изливающейся, но увлекаемый въ пропасть. Рѣка велика и страшна, заглушаетъ псалмопѣнія обитающихъ вверху; въ сравненіи съ нею ничего не значатъ водопады и пороги; столько оглушаетъ васъ день и ночь! Она стремительна, не переходима: мутна и негодна для питья; въ одномъ только снисходительна, что не уноситъ вашей обители, когда горные потоки и ненастья приводятъ ее въ ярость. И вотъ все, что знаю объ этихъ счастливыхъ островахъ, или о васъ счастливицахъ. А ты не выхваляй тѣхъ луновидныхъ изгибовъ, которые больше подавляютъ, нежели ограждаютъ подходъ въ ваше подгорье; не выхваляй этой вершины, висящей надъ головами, которая жизнь вашу дѣлаетъ Танталовою; не хвали мнѣ этихъ провѣвающихъ вѣтерковъ и этой земной прохлады, которые освѣжаютъ васъ, утомленныхъ до омраченія; не хвали и пѣвчихъ птицъ, которыя, хотя и воспѣваютъ, но голодъ, хотя порхаютъ, но въ пустынь. Никто къ вамъ не заходитъ; развѣ для того, говоришь, чтобъ погоняться за звѣремъ; присовокупи же къ этому: и посмотри на васъ мертвецовъ. Все это длиннѣе, можетъ быть, письма, но короче сатиры. И ты, если шутку мою приѣмешь спокойно, поступишь справедливо. А если нѣтъ; присовокуплю къ этому и большее.

4. Къ нему же (8).

Продолженіе той же шутки.

Поелнику шутку мою принимаешь спокойно, присовокуплю и остальное. А начало у меня изъ Омира. „Итакъ продолжай и внутреннюю воспѣвай красоту“, этотъ кровъ безъ крыши и дверей, этотъ очагъ безъ огня и дыма, эти стѣны, высушенныя на огнѣ, чтобъ брызгами грязи не закидывало насъ, которые походимъ на Тантала и на осужденныхъ, томящихся жаждою въ водѣ, и это бѣдное и непитательное угощеніе, къ которому, не какъ къ скудной снѣди Лотофаговъ, но какъ къ трапезѣ Алкиноевой, пригласили изъ Каппадокіи меня, недавно претерпѣвшаго кораблекрушеніе и

бѣдствующаго; потому что помню, да и буду помнить, эти хлѣбы и эти, какъ называли ихъ, варенія, помню, какъ зубы скользили по кускамъ, а потомъ въ нихъ вязли и съ трудомъ вытаскивались, какъ изъ болота. Все это величественнѣе изобразишь самъ ты, почерпнувъ велерѣчіе въ собственныхъ своихъ страданіяхъ, отъ которыхъ, если бы не избавила насъ вскорѣ великая подлинно нищелиюбица (разумѣю мать твою), явившаяся къ намъ временно, какъ пристань обуреваемымъ въ морѣ, насъ давно бы уже не было въ живыхъ; и мы за свою понтійскую вѣрность возбуждали бы другихъ не столько къ похваламъ, сколько къ сожалѣнію. Какъ же мнѣ умолчать объ этихъ садахъ, не похожихъ ни на садъ, ни на огороды? И объ Авгіевомъ навозѣ, вычищенномъ изъ дому, которымъ мы наполняли сіи сады, когда телѣгу величиною съ гору, и я Вотріонъ и ты Ламиръ¹⁾, возили на этихъ самыхъ плечахъ, и этими самыми руками, на которыхъ и доселѣ остаются слѣды тогдашнихъ трудовъ; и все это (о земля и солнце, о мужъ и добродѣтель! скажу словами трагика) не для того, чтобы соединить берега Геллеспонта, но чтобы заровнять оврагъ. Если рассказы о семъ не оскорбительны для тебя, то, конечно, не оскорбительны и для меня. А если тебѣ горько слышать; то каково самое дѣло? И о многомъ еще умолчу изъ уваженія ко многому прочему, чѣмъ наслаждался.

5. Къ нему же (9).

Оставивъ шутку, съ услажденіемъ воспоминаетъ время, проведенное у св. Василія въ его понтійской пустынѣ.

Что прежде писалъ я о понтійскомъ препровожденіи времени; то была шутка, а не правда. А что пишу теперь, то уже очень правда. *Кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежнихъ дней* (Іов. 29, 2), въ которые я увеселялся съ тобою злостраданіемъ; потому что скорбное, но добровольное, предпочтительнѣе пріятнаго, но невольнаго? Кто дастъ мнѣ сіи псалмопѣнія, бдѣнія и молитвенныя къ Богу преселенія? Кто дастъ жизнь какъ бы невещественную и бесплатную? Кто дастъ согласіе и единоплеменіе братій, которыхъ ты ведешь на высоту и къ обожанію? Кто дастъ соревнованіе и поощреніе къ добродѣтели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами? Кто дастъ трудолюбіе въ чтеніи Божіихъ словесъ, и

¹⁾ Слова: Вотріонъ и Ламиръ оставлены безъ перевода. Можно догадываться, что это были имена, какія св. Василій и св. Григорій давали въ шутку другъ другу, возя на себѣ телѣгу.

при путеводительствѣ Духа обрѣтаемый въ нихъ свѣтъ? Кто дастъ (скажу о самомъ маломъ и незначительномъ) поденныя и ручныя работы—переноску дровъ, тесаніе камней, сажаніе, поливаніе? Кто дастъ этотъ золотый яворъ, который дороже Ксерксова, подъ которымъ сиживалъ не царь пресыщенный, но монахъ изнуренный, который насадилъ я, напоилъ Аполлосъ, или твоя пречестность, а возрастилъ Богъ къ моей чести, чтобъ сохранялся онъ у васъ памятникомъ моего трудолюбія, какъ читаемъ и вѣримъ, что и въ кивотѣ хранился прозябшій жезлъ Аароновъ? Легче пожелать всего этого, но не такъ легко получить сіе. Прийди же ко мнѣ на помощь, соеди́ни со мною свои усилія, содѣйствуй мнѣ въ добродѣтели, и если собрали мы прежде что либо полезное, то охраняй сіе своими молитвами, чтобы не разсѣяться мнѣ понемногу, какъ разсѣявается тѣнь съ преклоненіемъ дня. А я тобою дышу болѣе, нежели воздухомъ, и тѣмъ единственно живу, что, бываю ли съ тобою вмѣстѣ, или разню, но мысленно всегда неразлученъ.

6. Къ Адамантию (199).

Посылая, по просьбѣ его, риторическія книги, извѣщаетъ о себѣ, что пересталъ заниматься подобными предметами, принесся все это въ даръ Слову; и ему совѣтуетъ пользоваться симъ во благо, такъ чтобы страхъ Божій превозмогалъ суетность.

Просишь ты у меня книгъ; потому что съ юношескимъ жаромъ занимаешься риторикой, съ которою я распростился, по Божію разумленію и для Бога обративъ взоры горѣ; потому что надобно же было когда нибудь перестать мнѣ заниматься игрушками и лепетать по-дѣтски, а заглянуть въ истинную ученость, и вмѣстѣ съ другимъ, что только у меня было, въ даръ Слову принести и слова. Лучше было бы, если бы попросилъ ты книгъ божественныхъ, а не этихъ; потому что, какъ знаю, первый тебѣ и полезнѣе и свойственнѣе. Но поелику беретъ надъ тобою верхъ худшее, и переувѣрить тебя невозможно; то вотъ тебѣ и книги, какихъ у меня спрашиваешь, и сколько уцѣлѣло ихъ отъ моли и дыма, надъ которымъ онѣ коптѣли, какъ у мореходцевъ ручка отъ руля по окончаніи плаванія и времени, способнаго къ плаванію. А ты заплатись мнѣ за софистику, не скупясь и не робѣя, но показавъ себя во всемъ блескѣ и мужествѣ; потому что у васъ въ великой цѣнѣ и Кинегеры и Каллимахи, мараеонскіе и саламинскіе побѣдные памятники, ради которыхъ и сами себя почитаете, и молодыхъ людей думаете сдѣлать счастливыми. Для насъ это, хотя не ко времени и

не по нашимъ правиламъ, а по старой только привычкѣ, пусть и доселѣ служить одною забавой; а тебѣ желаю и приобрести, и приобретеннымъ пользоваться во благо. Но пользуйся такъ, чтобы страхъ Божій (а Бога всёмъ и всегда чтить должно) превозмогалъ суетность, сколько возможно сіе для насъ, которые не всёмъ избавляемся отъ оной. А если, хотя справедливымъ тебѣ кажется сказанное, однако же не считаешь дѣломъ любомудрія требовать платы за книги; то скажу: пришли только деньги, а возраженіе рѣшатъ нищіе.

7. Къ Кесарію брату (17).

Выражаетъ свою и всёхъ домашнихъ своихъ скорбь о томъ, что Кесарій остался на службѣ при дворѣ, по вступленіи на престолъ Юліана (361 г.).

Довольно было намъ стыда за тебя. Ибо о томъ, что мы огорчились, нужно ли и писать тебѣ, который больше всякаго въ томъ увѣренъ? Не говоря о себѣ и о томъ, какимъ безпокойствомъ, а позволю даже сказать, и страхомъ исполнилъ насъ слухъ о тебѣ, желалъ бы я, чтобы ты, если бы это было возможно самъ послушалъ, что говорятъ о тебѣ и о насъ другіе, и свои и посторонніе, сколько ни есть намъ знакомые, если только они христіане. И не только одни говорятъ, а другіе нѣтъ; напротивъ того всё равно и въ одинъ голосъ это повторяютъ; потому что людямъ пріятнѣе разсуждать о чужихъ дѣлахъ. И вотъ обратилось имъ какъ бы въ постоянное занятіе говорить слѣдующее: „И епископскій сынъ нынѣ уже въ службѣ домогается мірскихъ чиновъ и славы, уступаетъ надъ собою побѣду корыстолюбію; потому что нынѣ все воспламенено страстію къ деньгамъ, и для нихъ не щадятъ люди души своей, а ни мало не поставляютъ для себя и единственной славы и безопасности и обогащенія въ томъ, чтобы мужественно противоборствовать времени и поставить себя, какъ можно, дальше отъ всякой нечистоты и скверны! Какъ теперь Епископы уговорятъ другаго не увлекаться временемъ, не оскверняться общеніемъ съ идолами; какъ теперь наказывать проступившихся въ чемъ иномъ, когда самъ Епископъ не смѣетъ сказать слова, по причинѣ случившагося у него въ домѣ“? Вотъ что, или еще и гораздо сего худшее, слышимъ мы каждый день и отъ тѣхъ, которые говорятъ это, можетъ быть, по дружбѣ, и отъ тѣхъ, которые нападаютъ изъ неприяни. Съ какимъ же, думаешь, расположеніемъ и съ какимъ духомъ принимаемъ это мы, рѣшившіеся служить Богу и признавшие единственнымъ благомъ устремлять взоръ къ будущимъ надеждамъ? Государя родителя

нашего, который весьма огорченъ слухами, и которому отъ сего самая жизнь въ тягость, утѣшаю еще и ободряю я нѣсколько, ругаясь за твой образъ мыслей, и увѣряя, что не будешь больше причинять намъ печали. А государыня мать, если услышитъ о тебѣ чтонибудь такое (а доселѣ пока разными выдумками скрываемъ отъ нея это), будь увѣренъ, впадетъ въ скорбь совершенно безутѣшную; потому что, какъ женщина, она менѣе тверда духомъ, и притомъ, по крайнему благоговѣнію, не способна соблюсти мѣру въ подобныхъ случаяхъ. Поэтому, если уважаешь скольконибудь себя и насъ, придумай для себя чтонибудь лучшее и болѣе надежное. Ибо, безъ сомнѣнія, и того, что есть у насъ здѣсь, достаточно, чтобы вести свободную жизнь человѣку, который не слишкомъ ненасытенъ и неумѣренъ въ пожеланіи большаго. Притомъ не вижу, какого еще времени ждать намъ, чтобы ты устроилъ жизнь свою, если пропустимъ настоящее. А если держишься прежняго образа мыслей, и, чтобы удовлетворить своему стремленію, всего для тебя мало; то не намѣренъ я говорить что либо для тебя непріятное; а предскажу только и засвидѣтельствую, что необходимо одно изъ двухъ, или, оставаясь искреннимъ христіаниномъ, принять на себя самую униженную долю христіанина и дѣйствовать не соответственно своимъ достоинствамъ и надеждамъ, или, желая чести, потерпѣть вредъ въ главнѣйшемъ, и участвовать, если не въ огнѣ, то въ дымѣ.

8. Къ Кандіану (194).

Хвалить его какъ за прочія доблести, такъ преимущественно за то, что не увлекается духомъ времени, и хотя самъ язычникъ, однако же не враждуетъ на христіанъ, въ подражаніе Юліану, при которомъ служить.

Гдѣ теперь Софисты? Для чего молчатъ стихотворцы? Какихъ ищутъ лучшихъ рѣчей, или какого болѣе блистательнаго предмета? Теперь надлежало бы, чтобы для тебя, какъ всякій музыкальный и гармоническій языкъ приведенъ былъ въ движеніе, такъ и всякое искусство витійства прозвучало чтонибудь высокое и потрясающее, не потому только, что почитать рѣчью добраго начальника есть долгъ изъ всѣхъ долговъ самый справедливый, но и потому, что всего свойственнѣе тѣмъ и другимъ искусствамъ украсить память того, кто совершенъ въ томъ и другомъ. Если бы я прекратилъ своихъ рѣчей преждевременно (чувствую это теперь), и если бы не положилъ (скажемъ иный: болѣе послѣшняго, не-

жели мудраго) намѣренія не говоритъ больше похвальныхъ словъ, и не вмѣнилъ себѣ въ любомудріе не посѣщать народныхъ собраний; то, можетъ быть, возгремѣлъ бы громче тирренскихъ трубъ (скажу это, не убоясь, какъ говоритъ Пиндаръ, жестокаго Момусова камня), развѣ бы только осудилъ на молчаніе свою незрѣлость. А теперь, что чувствую въ разсужденіи тебя, и каково мое положеніе, скорѣе, можетъ быть, поймешь изъ какого нибудь подобія. Какъ одинъ изъ самыхъ горячихъ коней, съку я помость ногами, грызу удила, поднимаю вверхъ уши, дышу изъ ноздрей яростью, смотрю грозно, извергаю пѣну, однако же остаюсь за преградой; потому что законъ не даетъ мнѣ свободы бѣжать. Итакъ, что жъ? Когда такъ уже надобно, что остается мнѣ дѣлать? Вовсе ли бросить рѣчи, и молча дивиться твоимъ доблестямъ, другимъ предоставивъ хвалить тебя? Нѣтъ! Но другіе пусть будутъ въ числѣ хвалящихъ въ тебѣ иное, что кому угодно, и что кто можетъ. Безъ сомнѣнія же, доставишь ты достаточный предметъ для многихъ рѣчей и похвальныхъ словъ, если каждый станетъ хвалить тебя, избравъ для сего часть твоихъ доблестей. Одни изберутъ управленіе общественными дѣлами, и при этомъ благоразуміе и вмѣстѣ трудолюбіе; потому что избрѣтеть ли кто съ большею твоею проницательностію, что нужно, или избрѣтенное приведетъ ли въ исполненіе дѣятельнѣе тебя? Другіе возмутъ себѣ на долю вѣсы правосудія, какъ ты при ясномъ свѣтѣ разбираешь тяжбы, и при своей возвышенности доставляешь высокое торжествоThemidъ. Хотя мечъ твой страшенъ; потому что можетъ поразить; однако же, какъ никого не поражающей, онъ—святыня. Ты владѣешь имъ не для того, чтобъ наказывать погрѣшившихъ, но съ намѣреніемъ, чтобы никто даже и не погрѣшалъ, и чтобы всѣ покорствовали твоей мысли больше, нежели могуществу другихъ, для кого закономъ служить дерзость. Иные пусть удивляются въ тебѣ могуществу дара слова, а если угодно, всѣмъ родамъ сего дара, сколько сіе касается до умѣнія оцѣнить сказанное и до способности самому сказать; потому что ты способенъ судить о дарѣ слова, и еще способнѣе самъ говорить, такъ что одно уподобляется въ тебѣ золотому шару, или Омирову уровню, которымъ опредѣляется равный ростъ коней Евмеловыхъ, а другое превосходить и зимніе снѣги. Теперь ты съ такимъ же искусствомъ раздаешь награды за подвиги, съ какимъ преслѣде самъ подвизался. Иные пусть хвалятъ въ тебѣ строгость, срастворенную съ кротостію, и то, что въ самой пріятности, какъ въ львиныхъ прыжкахъ, нѣтъ у тебя ничего утѣшительнаго. Иные же укажутъ

на то, какъ многомогущное и почитаемое другими золото съ иными почетными титулами не уважено на твоёмъ судѣ, и бѣжало оттуда прочь; а это одно уже выше и слуха и вѣроятія всѣхъ. А какой ни-будь поэтъ, свободный и независимый въ искусствѣ, споетъ тебѣ и сельскую пѣснь, собравъ хороводъ земледѣльцевъ, и пожавъ зрѣлые колосья, сплететъ изъ нихъ самый пріятный вѣнокъ, и возложитъ на главу виноградныя вѣтви, переплетенныя плющемъ и кудрявцемъ. „Таковы,—скажетъ онъ,—начатки приношеній земледѣлія, снова тобою возвращеннаго людямъ. И камни да источатъ тебѣ молоко, и источники—медъ, и всякое растеніе, и заботливо воспитанное и дикое, покроется нѣжными плодами!“—Это обыкновенныя изображенія у стихотворцевъ, когда хотять представить, что земля приноситъ кому либо свои дары. Когда же все это, какъ сказала я, будутъ говорить и выдумывать другіе (потому что все свое не только приводитъ въ восторгъ, какъ полагаютъ лирики, но и всего болѣе, обыкновенно, увеселяетъ): тогда я скажу о томъ, чѣмъ преимущественно восхищаюсь, и что лобызаю въ твоихъ доблестяхъ, а именно, что ты показываешь себя стоящимъ выше трудностей времени. Хотя по вѣрѣ ты язычникъ, и настоящему державцу воздаешь должное его державѣ, однако же служишь, не какъ служатъ льстецы, ображающіеся со временемъ, но какъ друзья прекраснаго и люди высокаго образа мыслей; и сколько исполняешь свой долгъ, столько и къ отечеству соблюдаешь благорасположеніе, и въ смертномъ дѣлѣ пріобрѣтаешь бессмертную славу. Къ похвальнымъ твоимъ качествамъ принадлежитъ и то, что, при такомъ бремени правленія, удѣляешь нѣсколько уваженія и дружбы, и при такомъ числѣ дѣлъ находишь досугъ не только помнить друзей, но и оказывать имъ честь своими письмами, свидѣтельствовать свою къ нимъ любовь и всѣхъ привлекать къ себѣ. За все это желаю тебѣ не чего либо большаго къ прославленію (потому что, хотя бы власть твоя и получила приращеніе, но добродѣтель никого уже приращенія получить не можетъ), но одного, что все замѣнишь собой, и что всего важнѣе, а именно, чтобы ты наконецъ соединился съ нами и съ Богомъ, сталъ на дорогѣ гонимыхъ, а не гонителей; потому что одно влечется стремленіемъ времени, а другое заключаетъ въ себѣ бессмертное спасеніе.

9. Къ Амфилохію (159).

Привѣтствуетъ сего Амфилохія (впослѣдствіи, вѣроятно, Епископа Иконійскаго) съ вступленіемъ въ должность судебного ходатая, и просить, для перваго опыта, принять на себя ходатайство по дѣлу Евѳалія (364 г.)¹⁾.

Подопри золотыми столпами счастливый свой чертогъ, какъ говоритъ Пиндаръ, и добрымъ началомъ въ настоящей должности дай намъ знать о себѣ, что построишь и чудный домъ, явясь въ немъ славнымъ. А какъ дашь о себѣ знать? Воздавъ честь Богу и божественному; ибо что для тебя сего важнѣе и выше? А какъ и чѣмъ воздашь честь? Тѣмъ однимъ, что пріймешь на себя попеченіе о предстоящихъ Богу и о служителяхъ алтаря. Одинъ изъ нихъ сослужитель нашъ Евѳалій, котораго, когда уже поступилъ онъ въ высшій чинъ, не знаю почему, намъ реваются исключить изъ него воинскіе начальники. Не потерпи этого, и простри свою руку къ діакону и ко всему клиру, а болѣе всѣхъ ко мнѣ, о которомъ печешься ты. Иначе этотъ человѣкъ потерпитъ самую горькую участь, одинъ не воспользовавшись человѣколюбіемъ настоящаго времени и тою честію, какую воздаютъ цари священнымъ лицамъ. Но можетъ быть, подвергается онъ оскорбленію, и лишенію за дружбу ко мнѣ. И прекрасное дѣло — тебѣ не допустить до сего, хотя дружимъ хочется не очень прекраснаго дѣла.

10. Къ нему же (160)

Его же ходатайству поручаетъ дѣло племянника своего Нуковула, мужа Алипіаны, дочери Горгоніевой.

Хвалю изреченіе Θεогнида, который, не одобряя дружбы, продолжающейся только, пока пьемъ и бываемъ вмѣстѣ, хвалитъ дружбу, выказываемую на дѣлѣ. Что же онъ пишетъ?

„За чашей много бываетъ друзей,
А въ важномъ дѣлѣ ихъ мало“.

Мы съ тобой не пивали изъ одной чаши, и вмѣстѣ бывали не часто (хотя, конечно, надлежало быть этому и по нашей дружбѣ и по дружбѣ нашихъ отцевъ); требуемъ же другъ отъ друга благорасположенія въ дѣлахъ. Предстоитъ подвигъ, и даже очень важный; потому что сынъ нашъ Никовуль находится въ неожиданныхъ

¹⁾ Можно предполагать по нѣкоторымъ выраженіямъ письма сего, что оно писано въ кратковременное правленіе Іовіана.

хлопотахъ, отъ кого всего менѣе думалъ имѣть безпокойство. Потому прошу, прійди и помоги, какъ можно скорѣе произнеся судъ и защитивъ, если найдешь насъ обиженными. А если не такъ; то по крайней мѣрѣ не передавайся на противную сторону, за малую корысть отдавъ свою свободу, которою всегда ты пользовался, какъ знаемъ по общему всѣхъ свидѣтельству.

11. Къ Василию Великому (11).

Св. Василий, который противъ собственнаго желанія рукоположенъ въ пресвитера, примѣромъ своимъ поощряетъ къ терпѣнью, и увѣщаетъ къ ревностному исполненію обязанностей новаго сана (364 г.).

Хвалю начало твоего письма. Да и что твое не заслуживаетъ похвалы? И ты взять въ плѣнъ, какъ и я включенъ въ списокъ; потому что оба мы принужденно возведены на степень пресвитерства, хотя домогались и не этого. Ибо достовѣрнѣе всякаго другаго можемъ засвидѣтельствовать другъ о другѣ, что намъ по сердцу любомудріе тихоходное, которое держится низу. Но хотя, можетъ быть, и лучше было бы, еслибъ не случилось съ нами этого, или не знаю, что и сказать, пока не уразумѣю домостроительства Духа; однако же, поелику уже случилось, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, надобно терпѣть, особливо принявъ во вниманіе время, которое у насъ развязало языки многимъ еретикамъ, надобно терпѣть и не посрамить какъ надежду возложившихъ на насъ свое упованіе, такъ и собственную жизнь свою.

12. Къ Евсевию епископу Несарійскому (20).

Убѣждаетъ его переменить свое расположеніе къ св. Василию, на котораго несправедливо онъ негодовалъ (365 г.).

Поелику обращаю слово къ человѣку, который не любитъ лжи, и проникательнѣе всякаго открываетъ ложь въ другомъ, сколько бы ни была она запутана самыми хитрыми и разнообразными изворотами, къ тому же и мнѣ самому (пусть будетъ это сказано, хотя и не легко сказать) не нравится хитрость, и по природному моему расположенію, и по внушенію Писанія; то и пишу по этой причинѣ, что у меня на сердцѣ. Снизойди къ моему дерзновенію; иначе обидишь, лишая меня свободы и принуждая скрывать въ себѣ болѣзненную скорбь, подобно какому-то гнойному и злокачественному вереду. Какъ радуюсь, что дѣлаешь мнѣ честь

(если и я человекъ; какъ сказалъ нѣкто прежде) и приглашаешь меня на духовныя совѣщанія и собранія; такъ тяжело для меня оскорбленіе, какое терпѣлъ и доселѣ терпѣть отъ твоего благоговѣнія досточестнѣйшій братъ Василій, съ самаго начала мною избранный, и доннынѣ остающійся для меня товарищемъ жизни, ученія и самаго высокаго любомудрія; и я за такое избраніе ни мало не оуждаю себя; потому что скромнѣе будетъ сказать такъ; иначе подумаютъ, что, выхваляя его совершенства, хвалю самъ себя. Но ты, унижая его и оказывая честь мнѣ, по моему мнѣнію, поступаешь почти такъ же, какъ если бы кто одного и того же человека сталъ одною рукою гладить по головѣ, а другою бить по щекѣ, или подюмавъ основаніе дома, началъ расписывать его стѣны и украшать наружность. Поэтому, если убѣдишься сколько нибудь моимъ словамъ, то сдѣлаешь по моему. А я прошу убѣдиться; потому что это и справедливо. Если обойдешься съ нимъ, какъ должно; и онъ будетъ служить тебѣ. А мое дѣло слѣдовать за нимъ, какъ тѣни за тѣломъ; потому что я человекъ малый, расположенный къ миру, и не дошелъ еще до такого жалкаго состоянія, чтобы желая въ иномъ быть любомудрымъ и принадлежать къ лучшей сторонѣ, потерять мнѣ изъ виду то, что въ нашемъ ученіи самое главное,—именно любовь, особенно любовь къ іерею, человеку почтенному, о которомъ знаю, что онъ жизнью, словомъ и правилами превосходитъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ. И самая скорбь не помрачить во мнѣ истины.

13. Къ нему же (169).

Оправдывается въ смѣлости предыдущаго письма.

Писанное мною не столько оскорбительно, какъ жаловался ты на мое письмо, сколько духовно, и любомудренно, и справедливо, развѣ только и это оскорбляетъ ученѣйшаго Евсевія. Но хотя ты и выше по степени, однако же дай и мнѣ нѣсколько свободы и справедливаго дерзновенія, а потому будь къ намъ благосклоннѣе. Если же судишь о моемъ письмѣ, какъ о письмѣ служителя, обязаннаго смотрѣть тебѣ въ глаза; то въ этомъ случаѣ и удары прійму, и плакать не буду. Или и это будетъ поставлено мнѣ въ вину? Но скорѣе всякому другому, нежели твоему благоговѣнію, прилично поступать такъ; потому что великодушному человеку болѣе свойственно принимать свободныя рѣчи отъ друзей, нежели ласкательства отъ враговъ.

14. Къ нему же (170).

Изъявляетъ свою готовность быть у него въ Кесаріи вмѣстѣ съ св. Василиемъ.

И въ другихъ случаяхъ предъ твоимъ благоговѣніемъ не поступалъ я низко,—не обвиняй меня въ этомъ; но дозволивъ себѣ нѣсколько свободы и смѣлости, чтобъ сколько нибудь облегчить и уврачевать скорбь, тотчасъ покорялся, смирился и добровольно подчинялъ себя правилу. Да и могъ ли не дѣлать сего, зная тебя и законы Духа? А теперь, хотя бы я былъ и крайне низко и малодушенъ, не дозволяютъ сего и самое время, и эти звѣри, нападающіе на Церковь, а также твое благородство и мужество, такъ чисто и искренно ратоборствующее за Церковь. Поэтому, если угодно, прійдемъ соединить съ тобою свои молитвы, вмѣстѣ подвизаться, и служить тебѣ, и подобно дѣтямъ, которыя поощряютъ къ дѣйствию отличнаго борца, своими провозглашеніями воодушевлять тебя въ борьбѣ.

15. Къ Василию Великому (19).

Извѣщая о перемѣнѣ къ нему расположеній Еп. Евсевія, убѣждаетъ писать къ нему и потомъ отправиться въ Кесарію; при чемъ и самъ вызывается быть его сопутникомъ.

Вотъ случаи явить благоразуміе и терпѣніе, чтобы никто не оказался мужественнѣе насъ, и чтобы столько трудовъ и усилій не было уничтожено въ короткое время! Для чего и по какому убѣжденію пишу это? Боголюбивѣйшій нашъ Епископъ Евсевій (ибо такъ уже надобно о немъ думать и писать) весьма расположенъ къ примиренію и дружбѣ съ нами, и умягчается временемъ, какъ желѣзо огнемъ. Думаю, что къ тебѣ прійдетъ письмо просительное и пригласительное, о чемъ и онъ меня извѣщалъ, и увѣряютъ многіе изъ знающихъ достоверно объ его расположеніяхъ. Предупредимъ его или приходомъ своимъ, или письмомъ, лучше же сказать, сперва письмомъ, а потомъ приходомъ, чтобъ впоследствии не остаться въ стыдѣ, какъ побѣжденнымъ, когда можно было самимъ побѣдить прекрасно и любомудренно уступивъ надъ собою побѣду, о чемъ просятъ насъ многіе. Итакъ, послушайся меня, и приходи, какъ по сказанной причинѣ, такъ и ради настоящаго времени; потому что скопище еретиковъ нападаетъ на Церковь; одни уже явились и производятъ безпокойства, а другіе, какъ слышнѣе, явятся, и есть опасность, что ученіе истинны

можетъ быть извращенъ, если не подвигнется въ скорости духъ Велеила, мудраго архитектона таковыхъ ученій и догматовъ. Если признаешь нужнымъ, чтобъ пришелъ и я, быть твоимъ споспѣшникомъ и сопутникомъ; то не уклонюсь и отъ этого.

16. Къ Григорію Нисскому (43).

Выговариваетъ ему за то, что, оставивъ должность чтеца, намѣренъ посвятить себя риторству (366 г.).

У меня въ природѣ есть нѣчто хорошее (самъ похваляюсь изъ многого чѣмъ нибудь однимъ). За худый совѣтъ одинаково досажую и на себя и на друзей. А поелику живущіе по Богу и руководящіеся тѣмъ же Евангеліемъ всѣ друзья между собою и сродники; то почему же не выслушать отъ меня, если скажу открыто о томъ, о чемъ всѣ говорятъ, но только шопотомъ? Не хвалить твоей, сказать по твоему, безславной славы, твоего понемногу уклоненія къ худшему, и этого честолюбія, которое, какъ говоритъ Еврипидъ, злѣе демоновъ. Что съ тобою сдѣлалось, мудрый мужъ? За что прогнѣвался ты самъ на себя, бросивъ священныя, удобопіемыя книги, которыя нѣкогда читалъ народу? Ужели не стыдишься, слыша это? Или положилъ ихъ подъ дымъ, куда кладутъ кормила и кирки на зимнее время, а взялъ въ руки соленыя и непіемыя книги, и захотѣлъ лучше именоваться риторомъ, нежели христіаниномъ? А по мнѣ гораздо лучше послѣднее, нежели первое; и все благодареніе за это Богу. И ты, превосходный, не держись такихъ мыслей. А если онѣ пришли, не предавайся имъ на долго, но одумайся, наконецъ, прійди въ себя, оправдайся предъ вѣрными, оправдайся предъ Богомъ, предъ алтарями, предъ таинствами, отъ которыхъ удалился. Не говори мнѣ этихъ нарядныхъ и витіеватыхъ словъ: „что же, развѣ я не былъ христіаниномъ, когда учился риторикѣ? Развѣ не былъ вѣрнымъ, когда занимался науками въ кругу дѣтей?“ Можетъ быть, ты станешь еще свидѣтельствоваться въ семъ Богомъ. Нѣтъ, чудный мой, это не совсѣмъ справедливо, хотя часть изъ этого и можемъ уступить тебѣ. Развѣ маловажно то, что теперешнимъ своимъ поступкомъ соблазняешь другихъ, которые по природѣ болѣе склонны къ худому, и даешь имъ поводъ дурно о тебѣ и думать и говорить? Пусть это будетъ и ложь, но какая въ томъ нужда? Всякій живетъ не для себя одного, но и для ближнихъ; мало самому быть убѣжденнымъ, если не убѣждаешь и другихъ. Ужели, вступивъ въ кулачный бой

при народѣ, или на зрѣлицѣ принимая и раздавая пощечины, неблагопрестойно кривляясь и ломаясь, скажешь, что въ душѣ ты цѣломудренъ? Такое разсужденіе не цѣломудреннаго человѣка; легкомысленно—одобрять это. Если перемѣнишься; то порадуюсь теперь, сказалъ одинъ изъ пифагорейскихъ философовъ, оплакивая отпаднаго отъ него друга. Если же нѣтъ, писалъ онъ; то умеръ ты для меня. А я не скажу этого изъ любви къ тебѣ. Ибо тотъ, будучи другомъ, сталъ врагомъ, хотя впрочемъ и другомъ, какъ говорить трагедія. А я постараюсь уврачевать тебя, если (ибо такъ сказать скромнѣе) самъ не усмотришь должнаго (что въ первомъ ряду похвальныхъ дѣлъ), и не послѣдуешь доброму слову другаго (что во второмъ ряду похвальнаго). Вотъ мое увѣщаніе! Извини меня ради дружбы, что скорблю, горячусь какъ за тебя, такъ равно за весь священный чинъ, а присовокуплю, и за всѣхъ христіанъ. Если же нужно и помолиться вмѣстѣ съ тобой, или за тебя, то немощи твоей да поможетъ Богъ, животворящій и мертвыхъ!

17. Къ Никовулу (155¹).

Въ отвѣтъ на то, что жену свою Алипіану, дочь Горгоніи, сестры св. Григорія, порицалъ за малый ростъ.

Осмѣиваешь у насъ Алипіану, будто бы она мала, и недостаточна твоей великости, длинный и огромный великанъ и ростомъ и силою! Теперь только узналъ я, что и душа мѣряется, и добродѣтель цѣнится по вѣсу, что дикіе камни дороже жемчужинъ, и вороны предпочтительнѣе соловьевъ. Возьми себѣ величину и ростъ въ нѣсколько локтей, и ни въ чемъ не уступай Цереринымъ жницамъ; потому что ты правишь конемъ, мечешь копье, у тебя забота—гоняться за звѣрями; а у ней нѣтъ такихъ дѣлъ; не большая нужна крѣпость силъ владѣть челнокомъ, обходиться съ прялкой и сидѣть за ткацкимъ станомъ;—

„а это—преимущество женщинъ“.

Но если присовокупишь, какъ она до земли приклонена въ молитвѣ и высокими движеніями ума всегда собесѣдуетъ съ Богомъ; то передъ этимъ что значать твоя высота и твой тѣлесный ростъ? Посмотри на ея благовременное молчаніе; послушай, когда

¹) Для сего и послѣдующихъ писемъ къ Никовулу невозможно съ точностію опредѣлить время. Но съ вѣроятностію можно полагать, что писаны св. Григоріемъ до епископства его; почему и помѣщаются здѣсь.

говорить; разсуди, какъ не привязана къ нарядамъ, какъ по женски мужественна, какъ радѣеть о домѣ, какъ любитъ мужа и тогда скажешь словами этого Лакедемонянина: „подлинно душа не мѣрится; и въшнему человѣку должно имѣть у себя въ виду внутренняго“. Если пріймешь это во вниманіе; то перестанешь шутить и смѣяться надъ малымъ ея ростомъ, а назовешь себя счастливымъ за супружество съ нею.

18. Къ нему же (3).

О томъ, что значить писать лаконически.

Писать лаконически не то, какъ ты объ этомъ думаешь,—не просто написать не много слоговъ, но въ немногихъ слогахъ заключить многое. Такъ Омира называю самымъ краткимъ писателемъ, а Антимаха—многословнымъ. А почему? Потому что о длинѣ рѣчи сужу по содержанію, а не по числу буквъ.

19. Къ нему же (209).

О томъ, какъ писать письма.

Изъ пишущихъ письма (ты и объ этомъ у меня спрашиваешь) одни пишутъ длиннѣе надлежащаго, а другіе слишкомъ коротко; но тѣ и другіе погрѣшаютъ въ мѣрѣ, подобно стрѣляющимъ въ цѣль, изъ которыхъ одни не докидываютъ стрѣлы до цѣли, а другіе перекидываютъ ее за цѣль, въ обоихъ же случаяхъ равно не попадаютъ въ цѣль, хотя ошибка происходитъ отъ противоположныхъ причинъ. Мѣрою для письма служитъ необходимость. Не надобно писать длиннаго письма, когда предметовъ не много; не надобно и сокращать его, когда предметовъ много. По этому, что же? Должно ли мудрость мѣрять персидскою верстой, или дѣтскими локтями, и писать такъ несовершенно, чтобы походило это не на письмо, а на полуденныя тѣни, или на черты, положенныя одна на другую, которыхъ длины совпадаютъ, и болѣе мысленно представляются, нежели дѣйствительно оказываются, различными въ однихъ изъ своихъ предѣловъ, и въ собственномъ смыслѣ, можно сказать, суть подобія подобій? Чтобы соблости мѣру, необходимо избѣгать несоразмѣрности въ томъ и другомъ. Вотъ что знаю касательно краткости; а въ разсужденіи ясности извѣстно то, что надобно, сколько можно, избѣгать слога книжнаго, а болѣе приближаться къ слогу разговорному. Короче же сказать,

то письмо совершенно и прекрасно, которое может угодить и неученому и ученому,—первому тѣмъ, что приспособлено къ понятіямъ простонароднымъ, а другому тѣмъ, что выше простонароднаго; потому что одинаково не занимательны—и разгаданная загадка, и письмо требующее толкованія. Третья принадлежность писемъ—пріятность. А сіе соблюдемъ, если будемъ писать не во все сухо и жестко, не безъ украшеній, не безъ искусства, и, какъ говорится, не до чиста обстрижено, т. е. когда письмо не лишено мыслей, пословиць, изрѣченій, также остротъ и замысловатыхъ выраженій; потому что всѣмъ этимъ сообщается рѣчи усладительность. Однако же и сихъ прикрасъ не должно употреблять до излишества. Безъ нихъ письмо грубо, а при излишествѣ оныхъ надудо. Ими надобно пользоваться въ такой же мѣрѣ, въ какой—красными нитями въ тканяхъ. Допускаемъ иносказанія, но не въ большомъ числѣ, и при томъ взятыя не съ позорныхъ предметовъ; а противоположенія, соотвѣтственность реченій и равномѣрность членовъ рѣчи предоставляемъ софистамъ. Если же гдѣ и употребимъ; то будемъ сіе дѣлать, какъ бы играя, но не выисканно. А концемъ слова будетъ, что слышалъ я отъ одного краснослова объ орлѣ. Когда птицы спорили о царской власти, и другія явились въ собраніе въ разныхъ убранствахъ; тогда въ орлѣ всего прекраснѣе было то, что не думалъ быть красивымъ. То же самое должно всего болѣе наблюдать въ письмахъ, т. е., чтобы письмо не имѣло излишнихъ украшеній и всего болѣе подходило къ естественности. Вотъ что о письмахъ посылаю тебѣ въ письмѣ! Можетъ быть, взялся я и не за свое дѣло; потому что занимаюсь важнѣйшимъ. Прочее дополнишь самъ собственнымъ своимъ трудолюбіемъ, какъ человекъ понятливый, а также научать сему людямъ опытные въ этомъ дѣлѣ.

20. Къ нему же (154).

Приглашаешь его къ себѣ.

Бѣгаешь тѣхъ, которые за тобою гонятся, можетъ быть, по правиламъ любовной науки, чтобы нанести себѣ больше чести. Итакъ, приходи, и теперь восполни для насъ потерю столь долгаго времени. И если бы тебя задерживало какое изъ тамошнихъ дѣлъ; то опять оставишь насъ, и тѣмъ сдѣлаешься для насъ еще болѣе достоуважаемымъ; потому что опять будешь предметомъ нашихъ желаній.

21. Къ Алипію (150¹).

Сего Алипія, мужа сестры своей Горгоніи, приглашаетъ къ себѣ на праздникъ.

Какъ властительски поступаешь ты со мною по дружбѣ! Колелется уже у насъ и постановленіе объ обѣтахъ, хотя и отдѣлили себѣ однихъ носящихъ мантии. Правда, что не въ такой же мѣрѣ преступаемъ мы законъ, въ какой преступаютъ язычники, изобрѣтательные въ любовныхъ дѣлахъ; потому что они не только приносятъ жертву страсти, какъ Богу, но разрѣшаютъ клятвы, данныя изъ любви; а мы, если и преступаемъ нѣсколько законъ, то, терпя сіе ради дружбы, въ этомъ уже не погрѣшаемъ. Поэтому, приходи къ намъ, если хочешь, переодѣтый, чтобы то и другое было у насъ прекрасно: и съ тобою мы свидѣлись, и постановленія не нарушили. А если не хочешь, приходи и вовсе безъ мантии. Если бы и сталъ кто преслѣдовать насъ за нарушеніе закона, то пока еще можемъ защититься тѣмъ, что и ты изъ числа совершающихъ обѣтъ, въ добромъ смыслѣ называемыхъ Обѣтниками. А кто изъ насъ не прійметъ сего; тотъ что скажетъ намъ на слѣдующее? Мы приглашаемъ тебя, какъ сироту. Такъ, конечно, будешь ты властительствовать надо мною; потому что твое теперь время. А въ-третьихъ (это всего важнѣе), тебѣ можно участвовать въ обѣтѣ, и какъ приглашающему насъ къ обѣту. Такъ пріймемъ тебя готовые отразить всякое нападеніе. А что не пришла сестра, въ томъ никто не будетъ винить насъ; напротивъ того стали бы винить и ее и меня, если бы она пришла. Поэтому пусть она идетъ безъ зову. А ты и позволь себя упросить, и приходи, частію положившись на меня, а частію по обѣту; приходи, чтобы праздникъ мой сдѣлать болѣе свѣтлымъ; потому что, при помощи Божіей, довольно для тебя заготовлено и того, что нужно чреву, вѣрнѣе же сказать приготовленіе у насъ сиротское, и прибавлю еще, здоровое и благодородное.

22. Къ Кесарію брату (16).

Узнавъ объ избавленіи его отъ угрожавшей смерти во время землетрясенія, бывшаго въ Никей, приглашаетъ къ себѣ, и убѣждаетъ оставить мірскую жизнь (368 г.).

Для людей благомыслящихъ и страхъ не бесполезенъ, даже скажу, крайне прекрасенъ и спасителенъ. Хотя и не желаемъ себѣ, чтобы случилось съ нами что либо страшное, однако же вразу-

¹) О времени сего письма извѣстно то одно, что оно писано еще при жизни Горгоніи.

мляемся случившимся; потому что душа страждущая близка къ Богу, говоритъ гдѣ-то чудноглаголивый Петръ, и у всякаго избѣгнувшаго опасности сильнѣе привязанность къ Спасителю. Поэтому не станемъ огорчаться тѣмъ, что участвовали въ бѣдствіи; а напротивъ того возблагодаримъ, что избѣжали бѣдствія, и не будемъ предъ Богомъ инаковы во время опасностей, а инаковы послѣ опасностей. Но живемъ ли на чужой сторонѣ, ведемъ ли жизнь частную, отправляемъ ли общественную службу, одного будемъ желать (объ этомъ должно всегда говорить, и не переставать говорить), будемъ желать, чтобы послѣдовать Тому, Кѣмъ мы спасены, и принадлежать къ Его достоянію, не много заботясь о томъ, что малоцѣнно и пресмыкается по землѣ. И тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ, оставимъ такое по себѣ повѣствованіе, которое бы много служило къ славѣ нашей, а много и къ пользѣ душевной. Но это и есть урокъ самый полезный для многихъ, что опасность лучше безопасности, и бѣдствія предпочтительнѣе благоденствія. Если до страха принадлежали мы міру; то послѣ страха стали уже принадлежать Богу. Но, можетъ быть, кажусь тебѣ скучнымъ, много разъ пиша объ одномъ и томъ же, и слова мои считаешь ты не со-вѣтами, но велерѣчіемъ. Потому о семъ довольно; впрочемъ, обо мнѣ будь увѣренъ, что усердно желаю, и всего болѣе молось, чтобы намъ съ тобою быть вмѣстѣ, устроить нужное къ твоему спасенію и поговорить о томъ окончательно; а если бы и не удалось сего, то, какъ можно, скорѣе срѣтивъ тебя здѣсь, вмѣстѣ съ тобою составить благодарственный праздникъ.

23. Къ Филагрію (40).

Выражаетъ ему, какъ товарищу Кесаріеву и своему, скорбь о смерти Кесарія (369 г.).

Не стало у меня Кесарія. И хотя страсть—не дѣло любому-дрія; однако же скажу, что люблю все Кесаріево; и что ни вижу о немъ напоминающее, обнимаю и лобызаю это, и какъ бы представляю себѣ, что его самого вижу, съ нимъ нахожусь, съ нимъ бесѣдную. Такъ было со мною и теперь, при полученіи твоего письма. Едва прочелъ я надпись письма, это сладостное для меня имя, этотъ сладостный предметъ—имя Филагрія, вдругъ пришло мнѣ на мысль все, что было нѣкогда пріятнаго, образъ жизни, общій столъ, скудость, и какъ говоритъ Омиръ, любезнаго сотоварищества или шутки, или дѣльныя занятія, ученые труды, общіе наставники, возвышенность надеждъ, наконецъ все, что можно по-

хвалить изъ тогдашняго и что меня преимущественно радуеть при одномъ воспоминаніи. Потому, чтобы еще болѣе побесѣдовать намъ о семъ, не оставляя въ покоѣ писало свое, и сдѣлай мнѣ милость, пиши ко мнѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, это для меня не маловажно; хотя зависть, такъ горестно расположивъ дѣла мои, лишила меня важнѣйшаго—быть вмѣстѣ съ тобою.

24. Къ Софронію Ипарху (18).

По случаю смерти Кесаріевой, разсуждая о превратности всего человѣческаго, къ Софронію, какъ къ другу Кесаріеву, обращается съ просьбою, не допустить, чтобы оставшееся послѣ брата имѣніе было расхищено.

Видишь, какова наша участь, и какъ перевертывается колесо человѣческой жизни; нынѣ одни, завтра другіе цвѣтутъ и отцвѣтаютъ; что называется у насъ благоуспѣшностію, и что неудачею, все это непостоянно, быстро переходитъ и превращается; а потому можно больше довѣрять вѣтрамъ и письменамъ на водѣ, нежели человѣческому благоденствію. Для чего же это такъ? Для того, думаю, чтобы, усматривая въ этомъ непостоянство и измѣчивость, больше устремлялись мы къ Богу и къ будущему, и прилагали сколько-нибудь попеченія о себѣ самихъ, а мало заботились о тѣняхъ и сновидѣніяхъ. Но отъ чего у меня объ этомъ слово? Не даромълюбомудрствую; не безъ цѣли выражаюсь высоко. Не изъ послѣднихъ нѣкогда былъ и твой Кесарій; даже, если необманивалось, какъ братъ, онъ былъ человѣкъ очень видный, извѣстный ученостію, многихъ превосходилъ правотою и славился множествомъ друзей. А что въ числѣ ихъ ты и твое благородство былъ первымъ, и самъ онъ такъ думалъ, и насъ увѣрялъ. Конечно, такъ было прежде; а ты что-нибудь и еще больше присовокупилъ отъ себя, воздавая ему погребальную честь: потому что всѣ люди, по самой природѣ расположены въ даръ умершему приносить что либо большее. Но и теперь не пропусти безъ слезъ этого слова, или пролей слезу на добро и на пользу! Вотъ онъ лежитъ мертвый, безъ друзей, всѣми покинутый, жалкій, удостоенный небольшого количества смиренны (ежели только и это правда), и скудныхъ, недорогихъ покрововъ (что также много значитъ, потому что дано ему изъ жалости). Между тѣмъ, какъ слышу, напали враги, и имѣніе его съ полною свободою одни уже расхищаютъ, другіе намѣреваются расхитить — какая нечувствительность! какая жестокость! А оставить сего некому; самый человѣколюбивый оказы-

ваетъ ту одну милость, что призываетъ на помощь законы. И короче сказать, мы, которыхъ нѣкогда почитали счастливыми, стали теперь притчею. Не будь къ этому равнодушнѣ; а напротивъ того раздѣли и скорбь нашу и негодованіе наше; оказжи милость мертвому Кесарію, прошу тебя объ этомъ ради самой дружбы, ради всего тебѣ любезнѣйшаго, ради надеждъ твоихъ, которыя самъ для себя содѣлай благоприятными, показавъ себя вѣрнымъ и искреннимъ къ умершему, чтобъ и живымъ оказать чрезъ это милость и едѣлать ихъ благонадежными. Не думаешь ли, что скорбимъ объ имуществѣ? Для насъ всего несноснѣе стыдъ, если выведутъ такое заключеніе, что одинъ только Кесарій не имѣлъ у себя друзей,—Кесарій, о которомъ думали, что у него друзей много. Итакъ вотъ въ чемъ просьба, и вотъ она отъ кого; потому что и я, можетъ быть, стою чего-нибудь въ твоёмъ вниманіи. А въ чемъ, тѣмъ и какъ долженъ ты помочь, объ этомъ доложутъ тебѣ самыя дѣла, разсмотритъ же это—твое благоразуміе.

25. Къ нему же (107).

Испрашиваетъ его благоволенія племяннику своему Никовулу.

Золото хотя передѣлывается и преобразуется такъ и иначе, обращаемое въ разныя украшенія, испытывая на себѣ много искусственныхъ переработокъ, однако же остается золотомъ, и не въ веществѣ принимаетъ измѣненіе, а только въ наружности. Такъ полагая, что и твоя правота остается для людей тою же, хотя бы ты непрестанно восходилъ выше и выше, осмѣливаюсь представить тебѣ слѣдующую просьбу, не столько боясь твоего сана, сколько имѣя довѣренности къ твоимъ нравамъ. Будь благоснисходителенъ къ достопочтенному сыну моему Никовулу, который по всему состоитъ со мною въ тѣсной связи, и по родству и по близости обращенія и, что еще важнѣе, по нравамъ. Въ чемъ и сколько нужна ему твоя благоснисходительность? Во всемъ, въ чемъ только потребуется ему твоя помощь, и сколько почтешь сіе приличнымъ твоему великому уму. А я воздамъ тебѣ за сіе наилучшимъ изъ всего, что имѣю. Имѣю же даръ слова и возможность стать провозвѣстникомъ твоей добродѣтели, если и не по мѣрѣ твоего достоинства, то по мѣрѣ силы своихъ.

26. Къ нему же (108).

Просить его покровительства Евдоксію, сыну ритора Евдоксія.

Почитать матеръ—дѣло святое. Но у всякаго своя матеръ, а общія всѣхъ матеръ—родина. Ее почтилъ ты, правда, блистательностію своей жизни во всѣхъ отношеніяхъ; но почтись и еще, если теперь уважишь меня, внявъ моей просьбѣ. Въ чемъ же моя просьба?—Безъ сомнѣнія, знаешь краснорѣчивѣйшаго въ нашемъ отечествѣ ритора Евдоксія. Его—то сынъ, скажу коротко, другой Евдоксій и по жизни и по дару слова, предстаетъ теперь къ тебѣ. Поэтому, чтобы содѣлаться тебѣ еще болѣе именитымъ, будь благоснисходителенъ къ сему человѣку, въ чемъ ни попросить твоего покровительства. Ибо стыдно тебѣ, когда ты сталъ общимъ покровителемъ своего отечества, и многимъ оказалъ уже благодѣянія, а присовокуплю, что и еще многимъ окажешь, не почтять преимущественно предъ всѣмъ того, кто превосходитъ всѣхъ даромъ слова, не почтять и самаго краснорѣчія, которое, если не по другому чему, то по тому, уже справедливо уважить, что оно восхваляетъ гвои добродѣтели.

27. Къ нему же (109).

Просить его дружбы и покровительства Амазонію.

Друзьямъ желаю, чтобы все было благоуспѣшно. А когда называю кого друзьями, разумѣю людей прекрасныхъ, добрыхъ, соединенныхъ со мною узами добродѣтели; потому что и самъ стремлюсь къ добродѣтели. Потому и теперь, поискавъ важнѣйшаго, что подарить бы достопочтенному брату нашему Амазонію (ибо отмѣнно восхитился имъ во время недавняго съ нимъ свиданія), разсудилъ я, что вмѣсто всего должно подарить ему одно—твою дружбу и твое покровительство. Онъ въ короткое время показалъ большую ученость, какъ ученость того рода, какой домогался я самъ, когда прозрѣвалъ еще мало, такъ и ученость того рода, о которой забочусь теперь, когда прозрѣлъ въ высоту добродѣтели. А я значу ли для него что-нибудь въ отношеніи къ добродѣтели, это самъ ты увидишь; съ своей же стороны показываю другу, что имѣю у себя лучшаго—друзей. И какъ тебя признаю первымъ и искреннимъ другомъ, то желаю, чтобы ты показался ему таковымъ, какимъ долженъ ты быть и по требованію общаго отечества, и по желанію моего слова и моей любви, общающей ему вмѣсто всего твою попечительность.

28. Къ нему же (110).

Ходатайствуетъ за Амфилохія, подпадашаго обвиненію за то, что принялъ на себя защищеніе одного негоднаго человѣка, обманутый его дружбою.

Какъ золото и драгоценные камни узнаемъ по одному виду, такъ надлежало бы, чтобъ добрые и худые могли быть распознаваемы тотчасъ и безъ продолжительнаго испытанія. Тогда не много понадобилось бы словъ мнѣ, который къ твоему великодушію обращаюсь съ просьбою о дражайшемъ сынѣ нашемъ Амфилохіи. Скорѣе могу надѣяться чего-нибудь невѣроятнаго и необыкновеннаго, нежели подумать, что онъ ради денегъ сдѣлаеть или помыслить чтонибудь неблагородное. Столько всё, по общему согласію, приписываютъ ему правоты и благоразумія, превышающаго даже его возрастъ! Но что же дѣлать? Ни что не избѣгаетъ зависти, когда осмѣяніе коснулось и сего человѣка, подпадашаго обвиненіямъ по простотѣ, а не по испорченности нравовъ. Но ты не потерпи равнодушно видѣть, какъ мучать его клеветами; прошу тебя о семъ ради твоей священной и великой души; почти отечество, помоги добродѣтели, уважь меня, славившагося тобою и тобою славимаго, и замѣни этому человѣку всёхъ, присовокупивъ къ своему могуществу и изволенію; потому что, сколько знаю, все уступаетъ твоей добродѣтели.

29. Къ Кесарію (106).

Ходатайствуетъ за Амфилохія по тому же дѣлу.

Не дивись сему, если просимое нами важно; потому что и просимъ у человѣка важнаго, а прошеніе должно соразмѣрять съ тѣмъ, кого просишь. Ибо равно не прилично, какъ малаго просить о великомъ, такъ великаго просить о маломъ; одно неумѣстно, другое мелочно. Самъ своею рукою привожу къ тебѣ честнѣйшаго сына нашего Амфилохія, человѣка весьма извѣстнаго своею правотою, даже болѣе, нежели какъ слѣдовало бы ожидать отъ его возраста; почему и я самъ старецъ, іерей и другъ твой, желалъ бы, чтобъ и о мнѣ разумѣли такъ же. Если же онъ, уловленный дружбою другаго, не предусмотрѣлъ клеветы, удивительно ли это? Поелику самъ не лукавъ, то и не подозрѣвалъ лукавства, думая о себѣ, что ему надобно болѣе заботиться объ исправности слова, нежели права; на этомъ основаніи вступилъ въ сотрудничество. Что же въ этомъ худаго для людей благомыслящихъ? Поэтому порока не

ставь выше добродѣтели; не безчести моей сѣдиши, а напротивъ того уважь мое свидѣтельство; и челоуѣколюбіе свое положи въ основаніе моимъ благословеніямъ, имѣющимъ, можетъ быть, нѣкоторую силу у Бога, Которому предстою.

30. Къ нему же (105).

Просить содѣйствовать двоюроднымъ братьямъ своимъ въ продажѣ имѣнія, покупка котораго ввела ихъ въ непріятности.

И себѣ и мнѣ окажи одно благодѣяніе, какое не часто будешь оказывать, потому что и случаи къ такимъ благодѣяніямъ выпадаютъ не часто. Доставь самое справедливое свое покровительство господамъ двоюроднымъ моимъ братьямъ, довольно увидѣвшимъ хлопотъ съ имѣніемъ, которое купили они, какъ удобное къ уединенію и представлявшее возможность имѣть въ немъ нѣкоторое пособіе въ содержаніи, но отъ котораго, съ того самаго времени, какъ купили, подверглись многимъ непріятностямъ, и частію испытываютъ неудовольствія отъ неблагонамѣренныхъ продавцовъ, а частію терпятъ притѣсенія и обиды отъ сосѣдей; почему для нихъ было бы выгодно, взявъ свою цѣну съ тѣми издержками, впрочемъ не малыми, какія сдѣлали послѣ покупки, освободиться отъ сего имѣнія. Если тебѣ угодно, переведи на себя покупку, пересмотрѣвъ условіе, чтобъ оно было, какъ можно, лучше и безопаснѣе; и это будетъ пріятно и для нихъ, и для меня. Если же не угодно сіе; окажи другую милость: отъ своего лица воспротивься привязчивости и неблагонамѣренности сего челоуѣка, чтобы, по ихъ неопытности въ дѣлахъ, не взялъ онъ надъ ними преимущества непремѣнно въ чемъ-нибудь одномъ, или обижая, пока владѣютъ имѣніемъ, или причиняя убытокъ, когда вздумаютъ избавиться отъ него. Но мнѣ стыдно и писать объ этомъ; потому что равно мы обязаны заботиться о нихъ и по родству и по избранію жизни. Ибо о комъ же и заботиться больше, какъ не о такихъ людяхъ? И что можетъ быть стыднѣе того, какъ не постараться оказать подобное благодѣяніе? Но ты для себя ли, для меня ли, для нихъ ли самихъ, или для всего этого вмѣстѣ, но только непремѣнно окажи имъ благодѣяніе.

31. Къ Ѳемистію (140).

Просить его, какъ царя краснорѣчія, вступиться за Амфилохія.

Въ опасности краснорѣчіе: и твое теперь время, если ты у насъ царь краснорѣчія. Къ тому же Амфилохій мой—другъ тебѣ по

отцу; а прибавлю еще, это такой человекъ, что не дѣлаетъ стыда ни отцу роду, ни нашей дружбѣ, если только я—не плохой судья въ подобныхъ вещахъ. Важнѣе же всего для любомудраго, каковъ особенно ты, что опъ запутанъ въ дѣла, не сдѣлавъ ничего худаго. И хотя все это само по себѣ очень легко, однако же для меня всего тяжелѣе показаться невнимательнымъ къ дѣлу. Поэтому дѣлаю все, что только могу; а могу просить тѣхъ, кто имѣетъ возможность сдѣлать добро; потому что въ положеніи, въ какомъ теперь нахожусь, ничто иное для меня и не возможно. А ты оправдай слово твоего Платона, который сказалъ, что въ городахъ не прежде прекратится зло, но развѣ когда могущество сойдется съ любомудріемъ. У тебя есть и то и другое. Подай руку нуждающемуся, и присовѣтовавъ ему, что слѣдуетъ, и оказавъ помощь. Цѣль для тебя лучшаго случая къ любомудрію, какъ теперь вступить въ подвигъ за правду; а сверхъ того сдѣлаешь этимъ добро и мнѣ—твоему хвалителю.

32. Къ нему же (139).

Просить руководствовать въ образованіи Евдоксія, сына ритора Евдоксія.

Спартанца отличаетъ копье, Пелопида—плечо, а великаго Эемистія—ученость. Ибо, хотя и во всемъ всѣхъ превосходишь, однако ученость, сколько знаю, значительнѣйшее изъ твоихъ достоинствъ. Она и въ самомъ началѣ соединила насъ другъ съ другомъ, если только и я что нибудь значу по наукамъ; она и теперь убѣдила меня воспринять смѣлость. Но если узнаешь человека, о которомъ прошу: то, можетъ быть, и одобришь мое дерзновеніе. Представляю тебѣ сына знаменитаго Евдоксія и моего также сына Евдоксія же, весьма заслуживающаго вниманіе и по жизни, и по дару слова, какъ самъ это найдешь, если, по пословицѣ, приложишь веревку къ камню (какое же другое мѣрило вѣришь тебя), а для меня особенно любезнаго какъ по дружбѣ отца, такъ не менѣе по собственной его добродѣтели. Поэтому окажи благодѣяніе сему человеку какъ бы мнѣ самому благодѣтельствуя, и къ чести своей учености соблаговоли помочь ему идти впередъ. Ему нужно науками приобрѣсти себѣ извѣстность и для того успѣть въ нихъ, чтобъ снискивать себѣ пропитаніе. А чему и какъ надобно ему учиться, это самъ онъ объяснитъ тебѣ; твоя же ученость и твое благоразуміе подвергнуть сіе своему благоусмотрѣнію.

33. Къ Василию Великому (21).

Выговаривая св. Василию, который, подъ предлогомъ своей болѣзни, звалъ св. Григорія въ Кесарію, когда тамъ производилось избраніе новаго Епископа на мѣсто умершаго Евсевія, объясняетъ причины, по которымъ воротился съ дороги (370 г.).

Не дивись, если покажется, что говорю нѣчто странное, и чего не говаривалъ никто прежде. По моему мнѣнію, хотя и приобрѣлъ ты славу человѣка постояннаго, не погрѣшительнаго и твердаго умомъ, однако же и предпринимаешь и дѣлаешь многое болѣе просто, нежели не погрѣшительно. Ибо кто свободенъ отъ порока, тотъ не вдругъ подозрѣваетъ порокъ. Это случилось и теперь. Вызывалъ ты меня въ митрополию, когда нужно было совѣщаться объ избраніи Епископа. И какой благовидный и убѣдительный предлогъ! Притворился, что боленъ, находишься при послѣднемъ издыханіи, желаешь меня видѣть и передать мнѣ послѣднюю свою волю. Не зналъ я, къ чему это клонится, и какъ своимъ прибытіемъ помогу дѣлу; но отправился въ путь, сильно огорченный извѣстіемъ. Ибо что для меня выше твоей жизни, или что прискорбнѣе твоего отшествія? Проливалъ я источники слезъ, рыдалъ, и въ первый теперь разъ узналъ о себѣ, что не утвердился еще въ любомудріи. Ибо чего не наполнилъ надгробными рыданіями? Когда же узналъ, что въ городъ собираются Епископы; остановился въ пути, и дивился, во-первыхъ, тому, какъ не позаботился ты о благоприличіи, и не остерегся языка людей, которые всего скорѣе взводятъ клеветы на простодушныхъ; во-вторыхъ, какъ думаешь, что не одно и то же прилично и тебѣ и мнѣ, которыхъ въ началѣ такъ сдружилъ Богъ, что и жизнь, и ученіе, и все у насъ общее; а въ-третьихъ (пусть и это будетъ сказано), какъ подумалъ, что тутъ будутъ выставлять на видъ людей благоговѣйныхъ, а не сильныхъ въ городѣ и любимыхъ народомъ? По симъ-то причинамъ поворотилъ я корму, и ѣду назадъ. Да и тебѣ самому, если угодно, желаю избѣжать настоящихъ мятежей и худыхъ подозрѣній; а твое благоговѣніе тогда увижу, когда устроятся дѣла, и позволить мнѣ время; увижу,—и тогда побраню побольше и посильнѣе.

34. Къ жителямъ Кесаріи отъ имени отца (22).

Родитель св. Григорія Божслова, объясняя Кесарійцамъ, какъ важно избраніе Епископа, отказывается по болѣзни присутствовать при семъ избраніи, и предлагаетъ въ Епископы св. Василия.

Я—малый пастырь, настоятель небольшого стада и послѣдній изъ служителей Духа. Но благодать не стѣснена; она не ограничивается мѣстомъ. Поэтому и малымъ да будетъ дозволено дерзновеніе, особливо, когда идетъ слово о дѣлахъ общихъ и такъ важныхъ; и малые подаютъ совѣты при такой сѣдинѣ, которая, можетъ быть, скажетъ что нибудь поумнѣе многихъ. У васъ совѣщаніе не о мало-важномъ и обыкновенномъ дѣлѣ, но о такомъ, которое, хорошо ли, худо ли будетъ придумано, по необходимости повлечетъ за собою, что и съ обществомъ будетъ или то, или другое. У насъ слово о Церкви, за которую Христосъ умеръ, слово о томъ, кто представить и привести ее къ Богу. *Свѣтильникъ тѣлу*, какъ слышимъ, *есть око* (Матѣ. 6, 22), не это только тѣлесное око, которое видитъ и видимо, но и око духовное, которое созерцаетъ и созерцаемо. А свѣтильникъ Церкви есть Епископъ, какъ самимъ вамъ извѣстно; хотя бы и не писалъ я. Поэтому, какъ оку необходимо быть чистымъ, чтобъ тѣло двигалось правильно, а когда око не чисто, и тѣло движется не правильно; такъ вмѣстѣ съ предстоятелемъ Церкви, каковъ онъ будетъ, и Церковь или подвергается опасности, или спасается. О всякой же Церкви должно заботиться какъ о тѣлѣ Христовомъ, а тѣмъ паче о вашей, которая въ началѣ была матерью почти всѣхъ Церквей, да и теперь такова, и признается такою, и къ которой всѣ обращены, какъ кругъ къ своему средоточію, не только по причинѣ православія, древле всѣмъ проповѣданнаго; но и по причинѣ очевиднымъ образомъ дарованной ей отъ Бога благодати единомыслія. Итакъ, поелику къ разсужденію о семъ приглашали вы и меня, поступивъ въ этомъ правильно и согласно съ уставами, а меня удерживаетъ старость и немощь: то какъ, если бы явился я лично, при содѣйствіи укрѣпляющаго Духа (ибо для вѣрующихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго), это было бы для всѣхъ лучше и для меня пріятнѣе; потому что и вамъ помогъ бы чѣмъ нибудь, и самъ пріобщился бы благословенія; такъ, и не въ состояніи будучи исполнить сего, по причинѣ превозмогшей болѣзни, буду содѣйствовать, сколько возможно, отсутствующему. Я увѣренъ, что есть и другіе достойные предстоять у васъ; потому что городъ вашъ обширенъ и издревлѣ былъ управляемъ хорошо и мужами

высокими; но никого изъ уважаемыхъ вами не могу предпочесть боголюбивѣйшему сыну нашему, пресвитеру Василию—мужу (говорю это предъ свидѣтелемъ Богомъ), и въ жизни и въ ученіи достигшему чистоты болѣе всякаго другаго (а что всего важнѣе), тѣмъ и другимъ способнаго противостать нынѣшнему времени и преобладающему языкоболію еретиковъ. Ищу это и священствующимъ, и монашествующимъ, облеченнымъ и правительственною и совѣтодательною властію, а также и всему народу. Если будетъ на это согласіе, и верхъ одержитъ мой голосъ, столько здравый и правый, какъ произносимый съ самимъ Богомъ; то духовно присутствую, и буду присутствовать, съ вами, лучше же сказать, возлагаю уже руку и держало духомъ. А въ противномъ случаѣ, если не будетъ на сіе согласія, и подобныя дѣла стануть судить по обратствамъ и родствамъ, и рука мятежной толпы опять нарушитъ правоту суда, дѣлайте, что вамъ самимъ угодно, а я отъ этого прочь.

35. Къ епископамъ отъ имени отца (23).

Онъ же Епископамъ, собравшимся въ Кесаріи для избранія Епископа, подаетъ свой голосъ за св. Василія, поставивъ имъ впрочемъ на видъ, что приглашеніе сдѣлано ими уже по приступленіи къ дѣлу.

Какъ вы ласковы, человѣколюбивы и обильны въ любви! Приглашаете меня въ митрополию, какъ думаю, для совѣщанія объ Епископѣ; ибо угадываю вашу мысль. Не предувѣдомивъ меня, что должно явиться, притомъ за чѣмъ и когда, вдругъ объявляете, что приступлено къ чему-то, какъ будто не та у васъ мысль, чтобъ сдѣлать мнѣ честь, или не о томъ заботитесь, чтобъ я былъ съ вами, но употребляете стараніе отклонить мое присутствіе, чтобы не вышло чего противъ моей воли. Таковъ вашъ поступокъ; и я переношу это оскорбленіе; какое же мое мнѣніе, объясню вамъ. Другіе предлагаютъ, конечно, другихъ, каждый по своимъ нравамъ и изъ своихъ выгодъ, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. А я не могу (и не справедливо было бы) предпочесть кого либо досточестнѣйшему сыну нашему, сопресвитеру Василию. Ибо кого изъ извѣстныхъ намъ найдемъ, или по жизни заслуживающимъ большее одобреніе, или въ словѣ болѣе сильнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ украшеннымъ лѣпотою добродѣтели? Если тѣлесная его немощъ будетъ предлогомъ; то выбираете не борца, но учителя. А притомъ и то уже признакъ силы, что подкрѣпляетъ и поддерживаетъ немощныхъ, ежели они есть. Если примете этотъ голосъ, то

готовъ быть у васъ, и содѣйствовать вамъ, или духовно, или тѣлесно. А если путешествіе предлагается мнѣ съ условіями, и разногласія готовы одержать верхъ надъ правдою; то я радъ, что прервѣтъ вами. Это вашимъ будетъ дѣломъ: обо мнѣ же помолитесь.

36. Къ Евсеію, епископу Самосатскому, отъ отца же имени ¹⁾).

Опъ же письмомъ сѣмъ, и чрезъ подателя онаго, діакона Евстаѳіа, приглашаетъ Евсеіа къ свиданію съ собою и къ содѣйствію въ избраніи св. Василія Епископомъ Кесарійскимъ.

Кто дастъ ми криль, яко голубинь (св. 54, 6)? Или какъ обновится старость моя, чтобъ могъ я дойти до твоей любви, утолить желаніе, какое имѣю видѣться съ тобою, описать тебѣ печаль души и найдти у тебя какое ни есть утѣшеніе въ скорбяхъ? Съ того времени, какъ почилъ блаженный Епископъ Евсеіа, не малый обьялъ меня страхъ, чтобы вкрадывающіеся по временамъ въ Церковь митрополіи нашей и желающіе наполнить ее еретическими плевелами, воспользовавшись временемъ, своими лукавыми ученіями не искоренили благочестія, съ великимъ трудомъ посѣяннаго въ душахъ человѣческихъ, и не разсѣкли единства Церкви, что сдѣлали уже во многихъ Церквахъ. Поелику же ко мнѣ пришло письмо отъ клира, въ которомъ умоляютъ не оставлять ихъ въ такое время безъ попеченія; то, осмотрѣвшись вокругъ себя, вспомнилъ я о твоей любви, о правой вѣрѣ и ревности, каковую всегда имѣешь о Церквахъ Божіихъ. Поэтому послалъ къ тебѣ возлюбленнаго содіакона Евстаѳіа просить твою степенность и умолять, чтобы къ прежнимъ трудамъ о Церквахъ приложилъ ты и настоящій, чтобы свиданіемъ со мною успокоилъ мою старость, и въ сей православной Церкви утвердилъ извѣстное всѣмъ благочестіе, вмѣстѣ со мною (если удостоюсь быть соприсоединеннымъ къ тебѣ въ семъ благомъ дѣлѣ) давъ Пастыря, по волѣ Господней, способнаго управить людьми Божіими. У меня въ виду есть мужъ, и тебѣ самому не безъизвѣстный. Если бы сподобились мы пріобрѣсти его; то знаю, что пріобрѣли бы великое дерзновеніе предъ Богомъ, и сдѣлали бы великое благодѣяніе притласившему насъ народу. Но еще и не однократно умоляю, отложивъ всякое замедленіе, отправься въ путь и предупреди непріятности зимней дороги.

¹⁾ Письмо сѣ читается между письмами св. Василія Великаго, и по слав. переводу сихъ послѣднихъ есть 44-ое.

37. Къ нему же (29).

Св. Григорій Богословъ отъ своего уже лица благодарить за согласіе на избраніе св. Василія Епископомъ Кесарійскимъ, и извѣщаетъ объ отъѣздѣ родителя своего въ Кесарію.

Съ чего начну похвалы тебѣ? Съ какимъ словомъ обращаюсь къ тебѣ, чтобы приличнѣе наименовать? Назову ли тебя *столпомъ и утвержденіемъ Церкви*, или *свѣтиломъ въ мѣрѣ*, говоря въ одно съ Апостоломъ? Или *вѣнцемъ похваленія* для спасаемой части христіанъ? Или даромъ Божиимъ, опорой отечества, правиломъ вѣры, посланникомъ истины? Или всѣми этими именами вмѣстѣ и еще многими другими? И такой избытокъ похвалъ подтверждаю видимымъ. Какой это благовременный дождь сошелъ на землю жаждущую? Какая обильная вода изъ камня для странствующихъ въ пустынь? Какой подобный хлѣбъ Ангельскій вкушалъ человѣкъ? Какимъ утопавшимъ ученикамъ Своимъ общій всѣхъ Господь Іисусъ предсталъ такъ благовременно, чтобы и море укротить и спасти обуреваемыхъ, какъ ты явился намъ изнемогающимъ, опечаленнымъ, и какъ бы подвергшимся крушенію? Нужно ли говорить о другихъ? Какимъ благодушіемъ и удовольствіемъ наполнилъ ты души православныхъ; и какъ многихъ избавилъ отъ отчаянія? Да и мать наша Церковь (разумѣю Кесарійскую) теперь, при лицезрѣніи твоёмъ, подлинно слагаетъ съ себя одежды вдовства, облекается въ ризу веселія, и еще болѣе возвеселится, когда будетъ имѣть Пастыря, достойнаго и ея самой, и предшествовавшихъ пастырей, и твоихъ рукъ. Ибо и самъ видишь, каково наше положеніе, и сколько чудесъ произвели твоя ревность, твои труды и твое дерзновеніе по Богу. Обновляется старость, препобѣждается болѣзнь, лежащія на одрахъ встаютъ, и немощные препоясуются силою. Поэтому заключаю, что и дѣла наши кончатся по нашему желанію. За тебя и за меня дѣйствуетъ мой родитель, который теперь перешливымъ подвигомъ, за Церковь положитъ прекрасный конецъ всей жизни и честной сѣдинѣ. И вѣрно знаю, что онъ возвратится къ намъ съ укрѣпившимися и обновленными силами, по твоимъ молитвамъ, отъ которыхъ всего можно надѣяться. А если и лишится жизни среди сихъ заботъ; то не потеря—сподобиться такой кончины и въ подобномъ дѣлѣ. Меня же прошу извинить, если, уступивъ нѣсколько языку людей лукавыхъ, повременю немного явиться къ тебѣ, и обнять тебя, и лично присовокупить къ похвалѣ недосказанное теперь.

38. Къ Василию Великому (24).

Изъявляетъ свою радость о вступленіи его на Кесарійскій престолъ, и объясняетъ причины, по которымъ медлить идти къ нему.

Какъ скоро узналъ я, что ты возведенъ на высокій престолъ, Духъ побѣдилъ, свѣтильникъ, и прежде не темно свѣтившій, поставленъ на свѣщникъ и у всѣхъ на виду; признаюсь, обрадовался этому. Да и какъ было не обрадоваться, видя, что общее дѣло Церкви было въ худомъ положеніи, и имѣло нужду въ такомъ руководствѣ? Однако же не вдругъ я поспѣшилъ къ тебѣ, и не спѣшу, и ты самъ этого не требуй; во-первыхъ, чтобы сберечь мнѣ честь твою, и чтобъ не подумали, что собираешь приверженцевъ, по незнанію приличія и по горячности, какъ могутъ сказать завистники; а во-вторыхъ, чтобы мнѣ самому приобрести постоянство и неукоризненность. Поэтому, когда же прійдешь, скажешь, можетъ быть? И до какого времени будешь откладывать? До того, какъ Богъ повелитъ, и исчезнуть тѣни теперь злоумышляющихъ и завистующихъ. Ибо хорошо знаю, что не долго будутъ противиться прокаженные, заграждающіе Давиду входъ во Іерусалимъ.

39. Къ нему же (10).

На упреки св. Василия за холодность къ нему отвѣчаетъ похвалами Василию.

Какъ? Будто бы что нибудь твое для меня то же, что окинутая ягода на виноградной лозѣ? Какое вырвалось у тебя слово изъ ограды зубовъ, о божественная и священная глава? Или какъ отважился ты вымолвить это? Для того только развѣ, чтобъ и я могъ отважиться нѣсколько? Какъ подвиглась мысль, написало чернило, приняла бумага? Науки, Анины, добродѣтели, труды, подъятыя для наукъ! Видишь, написанное тобою едва не дѣлаетъ меня трагикомъ! Меня ли ты не знаешь, или себя самого? Какъ можетъ быть маловажнымъ для Григорія что нибудь твое, око вселенной, звучный гласъ и труба, палата учености? Чему же иному станетъ кто дивиться на землѣ, если Григорій не дивится тебѣ? Одна весна въ году, одно солнце между звѣздами, одно небо объемлетъ собою все, одинъ голось выше всѣхъ, и это (если способенъ я только судить о подобныхъ дѣлахъ, и не обманываетъ меня любовь, чего не думаю),—это твой голось. А если ставишь мнѣ въ вину, что не хвалю тебя, какъ надлежало бы: то вины за это всѣхъ людей; потому что

никто другой не хвалилъ, и не хвалить, какъ должно, какъ сталъ бы хвалить ты, какъ стало бы хвалить твое велегласіе, если бы можно было хвалить самого себя, и дозволялъ это законъ похвальныхъ словъ. А если обвиняешь меня въ презрѣніи, то почему не обвинишь сперва въ безуміи? Но ежели нечеловѣкъ на то, что люблю мудрствовать, то позволю сказать: это одно и выше твоихъ словъ.

40. Къ нему же (4).

Препятствіемъ къ свиданію съ св. Василиемъ поставляетъ болѣзнь своей матери, и проситъ мамитвъ Василиевыхъ объ ея выздоровленіи.

Исполнить твой приказъ, частію зависитъ отъ меня, а частію, и еще, думаю, большею, отъ твоего благоговѣнія. Отъ меня—желаніе и усердіе; потому что и въ другое время никогда не уклонялся и отъ свиданія съ тобою, а напротивъ того всегда домогался этого; теперь же еще больше сего желаю. Отъ твоего же прецѣдобія зависитъ привести въ порядокъ мои дѣла. Ибо безотлучно сижу при одрѣ государыни матери, которая, много уже тому времени, страждетъ недугомъ. И если можно мнѣ будетъ оставить ее внѣ опасности, будь увѣренъ, не лишу себя твоего лицезрѣнія. Помогай только своими молитвами ей выздоровѣть, а мнѣ совершить путь.

41. Къ нему же (26).

Пересказываетъ, какъ одинъ изъ монашествующихъ въ какомъ-то собраніи, гдѣ былъ и св. Григорій, укорялъ св. Василия и его самого, одного будто-бы въ нездравомъ ученіи о Святомъ Духѣ, а другаго въ робости, и какъ самъ св. Григорій старался, впрочемъ безуспѣшно, оправдать св. Василия (371 г.).

Вождемъ жизни, учителемъ догматовъ, и всѣмъ, что ни сказали бы кто прекраснаго, почиталъ я тебя издавна, и теперь почитаю; и ежели есть другой хвалитель твоихъ совершенствъ, то, безъ сомнѣнія, онъ станетъ или рядомъ со мною, или позади меня. Такъ приверженъ я къ твоему благоговѣнію, и такъ начисто весь твой! И это не удивительно. Ибо съ кѣмъ дольше обращаешься, отъ того больше видишь опытовъ; а гдѣ больше опытовъ, тамъ и свидѣтельство совершеннѣе. Ежели есть мнѣ что полезное въ жизни, такъ это—твоя дружба и обращеніе съ тобою. Такъ я думаю объ этомъ, и желалъ бы всегда такъ думать. А что теперь пишу, пишу не по доброй волѣ; однако же напишу это. И ты не прогнѣвайся на меня; или самъ я буду крайне огорченъ, если не повѣришь мнѣ, что говорю и

пишу это изъ благорасположенія къ тебѣ. Многіе порицаютъ насъ, называя некрѣпкими въ вѣрѣ, именно же всѣ тѣ, которые думаютъ, что у меня съ тобою все общее, что и прекрасно они дѣлаютъ. И одни изъ нихъ обвиняютъ явно въ нечестіи, а другіе въ робости; въ нечестіи—увѣренные, что говоримъ нездорово, а въ робости—приписывающіе намъ уклончивость. Но какая нужда повторять рѣчи другихъ? Поэтому перескажу тебѣ, что случилось недавно. Былъ пиръ, и на пиру было не мало людей знатныхъ и къ намъ благорасположенныхъ, а въ числѣ ихъ находился нѣкто изъ носящихъ имя и образъ благочестія. Пированье еще не начиналось; слово зашло о насъ, которыхъ, какъ это обыкновенно случается на пирахъ, вмѣсто всякаго другаго междудѣйствія выводятъ на среду. Всѣ дивятся твоимъ совершенствамъ, присовокупляютъ къ тебѣ и меня, какъ упражняющагося въ равномъ съ тобою любомудріи, говорятъ о нашей дружбѣ, объ Аѳинахъ, о нашемъ единодушіи и единомысліи во всемъ; но этотъ любомудренный мужъ находитъ сіе оскорбительнымъ и, съ большею рѣшительностію вскричавъ, говоритъ: „Что же это, государи мои, такъ много вы лжете и льстите? Пусть похваляны они будутъ за другое, если угодно; въ томъ не спорю; но не согласенъ въ важнѣйшемъ: за православіе напрасно хвалятъ Василія, напрасно и Григорія; одинъ измѣняетъ вѣрѣ тѣмъ, что говорить, а другой тѣмъ, что терпитъ это“.—Откуда у тебя это, пустой человѣкъ, новый Даанъ и Авиронъ по высокоумію?—сказалъ я. Откуда пришелъ къ намъ съ такимъ правомъ учительства? И какъ смѣешь самъ себя дѣлать судьей въ такихъ предметахъ?—„Я теперь,—говорилъ онъ, — съ Собора, который былъ у мученика Евсихія; и онъ свидѣтель, что это дѣйствительно такъ. Тамъ слышалъ я, какъ великій Василій богословствовалъ: объ Отцѣ и Сынѣ превосходно и весьма совершенно, и какъ не легко было бы сказать всякому другому; а въ ученіи о Духѣ уклонился отъ прямого пути“. И къ этому присовокупилъ онъ одно подобіе, сравнивъ тебя съ рѣками, которыя обходятъ мимо камни и вырываютъ песокъ. „А ты вотъ, чудный,—сказалъ онъ, смотря на меня,—очень уже ясно богохульствуешь о Духѣ (и при этомъ напомнилъ онъ одно мое выраженіе, когда богословствуя при многолюдномъ собраніи, потомъ заключилъ я рѣчь о духѣ этими, часто повторяемыми, словами: доколѣ намъ скрывать свѣтильникъ подъ спудомъ¹⁾?); но онъ не ясно высказываетъ мысль, какъ бы набрасываетъ тѣнь на

¹⁾ См. Творен. Св. Отц. Т. I. стр. 312.

ученіе, не осмѣливается выговорить истину, накидывая намъ въ уши выраженій, приличныхъ болѣе человѣку изворотливому, нежели благочестивому, и прикрывая двоедушіе силою слова“. — „Это потому, говорилъ я, что я стою не на виду, многимъ неизвѣстенъ; иные почти и не знаютъ, что мною бываесть сказано, и даже говорю ли я: поэтому и любомудрствую безопасно. О немъ же много рѣчей, какъ о человѣкѣ, который извѣстенъ и самъ по себѣ и по Церкви. Все сказанное имъ переходитъ въ общую извѣстность. Около него жестокая битва; еретики стараются ловить каждое голое реченіе изъ устъ самого Василія, чтобы послѣ того, какъ все уже вокругъ захвачено, и этотъ мужъ, единственная почти оставшаяся у насъ искра истины и жизненная сила, могъ быть изгнанъ изъ Церкви, а зло укоренилось въ городѣ, и изъ этой Церкви, какъ бы изъ какой засады, разливалось по всей вселенной. Поэтому намъ лучше быть бережливыми на истину, уступивъ нѣсколько времени, которое омрачило насъ, подобно облаку, нежели ясною проповѣдію привести истину въ упадокъ. Ибо о томъ, что Духъ есть Богъ, нѣтъ намъ вреда знать и изъ другихъ реченій, приводящихъ къ тому же заключенію; потому что истина заключается не столько въ звукъ, сколько въ мысли. Но Церкви великій уронъ, если съ однимъ человѣкомъ изгнана будетъ истина. Такой бережливости не одобрили присутствовавшіе, называя ее неблаговременною и даже насмѣшкою надъ ними; возопіяли же на насъ, что ограждаемъ болѣе робость свою, нежели ученіе Церкви. Ибо гораздо лучше, стоя за истину, охранять свое, нежели такую бережливостію и свое приводить въ безсиліе, и чужаго не принимать. Но пересказывать теперь все въ подробности, что говорилъ, и что слышалъ я, и какъ сверхъ мѣры и собственнаго своего обыкновенія изъяслялъ свое негодованіе противорѣчившимъ, было бы долго, а можетъ быть, и не нужно. Конецъ же слову тотъ, что при этомъ я съ ними разстался. Но ты, божественная и священная Глава, научи меня, до чего намъ должно простираться въ богословіи о Духѣ, какія употреблять реченія и до чего доходить въ своей бережливости, чтобы все это имѣть въ готовности для противниковъ. Ибо, если бы я, который лучше всѣхъ знаю тебя и твои мысли, и неоднократно самъ удостовѣрялъ и былъ удостовѣренъ въ этомъ, потребовалъ теперь объясненія на сіе самъ для себя; то былъ бы самымъ невѣжественнымъ жалкимъ человѣкомъ.

42. Къ нему же (27).

Оправдывается предъ Св. Василиемъ который оскорбился предъидущимъ письмомъ его.

Иной, поумнѣ меня, могъ бы подозрѣвать это; а я человѣкъ крайне простой и пустой не боялся сего, когда писалъ къ тебѣ. Оскорбило тебя письмо мое; но утверждаю, что оскорбило не по дѣлу, не справедливо, а, напротивъ того, весьма напрасно. Правда, что ты не изъявилъ своей скорби; но (въ чемъ поступилъ умно) скрылъ ее, какъ бы нѣкоторою личиною, покрывъ стыдомъ лице печали. А я, если сдѣлалъ это съ хитростію и злонамѣренно, потерплю вредъ не столько отъ твоей скорби, сколько отъ истины; если же поступилъ просто, по обычному благорасположенію, то буду винить грѣхи свои, а не твое расположеніе, развѣ скажу только, что лучше было бы поправить это, чѣмъ гнѣваться на совѣтниковъ. Поэтому, что тебѣ дѣлать, самъ ты увидишь, будучи въ состояніи подать въ этомъ совѣтъ и другимъ. А я съ своей стороны готовъ, если дастъ Богъ, и быть у тебя, и подвизаться съ тобою, и помогать тебѣ по мѣрѣ силъ. Ибо подъ твоимъ руководствомъ и съ тобою кто будетъ не въ силахъ, и кто не отважится говорить и подвизаться за истину?

43. Къ нему же (25).

Ободряетъ св. Василія противоборствовать жизнямъ враговъ Церкви и не смущался тѣмъ, что Ананіемъ, Епископомъ Тіанскій, дѣлаясь независимымъ отъ Кесарійскаго престола, присвоилъ себѣ многія епархіи въ Кесарійской митрополіи (372 г.)

Слышу, что ты смущаешься недавнимъ нововведеніемъ, и приходишь въ затрудненіе отъ какой-то софистики и обычной пытливости преобладающихъ. Это не удивительно; потому что мнѣ известна зависть, знаю и то, что многіе изъ окружающихъ тебя чрезъ тебя же обдѣлываютъ свои дѣла, и раздуваютъ искру малодушія. Потому не боюсь, чтобы ты въ скорбныхъ обстоятельствахъ потерпѣлъ что-нибудь не свойственное любомудрію, не достойное себя и меня. Напротивъ того думаю, что теперь-то особенно и дасть знать себя мой Василій, теперь-то и выкажется то любомудріе, которое постоянно ты собиралъ; теперь-то, какъ бы высокой волной, сразишь умышленія, и, когда другіе въ смущеніи, останешься непо-

колебимымъ. А если угодно тебѣ, явлюсь и самъ, и, можетъ быть, подамъ какую нибудь мысль, если только море имѣетъ нужду въ водѣ, а ты—въ совѣтникѣ. Во всякомъ же случаѣ самъ для себя приобрѣту пользу и поучусь любомудрію, вмѣстѣ съ тобою терпя оскорбленія.

44. Къ Амфилохію (163).

Шутливо изображаетъ пустыню Озизалу, въ которой св. Амфилохій, впоследствии Епископъ Иконійскій, подвизался, оставивъ судебныя дѣла.

Шутить. А я знаю опасность Озизалы, которая голодаетъ, когда всего усерднѣе будетъ воздѣлана. Одно похвально въ ней, что, хотя тамъ и умираютъ съ голода, однако же благоухаютъ и имѣютъ для себя въ готовности пышный гробъ. Почему же это? Потому что покрываются множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ.

45. Къ нему же (241).

Посылай къ нему Памфилійца Главка, просить угостить его въ пустынѣ Озизалѣ.

Когда посѣщаль я горы и при горахъ лежаціе города Памфилии; поймалъ тамъ на горахъ морскаго Главка, не лянными сѣтями извлекиши эту рыбу изъ глубины, но любовію друзей вовлекиши добычу въ мрежу. Какъ же скоро этотъ Главкъ выучился ходить по суши, посылаю его съ письмами къ вашей добротѣ; пріймите его дружелюбно, и удостойте похваляемаго въ Писаніи угощенія зеленыю.

46. Къ нему же (162).

Не одобряетъ какого-то Армянина, выхваляемаго св. Амфилохіемъ.

Приказъ твоей правоты ни мало не варварскій, а еллинскій, лучше же сказать, христіанскій. Но Армянинъ, которымъ такъ много хвалишься, совершенный варваръ и далекъ отъ нашего соревнованія.

47. Къ нему же (12).

Просить изъ Озизалы прислать зелены для угощенія св. Василия.

Не просили мы у тебя хлѣбвъ, какъ не просили воды у жителей Остракины. А если у обитателя Озизалы попросимъ зелени, которой у васъ изобиліе, и въ которой у насъ большой недостатокъ; то это не удивительно, и не внѣ обычая. Поэтому соблаговоли по-

слать къ намъ зелени побольше и получше, или сколько можешь; потому что нищимъ и малое въ велико. А поелику угощаемъ у себя и великаго Василия; то остерегись, чтобы тебѣ, испытавъ уже любо мудріе Василия сытаго, не испытать—голоднаго и негодующаго.

48. Къ нему же (13).

Выговариваетъ за те, что, вмѣсто прошенной зелени, прислана одна лебеда.

Какъ скупо идетъ къ намъ отъ васъ зелень! да и что, кромѣ лебеды? А между тѣмъ все ване богатство—сады и рѣки, рощи и засѣки, и сторона ваша также обильна зеленью, какъ у другихъ золотоносна, и вы питаетесь луговыми цвѣтами. А хлѣбныя зерна—у васъ баснословное блаженство, и хлѣбъ, какъ говорится о хлѣбѣ Ангельскомъ, также вождельненъ, и не всегда навѣрно получается. Поэтому обильнѣе сообщайте намъ зелень, или не станемъ дѣлать другихъ угрозъ, а задержимъ у себя хлѣбные запасы; и тогда узнаемъ, точно ли кузнечики питаются одной росой.

49. Къ Василию Великому (32).

Защищается, что не по лѣности и не по нерадѣнію отказывается отъ епископства въ Сасимахъ, куда рукоположилъ его св. Василий противъ воли его.

Укоряешь меня въ лѣности и въ нерадѣніи; потому что не взявъ твоихъ Сасимовъ, не увлекся епископскимъ духомъ, не оружаюсь вмѣстѣ съ вами, чтобы драться, какъ дерутся между собою псы за брошенный имъ кусокъ. А для меня самое важное дѣло — бездѣйствіе. И чтобы знать тебѣ нѣчто изъ моихъ совершенствъ, столько хвалюсь своею безпечностію, что величіе духа въ этомъ почитаю закономъ для всѣхъ; и думаю, что, если бы всѣ подражали мнѣ, то не было бы безпокойствъ Церквамъ, не терпѣла бы поруганій вѣра, которую теперь всякій обращаетъ въ оружіе своей любопрительности.

50. Къ нему же (31).

Выражаетъ свое огорченіе, что чрезъ рукоположеніе въ Епископа Сасимскаго введенъ въ отношенія, вовсе противныя его духу.

Ужели не перестанешь хулить меня, какъ человѣка необразованнаго, грубаго, не достойнаго дружбы, да и самой жизни, потому что осмѣлился сознать, что я потерялъ? Ибо другаго оскорбленія не сдѣлалъ я тебѣ,—можешь самъ подтвердить это; да и я

не сознаю, и не желаю сознать, за собою, чтобы въ чемъ маловажно-мъ, или важно-мъ, поступилъ передъ тобою худо, кромѣ того одного, что узналъ себя обманутымъ, и хотя слишкомъ уже поздно, однако же узналъ, и виню въ этомъ престоль, который вдругъ возвысилъ тебя надо мною. Усталъ я, слушая упреки тебѣ и защищая тебя передъ людьми, которымъ хорошо извѣстны и прежнія и нынѣшнія наши съ тобой отношенія. Всего смѣшнѣе, или, лучше сказать, достойнѣе сожалѣнія—испытать на себѣ, что одного и того же и обижаютъ и упрекаютъ, какъ это случилось теперь со мною. Упрекаютъ же иные и въ томъ и въ другомъ, каждый, въ чемъ кому угодно, по собственному его нраву, или по мѣрѣ гнѣва на насъ; а самые чело-вѣколюбивые — въ презрѣннн, въ пренебреженнн, въ томъ, что, по употребленнн въ дѣло, брошенъ я, какъ самый безчестный и ничего не стоящнн сосудъ, или какъ подпорка подъ сводами, которую, по складкѣ свода, вынимаютъ и считаютъ за ничто. Поэтому предоставимъ симъ людямъ полную свободу; пусть говорятъ, что могутъ сказать; никто не удержитъ самовольнаго языка. И ты въ награду мнѣ отдай тѣ блаженныя и пустыя надежды, какія придумалъ противъ хулителей, что для моей же чести обижаешь меня, чело-вѣка легкомысленнаго и способнаго только къ чему либо подобному. А я выскажу, что на душѣ; не посердись на меня; ибо скажу то же, что говорилъ и во время самой скорби; и тогда не былъ я до такой степени или воспламененъ гнѣвомъ, или пораженъ случившимся, чтобы потерять разсудокъ и не знать, что сказалъ. Не буду пріискивать оружія и учиться военной хитрости, которой не учился и прежде, когда, повидимому, особенное было тому время; потому что всѣ вооружались, всѣ приходили въ неистовство (тебѣ извѣстны недуги немощныхъ). Не буду подвергать себя нападеніямъ бранноноснаго Анеима, хотя и не совсѣмъ ловкаго воителя, будучи самъ безоруженъ, не воинственъ, и открытъ для ранъ. Но сражайся съ нимъ самъ, если угодно; ибо нужда и немощныхъ дѣлаетъ не рѣдко воителями; или ищи людей, которые будутъ сражаться, когда Анеимъ захватитъ твоихъ лошаковъ, охраняя тѣсные проходы и, подобно Амаликитянамъ, отражая Израиля. А мнѣ въ замѣнъ всего дай безмолвіе. Какая нужда вступать въ борьбу за млекопитающихся и птицъ, и притомъ за чужихъ, какъ будто идетъ дѣло о душахъ и объ уставахъ Церкви? Для чего митрополию лишать славныхъ Сасимовъ, или обнажать и открывать тайну сердца, которую должно таять? Но ты мужайся, преодо-лѣвай, и все влечи къ сла-вѣ своей, какъ рѣками поглощаются весенніе по-

токи, ни дружбы, ни привычки не предпочитая добродѣтели и благочестію, не заботясь о томъ, какимъ будутъ разумѣть тебя за такой поступокъ, но предавшись единому Духу; а я отъ дружбы твоей пріобрѣту одну выгоду, что не буду вѣрять ~~друзьямъ, и ни~~ чего не стану предпочитать Богу.

51. Къ нему же (33).

Описываетъ, какъ онъ и родители его приняли у себя ~~Василія, Епископа Трапезу-скаго, и почему имѣли съ нимъ переписку.~~

Какъ горячо и, подобно молодому коню, скачешь ты въ письмахъ своихъ! И это не удивительно: тебѣ, который недавно сталъ въ славѣ, хочется показать передо мною, какую пріобрѣлъ ты славу, чтобы чрезъ это сдѣлать себя еще болѣе достоуважаемымъ, подобно живописцамъ, которые пишутъ однѣ красоты. А если пересказывать тебѣ всѣ поступки Епископовъ и содержаніе письма, которое тебя беспокоитъ, съ чего началъ я его, до чего довелъ, и чѣмъ кончилъ; то мнѣ кажется, сіе превышающимъ предѣлы письма, и не столько дѣломъ оправданія, сколько исторіи. Короче же тебѣ сказать, пришелъ къ намъ мужественнѣйшій Анеимъ съ нѣкоторыми Епископами, или чтобъ навѣстить отца моего (ибо и такъ о семъ думали), или чтобъ сдѣлать, чего домогался. Послѣ многихъ выпытываній и о многомъ, о приходахъ, о сасимскихъ болотахъ, о моемъ рукоположеніи, послѣ того, какъ онъ и ласкалъ, и просилъ, и угрожалъ, и выставлялъ свои права, порицалъ, хвалилъ, обводилъ себѣ круги въ доказательство, что мы должны смотрѣть на него одного и на новую митрополию, которая важнѣе, послѣ всего этого сказалъ я: „для чего вписываешь въ свой кругъ нашъ городъ, когда мы то и составляемъ Церковь, эту въ подлинномъ смыслѣ и притомъ издревле матеръ Церквей?“ Наконецъ ни въ чемъ не успѣвъ, и съ великою надменностію укоривъ насъ въ приверженности къ Василию, какъ будто къ какому Филиппу, онъ ушелъ. Ужели думаешь, что этимъ сдѣлали мы тебѣ обиду? Я не полагаю. Размотри же и содержаніе письма, точно ли писано въ обиду тебѣ? На имя наше составили соборное приглашеніе. Я спорилъ, говорилъ, что это—обида; но вторично потребовали, чтобы чрезъ меня приглашены вы были для совѣщанія объ этомъ; и на сіе согласился я; но чтобъ не случилось прежняго, предоставляю все на вашу волю; угодно ли будетъ собрать ихъ, гдѣ и когда? И это показывало во мнѣ челоуѣка почтительнаго, а не обидчика. Когда же и сіе сдѣ-

лалъ я не въ обиду, то скажи остальное. Если отъ меня должно вамъ узнать это, то прочту вамъ самое письмо, которбе Анеимъ, когда, не смотря на запрещенія и угрозы наши, захватывалъ въ свою власть болота, прислалъ къ намъ, и оскорбляя и понося насъ, и какъ бы воспѣвая побѣдную пѣснь надъ нами, потерпѣвшими отъ него поражение. Что же это за причина? и его гнѣву подвергаемъ изъ-за васъ, и вамъ не правимся, какъ угождающіе ему? Но о семъ надлежало узнать прежде, чудный мужъ, и потомъ уже не оскорблять, если не по другому чему, то какъ пресвитеровъ. А если въ тебѣ есть большее желаніе показать себя и честолюбіе, и простираешь къ намъ рѣчь съ высоты, какъ гражданинъ митрополіи къ гражданамъ малаго города, или даже не имѣющимъ у себя города; то и у насъ есть гордость, которую можемъ противопоставить твоей. Это всякому не трудно, а можетъ быть, и болѣе прилично.

52. Къ Никовулу (2).

Свидѣтельствуетъ предъ нимъ о своемъ уваженіи къ св. Василию.

Всегда предпочиталъ я себѣ великаго Василія, хотя онъ и противнаго объ этомъ мнѣнія; такъ предпочитаю и теперь, сколько по дружбѣ, столько и ради самой истины. Потому и письма его кладу напередъ, а свои за ними. Ибо очень желаю, чтобъ у меня съ нимъ была во всемъ взаимная связь, а вмѣстѣ хочу тѣмъ показать и другимъ примѣръ скромности и подчиненности.

53. Къ Аерію и Алипію (80).

Убѣждаетъ ихъ выполнить завѣщаніе матери, которая часть своего имѣнія отказала Назіанзской церкви.

Справедливо и свято, чтобы истинные чадолюбцы приносили въ даръ Богу, отъ Котораго и мы сами и все наше, какъ начатки и гумна и точила, и самыхъ дѣтей, такъ и новыя наслѣдства, чтобы часть, принесенная усердно въ даръ, привела въ безопасность и остальное. Поэтому не допустите, чтобы милость ваша дошла къ намъ уже послѣ всѣхъ, но прежде всѣхъ будьте усердны къ Богу, а чрезъ Него и ко всѣмъ; и, отринувъ мірскіе законы, поработитесь нашимъ законамъ, плодонося отъ себя усердіе. Ибо, хотя принесется оставленное другими, но усердіе пріймемъ отъ васъ, и Богъ во много кратъ больше того, что дадите теперь, воздастъ вамъ не

только въ этой временной и преходящей жизни, но и въ вѣчной и постоянной, которую одну имѣть въ виду, и къ которой устремлять всѣ свои надежды—безопасное дѣло. Поелику и Богъ таковъ же будетъ къ вамъ, каковы сами вы будете къ бѣднымъ; то безъ мелочныхъ расчетовъ и скупости, но со всею щедростію и съ усердіемъ, исполните волю умершей. Представляя себѣ, что она съ вами и видитъ дѣла ваши, успокойте ее своею щедростію, чтобы получить вамъ отъ нея не одно мнѣніе, но и матернее благословеніе, утверждающее дома дѣтей. Размысливъ, что, по написанному, лучше малая доля съ правдою, нежели огромная съ скупостію (Сир. 14, 3),—только бы не сказать чего обиднаго—и что многіе не препятствовали цѣлыя дома приносить въ даръ Церкви, а иные и отъ себя жертвовали всѣмъ имуществомъ, и сдѣлали этотъ прекрасный промѣнъ,—стали нищими ради тамошняго богатства,—не скудно сѣйте, чтобы богато пожать (2 Кор. 9, 6); но доброе это наслѣдство принесите въ даръ и себѣ самимъ и тѣмъ, кого наиболѣе любите, ничего не убавляя изъ написаннаго въ завѣщаніи, но съ удовольствіемъ и съ свѣтлымъ лицомъ отдавая, или, лучше сказать, возвращая все Богу, какъ его собственность, и стяжавая себѣ то одно, что можетъ быть издержано для душъ вашихъ. Ибо къ чему собирать для разбойниковъ и татей, для превратностей времени, которое отъ одного къ другому передаетъ и перекидываетъ непостоянное богатство, а не влагать своего имѣнія въ безопасныя сокровищницы, недоступныя злоумышляющимъ? Въ другомъ и для другихъ показывайте свою бережливость (ибо мнѣ желательна, чтобы вы, при добротѣ своей были и могущественны), а для насъ подвизайтесь подвигомъ добрымъ, т. е. пусть одинъ препобѣждаетъ другаго благоговѣніемъ и благословеніями, какія Богъ даетъ благопризвательнымъ. Итакъ, увѣрьте насъ, что вы искренніе христіане. Лучше же сказать, положивъ прекрасное, столько благочестивое и праведное начало, согласите съ нимъ и все прочее, чтобы и вы другъ о другѣ, и мы о васъ возвеселились, какъ по другимъ причинамъ такъ и по тому, что благопризвательностію въ этомъ показали вы добрый примѣръ всей Церкви.

54. Къ Виталиану (145).

Причиною своего рѣдкаго свиданія съ Виталианомъ выставляетъ то, что онъ окруженъ дурными людьми.

Не часто бесѣдуемъ съ тобою; а причина въ томъ, что окруженъ ты множествомъ людей, какимъ я всегда менѣе радъ. Если

освободишь себя отъ многолюдства, и дашь въ своемъ домѣ пріютъ добродѣтели; то увидишь, что, по пословицѣ, и хромый побѣжить. Это и обещаю, при Божіей помощи, и исполню.

55. Къ Амфилохію (161).

Сего Амфилохія, опечаленнаго разлукою съ сыномъ Амфилохіемъ же, который поставленъ въ Епископа Иконійскаго, извѣщаетъ о кончинѣ своего родителя (374 г.).

Ты скорбишь? а я, конечно, радуюсь! Ты проливаешь слезы? а я, какъ видишь, прайдную и величаюсь настоящими обстоятельствомами! Тебя печалить, что похищенъ у тебя сынъ и удостоенъ почести за добродѣтель; для тебя несносно, что его не будетъ при тебѣ, что не станетъ ухаживать за тобою въ старости, и по обычаю услуживать, въ чемъ должно? а мнѣ не горько, что отецъ пошелъ отъ меня въ послѣдній путь, съ котораго уже не возвратится ко мнѣ, и я не увижу его болѣе! Послѣ этого ни мало не жалуясь, не требую должнаго утѣшенія, зная, что собственныя свои несчастія не даютъ времени позаботиться о чужихъ; а нѣтъ человѣка столько дружелюбиваго и любомудраго, чтобы былъ выше страданій и сталъ утѣшать другаго, когда самъ имѣетъ нужду въ утѣшеніи. Но ты присовокупляешь ударъ къ удару, обвиняя насъ, какъ слышу, и думая, что не порадили о твоёмъ сынѣ и о нашемъ братѣ, или (что всего тяжелѣе) измѣнили ему, даже не сознаемъ той потери, какую понесли всѣ, друзья и родные, особливо же ты, который больше всѣхъ полагалъ въ немъ надежду жизни, видѣлъ въ немъ единственную podporу, единственнаго добраго совѣтника, единственнаго сообщника въ благочестіи. На чемъ же основываешь такія свои догадки? Если на прежнемъ, то припомни, что, встревоженный слухомъ, съ намѣреніемъ приходилъ я къ вамъ и готовъ былъ сообщить свое мнѣніе, когда еще было время о семъ посоветоваться; но ты говорилъ со мною обо всемъ, кромѣ этого, не знаю, по причинѣ ли той же скорби, или съ другою какою цѣлію. Если же заключаешь по послѣднему, то не дозволили мнѣ увидѣться съ тобою въ другой разъ всего болѣе своя скорбь, должная честь отцу и погребеніе, чему не могъ предпочесть ничего другаго, особенно же, когда скорбь была такъ свѣжа, что любомудрствовать безвременно и выше человѣческой природы было бы не только не благочестиво, но и въ другихъ отношеніяхъ неблагопристойно. Наконецъ подумалъ я, что дѣло само меня предупредило, возымѣвъ уже

свой конецъ, какъ угодно сіе было Правителю дѣль нашихъ. И о семъ довольно. А теперь умѣру свое огорченіе, какъ самъ себя увѣрю, самое неразумное. Если же представляется тебѣ еще что нибудь, сообщи мнѣ, чтобы тебѣ не огорчать и меня отчасти, и себя самого, и чтобы не потерпѣть чего либо такого, что очень недостойно твоего благородства, вмѣсто другихъ обвиняя меня, который ничѣмъ тебя не обидѣлъ, но, если надобно сказать правду, такое же испыталъ принужденіе отъ общихъ нашихъ друзей, которыхъ почиталъ ты единственными своими благодѣтелями.

56. Къ Юліану (167).

Напоминаетъ Юліану его обѣщаніе быть челоуѣколюбивымъ при обложеніи налогами жителей Назіанза.

Есть у меня твое обѣщаніе; а, судя по твоему нраву, смѣло надѣюсь, что получу и даръ. Хотя мѣру воздаянія всего лучше знаетъ великій Разрѣшитель долговъ; однако же, если и въ нашей волѣ дѣлать подобныя условія, то соразмѣримъ воздаяніе; отъ меня—жертва, а отъ тебя—челоуѣколюбіе.

57. Къ нему же (166).

Просить не вмѣнять ему неудовольствій, какія произошли у Юліана съ Никевуломъ, и ходатайствовать за духовенство назіанзское.

И меня много правъ на дружбу съ тобою; кромѣ же всего прочаго есть общая любовь къ наукамъ, которая для многихъ всего болѣе заслуживаетъ уваженіе и располагаетъ къ дружбѣ; предлога же ко враждѣ нѣтъ ни одного, а дай Богъ, чтобы и не было. Ибо что у тебя съ братомъ Никевуломъ, или чѣмъ ты огорченъ отъ Никевула, это не больше до меня касается, какъ и то, что дѣлается въ Индіи; знаю только, что не давалъ я своего одобренія ни на что между вами случившееся. Потому не вмѣняй мнѣ этого, и ради такой причины не умышляй ничего худаго самъ противъ себя, но доверши то челоуѣколюбивое дѣло, какое обѣщано тобою бѣднымъ; а также и моихъ кліриковъ, за которыхъ просилъ я, освободи отъ переписи, разсудивъ, что крайне невѣроятно, когда другіе всѣмъ имѣніемъ своимъ жертвуютъ Богу, тебѣ не захотѣтъ даромъ сдѣлать добро, и когда другимъ городамъ даются въ даръ всѣ служащіе алтарю, мнѣ не получить въ даръ тѣхъ, которые при мнѣ и

прислуживаютъ мнѣ, и притомъ не получить отъ тебя, человѣка ко мнѣ весьма близкаго, которому и самъ я, можетъ быть, не дѣлаю стыда. Написать тебѣ объ этомъ слѣдовало мнѣ, а свидѣться съ тобою не удалось; потому что болѣзнь угнала меня въ Тиану, искать тамъ уврачеванія, пока есть время. Извини меня въ этомъ; вмѣсто меня имѣешь Бога, Который всегда съ бѣдными и помогаетъ имъ, и Котораго ты болѣе долженъ уважить, чѣмъ мое присутствіе.

58. Къ нему же (168).

По причинѣ болѣзни отказывается отъ свиданія съ Юліаномъ для совѣщаній объ уравниеніи налоговъ, но даетъ ему нужные совѣты.

Хорошо сдѣлалъ, что приглашалъ меня въ обитель, вмѣстѣ съ тобою подумать объ уравниеніи налоговъ: это дѣло стоитъ не малой заботы. Весьма охотно свидѣлся бы съ тобою, если-бъ я былъ здоровъ; и приду, если угодно будетъ Богу, и сдѣлается это возможнымъ. А теперь личное свиданіе замѣняю письмомъ. Знаю, что ты произошелъ отъ священныхъ родителей, и съ дѣтства росъ въ Божіемъ страхѣ. Посему, что признаешь полезнымъ и для доброй о себѣ славы и для спасенія души, то, конечно, сдѣлаешь, хотя бы я и не писалъ о томъ. А если и мнѣ должно присовокупить нѣчто отъ себя, то довожу до твоего свѣдѣнія, что вмѣсто всякаго другаго рода жизни, избираемаго христіанскими душами для служенія Богу, тебѣ предлежитъ теперь это служеніе, и приобрѣтешь себѣ великое сокровище, позаботившись объ общемъ дѣлѣ, исправивъ, что прежде сего худо было распредѣлено. Къ безопасному же производству дѣла единственное и самое важное средство, о которомъ тебѣ прежде всего должно подумать, состоитъ въ томъ, чтобы избрать сотрудниками людей, о которыхъ знаешь, что они отличаются благоразуміемъ и доброю нравственностью; ибо что пользы въ томъ, если кормчій хорошъ, а гребцы дурны?

59. Къ Евсевію епископу Самосатскому (28).

Проситъ молитвъ сего Епископа, который Императоромъ Валентомъ былъ посланъ въ заточеніе во Фракію, и съ которымъ св. Григорій по болѣзни своей не могъ видѣться во время проѣзда его чрезъ Каппадокію (374 г.).

Когда твое богочестіе проѣзжалъ чрезъ наше отечество, не могъ я выглянуть изъ горницы, находясь въ высшей степени болѣзни. Но не столько огорчила меня болѣзнь, приводившая въ

страхъ смертный, сколько то, что лишился твоей священной и доброй бесѣды. Такое имѣю желаніе видѣть твое почтенное лице, какое свойственно человѣку, которому нужно уврачеваніе душевныхъ ранъ, и который надѣется получить оное отъ твоего совершенства. Но если слѣдствіемъ грѣховъ моихъ было, что не могъ я имѣть свиданія съ тобою въ то время; то нынѣ по твоей добротѣ можетъ быть мнѣ нѣкоторое утѣшеніе въ горести. Ибо, если удостоишь и о мнѣ творить поминовеніе въ твоихъ доступныхъ къ Богу молитвахъ, то сіе будетъ для меня напущеніемъ ко всякому благословенію Божию, какъ въ сей моей жизни, такъ и въ будущемъ вѣкѣ. То самое, что такой мужъ, столько подвизавшійся за вѣру Евангельскую, претерпѣвшій столько гоненій и терпѣніемъ въ скорбяхъ уготовавшій себѣ такое дерзновеніе предъ правосуднымъ Богомъ, удостоиваетъ быть и моимъ предстателемъ въ молитвахъ, это самое, какъ увѣренъ я, имѣетъ такую же для меня силу, какъ и предстательство кого нибудь изъ святыхъ мучениковъ. Почему молю—непрестанно помянуть твоего Григорія тѣмъ, чѣмъ самъ желаю содѣлаться достойнымъ твоего памятованія.

60. Къ нему же (30).

Хвалить Евпраксія, который вызвался прислуживать Евсеію, ублажаетъ самого Евсеія, какъ страдальца за Церковь Христову, и, благодаря за извѣстіе о себѣ, проситъ извѣщать впродъ.

Всѣмъ для насъ драгоцѣнный, одинъ изъ искреннихъ друзей, достопочтеннѣйшій братъ нашъ Евпраксій, еще болѣе драгоцѣннымъ и искреннимъ оказался по своему расположенію къ тебѣ. Онъ и теперь съ такимъ усердіемъ устремился служить тебѣ, какъ многожаждущій елень (скажу словами Давида) утоляетъ нестерпимую жажду въ пріятномъ и чистомъ источникѣ. За терпѣніе скорбей и ради насъ соблаговоли стать для него симъ питіемъ. Блаженъ, кто удостоивается быть близъ тебя. А еще блаженнѣе, кто страданіями за Христа и подвигами за истину пріобрѣтаетъ себѣ подобный вѣнецъ, какового сподобились не многіе изъ боящихся Бога. Ибо ты показалъ въ себѣ добродѣтель, которая была не безъ испытаній: не только во время благоведрія плылъ прямо и управилъ душами другихъ, но просіялъ и среди тяжкихъ искушеній, ставъ выше гонителей тѣмъ, что мужественно оставилъ родину. У другихъ есть отечественная земля, а у насъ горній градъ; другимъ, можетъ быть, сталь принадлежать нашъ престоль, а у насъ

Христосъ. Какое приобрѣтеніе! Что нами оставлено, и что получено! *Пройдохомъ сквозь огонь и воду*, а я увѣренъ, что увидемъ и *въ покой* (Псал. 65, 11); потому что Богъ не до конца оставитъ насъ, и не вознерадитъ о гонимомъ правомъ ученіи, но по множеству болѣзней нашихъ возвеселятъ насъ утѣщенія Его. Сему вѣримъ, и о семъ молимся. А тебя прошу молиться и о нашемъ смиреніи. А если когда выпадетъ время, не облѣнись благословить меня своимъ писаніемъ и придать мнѣ благодушія извѣстіемъ о себѣ, чего удостоилъ тебѣ.

61. Къ нему же (204).

Благодарить за письмо, и просить не забывать о немъ.

Меня радуетъ, что и пишешь ко мнѣ, и помнишь о мнѣ, а что и сего важнѣе, благословляешь меня въ своихъ письмахъ. Желалъ бы я (чего и заслуживаютъ твои страданія, твой подвигъ за Христа и для Христа) удостоиться того, чтобъ быть у тебя, облобызать твое богочестіе, и въ твоихъ страданіяхъ найти для себя образецъ терпѣнія. Но поелику недостойнъ я этого, меня беспокоятъ многія скорби и недосуги, то исполняю второе, т. е. привѣтствую твое совершенство, и прошу не ставить себѣ въ трудъ памятованіе о мнѣ. Ибо не только полезно для меня удостоиваться твоихъ писаній, но даже послужить въ похвалу и украшеніе предъ многими, что обращаетъ на меня вниманіе мужъ столь высокій добродѣтелию, имѣющій такой доступъ къ Богу, что и словомъ и примѣромъ можетъ и другихъ приводить къ Богу.

62. Къ Евтропію (138).

Благодарить его за письмо.

Пусть другой хвалитъ въ тебѣ что нибудь другое; безъ сомнѣнія же, тебя достанетъ для многихъ устъ; но я скажу то, чему всего болѣе дивлюсь. Въ тебѣ столько правоты и учености, что и это одно дѣлаетъ твоими друзьями всѣхъ, кто только почитается тебѣ другомъ. По крайней мѣрѣ прежде всѣхъ удостоившихся отъ тебя чести (сколько бы ихъ ни было), когда занималъ ты самую высокую должность, доселѣ составляющую предметъ домогательства, встрѣтившись со мною въ Азіи, если помнишь объ этомъ нѣсколько (а я знаю, что помнишь, при совершенствѣ во всемъ будучи столько неизмѣннымъ въ дружбѣ), ты какъ и въ прочемъ обратилъ на меня

благосклонное свое вниманіе, такъ, дѣлая честь своей учености, убѣждалъ меня, писать къ тебѣ, и не только убѣждалъ меня, но самъ первый удостоилъ написать ко мнѣ, подражая добрымъ живописцамъ, которые обучаютъ учениковъ тѣмъ, что показываютъ имъ много образцовъ. Это же (что и весьма хорошо) сдѣлалъ ты и теперь. Но не облѣнись дарить меня тѣмъ же и впослѣдствіи, хотя и опять превознесенъ будешь почестями; потому что онѣ принесутъ тебѣ начальство, а не добродѣтель, въ которой достигнувъ самой вершины, тебѣ уже не куда и возвышаться. Занимаясь дѣлами общественными, не переставай радѣть и о друзьяхъ, по примѣру Омировыхъ витязей, которые и среди войны заботятся объ обязанностяхъ дружбы. Ибо твой Омиръ и этимъ уразноображиваетъ свое твореніе.

63. Къ нему же (137).

Радуется, что Евтропій сталъ христіаниномъ, и вмѣстѣ сожалѣеть, что болѣзнъ препятствуетъ съ нимъ видѣться.

Что это значитъ? Великій Евтропій въ числѣ нашихъ! И мы слышимъ, но не наслаждаемся. Что же иное, какъ не это же самое, было и съ извѣстнымъ Танталомъ, который истаявалъ жаждою среди потоковъ? Ты, какъ пишешь, желаешь свиданія со мною; и хорошо дѣлаешь. Такому человѣку, каковъ ты, надлежало не презирать друзей, но и мимоходомъ сдѣлать добро мнѣ, и тѣмъ же почтить по оставленіи званія правителя, чѣмъ удостоивалъ чествовать начальствуя. Но въ какомъ, думаешь, расположеніи нахожусь я, и что на сердцѣ у меня, желающаго видѣться съ тобою не меньше, если еще не больше твоего (что и естественно; потому что достойное уваженія вождельно), но связаннаго болѣзнію? Будь для меня тѣмъ египетскимъ врачевствомъ (слово ли это, или другое что), какимъ Омиръ врачуетъ души въ скорбяхъ. Но какакъ будешь симъ врачевствомъ? Во-первыхъ, извиняя меня, потому что добродушіе готово на извиненія; а потомъ вразумляя меня своими письмами, потому что, когда былъ ты и начальникомъ, болѣе дивились мы въ тебѣ добродѣтели, нежели могуществу.

64. Къ Григорію Нисскому (35).

Проситъ не скорбѣть о своемъ изгнаніи, предсказывая, что торжество еретиковъ будетъ не долговременно (ок. 376 г.).

Не очень сокрушайся въ скорбяхъ. Ибо чѣмъ менѣе скорбимъ, тѣмъ легче становится скорбь. Нѣтъ бѣды, если еретики отогрѣ-

лись, и съ весною осмѣливаются выползати изъ норъ, какъ самъ пишешь. Очень знаю, что не долго пошипятъ, потомъ спрячутся, низложенные и истинною и временемъ; и тѣмъ скорѣе, чѣмъ съ большимъ упованіемъ предоставимъ все Богу.

65. Къ нему же (36).

Подобнаго съ предыдущимъ содержанія.

О чемъ ты писалъ, разсуждаю такъ. Презираемые, мы не огорчаемся, и почитаемые не радуемся. Ибо одного мы достойны, а другое—дѣло нашего любочестія. Помолись о мнѣ. Извини за краткость; хотя и коротко это, однако же, безъ сомнѣнія, длиннѣе молчанія.

66. Къ епископу Григорію (142).

Сопутствуя ему своею любовію, обнадеживаетъ его близкимъ прекращеніемъ возставшей бури, желаетъ скораго возвращенія и проситъ извѣщать о себѣ.

И сидя дома, сопутствую вамъ любовію; потому что любовь все у насъ дѣлаетъ общимъ; уповая же на человѣколюбіе Божіе и на ваши молитвы, имѣю великую надежду, что все совершится по нашему желанію. Буря превратится въ тихій вѣтерокъ, и Богъ въ награду за православіе дастъ вамъ превозмочь дѣлающихъ вамъ зло. Всего же болѣе желательно, въ скоромъ времени видѣть и принять васъ у себя, какъ о томъ молимся. Если же по теченію дѣлъ замедлите, то не откажитесь, по крайней мѣрѣ, радовать насъ письмами, извѣщающими о ходѣ вашихъ дѣлъ, и по обычаю молиться за насъ. А благій Богъ да сохранитъ васъ, какъ общую опору Церкви, здоровыми и исполненными всякой радости!

67. Къ Воспорію епископу Колоннійскому (141).

Смиренно отказывается отъ предложенія Воспоріева принять на себя правленіе Церковію.

Меня приводятъ въ стыдъ трудности твоего приглашенія; но еще болѣе сталъ бы я стыдиться себя самого, если бы не написалъ правды. Боюсь, чтобы дѣло мое не кончилось ничѣмъ; такъ стыжусь своихъ сѣдинъ, и общей трапезы, и трудовъ, понесенныхъ съ юности,—стыжусь, потому что передъ вами я ниже самыхъ негодныхъ людей, и презираемъ тѣми, отъ кого бы менѣе всего ожидалъ.

68. Къ нему же (14)

По настоятельнымъ требованіямъ Веспорія соглашается посвятить себя на служеніе Церкви.

Думалъ я, правда, что имѣю право на ваше извиненіе и за прежнее; такъ я простъ и недалекъ. Но поелику не перестаете дѣлать мнѣ выговоры, все еще нападаете за прежнее, и къ старымъ оскорбленіямъ придумываете новыя, не знаю, по какой именно причинѣ, изъ ненависти ли ко мнѣ, или другимъ угождая тѣмъ, что безчестите меня, предоставляю узнать это и судить объ этомъ Богу, отъ Котораго, говоритъ Божественное Писаніе, ни что не сокрыто, хотя и носимъ личину правды изъ благоприличія передъ людьми: то извѣщаю теперь ваше благоговѣніе, что я побѣжденъ, и не облѣнюсь по мѣрѣ силъ, сколько дастъ Богъ, позаботиться о Церкви; потому что вы настаиваете въ этомъ, и особливо, какъ сами пишете, по нуждѣ обстоятельствъ, по причинѣ ожидаемаго нападенія противниковъ. Да и это смиренное тѣло, пока его станеть, и пока будутъ у меня силы, посвящу на служеніе Богу, чтобъ, какъ мнѣ не имѣть на себѣ бремени, когда и вы осуждаете, и весь клиръ вопіеть, осыпая меня всякими жалобами, и самъ вижу, что Церковь останеся безъ попеченія, и многіе бранятъ меня, какъ человѣка, который ни во что ставитъ дѣла церковныя,—такъ и вамъ не трудиться долѣе, унижая меня. И это сдѣлаю вашими молитвами, если сами вы, какъ говорите, и какъ дѣла увѣряютъ, затрудняетесь принять на себя попеченіе о Церкви. Ибо лучше умереть для тѣхъ заботъ, нежели для этихъ, когда необходимо уже бѣдствовать; потому что такъ распоряжается дѣлами моими Богъ.

69. Къ Григорію Нисскому (34).

Сего Епископа, которому по возвращеніи изъ изгнанія, поручено обозрѣть отдаленныя Церкви, просить не скучать частыми переѣздами.

Скучаешь переѣздами съ одного мѣста на другое, и тебѣ кажется, что жизнь твоя также непостоянна, какъ и дерева, носимыя по водѣ. Нѣтъ, чудный мужъ, не думай этого. Деревя несутся не по своей волѣ; а твои переходы съ мѣста на мѣсто дѣлаются для Бога; и дѣлать добро многимъ есть самое постоянное дѣло, хотя самъ ты и не стоишь на мѣстѣ. Развѣ и солнце станеть кто винить, что оно ходитъ вокругъ, изливая лучи и оживотворяя все, что оно озаряетъ

на пути своемъ; или, хвала неподвижныя звѣзды, будетъ оуждаты планеты, у которыхъ и самыя уклоненія отъ правильнаго теченія такъ стройны?

70. Къ нему же (37).

Изъявляетъ ему скорбь свою о кончинѣ св. Василия и вмѣстѣ сожалѣніе, что не можетъ быть при его погребеніи (379 г.).

И это было предоставлено бѣдственной моею жизнью—услышать о смерти Василия, объ отшествіи святой души, которымъ переселилась она отъ насъ и вселилась ко Господу, цѣлую жизнь употребивъ на попеченіе объ этомъ! А я,—поелику доселѣ еще боленъ тѣломъ, и крайне опасно,—сверхъ прочаго лишень и того, чтобы обнять священный прахъ, прійдти къ тебѣ любомудрствующему, какъ и слѣдовало, и утѣшить общихъ нашихъ друзей. Ибо видѣть одиночество Церкви, которая лишилась такой славы, сложила съ себя такой вѣнецъ, и взору неудобозримо, и слуху невмѣстимо, особливо для имѣющихъ умъ. Но ты, кажется мнѣ,—хотя много и друзей и словъ къ утѣшенію,—ничѣмъ такъ не можешь быть утѣшень, какъ самъ собою и памятованіемъ о немъ. Вы съ нимъ для всѣхъ другихъ были образцомъ любомудрія, и какъ бы духовнымъ какимъ уровнемъ благочинія въ счастливыхъ, и терпѣнія въ несчастныхъ случаяхъ, потому что любомудріе умѣетъ и то и другое,—и счастіемъ пользоваться умѣренно, и въ бѣдствіяхъ соблюдать благоприличіе. И сіе отъ меня твоей досточестности. А мнѣ, который пишу это, какое время или слово доставить утѣшеніе, кромѣ твоей дружбы и бесѣды, которыя блаженный оставилъ мнѣ въ замѣнъ всего, чтобы въ тебѣ, какъ въ прекрасномъ и прозрачномъ зеркалѣ, видя его черты, оставаться въ той мысли, что и онъ еще съ нами?

71. Къ Евдоксію ритору (39).

Подобнаго содержанія.

Спрашиваешь, каковы наши дѣла? Крайне горьки. Не стало у меня Василия, не стало и Кесарія, не стало и духовнаго, и плотскаго брата. *Отецъ мой и мати моя остависта мя*, скажу съ Давидомъ (Псал. 26, 10). Тѣломъ я боленъ, старость надъ головою, заборть скопилась куча, дѣла задавили, въ друзьяхъ нѣтъ вѣрности, Церкви безъ Пастырей; доброе гибнетъ, злое наружи; надобно плыть ночью, нигдѣ не свѣтять путеуказательные огни, Христось спитъ. Что мнѣ надобно претерпѣть? Одно для меня избавленіе отъ золь—смерть. Но и тамошнее страшно, если гадать по здѣшнему.

72. Къ Симплині (38).

Убѣдительно просить ее прекратить свой искъ, начатый еще при жизни св. Василия, о поставленіи въ Епископа одного изъ рабовъ Симпликіи.

Хвалишь святаго и общаго нашего отца, эту опору вѣры, это правило истины и образецъ въ Церкви, эту сѣдину, исполненную благоразумія, этого мужа, превзошедшаго мѣру и жизни человѣческой и добродѣтелей, этого вѣрнаго служителя и великаго Архіерея, посредника между Богомъ и человѣкомъ, эту обитель Духа. Въ семь поступаешь справедливо; потому что всякое слово ниже этой святой и блаженной души, если только не обманываютъ меня любовь, или и горестъ, срастворенная съ любовію. Но крайне удивило меня въ тебѣ, что, хотя хвалишь, какъ святаго, и доселѣ, сколько надлежало, чувствуешь, однако же намѣреваешься разрушить его дѣло, какъ бы это было сдѣлано кѣмъ либо изъ неосвященныхъ, такимъ человѣкомъ, который всего болѣе достоинъ поруганія, какъ жившій и кончившій жизнь безъ предположенной цѣли. Ибо, если сопастыря его присвоишь себѣ, какъ собственнаго своего раба, и гонишься за этою мелочною выгодною; то сіе весьма недостойно твоего великодушія. Не безразсудно ли чествовать Бога приношеніемъ золота и серебра и избытками своего имѣнія (въ чемъ, можетъ быть, болѣе желанія показать себя, нежели благочестія), а Церкви желать, чтобы она вовсе утратила іерея, и похищать у нея священнѣйшее изъ всѣхъ приношеній? Если негодуешь на то, что сдѣлали мы это самовластно, а не напомнили твоему благородству, и не дали времени твоей щедрости; то скажешь въ этомъ нѣсколько правды, и немощъ твоя будетъ человѣческая, по крайней мѣрѣ человѣческая. Но знай, что твое подаяніе теперь важнѣе, нежели въ тогдашнее время, поколику болѣе щедрости— дозволить взять, нежели самой дать. Подавая сама, по видимому, приносишь ты даръ одному Богу, а дозволяя брать, приносишь и намъ, Его служителямъ, удостоившимся носить на себѣ Его имя. Поэтому не гнѣвайся на него и на меня. Онъ поступилъ, правда, самовластно, но не сдѣлалъ никакой обиды, и мнѣ удивительно ли было дойти до этого, понадѣявшись на твою доброту, и вмѣстѣ повѣривъ общему голосу всей страны, какой подавали иные или отъ усердія, или злонамѣренно,—пусть будетъ это извѣстно имъ самимъ, и пусть дадутъ въ томъ отчетъ Богу: потому что не наше дѣло знать сіе и входить въ расположенія каждаго; — мнѣ же легко ли было отказать, и какъ бы я презрѣлъ столько слезъ, или

сиротство страны, такъ долго остававшейся безъ попеченія о ней, безъ Пастыря, не имѣвшей духовнаго управленія? Но тебѣ больше всѣхъ извѣстно, что давшіе тогда согласіе, а теперь отрекающіеся, поступаютъ не благочестиво, и не благородно. Гораздо лучше было бы имъ тогда спорить, чѣмъ теперь лстить и разрушать собственное свое дѣло, боясь болѣе людей, нежели Бога. И думаю, что они, по своей уклончивости, опять скажутъ, что перемѣнили мысли, убоявшись тебя; и въ этомъ гораздо болѣе правды, потому что имъ необходимо какъ всегда быть поспѣшными, такъ хвататься за ложныя и хитропридуманныя оправданія. А если и по твоему мнѣнію сказано это справедливо; но требуется уваженіе къ хозяйственнымъ расчетамъ (потому что слышу и это, хотя въ письмахъ не выставляла ты сего на видъ): то пусть требованіе сіе будетъ сдѣлано справедливо и человѣколюбиво. Мы не укоряемъ за сіе; потому что намъ не пріятно лишиться благорасположенія владѣльцевъ. Что же остается еще? Прибѣгнуть, можетъ быть, къ тому, что человѣкъ недостоинъ, и поэтому нападутъ на то, что онъ поставленъ; потому что такая жалоба нѣсколько благовиднѣе. Но мнѣ отвѣчать на это просто и легко. Мы никого изъ обвиняемыхъ въ чемъ либо не оставляемъ безъ изслѣдованія дѣла; хотя бы онъ былъ изъ числа близкихъ друзей, или знатныхъ по происхожденію; потому что всего досточтимѣе Богъ и законъ. И этого не оставимъ безъ изслѣдованія. Но если кто можетъ обвинить въ чемъ, то, когда угодно, при тебѣ и по общему твоему съ нами разсужденію, а въ противномъ случѣ, и въ отсутствіе твое, по произведеніи слѣдствія, если окажется невиннымъ, хотя и рабъ, будетъ оправданъ; потому что у рабовъ и господъ тотъ же отецъ и Богъ, и правда опредѣляется не по чинамъ. Если же будетъ уличенъ, тогда осудится собственнымъ своимъ грѣхомъ. Такимъ образомъ и правило не будетъ нарушено, и отшедшій отъ насъ не понесетъ безчестія; ибо меня, какъ человѣка, ничего не стоящаго, не должно, можетъ быть, и въ виду имѣть. И ты сама избѣжишь кудаго подозрѣнія, будто бы чуждаясь насъ и здравой вѣры, завела это дѣло, поступая хитро, но не благородно, и, будучи обвиняема въ одномъ, сама нападаешь на другое. Совѣтую не подвергать себя этому (что и несправедливо и неблагоприлично), и въ уничиженіе нашихъ законовъ не прибѣгать къ законамъ мірскимъ, не входить въ споръ съ нами, но извинить, если что сдѣлано въ простотѣ, по свободѣ благодати, и согласиться лучше уступить надъ собою прекрасную побѣду, нежели худо побѣдить противленіемъ Духу.

73. Къ Ѳеодору, епископу Тіанскому (81).

Объясняетъ причины кроткихъ, а не строгихъ мѣръ съ еретиками, которые, при совершеніи св. Григоріемъ священнослуженія въ константинопольскомъ храмѣ Анастасіи, осмѣлились сдѣлать на него буйное нападеніе (380 г.).

Слышу, что не годуешь на оскорбленія, какія причинены мнѣ монахами и бѣдными. И не удивительно, что тебѣ, который доселѣ не терпѣль ударовъ и не испыталъ бѣдствій, подобныя вещи кажутся несносными. А я, какъ испытавшій много бѣдствій и терпѣвшій оскорбленіе, справедливо почту себя заслуживающимъ довѣрія, если посоветую твоему благоговѣнію, чему учить меня сѣдина, и что предписываетъ разумъ. Случившееся—бѣдственно и верхъ бѣдствія. Кто будетъ оспаривать это? Поруганы жертвенники, прервано тайнодѣйствіе; я стоялъ посреди священодѣйствующихъ и мечущихъ въ меня камнями, и въ защиту отъ камней употребилъ молитвы; забыты стыдливость дѣвъ, скромность монаховъ, бѣдствіе нищихъ, которыхъ жестокость лишила милосердія. Но, конечно, лучше быть великодушнымъ, и тѣмъ, что терпимъ, показать народу примѣръ великодушія; ибо простой народъ не столько убѣждается словомъ, сколько дѣломъ—этимъ безмолвнымъ увѣщаніемъ. Важнымъ почитаю наказать тѣхъ, которые насъ обидѣли; говорю, важнымъ, потому что и это полезно къ исправленію другихъ; но гораздо выше и божественнѣе сего—терпѣливо перенести обиду. Первое заграждаетъ уста пороку, а второе убѣждаетъ стать добрыми, что гораздо лучше и совершеннѣе, чѣмъ не быть только злыми. Представимъ себѣ, что намъ предлежитъ великое упражненіе въ челоуѣколюбіи, и простимъ сдѣланное противъ насъ, чтобы самимъ сподобиться прощенія, и къ благодати призовокупимъ благодать. Ревнителемъ названъ Финеесъ за то, что пронзилъ мечемъ Мадіамитянку вмѣстѣ съ любодѣемъ, и отнялъ поношеніе отъ сыновъ Израилевыхъ. Но еще болѣе похваленъ за то, что молился за падшій народъ. Поэтому и мы станемъ, и *умилостивимъ, да престанетъ гнѣвъ*, по написанному, и *вмѣнитъ намъ сіе въ правду* (Псал. 105, 30, 31). Похваленъ и Моисей за то, что, оскорбившись за Израильянина, умертвилъ Египтянина; но болѣе достоинъ удивленія за то, что сестру Маріамъ, пораженную проказой за ропотъ, исцѣлилъ молитвами. Замѣть и слѣдующее: Ниневитянамъ угрожаетъ истребленіе, но слезами покупаютъ они

спасеніе. Манассія былъ самый незаконный изъ царей, но за слезы прославился между спасенными. Что *ты устрою, Ефреме?* говоритъ Богъ (Осіи 11, 8). Какое гнѣвное слово! Но вмѣстѣ обѣщана и защита. Что поспѣшише челоуѣколюбія? Содомскаго огня просятъ ученики на ведущихъ Иисуса, но Онъ отвергаетъ мщеніе. Петръ отсѣкаетъ ухо Малху, одному изъ оскорбителей; но Иисусъ исцѣляетъ. А вопросившій: должно ли прощать брату, согрѣшившему седмижды, не осуждается ли въ скупости? Вмѣсто седми кратъ сказано: *седьдесятъ кратъ седмирицею* (Матѳ. 18, 22). Упоминаемый въ Евангеліи должникъ, который не простилъ того, что ему было прощено, не подвергается ли строжайшему взыскаіію (34)? Да и въ образцѣ молитвы не требуется ли, чтобы мы прощеніемъ пріобрѣтали себѣ прощеніе? Имѣя столько примѣровъ, будемъ подражать Божію челоуѣколюбію, и не пожелаемъ на себѣ самихъ извѣдать, какъ тяжко воздаяніе за грѣхъ. Видишь порядокъ, въ какомъ дѣйствуетъ благодать. Сперва узаконяетъ, потомъ побѣждаетъ, обѣщаетъ, угрожаетъ, укоряетъ, борется, овладѣваетъ, снова угрожаетъ, когда къ тому вынуждена, наноситъ ударъ, но постепенно давая мѣсто исправленію. Поэтому и сами не будемъ поражать вдругъ; ибо это не безопасно; но, уцѣломудривая страхомъ, препобѣдимъ челоуѣколюбіемъ, и обяжемъ къ благоговѣнію, истязывая болѣе совѣстію, нежели гнѣвомъ; не засушимъ смоковницу, которая можетъ еще приносить плоды, не осудимъ, какъ бесполезную и напрасно занимающую мѣсто, такую смоковницу, которую, можетъ быть, уврачуютъ надзоръ и попеченіе искуснаго земледѣлателя; дѣла, такъ великаго и славнаго, не разрушимъ въ такое короткое время, по навѣту, можетъ быть, и по зависти лукаваго, но пожелаемъ казаться лучше челоуѣколюбивыми, нежели совершенными, болѣе нищелюбцами, нежели правдолюбцами. Не будемъ слушаться болѣе тѣхъ, которые поджигаютъ насъ на сіе, а не удерживаютъ отъ сего, имѣя въ виду, если не другое что; по крайней мѣрѣ стыдъ—возбудить о себѣ мнѣніе, будто бы мы въ противоборствѣ съ бѣдными, у которыхъ то великое преимущество, что, хотя и обиду дѣлаютъ, однако же своимъ несчастіемъ возбуждаютъ къ себѣ жалость. Представь теперь, что припадаютъ къ тебѣ всѣ бѣдные и питатели бѣдныхъ, что просятъ за нихъ всѣ монахи и дѣвы. Вмѣсто нихъ окажи милость всѣмъ; потому что достаточно уже приведены въ чувство, какъ сіе видно изъ того, что во мнѣ возымѣли нужду, а прежде всѣхъ окажи милость мнѣ, который прошу за нихъ. Если тебѣ кажется жестокимъ, что я потерпѣлъ

отъ нихъ безчестіе; то да покажется еще болѣе жестокииъ, что не слушаешь меня, подающаго такой совѣтъ. А прекрасному Плутону да проститъ Богъ всѣ тѣ обиды, какія нанесъ онъ мнѣ!

74. Къ Алипію (148).

Просить сего правителя Каппадокии защитить домъ его, о которомъ произошло дѣло въ судѣ, отъ расхищеній какого-то Палладія.

Первое это пишу къ тебѣ письмо, и съ первою отношусь просьбою: почему и по этой одной причинѣ справедливо было бы получить отъ тебя, о чемъ извѣщаю. О чемъ же извѣщаю? Прекрасный Палладій дѣлаетъ нападенія и расхищаетъ, какъ слышу, домъ нашъ, который у васъ; а помочь некому. Поэтому прекрасное для тебя дѣло—взять на особенное свое попеченіе и такого человѣка, который самъ на лицѣ, а тѣмъ паче такого, который въ отсутствіи, и не допустить, чтобы все совершенно пропало, будучи переломано и растащено, потому что вовсе никто сему не препятствуетъ,—пропало и для самихъ тяжущихся, которымъ не остается въ награду ничего больше, кромѣ тяжбы.

75. Къ нему же (149).

Благодаря за участіе въ дѣлѣ, просить доверить благодѣяніе, и поручаетъ въ его милость Евфимія.

Хвалю, что имѣешь попеченіе о нашемъ дѣлѣ; а потомъ хвалю и за письменное извѣщеніе, что дѣлаешь это. Одно принесишь ты въ даръ правдѣ, а другое—собственно мнѣ. Но не откажись и доверить для меня свое благодѣяніе, и непрестанно показывай себя возрастающимъ сколько нибудь въ ревности, чтобы я больше и больше дивился тебѣ. Сынъ Евфимій еще не явился къ тебѣ, но ожидается; и думаю, если явится, не будетъ стоять тебѣ большаго труда.

76. Къ нему же (151).

Поручаетъ въ милость его діакона своего Фортуната.

Податель сего письма, Фортунатъ, мой другъ и домашній человѣкъ, а если нужно прибавить что нибудь еще, одинъ изъ достохвальныхъ діаконъ. Это надобно было узнать тебѣ отъ меня. А прочее, знаю, и отъ себя присовокупишь, то-есть, обратишь на

этого человѣка дружелюбный и попечительный взоръ, если въ чемъ онъ будетъ имѣть нужду до твоего благоговѣнія. Что ни сдѣлаешь хорошаго для него, будетъ благодѣяніемъ мнѣ самому.

77. Къ нему же (152).

Просить руководствовать совѣтами пресвитера Лукіана въ дѣлѣ о домѣ сродниковъ Григоріевыхъ.

Прими на себя мое дѣло, какъ и прежде принималъ, и докажь это опытами. Прими и возлюбленнаго брата и сопровитера моего Лукіана, какъ удостоивъ его благосклоннаго во всемъ возрѣнія, такъ давь ему совѣтъ позаботиться о домѣ сродниковъ моихъ, который у васъ; потому что при Божіей помощи, дѣла мои приняли благополучное окончаніе, какъ по вашему суду, такъ и по человѣколюбію правдивѣйшаго Судіи.

78. Къ Палладію (228).

Просить о вниманіи и покровительствѣ въ сроднику своему Евфимію.

Если бы кто спросилъ меня: что всего лучше въ жизни? отвѣтилъ бы: друзья. А изъ нихъ кого должно болѣе почитать? отвѣчалъ бы: добрыхъ. А изъ добрыхъ кого именуешь первымъ? Знаю, что никого не поставлю выше твоей доблести. И пишу это, не льстя могуществу, не уважая нравы, для которыхъ и я, можетъ быть, провозвѣстникъ не малый, по крайней мѣрѣ, не умолкающій, пока есть силы, и даже не только провозвѣстникъ, но и сподвижникъ, молитвами подающій тебѣ новыя силы. Этимъ хотѣлъ я кончить письмо. Но поелику и Бога не только чтимъ, но и молимъ о благодѣяніяхъ; то выслушай, не тяготясь мною (а что мои просьбы—не отягощеніе для тебя, могу заключать сіе по предшествовавшему), но памятуя о мнѣ. Опять представляю тебѣ просителя Евфимія, и опять прошу не только человѣколюбиво принять этого молодаго челвѣка, но и извинить его медленность, потому что, завѣдывая дѣлами сиротъ, по необходимости задержанъ былъ дома. Но постарайся дать ему хорошій ходъ, и къ моей чести, и къ славѣ твоей правоты. Хотя и много людей, которымъ ты сдѣлалъ добро, однако же и это благодѣяніе не менѣе всякаго другаго послужить къ твоей чести, какъ самъ я слышалъ отъ тебя лично, и желаю, чтобы ты теперь увѣрилъ меня въ этомъ. Этотъ человѣкъ, какъ достоинъ сожалѣнія по сиротству, такъ любимъ мною за его нравъ, не говорю уже о кровномъ родствѣ.

79. Къ Гиганію (239).

Благодарить за приглашеніе на праздникъ, увѣряя, что для него, какъ проповѣдника Троицы, всего вождѣльнѣе праздновать съ читателями Троицы.

Радъ я приглашенію, еще болѣе радъ тому, что пишешь; радъ не потому, что насъ хвалятъ (это маловажно), но потому, что разсуждаешь здраво; и узами любви ко мнѣ служатъ для тебя одно со мною упованіе, и истинное поклоненіе Троицѣ, о Которой чаще говорю, нежели дышу, говорю и среди опасностей, и когда нѣтъ опасностей, все прочее предоставляя времени круговращать какъ ему угодно, имѣя же непоколебимымъ въ душѣ сіе одно, это неоскудѣваемое сокровище и въ подлинномъ смыслѣ мое. Почему, когда представляю въ умѣ все прочее, сколько скорбей и окружало меня, и теперь окружаетъ, представляю это непостоянство золь, бросающихъ меня и вверхъ и внизъ, эту брань, какую всѣ воздвигаютъ противъ меня, не сдѣлавшаго никому никакой обиды, а притомъ обращаю взоръ и на то одно, что удостоился я стать проповѣдникомъ истины, и отринутой и презрѣнной въ пустынѣ здраваго ученія, по написанному, и *непроходнѣ и безводнѣ* (Псал. 62, 2): тогда (скажу коротко) прекращаю всякое безпокойство, а напротивъ того весьма радуюсь, какъ удостоенный большаго, нежели сколько заслуживаю. Поэтому пишу къ тебѣ сіе, давая симъ знать, что у меня дружба и близость тверды только съ тѣми, которые держатся такихъ правилъ. Какой же благомыслящій человѣкъ добровольно оставитъ такихъ людей? И какой праздникъ важнѣе празднуемаго подобнымъ вамъ? Если же болѣзнь или непогода воспрепятствуютъ усердію; то самъ я понесу потерю, а вы извините меня, и помолитесь, чтобы открылся другой случай къ свиданію съ вами.

80. Къ Воспорію, епископу Колонійскому (15).

Выражаетъ ему рѣшительное свое намѣреніе сложить съ себя правленіе Константинопольскою Церковію (381 г.).

Въ другой уже разъ попадаюсь въ ваши сѣти, и обмануть. Знаете, что говорю, и если это справедливо, да *обоняетъ Господь* вашу *вою благоуханія* (Быт. 8, 12). А если несправедливо, да проститъ Господь. Ибо такъ слѣдуетъ мнѣ говорить о васъ; потому что намъ повелѣно терпѣть, когда и обижаютъ. Впрочемъ, какъ вы вольны въ своемъ мнѣніи, такъ и я воленъ въ своемъ. Тяжелый Григорій не

будетъ уже для васъ тяжелъ. Уединюсь къ Богу, Который одинъ чистъ и не коваренъ. Углублюсь въ себя самого. Вотъ что придумалъ я о себѣ. Ибо два раза спотыкаться о тотъ-же камень, по словицѣ, свойственно однимъ безумнымъ.

81. Къ Леонтію (103).

По возвращеніи въ Назіанзъ изъ Константинополя изъявляетъ радость, что избавился отъ тамошнихъ безпокойствъ.

Благодареніе благовременной болѣзни и навѣтамъ враговъ, которые сдѣлали меня свободнымъ, поставили внѣ содомскаго огня и епископскаго омраченія! А у васъ какъ идетъ дѣло вѣры? Было бы оно хорошо; а все прочее, каково бы ни было, до насъ не касается. Еще не много, и увижу своихъ оскорбителей, когда огнемъ будутъ извѣдываемы дѣла наши. Привѣтствуемъ васъ, а чрезъ васъ и общихъ друзей. Припоминайте о камняхъ, которыми метали въ меня.

82. Къ Амазонію (73).

Свидѣтельствуемъ, что удаленіе изъ Константинополя огорчаетъ его только разлукою съ друзьями.

Если кто изъ общихъ нашихъ друзей (а ихъ, какъ увѣренъ я, много), спроситъ у тебя: гдѣ теперь Григорій? что дѣлаетъ? смѣло отвѣчай, что лобомудрствуетъ въ безмолвіи, столько же думая объ обидчикахъ, сколько и о тѣхъ, о комъ неизвѣстно ему, существовали-ли когда. Такъ онъ непреодолимъ! А если тотъ-же человѣкъ еще спроситъ тебя: какъ-же онъ переноситъ разлуку съ друзьями? то не отвѣчай уже смѣло, что лобомудрствуетъ, но скажи, что въ этомъ очень малодушествуетъ. Ибо у всякаго своя слабость; а я слабъ въ отношеніи къ дружбѣ и къ друзьямъ, въ числѣ которыхъ и достойный удивленія Амазоній. Однимъ только, можетъ быть, послужишь мнѣ и сдѣлаешь, что менѣе буду скорбѣть о тебѣ, а именно, если станешь о мнѣ помнить, и увѣришь письмами, что это дѣйствительно такъ.

83. Къ Ипатію (192).

Изъявляетъ сожалѣніе, что, по прибытіи Ипатія въ Константинополь, не долго наслаждался его лицезрѣніемъ, будучи принужденъ самъ удалиться отсюда.

Долго терпѣли мы лишеніе; потому что первый изъ городовъ не имѣлъ у себя перваго изъ людей. А надобно было, думаю, чтобы доброе разливалось всюду, и полезное дѣлалось общимъ для всѣхъ.

чтобы ты съ высоты посѣвлялъ правосудіе, какъ, по сказанію ба-сенъ и вымысловъ, сѣяли сѣмена желавшіе улучшить употребляемое нами въ пищу. Но я имѣю болѣе причинъ скорбѣть, потому что насладился тобою столько-же, сколько можно насладиться мол-ней, не надолго озаряющей взоръ, а потомъ уступилъ надъ собою побѣду зависти, и заключился въ самого себя, предоставивъ дру-гимъ церковное правленіе, это достославное позорище (скажу такъ) для тѣхъ, которые, не затрудняясь, шутятъ стоящимъ и не шутокъ. А ты, превосходнѣйшій изъ всѣхъ, сохрани ко мнѣ преж-нее расположеніе, которое, подобно магниту, притягиваетъ къ себѣ и желѣзо.

84. Къ Филагрію (65).

Жалгуясь на болѣзнь, не позволяющую быть ему у Филагрія, оправдывается въ томъ, что оставилъ правленіе Церковію.

У обоихъ у насъ одна причина, по которой не можемъ ви-дѣться другъ съ другомъ. Съ тобой обходится тѣло, какъ и всегда; ничего не скажу больше. Знай также, что и я крайне нездоровъ; иначе (повѣрь въ этомъ), возвратясь изъ отлучки, не полѣнился бы прежде всего прійдти къ тебѣ, и обнять тебя, и воспользоваться въ настоящихъ дѣлахъ такимъ совѣтникомъ и другомъ благораз-умнымъ и высокимъ по благочестію. Что же оставалось намъ, то-есть, бесѣдовать другъ съ другомъ чрезъ письма, то ты уже и сдѣ-лалъ, поступивъ очень хорошо; а то же дѣлаю и я. О чемъ пишешь ты, это для меня немаловажно, и не малаго требуетъ вниманія; по-тому и я, не слегка и не кое-какъ, но съ большимъ тщаніемъ, раз-смотрѣвъ это, приступилъ къ рѣшенію дѣла. Утомился я въ борьбѣ съ завистію и съ священными епископами, которые нарушаютъ об-щее единомысліе, и дѣло вѣры ставятъ ниже частныхъ распрей: поэтому рѣшился, по пословицѣ, не давать больше хода кормѣ, сжаться, какъ сказываютъ это о рыбакѣ *корабликъ*, когда почуветъ она бурю, и издали смотрѣть, какъ другіе и терпятъ поражение, и поражаютъ, и самому готовиться къ тамошнему. Пишешь, что опасно оставлять Церковь,—но какую? Если свою; то и подтвер-ждаю то же, и ты говоришь справедливо. Если же Церковь, не мнѣ принадлежащую, и не мнѣ назначенную; то не подлежу отвѣтствен-ности. Но надобно было держаться мнѣ Церкви, потому что нѣ-сколько времени имѣлъ я о ней попеченіе. Поэтому и многіе другіе должны придерживаться чужаго, какъ скоро имѣли на своемъ по-печеніи что-либо чужое. Можетъ быть, что трудъ достоинъ на-

грады; но отказъ не подлежитъ отвѣтственности. Посему не бойся за меня въ этомъ отношеніи; но опасайся болѣе того, чтобы мнѣ не сдѣлано было какого нибудь вреда.

85. Къ Нентарію (51).

Привѣтствуетъ его со вступленіемъ на престолъ Константинопольской Церкви, и просить нѣкоему Панкратію помочь въ примоканіи мѣста по службѣ.

Со мною что будетъ, то и будетъ. Сижу безъ войны и безъ дѣла, безбѣдную награду молчанія предпочитаю всему, и извлекаю нѣкоторую пользу изъ безмолвія, по милости Божіей достаточно поправившись отъ болѣзни. А ты *успѣвай и царствуй*, какъ говоритъ божественный Давидъ (Псал. 44, 5), и да соуправляетъ съ тобою въ священствѣ твоемъ почтившій тебя онимъ Богъ, даровавъ, чтобъ оно было выше всякаго навѣта! А чтобы доказать намъ взаимную довѣренность и, предстоя Богу, не испытать чего-либо человѣческаго, прошу тебя, а ты охотно преклонись на мою просьбу. Безпокоюсь о весьма приверженномъ ко мнѣ Панкратіи, дѣлая это по необходимости, ради многихъ причинъ. СблагОВОЛИ благосклонно допустить его къ себѣ и представить ревностнѣйшимъ изъ друзей, чтобы достигнуть ему цѣли. Цѣль же его состоитъ въ томъ, чтобы какую ни есть военною должностію приобрести себѣ безбѣдное положеніе; потому что ни одинъ родъ жизни, какъ самъ знаешь, не свободенъ отъ нападенія людей лукавыхъ.

86. Къ Софронію Ипарху (59).

Выражая скорбь о разлуцѣ съ нимъ, просить не забывать его.

Удаленіе мое доставляетъ мнѣ нѣкоторую выгоду, спокойствіе и безмолвіе. Но выгода не такова, какова невыгода—быть удалену отъ вашей дружбы и отъ обращенія съ вами, что для меня какъ многозначительно. Другіе наслаждаются твоими совершенствами, а для меня и то велико, если буду имѣть и тѣнь бесѣды съ тобою чрезъ письма. Увижу ли тебя опять? Обниму ли когда тебя, мое украшеніе? Дано ли это остатку моей жизни? Если будетъ дано; все благодареніе Богу! А если нѣтъ; то я умеръ уже большею своею частію. Но ты вспоминай своего Григорія, и не молчи о моихъ дѣлахъ.

87. Къ нему же (60).

Просить его употребить свое стараніе о взаимномъ соглашеніи и примиреніи
Епископовъ на Соборѣ.

Любомудрствую въ безмолвіи; вотъ какую обиду сдѣлали мнѣ мои ненавистники! О еслибы они обидѣли меня и другимъ чѣмъ подобнымъ, чтобы мнѣ признавать ихъ еще больше своими благодѣтелями. Ибо много случаетъ, въ которыхъ, повидимому, обиженные получаютъ благодѣяніе, а получающіе благодѣяніе терпятъ обиду. Таково мое положеніе. И если не убѣжду въ этомъ другихъ, то хочу, чтобы за всѣхъ зналъ это ты, которому съ пріятностію даю отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Лучше же сказать, я увѣренъ, что ты знаешь, и увѣришь незнающихъ. Но васъ прошу, употребить все тщаніе, чтобы теперь по крайней мѣрѣ, если не прежде, пришли въ согласіе и единство части вселенной, ко вреду раздѣлившейся, особливо, если дознаете, что раздоръ у нихъ не за слово вѣры, а за частныя мелочныя притязанія, какъ замѣтилъ я. И для васъ не безъ награды останется успѣхъ въ этомъ; и мое удаленіе будетъ болѣе безпечально, если окажется, что не напрасно возлюбилъ оное, но добровольно самъ себя винулъ въ море, какъ Іона, чтобы прекратилась буря, и безопасно спаслись пловцы. Если же они тѣмъ не менѣе обуреваются; то, по крайней мѣрѣ, мое дѣло сдѣлано.

88. Къ Тимоѳею (187).

О себѣ говоря, что дѣло его уже кончено, просить Тимоѳея подвизаться
за Троицу.

Всегда я—прекрасный ловецъ прекрасныхъ людей (отважусь нѣсколько сказать это); вотъ и твою скрывающуюся ученость, которая въ томъ и поставила любомудріе, чтобы оставаться въ тайнѣ, и открылъ я своими наводящими на слѣдъ разсужденіями, и сдѣлалъ извѣстною для другихъ; а если сказать по нашему, тотъ свѣтъ, который стоялъ подъ спудомъ, поставивъ на свѣщникѣ, сдѣлалъ общимъ для всѣхъ. Ибо не стану говорить о другихъ твоихъ совершенствахъ,—объ учености, о благочестіи, о кротости и умѣренности нрава, что все имѣть одному очень трудно. Но каковъ вотъ и настоящій твой поступокъ! И помнишь меня, и угощаешь письмами, и присовокупляешь похвалы, не съ тѣмъ, чтобы похвалить (понимаю твое любомудріе), но чтобы сдѣлать меня лучшимъ

и двинуть впередъ, пристыдивъ тѣмъ, что оказываюсь не такимъ, какимъ ты предполагаешь. Но мое дѣло кончено; уступилъ я зависти; въ безмолвіи любомудрствую о Богѣ, на единѣ возношу молитвы, избавился отъ мірскихъ волненій и мятежей. А ты мужайся, крѣпись и по мѣрѣ силъ подвизайся за Троицу, и будь кроткимъ воителемъ, какъ, видѣлъ ты, поступалъ и я; ибо мнѣ не желательно, чтобы обезьяны были въ славѣ, а львы покоились. Молись и о мнѣ, который весьма изнемогаю, чтобы сподобиться мирнаго исхода; ибо къ этому уже клонюсь.

89. Къ Иракліану (156).

Просить Иракліана писать къ нему.

Ты всегда у меня въ памяти, прекрасный Иракліанъ, и сказывающій и выслушивающій какой нибудь урокъ; въ памяти у меня и градъ Константиновъ, ради тебя прекрасный, хотя для меня и кратковременный, потому что захотѣла такъ зависть. А если и Григорій у тебя въ памяти; то это для обоихъ насъ лучше. Покажи же это въ своихъ письмахъ, какія будешь писать ко мнѣ; это одно и возможно для насъ.

90. Къ епископу Θεодору (222).

Изъявляетъ свое вынужденное обстоятельствомъ согласіе принять на себя до времени правленіе въ Назіанзѣ.

Кто раба Своего Давида отъ пастырства возвелъ на царство, а твое благоговѣніе изъ стада на пастырство, Кто по волѣ Своей устрояетъ дѣла наши и дѣла всѣхъ надѣющихся на Него, Тотъ Самъ и теперь наставитъ на мысль твое совершенство, узнать, какимъ безчестіемъ обезчестили меня государи Епископы, при подачѣ голосовъ согласившись на мое возведеніе, и потомъ отринувъ меня. Не буду винить твоего благоговѣнія; потому что не давно приступилъ ты къ дѣламъ, и не знаешь, какъ и естественно, большей части моей исторіи. Поэтому о семъ достаточно. Не хочу долѣе беспокоить тебя, чтобъ не показаться несноснымъ при самомъ началѣ дружбы. Но что можно, при помощи Божіей, по твоему желанію, довожу до твоего свѣдѣнія. Оставилъ я Назіанзскую Церковь не по забвенію о Богѣ, не изъ презрѣнія къ малому стаду; этого не допустила бы любомудренная душа моя; но, во-первыхъ, сдѣлалъ сіе потому, что никакимъ опредѣленіемъ не былъ удерживаемъ, во-вто-

рыхъ, потому, что сокрушенъ былъ болѣзнію, и думалъ о себѣ, что не достанетъ силъ моихъ для понесенія такихъ заботъ. Поелику и вы изъявляли свое неудовольствіе, порицая мое удаление, и самъ я не могъ перенести упрековъ, какіе дѣлалъ мнѣ всякій, время было тяжелое, угрожало намъ нашествіемъ враговъ къ общему вреду всей Церкви: то наконецъ побѣжденъ я, и сознаю надъ собою побѣду, болѣзненную для тѣла, но не худую, можетъ быть, для души. Отдаю Церкви это смиренное тѣло, пока будетъ оно въ силахъ, признавая для себя лучшимъ скорѣе потерпѣть что-нибудь во плоти, нежели страдать духомъ и приводить въ страданіе многихъ, которые возъмѣли о мнѣ худое мнѣніе, потому что сами страдаютъ. Итакъ, зная это, молись о мнѣ, согласиись на мою мысль, а не хуже, можетъ быть, сказать, отпечатлѣвай въ себѣ благоговѣніе.

91. Къ Евлалію (102).

О наложеніи на себя обѣта молчанія въ святую Четыредесятницу (382 г.).

Твое любомудріе—пустыня и такой безмѣрный постъ, а мое—молчаніе. Подѣлимся между собою дарованіемъ. А когда прійдемъ въ единство, воспоемъ вкупѣ Богу, плодонося какъ разумное молчаніе, такъ и богодухновенное слово.

92. Къ Келевсію Архонту (1).

Предъ симъ назіанзскимъ градоначальникомъ оправдываетъ себя въ томъ, что принялъ его молча; и по сему случаю пересказываетъ басню о ласточкахъ и лебедяхъ.

Поелику ты, добрый и вѣжливый, обвиняешь меня въ молчаніи и неучтивости; то изволь слоужу для тебя не совсѣмъ нескладную басню. Не отучу ли ею и тебя отъ говорливости? Ласточки смѣялись надъ лебедями за то, что они не хотятъ жить съ людьми и показывать другимъ своего искусства въ пѣніи, но проводятъ жизнь на лугахъ и рѣкахъ, любятъ уединеніе, и хотя изрѣдка попѣваютъ, однако же, что ни поютъ, поютъ сами про себя, какъ будто стыдятся своего пѣнія. „А мы,—говорили ласточки,—любимъ города, людей, терема; болтаемъ съ людьми, пересказываемъ имъ о себѣ то и другое, что было въ старину въ Атикѣ, о Пандонѣ, объ Аенинахъ, о Тиреѣ, о Фракии, объ отъѣздѣ, свадьбѣ, поруганіи, урбаніи языка, письменахъ, а сверхъ всего объ Итисѣ, и о томъ, какъ

изъ людей стали мы птицами“. Лебеди, не любя говорить, долго не удостоивали ихъ и слова; когда же соблаговолили дать отвѣтъ, сказали: „А мы разсуждаемъ, что иной прійдетъ для насъ и въ пустыню послушать пѣнія, когда предоставляемъ крылья свои зephyру для сладкихъ и благозвучныхъ вдохновеній. Потому поемъ не много и не при многихъ. Но то и составляетъ у насъ совершенство, что пѣсни свои выводимъ мѣрно, и не сливаемъ пѣнія своего съ какимъ нибудь шумомъ. А вы въ тягость людямъ, у кого поселитесь въ домъ; они отворачиваются, когда вы поете; да и справедливо поступаютъ, когда не можете молчать, хотя отрѣзанъ у васъ языкъ, но сами, жалуясь на свое безголосье и на такую потерю, говорливѣе всякой другой рѣчистой и пѣвчей птицы“. Пойми, что говорю, говоритъ Пиндаръ и если найдешь, что мое безголосье лучше твоего красноглаголанія, то перестань осыпая упреками мою молчаливость. Или скажу тебѣ пословицу столько же справедливую, сколько и краткую:—тогда запоютъ лебеди, когда замолчатъ галки.

93. Къ нему же (74).

Обличаетъ его въ нарушеніи поста дозволеніемъ неприличныхъ зрѣлищъ.

Я принялъ тебя молча, чтобы ты разумѣлъ и слово молчанія, которое говоритъ посредствомъ пера. Буду же говорить, что прилично дружбѣ и настоящимъ обстоятельствамъ. Ты судія, а нарушаешь законъ, не сохраняя поста. И какъ будешь охранять человѣческіе законы, пренебрегая закономъ Божіимъ? Очисти свое судилище, чтобъ не случилось одного изъ двухъ, т. е. тебѣ или дѣйствительно не стать худымъ, или не заставить думать о себѣ худо. Предлагать срамныя зрѣлища значить себя самого выставлять на позоръ. Главное правило: знай, судія, что самъ будешь судимъ; и меньше согрѣшишь. Ничего не могу предложить тебѣ лучше этого.

94. Къ нему же (75).

Выговариваетъ за перетолкованіе словъ Апостола Павла объ ядущихъ и не ядущихъ.

Не суди меня, соблюдающаго молчаніе, какъ и я не сужу тебя, говорящаго о томъ, что Павелъ законоположилъ о пищѣ (Рим. 14, 3). Если же судишь; то бойся, чтобъ языкъ мой въ первый разъ не подвигся противу тебя, если найдетъ тебя недостойнымъ молчанія.

95. Къ Клидонію (96).

Объяняетъ цѣль возложеннаго имъ на себя молчанія.

Спрашиваешь: чего требуетъ мое молчаніе? Требуется мѣры въ словѣ и въ молчаніи; потому что превозмогшій въ цѣломъ удобно превозможетъ и въ части; а сверхъ того укротить и раздражительность которая не высказываетъ себя, но сама въ себѣ поглощается.

96. Къ нему же (98).

Показываетъ выгоды для себя отъ молчанія.

Умолкну словомъ, учась говорить нужное, и буду упражняться въ преодоленіи страстей. Если кто принимаетъ это, прекрасно; а если нѣтъ, то молчаніе и тѣмъ для меня выгодно, что не отвѣчаю другимъ.

97. Къ нему же (97).

Дозволяетъ прійти къ нему во время молчанія.

Не препятствую свиданію. Хотя языкъ и молчитъ, но уши готовы съ пріятностію слушать; потому что слышать, что надобно, такъ же дорого, какъ и говорить нужное.

98. Къ Палладію (230).

О своемъ обѣтѣ молчанія.

Со Христомъ умертвилъ я языкъ, когда постился; и разрѣшилъ вмѣстѣ съ Воскресшимъ. Такова тайна моего молчанія, чтобы, какъ приносилъ въ жертву сокровенный умъ, такъ принести и очищенное слово.

99. Къ нему же (231).

О томъ же.

Новый способъ наставленія! Поелику, говоря, не удерживалъ я языка; то молчаніемъ научилъ его молчанію, подобнымъ наставляя въ подобномъ. Таковъ и Христовъ законъ! Поелику Христосъ, изрекая намъ законъ, не очистилъ насъ; то человѣческому закону

подчиняеть человѣка. Сынъ Евфимій еще не прибыль къ Великой седмицѣ, но надѣется, и думаю, что не будетъ стоять многихъ трудовъ, когда явится.

100. Къ Епифанію (104).

Укоряеть за непочтительное принятіе его совѣтовъ.

Отъ одного закона переносу дѣло къ другому закону,—отъ закона, повелѣвающаго учить дѣтей, къ закону, повелѣвающему почитать отца. Теперь веду тебя къ совершеннѣйшему, прійми шсьмо, какъ десницу дружбы. А если станешь нападать, и вздумаешь повторять это часто; то и старика сдѣлаешь воителемъ, не уступающимъ въ храбрости Нестору.

101. Къ Евлалію (101).

Объ окончаніи своего обѣта молчанія.

Время всякой вещи, говоритъ Екклесіастъ (Еккл. 3, 1). Поэтому полагалъ я храненіе устамъ моимъ, когда было время; и *се устнамъ моимъ не возбраню* (Псал. 39, 10), когда и сему настало время: *Молчахъ*, говоритъ Писаніе, *еда и всегда умолчу* (Исаи 42, 14)? Молчалъ я самъ для себя, а говорить буду другимъ; если же и они скажутъ, что надобно,—все благодареніе Богу! А если нѣтъ, заградимъ уши.

102. Къ нему же (100).

По отъѣздѣ изъ Ламиса, гдѣ исполненъ обѣтъ молчанія, желаетъ бесѣдовать съ Евлаліемъ чрезъ письма.

Странное что-то случилось со мною: молчавъ въ твоёмъ присутствіи, желаю говорить съ отсутствующимъ, чтобы и тебѣ передать слово, и отъ тебя воспользоваться словомъ. Ибо прекрасно—начатки какъ всего инаго, такъ и слова, посвящать сперва Слову, а потомъ боящимся Господа.

103. Къ нему же (99).

Объщается опять быть въ Ламисѣ.

И мѣстомъ молчанія, и училищемъ любомудрія былъ для меня Ламисъ; какъ смотрѣлъ я на него во время молчанія, такъ

желаю видѣть, начавъ говорить, чтобы и желаніе братіи исполнить, и наказать за привязчивость васъ, худые толковники моихъ словъ. Ибо прійду къ вамъ самъ, который говорю, прійду не иносказуемый, не гадаемый, но чисто понимаемый.

104. Къ нему же (232).

О дѣвѣ Алипіанѣ, которая, при допросѣ, показала св. Григорію и горячность и старческую разсудительность въ своемъ желаніи хранить дѣвство.

Всего сильнѣе истина, какъ думаетъ Ездра (2 Ездр. 3, 12), и какъ думаю я. Ибо дѣва Алипіана, когда со всею строгостію требовали мы у ней слова о собственномъ ея образѣ мыслей, какъ приказалъ ты, осмѣлилась сказать чистую истину, принаваясь въ намѣреніи хранить дѣвство, и держась этого намѣренія горячѣе, правда, нежели какъ мы ожидали, однако же съ большею твердостію, нежели горячностію, даже скажу, не съ дѣвическою ревностію, но съ старческою отчетливостію. И строгость моего вопроса, по своему послѣдствію, оказалась полезною; потому что она всего лучше обнаружила твердость расположенія. Узнавъ о семъ, помолись о сей дѣвѣ и воспринятое ею начало спасенія воздѣлай во славу Божию и къ славѣ какъ моей, такъ и всего чина благоговѣющихъ.

105. Къ Елладію, епископу Кесарійскому (53).

Благодарить за письма и за посланные символы праздника; также просить молитвъ его о себѣ.

Радъ ли я твоему письму? Какъ было не обрадоваться, когда помнишь ты и объ умершихъ? А еще большая благодарность за приложенные символы праздника. Но къ тому, что даешь, присовокупи и то, о чемъ просишь. Помолись же о мнѣ, чтобы, если это полезно, опять получить мнѣ напоминовеніе и самому вспомнать праздникъ, а если не полезно, переселиться туда, и срѣтить, или увидѣть, истинный праздникъ тамъ, гдѣ *веселящихся вѣсѣхъ жилище* (Псал 86, 7); потому что превратностями этой жизни я уже пресыщенъ.

106. Къ нему же (54).

Благодарить за поздравленіе съ праздникомъ Пасхи, и просить дать Епископа Назіанзской Церкви.

Научившись видѣть ожидаемое издали (воспользуюсь твоимъ началомъ), мы увеселяемся уже и настоящимъ. Ибо святой день Пасхи, который мы срѣтили, сколько знаю, есть тайноводство къ тамошнимъ благамъ, какъ одинъ изъ преходящихъ праздниковъ. И ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ объ этомъ и своею посылкою, и своимъ письмомъ. А я пережилъ уже многія Пасхи: и это одно изъ приобрѣтеній долговременной моей жизни. Но теперь, ишедши изъ этого Египта—изъ этой многотрудной и примрачной жизни, и освободившись отъ брѣня и плинеодѣланя, къ которому мы привязаны, чаще желаю переселиться въ землю обѣтованія. Помолись, чтобы мнѣ сподобиться сего, если заботишься о томъ, чтобъ оказать мнѣ наибольшее благодѣяніе. А тебѣ, при долготнѣйшей жизни, да даруетъ Господь многократно праздновать со всею Церковію. Если же дадите вы мнѣ спокойно окончить старость, давъ этой Церкви Епископа, кого укажетъ Духъ Святой; то сдѣлаете дѣло доброе, и, скажу такъ, достойны будете отеческихъ благословеній.

107. Къ Прокопію (55).

На приглашеніе Императора Θεодосія, сдѣланное чрезъ Прокопія, присутствовать на Соборѣ въ Константинополь, даетъ рѣшительный отказъ.

Если должно писать правду; то моя мысль—уклоняться отъ всякаго собранія Епископовъ; потому что не видалъ еще я ни одного собранія, которое бы имѣло во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ, и болѣе избавляло, отъ золь, нежели увеличивало ихъ. Любопрительность и любоначаліе (не почти меня невѣжливымъ, что пишу такъ) выше всякаго описанія; и кто судить чужой пороку, скорѣе самъ подпадетъ обвиненію, нежели положитъ конецъ пороку. Поэтсму заключился я самъ въ себѣ, и безмолвіе призналъ единственною безопасностію для души. А теперь побуждаетъ меня къ такому рѣшенію и болѣзнь, отъ которой всегда я почти при послѣднемъ издыханіи, и ни на что не могу употребить себя. Поэтому да извинитъ меня твой высокій умъ, а чрезъ тебя да убѣдится и благочестивѣйшій Царь, не осуждать моей лѣности, но извинить немощь, по которой и дозволилъ онъ мнѣ удалиться, чего просилъ я себѣ, какъ благодѣянія.

108. Къ нему же (56).

На вопросъ о своемъ положеніи отвѣчаетъ словами аѳинскихъ пословъ, возвратившихся изъ Лакедемона.

Спрашиваешь: каковы дѣла мои? Отвѣчу тебѣ, рассказавъ одну исторію. Говорятъ, что Аѳиняне, когда притѣснили ихъ тиранны, отправили посольство къ Лакедемонянамъ; а цѣлію посольства было возбудить тамъ къ себѣ нѣкоторое чѣловѣколюбіе. Потомъ, когда послы возвратились, и нѣкто спросилъ: каковы къ намъ Лакедемоняне?—они отвѣчали: какъ къ рабамъ весьма милостивы, а какъ передъ свободными—весьма надменны“. Это и я долженъ написать. Со мною обходятся челоувѣколюбивѣе, нежели какъ съ людьми отверженными, но презрительнѣе, нежели какъ съ людьми, готовящимися предстать предъ Бога. Болѣзнь еще мучить меня; а друзья не перестаютъ мнѣ дѣлать зло и, сколько можно, вредить. Но молись, чтобы Богъ былъ ко мнѣ милостивъ, и далъ одно изъ двухъ,—или вовсе избѣгнуть бѣдствій, или переносить ихъ терпѣливо. И это уже довольно уменьшаетъ несчастье.

109. Къ нему же (157).

Просить покровительства Анѳиму, который разстроилъ свое здоровье, участвовавъ въ одномъ знаменитомъ военномъ дѣлѣ.

Привѣтствую издали тебя, который замѣняешь мнѣ всѣхъ, и выше для меня всѣхъ. И лично удостоивалъ ты меня великаго своего благоволенія, и заочно, какъ знаю, удостоиваешь того же. А за великое да будетъ воздана великая награда и подателю сего письма, сыну моему Анѳиму. Какая же это награда? Пользоваться твоимъ покровительствомъ во всемъ, что ему нужно. Просьбѣ моей придають особенную силу какъ самый этотъ челоувѣкъ, участвовавшій въ знаменитомъ военномъ дѣлѣ, и можетъ быть, извѣстный людямъ важнымъ, такъ и бѣдствіе, разстроившее его тѣлесный составъ, которое ясно говоритъ само о себѣ, и сколько тяжко было бы для всякаго, столько, какъ и естественно, тягостнѣе для него, потерпѣвшаго это не по заслугамъ своимъ. Присовокупленное же къ этому и мое прошеніе, какъ увѣренъ я, еще болѣе поможетъ успѣху въ томъ, что домогаемся.

110. Къ Олимпію (76).

Привѣтствуетъ его со вступленіемъ въ управленіе второю Каппадокією, и проситъ написать въ Константинополь о дѣйствительности его болѣзни.

Это для меня тягостнѣе болѣзни: мнѣ не вѣрятъ, будто я боленъ, но предписываютъ такое дальнее путешествіе, и принуждаютъ вринуться въ средину мятежей, отъ которыхъ люблю удаляться, едва не принося за сіе благодаренія и тѣлесному разстройству. Ибо беззаботное безмолвіе предпочтительнѣе знаменитости людей должностныхъ. О семъ писалъ я и прежде къ досточудному Икарію, получивъ то же приказаніе. А теперь написать за меня да соблаговолитъ и твое великодушіе; потому что имѣю въ тебѣ достовѣрнаго свидѣтеля моей болѣзни. Тебя же удостовѣряетъ въ ней самая потеря, которую несу теперь, будучи не въ состояніи прійти и насладиться лицезрѣніемъ такого начальника, столь удивительнаго своими добродѣтелями, что и самое вступленіе твое въ начальствованіе досточестнѣе славы, какую пріобрѣтаютъ другіе во все время своего служенія.

111. Къ нему же (174).

Поручаетъ его челоувѣколюбію вдову Филумену.

Другія милости, какихъ ты удостоивалъ, сколько знаю, получалъ я отъ твоего снисхожденія; и изъ нихъ да вознаградитъ тебя Богъ Своими благами,—а въ числѣ сихъ благъ и то, чтобы начальствованіе твое совершилось съ похвалами и славою для тебя. Но милость, о которой прошу теперь, такова, что (если не высокомѣрно будетъ сказано сіе) намѣренъ болѣе оказать ее тебѣ, нежели получить отъ тебя. Представляю къ тебѣ отъ себя несчастную Филумену, чтобы припала она къ твоему правосудію, и при твоёмъ посредствѣ осушила слезы, которыми сокрушаетъ мою душу. Какія и отъ кого терпитъ она обиды, объяснить это сама; потому что для меня не безопасно обвинять, кого бы то ни было. Самому же мнѣ необходимо сказать одно то, что вдовство и сиротство имѣютъ право на помощь, какъ вообще всякаго благоразумнаго челоувѣка, такъ особенно имѣющаго у себя жену и дѣтей — этотъ великій залогъ милосердія; потому что изрекаемъ судъ людямъ, будучи и сами такіе же люди. Извини меня, что прошу о семъ письмомъ; болѣзнь лишаетъ меня возможности видѣть правителя, столько благосклон-

наго и удивительнаго по своимъ доблестямъ, что и начало твоего правленія досточестнѣе, нежели у иныхъ слава, пріобрѣтенная къ концу правленія.

112. Къ нему же (77).

Просить принять свои мѣры противъ Аполлинаристовъ, которые поставили въ Назіанзѣ своего епископа, когда св. Григорій лечился на ксанксаридскихъ теплыхъ водахъ.

И сѣдина иному учится, и старость—не всегда, видно, досто-
вѣрное свидѣтельство о благоразуміи. Особенно зная мысли и нече-
стіе всѣхъ Аполлинаристовъ, и видя ихъ несносное высокоуміе, ду-
малъ я, что своимъ великодушіемъ сдѣлаю ихъ кроткими и смягчу
понемногу, что, повидимому, и обѣщали они моимъ надеждамъ. Но
незамѣтнымъ образомъ, какъ оказалось, сдѣлалъ я ихъ еще худ-
шими, и неблаговременнымъ любомудріемъ нанесъ вредъ Церкви;
ибо кротость не приводитъ въ стыдъ людей негодныхъ. И теперь,
если бъ самому мнѣ лично было можно доказать это; будь увѣ-
ренъ, что, и сверхъ силъ поднявшись, не облѣнился бы я припасть
къ твоей честности. Но поелику болѣзнь завела меня далеко, и, по
совѣту врачей, нужно стало пользоваться ксанксаридскими теп-
лыми водами; то замѣняю себя письмомъ. Эти злые и во злѣ погиб-
шіе люди, сверхъ всего прочаго, признавъ, или (не могу сказать
этого въ точности) употребивъ въ дѣло проѣзжавшихъ епископовъ,
которые низложены на Вселенскомъ Восточномъ и Западномъ Со-
борѣ, и воспротивясь всѣмъ царскимъ постановленіямъ и вашимъ
приказамъ, возложили ямя епископа на одного челоувѣка между
вами нечестиваго и подозрительнаго, ничѣмъ, какъ думаю, столько
не обнадеживаемые, сколько (надобно сказать это) моею мѣртво-
стію. Если это сносно; да перенесетъ твоя твердость, перенесу и я,
какъ и переносилъ не однократно. А если тяжело и нетерпимо для
самыхъ благочестивѣйшихъ царей; соблаговоли наказать за то, что
ими сдѣлано, хотя и не такъ строго, какъ заслуживало бы ихъ
высокоуміе.

113. Къ нему же (176 и 211).

О разводѣ съ мужемъ дочери Виріана.

Не вездѣ похвальна поспѣшность. Потому и медлилъ я до-
селять отвѣтомъ о дочери почтеннѣйшаго Виріана, предоставляя и
времени сколько нибудь поправить иное, а вмѣстѣ, изъ того, что

развѣданіе дѣла поручилъ ты мнѣ, о которомъ знаешь, какъ я не скоръ и осмотрителенъ въ подобныхъ случаяхъ, догадываясь, что и доброта твоя не одобряетъ этого развода. Поэтому удерживался я доселѣ, и думаю, не безъ основанія.

Поелику же обстоятельства дошли до крайности, и необходимо сдѣлать извѣстнымъ, что оказалось по изслѣдованію, и что мною дознано; то извѣщаю, что дочь, по видимому, колеблется между той и другой стороною, дѣлится между уваженіемъ къ родителямъ и привычкою къ мужу, на словахъ за одно съ родителями, а сердцемъ, не знаю, едва ли не на сторонѣ мужа, какъ показываютъ это слезы. Ты, конечно, поступишь, какъ разсудится твоему правосудію, и какъ угодно будетъ Богу, Который тобою во всемъ управляетъ. Я съ своей стороны съ большимъ удовольствіемъ далъ бы совѣтъ сыну Виріану оставить безъ вниманія многое, только бы не былъ утвержденъ разводъ, который совершенно противенъ нашимъ законамъ, хотя римскіе законы и опредѣляютъ иначе. Ибо необходимо соблюсти справедливость, которую и на словахъ и на дѣлѣ желаю тебѣ всегда сохранять.

114. Къ Виріану (181).

О томъ же.

Исполнители казни не злое дѣлаютъ дѣло; потому что служить законамъ; не беззаконенъ и мечъ, которымъ казимъ злыхъ. Но впрочемъ не хвалятъ исполнителя казни, и не съ пріятностію встрѣчаютъ убійственный мечъ. Такъ и я не хочу сдѣлаться ненавистнымъ, своею рукою и своимъ словомъ утвердивъ разводъ; потому что лучше быть посредникомъ соединенія и дружбы, нежели раздора и разрыва житейскихъ узъ. Эту же, кажется мнѣ, имѣя мысль, и достойный удивленія градоправитель поручилъ мнѣ сдѣлать доспросъ твоей дочери; потому что неспособенъ я къ расторженію брака приступить по всей строгости и безъ сердечнаго участія; и конечно, не какъ слѣдователя, но какъ Епископа, назначилъ онъ меня на это, и сдѣлалъ посредникомъ въ томъ, что произошло между вами. Поэтому прошу предоставить дѣло мнѣ, служителю вашей воли,—и хотя радъ я, что имѣю подобное порученіе, однако же, если поручите мнѣ что худшее и болѣе непріятное, до чего я никогда не касался и теперь не коснусь, но ищите кого другаго болѣе къ сему способнаго. А у меня (хотя знаю, что вы по всему для меня весьма дороги) нѣтъ смѣлости, въ утолненіе вашей

дружбѣ, оскорбить Бога, Которому даю отчетъ во всякомъ движеніи и помышленіи. Дочери же твоей (сказать правду) повѣрять тогда, когда, переставъ стыдиться васъ, въ состояніи она будетъ говорить правду; потому что теперь она въ жалкомъ положеніи, и вамъ удѣляетъ слова, а мужу—слезы.

115. Къ Олимпію (49).

Писрашиваетъ пощаду городу Діокесаріи, въ которомъ произошло возмущеніе.

Еще случай къ человѣколюбію, и опять смѣло ввѣряю письму мою просьбу о дѣлѣ такъ важномъ. Ибо смѣлымъ дѣлаетъ меня болѣзнь, которая не позволяетъ мнѣ выйдти, и не даетъ возможности явиться къ тебѣ въ приличномъ видѣ. Какая же просьба? Прійми ее отъ меня въ этотъ день человѣколюбиво. Горестна (да и какъ не быть горестною?) смерть одного человѣка, который нынѣ съ нами, а завтра не будетъ и не возвратится къ намъ. Но гораздо ужаснѣе умереть цѣлому городу, который основанъ царемъ, обстроены временемъ и сохранены рядомъ многихъ лѣтъ. У меня слово о Діокесаріи, доселѣ городѣ, а теперь уже не городѣ, если не будетъ твоего кроткаго мановенія. Представь, что онъ въ лицѣ моемъ припадаетъ къ стопамъ твоимъ. Пусть же возвыситъ голосъ, облечется въ печальныя одежды, острижетъ себѣ волосы, какъ бы лицедѣйствуя на зрѣлищѣ, и произнесетъ тебѣ слѣдующія слова: „Дай руку мнѣ, поверженному долу, помоги немощному, не нападай на меня вмѣстѣ съ временемъ, не разорай оставшагося послѣ Персовъ: приличнѣе для тебя созидать города, а не разрушать уже готовые къ разрушенію. Сдѣлайся градоздателемъ, или присовокупивъ нѣчто къ тому, что въ немъ есть, или сохранивъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Не допусти, чтобы до твоего правленія существовалъ городъ, а послѣ тебя уже его не стало; не оставь времени худаго сказанія, что, принимая тебя правителемъ, былъ я въ числѣ городовъ, а послѣ тебя на мѣстѣ города осталась необитаемая страна, признаваемая по однѣмъ горамъ, стремнинамъ и развалинамъ“. Вотъ что пусть сдѣлаетъ и скажетъ твоему человѣколюбію олицетворенный мною городъ. А отъ меня какъ отъ друга, прійми совѣтъ. Положимъ, что хочется тебѣ наказать преступившихъ повелѣніе твоей власти; противъ этого ничего не смѣю сказать, хотя, какъ говорятъ, эта дерзость—не съ общаго умысла, а только—безразсудный порывъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей. Впрочемъ отложи большую часть гнѣва, употреби больше разсужденія. Они скорбѣли

о погибающей матери, не могли перенести того, чтобы называться гражданами, и не имѣть у себя города, пришли въ сильное волненіе, поступили незаконно, отчаялись въ своемъ спасеніи; необычайность горя довела ихъ до безумія. Ужели за это городу не надобно быть городомъ? Нѣтъ! чудный мужъ, не пиши такого опредѣленія. Уважь просьбы всѣхъ гражданъ, всѣхъ служащихъ въ городѣ и высшихъ чиновниковъ; подумай, что всѣхъ равно касается это бѣдствіе, и если безмолвствуютъ иные предъ твоимъ величіемъ, то стѣнаютъ во глубинѣ сердца. Уважь и мою сѣдину; для меня горько, если, имѣя доселѣ великій городъ, съ этого времени не буду имѣть никакого города, и сооруженный мною Божій храмъ, со всѣмъ его благолѣпіемъ, послѣ твоего начальствованія, обратится въ жилище звѣрей. Не то горько, что нѣсколько статуй будетъ сокрушено, хотя и это въ другихъ случаяхъ бываетъ прискорбно; и не думай, чтобы стали говорить о семъ мы, у которыхъ попеченіе о лучшемъ. Но горько то, что съ ними низложится цѣлый городъ, произведшій нѣчто знаменитое, низложится когда живы и видимъ это мы, которые почтены тобою, думаемъ о себѣ, что имѣемъ у тебя нѣкоторую силу. Но заключу объ этомъ слово; потому что, если скажу и больше, ничего не найду тверже твоего разсудка, которымъ управляется столько народа, и да управляется еще и еще полновластнѣе на высшихъ степеняхъ начальства. Но и то необходимо знать великому уму твоему о припадающихъ къ тебѣ, что это люди совершенно жалкіе, покинутые и не участвовавшіе съ преступниками ни въ какомъ безпорядкѣ, какъ увѣряютъ насъ многіе изъ самовидцевъ. Дай въ этомъ дѣлѣ такое опредѣленіе, какое можешь признать полезнымъ и для здѣшней славы и для тамошнихъ надеждъ. А мы все, что ни прійдетъ тебѣ на мысль, хотя не безъ печали перенесемъ, однако же перенесемъ. Ибо что иное и можемъ мы сдѣлать? А если превозможетъ у тебя худшее; то однимъ будемъ огорчены, и прольемъ слезу надъ бывшимъ прежде городомъ.

116. Къ нему же (172).

Извиняется, что по болѣзни не можетъ съ нимъ видѣться, и проситъ уважить его ходатайство за гражданъ назіанзскихъ.

И желаніе видѣться съ тобою горячо, и нужда просителей велика, но болѣзнь непреодолима; поэтому осмѣлился я въ письмѣ изложить эту просьбу. Уважь мою сѣдину, которую ты (что и прекрасно) уважалъ уже, и даже не рѣдко; уважь и этотъ недугъ, ко-

торый частію (если уже надобно похвалиться) произвели и труды, подъятыя ради Бога; и потому пощади гражданъ, обращающихъ взоръ на меня, какъ на человѣка, который смѣло можетъ говорить съ тобою; пощади и другихъ, находящихся на моемъ попеченіи. Ибо отъ человѣколюбія не будетъ никакого вреда; ты больше умѣешь сдѣлать страхомъ, нежели другіе успѣвають—наказаніями. А тебѣ въ замѣнъ всего желаю имѣть такого же Судію, какимъ самъ будешь къ просителямъ и ко мнѣ, ходатайствующему за нихъ.

117. Къ нему же (78).

Хвалить его безкорыстіе, великопріятіе и милосердіе, и ходатайствуетъ за воина Аврелія.

Опять пишу, когда надлежало бы прійдти самому. Но эта смѣлость у меня отъ тебя, который рѣшаешь частные споры (что первое, то и скажу прежде) и направляешь къ лучшему дѣла общественныя: а то и другое дѣлаешь божественно, въ награду за благочестіе получивъ то, что все у тебя идетъ по твоему желанію, и тебѣ одному доступно недоступное для другихъ; потому что съ тобою соправительствоуютъ мудрость и мужество, и одна изобрѣтаетъ, что должно дѣлать, а другое легко приводитъ въ исполненіе, что изобрѣтено, важнѣе же всего чистота руки, которою все приводится въ порядокъ. Гдѣ у тебя несправедное золото? Его никогда не было; оно прежде всего осуждено на изгнаніе, какъ низкій мучитель. Гдѣ вражда? Также осуждена. Гдѣ милость? Здѣсь прклянешься нѣсколько (обвиню тебя въ этомъ не много), но преклоняешься, подражая Божію человѣколюбію, какого и теперь просить у тебя чрезъ меня одинъ изъ твоихъ воиновъ Аврелій, котораго называю не разумнымъ бѣглецомъ, но благоразумнымъ просителемъ; потому что отдалъ себя на мои руки, а чрезъ мои и на твои. Какъ на нѣкій царскій образъ, указывая тебѣ на мою сѣдину и на мое священство, которое, по неоднократному признанію, ты уважаешь, вотъ приводитъ его къ тебѣ эта приносящая жертву и безкровная рука, восписавшая тебѣ много похвалъ, и, сколько знаю, еще больше готовая восписать, если Богъ продлитъ у насъ начальствованіе, разумію твое и сотрудника твоего въ правосудіи.

118. Къ нему же (173).

Ходатайствуетъ за Павла.

Время коротко; предметъ пренія важенъ, а болѣзнь тяжела, сдѣлала меня почти недвижимымъ. Что же остается, какъ не про-

сить Бога и не умолять твое человеколюбіе?—просить Бога, чтобъ вложилъ тебѣ въ умъ болѣе благія мысли,—умолять твое человеколюбіе, чтобы не отринуло безъ жалости моей просьбы, но съ кротостію приняло несчастнаго Павла, котораго правосудіе предало въ твои руки, можетъ быть, для того, чтобы и тебя еще болѣе прославить величіемъ кротости, и мои молитвы, если онѣ что нибудь значать, привлечь на твое человеколюбіе.

119. Къ нему же (175).

Просить о снисхожденіи къ Леонтію, лишенному священства.

Испытать на себѣ многое, и испытать благодѣянія отъ другихъ—доставляетъ ли какую пользу людямъ? Это научаетъ человеколюбію, и дѣлаетъ снисходительными къ нуждающимся; потому что предварительно воспользоваться милостію есть лучший урокъ милосердія. Такъ случилось и со мною. Что испыталъ я въ жизни, то научило меня сострадательности; и видишь ли мое великодушіе? Самъ, по собственнымъ дѣламъ имѣя нужду въ твоей снисходительности, ходатайствую за другихъ, и не опасалось на чужія дѣла истощать твое человеколюбіе. Пишу же это о Леонтіи пресвитерѣ, или лучше сказать, бывшемъ нѣкогда пресвитеромъ. Если онъ потерпѣлъ уже все, чего стоили его дѣла; то остановимся на этомъ, чтобы излишество не сдѣлалось несправедливостію. А если и еще что нужно прибавить къ наказанію, и преступленія его гребуютъ большаго униженія; то уступи это мнѣ, и Богу, и алтарю, и общему собору іереевъ, къ которому былъ онъ нѣкогда соприсчисленъ, хотя теперь и оказалъ себя недостойнымъ какъ тѣмъ, что сдѣлалъ, такъ и тѣмъ, что претерпѣлъ. Если убѣдилъ я тебя, это прекрасно; а если нѣтъ, то предоставляю тебѣ, болѣе достойнымъ уваженія наставникомъ, соучастника твоего и въ правленіи и въ доброй славѣ.

120. Къ нему же (177).

Ходатайствуетъ за родственника своего Евстратія.

Вотъ и другой предлогъ къ письму, на которое, если надобно сказать правду, самъ ты вызываешь оказываемою мнѣ почестью. Вотъ тебѣ и другой проситель, этотъ узникъ страха, родственникъ мой Евстратій, который со мною и чрезъ меня припадаетъ къ твоей благодати. Онъ не въ силахъ оставаться на всегда упорнымъ противъ твоей власти, хотя справедливый страхъ вывелъ его изъ себя,

и рѣшается припасть къ тебѣ не чрезъ другаго кого, а только чрезъ меня, чтобы твое челоуѣколюбіе сдѣлать для себя болѣе достоуважаемымъ, употребля такого ходатая, котораго, если не другое что дѣлаетъ, то самъ ты дѣлаешь великимъ, такъ охотно принимая отъ него просьбы. Скажу однимъ словомъ и коротко: прежнія милости дѣлалъ ты для меня; эту же милость сдѣлаешь по собственному суду, такъ какъ однажды принялъ ты намѣреніе угѣшать мою старость и немощь такими почестями. Но присовокуплю, что чрезъ это приобрѣтешь и Божіе къ себѣ благоволеніе.

121. Къ Никовулу (208).

Исполняетъ просьбу его собрать и прислать къ нему письма свои.

Особенно требуешь у луга цвѣтовъ; престарѣлаго Нестора заставляешь облекаться въ оружіе, требуя какой-то обработанности въ рѣчахъ отъ меня, который давно уже отложилъ желаніе отличій во всякомъ словѣ и въ жизни. Впрочемъ налагаешь ты на меня не Евристеевъ и не какойнибудь Иракловъ подвигъ, а напротивъ того весьма легкое и мнѣ посильное дѣло—собрать для тебя, сколько могу, моихъ писемъ. А потому заложилъ въ свои книги этотъ ремешекъ, не любовный, а ученый, и не столько служащій для указанія, сколько полезный и нашимъ свирѣлямъ. Ибо, какъ всякая вещь имѣетъ свой большій, или меньшій отличительный признакъ, такъ и мои рѣчи, гдѣ только нужно, имѣютъ отличительнымъ свойствомъ назидательность въ мысляхъ, и догматахъ; и въ нихъ, какъ въ благородномъ порожденіи, всегда видѣнъ отецъ не меньше того, сколько въ тѣлесныхъ чертахъ дѣтей сохраняются черты родившихъ. Такъ я съ своей стороны сдѣлалъ свое; а ты воздай мнѣ какъ самымъ писаніемъ, такъ и извлеченіемъ для себя пользы изъ написаннаго мною. Не могу ни просить, ни требовать иной награды, которая была бы лучше этой, полезнѣе для просящаго, и приличнѣе для награждающаго.

122. Къ Θεодору, епископу Тіанскому (90).

Приглашаетъ его въ Арианъ для празднованія Мученикамъ и для разсмотрѣнія общихъ дѣлъ.

И мнѣ, какъ больному, обязанъ ты оказать свои услуги,—потому что одна изъ заповѣдей—посѣщать больныхъ,—и святымъ Мученикамъ обязанъ также ежегоднымъ чествованіемъ, какое со

вершаемъ въ твоихъ Аріанзахъ въ двадцать второй день нашего мѣсяца Даеуса¹⁾. Притомъ же не мало церковныхъ дѣлъ, которыя требуютъ общаго разсмотрѣнія. По всѣмъ этимъ причинамъ соблаговоли, ни мало не замедливъ, быть у насъ. Хотя и трудъ великъ, однако же и награда равновѣсна.

123. Къ нему же (89).

Просить разсмотрѣть дѣло женщинъ, притѣсненныхъ челоувѣкомъ сильнымъ.

Что писано было къ твоему благоговѣнію господами честѣйшими Епископами, то и отъ себя написать признавъ за нужное, прошу тебя: подай руку свою благороднымъ женщинамъ, и непусти, чтобъ онѣ были притѣсняемы и гонимы могуществомъ челоувѣка, съ которымъ вступили въ дѣло, но помоги имъ, какъ должно. Если знаешь, что онѣ терпятъ; помоги ради того, за что терпятъ. А если не знаешь того, что онѣ терпятъ, помоги по той причинѣ, что не знать тебѣ сего и не вѣрить сему есть несправедливость. Если же кто думаетъ, что берусь не за свое дѣло, и касаюсь до тяжбы, ни мало ко мнѣ не относящейся; то пусть докажетъ сіе, и я успокоюсь. А теперь боюсь, что дѣло иначе, особенно же потому, что Христово и Христорь не дѣлятся, и челоувѣколюбіе не имѣетъ предѣловъ. Но если кто и допустилъ бы такое раздѣленіе; то знаю, что для двоихъ, для твоего благоговѣнія и для меня, будетъ прискорбно, если справедливость въ этомъ дѣлѣ останется въ пренебреженіи; потому что подсудимые у обоихъ насъ подъ смотрѣніемъ. И опасно, чтобы истина не была извращена правдоподобіемъ доводовъ. Посему разбери дѣло вмѣстѣ со мною, даже предвари своимъ судомъ, и вступи за мою немощь, чтобы мнѣ не дойдти до необходимости, и при такомъ состояніи тѣла, съ большею ревностію вступить въ подвигъ за истину, при Божіей помощи и при помощи твоихъ молитвъ.

124. Къ нему же (88).

Убѣдительно просить избрать Епископа въ Назіанзъ, по причинѣ своей богѣзни и нападенія на Церковь Аполлинаристовъ.

Кстати мнѣ сказать словами Писанія: къ кому воззову я обиженный? кто простретъ руку мнѣ утѣсненному? На кого перейдетъ

¹⁾ По юліанскому календарю—29 сентября, какъ показываетъ рукопись, найденная въ началѣ прошлаго столѣтія въ Медицинской Вибліотекѣ, подъ заглавіемъ Ἡμερολόγιον μηνῶν διαφορῶν πόλεων.

бремя Церкви, доведенной до такого худого состоянія и разстройства? Свидѣтельствуясь предъ Богомъ и предъ избранными Ангелами, что сія Божія паства несправедливо страждетъ, оставаясь безъ Пастыря и безъ Епископа, по причинѣ моего омертвѣнія; потому что меня держитъ болѣзнь, вдругъ удалила отъ дѣлъ церковныхъ, и теперь ни къ чему я негоденъ, непрестанно нахожусь при послѣднемъ дыханіи; еще болѣе обременяюсь дѣлами. Поэтому если бы епархія имѣла кого другаго главою, къ нему должна бы взывать, и у него испрашивать помощи; но какъ выше всѣхъ твое благоговѣніе, то необходимо обратиться къ тебѣ. Позаботься о своей Церкви, какъ самъ заблагоразсудишь, и не презри ее въ разстроенномъ состояніи, котораго она не заслужила. Не говорю уже о прочемъ; что сдѣлали ей, и чѣмъ угрожаютъ возставшіе нынѣ Аполлинаристы, освѣдомься объ этомъ отъ господъ сопресвитеровъ моихъ, отъ хореепископа Евлалія и отъ Келевсія, которыхъ съ намѣреніемъ послалъ я къ твоему благоговѣнію. Остановить это не могу уже лѣтамъ, и не моей немощи, а твоему только возможно искусству и твоей силѣ; потому что тебѣ, кромѣ прочаго, Богъ далъ и крѣпость къ общей защитѣ Церкви. А если не буду слышанъ, что ни говорю, и ни пишу; пусть будетъ сдѣлано, что одно только и остается сдѣлать, то-есть, всенародно всѣмъ провозглашено и приведено въ извѣстность, что Церковь имѣетъ нужду въ Епископѣ, чтобъ не потерпѣть ей вреда отъ моей болѣзни; а о послѣдующемъ узнаете.

125. Къ неизвѣстному (119).

Норучаетъ ему Никовула младшаго, сына Никовулова.

Каковы твои подвиги въ добродѣтели, и успѣли ли мы скольконибудь по Богу? Я разсуждаю, что всего приличнѣе спросить тебя объ этомъ; потому что мнѣ пріятно и спрашивать о семъ, и слышать это; а прочее по мнѣ, пусть будетъ, какъ есть. Даже хотя и пожелалъ бы я, чтобъ и это было у тебя благоуспѣшно, но пожелалъ бы единственно для того, чтобъ было, что презирать тебѣ, и чтобъ можно было тебѣ оказать болѣе любомудрія въ томъ, что важнѣе. Это пусть будетъ сказано отъ меня вмѣсто привѣтствія; а ты для прекраснаго Никовула будь таковъ, какъ сего надѣмся. Если же потребуемъ и большаго, удовлетвори нашей ненасытности, какъ щедролубивый.

126. Къ Елладію (218).

Просить о надзорѣ за тѣмъ же Никовуломъ.

Вотъ тебѣ и напомниманіе о нашей дружбѣ,—дражайшій сынъ Никовуль, о которомъ забочусь преимущественно предъ всѣми моими родными! Великую сдѣлаешь мнѣ милость, представивъ его ревностнѣйшимъ изъ наставниковъ; а еще большую окажешь милость приучивъ нравъ его къ добродѣтели. А это будетъ, если заставишь часто бывать близъ тебя, особливо же, если будетъ онъ знать, что ты не оставляешь его безъ вниманія; потому что и глазъ наставника есть уже безмолвный урокъ. Ты не состоишь у меня въ долгу (если же много будетъ сказать это), и по духовному, какъ архіерей у іерея, и по ученому, какъ словесникъ у любослова.

127. Къ Африкану (46).

Поздравляетъ его со вступленіемъ въ должность, и просить принять въ свое вниманіе Никовула младшаго.

Кому всего больше пріятны кони?—Безъ сомнѣнія, конямъ. А орлы?—Не иному кому, какъ орламъ. „И галка садится рядомъ съ галкою“, какъ знаешь изъ пословицы. Такъ полагай, что и говорящій по-аттически бываетъ радъ знающимъ это нарѣчіе, а имѣющій притязаніе на правоту—любителю и покровителю правоты. Быть начальникомъ, мнѣ кажется, значить то же, что быть помощникомъ добродѣтели и противникомъ порока, имѣетъ ли кто у себя безкровное начальство, какъ мы, или начальствуетъ съ мечемъ и военною перевязью. Тебя не заставлю я проливать кровь, зная, что ты добродѣтельно преодолеваешь, а не насиліемъ принуждаешь, наказываешь злыхъ болѣе страхомъ, нежели дѣломъ, что и составляетъ законъ наилучшаго начальствованія. Поэтому, хотя сильно я домогался свиданія съ тобою, и теперь еще домогаюсь, однако же, по причинѣ болѣзни не имѣя возможности исполнить сего, по необходимости приступаю къ дѣлу и, что всего лучше, привѣтствую тебя чрезъ близкаго мнѣ человѣка, и друга и родственника, по всему для меня очень дорогаго Никовула, который и оправдаетъ меня передъ тобою. Это человѣкъ, сколько мнѣ извѣстно, стоящій довѣрія не менѣе всякаго другаго; а ради меня покажетъ онъ себя и твоему превосходству.

128. Къ Стагирію (188).

Хвалить его за ученость, и поручаетъ его попеченію того же Никовула.

Ты по учености достигъ аттическаго совершенства; да и я тоже. Ты представляешь у молодыхъ людей; а я—у людей всякаго возраста. Ты образуешь въ словѣ, а я—въ нравахъ. Много у меня съ тобою общаго, но одно все собою замѣняетъ, и всего выше—это дражайшій сынъ нашъ Никовуль, который поставленъ между нами. Дѣлая ему добро, докажешь и свою ученость и нашу дружбу, если только заботишься о ней: но думаю, что заботишься; потому что и старые борцы въ чести у молодыхъ, и въ такой еще чести, что молодые, если подносятъ имъ свои побѣдныя награды, то, по законамъ ратоборства, признаются тогда благопризнательными.

129. Къ Евстохію софисту (61).

Оправдывается въ томъ, что Никовуль поручень не ему, а Стагирію, по волѣ отца его, и нападаетъ на Евстохіа за то, что до старости занимается софистикою.

Сильно поразилъ ты меня, Улиссъ, укоряя въ стагиризмъ, и употребляя все усиліе низложить софизмами. Хвалю твою свободу, съ какою пишешь письмо свое. Лучше высказать, что огорчаетъ, нежели умолчать, чтобъ послѣ взыскивать съ незнающихъ. Впрочемъ и у меня есть нѣчто для обвиненія; но чтобъ соблюсти законъ судопроизводства, сперва буду оправдываться, и потомъ обвинять, а то и другое сдѣлаю съ равнымъ благорасположеніемъ. Никовуль мой пошелъ въ ученики къ превосходному Стагирію ни мало не по моему совѣту: не подозрѣвай этого; я не забылъ еще до такой степени Авины, твою дружбу и твое товарищество; напротивъ того въ этомъ поступилъ онъ по собственному желанію и по тому, что такъ захотѣлъ отецъ; а я своими письмами передалъ его только съ рукъ на руки. Что же въ этомъ недружескаго и безчеловѣчнаго? Но велику имѣешь мое оправданіе, то выслушай и обвиненіе. Не хвалю твоихъ *Кукольниковъ* и *Тельхиновъ*, которыми зло поражаешь соперника; потому что превозмогъ обычай занимающихся тѣмъ же искусствомъ называть соперниками. Долго ли быть у насъ этому? Остановимся ли на чемънибудь въ своихъ софистическихъ схваткахъ? Когда будетъ конецъ? Развѣ когда смерть разлучитъ насъ съ этимъ порокомъ? Пока человѣкъ еще молодъ, поработень честолюбію, гонится за выгодами; ему извинительно какъ-то заниматься

этимъ,—но и то съ умѣренностію, скажу въ угодность твою нѣсколько по-димосееновски; а въ такомъ возрастѣ и при такихъ занятіяхъ бодать и бодаться — совершенно безвременно и чистое упрямство, не потому только, что это не пристойно и не благородно, но и потому, что дѣло очень легко. Какое самъ вымолвишь слово, такое же услышишь въ отвѣтъ¹⁾, какъ назадъ возвратившуюся волну; потому что (употреблю еще Омирово выраженіе) „обрившаго отбрызнуть“ вовсе не предосудительно. Что же это за мудрость, когда можно первенствовать въ добродѣтели, тогда препобѣждаться порокомъ, или и побѣждать въ порокѣ, что гораздо еще хуже? Я и судей (надобно же сказать правду) не хвалю за то, что одно и то же и наказываютъ, произнося рѣшеніе, и хвалятъ, слушая, и не только сами хвалятъ, но находятъ многихъ другихъ, которые и хвалятъ также, и поджигаютъ къ пороку, и оспариваютъ другъ друга въ усердіи къ этому. Должно поступать или такъ: если невѣроятно, не хвалить: а если достовѣрно, — судить всенародно; или такъ: если обвиненіе ложно, уличить обвинителей; а если справедливо, уличить тѣхъ, на кого пало обвиненіе, но не шутить такъ легкомысленно дѣломъ весьма важнымъ,—мнѣніемъ людей благородныхъ. Поэтому, если меня послушаетесь (говорю обоимъ); то оставите подобныя рѣчи и перебранки, ежели не по чему другому, то устыдясь сѣдины, или уставъ заниматься такимъ позорнымъ дѣломъ. Дайте сами себѣ добрый совѣтъ—уважить древнее увѣщаніе, которое велитъ, когда есть чѣмъ прожить, упражняться въ добродѣтели, и не обманывайте какъ самихъ себя, такъ и надежду молодыхъ людей, которые, конечно, весьма жестоко постраждутъ, если, упражняясь въ наукахъ, научатся пороку, да и тому не даромъ; потому что имѣютъ въ васъ учителей не добродѣтели, а порока. Если же кажусь тебѣ несноснымъ, когда пишу это; то и мнѣ отмсти тѣмъ же, то есть, и самъ подай какой нибудь полезный совѣтъ, чтобъ или похвалить меня, если послушаюсь, или обвинить, если воспротивлюсь.

130. Къ нему же (62).

Поелику софистъ оскорбился предъидущимъ письмомъ; то изъявляетъ свое сожалѣніе, что раздражилъ его.

И того не зная я, что крайне грубо и невѣжественно давалъ совѣты человѣку высокоученому! Какое высокоуміе! Не вразу

¹⁾ Омир. Илиад. 20, 250.

миться и народною пословицею: „плѣшивый не наклоняйся лбомъ къ барану, и не дразни ось“, то есть, языка готовало говорить худо. Правда, что этимъ не очень еще огорчаюсь; потому что, какъ слышу, поставленъ я на ряду со многими, а если будешь живъ, то стану и напередѣ многихъ: но больше для меня горько твое недо-вѣріе въ томъ, что дѣлаю это съ дружескимъ расположеніемъ. По крайней мѣрѣ будь здоровъ и тѣломъ и душою, и впредь, если можно, воздерживай языкъ; а на этотъ разъ стерпимъ свою участь

131. Къ нему же (111).

Поручаетъ ему молодого человѣка Пронюи, чтобъ возбудилъ въ немъ ревность къ краснорѣчію.

Подражай Александру, чудный мужъ; и какъ онъ прилагалъ все свое стараніе угодить Аѳинянамъ, а на этотъ конецъ и Аѳины называлъ всегда театромъ своего царства, такъ и ты, почитая меня что нибудь значущимъ, хотя и вовсе ничего не значу, и ради краснорѣчія, и ради самыхъ Аѳинъ, а сверхъ того уваживъ общихъ родителей нашего краснорѣчія, позаботься удвоить ревность къ краснорѣчію въ прекрасномъ Пронюи. Что ни одѣлаешь для этого молодаго человѣка, то, безъ сомнѣнія, сдѣлаешь для меня самого, кото-рый и стою того, чтобы получить отъ тебя благодѣяніе, и могу быть не худымъ хвалителемъ твоихъ рѣчей, хотя сижу и ниже софи-стовъ, самъ себѣ назначивъ безопасную награду молчанія.

132. Къ Евдонсію ритору (115).

Начинаетъ съ нимъ переписку, потому что поступили къ нему въ обученіе Никомуловы дѣти.

Одолѣваю тебя въ дѣлѣ дружбы; потому что, какъ видишь, пишу первый. И будь увѣренъ, что не сталъ бы хвалиться (не въ моемъ это обычаѣ), еслибъ не ставилъ въ велико твою дружбу, п если бы не казалось мнѣ необходимымъ, какъ молодаго коня би-чемъ, побудить тебя къ перепискѣ со мною. Особливо же подстрека-етъ тебя къ этому, если раздумаешься, кто, къ кому и о какомъ дѣлѣ пишетъ къ тебѣ, еще не писавшему; также размыслишь, что дѣтямъ прилично наследовать какъ отцево имѣніе, такъ, конечно, и отцеву дружбу. Сверхъ же этого не худо разсудить, что тебѣ на-ступила только пора любомудрствовать, а я уже отецъ любомуд-рыхъ; и потому ты долженъ передо мною показать свою доблесть.

какъ отважные борцы показываютъ передъ своими наставниками. Вымолвлю нѣчто такое, что поважнѣе доселѣ сказаннаго. У тебя не маловажный для меня залогъ любомудрїя. Ты обучаешь кровь мою и кровь самыхъ мнѣ близкихъ; знаешь, о комъ говорю, то есть, о дѣтяхъ искреннѣйшаго и досточестнѣйшаго сына моего Никовула. Если сколько нибудь поможешь имъ, это (положи на вѣрное) не выйдетъ изъ памяти у меня, который не хуже всякаго другаго (если должно въ чемъ нибудь вѣрить словамъ моимъ), могу и о наукахъ судить, и прилежаніе оцѣнить, и своей похвалою возвысить самихъ наставниковъ.

133. Къ нему же (116).

Просить его поощрять къ ученію Никовула младшаго, который, при счастливыхъ дарованїяхъ, бываетъ иногда лѣнивъ.

Опять къ тебѣ мой Никовуль, и опять безпокою своимъ излишествомъ, понукая, когда и самъ очень бѣжишь. Но поелику этотъ молодой человѣкъ имѣетъ отъ природы счастливыя дарованїя, если только не обманываетъ меня желаніе видѣть его такимъ; но, какъ часто бываетъ съ людьми даровитыми, нѣсколько нерадивъ, и ему нужно поощреніе: то замѣни это собственнымъ своимъ стараніемъ, и (скажу по вашему) подражая упоминаемому въ баснѣ кузнечику, вмѣсто оборванной струны, прибѣгнувъ къ своему голосу, докончи пѣснь. Такимъ образомъ, какъ думаю, приобрѣтешь славу чрезъ этого молодаго человѣка, и окажешь самую великую милость мнѣ, который не многое предпочитаю тебѣ и твоей учености.

134. Къ нему же (117).

Упрекаетъ его за молчаніе и вновь просить смотрѣть за Никовуломъ младшимъ.

Какъ назвать твое расположеніе ко мнѣ, о чудный? Какая причина тому, что не пишешь? Не буду винить тебя ни въ высокомѣрїи, ни въ лѣности, ни въ томъ, что не стало у тебя, о чемъ писать. Не тебѣ дойти до такой скудости. Развѣ помнишь зло за тѣ ямбы, которые изрыгнулъ достойный зло погибнуть Валентинъ, и сдѣлалъ это по твоему желанію? Ибо не требовалось ли отъ ритора, человѣка искуснаго, отмстить тому, кто первый осмѣлился писать о такомъ предметѣ ямбами? „Но укроти, Ахиллесъ, великій гнѣвъ“, и снова двигни для насъ перомъ, этимъ своимъ копьемъ, чтобъ не подумали, будто бы ты, потерпѣвъ маловажное, идешь на перекоръ

важнѣйшему, то есть, епископскому престолу. Рыщи на коняхъ, гоняйся за звѣрями, веди себя, какъ хочешь, въ разсужденіи меня; не буду болѣе ни писать, ни шутить. И этого довольно. Столько цѣню твою дружбу. Итакъ, что до шутокъ, имѣ было мѣсто, и онѣ кончены. А что далѣе, то уже дѣло не шуточное, но крайне важное. Опять поручаю тебѣ дражайшаго сына моего Никовула. И желалъ бы, чтобъ ты принялъ его отъ меня, точно какъ отъ меня, и отца подарилъ риторскимъ, а меня—софистическимъ руномъ. Ибо знаю, что, если захочешь, тебѣ это доступно. Чуднымъ же софистамъ оставишь только одну спѣсь и желаніе добиваться большихъ выгодъ.

135. Къ нему же (63).

Убѣждаетъ его къ любомудренной жизни.

У Аѳинянъ былъ древній, а по моему сужденію, и прекрасный законъ,—дѣтей, какъ скоро достигали юношескихъ лѣтъ, отдавать въ обученіе искусствамъ, дѣлать же это такимъ образомъ: открыто раскладывать орудія каждаго искусства, и подводить къ нимъ молодыхъ людей; на какое орудіе съ пріятностію кто взглянетъ и подбѣжить къ нему, того орудія искусству и обучать его; потому что всего чаще бываетъ успѣхъ въ томъ, что намъ по природѣ, а то не удается, что не по природѣ. Къ чему клонится мой разсказъ? Къ тому, чтобъ и ты воспользовался такимъ же средствомъ, и имѣя способность къ любомудрію, не оставлялъ сего въ нерадѣніи, и не привыкалъ къ чему либо другому, не свойственному для тебя, но больше занимался любомудріемъ, къ которому склоненъ, не только по собственному его превосходству, но и по сродности для тебя. И пословица учить: „не преграждать теченіе рѣки“. И поэзія требуетъ, чтобъ обучавшійся верховой ѣздѣ не пѣлъ. Въ предотвращеніе же чего? Того, чтобы не стать тебѣ плохимъ и ѣздокомъ и пѣвцомъ. Но какая у тебя способность? Какъ мнѣ представляется на взглядъ, во-первыхъ, у тебя есть свои правила жизни, нравъ тихій и нехитростный, неспособный къ этой изворотливости въ свѣтѣ; потомъ, душа даровитая и возвышенная, легко вдающаяся въ умозрѣнія; въ-третьихъ, болѣзненность и тѣлесная немощь; и это Платону кажется не маловажнымъ въ дѣлѣ любомудрія. Сверхъ того, въ такомъ уже ты возрастѣ, когда страсти начинаютъ покоряться; и бѣдностію, кажется мнѣ, не обременяешься, а болѣе хвалишься. И то уже не въ риторскомъ обычаѣ, что знаешь стыдъ, что языкъ у тебя не золтъ, что родъ у тебя не худой, и вовсе

ты человѣкъ не для народной площади. Скажу короче: въ тебѣ вѣтъ ни одного изъ тѣхъ свойствъ, какими Аристофанъ надѣляетъ Демокрита, чтобъ управлять ему народомъ на площадяхъ. Напротивъ того, называясь риторомъ, скорѣе по всему годевъ ты въ ритору, только не по правамъ. Поэтому не останавливайся въ любопытствіи на томъ, что уже приобрѣлъ, и быть вторымъ въ дѣлѣ второстепенномъ не предпочитай первенству въ важнѣйшемъ. А если въ этомъ и уступимъ тебѣ первенство; то не соглашайся имѣть превосходство между галками, когда ты въ состояніи быть орломъ. Долго ли надмеваться намъ тѣмъ, что маловажно и пресмыкается по землѣ? Долго ли играть съ дѣтьми въ куклы? и приходиться въ восторгъ отъ рукоплесканій? *Прейдемъ отсюда*; станемъ мужами, бросимъ грезы, не будемъ останавливаться на тѣняхъ, предоставимъ другимъ пріятности, или чаще, горести жизни. Пусть надъ другими издѣваются, другими играютъ и мечутъ зависть, время и случай, какъ называютъ непостоянство и неправильность всего человѣческаго. Прочь отъ насъ высокіе чины, властвованіе, богатства, блескъ, превозношеніе, паденіе—эта малостоящая и презрѣнная слава, превозносимый которою терпится больше безславія, нежели осмѣянный! Прочь отъ насъ эти дѣтскія игрища и лицедействія на этомъ великомъ позорищѣ! Мы придержимся Слова, и въ замѣнъ всего возжелаемъ имѣть Бога—единое вѣчное и собственное намъ благо, чтобъ заслужить намъ одобреніе даже здѣсь за то, что, будучи еще такъ малы, ищемъ столь великаго, или непремѣнно—тамъ. Поелику награда добродѣтели—стать богомъ, озариться чистѣйшимъ свѣтомъ, созерцаемымъ въ Троичной Единицѣ, отъ Которой имѣемъ теперь едва нѣсколько лучей; то къ сему шествуй, въ семь преуспѣвай, окрыляйся мыслию, емлись за вѣчную жизнь. Ни на чемъ не останавливай своихъ надеждъ, пока не достигнешь воздѣленной и блаженной вершины. И очень знаю, похвалишь меня теперь не много, а вскорѣ несравненно больше, когда увидишь себя въ томъ состояніи, какое обѣщаю, и найдешь что это не пустое блаженство, не вымыслы ума, но самая цѣлительность.

136. Къ Тимофею (191).

Убѣждаетъ его оставить обыкновенное упражненіе софистовъ, сражаться языкомъ.

Поговорю съ тобою нѣсколько смѣло; такъ я обыкъ, и такъ хочу. А если не дозволишь мнѣ этого, то обидишь и меня и Нико-

вула; потому что и другу сдѣлаю досаду, и отъ тебя не получу ничего большаго. Если же дозволишь, сколько надѣюсь, то выкажешь благородный образъ мыслей, и у насъ то и другое выйдетъ, какъ можно, лучше; потому что и передъ нимъ оправдаюсь, и тебя похвалю. Но если дозволишь мнѣ подать тебѣ и отеческій совѣтъ; то, по привычкѣ властвовать, не оставь въ пренебреженіи предложенія, какое дѣлаешь тебѣ человекъ, въ подобныхъ вещахъ не несвѣдущій. Положите наконецъ оружіе, и пращи, и эти страшныя копья, разумѣю ваши языки, которыми поражаете и язвите другъ друга, и притомъ оглашаемые похвалами вашихъ приверженцевъ; положите потому болѣе, что изъ всѣхъ оружій это самое подручное, положите, чтобы молодыхъ людей не привести вамъ скорѣе къ пороку, нежели къ добродѣтели, если не словами, то дѣлами; потому что какими кто дѣлами восхищается, на такія, хотя и молча, подаетъ свой совѣтъ. Если такъ поступите, то и себѣ самимъ сдѣлаете пользу, и меня будете имѣть другомъ, и не обманете надежды ввѣрившихся вамъ. А все это будетъ у меня наградою за труды о Никовулѣ. Но если увижу болѣе совершенные опыты, то воздамъ за это и совершеннѣйшею похвалою.

137. Къ нему же (189).

Совѣтуетъ ему переносить страданія свои любовоудренно.

Слышу, что ты не любовоудренно ведешь себя въ страданіи, и не хвалю сего; ибо должно писать правду, особенно къ другу и человеку, который отличается правотою. Объ этомъ же, какъ самъ себя увѣряю, разсуждаю я весьма правильно: не хвалю ни крайней безчувственности, ни сильной чувствительности къ страданіямъ; первое безчеловѣчно, послѣднее не любовоудренно. Но должно идти серединой, и показывать, что ты любовоудреннѣе очень нетерпѣливыхъ, и къ человѣческому ближе не въ мѣру любовоудрствующихъ. И если бы писалъ я къ кому нибудь другому; то, можетъ быть, потребовалось бы болѣе длинное слово; въ иномъ надлежало бы изъяснить свое состраданіе, объ иномъ дать совѣтъ, а за иное, можетъ быть, сдѣлать выговоръ; потому что соболѣзнованіе бываетъ достаточнымъ средствомъ къ утѣшенію; а больное имѣетъ нужду въ услугахъ здороваго. Но поелику веду рѣчь съ человѣкомъ образованнымъ; то достаточно будетъ сказать слѣдующее: Займись самъ собою и книгами, съ которыми ты знакомъ, въ которыхъ много списано житій, много образовъ жизни, много услажденій и умягчи-

тельныхъ средствъ; потому что Богъ все это сопрягаетъ одно съ другимъ, для того, какъ мнѣ кажется, чтобы скорбь не оставалась неуврачеванною, и веселіе—невразумленнымъ, и чтобы мы, видя въ этомъ непостоянство и отступленіе отъ порядка, обращали взоръ къ Нему одному. Поэтому предлагаю сіе твоему страданію, какъ правило и указатель. И если знаешь, что похваленъ кто нибудь изъ глубоко падшихъ подъ бременемъ печали, или пріобрѣлъ что нибудь сѣтованіемъ; то воспользуйся скорбію и насладись слезами. Никто не позавидуетъ тому, что оплакивается несчастье. А если знаешь, что такихъ порицають и осуждаютъ; то, какъ говорить пословица, уврачуетъ уязвившій, теперь же прекрасно будетъ сказать: уврачуетъ уязвленный. А намъ и по другимъ побужденіямъ, и по нашему закону, стыдно въ подобныхъ дѣлахъ подражать многимъ; потому что слово Божіе возводитъ насъ выше настоящаго, и убѣждаетъ, минуя все это, какъ тѣни и загадки, ни скорбнаго, ни радостнаго не почитать дѣйствительностію, но жить индѣ, и туда устремлять взоръ, звать, какъ одно только скорбное—грѣхъ, такъ и одно пріятное—добродѣтель, и близкое общеніе съ нею. Вотъ обаятельное врачевство, которымъ утоляй свои скорби; и тебѣ будетъ легче. Но думаю, что ты уже утолялъ, и будешь утолять, хотя бы и не написалъ я.

138. Къ нему же (190).

Продолженіе того же предмета.

Отъ письма моего, чудный, вижу нѣкоторую пользу, даже, можетъ быть, и не малую, какъ сильный цѣлитель подобныхъ недуговъ. Мой выговоръ изгналъ изъ тебя скорбь, и мѣсто этой немощи заняли стыдъ и охота сдѣлать мнѣ отпоръ весьма остроумный и мужественный. И мнѣ кажется, что ты, какъ Ахиллесовы кони у Омира, когда кончились дни плача по Патроклѣ, поднявъ голову и стряхнувъ съ себя пыль, снова вожделѣваешь равнинъ, оружія и случаевъ отличиться. Такъ письмо твое ко мнѣ и блистательно, и благородно, хотя нѣсколько и колко, если разумѣю тебя сколько нибудь. Но только мужайся и любомудренно превозмогай страданія; я соглашусь, что не важное дѣло судить о плавающихъ съ берега, и гораздо важнѣе самому быть въ борьбѣ, нежели поощрять другаго на борьбу съ бѣдствіями, развѣ кто скажетъ, что тебѣ и не было никакой необходимости ни вступать въ борьбу, ни пускаться въ море, особливо если любомудріе, хотя нѣсколько, выше того,

что было теперь съ тобою. У меня же со многими и много разъ, даже думаю, цѣлую жизнь идетъ брань, въ которой точно ли не совѣмъ не искусно и не безъ мужества и другихъ поощряю, и самъ подвизаюсь, могутъ оцѣнить это многие.

139. Къ Θεодору епископу (225).

Жалуется на Елладія, Епископа Кесарійскаго, представляетъ причины, по которымъ отказался самъ онъ отъ правленія Назіанскаго Церковію, и желалъ избранія въ Назіанзъ епископа (который уже и избранъ), и проситъ не вѣрять клеветамъ на Воспорія, Епископа Колонійскаго (383 г.).

И у насъ отыскала себѣ нѣчто зависть, которой никто не избѣгаетъ безъ труда. Вотъ и мы Каппадокіяне, такъ сказать, взбунтовались,—зло, доселѣ неслыханное и невѣроятное! *Да не похвалятся всяка плоть предъ Богомъ*; но да знаемъ, что все мы люди, и не будемъ скоры въ осужденіи другихъ. А для меня есть нѣсколько выгоды и отъ несчастія (если надобно сказать нѣкоторую странность); и подлинно, по пословицѣ, съ терній собираю розы. Я, который прежде не встрѣчался лично съ твоимъ благоговѣніемъ, и не бесѣдовалъ съ тобою чрезъ письма, но только озарялся слухомъ о тебѣ, теперь приведенъ въ необходимость сноситься письменно; и великое благодареніе Даровавшему это! Писать о семъ къ другимъ Епископамъ, не имѣя на то времени, не буду; а вмѣстѣ и болѣзнь дѣлаетъ меня лѣнливымъ. Но что пишу къ тебѣ, чрезъ тебя пишу и къ нимъ. Да престанетъ входить въ изслѣдованія о моихъ дѣлахъ господинъ мой боголюбивѣйшій Епископъ Елладій; ибо доискивается сего не духовными средствами, но околичностями, показывающими сварливость, не по строгости церковныхъ правилъ, но въ удовлетвореніе гнѣву, что обнаруживаютъ время и многое вмѣстѣ со временемъ приведенное въ дѣйствіе безъ всякаго къ тому основанія. Ибо надобно такъ сказать и не огорчить. Если бы имѣлъ я столько тѣлеснаго здоровья, чтобы могъ править Церковію въ Назіанзѣ, гдѣ первоначально провозглашенъ, а не въ Сасимахъ, какъ нѣкоторые увѣряютъ тебя не правильно; то я не столько жалокъ и несвѣдущъ въ Божественныхъ постановленіяхъ, чтобы сталъ или презирать Церковь, или гоняться за удобствами жизни, имѣя въ виду награды, какія уготованы трудящимся по Богу и употребляющимъ въ дѣло ввѣренный имъ талантъ. Ибо какая мнѣ будетъ польза въ великихъ трудахъ, и въ великихъ надеждахъ, если худо распоряжаюсь въ важнѣйшемъ? Но поелику и тѣломъ я боленъ, какъ всемъ

это извѣстно, и по причинѣ, мною сказанной, не боюсь важныхъ послѣдствій отъ сего удаленія, но вижу, что Церковь подѣ моимъ правленіемъ терпитъ вредъ въ самомъ главномъ, и по разстроенному моему здоровью приходитъ почти въ разстройство; то и прежде просилъ, и теперь прошу Боголюбивѣйшихъ Епископовъ, разумѣю отечественныхъ, дать Церкви главу (какъ при помощи Божіей и дали), достойную и моего желанія и вашихъ молитвъ. И такъ да будетъ сіе извѣстно тебѣ, достохотѣйшій мой господинъ; а то же внуши и прочимъ Епископамъ, чтобы они согласились, подали свои голоса, и не обременяли моей старости, вѣря клеветамъ. Но присовокуплю къ письму еще слѣдующее о Государѣ моемъ Епископѣ Воспоріи. Если ваше изслѣдованіе находитъ его худымъ въ вѣрѣ (что выговорить не позволительно; не говорю уже о долговременности и о моемъ свидѣтельствѣ), то судите объ этомъ сами. А если разысканіе живущихъ по близости производитъ худую о немъ славу, и новое есть обринуеніе; то не увлекайтесь клеветами, и прошу васъ не давать имъ болѣе силы, нежели истинѣ, чтобы не привести въ уныніе многихъ, рѣшившихся хорошо поступать. Будь здоровъ, благодушенъ, преуспѣвай по Богу, къ удовольствію моему и всея Церкви, какъ общее наше украшеніе!

140. Къ Θεодору, еп. Тіанскому (83).

Проситъ о продолженіи дружескихъ сношеній и прекращеніи сношеній духовныхъ, а также о помѣщеніи близъ Церкви дѣтей Никовуловыхъ.

Духовныя отношенія кончены; не буду больше беспокоить васъ. Соединяйтесь, ограждайтесь, дѣлайте совѣщанія противъ меня. Пусть побѣдятъ мои ненавистники; пусть въ точности соблюдаются правила, получившія начало съ меня, невѣжды въ этомъ; не завидую вашей точности. Но отношенія дружескія да не находятъ себѣ въ этомъ препятствія. Дѣти почтеннѣйшаго сына моего Никовула прибыли въ городъ учиться скорописанію: соблаговоли свержъ прочаго возрѣть на нихъ благосклонно и отечески (этого не запрещаютъ правила); также позаботься, чтобы они жили ближе къ Церкви. Мнѣ желательно, чтобы нравы ихъ усовершенались въ добродѣтели, когда будутъ имѣть случай непрестанно видѣть твое совершенство.

141. Къ нему же (82).

Ходатайствуетъ за рождественницу свою дѣву Амазонію.

Представляю твоему благоговѣнію кровь мою, а твою питомицу, драгоцѣнное Богу стяжаніе, досточестнѣйшую дочь нашу дѣву Амазонію; уваживъ ея вѣру, оказавъ ей помощь въ тѣлесной болѣзни, и, по этой причинѣ во всемъ простирая къ ней руку свою, и прилагая о ней попеченіе, сдѣлаешь ты дѣло благородное и достойное твоего благоговѣнія, а прибавлю, и нашей дружбы.

142. Къ нему же (84).

Объщается быть у него, но только не на Соборѣ.

Зовешь къ себѣ, и я спѣшу; но спѣшу одинъ, и на сближеніе съ тобою однимъ. А Соборомъ и собесѣдованіямъ кланяюсь издали съ тѣхъ поръ, какъ испыталъ много (скажу скромнѣе) дурнаго. Что же еще остается? Справедливому желанію помощи молитвами, чтобы сподобиться мнѣ того, о чемъ забочусь.

143. Къ нему же (85).

Просить объ Евгеніи, чтобы она не потерпѣла ущерба въ имѣніи, оставленномъ ей бабкою.

Ты хочешь, а поэтому и я желаю, чтобы оказана была справедливость твоимъ благоговѣніемъ дочери нашей Евгеніи. Но не надобно, какъ мнѣ кажется, попускать, чтобы лишилась она чегонибудь изъ оставленнаго бабкою внукѣ, которую воспитывала со всѣмъ радѣніемъ, и которую оставила съ немногимъ, вмѣсто того многого, что обѣщала, и что тогда надѣялась оставить.

144. Къ нему же (84).

Просить удовлетворенія по суду тѣмъ, кого представляетъ при письмѣ.

Что почиталъ я справедливымъ, то и написалъ. Если же иное что, а не это у тебя на мысли; я увѣренъ, что мысль твоя правильна, и готовъ принять ее. Иначе оскорбилъ бы я самое благочестіе, и поступись противъ него беззаконно. Но хотя приходящихъ ко мнѣ

представляю тебѣ, какъ правдивому судіи; однако же не согласенъ, чтобы ты разсудилъ о нихъ такъ, какъ въ обыкновеніи поступать у многихъ людей, крайне жалкихъ и невѣжественныхъ.

145. Къ нему же (87).

Посылаетъ въ даръ книгу: Добротолубіе Оригенова, общій свой трудъ съ Василиемъ Великимъ.

Праздникъ для меня — твое письмо. А еще лучше, что усердіемъ предваряешь время праздника, доставляя мнѣ предпразднество. Таковъ даръ твоего благоговѣнія; а я воздаю тебѣ важнѣйшимъ изъ всего, что у меня есть — молитвами. Но чтобы у тебя было нѣчто на память о насъ, посылаю тебѣ мою и святаго Василія книжку Оригенова Добротолубія, заключающую въ себѣ выборъ полезнаго для любослововъ. Удостой принять это и представь мнѣ доказательство пользы, спомоществуемый прилежаніемъ и духомъ.

146. Къ Григорію Нисскому (42).

Увѣдомляетъ, что Епископомъ въ Назіанзѣ избранъ Евлалій, у котораго на рукахъ желалъ бы онъ умереть, и объясняетъ, что избраніе его не противно Церковнымъ уставамъ.

Увы мнѣ, яко пришествіе мое продолжится (Пасл. 119, 5)! а главное изъ бѣдствій—у насъ война и мятежь! Не соблюли мы мира, какой наслѣдовали отъ Святыхъ Отцевъ. Поэтому, какъ знаю, что самъ ты возстановишь сей миръ силою Духа, Который править тобою и твоими дѣлами, такъ прошу, чтобы не клеветалъ на меня и государей Епископовъ, будто безъ моей воли провозглашенъ у насъ другой Епископъ. Ибо и я не въ такомъ у нихъ презрѣніи, и они не такъ ко мнѣ непріязнены. Напротивъ того, много умоляя ради своей мертвости, и вмѣстѣ страпась принять на себя бремя—управлять Церковію, остававшеюся безъ надзора, испросилъ я у нихъ эту милость, не противную правиламъ и для меня успокоительную,—дать Церкви пастыря; и вашими молитвами данъ Пастырь достойный вашего богочестія, котораго и отдаю на твои руки: это достоважаемый Евлалій, боголюбивый Епископъ, на рукахъ котораго желалъ бы я умереть. А если кто думаетъ, что при жизни Епископа не должно рукополагать другаго; то пусть знаетъ, что этимъ не одолѣетъ меня. Ибо всѣмъ извѣстно, что я по-

ставленъ былъ Епископомъ не Назіанза, но Сасимовъ; хотя не на долго, изъ уваженія къ отцу и къ просившимъ меня, и принялъ на себя правленіе Назіанзской Церковію, какъ человѣкъ посторонній.

147. Къ Нектарію (227).

Просить не вѣрить клеветамъ на Епископа Воспорія.

Когда каждый хвалить въ тебѣ что нибудь, и всѣ, какъ на торжищѣ, распространяютъ о тебѣ добрую славу, я присовокупляю нѣчто отъ себя, да и не менѣ всякаго другаго; потому что и ты удостоиваешь меня чести и какъ возлюбленный сынъ утѣшаешь старость отца. Поэтому и теперь осмѣлился я принести тебѣ просьбу свою о достоуважаемомъ Епископѣ Воспоріи. Стыдно имѣть нужду въ моемъ письмѣ такому мужу, за которымъ упрочиваютъ уваженіе и жизнь его и лѣта. Но не менѣ стыдно молчать и не сказать о немъ слова тому, кто имѣетъ голосъ, чтить вѣру и болѣе всѣхъ знаетъ этого мужа. Недоумѣніе касательно сосѣдей, конечно, и самъ ты разрѣшишь, по благодати обитающаго въ тебѣ Духа, и на основаніи правилъ Церковныхъ. Но да не потерпѣтъ твое благоговѣніе, чтобы его выставляли на позоръ въ общенародныхъ судахъ; ибо, хотя и тамъ судьи будутъ христіане, какъ и дѣйствительно по благодати Божіей, христіане, однако же что общаго между мечемъ и духомъ? Если и это допустимъ; то какъ и въ какомъ отношеніи справедливо слово о вѣрѣ смѣшивать съ другими недоумѣніями? Нынѣ у насъ сталъ неправославенъ боголюбивѣйшій Епископъ Воспорій! Нынѣ у насъ не имѣетъ вѣса и сѣдина человѣка, который столь многихъ отвлекъ отъ заблужденія, представилъ такое доказательство своего православія, у всѣхъ насъ былъ учителемъ! Нѣтъ, умоляю тебя, не давай мѣста подобнымъ клеветамъ. Но если возможно примирить раздѣленное; то присовокупи и это къ своей славѣ. А если сіе невозможно; то по крайней мѣрѣ не допусти, чтобы такимъ поруганіемъ оскорблены были всѣ мы, съ кѣмъ онъ жилъ и состарѣлся, мы, какъ тебѣ извѣстно, строгіе проповѣдники Божества и въ опасностяхъ и безъ опасностей, не дозволившіе, чтобы отнято было что нибудь у Единаго и непреступнаго Божества. Пропу тебя, помолись обо мнѣ, который весьма изнемогъ отъ болѣзни. Какъ я, такъ и всѣ мои, привѣтствуемъ находящееся при тебѣ братство. Да даруетъ намъ Богъ, чтобы ты, общая опора Церкви, былъ здоровъ, благодушенъ и доброхваленъ о Господѣ!

148. Къ нему же (226).

Просить исходатайствовать у Комита Доместика снисхождение какому-то Георгію.

Прекрасно многіе гадаютъ о твоёмъ умѣ, лучше же сказать, не гадаютъ, но вѣрятъ мнѣ, который хвалюсь симъ, вѣрятъ потому, что удостоиваешь меня не малаго уваженія и почтенія. Одинъ изъ таковыхъ и досточестнѣйшій сынъ мой Георгій, который, понеся многія потери и достаточно похлопотавъ о своихъ дѣлахъ, усматриваетъ для себя одну пристань спасенія, обратиться черезъ меня къ тебѣ, и найти какое нибудь снисхождение у досточестнѣйшаго Комита Доместика. Поэтому окажи мѣлость, если хочешь, ему и его нуждѣ, а если угодно и мнѣ, которому, сколько знаю, рѣшился ты дѣлать все удобное, какъ подтверждаешь и самими дѣлами.

149. Къ Амфилохію (164).

Благодарятъ за путешествіе къ Парнасу, и за обнаруженіе клеветы на Епископа; также просить ѣхать далѣе, засвидѣтельствовать о семь Епископамъ, и разобратъ съ ними остающіеся въ семь дѣлѣ недоумѣнія.

Исполнитъ Господь вся прошенія твоя (Псал. 19, 6); и да не презришь моленіе отца. Довольно успокоилъ ты старость нашу тѣмъ, что выѣхалъ даже до Парнасса, какъ былъ приглашаемъ, и что обличилъ клевету, взведенную на досточестнѣйшаго и боголюбивѣйшаго Епископа. Порочные люди любятъ слагать вины свои на тѣхъ, кто ихъ обличаетъ. Правда, что всякое обвиненіе опровергали лѣта и жизнь сего мужа, опровергали и я, который часто слышалъ и пересказывалъ о дѣлахъ его другимъ, а равно опровергали и тѣ, которые отведены имъ отъ заблужденій, и присоединены къ общему тѣлу Церкви: однако же нынѣшнее лукавое время, по причинѣ навѣтничковъ и людей злонравныхъ, требовало болѣе точнаго доказательства, и ты представилъ это доказательство намъ, или лучше сказать, людямъ легкомысленнымъ, которыхъ нетрудно обмануть подобными клеветами. Если же соблаговолишь, принять на себя трудъ дальнѣйшаго пути, лично засвидѣтельствовать о семь, и съ прочими Епископами разберешь то, въ чемъ недоумѣніе: то сдѣлаешь духовное дѣло, достойное твоего совершенства. Я и всѣ кто со мною, привѣтствуемъ твое братство.

150. Къ нему же (240).

Просить молитвъ его о себѣ.

Едва освободился я отъ трудовъ, какими обременяла меня болѣзнь, какъ притекао къ тебѣ, снабдителю исцѣленія. Ибо языкъ іерея, любомудрствующій о Господѣ, возставляетъ болѣзнующихъ. Поэтому соверши наилучшее священнодѣйствіе, и разрѣши великіе мои грѣхи, прикасаясь къ жертвамъ Воскресенія. Ибо у меня, бодрствую ли, или сплю, попеченіе о твоихъ дѣлахъ, и ты сталъ для меня добрымъ смычкомъ и стройною лирою, поселившись въ душѣ моей, послѣ того какъ, пиша ко мнѣ тысячи писемъ, усовершился ты въ познаніи души моей. Но, богочестивѣйшій, не облѣгчися помолиться и ходатайствовать за меня, когда словомъ привлекаешь Слово, когда безкровнымъ сѣченіемъ разсѣкаешь Владычнее тѣло и кровь, вмѣсто меча употребляя гласъ.

151. Къ Постуміану ¹⁾ (71).

Какъ человѣка спящаго при Дворѣ, просить его объ умиреніи Церкви во время предполагаемаго Собора Епископовъ.

Высокъ ты ученостію, и притомъ какою угодно, и въ какомъ кто хочетъ родѣ наукъ. Объ одномъ изъ этого знаю только по слуху, потому что не знакомъ мнѣ римскій языкъ, и не силенъ я въ италійскихъ ученіяхъ; а другое извѣдалъ на опытѣ, почему могу довести до свѣдѣнія и другихъ, если только въ правѣ скольконибудь судить о подобныхъ вещахъ, а не мало людей, которые говорятъ, что въ правѣ. До не малыхъ почестей возвысился ты, или, если надобно употребить болѣе правильное выраженіе, не малыхъ подъялъ на себя почести. Достигъ крайняго предѣла власти, получивъ это не какъ даръ счастья, что желали бы сказать многіе, но какъ награду за добродѣтель, чтобы и она сдѣлалась достоцестнѣе, и царь пріобрѣлъ похвалу такимъ сужденіемъ о тебѣ. Еще и этого мало; присовокуплю нѣчто изъ своего. Наставленный прежде въ благочестіи, потомъ принялъ ты оное. Ибо мнѣ памятливы твои слова, и слухъ мой доселѣ еще оглашается удивленіемъ. Если присовокупишь къ сему память о друзьяхъ (знаю же, что присовокупишь, и гадаю о семъ по предшествовавшему); то еще больше

¹⁾ Постуміанъ и Сатурнинъ были Консулами съ 383 году.

будемъ дивиться тебѣ. Это послѣдній предѣлъ человѣческаго благополучія, или блаженства. Что далѣе Гадеса, то не проходимо для людей, въ чемъ вѣримъ любомудрствующему Пиндару. Но поелику достигъ ты великаго, то и обязываешься къ великому. Благодѣющій Богъ сперва содѣлалъ тебя нашимъ, а потомъ поставилъ начальникомъ надъ нами; и не сообразно было бы отъ такого мужа не потребовать наибольшаго; поэтому прійми отъ меня слѣдующій совѣтъ: поелику теперь опять Соборъ Епископовъ, не знаю, для чего и какъ собираемыхъ; то ничего не почитай столько приличнымъ твоему начальствованію, какъ это одно, чтобы подъ твоимъ начальствомъ и твоими трудами умирены были Церкви, хотя бы для сего нужно было съ особенною строгостію наказать мятежныхъ. А если кажусь страннымъ, что, удалившись отъ дѣлъ, не покидаю заботъ; не дивись этому. Хотя уступилъ я престоль и высоту сана желающимъ, однако же не уступилъ съ этимъ и благочестія; но думаю, что теперь-то и покажусь для тебя достойнымъ довѣрія, даже болѣе прежняго, какъ служащій не собственному своему, но общему благу.

152. Къ Сатурнину (72).

Подобнаго съ прежнимъ содержанія.

Очень знаю, что требуешь отъ меня свойственнаго дружбѣ, иначе не смѣло было бы и писать. Ибо мірскимъ удѣлишь власть, а мнѣ, удостоенному приближаться къ Богу, какъ добрый работникъ—дерзновеніе. Поэтому и привѣтствую тебя, и по желанію твоему изложу свое дѣло. У меня, при Божіей помощи, все идетъ хорошо, кромѣ того одного, что беспокоюсь о Церквахъ, которыя въ такомъ смятеніи. И если чѣмъ можешь помочь имъ, не облѣнись, и словомъ и дѣломъ возстановить общее согласіе; потому что опять Соборъ Епископовъ, и опасно, чтобы и нынѣ еще намъ не остаться въ стыдѣ, если и этотъ Соборъ будетъ имѣть такой же почти конецъ, какъ и прежній. Ибо дѣло свое предоставилъ я извѣдать и судить всевѣдущему Богу, хотя охотно уступилъ зависти, давъ мѣсто желающимъ, и отказавшись не отъ чего либо, какъ многимъ кажется, полезнаго, а напротивъ того крайне опаснаго и какъ бы послѣ ужасной и жестокой бури, срѣтивъ спокойную и безопасную пристань.

153. Къ нему же (132).

Поручаетъ его покровительству одного ученаго—Евдоксія.

Хотя высота начальственной власти неприступна, однако же дружба челоувѣколюбива; по ней-то и я осмѣлился представить тебѣ сію просьбу. Ко всему, что сдѣлалъ для меня добраго, присовокупи и это. Ученѣйшаго сына нашего Евдоксія, челоувѣка и по жизни и по уму достойнаго твоей доблести, какъ и въ иномъ чемъ не лиши своего пріятнаго вниманія, такъ удостой покровительства, если въ чемъ окажется ему нужнымъ твоя правота. А я воздамъ за это молитвами; чѣмъ однимъ и могу вознаграждать благодѣтелей.

154. Винтору (133).

Изъ уединенія, гдѣ поправляетъ свое здоровье, проситъ стараться объ умиреніи Церкви на открывшемся Соборѣ.

Если теперь пишу, это не значитъ, что я дерзокъ; а если не писалъ скорѣе, это значитъ, что лѣнивъ. Лучше же сказать, даже не значитъ и этого; потому что не съ кѣмъ было послать мнѣ письмо, хотя (какъ самъ полагаешь) и желалъ сего. Я провожу время среди поля въ дали отъ жилыхъ мѣстъ, и тамъ поправляю тѣлесное свое здоровье. Но теперь, когда есть случай, и привѣтствую тебя, и прошу жаловать меня отсутствующаго тою же честью, какою жаловалъ, когда былъ я съ тобою, и не полѣниться утѣшать письмами меня, сильно огорченнаго разлукою. А поелику опять Соборъ и опять борьба, притомъ среди враговъ, которые внимательно наблюдаютъ за всѣмъ, касающимся до насъ; то подай руку общему собранію, будучи и самъ не послѣднимъ членомъ Церкви, и не допусти, чтобы всѣ были потреблены пожаромъ, который нынѣ распространился въ Церкви; но сколько можешь найди огнегасительныхъ снарядовъ, употреби ихъ въ дѣло: побуди къ тому же и дружишь, чтобы и твои дѣла шли успѣшно, когда общее дѣло пойдетъ лучше.

155. Къ нему же (134).

Представляетъ къ нему Иперехія.

Подлинно ты побѣдитель, чудный мой, и побѣдитель во всемъ доблестный; ибо, пока можно было, побѣждалъ враговъ оружіемъ,

а теперь побѣждаешь всѣхъ добротою. Потому и осмѣлился я представить тебѣ это привѣтствіе, а съ привѣтствіемъ и досто-
честнѣйшаго сына Иперехія, котораго, какъ знаю, почтишь за
правъ, когда извѣдаешь этого человѣка, почтишь и ради меня,
какъ положившій все дѣлать въ угодность мнѣ. Вели же пона-
дѣяться ему на тебя въ память нашей дружбы, которую, я увѣ-
ренъ, очень ты уважаешь.

156. Къ Мардарію Военачальнику (135).

Просить стараться объ умиреніи Церкви на Соборѣ Епископовъ.

Ты мнѣ и сродникъ, и свой, и все, чѣмъ только можно на-
именовать въ подобномъ значеніи; потому что насъ сопрягали
благочестіе и слава добродѣтели, какую узнали мы въ тебѣ, ясно
показавшемъ, что быть Еллиномъ и быть варваромъ—вся разность
въ тѣлѣ, а не въ душѣ, и разстояніе въ мѣстѣ, а не въ нравахъ
и произволеніяхъ. Если бы многіе изъ нашего рода стали подра-
жать твоей правотѣ; то, очень знаю, у насъ все было бы хорошо,
и общественное и частное. Прошу же тебя, какъ прекращаешь
брань съ внѣшними врагами своею десницею и своимъ благоразу-
міемъ, такъ прекрати и нашу брань; и сколько станетъ у тебя
силъ потрудишься сдѣлать чтобы, у собравшихся нынѣ Епископовъ
миромъ кончилось дѣло; потому что какъ самъ знаешь, весьма
стыдно, собираться многократно и не находить предѣла бѣд-
ствіямъ, но къ прежнимъ смятеніямъ прилагать непрестанно
новыя смятенія.

157. Къ нему же (136).

Представляетъ на милостивое его вниманіе воина Θεодора.

Давно желалъ я привѣтствовать твою досточестность; и благо-
дареніе Богу, подавшему поводъ! Разсуждая, чѣмъ вознагра-
дить вручившаго тебѣ это письмо, призналъ я всего лучшимъ
передать его въ твою власть. Отчасти и ради меня удостой его
благосклоннаго вниманія, потому что онъ вмѣстѣ мой и твой; какъ
живущій со мною мой; а какъ воинъ—твой, разумію Θεодора,
который приходитъ теперь къ тебѣ отъ меня. Пусть и онъ узнаетъ,
какою честію всегда пользовался я отъ тебя, и еще пользуюсь.

158. Къ Фотію (118).

Отвѣчаетъ на письмо, въ которомъ Фотій хвалилъ Никовула за услѣхи.

Спрашиваешь, почему не пишу? А мнѣ думается, что и самъ ты не больше переслалъ писемъ (если только болѣзнь не выводитъ меня изъ ума и не дѣлаетъ, что забываю даже и оказанное мнѣ добро), хотя ты, который владѣешь искусствомъ и говорить и писать, если не другимъ чѣмъ, то по крайней мѣрѣ, какъ умершему, обязанъ мнѣ надгробнымъ словомъ. Итакъ вотъ мое обличеніе; потому что, кто обвиняетъ дружески, тому не должно въ этомъ заходить далѣе предѣловъ дружбы. А что ты пишешь о дражайшемъ сынѣ Никовулѣ, это весьма важно, удивительно и достаточно къ тому, чтобы увлечь добродушіе отца, готовое вѣрить всему, что для него желательно. Но я тогда приму это за правду, когда молодой человѣкъ, представивъ мнѣ опыты, окажется недостойнымъ или твоихъ обѣщаній, или нашихъ надеждъ

159. Къ Елладію (234).

Просить доставить Никовулу старшему упокоеніе отъ дѣлъ.

И другимъ пріятно привѣтствовать твое благоговѣніе; но еще пріятнѣе сіе мнѣ въ настоящемъ моемъ положеніи. Поелику съ каждымъ почти днемъ теряю надежду, то сіе и дѣлаетъ меня болѣе къ тебѣ привязаннымъ, какъ получающаго послѣднее пріобрѣтеніе. Но какъ сознаю это пріобрѣтеніе; то обязанъ я вознагражденіемъ достоуважаемому сыну Никовулу, отъ котораго мое пріобрѣтеніе; и какъ поступаютъ бѣдные, когда, видя предъ собою богатыхъ, желаютъ отъ нихъ получить благодѣяніе, такъ поступаю и я, уплачивая ему долгъ чрезъ тебя. А имѣеть онъ нужду въ покоѣ отъ дѣлъ, какъ человѣкъ постоянно къ тому привыкшій; поэтому соблаговоли доставить ему случай къ таковому упокоенію.

160. Къ Олимпію (178).

Извѣщаетъ о себѣ, что, спѣша на свиданіе съ нимъ, задержанъ болѣзнію въ одной Обители, и просить о Никовулѣ.

Моя радость миновалась, какъ сонъ. Когда донесенъ я былъ до Обители, чтобы получить тамъ нѣкоторое облегченіе отъ купальни, потомъ питаю надежду свидѣться съ тобою, имѣлъ уже

это благо какъ бы въ рукахъ, и провелъ въ Обители нѣсколько дней; внезапно постигла меня болѣзнь, которая частію уже безпокоитъ меня, а частію угрожаетъ мнѣ. Если нужно найдти какое подобіе для моего недуга; то я терплю то же, что и полипы, которыхъ насильственно отрываютъ отъ камней, и которые часто бывають при этомъ въ опасности, или часть своихъ ячеекъ уступить камнямъ, или прихватить съ ними нѣчто отъ камней. Таково-то мое положеніе. Но о чемъ было мнѣ нужно просить твою правоту лично, о томъ осмѣлился просить и заочно. Нашелъ я, что сынъ Никовуль очень обезпокоенъ и заботою о продолженіи пути и постояннымъ пребываніемъ въ Обители, какъ человѣкъ немощный, не привыкшій къ этому, и скучающій одиночествомъ. Соболаволи употребить его на всякое другое дѣло, на какое тебѣ угодно; потому что онъ готовъ во всемъ служить твоей власти; но избавь, если можно, отъ этой заботы, если не по чему другому, то изъ уваженія, что ходитъ онъ за мною больнымъ. Какъ просилъ я тебя о многомъ и за многихъ, и получалъ просимое; такъ имѣю нужду въ твоемъ снисхожденіи и ко мнѣ самому.

161. Къ нему же (179).

Просить о Никовуль, который замѣшанъ въ дѣла возмущившихся рабовъ.

О чемъ говорилъ я, какъ бы пророчески, то и вышло. А именно, находя тебя готовымъ все для меня сдѣлать, и безъ сытости пользуясь твоею снисходительностію, боялся я, чтобы не истощить твоего человѣколюбія чужими дѣлами. Ибо вотъ собственное мое дѣло, если только касающееся до моихъ есть уже мое. И я не съ равною прежней смѣлостію веду рѣчь; во-первыхъ, потому что дѣло мое, а просить за себя, если и выгоднѣе, то унизительнѣе; во-вторыхъ, подозреваю въ тебѣ пресыщеніе, которое уничтожаетъ пріятность и противится всему прекрасному. Хотя это дѣйствительно такъ, и догадка моя справедлива; однако же въ упованіи на Бога, Которому предстою, и на твою щедрость дѣлать добро, осмѣливаюсь на это прошеніе. Положимъ, что хуже всѣхъ Никовуль, виновный въ томъ одномъ преступленіи, что ради меня возбуждаетъ къ себѣ зависть, и ведетъ себя свободнѣе, нежели какъ надлежало; положимъ, что препирающійся теперь съ нами самый правдивый человѣкъ; потому что стыжусь предъ твоимъ правдолюбіемъ обвинять, кого недавно самъ защищалъ: но не знаю, покажется ли тебѣ справедливымъ за грѣхи однихъ подвергать наказанію другихъ,—и за

грѣхи чужіе и не произвольные наказывать тѣхъ, которые и рабовъ къ тому не побуждали и столько вознегодовали на нихъ, что выдали ихъ обвинителю съ большею готовностію, нежели какъ самъ онъ желалъ? Должно ли же идти въ рабство Никовулу, или дѣтямъ его, какъ угодно это врагамъ его? Должно ли ему умножить собокъ число имѣющихъ дѣло въ судѣ именно теперь, когда огорчаютъ его свои домашнія дѣла? Нѣтъ, чудный мужъ, да не приходитъ этого на мысль твоему чистому уму! Напротивъ того, въ быстромъ полетѣ мысли проникнувъ въ злобу, отъ которой это выходитъ, и уваживъ меня, усерднаго на похвалы тебѣ, покажи себя человѣколюбивымъ судіею къ возмущеннымъ, произнеся нынѣ судъ не только надъ людьми, но надъ добродѣтелию и надъ порокомъ, о чемъ болѣе, нежели о частныхъ лицахъ, должны заботиться подобные тебѣ въ добродѣтели и дѣятельные начальники. Отъ меня же тебѣ будетъ за это воздано не только молитвами, которыхъ ты, какъ знаю, не презираешь, подобно многимъ, но и тѣмъ, что правленіе твое сдѣлается славнымъ, у всѣхъ, кто меня знаетъ

162. Къ Астерію (47).

О томъ же Никовулѣ, называя его опорю своей старости, просить сего чиновника Олимпіева.

Кто справедливѣе Бога? Но и Онъ, Творецъ и Владыка всего, и не стыдится, что за сіе почтутъ несправедливымъ. Поэтому что же удивительнаго, если и я, имѣя попеченіе о всѣхъ, кто у меня на рукахъ и подъ моею опекою, болѣе другихъ люблю сына Никовула, котораго почитаю своимъ попечителемъ въ старости и бо лѣзни, и употребляю вмѣсто опоры и жезла своей немощи? Отдаю его тебѣ на руки, а чрезъ тебя на руки градоначальнику, признавая для себя весьма тягостнымъ, что другіе освобождены чрезъ тебя отъ самыхъ великихъ бѣдъ, и теперь первые сдѣлались жестокими обвинителями, а этого не могу освободить отъ насилія и для себя самого не домогусь той чести, какой домогался для постороннихъ; но терплю то же, что бываетъ съ глазами, которые, видя все иное, не видятъ сами себя, или—съ источниками, находящимися въ глубинѣ, которые, не орошая мѣстъ къ нимъ близкихъ, напояваютъ мѣста отдаленныя. Положимъ, что ужасно, и даже болѣе нежели ужасно то, на что отважились рабы, такъ что ничего, можетъ быть, не откроется, или откроется не многое, если не будетъ употреблено съ ними строгости при допросѣ. Но какое

отношеніе имѣть это къ господамъ, которые ни мало не участвовали въ дѣлѣ? И какое основаніе, за чужія преступленія подвергаться наказанію, и теперь заботиться о дѣлѣ общественномъ, когда огорчаетъ свое собственное?

163. Къ нему же (48).

О томъ же.

Что это? скажешь, можетъ быть. Опять къ намъ пишетъ Григорій; еще письма, еще просьбы? Какая ненасытность, которой самъ я причиною! Нѣтъ, чудный мужъ, не говори этого. Для кого и лѣкарство, какъ не для больныхъ? Да не будемъ же и мы лишены ихъ, и тѣмъ паче, чѣмъ болѣе увѣрены, что имѣемъ у тебя силу. Я уже не прошу, но требую; потому что милость вызываетъ на милость. Низовуль подвергается насиліямъ, а это то же, что подвергаюсь я самъ; потому что онъ—мое упокоеніе. Какъ возможно молчать и не быть докучливымъ при всѣмъ даже лобомудріи? Поддай руку утѣсняемымъ, чтобы и самому того же сподобиться отъ Бога, въ чемъ, конечно, имѣешь нужду, какъ человѣкъ. Употреби съ Богомъ, и дружбу, и мудрость, и могущество свое въ пользу нашего дѣла. Въ раскаленное желѣзо не нужно много ударять кремнемъ, чтобы обнаружился скрытый въ немъ огонь; но едва ударишь, какъ уже огонь блещетъ. Такъ и ты не потребуешь, чтобы мнѣ долго тебя упрашивать, и при томъ за себя, такъ сильнаго въ убѣжденіи, и такого искренняго соучастника во власти. Скажи одну и коротко; другія милости получали черезъ меня другіе; а въ этой милости имѣю я нужду самъ для себя. Это да устыдитъ всего болѣе твою ученость!

164. Къ нему же (126).

Просить о сослужителѣ своемъ Георгіи.

Радъ я тому, что пишу къ тебѣ, радъ и тому, что упрекаешь, будто бы не пишу, если иногда это бываетъ. Твои и упреки исполнены доброты. Но знаю, что часто и о многомъ писалъ къ тебѣ, и получилъ отъ тебя все, о чемъ просилъ. И если не что другое, то самое множество облагодѣтельствованныхъ тобою свидѣтельствуешь о моихъ письмахъ. Но если ты щедрѣе, нежели какъ даже и желали бы отъ тебя, а я боязливѣе на просьбы: то пусть за тобою останется первенство въ добродѣтели; но пусть и мнѣ дано будетъ

извиненіе, что отказываюсь быть обременительнымъ; потому что слово мудраго во всемъ признаеть лучшимъ средину. Впрочемъ благодареніе Богу, что далъ тебѣ возможность дѣлать добро, поставивъ тебя у насъ общимъ благотворителемъ и соначальникомъ. Почему и теперь черезъ это письмо мое поручаю тебѣ брата сослужителя нашего Георгія, человѣка и много отличаемаго и весьма полезнаго для Церкви, признавая его достойнымъ имѣть право на довѣріе, если въ чемъ и не согласенъ съ нѣкоторыми, и не подвергаться притѣсненію на ряду съ другими.

165. Къ нему же (127).

Хвалишь его за единомысліе и дружбу съ Олимпіемъ.

Великъ изъ людей, какъ говорятъ, Иракль (Тебѣ, какъ чело-
вѣку ученому, напомнимъ нѣчто изъ твоего); но и онъ не былъ бы
такимъ, если бы не имѣлъ своимъ сподвижникомъ Іолая, особливо
въ сраженіи съ гидрою, этимъ злымъ и многоглавымъ звѣремъ,
у котораго одинъ ссѣкалъ головы, а другой прижигалъ, какъ ты
истребляешь пороки. Сыны Акторовы, какъ угодно увѣрятъ Омиру,
многихъ обгоняли на колесницахъ; потому что были близнецы и
по тѣлесному рожденію и по искусству; одинъ владѣлъ бродями,
а другой—бичемъ, и помогали другъ другу въ побѣдѣ. Кормчіи
спасаетъ многихъ пловцовъ; но не спасъ бы, если бы не помогалъ
ему хорошій рулевой, который наблюдаетъ вѣтры, указываетъ под-
водные камни и служитъ какъ бы окомя для корабля. Таково, по
моему, и твое дѣло. Градоначальника, который и самъ по себѣ зна-
менитъ, содѣйствіемъ своимъ дѣлаешь ты еще болѣе знаменитымъ.
И хвала въ васъ многое, всего болѣе дивлюсь этому. Сохраняя та-
кое усердіе къ общественнымъ выгодамъ, даете вы мѣсто и обязан-
ностямъ дружбы, не въ жестокости права выказывая свою строгость,
по примѣру многихъ не наблюдающихъ мѣры, а напротивъ того
кротостію смягчая суровость начальственной власти

166. Къ нему же (125).

Изымляеть сожалѣніе, что Астерій оставляетъ свою должность и Каппадокію.

Что потерпѣлъ я! Ты удаляешься, оставляя насъ, а я боленъ.
Зависть не дозволила и того, чтобы сказано было тебѣ мною про-
щальное слово. Какая утрата! какая обида! Я въ опасности выго-

ворить нѣчто смѣлое. Для чего было и получать благо, если ему не надлежало на всегда при насъ остаться? Все пріятное не столько увеселяетъ, когда оно при насъ, сколько огорчаетъ, удалясь отъ насъ. Я почтенъ и прославленъ былъ тобою, наслаждался твоимъ начальствомъ, насыщался твоимъ человѣколюбіемъ. Я не забылъ, и не забуду этого, скорѣе развѣ забуду самъ себя, нежели тебя. Чѣмъ же за все это будетъ воздано тебѣ мною? Чѣмъ инымъ, кромѣ того, что у насъ есть самое лучшее? Это молитвы, по которымъ да будешь сохраненъ и прославленъ, и опять возвращенъ къ намъ, если только продлится до сего срокъ моей жизни!

167. Къ Олимпію (50).

Изъявляетъ сожалѣніе, что сей правитель Каппадокіи оставляетъ свою должность.

Ты нашъ начальникъ и по оставленіи тобою начальства; потому что имѣешь въ себѣ совокупленными всѣ начальственныя доблести. А мы судимъ о вещахъ иначе, нежели какъ судить простой народъ. Ибо многіе изъ засѣдающихъ высоко, для меня стоятъ низко, и таковы тѣ, кого собственная ихъ рука дѣлаетъ униженными и рабами подчиненныхъ. Многіе же возвышены и превыспренны, хотя стоятъ и внизу, и таковы тѣ, которыхъ высоко ставятъ добродѣтель и дѣлаетъ достойными высшихъ степеней начальства. Но что мнѣ до этого? Не съ нами уже великій Олимпій, не держитъ уже у насъ кормила. Мы погублены, выданы, стали на будущее время второю Каппадокіею, тогда какъ при тебѣ были первою. Нужно ли и говорить что о другомъ? Но кто будетъ лѣзять старость твоего Григорія, кто уврачуетъ немощъ почтительностію, и содѣлаетъ меня еще болѣе почтеннымъ за то, что многимъ могъ я исходатайствовать твое человѣколюбіе? Теперь иди отъ насъ въ путь свой, съ лучшимъ путеводствомъ и сопровожденіемъ, намъ оставивъ много слезъ, а съ собою унося великое богатство—добрую славу, какую уносили не многіе изъ начальствующихъ, и то, что ты написанъ у всякаго на душѣ—на этомъ незыблемомъ столпѣ. А если опять возвратишься къ намъ на высшей и блистательнѣйшей степени начальства, о чемъ прорицаетъ намъ наша любовь, то, безъ сомнѣнія, принесемъ Богу совершеннѣйшее благодареніе.

168. Къ Григорію Архонту (44).

Сего преемника Олимпіева привѣтствуетъ со вступленіемъ въ должность, и проситъ милости его Никовулу младшему съ братьями и съ матерью, которая осталась вдовою по смерти Никовула старшаго (384 г.).

Не хвалю Исіода, что занимающихся однимъ ремесломъ называетъ противниками по ремеслу, говоря: „и горшечникъ косо смотритъ на горшечника, и плотникъ на плотника“¹⁾. Ибо, по моему мнѣнію, не столько ненавидятъ они другъ друга, сколько бѣгутъ другъ къ другу, взаимно лобзуются и обнимаются, какъ родные. А пѣвецъ къ пѣвцу тѣмъ паче бѣжитъ, что ихъ занимаетъ одинъ предметъ—слово. Такое же влеченіе и я чувствую къ твоей учености. Если бы тѣло мое было въ такомъ состояніи, что могло бы служить душевнымъ стремленіемъ; то никто не предупредилъ бы меня въ томъ, чтобъ прійти, обнять тебя и привѣтствовать со вступленіемъ въ должность. Но на солнце набрасываетъ тѣнь облако, а на меня—болѣзнь, и эта завистливая плоть и моя темница. Въмѣсто посѣщенія моего, не пріймешь ли отъ меня этого письма? Конечно, пріймешь, какъ человекъ образованный и снисходительный; вѣрно знаю это, а не по догадкамъ сужу. А чтобы знать тебѣ, сколько полагаюсь на твою правоту; вотъ предлагаю тебѣ и просьбу для меня весьма нужную, и у твоей дружбы прошу помощи друзьямъ. Съ рукъ на руки передаю тебѣ моего Никовула съ братьями, не съ тѣмъ, чтобъ подвергся онъ суду, но чтобы получилъ удовлетвореніе на судѣ. Передаю и мать ихъ, престарѣлую вдову, и домъ нѣкогда славный и видный, пока былъ живъ много значившій для насъ Никовулъ, а теперь неимѣющій свободы и плакать, по причинѣ бѣдствій уже постигшихъ и ожидаемыхъ, если не будетъ благоутодно тебѣ и твоему правосудію стать вопреки лукавому демону, почтить меня, уважить человѣчество, и положить для себя самого блистательное начало оказаннымъ намъ благодѣяніемъ.

169. Къ Екиволю (45).

О томъ же проситъ сего Григоріева чиновника.

Сѣтующему извинительно говорить, что свойственно сѣтующимъ; и я возопію самъ на себя: „О лукавая и злонаправная плоть, что ты со мною дѣлаешь, сколько причиняешь мнѣ бѣдъ! Близко

1) Ἦσ ὀδὲ ἀρχὰ καὶ ἡμῆρα, стран. 15.

человѣкъ, за которымъ, если бы и далеко онъ былъ, необходимо было бы слѣдовать, ради начальственной его доблести и во всемъ прочемъ кротости. А ты больна, почти недвижима, и не берешь во вниманіе, что другіе пользуются благомъ, котораго я лишаясь“. Такова моя жалоба. Но поелику недостаточно оплакать мнѣ только свои страданія, а нужно и какое нибудь врачевство ранамъ; то изобрѣтаю и это, осмѣливаюсь на сіе письмо, и—имъ замѣняю нѣсколько свиданіе съ тобою. А если ты, обильно источающій добро, ищешь случая и мнѣ сдѣлать благодареніе; то смѣло представляю тебѣ достойный жалости и человѣколюбія домъ, вдову и сиротъ еще съ неостывшими на глазахъ слезами, разумью сестру мою ¹⁾ и дѣтей ея; у нихъ былъ добрый отецъ, который много служилъ царямъ съ оружіемъ въ рукахъ, и притомъ не безславно, но съ великою честью, а много также оказывалъ услугъ и вамъ начальствующимъ, если знаешь имя Никовула. Но теперь они въ опасности подвергнуться самымъ затруднительнымъ обстоятельствамъ. Ибо послѣ объявленія друзей и послѣ клятвъ, какія дали они при допросѣ, теперь опять намѣреваются вредить сиротамъ.

170. Къ Нектарію (52).

Просить о скорѣйшемъ окончаніи дѣла его племянницы.

Что бы сдѣлалъ ты, если бы самъ я лично имѣлъ дѣло? Какъ очевидно, приложилъ бы все свое стараніе, избавить меня отъ обиды, если заключать о семъ по предшествовавшему. Ту же милость окажи мнѣ и теперь въ лицѣ благонравнѣйшей моей племянницы, которая, при посредствѣ моемъ, сама припадаетъ къ тебѣ; уважь возрастъ простительницы, уважь ея нравы и благоговѣніе, чѣмъ не похожа она на многихъ женщинъ; сверхъ сего уважь ея женскую неопытность въ дѣлахъ и то, что имѣетъ теперь дѣло съ своими, а болѣе всего уважь мое прошеніе. Самая большая для нее милость—скорость благодаренія, о которомъ прошу. Ибо и неправедный, въ Евангеліи упоминаемый, судія оказалъ вдовѣ человѣколюбіе, но оказалъ послѣ долговременной и неотступной просьбы. А васъ просить она о скорости, чтобы не томиться ей долго заботами и невыгодами жизни на чужой сторонѣ, хотя всего болѣе и ясно знаю, что твое богочестіе и чужую сторону сдѣлаетъ для нея своею.

¹⁾ Алимпіана, супруга Никовула старшаго, какъ видно изъ предыдущихъ писемъ, была племянница св. Григорію.

171. Къ Прокопію (57).

Извиняется, то чему не былъ на бракъ Олимпиады, дочери Прокопіевой.

Знаю твои обвиненія, хотя и молчишь. Вѣрно говоришь: „вотъ мы праздновали бракъ (бракъ золотой и твоей Олимпиады), у насъ было много Епископовъ; а ты, доблій мужъ, не былъ у насъ, или не удостоивая насъ своего присутствія, или потому, что шолѣнился“. Ни то, ни другое, чудный мой. Но думало, что, у кого дѣла въ печальномъ положеніи, тому не возможно праздновать весело; и при томъ совершенно не кстати на свадебномъ пиру носить двоихъ больныхъ ногами и видѣть ихъ смѣющимися сради скачущихъ, чтобъ и пошутить у тебя нѣсколько по брачному. А желаніемъ своимъ я у тебя, и праздную съ тобой; руки молодыхъ твоихъ слагаю одну съ другою, и обѣ влагаю въ десницу Божію, чтобъ и супружество это вело ко всему наилучшему, и соотвѣтствовало общимъ нашимъ желаніямъ.

172. Къ нему же (58).

Поздравляетъ его съ замужествомъ другой его дочери.

Вотъ у тебя и другой зять; и прекрасно дѣлаешь, что слагаешь съ себя это пріятное бремя. А я лѣнивъ (скажешь, можетъ быть, о мнѣ самъ въ себѣ); справедливѣе же будетъ сказать: я боленъ, а не лѣнивъ. По крайней мѣрѣ у насъ въ добромъ состояніи то, что отъ Бога ¹⁾. Потому мятежи уступимъ другимъ, а сами будемъ наслаждаться любомудріемъ, когда заключишься ты въ Богъ и совершенно преселишься горѣ, не удерживаемый никакими узами. А теперь, если въ даръ браку должно принести что всего лучше, приношу свои молитвы.

173. Къ нему же (158).

По причинѣ тяжелой болѣзни не имѣя возможности видѣться съ нимъ лично, проситъ чрезъ письмо оказать великодушіе діакону Евгенію.

Если бы не такъ худо было тѣлесное мое здоровье, и не былъ я въ опасности отчаяваться въ самой жизни; то первую и важнѣйшею для себя выгодою почелъ бы я видѣться съ тобою, быть у тебя,

¹⁾ Т. е. душа, которая есть, дыханіе Божіе.

самому лично представить эту просьбу. Но поелику не поднимаю головы, совершенно связанный болѣзнію, и противъ воли лишень возможности исполнить свое желаніе; то принимаюсь за второе средство, и обращаюсь къ тебѣ съ письмомъ; имъ привѣтствую и лобызая тебя, имъ осмѣливаюсь просить о діаконѣ нашемъ Евгениі, за котораго взываю къ твоему великодушію. Если знакомство съ негоднымъ Ригіаномъ еще не преступленіе, а въ другомъ ни въ чемъ, кажется, онъ невиновенъ; то ради самого правосудія, котораго ты опора и защитникъ, а если и это считаешь преступленіемъ, то ради Бога, Которому онъ предстоитъ, и ради моей сѣдины, которая, какъ извѣстно тебѣ, уважаема многими боящимися Господа, умоляю тебя, окажи эту милость и мнѣ и всему клиру, и освободивъ сего человѣка отъ напасти, содѣлай, чтобъ имѣть тебѣ добрую надежду у Бога. Въ замѣнъ же сдѣланнаго тобою получишь не меньшее что нибудь (если не много будетъ такъ сказать)—мои молитвы.

174. Къ Филагрію (41).

Какъ человѣку, испытанному въ терпѣніи тѣлесными болѣзнями, отдаетъ на судъ собственное свое терпѣніе.

Каково твое тѣлесное здоровье? Или, конечно, для тебя не велика важность, каково бы оно ни было? О душѣ же спрашивать не буду, здорова ли она? Ибо знаю, что здравіе ея прекрасно; потому что тѣлесными болѣзнями приученъ ты къ благородному лобомудрію, принимая ихъ, какъ испытаніе добродѣтели, а не какъ вещественное разстройство; почему для тебя болѣе блаженства—злострадать, нежели для иныхъ—наслаждаться здоровьемъ. Дай же и это достаточное доказательство своего лобомудрія, прикажи и мнѣ быть такимъ же въ такихъ же обстоятельствахъ. О семъ хотя осмѣливаюсь писать другимъ, однако же подвергнуть себя въ томъ твоему суду признаю не безопаснымъ; впрочемъ попытаюсь не противорѣчить, если ты прикажешь.

175. Къ нему же (64).

Хвалятъ его за терпѣніе, и представляетъ примѣры терпѣнія у язычниковъ.

Хорошо, что лобомудрствуешь въ страданіяхъ, и для многихъ служишь примѣромъ терпѣнія въ скорбяхъ. Какъ для всего наилучшаго пользовался ты тѣлесными орудіями, когда былъ здо-

ровъ, такъ и теперь прекрасно ими пользуешься, хотя сталь боленъ, и скажу такъ: въ самомъ бездѣйствіи не остаешься бездѣйственнымъ; потому что любомудрствуешь, и что, какъ сказываютъ, наименовали такимъ именемъ Діогенъ, страдая однажды горячкою и терпѣливо перенося болѣзнь, то и самъ ты даешь намъ видѣть, т. е. борьбу души съ тѣломъ. Такъ и прилично было моему Филагрию,—не ослабѣвать и не изнемогать въ страданіи, но презрѣть персть; и предоставить тѣлу терпѣть, что свойственно ему, непремѣнно, по закону естества, или теперь, или впослѣдствіи, имѣющему разрушиться, потому что оно умереть изнуренное или болѣзнію, или временемъ; а самому возвышаться душою, возноситься мыслями къ Богу, и знать, что было бы несообразно любомудрствовать намъ внѣ опасностей, оказываться же нелюбомудрыми въ нуждахъ, и измѣнять своему обѣщанію. Все исчерпалъ ты умомъ своимъ, все наше, и все чужое, какъ человѣкъ изучившій то и другое, и какъ наставникъ другихъ, и изъ всего собралъ себѣ врачество для человѣчества. Но если прикажешь и мнѣ полубомудрствовать съ тобою нѣсколько; то не хвалю ограниченности понятія у Аристотеля, который, опредѣляя наше блаженство, прямымъ пока идетъ путемъ, когда утверждаетъ, что оно есть согласное съ добродѣтелию дѣйствованіе души, и даже, когда прибавляетъ: дѣйствованіе въ совершенной жизни (и въ этомъ поступаетъ весьма премудро, по причинѣ превратности и измѣнчивости нашего естества); но уже перестаетъ быть возвышеннымъ, и дѣлается крайне низкимъ, когда присовокупляетъ, что блаженство есть и внѣшнее изобиліе. Почему, если кто бѣденъ, или боленъ, или безроденъ, или изгнанъ изъ отечества, тому воспрещено уже блаженство. Хвалю же благородство и высоту мыслей у Стоиковъ, которые говорятъ, что внѣшнее ни мало не препятствуетъ блаженству, и что человѣкъ доблестный блаженъ, хотя бы жгли его въ Фаларидовомъ быкѣ. А посему, какъ дивлюсь тѣмъ, которые у насъ шли на опасности за дѣло прекрасное, или мужественно переносили бѣдствія; такъ дивлюсь и тѣмъ изъ внѣшнихъ, которые близко подходили къ нашимъ, каковы, не говоря о многихъ Анаксархъ, Епиктетъ, Сократъ. Анаксархъ, когда по повелѣнію мучителя толкли у него руки въ ступѣ, приказывалъ исполнителямъ этого выколачивать Анаксарховъ мѣшокъ, называя такимъ именемъ жалкую нашу плоть, какъ будто удары не касались самого Анаксарха, т. е. души философа (и у насъ это различается наименованіями внѣшняго и внутренняго человѣка)

Епиктетъ, когда у него вытягивали и вывертывали ногу, любу мудрствоваль, какъ будто въ чужомъ тѣлѣ, и скорѣе переломили ему ногу, нежели замѣтили, что онъ почувствовалъ насиліе. А Сократъ, осужденный на смерть Аѳинянами, и живя, какъ извѣстно, въ темницѣ, сперва бесѣдовалъ съ учениками о тѣлѣ, какъ о другой темницѣ, и когда могъ бѣжать, отказался отъ сего; а потомъ, когда поднесена ему была цикута, принялъ ядъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ не смертный напитокъ, но заздравную вкушая чашу. Присовокупилъ бы я къ нимъ и нашего Іова, если бы не зналъ, что самъ ты, при Божіей помощи, и теперь не далеку отъ его страданій, и впредь не будешь далекимъ. Этимъ-то, какъ думаю, успокоивая и врачуя себя, о божественная и священная глава, и самъ ты для себя облегчаешь страданія, и насъ веселишь исполненныхъ къ тебѣ удивленія и любви, не ослабѣвая въ болѣзни, и не соблажняясь, какъ говорятъ божественный Давидъ, *миромъ грѣшниковъ* (Пс. 72, 3) и счастливымъ теченіемъ настоящей ихъ жизни, но очищаясь страданіями, если позволено сказать это о тебѣ, и немощь обращая въ средство къ добродѣтели.

176. Къ нему же (66).

Припоминаетъ свиданіе свое съ нимъ въ Матазѣ и бесѣду при чтеніи 72-го Псалма.

Помню наше съ тобою свиданіе, когда въ послѣдній разъ были мы вмѣстѣ въ моей Матазѣ, — ибо своимъ называю и почитаю твое, — помню и любу мудріе твое, которому ты предался тогда, о которомъ воспоминаю даже и теперь прихожу въ трепеть. Я (такъ самъ ты приказалъ, и противорѣчить тебѣ было невозможно) объяснялъ тебѣ семьдесятъ второй Псаломъ, въ которомъ Давидъ приходитъ въ недоумѣніе и негодованіе, видя благоденствіе людей злыхъ, и потомъ обращая мысль свою къ тамошнимъ судилищамъ и къ ожидающему воздаянію за дѣла здѣшней жизни, такимъ образомъ останавливается въ своемъ смущеніи и уврачевываетъ скорбь. Сколько возможно было, наклонялъ я толкованіе свое къ твоему страданію, заимствуя мысли и изъ нашихъ и изъ вѣдшихъ писаній, потому что бесѣдовалъ съ человѣкомъ ученымъ и опытнымъ; притомъ такія разсужденія внушалъ Духъ, и поощряла къ нимъ скорбь, которая всего избрѣтательнѣе. Рѣчь у насъ текла; вдругъ ты среди разговора, какъ будто бы получивъ ударъ, встаешь, поднимаешь къ небу руки, и обративъ взоръ къ востоку, потому что туда открытъ былъ видъ, зываешь: „благодарю Тебя, Отецъ и

Создатель Твоихъ человѣковъ, что противъ воли нашей благотворишь намъ, чрезъ внѣшняго человѣка очищаешь внутренняго, и посредствомъ несчастій приводишь насъ къ блаженному концу Тебѣ одному извѣстными средствами!“ И повторять ли мнѣ всѣ тѣ любомудренныя разсужденія, на какія ты навелъ меня, и какія дѣлалъ самъ, какъ бы радуясь своей болѣзни? Тогда учитель становился твоимъ ученикомъ. Но къ чему упомянулъ я о семь? Одно всею волюю и проповѣдую чрезъ тебя, а именно: Намъ болѣе должно оплакивать людей порочныхъ за ихъ внутреннюю болѣзнь, нежели имъ насъ, когда боленъ нашъ внѣшній человѣкъ; и болѣзнь любомудренная лучше не обузданнаго благоденствія.

177. Къ нему же (67).

Просишь не обращать вниманія на тѣхъ, которые укоряютъ его, что, при разстройствѣ тѣлеснаго здоровья, остается трудолюбивымъ.

Укоряютъ тебя иные, какъ догадываюсь, что любишь украшать единственное свое достоянiе, и при такомъ тѣлесномъ состоянiи не покидаешь трудовъ. Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго; потому что легче любомудрствовать о чужихъ дѣлахъ, нежели о собственныхъ своихъ. А я, если бы увидѣлъ, что преступаешь въ этомъ мѣру, предаваясь трудолюбію или изъ корысти, или насильственно, то, сказать правду, побранилъ бы тебя, не устыдясь ни дружбы, ни учености. Если же любишь труды, но не сверхъ мѣры, и надъ чѣмъ трудишься, тѣмъ пользуешься, какъ должно, а присоединяется къ этому и болѣзнь, которая не даетъ тебѣ покоя и среди заботъ, и увѣряетъ, что и тѣлесное для тебя выше тѣла: то не могу не побранить тѣхъ, которые тебя бранятъ, а тебя не освободить отъ обвиненія. И сверхъ того самъ себя увѣряю, что, какъ о дѣлахъ твоихъ никто не разсудитъ лучше тебя,—потому что всякой и въ своихъ дѣлахъ, и наединѣ и всенародно, тебя же беретъ себѣ въ учителя и совѣтники,—такъ никто съ большимъ любомудріемъ не позаботится о душѣ. Если же охранять и возстановлять тѣлесное здоровье есть дѣло одного врачебнаго искусства; кто будетъ такъ дерзокъ и невѣжественъ, чтобы въ этомъ сталъ тебѣ предписывать правила? По этому не обращай вниманія на людей, и предоставь имъ быть галками, которыя даютъ судъ о полетѣ орловъ, а самъ себя самого и Бога имѣй совѣтникомъ о болѣзни и о томъ, что касается до болѣзни; и не прогнѣшишь противъ долга.

178. Къ нему же (68).

Извѣщаетъ о крайнемъ разстройствѣ своего здоровья

Прежде я писалъ тебѣ утѣшительныя въ болѣзни письма, потому что ты первый впалъ въ болѣзнь; а теперь, кажется, тебѣ уже надобно утѣшать меня, который почти равно съ тобою страдаю; потому что мы, будучи друзьями, и въ этомъ не должны расходиться. Но лучше сказать, ты уже подалъ утѣшеніе, своимъ терпѣніемъ и меня увѣщевая къ терпѣнію.

179. Къ нему же (69).

О томъ, чѣмъ утѣшается, страдалъ въ болѣзняхъ.

Страдаю отъ болѣзни, и радуюсь, не тому, что страдаю, но тому, что могу быть учителемъ въ терпѣніи для другихъ. Ибо когда не могу сдѣлать, чтобы не страдать, пріобрѣтаю страданіемъ то, что переношу его, и благодарю какъ въ радостяхъ, такъ и въ скорбяхъ, будучи увѣренъ, что все, случающееся съ нами, у Слова не безъ разумной причины, хотя намъ и кажется, что нѣтъ такой причины.

180. Къ нему же (70).

Укрѣпляетъ своими совѣтами въ подвигѣ терпѣнія, изъ двухъ просимыхъ книгъ посылая одну—Димосеена, отъказываетъ въ другой Иліадѣ. потому что не нашлъ у себя.

Что прискорбно для тебя, то, конечно, прискорбно и для меня, потому что, какъ и уставъ дружбы требуетъ, дѣлаемъ общимъ все, что ни есть у друзей, хорошо ли оно или худо. Впрочемъ, если полюбомудрствовать объ этомъ нѣсколько и побесѣдовать съ тобою, какъ должно, что, конечно, внушаетъ и самый законъ дружбы, то не желаю и не признаю хорошимъ, чтобы ты будучи Филагриемъ и отлично изучивъ божественное, потерпѣлъ въ этомъ то же, что и многіе терпятъ, то есть, изнемогъ вмѣстѣ съ тѣломъ, и сталъ оплакивать свое злостраданіе, какъ безутѣшное. Напрогивъ того желаю, чтобы ты и въ самомъ страданіи полюбомудрствовалъ, теперь то особенно очистилъ свою мысль, показалъ, что ты выше узъ, и считаешь болѣзнь насъвленіемъ въ полезномъ, а это значитъ, что презираешь тѣло и все тѣлесное, все, что скоротечно, непостоянно,

и скорогиблюще, всецѣло предаешься горнему, вмѣсто настоящаго живешь будущимъ, обращая здѣшнюю жизнь, какъ говоритъ Платонъ, въ помышленіе о смерти, и по мѣрѣ силъ отрѣшая душу отъ тѣла, или, говоря по Платонову, отъ гроба. Если такъ любомудрствуешь, и такое имѣешь расположеніе духа, превосходный мой; то и самъ себѣ окажешь весьма великую пользу, и у насъ отнимешь причину скорбѣть о тебѣ, и многихъ научишь любомудрствовать въ страданіяхъ, а сверхъ того не малую получишь выгоду (если объ этомъ заботишься сколько нибудь), заставивъ всѣхъ удиляться тебѣ. Изъ книгъ, которыхъ просилъ ты, одну нашелъ я, и охотно послалъ къ тебѣ; именно же сочиненія Димосееновы, а другой, тобою требуемой, т. е. Илиады, не могъ послать, не имѣя у себя. Ибо будь увѣренъ, что тѣмъ только и могу услаждаться, и то одно почитаю для себя прекрасною собственностію, въ чемъ и ты можешь участвовать, и пользоваться этимъ, какъ своею собственностію.

181. Лолліану (195).

Привѣтствуетъ его съ возвращеніемъ, и проситъ дружественнаго расположенія къ Евладію и Евладію, племянникамъ св. Григорія.

Хорошо, что возвращаешься къ намъ, хотя и чрезъ долгое время; впрочемъ и того еще лучше, что дѣла твои текутъ по желанію, и ты избавилъ меня отъ заботъ о тебѣ; потому что у насъ съ тобою все общее,—и печали и радости: таково свойство дружбы. А поелику возвратился ты, то и друзьямъ своимъ удѣли своего счастья, какъ говоритъ нѣкто; удѣлишь же, если какъ во всемъ прочемъ на государей, двоюродныхъ моихъ братьевъ, Евладія и Евладія, соблаговолишь воззрѣть дружелюбно (дружелюбнымъ же воззрѣніемъ называю, если не считаешь насъ для себя сторонними по-тому что больше этого и сказать ничего не умѣю), такъ не потерпишь, чтобы они имѣли нужду въ другихъ покровителяхъ, но самъ будешь для нихъ всѣмъ, и добрымъ другомъ, и честнымъ со-сѣдомъ, и мужественнымъ заступникомъ, и не перечисляя всего порознь, благороднымъ Лолліаномъ, извѣстнымъ по своей правотѣ. Общаю же, что, если долѣе побесѣдуешь съ ними и увидишь высоту ихъ любомудрїа, то самъ станешь ходатайствовать за нихъ передъ другими. Столько полагаюсь на твой нравъ, и такъ много имѣю надеждъ въ томъ, что не останется безъ исполненія, о чемъ я просилъ!

182. Къ Григорію Нисскому (95).

Сободѣнуетъ о смерти Θεοσεвіи, которую называетъ сестрою Нисскаго и сожительницею іерея; о себѣ же увѣдомляетъ, что ѣхалъ для свиданія съ нѣмъ, но въ Евфиміадѣ задержанъ празднествомъ въ честь мучениковъ (385 г.).

Со всѣмъ тщаніемъ послѣдовавшему къ вамъ и достигшему уже Евфиміады задержало меня собраніе, которое совершаете въ это время въ честь святыхъ мучениковъ; потому что, какъ участвовать въ немъ не могъ я по болѣзни, такъ не хотѣлъ быть и вамъ въ тягость благовременнымъ прибытіемъ. Спѣшилъ же къ тебѣ, чтобы повидаться съ тобою послѣ такого долгаго времени, и чтобы вмѣстѣ подивиться твоему терпѣнію и любомудрію, какое, слышу, по преставленіи святой и блаженной сестры вышей соблюдаешь ты, какъ мужъ благій, совершенный, предстоящій Богу, болѣе всѣхъ вѣдущій и Божественное и человѣческое, и признающій весьма легкимъ то самое, что для другихъ въ подобныхъ случаяхъ всего тяжелѣе, т. е. жить вмѣстѣ съ такою сестрою и препроводить ее отъ себя, вмѣстить въ безопасныя обители, скажу словами божественнаго Писанія, *якоже стоишь гумна во время свезенный* (Іов. 5, 26), когда она, хотя вкусила пріятностей жизни, однако же по по самому возрасту избѣжала скорбей, и прежде нежели оплакала тебя, почтена отъ тебя прекраснымъ погребеніемъ, какое и должно быть подобнымъ женамъ. Но и самъ я, повѣрь мнѣ въ этомъ, желаю преставленія, если не въ одной мѣрѣ съ вами (этого сказать о себѣ много), то не много меньше васъ. Но что же намъ дѣлать противъ Божія закона, издревле превозмогающаго, который похитилъ мою Θεοσεвію, — ибо жившую по Богу называю своею, потому что духовное родство выше тѣлеснаго, — Θεοσεвію, похваленіе Церкви, украшеніе Христово, потребность нашего вѣка, дерзновеніе женъ, — Θεοσεвію, и при таковой красотѣ братьевъ отличающуюся благообразіемъ и лѣпотою, — Θεοσεвію, дѣйствительно священную, сожительницу іерея, ему равночестную и достойную великихъ таинствъ, — Θεοσεвію, о которой память и будущее время найдеть сохранившуюся на безсмертныхъ столпахъ, т. е. въ душахъ всѣхъ тѣхъ, кто донынѣ ее зналъ, и кто узнаетъ въ послѣдствіи? И не дивись, если многократно повторяю ея имя; потому что наслаждаюсь воспоминаніемъ о блаженной. И таково мое ей надгробное, а тебѣ утѣшительное, слово, которое въ не многомъ заключаетъ много! Утѣшительное тебѣ, хотя самъ, по своему любомудрію, можешь и другимъ подавать совѣты въ подобныхъ случаяхъ. А сви-

данія съ тобою, котораго, желалъ, теперь лишаясь, по сказанной выше причинѣ. Но соединимъ свои молитвы, пока еще остаемся на землѣ, и да сопряжетъ насъ общій конецъ, къ которому приближаемся. Потому и необходимо намъ все переносить, какъ не долго уже имѣющимъ и веселиться и скорбѣть.

183. Къ Кастору (94).

Жалуется на бошзнь свою, и просить скорѣе возвратитъ къ нему общую ихъ сестру.

Чужая страна, какъ видно, для меня добрѣе, нежели отечество. Ибо одна дала мнѣ насладиться твоею дружбою, а другое не надѣлило ничѣмъ подобнымъ. А причиной этому болѣзнь, которая держитъ меня на привязи, и для многаго дѣлаетъ неудободвижнымъ, или, говоря правду, совсѣмъ неподвижнымъ. Почему потерю сію, хотя со скорбію, однако же перенесу. Да и чего горестнаго не переноситъ человѣкъ? Ты только будь здоровъ и благоуспѣшенъ въ дѣлахъ своихъ; и въ Божіей рукѣ да соблюдется все твое; а оно соблюдется, если искренно емлешься за Бога. Но госпожу общую нашу сестру соблаговоли, какъ можно, скорѣе отослать ко мнѣ, какъ общую опору и благочестивыхъ и моей немощи. Иначе много буду жаловаться на твою Секердотиду, отъ которой терплю эту потерю, и назову ее собственнымъ ея именемъ; а какимъ, узнаешь, спросивъ у самой.

184. Къ Немесію (183).

Проситъ сего правителя Калпадікѣ избавить отъ пени одного своего родственника Валентиніана (386 г.).

Иные хвалятъ Пифагора самосскаго, что, когда должно ему было совершить жертву, привесъ онъ въ жертву глинянаго быка, потому что не одобрялъ другихъ жертвоприношеній, и говорилъ, что не надобно мертвыми очищать мертваго,—такъ называя тѣло. Ему и ты, чудный, прекрасно подражаешь. Поелику же у тебя запрещено налагать пени, и одинъ ты, или весьма съ немногими изъ начальниковъ, вселилъ въ подчиненныхъ безубыточный страхъ: то не введи въ убытокъ также твоего и моего Валентиніана; потому что прошу за родственника; но на словахъ погрозивъ взысканіемъ, не допусти до дѣйствительнаго убытка; потому что и наказанію подвергается, если должно осмѣлиться это сказать, не за собствен

ную свою безопасность. Поэтому, если убѣждаю тебя, какъ судью, то это лучше всего. А если нѣтъ, то прибѣгну къ тебѣ, какъ къ другу. И то же скажу твоей учености, что, говорятъ, писалъ нѣкто къ своему другу: „Такого-то, если ничего не сдѣлалъ онъ худаго, прости ради самой правды, а если сдѣлалъ, прости ради нашей дружбы“. Но во всякомъ случаѣ прости, сверхъ прочаго разсудивъ и то, что къ общественному достоянію не много прибавитъ взыска- ніе двухъ коней; а у насъ эта милость напишется на сердцахъ. При- совокуплю и то: помоги въ несчастіи человѣку, сильно сокрушен- ному этимъ происшествіемъ.

185. Къ нему же (184).

Изъявляетъ желаніе имѣть съ нимъ свиданіе, чтобы продолжить прежнюю бесѣду о христіанствѣ.

Хотя ты сдѣлалъ, что и самое правленіе твое у насъ есть лю- бомудріе, а знаю, что и впредь такъ будешь дѣлать, если Богъ пе- чется о насъ сколько-нибудь; однако же всего лучше было свидѣться съ тобою мнѣ теперь, когда свободенъ ты отъ дѣлъ общественныхъ, и когда въ тишинѣ можно насладиться твоимъ умомъ, котораго имѣю не многіе слѣды, какъ молніи не удержимой взоромъ, а боль- шей части еще не извѣдалъ. Но сколько пожелать этого важно, столько получить сіе не легко при такомъ состояніи тѣла, каково у меня. А потому, если и этого сподоблюсь, буду имѣть у себя все; потому что ты остаешься у меня въ долгу однимъ свиданіемъ, по обѣщанію продолжить бесѣду о нашемъ ученіи, которую оставилъ когда-то неконченною. А если не удастся мнѣ сіе, то самъ я про- тивъ воли понесу потерю. Впрочемъ знай, что всегда ты съ нами, гдѣ бы ни былъ; и желаемъ, чтобы путеводили тебя наши молитвы! Знай также, что пока дышимъ, всегда будешь съ нами; потому что самъ ты начерталъ себя въ насъ, которые не малоцѣннѣе какого нибудь столпа; и еще глубже начертаешь, когда станешь Божиимъ и явно напомнимъ, или, если пріятнѣе для тебя сказать это, когда мы станемъ твоими.

186. Къ нему же (185).

Изъявляетъ сожалѣніе, что не видѣлся съ нимъ во время его пріѣзда.

Что значить? Ты проходишь мимо, а я не зналъ, и также не могъ уловить тебя, какъ неуловимо эхо для глѣхъ, которые дума- ютъ, что оно къ нимъ близко, и обманываются отголосками. Иначе

въ этомъ одномъ поступилъ бы я съ тобою властительски. Но по крайней мѣрѣ, чудный мой, пришли мнѣ письмо; хотя это буду имѣть вмѣсто тебя, то есть, какъ говорится, вмѣсто тѣла—тѣнь.

187. Къ нему же (79).

ходатайствуетъ за какаго-то Θεодосія.

Если кажусь для тебя неучтивымъ, потому что часто пишу; то не подивись, если возопію на тебя праведному Судіи; и знаю, что простишь мнѣ вину. Самъ ты виновенъ въ моей смѣлости, усерднымъ исполненіемъ моихъ просьбъ вызывая на новыя просьбы. И сіе нимало неудивительно. Ибо много во мнѣ такого, для чего охотно дѣлаешь милость,—моя старость, болѣзнь, общее занятіе науками (если въ наукахъ и я что нибудь значу), даже то самое, что желаніе мое свидѣться съ тобою встрѣчаетъ препятствіе въ болѣзни, и не успѣваетъ въ такомъ важномъ дѣлѣ. Но какая моя просьба? Если бы она была несправедлива, то постыдился бы я такого мужа а если справедлива, охотно склонись на нее. Опять приходитъ къ тебѣ почтеннѣйшій сынъ нашъ Θεодосій, вмѣстѣ мой и твой, мой по намѣренію, а твой какъ проситель,—приходитъ къ тебѣ съ прошеніемъ о дѣлѣ достойномъ состалѣнія. Сироты бѣдствуютъ; и какъ о дѣлахъ человѣческихъ среди теченія ихъ неизвѣстно, чѣмъ окончатся, и боимся, чтобъ не подвергся изгнанію отецъ, который облегчалъ сиротство многихъ; то всѣмъ окажи одну милость. Простири руку помощи къ несчастію, которое бы самъ ты уважилъ. Хотя правленіе твое не имѣетъ нужды въ какомъ либо приращеніи доброй славы, какъ утренняя заря въ свѣтлости; однако же, если бы пожелалъ ты какого приращенія, то будь увѣренъ, что ни какое не можетъ быть больше и славяѣе того, чтобы многіе любящіе говорить правду узнали твою правоту.

188. Къ Аделфію (128 и 223).

Поощряетъ его къ внутренней жизни.

Пусть такъ¹⁾! Первое у насъ сдѣлано, и очень хорошо; оба хвалимъ добродѣтель, стремимся къ Богу, не привязываемся къ долънему — потому что въ немъ нѣтъ совершенной необходимо-

¹⁾ Послѣ слова *εἰς οὗτ'* (пусть такъ!) въ письмѣ 128 у Биллія есть вставка, очевидно, сдѣланная какимъ либо схоластомъ, ибо заключаетъ въ себѣ словесное изъясненіе сего реченія. Сей вставки нѣтъ въ письмѣ 223; почему и въ переводѣ она не введена.

сти, — лобызаемъ лучшее и божественнѣйшее дружество, дали другъ другу руки и вѣримъ одинъ другому. А теперь попрошу уже тебя и о томъ, что составляетъ второе условіе дружбы, предначавъ слово Богомъ, и при помощи Его приступивъ къ дѣлу, такъ какъ Его избрали мы для себя Покровителемъ всякаго слова и дѣла. Если же такой важный предметъ повѣряю письму, то не дивись сему; потому что твоя правота, простота и благородство твоихъ нравовъ, какіе рѣдко и у не многихъ можно найти, всего болѣе ободрили меня осмѣлиться на доброе дѣло. Притомъ не все довѣряю письму; я не такъ невѣжественъ, не дѣлаю великихъ дѣлъ слегка, и требующаго вниманія—кое-какъ. Но теперь, какъ говорить Пиндаръ, поставимъ золотые столпы въ благоустроенномъ преддверіи чертога, впоследствии же времени, если дастъ Богъ, своими руками соорудимъ достойный удивленія чертогъ, къ слову, какъ говорится, приложимъ и дѣло. Къ тебѣ приходитъ много людей знатнаго рода. Ибо я увѣренъ, что приходящихъ много. Кто же не любитъ тебя и твоего сообщества? Приходятъ многіе изъ людей весьма надменныхъ, выставляя на видъ деньги, родство, друзей, могущество свое въ городахъ, могущество при Дворѣ, и все, что служить игралищемъ причудливой превратности и времени, и выпадаетъ то тѣмъ, то другимъ, подобно различнымъ положеніямъ зерна, то такъ то иначе и перекидываемое и переворачиваемое. Я вмѣсто всего этого предлагаю тебѣ одно—себя самого, и отъ тебя требую, въ замѣнъ всего, одного же—тебя самого. Поэтому, хотя ты лучшій изъ лучшихъ (уступаю тебѣ это; потому что и сіе—наше дѣло); но (да будетъ это сказано съ Богомъ) не превзойдешь меня въ одномъ—въ вѣрности и въ искренности дружбы. А это человѣку разумному надобно уважать больше, нежели все прочее въ совокупности. Сего достаточно для твоего совершенства. И это, можетъ быть, превосходить мѣру письма. Наконецъ пожелаю чего нибудь себѣ и тебѣ. Богъ, Который и сіе и все прочее устрояетъ для любящихъ Его, Самъ вложитъ тебѣ въ умъ, что лучше и полезнѣе для тебя и для меня, особенно, когда разсуждаемъ сами съ собою о такихъ предметахъ!

189. Къ нему же (129).

Извиняется, что не былъ въ Навилахъ и на Соборѣ

Сына не безчестятъ; но и отца не лишаютъ довѣрія. Поэтому не лиши довѣрія и меня, который оправдываюсь, что быть въ Навилахъ и участвовать на Соборѣ, при всемъ томъ, что меня пригласи-

пали съ такимъ усердіемъ, попрепятствовали мнѣ недосугъ и душевная немощь, а не какая нибудь лѣнь, и не презрѣніе, какъ, можетъ быть, подозрѣвалъ ты. Потому, хотя и доселѣ еще одержимъ я немощію, однако же, какъ скоро дастъ Богъ выздоровѣть, постараюсь оправдаться и самымъ дѣломъ; прійду къ твоему благородію и подамъ полное благословеніе моему дому. Ибо моллю и желаю, чтобы твое было моимъ.

190. Къ нему же (130).

Укорлеть его за нечистое обращеніе съ женами, давшими Богу обѣтъ дѣвства.

Доселѣ называю тебя досточестнымъ, хотя замышляешь и не досточестное. Прійми же великодушно дерзновеніе человѣка, которымъ движетъ отеческое сердоболіе, и который не можетъ быть терпѣливымъ по благорасположенности. Ибо гораздо лучше, когда не надолго опечалившій приноситъ великую пользу, нежели, когда смѣющійся съ тѣмъ, чтобы доставить удовольствіе, причиняетъ вредъ въ главнѣйшемъ. Илій былъ священникъ, и хотя дѣлалъ выговоры своимъ нечестовавшимъ сынамъ, говоря: *не благъ слухъ, чада, егоже азъ слышу о васъ* (1 Цар. 2, 23): но поелику дѣлалъ не сильныя выговоры, то самъ подпалъ сильному обвиненію, и благочестивый отецъ понесъ наказаніе за беззаконіе дѣтей. Устрашаемый симъ примѣромъ, и я приступилъ къ этому увѣщанію. Не знаю, что съ тобою сдѣлалось, какое омраченіе объяло тебя? Какъ стыдишь свой родъ, стыдишь мою сѣдину и тѣ надежды, какія возимѣлъ я о тебѣ, когда былъ въ Навилахъ, бесѣдовалъ съ тобою о всемъ добромъ, и, какъ думалъ, убѣдилъ тебя въ этомъ! Какъ не слышишь, что говоритъ Писаніе: *не даждь женамъ твоего богатства и твоихъ имѣній въ послѣдній советъ* (Притч. 31, 3)? Повѣрь, что въ скоромъ времени *раскаешися* въ этомъ, *егда*, по написанному, *и струтся плоти тѣла твоего* (Притч. 5, 11), и умъ, какъ бы проторгнувшись сквозь облако, въ состояніи будетъ взрѣть къ Богу и чисто размыслить о томъ, что полезно. Остерегайся сѣти и *не уловленъ буди твоима очами* (Притч. 6, 25); а если уловленъ, пробудись; и не подтверждай разглашаемаго, будто бы какими-то снадобьями омраченъ у тебя умъ; потому что развратъ искусенъ на выдумку худаго. Прискорбно и то, что такой домъ обогащенный столькими трудами, въ такое короткое время разстроилъ и разорилъ ты, и особенно въ началѣ жизни, когда каждый полага-

еть основаніе доброй или худой о себѣ славы. Но гораздо ужаснѣе, что женѣ дѣвственницъ, которыя твоими родителями и тобой самимъ, какъ увѣрялъ ты, посвящены Богу, святотатески берешь и похищаешь, и инныя стали уже твоими, а другихъ приводишь въ страхъ, что потерпятъ то же. Побойся Бога, Которому служишь, постыдись меня, удержиись, наконецъ, отъ всякаго лукаваго произволенія. Если бы можно тебѣ было, приникнувъ поближе, узнать ту молву, къ какой подаешь поводъ, обо всѣхъ насъ, то, можетъ быть, не потребовалось бы для тебя иного увѣщанія, но самый стыдъ употребилъ бы ты въ совѣтники о томъ, что должно дѣлать. Нашелъ бы я написать тебѣ что нибудь попрятнѣе этого, но не нашелъ бы ничего полезнѣе; многого и не стану писать, зная, что, если не вразумить тебя страхъ Божій, то мало сдѣлають, или вовсе ничего не сдѣлають, слова. Потому что и желѣзомъ легко выводить черты на воскъ, но трудно на желѣзѣ, а на алмазѣ не выведешь чѣмъ нибудь самымъ твердымъ, по жестокости его состава.

191. Къ Евсеію другу (171).

Благословляетъ заочно бракъ его съ Евоніей, извиняясь болѣзнію, что не могъ быть на немъ.

Евонія—твоя возлюбленнѣйшая; настало время бракосочетанія, положено основаніе жизни, исполнены родительскіе обѣты. Но не съ нами я, которому особенно надлежало бы и быть у васъ, и молитвы свои соединить съ вашими, какъ и обѣщаль я, потому что надежда шла въ слѣдъ за желаніемъ, а желаніе достаточно для того, чтобы ввести себя въ обманъ. И неоднократно собираясь въ путь и неоднократно откладывая путешествіе до времени, наконецъ продолѣвъ я болѣзнію. Итакъ пусть другіе призываютъ къ вамъ Эротъ, —потому что на свадьбѣ въ обычаѣ и пошутить; другіе пусть изображаютъ красоту дѣвы, величаютъ любезность жениха, и брачное ложе вмѣстѣ съ цвѣтами осыпаютъ и словами привѣта. А я пропою вамъ брачную пѣснь: *Благословитъ васъ Господь отъ Сіона, Самъ сочетаетъ ваше супружество, и узриши сыны сыновъ твоихъ* (Псал. 127, 6. 7), не много будетъ сказать, еще лучшихъ тебя. Сего пожелалъ бы я вамъ, будучи съ вами; сего желаю и теперь. Прочее да будетъ предоставлено вашему попеченію, да возложитъ на васъ вѣнцы отецъ, какъ желалъ: это предписалъ я, какъ будто бы самъ былъ при бракосочетаніи. Ихъ будутъ вѣнцы, а мои молитвы, которыя, сколько знаю, не ограничиваются мѣстомъ.

192. Къ Діоклу (193).

По случаю брака его дочери, учить, какъ должно торжествовать христіанскіе браки.

Не званъ я былъ на бракосочетаніе нашей дочери; однако жъ явился, и праздную вмѣстѣ, и принимаю участіе, и желаю вамъ всего наилучшаго. А одно изъ лучшаго, чтобы самъ Христосъ присутствовалъ на бракѣ,—потому что гдѣ Христосъ, тамъ благопристойность,—и чтобы вода стала виномъ, то-есть, все претворилось въ лучшее; а поэтому не было смѣшиваемо несоединимое между собою, и не были сводимы вмѣстѣ Епископы и смѣхотворы, молитвы и рукоплесканія, псалмопѣнія и звуки свирѣлей; потому что какъ все прочее, такъ и браки христіанскіе должны имѣть благопристойность, а благопристойнымъ дѣлаетъ степенность. Вотъ что приносимъ въ даръ бракосочетанію; а ты воздай намъ благопокорностію. И въ зятѣ, если послѣдуетъ этому, будемъ имѣть сына, а если нѣтъ,—воина.

193. Къ Іакову (147).

По вступленіи его въ должность правителя Каппадокіи, просить заступиться за Симпликію, вдову Апплія (387 г.).

Хотя по слуху только знаю твою досточестность; однако же дивлюсь тебѣ, какъ не многіе изъ жившихъ съ тобою долгое время. Столько у всякаго рѣчей о твоей добротѣ! По сему и самъ я осмѣлился на эту просьбу. Оставилъ насъ чудный Алипій, общій заступникълюбомуудрыхъ и попечитель сиротъ; не малое это для васъ несчастіе; а къ этому присоединилась и другая бѣда,—достолюбивѣйшая супруга его заботится о сиротахъ. Утѣшь ее своимъ челоувѣколюбіемъ въ настоящемъ случаѣ, доставь безопасность своимъ дѣтямъ, благодареніемъ сиротамъ, докажи, что свои лучше чужихъ. А къ этому присоединится и то, что сдѣлаешь удовольствіе мнѣ; почтивъ же сколько нибудь меня, почтишь самого Бога, Которому удостоился быть я предстоятелемъ и служителемъ, хотя и недостойнъ такого сана.

194. Къ нему же (146).

О томъ же.

Если бы столько было у меня тѣлесныхъ силъ, что могъ бы взять на себя трудъ, то самъ бы пришелъ къ тебѣ, и удовлетворилъ

желанію съ тобою видѣться и переговорить, о чемъ хотѣлось; потому что у насъ рѣчь не о маловажномъ. Но поелику держать меня болѣзнь, то по необходимости прибѣгъ я къ письму. И достолюбіишую мать нашу Симпликію, бывшую супругу прекраснаго и добраго Алипія,—этого украшенія всей нашей родины, представляю твоему благородству подъ жалкими именованиями вдовства и сиротства; представляю для того, чтобы нашла у тебя справедливость, въ чемъ будетъ ей нужно. Обрати вниманіе на великость бѣдствія: еще не осушала она слезъ, беспокоится о сиротахъ, предпринимаетъ дальнія путешествія, при такомъ немоощномъ тѣлѣ, при такой неопытности въ дѣлахъ, не привыкши выглядывать изъ дому. Что бѣдственнѣе этого? Нѣтъ мѣста и слезамъ; страданіе заставляетъ отложить и стыдъ благородства. Поэтому, разсудивъ все сіе, и оказавъ уваженіе моей просьбѣ, не дожидайся, чтобы надъ тобой, великимъ и добрымъ Іаковомъ, сталъ другой судія; не поставь ее въ необходимость предпринять еще дальнѣйшую поѣздку: потому что она весьма полагается на справедливость своего дѣла, какъ увѣряетъ многихъ и меня. Напротивъ того, прочитавъ письмо, и по всей правдѣ изслѣдовавъ ея права, возврати ее къ намъ съ болѣе спокойнымъ духомъ. А прежде всего подумай о томъ, что Богъ далъ тебѣ великую власть, имѣніе, славу, свободный путь еще къ большому счастью. Охраняй же все это для себя самымъ настоящимъ человѣколюбіемъ; и, какъ отецъ дѣтямъ, избавившійся изъ однѣхъ опасностей, а другимъ идущій на встрѣчу, содержи это въ умѣ, и воспользуйся настоящимъ случаемъ, чтобы надежды свои на Бога содѣлать благоуспѣшными.

195. Къ Саннавадаинскому братству (180).

Утѣшаетъ сіе братство, опечаленное смертію настоятеля Левкадія.

Благоговѣйнѣйшему и всѣмъ преукрашенному о Христѣ въ Саннавадаинѣ братству блаженнаго Левкадія, монашествующимъ и дѣвамъ, освященнымъ о Христѣ Іисусѣ, Григорій желаетъ о Господѣ радоваться.

Для имѣющихъ умъ нѣтъ повода къ слезамъ въ томъ, что случилось по смотрѣнію Божию; а именно, что подвижникъ послѣ добраго подвига, которымъ онъ подвизался, сошелъ съ своего поприща, и взять Подвигоположникомъ, чтобы принять вѣнецъ правды и умножить собою ликъ Ангеловъ. Все это и подобное сему бываетъ причиною радости и веселія для тѣхъ, которые, по Еван-

гелію, прозирають въ истину. Но поелику превозмогъ обычай сѣтовать о преставленіи святыхъ и желать утѣшеніе отъ любящихъ; то, хотя и самъ не берусь говорить вамъ что нибудь печальное и унылое, и вамъ не совѣтую преклонять слухъ къ подобнымъ рѣчамъ, однако же выполняю свой долгъ, и подаю вамъ утѣшеніе, совѣтую вашему благолѣпію, взирая другъ на друга, имѣть всегда предъ очами его; ибо того желаю, чтобы каждый и каждая изъ васъ отпечатлѣвали въ себѣ жизнь блаженнаго, а потому, когда взираете, другъ на друга, удостовѣрялись вы, что останавливаете взоръ на его чертахъ. Да отпечатлѣваются въ жизни вашей его чистота, негнѣвливость, смиренномудріе, дѣятельное любомудріе, непрестанное стремленіе души къ Богу, неразвлекаемость прелестями міра сего, чтобы вы, видя сіе другъ въ другѣ, изобразили ему памятникъ въ себѣ самихъ, и чтобы ни онъ, ни вы не стали добычею смерти; потому что и онъ всегда будетъ представляться живымъ въ вашей жизни, и вы добрымъ житіемъ сдѣлаете себя чуждыми общенія со смертію. Душевно здравыхъ и преуспѣвающихъ тѣлесною силою Святаго Духа Господь да покроетъ васъ, поминающихъ и о мнѣ въ молитвахъ своихъ!

136. Къ Палладію (229).

Представляетъ ему пресвитера Сакердота.

Если осмѣливаюсь такъ часто писать, причиною тому не моя дерзость, но твоя кротость. Не знаю и сытости бесѣдовать съ тобою чрезъ письма; потому что не могу иначе, когда Богъ такъ устроилъ дѣла мои. Досточестнѣйшему сыну моему и сопресвитеру Сакердоту, котораго особенно любилъ и люблю, искренно любомудствующему и живущему въ единеніи съ Богомъ, теперь же, по домашнимъ дѣламъ, отправляющемуся въ городъ, который ради тебя сталъ великимъ, не знаю, какую большую оказать услугу, какъ сдѣлавъ его извѣстнымъ твоей добротѣ

197. Къ Стратигію (92).

О томъ же.

О какъ мы стали раздѣлены между собою; потому что Богу уютно такъ устроить дѣла наши! О священный домъ, и совокупное жительство и общая пристань всѣхъ боящихся Господа! Другіе наслаждаются нашими благами. А мнѣ остались одно воспомина-

ніе и ревность къ пріобщившимся. Но чтобы и тебѣ имѣть часть въ нашихъ благахъ, знакомлю тебя съ честнѣйшимъ братомъ и сопресвитеромъ нашимъ Сакердотомъ, котораго увидѣвъ, очень знаю это, скажешь: Григорій подлинно любитель всего прекраснаго.

198. Къ Кастору (93).

Посылаетъ къ нему Сакердота для общаго съ нимъ любомудрія.

О какъ ты самовластенъ и насильственъ! Едва показалось твое письмо, и я презрѣнъ. Но вотъ тебѣ и многоцѣнный Сакердотъ, твой братъ, а мой сынъ, и сообщникъ страданій. Но чтобы мнѣ не совершенно быть побѣжденнымъ, какъ можно скорѣе до ставь это утѣшеніе жизни, чтобы любомудрствовать и поучаемому и поучающему. Ибо какъ единомыслию всего болѣе способствуетъ, если вмѣстѣ страждемъ, такъ для совѣщанія—всего важнѣе единомысліе.

199. Къ Фотію (91).

Гото же Сакердота поручаетъ его попеченію.

Все, что ни имѣешь, мое,—начну рѣчь Божиимъ словомъ;—говорю же: мое, не по одному общенію духа, но и потому, что настоящему состоянію Церкви не мало способствовалъ я, пока еще завѣдывалъ дѣлами, и владѣлъ ходомъ обстоятельствъ. Ибо теперь у меня объ одномъ забота,—объ отшествіи, къ которому собираюсь и przygotowляюсь. Да будетъ же и мое твоимъ, по общенію любви; а лучше изъ моего стяжанія—честнѣйшій сопресвитеръ мой Сакердотъ, черезъ котораго и привѣтствую тебя, и какъ бы самъ съ тобою вижуся.

200. Къ Елладію (216).

Просить сего Кесарійскаго Епископа возратить Сакердоту должность смотрителя надъ богадѣльнями, данную ему еще Василиемъ Великимъ, или, по крайней мѣрѣ, не лишать другой должности—смотрителя за монастырями (388 г.).

Что ни буду говорить тебѣ, все буду говорить отъ добраго расположенія; а потому всего справедливѣе будетъ тебѣ выслушать мой совѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, извинить меня въ томъ, что подаю совѣты. Не многіе одобряютъ нашъ поступокъ съ достопочтеннымъ нашимъ братомъ и сопресвитеромъ Сакердотомъ, какъ

основанный больше на какой-то клеветѣ, а не на справедливомъ судѣ. И именно хвалять гѣ, которые, хотя, можетъ быть, не знаютъ дѣла въ связи, однако же видятъ конецъ, каковъ онъ самъ по себѣ. Это, можетъ быть, увидишь и самъ, потому что не мое дѣло входить въ твои дѣла, такъ какъ самъ ты имѣешь право предписывать другимъ, что дѣлать. Но умоляю твою доброту, во-первыхъ, о томъ, чтобы предоставилъ ты человѣку сему все попеченіе о дѣлахъ, о которыхъ онъ доселѣ заботился. Ибо, сколько бы кто ни былъ терпѣливъ или твердъ въ любомудріи, однако же не легко ему простереть свое любомудріе до того, чтобы перенести великодушно, когда лишаютъ его столько трудовъ и столько привычныхъ ему занятій. Если же сіе не возможно, то, во-вторыхъ, прошу, чтобы касательно попеченія о бѣдныхъ распорядился ты, какъ тебѣ заблагорассудится, возложивъ оное на людей, которыхъ самъ признаешь достойными, заботу же объ Обитателяхъ и о братіяхъ оставилъ за нимъ, чтобы не огорчить его новымъ распоряженіемъ, а еще болѣе не огорчить братій, которые привязаны къ нему привычкою, и для которыхъ удаленіе его также болѣзненно, какъ и растороженіе единого тѣла или члена. Ибо нѣкоторые изъ нихъ приходили уже ко мнѣ, и оплакивали это. Если находишь, что этотъ человѣкъ и самъ по себѣ имѣетъ нѣчто достойное уваженія, что и справедливо; то уважь его ради его самого, ради сѣдины и ради трудовъ, какъ тѣхъ, какіе подъялъ онъ для Бога, показавъ въ себѣ благоговѣніе даже выше своего возраста, такъ и тѣхъ, какіе несъ онъ, бывъ питателемъ нищихъ и представителемъ за братій. А если это кажется тебѣ малымъ; то, конечно, не оставишь безъ уваженія меня и моей просьбы. И прежде всего прошу тебя, отложи гнѣвъ свой на него и огорченіе; и умоляю, приближь его къ себѣ, какъ отецъ сына. Если чѣмъ и огорчилъ тебя, чего однако же не думаю; то прости это ему для меня. Не пиши и не говори о немъ ничего недостойнаго какъ его, такъ и твоей кротости. А если что и написано, изгладивъ это, не выводилъ наружу своей скорби, которую лучше скрывать, нежели объявлять постороннимъ; ибо такимъ примѣромъ, кромѣ прочаго, научишь и его великодушію.

201. Къ нему же (217).

Не почувтивъ просимаго въ предыдущемъ письмѣ, посылаетъ къ нему самого Сакердота для личнаго оправданія.

Посланіе твое отчасти весьма кротко и человѣколюбиво, а отчасти, не умѣю какъ и сказать, по крайней мѣрѣ для меня огор-

чительно; да и не безъ причины, какъ самъ себя увѣряю въ этомъ. Ибо, или справедливо (чего однакожь не думаю) обвиняется братъ и сопресвитеръ нашъ Сакердотъ,—и сіе прискорбно (и какъ не скорбѣть, когда такое благоговѣніе и столько трудовъ уничтожены въ такое короткое время?); или это клевета, подстроенная завистниками,—и въ такомъ случаѣ горько видѣть, что по навѣтамъ отчуждается тобою человѣкъ, столько близкій къ тебѣ по жизни. Посему прійми мое разсужденіе, которое въ настоящихъ обстоятельствахъ признаю самымъ лучшимъ и полезнѣйшимъ. Послалъ я къ тебѣ самого брата, лучше же сказать, сопровождалъ, когда самъ онъ шелъ уже къ тебѣ, чтобы самому утѣшать скорбь и открыть тебѣ все по самой истинѣ. Онъ утверждаетъ, что готовъ въ одномъ оправдаться, а о другомъ доказать, что донесено ложно. Въ этомъ увѣриль и меня, какъ человѣкъ, который говоритъ со страхомъ Божиимъ.

202. Къ Санердоту (212).

Поздравляетъ сего священника.

Поздравляю тебя, новую мою надежду, украшеннаго сѣдиною въ юности; желаю и молю тебѣ всего для тебя наилучшаго. А тебѣ не безъизвѣстно первое изъ благъ—стяжывать всегда Бога, и чрезъ приближеніе и восхожденіе къ Нему дѣлаться Его стяжаніемъ. Это, сколько знаю, ты и самъ себѣ вмѣнишь въ законъ.

203. Къ нему же (213).

Утѣшаетъ его въ томъ, что Виссволъ Елладій отнялъ у него должность смотрителя богадѣленъ.

Что для насъ страшно? Ничто, кромѣ уклоненія отъ Бога и отъ божественнаго. А прочее, какъ Богъ управитъ, такъ и да будетъ! Устраиваетъ ли Онъ дѣла наши *оружіи правды десными* и милостивыми, или *шуми* (2 Кор. 6, 7) и тяжкими для насъ; причины тому знаетъ Домостроитель жизни нашей. А мы будемъ бояться того единственно, чтобы не потерпѣть чего либо противнаго любомудрію. Питали мы нищихъ, упражнялись въ братолюбіи, услаждались псалмопѣніями, пока сіе было можно. А если отнята на это возможность; посвятимъ себя другому роду любомудрія. Благодать не скудна. Изберемъ уединеніе, жизнь созерцательную, станемъ очищать умъ божественными видѣніями; а это можетъ быть, еще выше,

нежели исчисленное прежде. Но мы поступаемъ не такъ; какъ скоро не удалось одно, думаемъ, что уже лишились всего. Нѣтъ; всмотримся, не осталось ли для насъ еще какой благой надежды. И не допустимъ, чтобы съ нами случилось то же, что бываетъ съ молодыми конями, которые, не свыкнувшись съ страхомъ, свирѣпѣютъ при всякомъ шумѣ, и сбрасываютъ съ себя всадниковъ.

204. Къ нему же (214).

Увѣщаетъ быть терпѣливымъ.

Если ты не чаялъ для себя никакихъ неприятностей, когда приступалъ къ любомудренной жизни; то начало было не любомудренное, и я порицаю твоихъ образователей. Если же ожидать неприятностей; то пока не встрѣтить, благодареніе Богу! а когда встрѣтитъ, или переноси съ терпѣніемъ, или сдѣлаешься нарушителемъ своего обѣта.

205. Къ нему же (215).

Убѣждаетъ въ тому же собственнымъ своимъ примѣромъ.

Что не испытано, тому нельзя назначать ни цѣны, а что извѣдано на самомъ дѣлѣ, тому совершенно опредѣляется цѣна, какъ золоту въ горнилѣ. И если ты достаточно утвердился въ семъ любомудріи; то благодареніе за сіе Богу! А если еще не совершенно; то представляю тебѣ въ примѣръ себя и свое положеніе. Меня оскорбляли, меня ненавидѣли; ибо какихъ не потерпѣлъ я бѣдствій, сколько зависѣло это отъ злоумышлявшихъ? А потомъ избавился я отъ огорчавшихъ меня, и кто могъ оказать мнѣ большее, чѣмъ они, благодареніе? Представляя себѣ это, и ты за искушеніе воздай благодареніемъ, если не причинившимъ тебѣ искушеніе, то Богу.

206. Къ Евдокію (235).

Зоветь его къ себѣ для личнаго примиренія съ Сакердотомъ.

Единомышленный и сострадательный; а сострадательность искренняя; искренность же, если подаетъ совѣтъ, достойна вѣроятія. Поэтому, такъ какъ я старше васъ по благочестію, опытомъ извѣдалъ многихъ людей и ихъ нравы (а опытность—матерь благо-разумія); вы же походите на молодыхъ коней, не давно узнавшихъ

упряжь, и едва начинаете подвиги свои по Богу (а все начинающее горячо, и какъ по горячности духа способно съ успѣхомъ выполнять многія свои обязанности, такъ по невѣдѣнію можетъ во многомъ и не достигать успѣха): то соблаговоли дойти до меня, почтить какъ старца, уважить какъ отца, и употребить въ посредники въ ссорѣ съ достоуважаемымъ братомъ и сопресвитеромъ моимъ Сакердотомъ (потому что и онъ у меня), чтобы вамъ, уладивъ между собою дѣло, и Епископу услужить и прекратить соблазнъ многихъ, а что всего важнѣе, умилостивить Бога, и дѣла такъ важнаго и славнаго,—разумѣю ваше единокущіе и ваши взаимныя условія жить по Богу,—не разрушить въ столь короткое время.

207. Къ нему же (236).

Оправдываясь въ жесткости предыдущаго письма, просить исполнить данное обѣщаніе свидѣться съ Сакердотомъ.

Признаюсь, что прекрасный и добрый сопресвитеръ Сакердотъ—мнѣ другъ, и пусть будетъ другомъ, тѣмъ болѣе, что онъ привязанъ къ тебѣ. Ибо, и обвиняя тебя, не отложилъ своей пріязни, но сдѣлалъ болѣе братскій упрекъ, нежели враждебное обвиненіе. Впрочемъ я не такъ простъ и опрометчивъ, чтобы произнесъ судъ прежде, нежели выслушаю обоихъ; и не подозрѣвай этого. Да и въ самомъ письмѣ, которое ты осудилъ въ дерзости (если только прочелъ его не безъ вниманія) касался я не столько тебя, сколько тѣхъ, которые поджигаютъ васъ, и изъ нашего малодушія извлекаютъ ту выгоду, что есть чѣмъ самимъ позабавиться. Въ какомъ же расположеніи писалъ я къ тебѣ,—можешь узнать это такимъ образомъ: обѣзживающіе молодыхъ коней упражняютъ ихъ въ ѣздѣ на такихъ мѣстахъ, гдѣ есть яркіе цвѣта, что нибудь страшное, крутизны, и скаты; и это нужно не для того, чтобы ихъ пугать, но чтобы пріучить не пугаться. То же и я имѣя въ умѣ, сдѣлалъ письмо свое нѣсколько жесткимъ. Ибо много есть способовъ упражняться въ любомудріи. И благодареніе Богу, что напелъ тебя не чуждымъ любомудрію и не привязаннымъ къ веществу, но краткимъ и принадлежащимъ къ нашему двору; почему и пишешь скромно и желаешь свиданія! Поэтому, ежели подарить насъ онымъ, то хорошо сдѣлаешь, и будь увѣренъ, мы пріимемъ тебя съ отеческимъ окомъ. А если удерживаетъ тебя еще зима, то попочуемъ пока такимъ увѣщаніемъ: ничего не предпочитай, даже и теперь, дружбѣ и единомыслію съ братомъ Сакердотомъ, и, по-

вѣрь мнѣ въ этомъ,—случившееся между вами признавай не инымъ чѣмъ, какъ искушеніемъ лукаваго, завидующаго твоему любуемудрію. Но ты смѣло и мужественно подвизайся при первомъ искушеніи, чтобы не сдѣлалъ онъ второго, потомъ третьяго, а вслѣдъ за симъ и многихъ искушеній, напротивъ же того удалился отъ тебя побѣжденный и пристыженный. Ибо знаю, какія брани воздвигаетъ онъ; я наученъ этому и долговременностію и борьбами съ нимъ.

208. Къ нему же (224).

Упрекаетъ за неисполненіе обѣщанія, но не отрекается принять, если прійдетъ.

Послѣ войны вспоможеніе! И хотя должно прежде подумать, потомъ сдѣлать: мы превратили порядокъ; сдѣлавъ, обдумываемъ; поэтому, если нужно льстить и сдѣлать худое, то нашелъ я много путей лести, и это дѣло легко и многимъ нынѣ удастся. Но поелику дѣлать вредъ — не мое дѣло, особливо же дѣлать вредъ душѣ, еще новоосвященной и только что приступающей къ добродѣтели; то выслушай истину. Не начальствованія домогается человекъ любуемудрый. И худую любовь оказали тебѣ твои услужники, подъ другимъ лицомъ осмѣявшіе собственные свои дѣла. Поэтому, если перемѣнишься теперь и уврачуешь грѣхъ; то можетъ быть, рана и подживетъ, хотя и не безъ труда; если же останешься при томъ же, и станешь величаться худою побѣдою; то болѣзненная *язва моя*, говоритъ Писаніе, *откуда исцѣлюся* (Іер. 15, 18)? потому что твое почитаю своимъ. Но хотя такъ думаю и такъ пишу; однако же, если желаешь свиданія со мною, то отрекусь отъ сего.

209. Къ Омофрону (237).

Извиняется въ томъ, что не быть у него на праздникѣ, какъ обѣщался, и проситъ укрѣплять Сакердота въ терпѣніи.

Приглашаешь меня на Соборъ. Желалъ бы я столько имѣть тѣлесныхъ силъ, чтобъ прійти къ вамъ и безъ зову, и видѣть вашу священную домъ—этотъ Христовъ пріютъ, корень святыхъ вѣтвей—воистину—*яко мать веселящуюся о чадехъ*, также веселящихся (Пс. 112, 9). Знаю это, увѣренъ о Господѣ, и потому, если и прискорбное нѣчто встрѣтилось нынѣ съ вами, съ дерзновеніемъ говорю, что не будетъ угашенъ свѣтильникъ Израилевъ, хотя и тушится дыханіями лукаваго, и не скроется болѣе благость Божія,

хотя Господь, по неизреченнымъ законамъ Своего домостроительства, и сокрываетъ ее отъ боящихся Его; а напротивъ того болѣе будетъ прославлена и возбудитъ удивленіе вашимъ терпѣніемъ и непостыждающимъ упованіемъ. Это же внуши и досточестнѣйшему сыну моему Сакердоту, то есть, не унывать духомъ, и не подвергаться чему-либо недостойному себя самого, но такъ управлять обстоятельствами, чтобы и скорбное обращать въ предметъ лобомудрія. Пусть еще послужитъ досточестнѣйшему нашему Епископу; пусть еще укрѣпляетъ братій, чтобы паче всего не нарушилось дѣло мое, которое предположилъ я о Господѣ, и которое такъ важно и славно. А если сіе невозможно, то покажемъ себя умѣренными и преодолѣемъ зависть, чтобы не подать противъ себя никакого повода лукавымъ и напрасно на насъ враждующимъ.

210. Къ нему же (238).

Радуется его подвижнической жизни.

Слышу, что живешь отшельнически; о если бы ты сталъ у насъ Иоанномъ Крестителемъ, или Илією Кармилитомъ! И о если бы ненавистники причиняли ту одну обиду, что приводили бы къ Богу, и освободившихся отъ дѣлъ и мятежей заставляли искренно посвящать себя горнему, а такимъ образомъ невольню дѣлали намъ добро, когда не могутъ сдѣлать его по доброй волѣ!

211. Къ Кириану (233).

Просить его за богадѣльню, въ которой былъ Сакердотъ смотрителемъ, укрѣпить пожертвованную ей землю.

Знаю, что чествуешь благоговѣйныхъ, и дѣлаешь добро бѣднымъ. Теперь имѣешь случай къ тому и другому. Ибо дѣло вотъ въ чемъ. Досточестнѣйшій и боголюбивѣйшій сынъ мой, сопреставитеръ Сакердотъ, за свое благочестіе и ревность къ дѣлу, сдѣланъ былъ смотрителемъ одной изъ извѣстныхъ многоплодной богадѣльни. А въ числѣ помогающихъ богадѣльнѣ деньгами находится Лиріандъ. И Киверины, смежныя съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ домъ изъ вклады досточестнѣйшаго Кастора, помогаютъ нѣсколько богадѣльнѣ. Освободивъ все это отъ всякаго притязанія, и отъ себя приложишь ты не маловажную часть, какъ вспоможенія бѣднымъ такъ и воздаянія тебѣ самому, какое, какъ знаешь, ожидаетъ благочестивыхъ. Но

само собою явно, что, однажды подвигшись къ благодѣянію, и на будущее время, чтобы нитго, хотя бы и пожелалъ, не могъ сдѣлать ничего худаго въ разсужденіи сихъ мѣстъ, позаботишься обезопасить ихъ такимъ способомъ, какой придумаешь твое благоразуміе.

212. Къ Валентиніану (196).

Жалуется на необходимость удалиться изъ Карвалы, обители, посвященной Мученикамъ; потому что Валентиніанъ поселилъ противъ нея какихъ-то женщинъ.

Самымъ нечестивымъ образомъ гонять насъ изъ Карвалы (употребляю слово трагедіи, измѣнивъ его не много), гонять не словомъ, но самымъ дѣломъ, и весьма жестоко. Ибо гораздо было бы лучше объявить приказъ объ удаленіи явнымъ предписаніемъ, нежели нарушать святость нашей жизни поселеніемъ женщинъ прямо противъ насъ, и присовокупленіемъ ежедневнаго позора и хулы отъ свободно ругающихся надъ избравшими такую жизнь, какова наша. Если не смѣло будетъ сказать, то чрезъ Еву извергъ ты и насъ изъ рая. Правда, что не трудно найти какую нибудь благовидную отговорку, и сказать, по видимому, какъ нѣчто и похожее на дѣло, а именно, что ты не гонишь насъ, но оказываешь еще намъ честь, желая сосѣдства съ нами; а можетъ быть, присовокупишь къ этому, что желаешь принимать насъ дружески и родственно, и наслаждаться сколько нибудь нашею дружбою: однако же слово не дѣло. Когда вы приходите на это мѣсто, и принимаемъ васъ, и лобызаетъ; но отъ домоправленія женщинъ также спѣшимъ удалиться, какъ и отъ набѣга эхиднъ. Поэтому дѣло наше кончено. Мы перехитрены, предались бѣгству, сами себя подвергли наказанію, оставивъ и труды рукъ своихъ и надежды, принеся не мало оправданій предъ святыми Мучениками. Хотя, конечно, это тяжело и не удобоносимо, однако же входитъ въ любомудріе избранной нами жизни, и не тягостнѣе того, что велѣно намъ переносить, то есть, переходить изъ города въ городъ. А ты населяй это и долѣе, нежели жившіе прежде тебя и цѣломудреннѣе, нежели какъ надѣемся, чтобы не оскорбить вамъ святыхъ Мучениковъ, и самимъ не потерпѣть чего отъ близкаго жительства. Прежде же всего употребите ту осторожность, чтобы шадить посвященное Мученикамъ, и не удумать чего худаго и для васъ самихъ и для вашихъ, внеся тлю въ свое имущество неправеднымъ присвоеніемъ.

213. Къ Ѳеклѣ (200).

Увѣряеть ея въ своей преданности и утѣшаетъ въ скорбяхъ (389 г.).

Небольшую твою приписку получилъ я какъ бы большое письмо. И вы мои, и я вашъ,—такъ сочетаваетъ насъ Духъ! Зная это, и молитесь о мнѣ, и во всемъ полагайтесь на меня съ увѣренностію, что не имѣете человѣка, который бы былъ предъ вами искреннѣе, и столько же заботился о васъ, сколько и о себѣ, если еще не убѣдили васъ въ этомъ давнишнее наше знакомство и дѣйствительный опытъ. А о вашихъ скорбяхъ нужно ли писать мнѣ,? развѣ только изъявлю желаніе, чтобы вы, принявъ сіе за случай оказать высокое любомудріе, были въ страданіяхъ терпѣливы, и тѣмъ противоборствовали причиняющимъ вамъ скорби; потому что иначе поступать и невозможно, и не благочестно.

214. Къ ней же (202).

На приглашеніе ея въ Обитель отвѣчаетъ, что имѣеть желаніе посѣтить ея и видѣть терпѣніе, съ какимъ переноситъ кончину брата Сакердота, и утѣшаетъ общимъ разсужденіемъ, что не должно скорбѣть объ умершихъ сродникахъ.

Я и самъ рвался къ твоему благоговѣнію, не смотря на недуги моего тѣла, желая и навѣститъ тебя и вмѣстѣ похвалить за терпѣніе, съ какимъ любомудрствуешь, лилась блаженнѣйшаго брата своего; потому что это не сомнѣнно. Но поелику задержанъ я однимъ обстоятельствомъ, то необходимо стало писать къ тебѣ; и вотъ полубомудрствую съ тобою нѣсколько о твоей потерѣ. Отъ кого данъ былъ намъ добрый Сакердотъ—сей, и нынѣ и прежде, истинный предстатель Божій? Отъ Бога. Гдѣ же теперь Сакердотъ? У Бога; и не охотно, сколько извѣстно мнѣ, уступилъ онъ зависти и бореніямъ лукаваго. Отъ кого и мы? Не отъ того же ли Бога? И куда преселимся? Не къ тому же ли Владыкѣ? И о если бы съ равнымъ дерзновеніемъ поклонниками того же Господа, и отсюда были мы отозваны, и туда преселены, въ сравненіи съ будущею надеждою, протерпѣвъ здѣсь немногія страданія, и, можетъ быть, еще для того, чтобы чрезъ самыя здѣшнія злостраданія познать благодать! Что такое отецъ, мать, братъ, отшедшіе прежде насъ? Они составляютъ число достохвальныхъ путешниковъ, за которыми вскорѣ послѣдуетъ и Фекла раба Божія и начатокъ совершенствъ; послѣдуетъ по кратковременномъ ожиданіи, какое нужно, чтобы

тѣхъ почитать терпѣніемъ и для многихъ послужить примѣромъ любомудрія въ томъ же самомъ. Посему восхвалимъ то же владычество, и домостроительство уразумѣмъ выше, нежели прочіе.

Прійми сіе въ замѣнъ свиданія со мною, и постоянно держись этихъ мыслей, хотя сама собою изобрѣтешь и лучшія. А если удостоюсь видѣть лично тебя и всѣхъ, которые съ тобою и около тебя, то тѣмъ вѣщшее благодареніе Благодарителю!

215. Къ ней же (201).

По возвращеніи отъ нея вразумляетъ ее, что скорбь ея будетъ нарушеніемъ даннаго Богу обѣта любомудрія.

Сѣтуешь, какъ вѣроятно, о моемъ удаленіи; но для меня еще прискорбиѣе разлука съ твоимъ благоговѣніемъ. Однако же благодарю Бога, что могъ дойти до тебя, и не жалею на подъятый трудъ. Ибо увидѣлъ твердость твоей вѣры во Христа, и похвальное уединеніе, и любомудрое отшельничество; увидѣлъ, что ты, устранившись всѣхъ пріятностей міра, ведешь затворническую жизнь съ единымъ Богомъ и съ святыми Мучениками, при которыхъ поселилась, и себя принесла, и возлюбленныхъ чадъ своихъ приносишь Богу въ жертву живую, благоутодную. Сіе-то да будетъ для тебя утѣшеніемъ въ скорбяхъ. Ибо и великій Давидъ въ будущихъ благахъ, къ которымъ возводитъ свои помысленія, сокрываетъ здѣшнія горести, когда говоритъ: *яко скры мя въ селеніи Своемъ въ день золь* (Псал. 26, 5). И не печаль только отлагаетъ, когда *помяну онъ Бога, и возвеселися* (Пс. 76, 4). Сѣтуютъ и тѣ, которые преданы міру, даже гораздо болѣе работающихъ Богу. Но ихъ сѣтованіе остается безъ награды; а намъ за страданіе обѣцана награда; когда терпимъ ради Бога. Ибо взвѣсимъ и скорби и наслажденія, и настоящее и будущее, тогда найдемъ, что первыя не составляютъ и малѣйшей части въ сравненіи съ послѣдними,—столько преизбыточествуетъ то, что для насъ лучше! Посему, когда болѣзнуемъ, прекрасное для насъ врачество—вспоминать о Богѣ, о будущихъ надеждахъ, и приходитъ въ Давидово расположеніе духа—*распространяться въ скорби* (Псал. 4, 1), а не *стужать* помыслами (2 Кор. 4, 8), не покрываться печалію, какъ облакомъ, но тогда-то наипаче держаться упованія, и имѣть въ виду тамошнее блаженство, уготованное терпѣливымъ. Особенно же не будетъ для насъ трудно съ терпѣніемъ переносить бѣдствія, и стать выше многихъ, во время скорби; если размыслимъ, что

объщали мы Богу, и чего надѣялись, когда вступали въ любомудренную жизнь. Богатства ли? веселостей ли? благоденствія ли въ сей жизни? Или противнаго сему: скорбей, злостраданій, тѣсноты, того, чтобы все переносить, все терпѣть въ упованіи будущихъ благъ? Знаю, что сего, а не перваго ожидали мы. Поэтому боюсь, не нарушаемъ ли завѣтовъ своихъ съ Богомъ, когда одно имѣть помогаемся, а другаго надѣемся. Не будемъ же отказываться отъ своей купли; понесемъ одно, чтобы сподобиться другаго. Намъ причинили скорбь ненавистники? а мы соблюдемъ душу отъ раболѣпства страстямъ. Черезъ сіе одержимъ верхъ надъ оскорбившими. Разсуди и то, о комъ мы скорбимъ,—не о преставившихся ли? Но чѣмъ можемъ угодить имъ? Не терпѣніемъ ли нашимъ? Посему и принесемъ это въ даръ. Ибо я увѣренъ, что души святыхъ видятъ дѣла наши. А паче всего и прежде всего разсудимъ то, что неумѣстно какъ любомудрствовать безъ нужды, такъ въ страданіяхъ оказываться нелюбомудренными, и не служить для другихъ образцомъ и благодарности въ благодушій, и терпѣнія въ горѣ. Пищу же сіе не съ тѣмъ, чтобы учить тебя, какъ незнающую, но чтобы напомнить тебѣ, какъ свѣдущей. А Богъ утѣшенія да сохрани тебя неуязвимою въ страданіяхъ, и мнѣ даруетъ еще увидѣть твое благоговѣніе и убѣдиться самыми дѣлами, что трудъ мой былъ не вотще, но что значу я для тебя нѣсколько болѣе, нежели другіе, и что какъ скорбь была у насъ общая, такъ и въ любомудрїи буешь ты моею сообщницею, чего требуютъ, можетъ быть, и сѣдина наша и труды наши ради Бога.

216¹). Къ Евагрію (153).

Иъзъявляетъ свое удовольствіе за одобреніе сына его Евагрія, учившагося подъ надзоромъ св. Григорія.

Пріятно было мнѣ слышать о себѣ похвалы; потому что одобреніе сыну моему Евагрію есть одобреніе мнѣ самому; всякая доблесть дѣтей—слава для отца. Что до наукъ, я съ своей стороны ничего, или мало развѣ былъ полезенъ сыну твоему, потому что не велика моя ученость: вмѣсто же всего (въ этомъ не отрекусь) внушалъ ему одно и самое главное—страхъ Божій, а также убѣждалъ презирать настоящее. Итакъ и желалъ, и желаю, ему

¹) Время написанія, какъ сего, такъ и посвѣдующихъ за сямъ писемъ, не можетъ быть опредѣлено даже и приблизительно.

всего лучшаго, чтобы занятые отъ меня начатки возрастил онъ въ зрѣлыя плоды, а также не безъ плода осталось и мое стараніе. Твоей же честности все мое благодареніе за то, что удостоиваешь и помнить обо мнѣ и оказывать мнѣ честь памятниками своей дружбы, которые и сами по себѣ не маловажны, но еще за большее приняты мною.

217. Къ Пансофію (112).

Радуется успѣхамъ Евагрія въ любомудріи, и тому, что сіе доставляетъ ему Пансофіеву дружбу.

Кто не хвалитъ растенія, только что обливающагося цвѣтами? Кого не веселитъ жатва, только что завязывающаяся и обѣщающая благовременный колосъ? Кого не веселитъ и новорожденная душа, едва только уготованная Богу, начинающая свергать съ себя земныя оковы, чтобы вступить въ единеніе съ Богомъ и узрѣть самую истину того, чего нынѣ видитъ однѣ тѣни? Поэтому-то особенно радуюсь, смотря на возлюбленнаго брата и сослужителя Евагрія, который не слабо преуспѣваетъ въ философіи, потому что дѣло философіи—любить мудрость. Но радуюсь также и тому, что сіе доставляетъ мнѣ твою дружбу. И еще больше буду радоваться, если чаще станешь писать ко мнѣ и вознаградишь еще большими доказательствами дружбы.

218. Къ нему же (113).

Благодаритъ за присланные символы праздника, за приглашеніе и желаніе видѣться.

Разстояніе, какое между Ивирами и нами, составляетъ путь не малаго числа дней. Но дружба и отдаленное дѣлаетъ близкимъ. Какъ пріятны присланные тобою символы праздника, какъ пріятны твое приглашеніе и желаніе свидѣться со мною! Чего же въ замѣнъ его пожелаю тебѣ столько же значительнаго? Будь также добръ. А если надобно сказать и еще нѣчто большее, то превзойди самъ себя.

219. Къ Θεодосію или Θεодору (114).

О предположенномъ бракосочетаніи дочери его съ Евфиміемъ.

Мы подражаемъ живописцамъ, которые сперва набрасываютъ очерки изображаемаго, а потомъ со второй и третьей руки оконча-

тельно ихъ отдѣлываютъ и накладываютъ краски. Къ чему клонится у меня этотъ примѣръ? Къ тому, что между нами была уже чистая и непритворная дружба, что особенно нынѣ рѣдко, и не у многихъ найдется, и эту дружбу произвели въ насъ не столько родство, и общая родина, и, какъ говорить Омиръ, любезное товарищество“, сколько сходство въ нравахъ и то, что нравилось намъ одно и то же. Это же всего болѣе скрѣпляетъ дружбу, и дѣлаетъ ее твердою. А теперь: роды наши сопрягаются (да благословитъ Богъ это слово!), чтобы получила приращеніе наша дружба, и болѣе стали мы принадлежать другъ другу. И сіе устрояетъ Богъ, способствуя праведной любви. Поэтому и ты почитай меня своимъ ради любезнѣйшаго сына нашего Евфимія, и я присвою тебя себѣ чрезъ любезнѣйшую дочь твою. А за сими не знаю, въ чью больше пользу и кому говорить,—твоей ли досточестности объ этомъ молodomъ человѣкѣ, или ему о тебѣ; потому что отеческое благорасположеніе къ дѣтямъ равно. По крайней мѣрѣ желаю вамъ, чтобы это супружество было во всемъ наиболѣе благополучно и таково, какимъ слѣдуетъ ему быть, когда сочетается самъ Богъ.

220. Къ Θεодору (219).

По дѣлу о клятвѣ, данной Георгіемъ Паспасинскимъ, излагаетъ свое мнѣніе о клятвахъ.

Да даруетъ Богъ тебя Церквамъ къ нашей славѣ и къ пользѣ многихъ! Ты столько осмотрителенъ и твердъ въ духовномъ, что дѣлаешь болѣе твердыми всѣхъ, которые думаютъ о себѣ, что по лѣтамъ имѣютъ нѣкоторое преимущество. Итакъ, поелику соблаговолилъ ты принять меня въ участники духовнаго изслѣдованія, разумѣю по дѣлу о клятвѣ, какую, повидимому, далъ Георгій Паспасинскій; то объявляю твоему благоговѣнію, что у меня на мысли. Многіе, по моему разсужденію, сами себя обманываютъ, почитая клятвами только тѣ, которыя даны съ заклятіями, а писанныя, но безъ сильныхъ выраженій, хотя и соблюдаютъ по совѣсти, однако же не признаютъ за клятву. Ибо какъ всякая долговая росписка болѣе обязываетъ, нежели простое условіе; такъ писанную клятву будемъ признавать за нѣчто иное, а не за одну клятву. Короче сказать, клятва, по моему мнѣнію, есть удостовѣреніе спросившаго и довѣрившаго. Не говоритъ онъ въ оправданіе, что принудилъ Никаноръ, потому что принужденіемъ былъ самый законъ, его связывавшій; или что въ послѣдствіи одержалъ верхъ по

суду, потому что самое преслѣдованіе судомъ было уже клятвопреступленіемъ. Въ этомъ убѣждалъ я и брата Георгія, не придумывать предлоговъ къ преступленіямъ, и не выскривать причинъ, оправдывающихъ проступки, но знать, что написанная есть клятва, и плакать предъ Богомъ и предъ твоимъ благоговѣніемъ о грѣхѣ, хотя и иначе думалъ онъ прежде, обманывая самъ себя. Объ этомъ и самъ я говорилъ съ нимъ; а очевидно, что, если ты поговоришь; то приведешь его въ большее сокрушеніе, какъ великій врачъ душъ, и подчинивъ его какому-нибудь правилу, на сколько времени за благоразсудишь, такимъ образомъ окажешь ему человѣколюбіе во времени. Мѣрю же времени будетъ мѣра раскаянія.

221. Къ нему же (220).

Выражаетъ свои благожеланія.

Радъ я совѣтникамъ любви, особенно же въ такое время, и въ разсужденіи человѣка, недавно присоединеннаго и въ то же время крещеннаго, и, чтобы угостить тебя словами Писанія, *водруженнаго въ юности* (Псал. 143, 12). Ибо такъ оно называетъ превосходство разумѣнія предъ возрастомъ. Потому, какъ древніе Отцы, между прочимъ, желали дѣтямъ *росы небесной и тука земли* (Быть. 27, 28), развѣ кому угодно и это разумѣть въ смыслѣ высшемъ; такъ я за все воздамъ тебѣ духовно. *Исполнитъ Господь вся прошенія твоя* (Псал. 19, 6), и будешь отцомъ такихъ дѣтей (если уже должно выразить желаніе свое и короче и ближе), какимъ самъ ты показалъ себя родителямъ своимъ, чтобы сверхъ прочаго и мнѣ славиться тобою.

222. Къ нему же (221).

Желаніемъ любомудрствовать въ безмолвіи, слабостію здоровья и непостоянствомъ погоды спазывается по приглашенію участвовать въ общихъ молитвахъ.

Радъ я твоему прибытію, люблю быть вмѣстѣ съ тобою; однако же иное удумалъ самъ о себѣ, то есть, сидѣть дома и любомудрствовать въ безмолвіи. Ибо это нашель для себя всего болѣе полезнымъ. Поелику же и погода еще непостоянна, и болѣзнь меня не оставила; то прошу тебя, будь немнога великодушень, помолись о моемъ здоровьѣ; при времени и я готовъ присутствовать при твоихъ **молитвахъ**.

223. Къ неизвѣстному (120).

О томъ, что желающій не погрѣшать въ своихъ обязанностяхъ долженъ во всемъ совѣтоваться съ Богомъ.

Что говоришь? Убѣждаю ли тебя этими словами, и ты перемѣнишь предметъ изученія, станешь за одно со мной, который нѣкогда былъ въ одномъ ряду съ тобою, а теперь, если позволишь сказать, сталъ выше тебя? Или долженъ я напѣвать тебѣ гораздо долѣе? Нѣтъ, чудный, не жди этого. Ибо тому, кто имѣетъ у себя большую часть, стыдно не приобрести всего; начало бываетъ уже половиною цѣлаго дѣла, а цѣдъ больше половины, тамъ чему другому быть, какъ не цѣлому? Поэтому, если моихъ совѣтовъ достаточно, то прекрасно; ничего больше и не требуется. Если же тебѣ все еще нуженъ совѣтникъ, и при томъ лучший, то какъ Соломонъ велитъ тебѣ пить вино съ *совѣтомъ* (Притч. 31, 4), чтобы не падать отъ опьяненія и головокруженія; такъ я, измѣнивъ не много совѣтъ, говорю: съ Богомъ совѣтуйся, и не погрѣшишь въ своихъ обязанностяхъ.

224. Къ неизвѣстному (121).

О томъ, что скрывать свое любомудріе есть высшая степень любомудрія.

Ты, любезный сынъ, имѣлъ у себя добраго отца, какъ слышу о тебѣ. Воспрянь только, *уствай и царствуй*; мы же готовы хвалить тебя, хотя еще и не признаешься въ своемъ любомудріи. Ибо смотримъ больше не на то, что говоришь, а на то, что дѣлаешь. А и это самое—не признаваться въ своемъ любомудріи весьма любомудренно, какъ критикъ Діонисій говоритъ о риторѣ Лисіи, что его безыскусственность была крайне искусственна.

225. Къ Урсу (122).

Объясняетъ причины, по которымъ не можетъ быть у него.

Пріятно привѣтствовать друзей; а еще пріятнѣе и привѣтствовать черезъ друзей же, къ числу каковыхъ принадлежитъ достоцѣстнѣйшій сынъ Анисій. Онъ извѣститъ тебя и о моемъ здоровьѣ; если только назвать здоровьемъ кратковременную перемѣну на лучшее. Сообщить также и то, о чемъ былъ прошенъ, а именно, что, хотя быть у тебя, чего требуешь дружески и искренно, и насла-

даться твоею любовію для меня весьма пріятно и даже, будь увѣренъ, пріятно не менѣе чего либо другаго, составляющаго предметъ моихъ желаній, какъ извѣстно сіе и тѣмъ, кому описываю я твое радушное угощеніе: однако же пусть рассудитъ твое благоразуміе, возможно ли это, а притомъ и прилично ли, и не обвинять ли меня въ неблаговременности, не покажусь ли для иныхъ обременительнымъ, какъ явившійся безъ основанія, и безъ видимой какой нибудь причины; потому что нельзя увѣрить многихъ, что любомудрствую не притворно, и все свое отдаю Богу?

226. Къ Эллевиху (123).

Просить его, какъ военачальника, уволить изъ военной службы чтеца Маманта.

Какія потери терплю отъ болѣзни! Надобно было прійти къ тебѣ, обнять тебя, вспомнить старинную пріязнь и тѣсную дружбу; но не таково состояніе моего тѣла. Потому обращаюсь къ тебѣ съ письмомъ, и встрѣчаю привѣтствіемъ. А поелику надобно и одарить чѣмъ нибудь, то вотъ мой подарокъ—чтець Мамантъ, у котораго отецъ—воинъ, но который посвященъ Богу за его нравъ. Уступь его Богу и мнѣ, а не считай въ числѣ бѣглыхъ. Дай ему письменное увольненіе, чтобы и другіе не беспокоили; а тѣмъ самому себѣ подашь благоспѣшныя надежды и въ войнѣ и въ военачальствѣ. Да, умоляю тебя, позаботься о семъ. У кого въ рукахъ самое важное, и отъ кого все зависить, тѣмъ особенно должно заботиться о Богѣ и объ Его помощи.

227. Къ Македонію (124).

Въ благодарность за благодаренія посылаетъ ему обѣщаннаго пѣвца.

Я не таковъ, чтобы не знать сытости, получая отъ друзей благодаренія, хотя ты и щедръ на благодаренія; а потому отослалъ къ тебѣ, по условію, пѣвца, человекъ и въ друтихъ отношеніяхъ, сколько можно было узнать въ короткое время, весьма хорошаго, а для тебя, можетъ быть, пріятнаго и по его псалмопѣнію, непрестанно напоминающему о Богѣ и о спасеніи. Если же и еще окажешь мнѣ благодареніе, когда тебѣ заблагодарасудится, и когда представится къ тому случай; то сдѣлаешь хорошее дѣло, тѣмъ болѣе, что это будетъ знакомъ твоей дружбы.

228. Къ Авлавію (131).

Обличаетъ его въ излишней привязанности къ софистикѣ.

Слышу, что ты полюбилъ софистическое искусство, и для тебя чуднымъ стало дѣломъ, на примѣръ: говорить свысока, смотрѣть значительно, выступать, поднимать голову и съ надмѣнностью. Слышу, что желаніе твое устремлено туда—къ Мараѳону и Саламину, этимъ вашимъ украшеніямъ, и что ни о чемъ не думаешь болѣе, кромѣ того, чтобы Мильтіадовъ и Киногировъ, Каллимаховъ и Телемаковъ,—все снарядить по правиламъ софистики, и какъ можно ближе къ своей цѣли. Если при этомъ ставишь во что нибудь и добродѣтель, ты уже нашъ; и что служить къ твоему прославленію, то пусть идетъ впередъ своимъ путемъ. Но если ты вполнѣ софистъ, и забываешь о моей дружбѣ и о томъ, что неоднократно говаривали мы между собою о прекрасномъ; то не скажу чего другаго неприятнаго, а сказать слѣдующее не будетъ, можетъ быть, не скромнымъ: знай, что не долго позабавившись предъ молодыми людьми, весьма много посмѣешься самъ надъ собою, когда прійдетъ время взяться за умъ, но уже поздно.

229. Къ Мелетію (143).

Давнее прекращеніе переписки съ нимъ уподобляя сну, сравниваетъ себя съ Ахилловыми конями, отрясающими съ себя прахъ.

Столько уже времени, и ни одного еще письма не получалъ я отъ тебя, какъ ни желательно было сіе; и самъ я не писалъ, хотя, думаю, и ты также ждалъ отъ меня писемъ. Какая недѣлятельность! чтобы не сказать, какое безчувствіе! Что до сна, едва ли сравнится съ нами и Арганеоній.—Такъ мы заспались. Гдѣ прежнее наше товарищество? Гдѣ эти общія рѣчи и бесѣды? гдѣ тотъ сладкій и неизсякающій источникъ, изъ котораго онѣ почерпались? Поэтому, хотя и поздно, я встаю, отрясаю съ себя прахъ, по примѣру Ахилловыхъ коней¹⁾, повременю впрочемъ говорить: отрясаю и гриву, чтобы ты не принялъ сего за шутку. А заботишься ли о нашей дружбѣ ты, это сдѣлается явнымъ, когда напишешь.

¹⁾ Илиады II. 17, ст. 457

230. Къ Анисію (144).

Благодарить Бога, что поѣздка Анисіева была благоуспѣшна, желаетъ и себѣ того же.

Пришло ко мнѣ письмо твое съ извѣстіемъ о твоёмъ здоровьѣ и о томъ, что поѣздка твоя была благоуспѣшна. И за это все благодареніе Богу! А если бы и я могъ о себѣ написать что-нибудь подобное; то еще большее благодареніе!

231. Къ Олимпіану (165).

Требуется назадъ книги: *Аристотелевы Письма*, замѣчая, что могъ бы и подарить се, если бы не боялся, что онъ, какъ неподкупный судія, прійметъ это за подкупъ.

Книгу, которую бралъ ты у меня, именно: *Аристотелевы Письма*, могъ бы я не требовать назадъ; но оставить у тебя, какъ даръ свойственный ученому, и какъ приличный памятникъ дружбы, но, чтобы ты, какъ страшный витія и превосходный судья, не взнесъ на меня жалобы о преступленіи противъ начальства, и объ оскорбленіи онаго тѣмъ, что намѣреваюсь подкупить судію, который такъ не подкупенъ и выше всякаго дара; то—пусть воротится назадъ, что дано тебѣ мною. Въ награду же отъ твоей учености прошу не инаго чего (ибо что можешь дать мнѣ, который изъ того и любомудрствую, чтобы ничего не имѣть?), а одного письма твоего, чтобы это было въ букввальномъ смыслѣ вознагражденіемъ, когда за одолженіе писемъ и платить будешь письмами.

232. Къ Георгію (182).

Просить объясненія по дѣлу о діаконѣ Евеаліи, который заключилъ въ узы и былъ какого-то Филадельфія; требуетъ и самого виновнаго въ отвѣту.

Недужное врачуютъ, а не сокрушаютъ. Поэтому какъ же содіаконъ нашъ Евеалій, ни сана не уваживъ, ни свойства не почтивъ, бѣднаго Филадельфія подвергъ и узамъ и побоямъ, какъ показываютъ и знаки побоевъ? Дивлюсь этому. Посему не оставь безъ вниманія сего происшествія, но, когда прійдешь, самъ объясни мнѣ случившееся. Пусть явится и діаконъ дать отвѣтъ на обвиненіе, и понести примѣрное наказаніе за жизнь имъ притѣсненнаго. Ибо не потерплю, чтобы почти въ глазахъ моихъ осмѣливались на подобныя несприличія

233. Къ Петру (186).

Просить его молитвъ о себѣ, удрученномъ старостию и болѣзнію.

Очень удалились мы другъ отъ друга, не имѣя ни личныхъ свиданій, ни письменныхъ сношеній. Впрочемъ надѣюсь, что разлучены мы между собою тѣломъ, а не духомъ. А теперь, когда открылся случай, и привѣтствую твое благоговѣніе, и прошу молитвъ о мнѣ, удрученномъ старостию, болѣзнію и и бореніемъ между жизнию и преселеніемъ изъ жизни.

234. Къ Θεотенну (198).

Увѣщаетъ его, какъ не давно сподобившагся благодати не мстити обидѣвшимъ его въ въ лицѣ жены и дочери.

Знаю, что трудно не смущаться мыслями, когда обида еще жива и гнѣвъ не остылъ; потому что и раздраженіе и печаль бываютъ слѣпы, особливо же, когда можно негодовать и по праву. Но поеліеку и самъ я въ числѣ обиженныхъ и оскорбленныхъ, даже и негодую не менѣе; то посему имѣю право требовать, чтобы и совѣтъ мой не былъ оставленъ безъ уваженія. Несносно то, что потерпѣли мы, и если угодно, присовокупили, что потерпѣли, чего не терпѣлъ еще никто изъ людей. Но ради сего не станемъ дѣлать обиды себѣ самимъ, и не возненавидимъ благочестія со вредомъ своимъ. Много значить жена, дорога и дочь, но не дороже души. Подумай, что не давно удостоился ты благодати; а не малая опасность—осквернить кровію даръ и опять имѣть нужду съ новымъ очищеніи. Поэтому не будемъ умышлять худало сами на себя, не утратимъ дерзновенія предъ Богомъ, оказавшись огорченными и чрезъ мѣру негодующими на обидѣвшихъ. Предоставимъ человѣка Богу и тамошнимъ наказаніямъ, а себѣ приобрѣтемъ челоуѣколюбиваго Судію, оказавшись сами челоуѣколюбивыми; сдѣлаемъ снисхожденіе, чтобы и намъ было сдѣлано снисхожденіе. Да не обольщаетъ тебя суетная мысль, что нѣтъ вины справедливо отмстить и преступника выдать законамъ. У Римлянъ свои законы, а у насъ свои: но тѣ неумѣренны, жестоки, не щадятъ даже и крови; у насъ же законы милостивы, челоуѣколюбивы и не позволяютъ предаваться гнѣву и на обидчиковъ. Ихъ будемъ держаться, имъ станемъ слѣдовать, чтобы, оказавъ малую милость, потому что маловажна и никакой не имѣетъ цѣны здѣшняя жизнь, получить въ замѣнъ великое отъ самого Бога, т. е. Его челоуѣколюбіе и тамошнія надежды

235. Къ Гражданскимъ начальникамъ (197).

Выговариваетъ имъ, что діакона Θεотекна обложили податью, какъ ремесленника.

Кажется мнѣ, что не пощадили бы вы и сумы синопскаго Діогена, если бы жилъ онъ при васъ, но и на него наложили бы руки, ставя ему въ вину его родъ жизни, философскій плащъ, посохъ и то, что, по своему любомудрію, ничего онъ у себя не имѣетъ, но ходитъ отъ дверей къ дверямъ, проживая даромъ, и какъ случилось, — когда намѣреваетесь и на брата Θεотекна наложить пошлину, какую берутъ съ занимающихся ремеслами. На какое первое и важнѣйшее изъ правъ его указать мнѣ? На то ли, что онъ діаконъ? или что онъ бѣденъ? или что онъ странникъ, и принадлежитъ болѣе другимъ, нежели намъ? или что заслуживаетъ уваженіе по жизни, какъ іерей и сожитель Мучениковъ? Но извѣстно вамъ и то, что питаетъ странныхъ, даже не по силамъ, и, можетъ быть, тѣмъ только и виновенъ, что одинъ изъ живущихъ тамъ усиливается быть благодѣтельнымъ. Что изъ этого всего важнѣе, судите сами: за все же сіе окажите списхождение человѣку, и не подайте о себѣ мысли, что, доставляя малую выгоду обществу дѣлаете сами великій вредъ, нагаго, какъ говорится, не одѣвая, а раздѣвая.

236. Къ Евланкію (210).

Выговариваетъ за то, что давно не пишетъ.

Долгое время молчалъ ты, хотя человѣкъ ты самый словоохотный, о томъ и заботишься, въ томъ и поставляешь искусство, чтобы всегда говорить и выказывать себя въ рѣчахъ. Но вѣроятно, Неокесарія причиною твоего передо мною молчанія; и слѣдовательно, долженъ принимать я за милость, что помнишь еще о своемъ отечествѣ; потому что не чѣмъ добрымъ и помянуть; такъ говорятъ слышавшіе. Но въ старину былъ ты въ числѣ ненавидимыхъ за меня, а не въ числѣ терпѣвшихъ, чтобы ненавидѣли меня другіе. Посему будь ко мнѣ таковъ же, и пиши, гдѣ бы ты ни былъ, и воспомянай о мнѣ, какъ слѣдуетъ, если только я значу для тебя что-нибудь. Но есть и нѣкоторое право требовать равной любви въ вознагражденіе тому, кто сталъ первый любить.

237. Къ Ѳеклѣ ¹⁾.

Просить прислать вина для строителей церковной ограды.

Въ минувшемъ году была на родинѣ сильная стужа, и на виноградныхъ лозахъ побила усика, которые уже развѣтвились къ образованію изъ себя гроздовъ; оставшіе же безплодными, и наши чаши сдѣлали онѣ безвлажными и пересохшими. Но что заставило меня такъ жалобно тебѣ описывать безплодіе растений? Чтобы сама ты, по слову Соломонову, стала для насъ виноградомъ зрѣющимъ (Пѣсн. Пѣсн. 2, 13), и лѣтораслію плодovитою, которая не гроздами украшена, но источила уже для жаждущихъ влагу изъ гроздовъ. Кто же эти жаждующіе? Строители церковной ограды. Не имѣя возможности напоить ихъ горнымъ напиткомъ, прибѣгаю къ твоей многогроздной десницѣ, чтобы ты приказала своимъ источникамъ излиться на насъ рѣкою. Сдѣлавъ это вскорѣ, оживишь у многихъ пересохшія уста, а прежде всего, какъ нельзя больше, обрадуешь меня, который аттически выпрашиваю себѣ на бѣдность.

238. Къ Ливанію софисту (203).

Отъ имени матери, посылающей къ Ливанію сына.

Я—матерь послала къ отцу дѣтище,—матерь по природѣ, къ отцу, по урокамъ краснорѣчія. Поэтому, чтобъ заботилась о немъ я, позаботься ты.

¹⁾ Письма сего нѣтъ въ Билліевомъ изданіи творенія св. Григорія Божественнаго; помѣщено же оно въ Гаринеровомъ изданіи творенія св. Василія Великаго, и въ ряду писемъ послѣдняго есть 321-ое.

А л ф а в и т н ы й у к а з а т е л ь

ПРЕДМЕТОВЪ СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ВОСЬМИ КНИГАХЪ

ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

(Цифры римскія означаютъ книги *), а арабскія — страницы).

А.

Ааронъ. Братъ Моисея и по тѣлу и по духу. V, 650.—Второй по Моисеѣ. I, 57.—Таинникъ скинии. V, 650.

Авраамъ. Двадцать первый отъ Адама Патріархъ. IV, 579.—Приноситъ сына въ жертву Богу. I, 71; II, 246.

Агнецъ Пасхальный. Почему былъ отдѣляемъ въ десятый день перваго мѣсяца? V, 670.—Для чего былъ соблюдаемъ до пятаго дня? V, 670.—Образъ Христа. V, 669.—Знаменательныя его свойства. IV, 669.

Адамъ. Для чего поселенъ въ раю? IV, 527; V, 666.—Законъ, ему данный. IV, 528, 529; V, 666.—Состояніе его въ раю. V, 34.—Паденіе его. IV, 528; V, 666; V, 34.—Онъ палъ прежде всего умомъ. V, 13.

Александръ, Епископъ Константинопольскій. Сила молитвы его. IV, 502, 503.

Александрія. Ея жители во времена Григорія отличались горячностію въ вѣрѣ. III, 360.

Амаликъ побѣжденъ молитвою и воздѣяніемъ рукъ. I, 72.

Анастасія. Храмъ Анастасіи въ Константинополѣ почему такъ названъ? IV, 601; V, 81.—Сонъ Григорія Богослова объ этомъ храмѣ. V, 81.

Ангелы. Сотворены Богомъ Тріединымъ. IV, 526; V, 664.—Цѣль ихъ створенія. IV, 526; V, 664.—Ихъ природа. IV, 526—527; V, 664; V, 29.—Непостижима для нашего ума. III, 413.—

*) Книга 5-я заключаетъ стр.: 641—660 и затѣмъ—1—128; первыми оканчивается счетъ стр. I тома настоящаго изданія, а вторыми начинается счетъ стр. II тома.

Они безтѣлесны. V, 29.—Они существа, ближайшія къ Божеству. I, 153; IV, 582. — Пріемлють первый лучъ Божества. V, 75. — Богъ осіяваетъ ихъ Своимъ свѣтомъ. V, 29, но не всѣхъ одинаково. III, 412.—Они видятъ Бога, но не всѣ въ одной мѣрѣ. III, 394.—Неудобопреклонны къ злу. IV, 526; IV, 547; V, 664; V, 31.—Силою Св. Духа. IV, 582.—Хотя утверждены въ добрѣ, но не существа неизмѣняемыя. III, 452.—Чины Ангельскіе. III, 412.—Состояніе Ангеловъ падшихъ и не падшихъ. I, 153, 154.—Послѣдніе служать Богу. III, 412, 413; V, 30.—Они таинники Божія домостроительства. IV, 529; V, 679.—Хранители Церкви, IV, 592, 602—людей, народовъ, городовъ и мѣстъ. V, 30.—Они сорадуются людямъ. I, 71.—Содѣйствуютъ имъ въ добрыхъ дѣлахъ. IV, 545.—Для чего Ангелы изображаются въ бѣлыхъ одеждахъ? III, 358.

Андрей (Апостоль) проповѣдывалъ въ Египтѣ. IV, 487.

Антифонное пѣніе въ храмѣ. V, 83.

Антихристъ. Противъ кого возстанетъ? III, 340.

Анфимъ, Митрополитъ Тіанскій. Его притязанія. II, 203; IV, 639.

Аполлинарій. Его лжеученіе: о Св. Троицѣ. V, 14; объ Иисусѣ Христѣ, и опроверженіе сего лжеученія. III, 343, 344; V, 7, 8, 9, 11, 12, 16, 18.

Аполлинаристы. Что разумѣли подъ словомъ — „вочеловѣчился“? V, 18. — Не признавали Дѣву Марію Богородицею. V, 9. — Для подтвержденія своего лжеученія извращали смыслъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія. V, 7, 17.—Называли свои книги третьимъ завѣтомъ. V, 15.—Они противорѣчили сами себѣ. V, 18.—Осуждены были Соборомъ Западнымъ. V, 9.—Отлучены отъ Церкви Дамасомъ. V, 18.

Апостолы. Порядокъ въ ихъ лицѣ. III, 472; IV, 492.—Сущность правилъ, данныхъ имъ І. Христомъ. I, 50.—Ихъ мудрость. II, 232.—Какъ понимать ихъ глаголаніе на разныхъ языкахъ? IV, 584.—Какіе Іудеи слушали ихъ, когда они стали говорить разными языками? IV, 585.—Признакъ преемства отъ Апостоловъ. II, 309.—Храмъ Апостоловъ въ Константинополѣ. IV, 601; V, 82.

Арій. Значеніе его имени. III, 363. — Позорная его смерть. II, 311, 312; IV, 503.—Лжеученіе его. I, 36; II, 300, 301; IV, 530; V, 670, 680, оно открылось въ Александріи. III, 364.

Ариане. Ихъ нечестіе было подобно языческому вакханаліямъ. IV, 501.—Жестокости ихъ въ гоненіи Православныхъ. IV, 482,

484; IV, 606; особенно въ Александріи. III, 366, 367.—Злоупотребленія, внесенныя ими въ управление церковное. II, 317.—Внутреннія преимущества Православныхъ предъ Аріанами въ Константинополѣ. IV, 490.—Внѣшнія преимущества Аріанъ предъ Православными. IV, 489.—Аріане признакомъ Церкви поставляли многолюдство. IV, 481.—Они приписывали страданіе Божеству. V, 11.—Лжеученіе аріанское безчеститъ всѣ Лица Св. Троицы. III, 331, 332.—Оскорбляетъ Божество Отца и Сына.—V, 21.—Доводы Аріанъ пусты. III, 335.—Опроверженіе ихъ ученія о сотвореніи Сына. III, 333.—См. Евноміане.

Арменія славилась дѣвственниками. V, 89.

Армяне скрытны. IV, 613.

Астрологія. IV, 534.—Она оскорбляетъ Промысль. III, 362.

Астрологи. Нелѣпость ихъ мнѣнія о зависимости міра и челоуѣка отъ звѣздъ. V, 27—29.

Астрономія. Ея начало у Халдеевъ или Вавилонянъ. I, 114; IV, 534.—Ея предметъ и достоинство. III, 362; III, 411, 412.

Аванасій Великій. Его образованіе. II, 308.—Изученіе имъ всего Св. Писанія. II, 308.—Первенство его на Никейскомъ Соборѣ. II, 312.—Онъ прошелъ всѣ степени церковныя. II, 308.—Поставленъ во Епископа Александріи, по приговору народа. II, 309.—Гоненія на Св. Аванасія отъ Аріанъ при Констанціѣ. II, 312, 313.—Возстаніе противъ него Григорія Александрійскаго. II, 313.—Клевета на него Аріанъ. II, 313.—Онъ удаляется въ Египетскую пустыню. II, 315.—Объясняетъ пустыяникамъ духъ истиннаго монашества. II, 316.—Любовь къ нему монаховъ. II, 316.—Возвращеніе Св. Аванасія въ Александрію. III, 321.—Торжественная встрѣча ему въ Александріи. III, 321, 322.—Св. Аванасій умиротворяетъ Александрійскую паству. III, 323.—Гоненія отъ Юліана противъ Св. Аванасія. III, 323, 324.—Возвращеніе его при Ювиніанѣ. III, 324.—Смерть его. III, 327.—Изъ міра торняго онъ призываетъ на дѣла христіанъ. IV, 493, 494.—Онъ написалъ жизнь Антонія Великаго. II, 307.—Исповѣданіе Вѣры Св. Аванасія. III, 325, 326.—Плоды, какіе имѣло сіе исповѣданіе. III, 326.—Онъ объяснилъ равнозначительность реченій: лице и вѣпастась. III, 326.—Имѣлъ всѣ добродѣтели и совершенства. II, 305, 307, 310, 311.—Снисходительность его къ своимъ врагамъ. III, 322.—Его непоколебимость въ вѣрѣ. II, 312.—Онъ училъ другихъ живнію. II, 310.—Его дѣла и нравы должны служить правиломъ для

Епископовъ, а догматы закономъ Православія. III, 327.—Его ревность о чистотѣ Церкви. III, 323.—Св. Аѳанасій образецъ пустынной жизни. II, 316; называется Архіереемъ Іереевъ, святѣйшимъ окомъ вселенной. III, 365.—Трубою истины. II, 312.

Аѳины—обитель наукъ. IV, 611; V, 55.—Учившіеся въ Аѳинахъ имѣли страсть къ софистамъ. IV, 612.—Какъ обходились съ новопоступавшими въ Аѳинскія училища. IV, 612, 613.—Въ Аѳинахъ идоловъ было болѣе, чѣмъ въ цѣлой Греціи. IV, 617.

Б.

Безмолвіе. Его нужда и плоды. III, 377.—Похвала безмолвію I, 25.

Безначаліе—пагубно. I, 23, 24.

Безпечность о будущемъ предосудительна. I, 83.

Безпорядокъ. Его слѣдствіе—разрушеніе. III, 467.

Безпредѣльное. Служить основаніемъ представленій разума о безначальномъ, безконечномъ, безсмертномъ, вѣчномъ. IV, 525; V, 664.

Благо. Блага истинныя и ложныя. II, 218.—Что не ведетъ къ улучшенію, то не есть благо. III, 361.—Для человѣка здѣсь одно благо—небесныя надежды. V, 47.—Блага—одни доступны всѣмъ, другія немногимъ. III, 475, 476.—Духовныя общи всѣмъ. II, 294, 295; ихъ постоянство. II, 217.—Непостоянство и скоротечность благъ земныхъ. II, 291; V, 77, 78.—Цѣль сего и польза. II, 217; V, 49.—Въ сей жизни ни одно благо не изъято отъ скорби. V, 43, 49.—Къ земнымъ благамъ привязываться не должно. III, 347, 348.—Для чего Богъ награждаетъ иногда здѣшними благами II, 260.—Должно заботиться о благѣ общемъ. II, 200, 201.

Благодать—не касается недостойныхъ. II, 190.—Иногда надменіе благодатию служитъ поводомъ къ удаленію отъ Бога. II, 190.—Богъ малымъ ее даруетъ. V, 89.—Отвергать ее опасно. II, 201.—Дѣйствія благодати въ Крещеніи. IV, 547.

Благодѣянія — Божіи къ людямъ. II, 219, 220, 221, 222, 223.—Духовныя выше тѣлесныхъ. II, 223.

Благородство и рабство. V, 54.—Благородство истинное. II, 178; II, 216; III, 354; III, 360; III, 379; IV, 488. — Ложное. III, 354; IV, 488.—Свѣтское. III, 379.—Истинное состоитъ въ стремленіи души къ Божественному. I, 154.—Оно не унижаетъ доблестей и во врагахъ. I, 91.

Благочестіе. Его отличительная черта. I, 22.—Оно—единое постоянное благо. II, 165. — Мнимое благочестіе языческое. I, 110, 111.

Блаженство небожителей. II, 188.—Вѣчное есть цѣль христіанской жизни. I, 170.—Въ чемъ оно будетъ состоять? II, 236, 298, 305; IV, 514.—Обитатели вѣчнаго блаженства назначаются по достоинству. II, 207.—Степени онаго соотвѣтствуютъ родамъ добродѣтелей. III, 389.—Множество обителей блаженства соотвѣтствуетъ множеству добродѣтелей. V, 86.—Кто блаженъ? II, 306; V, 50, 51.

Блудъ душевный. IV, 519, 520.

Богатство. Его доброе употребленіе. II, 216, 218.—Ищущіе его подвержены многимъ заботамъ. V, 55, 56; и опасностямъ. I, 59.—Вредъ привязанности къ нему. II, 228.

Богоматерь. Душа и тѣло Ея предпочищены Духомъ. IV, 529; V, 667.—Ей возсылаются молитвы. II, 219.

Богопознаніе. Стремленіе къ оному. III, 399.—Совершенство возможно только въ будущей жизни. III, 402.—Несовершенство онаго въ настоящей жизни, свидѣтельствуемое Св. Писаніемъ и примѣрами мужей, болѣе другихъ познавшихъ Бога. III, 402, 404, 471.—Трудность богопознанія по свидѣтельству Соломона, Апост. Павла и Давида. III, 404, 405.—Естественный путь ума къ Богопознанію. III, 401.—Природа видимая учитъ оному. III, 408.

Богословствованіе — должно начинать призываніемъ имени Божія. III, 392.—Трудность богословствованія. I, 37, 38.—Предметы онаго. I, 36. — Какъ можно сдѣлаться истиннымъ Богословомъ? II, 305.—Излишніе споры въ Богословіи вредны. III, 389.— Не всякій можетъ любомудрствовать о Богѣ. III, 386, 469, 472.— Кто можетъ? III, 386.—Когда? II, 208, 213.—Предъ кѣмъ и въ какой мѣрѣ? II, 209, 210, 213, 312.— Говорить о Немъ — великое дѣло, III, 469.—И можно только при содѣйствіи Св. Духа. I, 36.

Боги—язычниками чтимые. III, 400, 401.—Покровители пороковъ. I, 145.—Они не—различныя именованія единаго Божества. III, 452.

Богъ. Внѣшній опытъ и законъ естественный увѣряютъ въ бытіи Божіемъ. III, 394.—Богъ не именуемъ. III, 479; IV, 496.—Имена Божія, III, 440, 441, различаются вслѣдствіе различныхъ умопредставленій. III, 423.—Отъ чего они заимствуются? III, 440, 441.—Имя — „Сый“ — III, 440, принадлежитъ только Богу. III, 440.—Слово: «*Эзот*» III, 440. — Уваженіе Евреевъ къ имени Бо-

жю. III, 439.—Что такое сущность Божія? III, 420.—Свойства отрицательныя не объемлютъ Его сущности. III, 397.—Существо Высочайшее III, 333 — выше сущности — I, 153; всего мысленнаго — II, 122; время и твари — III, 370.—Онъ безтѣлесенъ — III, 395, 396; не опредѣляется пространствомъ — III, 397; но простота не составляетъ еще Его естества. IV, 525; V, 664.—Вѣчень — IV, 524; V, 663; безначаленъ и безсмертенъ. III, 456, 457.— Не подлежитъ измѣненію. III, 384; V, 31.—Его вездѣсущіе. I, 61.—Всевѣдѣніе. I, 75; V, 126.—Предвѣдѣніе.—II, 308.—Всемогущество. I, 61, 69, 70; II, 239.— Въ Богѣ есть дѣйствіе — самая Его мысль V, 656, и хотѣніе II, 304; III, 417.—Онъ творитъ не какъ человѣкъ. II, 303.— Не имѣетъ совѣчнаго Себѣ начала. V, 25.— Не дѣлаетъ ничего напрасно. III, 389.— Онъ есть начало всякаго добра I, 153.—Премудрость I, 42.—Миръ III, 336.—Любовь II, 198.—Для чего называется „миромъ“ и „любовію“? I, 153.—Именованіе „любовію“ пріятнѣе Ему другихъ именъ. III, 338.—Богъ—свѣтъ. III, 470; IV, 545.—Нелицепріятенъ. I, 75.—Для добрыхъ—свѣтъ, для злыхъ—огнь. II, 189; V, 23.—Безгрѣшенъ одинъ только Богъ. II, 248; IV, 547.— Не виновникъ зла. I, 82.—Самодоволенъ I, 75.—Первопричина всего. III, 462.—Творецъ міра. IV, 526; V, 664; V, 25.—Человѣкообразныя выраженія о Богѣ въ Писаніи. III, 455, 456.—Сравненіе Бога съ солнцемъ. II, 306; III, 412; IV, 546.

Больной. Для больного—быть въ пренебреженіи тяжелѣе самой болѣзни. II, 209.— Не должно отказывать въ общеніи больнымъ, изъ опасенія заразиться ихъ болѣзнію. II, 222, 223.

Болѣзнь. Душевная важнѣе тѣлесной. II, 215.—Исцѣленіе отъ первой есть дѣло вѣры и благодати. I, 151; II, 229.

Бракъ. Установленъ Творцомъ. IV, 512.—Его достоинство и важность. IV, 518, 554.—Когда онъ хорошъ? IV, 515.—Когда не хорошъ? IV, 515.— Въ бракѣ должно блюсти чистоту. IV, 554.—Скорби въ брачномъ состояніи. IV, 514.—Второй не одобряется словомъ Божиимъ и допускается не по закону, а по снисхожденію. IV, 514.

Брань духовная. I, 55; II, 197, 200.—Похвальная брань лучше міра, разлучающаго съ Богомъ. I, 54.—Междоусобія страшнѣе вѣднѣйшей брани. I, 114.

Бѣдность. Въ происхожденіе. II, 221.

Бѣдный. Всѣ мы бѣдны. II, 204.—Страданія не всегда насылаются Богомъ. II, 224, 225.—Состояніе бѣдныхъ, пораженныхъ

болѣзнію. II, 210, 211, 212.—Нужды бѣдныхъ. II, 214.—Долгъ—не презирать бѣдныхъ V, 658, 659, — а помогать имъ, пока имъ емъ къ тому средства. II, 223, 224.—Должно оказывать любовь къ бѣднымъ всякаго рода. II, 207.—Въ лицѣ ихъ питается самъ Исусъ Христосъ. II, 242.

В.

Валентъ Императоръ—послѣдователь Аріева лжеученія. IV, 623.—Его гоненія на православныхъ. III, 365; IV, 588.—Первое гоненіе въ Кесаріи. IV, 623, 624.—Второе. IV, 631.—Его жестокость въ гоненіи. IV, 632.—Страдальческая кончина одного пресвитера въ его правленіе. III, 365, 566.—Валентъ въ храмъ Кесарійскомъ. IV, 635.—Богъ поражаетъ его сына болѣзнію. IV, 636.—Валентъ проситъ исцѣленія у Василия Великаго IV, 636.

Василій Великій. Предки его были знамениты. IV, 604.—Отличались благочестіемъ. IV, 605.—Укрывались отъ гоненія Максиміана. IV, 605, 606.—Чудесно питались въ пустынѣ. IV, 606.—Родители св. Василия: Василий и Еммелія—IV, 607, 608; происходили первый изъ Понта, вторая изъ Каппадокіи.—IV, 604; ихъ благочадіе IV, 607, 608.—Василій освященъ Богу съ младенчества. V, 650.—Его воспитаніе. IV, 609, 610.—Въ отцѣ своемъ имѣлъ онъ образецъ добродѣтели. IV, 610.—Дарованія его и прилежаніе. IV, 617, 618.—Образованіе его въ Кесаріи, въ Константинополѣ и въ Аѳинахъ. IV, 611.—Еще до прибытія въ Аѳины былъ тамъ извѣстенъ. IV, 612.—Для чего занимался словесными науками? IV, 611.—Что побудило его учиться медицинѣ? IV, 618.—Какое впечатлѣніе произвели на него Аѳины? IV, 614.—Успѣхи его въ наукахъ. IV, 617, 618.—Дружество съ Григоріемъ Богословомъ II, 193; II, 284; IV, 617, 618 утвердилось въ Аѳинахъ. IV, 11, 614, 615, 618.—Образъ ихъ жизни въ Аѳинахъ. IV, 615, 618.—Отношенія ихъ къ товарищамъ. IV, 617.—Отъѣздъ Василия изъ Аѳинъ и разлука съ Григоріемъ. IV, 619.—Возвращеніе въ Кесарію. IV, 619.—Василій былъ сперва чтецомъ. IV, 621.—Въ Кесаріи рукоположенъ во пресвитера. IV, 620.—Несогласіе между имъ и Евсевіемъ, Еп. Кесарійскимъ. IV, 621.—Монахи защищаютъ Василия. IV, 621.—Онъ удаляется въ Понтъ и здѣсь пустынножительствоуетъ. I, 151; IV, 622,— Возвращается въ Кесарію. IV, 623.—Дѣйствіе его противъ Аріанъ. IV, 624.—Онъ помогаетъ Евсевію въ управленіи. IV, 624, 625.—Рукополагается во Епископа Кесаріи. II, 284, 285; IV, 627. Почти ежед-

невно совершаетъ служеніе. V, 650. — Образъ его дѣйствій на епископскомъ престолѣ IV, 620, 630, 631 въ домашнихъ собраніяхъ. IV, 594. — Св. Василій заботится объ умиротвореніи Церкви. IV, 630. — Безуспѣшная борьба Валента съ Василиемъ. IV, 632, 636, 637. — Разговоръ между Василиемъ и Модестомъ. IV, 633, 634. — Отъѣздъ о немъ Модеста. IV, 634. — Переменна отношеній къ нему Валента. IV, 634. — Служеніе въ день Богоявленія. IV, 635. — Свиданіе и бесѣда Валента съ Василиемъ въ храмѣ. IV, 636. — Св. Василій приговоренъ Валентомъ къ ссылкѣ. IV, 636; V, 647. — Испѣляетъ отъ болѣзни его сына и Модеста. IV, 637. — Правитель Понтійскій подвергаетъ Василія суду. IV, 637. — Жители Кесаріи защищаютъ его отъ Префекта. IV, 638, 639. — Возстаніе Епископовъ на Василія и причины ихъ ненависти къ нему. IV, 639. — Неудовольствіе между имъ и Анѳимомъ. IV, 639. — Мѣры, принятыя Василиемъ противъ него. IV, 639, 640. — Онъ словомъ и писаніемъ поражаетъ еретиковъ. IV, 631. — Борьба Василія съ духоборцами. V, 647, 648. — Приготовленіе его къ смерти. V, 653. — Послѣднія слова. V, 653. — Смерть его и погребеніе. V, 653, 654. — По смерти является Григорію въ ночныхъ видѣніяхъ V, 654; молится за народъ. V, 654. — Чистота его ученія. V, 647. — Его ревность по Православію. V, 647. — Крестъ для него драгоцѣннѣе всякихъ стяжаній. V, 641. — Его провинцательность. IV, 614, — нравственное совершенство IV, 625; V, 641 — нестяжательность. V, 641; V, 658 — суровость жизни. V, 641, 642; жизнь дѣвственная II, 284 V, 642; воздержаніе V, 641 неславолюбіе, V, 641 мужество V, 647, — любовь къ бѣднымъ. V, 643, 644. — Онъ всѣхъ побуждалъ къ милосердію. V, 644. — Питалъ бѣдныхъ во время голода. IV, 627. — Строилъ монастыри и скиты. V, 642. — Сравненіе Василія съ праведниками Ветхаго и Новаго Завѣта. V, 648, 652. — Св. Василій для всѣхъ образецъ, достойный подражанія. V, 654. — Богословскія свѣдѣнія Василія. V, 645. — Онъ — уста Богословія. V, 647. — Его толкованія на книги Писанія. V, 646. — Шестодневъ, обличительныя и похвальныя слова. V, 646. — Его слово о Св. Духѣ. V, 647, 648. — Онъ писалъ о Духѣ по внушенію Духа. V, 648. — Его нравственныя писанія. V, 646. — Правила монашескія. IV, 625; V, 642. — Чиноположенія молитвъ. IV, 625, искусство въ словѣ, IV, 618 V, 645. — Его писанія усладительны для всѣхъ. V, 645, 646. — Мудрость его известна во всѣхъ концахъ вселенной. V, 650. — Судъ Василія — судъ Божій. II, 287. — Почему Св. Василій достоинъ уваженія.

V, 90.—Уваженіе къ нему Св. Григорія. II, 203.—Упреки ему и похвалы отъ сего послѣдняго. II, 190, 191.—Любовь къ нему народа. V, 653, 654.—Слава Василія и Григорія въ Греціи. IV, 617, 618.—Слава Св. Василія у современниковъ. V, 652.—Многіе почитали за честь служить ему, или заучивать случайно сказанное слово Василію Великому IV, 602.

Весна. Описаніе оной. V, 660, 661.—Весна естественная и духовная, V, 661.

Виталій. Его исповѣданіе вѣры. V, 17.

Виолемъ—мать всѣхъ городовъ. II, 271.

Власть. Богъ входитъ въ распоряженія власти предержащей. II, 296.—Должно повиноваться власти. II, 258.—Превосходство власти духовной. II, 258.

Вмѣняемость дѣйствій нравственныхъ; въ какомъ возрастѣ человѣка она начинается. IV, 562.

Воды. Ихъ обиліе на землѣ. III, 408.—Воды теплыя. III, 409.

Воздухъ. Его благотворность. III, 409, 410.

Вознесеніе Христово. Чему научаетъ оно христіанина. V, 378.

Возсозданіе человѣка; въ искупленіи оно выше его созданія. IV, 547.

Воскресеніе Христово. Какъ должно праздновать I, 17.—Дары воскресшему Христу. I, 18; V, 662.—Обычай возжигать огни въ ночь Свѣтлаго Воскресенія. V, 662.

Волквы что и для чего принесли Иисусу Христу? I, 32; IV, 532.—Поклонившись Христу, они оставили Астрологию. V, 28, 29.

Вражда. Ея вредныя слѣдствія. III, 339, 341.

Врачеваніе. Цѣль науки врачеванія. I, 33.—Духовное и тѣлесное врачеваніе. I, 29, 30.—Различіе и цѣль того и другого. I, 32.—Врачеваніе души важно и затруднительно. I, 33.—Оно не одинаково для всѣхъ. I, 34, 35, но должно быть сообразно съ временемъ, обстоятельствами и нравомъ врачуемаго. I, 35, 36.

Врачи. Трудность ихъ обязанностей. I, 33.—Что должны наблюдать тѣлесные врачи? I, 30, 31.

Вѣра есть восполненіе ученія III, 428; общее достояніе и мудрыхъ и простыхъ. III, 477.—Дѣла безъ вѣры и вѣра безъ дѣлъ бесполезны. III, 375.—Исповѣданіе вѣры должно сохранять до конца жизни. II, 198; IV, 570.—Безъ вѣры во Христа никто во времена Ветхозавѣтныхъ не могъ успѣть въ добродѣтели. II, 245.

Вѣчность. Что такое? III, 415; IV, 525, 526; V, 664.

Г.

Галлъ братъ Юліана отступника. Его воспитаніе. I, 73, 74.—
Онъ былъ искренно благочестивъ. I, 74.—Смерть его. I, 77.

Гелленій—начальникъ въ Арменіи. V, 91; другъ Св. Григорія.
V, 90.—Установитель податей въ Діокесаріи. V, 91.

Георгій Каппадокійскій—худой родомъ и сердцемъ. II, 314.—
Его злокозненность противъ Аванасія Великаго. II, 134.—Его дѣй-
ствія въ Египтѣ и на Востоку. II, 317, 318.—Смерть его. III, 320.

Гностики. Ихъ ересеначальники. III, 363.

Гнѣвъ—позволителенъ намъ на одного діавола. V, 658.—
Гнѣвъ Божій соразмѣряется съ грѣхами. II, 233.—Его степени.
II, 236, 237.—Гнѣвъ кошечный на ожесточенныхъ. II, 234.—Нельзя
убѣжать отъ гнѣва Божія. II, 235, 241.—Причиною гнѣва Божія
сами люди. II, 240.

Гоненіе навлекаетъ гнѣвъ Божій на гонителей. I, 143.—Гоне-
нія укрѣпляютъ христіанъ въ благочестіи. I, 87, и въ единомыс-
ліи. III, 337.—Позволительно ли уклоняться отъ гоненій? I, 100.

Горгонія. Ея похвальные качества. II, 179, 183.—Чудеснымъ
образомъ она исцѣляется отъ болѣзней. II, 184, 186.—Ея кре-
пленіе, приготовленіе къ смерти по предварительномъ откровеніи,
завѣщаніе и самая смерть. II, 187, 188.—Ея предсмертное состо-
яніе и послѣднія слова. II, 188, 189.

Гордости должно удаляться. V, 40.

Градъ. Описаніе вреда, нанесеннаго градомъ. II, 234,
241, 242.

Григорій, родитель Григорія Богослова. Его жизнь—цѣлая
досточудная исторія. V, 90. — Онъ былъ прежде язычникъ,
послѣдователь Ипсистеріевъ. II, 264; V, 55.—Знаменія при
его оглашеніи и крещеніи. II, 269, 284. — Правота его и
цѣломудріе. II, 265. — Сонъ, имъ видѣнный. II, 286. — Онъ
былъ учитель Православія. II, 270.—Обманомъ вовлеченъ въ об-
щденіе съ еретиками. II, 272.—Противоборствовалъ имъ при Ва-
лентѣ. II, 285.—Силою молитвы поражалъ Юліана. II, 281.—Со-
дѣйствовалъ утвержденію на епископскомъ престолѣ Евсевія Ке-
сарійскаго. II, 282, и избранію въ Епископы Василия В. II, 284,
285; рукополагалъ его. IV, 627, 628, во время болѣзни чудесно
участвовалъ въ священно-дѣйствіи. II, 278, и исцѣленъ отъ бо-
лѣзни II, 279.—Литургією только укрѣплялъ себя въ болѣзни. II,
286.—Смерть его; число лѣтъ его жизни и священства. II, 286.—

Печаль жителей Назианза о смерти его. II, 263.—Его добродѣтели. II, 270, 271, 272, 273, 277, 285, 286; III, 369—особенно пастырскія. II, 274, 275, 276, 281.—Его дѣятельность. II, 277.

Григорій (святѣй) Назианзинъ, Богословъ. До рожденія имя его открыто въ сновидѣннх матери V, 62, и самъ онъ посвященъ матерію Богу. I, 53; II, 268; V, 62, въ отрочествѣ чувствовалъ влеченіе къ жизни монашеской. V, 64.—Видѣніе возбудило въ немъ любовь къ дѣвственной жизни. V, 72.—Онъ образовался въ Кесаріи IV, 610, и въ Аѳинахъ. IV, 611, 612.—Во время путешествія въ Аѳины застигнутъ бурей. II, 280; V, 59, 60; въ Аѳинахъ совершенно познакомился и подружился съ Василиемъ В. IV, 611, 617; лично узналъ Юліана. I, 134; оставался не надолго по отъѣздѣ Василія. IV, 619, 620; по возвращеніи изъ Аѳинъ жилъ въ отечествѣ. IV, 620; въ Понтѣ съ Василиемъ В. IV, 623; участвовалъ въ примиреніи съ Василиемъ Евсевія, Еп. Кесарійскаго. IV, 624, содѣйствовалъ Василию противъ Валента. IV, 624.—Осторожность Григоріева по поставленіи Василія во Епископа. IV, 628.—Пустынная жизнь Григорія. V, 70, въ которой онъ, оставивъ все мірское, не оставилъ словеснаго искусства. I, 100.—Причины, почему онъ уклонялся отъ священства. I, 58; рукоположеніе его во пресвитера и первое его слово. I, 17.—Причины его удаленія въ Понтъ. I, 23, 24, 25, 56, и возвращеніе въ Назианзъ. I, 59, 60.—Попеченіе о родителяхъ удерживаетъ его отъ пустынножительства. V, 58.—Обличительныя слова его на Юліана за преслѣдованіе христіанъ. I, 65.—Григорій не желаетъ быть Епископомъ. II, 289, но возведенъ въ сей санъ противъ воли. IV, 503.—Оставляетъ Сасимы и снова соглашается возвратиться туда. II, 192.—Удалившись изъ Сасимъ, помогаетъ отцу своему въ Назианзѣ. II, 199, и слѣд.—Призванъ въ Константинополь. IV, 489.—Терпитъ поруганія отъ еретиковъ. IV, 484 и слѣд., отъ Максима. III, 373.—Что сдѣлалъ для Церкви Константинопольской. IV, 588, 589.—Изъявляетъ желаніе оставить престолъ Константинопольскій. IV, 597, 598; предаетъ дѣла свои на судъ Епископовъ. IV, 586, 587; пророческуетъ о возрастаніи и усовершеніи Церкви Константинопольской. IV, 590, 591.—По удаленіи изъ Константинополя, печется о паствѣ Назианзской. V, 76, 77.—Предчувствуетъ приближеніе своей кончины. V, 680.—Григорій велъ жизнь безбрачную. V, 54, 66.—Жизнь его была исполнена скорбей. V, 6, 75.—Попечительность его о родителяхъ. I, 59, 60; II, 289; V, 55, 58.—Черты его под-

вижнечества. I, 52.—Его подвиги самоотверженія. V, 58.—Борьба противъ плоти, предпринятая въ шести различныхъ способахъ. V, 70, 71.—Добровольная нищета. V, 70.—Выраженіе чувствованій: миролюбія—III, 336, смиренія—I, 50, 52, 64; II, 290; IV, 503; V, 61, 81, скорби о нетвердыхъ въ вѣрѣ. I, 69.—Любви къ оскорблявшимъ его. IV, 489.—Молитва его за еретиковъ. III, 335; III, 428; готовность принять ихъ въ нѣдра Церкви. I, 69.—Его подвиги съ утратою здоровья. III, 382.—Его любовь къ уединенію. I, 21, 25; II, 192; II, 286; V, 76.—Его удовольствіе быть въ сообществѣ монашествующихъ. V, 66.—Изученіе слова Божія было первымъ его занятіемъ. IV, 473.—Лучшее достояніе Григорія—слово. I, 21.—Сила его слова. II, 297.—Его пастырская ревность учить Слово Божію. IV, 490, возбуждавшая въ другихъ зависть и бывшая для него источникомъ многихъ скорбей. V, 75.—Слова его были записываемы слушателями. IV, 601.—Св. Григорій не терпѣлъ роскоши. III, 383; V, 75; ходилъ въ бѣдной одеждѣ. IV, 486, 506; былъ чуждъ челоуѣкоутодія. IV, 486, пышности. IV, 604.—Внѣшній видъ Св. Григорія. IV, 486.

Григорій (святый) Нисскій, другъ и утѣшитель Григорія Богослова. II, 194—195.

Грѣхъ. Всякій грѣхъ есть смерть души. IV, 521.—Удобопреклонность челоуѣка ко грѣху. V, 39.—Его усиліе утаивать свои грѣхи. I, 30, 31.—Первородный грѣхъ. V, 34.—Его слѣдствія. II, 297.—Онъ источникъ всѣхъ скорбей и болѣзней въ родѣ челоуѣческомъ. V, 34.—Онъ обратилъ всѣ члены тѣла въ оружіе смерти. V, 68.—Величайшее наказаніе за грѣхи есть отверженіе Богомъ. I, 84.—Челоуѣкъ чѣмъ дальше отъ Бога, тѣмъ ближе ко грѣху. V, 31.—Грѣхи благочестивыхъ не извиняютъ нечестивыхъ. III, 333.—Исповѣданіе грѣха великое врачевство II, 242.

Д.

Давидъ — любитель дѣятельности и уединенія. II, 316; I, 157.—Чѣмъ поражалъ Голиафа и исцѣлилъ Саула? I, 138.—Что означало скаканіе его передъ Кивотомъ? I, 142.

Даръ. Разнообразіе даровъ, приносимыхъ людьми Богу. V, 84.—Дары недостойные Бога. I, 47.—Даръ отъ скудости пріятнѣе Богу, чѣмъ отъ избытка. II, 244.—И малые дары пріемлетъ Богъ. II, 203; II, 292, 293.—Чѣмъ измѣряетъ Онъ достоинство даровъ? II, 293.—Онъ требуетъ отъ насъ малаго дара, а воздаетъ

намъ великимъ. II, 176.—Величайшій даръ Божій есть наше стремленіе къ Богу и средство съ нимъ. II, 306.

Демоны — присвояютъ себѣ Божескую честь. IV, 535.— Почему совѣщанія съ ними совершались во мракѣ? I, 85.— Они трепещутъ при имени Иисуса Христа. I, 59.— См. Діаволь.

День—таинства. I, 20.—Свѣтовъ. IV, 532.—День Св. Духа.— IV, 581.

Дерзость — плодъ невѣжества. III, 464.—Предосудительна даже въ сужденіи о вещахъ маловажныхъ. III, 478.

Діаволь. Его паденіе и причина онаго. IV, 505, 527; V, 26, 31, 74.—Онъ увлекъ къ паденію многихъ духовъ. III, 351; V, 31.— Не знаетъ будущаго. I, 82.—Знаетъ Св. Писаніе. IV, 550.—Ненависть его къ людямъ. IV, 535; V, 31.—Привлекаетъ человѣка къ злу. II, 221.—Причина нашихъ бѣдствій. II, 260.—Ежедневный врагъ нашъ. II, 254.—Злоумышленія его противъ людей. III, 374; V, 53.—Искусство въ обольщеніи людей. III, 401; IV, 516; IV, 549.—Употребляетъ насъ самихъ оружіемъ противъ насъ. I, 31.— Похищаетъ у человѣка благія мысли. V, 63.—Виновникъ раздѣлений церковныхъ. I, 154.—Для чего Богъ попускаетъ ему вставать противъ людей? V, 31.— Души чистыя легко узнаютъ его ухищренія. III, 351.—Что нужно для противоборствованія ему? I, 31.—Онъ низложенъ крестомъ. V, 676.—Отражается молитвою. III, 352.—Будущее осужденіе его. V, 31.

Добро и зло въ человѣкѣ. V, 38, 39.—И для пожеланія добра нужна помощь Божія. V, 40.—Доброе похвально, когда оно есть дѣло свободнаго произволенія. IV, 518.—Добро, утвержденное временемъ, обращается въ природу. III, 328.— Истинные христіане любятъ добро ради добра. I, 87; IV, 508.—Нерадѣніе о добрѣ начало зла. II, 297.—По смерти нѣтъ способа вознаградить опущенное добро. IV, 559.

Добродѣтель. Что такое она? V, 37, 38.—Она—наша собственность. I, 29.—Для всѣхъ полезнѣе всего. I, 35; II, 224.—Въ одной добродѣтели истинное благо. V, 99.—Несовершенство добродѣтели человѣческой. V, 39.—Языческая добродѣтель. I, 120, 122.—Христіанская—должна быть выше Фарисейской. I, 50.—Для христіанина и то зло, когда онъ не преуспѣваетъ въ добродѣтели. I, 122.—Добродѣтель вынужденная не тверда. I, 29.—Различные пути къ добродѣтели. III, 480.—Трудно сказать, какая изъ добродѣтелей выше. II, 205.—Прештствія къ добродѣтели. I, 30.—Добродѣтель трудна, а пороки легки. I, 27; II, 165, 190.—Первая

ослабляется завистию, послѣдній — страхомъ. V, 63.— Для преуспѣнія въ добродѣтели нужна Божія помощь и дѣятельность самого человѣка. V, 40.— Различныя побужденія къ добродѣтели. I, 87.— Примѣры различныхъ добродѣтелей изъ исторіи Ветхаго и Новаго Заветъа. II, 205, 206, 275, 276.— Для чего добродѣтель иногда награждается Богомъ еще въ сей жизни? II, 184.— Добродѣтель искупается скорбями. V, 99 — Добродѣтельный не долженъ защищать порочныхъ. V, 99.

Добрый. Свойства людей добрыхъ и злыхъ. V, 53.— Лучше, будучи добрымъ, во мнѣніи другихъ оставаться худымъ, нежели, будучи худымъ, имѣть славу добраго. V, 64.— Ни добрый, ни злой не знаютъ, какъ они кончатъ путь свой. V, 63.

Дождь. Особенности слѣды Промысла въ ниспосланіи онаго. III, 410.

Домостроительство составляетъ особую часть Богословскаго ученія. IV, 525.

Древо познанія добра и зла; его значеніе. IV, 528; V, 666.— Отъ него вкусили всѣ люди. II, 192.

Дружество не знаетъ предѣловъ. I, 140.— Все переносить. II, 195.— Оно дѣлаетъ всякое достояніе общимъ. V, 88.— Дружество вѣрное— великое сокровище. II, 194; V, 102.

Духъ Святой (третье Лице Святыя Троицы). Наименованія, приписываемыя Ему въ Священ. Писаніи. III, 459—461.— Если Онъ не именуется Сыномъ,— сіе не есть недостатокъ Его. III, 448. Почему называется Инымъ? IV, 582.— Бытіе Его. III, 445, 446.— Представленія о Духѣ Святомъ язычниковъ. III, 446.— Онъ не сотворенъ отъ Сына Божія. III, 451.— Личность Духа Святаго. III, 446.— Единосущіе Духа Святаго съ Отцемъ и Сыномъ неопровержимо. IV, 496.— Духъ Св. исходитъ отъ Бога Отца. IV, 538.— Образъ его исходященія непостижимъ. II, 304; III, 447.— Свойства и дѣйствія Его. III, 459, 460, 461; IV, 581; V, 22.— Вѣчность. IV, 580. Святость. III, 370.— Дѣйствія Его въ Отцахъ и Пророкахъ. IV, 582.— Троекратное сообщеніе Его Апостоламъ. IV, 582.— Дѣйствія Его въ людяхъ. IV, 584.— Онъ есть Виновникъ духовнаго возрожденія. IV, 583.— Пребываетъ съ достойными и въ сей и въ будущей жизни. IV, 583.— Объясненіе равночестности Сына и Духа примѣромъ Евы и Сива. V, 23.— Должно чтить Духа Святаго. V, 22.— Иисусъ Христосъ прославляетъ Духа и прославляется Духомъ. IV, 583.— Божество Св. Духа ясно открылось по вознесеніи Иисуса Христа. III, 459.— Почему во время крещенія Христова

явился Св. Духъ въ видѣ голубя? III, 470.—Почему Онъ является въ видѣ огненныхъ, раздѣленныхъ и сѣдшихъ языковъ? IV, 586.—Почему является въ горнищѣ? IV, 583.—Изрѣченія Писанія о Св. Духѣ. III, 459, 460; IV, 584; V, 22.

Духоборцы. Сравниваются съ Ананією и Сапфирюю. IV, 498.—Въ нихъ дѣйствуетъ злой духъ. IV, 579.—Они называли Духа Святаго Богомъ чуждымъ, незнаемымъ по Писанію. III, 444, 455.—Различныя ихъ мнѣнія о Святомъ Духѣ. III, 445, 446.—Возраженія ихъ противъ Божества Св. Духа. III, 447, противъ Его достопоклоняемости. III, 450, противъ Его несотворенности. III, 450, 451.—Жизнь ихъ имѣла нѣкоторыя похвальныя черты. IV, 580.

Душа — есть Божіе дыханіе и неугасимый свѣтъ Божій. V, 32.—Не есть гармонія составныхъ частей тѣла. V, 32.—Не есть что-нибудь вещественное. V, 32.—Происхожденіе душъ въ родѣ человѣческомъ. V, 34.—Предсуществованіе ихъ не согласно съ ученіемъ Церкви. IV, 518.—Опроверженіе ученія о преселеніи душъ. V, 32.—Почему въ Писаніи душа называется чревомъ. II, 264.—Образъ соединенія души съ тѣломъ непостижимъ. V, 43.—Для какой цѣли она соединена съ тѣломъ? I, 29.—Грѣшная душа безъ вразумленія дѣлается неисцѣлною. II, 240., и врачеванія не терпитъ. I, 31.—Важность очищенія души. IV, 521.—Благочестивая душа все человѣческое подчиняетъ Богу. II, 267.—Свойство души мужественной. I, 86.—Душа для тѣла должна быть тѣмъ же, что Богъ для души. I, 29.—Мнѣніе объ общей душѣ міра ложно. V, 99.

Дѣвство выше супружества. II, 179; IV, 515.—Установлено Христомъ. V, 73.—Жизнь дѣвственная есть жизнь Ангельская. IV, 516; V, 73.—Безъ другихъ добродѣтелей не соединяетъ съ Богомъ. II, 179.—Дѣвство порочное хуже супружества. V, 50.—Подвиги дѣвственницъ. V, 88 — 90.—Правила для проводящихъ жизнь дѣвственную. IV, 516; V, 99.

Дѣла должно брать на себя по силамъ. II, 201.—Непостоянство дѣлъ человѣческихъ. II, 216.—Всякое дѣло должно начинать и оканчивать Богомъ. I, 23.—Всѣ наши дѣла будутъ испытаны или очищены послѣднимъ огнемъ. III, 463.

Е.

Евангелисты. Ихъ разность въ повѣствованіи объ Иисусѣ Христѣ. V, 648.

Евангеліе всѣхъ уловляетъ. II, 264.

Евагрій. Его вопросъ о естествѣ Св. Троицы, предложенный Григорію. V, 3.

Евноміане невѣрнѣе бѣсовъ. IV, 530; V, 679.—Приписываютъ себѣ всезнаніе. III, 386, 418.—Они святотатцы истины III, 429. оборотливы языкомъ. III, 385.—Ихъ возраженія: противъ рожденія Сына Божія отъ Отца. III, 416 — 418, противъ вѣчности сего рожденія. III, 422, противъ единосущности Сына Божія съ Отцомъ. III, 422, противъ рожденности и вмѣстѣ единосущности. III, 424.—Другія ихъ возраженія, основанныя на неправильно понимаемыхъ мѣстахъ Св. Писанія. III, 425, 429.—Они исповѣдуютъ Сына Божія Богомъ только по соименности. III, 422.

Евнухи. Изображеніе ихъ нравовъ. IV, 632, 633.

Евсевій Кесарійскій по желанію народа избирается на епископскій престолъ еще до крещенія. II, 282, не столько законно, сколько насильственно. IV, 622.—Рукоположенный утверждаетъ на престолѣ содѣйствіемъ родителя Григорія Богослова. II, 282, 283.—Не долго епископствуетъ. II, 283.—Неопытность его въ дѣлахъ правленія. IV, 625.—Смерть его. IV, 627.

Евсевій, Святый, Самосатскій. Его мученическій подвигъ. I, 144, 145.

Евхаристія. См. Причащеніе.

Египтяне—изобрѣли Геометрію. I, 114.—Ихъ древнее идолослуженіе. IV, 493. Благочестіе Египетскихъ Христіанъ. IV, 492, 493.—Египетскіе Отцы. IV, 493.

Единомысліе—ведетъ начало отъ Троицы. III, 344.—Сильнѣйшее побужденіе къ оному—согласіе въ ученіи о Богѣ. I, 152.—Въ чемъ имѣютъ единомысліе Христіане? III, 329.—Иногда оно хуже раздора. III, 338.

Епископы. Жалобы на безпорядки въ ихъ избраніи. II, 283; IV, 624. — Посвященіе ихъ. II, 194; III, 374. — Епископская кафедра—завидная и опасная высота. IV, 601.—Сѣденіе Епископовъ и Пресвитеровъ въ храмѣ. V, 81.—Споры о первенствѣ. III, 383.—Добродѣтель Епископа должна соответствовать его высокому сану. IV, 628.—Роскошь и пышность недостойны ихъ сана. IV, 600.

Ересь. Ереси—причина бѣдствій для христіанъ. III, 336, 337.

Еретики. Ихъ различное ученіе. IV, 490.—Разныя ложныя мнѣнія ихъ объ I. Христѣ и Св. Духѣ. III, 465.—Ихъ лжеученіе опровергается своимъ позднимъ происхожденіемъ. V, 17.—Они не знаютъ образа выраженія, свойственнаго Писанію. V, 13.—Ищутъ подкрѣпленія въ неудачахъ и погрѣшностяхъ Православныхъ.

III, 388.—Православные бѣгаютъ общенія съ еретиками. IV, 483.—Вступающій съ ними въ общеніе подвергается суду Божію. V, 15.—Ихъ дерзость. V, 6.—Они имѣли свои собранія. V, 6.—Въ борьбѣ съ ними нужны мѣры кротости. IV, 593.—Нераскаянныхъ должно отвращаться. I, 159.—Не должно ненавидѣть еретиковъ, а должно жалѣть о нихъ. IV, 508.

Естество.—Божественное и человѣческое; ихъ различіе. II, 288.—Слова: начало и безначальный, рожденный и нерожденный—не выражаютъ понятія о ествѣ Божіемъ. IV, 594; V, 21.

Ехидна. Угрызеніе ехидны. V, 57.

Ж.

Жалость—пріятнѣйшее чувство. V, 58.

Жена. Не отлична по душѣ отъ мужа. II, 184.—Мужъ и жена имѣютъ одинаковую честь. IV, 513.—Добрая жена—даръ Божій. II, 265.—Обличеніе женскаго щегольства. I, 105, 106.—Женщины хитры и злы. IV, 303.—Для нихъ лучшее правило—стыдливость. V, 103.

Жертвы. Цѣль ихъ установленія. V, 669.—Жертвы Ветхозавѣтныя были образомъ будущаго жертвоприношенія. I, 150.—Отъ жертвъ, въ В. Завѣтъ, позволялось вкушать не всякому. II, 299.—Жертвы нечестивыхъ Богъ отвергаетъ. I, 75, 76.—Жертва и жертвенникъ духовные. III, 383; V, 676.—Всякій долженъ приносить Богу посильную жертву. II, 291—293.—Жертвы человѣческія у язычниковъ. II, 224.

Жестокосердіе—къ больнымъ. II, 210, 211, богатыхъ къ бѣднымъ. II, 220, 221, во время голода. II, 242, 243.—Извиненія, представляемыя жестокосердыми. II, 224.

Животныя. Различія оныхъ. III, 406.—Разнообразіе рыбъ. III, 406; птицъ. III, 406.—Различный образъ рожденія животныхъ. III, 449.—Божіе промышленіе о нихъ. V, 45, 46.—Миловать ихъ повелѣвается Закономъ. II, 223.

Жизнь. Настоящая—кратка. II, 171, сама по себѣ суетна. II, 171, 172; V, 47, 48, 49 и т. д.; служить руководствомъ къ будущей. II, 171; II, 225; она есть время трудовъ. II, 291; исполнена скорбей и бѣдствій. V, 43, 44, 46, 47.—Сравненіе жизни съ моремъ. III, 377.—Жизнь настоящая—темница, поприще, тѣнь будущей жизни. II, 216.—Цѣль оной. II, 171; II, 235; V, 67.—Цѣль жизни христіанской. I, 122; III, 432.—Должно болѣе и болѣе усовер-

шаться въ жизни нравственной. V, 99, 100.—Ложныя мнѣнія философовъ языческихъ о цѣли настоящей жизни и о состояніи въ жизни будущей. I, 81, 82.—Земная жизнь есть тлѣніе. II, 288.—Жизнь истинная. II, 288.—Жизнь по смерти—тихое пристанище. II, 263.—Въ будущей жизни полное мздовоздаяніе. II, 226.—Тогда всѣ будутъ равны по духовному возрасту. III, 379.—Избраніе рода жизни—основаніе поведенія. III, 360.—Жизнь въ городахъ III, 372, 373.

3.

Забота—ядь для человѣка. V, 76.

Зависть—язва и ядь для одержимыхъ ею. IV, 504.—Ея плоды. IV, 505.

Завѣса храма Иерусалимскаго раздравшаяся; что ею знаменуется? III, 428.

Завѣтъ Ветхій и Новый; цѣль того и другого. I, 31; III, 457.

Законъ. Естественный, испытатель дѣлъ нашихъ. II, 222.—Божественный, двоякій. V, 35.—Данъ Моисею Христомъ. V, 19.—Почему данъ сперва Евреямъ? V, 35.—Законъ Ветхій—образъ будущаго и невидимаго. V, 668;—свѣтъ прообразовательный. IV, 546,—стѣна между Богомъ и идолами. V, 669.—Открытый и сокровенный смыслъ его. III, 392.—Тайны его понятны только для людей, подобныхъ Моисею. V, 4.—Законъ Евангельскій труднѣе къ исполненію, нежели законъ Моисеевъ. V, 673.—Въ законѣ Евангельскомъ иное требуется необходимо, другое предоставлено свободному произволению. I, 108.

Заповѣдь. Для чего дана человѣку въ рай. V, 679.—Заповѣди Божіи—высочайшее услажденіе для человѣка. III, 376.

Званіе. Не должно простирается далѣе круга обязанностей своего званія. II, 293.

Звѣзды. Познаніе природы звѣздъ выше человѣческаго разумѣнія. III, 411.—Опредѣлять по нимъ судьбу человѣка богопротивно. III, 412.—Звѣзда, приведшая волхвовъ къ Иисусу Христу. V, 29.—Волхвы узнали о ней изъ книгъ Еврейскихъ. V, 29.—См. Астрологія.

Здравіе не дорого, если плодомъ его грѣхъ. II, 228.—Больному оно лучше всякаго богатства. V, 102.

Земля. Ея основаніе—воля Божія. III, 408.—Разнообразіе мѣстоположеній на землѣ. III, 418.—Земля наша—мать и гробъ. IV, 486; V, 101.

Зло. Нѣтъ особаго начала зла; оно произошло въ насъ—отъ нашего нерадѣнія. IV, 573.—Для чего попускается физическое зло? II, 234.—Средства, употребленныя Богомъ къ прегражденію нравственнаго зла въ человѣческомъ родѣ. IV, 528; V, 667.

Злорѣчіе. Имъ огорчаться не должно, но можно извлекать изъ него выгоду. III, 341, 342.—Вредъ онаго. III, 342.

Золото убѣдительноѣ всякаго слова. V, 103.—Ослабляетъ и мудрыхъ. V, 102.

Знаменія предшествуютъ великимъ событіямъ міра. I, 84.—Бывшія во время страданій Иисуса Христа. V, 680.

Зрѣніе быстрою уподобляется мысли. III, 406.

И.

Идолослуженіе—первое и послѣднее изъ всѣхъ золъ. IV, 529; V, 667.—Происхожденіе его и разные виды. III, 400, 401.—Оно есть дѣло діавола. III, 401; V, 35.

Ипсистеріи; ихъ религіозное служеніе. II, 264.

Иронъ (Философъ). Обличитель лжеименной мудрости. III, 358.—Въ какомъ смыслѣ названъ у Св. Григорія псомъ? III, 358.—Происходили изъ Александріи отъ мучениковъ. III, 360.—Наблюдатель средину между христіанскою и языческою мудростію и избиралъ лучшее изъ философіи языческой. III, 361.—Главная забота его. III, 362.—Его дѣйствія въ пользу Христіанства. III, 367, 368.—Онъ поборникъ Св. Троицы. III, 359.—Страдалъ за истину. III, 368, 369.—Его добродѣтели. III, 362.

Искушенія ведутъ къ благочестію. I, 76.—Твердые и слабые въ искушеніяхъ. III, 377, 378.

Исправленіе. Богъ разнообразно призываетъ людей къ исправленію. I, 68.—Строгія и кроткія мѣры исправленія. I, 34, 35.—Слово, какъ средство къ сему. I, 34.—Надобно исправлять ближнихъ, а не отлучать. III, 478, 479.

Истина. Видимое—только образъ ея. II, 304.—Она легче впечатлѣвается въ душѣ невинной, нежели въ принявшей уже худыя правила. I, 39.

І.

Иаковъ получилъ благословеніе родительское чрезъ ухищреніе. I, 60.—Нравственное значеніе лѣствицы, имъ видѣнной. V, 87.—Значеніе и послѣдствія борьбы его съ Богомъ. III, 403; V, 649.

Иезавель. Для чего память о ней сохранена въ Писаніи? IV, 500.

Иеремія освященъ еще во утробѣ матерней. I, 49.—Сострадательнѣйшій изъ Пророковъ. II, 255.—Оплакиваетъ Израиля. I, 49.—Чтеніе Плача его возбуждаетъ въ Св. Григорія слезы. I, 156.

Иерусалимъ горній—наше отечество. II, 178; III, 354; IV, 488; V, 676.

Иисусъ см. Христосъ.

Иоаннъ Евангелистъ проповѣдывалъ въ Ефесѣ. IV, 487.

Иоаннъ Креститель — посредникъ между Вѣтхимъ и Новымъ Заветомъ. III, 307; IV, 541.—Предвидѣлъ свое мученичество. IV, 541.—Во адѣ проповѣдывалъ грядущаго Христа. V, 651.

Иовиніанъ, преемникъ Юліана. I, 130.—Возвращаетъ Православныхъ Епископовъ изъ залоченія и между ними Св. Аванасія. III, 324, 325.—Желаетъ утвердить миръ въ Церкви. III, 324, 325.—Заключаетъ миръ съ Персами. I, 130.

Иовъ многострадальный восхваляется за страданія. II, 228, 314, 315.

Иона—для чего бѣжалъ изъ Ниневіи? I, 61, 62.

Иоптія—что значить? I, 62.

Иосифъ Аримаеѣйскій. Какъ христіанинъ можетъ подражать ему? V, 677.

Иудеи. Причина ихъ бѣдствій. I, 155, 157.—Ихъ многократныя преселенія. IV, 586.—Какіе Иудеи слушали Апостоловъ, говорящихъ иными языками? IV, 586.—Причина и цѣль избранія Богомъ новаго народа вмѣсто Иудеевъ. V, 35, 36.—Они нѣкогда обратятся ко Христу. V, 36.—Безуспѣшное покушеніе Иудеевъ возстановить храмъ. I, 123, 124.

Истина (св.). Искушенія, какимъ она была подвергаема. III, 350, 351.

К.

Каппадокія. Жители ея тверды въ Православіи. II, 313; IV, 624.

Кесарій, братъ Св. Григорія Богослова. Его воспитаніе, жизнь и достоинства. II, 161, 163.—Встрѣча его съ Григоріемъ въ Византіи. II, 163, 164.—Слава его въ Назіанзѣ. II, 165; при дворѣ царя, гдѣ былъ врачомъ. II, 165, 166, 168; V, 56.—Мужество его въ борьбѣ противъ злоумышленій Юліана. I, 166.—Удаленіе отъ Юліанова двора. II, 168.—Былъ въ Византіи хранителемъ царской

казны. II, 169.—Богомъ избавленъ отъ угрожавшей ему смерти II, 169; V, 56.—Его болѣзнь, смерть и погребеніе. II, 168.—По смерти являлся во снѣ Св. Григорію. II, 174.

Киприанъ (св.). Предѣдательствовалъ въ Сенатѣ. III, 349.—Его образованность. III, 349.—Онъ самъ свидѣтельствуетъ о своей порочной жизни до христіанства. III, 350.—Дѣла его до обращенія. III, 350, 353.—По обращеніи онъ придверникъ храма, потомъ пастырь. 354.—Слава о немъ на Востокѣ и Западѣ. 354.—Подвиги и добродѣтели его 354, 355.—Онъ осужденъ Декіемъ на изгнаніе. 355.—Помогаетъ Христіанамъ писаніями. 356.—Убѣждаетъ ихъ къ мученичеству. 356.—Его мученическая кончина. 355.—Тѣло его оставалось долго въ неизвѣстности. 355.—Откровеніе объ его тѣлѣ. 356.—Исцѣленіе отъ его мощей. 356.—Его сочиненія. 349, 350.

Клиръ долженъ быть обезпеченъ въ нуждахъ жизни мірянами. III, 376.

Клятва. И давать клятву и требовать оной значитъ оскорблять правду. V, 101.

Константинъ Великій положилъ основаніе царской власти въ Христіанствѣ. I, 131.

Константинополь, царь городовъ. IV, 485.—Во времена Св. Григорія въ немъ много было изящныхъ произведеній зодчества. V, 82.—Состояніе Православія въ Константинополь до прибытія въ него Св. Григорія. IV, 587, 588, 589,—его трудами улучшенное. IV, 590.—Важность Константинополя въ отношеніи къ Церкви. IV, 592, 593.—Пороки его жителей. IV, 509.—Соборъ Аріанскій въ Константинополь. II, 283.—Соборъ 2-й Вселенскій IV, 586.

Констанцій. Состояніе Церкви въ его правленіе. III, 364.—Усердіе его къ вѣрѣ Христіанской. I, 79.—Покровительство Аріанамъ. I, 131.—Смерть его. I, 96.—Погребеніе въ храмѣ Апостоловъ. I, 131, 132.—Его благоразуміе, могущество, благочестіе. I, 78.—Простота. I, 79.—Худыя дѣла, въ которыхъ Констанцій раскаявался предъ смертію. III, 320.—Св. Григорій укоряетъ его за то, что онъ возвысилъ Юліана. I, 71, 73, 78.—и оправдываетъ. I, 79, 80.

Корыстолюбіе. Ненасытимость его II, 172.

Крестъ прообразованъ воздѣяніемъ рукъ Моисеевыхъ. V, 675.—Знамснiе крестное прогоняетъ демоновъ. I, 85.

Крещеніе. Что оно такое? IV, 547.—Самымъ крещеніемъ испо-

вѣдуется единосушіе Лиць Св. Троицы. IV, 491; IV, 572; V, 49.—
 Крещеніе есть таинство нашего спасенія. IV, 547.—Оно едино.
 IV, 491.—Различныя наименованія Крещенія. IV, 545.—Креще-
 ніе Моисеево и Иоанново. IV, 541.—Христово—духовное. 541 и д.
 Крещеніе кровію. 541.—Крещеніе покаянія. 545.—Крещеніе ог-
 ненное. 544.—Крещеніе Аріанское. 491, 519.—Плоды св. Креще-
 нія въ человѣкѣ. II, 268; IV, 545.—Оно привлекаетъ на человѣка
 благодать и озареніе Духа. V, 59.—Очищаетъ грѣхъ первородный.
 IV, 547.—Даруетъ отпущеніе грѣховъ содѣланныхъ. IV, 565.—
 Наглаждая грѣхи, не уничтожаетъ заслугъ. IV, 557.—Отгоняетъ
 отъ насъ діавола. IV, 567.—Оно есть лучший изъ даровъ Бо-
 жіихъ. IV, 545.—Прообразуемо было обрѣзаніемъ и кровію агнца
 пасхальнаго. IV 562; V, 37.—Для чего нужно крещеніе водою и
 духомъ? IV, 547.—Очистительная сила воды Крещенія. IV, 549.—
 Кто можетъ совершать Крещеніе? IV, 561.—Сила Крещенія не
 зависитъ отъ нравственной чистоты крещающаго. IV, 561.—Кре-
 щеніе всѣмъ равно открыто. IV, 548; V, 37.—Всегда благовре-
 менно. IV, 552, 553, 554.—Не должно быть отлагаемо. IV, 550,
 552, 561.—Отлагать крещеніе внушаетъ діаволь. IV, 553.—Нужно
 приготовленіе къ таинству Крещенія. IV, 540, 564; предваритель-
 ное исповѣданіе предъ всѣми грѣховъ своихъ. IV, 561.—Испо-
 вѣданіе вѣры. IV, 573 и слѣд. Обряды при Крещеніи и ихъ
 значеніе. IV, 574.—Заклинаніе въ таинствѣ Крещенія. IV, 561.—
 Печать Крещенія несокрушима. IV, 554.—Она охраняетъ цѣло-
 мудріе. IV, 554.—Крещеніе должно совершать надъ младенцами.
 IV, 554, 555.—Въ какія лѣта лучше крестить ихъ? IV, 562.—
 Обязанности, возлагаемыя на насъ Крещеніемъ. IV, 567.—Пріяв-
 шіе крещеніе должны вооружаться противъ нападеній діавола.
 IV, 549.—Тяжесть грѣховъ, содѣланныхъ по крещеніи. IV, 548.—
 Желаніе принять крещеніе замѣняетъ ли самое крещеніе? IV,
 557, 558.

Ксерксъ. Походъ его въ Грецію. IV, 631.

Л.

Лука Евангелистъ проповѣдывалъ въ Ахаіи. IV, 487.

Лукій Аріанинъ. Его дѣйствія противъ Православныхъ
 II, 296.

Любовь. Ея свойство, III, 328.—Сила любви познается въ раз-
 лукѣ. III, 373.—Любовь выше страха. II, 308.—Любовь плотская
 скоро проходитъ. IV, 615.

Любомудріе. Важнѣйшіе его предметы. III, 391.—Цѣль лю-
бомудрія. III, 358.—Различіе любомудрія языческаго и христіан-
скаго. III, 361.—Дѣло любомудрія—заботиться объ общемъ благѣ.
III, 361.—Неодолимость любомудрія. III, 380.—См. Философія.

Любоначалие; худыя его слѣдствія. III, 382.

Любостыжательность добрая. II, 294.

М.

Магія ведетъ начало отъ Персовъ. I, 114.

Маккавеи, мученики прежде Христа. II, 245.—Ихъ подвиги
II, 250—252.—Полезны были для Іудеевъ. II, 253.—Сравненіе под-
вига Маккавеевъ съ подвигами Іефѳея, Даніила и мучениковъ Хри-
стіанскихъ. II, 253.

Мамантъ, св. мученикъ. V, 661.

Манихеи производили душу человѣка отъ свѣтлаго, а тѣло
отъ темнаго начала. V, 25.—Опроверженіе ихъ ученія о двухъ
началахъ. V, 25.—Ихъ мнѣніе о мѣстопробываніи Гѣла I. Хри-
стова по вознесеніи. V, 10.

Маное. Его видѣніе. II, 189; IV, 536.

Маркъ (Евангелистъ) проповѣдывалъ въ Италіи. IV, 487.

Маркъ, Еп. Аревузскій. Его подвиги. I, 100, 102, 144.

Милосердіе. Милосердіе и человѣколюбіе—законъ, а не со-
вѣтъ. II, 231.—Милосердіе—краткій путь ко спасенію. V, 643.—
Милосердіе къ бѣднымъ—превосходнѣйшій видъ любви. II, 207,
229.—Пріятеѣ всего Богу. II, 208.—Готовность къ милосердію
возвышаетъ цѣну его. II, 230.—Его плоды. II, 216.—Побужденія
къ милосердію. II, 209, 210, 212, 213, 219; II, 295; IV, 564.—
Дѣла милосердія, оказанныя ближнимъ, Христось пріемлетъ на
Себя. III, 376.—Милосердіе полагаетъ преграду несчастіямъ. II,
257.—Въ дѣлѣ милосердія не нужно разбирать, достоинъ ли кто
оного. II, 272.

Миръ—прекрасенъ и дѣломъ и именемъ. II, 336.—Оставленъ
намъ I. Христомъ, какъ прощальный залогъ. III, 345.—Выше и
богоугоднѣе даже похвальной брани. III, 346.—Онъ всего полез-
нѣе, какъ разногласіе всего вреднѣе. III, 463.—Съ прекращеніемъ
мира и міръ перестанетъ быть міромъ. I, 154, 155.—Дорогъ миръ,
имѣющій добрую цѣль. I, 158.—Любящіе миръ близки къ Богу
и Ангеламъ. I, 153.

Мифологія языческая. Ея преданія. I, 117, 119.

Твор. Св. Григорія Богослова. Т. II.

Міръ. Бытіе и порядокъ его не отъ случая. II, 225.—Міръ не безначаленъ. IV, 517.—Образы міра были въ умѣ Божиємъ прежде его сотворенія. IV, 519.—Онъ есть книга о Богѣ I, 155.—Міръ видимый и умозерцаемый. II, 262; V, 53.—Сотвореніе видимаго міра. IV, 526; V, 665.—Его стройность и порядокъ. IV, 526; V, 665.—Вещество міра сотворено изъ ничего. III, 418.—Твореніе міра началось днемъ недѣльнымъ. V, 657.—Почему сотворенъ онъ не вдругъ, а постепенно? III, 466.—Все въ мірѣ, отъ начала до конца, идетъ однимъ путемъ. III, 466.—Міръ разрушится отъ приумноженія беспорядка. III, 467.—Какъ должно пользоваться міромъ и его благами. IV, 609, 610.

Многобожіе. Его вредъ. III, 414.

Мнѣнія людскія. Мнѣніе о насъ другихъ для насъ не важно IV, 506.—Людскому мнѣнію должно предпочитать судъ Божій. IV, 507; V, 65.—Непостоянство мнѣній человѣческихъ. III, 338—339.

Модестъ. Префектъ преторіи, гонитель Православныхъ. VI, 633.

Моисей собесѣдуетъ съ Богомъ. II, 299.—Чудесныя обстоятельства его жизни. I, 67.—Достоинство его. II, 195.—Одинъ восходитъ на гору. I, 56.—Въ какой мѣрѣ видѣлъ онъ Бога? III, 471; IV, 511.—Для чего возлагалъ на лице покрывало? III, 470; IV, 536.—Двойкій смыслъ Моисеева закона. II, 208; V, 668.—Воздѣянiе рукъ его прообразовало Крестъ. II, 195, 199.

Молитва восходитъ до неба. II, 183, 184.—Сила молитвы. I, 138.—Родительской. II, 163, 164; II, 288.—Для молитвеннаго бесѣдованія съ Богомъ нужна чистота духа. IV, 536.—Скорость Божіей помощи молящемуся. II, 256.

Молнія. Происхожденіе ея. III, 410.

Молчаніе. Его польза. III, 470; V, 92, 95.

Монахи. Ихъ жизнь, одежда, наружность и качества. I, 146, 147.—Ихъ подвиги. V, 70, 90.—Именуются избраннѣйшими или болѣе мудрыми въ Церкви, Назореями. IV, 622.—Любовь къ жизни монашеской влагаетъ въ сердце Христось. V, 12.

Море. Его спокойное и бурное состояніе. III, 409.—Естественно-словы мѣряютъ оное малою чашею. III, 410.—Мореплаваніе. III, 410.—Опасно при восхожденіи тельца. V, 59.

Мудрость. Чтò она такое по обыкновенному понятію? III, 399.—Истинная. II, 231, 232.—Ложная. II, 231.—Одна мудрость—страхъ Божій. III, 381.—Мудрость приобрѣтается чистотою. II,

226.—Она спасаетъ отъ всякой бѣды. V, 101.—Суета мудрости мірской. I, 66.

Мученики. Первый мученикъ—Христосъ. III, 348.—Мученики при Юліанѣ. I, 97, 102.—Мученики за Православіе отъ Аріяна. IV, 483.—Твердость христіанскихъ мучениковъ. I, 90, 92, 93, 94.—Побужденія къ мученичеству. II, 291, 292.—Блаженство мучениковъ. II, 198.—Они посредники наши на пути спасенія. II, 197.—Поучительны для насъ. II, 348.—Слово о нихъ побуждаетъ къ добродѣтели. II, 349.—Мощи ихъ чудодѣйствуютъ. I, 90.—Должно почитать мучениковъ. III, 348.—Что надобно приносить имъ въ даръ? III, 357.—Законъ мученичества. II, 167; IV, 605.—Мнимые мученики языческіе. I, 90, 91.

Мученія нечестивыхъ вѣчны. II, 237.

Мѣра во всемъ лучше всего. V, 99.—Мѣры Божіи уравниваются съ нашими мѣрами. V, 91.

Мгроносицы, въ своемъ пришествіи ко гробу Спасителя, представляютъ христіанамъ примѣръ для подражанія. V, 677.

Мгропомазаніе таинство. IV, 552.

Н.

Надежда на Бога дѣлаетъ совершеннымъ начальникомъ. I, 63.—Она—единственное оружіе Христіанъ. I, 136.—Ее не должно терять въ скорбяхъ. II, 257.

Назіанъ, городъ Діоцесарійскій. V, 75.—Самый малый изъ городовъ. II, 294;—новый Визлеемъ. I, 21; V, 89.—Благочестіе жителей его. III, 372.—Ихъ вѣрность Православію. IV, 490.—Ихъ любовь къ словамъ Григорія Богослова. II, 290.—Церковь Назіанзская—новый Іерусалимъ, новый ковчегъ. II, 271.—Состояніе оной предъ епископствомъ отца Григоріева. II, 270.

Наказаніе служить ко благу наказываемыхъ. I, 137.—Цѣль наказаній Божіихъ за грѣхъ. V, 65.

Наставника въ благочестіи должно уважать, какъ отца. V, 99.

Настѣкомаыя. Трудолюбіе и искусство пчель, пауковъ и муравьевъ. III, 407, 408.

Начальникъ. Въ немъ всего похвальнѣе челоуѣколюбіе. II, 260.—Побужденіе къ челоуѣколюбію. II, 296.—Цѣль начальствованія духовнаго. I, 44, 45.—Пороки въ начальствующихъ и въ подчиненныхъ. I, 29.

Небо. Въ изслѣдованіяхъ о немъ главный руководитель—вѣра. III, 410.—Оно—престоль Божій. V, 61.

Невозможное. Употребленіе сего слова въ разныхъ значеніяхъ III, 434, 435.

Непостижимое. Не должно слишкомъ любопытствовать о непостижимомъ. III, 474, 475.—Для чего многое для насъ непостижимо? II, 227.—Бога постигаемъ только при помощи Божіей. V, 56.—Непостижимое въ Богѣ. I, 51, 52; II, 225, 271; III, 393, 395, 411; IV, 524, 525; V, 663.—Причины и цѣль непостижимости существа Божія. III, 398, 399.—На непостижимость сію роптать не должно. III, 471.

Непостоянное. Богъ чрезъ непостоянство видимаго ведетъ насъ къ вѣчному. II, 256, 257; V, 49.

Несогласіе. Его слѣдствія. I, 150.—Оно источникъ бѣдствій. I, 155, въ особенности для народа Іудейскаго. I, 155—157.—Несогласіе за благочестіе похвально. I, 152.

Нестязательность — великое богатство. IV, 493.—Неизвѣстна язычникамъ. I, 120.

Несчастія. Для чего посылаются людямъ. V, 65; даже благочестивымъ? II, 226, 227.—Они спасительны. I, 155.—вразумляютъ и приближаютъ къ Богу. II, 257;—иногда полезныя счастья. II, 257, 258, дѣлаютъ смиренными и царей. IV, 636.—Въ несчастіяхъ должно обращаться къ Богу. II, 256.

Нечестіе изобрѣтательно на зло. II, 312.—За нечестіе людей разрушаются города. I, 125.—Въ борьбѣ съ нечестіемъ нужно самоотверженіе. I, 158.—Участь нечестивыхъ въ сей жизни. I, 132, и въ будущей. V, 47.

Никодимъ—образецъ для подражанія. V, 677.

Нилъ. Рѣка. IV, 492.

Новатъ. Его мнимая чистота. III, 343; IV, 545.—Строгость къ падшимъ. IV, 542, 543.—Къ падшимъ во время гоненія. IV, 543.—Онъ воспрещаль вступленіе во второй бракъ. IV, 543.—Не наказывалъ любостязанія, а нецѣломудріе осуждалъ такъ строго, какъ будто самъ былъ безплотенъ. IV, 544.

Ной спасъ міръ малымъ древомъ. I, 72.

Нонна, мать Григорія Богослова. Ея добрыя качества. II, 265 — 267, 273, 274. — Уподобляется женамъ, послужившимъ І. Христу во время земной Его жизни. V, 71.—Стараніе Нонны обратить къ христіанству своего мужа. II, 267, 268.—Болѣзнь ея и исцѣленіе. II, 279, 280.

Нравы людей различны. I, 33, 34.

О.

Обиды должно забывать. I, 142, 143.

Обличеніе наединѣ и при другихъ. I, 34.—Въ обличеніи надлежитъ приспособляться къ свойствамъ обличаемыхъ. I, 34.—Иногда обличеніе вредно. I, 34.

Обновленія день. Такъ называется первый воскресный день по Пасхѣ. V, 657 и древній праздникъ Иудейскій. V, 655.—Какъ должно праздновать сей день? V, 658, 659.—Онъ обязываетъ насъ обновляться жизнью. IV, 657.

Общежителство. II, 315; V, 642.—Польза онаго. III, 360. 361.

Обязанности нравственныя, христіанскія. V, 659, 660.—Исполненіе важнѣе умозрительныхъ знаній. III, 363.—Обязанности царей. IV, 508, царедворцевъ. IV, 509, градоначальниковъ. II, 293, 294, людей образованныхъ. II, 294, богатыхъ. IV, 509, 510.

Опытъ поучителенъ и для несмысленныхъ. I, 157.—Наученные опытомъ не имѣютъ нужды въ продолжительномъ поученіи. I, 151.

Осуждать ближнихъ не должно. I, 53; III, 479.

Отець Богъ, первое Лице Св. Троицы. Наименованія. V, 66.—Что значить въ ученіи о Богѣ слово: Отець? III, 424.—Въ какомъ разумѣніи, при именованіи Лицъ Св. Троицы, Богъ Отець именуется на первомъ мѣстѣ? V, 24.—Въ какомъ смыслѣ Отець больше Сына? III, 423, 424, 433; IV, 572.—Личное свойство Бога Отца. II, 302; III, 369, 370; V, 20, 66.—Въ какомъ смыслѣ Онъ именуется Богомъ Сына? III, 433.—Онъ есть начало Сына. I, 37; II, 302 и Духа Святаго. I, 37.—Рождаетъ Сына не страдательно. III, 371.—Первый понесъ поруганіе отъ еретиковъ. IV, 496.

Отшельничество. Свойства онаго. II, 315; V, 659.—Высота, трудность и неудобства отшельнической жизни. III, 360.

П.

Павель. Великій ученикъ Христовъ. I, 43.—Проповѣдникъ язычниковъ и предстатель Иудеевъ. I, 45.—Для чего сообщалъ Апостоламъ извѣстія о своей проповѣди? IV, 586.—Его заботливость о Церквахъ. I, 44.—Ревность о благѣ всѣхъ. I, 45.—Различный образъ его наставленій. I, 44.—Его злостраданія. I, 43.—Онъ жилъ только для Христа. III, 471.—Бодрый духомъ изнурялъ тѣло. I, 45.

Пастырь Церкви. Онъ врачъ духовный. I, 33.—Превосходство его предъ пастыремъ стадъ. I, 26.—Трудность обязанности Пастыря учить другихъ словомъ. I, 36.—Осторожность нужна ему въ проповѣданіи слова. III, 470.—Обязанность его—ревностно заботиться о паствѣ. II, 190, 191; II, 293.—Онъ долженъ предлагать пасомымъ различную пищу. I, 39, 40 и поучать ихъ своимъ примѣромъ. II, 240, имѣть особенную любовь къ паствѣ. III, 373, 374, соблюдать средину между строгостію и кротостію. I, 35, 36, быть простымъ, но вмѣстѣ и разнообразнымъ въ обращеніи. I, 39, 40, быть высокимъ по добродѣтели. I, 28, не служить въ соблазнъ для пасомыхъ. I, 27.—Пастыри недостойные своего сана. I, 53; II, 309, 310; III, 374.—Непростительно имъ не знать началъ спасенія. II, 319.—Пастыри несвѣдущіе въ искусствѣ ученія. I, 40.—Нерадивые о своей должности тяжко обличаются въ книгахъ Пророковъ. I, 46—48.—За недостойныхъ пастырей не должно обвинять самую Вѣру. III, 342, 343.—Пастырей не должны судить пасомые. II, 293.—Правила, предписанныя Пастырю Церкви Ап. Павломъ. I, 49.

Пасха. Что такое Пасха въ смыслѣ буквальному, историческому и духовному? V, 667.—Праздникъ праздниковъ. V, 662.—Царь дней. II, 276.—Таинственное значеніе Пасхи Іудейской. I, 17; V, 670, 671.—Пасха христіанская прообразуетъ пасху праведныхъ въ жизни будущей. V, 676.—Для чего Пасха Новозавѣтная совершена Іисусомъ Христомъ въ горницѣ? IV, 583, 584.—Послѣдуюмъ ли мы Іисусу Христу въ совершеніи Пасхи касательно времени и мѣста? IV, 564.

Петръ (Апостолъ) великій ученикъ Христовъ. I, 39, проповѣдывалъ въ Іудеѣ. IV, 487.—Какъ Христіанинъ можетъ подражать ему? V, 677.

Петръ Александрійскій (Архіепископъ послѣ Аванасія). Мужество его въ борьбѣ съ Аріанами. IV, 493. Изгнаніе его. III, 367.

Писаніе (Священное). Начерталъ Духъ Св. языкомъ Святыхъ мужей. V, 58.—Все въ немъ написано съ цѣлію. I, 60.—Цѣль и маловажныхъ дѣяній, упоминаемыхъ въ Писаніи, есть наипе назиданіе. I, 61.—Въ писаніи встрѣчаются олицетворенія вещей бездушныхъ. III, 430.—Въ немъ иногда часть полагается вмѣсто нѣлаго. V, 14, иногда времена глаголовъ ставятся одно вмѣсто другаго. III, 416.—Въ истолкованіи его надобно держаться средины между буквою и иносказаніемъ. V, 669.—У Евреевъ

не всякому возрасту дозволялось читать все въ Писаніи. I, 41; III, 480.

Писмень изобрѣтатели. I, 112.

Пища; обычай полагать на нее крестное знаменіе предъ вкушеніемъ. II, 279.

Пивагоръ, его философія и молчаніе. I, 109.—Употребительное у Пивагорейцевъ: „самъ сказалъ“. I, 110.

Плоть, ея вліяніе на духъ. V, 68, 69.—Она—злбно ласкающійся звѣрь. V, 42, находитесь въ борьбѣ противъ духа. V, 68, 69.—Плоть не престаеетъ противоборствовать и послѣ того, какъ духу подана помощь Божія. V, 68.—По слову мудрыхъ она есть мракъ ума. V, 56.

Побѣда. Кто хочетъ имѣть попеченіе о душахъ, тотъ долженъ научиться одерживать побѣду надъ самимъ собою. I, 56.—Побѣжденнымъ быть иногда лучше, нежели одержать побѣду. I, 60.

Подати, ихъ происхожденіе. II, 297.

Подвижники. II, 297, 298.—Изображеніе подвижниковъ христіанскихъ. I, 91, 92, 121, 122; II, 297; V, 84, 85.—Ихъ разнообразныя подвиги. V, 84, 85.—Сравненіе съ ними подвижниковъ языческихъ. I, 91—93.—Похвала подвижникамъ. V, 86—88.—Неразумная ревность нѣкоторыхъ подвижниковъ. V, 86.

Подозрѣніе. Къ нему несклонны люди благочестивые. I, 79; II, 200; II, 313.

Познанія вредны, если злоупотребляютъ ими. V, 100.

Покаяніе. Согрѣшающихъ послѣ крещенія, хотя съ трудомъ, но очищаетъ. IV, 548. — Кающихся отвергать не должно. IV, 543. — Покаяніе послѣ согрѣшенія свойственно спасаемымъ. II, 240.—Нераскаянныхъ грѣшниковъ не должно допускать къ общенію церковному. IV, 543.—По смерти нѣтъ покаянія. II, 236; V, 59.

Понятіе есть видъ ограниченія. III, 397.

Порокъ всего удобнѣе заражаетъ собою человѣка. I, 27, 28.—Наклонность къ нему сильна. III, 328.—Его легче избѣгать въ началѣ. IV, 478.—Служеніе ему не безъ труда. V, 92.—Открытый порокъ ненавистенъ и для порочныхъ. V, 74.

Порочный. Для него лучше умереть, нежели продолжать жить. I, 33.

Порядокъ—вездѣ необходимъ. III, 387, 388.—Его благотворныя слѣдствія. III, 467, 468.—Онъ мать и огражденіе существующаго. III, 468.—Могущество и хранитель могущества. V,

102.—Онъ видѣнъ во всѣхъ тваряхъ III, 466—468 и въ членахъ тѣла. III, 466.—Соблюдается неразумными животными. V, 103.—Особливо необходимъ въ Церкви. III, 468, 469.—Гдѣ долженъ быть соблюдаемъ и уважаемъ? III, 468. — Безчинныхъ людей должно принуждать къ соблюденію порядка. V, 101.

Постановленія Апостольскія. Мѣсто, изъ нихъ приведенное II, 219.

Постъ христіанъ предъ Пасхою. IV, 563 —Сорокодневный. IV, 561.—Знаменованіе онаго. IV, 561.

Похвала, не противна любомудрію. III, 359 —Справедливость требуетъ воздавать похвалу и сродникамъ. II, 176, 177.—Какъ надобно принимать людскія похвалы и порицанія? III, 341, 342.

Поэты языческіе. Правда ли, что въ ихъ басняхъ есть сокровенный и глубокой смыслъ? I, 118, 119.

Праведники. Какъ именуется ихъ Писаніе? II, 212.—На землѣ для нихъ отечество вездѣ и нигдѣ. III, 381. IV, 634.—Ихъ строгость пріятна. II, 276.—Для чего предаются они въ руки нечестивыхъ? II, 313.—Для чего подвергаются болѣзнямъ? II, 278.—Что такое смерть ихъ? III, 355.

Праздники. Различіе праздниковъ христіанскихъ отъ іудейскихъ и языческихъ. I, 197; IV, 575.—Какъ должно проводить христіанамъ праздники. I, 197; IV, 575.—Какъ должно проводить праздникъ—память о Богѣ. IV, 538.—Ежедневные праздники въ честь Святыхъ и мучениковъ. III, 346, 347; IV, 500 —Праздники мірскіе. IV, 499.

Препоясаніе въ смыслѣ духовномъ. V, 673.

Пресыщеніе, мать похоти. III, 347.—Дѣлаетъ наглымъ. V, 92.—Не бываетъ цѣломудренна. V, 101.

Примѣры худые вредны. I, 120.

Притча о трудившихся въ виноградникѣ и ея объясненіе. IV, 575, 576.

Причащеніе—(Таинство) есть искупленіе первородныхъ немощей. V, 37.—Къ нему должно приступать съ дерзновеніемъ и не сомнѣваясь. V, 674.—Оно дѣлаетъ насъ причастниками Христовыхъ страданій. I, 83, 84.

Промыслъ Божій повсюду видѣнъ. II, 225, 226, 233.—Движетъ и сохраняетъ сотворенное. III, 394.—Управляетъ міромъ. V, 28, 79.—Міръ не можетъ существовать безъ Промысла. V, 28.—Дѣйствія Промысла недовѣдомы I, 35, 69; II, 268.—Промышленіе Божіе о людяхъ. II, 227.—Оно постепенно велю чело-

вѣческій родъ къ возсозданію. V, 669.—Чѣмъ философы думали замѣнить Промыслъ Божій? I, 81; II, 226.

Пятьдесятница. Празднуема была у Евреевъ. IV, 576.—Но у нихъ образно, а у христіанъ празднуется таинственно, какъ окончаніе дѣлъ Христовыхъ, относящихся къ тѣлесному Христову пребыванію на землѣ, и начало дѣлъ Духа Святаго. IV, 578.

Р.

Раавъ оправдала страннолюбіе. IV, 555.

Рай, чтò онъ такое? V, 35.

Разводъ. Законъ Христовъ о разводѣ. IV, 514.

Раздоръ и разногласіе. См. Споръ.

Растеніе. Ихъ разнообразіе. III, 408.

Ревность по вѣрѣ. IV, 634,—ограда вѣры. III, 360.—Ревность не по разуму препятствуетъ уразумѣнію истины. I, 38.

Рожденіе. Троякое—плотское, чрезъ крещеніе и чрезъ воскресеніе. IV, 544, 545.

Рождество Христово. Праздникъ сей назывался прежде и праздникомъ Богоявленія. IV, 523.—Его торжествуютъ съ нами и Ангелы.—IV, 531.—Какъ должно праздновать день Христова Рождества? 523.—И чѣмъ почтить родившагося Господа? II, 295; IV, 531, 532.

Роскошь богатыхъ. II, 214, 215.—Предметы роскоши—дорогая грязь. IV, 523.—Обличается у Пророка Михея. II, 220, 221.

С.

Савеллій. Его лжеученіе. I, 37; II, 300, 312; III, 363; III, 378; V, 679.

Саддукеи не признавали бытія духа. III, 445.

Самопознаніе. Его польза. V, 8. — Частные предметы самопознанія. III, 477.

Саулъ. II, 190.

Свѣтъ. Для чего и какимъ сотворенъ въ началѣ свѣтъ вещественный? V, 656, 657.—Духовный свѣтъ—первый есть Богъ. IV, 546; V, 656, 29.—Второй свѣтъ—Ангель. IV, 546; V, 565, 29.—Третій—человѣкъ. IV, 546.—Свѣтъ есть законъ Божій. IV, 547.—Различныя явленія духовнаго свѣта. IV, 547.—Свѣтъ вѣдѣнія—истинный и ложный. IV, 568

Святые. Ихъ должно восхвалять. II, 308.—Воспомять о прежнихъ непохвальныхъ дѣлахъ ихъ не оскорбительно для нихъ. III, 349.—Святые ходатайствуютъ за насъ. II, 263.—Примѣры молитвъ къ святымъ. III, 327, 328, 357, 358; V, 654, 655.

Священникъ—посредникъ между Богомъ и людьми. I, 50, 56.—Строгости, какимъ подлежали ветхозавѣтные священники. I, 58.—Священникъ долженъ прежде себя принести въ жертву, чтобы достойно приносить жертву вышнюю. I, 59.—О священникахъ должно говорить съ похвалою. V, 53.

Священноначаліе, въ Церкви, необходимо. I, 23.—Въ немъ всякая степень высока. I, 24.—Восхожденіе на высшія его степени не предосудительно. I, 24.—Но не должно быть послѣдно. IV, 620, 621.—На степени священныя не должно возводить людей неопытныхъ и непросвѣщенныхъ. I, 42, 43.

Священство. Его важность. I, 51.—Порядокъ въ чиноначаліи ветхозавѣтнаго священства. III, 472.—Что требуется отъ приступающихъ къ священству? I, 57, 59; II, 270.—Не должно приступать къ оному съ нечистыми видами. I, 26.—Людямъ священнаго сана не позволительно употреблять оружіе. III, 342.

Сеннахиримъ—по молитвѣ Езекии отраженъ отъ Іерусалима невидимою силою. I, 135.

Седмичное число въ уваженіи у Евреевъ. II, 246; IV, 576, 577.

Символъ вѣры св. Григорія. IV, 573, 574.—Почему въ символѣ Никейскомъ не полно сказано о Святомъ Духѣ? V, 15.—Исповѣдающихъ вѣру не согласно съ символомъ Никейскимъ должно почитать чуждыми Богу и Вселенской Церкви. V, 15.

Скопцы по природѣ не произвольно цѣломудренны, и цѣломудріемъ хвалиться не могутъ. IV, 518.—Духовные скопцы. IV, 520, 521.

Скорбь. Скорби ускоряютъ приближеніе старости. V, 102.—Для чего посылаются намъ скорби? V, 71.

Скрижали письмени и духа. I, 57.

Слава временная — обманъ. V, 103. — Уловляетъ людей V, 100.

Сластолюбіе—злой пещь. II, 182.

Слезы—лучшее врачевство для души грѣшника. V, 60.

Слово (Божіе)—пища духа, хлѣбъ Ангельскій. II, 255; IV, 626.—Слово есть лучший даръ Богу. I, 148, 149.—Польза слова I, 88, 149, 150.—Слово для сердца, которое достойно разумѣнія,

есть тоже, что желѣзо для кремня. I, 38.—Худое слово и худая жизнь равно худы. V, 51.—Слово обильное не полезно мудраго. II, 232.—Различные роды слушателей слова. I, 38, 39.

Служеніе Богу. Страхъ и ревность мужей Ветхозавѣтныхъ при избраніи ихъ на сіе дѣло. I, 17, 63.

Смерть равняетъ всѣхъ людей. V, 78.—Она неизбежна. II, 250.—Различные причины смерти внезапной. IV, 552, 553.—При смерти каждый дѣлается искреннимъ судіею себя самого. II, 319.—Тѣлесную смерть нельзя назвать смертію въ собственномъ смыслѣ. V, 42.—Для праведныхъ она благодѣтельна. IV, 633.—Состояніе души благочестивой по смерти тѣлесной. I, 173.—Всегда должно имѣть страхъ смертный. V, 98,—и плакать о смерти грѣховной. I, 174.

Смиреніе. Примѣръ истиннаго смиренія. II, 274.—Грѣхъ рождаетъ смиреніе, а смиреніе—обращеніе къ добру. I, 77.

Смиренномудріе, кто имѣетъ оное? III, 473.

Сновидѣнія подобны дневнымъ занятіямъ. V, 59.—Но посылаются и отъ Бога. II, 268.

Соборъ. Никейскій. II, 268, 312.—Его дѣйствія. III, 364.—Селевкійскій и потомъ Константинопольскій. II, 317, 318.—Его неправыя опредѣленія. II, 318.—Общительныя посланія отъ Соборовъ. V, 8.

Событія. Богъ заранѣе полагаетъ основанія великихъ событий. III, 353.

Совѣсть—судилище. II, 234.—Отъ суда совѣсти убѣжать нельзя. IV, 507.

Созерцаніе и дѣятельность—прекрасны. II, 207.

Солнце—око дня. V, 656.—Его движеніе. III, 412.—Величіе и благотворность. III, 411, 412.—Въ немъ форма, то-есть свѣтъ, осуществлена прежде вещества. V, 656.

Состраданіе. См. милосердіе.

Состязаніе. См. Споръ.

Спасеніе. Оно зависитъ отъ Бога и отъ насъ. V, 39.—Путей къ спасенію много. II, 84; III, 390; V, 51.—Почему же говорится, что путь къ спасенію не одинъ и тѣснѣе? III, 390; V, 51.—Въ дѣлѣ спасенія не должно медлить и предаваться безпечности. IV, 559, 574, 575.—Спасеніе приобрѣтается иногда однимъ вздыханіемъ. II, 225.—Не заботиться о немъ—безразсудно. IV, 552.—Три степени спасаемыхъ. IV, 552.

Споры. Ихъ причины. III, 338; гибельныя слѣдствія. I, 54, 55; IV, 482.—Въ спорахъ надобно соблюдать правила. I, 55.—Не должно спорить о словахъ. IV, 579.

Стихотворство. Его начало. I, 113.

Страданіе ради Бога—славное и блаженное дѣло. I, 84; III, 328; V, 677.—Страданія за Христа укрѣпляютъ къ новымъ подвигамъ. IV, 493.—Наши страданія маловажны въ сравненіи съ страданіями Христовыми. IV, 489.—Грѣхами мы противоборствуемъ Христовымъ страданіямъ. V, 76.

Старъ Божій—начало премудрости. IV, 536.

Судъ послѣдній—страшенъ, а еще болѣе праведенъ. II, 236.—На немъ потребуется отъ насъ отчетъ за все время жизни. III, 375.—На судъ Божию цѣнятся дѣла наши сообразно съ родомъ жизни каждаго. IV, 555.—Мысль о судѣ Божию должна побуждать къ слезамъ и печали о грѣхахъ. V, 80.

Суета. Удаленіе отъ суеты мірской. I, 52.

Счастіе земное. Его суетность. V, 54.—Не должно довѣряться ему. II, 257. и привязываться къ нему. V, 101.—Во время счастья не должно забывать о несчастіи. I, 140.

Сый—имя Божіе. Чтѣ оно значитъ? III, 440, 441; IV, 524; IV, 663.

Сынъ (Богъ Сынъ—второе Лице Св. Троицы). Имена Его. III, 441, 443.—Личное Его свойство. II, 301; V, 20.—Безначальность, II, 302; III, 369.—Онъ существовалъ прежде времени. V, 21.—Отецъ нерожденный и Сынъ рожденный существуютъ отъ вѣчности. II, 363; III, 415.—Въ какомъ смыслѣ Сынъ безначаленъ и не безначаленъ. IV, 538.—Богъ Сынъ не отдѣленъ отъ Отца. II, 301; IV, 521; V, 21.—Божество Сына Божія по ученію Св. Писанія. III, 424, 425.—Рожденіе Его отъ Отца не вещественно. III, 333; III, 415.—Образъ Его рожденія отъ Отца непостижимъ. II, 304; III, 426, 427, даже для Ангеловъ. III, 418.—Лжеумствованіе о семъ Плотина. III, 414.—Объ образѣ рожденія Сына Божія нельзя заключать отъ свойства тварей II, 302, 303, и отъ свойства отцовъ и сыновъ въ родѣ человѣческомъ. V, 21.—Рожденіе Бога Сына по Божеству, какъ и по человѣчеству отлично отъ всякаго другого рожденія III, 415, ибо по Божеству рожденъ безъ матери, какъ по человѣчеству безъ отца. III, 426.—Причины и цѣль его воплощенія. III, 21, 26, 429; IV, 523; V, 36.—Въ какомъ смыслѣ Сынъ пріемлетъ жизнь и власть? III, 445.

Г.

Тварь. Для чего созданы твари разумныя? V, 27.—Степени приближенія тварей къ Богу. IV, 527; V, 664, 665. — Твари приближаются къ Богу не по своему естеству, но по причастию Его естества. III, 334.—Воздыханіе твари. I, 71.

Тертніе христіанское. I, 142.

Тираны изобрѣли пурпуръ. I, 113.

Троица Святая. Чтò означаетъ слово: Троица? III, 334.—Богъ по естеству единъ. III, 422, 451, но троиченъ въ Лицахъ. I, 37; II, 301; III, 332; III, 448, 451; IV, 526; 538; IV, 595; V, 664; V, 24, 25, или что то же: въ Богѣ одна сущность и три Впостаси. III, 325.—Умосозерцательное объясненіе троичности въ Божествѣ. III, 332.—Три Лица Св. Троицы—не одни имена, но Впостаси. I, 158, 159.—Отецъ, Сынъ и Духъ Св. не три Бога, но единый Богъ. V, 24.—Каждое Лице Св. Троицы—Богъ и вмѣстѣ три Лица—Богъ. III, 332; III, 445, 446; IV, 570, 571.—Исповѣдывать въ Богѣ три Впостаси, или три Лица равнозначительно. IV, 595.—Споръ объ употребленіи сихъ реченій. III, 326.—Личныя свойства: Отца—нерожденность, Сына—рожденность, Духа Святаго—исходность, III, 369, 370; III, 415, 581.—Сіи личныя свойства даютъ наименованія Отцу, Сыну и Духу. III, 448, не переходятъ отъ одного Лица къ другому. III, 421, и при равенствѣ Лицъ личное свойство одного изъ Нихъ не принадлежитъ другому. IV, 581.—Но сіе не значитъ, чтобы въ одномъ Лицѣ былъ недостатокъ предъ другимъ. III, 448. — Раздѣльность лицъ Св. Троицы не вноситъ раздѣленія въ естество Божіе. V, 4.—Въ каждомъ изъ трехъ Лицъ Св. Троицы вся полнота Божественныхъ совершенствъ. III, 448.—Всѣмъ Имъ принадлежитъ вѣчность. III, 415, 444, неизмѣняемость. III, 425; IV, 496,—единоравенство. III, 435, 436, 451; IV, 570, 571,—единоначаліе. III, 414.—Въ Св. Троицѣ нѣтъ ничего рабскаго. IV, 571.—Отчуждать что-либо отъ Троицы значитъ отсѣчь все. I, 152; IV, 518, 519.—Не должно вводить неумѣстнаго смѣшенія и раздѣленія Впостасей. II, 300, 301.—Раздѣльность и единство въ Троицѣ непостижимы. III, 371.—Святая Троица есть начало всего. V, 56.—Отецъ есть Виновникъ, Сынъ — Зиждитель, Духъ Св. — Совершитель. IV, 496. — Постепенность въ откровенномъ ученіи о Лицахъ Св. Троицы. III, 458, 459; V, 23, въ ученіи Спасителя о Св. Духѣ. III, 458, 459.—Ученіе Ап. Павла о Св. Троицѣ. IV, 498, 499.—Ученіе Церкви о Св.

Троицѣ. II, 300, 301; III, 368, 369; III, 465; IV, 491; IV, 623; V, 14.—Слова *нерожденный и безначальный*, буквально не встречаются въ Писаніи, но заимствуются изъ выраженной подобозначущихъ. III, 456.—Сокращенное ученіе о Св. Троицѣ, предложенное Св. Григоріемъ. IV, 564.—Св. Григорій приводитъ и разсматриваетъ чужія объясненія тайны Св. Троицы, взятыя отъ предметовъ видимыхъ. III, 461, 462.—Въ тваряхъ можно находить только неполныя подобія къ изъясненію Св. Троицы. III, 449, 450; V, 24.—Такъ, нераздѣльность между словомъ, мыслию и душою объясняетъ нераздѣльность Лицъ Св. Троицы. V, 4, 5.—И еще ученіе о троичности Лицъ въ Божествѣ объясняется чрезъ сравненіе ихъ съ духовными силами природы человѣческой. III, 333; съ солнцемъ и лучами, съ источникомъ и ручьями источника. III, 460, 462; V, 5; V, 21.—Настоящей жизни недостаточно для надлежащаго уразумѣнія ученія о Св. Троицѣ. I, 37.—Осторожность въ ученіи о Св. Троицѣ. I, 36, 37; V, 94.—Диалектика здѣсь неумѣстна. IV, 596.—Догматъ о Св. Троицѣ есть главный догматъ. I, 36.—Исповѣданіе Св. Троицы есть залогъ, преданный намъ отцами. I, 158.—Православное почитаніе Св. Троицы. III, 342, 343.—Должно воздавать равное чествованіе всѣмъ тремъ Лицамъ Св. Троицы. IV, 519.—Еретическое ученіе о Св. Троицѣ. III, 370; III, 456.—Многоначаліе въ Богѣ то же, что и безначаліе. V, 24.—(См. слова: Богъ, Отецъ, Сынъ, Духъ Св.).

Тѣло. Устройство тѣла человѣческаго. III, 406.—Тѣло—облако, омрачающее душу. IV, 536.—Тлѣнность тѣла. I, 28.—Красота тѣла—игралище времени и болѣзней. IV, 516.—Душа цвѣтетъ, когда тѣло увядаетъ. II, 200.—За что должно любить и ненавидѣть тѣло. II, 207, 208.—Тѣло должно быть подчинено душѣ. I, 30.—Должно очищать и освящать всѣ члены тѣла. IV, 569, 571.—Воскресеніе и прославленіе тѣла. II, 173.—Всѣ тѣла человѣческія, какимъ бы измѣненіямъ ни подверглись, воскреснуть. V, 80.

Тщеславіе служить препятствіемъ къ добродѣтели. I, 40.

У.

Удовольствія мірскія кратковременны. V, 46.—Различныя виды оныхъ. V, 69.

Умосозерцаемое не имѣетъ для себя собственнаго имени. V, 4.—Оно соединяется съ тѣлами не тѣлообразно. V, 11.

Умъ человѣческой—первоначальный въ насъ и всѣмъ данный законъ. III, 402.—Онъ есть владычественное въ насъ, но въ отношеніи къ Богу рабское. V, 11.—Для ума человѣческаго не только міръ невидимый, но даже и видимый, а тѣмъ паче естество премірное, недовѣдомы. III, 394.—Умъ не терпитъ обремененнаго чрева. V, 100.—Въ человѣкѣ поврежденномъ два ума. V, 68.

Управленіе. Лучше управлять собою, нежели другими. I, 52.—Трудно управлять другими тому, кто не умѣетъ быть подъ начальствомъ. I, 26.—Управлять человѣкомъ есть искусство изъ искусствъ. I, 29.

Усопшіе счастливые живыхъ. II, 171.—Духомъ пребываютъ съ живыми. II, 263.—Плакать объ нихъ умѣренно не противно закону. I, 160.—Не должно о нихъ говорить худо. V, 100.—Образецъ молитвы за усопшихъ. II, 176.—Годичное поминовеніе. II, 170.—Обряды языческіе въ честь усопшихъ. I, 169.

Ученіе истины для злонаправныхъ—поражающій камень. III, 392.—Его не должно мѣшать съ пустословіемъ. I, 40.—Учить—дѣло великое, а учиться—безопасное. III, 470.—Учить о вѣрѣ не всякому позволительно. III, 480.—Незрѣлые по возрасту и образу жизни не должны учить въ Церкви. IV, 540.—Ученіе должно соединять съ упражненіемъ въ благочестіи. V, 610.—Ученіе Христіанское есть нѣчто и древнее и новое. I, 114.—Какимъ должно быть преподаваніе его? V, 671, 672.—Оно превосходитъ языческаго. I, 121, 122.—Способъ ученія двоякій—догматическій и полемическій. III, 414.—Учить другихъ, не имѣя достаточныхъ познаній,—признакъ неразумія и дерзости. I, 41.

Ученость. Ученость истинная есть первое для насъ благо. IV, 609.—Учености внѣшней презирать не должно IV, 609, 610.

Ф.

Фарисеи—не понимали закона. IV, 512.—Не любили добра. IV, 514.—Что дѣлаетъ Фарисеемъ. IV, 514.

Философія—языческая не учитъ ничему высокому. I, 116, 120, и слд.—Предметы языческой философіи, достойные осмѣянія. III, 22.—Страсть молодыхъ людей къ философіи. III, 377.

Философъ. Качества истиннаго философа. III, 378, 379.—Заблужденія философовъ. I, 81, 82.—Опроверженіе ихъ ученія о вѣчной матеріи. V, 25.—Ученіе языческихъ философовъ вредно для Церкви. III, 476, 477.

Х.

Хаосъ нравственный. I, 53.

Хитонъ Христовъ. I, 145.

Храмъ. Рѣшетка, преддверіе и хоры для дѣвъ, въ храмѣ. V, 82.—Право притѣсняемыхъ прибѣгать во храмъ. IV, 637.—Человѣкъ есть Божій храмъ. V, 41.

Херувимы—престолъ Божій. IV, 583.

Христіанинъ. Почему названіе сіе важно? IV, 518.—Христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, но вѣрою. IV, 633.—Истинный Христіанинъ таковъ не именемъ только, но и дѣломъ. IV, 518.—Вѣрующіе Христіане суть виноградъ Христовъ. I, 55, 136.—Они заботятся объ украшеніи души. I, 116.—Христіанинъ всего себя долженъ приносить въ жертву Богу. IV, 670.—Долженъ повиноваться Богу и начальствующимъ на землѣ II, 258; всегда о Богѣ памятовать. III, 387.—Долженъ подражать борцамъ. III, 345.—Кроткое обращеніе Христіанъ съ язычниками. I, 108.—Христіане не оскорбляются постыдными именами. I, 95.—Христіанское общество есть союзъ духовный. IV, 494, 495.

Христосъ (Иисусъ) Спаситель міра. Имена Ему приписываемыя. I, 59; III, 441, 442; V, 512, 529; V, 667; V, 20. — Въ немъ два естества. V, 32. — Соединеніе Въ Немъ Божества съ человѣчествомъ. I, 32; III, 433; IV, 510, 529, 539; V, 667; V, 36. — Свойства въ Немъ Божественныя и человѣческія. IV, 510; V, 8, 22. — Что должно разумѣть подъ посланничествомъ Иисуса Христа? IV, 530; V, 679. — Въ Иисусѣ Христѣ всецѣлая природа человѣческая. V, 11. — Въ Немъ душа посредствовала между Божествомъ и плотію. IV, 522; V, 667; V, 12. — Состояніе истощанія. IV, 511.—Цѣль истощенія Иисуса Христа. I, 18; III, 439; IV, 529; V, 667.—Рожденіе I. Христа. II, 295.—Для чего родился во время переписи? II, 296.—I Христосъ семьдесятъ седьмой отъ Адама. IV, 576.—Помазаніе I. Христа относится къ Его человѣчеству. III, 430.—Для чего Онъ исполнилъ Законъ? V, 36.—Для чего Онъ далъ Кесарю дань? V, 91.—Для чего переходилъ съ одного мѣста на другое? IV, 510.—Чудеса I. Христа. IV, 531.—Имъ оправданы три мытаря, исцѣлены трое разслабленныхъ, воскрешены три мертвеца. V, 77. — Почему Онъ крестился и явился міру не ранѣе тридцати лѣтъ? IV, 563.—Что значить послушаніе I. Христа? III, 432.—Въ какомъ смыслѣ приписывается Ему невѣдѣніе послѣдняго часа? III, 439. — Въ ка-

бомъ смыслѣ именуется Онъ грѣхомъ и клятвою? IV, 510; V, 14.— Онъ—разоритель буквы въ Законѣ и совершитель духа. V, 676.— Долготерпѣніе І. Христа. I, 95.—Онъ Жертва и Архіерей. V, 22.— Принесъ жертву за всѣхъ. V, 670—Кому и для чего принесена сія жертва? V, 675.— О Христѣ пророчествуетъ Давидъ въ 21 псалмѣ. III, 432.— Мѣдный змій Моисеевъ—образъ Іисуса Христа. V, 675.— Двойное очищеніе даровано намъ І. Христомъ. V, 36, 37.—Его сошествіе во адъ. III, 427; V, 678; V, 97.— Почему, по воскресеніи, явился прежде женамъ? V, 89.— Въ какомъ смыслѣ называется Онъ царствующимъ? III, 431.— Царство его вѣчно. II, 261.— Въ какомъ тѣлѣ придетъ Онъ судить? V, 10.— І. Христосъ образъ Божій, по которому мы созданы. II, 221.— Сораспятіе наше Христу и совостаніе съ Нимъ I, 18; II, 174.— Должно во всемъ послѣдовать Христу. IV, 532.— Безъ него мы ничего не можемъ сдѣлать. V, 40—Ходатайство І. Христа за насъ. III, 438—не есть рабское. III, 438, 439.— Кто не поклоняется Распятому, анаема. V, 10.— Христосъ страшенъ для недостойныхъ. IV, 537.

Ц.

Царь. Воля царя—неписанный законъ. I, 104.—Лучше быть послѣднимъ у Бога, нежели первымъ у земнаго царя. II, 165.

Церковь сравнивается съ тѣломъ. I, 23.—Различіе и взаимодѣйствіе членовъ Церкви. I, 23.—Бѣдственное состояніе Церкви отъ внутреннихъ несогласій. III, 464, отъ еретиковъ. IV, 598.—Состояніе оной во времена аrianства. II, 318, 319.—Мира Церкви можно ожидать только отъ Бога. III, 382.—Для чего учреждены церковныя собранія? II, 212.—Неблагочиніе въ оныхъ. IV, 503.

Циклоты. Изобрѣтатели оружія. I, 114.

Цѣломудріе. Свойственно нашей природѣ. III, 417.—Къ нему обязаны равно и мужскій и женскій полъ. IV, 513.—Оно несомѣстно съ нетрезвенною жизнію. V, 101.—Къ его признакамъ принадлежитъ нѣкоторая веселость. V, 99.

Ч.

Человѣкъ. Сотвореніе его. IV, 527; V, 665; V, 33.—Для чего онъ сотворенъ послѣ всего? V, 656.—Цѣль его сотворенія. IV, 538, 539.—Состояніе первозданнаго человѣка. II, 221.—Естество человѣческое. IV, 527; V, 665.—Въ природѣ человѣка многа для насъ непостижимо. III, 417.— Человѣкъ есть образъ великаго

Бога. V, 68.—Что въ немъ божественнѣе всего? II, 260.—Чудное въ немъ соединеніе тѣлеснаго съ духовнымъ. III, 405, 406.—Онъ состоитъ изъ противоположностей. II, 175.—Изъ двухъ природъ. V, 33; V, 48.—Въ человѣкѣ два ума—добрый и худшій. V, 68.—Онъ великъ и вмѣстѣ малъ. V, 39, 40.—Свобода человѣка. II, 221.—Для чего дарована ему? IV, 527; V, 666—Каковъ бы былъ онъ, если бы не согрѣшилъ? V, 656.—Воля его часто противорѣчитъ волѣ Божіей. III, 436.—Непостоянство и нетвердость воли человѣческой. V, 98.—Какъ тѣлесному, ему нельзя быть въ общеніи съ духовнымъ, безъ посредства тѣлеснаго. III, 399, 400.—Измѣнчивость существа человѣческаго. V, 62, 63.—Люди различны между собою болѣе по душѣ, нежели по тѣлу. I, 34.—Человѣкъ мірской и духовный. II, 225.

Честолобіе—мучительная болѣзнь. II, 165.

Чрево—источникъ всѣхъ золъ, I, 121.—Умъ не терпитъ обремененнаго чрева. V, 100.

Чувства. Надобно очищать въ себѣ всѣ чувства. IV, 560, 570.—Нравственное исправленіе чувствъ. V, 658.

Чудеса. Вѣтхозавѣтныя. I, 72, 73, 155, 156; II, 202.—Ихъ таинственный смыслъ. V, 675.—Чудеса въ призваніи избранныхъ Божіихъ. II, 270.—Чудеса, воспрепятствовавшія возсоздать Іерусалимскій храмъ. I, 124, 126.—Чудо при созиданіи Юліанова храма въ честь мучениковъ. I, 74.—Истинность сего чуда. I, 76.—Чудеса не для вѣрующіихъ, но для невѣрныхъ. IV, 625.

Э.

Этна, гора. Сравненіе дѣйствій Юліановыхъ съ изверженіемъ Этны. I, 99.

Ю.

Юбилейный годъ у Евреевъ. IV, 576.

Юліанъ (Императоръ) отступникъ I, 65 отъ Бога и отъ здраваго смысла. II, 281.—Жизнь его до вступленія на престолъ. I, 73, 77.—Его воспитаніе. I, 73.—Благочестіе его въ юности, впрочемъ ложное. I, 73, 74.—Былъ чтецомъ, I, 107.—Научился нечестію у языческихъ философовъ. I, 81.—Учился Астрологіи и Магіи. I, 76.—Предсказаніе о немъ Св. Григорія въ Аѳинахъ. I, 134.—Онъ объявленъ Цезаремъ. I, 77.—Вооружился противъ Констанціи, и самъ на себя возложилъ царскій вѣнецъ. I, 81, 82.—Причины его ненависти къ христіанамъ. V, 80, 81.—Вопрощалъ

демоновъ о будущемъ. I, 82, 85.—Во время жертвоприношенія его явился во внутренностяхъ животнаго Крестъ въ вѣнцѣ. I, 84.—Первый изъ христіанскихъ царей возсталъ противъ Иисуса Христа. I, 114; III, 323.—Открываетъ гоненіе на царедворцевъ и скло- няетъ на свою сторону войско. I, 88.—Истребляетъ знамя съ изо- браженіемъ Креста. I, 89.—Хитростію хотѣлъ принудить хри- стіанъ къ идолопоклонству. I, 96, 97, 98, 99.—Притѣсненія хри- стіанамъ на торжищахъ и празднествахъ. I, 106.—Указы Юліана противъ христіанъ. I, 99, 104.—Онъ лишалъ христіанъ покрови- тельства законовъ. I, 106.—Почему воспрепятъ имъ образы- ваться въ словесности. I, 66, 67, 109.—Онъ вводилъ между языч- никами учрежденія христіанскія. I, 115.—Гоненія на христіанъ. I, 93, 100, 103, 104; II, 280; IV, 588.—Какъ онъ преслѣдовалъ хри- стіанъ. I, 88; III, 323, 324.—Взглядъ его на мученичество. I, 87; II, 166.—Онъ недоволенъ былъ избраніемъ Евсевія на еписк. пре- столъ. II, 283.—Изгналъ Св. Аванасія изъ Александріи. III, 324.— Злоумышленіе его противъ Василія В. и Григорія Богослова. I, 144.—Противъ Кесарія. II, 166.—Отзывъ Юліана о семействѣ Св. Григорія. II, 167.—Онъ возбудилъ Іудеевъ возсоздать Іерусалим- скій храмъ. I, 124.—Походъ его противъ Персовъ. I, 126, 129.— Нечестивый обѣтъ его. I, 127. — Различныя сказанія о смерти Юліана. I, 129, 130.—По какимъ причинамъ смерть его ускорена Промысломъ. I, 135, 136.—Погребеніе Юліана въ Тарсѣ. I, 127.— По смерти онъ не принятъ былъ землею. III, 324.—Его безпорядки въ управленіи государствомъ. I, 128, 129.—Суевѣріе Юліана. I, 127. — Жестокость. I, 103. — Робость. I, 67. — Скрытность. I, 75, 105.—Онъ хвалился своимъ воздержаніемъ. I, 145.—Былъ даро- вить въ словѣ. I, 66 —Сочиненіе его. I, 144.—Нечестіе его. I, 84, 85, 123, 133; II, 166.—Неблагодарность. I, 72, 73.—Онъ злоупотре- блялъ словами Св. Писанія противъ христіанъ. I, 106, 107.— Насмѣшка его надъ словомъ: „вѣруй“. I, 109. — Насмѣшка его надъ христіанскими обрядами. I, 133.—Внѣшній видъ Юліана. I, 134.—Состояніе Церкви въ правленіе его. III, 334.—Паденіе язычества послѣ него. I, 138, 139, 140.

Юліанъ, собиратель податей. II, 289.—Другъ и сверстникъ Св. Григорія Богослова. II, 297.

Я.

Языкъ (даръ слова). Употребленіе его всѣмъ есть общее. I, 112.—Въ злоупотребленіи онъ всего пагубнѣе для людей. V, 92

и слѣд. — Многочисленность и разнообразіе грѣховъ языка. V, 92 и д.—Должно обуздывать языкъ. V, 91.—Польза его. V, 91, 93. — Укротить языкъ — великое пріобрѣтеніе. V, 95. — Какъ трудно обуздать его. V, 92.—Средства къ его обузданію. V, 95.—Злымъ языкамъ не должно давать свободы. III, 329.—Что славословить долженъ языкъ христіанства. V, 93.

Язычники. Имъ не должны быть разглашаемы таинства христіанскія. III, 389; V, 672.—Имъ чужды обычаи христіанскіе. I, 115.—Они скрывали свое ученіе. III, 388.—Почерпали свои сказанія изъ книгъ Моисеевыхъ. IV, 618.—Ихъ мнѣнія о будущихъ мученіяхъ. I, 143.—Аллегоріи языческія. I, 118, и ихъ противоположность христіанскимъ. I, 118, 119.—Таинства языческія. I, 101, 117; IV, 533—535—изобрѣтенія демоновъ. IV, 533.—Прорицалища язычниковъ. III, 534.—Ихъ подвиги въ честь демоновъ. IV, 540.—Они заботятся только о внѣшнемъ величіи. I, 116.—Образованность Греческая не была достояніемъ однихъ язычниковъ. I, 111, 112.—Тщетныя усилія язычниковъ противъ христіанъ. I, 135.

Ө.

Θеодосій I. (Императоръ). IV, 482. — Его указъ въ пользу Православія. IV, 489.—Возстановленіе при немъ праздниковъ мученическихъ. IV, 499.—Слово къ нему Св. Григорія. IV, 508.

Θома. Апостоль, достоподробенъ въ своей искренней вѣрѣ, послѣ невѣрія. V, 677. — Проповѣдывалъ Евангеліе въ Индіи. IV, 487.

Θракіяне, изобрѣтатели языческихъ таинствъ. I, 113.

V.

Vпостась у римлянъ, замѣняется словомъ „Лице“. III, 326.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОГО ТОМА.

(Цифры въ скобкахъ означаютъ страницы II т. настоящаго изданія).

I. Посланія:—1, къ монаху Еварію, о Божествѣ (3); 2, къ Нектарію, епископу Константинопольскому (6); 3, къ шресвитеру Клеодію, противъ Аполлинарія (8); 4, къ нему же (15).

II. Стихотворенія святаго Григорія Богослова. Пѣснопѣнія таинственныя. Слова:—1, о началахъ (19); 2, о Сынѣ (20); 3, о Святомъ Духѣ (22); 4, о мѣрѣ (24); 5, о Промыслѣ (27); 6, объ умныхъ сущностяхъ (29); 7, о душахъ (31); 8, о Завѣтахъ и о пришествіи Христовомъ (35); 9, о человѣческой добродѣтели (37); 10, о человѣческой природѣ (41); 11, о малоцѣнности вѣшняго человѣка и о суетѣ настоящаго (45); 12, блаженства и опредѣленія духовной жизни (49). Стихи о самомъ себѣ, въ которыхъ св. Богословъ скрытымъ образомъ поощряетъ и насъ къ жизни о Христѣ (52). Плачь о страданіяхъ души своей (67). Жалобы на свои страданія (74). О суетности и невѣрности жизни, и объ общемъ вѣсѣмъ концѣ (77). Плачь о собственныхъ своихъ бѣдствіяхъ, и молитва ко Христу, о прекращеніи жизни (78). Къ себѣ самому въ вопросахъ и отвѣтахъ (79). Молитва ко Христу (80). Сонъ о храмѣ Анастасіи, который св. Григоріемъ устроенъ бытъ въ Константинополь (81). Увѣщательное посланіе къ Гелленію, о монахахъ (83). На безмолвіе во время поста (92). Пѣснь Христу послѣ безмолвія въ пасху (97). Мысли, писанныя двустигіями (98). Двустигія (100). Пѣснь Богу (104). Молитва ко Христу (105). Молитва утренняя (106). Молитва вечерняя (106). Молитва на другое утро (106). Молитва въ болѣзни (107). Молитва шествующаго въ путь (107). Плачь и моленіе ко Христу (109). Плачь Григорія о самомъ себѣ (111). Къ самому себѣ (113). Къ душѣ своей (114). Плачь о душѣ своей (115). Упреки неразумнымъ стремленіямъ души (116). На плоть (117). На лукаваго (119). О брани отъ бѣсовъ (121). Разговоръ съ міромъ (122). О бренности естества человѣческаго (122). Жизнь человѣческая (123). Покаянная пѣснь при концѣ жизни (124). На болѣзни (124). О Промыслѣ (127). О вочеловѣченіи (130). О подлинныхъ книгахъ богодуховеннаго писанія (132). Похвала дѣвству. (133). Совѣты дѣвственникамъ (150). Къ дѣвамъ (167). Къ монахамъ (169). На цѣломудріе (173). На любомудрую нищету (175). На терпѣніе (175). Счастіе и благоразуміе (176). Пристрастіе (176). Смерть любезныхъ (176). Недобрые друзья (176). О смиренномудріи, цѣломудріи и воздержаніи (177).

На гибельность (197). На тѣхъ, которые часто клянутся (208). Сравненіе жизни духовной и жизни мірской (217). Къ душѣ своей (223). Мысли, писанныя четверостишіями (225). Мысли, писанныя одностишіями (231). На челоуѣка высокаго родомъ и худаго по нравственности (232). На богатолюбцевъ (234). На женщинъ, которыя любятъ наряды (242). Совѣты Олимпіадѣ (250). На лицемѣрныхъ монаховъ (253). Не должно клеветать на живущихъ чисто по тому, что иные падаютъ (255). Убѣщаніе къ духовной жизни (255). И въ шуткѣ должна быть степенность (256). На тѣхъ, которые при грѣбахъ мученическихъ предаются роскоши (256). Злословящему (257). Юліану (257). Филагрію на его терпѣніе (258). Сигантію пустыянику (259). Строителю дома Гигантію (259). Къ Немесію (259). Максиму (267). Отъ Никовула сына къ отцу (269). Отъ Никовула отца къ сыну (274). Къ Виталіану отъ сыновей (281). Къ Селевку (290). Двѣнадцать патріарховъ (296). Египетскія язвы (297). Моисеево десятизаславіе (297). Чудеса пророк. Пліи и Елисея (297). Родословіе Христова (298). Двѣнадцать апостоловъ (301). Христосъ на кораблѣ (301). Чудеса Христовы по евангелію отъ Матѳея (301). Чудеса Христовы по евангелію отъ Марка (302). Чудеса Христовы по евангелію отъ Луки (303). Чудеса Христовы по евангелію отъ Іоанна (303). Притчи Христовы по евангелію отъ Матѳея (304). Притчи Христовы по евангелію отъ Луки (304). Притчи Христовы у четырехъ евангелистовъ (305). Опрежденія, слегка начертанныя (308). Надписи (315). Надробія (315). На расхищающихъ гробы (340). Стихотвореніе, въ которомъ Святыи Григорій пересказываетъ жизнь свою (350). О себѣ самомъ и на завистниковъ (392). Къ завистникамъ (393). О разлучіяхъ въ жизни и противъ лжеіереевъ (394). Къ епископамъ (397). Къ константинопольскимъ іереемъ и къ самому Константинополю (402). На свое удаленіе (403). На возвращеніе свое изъ Константинова града (404). Къ себѣ самому (405). О стихахъ своихъ (408).

III. Писма св. Григорія Богослова. 1. Къ Василию Великому (411). 2. Къ нему же (411). 3. Къ нему же (412). 4. Къ нему же (413). 5. Къ нему же (414). 6. Къ Адамантію (415). 7. Къ Кесарію брату (416). 8. Къ Кандіану (417). 9. Къ Амфилохію (420). 10. Къ нему же (420). 11. Къ Василию Великому (421). 12. Къ Евсевію епископу Кесарійскому (421). 13. Къ нему же (422). 14. Къ нему же (423). 15. Къ Василию Великому (423). 16. Къ Григорію Нисскому (424). 17. Къ Никовулу (425). 18. Къ нему же (426). 19. Къ нему же (426). 20. Къ нему же (427). 21. Къ Алипію (428). 22. Къ Кесарію брату (428). 23. Къ Филагрію (429). 24. Къ Софронію Ипарху (430). 25. Къ нему же (431). 26. Къ нему же (432). 27. Къ нему же (432). 28. Къ нему же (433). 29. Къ Кесарію (433). 30. Къ нему же (434). 31. Къ Θεомастію (434). 32. Къ нему же (435). 33. Къ Василию Великому (436). 34. Къ жителямъ Кесарія отъ имени отцова (437). 35. Къ епископамъ отъ имени отцова (438). 36. Къ Евсевію, епископу Самосатскому, отъ отцова же имени (439). Къ нему же (440). 38. Къ Василию Великому (441). 39. Къ нему же (441). 40. Къ нему же (442). 41. Къ нему же (442). 42. Къ нему же (445). 43. Къ нему же (445). 44. Къ Амфилохію (446). 45. Къ нему же (446). 46. Къ нему же (446). 47. Къ нему же (446). 48. Къ нему же (447). 49. Къ Василию Великому. (447). 50. Къ нему же (447). 51. Къ нему же (449). 52. Къ Никовулу (450). 53. Къ Аерію и Алипію (450). 54. Къ Виталіану (451). 55. Къ Амфилохію (452). 56. Къ

Юліану (453). 57. Къ нему же (453). 58. Къ нему же (454). 59. Къ Евсе-
 вію, епископу Самосатскому (454). 60. Къ нему же (455). 61. Къ нему же
 (456). 62. Къ Евтропію (456). 63. Къ нему же (457). 64. Къ Григорію Нис-
 скому (457). 65. Къ нему же (458). 66. Къ епископу Григорію (458). 67.
 Къ Воспорію епископу Колонійскому (458). 68. Къ нему же (459). 69. Къ
 Григорію Нисскому (459). 70. Къ нему же (460). 71. Къ Евдоксію ритору
 (460). 72. Къ Симплихію (461). 73. Къ Θεодору, епископу Тіанскому (463).
 74. Къ Адицію (465). 75. Къ нему же (465). 76. Къ нему же (465). 77.
 Къ нему же (466). 78. Палладію (466). 79. Къ Гиганію (467). 80. Къ
 Воспорію, епископу Колонійскому (467). 81. Къ Леонтію (468). 82. Къ Ама-
 зонію (468). 83. Къ Ипатію (468). 84. Къ Филагрію (469). 85. Къ Нек-
 тарію (470). 86. Къ Софронію Ппарху (470). 87. Къ нему же (471). 88.
 Къ Тимоою (471). 89. Къ Праксіану (472). 90. Къ епископу Θεодору (472).
 91. Къ Евлалію (473). 92. Къ Келевсію Архонту (473). 93. Къ нему же
 (474). 94. Къ нему же (474). 95. Къ Каллдонію (475). 96. Къ нему же (475).
 97. Къ нему же (475). 98. Къ Палладію (475). 99. Къ нему же (475).
 100.—Къ Елифанію (476). 101. Къ Евлалію (476). 102. Къ нему же (476).
 103. Къ нему же (476). 104. Къ нему же (477). 105. Къ Елладію, епи-
 скопу Кесарійскому (477). 106. Къ нему же (478). 107. Къ Прокопію (478).
 108. Къ нему же (479). 109. Къ нему же (479). 110. Къ Олимпію (480).
 111. Къ нему же (480). 112. Къ нему же (481). 113. Къ нему же (481).
 114. Къ Виріану (482). 115. Къ Олимпію (483). 116. Къ нему же (484).
 117. Къ нему же (485). 118. Къ нему же (485). 119. Къ нему же (486).
 120. Къ нему же (486). 121. Къ Нисовулу (487). 122. Къ Θεодору, епи-
 скопу Тіанскому (487). 123. Къ нему же (488). 124. Къ нему же (488).
 125. Къ неизвѣстному (489). 126. Къ Елладію (490). 127. Къ Африкану
 (490). 128. Къ Стагірію (491). 129. Къ Евстохію софисту (491). 130. Къ
 нему же (492). 131. Къ нему же (493). 132. Къ Евдокію ритору (493).
 133. Къ нему же (494). 134. Къ нему же (494). 135. Къ нему же (495).
 136. Къ Тимоою (496). 137. Къ нему же (497). 138. Къ нему же (498).
 139. Къ Θεодору епископу (499). 140. Къ Θεодору епископу Тіанскому (500).
 141. Къ нему же (501). 142. Къ нему же (501). 143. Къ нему же (501).
 144. Къ нему же (501). 145. Къ нему же (502). 146. Къ Григорію Нисскому
 (502). 147. Къ Нектарію (503). 148. Къ нему же (504). 149. Къ Амфи-
 лохію (504). 150. Къ нему же (505). 151. Къ Постуміану (505). 152.
 Къ Сатурніану (506). 153. Къ нему же (507). 154. Къ Виктору (507). 155.
 Къ нему же (507). 156. Къ Мардарію Военачальнику (508). 157. Къ нему
 же (508). 158. Къ Фотію (509). 159. Къ Елладію (509). 160. Къ Олимпію
 (509). 161. Къ нему же (510). 162. Къ Астерію (511). 163. Къ нему же
 (512). 164. Къ нему же (512). 165. Къ нему же (513). 166. Къ нему же
 (513). 167. Къ Олимпію (514). 168. Къ Григорію Архонту (515). 169. Къ
 Еквиволію (515). 170. Къ Некторію (516). 171. Къ Прокопію (517). 172.
 Къ нему же (517). 173. Къ нему же (517). 174. Къ Филагрію (518). 175.
 Къ нему же (518). 176. Къ нему же (520). 177. Къ нему же (521). 178.
 Къ нему же (522). 179. Къ нему же (522). 180. Къ нему же (522). 181.
 Къ Лолліану (523). 182. Къ Григорію Нисскому (524). 183. Къ Кастору
 (525). 184. Къ Немесію (525). 185. Къ нему же (526). 186. Къ нему же
 (526). 187. Къ нему же (527). 188. Къ Адельфію (527). 189. Къ нему же

(528). 190. Къ нему же (529). 191. Къ Евсевію другу (530). 192. Къ Діоклу (531). 193. Къ Іакову (531). 194. Къ нему же (531). 195. Къ Саннаваландскому братству (332). 196. Къ Палладію (533). 197. Къ Стратигію (533). 198. Къ Кастору (534). 199. Къ Фотію (534). 200. Къ Елладію (534). 201. Къ нему же (535). 202. Къ Сакердоту (536). 203. Къ нему же (536). 204. Къ нему же (537). 205. Къ нему же (537). 206. Къ Евдокію (537). 207. Къ нему же (538). 208. Къ нему же (539). 209. Къ Омофронію (539). 210. Къ нему же (540). 211. Къ Кріаку (540). 212. Къ Валентиніану (541). 213. Къ Θεκτѣ (542). 214. Къ ней же (542). 215. Къ ней же (543). 216. Къ Евагрію (544). 217. Къ Пансофію (545). 218. Къ нему же (545). 219. Къ Θεοδсїю или Θεοδору (545). 220. Къ Θεοдору (546). 221. Къ нему же (547). 222. Къ нему же (547). 223. Къ неизвѣстному (548). 224. Къ неизвѣстному (548). 225. Къ Урсу (548). 226. Къ Эмлевиху (549). 227. Къ Македонію (549). 228. Къ Авлавію (550). 229. Къ Мелетію (550). 230. Къ Аппсїю (551). 231. Къ Олимпіану (551). 232. Къ Георгію (551). 233. Къ Петру (552). 234. Къ Θεοτεκну (552). 235. Къ Гражданскимъ начальникамъ (553). 236. Къ Евланкію (553). 237. Къ Θεκτѣ (554). 238. Къ Ливанію софисту (554).

Алфавитный указатель—стр. 555—596.

Оглавленіе—стр. I — IV.